ИСТОРІЯ
ГОРОДА МОСКВЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Забѣлина

НАПИСАННОЕ

по порученію Московской Городской Думы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Второе изданіе (автора) исправленное и дополненное съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовск. ул., с. д.
Москва—1905.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 4 декабря 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Московская Городская Дума еще въ 1877 г. по предложенію почтеннѣйшаго своего гласнаго Н. А. Найденова въ засѣданіи мая 25 озаботилась необходимостью имѣть подробное историческое описаніе города Москвы. Въ отвѣтъ на это предложеніе, очень сочувственно принятое и Городскимъ Головою С. М. Третьяковымъ, тогда же (10 іюня) для обсужденія этого дѣла была избрана особая Комиссія въ составѣ предсѣдателя Н. А. Найденова и членовъ: И. С. Аксакова, В. Д. Аксенова, П. Н. Батюшкова, А. П. Богданова и Д. А. Наумова.

Кромѣ Н. А. Найденова, положившаго благое начало этому городскому предпріятію, живѣйшее участіе въ его обсужденіи и разъясненіи и въ постановкѣ всего дѣла на правильную твердую дорогу принималъ также гласный Думы М. П. Щепкинъ, издававшій въ то время Извѣстія Городской Думы.

Вопросъ обсуждался неторопливо, и въ 1880 г. Комиссія представила въ Думу докладъ, опредѣлявшій слѣдующія предположенія:

„Всѣ сколько-нибудь извѣстныя описанія Москвы, издававшіяся до сего времени, далеко не обнимаютъ собою всѣхъ свѣдѣній, которыя должны найти мѣсто въ полномъ описаніи; что послѣднее во всякомъ случаѣ должно быть подробнымъ во всѣхъ отношеніяхъ—историческомъ, топографическомъ, статистическомъ; что такое обширное ученое предпріятіе не можетъ быть исполнено непосредственно силами Городского Управленія, а должно быть поручено постороннимъ лицамъ; что городъ долженъ принять на себя въ этомъ предпріятіи участіе только матеріальное...“

Затѣмъ Комиссія указывала, что первымъ дѣломъ этого предпріятія должно быть собраніе и разработка еще никѣмъ нетронутаго архивнаго матеріала съ составленіемъ надлежащей программы для предстоящихъ работъ.

Въ самомъ началѣ 1881 г. руководство этимъ дѣломъ и составленіе самаго описанія Москвы Дума возложила на автора предлежащей книги, который и составилъ требуемую программу или краткій обзоръ предметовъ и темъ, долженствующихъ занять свое мѣсто въ предположенномъ описаніи города. Эта программа заключала въ себѣ слѣдующее:

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЯ ЗАДАЧИ

историко-археологическаго и статистическаго описанія города Москвы.

Общая задача этого труда обнимаетъ подробную исторію и статистику города Москвы, то-есть ходъ его историческаго развитія съ первыхъ временъ и обзоръ его состоянія въ послѣдовательные періоды его жизни во всемъ объемѣ его бытія и быта политическаго и религіознаго, умственнаго и нравственнаго, общественнаго и домашняго, торговаго и промышленнаго, ремесленнаго и художественнаго, экономическаго или хозяйственнаго и матеріальнаго или строительнаго.

Эта общая задача въ раскрытіи, распредѣленіи и обработкѣ ея подробностей можетъ быть выполнена въ двухъ видахъ:

I. Подъ видомъ историческаго повѣствованія, въ которомъ будутъ представлены полныя и подробныя, но общія обозрѣнія исторіи города и его состоянія въ послѣдовательные періоды этой исторіи, съ присовокупленіемъ историко-археологическаго описанія существующихъ памятниковъ и замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей.

II. Подъ видомъ собранія въ одно цѣлое разнородныхъ матеріаловъ, касающихся исторіи, археологіи и статистики города Москвы:

А) не обработанныхъ, въ составѣ лѣтописныхъ и другихъ сказаній, разнаго рода актовъ, документовъ, дѣловыхъ записокъ и другихъ бумагъ, и

Б) обработанныхъ, въ составѣ особыхъ изслѣдованій, изысканій, описаній, извлеченій, сокращеній изъ дѣловыхъ архивныхъ бумагъ по различнымъ крупнымъ и мелочнымъ частнымъ вопросамъ и задачамъ исторіи, археологіи и статистики города.

Отдѣлъ историческаго повѣствованія, или общаго историко-археологическаго и статистическаго описанія города, и этотъ второй отдѣлъ частныхъ спеціальныхъ изслѣдованій и собранія матеріаловъ по исторіи и статистикѣ города Москвы будутъ имѣть въ виду слѣдующія задачи:

Москва-Городъ прежде всего есть мѣсто и жилище, стѣны и дома; поэтому первая изъ частныхъ задачъ предположеннаго труда заключается въ исторіи постепеннаго топографическаго распространенія города, начиная съ его первосельцевъ, аборигеновъ этой мѣстности.

Сюда входятъ всѣ дробныя исторіи каждаго городского мѣста-урочища, каждаго храма, въ смыслѣ основы поселенія, каждой площади, улицы, переулка, по возможности каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго двора и дома, съ показаніемъ происходившихъ перемѣнъ въ расположеніи и устройствѣ заселеннаго пространства.

Сюда входятъ: исторія и способы постройки городскихъ стѣнъ, воротъ и башенъ; способы постройки домовъ, устройства дворовъ, садовъ, прудовъ, огородовъ; способы мощенія улицъ, способы ихъ освѣщенія въ ночное время; способы уборки нечистотъ; способы предупрежденія и тушенія пожаровъ; способы водоснабженія и, вообще, исторія и статистика всѣхъ статей и порядковъ, служившихъ внѣшнему строительному городскому благоустройству.

Съ другой стороны, общая задача разсматриваетъ Москву, какъ совокупность людского общежитія. Это городъ-люди съ ихъ занятіями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами, съ

устройствомъ и уставомъ ихъ городского быта и управленія во всѣхъ его видахъ и потребностяхъ.

Историческій и статистическій обзоръ этихъ подробностей самъ собою распредѣляется на многіе отдѣлы и особыя статьи.

Впереди другихъ здѣсь должна стоять исторія городского правительства и управленія или исторія городской власти, земской, посадской и государевой. Сюда относятся:

Виды и порядки самоуправленія въ древнее время.

Устройство Приказнаго управленія.

Исторія главныхъ начальниковъ Москвы и ихъ дѣятельность на пользу города.

Исторія Московской Полиціи, какъ особаго учрежденія.

Исторія Городской Думы, какъ особаго учрежденія.

Исторія и статистика городского хозяйства, поскольку онѣ выражаются въ числовыхъ данныхъ городского бюджета. Городскіе смѣты и отчеты. Городскіе доходы и расходы. Городскіе капиталы. Законы, правительственныя и административныя мѣры и распоряженія, касающіяся городского хозяйства.

Исторія Управъ купечества, мѣщанства и ремесленныхъ цеховъ. Исторія и статистика ихъ хозяйства.

Составъ городского населенія и его статистика съ древняго и до послѣдняго времени.

Городское землевладѣніе.

Тяглое и свободное населеніе, посадское и служилое.

Тяглыя, бѣлыя, церковныя и крѣпостныя земли.

Внутреннее устройство посадскаго населенія.

Слободы и Сотни: торговыя (гостиная, суконная Сотни), промышленныя, ремесленныя, казенныя и черныя или земскія. Ямскія и стрѣлецкія слободы. Ихъ земли.

Исторія и статистика каждой Слободы и Сотни въ отдѣльности.

Братскіе съѣзжіе дворы.

Иноземческія Слободы и мѣста поселеній: Нѣмецкія, Армянскія, Грузинскія, Цыганскія, колонія Французовъ и пр.

Исторія Стрѣлецкаго населенія какъ гарнизона Москвы. Послѣдующая исторія военной комендантской части. Военные постои и казармы.

Исторія церковныхъ приходовъ, существующихъ и упраздненныхъ. Историко-археологическое описаніе храма въ каждомъ приходѣ. Церковная земля. Составъ причта.

Составъ приходскаго населенія съ указаніемъ извѣстныхъ и знатныхъ личностей, жившихъ въ приходѣ. Такъ какъ многіе приходы были собственно городскими слободами, то ихъ исторія необходимо сливается съ исторіей упомянутыхъ слободъ.

Уставы, порядки и обычаи приходскаго общежитія. Приходское призрѣніе бѣдныхъ и другія дѣла и дѣйствія приходскаго міра.

Приходскія кладбища.

Убогіе домы.

Исторія существующихъ загородныхъ кладбищъ съ указаніемъ извѣстныхъ памятныхъ и знатныхъ лицъ, погребенныхъ на каждомъ кладбищѣ.

Исторія Московскихъ монастырей, существующихъ и упраздненныхъ.

Историко-археологическое описаніе храмовъ и всѣхъ другихъ памятниковъ древняго и новаго времени въ каждомъ монастырѣ.

Монастырскія кладбища.

Городскія монастырскія земли и подворья.

Приходскіе и монастырскіе праздники, крестные ходы, особые мѣстные церковные обряды.

Исторія Московскихъ блаженныхъ, юродивыхъ, затворниковъ

и другихъ лицъ древняго благочестія, пользовавшихся общею извѣстностью.

История Московскаго нищенства.

Исторія и статистика Московской благотворительности и попечительства о призрѣніи бѣдныхъ и нищихъ.

Попечительство о тюрьмахъ.

Благотворительныя учрежденія: богадѣльни, пріюты, школы и пр.

Исторія благотворительныхъ обществъ, каждаго въ отдѣльности.

Исторія больницъ каждой въ отдѣльности.

Исторія врачебнаго искусства въ Москвѣ. Извѣстные и знаменитые Московскіе врачи. Лѣчебныя заведенія.

Исторія Московскихъ аптекъ.

Исторія и статистика Московскаго торга.

Мѣстоположеніе главнаго торга.

Гостиные дворы.

Торговые ряды.

Торговыя мѣста по улицамъ и площадямъ города.

Мелочной торгъ становой и ходячій, разносный.

Исторія и статистика каждаго товара въ отдѣльности.

Способы торговли.

Торговые нравы и обычаи.

Свѣдѣнія объ извѣстныхъ и знатныхъ торговцахъ съ древняго времени.

Исторія капиталовъ. Исторія Биржи.

Связи Московской торговли съ иноземными и Русскими городами.

Исторія цѣнъ на товары и всякаго рода припасы и матеріалы съ древняго и до позднѣйшаго времени.

Исторія и статистика городскихъ промысловъ: извозъ, постоялые дворы, съѣстныя лавки, харчевни, трактиры, рестораны, хлѣбопекарни и пр.

Питейная продажа: квасы, меды, вина, пиво, погребки фруктовые, овощные и питейные, питейные дома.

Свѣдѣнія о заведеніяхъ этого рода, пользовавшихся славою и извѣстностью.

Исторія и статистика Московскаго садоводства и огородничества *).

Охотный рядъ, какъ средоточіе всякаго рода охотничьихъ промысловъ.

Ловля и продажа пѣвчихъ птицъ, соловьиная охота, голубиная охота.

Пѣтушьи и гусиные бои.

Исторія и статистика въ отдѣльности всякаго ремесла и мастерства, издѣлія, производства.

Дѣло: золотое, серебряное, сусальное, мѣдное, котельное, колокольное, пушечное, кузнечное, бронное, желѣзно-рѣзное, слесарное, оружейное, плотничье, столярное, деревянно-рѣзное, токарное, каменное, каменно-рѣзное, кирпичное, изразцовое и проч.

Портное, сапожное, башмачное, шорное и проч.

Монастырскія рукодѣлія.

Фабрики и заводы.

Свѣдѣнія объ извѣстныхъ и славныхъ по времени мастерахъ, ремесленникахъ, фабрикантахъ, заводчикахъ.

---

*) Опытъ обработки этого предмета см. въ нашихъ „Опытахъ изученія Русскихъ древностей и исторіи". М., 1873, часть 2, стр. 266—350.

Исторія художествъ въ ихъ Московскомъ развитіи и характерѣ.

Зодчество деревянное и каменное, церковное и гражданское.

Иконопись и живопись.

Гравированіе.

Художественныя школы и училища, древнія и новыя. Свѣдѣнія о художникахъ и мастерахъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ.

Краткія обстоятельныя жизнеописанія извѣстныхъ и славныхъ Московскихъ художниковъ. Указаніе и описаніе ихъ произведеній.

Исторія Московскихъ картинныхъ галлерей и другихъ собраній произведеній искусства, общественныхъ и частныхъ, бывшихъ и существующихъ. Каталоги этихъ собраній, полные или въ общемъ обзорѣ. Извѣстные и малоизвѣстные собиратели.

Антикварныя лавки и магазины древнихъ и новыхъ произведеній художества.

Исторія и статистика грамотности и образованности въ Москвѣ.

Первыя училища.

Славяно-Греко-Латинская Академія.

Духовныя училища.

Первая Европейская школа на Сухаревой башнѣ.

Свѣтскія казенныя и частныя училища послѣдующаго времени: городскія училища, пансіоны, гимназіи, музыкальныя училища и др.

Университетъ.

Ученыя и Литературныя Общества.

Опыты публичнаго преподаванія.

Извѣстные и славные проповѣдники, соборные и приходскіе.

Исторія и статистика книжной торговли.

Извѣстныя мѣста этой торговли. Книжныя лавки и магазины.

Извѣстные и малоизвѣстные книгопродавцы, ихъ дѣятельность на пользу книжнаго дѣла.

Извѣстные и малоизвѣстные издатели полезныхъ книгъ и ихъ заслуги на пользу просвѣщенія.

Исторія и статистика типографій и литографій, объемъ ихъ производства и количества изданныхъ книгъ, эстамповъ, картинъ и пр.

Литература въ Московскомъ обликѣ. Журналы и газеты отъ перваго времени.

Исторія литературныхъ Московскихъ приходовъ или кружковъ.

Московское масонство и его литература. Масонскія пѣсни.

Простонародная Московская литература и ея лубочныя изданія.

Промышленно-книго-продавческая литература.

Исторія и статистика Московскихъ библіотекъ, печатныхъ и рукописныхъ, общественныхъ и частныхъ, бывшихъ и существующихъ. Извѣстные и малоизвѣстные собиратели книгъ и рукописей.

Московская исторія старо-обрядства. Старо-обрядческая литература. Старо-обрядческіе монастыри, кладбища, богадѣльни.

Исторія разнороднаго сектаторства въ Москвѣ.

Хроника общественной жизни въ Москвѣ *).

Исторія и мѣста народныхъ гуляній и разныхъ увеселеній, городскихъ и загородныхъ, отъ древняго и до послѣдняго времени.

Народныя игры и зрѣлища.

Народныя театральныя представленія.

Балаганы. Репертуаръ народныхъ представленій.

*) Опытъ обработки этого рода свѣдѣній см. въ нашемъ сочиненіи „Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст." въ „Опытахъ изученія Русскихъ древностей и исторіи", ч. 2, стр. 351—506.

Исторія и статистика Московскаго Театра. Казенныя и частныя сцены. Репертуаръ.

Славные артисты и артистки.

Цѣны мѣстамъ.

Хроника пріѣзжихъ артистовъ всѣхъ профессій: музыкантовъ, актеровъ, чудодѣевъ, фокусниковъ и т. п.

Общественныя и частныя увеселительныя собранія и заведенія. Балы, маскарады, концерты и пр.

Исторія Московскаго Благороднаго Собранія.

Исторія и статистика клубовъ, каждаго въ отдѣльности.

Казенные и частные общественные сады, бульвары, увеселительныя мѣста.

Исторія полицейскихъ порядковъ для охраненія городской обывательской безопасности, здоровья и благочинія, съ древняго времени.

Наказы и другія полицейскія постановленія и узаконенія по этому поводу.

Уличныя и воротныя рѣшетки, сторожевыя избы, будки, ночные и денные сторожа.

Уличная служба обывателей. Послѣдующее и современное состояніе полицейскихъ порядковъ. Ихъ уставы и ихъ бытовая практика.

Хроника воровства, мошенничества, грабежей, разбоевъ и всякихъ уголовныхъ дѣлъ.

Особенно памятные воры и разбойники. Мѣста ихъ притоновъ въ Москвѣ и по Московскимъ дорогамъ.

Хроника бѣдствій города. Пожары, бури, наводненія, моровыя язвы, голодъ, нашествія иноплеменныхъ.

Хроника воздушныхъ и вообще метеорологическихъ явленій.

Въ половинѣ того же 1881 г. согласно указанію Комиссіи начались работы но изысканію и разслѣдованію архивнаго матеріала, которыя потомъ въ 1884 г. дозволили издать первую часть „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы“ въ объемѣ 93 печатныхъ листовъ.

Вторая часть въ объемѣ 103 печатныхъ листовъ появилась въ 1891 г., значительно запоздавши, такъ какъ подборъ матеріаловъ для опредѣленной цѣли, именно по исторіи церквей, очень медлительно поддавался настойчивымъ работамъ.

Послѣ изданія этой второй части матеріаловъ редакторъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее ихъ изданіе съ бо́льшею экономіею и пользою должно составляться въ обработанномъ видѣ, т.-е. въ извлеченіяхъ только однихъ фактическихъ свѣдѣній, устраняя канцелярскія формальности, которыя безпрестанными повтореніями одного и того же и разныхъ титуловъ напрасно обременяютъ содержаніе старинныхъ бумагъ. При этомъ и фактическія свѣдѣнія должны группироваться или подбираться въ отдѣлы, указанные программою.

Само собою разумѣется, что такое собираніе матеріаловъ по крупицамъ, особо въ каждый отдѣлъ или на каждую тему, требуетъ, кромѣ усердной работы, и много-премного времени.

Вотъ причина той медлительности въ этой работѣ, какая донынѣ продолжается относительно изданія собираемыхъ матеріаловъ.

Въ ожиданіи достаточнаго накопленія этихъ матеріаловъ, редакторъ приступилъ и къ изложенію самой исторіи „Города Москвы“.

Эта задача по своему содержанію столь обширна, разнообразна и сложна и настолько мелочна въ своей обработкѣ, что выполнить ее въ желанномъ порядкѣ возможно только въ теченіи долгаго времени, главнымъ образомъ по той причинѣ, что не существуетъ полныхъ подробныхъ источниковъ, и исторію приходится собирать по крупицамъ, разсѣяннымъ во множествѣ книгъ и рукописей, не говоря объ архивномъ матеріалѣ, гдѣ и самыя крупицы добываются съ утратою премногаго времени.

По тѣмъ самымъ причинамъ и предлежащая книга потребовала не малаго времени для ея обработки и выходитъ гораздо позднѣе, чѣмъ предполагалъ авторъ.

Должно замѣтить, что при изложеніи разсказа авторъ имѣлъ въ виду основныя указанія составленной имъ программы и потому вдавался по мѣстамъ во многія мелочныя статистическія, бытовыя и другія подробности, опредѣлявшія характеръ излагаемыхъ фактовъ или событій. Такія подробности хотя и обременяютъ теченіе рѣчи, но зато всегда болѣе или менѣе ярко окрашиваютъ бытъ населенія.

Исторію города сооружали люди, поэтому о нихъ больше, чѣмъ о стѣнахъ и разныхъ постройкахъ, долженъ говорить и, историкъ. Вотъ основанія, почему авторъ отдѣлилъ не малое мѣсто и для біографій домовладѣльцевъ. Мѣстами авторъ не могъ также избѣжать нѣкоторыхъ повтореній, оставляемыхъ для необходимой обстоятельности описаній.

Къ этому второму изданію нашей книги мы присовокупляемъ собраніе рисунковъ, помѣщаемыхъ отчасти въ самомъ текстѣ и затѣмъ въ особомъ Альбомѣ Старинныхъ Видовъ Кремля.

По этому поводу приносимъ глубокую благодарность А. В. Орѣшникову за его любезное и заботливое сотрудничество при содѣйствіи А. И. Станкевича по изысканію упомянутыхъ Видовъ и въ особенности за составленный имъ списокъ этихъ Видовъ съ указаніями источниковъ, откуда они заимствованы. Здѣсь мы и помѣщаемъ этотъ списокъ въ качествѣ указателя собранныхъ рисунковъ.

Альбомъ старинныхъ видовъ Московскаго Кремля.

№ I. Планъ Кремля съ птичьяго полета. Съ гравюры, помѣщенной въ изданіи „Second volume de la Géographie Blaviane. A Amsterdam, chez Jean Blaeu, 1663“. Награвированное на планѣ изображеніе замка (т.-е. Кремля) въ томъ положеніи и размѣрѣ, въ какомъ онъ былъ при в. кн. Борисѣ Өедоровичѣ, посвящено царю Алексѣю Михайловичу.

№ II. 1. Планъ Кремля 1610 г., взятый изъ плана Москвы, гравированнаго Лукою Киліаномъ въ 1610 г. съ рисунка художника I. G. P. A. (буквы I и G въ видѣ монограммы), который посвящаетъ этотъ планъ „счастливому успѣху похода на Московію свѣтлѣйшаго и могущественнѣйшаго властителя Сигизмунда Ш, короля Польскаго“. Н. Бокачевъ, въ „Каталогѣ Русской исторической и археологической библіотеки“, т. 2-й, вып. II—III, стр. 54, по поводу этого плана Москвы пишетъ слѣдующее: Издателемъ подлиннаго листа былъ Іоаннъ Людвигъ Готфридъ, псевдонимъ, обозначившій подъ посвященіемъ свое настоящее имя начальными буквами I. P. A. и маленькимъ G, спрятаннымъ за букву I (Johann Philipp Abelin-Gottfrid). Впослѣдствіи онъ издалъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ атласовъ съ гравюрами М. Меріана, въ томъ числѣ и „Архонтологію Космики“, напечатанную въ первый разъ въ 1629 году на латинскомъ языкѣ; но Московіи въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ Киліана, Готфридъ не помѣстилъ ни въ одномъ изъ своихъ изданій. Въ 1618 году въ шестомъ томѣ Брауновой книги „Civitates orbis terrarum“ появилась первая копія съ Киліановой Москвы, уменьшенная почти на половину противъ своего оригинала, и въ 1682 году Иванъ Янсоній перепечаталъ эту копію въ „Tooneel der vermaarste Koopsteden“...

Объясненіе цифръ плана награвировано сбоку на латинскомъ языкѣ: 1. Замокъ Великаго Князя, называемый Царь-городъ (т.-е. Кремлевскія стѣны). 2. Новыя полаты Великаго Князя. 3. Церковь св. Михаила (?). 4. Патріаршія полаты или дворъ. 5. Высокое мѣсто (cœnaculum), построенное изъ кирпича, откуда Великій Князь показывается народу или откуда провозглашаются народу указы Великаго Князя (Лобное мѣсто). 6. Шалаши или лавки, гдѣ продаются шкуры (мѣха) разнаго рода звѣрей и другіе товары.

2. Планъ Кремля XVIII ст., гравированный Скельтеномъ съ оригинала Камнорези изъ книги Clarc'a, Travels in various countries, London, 1811.

Объясненіе буквъ и цифръ награвировано на планѣ на англійскомъ языкѣ: A. Рѣка Москва. B. Теченіе Неглинной. C. Троицкія ворота. C[a]. Этотъ проходъ нынѣ запертъ. C[b]. Теперешній входъ. D. Никольскія ворота. E. Древніе валы, нынѣ исправляемые. F. Старый Арсеналъ, нынѣ возстановляемый.

G. Старый Университетъ, теперь зданіе Присутственныхъ мѣстъ. H. Казанскій соборъ. J. Полицейское Управленіе. K. Лавки (Гостинный дворъ). L. Соляной складъ. M. Площадь передъ Кремлемъ (Красная площадь). N. Мѣсто, съ котораго была срисована церковь Василія Блаженнаго. O. Новыя лавки, здѣсь выстроенныя. P. Здѣсь раньше стояла артиллерія. Q. Мѣсто, на которомъ служатъ молебны во время процессій (Лобное мѣсто). R. Церковь Василія Блаженнаго. S. Мѣсто для найма экипажей. T. Рыбный рынокъ. V. Церковь Спасителя. W. Церковь св. Николая. X. Жилища церковнослужителей. Y. Зеленые дома, принадлежащіе казнѣ. — I. Башня съ водокачками для садовъ. II. Церковь Благовѣщенія. III. Жилые дома. IV. Церковь муч. Уара. V—VI. Дома церковнослужителей. VII. Церковь св. Константина. VIII. Дома церковнослужителей. IX. Башня. X. Придворныя конюшни. XI. Мѣсто для развлеченій царской фамиліи (Потѣшный дворецъ). XIII. Площадь или дворъ. XIV. Старый дворецъ (дворъ) князя Трубецкаго. XV. Здѣсь строится новое зданіе Сената. XVI. Чудовъ монастырь. XVII. Вознесенскій монастырь. XVIII. Кирилловскій монастырь (of Civilians?), теперь разрушенный. XIX. Тоже. XX. Домъ графа Шереметева (? Schwenstof), теперь разрушенный. XXI. Старое зданіе Приказовъ, теперь разрушенное. XXII. Нѣкогда Коллегіи, теперь здѣсь стоитъ артиллерія. XXIII. Церковь Черниговской Б. М. XXIV. Яма съ большимъ колоколомъ. XXV. Колокольня Иванъ Великій. XXVI. Церковь св. Николая. XXVII. Архангельскій соборъ. XXVIII. Успенскій соборъ. XXIX. Церковь 12 Апостоловъ. XXX. Синодъ. XXXI. Церковь, нынѣ разрушенная. XXXII. Домъ коменданта. XXXIII. Церковь св. Троицы. XXXIV. Коллегія экономіи. XXXV. Старый дворецъ царей, нынѣ Оружейная полата. XXXVI. Казенныя зданія. XXXVII. Кухни. XXXVIII. Царская часовня. XXXIX. Золотая рѣшетка или палисадъ. XL. Тронная зала (Грановитая Полата). XLI. Красное крыльцо (лѣстница). XLII. Императорскій дворецъ, теперь строящійся. XLIII. Постройки, теперь разрушаемыя. XLIV. Внутренняя церковь. XLV. Магазинный (складочный) дворъ. XLVI. Первая христіанская церковь, воздвигнутая въ Москвѣ (Спасъ на Бору). Масштабъ.

№ III. Видъ Кремлевской стѣны XVII ст. со стороны Красной площади отъ Спасскихъ воротъ до Неглинной (Собакиной) башни. По рисунку изъ Альбома Мейерберга 1661—1662 гг. Находящіеся на рисункѣ №№ по описанію Мейерберга: 10. Спасскія (Фроловскія) ворота. 11. Вознесенскій монастырь. 12. Троицкій монастырь (подворье). 13. Церковь св. Сергія. 14. Домъ Бориса Михайловича Лыкова. 15. Никольскія ворота. 16. Неглинная башня на р. Неглинной. 17. Лобное мѣсто. 18. Земскій приказъ, на которомъ находятся двѣ большія мѣдныя пушки, имѣющія каждая въ діаметрѣ 2 ф. 5 д. нѣмецкой мѣры или одинъ московскій локоть. Одна изъ этихъ пушекъ отлита при Иванѣ Грозномъ, другая—при Ѳедорѣ Ивановичѣ.

№ IV. Видъ на Кремль изъ за Москвы-рѣки начала XVIII ст. Часть панорамы Москвы, гравированной Пикаромъ при Петрѣ Великомъ до 1715 г. (см. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ, стр. 776) [1].

---

[1] Петръ Пикардъ рисовальнаго и грыдорованнаго дѣла мастеръ былъ пасынокъ извѣстнаго гравера Адр. Шхонебека, по просьбѣ котораго и поступилъ на

№ V. Видъ части Кремля изъ за Москвы-рѣки конца XVIII ст. Съ акварельнаго рисунка Фр. Кампорези, конца XVIII в. Оригиналъ находится въ Спасо-Виѳанскомъ монастырѣ, въ покояхъ митрополита Платона. По снимку, находящемуся въ изд. Н. А. Найденова „Москва, снимки съ видовъ мѣстностей, храмовъ, зданій и др. сооруженій. Москва, 1886 г.“.

№ VI. Видъ на Кремль изъ Замоскворѣчья конца XVIII ст. Съ акварельнаго рисунка Гваренги 1786 г., хранящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ. На рисункѣ (на знамени, справа) надпись: „Видъ Кремля съ нѣкоторыми древними строеніями и висячими садами“.

№ VII. 1. Соборная площадь XVIII ст. Соборы, Грановитая полата съ Краснымъ крыльцомъ, колокольня Ивана Великаго. Съ акварели Гваренги Екатерининскаго времени, хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

2. Видъ Кремля отъ Каменнаго моста. Средняя часть гравюры Эйхлера съ рисунка Делабарта 1794 г.

№ VIII. Видъ Кремля отъ Каменнаго моста. Съ литографіи, находящейся въ изданіи „Vues de Moscou, dediées à Sa Majesté Alexandre I..., dessinées par A. Cadolle. Paris, 1825“.

№ IX. Видъ Кремля съ юго-западной стороны. Съ литографіи неизвѣстнаго художника 1830-хъ годовъ.

№ X. Видъ на Кремль отъ Воспитательнаго дома. Съ литографіи, находящейся въ изданіи „Vues de Moscou, dediées à Sa Majesté Alexandre I..., dessinées par A. Cadolle. Paris, 1825“.

№ XI. Видъ разрушенной въ 1812 г. части Кремля: Никольской и Неглинной башенъ, Арсенала и др. зданій. Съ рисунка тушью того времени, принадлежащаго И. Е. Забѣлину.

№ XII. Видъ Красной площади съ Никольскими воротами, Неглинною башнею, Воскресенскими воротами, Казанскимъ соборомъ, Торговыми рядами и пр. Съ акварельнаго рисунка, снятаго съ картины масляными красками 1781 г., работы Гильфердинга, принадлежавшей князю А. Б. Лобанову-Ростовскому. По изданію Н. А. Найденова „Москва, снимки съ видовъ, мѣстностей и пр. М., 1886 г.“

№ XIII. Соборная площадь XVII ст. Видъ на соборы, Грановитую и Золотую полаты и другія зданія дворца въ Кремлѣ. Съ рисунка, находящагося въ рукописи „Избраніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича“, писан-

---

службу въ Оружейную полату по государеву указу 24 февраля 1702 г. (Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ, А. Викторова, стр. 477).

ной въ 1672 г. и хранящейся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. По изданію Н. А. Найденова „Москва, снимки съ видовъ мѣстностей и проч. М. 1886 г.“

№ XIV. 1. Видъ на царскіе терема и церковь Спаса на Бору. Съ акварельнаго рисунка Гваренги 1797 г., хранящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

2. Видъ на терема, церковь Спаса на Бору и Императорскій дворецъ. Съ литографіи, находящейся въ изданіи „Vues de Moscou, dediées à Sa Majesté Alexandre I..., dessinées par A. Cadolle. Paris, 1825“.

№ XV. 1. Иванъ Великій и зданія, стоящія возлѣ него. Съ гравюры по рисунку Кампорези 1809 г., находящейся въ книгѣ Clarc'a „Travels in various countries. London, 1811“.

2. Царь-колоколъ въ ямѣ, прикрытой досками. Съ гравюры въ книгѣ Clarc'a „Travels in various countries. London, 1811“.

№ XVI. Видъ разрушенныхъ въ 1812 г. зданій возлѣ колокольни Ивана Великаго. Съ акварельнаго рисунка, принадлежавшаго А. П. Бахрушину. Подъ рисункомъ находится слѣдующая надпись: „На немъ (т.-е. на Иванѣ Великомъ) надпись такова: Изволеніемъ Божіимъ св. Живоначальныя Троицы построенъ при Благовѣрномъ Государѣ царѣ Борисѣ Өеодоровичѣ Годуновѣ и при сынѣ его Өедорѣ Борисовичѣ 1591—1598 конченъ, 7 лѣтъ слѣдовательно строился. Въ каковомъ видѣ я видѣлъ 25 генваря 1813 года. Бакаревъ“.

№ XVII. 1. Посольскій Приказъ. На первомъ планѣ, слѣва, изображено поднятіе на колокольню Ивана Великаго большого колокола въ 11.000 пудовъ. Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1674 г. шведскимъ капитаномъ Эрикомъ Пальмквистомъ.

2. Красныя или Колымажныя (Гербовыя) ворота на Царскій дворецъ отъ Боровицкихъ воротъ Кремля. По рисунку изъ „Русской Старины“ Мартынова. Москва, 1846 г.

№ XVIII. 1. Видъ церкви Рождества св. Іоанна Предтечи въ Кремлѣ, разобранной по повелѣнію имп. Николая I въ 1847 г. По рисунку изъ „Русской Старины“ Мартынова. Москва, 1847 г.

2. Чудовъ монастырь. Съ акварельнаго рисунка въ рукописномъ сборникѣ 1764—65 гг., написанномъ бывшимъ дьячкомъ церкви св. Троицы на Арбатѣ Василіемъ Алексѣевымъ. Рукопись принадлежитъ Историческому Музею.

№ XIX. 1. Вознесенскій монастырь.

2. Церковь 12 Апостоловъ (Святѣйшій Синодъ). Оба акварельныхъ рисунка находятся въ рукописномъ сборникѣ Историческаго Музея 1764—65 гг.

№ XX. Мѣстность внутри Кремля къ Спасскимъ воротамъ: Архіерейскій домъ, Ховринская церковь, Спасскія ворота, соборъ Николы Гостунскаго. Съ гравюры Ламинита по рисунку Делабарта 1795 г.

№ XXI. 1. Видъ прежней Оружейной полаты и Троицкихъ воротъ. Съ хромолитографіи, находящейся въ альбомѣ видовъ Москвы, изд. Даціаро, 1845—50 гг.

2. Потѣшный Дворецъ. Съ акварельнаго рисунка начала XIX ст., принадлежащаго И. Е. Забѣлину.

Рисунки въ текстѣ.

Стр. 78. Видъ теремовъ и церкви Спаса на Бору. Гравюра 1809 г. по рисунку Фр. Кампорези изъ книги „Travels in various countries of Europe etc., by Clarc. London, 1811".

Стр. 179. Внутренній видъ Грановитой полаты послѣ пожара 1812 г. (Chamber of the Throne). Гравюра Леджа по рисунку Джемса (1813—14). Изъ книги „Journal of a tour in... Russia... during the years 1813 and 1814, by James. London, 1816".

Стр. 418. Видъ на Кремль и Троицкій мостъ, снятый въ самомъ началѣ XVIII ст. Изъ книги „Cornelis de Bruins Reizen over Moscovie door Persie etc. Amsterdam, 1714".

Пять рисунковъ изъ изданія „Виды Москвы, изданные Академіею Наукъ (въ 1755—1761 гг.) по снимкамъ ея ландкартнаго мастера М. Махаева":

Стр. 149. Красное Крыльцо и Грановитая Полата.

Стр. 173. Видъ Новаго дворца въ Кремлѣ съ южной стороны.

Стр. 174. Новый Императорскій дворецъ съ галлереями Стараго дворца.

Стр. 413. Никольскія ворота въ Кремлѣ съ частью Цейхгауза (Арсенала).

Стр. 645. Воскресенскія ворота между Библіотекою и Монетнымъ дворомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

къ № 1, къ древнему плану Кремля временъ Бориса Годунова.

1. Фроловскія (Спасскія) ворота.
2. Вознесенскій монастырь.
3. Дворъ Ѳед. Ив. Шереметева.
4. Кирилловское подворье.
5. Крутицкое подворье.
6. Дворъ Хобро, Оружейный дворъ.
7. Разбойный Приказъ.
8. Дворъ Ив. Вас. Сицкаго.
9. Дворъ Ѳед. Ив. Мстиславскаго.
10. Приказы.
11. Посольскій приказъ.
12. Храмъ Михаила Архангела.
13. Тайницкія ворота.
14. Казенный дворъ.
15. Храмъ Благовѣщенія.
16. Царскій дворецъ, а) новыя постройки на Взрубѣ.
17. Боровицкія ворота.
18. Троицкія ворота и каменный мостъ.
19. Дворъ патріарха (и церковь Соловецкихъ Чудотворцевъ).
20. Успенскій соборъ.
21. Дворъ Цареборисовскій.
22. Троицкое подворье.
23. Храмъ Рождества Христова, подъ колоколами.
24. Иванъ Великій.
25. Большой колоколъ.
26. Чудовъ монастырь.
27. Дворъ Богдана Яковл. Бѣльскаго.
28. Дворъ Андр. Петр. Клешнина.
29. Дворъ Сем. Никит. Годунова.
30. Дворъ Дм. Ив. Годунова (съ церковью Бориса и Глѣба).
31. Дворъ Триг. Вас. Годунова.
32. Никольскія ворота.
33. Новоспасское подворье.
34. Церковь Козмы и Дамьяна.
35. Церковь Воздвиженья на дворѣ Ховриныхъ.
36. Дворъ князей Черкасскихъ.
37. Никола-Гостунскій.
38. Церковь Константина и Елены.
39. Церковь св. Петра митр. на Угрѣшскомъ подворьѣ.
40. Поповскіе дворы.
41. Церковь св. Христофора.
42. Храмъ Черниговскихъ Чудотворцевъ.
43. Симоновское подворье.
44. Церковь Входа во Іерусалимъ.
45. Спасъ на Бору.
46. Дворцовыя зданія на Взрубѣ.
47. Церковь Іоанна Предтечи.
48. Аргамачьи конюшни.
49. Церковь Рождества Богородицы во Дворцѣ.
50. Церковь Великомуч. Екатерины во Дворцѣ.
51. Церковь Ризположенія.
52. Грановитая полата.
53. Набережныя полаты.
54. Церковь Пятницы.
55. Дворъ князей Трубецкихъ.
56. Василій Блаженный.
57. Церковь на рву, на крови казненныхъ.
58. Торговые ряды.
59. Неглининскій мостъ.
60. Пушка у Никольскихъ воротъ.
61. Земскій дворъ.
62. Константино-Еленскія ворота и ихъ отводная башня.
63. Ровъ.
64. Портомойныя ворота.
65. Водяныя ворота.

ИСТОРІЯ ГОРОДА МОСКВЫ.

I.

ПЕРВОБЫТНОЕ ВРЕМЯ.

«Приди ко мнѣ, брате, въ Москову!»...

«Буди, брате, ко мнѣ на Москву!»

Таково *первое* и самое достопамятное лѣтописное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ словомъ первый же устроитель древне-суздальской земли, Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогого своего гостя и союзника, Сѣверскаго князя Святослава Ольговича, того самаго Святослава, сынъ котораго Игорь прославился въ послѣдующее время несчастнымъ походомъ на Половцевъ (въ 1185 г.) и воспѣтъ въ знаменитой пѣснѣ о полку Игоревѣ.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный лѣтописцами въ повѣствованіи о событіяхъ 1147 года, служитъ въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія Русской народности.

«Приди ко мнѣ въ Москову! Буди ко мнѣ на Москву!»

Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя Русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Въ то время оба князя, и Юрій, и Святославъ, вели горячую усобицу со своими же родными князьями, Кіевскими Мстиславичами и Черниговскими Давыдовичами, за раздѣлъ волостей, за Кіевскій великокняжескій столъ, особенно за Святославова брата Игоря Ольговича, которому по порядку наслѣдованія доставалось Кіевское старшинство, а этому особенно и противились и Мстиславичи, и Давыдовичи. Оба князя помогали другъ другу и оба не всегда были счастливы въ кровавой борьбѣ.

На этотъ разъ особенно не посчастливилось Святославу Ольговичу. Онъ прибѣжалъ въ Лѣсную Суздальскую землю безпріютнымъ изгнанникомъ, ограбленнымъ и разореннымъ до нитки. Князья родичи, злѣйшіе его враги, изъ конца въ конецъ опустошили его Новгородсѣверскую волость.

Въ Путивлѣ они разграбили собственную его усадьбу, гдѣ запасовъ всякаго товара было столько, что не можно было двигнуть, т.-е. забрать все разомъ на возы. Одного меду въ погребахъ грабители достали 500 берковцевъ, да 80 корчагъ вина, да захватили въ плѣнъ 700 человѣкъ княжеской дворни и многое множество товару и всякаго имущества. И церковь княжескую, какъ выразился лѣтописецъ, облупили дочиста, пограбили, какъ простую кладовую. Въ стадахъ Святослава и брата его Игоря враги забрали кобылъ стадныхъ 3.000 и 1.000 коней. Напали и на Игорево усадебное сельцо, гдѣ этотъ несчастный князь, вскорѣ потомъ убитый въ Кіевѣ возмутившимися Кіевлянами, на славу устроивалъ свое хозяйство. Было тамъ готовизны (всякихъ запасовъ) много, въ бретьяницахъ и въ погребахъ вина и медовъ, и всякаго тяжелаго товару, и желѣза и мѣди, говоритъ лѣтописецъ. И здѣсь грабители не знали, какъ управиться съ награбленнымъ добромъ, не могли всего вывезти и велѣли потомъ зажечь княжій дворъ, и церковь и княжее гумно, на которомъ оставалось 900 стоговъ жита. Такъ богато бывало хозяйство древнихъ князей и такъ обыкновенно они воевали другъ съ другомъ, распространяя безъ конца свои усобицы и поднимая ненависть и месть на цѣлыя поколѣнія.

Ограбленный и разоренный до конца, Святославъ не зналъ, куда и какъ скрыться отъ нападавшихъ враговъ, и едва успѣлъ захватить съ собой жену и дѣтей. Съ остаткомъ дружины онъ прибѣжалъ къ Суздальской Окѣ на устье Поротвы, куда Юрій

выслалъ ему почетную встрѣчу и богатые дары для всѣхъ прибывшихъ съ нимъ, и для семьи его, и для дружины—*паволокою* и *скорою*, т.-е. разноличными дорогими тканями и дорогими мѣхами. Такъ какъ Смоленскіе князья и Новгородъ держали сторону ихъ общихъ враговъ, то Юрій, чтобы не оставаться безъ дѣла, тутъ же рѣшилъ, по послѣднему зимнему пути, Святославу воевать Смоленскую волость вверхъ по Поротвѣ, а самъ ушелъ воевать Новгородскія волости, гдѣ взялъ Новый Торгъ и повоевалъ всю Мсту, самую богатую изъ Новгородскихъ волостей. Святославъ въ то же время дошелъ до верха Поротвы, гдѣ взялъ городъ *Людогощъ* [1]), захватывая по пути множество плѣнныхъ.

Достаточно было одного мѣсяца, и союзники натворили не мало бѣдъ мирному населенію упомянутыхъ волостей въ месть за то самое, что ихъ враги точно также безъ всякой пощады опустошили волости Святославова княжества. Такова была обычная внутренняя политика разрозненной древней Руси: князья ссорились и дрались, а неповинный народъ долженъ былъ отвѣчать за ихъ ссоры и драки своимъ разореніемъ.

Возвращаясь съ богатою добычею изъ Новаго Торга домой. въ Суздаль, Юрій шелъ черезъ Волокъ Ламской, откуда, вѣроятно, и посылалъ звать добраго союзника въ Москву, на первый Суздальскій станъ, въ свою княжескую усадьбу.

---

[1]) Такъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ читать это сомнительное слово лѣтописи, гдѣ выраженіе „Взя люди голядь“ суть явная описка, ибо слово *взя* можетъ относиться къ городу или къ волости, но едва ли къ людямъ. Первый издатель Ипатскаго списка Лѣтописи, въ которомъ это слово написано слитно: *Людиголядь*, отмѣтилъ при этомъ: „Не имя ли города, находившагося въ верховьѣ Поротвы“? П. С. Р. Л. т. II, стр. 29. Въ Никоновскомъ и въ другихъ спискахъ Лѣтописи вмѣсто слова *Люди* стоитъ: *градъ Голеди*. У Татищева, II, 299, градъ *Голядъ*. Въ послѣдующее время на верху Поротвы существовалъ Вышгородъ, который въ древнее время могъ именоваться *Людогощемъ* или *Людогощью*. Въ древнемъ Новгородѣ одна улица прозывалась *Людгоща* и сокращенно *Люгоща* и *Легоща*. Древнія названія поселковъ съ обозначеніемъ *гощенія*, то-есть гостьбы-торга, встрѣчаются нерѣдко. Таковы, напр.: Домо-гощь, Видо-гощь, Вель-гощь, Диво-гощь, Иро-гощь, Утро-гощь, Угоща, Чадо-гоща и др. Если чтеніе *Людогощь* окажется правильнымъ, то всѣ толки объ особомъ племени Голядовъ на верху Поротвы будутъ излишни тѣмъ болѣе, что древняя Прусская область Голиндовъ слишкомъ далека отъ нашихъ мѣстъ. Она существовала поблизости Балтійскаго моря. Въ нее, быть можетъ, ходилъ в. к. Изяславъ въ 1058 г., когда онъ побѣди Голяди, Голядь, Голяды. Лавр. 70.

Святославъ пріѣхалъ въ малой дружинѣ и съ дѣтятемъ своимъ, малюткою Олегомъ, который посланъ былъ впередъ и когда явился къ Юрью, то на радостяхъ пріѣзда получилъ въ даръ ***пардусъ***, вѣроятно, пестрый красивый мѣхъ барса, употреблявшійся въ походахъ въ видѣ полости или ковра [1]).

Это было 4 апрѣля 1147 г., въ пятницу на пятой недѣлѣ Великаго поста, наканунѣ праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встрѣтились, любезно цѣловались и были веселы, «и тако возвеселишася вкупѣ». На утро Юрій повелѣлъ устроить ***обѣдъ силенъ*** и сотворилъ честь великую дорогимъ гостямъ, одарилъ ихъ всѣхъ, и князей, и дружину, многими дарами. Тутъ же по всему вѣроятію дитя Олегъ былъ сосватанъ отцами на дочери Юрья, такой же малюткѣ, и былъ обвѣнчанъ съ нею спустя три года, въ 1150 году.

Сильный обѣдъ, пиръ великій, долженъ свидѣтельствовать, что Москва уже въ это время представляла такое поселеніе, которое въ избыткѣ могло доставить всѣ хозяйственныя удобства для княжескаго пированья. Какъ видно, это было княжеское хозяйственное ***село***, составлявшее личную собственность князя, ***его вотчину***, а потому можемъ съ большою вѣроятностью предполагать, что княжеское хозяйство этой первичной Москвы было столько же обширно и богато, какъ оно бывало богато и полно и у другихъ владѣющихъ князей въ такихъ же ихъ собственныхъ селахъ. Мы упомянули о хозяйственныхъ городскихъ и сельскихъ запасахъ Святослава Ольговича и его брата Игоря, именно объ Игоревомъ разграбленномъ ***сельцѣ***. Нельзя сомнѣваться, что такимъ же княжескимъ вотчиннымъ ***сельцомъ*** была Юрьева Москва, въ которую онъ звалъ Святослава словами: «Приди ко мнѣ въ Московъ», ясно тѣмъ обозначая, что Москва была его собственнымъ хозяйственнымъ селомъ, исполненнымъ всѣми надобными запасами.

Въ дѣйствительности Московская мѣстность представляла въ первое время много сельскихъ удобствъ для основанія широкаго сельскаго хозяйства. Такъ называемый Великій Лугъ Замоскво-

[1]) Карамзинъ пишетъ, что Олегъ подарилъ Юрью рѣдкаго красотою *парда*. Такъ можно понять изъ словъ Ипатской Лѣтописи, разсказывающей это обстоятельство не совсѣмъ опредѣленно. Воскресенскій списокъ той же Лѣтописи опредѣленно выражается, что—„да ему (Олегу) Юрьи пардусъ“.

рѣчья, лежавшій противъ Кремлевской горы, доставлялъ обширное пастбище для скота и особенно для княжескихъ конскихъ табуновъ. Окружные луга, поля и всполья съ пересѣкавшими ихъ рѣчками и ручьями служили славными угодьями для хлѣбопашества, огородничества и садоводства, не говоря о тучныхъ сѣнокосахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прилегавшее къ Кремлевской горѣ *Кучково поле* было покрыто пашнями.

Итакъ, княжеская Исторія Москвы начинается отъ перваго упоминанія о ней лѣтописи въ 1147 году. Но Московскій и именно Кремлевскій поселокъ существовалъ гораздо прежде появленія въ этихъ мѣстахъ княжескаго Рюрикова племени.

Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается больше всего случайно открытыми въ 1847 году, при постройкѣ зданія Оружейной Полаты и неподалеку отъ первой по древности въ Москвѣ церкви Рождества Іоанна Предтечи, теперь не существующей, нѣсколькими памятниками языческаго времени. Это двѣ большія серебряныя шейныя гривны или обручи, свитые въ веревку, и двѣ серебряныя серьги-рясы, какія обыкновенно находятъ въ древнихъ курганахъ.

Другой поселокъ, столь же древній, находился за Неглинною на мѣстѣ новаго храма Спасителя, гдѣ былъ прежде Алексѣевскій монастырь, тоже на береговой горѣ и при устьѣ потока Черторыя. На этой мѣстности при рытьѣ земли для фундаментовъ новаго храма въ числѣ другихъ предметовъ найдены два серебряныхъ арабскихъ диргема, одинъ 862 г., битый въ городѣ Мервѣ, другой 866 г. [1]).

Эти находки должны относиться, по всему вѣроятію, къ концу 9 или къ началу 10-го столѣтія. Кромѣ того, шейныя гривны и серьги по достоинству металла и по своей величинѣ и массивности выходятъ изъ ряда всѣхъ такихъ же предметовъ, какіе доселѣ были открыты въ курганахъ Московской области, что можетъ указывать на особое богатство и знатность древнихъ обитателей Кремлевской береговой горы.

При этомъ должно замѣтить, что форма упомянутыхъ серегъ

---

[1]) *Савельевъ*: Мухамеданская нумизматика. Спб., 1847 г., стр. 162.—Ж. М. Н. П. 1847, мартъ, стр. 267.

рясъ о семи лепесткахъ составляетъ отличительный признакъ древняго женскаго убора, находимаго только въ Московской сторонѣ чуть не въ каждомъ курганѣ и очень рѣдко въ другихъ болѣе отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностяхъ, такъ что по этимъ серьгамъ мало-по-малу можно выслѣдить границы собственно примосковнаго древняго населенія, имѣвшаго, какъ видно, особый типъ въ уборѣ, указывающій на особенность культуры этого племени.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ памятникамъ курганной эпохи, мы получаемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство не только о тысячелѣтней древности Кремлевскаго поселка, но и о бытовыхъ особенностяхъ окружавшаго его населенія.

Однако такихъ древнѣйшихъ поселковъ, подобныхъ Кремлевскому, въ видѣ городищъ, разсѣяно по Русской землѣ и даже въ Московской сторонѣ великое множество. Всѣ они исчезли и составляютъ теперь только предметъ для археологическихъ изысканій.

Почему же Кремлевскій зародышъ Москвы не только не исчезъ, но, несмотря на жестокія историческія напасти, разоренія, опустошенія огнемъ и мечомъ, остался на своемъ корню и развился не то что въ большой городъ, а въ могущественное государство.

Такіе всемірно-историческіе города, какъ Москва, зарождаются на своемъ мѣстѣ не по прихоти какого-либо добраго и мудраго князя Юрья Владиміровича, не по прихоти счастливаго капризнаго случая, но силою причинъ и обстоятельствъ болѣе высшаго или болѣе глубокаго порядка, для очевидности всегда сокрытаго въ темной, мало еще разгаданной дали историческихъ народныхъ связей и отношеній, которыя вынуждаютъ и самихъ князей-строителей ставить именно здѣсь, на извѣстномъ мѣстѣ тотъ или другой городъ. Главнымъ двигателемъ въ созданіи такихъ городовъ является всегда народный промыслъ и торгъ, ищущій для своихъ цѣлей добрыхъ сподручныхъ путей или добраго пристанища и который, повинуясь естественнымъ географическимъ путямъ и топографическимъ удобствамъ международнаго сообщенія, всегда самъ указываетъ, самъ намѣчаетъ, самъ избираетъ мѣсто, гдѣ и устроиваетъ узелъ своихъ работъ и дѣйствій, именуемый городомъ.

Такой узелъ-городъ всегда существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ создавшія его потребности промысла и торга. Какъ скоро они исчезаютъ или перемѣняютъ направленіе своихъ путей, такъ упадаетъ, а иногда и совсѣмъ исчезаетъ, и созданный городъ [1]).

Но если эти потребности остаются попрежнему дѣятельными и живыми, то ихъ узелъ-городъ, несмотря на жестокія историческія случайности, остается тоже всегда живымъ и дѣятельнымъ. Разрушатъ, сожгутъ, истребятъ его, сотрутъ съ лица земли,—онъ мало-по-малу зарождается снова и опять живетъ и еще въ большей красотѣ и славѣ. Истребятъ его на одномъ мѣстѣ, онъ переноситъ свою жизнь на другое, но все въ тѣхъ же окрестностяхъ, гдѣ двигается создавшій его промыслъ и торгъ.

Городъ, такимъ образомъ, и своимъ зарожденіемъ, и своимъ богатствомъ, и процвѣтаніемъ всегда является только выразителемъ проходящихъ въ этой мѣстности торговыхъ и промысловыхъ народныхъ сношеній и связей, и само собой разумѣется, что бойкій перекрестокъ такихъ связей и сношеній особенно способствуетъ возникновенію даже не одного, но многихъ городовъ.

Во всемъ мірѣ всѣ знаменитые и господствующіе и до сихъ поръ города нарождались и развивались силою указанныхъ причинъ и обстоятельствъ. Наша русская страна, лежащая широкою равниною между сѣверными и южными морями, съ незапамятныхъ для исторіи временъ служила перекресткомъ въ сношеніяхъ запада съ востокомъ и сѣвера съ югомъ. Лѣтъ за 500 еще до

---

1) Такъ постепенный упадокъ нашего древняго Кіева происходилъ не отъ разореній во времена княжескихъ усобицъ или Татарскихъ нашествій, но, главнымъ образомъ, оттого, что торговые пути къ началу XIII столѣтія направленіемъ Итальянской (Генуэзской) торговли стали переходить съ устья Днѣпра къ устью Дона, изъ древняго Корсуня въ новую Тану, въ мѣстности древняго Танаида, вслѣдствіе чего и княжескія, и татарскія разоренія были столько губительны для упадавшаго города, у котораго уже не оставалось силъ возродиться въ прежней славѣ. Но это же самое перенесеніе торговыхъ путей къ устью Дона въ значительной степени способствовало возвышенію и обогащенію Москвы, какъ средоточія торговыхъ путей внутри Русской страны отъ Запада на Востокъ, почему и самыя безпощадныя разоренія и опустошенія Москвы не въ силахъ были истребить возникавшее гнѣздо великаго Государства: оно тотчасъ же устроивалось и укрѣплялось въ новой силѣ и славѣ, помощью неразрывныхъ торговыхъ и промысловыхъ связей и сношеній.

Р. Х. античные греки чрезъ эту равнину съ береговъ Чернаго моря сносились съ приуральскими народами и гдѣ-то около Саратова имѣли значительный деревянный городъ, Гелонъ, съ смѣшаннымъ населеніемъ, въ которомъ, однако, преобладали тѣ же эллины—греки. Впослѣдствіи тѣ же греки, около времени Рождества Христова, изъ Азовскаго моря плавали до верховьевъ Дона, и въ ихъ преданіяхъ сохранялось свѣдѣніе, что аргонавты, возвращаясь съ Кавказа домой въ Грецію, проплыли по Дону до его вершины и тамъ перенесли свои лодки въ другую рѣку и по ней поплыли въ океанъ (въ Балтійское море), а оттуда вокругъ европейскаго материка въ Средиземное море. Вотъ еще въ какое время проложенъ былъ круговой около Европы путь «изъ Варягъ въ Греки», изъ Балтійскаго въ Черное море. Торговыя связи древняго міра способствовали устройству многихъ значительныхъ городовъ по нашему побережью Чернаго моря, особенно при устьяхъ Днѣпра, Днѣстра и Дона. Медъ, воскъ, мягкая рухлядь, пушной товаръ, т.-е. дорогіе мѣха, рыба, невольники, хлѣбъ искони привлекали сюда греческую предпріимчивость. Прошло два тысячелѣтія, древніе города и цѣлыя государства исчезли, а между тѣмъ потребности торга и промысла въ этихъ мѣстахъ остаются въ своей силѣ, и вотъ причина, почему если не прямо на развалинахъ, то поблизости, здѣсь же, создавались новые города. Вмѣсто древнѣйшаго греческаго Танаида въ устьяхъ Дона теперь здравствуетъ Ростовъ-на-Дону, всего въ 12-ти верстахъ отъ прежняго; вмѣсто древнѣйшей Пантикапеи на ея же развалинахъ существуетъ Керчь; вмѣсто древнѣйшей Ольвіи въ устьяхъ Буга и Днѣпра и существовавшаго послѣ нея византійскаго Херсониса-Корсуня (у Севастополя) теперь является ихъ наслѣдницею Одесса, да, вѣроятно, такими же наслѣдниками явятся и Николаевъ, и Севастополь, и Ѳеодосія (Кафа).

Когда съ теченіемъ вѣковъ зародилась политическая и промысловая жизнь и въ варварской Европѣ и именно по Балтійскому морю, то промысловое и торговое движеніе тотчасъ же перешло и въ нашу Русскую равнину, гдѣ пролегала дорога съ запада Европы къ далекому востоку, даже къ Индіи богатой. Этому движенію особенно способствовали промышленные Арабы, завоевавшіе въ VII-мъ вѣкѣ почти всѣ богатыя закаспійскія страны. Оттуда они направили свои торги отъ устья Волги и до самой

Камы и далѣе по Волгѣ же къ самому Балтійскому морю. Арабскія монеты (VII—XI вѣка), находимыя во множествѣ по этому пути, особенно въ Русской равнинѣ, удостовѣряютъ о живыхъ и дѣятельныхъ нѣкогда сношеніяхъ другъ съ другомъ всѣхъ здѣшнихъ народностей. Этотъ торговый путь, пересѣкавшій въ разныхъ направленіяхъ нашу страну по Волгѣ, Западной Двинѣ и особенно по Нѣману, протягивался и далѣе по берегамъ Балтійскаго моря, по южнымъ и сѣвернымъ, вплоть до Великобританіи и далѣе до Испаніи, въ царство Мавровъ.

Естественно, что на торной и бойкой дорогѣ этого торга и промысла сами собою въ разныхъ, наиболѣе удобныхъ мѣстахъ зарождались города, такъ сказать, станціи и промышленные узлы, связывавшіе въ одно цѣлое окрестные интересы и потребности.

На востокѣ, на Камской Волгѣ, всею торговлею въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ владѣли Болгары, у которыхъ главный узелъ-городъ находился поблизости устья Камы. Въ этомъ городѣ закаспійскіе Арабы были свои люди, а еще больше своими людьми здѣсь почитались наши древнія Славянскія племена, такъ что и населеніе древней Болгаріи, по словамъ тѣхъ Арабовъ, наполовину было Славянское. У Арабовъ въ 10-мъ столѣтіи Волга такъ и прозывалась рѣкою Славянъ, Славянскою рѣкою. Это показываетъ, что плавателями по этой рѣкѣ были если не исключительно, то главнымъ образомъ только Славяне, какъ въ то же время они были полными хозяевами плаванія по Днѣпру и Дону и, несомнѣнно, также по Нѣману и по Двинѣ Западной. Достовѣрно извѣстно, что въ 10-мъ вѣкѣ днѣпровскія суда строились у Кривичей въ Смоленскѣ и во всѣхъ верхнихъ *лѣсныхъ* мѣстахъ, такъ и волжскія суда необходимо строились въ такихъ же лѣсныхъ мѣстахъ верхней Волги, гдѣ тоже сидѣли Кривичи.

Эти Смоленскіе Кривичи, такимъ образомъ, являются сильными промышленниками того времени, что вполнѣ подтверждается и многочисленными находками различныхъ вещей въ ихъ курганахъ, наприм., поблизости самаго Смоленска, гдѣ при селѣ Гнѣздовѣ (12 верстъ отъ города) найдены не только предметы такъ называемаго Скандинавскаго стиля, но и цареградская, если не сассанидская, поливная чашка, которую можно видѣть въ одной изъ витринъ 4 залы Историческаго Музея, въ своемъ родѣ един-

ственный памятникъ, при чемъ были найдены и арабскіе диргемы X-го вѣка.

Болгарская ярмарка, а теперь Нижегородская, находившаяся, какъ мы упомянули, въ тамошнемъ главномъ городѣ, называемомъ Болгаръ, привлекала къ себѣ не однихъ Кривичей, но и все населеніе Балтійскаго побережья и Славянское, и Литовское, и Скандинавское. Дороги оттуда пролегали по Нѣману и Виліѣ, съ переволокомъ въ Березину, и по Западной Двинѣ и сосредоточивались у Кривичей въ Смоленскѣ. Отсюда по Днѣпру шелъ торговый путь къ Корсуню и Царьграду, возродившій на своемъ мѣстѣ городъ Кіевъ; отсюда же торговый путь направлялся и къ Болгарской ярмаркѣ къ устью Камы [1]).

Изъ Смоленска къ этому Болгару можно было идти и по Окѣ, спустившись рѣкою Угрою, и по Волгѣ, спустившись рѣкою Вазузою. Но это были пути не прямые, очень обходистые, и притомъ, особенно по Окѣ, очень дикіе, потому что нижнее теченіе Оки было заселено мордовскими племенами, Мещерою и Муромою.

Отъ Смоленска прямо на востокъ къ Болгару существовала болѣе прямая и въ то время, быть можетъ, болѣе безопасная дорога, именно по Москвѣ-рѣкѣ, а потомъ черезъ Переволокъ по Клязьмѣ, протекающей прямо на востокъ по самой срединѣ Суздальской страны. По этому пути въ Суздаль и Ростовъ изъ Кіева хаживали князья въ XII ст., напр., Андрей Боголюбскій, когда переселялся совсѣмъ на житье во Владиміръ, а изъ Чернигова и не было другой дороги въ эти города, какъ черезъ Москву.

Надо перенестись мыслью за тысячу лѣтъ до нашего времени, чтобы понять способы тогдашняго сообщенія. Вся Суздальская или по теперешнему имени Московская сторона такъ прямо и прозывалась *Лѣсною землею*, глухимъ *Лѣсомъ*, въ которомъ однѣ рѣки и даже рѣчки только и доставляли возможность пробраться куда было надобно, не столько въ полыя весеннія воды или лѣтомъ, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чѣмъ даже наши шоссейныя дороги, когда, несомнѣнно, по тѣмъ же причинамъ, еще по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, и начиналось изъ Кіева особое торговое движеніе во всей нашей равнинѣ [2]).

---

[1]) Подробнѣе о тѣхъ путяхъ см. нашу Исторію Русской Жизни, II, 34, 53.

[2]) См. нашу Исторію Русской Жизни, II, гл. VII.

По сухому пути и лѣтомъ прокладывались дороги, теребились пути, какъ выражаются лѣтописи, т.-е. прорубались лѣса, по болотамъ устроивались гати, мостились мосты, но въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ лѣтнее время цѣлыя рати заблуждались и, идя другъ противъ друга, расходились въ разныхъ направленіяхъ и не могли встрѣтиться. Такъ именно случилось однажды въ началѣ іюня между Москвою и Владиміромъ во время княжеской усобицы въ 1176 г. Князь Михалко Юрьевичъ съ Москвы шелъ съ полкомъ къ Владиміру, а Ярополкъ, его сопротивникъ, такимъ же путемъ ѣхалъ на Москву и «Божіимъ промысломъ минустася въ лѣсѣхъ», отмѣчаетъ лѣтописецъ, сердечно радуясь этому обстоятельству что не случилось кровопролитія.

Зато зимою въ темномъ лѣсу безъ всякихъ изготовленныхъ дорогъ легко и свободно можно было пробираться по ледяному рѣчному руслу, по которому путь проходилъ, хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотмѣнно приводилъ къ надобной цѣли. Очень многія и большія войны, особенно съ Новгородомъ, происходили этимъ зимнимъ путемъ и вдобавокъ, если путь лежалъ вверхъ рѣкъ, почти всегда по послѣднему зимнему пути, съ тѣмъ намѣреніемъ, что съ весеннею полою водою можно было на лодкахъ легко спуститься къ домамъ.

Какъ мы сказали, древнѣйшій и прямой путь отъ Смоленска или собственно отъ вершинъ Днѣпра къ Болгарской ярмаркѣ пролегалъ сначала долиною Москвы-рѣки, а потомъ долиною Клязьмы, которыхъ потоки направлялись почти въ прямой линіи на востокъ. Изъ Смоленска ходили вверхъ по Днѣпру до теперешняго селенія *Волочекъ*, откуда уже шло сухопутье—волокомъ верстъ на 60 до верховъ Москвы-рѣки. Такъ путешествовалъ Андрей Боголюбскій (Сказ. о чудесахъ Владим. иконы Богоматери). Но болѣе древній путь могъ проходить изъ Смоленскаго Днѣпра рѣкою Устромою, переволокомъ у города Ельни въ Угру, потомъ изъ Угры вверхъ рѣкою Ворею, вершина которой очень близко подходитъ къ вершинѣ Москвы-рѣки, даже соединяется съ нею озеромъ и небольшою рѣчкою. Затѣмъ дорога шла внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами, какъ упомянуто, прямо на востокъ. Приближаясь къ теперешней Москвѣ-городу, рѣка дѣлаетъ очень крутую извилину на сѣверъ, какъ бы устремляясь подняться поближе къ

самому верховью Клязьмы, именно у впаденія въ Москву-рѣку рѣки *Восходни*, гдѣ теперь находятся село Спасъ и знаменитое Тушино, столица Тушинскаго вора. Изъ самой Москвы-города рѣка направляется уже къ юго-востоку, все болѣе и болѣе удаляясь отъ потока Клязьмы. Такимъ образомъ Московская мѣстность, какъ ближайшая къ потоку Клязьмы, являлась неизбѣжнымъ переволокомъ къ Клязьминской дорогѣ. Этотъ переволокъ, съ западной стороны отъ города, въ дѣйствительности существовалъ вверхъ по рѣкѣ Восходнѣ, несомнѣнно такъ прозванной по путевому восхожденію по ней въ долину Клязьмы и притомъ, какъ упомянуто, почти къ самой вершинѣ этой рѣки [1]).

По всѣмъ примѣтамъ, въ глубокой древности, по крайней мѣрѣ въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ, здѣсь уже завязанъ былъ узелъ торговыхъ и промысловыхъ сношеній.

Изъ подмосковныхъ окрестностей устье и теченіе Всходни — самая замѣчательная мѣстность и по историческимъ (Тушинскимъ) воспоминаніямъ и главное по красотѣ мѣстоположенія. Вотъ гдѣ въ незапамятныя времена Москва, какъ торговый и промысловой узелъ, намѣревалась устроить себѣ первоначальное свое гнѣздо. Вотъ гдѣ сношенія Балтійскаго запада и Днѣпровскаго юга съ Болгарскимъ приволжскимъ востокомъ и съ Ростовскимъ приволжскимъ же сѣверомъ, на перевалѣ въ Клязьму, встрѣчали необходимую остановку, дабы идти дальше, устроивали станъ и отдыхъ, а слѣдовательно надобное поселеніе и сосредоточеніе промысловыхъ силъ и интересовъ. Свидѣтелями такого положенія здѣшней мѣстности остаются до сихъ поръ земляные памятники, раскиданныя по окрестности многія группы кургановъ и мѣста древнихъ городищъ.

[1]) Н. П. Барсовъ въ своихъ Очеркахъ Русской Исторической Географіи отмѣтилъ уже вѣроятность такого сообщенія, упомянувъ, что „въ область Клязьмы отъ Москвы-рѣки шли пути вѣроятно по р. Сходнѣ и по Яузѣ“ (стр. 30). Вѣроятность такихъ сообщеній во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сближаются рѣки и рѣчки, особенно въ ихъ верховьяхъ, сама собою раскрывается, какъ скоро будемъ слѣдить это по гидрографической картѣ, и надо замѣтить, что такая предположительная вѣроятность почти вездѣ оправдывается самымъ дѣломъ, т.-е. указаніями памятниковъ на существовавшее сообщеніе или письменныхъ, а еще болѣе наземныхъ, каковы, напримѣръ, городища и курганы—явные свидѣтели древней населенности мѣста.

Устье Всходни, какъ упомянуто, впадаетъ въ Москву-рѣку подъ знаменитымъ селомъ Тушинымъ, гдѣ еще существуютъ валы и разныя земляныя укрѣпленія Тушинскихъ воровъ. Но должно полагать, что въ древнее время Всходнею прозывалась не самая рѣка, а особая мѣстность, лежащая выше по Москвѣ-рѣкѣ, передъ которою на крутомъ берегу Москвы-рѣки и надъ глубокимъ оврагомъ стояла каменная шатровая церковь Андрея Стратилата [1]) и гдѣ въ XVI вѣкѣ существовали церковь и монастырь Спасъ Преображенія *на Всходнѣ*, прозывавшійся также однимъ именемъ *Всходня*. Этотъ монастырь на Всходнѣ или монастырь *Всходня* находился болѣе чѣмъ на версту отъ самой рѣки, теперешней неправильно называемой Сходни.

Въ писцовыхъ книгахъ начала XVII ст. онъ обозначается монастырь *Всходня на р. Москвѣ*, что и даетъ поводъ предполагать, что такое имя монастыря обозначало особую мѣстность, но не рѣку, которая въ древности, по всему вѣроятію, прозывалась *Горедвою*, такъ какъ вверху теперешней Всходни въ нее впадаетъ рѣка этого имени болѣе значительнымъ потокомъ, чѣмъ верховье самой Всходни [2]).

Всходнею, повидимому, именовалась мѣстность, составляющая обширный поемный лугъ Москвы-рѣки, версты на полторы въ квадратѣ, вверхъ по теченію, съ отлогимъ, постепенно возвышающимся берегомъ, который подъ деревнею Пенягиною раздѣленъ доломъ и ближе къ стоявшей церкви, подъ ея горою, прорѣзанъ глубокимъ оврагомъ и рѣчкою Борышихою. По этому долу, который впадаетъ въ цѣлую систему далѣе идущихъ доловъ, возможно было *восходить* къ руслу Всходни, минуя ея устье, отстоящее отъ Пенягинскаго дола болѣе чѣмъ на три версты, и сокращая путь по извилистому руслу рѣки еще верстъ на семь. Здѣсь-то собственно

1) Лѣтомъ 1890 г. эта церковь совсѣмъ разобрана и матеріалъ ея поступилъ на постройку храма въ селѣ Рожественѣ на той же Всходнѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ села Спасскаго.

2) Весь округъ по теченію этой *Горедвы*, иначе *Горетовки*, прозывался по имени рѣки *Горетовымъ Станомъ*, простиравшимся къ западу до рѣки Истры, впадающей въ Москву-рѣку нѣсколько повыше села Ильинскаго, вотчины Его Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича. Это имя Горетовъ Станъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ обозначеніемъ топографическихъ свойствъ мѣстности, представляющей по теченію всей рѣки Всходни и Горедвы очень гористое положеніе.

по всему вѣроятію и находилась *Всходня*, то-есть мѣсто, съ котораго начинался *Всходъ*, *Восходъ* по рѣкѣ Всходнѣ, дабы прямѣе достигнуть потока Клязьмы. Эти всходные долы, сокращая значительно рѣчной путь, приводили въ мѣстность теперешняго села Братцева, откуда уже дорога шла по руслу рѣки вверхъ до перевала у села Черкизова на Петербургскомъ шоссе, гдѣ вблизи теперь существуетъ полустанокъ желѣзной дороги Сходня. Около этой Всходни, на высотахъ берега Москвы-рѣки и упомянутаго ручья Борышихи, расположено нѣсколько группъ древнихъ кургановъ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ на той же высотѣ, гдѣ стоялъ монастырь Всходня, въ полуверстѣ противъ него, насчитывается до 40, что вообще указываетъ на значительное поселеніе, когда-то здѣсь существовавшее, быть можетъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основался монастырь Спаса. Всходный поемный лугъ Москвы-рѣки ограничивается еще выше по ея теченію рѣчкою Банею, которая на этомъ же лугу и впадаетъ въ Москву-рѣку. Здѣсь также по рѣчкѣ, по ручьямъ и доламъ могли существовать особые всходы къ руслу Всходни, а потому и здѣсь встрѣчается немало древнихъ кургановъ, особенно при впаденіи въ Баню широкаго Русинскаго оврага у старой Волоколамской дороги.

Какъ бы ни было, но вся эта мѣстность между селами Черневымъ на рѣкѣ Банѣ и Спасскимъ на Всходнѣ, на пространствѣ пяти верстъ, въ разныхъ углахъ надъ рѣчками и долами усѣяна группами кургановъ, свидѣтельствующихъ вообще объ особенной населенности этого подмосковнаго угла.

Его Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ въ 1890 году изволилъ производить разслѣдованіе нѣсколькихъ кургановъ вблизи села Чернева, въ которыхъ были открыты, кромѣ обычныхъ, очень примѣчательныя вещи, каковы: серебряный шейный обручъ-гривна изъ пластины, скрѣпленной обоймицами, указавшими назначеніе нѣкоторыхъ особыхъ бляхъ, найденныхъ при такихъ же гривнахъ въ мѣстности села Зенина, лежащаго въ такомъ же разстояніи съ восточной стороны отъ Москвы. Затѣмъ найденъ былъ желѣзный серпъ, дорогой свидѣтель земледѣльческой культуры, объясняющій, что здѣшнее населеніе не было столь дикимъ, какъ это представлялось Шлецеру и всѣмъ ученымъ нѣмцамъ, писавшимъ о первыхъ временахъ нашей исторіи.

Одинъ большой курганъ, названный въ писцовыхъ книгахъ начала XVII ст. *Великою Могилою* и стоявшій на суходолѣ по направленію описаннаго всходнаго пути, идущаго къ селу Братцеву, былъ разрытъ въ 1879 году. Въ немъ покоился остовъ, весь обернутый берестою, съ горшкомъ въ головахъ, на днѣ котораго вытиснена монограмма, указывающая на хорошую гончарную работу. Окружавшіе эту *великую могилу* малые курганы доставили при раскопкѣ нѣсколько вещицъ изъ женскаго убора, весьма обычныхъ во всѣхъ подмосковныхъ курганахъ: бронзовыя о семи лепесткахъ серьги, бусы сердоликовыя и стеклянныя, бронзовые браслеты изъ проволоки и т. п.

Нельзя сомнѣваться, что болѣе подробное разслѣдованіе кургановъ этой всходной мѣстности укажетъ и на время, когда они были насыпаны; но и безъ того можно съ достовѣрностью предполагать, что курганы должны относиться по крайней мѣрѣ къ X или къ началу XI столѣтія.

Кромѣ кургановъ, здѣсь же находимъ внизу Всходни близъ деревни Петровской древнее *Городище* на ручьѣ Ржавцѣ и рѣчкѣ Городенкѣ, впадающей во Всходню. Затѣмъ вверху Всходни, по писцовымъ книгамъ, гдѣ-то указывается пустошь *Вышгородъ*, своимъ именемъ удостовѣряющая, что существовалъ и Нижній городъ (упомянутое выше городище) и что оба города, быть можетъ, служили охраною для всего этого пути или же мѣстами защиты населенія отъ вражескихъ нашествій.

Значительная населенность этихъ *всходныхъ* къ Клязьмѣ мѣстъ, какой ни выше, ни ниже по Москвѣ-рѣкѣ не встрѣчается, можетъ указывать, что торговыя и промысловыя сношенія нашей древности уже намѣчали здѣсь мѣсто для знатнаго торговаго узла, связывавшаго торги Балтійскаго моря съ торгами моря Каспійскаго и Сурожскаго (Азовскаго), и мы не можемъ отказаться отъ предположенія, что *здѣсь закладывалось основаніе для древнѣйшей Москвы-города.* Сюда торговыя дороги шли не только отъ Смоленска, но и отъ Новгорода, черезъ древнѣйшій его *Волокъ Ламскій*, съ Волги по рѣкамъ Шошѣ и Ламѣ на вершину рѣки Рузы, впадающей въ Москву-рѣку. Ламскій Волокъ былъ древнѣйшею дорогою Новгородцевъ въ московскія мѣста и по большей части прозывался однимъ именемъ *Волокъ*. Для Новгородцевъ Серегерскимъ путемъ, т.-е. съ самаго своего верха, рѣка Волга была

обычною дорогою къ далекому востоку. Но быть можетъ малыми караванами небезопасно было по ней странствовать, поэтому и Новгородцы должны были являться на Москворѣцкую Всходню, чтобы Клязьмою удобнѣе и безопаснѣе добраться до Волги Камскихъ Болгаръ, захватывая въ торговыя руки и самую долину Клязьмы. Во всякомъ случаѣ здѣшній путь былъ короче, чѣмъ по руслу Волги, не говоря о томъ, что Москвою-рѣкою Новгородцы должны были ходить и къ Рязанской Окѣ, и на Донъ.

Когда изъ вольныхъ племенныхъ земель образовались особыя княжескія или же городскія волости, то всѣ промысловые и торговые узлы народныхъ сношеній обложены были особою данью подъ видомъ *мыта*, т.-е. пошлиною за проѣздъ и проходъ какъ бы черезъ мостъ.

Можно полагать, что такая пошлина собиралась именно за доставляемыя путникамъ удобства для этого проѣзда.

У Всходнаго мѣста изъ Москвы-рѣки въ Клязьму повидимому также отъ давняго времени существовалъ *мытъ*. Важное промысловое значеніе этой мѣстности подтверждается свидѣтельствомъ XV и XVI вѣковъ о существованіи здѣсь *мыта Войницкаго, что у Спаса на Всходнѣ*, принадлежавшаго городу Волоку Ламскому, тамошней волости *Войничи* [1]). Это любопытное свидѣтельство явно указываетъ на древнѣйшія связи Москворѣцкой Всходни съ торговою Новгородскою дорогою Ламскаго Волока. Сказаніе о родѣ Московскихъ бояръ Квашниныхъ даетъ нѣкоторыя поясненія этому обстоятельству.

Оно разсказываетъ, что къ в. к. Ивану Даниловичу Калитѣ, по его вызову, пріѣхалъ служить одинъ изъ знатныхъ Кіевскихъ вельможъ, Родіонъ Нестеровичъ, съ сыномъ Иваномъ и съ цѣлымъ полкомъ дружины въ числѣ 1700 человѣкъ. Вел. князь принялъ его съ радостью, посадилъ его на первое мѣсто въ своемъ боярствѣ Москвы и отдалъ ему въ вотчину половину Волока Ламскаго; другая половина принадлежала Новгородцамъ. Черезъ годъ бояринъ Родіонъ оттягалъ и эту другую половину, выславъ оттуда и Новгородскаго посадника. Тогда Великій князь отдалъ ему въ область, во владѣніе всѣ села *вокругъ рѣки Восходни на 15 верстахъ* [2]).

Это пространство въ точности обозначаетъ весь путь Всходни

---

[1]) Собр. Госуд. Грамотъ, т. I, стр. 63, 419.

[2]) Карамзинъ, IV, пр. 324; V, пр. 254.

до волока или перевала въ Клязьму подъ теперешнимъ селомъ Черкизовымъ, на Петербургскомъ шоссе. Становится очень понятнымъ, почему Войницкой мытъ у Спаса на Всходнѣ тянулъ къ Волоколамску. Сынъ Родiона, Иванъ Родiоновичъ, умеръ въ 1390 г. въ монашествѣ и погребенъ въ монастырѣ у Спаса на Всходнѣ.

Итакъ, въ незапамятное для письменной исторiи время, верстахъ въ 20 отъ теперешней Москвы, отъ западныхъ путей въ эту сторону создавалось гнѣздо промысла и торга, гдѣ впослѣдствiи могъ возникнуть и тотъ самый городъ, который мы именуемъ Москвою.

Выборъ мѣста вполнѣ зависѣлъ отъ топографическихъ удобствъ, при помощи которыхъ именно здѣсь было возможнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, перебраться съ одной дороги на другую по самому ближайшему пути.

И надо сказать, что если бы и на этомъ Всходничьемъ мѣстѣ разселился со временемъ большой городъ, то Москва, быть можетъ, представила бы еще больше мѣстной красоты и различныхъ удобствъ для городского населенiя.

Но исторiя присудила быть Москвѣ въ той же окрестности, но на другомъ мѣстѣ, какъ и по какимъ причинамъ,—это необходимо раскроется впослѣдствiи при болѣе внимательной разработкѣ промышленныхъ и торговыхъ отношенiй разныхъ областей древней Руси.

Мы упомянули, что потокъ Москвы-рѣки, протекая отъ вершины, особенно отъ Можайска, почти по прямому направленiю на востокъ, отъ самаго города Москвы сразу поворачиваетъ къ юго-востоку и въ томъ направленiи течетъ до впаденiя въ Оку.

Снизу, отъ области верхняго Дона и верхней Оки, т.-е. отъ Рязанской и Сѣверской области, этотъ потокъ Москвы-рѣки также служитъ прямою дорогою къ древнему Великому Ростову и вообще въ Суздальскую землю и опять необходимымъ переваломъ въ долину Клязьмы. По крайней мѣрѣ этою дорогою ходили въ Суздаль и Владимiръ не только изъ Чернигова, но и изъ Кiева. Стало быть этотъ путь, хотя отчасти и обходимый, все-таки былъ удобнѣе и выгоднѣе другихъ. Оттого и Рязанцы, путешествуя во Владимiръ, всегда дѣлали круговой обходъ на Москву, какъ и Владимiрцы, идя на Рязань. А съ Донской области и изъ древ-

ней Тмутаракани къ Новгороду, какъ равно и къ Балтійскому морю именно черезъ Москву былъ самый прямой путь, извѣстный торговымъ людямъ отъ глубокой древности. Вообще промысловое движеніе и снизу Москвы-рѣки, отъ юга, было столько же значительно, какъ и отъ ея вершинъ, отъ запада и сѣвера.

И здѣсь низовые люди у Москвы же, желая идти къ Ростову или къ Болгарской Волгѣ, должны были переваливать на Клязьму, но по другому ближайшему для нихъ мѣсту, именно по рѣкѣ Яузѣ. Конечно, имъ не зачѣмъ было ходить на 20 верстъ дальше до западной Восходни, если здѣсь встрѣчался болѣе близкій переволокъ, такая же Яузская Восходня.

Имя рѣки Яузы въ древнемъ топографическомъ языкѣ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ означать то же, что означаютъ имена Вязьма, Вязема, Вяземка, Вазуза, Вязь, Уза, т.-е. вообще вязь или связь, со-юзъ одной мѣстности съ другою, или вѣрнѣе одного пути съ другимъ, хотя бы и по очень *узкому* потоку, какой на самомъ дѣлѣ представляетъ потокъ Яузы.

Такъ рѣка, а по ней и городъ Вязьма Смоленская, текущая отъ верхней Угры въ верхній Днѣпръ, связывала путь изъ Днѣпра въ долину Оки посредствомъ Угры. Вблизи этой Вязьмы къ сѣверу течетъ и Вазуза, связывавшая вершину Днѣпра съ Волгою. Въ свой чередъ та же Вазуза связывала съ Волгою и пути Московской стороны. Въ нее впадаетъ рѣка Гжатъ, въ которую отъ сѣвера течетъ рѣка *Яуза*, соединяющая пути съ вершинами Москвы-рѣки и рѣки Рузы. Другая *Яуза* въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губ., течетъ отъ востока въ рѣку Ламу, а отъ ея истоковъ къ западу течетъ третья *Яуза*, впадающая въ 7 верстахъ отъ города Клина къ сѣверу въ рѣку Сестру, Волжскій притокъ, гдѣ былъ проектированъ каналъ для соединенія Волги съ Москвою-рѣкою посредствомъ соединенія рр. Сестры и Истры. Эти послѣднія двѣ Яузы имѣютъ теченіе одна на западъ, другая на востокъ на одной широтѣ градуса.

Должно упомянуть, что въ третью Яузу отъ юга течетъ р. Вязь, впадающая въ нее неподалеку на западъ отъ с. Ямуги и берущая свое начало у д. Негодяевой отъ истоковъ второй Яузы, что идетъ въ Ламу [1]). Звенигородская Москва-рѣка, принимая въ себя съ

---

[1]) Топографическая карта Московской губерніи 1860 г.

правой стороны рѣку *Вяземку*, соединялась этою рѣкою съ областью подмосковной Пахры черезъ рѣчку Бутынку и Десну. *Вязовенка*-рѣка между Можайскомъ и Борисъ-городкомъ, у котораго она впадаетъ въ Протву, связываетъ путь отъ Можайской Москвы-рѣки съ Окою, куда течетъ Протва. Въ Можайскомъ уѣздѣ упоминается также рѣчка *Яуза*, на которой въ 1631 г. существовалъ погостъ Спаса. Упоминается рѣка *Явза* и въ Гдовскомъ уѣздѣ Псковской области (1623 г.).

Такимъ образомъ, всѣ эти и подобныя имена, а въ томъ числѣ и имя Яузы обозначали связь древнихъ путей. Надо замѣтить, что именно рѣки Яузы за 1000 лѣтъ тому находились въ глухихъ, непроходимыхъ болотахъ и лѣсахъ, остатки которыхъ и доселѣ еще совсѣмъ не истреблены и покрываютъ Клинскій уѣздъ въ значительной силѣ. Рѣчной потокъ въ непроходимомъ лѣсу самъ собою долженъ былъ представлять своего рода узилище, узкій, тѣсный проходъ, отъ чего имя Яуза могло обозначать также и узину пути, при чемъ первая буква составляла только приставку, дававшую извѣстный, но намъ пока невѣдомый смыслъ слову Уза. Простое имя Уза, Узкая, также нерѣдко встрѣчается въ топографическомъ языкѣ [1]).

Что же касается приставки Я, то ея присутствіе встрѣчается явственно во многихъ словахъ, каковы: языкъ, яремъ, якорь, ягода, яблоко, ястребъ и пр., а также и въ топографическихъ именахъ, наприм.: я—горбы, я—жолобицы, я—гость, я—звоны, я—козина, я—сивцова, я—осма и т. п.

Какъ бы ни было, но имя Яузы очень древнее имя [2]) и родственное вообще нашему древнему топографическому языку, въ которомъ и понятіе о тѣсномъ рѣчномъ пути точно также выразилось въ словахъ Тѣснь, Тосна, Тесна и, наконецъ, Цна, рѣка извѣстная и въ Мещерской сторонѣ, и на западѣ въ коренной русской Славянщинѣ, въ Минской губерніи. Вообще топографическій языкъ богатъ указаніями на характеристику древнихъ рѣчныхъ путей относительно удобства или затрудненій въ проѣздѣ по извѣстнымъ мѣстностямъ.

---

[1]) См. у Ходаковскаго, Русскій Историческій Сборникъ, т. VII, стр. 325.

[2]) Въ Тверской лѣтописи подъ годомъ 1156 читаемъ: „Князь великій Юріи Володимеричь заложи градъ Москову на устниже Неглинны, выше рѣки *Аузы*". Здѣсь *а* вмѣсто *я* употреблено или по опискѣ, или по однородности звуковъ.

По Яузѣ, по восточной дорогѣ отъ Москвы, поднимались или опять также *восходили* вверхъ по теченію этой рѣки глухимъ лѣсомъ (Сокольники, Лосинный Островъ) до села Танинскаго и далѣе до самой вершины Яузы, затѣмъ слѣдовалъ переволокъ у теперешняго села Большихъ Мытищъ на село Большево и древнее Городище, находящееся уже на Клязьмѣ. Или по другому направленію отъ вершины Яузы по болотамъ Лосиннаго Острова, которыя и теперь даютъ превосходную воду всей Москвѣ, а за 1000 лѣтъ назадъ могли заключать въ себѣ цѣлое значительное озеро, еще болѣе способное для пути. Здѣсь у переволока въ свое время явились также свои Мытищи, которыя въ XV стол. прямо и называются *Яузскимъ Мытищемъ* въ значеніи цѣлаго округа мѣстности [1]). Множественное *Мытищи* можетъ указывать на два упомянутыя направленія дороги къ Клязьмѣ. Въ Татарскую эпоху здѣсь явились и *Баскаки*, какъ именовалось одно здѣшнее уже несуществующее селеніе на той сторонѣ Клязьмы. Присутствіе Баскаковъ еще болѣе удостовѣряетъ о промысловой значительности этого мѣста. Возникновеніе этого *Яузскаго пути* можно относить къ глубокой древности. Должно предполагать, что когда еще не было города—первое здѣшнее поселеніе гнѣздилось около устья Яузы, гдѣ луговая мѣстность (занятая нынѣ Воспитательнымъ домомъ) еще въ XV стол. именуется *Пристанищемъ* [2]), а по ту сторону Яузы на горахъ упоминается существовавшее гдѣ-то *Городище* [3]). На этой сторонѣ рѣки береговая высота, господствующая надъ луговиною и доселѣ носитъ имя *Гостиной горы* (Никола Воробино), служившей, быть можетъ, поселеніемъ для торговыхъ пріѣзжихъ гостей. Впослѣдствіи, когда образовалось Суздальское княжество и его сношенія и связи съ Кіевомъ и Черниговомъ стали усложняться, особенно при Суздальскомъ в. князѣ Юріи Долгорукомъ, эта мѣстность получила, кромѣ торговаго, и политическое, то-есть, въ сущности, стратегическое значеніе, какъ первая открытая дверь въ Суздальскую область, которую необходимо было укрѣпить для всякой опасности въ между-княжескихъ отношеніяхъ.

Вотъ почему существовавшая здѣсь, вблизи упомянутаго При-

---

[1]) Грамоты XIV и XV вв. изсл. Д. Мейчика, 113.

[2]) Собр. Госуд. Грамотъ I, 190.

[3]) Акты Археогр. Экспед. I, 87.

станища, на Кремлевской горѣ, Княжеская усадьба подъ именемъ Москвы или Кучкова, вскорѣ устроивается городомъ, который былъ срубленъ въ 1156 году, именно въ то время, когда на Клязьмѣ основалось Андреемъ Боголюбскимъ новое княжество Владимірское.

Для новаго княжества такой городокъ былъ необходимъ: онъ служилъ сторожевою защитою со стороны входа въ Суздальскую область, и отъ Смоленска, и отъ Новгорода, и отъ Сѣверскихъ, а слѣд. и отъ Кіевскихъ, и отъ Рязанскихъ князей. Москва, такимъ образомъ, въ качествѣ города является крѣпкими воротами Владимірскаго княжества на самой проѣзжей дорогѣ. Какъ княжескій городъ она прямая дочь Владиміра, какъ и Владиміръ былъ прямой сынъ Суздаля и внукъ Великаго Ростова. Таково было историческое родство и преемство этихъ городовъ, оставившихъ впослѣдствіи все свое богатое историческое наслѣдство одной Москвѣ.

Начало и судьбы *Города* Москвы принадлежатъ уже исторіи лѣтописной. Мы въ этомъ изысканіи о первомъ ея поселеніи или о первомъ ея селѣ пытались только собрать указанія, гдѣ въ дѣйствительности возрождалось это поселеніе въ незапамятныя для исторіи времена. Какъ видѣли, оно гнѣздилось на перекрестномъ очень бойкомъ пути всѣхъ внутреннихъ, такъ сказать, серединныхъ сношеній древняго *Залѣсскаго* населенія Русской Земли,—у перевала изъ рѣчной долины Москвы-рѣки въ рѣчную же долину рѣки Клязьмы, вблизи двухъ небольшихъ рѣкъ: Восходни, нынѣ именуемой Сходнею, и Яузы, вершины которыхъ достигали этого перевала и потому служили самою удобною дорогою въ лѣсныхъ непроходимыхъ дебряхъ, съ одной стороны отъ Западныхъ торговыхъ путей, съ другой—отъ торговаго Юга. Политическія причины уже лѣтописной между-княжеской исторіи указали мѣсто теперешнему городу Москвѣ у воротъ не отъ Запада, у древней Восходни, а отъ Юга къ упомянутому перевалу, вблизи устья Яузы. Отъ этого Юга берега Москвы-рѣки, въ дальномъ и близкомъ отъ нихъ разстояніи, точно такъ же, какъ и у Восходни, были сравнительно густо населены, на что указываютъ многочисленные курганы, разсѣянные въ мѣстностяхъ селъ Царицына, Борисова, Братѣева, Сабурова, Котлы и др.

II.

СКАЗАНІЯ О НАЧАЛѢ МОСКВЫ-ГОРОДА.

Когда и какъ исперва произошло начало Москвы, когда и какъ она зародилась на своемъ мѣстѣ, объ этомъ книжные люди стали гадать и разсуждать только съ той поры, когда Москва явилась сильною и славною, царствующимъ великимъ городомъ, крѣпкимъ и могущественнымъ государствомъ, когда у книжныхъ людей, изъ сознанія этого могущества, сами собою стали возникать вопросы и запросы, какъ это случилось, что Москва-городъ стала царствомъ— государствомъ?

Такимъ именно вопросомъ начинается одно изъ сказаній о ея началѣ, болѣе другихъ сохраняющее въ себѣ несомнѣнные слѣды народныхъ эпическихъ преданій.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, конечно, могли появиться только одни неученыя и, такъ сказать, деревенскія гаданія по смутнымъ преданіямъ, или же, съ другой стороны, ученыя измышленія по источникамъ старой книжности. Такъ и исполнилось.

И не въ одной Москвѣ зарождался этотъ любопытный вопросъ. Едва ли не съ бо́льшимъ вниманіемъ старались разрѣшить его и западные книжные люди, у которыхъ имя Москвы стало разноситься съ нескрываемымъ любопытствомъ еще со временъ Флорентинскаго собора (1439 г.), на которомъ Европа впервые узнала, что на далекомъ глухомъ Сѣверѣ существуетъ непобѣдимая Православная сила, именуемая Москвою. Съ того времени начались и ученыя толкованія, откуда происходитъ самое имя этой невѣдомой дотолѣ Московіи. Писавшій о Москвѣ въ тридцатыхъ годахъ XVI ст. ученый историкъ Павелъ Іовій обратился за этимъ толкованіемъ даже и къ древнему Птолемею и писалъ между прочимъ: «Думаю, что Птолемей подъ своими Модоками (Амадоками) разумѣлъ Москвитянъ, коихъ названіе заимствовано

отъ рѣки Москвы, протекающей чрезъ столичный городъ того же имени».

Наши московскія доморощенныя гаданія о происхожденіи города Москвы ограничивались очень скромными домыслами и простыми здравыми соображеніями, согласно указаніямъ лѣтописи, существенная черта которой *описаніе лѣтъ* всегда служила образцомъ и для составленія произвольныхъ полусказочныхъ вставокъ. Такъ самое скромное домышленіе присвоило основаніе города Москвы древнему Олегу, несомнѣнно, руководясь лѣтописнымъ свидѣтельствомъ, что Олегъ, устроившись въ Кіевѣ, *нача городы ставити* и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери. Если Олегъ уставлялъ дани Мерянамъ и городы сооружалъ, то въ области Мери (Ростовъ, Суздаль) онъ долженъ былъ изъ Кіева проходить мимо Москвы и очень немудрено, что могъ на такомъ выгодномъ для селитьбы мѣстѣ выстроить небольшой городокъ, если такой городокъ не существовалъ еще и до временъ Олега. И вотъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ записяхъ появляется вставка: «Олегъ же нача грады ставити многіе и прииде на рѣку глаголемую Москву, въ нея же прилежатъ рѣки Неглинная и Яуза, и постави градъ не малъ и прозва его Москва и посади на княженіе сродниковъ своихъ».

Впрочемъ, съ такимъ же вѣроятіемъ можно было постройку города Москвы присвоить и Святославу, который ходилъ на Оку и на Волгу и затѣмъ побѣдилъ Вятичей, жившихъ на Окѣ; но о Святославѣ начальный лѣтописецъ не сказывалъ, что онъ городы ставилъ. Объ Олегѣ же догадка впослѣдствіи пополнилась новымъ свидѣтельствомъ, что древній князь, построивъ Москву, посадилъ въ ней княжить своего сродника, князя Юрія Владиміровича. Здѣсь выразилась еще неученая деревенская простота въ составленіи догадокъ, далекихъ еще отъ явнаго вымысла. Она не въ силахъ была удалиться отъ лѣтописной правды и позволила себѣ только нарушить эту правду невѣрнымъ, но весьма существеннымъ показаніемъ о князѣ Юрьѣ, все-таки прямомъ основателѣ города Москвы. Въ народной памяти хронологія отсутствуетъ.

Въ томъ же родѣ были обработаны и ходившія въ Москвѣ народныя преданія, перепутавшія событія и имена въ одну связь особаго сказанія, о которомъ упомянуто выше.

Но вскорѣ къ деревенской простотѣ собственно Московскихъ

гаданій пришла на помощь Кіевская, то-есть въ сущности Польская историческая ученость въ лицѣ Өеодосія Софоновича, составившаго въ 1672 г. цѣлую «*Хронику* зъ Лѣтописцевъ стародавныхъ, зъ Нестора Печерскаго и иншихъ, также зъ хроникъ Польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася», а вмѣстѣ съ тѣмъ и особую статью «Отколь Москва взяла свое названіе». Потомъ въ лицѣ Иннокентія Гизеля, повидимому, сократившаго это сочиненіе въ своемъ знаменитомъ Синопсисѣ или «Краткомъ (собраніи) описаніи о началѣ Словенскаго народа» съ нѣкоторыми своими прибавками въ томъ же родѣ [1]); затѣмъ и въ лицѣ дьякона Холопьяго на Мологѣ монастыря, Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго 1684—1699 гг., который хотя и былъ Москвичемъ, но по прозванію, несомнѣнно, принадлежалъ къ ученымъ Кіева; который поэтому въ сочинительствѣ, какъ и когда произошли Словены и Руссы, превзошелъ своихъ ученыхъ братій богатствомъ фантазіи и необыкновенною смѣлостью вымысла. Конечно, его трудъ былъ только сборникомъ тѣхъ литературныхъ измышленій, какія въ то время появлялись въ Кіевскихъ школахъ по указанію и подъ вліяніемъ Польской учености.

А эта ученость, разыскивая и объясняя, откуда взялась Москва-народъ, очень усердно и съ обширною начитанностью (у Стрыйковскаго) толковала, еще съ конца XVI ст., что «Мосохъ или Мезехъ, шестой сынъ Іафетовъ, внукъ Ноевъ, есть отецъ и прародитель всѣхъ народовъ Московскихъ, Россійскихъ, Польскихъ, Волынскихъ, Чешскихъ, Мазовецкихъ, Болгарскихъ, Сербскихъ, Карватскихъ, и всѣхъ, елико есть Славенскій языкъ; что у Моисея Мосохъ, Московскихъ народовъ праотецъ, знаменуется (упоминается) такожде и у Іосифа Флавія въ Древностяхъ; что ни отъ рѣки, ни отъ града Москвы Москва именованіе получила, но рѣка и градъ отъ народа Московскаго имя восприяли; что имя сіе: Мосохъ, Мокусъ, Моска, Моски, Москорумъ, Московитарумъ, Модокорумъ и проч. всѣ древніе историки, Еврейскіе, Халдейскіе, Греческіе и Латинскіе и новѣйшіе Мосоха, Москвы праотца и областей того имени, во многихъ мѣстахъ непрестанно и явно поминаютъ; что третій братъ Леха и Чеха, Русъ, истинный наслѣдникъ Мосоховъ отъ Іафета, великія и пространныя

---

[1]) Словарь Писателей Духовнаго чина. М. 1827, т. I, 199, т. II, 288.

полуночныя и восточныя и къ полудню страны размножилъ и населилъ народами Русскими...» и такъ далѣе.

Передъ такою ученостью о чемъ возможно было помышлять Московскимъ простымъ книжнымъ людямъ, начитанность которыхъ ограничивалась церковными только книгами и боязнью прикоснуться къ писаніямъ внѣшнихъ для Церкви мудрецовъ.

И вотъ ученица Польской учености, знаменитая для Москвы Кіевская ученость, заполонившая Москву и ея деревенское невѣжество ученымъ ужасающимъ Славянскимъ языкомъ, обстоятельно и взаправду стала толковать о происхожденіи Москвы-народа и имени Москвы-города, а также и всѣхъ Славянъ прямо отъ праотца Мосоха.

Поэтому въ Синопсисѣ Гизеля были отдѣлены особыя главы «О Мосоху прародители Словено-Россійскомъ и о племени его» и другая «О нарѣчіи Москвы, народа и Царственнаго Града»,— въ которой «Нарѣчіе это Москва, отъ имени праотца Мосоха исшедшее, аще оно искони вѣстно древнимъ лѣтописцемъ: бѣ, обаче на мнозѣ и въ молчаніи пребываше», — но впослѣдствіи «величествомъ славы престола княженія отъ Владиміра града пренесеннаго, Богоспасаемый градъ Москва прославися и прародительное въ немъ имя Мосоха въ народѣ Россійскомъ отновися».

Воспитанникъ Кіевской учености, упомянутый дьяконъ Каменевичъ-Рвовскій, пошелъ далѣе и разсказываетъ слѣдующее:

Мы приводимъ въ подлинникѣ его сказаніе, какъ образецъ литературной работы, водворенной въ Москвѣ Кіевскою ученостію:

«Пріиде же Мосохъ Іафетовичъ, шестый сынъ Іафетовъ, господарь нашъ и князь первый, въ страну Скиѳскую великую и Землю нашу сію, такъ предъименуемую, на мѣста селенія сего Московьскаго, на ней же землѣ мы нынѣ жительствуемъ.

«И тогда же той Мосохъ князь Іафетовичъ сотворилъ убо себѣ и всему роду своему, иже суть съ нимъ пришедшему, первобытную селитву свою и основаніе начальное жительства своего, — патріархъ бо онъ бывъ первый той и отецъ нашъ, князь великій Мосохъ Іафетовичъ, и господáрь всѣмъ намъ.

«Начать же селиться на семъ предъизбранномъ и предлюбезномъ его и пренадвысочайшемъ и всепрекрасномъ мѣстѣ своемъ Московскомъ, надъ двѣма рѣкама, на немъ же и нынѣ есть мѣстѣ всепреславномъ, святый и предцарствующій и славою предъиме-

нитою предъвозсіятельствующій и предпреименованный всепревеликій градъ Москва по имени рѣки тоя Москвы, подъ нимъ сущія и текущія, стоитъ. Сію же рѣку тогда сущую безъимениту бывшую отъ исперва, онъ Мосохъ князь, во пришествіи своемъ къ ней и поселеніи прекрасномъ и излюбленномъ, преименовалъ ю Мосохъ князь по имени своему, самаго себя и жены своея княгини прекрасныя и предлюбезныя, нарицаемыя *Квы*. И тако по сложенію общекупному именъ ихъ, князя нашего *Моса* и княгини его *Квы* красныя преднаречеся тогда рѣка та до нихъ самихъ изначала безъименитая предбывшая, Москва рѣка прозваніемъ ихъ и отъ тогда, даже убо и до днесь тако зовома она есть. Вторую же меншую рѣку, впадшую и текущую въ ту же въ Москву рѣку, преименовалъ ю Мосохъ вмѣсто чадородій своихъ честныхъ, сына своего первороднаго, именуемаго сице *Я*, именемъ и прозваніемъ своимъ такъ зовома *Я*, тогда же съ нимъ предприбывшаго, и во имя дщери своея *Вузы* прекрасныя и прелюбезныя, тако предзовомыя, съ нимъ же тогда предприбывшія. И тако же назва ю, рѣку ту безъимениту вторымъ прозваніемъ, и тѣхъ же дѣтей своихъ общекупнымъ ихъ именованіемъ *Явуза* рѣка. И та рѣка *Явуза*, даже и до нынѣ такожде звашеся.

«И созда же тогда Мосохъ князь и градецъ себѣ малый надъ предвысоцѣй горѣ той, надъ устіи Явузы рѣки, на мѣстѣ ономъ первоприбытномъ своемъ имено Московскомъ, идѣже и днесь стоитъ на горѣ оной церковь каменная святаго и великаго мученика Никиты, бѣсовъ мучителя и отъ вѣрныхъ человѣковъ тѣхъ прогонителя, иже которіи отъ оныхъ зло страждутъ и имя мученика святое призываютъ съ вѣрою...

«Сей же Мосохъ князь Московскій бысть и начілородный намъ и первый отецъ не токмо же Скиѳо-Москво-Славено-Россійскимъ людемъ, но и всѣмъ нашимъ своесроднымъ государствамъ премногимъ и народамъ и землямъ и племенамъ и колѣнамъ Скиѳьскимъ...»

Разыскивалъ о происхожденіи имени Москвы и ученѣйшій академикъ нѣмецъ Байеръ. Не зная русскаго языка, онъ толковалъ, что имя Москвы происходитъ отъ *мужского* монастыря — Moscoi отъ Mus (мужъ) и Music (мужикъ) (Кар. II, пр. 301). Кромѣ того, Татищевъ утверждалъ, что «имя Москва есть Сарматское, значитъ *крутящаяся* или *искривленная*, отъ того, что те-

ченіемъ весьма излучины дѣлаетъ, да и внутрь Москвы ихъ не скудно» (Исторіи Россійской кн. 2, стр. 478).

Приведенныя наивныя сказки о Мосохѣ, составляющія полную характеристику Кіевской исторической учености, были приняты Москвичами съ тѣмъ довѣріемъ, какое внушала имъ эта почтенная ученость и въ особенности ея печатная книга (Синопсисъ), почему и были внесены въ разные лѣтописные сборники, какъ начало древнѣйшихъ лѣтъ Руси. Однако неученые и невѣжественные Москвичи, какъ ихъ чествуютъ и упрекаютъ Мосохомъ иные историки, и тогда уже почитали все это вздорною ложью. Въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ конца XVII ст., принадлежащемъ нашей библіотекѣ, есть небольшое разсужденіе по этому предмету, озаглавленное такъ: «Написаніе бысть о Мосохѣ Аѳетовѣ сынѣ». Авторъ затѣмъ говоритъ: «Бысть о семъ сумнѣніе, како положилъ (и напечаталъ) Иннокентій (Гизель) въ Печерской обители въ Кіевѣ въ лѣто 7182 (1674). Ничто же о семъ разумѣющимъ книжное писаніе требно и полезно есть, но ложь обрѣтеся въ писаніи его... Это у него въ лѣтописцѣ напечатано не противъ божественнаго писанія и старыхъ древнихъ лѣтописцевъ, *своимъ изволомъ*, къ похвалѣ Мосоха и Москвѣ рѣцѣ. Буди то отъ его (Мосоха) родовъ вся Словенская и Русская (земля) распространилася, нѣсть сіе полезно и не праведно... А о семъ Мосохѣ ничто же бысть въ писаніи... ни о части его въ Русійсскіе Земли... о семъ въ писаніи въ Словенскихъ и Греческихъ лѣтописцехъ не бысть написано до 182 года» (т.-е. до перваго изданія Синопсиса).

Самый Синопсисъ здѣсь названъ *Польскимъ* Лѣтописцемъ весьма справедливо, потому что онъ составленъ главнымъ образомъ изъ Польскихъ источниковъ, особенно изъ Стрыйковскаго. И все-таки за эту Кіевопольскую ученость всегда укоряли и до сихъ поръ укоряютъ старую Москву, указывая на Синопсисъ, какъ на образецъ Московскаго ученаго невѣжества [1]).

---

[1]) Особенно насмѣшливые упреки *Мосохомъ* раздавались съ высоты Академической нѣмецкой науки, которая, однако, допускала непрерывныя изданія Синопсиса при Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Извѣстно болѣе десятка изданій Синопсиса: три первыхъ въ Кіевѣ 1674, 1678, 1680 гг., два въ Москвѣ 1714 и 1718 гг. и семь въ С.-Петербургѣ 1735—1810 гг. Потомъ въ 1823 г. было напечатано въ Кіевѣ второе (послѣ трехъ первыхъ) изданіе Кіевское, *исправнѣйшее*, съ сохраненіемъ всѣхъ Мосоховыхъ басней. Есть изданія 1836 и 1846 гг. въ Спб.

А деревенская простодушная Москва ни въ чемъ подобномъ и не была повинна. Она гадала объ Олегѣ, но не забывала и настоящей правды о князѣ Юріи Владиміровичѣ.

По всему вѣроятію подъ вліяніемъ той же пришлой учености, пребывавшей, какъ извѣстно, и на Крутицахъ, сочинено было другое сказаніе объ основаніи города Москвы, по которому это основаніе приписывается князю Данилу Ивановичу.

«Въ лѣто 6714 (1206 г.) князь великій Данило Ивановичь послѣ Рюрика короля Римскаго 14 лѣто пришелъ изъ Великаго Новгорода въ Суздаль, и въ Суздалѣ родился ему сынъ князь Георгій и во имя его созда и нарече градъ Юрьевъ Польскій и въ томъ градѣ церковь велѣпную созда во имя св. Георгія каменную на рѣзи отъ подошвы и до верху. И по созданіи того храма поѣхалъ князь Данила Ивановичь изыскивати мѣста, гдѣ ему создати градъ престольный къ Великому Княженію своему и взялъ съ собою нѣкоего гречина именемъ Василья, мудра и знающа зѣло и вѣдающа чему и впредь быти. И въѣхалъ съ нимъ въ *островъ* (лѣсъ) теменъ, непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко и посредѣ того острова и болота узрѣлъ князь Великій Данила Ивановичь звѣря превелика и пречудна, троеглава и красна зѣло... и вопросиша Василія гречанина, что есть видѣніе сіе пречуднаго звѣря? И сказа ему Василіи гречинъ: Великій княже! *на семъ мѣстѣ созиждется градъ превеликъ и распространится царствіе треугольное* и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди... Это прообразуетъ звѣря сего треглаваго, различные на немъ цвѣта, то есть отъ всѣхъ странъ учнутъ въ немъ люди жити... Князь же Данила Ивановичь въ томъ острову наѣхалъ посредѣ болота *островецъ* малъ, а на немъ поставлена хижина мала, а живетъ въ ней пустынникъ, а имя ему Букалъ и потому хижина словетъ Букалова, а нынѣ на томъ мѣстѣ царскій дворъ [1]). И послѣ того князь Данило Ивановичь съ тѣмъ же гречиномъ Василіи спустя 4 дни наѣхалъ горы (кру-

---

Такое количество изданій показывало ,что въ народной средѣ Синопсисъ пользовался не малымъ почтомъ и распространеніемъ, замѣняя собою своего рода учебникъ.

[1]) Въ 1615 г. мая 31 упоминается церковь Воскресенія Христова, что на Букаловѣ. А. О. П. № 896. Но видимо, что это урочище ошибочно написано вмѣсто Булгаково, какъ обыкновенно обозначалась эта церковь — строеніе Булгаковыхъ. Она стояла на Варварскомъ Крестцѣ.

тицы), а въ горахъ тѣхъ стоитъ хижина мала, и въ той хижинѣ (хизинѣ) живетъ человѣкъ римлянинъ имя ему Подонъ... Возлюби, Князь Великій мѣсто сіе, восхотѣ домъ себѣ устроити... Той же Подонъ исполненъ Духа Святаго и рече говоритъ: Княже! не подобаетъ тебѣ здѣсь вселиться, то мѣсто Домъ Божій: здѣсь созиждутъ Храмъ Божій и пребудутъ архіереи Бога Вышняго служители. Князь же Данило Ивановичь въ шестое лѣто на хизинѣ Букаловѣ заложи градъ и нарече имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ Подонскихъ на хижинѣ Подоновѣ заложи церковь Всемилостиваго Спаса и устрои ю свѣтолѣпну. И въ 9 лѣто родися у него два сына князь Алексѣй и князь Петръ. Онъ же князь великій Данило Ивановичь вельми любя сына Алексѣя Даниловича, во имя его созда градъ къ Сѣверу и нарече имя ему Олексинъ и тамя обрете въ островѣ мужа именемъ *Сара земли Иверскія* свята и благоговѣйна зѣло и на его хижинѣ заложи градъ Олексинъ (сравн. Кар. II, пр. 301). И по девятомъ лѣтѣ приде изъ Грекъ Епископъ Варламъ къ князю Данилу Ивановичу и многія чудотворны мощи съ собою принесе; и князь Данило Ивановичь принялъ его съ великою честію и любовію и повелѣ ему освятити храмъ на горахъ Подонскихъ и да ему область Крутицкую и нарекома его владыкою Сарскимъ и Подонскимъ: тако нарекошася Крутицы».

Очень явственно, что это сказаніе сочинено на Крутицахъ какимъ-либо досужимъ мирянином или церковникомъ, однакожъ не совсѣмъ знакомымъ съ тогдашнею ученостью, которая могла бы пространнѣе разсказать о началѣ Москвы съ непремѣннымъ упоминаніемъ о Мосохѣ. Къ тому же сочинитель указываетъ, что онъ былъ родомъ или житіемъ отъ города Алексина.

Неученые Москвичи не умѣли складывать сказки по вольному замыслу, какъ составлена эта Крутицкая сказка, и держались въ своихъ литературныхъ опытахъ стараго обычая лѣтописцевъ, приставляя непремѣнно къ своему разсказу и лѣта событій. Единственнымъ образцомъ для ихъ писательства была именно не чужая, а своя родная лѣтопись. Другихъ образцовъ они не знали и, подражая лѣтописцамъ, вносили въ свои повѣсти ходившія въ народѣ преданія и несомнѣнные остатки уже забытыхъ пѣсенныхъ былинъ.

Такимъ характеромъ отличается самая обстоятельная по составу повѣсть «О началѣ Московскаго Княженія, како—начало бысть, а нынѣ великій пресловущій и преименитый царствующій градъ сіяетъ».

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что эта повѣсть писана размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ и изобрѣтена совершеннымъ невѣждою, то-есть не согласно съ достовѣрными лѣтописцами, что, конечно, и подтверждаетъ ея сказочное былинное происхожденіе. Она внесена между прочимъ въ лѣтописный Сборникъ, принадлежащій нашему собранію рукописей и составленный главнымъ образомъ изъ Новгородскихъ лѣтописцевъ позднѣйшаго состава.

Здѣсь повѣсти дается другое краткое заглавіе вверху страницъ «О началѣ Москвы и о князѣ Данилѣ Суздальскомъ», которое еще больше указываетъ на ея былинный характеръ.

Какъ лѣтописная же Запись, она начинается слѣдующимъ годомъ по порядку собранныхъ годовъ: «Въ лѣто 6789 (1280 г.) мѣсяца Октября въ 29 день по Владимерѣ Князѣ во Владимерѣ градѣ державствовавъ князь Андрей (1294—1304) Александровичъ, а въ Суздалѣ градѣ державствовавъ князь Данило Александровичъ Невскаго». Послѣ этого лѣтописнаго вступленія авторъ начинаетъ свою повѣсть былиннымъ складомъ:

«Почему было на Москвѣ царствомъ быти и кто про тое вѣсть что Москвѣ Государствомъ слыти?

«Были на этомъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя, хорошія, боярина Кучки. У того жъ боярина были два сына красны зѣло; не было такихъ красныхъ юношъ ни во всей Русской Землѣ. И свѣдалъ про нихъ князь Данила Александровичъ Суздальской и спросилъ у Кучка болярина двухъ сыновъ его къ себѣ во дворъ съ великимъ прещеніемъ. И сказалъ ему: если не дашь сыновъ своихъ мнѣ во дворъ и я на тебя войною приду и тебя мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу. И болянинъ Кучко Степанъ Ивановичъ, убояся страха отъ князя Данила Суздальскаго и отдалъ сыновъ своихъ обоихъ князю Данилу Александровичу Суздальскому. И князю Данилу полюбились оба Кучкова сына. И началъ ихъ князь Данила любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другого въ чашники. И полюбились тѣ два юноши Даниловѣ княгинѣ *Улитѣ* Юрьевнѣ; и уязви ею врагъ на тѣхъ юношъ блудною яростію, возлюби бо красоту лица ихъ, и діаволимъ разженіемъ смѣсися любезно.

«Умыслили они со княгинею, какъ бы имъ предати князя Данила смерти. И начали звать князя Данила въ поле ѣздить ради утѣшенія, смотрѣть звѣрскаго уловленія заецевъ. И бысть ему на полѣ. И егда въѣхали въ дебри и начали они Кучковичи предавать его злой смерти. И князь Данила ускочивъ отъ нихъ на конѣ своемъ въ чащу лѣса. И бѣжалъ отъ нихъ подлѣ Оки рѣки, оставя коня своего. Они же злые человѣки и убійцы, аки волки лютые, напрасно (нежданно) хотяху восхитить его. И сами были въ ужасѣ многомъ, искавши его и не обрѣтоша, но только нашли коня его.

«Князь же добѣжалъ съ трудомъ до перевоза. Не имѣлъ онъ что отдать перевознику за перевозъ, только былъ у него на рукѣ золотой перстень; и тотъ перстень давалъ перевознику. А перевозникъ говорилъ ему: «Лихи де вы люди оманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку, и вы, не давъ, такъ и уходите не отдавъ», а познавъ его, что онъ князь Данилъ Александровичъ.

«Князь обѣщалъ ему тотъ золотой перстень вдать, если перевезетъ его Оку рѣку. Перевозникъ, приѣхавъ близко къ берегу отъ другой стороны Оки рѣки и бывъ противъ князя, протянулъ весло къ нему и говоритъ: «Подай перстень на весло, перевознаго (отдай) впередъ и я перевезу Оку рѣку. Князь Данило мнилъ, что онъ правдивый человѣкъ, мнилъ, что не солжетъ и положилъ ему перстень на весло. Перевозникъ, взявъ на веслѣ перстень, отвалилъ отъ берега въ перевознѣ (лодкѣ) за Оку рѣку и не перевезъ его.

«Князь Данилъ побѣжалъ подлѣ рѣки Оки, боясь за собою погони людей его. И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей. И не имѣлъ князь гдѣ прикрыться; пусто было мѣсто въ дебри; и случайно нашелъ онъ въ томъ дебри струбецъ малъ стоящъ; подъ нимъ же погребенъ былъ нѣкоторый мертвый человѣкъ. Князь влезъ въ тотъ струбецъ и закрылся въ немъ и забылъ страхъ мертвыхъ. И почилъ тое ночь темную осеннюю до утрія.

«А сыновья боярина Кучка Степана Ивановича были въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби великой, что упустили князя Данила живаго отъ рукъ своихъ, ранена. И пришли въ раскаяніе и рѣша въ себѣ: «Лучше было благо и не мыслити и не творити надъ княземъ такого дѣла смертнаго, потому что утече отъ насъ

князь Данило раненъ во градъ Владимеръ къ брату своему князю Андрею Александровичу. И придетъ намъ за то зло князь Андрей съ воинствомъ и будетъ намъ отъ нихъ злая казнь и смерть различная и лютая; а княгинѣ Улитѣ повѣшеной быть на вратахъ и злѣ—растлѣной; или въ землю до плечь живой закопаной быть, что мы напрасно умыслили зло на князя неправедно.

«И злая княгиня Улита, наполнилъ дьяволъ ея сердце злой мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки лютую змѣю ядовитую. Распалися сатанинскимъ наважденіемъ блудныя тоя похоти, возлюбивъ бо окаянная малодобрыхъ наложниковъ Кучковыхъ дѣтей любовниковъ своихъ; исповѣдала имъ всѣ тайны мужа своего, сказала: «Есть у мужа моего песъ выжлецъ. И какъ онъ князь Данила ѣздилъ противъ враговъ своихъ на грозныя побоища на Татаръ, или Крымскихъ людей, приказываетъ мнѣ, отъѣзжая, когда де я отъ Татаръ или Крымскихъ людей убитъ буду, или какимъ инымъ случаемъ придетъ смерть мнѣ безвѣстная, или на бою въ трупахъ человѣческихъ сыскать и познать меня не можно, или въ плѣнъ буду взятъ отъ Татаръ; и которымъ путемъ въ которую землю свезутъ меня живого и въ которую страну,—и ты пошли на взысканіе меня дворянъ своихъ съ тѣмъ псомъ и вели имъ пустить того пса предъ собою просто, а самимъ ѣхать за псомъ и гдѣ будетъ живъ свезенъ и песъ тою дорогою дойдетъ до меня; или на полѣ буду мертвъ безвѣстно или на бою убитъ и во многомъ трупіи человѣческомъ, образъ отъ кровавыхъ ранъ пременился, или не познаютъ меня,—и тотъ песъ отыщетъ не ложно, и мертвому мнѣ начнетъ радоваться и тѣло мое лизать начнетъ радостно.

«И на утро княгиня Улита того пса отдала тѣмъ своимъ любовникамъ и твердо имъ приказываетъ, гдѣ бы князя съ тѣмъ псомъ не нашли, тамъ его скорой смерти и предайте безъ милости. Они же злые убійцы, злого ума той злоядницы княгини Улиты наполнившись, пустили того пса скорѣй. Пріѣхавши на то мѣсто, гдѣ вчера князя Данила ранили и съ того мѣста пса пустили напередъ себя... Песъ бѣжитъ передъ ними, они за нимъ скоро ѣдутъ. И бѣжалъ песъ по берегу Оки рѣки и набѣжалъ оной струбецъ, гдѣ ухоронился князь Данилъ, и увидѣлъ князя Данила и началъ шеею своею махати, радуяся ему. Тѣ же искатели его, увидѣвъ пса радующагося и хвостомъ машущаго, скоро вскочивши,

скрываютъ струбецъ и находятъ тутъ князя Данила Александровича. И скоро князю смерть даютъ лютую, мечами и копьями прободоша ребра ему и голову отсѣкоша, и опять въ тотъ струбецъ покрыли тѣло его.

«Благовѣрный князь Данилъ былъ четвертый мученикъ, принялъ мученическую смерть отъ прелюбодѣевъ жены своей. Въ первыхъ мученикахъ Борисъ и Глѣбъ и Святославъ убиты были отъ брата своего окаяннаго Святополка, рекомаго Поганополка. Такъ и сіи Кучковы дѣти пріѣхали во градъ Суздаль и привезли ризу кровавую князя Данила и отдали ее княгинѣ Улитѣ и живутъ съ нею въ томъ же прелюбодѣяніи беззаконномъ попрежнему.

«Не скоро ходитъ вѣсть во Владимеръ градъ ко князю Андрею Александровичу, что сотворилось таковое убійство надъ братомъ его княземъ Даниломъ Александровичемъ. Сыну же его князю Іоанну Даниловичу, внуку Александрову, оставшемуся младу сущу. Токмо, и яръ и лютъ, пріялъ младенца отъ рожденія его, храняше его, вѣрный рабъ отца его именемъ *Давыдъ Тудермивъ.*

«По смерти Даниловѣ прошло уже два (мѣсяца). И сжалился тотъ вѣрный слуга Давыдъ о сынѣ князя Іоаннѣ Даниловичѣ и взявъ его тайно ночью и паде на кони и гнавъ съ нимъ скоро ко граду Владимеру, ко князю Андрею Александровичу, къ стрыю его. И сказалъ все слуга тотъ по ряду, что сотворилось во градѣ злое таковое убійство надъ братомъ его княземъ Даниломъ Александровичемъ.

«Князь Андрей сжалился по братѣ своемъ, какъ князь Ярославъ Владиміровичъ по братіи своей Борисѣ и Глѣбѣ, ратію отмстилъ кровь братій. Такожъ и сей новый Ярославъ, князь Андрей Александровичъ, прослезился горько по братѣ своемъ князь Данилѣ Суздальскомъ и воздѣвъ руки свои на небо и рече со слезами: «Господи Владыко Творецъ всѣхъ и содѣтель, отмсти кровь... сію неповинную брата моего князя Данила»...

«И собралъ князь Андрей во градѣ Владимерѣ своего войска 5000 и поиде ко граду Суздалю. И слышатъ во градѣ Суздальцы и болярина Степана Ивановича Кучка дѣти, что идетъ съ воинствомъ; и взялъ ихъ страхъ и трепетъ, что напрасно пролили кровь неповинную. И не возмогли они стать противъ князя Андрея ратоваться; и бѣжали къ отцу своему боярину Степану Ивановичу Кучку. А князь Андрей пришелъ въ Суздаль градъ. Суздальцы

не воспротивились ему и покорились ему, государю князю Андрею Александровичу: «Мы не были совѣтниками на смерть князя своего, твоего брата князя Данила, но мы знаемъ, что жена его злую смерть умыслила съ любовниками своими Кучковичами и мы можемъ тебѣ Государю пособствовать на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ».

«Князь Андрей повелѣлъ княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками и предалъ ее смерти лютой, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудная дѣла содѣлала и не устрашилася Бога Содѣтеля, и вельможъ, и великихъ людей не устрашилась, и отъ добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдилась, своего мужа предала злѣй смерти, и сама окаянная княгиня ту же злую смерть приняла.

«И собрали Суздальцы 3000 войска, князь Андрею въ помощь пошли. Князь Андрей со всемъ воинствомъ идетъ на боярина Степана Ивановича Кучка. И не было у Кучка боярина кругомъ красныхъ его селъ ограды каменныя, ни острога древянаго; и не возможе Кучко болyринъ противъ князя Андрея боемъ битися. И вскорѣ князь Андрей всею силою и емлетъ приступомъ села и слободы красныя, и самого Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ; и повелѣлъ ихъ оковать желѣзы крѣпкими, и потомъ казнилъ боярина Кучка и съ дѣтьми его всякими казнями различными и лютыми. И тутъ Кучко болyринъ и съ дѣтьми своими лютую смерть принялъ.

«Въ лѣто 6797 (1289) марта въ 17 день князь Андрей Александровичъ отмстилъ кровь брата своего, побѣдилъ Кучка боярина и злыхъ убійцовъ, что убили князя Данила брата его. И все ихъ имѣніе и богатство разграбивъ. А селъ и слободъ красныхъ не пожегъ. И воздалъ славу Богу въ радость и препочилъ тутъ. И на утріе возставъ, и посмотрѣлъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ и вложилъ Богъ въ сердце князю Андрею, и тѣ красныя села ему князю полюбились и разсмотрѣвъ, помышлялъ въ умѣ своемъ на томъ мѣстѣ градъ построить, видѣвъ бо мѣсто прилично, еже граду быти. И вздохнувъ изъ глубины сердца своего, воздѣвъ руки на небо моляся Богу со слезами и сказалъ: Боже Вседержитель Творецъ всѣмъ и создатель! Прослави Господи мѣсто сіе и подаждь Господи помощь хотѣнія моего устроить градъ и создать святыя церкви. И оттолѣ князь Андрей сѣлъ

въ красныхъ тѣхъ селахъ и слободахъ, началъ жительствовать. А во градѣ Суздалѣ и во Владимерѣ посадилъ державствовать сына своего Георгія. А племянника своего, братня сына, князя Іоанна Даниловича къ себѣ взялъ и воспиталъ его до возраста въ добромъ наказаніи.

«Тотъ же благовѣрный князь Андрей Александровичъ воздвигъ церковь древяну Пречистыя Богородицы Честнаго Ея Благовѣщенія и невелику сущу... Также повелѣлъ градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ и имянованіе граду тому положилъ. «А въ то время былъ во Владимерѣ Максимъ Митрополитъ всеа Русіи, его благословеніемъ. Ему же способствовали Суздальцы, и Владимерцы и Ростовцы и всѣ окрестные. И такъ совершиша градъ Божіею помощію. А состроенъ градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля въ 27 день. И оттолѣ нача именоватись граду Москвѣ.

«Пожилъ тотъ благовѣрный князь Андрей во градѣ Москвѣ и устроилъ Божія церкви многія и преставился въ лѣто 6813 (1305). Оставляетъ градъ Москву и приказываетъ державствовать племяннику своему князю Іоанну Даниловичу. А сынъ Андреевъ Георгій, нарицаемый Юрій, Суздальской и Владимерской, преставился прежде смерти отца своего Андрея *Московскаго* за одно лѣто; но только у него остался наслѣдникъ по немъ, сынъ его Дмитрій Юрьевичъ, еще младъ, четырехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцовъ. А тотъ князь Іоаннъ Даниловичъ, дошелъ полнаго возраста. И даровалъ ему Богъ добрый разумъ и премудрость и былъ благодарственъ и вѣренъ, благочестивъ и нищелюбивъ, аки златой сосудъ исполненъ добраго и честнаго бисера. И взялъ къ себѣ Димитрія Юрьевича Суздальскаго, сродича своего и воспиталъ его въ добромъ наказаніи. Подъ сію же Московскую область принялъ державствовать грады и Суздаль и Владимеръ».

Затѣмъ сокращенно изъ Степенной Книги излагаются событія изъ житія Петра митрополита о написанной имъ иконѣ Богородицы и о посвященіи его въ митрополиты. Его прибытіе въ Москву обозначено годомъ 6816 (1308). «Марта въ 22 день пріиде изъ Владимера града къ Москвѣ преосвященный Петръ митрополитъ, благослови князя и нарече его Великимъ Княземъ Московскимъ и всея Русіи. Его же видѣ блаженный Петръ въ православіи сіяюща, всякими добрыми дѣлы украшена, милостива до нищихъ, честь подающа Божіимъ церквамъ и служителемъ и

нача больше иныхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ, и зѣло возлюби его Божій Святитель».

Извѣстное пророчество святителя о Москвѣ значительно распространено новыми прибавочными словами, «яко по Божію благословенію Всемогущія и Живоначальныя Троицы и Пречистыя Его Богоматери и церквей Божіихъ будетъ и монастырей святыхъ безчисленное множество и наречется сей градъ вторый Іерусалимъ и многимъ державствомъ обладаетъ не токмо всею Россіею, но и во вся страны прославится въ восточныя и южныя страны и сѣверныя, и пообладаетъ многими ордами до теплаго моря и до студенаго окіяна, и вознесется Богомъ державство десницы его отнынѣ и до скончанія міру» [1]).

Другое Московское сказаніе о началѣ Москвы также носитъ характеръ лѣтописной записи съ обозначеніемъ годовъ и представляетъ въ своемъ родѣ сочиненіе на заданную мысль знающаго книжника, который старается доказать, что Москва, подобно древнему Риму, основана на крови, съ пролитіемъ крови. Ниже мы увидимъ, что въ своемъ вступленіи къ сказанію онъ воспользовался рѣчами старца Филофея, доказывавшаго, что Москва въ дѣйствительности есть Третій Римъ. По этому поводу сочинитель разсказываетъ слѣдующее.

«О зачалѣ царствующаго града Москвы, како исперва зачатся» (по другому списку: «Зачатіе великаго царства Московскаго»).

«Всѣ убо христіанскія Царства въ конецъ доидоша и снидошася во едино царство нашего великаго Государя. По пророческимъ книгамъ это есть Россійское царствіе.

«Два убо Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быти. По истинѣ градъ Москва именуется *Третій* Римъ, понеже и надъ симъ было вначалѣ то же знаменіе, какъ надъ первымъ и вторымъ. И если оно и различно, но въ сущности одно и то же,—это кровопролитіе.

«Первый Римъ созданъ отъ Рома и Ромила... Начали копать, Аліанъ (aula—дворецъ, палаты) здати, обрѣтоша главу только что убитаго человѣка, свѣжая теплая кровь текла изъ нея, и лице являлось, какъ живое. Волхвы—мудрецы, искусные толкователи

[1]) Лѣтописный Сборникъ XVII ст., принадлежащій нашей библіотекѣ.

подобныхъ знаменій, сказали: «Сей градъ *глава* будетъ многимъ, но не вскорѣ, а по времени, послѣ многихъ убійствъ (закланій) и пролитія кровей многихъ.

«Такъ и второму Риму, т. е. Константинополю основаніе и зачало было не безъ крови же, но по убійствѣ и по пролитіи кровей многихъ.

«Точно такъ и нынѣшнему, сему третьему Риму, Московскому Государству зачало было не безъ крови же, но по пролитіи, и по закланіи и убійствѣ» [1]).

А что нѣкоторые отъ окрестныхъ странъ, враждуя и понося (Московское Государство), говорятъ: Кто чаялъ, или кто когда слышалъ, что Москвѣ граду царствомъ слыть, и многими царствами и странами обладать, такъ это говорятъ, не разумѣя Божіей силы и пророческихъ рѣченій, ибо Всемогущъ Господь и отъ несуществующаго въ существующее привести, какъ искони Вселенную.

«Былъ на Великомъ Княженіи въ Кіевѣ сынъ Владиміра Мономаха князь Юрій. Онъ старшаго своего сына Андрея посадилъ въ Суздалѣ. Въ лѣто 6666 (1158) ѣхалъ князь Юрій изъ Кіева во Владиміръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь градъ Москва по обѣ стороны рѣки. Стояли тутъ села, а владѣлъ ими нѣкій зѣло богатый бояринъ, имя ему Кучко Степановъ (Ивановъ, по другому списку). Тотъ Кучко встрѣтилъ Великаго князя зѣло гордо и не дружелюбно. Возгордѣвся зѣло и не почтилъ в. князя подобающею честію, а къ тому и поносивъ ему. Не стерпя той хулы в. князь повелѣлъ того боярина ухватить и смерти предать. Такъ и было. Видѣвъ же сыновей его, млады суще и лѣпы зѣло и дщерь едину, такову-же благообразну и лѣпу, в. князь отослалъ ихъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Самъ же князь Юрій взыде на гору и обозрѣ съ нея очима своима, сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелѣ вскорѣ сдѣлати градъ малъ, древянъ, по лѣвую сторону рѣки на берегу и прозва его

---

[1]) Эти сказанія о какомъ-то созидательномъ значеніи кровопролитія при постройкѣ славныхъ городовъ, повидимому совпадаютъ съ господствовавшимъ въ средніе вѣка (на Западѣ) народнымъ повѣрьемъ, по которому при сооруженіи какого-либо зданія, въ особенности болѣе значительнаго, требовалось заклать живое существо и на его крови положить основной камень, отчего зданіе никогда не будетъ разрушено. (Соч. Гейне, изд. Маркса, т. III, стр. 365).

званіемъ рѣки Москва градъ». Потомъ князь идетъ во Владиміръ къ сыну Андрею, женитъ его на дочери Кучковой, заповѣдуетъ ему градъ Москву людьми населити и распространити и возвращается въ Кіевъ и съ сыномъ Андреемъ. Затѣмъ разсказывается исторія Андрея Боголюбскаго, какъ онъ изъ Кіева принесъ во Владиміръ икону Богородицы, какъ былъ благочестивъ и какъ потомъ убитъ злодѣями Кучковичами въ союзѣ съ его княгинею, которая негодовала на него за то, что пересталъ раздѣлять съ ней брачное ложе, отдавшись посту и молитвѣ. Въ лѣто 6684 (1176) пришелъ изъ Кіева во Владиміръ братъ Андрея князь Михайло Юрьевичъ, избилъ убійцъ и ввергъ ихъ въ озеро (въ коробѣхъ), а жену его повелѣлъ повѣсить на вратахъ и разстрѣлять изъ многихъ луковъ.

Затѣмъ идетъ краткій перечень послѣдующихъ князей включительно до Ивана Калиты, выбранный изъ лѣтописцевъ и не содержащій ничего особеннаго.

Въ заключеніе упомянуто, что отъ сыновей Калиты по степенямъ дошло и до сего послѣдняго великаго и приснопамятнаго и святопрожившаго Государя Царя Ѳеодора Ивановича, при которомъ, слѣдовательно, и была составлена эта лѣтописная повѣсть.

Повидимому, эта повѣсть сочинена, какъ упомянуто, книжнымъ человѣкомъ съ цѣлью въ точности приравнять Москву — Третій Римъ къ двумъ первымъ Римамъ, именно по поводу пролитія крови при ихъ основаніи. Если Москва явилась Римомъ, то и характеръ ея первоначалія долженъ быть такой же, вполнѣ Римскій, то есть кровавый. Поэтому надо было отыскать, сочинить обстоятельство, которое могло бы доказывать надобное совпаденіе случаевъ кровопролитія въ древнѣйшемъ Римѣ и въ новой Москвѣ.

Если легенда о казни или убійствѣ боярина Кучка и идетъ изъ народнаго преданія, то сказаніе о третьемъ Римѣ наводитъ большое сомнѣніе въ народномъ происхожденіи этой легенды и указываетъ больше всего на прямое сочинительство событія съ бояриномъ Кучкомъ. По наслѣдству отъ перваго Рима явилась кровь и для основанія Третьяго Рима.

Карамзинъ замѣтилъ, что эта сказка, вѣроятно, основана на древнемъ истинномъ преданіи. Дѣйствительно, несомнѣнныя свидѣтельства лѣтописей указываютъ, что бояре Кучковичи суще-

ствовали и именно въ большемъ приближеніи у князя Андрея Боголюбскаго. Въ 1155 г. они переманили его переѣхать изъ Кіева въ Залѣсскій Владиміръ «безъ отча повелѣнія, лестію подъяша»; а въ 1174 г. они являются главными руководителями заговора противъ Андрея и его убійцами. Тверская лѣтопись разсказываетъ нѣсколько иначе это событіе. Она говоритъ, что Андрей былъ убитъ отъ *своихъ бояръ отъ Кучковичевъ,* по наученію своей жены, которая однако жъ была не Кучковна, какъ говоритъ приведенная легенда и позднѣйшія лѣтописи, а Болгарка родомъ, и держала на князя злую мысль особенно за то, что онъ много воевалъ Болгарскую землю «и сына своего посылалъ туда (Мстислава, въ 1172 г.) и много зла учини Болгарамъ»,—такъ что она является мстительницею за разореніе своей родины, что весьма вѣроятно. Княгиня жаловалась на князя втайнѣ Петру, Кучкову зятю, слѣдовательно, она была въ томъ же злодѣйскомъ заговорѣ противъ князя. Ближайшею причиною заговора и злодѣйства лѣтопись обозначаетъ то, что Андрей велѣлъ казнить одного изъ Кучковичей, именно брата возлюбленнаго своего слуги, Якима Кучковича [1]). Якимъ и рѣшаетъ дѣло. На пиру у Петра, Кучкова зятя, онъ поднимаетъ всѣхъ рѣчью: «Какъ намъ быть съ княземъ? вчера онъ *брата моего казнилъ*, а нынче, пожалуй, казнитъ и насъ. Промыслимъ о своей жизни». Такимъ образомъ, Якимъ Кучковичъ, упоминаемый въ легендѣ, является мстителемъ за смерть своего брата, имени котораго (Петръ по легендѣ) лѣтопись не называетъ, но указываетъ, что месть совершена въ Петровъ день, на другой день послѣ казни.

Если по лѣтописи существовали двое Кучковичей, указанныхъ легендою, то могло случиться и событіе, въ ней описанное; невѣренъ только годъ. Въ 1158 году Юрія уже не было въ живыхъ; онъ умеръ въ 1157 г. [2]). Но зато въ Тверской же лѣтописи находимъ весьма любопытное свидѣтельство. Въ 1156 г. «Князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву на устниже (на устьи, ниже) Неглинны, выше рѣки Аузы» [3]).

---

1) Иначе *Кучковитина* (Лѣт. Воскр. 89, и Степ. Книга I, стр. 305), что можетъ указывать на его землячество изъ Кучкова, рекше изъ Москвы.

2) Впрочемъ, по Ипатской лѣтописи Юрій померъ въ 1158 г., мая 15, въ среду, что по днямъ и числамъ оказывается невѣрнымъ и относится именно къ 1157 году.

3) П. С. Р. Л. XV, 225.

Ошибка въ годѣ незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (по легендѣ, млады сущи, въ годъ построенія Москвы, т.-е. въ 1156 г.) еще въ 1155 г. переманиваютъ Андрея во Владиміръ, дѣйствуя противъ воли его отца.

Московскія преданія и былины, ходившія въ народѣ въ теченіи вѣковъ и дававшія матеріалъ для сочинительскихъ сказаній, должны были хорошо помнить имена первыхъ героевъ Москвы, ея основателей и устроителей, князей Юрья, особенно Андрея (Боголюбскаго), Данилу, Ивана и бояръ Кучковичей.

Былины и преданія не могли помнить только года, не могли послѣдовательно разставить событія, перепутали ихъ, какъ перепутали имена, и вспоминали одно главное, что при основаніи Москвы произошелъ романъ, совершено убійство, пролита кровь. Но очень видимо, что главнымъ источникомъ для этихъ сказаній и былинъ послужили обстоятельства убійства Андрея Боголюбскаго, гдѣ главными героями являются именно Кучковичи.

Зерно разсматриваемаго сказанія заключается въ томъ, что основаніе или построеніе города Москвы связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца,—изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ связей, какъ стали сказывать о томъ болѣе поздніе сочинители. У Татищева (Исторія, кн, II, 300) находимъ основанное на этой же легендѣ романическое повѣствованіе.

«Юрій, говоритъ историкъ, хотя имѣлъ княгиню любви достойную и ее любилъ, но при томъ многихъ женъ поданныхъ своихъ часто навѣщалъ и съ ними болѣе, нежели съ княгинею, веселился, ночи сквозь на скомонѣхъ (музыка) проигрывая и пія, препроводилъ... Между всѣми полюбовницами жена Тысяцкаго Суздальскаго Кучка наиболѣе имъ владѣла и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ».

Когда Юрій пошелъ къ Торжку (въ 1147 г.), Кучка не послѣдовалъ за нимъ, а возвратился въ свое село, посадилъ свою жену въ заточеніе и самъ хотѣлъ бѣжать къ врагу Юрья, Изяславу. Услыхавши объ этомъ, Юрій въ ярости воротился изъ похода на Москву-рѣку въ Кучково жилище и тотчасъ убилъ Кучку, дочь его выдалъ за сына своего Андрея и, облюбовавши мѣсто, заложилъ здѣсь городъ. По случаю Андреева брака онъ и позвалъ къ себѣ на веселье Святослава Ольговича. Разсказывая эту повѣсть, Татищевъ ссылается на свой раскольническій манускриптъ

или лѣтопись, полученную имъ отъ раскольника. Повѣсть потомъ была внесена и въ Записки касательно Россійской Исторіи Императрицы Екатерины II (часть II, 112) и повторена у Стриттера въ его Исторіи Росс. Государства, ч. I, стр. 253, какъ повторялась и у многихъ другихъ писателей.

Можно было бы повѣрить этому сказанію, если бы не приводили къ сомнѣнію другія совсѣмъ подобныя же повѣсти, разсказанныя историкомъ про другихъ князей. Такъ, на стр. 242 того же тома своей Исторіи Татищевъ такими же чертами, какъ горячаго сластолюбца, рисуетъ и вел. князя Мстислава Великаго, который точно также отъ жены не скупо чужихъ женъ посѣщалъ...

Приводимъ это повѣствованіе по разсказу Карамзина (II, пр. 256), много смягчившаго подлинный циническій разсказъ.

«Одинъ евнухъ—такъ повѣствуетъ нашъ Историкъ, хотя и другими словами, говоритъ Карамзинъ, — сказалъ Мстиславу: «Ты, князь, воюешь, занимаешься дѣлами или веселишься съ друзьями, а не знаешь, что дѣлается у твоей княгини: съ нею видится наединѣ Прохоръ Васильевичъ». Мстиславъ отвѣчалъ съ улыбкою, какъ философъ: «я любилъ свою первую жену, Христину; однако жъ, будучи молодъ, любилъ и другихъ красавицъ; она видѣла и молчала. Теперь моя очередь видѣть и молчать на старости, совѣтую и тебѣ не говорить о томъ». Однако жъ Тіунъ Прохоръ былъ сосланъ въ Полоцкъ и скоро умеръ. Наши Лѣтописцы не выдумывали такихъ непристойныхъ басенъ. Сія сказка взята изъ Длугоша (Hist. Pol., стр. 463); но тамъ дѣло идетъ о королѣ Польскомъ».

Такимъ образомъ, сочиненіе Татищева о похожденіяхъ великаго князя Юрья Долгорукаго при основаніи Москвы города есть чистѣйшій вымыселъ, представляющій попытку украсить Исторію о началѣ Москвы новымъ, наиболѣе любопытнымъ сказаніемъ.

Надо замѣтить, что всѣ *печатныя* сказанія, поступившія въ оборотъ исторической литературы, когда требовалось говорить о началѣ царствующаго города, пользовались, по преимуществу, только тѣмъ сказаніемъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Писатели сокращали повѣствованіе, прибавляли нѣкоторыя подробности въ объясненіе темныхъ или недосказанныхъ мѣстъ

и, заимствуя другъ у друга вкратцѣ содержаніе повѣсти, по мѣстамъ искажали его подлинныя указанія.

Обстоятельнѣе всѣхъ другихъ воспользовался этимъ старымъ сказаніемъ, какъ и другими, изложенными выше, знаменитый Сумароковъ. Въ своей Трудолюбивой Пчелѣ (Генварь 1759 г.) онъ напечаталъ небольшую статью «О первоначаліи и созиданіи Москвы», гдѣ, съ нѣкоторыми своими домышленіями изложивъ содержаніе упомянутаго сказанія, передаетъ и Крутицкія Сказанія о пустынникѣ Букалѣ, Подонѣ, Сарѣ, епископѣ Варлаамѣ и пр. Затѣмъ вкратцѣ слѣдуетъ Исторія созиданія города включительно до царя Ѳедора Ив.

Въ другой статьѣ «Краткая Московская Лѣтопись» онъ слово въ слово помѣстилъ свой пересказъ помянутаго сказанія съ тѣмъ же добавленіемъ именъ Кучковыхъ сыновей—Петръ, Іоакимъ и дочери Улита. А въ новомъ пересказѣ добавилъ имена Кучковыхъ селъ: «Селенія Кучки были *Воробьево* на Воробьевой горѣ; *Симоново*, гдѣ Симоновъ монастырь; *Высоцкое*, Петровскій монастырь; *Кудрино* и *Кулижки*, тако и по нынѣ именуемыя; *Сухощаво* отъ пересыханія рѣчки, нынѣ *Сущово*; *Кузнецкая* Слободка, гдѣ Кузнецкій Мостъ. И тамо были еще селенія, гдѣ Вшивая горка, Андроніевъ монастырь, тамо гдѣ Красный прудъ и гдѣ былъ Чистый прудъ. А жилище Кучково у Чистаго пруда было».

Прибавимъ также, что Москва рѣка прежде называлась *Смородиною*, по всему вѣроятію, заимствуя это свѣдѣніе изъ народной пѣсни о злосчастномъ добромъ молодцѣ, какъ это увидимъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи. «Имя Москвы, разсуждаетъ авторъ, производятъ нѣкоторые отъ Мосоха; однако, того ни какимъ доводомъ утвердить невозможно и кажется то вѣроятнѣе, что Москва имѣетъ имя отъ худыхъ *мостковъ*, которые на семъ мѣстѣ по болотамъ положены были... Въ семъ, отъ чего сей городъ воспріялъ свое имя, преимущество есть равное, отъ *Мосоха* ли или отъ *мостковъ*; но то удивительно, что худые мостки цѣлому великому Государству дали имя». О худыхъ мосткахъ авторъ въ другомъ мѣстѣ разсуждаетъ, что Москва-рѣка, протекая чрезъ Московскія воды, имѣла мостки, гдѣ ломалися оси, колеса и дроги, ради чего при мосткѣ чрезъ Неглинную поселилися и кузнецы, отчего и понынѣ мостъ черезъ ту рѣку называется Куз-

нецкимъ мостомъ. Отъ сихъ мостковъ главная рѣка получила наименованіе, а отъ рѣки и городъ [1]).

Такъ подлинныя Рукописныя Сказанія пополнялись новыми уже печатными домышленіями.

Сумароковъ писалъ о первоначаліи Москвы, по всему вѣроятію, въ отвѣтъ ходившимъ въ его время вопросамъ и запросамъ со стороны любопытствующаго общества. Его писанія и составили основу для объясненій первоначальной Исторіи Москвы.

Сама Императрица (Екатерина II), повидимому, очень желала знать наиболѣе достовѣрную и обстоятельную исторію о первоначаліи города и потому именнымъ указомъ повелѣла Надворному Совѣтнику Михаилу Ильинскому написать Историческое описаніе о началѣ города Москвы, какъ и по какимъ причинамъ она основалась, кѣмъ и когда Престолъ туда перенесенъ? И отчего сей городъ получилъ тогда свое возвышеніе. Пребываніе въ немъ митрополита, (вообще) дѣла по церкви, въ Москву стекаясь, не были-ли главнѣйшею причиною какъ умноженія силы сего города, такъ и соединенія княжествъ?»

Въ отвѣтъ на эти вопросы сочинитель представилъ «Опытъ историческаго описанія о началѣ города Москвы», небольшую книжку въ 100 стр. въ 1/8 д. л. М. 1795 г., въ которой, основавшись на исторіяхъ Татищева и Щербатова и на нѣкоторыхъ лѣтописцахъ, изобразилъ собственно политическую Исторію города, довольно разсудительно очерченную. За свой трудъ онъ получилъ Всемилостивѣйшую награду—тысячу рублей, которые были препровождены княземъ Потемкинымъ къ митрополиту Платону для передачи автору.

Между тѣмъ, писанія Сумарокова повторялись во всѣхъ сочиненіяхъ, касавшихся этого предмета, конечно, съ различными варіантами и новыми домыслами.

Тогдашній не менѣе знаменитый критикъ историческихъ сочиненій генералъ-маіоръ Болтинъ, разбирая Исторію кн. Щербатова, сказавшаго, что кн. Святославъ Ольговичъ былъ призванъ кн. Юрьемъ въ Москву, писалъ слѣдующее:

«Святославъ Ольговичъ пріѣзжалъ къ Георгію въ село Кучково,

---

1) Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова, часть VI, М. 1781 г., стр. 163, 240, 303.

а не въ Москву, и не для свиданія, но яко званый гость на свадьбу къ его сыну. На семъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Москва, было тогда село Кучково, прозванное такъ по имени его владѣльца, Тысяцкаго кн. Юрія, Кучки. Въ самое сіе время кн. Юрій пріѣхалъ въ село Кучково, онаго Кучку за нѣкоторое его преступленіе казнилъ, жену жъ его (уже не дочь) выдалъ за сына своего Андрея, приглася на свадьбу и сказаннаго Святослава Ольговича, бывшаго на то время въ области Смоленской. Между тѣмъ кн. Юрій, полюбя мѣстоположеніе села Кучкова, опредѣлилъ быть тутъ городу и при себѣ положилъ ему основаніе, однако жъ сей новозаложенный градъ остался при старомъ имени и долго потомъ назывался Кучковымъ».

Въ другомъ мѣстѣ Болтинъ пишетъ, что кн. Юрій, построивъ городокъ, «однако жъ отъ дѣтей Кучковыхъ его не отнялъ, и они владѣли имъ до самаго того времени, какъ за убійство кн. Андрея, у котораго супругою была ихъ сестра, они были казнены. И во все то время городокъ сей назывался прежнимъ своимъ именованіемъ Кучково. Послѣ казни дѣтей Кучковыхъ переименованъ по имени рѣки Москвою и болѣе, можетъ быть, для того, чтобъ названіе цареубійцъ Кучковъ изъ памяти истребить, подобно, какъ Яикъ прозванъ Ураломъ» (Критическія примѣчанія на первый томъ, стр. 190, на второй томъ, стр. 183).

Подобныя, уже отъ учености, сказанія продолжались и въ новѣйшее время. Бѣляевъ (Ив. Дм.) по поводу разсматриваемыхъ здѣсь старыхъ сказаній представилъ цѣлую обстоятельную не малаго объема повѣсть „*О борьбѣ земскихъ бояръ съ княжеской властію*“.

Онъ говоритъ, что «Кучко былъ богатый бояринъ и могущественный землевладѣлецъ въ здѣшнемъ краѣ, по словамъ преданія, не только не думавшій признавать княжеской власти, но и прямо въ глаза поносившій князя Юрія Влад. Долгорукаго. Таковое отношеніе Кучка къ Юрію прямо говоритъ, что Кучко былъ не дружинникъ князя, а старинный земскій бояринъ, по всему вѣроятію, древній колонистъ Новгородскій, принадлежащій къ роду первыхъ насельниковъ здѣшняго края, пришедшихъ сюда изъ Новгорода еще до приглашенія Рюрика съ братьями» [1]). Далѣе

---

[1]) Свое мнѣніе о Новгородскомъ происхожденіи боярина Кучки и о томъ, что Москва первоначально была построена въ Новгородской землѣ, авторъ основыва-

разсказываетъ авторъ, что пришелъ въ этотъ край кн. Юрій и началъ заводить новые, собственно княжескіе порядки, «началъ строить города и приглашать поселенцевъ изъ Приднѣпровья и другихъ краевъ Русской Земли и тѣмъ стѣснять полное приволье здѣшнихъ старожильцевъ, особенно богатыхъ земскихъ бояръ, изстаринныхъ Новгородскихъ колонистовъ. На эти стѣсненія и новости, вводимыя поселившимся здѣсь княземъ, земскіе бояре, не привыкшіе ни къ чему подобному, конечно, отвѣчали или глухимъ неповиновеніемъ, или явнымъ сопротивленіемъ и даже оскорбленіемъ князя...

«Народное преданіе, конечно, не безъ причины указало на села и слободы боярина Кучка, какъ на главное гнѣздо боярскаго сопротивленія княжеской власти, и олицетворило это сопротивленіе и боярскую надменность въ миѳѣ боярина Кучки.

«Но здѣшніе бояре, слишкомъ самонадѣянные и гордые, не были въ силахъ дать надлежащее сопротивленіе князю и даже не имѣли достаточныхъ укрѣпленій, за которыми бы могли успѣшно обороняться; и потому, какъ и слѣдовало ожидать, при первой же встрѣчѣ они потерпѣли пораженіе, и Степанъ Ивановичъ Кучко за свою дерзость поплатился головой; а князь Юрій Влад., управившись съ нежданнымъ противникомъ, въ самыхъ имѣніяхъ Кучка *построилъ княжій городъ*, чтобы такимъ образомъ утвердить за собой и своимъ потомствомъ ту самую мѣстность, гдѣ встрѣтилъ *сильнѣйшее* сопротивленіе своей власти». Вотъ въ чемъ заключалась вся борьба земскихъ бояръ съ княжескою властью! (Русскій Вѣстникъ 1868 г. Мартъ).

етъ на томъ обстоятельствѣ, что въ Переписной Новгородской Книгѣ 1500 г. упомянута деревня *Кучково* и ея поселяне Сидорка да Ондрейка Тимошкины дѣти Кучкова, въ лицѣ которыхъ онъ видитъ „*родъ* изстаринныхъ новгородскихъ вотчинниковъ *Кучковичей*“ (Временникъ О. И. и Др., Кн. II, стр. 216 и Смѣсь, стр. 29).

Это примѣчаніе усвоено и Снегиревымъ (Москва. Подробное Историческое и Археологическое описаніе города. М. 1865 г., стр. 1 и 103), который подкрѣплялъ его и своими соображеніями и указаніями все-таки недостаточно основательными. Съ такою же вѣроятностію можно выводить Кучково и Кучковичей не только изъ Новгорода, но даже и отъ Поморскихъ Славянъ, у которыхъ существовали имена мѣстъ Cuckow, Cuckevitz, Kuckevitz. А также необходимо припомнить и одно изъ именъ Игоревыхъ пословъ къ грекамъ *Куци*, такъ какъ Кучково именуется и Куцковымъ.

И это баснословіе также поступило въ оборотъ сказаній о первоначаліи Москвы. Въ книгѣ «Москва. Историческій очеркъ» (М., 1883 г.) оно помѣстилось въ сокращеніи на первыхъ страницахъ.

Къ числу новѣйшихъ сказаній должно отнести и увѣреніе историка Д. И. Иловайскаго, что Москва-городъ основалась именно тамъ, гдѣ на Москвѣ-рѣкѣ существовалъ нѣкогда *каменистый* порогъ. «Около средины своего теченія (ближе къ устью?), говоритъ авторъ, извилистая рѣка Москва въ одномъ изъ своихъ изгибовъ преграждается небольшимъ каменистымъ порогомъ. Вода съ шумомъ бѣжитъ по этому порогу и только въ полую воду покрываетъ его на значительную глубину. Этотъ-то небольшой порогъ (нынѣ подлѣ храма Спасителя, подъ бывшимъ Каменнымъ мостомъ) и послужилъ первоначальною причиною къ возникновенію знаменитаго города. Выше порога рѣка по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна». Описывая далѣе судоходство по рѣкамъ въ Москву, авторъ указываетъ, что «Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ и доходили до помянутаго *порога*. Здѣсь путники опять покидали суда и сухопутьемъ отправлялись въ стольные города Ростовъ, Суздаль и Владиміръ...» [1]).

Этотъ порогъ въ дѣйствительности существуетъ и донынѣ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ деревянныхъ свай, набитыхъ въ разное время по случаю устройства Каменнаго моста. Русло Москвы-рѣки на самомъ дѣлѣ течетъ надъ сплошнымъ пластомъ горнаго известняка, который въ иныхъ мѣстахъ обнаруживается на днѣ рѣки, но пороговъ нигдѣ не устроиваетъ. Если возможно было набить въ дно рѣки деревянныя, хотя бы и короткія по длинѣ, сваи, то это прямо указываетъ, что до пласта горнаго известняка остается еще значительный слой песковъ и глинъ, лежащихъ надъ этимъ пластомъ.

По поводу всѣхъ изложенныхъ выше рукописныхъ преданій и печатныхъ домышленій можно сказать словами автора книги: Москва или Историческій Путеводитель (М., 1827 г., ч. I, стр. 1), что «Достовѣрныя лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ точныхъ извѣстій ни объ основателѣ Москвы, ни о времени ея начала,

---

[1]) Исторія Россіи, II, стр. 2 и 3; Моск. Вѣд. 1890 г., № 22.

почему важное сіе событіе и остается подъ завѣсою темныхъ догадокъ, основанныхъ на разныхъ сохранившихся до нашихъ временъ *«невѣрныхъ повѣстяхъ»*, не говоримъ о новѣйшихъ повѣствованіяхъ, въ родѣ повѣсти о *земскихъ боярахъ*, или о томъ, что у Каменнаго моста существовалъ каменистый, а на самомъ дѣлѣ только деревянный порогъ.

Самое событіе, передаваемое рукописною легендою, что князь Юрій казнилъ боярина Кучку, подвергается большому сомнѣнію, такъ какъ оно явилось для доказательства, что и *Третій Римъ, Москва*, тоже основанъ на пролитой крови. По всѣму вѣроятію, это такой же вымыселъ, какъ и борьба земскихъ бояръ съ княжескою властью.

Такимъ образомъ, остается болѣе цѣннымъ народное преданіе о князѣ Даніилѣ, которое въ сущности есть спутанный пересказъ истиннаго событія—убійства Кучковичами князя Андрея Боголюбскаго.

О Москвѣ—Третьемъ Римѣ стали толковать, что эту легенду придумали сами Москвичи, вдохновляемые своею нѣвежественною гордынею. Это такъ же вѣрно, какъ и сказаніе о происхожденіи имени Москвы отъ Мосоха, которымъ упрекали Москвичей тоже въ качествѣ ихъ непомѣрной гордыни и круглаго деревенскаго невѣжества.

Легенда, а вѣрнѣе сказать, народная мысль въ Москвѣ, какъ о Третьемъ Римѣ, возникла и стала распространяться во всемъ Православномъ мірѣ еще со времени Флорентинскаго Собора (1439 г.), когда второй Римъ, знаменитый Царьградъ, въ лицѣ своего императора и главныхъ своихъ представителей, промѣнялъ свое православное первенство на чечевичную похлебку врагу Восточной церкви, *Риму* первому, а теперь папскому Риму, и когда этотъ папскій Римъ узналъ, что Православная крѣпкая сила еще существуетъ, именно въ далекой и дотолѣ почти совсѣмъ незнаемой Москвѣ, непоколебимо отринувшей недостойную Флорентинскую сдѣлку, на которую второй Римъ—Царьградъ такъ безславно согласился.

Всѣ православные народности Востока, Греки и Славяне, въ это же время узнали, что единственнымъ защитникомъ и поборникомъ Православія явилась далекая Москва, прославленная на

соборѣ уже могущественнымъ государствомъ, о чемъ для своей же пользы долженъ былъ разсказывать и самый измѣнникъ Православію, Исидоръ, хотя сама по себѣ Москва еще только зарождалась настоящимъ Государствомъ. Затѣмъ погибель Второго Рима отъ завоеванія Турками уже окончательно утвердила въ понятіяхъ Православныхъ народностей, что далекая Москва остается единственнымъ могучимъ Государствомъ, способнымъ охранять Восточную вѣру отъ всякихъ находящихъ напастей.

По крайней мѣрѣ, всѣ упованія вѣрующихъ въ одной Москвѣ находили точку опоры, въ одной Москвѣ чувствовали непобѣдимую Православную силу, къ покровительству которой и потекли всѣ обездоленные и разоренные отъ Турецкаго владычества или притѣсненные отъ Папы. Съ той поры Москва явилась щедрою благотворительницею для угнетенныхъ народностей, особенно для Грековъ, не перестававшихъ появляться въ Москвѣ за милостынею.

Очень естественно, что люди, потерявшіе свой Римъ, обращали свои упованія на Москву, какъ на новый *Третій* Римъ и могли высказывать эту простую мысль Московскимъ книжнымъ людямъ.

Къ тому же и ходъ событій очень благопріятствовалъ распространенію и укрѣпленію такой мысли. Послѣ брака Ивана III на Греческой Царевнѣ Софьѣ Москва на самомъ дѣлѣ явилась наслѣдницею второго Рима, т.-е. исчезнувшаго Византійскаго Царства. Бракъ былъ устроенъ Папою въ видахъ привлеченія Русской Церкви къ подчиненію Папской Церкви, но онъ послужилъ только къ новому возвеличенію Москвы въ глазахъ всего Православнаго міра.

Прибывшіе съ царевной греки развѣ не могли помышлять о Москвѣ, какъ о настоящемъ Третьемъ Римѣ, въ виду разраставшейся политической силы Московскаго Государства, крѣпкаго охранителя Православной Церкви.

Какъ бы ни было, но въ Москвѣ съ того времени стали ходить толки и разсужденія о значеніи двухъ Римовъ, древняго и новаго — т.-е. Цареградскаго; новымъ назвалъ его самъ царь Константинъ, строитель Византіи. Ходили толки и о наслѣдствѣ, кто будетъ наслѣдникомъ и возстановителемъ этого новаго Цареградскаго Рима, завоеваннаго теперь Турками. И такъ какъ Московскій Государь являлся теперь единымъ на всемъ Христі-

анскомъ Востокѣ независимымъ Православнымъ Государемъ, то простая мысль уже прямо указывала, что такимъ наслѣдникомъ и возстановителемъ православнаго Рима можетъ быть и должна быть только одна Москва. Другого могучаго представителя и охранителя Восточнаго Христіанства теперь не было. Это сознаніе выростало у всѣхъ покоренныхъ Турками православныхъ народностей. Оно принесено было и въ Москву и такимъ образомъ и въ Москвѣ между книжными людьми воцарилась мысль о Третьемъ уже Московскомъ Римѣ.

Въ первой четверти XVI ст. въ Псковскомъ Елеазаровомъ монастырѣ жилъ старецъ Филофей, человѣкъ сельскій, какъ онъ писалъ о себѣ, учился только *буквамъ*, а Еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ, учился только буквамъ благодатнаго закона, т.-е. книгамъ св. Писанія.

Несмотря на такой скромный отзывъ о своей особѣ, старецъ однако, судя по его писаніямъ, принадлежалъ къ образованнѣйшимъ книжникамъ своего времени.

Онъ написалъ обширное посланіе къ жившему во Псковѣ (1510—1528 г.) царскому дьяку Мих. Мунехину о звѣздочетцахъ въ отвѣтъ на вопросъ дьяка, какъ разумѣть приходящія отъ Латынъ астрономическія гаданія, предсказывавшія, что въ тотъ 1524 г. послѣдуетъ премѣненіе всего видимаго міра.

Разрѣшая этотъ вопросъ, на основаніи Бытейскихъ книгъ, и опровергая кощуны и басни Латинскихъ астрономовъ, старецъ касается и вѣроисповѣдныхъ различій съ Латинствомъ, а также и о перемѣненіи въ судьбахъ царствъ и странъ, что не отъ звѣздъ это приходитъ, но отъ Бога.

Обращаясь затѣмъ къ своей современности, старецъ пишетъ, что Греческое Царство раззорилось и не созиждется, потому что греки предали Православную Греческую Вѣру въ Латынство; что если стѣны и столпы и полаты Великаго древняго Рима не плѣнены, зато души ихъ отъ дьявола были плѣнены опрѣсноковъ ради; что вмѣсто Римской и Константинопольской церкви нынѣ въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ Православная церковь едина во всей вселенной паче солнца свѣтится; что Моск. Государь теперь во всей поднебесной единый христіанамъ царь и браздодержатель Святыхъ Божіихъ Престоловъ св. Вселенскія церкви. «Всѣ

христіанскія царства преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Россійское Царство. Два убо Рима падоша, а *третій* стоитъ, а четвертому не быти... Христіанскія царства потопишася отъ невѣрныхъ, токмо единаго нашего Государя царство, благодатію Христовою, стоитъ. Подобаетъ Царствующему держати сіе съ великимъ опасеніемъ и не уповати на злато и богатство изчезновенное, но уповати на Вседающаго Бога.

То же самое старецъ писалъ и къ самому вел. князю и первоназванному царю Василію Ивановичу.

«Стараго убо Рима Церковь пала невѣріемъ Аполлинаріевой ереси, второго Рима Константинова града Церковь агаряне сѣкирами и оскордами разсѣкоша. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія Святая Соборная Апостольская Церковь во всей поднебесной паче солнца свѣтится.

«Вѣдай и внимай, благочестивый царь, что всѣ царства Православной Христіанской Вѣры снидошася въ твое единое царство; Единъ ты во всей поднебесной христіанамъ Царь». Эти самыя рѣчи потомъ въ 1589 г. повторены и въ рѣчи къ царю Ѳеодору Ив. отъ Константинопольскаго патріарха Іереміи при установленіи въ Россіи патріаршества[1]).

Такимъ образомъ, идея о Третьемъ Римѣ въ Москвѣ не была праздною мыслью какихъ-либо досужихъ книжниковъ, но представляла крѣпкое убѣжденіе всего духовнаго чина Русской Церкви, и старецъ Филофей высказывалъ только укоренившееся уже въ сознаніи Русскаго высшаго духовенства мнѣніе о первенствѣ Русской Церкви во всемъ Восточномъ Православномъ мірѣ, именно по тому поводу, что Московскій Государь оставался единымъ державнымъ представителемъ въ Православномъ Христіанствѣ.

Послѣ того, какъ распространились такія мысли о Третьемъ Римѣ въ Москвѣ, явилась надобность доказать, что Третій Римъ—Москва и по своему началу не отдаляется отъ двухъ своихъ собратій, а точно также основанъ на пролитіи крови, о чемъ и толкуетъ приведенное сказаніе о началѣ Московскаго Царства.

Уподобленіе шло дальше: Второй Римъ Царьградъ въ древ-

---

[1]) Правосл. Собесѣдникъ 1861 г. ч. II, 82, 90, 91, 96 и 1863 г. ч. I, стр. 344. Собр. Г. Гр. II, 95.

нихъ писаніяхъ по своему мѣстоположенію нерѣдко прозывался *Седмихолмнымъ* и *Седмихолміемъ*.

И по нашей лѣтописи извѣстно, какъ Царь Константинъ Великій сооружалъ Царьгородъ. Пришедши въ Византію, онъ увидѣлъ на томъ мѣстѣ *седмь горъ*; и повелѣлъ горы рыть, равнять мѣсто для будущаго города. Потомъ повелѣлъ размѣрить мѣстность не *три угла*, на всѣ стороны по *семи* верстъ. Во время работъ внезапно вышелъ изъ норы змій и поползъ по размѣренному мѣсту. Но въ тотъ же часъ съ высоты упалъ на змія орелъ, схватилъ его, полетѣлъ на высоту и исчезъ тамъ изъ глазъ на долгое время. Потомъ онъ упалъ вмѣстѣ со зміемъ на то же мѣсто—змій его одолѣлъ. Собравшіеся люди убили змѣя и освободили орла. Царь былъ въ великомъ ужасѣ передъ этимъ явленіемъ. Созвалъ книжниковъ и мудрецовъ и разсказалъ имъ явившееся *знаменіе*. Мудрецы, поразсудивши, объяснили царю, что эта мѣстность будущаго города назовется *Седмохолмный* и прославится и возвеличится во всей вселенной... Орелъ есть знаменіе христіанское, а змій знаменіе бесерменское; а что змій одолѣлъ орла—это значитъ, что бесерменство одолѣетъ христіанство; а что христіане змія убили, а орла освободили, это значитъ, что напослѣдокъ опять Христіанство одолѣетъ бесерменство и *Седмохолмнаго* возмутъ и въ немъ вцарятся.

Такъ былъ построенъ Новый (второй) Римъ. Онъ погибъ отъ бесерменства. Но явился Третій Римъ, который, по сказанію, какъ христіанская сила, необходимо долженъ побѣдить бесерменскую силу.

Объ этомъ сталъ мыслить и сталъ питать надежду, что такъ и совершится, почти весь угнетенный бесерменствомъ Христіанскій Востокъ, именно въ то время, когда сталъ усиливать свое могущество любезный намъ Третій Римъ. До нашихъ дней, замѣчаетъ лѣтописецъ XVI ст., Греки хвалятся государевымъ царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго и надежду на Бога держатъ.

Въ томъ же Цареградѣ объявились сами собою предсказанія, что побѣду надъ бесерменствомъ исполнитъ никто иной, какъ именно *русскій родъ*. Очень естественно, что нашъ лѣтописецъ воспользовался этими гаданіями цареградскихъ христіанъ и внесъ въ лѣтопись ихъ же свидѣтельство, что если исполнились предсказанія (Меѳодія Патарскаго) о погибели Цареграда, то испол-

нится и послѣднее предсказаніе, какъ пишутъ, что «Русскій родъ Измаилита побѣдятъ и *Седмохолмнаго* пріимутъ и въ немъ вцарятся (П. С. Л. VIII, 126, 143. Никон. V, 222—227).

Таковы были ходячія легенды о *Седмохолмномъ*. Ясное дѣло, что по этимъ легендамъ и Третьему Риму, славному городу Москвѣ, надо быть также Седмохолмному.

Топографическое расположеніе Москвы въ дѣйствительности представляетъ какъ бы очень холмистую мѣстность, гдѣ легко обозначить не только *семь*, но и болѣе разнородныхъ холмовъ. Повидимому, эта мысль о семи московскихъ холмахъ уже ходила въ народѣ съ того времени, какъ было составлено приведенное выше сказаніе о Третьемъ Римѣ. Одинъ изъ иноземныхъ путешественниковъ въ Москву, Яковъ Рейтенфельсъ, еще въ семидесятыхъ годахъ XVII ст. упоминаетъ уже о семи холмахъ и пишетъ, между прочимъ, что «Городъ (Москва) расположенъ *на семи* среднихъ по высотѣ холмахъ, кои тоже не мало способствуютъ наружной его красотѣ». Другой путешественникъ Эрколе Зани (1672) тоже повѣствуетъ, что городъ «заключаетъ въ своей окружности *семь* холмовъ» [1]).

Иностранцы едва ли могли сосчитать Московскіе холмы, не очень явственные и для тутошнихъ обывателей, а потому несомнѣнно они записали только ходячее свѣдѣніе у тогдашнихъ грамотныхъ Москвичей, которые очень хорошо знали свои урочищныя горы, напр., *Красную горку* возлѣ университета, *Псковскую гору* въ Зарядьѣ, *Гостину гору* у Николы Воробино, *Лыщикову* гору на Воронцовѣ, *Вшивую* при устьѣ Яузы и т. д. и по этимъ горамъ могли насчитать полныхъ *семь* горъ или семь холмовъ. Однако, намъ не встрѣтилось никакихъ указаній на такое старинное перечисленіе Московскихъ холмовъ.

Въ наше время толки о семи холмахъ особенно настойчиво были проводимы извѣстнымъ историкомъ Москвы Ив. М. Снегиревымъ.

Въ разысканіи московскихъ семи холмовъ принимали участіе естествоиспытатель Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, журналистъ Сенковскій, историкъ Погодинъ.

Вѣроятно, при содѣйствіи Снегирева естествоиспытатель Фи-

---

[1]) Чтенія Общ. Исторіи и Древн. 1891 г. Кн. 3, стр. 165, 169.

шеръ въ мѣстоположеніи города нашелъ именно ***семь*** холмовъ, маковицы которыхъ, т. е. самыя высокія мѣста, онъ указываетъ— для перваго холма колокольню Ивана Великаго. Другія маковицы находятся: для второго холма на Покровкѣ церковь Успенія Богоматери, для третьяго—Страстной монастырь, для четвертаго—Три горы, для пятаго—Вшивая горка; для шестого—Лафертово, т. е. Введенскія горы, и, наконецъ, для седьмого холма мѣстность отъ Нескучнаго до Воробьевыхъ горъ.

Погодинъ вмѣсто Трехъ Горъ указывалъ возвышенность отъ Самотеки и Трубы къ Сухаревой башнѣ. Сенковскій насчиталъ девять холмовъ, полагая Три Горы за три холма.

По мнѣнію Снегирева вообще «Москва составляетъ такую ***котловину***, коей дно усѣяно холмами съ ихъ пригорками» [1]).

Таковы новѣйшія сказанія собственно о мѣстоположеніи Москвы. По этому поводу мы приводимъ здѣсь наши наблюденія, изложенныя въ критическомъ разборѣ сочиненія Снегирева по изданію г. Мартынова.

Москва, дѣйствительно, лежитъ «на горахъ и долинахъ», но эти горы и долины образовались собственно отъ потоковъ ея рѣкъ и рѣчекъ. Въ сущности же, въ общемъ очертаніи Москва большею частію занимаетъ ровную мѣстность, что замѣчали и иностранные путешественники еще въ XVI ст. Въ ея чертѣ нѣтъ даже такихъ переваловъ, какіе находятся, напр., въ ея ближайшихъ окрестностяхъ подъ именемъ «Поклонныхъ горъ». Горы и холмы Москвы суть высокіе берега ея рѣкъ; долины и болота— низменные, луговые ихъ берега: такимъ образомъ, эти горы будутъ горами только въ относительномъ смыслѣ. Кремль—гора въ отношеніи къ Замоскворѣчью, такъ какъ мѣстность Ильинки или Варварки—гора въ отношеніи къ низменному Зарядью; Маросейка въ отношеніи къ Солянкѣ (Кулижкамъ); но и Кремль, и Ильинка, и Маросейка суть ровныя мѣста въ отношеніи къ Срѣтенкѣ, Мясницкой и т. д. Потокъ Москвы-рѣки, какъ и всѣхъ почти мелкихъ рѣкъ Московской области, въ своемъ извилистомъ теченіи, безпрестанно поворачивая въ разныхъ направленіяхъ, образуетъ почти при каждомъ болѣе или менѣе значительномъ пово-

---

[1]) Памятники Моск. Древности, стр. CVII; Москва, изданіе Мартынова, стр. 86.

ротѣ обширные луга, долины, которые нерѣдко своимъ общимъ видомъ, окруженные высокими берегами, представляютъ дѣйствительныя котловины. Въ отношеніи такихъ-то котловинъ высокіе берега, разумѣется, становятся горами.

Мѣсторасположеніе Москвы и состоитъ изъ такихъ горъ и долинъ; въ этомъ и заключается общая характеристика ея топографіи, но это же самое не даетъ точнаго основанія представлять мѣстность Москвы «котловиною, усѣянною на ея днѣ холмами».

Ровная мѣстность, на которой, главнымъ образомъ, расположена Москва, бѣжитъ къ Москвѣ-рѣкѣ съ сѣвера отъ Дмитровской и отъ Троицкой (Ярославской) дороги.

Оттуда же, съ сѣвера, отъ боровой лѣсистой стороны къ югу, въ Москву-рѣку текутъ — Неглинная посрединѣ; къ востоку отъ нея—Яуза, а къ западу—рѣчка Прѣсня. Приближаясь къ городу, эта ровная мѣстность начинаетъ распредѣляться потоками упомянутыхъ трехъ рѣкъ на нѣсколько возвышеній, т. е. возвышеній лишь относительно русла этихъ потоковъ, относительно тѣхъ небольшихъ долинъ, которыя ими промыты.

Главныя, такъ сказать, становая возвышенность направляется отъ Троицкой и Міусской заставы сначала по теченію рѣчки Напрудной (Самотека), а потомъ Неглинной прямо въ Кремль; проходитъ Мѣщанскими черезъ Сухареву башню, идетъ по Срѣтенкѣ и Лубянкѣ (древнимъ Кучковымъ полемъ) и вступаетъ между Никольскими и Ильинскими воротами въ Китай-городъ, а между Никольскими и Спасскими воротами—въ Кремль, въ которомъ, поворачивая нѣсколько къ юго-западу, образуетъ при впаденіи въ Москву-рѣку Неглинной, — *Боровицкій мысъ*, — срединную точку Москвы и древнѣйшее ея городище, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшней Оружейной полаты, противъ разобранной церкви Рождества Іоанна Предтечи на Бору, первой на Москвѣ, были найдены даже *курганныя* серебряныя вещи: два витыя шейныя кольца (гривны) и двѣ серги, что, разумѣется, служитъ свидѣтельствомъ о незапамятномъ поселеніи на этомъ же Боровицкомъ мысу или острогѣ.

Съ восточной стороны эта продольная возвышенность, образуя посрединѣ, въ Земляномъ городѣ, между Сухаревой башней и Красными воротами или между Срѣтенкою и Мясницкою *Дебрь* или *Дербь* (Никола Дербенскій) съ ручьемъ Ольховцемъ, посте-

пенно скатывается къ Яузѣ, сходя въ иныхъ мѣстахъ, въ верхней сѣверной части, почти *на-нѣтъ*, а въ иныхъ, по нижнему теченію Яузы, образуя довольно значительныя взгорья, особенно подлѣ Маросейки въ Бѣломъ-городѣ и подлѣ Зарядья въ Китай-городѣ, и, выпуская отъ себя въ Яузу, въ верхней части нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ: прежде *Рыбенку*, текущую черезъ Сокольничье поле, потомъ *Чечеру*, на которой *Красный прудъ*, съ ручьями *Ольховцемъ* и *Кокуемъ*, теперь уже забытымъ, текущимъ въ Чечеру съ сѣвера изъ Елохова (Ольхова), потомъ ручей Черногрязку и, наконецъ, ручей—Рачку (на которомъ *Чистый прудъ*), текущій черезъ Кулижки и впадающій въ Москву-рѣку подлѣ устья Яузы.

По сторонамъ этого ручья Рачки возвышенность образуетъ въ Земляномъ-городѣ береговое взгорье: Воронцово, Воробино, Гостину гору, а въ Бѣломъ—взгорья древняго урочища Боръ и Сады у Ивановскаго монастыря, впереди которыхъ къ Яузѣ лежитъ обширная низменность Кулижка и Васильевскій лугъ (гдѣ Воспитательный домъ). Въ Китай-городѣ таже возвышенность образуетъ Псковскую гору, по которой идетъ улица Варварка съ низменностью урочищъ: *Мокрое*, Болото (Зарядье). Затѣмъ возвышенность съ той же стороны дѣлаетъ по Москвѣ-рѣкѣ Кремлевское береговое взгорье съ низиною впереди къ рѣкѣ, называемою Кремлевскимъ *Подоломъ*.

Другая часть той же сѣверной ровной возвышенной мѣстности идетъ въ городъ отъ сѣверо-запада, отъ дорогъ Дмитровской и Тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается къ рѣкѣ, вообще, довольно покато. Съ западной стороны этой возвышенности, также отъ сѣвера, течетъ *Прѣсня*, съ ручьями, опуская мѣстность постепенно къ Прѣсненскимъ прудамъ.

Та же мѣстность, приближаясь съ западной стороны къ Москвѣ-рѣкѣ по сю сторону Прѣсни, образуетъ крутые берега въ Дорогомиловѣ (горы Варгуниха, Дорогомиловская, Бережки), которые, идя дальше, постепенно понижаются къ Дѣвичьему монастырю. За Прѣснею тѣ же берега дѣлаютъ урожище *Три горы*, съ новымъ Ваганьковымъ.

Проходя по *Занеглименью*, эта же возвышенность дѣлится у Бѣлаго-города на двѣ вѣтви Сивцевымъ вражкомъ и Черторьею (по Пречистенскому бульвару). Одна вѣтвь, восточная, въ Бѣломъ-

городѣ образуетъ урочище *Красную горку* (Университетъ) и Островъ (Воздвиженка), а при впаденіи въ Москву-рѣку Черторыи— мысъ, гдѣ теперь новый храмъ Спасителя и гдѣ найдены арабскія монеты половины IX вѣка. Другая, западная вѣтвь, въ Земляномъ городѣ, образуетъ возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-западъ уходитъ въ Дѣвичье поле и въ Москворѣцкіе луга за Дѣвичьимъ монастыремъ къ Воробьевымъ горамъ.

Лѣвый восточный берегъ Яузы, вообще довольно возвышенный, оканчивается у Москвы-рѣки мысомъ же съ горками Лыщиковою и Вшивою, отъ которыхъ береговое взгорье идетъ и по Москвѣ-рѣкѣ, образуя Красный холмъ, Крутицы, Симоново, откуда прекрасные виды.

Замоскворѣчье представляетъ луговую низменность, гдѣ по берегу противъ Кремля и Китая находился великокняжескій *Великій лугъ* и *Садовники*. Въ срединѣ, ближе къ западу, на Полянкѣ эта низменность имѣла также Дебрь или Дербь (церковь Григорія Неокесарійскаго, *что въ Дербицахъ*), а къ Москвѣ-рѣкѣ, съ той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями— урочищами: *Бабьимъ городкомъ*, *Васильевскимъ* (Нескучное), *Плѣницами* (связки плотовъ дровяного и строевого лѣса), гдѣ Андреевскій монастырь, проходя такими же взгорьями къ Воробьевымъ горамъ.—Такова общая характеристика мѣсторасположенія Москвы (Наши Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи, II, 224—228), «замѣчательно вѣрная», по отзыву спеціалиста-изслѣдователя рельефа Города Москвы, почтеннаго Межеваго Инженера Д. П. Рашкова.

Закончимъ нашъ краткій обзоръ сказаній о началѣ Москвы и обзоръ ея мѣсторасположенія толкованіемъ, откуда происходитъ самое имя Москвы.

Имя Москвы вѣроятнѣе всего, какъ утверждалъ еще Ходаковскій, происходитъ отъ слова мостъ, мостокъ. Буслаевъ, напротивъ, утверждалъ, что такая этимологія, безъ сомнѣнія, ошибочная, потому что слово Москва, вѣроятно, финскаго происхожденія. Однако въ древнемъ топографическомъ языкѣ находимъ, напр., въ мѣстахъ Ряжскаго города Рязанской области рѣчку *Мостковую Рясу*, упоминаемую и во множественномъ числѣ *Мостковыя Рясы*, а также съ опущеніемъ буквы *т*—*Московыя*

Рясы. Въ тѣхъ же мѣстахъ находимъ рѣчку *Мостейку*. Въ 1504 г. въ межахъ городовъ Кашина и Ростова упомянуто болото и именно болото *Мостище*. Это имя нерѣдко упоминается въ межевыхъ спорахъ и препирательствахъ, относящихся къ первой половинѣ XVI ст., гдѣ находимъ также *Мостище* съ прозваніемъ Старое, *Мостище* съ воротцами; потомъ Мостъ Осиновый (лѣсъ); *Мостки*, *Мостицы*, рѣчку *Мостовку* съ названіемъ ея устья *Мостовскимъ*. Далѣе *Мостовку* въ Угличскомъ уѣздѣ, Бродово и Высокая тожъ: *Мостовку*, рѣчку, притокъ р. Исети; *Мостовую* р. притокъ Яйвы [1]).

Подъ самою Москвою въ Горетовомъ стану находилась пустошь *Мостково*, упоминаемая въ 1547 г. Лѣтописцы именуютъ Москву и *Московою*.

Ходаковскій, собирая имена мѣстъ при городищахъ, упоминаетъ, между прочимъ: *Мостокъ*, рѣчка въ Тарусскомъ уѣздѣ; *Мостянка*, рѣчка во Владимірскомъ уѣздѣ; *Мосты* (боръ) въ Бобруйскомъ уѣздѣ; *Мосткова*, пустошь въ Старицкомъ уѣздѣ; *Москва* рѣчка въ Осташковскомъ уѣздѣ; *Мостова* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Измосты*, рѣчка въ Мещовскомъ уѣздѣ, и, наконецъ, *Моства* рѣка, впадающая въ Припять выше Турова.

При самыхъ истокахъ московской Москвы-рѣки онъ нашелъ болотистое урочище съ именемъ *Калиновый Мостокъ*, который, однако, нерѣдко поминается и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ, какъ ходячее присловье.

Ходаковскій указываетъ нѣсколько подобныхъ именъ и въ западныхъ Славянскихъ земляхъ. Онъ утверждаетъ, что, вообще, названіе рѣкъ объясняется при источникахъ оныхъ и что имя Москва есть сокращеніе *Мостковы*, *Мостквы*, производнаго отъ слова Мостъ (Русскій Историческій Сборникъ, VII, 336).

Въ какомъ смыслѣ рѣчки и рѣки, а также болота и даже боръ пріобрѣтали названіе отъ слова *Мостъ*, на это должны отвѣтить изслѣдованія въ невѣдомой еще области топографическаго языка. Само собою разумѣется, что приведенныя имена прямѣе всего указываютъ на обыкновенный мостъ, какъ на удобную переправу черезъ рѣки и рѣчки и особенно черезъ болота, но, можетъ быть,

[1]) Акты собр. Федотовымъ-Чеховскимъ, Кіевъ, 1860, I, стр. 37, 54, 66, 73, 123, 229, 340.—Чтенія 1899 г. Кн. I, 22. — Дополн. Акт. Ист. II, 98, 101, 130; VIII, 220.

въ тѣхъ же именахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, скрывается понятіе о мѣстности, служившей добрымъ мостомъ-распутіемъ для сообщенія во всѣ стороны и во всѣ края старинныхъ народныхъ сношеній. Такою мѣстностью, повидимому, и являлась древняя Москва.

Другое, собственно эпическое, имя Москвы-рѣки—*Смородина*—сохранилось въ былинахъ и пѣсняхъ. Въ одной изъ былинъ сказывается, какъ:

Князь Романъ жену терялъ;
Жену терялъ, онъ тѣло терзалъ,
Тѣло терзалъ, во рѣку бросалъ,
Во ту ли рѣку во *Смородину*...

Въ былинной же пѣснѣ о безпріютномъ и злосчастномъ добромъ молодцѣ рѣка Смородина прямо называется Москвою-рѣкою и описываются подробности ея мѣстоположенія и нрава: молодецъ похулилъ ее и зато потонулъ въ ней.

Безпріютный молодецъ, отставшій отъ отца и отъ матери, отъ рода и племени, отъ сосѣдей и друзей, какъ потерянная личность въ древнерусскомъ обществѣ, поѣхалъ искать счастья на чужую сторону:

Какъ бы будетъ молодецъ у рѣки *Смородины*,
А и взмолится молодецъ:
А и ты мать быстра рѣка,
Ты быстра рѣка *Смородина!*
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
Ты про броды конины,
Про *мосточки калиновы*,
Перевозы частые...
Провѣщится быстра рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Да и душой красной дѣвицей:
Я скажу те, добрый молодецъ,
Я про броды конины,
Про *мосточки калиновы*,
Перевозы частые.
Съ броду конинаго
Я беру по добру коню;
Съ перевозу частаго
По сѣдѣличку черкескому;
Съ *мосточку калинова*
По удалому молодцу;
А тебя безвремяннаго молодца
Я и такъ тебя пропущу.
Переѣхалъ молодецъ
За рѣку за Смородину.

Онъ отъѣхалъ какъ бы версту—другую,
Онъ глупымъ разумомъ похваляется:
„А сказали про быстру рѣку Смородину—
Ни пройти, ни проѣхати,
Ни пѣшему, ни конному,—
Она хуже, быстра рѣка,
Тое лужи дождевыя!“
Скричитъ за молодцемъ въ сугонь
Быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ языкомъ,
Душой красной дѣвицей:
„Безвремянный молодецъ!
Ты забылъ за быстрой рѣкой
Два друга сердечные,
Два остра ножа булатные,—
На чужой дальней сторонѣ
Оборона великая!“
Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину...
Нельзя чтобъ не ѣхати
За рѣку за Смородину:
Не узналъ добрый молодецъ
Того броду конинаго,
Не увидѣлъ молодецъ
Перевозу частаго,
Не нашелъ молодецъ
Онъ *мосточку калинова,*
Поѣхалъ молодецъ
Онъ глубокими омуты... (и сталъ тонуть)
А и взмолится молодецъ:
„А и ты, мать, быстра рѣка,
Ты быстра рѣка Смородина!
Къ чему ты меня топишь
Безвремяннаго молодца?
Провѣщится быстра рѣка
Человѣческимъ языкомъ
Она душой красной дѣвицей:
Безвремянный молодецъ! Не я тебя топлю.
... Топитъ тебя, молодецъ,
Похвальба твоя—пагуба...
Утонулъ добрый молодецъ
Во Москвѣ-рѣкѣ *Смородинѣ* [1]).

Не описывается ли здѣсь то мѣстное свойство рѣкъ, почему онѣ получали наименованіе мостовъ и мостковъ, то-есть способность безопасной переправы?

---

[1]) Древнія стихотворенія Кирши-Данилова. М., 1818 г., стр. 295—298. Сборникъ Кирши-Данилова. Спб., 1901, стр. 124.

III.

СТАРЫЙ ГОРОДЪ КРЕМЛЬ.

Историческій обзоръ его мѣстностей.

I. Общій обзоръ.

Первоначальное Кремлевское поселеніе города Москвы въ незапамятныя времена основалось на крутой береговой горѣ, на мысу Кремлевской высокой площади, которая нѣкогда выдвигалась къ устью рѣчки Неглинной крутымъ обрывомъ у теперешнихъ Кремлевскихъ Боровицкихъ воротъ.

На такихъ излюбленныхъ мѣстностяхъ, на крутыхъ высокихъ мысахъ, при сліяніи рѣкъ и рѣчекъ или глубокихъ овраговъ основывались всѣ древніе Русскіе города, какъ и малые городки, находившіе въ этомъ расположеніи мѣстности не малую защиту и оборону въ опасныхъ случаяхъ. Теперь Московской крутой угловой горы не существуетъ. Въ теченіи вѣковъ она постепенно теряла свой первоначальный видъ и окончательно была срыта и уравнена пологимъ скатомъ уже на нашей памяти, въ 1847 году, по случаю постройки новаго Кремлевскаго дворца, лицевая сторона котораго стоитъ именно на томъ высокомъ уровнѣ площади, какой нѣкогда высился и у Боровицкихъ воротъ.

Отъ древняго времени осталось неизмѣннымъ только одно имя горы, сохраняемое и донынѣ помянутыми *Боровицкими* воротами. Вся гора была *боровая*, покрытая въ древнее время, конечно, дремучимъ боромъ.

На это указываетъ и другой свидѣтель, стоящій неподалеку, древній храмъ Спаса *на Бору* во дворѣ Новаго дворца.

Урочище *Боръ*, стало быть, обозначало всю площадь древнѣйшаго помѣщенія Москвы.

Повидимому, къ этому Бору относится и древнее замоскворѣцкое урочище церквей Іоанна Предтечи *подъ Боромъ* и Черниговскихъ Чудотворцевъ тоже *подъ Боромъ*. Выраженіе подъ Боромъ, а не на Бору, вѣрнѣе всего указываетъ, что обозначенная мѣстность, лежащая хотя бы и за рѣкою, въ дѣйствительности находилась подъ сѣнью Кремлевскаго бора. Часть этого бора, вѣроятно, произростала и по замоскворѣцкому берегу, но главный сплошной боръ все-таки простирался по Кремлевской нагорной сторонѣ рѣки, почему и явилось урочище *подъ Боромъ*. Это урочище, какъ мѣстность древняго поселенія, должно относиться къ той же отдаленной древности, какъ и Кремлевское урочище *на Бору* [1]).

Упомянутыя прозванія «на бору» и «подъ боромъ» и прозваніе воротъ—*Боровицкія* остаются древнѣйшими памятниками Московской топографіи, а прозваніе воротъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ свидѣтельствомъ, что самыя ворота на томъ же мѣстѣ существовали отъ того времени, какъ была выстроена первая ограда для здѣшняго поселка. По всему вѣроятію, въ начальное время они открывали путь не прямо на гору, а только на Подолъ Кремля, какъ это замѣтно и теперь по закладенной аркѣ въ Боровицкой башнѣ, проводившей и въ позднее время къ тому же Подолу.

Надо также упомянуть, что прозваніе воротъ неподвижно сохранялось въ теченіи вѣковъ именно только памятью Московскаго народа. Царь Алексѣй Мих., слѣдуя своимъ благочестивымъ побужденіямъ, указомъ 17 апрѣля 1658 г., повелѣлъ эти ворота *писать* и *называть* Предтечинскими, во имя стоявшей передъ ними церкви Іоанна Предтечи; однако не только народъ, но и канцелярскія офиціальныя записи не всегда слѣдовали этому указу и по прежнему прозывали ворота Боровицкими.

Какая же была ограда у перваго Кремлевскаго поселка? На это даютъ отвѣтъ во множествѣ разсѣянные въ близкихъ и дальнихъ окрестностяхъ Москвы такъ называемые городки и *городища*, то-есть древнія мѣста такихъ же поселковъ, каковъ былъ и пер-

---

[1]) Существовало и еще урочище *подъ Боромъ*, какъ обозначалась церковь Іоанна Предтечи въ Ивановскомъ монастырѣ (Доп. Акт. Истор. I, 210). Любопытно, что съ именемъ Бора въ этихъ трехъ случаяхъ соединяются и имена церквей Іоанна Предтечи. Быть можетъ, постройкою храмовъ этого воимя руководила какая либо религіозная мысль, освящавшая боровую лѣсистую мѣстность святымъ именемъ Предтечи соотвѣтственно народному вѣрованію.

вый Кремлевскій. Они также устроивались на мысахъ или угловыхъ высокихъ мѣстахъ при сліяніи рѣкъ, рѣчекъ и овраговъ, въ лѣсной глуши, и всегда были укрѣплены валомъ и рвомъ. На валу, конечно, ставился еще деревянный частоколъ, тынъ, или *острогъ* изъ бревенъ, стоймя, остро отесанныхъ вверху. Такъ, несомнѣнно, былъ укрѣпленъ и первый поселокъ Кремля. Остатки его вала и рва были найдены близъ юго-западнаго угла церкви Спаса на Бору при постройкѣ Новаго дворца [1]), при чемъ оказывается, что церковь Спаса стояла внѣ окопа или ограды этого первичнаго поселка.

Городокъ и до постройки деревянныхъ стѣнъ могъ именоваться *Кремникомъ*, *Кремлемъ* и *Кремлевникомъ*, такъ какъ это имя въ коренной формѣ *Кремъ* и доселѣ въ сѣверномъ областномъ языкѣ обозначаетъ тотъ же *боръ* или крѣпкій и крупный строевой хвойный лѣсъ въ завѣтномъ бору, растущій среди моховыхъ болотъ [2]), которые и у Кремля оставили свое имя въ улицѣ *Моховая*.

У Ивановскаго монастыря *Кулижки* также обозначали болотистую мѣстность.

Стало быть, прозваніе Кремля идетъ не отъ крѣпкихъ стѣнъ, не отъ крѣпости въ смыслѣ крѣпостной твердыни, а отъ имени *бора—кремника*.

Въ половинѣ XV вѣка (1461 г.), по случаю постройки вблизи Боровицкихъ воротъ упомянутой каменной церкви Рождества Іоанна Предтечи, лѣтописецъ записалъ очень достовѣрное преданіе, что та церковь «была прежде деревянная, первая церковь на бору, въ томъ лѣсу и рублена, и была соборная при св. Петрѣ митрополитѣ, и дворъ былъ Петра Чудотворца близко туто же [3]).

Можно съ вѣроятностью предполагать, что эта церковь была здѣсь выстроена вскорѣ по крещеніи тутошняго населенія. Когда въ 1847 г. каменный храмъ былъ окончательно разобранъ, то «подъ кирпичнымъ поломъ каменнаго жертвенника (у Предтеченскаго престола) найдены скотскія кости: лошадиная голова и двѣ голени, изъ которыхъ одна признана была за бычачью, а другая

---

[1]) Гастева: Статистическое Описаніе Москвы. М., 1841 г. Объясненіе плановъ стр. 4, № 55.

[2]) Отеч. Записки 1844 г., № 2, Смѣсь, стр. 84 и 85.

[3]) Полное Собр. Лѣтоп. VIII, 149. Продол. Нестора. М., 1784, стр. 259.

за коровью»[1]). Не воздвигнута ли первая деревянная церковь на самомъ мѣстѣ древняго языческаго капища? Воименованіе Рождества Предтечи также можетъ служить указаніемъ на бывавшее здѣсь языческое празднество, какое съ именемъ Купалы совершалось наканунѣ христіанскаго празднованія въ честь Предтечи 24 іюня. Извѣстно, что во времена перваго крещенія русскихъ племенъ христіанскіе храмы повсюду поставлялись на мѣстахъ прежнихъ языческихъ требищъ, о чемъ прямо свидѣтельствуетъ первый митрополитъ Русинъ, Иларіонъ: «Начатъ маракъ идольскій отъ насъ отходити», говоритъ онъ. «Уже не сотонинскія капища соограждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ... капища разрушишась и церкви поставляются, идоли сокрушаются и иконы святыхъ являются...» [2])

Повидимому, Предтеченская церковь занимала серединное положеніе въ этомъ древнѣйшемъ городкѣ Москвы, несомнѣнно, какъ упомянуто, и въ то время обнесенномъ землянымъ окопомъ, валомъ и рвомъ. Замѣчается также и общій городовой обычай ставить главные соборные храмы по самой срединѣ города. Если такъ было и въ Московскомъ первомъ городкѣ, то это обстоятельство даетъ возможность, хоть приблизительно, опредѣлить пространство первоначальной Москвы, пространство, такъ сказать, ея зародыша.

Этотъ зародышъ занималъ Боровицкій острый уголъ Кремлевской мѣстности на протяженіи не много болѣе ста саженъ и составлялъ острый трехугольникъ, вершина котораго направлялась къ Ю. З., къ устью рѣчки Неглинной, а основаніе примыкало къ С. В., къ уровню всей площади Кремля, гдѣ, не доходя церкви Спаса на Бору, былъ открытъ, какъ упомянуто, ровъ и валъ. Такимъ образомъ, весь городокъ помѣщался между Боровицкими воротами и Новымъ Императорскимъ дворцомъ, занимая всю площадь, перегороженную теперь чугунною рѣшеткою. Стороны этого трехугольника—южная, къ Москвѣ-рѣкѣ, и западная, къ Неглинной, гдѣ высятся стѣны Кремля и зданіе Оружейной Полаты—спускались къ потокамъ рѣкъ береговыми кручами, вышиною отъ уровня рѣки почти на 15 саж. или—по другому измѣре-

---

[1]) Москов. Архангельскій Соборъ, соч. А. Лебедева. М., 1880 г., стр. 142.

[2]) Чтенія Общ. Исторіи и Древностей, годъ III, № 7, стр. 32, 37.

нію—почти на 20 саженъ, какъ это еще замѣтно со стороны Кремлевскаго сада.

Отъ Боровицкихъ воротъ идите прямо къ Новому дворцу, держа линію на среднее окно Государева кабинета, выходящаго на уголъ дворца, и черезъ 120 мѣрныхъ шаговъ вы остановитесь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась упомянутая первая церковь Москвы во имя Рождества Іоанна Предтечи. Какъ упомянуто, она разобрана въ 1847 г. единственно по той причинѣ, что будто бы, какъ за очень достовѣрное разсказывали нѣкоторые изъ строителей Новаго дворца, нарушала красоту вида на вновь востроенный дворецъ изъ Замоскворѣчья и въ особенности съ Каменнаго моста. Дѣйствительно, этотъ небольшой старинный храмъ, дорогой памятникъ Московской древности, не былъ уже въ архитектурномъ согласіи съ новыми постройками и казался какимъ-то случайно здѣсь забытымъ остаткомъ исчезнувшей первобытной Московской старины.

Исторія исчезновенія этого храма любопытна.

2 октября 1846 г. Государь Императоръ Николай Павловичъ при осмотрѣ Новаго дворца, даже и изъ Замоскворѣчья и съ Каменнаго моста, Высочайше повелѣть соизволилъ церковь св. Іуара (какъ въ это время прозывался древній храмъ по имени предѣла) перенести въ башню Боровицкихъ воротъ, нынѣ же существующее ея строеніе разобрать» (Судьба первой церкви на Москвѣ, А. И. Успенскаго. М., 1901, стр. 15).

Однако у начальства Московской Дворцовой Конторы естественно возникло опасеніе, не произойдутъ ли по этому поводу разнаго рода волненія и толки въ народѣ. Такія опасенія возникали и прежде по такимъ же поводамъ, напр., при Императорѣ Александрѣ I по случаю предполагаемаго Валуевымъ уничтоженія нѣкоторыхъ старыхъ зданій Кремля.

Имѣя это въ виду, вице-президентъ Конторы, непосредственно завѣдывавшій всею постройкою Новаго дворца, гофмаршалъ баронъ Боде доносилъ Министру Двора 12 авг. 1847 г. слѣдующее: «Находящуюся въ Кремлѣ церковь во имя св. Іоанна Предтечи Высочайше повелѣно сломать и перевести въ Боровицкую башню. А какъ этотъ храмъ принадлежитъ къ первѣйшимъ Московскимъ древностямъ, то, дабы совершенно отстранить всѣ могущіе возникнуть по сему предмету въ народѣ разнаго рода толки, я пола-

галъ бы на стѣнѣ башни, обращенной ко Дворцу, сдѣлать на особо вдѣланныхъ камняхъ надписи, объясняющія причину сего перенесенія».

Митрополитъ Филаретъ одобрилъ эту мысль и составилъ двѣ надписи, которыя по Высочайшему соизволенію и помѣщены на свои мѣста.

Сердечнымъ печальникомъ о разореніи храма явился извѣстный любитель святыни А. Н. Муравьевъ.

Онъ обращался съ ходатайствомъ о спасеніи древней церкви къ Владыкѣ митрополиту, но получилъ отъ него отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Простите меня, что я поклоняюсь древнимъ иконамъ и прочей святынѣ, а не разсѣдшимся камнямъ Василія Темнаго». Владыка зналъ о построеніи церкви только одинъ 1461 годъ. Въ примѣчаніи къ этому отвѣту Владыки Муравьевъ, между прочимъ, пишетъ: «Ее (церковь) хотѣли сохранить ради древности при устройствѣ Новаго Кремлевскаго дворца и потомъ вдругъ ради ветхости разобрали, хотя она простояла бы еще многіе годы. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, я всячески старался спасти древній храмъ, обращался о томъ и къ Владыкѣ и къ князю С. М. Голицыну, но не успѣлъ, потому что дворъ былъ за границею и слишкомъ скоро исполнилось данное повелѣніе».

Баронъ Боде въ особомъ докладѣ о ветхости храма доказывалъ, что «всякое малѣйшее движеніе (т. е., вѣроятно, ѣзда по площади возлѣ церкви) причиняло бы быстрое разрушеніе зданію церкви». Владыка съ своей стороны произнесъ при освященіи новаго помѣщенія храмовой Святыни на Боровицкой башнѣ утѣшительное и назидательное слово Москвичамъ, скорбѣвшимъ о разрушеніи церкви.

Когда церковь разобрали, то видъ на дворецъ изъ Замоскворѣчья сталъ еще непригляднѣе. Обнаружилась обширная и пустынная кривая площадь древнѣйшаго помѣщенія Москвы, среди зданій, расположенныхъ по кривымъ линіямъ, не имѣвшихъ правильнаго фасада или лица. Все это по необходимости заставило устроить здѣсь, въ качествѣ фасада, существующую теперь чугунную рѣшетку съ двумя воротами.

А тутъ близко, возлѣ сломанной церкви, находился и дворъ святителя Петра Чудотворца, основателя всего величія и могуще-

ства Москвы. Это было въ 20-хъ годахъ XIV столѣтія. Но тутъ же близко еще раньше, въ 1147 г., несомнѣнно находился и тотъ дворъ вел. князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, въ которомъ онъ устроивалъ сильный обѣдъ и пиръ своему несчастному другу Новгородъ-Сѣверскому князю Святославу Ольговичу. Можно съ достовѣрностію полагать, что княжій и впослѣдствіи митрополичій дворы съ ихъ хоромами стояли съ западной стороны храма, то-есть между храмомъ и Боровицкими воротами.

Очень также вѣроятно, что митрополиту Петру, когда онъ поселился въ Москвѣ, былъ отданъ для житья прежде бывшій княжескій дворецъ, или же самое мѣсто этого дворца. Лѣтописцы XV вѣка свидѣтельствуютъ, что дворецъ Чудотворца Петра находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ ихъ время стоялъ дворъ кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, передъ самою церковью Іоанна Предтечи. А этотъ дворъ въ прежнее время принадлежалъ вел. княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, супругѣ вел. князя Василія Дмитріевича, потомъ ея внуку князю Юрью Васильевичу, сыну вел. князя Василья Темнаго [1]), что вполнѣ подтверждаетъ принадлежность двора и въ древнее время Великокняжеской же семьѣ. Отданный митрополиту этотъ дворъ послѣ переселенія митрополита на новое мѣсто, возлѣ Успенскаго Собора, по всему вѣроятію, поступилъ опять во владѣніе великаго князя.

Когда Москва въ 1147 году сильно и широко угощала Новгородъ-Сѣверскаго князя, она въ то время была еще только княжескимъ селомъ, хозяйственнымъ княжескимъ хуторомъ, а потому все ея населеніе несомнѣнно состояло только изъ однихъ дворовыхъ слугъ князя съ ключникомъ или дворецкимъ во главѣ. Но когда, черезъ 10 лѣтъ, въ 1156 г. князь Юрій Долгорукій или собственно Андрей Боголюбскій устроилъ изъ своего села *городъ*, т.-е. обнесъ село крѣпкими, хотя и деревянными стѣнами, то это значило, что Москва съ той поры становилась уже не княжескимъ селомъ, а цѣлымъ *полкомъ* княжеской военной дружины. Въ то время городъ и дружина-полкъ были однозначущи. Постройка города показывала, что окрестныя близкія и дальнія мѣстности

---

1) Лѣтопись Новг. IV, 148. Никон. Л. V, 288. — С. Г. Гр. I. 193. — Карамзинъ V. пр. 386, стр. 167.

были уже достаточно населены и въ опасныхъ случаяхъ требовали безопаснаго убѣжища, какимъ и являлись крѣпкія стѣны города. О весьма значительномъ населеніи подмосковныхъ мѣстъ свидѣтельствуютъ многочисленные курганы, особенно по верхнему и нижнему отъ города теченію Москвы-рѣки, въ мѣстностяхъ селъ Спасъ-Тушина и Царицына. Въ случаѣ нападенія и нашествія враговъ вся населенная окрестность сбѣгалась обыкновенно подъ защиту городовыхъ стѣнъ, унося съ собою все дорогое и цѣнное изъ своего имущества и оставляя на произволъ судьбы только постройки своихъ дворовъ. Такъ бывало въ древней Руси во все время княжескихъ усобицъ и Татарскихъ и Литовскихъ нашествій.

Но кромѣ того, Московскій первый городъ ставился, какъ передовая сторожевая крѣпость со стороны Смоленскихъ (Литовскихъ) да и Новгородскихъ непріятелей, для защиты новаго стольнаго города Владиміра Суздальскаго, а также и со стороны южныхъ враговъ, потому что дорога съ юга къ Владиміру пролегала черезъ Москву и отъ Сѣверской области, и отъ Рязани.

Съ того времени господствующимъ населеніемъ города являются уже не княжескіе дворовые слуги, но дружинники, дружинное боярское сословіе съ своимъ тысяцкимъ во главѣ или бояриномъ-воеводою.

Само собою разумѣется, что съ устройствомъ города къ нему мало-по-малу стало тѣсниться и окрестное населеніе, стало *садиться* вблизи его стѣнъ, водворяя такимъ образомъ зародышъ будущаго обширнаго *Посада.*

Мы упомянули, что замоскворѣцкое поселеніе *подъ Боромъ* могло существовать еще въ то время, когда Кремлевская гора была покрыта *Боромъ.*

Спустя 20 лѣтъ послѣ постройки города, въ 1176 г., во время наставшей по смерти Андрея Боголюбскаго княжеской усобицы, городъ Москва въ лицѣ своей дружины принимаетъ живое участіе въ этой усобицѣ, отстаивая права своего старшаго города Владиміра. Подъ именемъ *Московлянъ*, *Москъвлянъ*, дружина однажды выступила было въ походъ, сопровождая во Владиміръ своего излюбленнаго князя Михалку Юрьевича, но, услыхавъ, что къ ея родному городу Москвѣ идетъ соперникъ Михалка,

Ярополкъ, поспѣшно поворотила назадъ, возвратилась вспять, *блюдучи домовъ своихъ.*

Однако какъ ни береглись Московляне, на другой же годъ (1177) осенью къ нимъ внезапно пришелъ Рязанскій князь Глѣбъ «и пожже городъ *весь* и села».

Этимъ пожаромъ открывается длинный рядъ пожаровъ, опустошавшихъ *весь* городъ изъ конца въ конецъ. Въ 1209 г. князь Рязанскій Изяславъ и Пронскій Михаилъ снова приходили къ Москвѣ ратью, но были отбиты и едва спаслись бѣгствомъ [1]). Въ это время Москва была только пригородомъ Владиміра и потому находилась въ непосредственномъ владѣніи вел. князя, сначала Андрея Боголюбскаго, а затѣмъ его брата, Всеволода, потомъ второго Всеволодова сына, Юрья. Повидимому, и тогда уже она являлась городомъ настолько значительнымъ, что 4-й сынъ Всеволода, Владиміръ, получившій по смерти отца въ надѣлъ городъ Юрьевъ, не захотѣлъ въ немъ оставаться и перебрался въ 1214 г. въ Москву, дѣйствуя въ усобицѣ враждебно противъ Юрья, который, однако, осадилъ его въ Москвѣ, принудилъ сдаться и отправилъ его на княженіе въ Переяславль Кіевскій [2]).

Какъ былъ обширенъ этотъ первый городъ Москвы, охранявшій домы дружинниковъ, объ этомъ мы не имѣемъ даже и косвенныхъ указаній. Должно полагать, что онъ занималъ едва ли половину, а быть можетъ, вѣрнѣе, только третью долю теперешняго Кремля.

Со стороны рѣчки Неглинной черта городскихъ стѣнъ могла доходить до теперешнихъ Троицкихъ воротъ, мимо которыхъ въ древнее время, вѣроятно, пролегала простая сельская дорога по Занеглименью въ направленіи къ Смоленской и къ Волоколамской или Волоцкой старымъ дорогамъ.

Съ другой стороны, внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, такая черта городскихъ стѣнъ могла доходить до Тайницкихъ воротъ или нѣсколько далѣе, а на горѣ включительно до Соборной площади, такъ что весь треугольникъ города, начиная отъ его вершины у Боровицкихъ воротъ, могъ занимать пространство со всѣхъ трехъ сторонъ по 200 саженъ, т.-е. въ окружности болѣе 600 саженъ.

---

[1]) Родословная книга. Временникъ Общ. Исторіи. Кн. X, стр. 29.

[2]) Переясл. Лѣтопись, 111, 112.

Но это одни предположенія, очень вѣроятныя, но не имѣющія за собою точныхъ основаній.

Въ Батыево нашествіе 1238 г. городъ былъ плѣненъ и опять сожженъ, сгорѣли и церкви, и *монастыри всѣ*, и села. Эта лѣтописная отмѣтка, что погорѣли монастыри всѣ, можетъ указывать на значительность пригороднаго разселенія Москвы, а стало быть и на достаточную населенность самого города. Какъ пригородъ стольнаго Владиміра, Москва и до Татаръ, и во время первыхъ десятилѣтій Татарщины оставалась неотмѣнно во владѣніи великаго князя. Послѣ Батыева разгрома Вел. Княженіе получилъ Ярославъ Всеволодовичъ, распредѣлившій передъ кончиною Великокняжескія волости своимъ сыновьямъ, при чемъ Москва досталась седьмому его сыну, Михаилу, прозваніемъ Хоробриту, вскорѣ погибшему въ битвѣ съ Литвою (1248 г.). Второй сынъ Ярослава, Великій князь Александръ Невскій († 1263 г.), вѣроятно по духовному завѣщанію, отдалъ Москву своему младшему сыну, двухлѣтнему ребенку Даніилу (родился въ 1261 г.), который по малолѣтству и съ своимъ городомъ находился подъ опекою дяди, Ярослава Ярославича Тверскаго, занявшаго великокняжескій столъ по кончинѣ Александра. Если припомнимъ древній обычай оставлять по своей кончинѣ свой собственный дворъ младшему сыну, то можемъ предположить, что Москва въ этомъ случаѣ является собственнымъ особымъ домашнимъ гнѣздомъ Невскаго героя.

Тверская опека надъ Москвою продолжалась 7 лѣтъ и городъ управлялся тіунами Ярослава до его смерти въ 1271 г., когда уже 10-лѣтній Даніилъ Александровичъ основался въ своемъ городѣ самостоятельнымъ княземъ. Съ этого времени (1272 г.) и *настало быти* уже непрерывное *Княжество Московское*.

Даніилъ, живя въ дружбѣ съ Тверью, очень миролюбиво прокняжилъ въ Москвѣ слишкомъ 30 лѣтъ (33 года по свидѣтельству Родословной книги) и скончался въ 1303 г. марта 5, оставивъ наслѣдниками пятерыхъ сыновей—Юрья, Александра, Бориса, Ивана и Аѳанасія.

Лѣтописцы не оставили никакихъ свидѣтельствъ о томъ, каковъ былъ городъ Москва въ эти 30 лѣтъ. Они упомянули только, что въ 1293 году, во время усобицы сыновей Невскаго, Андрея и Дмитрія, она была взята Татарами въ числѣ 14 го-

родовъ, составлявшихъ область Великаго Княжества Владимірскаго.

По смерти Даніила тотчасъ же начались усобицы съ Тверью изъ-за Переяславской вотчины, отказанной любимому дядѣ Даніилу его племянникомъ, Переяславскимъ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ. А вслѣдъ затѣмъ поднялся споръ изъ-за Новгорода и о Великомъ Княженіи между Тверскимъ княземъ Михаиломъ и Московскимъ старшимъ сыномъ Даніила, Юрьемъ.

Въ этомъ спорѣ Тверской князь два раза приходилъ къ Москвѣ. Въ первый разъ въ 1305 г. онъ отступилъ, помирившись съ Даніиловичами, а во второй, въ 1307 г., послѣ упорнаго боя подъ стѣнами города, онъ также ушелъ безъ всякаго успѣха для своихъ цѣлей и города взять не могъ.

Городъ, стало быть, и въ то время былъ укрѣпленъ, какъ подобало хорошему городу.

Въ отчаянной борьбѣ съ Тверскимъ княземъ Московскій Юрій Дан. все-таки успѣлъ утвердить за Москвою Великокняжескій столъ, получивъ въ Ордѣ ярлыкъ-грамоту на Великое Княженіе, за что и погибъ отъ руки Тверскаго князя, Михаилова сына, Дмитрія.

Съ этого самаго года (1325), какъ былъ убитъ Юрій Дан., и начинается заботливое устройство города Москвы въ томъ видѣ, какой сохранялся въ ней и въ послѣдующія столѣтія и въ основныхъ чертахъ достигъ нашего времени.

Начало положилъ святитель Петръ, уже нѣсколько лѣтъ до того времени жившій въ Москвѣ у добраго и богомольнаго Юрьева брата, Ивана Даниловича.

Деревянный городъ съ своими деревянными стѣнами, храмами и всѣми жилыми зданіями, всегда готовая жертва для опустошительнаго пожара, не имѣлъ даже хотя бы и малаго, но каменнаго *соборнаго* храма, соотвѣтственнаго по своему благолѣпію высокому положенію пребывавшаго въ немъ митрополита всея Руси. Объ этомъ уже къ концу своихъ дней сердечно и озаботился святитель Петръ. Первый каменный храмъ въ Москвѣ во имя Успенія Богоматери былъ заложенъ 4 августа 1326 г. [1]) его собственными

[1]) Принимаемъ этотъ годъ, хотя сомнѣваемся въ его достовѣрности. Нѣкоторыя лѣтописи и притомъ въ болѣе старыхъ спискахъ прямо указываютъ время

руками. Святитель, чувствуя приближеніе своей кончины, собственными же руками уготовалъ себѣ и гробницу въ новомъ храмѣ, съ сѣверной его стороны, близь жертвенника, и зимою того года 20 декабря почилъ, не увидѣвъ его совершенія, но упокоился въ той гробницѣ, послужившей какъ бы основнымъ камнемъ для могущества и величія дотолѣ мало замѣтнаго города Москвы.

Такимъ же краеугольнымъ основнымъ камнемъ будущаго величія Москвы являлась и гробница перваго великаго князя Москвы, Юрія Даниловича, погребеннаго въ томъ же храмѣ съ южной стороны, въ предѣлѣ св. Великомученика Димитрія Солунскаго, древняго страдальца за свое отечество, городъ Солунь.

Великій князь Юрій Даниловичъ былъ убитъ въ Ордѣ Тверскимъ княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ 21 ноября 1325 г. Тѣло его было привезено въ Москву для похоронъ въ февралѣ 1326 года.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву къ митрополиту ставиться въ архіепископы избранный Новгородскій владыка Моисей, для чего собрались въ Москвѣ и другіе владыки. При нихъ и привезено было тѣло Юрья Даниловича. Владыка Моисей или одинъ изъ его спутниковъ записалъ это событіе въ свою Новгородскую Лѣтопись (I, 73) такими словами:

«И погребоша его митрополитъ Петръ и архіепископъ Моисей и Тверской епископъ Варсонофій, Ростовскій Прохоръ, Рязанскій Григорій, въ субботу первую (Великаго) поста (8 Февраля 1326 г.). И плакася по немъ братъ его князь Иванъ (Калита) и весь народъ плачемъ великимъ, отъ мала и до велика: убилъ бо его въ Ордѣ князь Дмитрій Михаиловичъ безъ царева слова. Не добро же бысть и самому, ибо что сѣетъ человѣкъ, тоже и пожнетъ. Но добро есть послушати рекшаго: Да любите другъ друга яко же азъ возлюбихъ вы. Іоаннъ же Богословъ глаголетъ: Братіе!

закладки храма въ 1326 г. августа же 4-го. Между тѣмъ въ Степенной Книгѣ (I, 406) въ Житіи св. Петра сказано, что оконченный постройкою храмъ былъ освященъ спустя два года по кончинѣ Святителя, а по лѣтописямъ это совершилось въ 1327 г., слѣд., закладка по этому свидѣтельству происходила въ 1325 г. Митрополитъ Макарій (Исторія Русской Церкви, IV, 229) относитъ закладку храма даже къ 1324 году. При постройкѣ новаго собора въ 1472 г. лѣтописецъ указалъ что новый храмъ заложенъ спустя 146 лѣтъ послѣ закладки древняго, т.-е. въ 1326 году.

Богъ любовь есть, пребываяй въ любви съ братомъ въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. И паки индѣ въ Писаніи глаголетъ: иже имать ко всѣмъ любовь, таковый безъ труда спасется».

О мѣстѣ погребенія вел. кн. Юрья въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ существуетъ разногласіе. Нѣкоторые лѣтописцы прямо и вѣрно указываютъ, что вел. князь былъ погребенъ въ церкви Успенія въ предѣлѣ св. Димитрія. Другіе, позднѣйшіе, невѣрно указываютъ на Архангельскій соборъ, по соображенію позднихъ лѣтъ, что всѣ Московскіе князья хоронились въ этой Великокняжеской усыпальницѣ. Предполагаемъ, что погребеніе совершилось если не въ новозаложенномъ храмѣ, то на опредѣленномъ для храма мѣстѣ и что предѣлъ храма во имя св. Димитрія Солунскаго былъ построенъ надъ гробомъ вел. князя [1]). Несомнѣнно, что благочестивая мысль Святителя указала и святое вóимя для этого предѣла, ибо память о Солунскомъ Мученикѣ по многимъ обстоятельствамъ соотвѣтствовала печальному событію, такъ какъ великій князь Юрій погибъ именно за свое отечество, за свой городъ—Москву.

Такимъ образомъ, первый неутомимый труженикъ Москвы, омывшій всѣ грѣхи своего историческаго труда своею кровью за то именно, что выдвинулъ свой незамѣтный городъ на историческое поприще, по всѣмъ правамъ историческаго дѣятеля удостоился погребенія въ томъ же храмѣ, который по благословенію св. Петра содѣлался святымъ покоищемъ первосвятителей всея Руси. И съ какимъ торжественнымъ почетомъ древняя Москва хоронила безвременно погибшаго своего перваго политическаго дѣятеля: отпѣвали съ митрополитомъ владыки четырехъ главныхъ областей: Новгородской, Тверской, Ростовской и Рязанской.

Повидимому, собраніе въ Москвѣ владыкъ для поставленія Новгородскаго владыки Моисея произошло именно съ цѣлью встрѣтить привезенное тѣло вел. князя. Владыка Моисей былъ

---

[1]) Когда въ 1472 г. митрополитъ Филиппъ приступилъ къ постройкѣ новаго болѣе обширнаго храма, то „егда разбиша (старую церковь) и тогда выняша изъ стѣны въ церкви св. Димитрія мощи князя Юрьевы Даниловича Великаго князя всея Руси и вложиша въ раку древяну поставиша ихъ на гробъ Ѳеогноста митрополита, гдѣ же была церковь Поклонсніе Веригъ... и егда же зиждуще церковь уготоваша мѣсто въ той же церкви, въ великомъ Дмитріи, въ стѣнѣ, на той жъ странѣ и пренесше ихъ... положиша тамо. А былъ на пренесеніи митрополитъ со всѣмъ соборомъ, и Князь Великій съ сыномъ и множество народа“.

избранъ Новгородцами еще въ февралѣ 1325 г. и съ того времени ожидалъ, когда позоветъ его митрополитъ для ставленья. Святитель Петръ позвалъ его къ прибытію въ Москву тѣла покойника.

Выраженное приведенными выше словами Новгородскаго лѣтописца сочувствіе къ тогдашней Москвѣ со стороны Новгорода основывалось на заслугахъ вел. князя Юрья Дан., оказанныхъ имъ вольному городу и на ратномъ полѣ съ Нѣмцами, и въ мирныхъ переговорахъ со Шведами, и постройкою Орѣшка, а главное оно основывалось на давней непріязни Новгорода къ Тверскимъ князьямъ, вслѣдствіе чего и отчаянная борьба Москвы съ Тверью происходила собственно изъ-за Новгорода. Боролся съ Тверью Новгородъ, и Московскій князь въ сущности былъ только подручникомъ вольнаго города, главнымъ его воеводою.

Какъ упомянуто, святитель Петръ не дожилъ до совершенія заложеннаго имъ соборнаго каменнаго храма. Совсѣмъ оконченный постройкою, храмъ былъ освященъ уже въ 1327 году 4-го, а по другимъ лѣтописямъ 14 августа, наканунѣ празднованія Успенія Богородицы, что вѣроятнѣе. Освященіе совершилъ тотъ же Ростовскій епископъ Прохоръ.

Около того же времени въ Твери произошло побіеніе Татаръ и грознаго посла Шевкала—событіе несчастное и роковое для Тверскаго княжества и рѣшительное для возвышенія Москвы, такъ какъ съ этого времени Великое Княженіе, т.-е. старѣйшинство надъ всею Русскою Землею, уже навѣки утвердилось въ ея рукахъ. Это старѣйшинство въ то же время утвердилось и въ церковномъ Управленіи. Преемникомъ митрополита Петра былъ поставленъ въ Царьградѣ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, который, придя на святительскій Русскій престолъ Кіевскій, а теперь, по мѣстопребыванію митрополитовъ, Владимірскій, остался въ Москвѣ у Пречистой Богородицы Успенія и у Чудотворцева гроба Петрова, сѣвши на его каѳедральномъ соборномъ мѣстѣ и поселившись въ его митрополичьемъ дворѣ.

И новый святитель благословилъ Московское дѣло и несомнѣнно имѣлъ не малое вліяніе на политику новаго Московскаго вел. князя Ивана Даниловича, какъ и на воспитаніе и поученіе боярской среды въ интересахъ крѣпкаго единенія, чего неуклонно требовала сама Церковь.

Само собою разумѣется, какъ замѣчаетъ и лѣтописецъ, это

поселеніе въ Москвѣ первосвятителя всея Руси, церковнаго властодержца, не было по сердцу другимъ князьямъ, особенно тѣмъ, кто простиралъ свои права на владычество и старѣйшинство въ Русской Землѣ [1]).

Пріѣздъ на жительство въ Москву митрополита изъ Грековъ, кромѣ политическаго весьма сильнаго значенія, былъ не менѣе важнымъ событіемъ и въ культурномъ отношеніи. Ѳеогностъ водворилъ въ Москвѣ греческое художество иконописное, а вмѣстѣ съ нимъ несомнѣнно и другія художества, служившія церковному благолѣпію.

Съ этого времени Москва не только строила каменные храмы, но и богато украшала ихъ иконами и стѣнописаніемъ и различною кузнью изъ дорогихъ и недорогихъ металловъ.

Въ 1329 г. вел. кн. Иванъ Данил., возвратившись изъ похода на Псковъ, то-есть порѣшивъ трудное Псковское дѣло съ бѣглецомъ Александромъ Мих. Тверскимъ безъ пролитія крови, въ память этого событія 21 мая заложилъ новую *вторую* каменную церковь въ Москвѣ во имя Іоанна Лѣствичника, которому празднуютъ 30 марта. Храмъ былъ построенъ въ три мѣсяца, такъ что 1 сентября онъ былъ уже освященъ. По всему вѣроятію, этотъ небольшой храмъ былъ воздвигнутъ по обѣту, быть можетъ, въ благодареніе Господу за мирное и во всѣхъ отношеніяхъ благополучное окончаніе всѣхъ затрудненій по дѣлу съ Тверскимъ бѣглецомъ.

Вѣсть о погибели въ Твери Шевкала, царева племянника, привела Царя Узбека въ неописанную великую ярость, рыкаше аки левъ на Тверскихъ князей. Онъ тотчасъ же послалъ за Московскимъ княземъ Иваномъ Дан., которому и пришлось быть водителемъ многихъ Татарскихъ полковъ, опустошившихъ въ наказаніе всю Тверскую область.

Александръ побѣжалъ изъ Твери сначала въ Новгородъ, но тамъ его не приняли и онъ удалился въ надежное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, къ Псковичамъ.

Послѣ татарскаго разгрома Тверскаго княжества Московскій Иванъ Даниловичъ и Тверской Константинъ Михаиловичъ и даже Новгородскій посолъ отправились въ Орду ожидать распоряженія,

---

1) Ник. 139. Инымъ княземъ многимъ немного сладостно было, что градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща.

кому быть Великимъ княземъ. Царь отдалъ В. Княженіе Московскому Ивану Данил., а Тверское—Константину и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ отыскать и доставить въ Орду бѣглеца Александра. Иванъ Даниловичъ и Новгородцы послали къ Александру пословъ съ повелѣніемъ Царя идти въ Орду.

Но бѣглецъ за охраною Псковичей не послушалъ этого повелѣнія и не пошелъ въ Орду. Чтобы исполнить царево повелѣніе, грозившее въ противномъ случаѣ новымъ опустошеніемъ уже всей Земли, оставалось идти на Псковъ ратнымъ походомъ, для чего и собралась теперь вся Земля, и Суздальская, и Новгородская, и двинулась въ походъ въ сопутствіи самого митрополита Ѳеогноста. А это явно обозначало, что кровавой междоусобной битвы не случится. Предводительствуя полками, Иванъ Даниловичъ прибылъ въ Новгородъ 26 марта, т.-е. за три дня до празднованія Іоанну Лѣствичнику.

Въ Новгородѣ и рѣшено было тотчасъ идти на Псковъ, но мирнымъ путемъ. Извѣстно, что митрополитъ Ѳеогностъ побѣдилъ упрямыхъ, но великодушныхъ Псковичей и Александра Мих. церковною клятвою. Александръ ушелъ въ Литву, а Псковичи заключили миръ съ вел. княземъ.

Такимъ образомъ, и повелѣніе Царя было исполнено, и Тверской князь остался живъ и невредимъ.

Въ нравственномъ отношеніи дѣло было въ великой степени трудное и тяжкое. Немудрено, что въ тягостныхъ помышленіяхъ о жгучихъ затрудненіяхъ этого событія припоминалась многострадальная Лѣствица св. Іоанна, написанная и изображенная для спасенія отъ грѣховныхъ бѣдъ, окружающихъ человѣка, освобождавшая отъ этихъ бѣдъ по степенямъ восхожденія къ желанному спасенію, какъ все и происходило въ препирательствахъ съ Псковичами.

Немудрено, что, достигнувъ такого спасеннаго освобожденія изъ надвинувшихся очень опасныхъ для Русской Земли и лично для вел. князя затруднительныхъ обстоятельствъ, Иванъ Даниловичъ въ благодареніе Господу далъ обѣтъ увѣковѣчить это событіе построеніемъ храма въ честь Іоанна Лѣствичника.

Нѣкоторые предполагаютъ, что храмъ могъ быть построенъ въ честь тезоименитства второго сына Калиты, Ивана Иван., который, однако, родился еще въ 1326 году и потому теперь, въ 1329 г.,

спустя три года, едва ли представлялся какой-либо поводъ увѣковѣчить его тезоименитство. [1])

Подтвержденіемъ тому, что обѣтный храмъ Іоанна Лѣствичника явился памятникомъ упомянутаго Псковскаго похода, можетъ служить и другой небольшой, но также обѣтный и также каменный *третій* храмъ, пристроенный къ Успенскому соборному храму съ сѣверной стороны, возлѣ гробницы Петра митрополита, въ честь *спаденія* веригъ св. апостола Петра и поклоненія имъ, т.-е. въ честь освобожденія апостола и отъ веригъ, и отъ темницы. Едва ли возможно сомнѣваться, что и этотъ храмъ былъ основанъ въ благодареніе Господу по поводу *спаденія* тяжкихъ затрудненій по дѣлу съ Псковичами о бѣглецѣ Тверскомъ Александрѣ, вообще по поводу умиротворенія возникавшей вражды, готовившей страшный гнѣвъ со стороны Ордынскаго царя [2])

Этотъ третій храмъ былъ заложенъ того же (1329) года 13 августа (въ то время, когда второй храмъ уже оканчивался строеніемъ) и совершенъ 14 октября, т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ основанія. Малое время, употребленное на постройку обоихъ храмовъ, указываетъ съ одной стороны на малый размѣръ ихъ строенія, а съ другой, именно, на тѣ обстоятельства, какъ въ старину вообще строились обѣтные храмы: деревянные, напр., строились обыденкою, т.-е. въ одинъ день, и такъ прозывались *обыденными*, а каменные, при болѣе затруднительнымъ сооруженіи, въ два-три мѣсяца.

Если не самые храмы, то ихъ мѣста и съ ихъ же именованіями сохраняются и до сихъ поръ. Церковь Іоанна Лѣствичника впослѣдствіи была устроена колокольнею для всѣхъ соборовъ, почему и обозначалась выраженіемъ, *что подъ колоколы* и прозывалась Иваномъ Святымъ. Затѣмъ при Годуновѣ на ея мѣстѣ выстроена высокая колокольня Иванъ Великій, въ основаніи которой,

---

[1]) По изслѣдованію почтеннаго археолога нумизмата А. В. Орѣшникова ангелъ Ивана Даниловича былъ Іоаннъ Предтеча, а его сына Ивана Ивановича— св. Іоаннъ, патріархъ Іерусалимскій, которые святые изображены на ихъ печатяхъ при ихъ грамотахъ (Матер. къ Русской Сфрагистикѣ. М., 1903 г., стр. 15, 19).

[2]) Такъ объяснялъ постройку обоихъ храмовъ еще Путеводитель къ Древностямъ и Достопамятностямъ Московскимъ (М., 1792, ч. I, стр. 17), говоря, „что постройка совершилась въ засвидѣтельствованіе Всевышнему благодаренія за усмиреніе города Пскова“.

въ нижнемъ ярусѣ, и помѣщенъ престолъ Іоанна Лѣствичника. Церковь *спаденіе веригъ* составила въ новопостроенномъ въ 1479 г. Успенскомъ соборѣ предѣлъ с. Петра Апостола.

Въ томъ же достопамятномъ для Москвы 1329 году послѣ постройки двухъ упомянутыхъ обѣтныхъ храмовъ возникла у Ивана Данил. мысль и о постройкѣ *четвертаго* каменнаго храма возлѣ своего двора во имя Спаса Преображенія, вмѣсто обветшавшей, быть можетъ, деревянной церкви Спаса на Бору, въ которой еще въ 1319 г. временно пребывали мощи убіеннаго въ Ордѣ Тверскаго вел. князя Михаила. Новый храмъ былъ заложенъ въ томъ же году (1329), а по другимъ свидѣтельствамъ 10 мая 1330 года по благословенію митрополита Ѳеогноста, къ которому вел. князь за этимъ благословеніемъ посылалъ даже въ Кіевъ, гдѣ тогда пребывалъ владыка. Прилагаемъ здѣсь старинный видъ этой церкви Спаса Преображенія или Спаса на Бору.

Вмѣстѣ съ постройкою храма здѣсь былъ тогда же основанъ и знатный монастырь со степенью архимандріи.

При церкви Спаса и прежде существовалъ монастырь, по всему вѣроятію, самый древнѣйшій изъ всѣхъ монастырей Москвы, такъ какъ онъ находился возлѣ первоначальнаго ея городка, вблизи первой ея церкви Рождества Іоанна Предтечи, и былъ построенъ въ самомъ Кремлевскомъ бору.

Позднія преданія отъ древнихъ старцевъ разсказывали, что первоначально этотъ монастырь былъ устроенъ за Москвою-рѣкою съ небольшимъ верстахъ въ 4-хъ отъ Кремля еще отцомъ Ивана Даниловича, Даніиломъ Александровичемъ, у церкви св. Даніила, имъ же поставленной во имя своего тезоименитства, и что Иванъ Даниловичъ въ этомъ 1330 году перевелъ Даниловскую архимандрію въ Кремль.

Однако Даниловскій монастырь остался монастыремъ же на своемъ прежнемъ мѣстѣ и преданіе, по всему вѣроятію, относило перемѣщеніе монастыря къ перемѣщенію въ Кремль Даниловскаго архимандрита и избранной братіи.

Любомудрія желатель и иноческаго житія ревнитель Иванъ Даниловичъ избралъ въ архимандриты отца Іоанна, «мужа сановитаго и словеснаго и любомудраго сказателя книгамъ, и учительнаго божественныхъ писаній». Само собою разумѣется, что монастырь, находившійся вблизи Великокняжескаго двора,

былъ надѣленъ значительными вкладами, имѣніями и различными льготами.

Учрежденіе монастыря возлѣ своихъ хоромъ и водвореніе въ немъ архимандрита, разумнаго и словеснаго сказателя книгамъ, показывало, что Иванъ Даниловичъ высоко цѣнилъ книжное ученіе и любилъ бесѣдовать съ книжными людьми. Существенное значеніе монастыря въ нашей древности заключалось именно въ просвѣтительномъ его вліяніи на тогдашнее общество. Въ своемъ родѣ монастырь являлся академіей или вообще школой, гдѣ можно было услышать многое отъ добраго церковнаго ученія на пользу доброй жизни и душевнаго спасенія. Поэтому учрежденіе монастыря въ стѣнахъ Кремля равнялось въ извѣстномъ смыслѣ учрежденію просвѣтительнаго училища.

Спустя съ небольшимъ два года, въ 1333 г., Иванъ Дан. заложилъ новую, уже *пятую*, каменную церковь во имя Михаила Архангела на набережной сторонѣ тогдашней площади Кремля, вѣроятно на мѣстѣ древней деревянной, которая могла быть построена еще Московскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Хоробритомъ, братомъ Невскаго († 1248).

Новый каменный храмъ былъ въ то же лѣто и оконченъ и освященъ 20 сентября митрополитомъ Ѳеогностомъ. Этотъ храмъ воздвигнутъ Иваномъ Даниловичемъ не безъ мысли о вѣчномъ упокоеніи въ его стѣнахъ и самому его строителю. Послѣ его кончины онъ и послужилъ общею усыпальницею для Московскаго княжескаго рода, какъ и Спасскій монастырскій храмъ послужилъ въ то же время усыпальницею для великихъ княгинь.

Въ Архангельскомъ храмѣ первымъ былъ погребенъ самъ его создатель Иванъ Даниловичъ, а въ Спасскомъ—первою его супруга Елена, скончавшаяся въ 1332 году и погребенная марта 4.

Такимъ образомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ (1329—1333) въ Великокняжеской Москвѣ было построено четыре каменныхъ храма (въ томъ числѣ одинъ предѣльный) и каждый изъ нихъ строился въ одно лѣто не болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Одно это обстоятельство даетъ уже свидѣтельство, что храмы были не велики и образцомъ ихъ можетъ служить существующій до сихъ поръ храмъ Спаса на Бору, нынѣ во дворѣ Новаго дворца, о которомъ хотя и есть свидѣтельство Лѣтописи, что онъ вновь построенъ въ 1527 г. и съ предѣлами, но, по всему вѣро-

ятію, это свидѣтельство относится только къ постройкѣ предѣловъ съ южной его стороны, главный же храмъ по своимъ очень малымъ размѣрамъ напоминаетъ первоначальную постройку при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ.

Всѣ такія постройки обнаруживали значительную бѣдность Московскаго князя и вообще бѣдность всего населенія Суздальской Земли, столько разъ опустошенной Татарскими нашествіями изъ конца въ конецъ. Теперь уже не было возможности вел. князю создавать такіе храмы, какъ былъ воздвигнутъ при Андреѣ Боголюбскомъ въ маленькомъ же Владимірѣ великолѣпный дивный Успенскій Соборъ.

Въ Твери, успѣвшей обогатиться раньше, чѣмъ Москва, каменный храмъ во имя Спаса заложенъ еще въ 1280 г. и оконченъ въ 1290 г., а въ 1292 г. украшенъ стѣнописью. Судя по употребленному времени на его постройку, это былъ храмъ болѣе обширный, чѣмъ даже Московскій соборный храмъ Успенія, Москва съ малыми средствами могла строить изъ камня только малые храмы, которые оставались ея украшеніемъ почти цѣлыя полтораста лѣтъ.

Но кромѣ упомянутыхъ каменныхъ храмовъ, въ городѣ Кремлѣ не мало было храмовъ деревянныхъ, о количествѣ которыхъ мы узнаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій о пожарахъ.

Какъ только Москва стала устроиваться твердымъ гнѣздомъ, такъ и начались пожары, происходившіе и отъ несчастныхъ случаевъ, и, вѣроятно, также и отъ злодѣйскихъ поджоговъ. Въ теченіи 13 лѣтъ случилось четыре большихъ пожара, о чемъ, какъ бы съ недоумѣніемъ и намекомъ, отчего они могли происходить, замѣтилъ и лѣтописецъ. Первый пожаръ случился 3 мая 1331 г., при чемъ лѣтописецъ впервые наименовалъ: погорѣлъ городъ *Кремникъ*, *Кремль*. Второй пожаръ былъ въ 1335 г. Третій—въ 1337 г. іюня 13, когда сгорѣло 18 церквей, а Новгородскій лѣтописецъ къ этому присовокупляетъ, что тогда *вся Москва* погорѣла, послѣ чего случился сильный дождь, такъ что все спрятанное въ погребахъ или вынесенное на площадяхъ, «все потопло что было гдѣ вынощено отъ пожара».

Это свидѣтельство любопытно въ томъ отношеніи, что, стало быть, Новгородцы были свои люди въ Москвѣ и заносили въ свою лѣтопись даже такія обстоятельства, о которыхъ другія лѣтописи

совсѣмъ не упоминаютъ. Второй пожаръ Москвы, случившійся въ 1335 г., записанъ только въ одной Новгородской лѣтописи [1]).

Четвертый большой пожаръ случился черезъ два-три года послѣ кончины Ивана Даниловича, при его сынѣ Симеонѣ, 31 мая 1343 г., когда также погорѣлъ весь городъ, однѣхъ церквей сгорѣло 28, по другимъ свидѣтельствамъ только 18.

Число церквей должно указывать и на численность городского населенія, которое, кромѣ Великокняжескаго двора, состояло главнымъ образомъ изъ сословія дружины и богатыхъ гостей-купцовъ, имѣвшихъ какъ тѣ, такъ и другіе значительные достатки и потому строившихъ и на своихъ дворахъ особые домовые храмы. Одинъ изъ такихъ храмовъ, какъ увидимъ, оставался въ Кремлѣ до послѣднихъ годовъ XVIII ст., именно Воздвиженіе во дворѣ Головиныхъ.

Что касается пожаровъ, то необходимо припомнить, что они бывали особенно часты въ тѣ годы, когда политическая сила Москвы обнаруживала свое неуклонное возрастаніе, конечно, всегда сопровождаемое обидами и насиліемъ для тѣхъ, кто не хотѣлъ идти по слѣдамъ Московской политики, крѣпко державшей въ своихъ рукахъ идею государственнаго единенія. Очень замѣтно, что пожары, это періодическое выжиганіе Москвы, совершались въ извѣстныхъ случаяхъ изъ ненависти и мести.

У оскорбленныхъ и обездоленныхъ людей, какихъ не мало могло явиться при первомъ усиленіи Москвы, пожаръ былъ единственнымъ самымъ удобнѣйшимъ средствомъ нанести обидчику и насильнику желанное возмездіе. Вотъ почему періодическіе пожары при первоначальномъ устройствѣ города Москвы въ княженіе Ивана Калиты, а потомъ въ государствованіе Ивана Третьяго, когда происходило еще болѣе сильное и болѣе богатое переустройство города, ряды такихъ пожаровъ невольно останавливаютъ вниманіе изслѣдователя и заставляютъ отыскивать, раскрывать ихъ причины въ тѣхъ обидахъ, какими особенно было богато время Ивана Третьяго. Горѣла Москва и отъ воли Божіей, и отъ воли обиженныхъ ею людей и по правдѣ, и по неправдѣ.

[1]) „Того же лѣта, по грѣхомъ нашимъ, бысть пожаръ въ Руси: погорѣлъ городъ Москва, Вологда, Витебскъ и Юрьевъ Нѣмецкій весь погорѣлъ“. Это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, какъ торговые люди хорошо знали, что дѣлалось во всѣхъ городахъ, куда заходили ихъ неутомимые торги.

Заботливо устроивая свой родной городъ и утвердивъ въ немъ каменными храмами вѣковѣчныя мѣста и донынѣ существующихъ главнѣйшихъ зданій Кремля, Иванъ Калита года за два, по другимъ свидѣтельствамъ за 4 мѣсяца, до своей кончины, 25 ноября 1339 г., заложилъ *градъ Москву дубовый*, который былъ срубленъ тою зимою и оконченъ великимъ постомъ 1340 г., когда 31 марта послѣдовала и кончина строителя [1]).

Поздніе лѣтописцы къ этому присовокупляютъ: «Такоже и посады въ ней (въ Москвѣ) украсивъ и слободы, и всѣмъ утверди» [2]).

При постройкѣ Новаго дворца и его отдѣльныхъ апартаментовъ со стороны рѣчки Неглинной были найдены остатки упомянутыхъ дубовыхъ стѣнъ, состоявшіе изъ большихъ дубовыхъ деревъ, толщиною въ отрубѣ почти въ аршинъ, наполовину уже истлѣвшихъ и лежавшихъ въ землѣ на протяженіи болѣе семи саженъ (22 арш.) и въ разстояніи отъ стѣны Кремля на три слишкомъ сажени [3]).

Какое пространство занималъ этотъ *дубовый* Кремникъ, на это мы не встрѣтили свидѣтельствъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ. Но по нѣкоторымъ указаніямъ можемъ съ вѣроятностью предполагать, что его предѣльная линія съ восточной стороны на ровной площади доходила до Малаго (Николаевскаго) дворца со включеніемъ мѣстности самаго дворца и Чудова монастыря. При обновленіи дворца въ 1874 году на его дворѣ, по направленію къ его воротамъ, подъ слоями жилаго мусора материкъ оказывался на глубинѣ отъ 9 и до 13 арш., что явно свидѣтельствовало, что здѣсь въ древнее время проходилъ глубокій ровъ, направлявшійся къ Москвѣ-рѣкѣ подъ гору на Подолъ вблизи существующей церкви Константина и Елены, гдѣ на Подолѣ и въ XVII ст. пролегала особая улица между старинными боярскими дворами и стоявшими тамъ церквами. Въ то время одна изъ этихъ церквей во имя Рождества Богородицы

---

[1]) П. С. Л. III, 79 и Никон.; Кар. IV, пр. 318. По другимъ лѣтописямъ онъ скончался въ то же число 1341 г. П. С. Л. I, 230. Княжилъ 18 лѣтъ, слѣд. съ 1323 г., когда Юрій Дан. ушелъ на погибель въ Орду (П. С. Л. V, 222).

[2]) Описаніе Рукоп. Сборниковъ Имп. Публ. Библ., Бычкова I, 154.

[3]) Описаніе Новаго Императорскаго дворца въ Кремлѣ Московскомъ, А. Вельтманъ. М., 1851 г., стр. V.

обозначалась *что на Трубѣ*, слѣд. стояла какъ можно полагать надъ древнимъ рвомъ, который потомъ былъ обдѣланъ трубою для стока съ площади весеннихъ и дождевыхъ водъ. Эта труба проходила и подъ Кремлевскою стѣною къ Москвѣ-рѣкѣ.

Съ западной, то-есть съ С. З. стороны, по теченію Неглинной, межа дубоваго города оканчивалась у грота въ Александровскомъ саду или съ внутренней стороны у главныхъ воротъ Арсенала, противъ улицы Никитской. Именно эта Никитская улица, не имѣющая теперь своего продолженія въ Кремль, должна указывать, что нѣкогда она служила большою дорогою отъ Волока-Ламскаго, откуда шелъ торговый путь изъ Новгорода къ древнему Москворѣцкому торговому пристанищу, въ первое время существовавшему еще на Подолѣ самаго Кремля, почему и дорога пролегала возлѣ восточной стѣны Кремника.

Съ южной стороны по теченію Москвы-рѣки дубовый городъ оканчивалъ свою межу надъ упомянутымъ рвомъ или трубою XVII ст., противъ которыхъ направлялась изъ Замоскворѣчья также нѣкогда большая дорога Ордынская, превратившаяся въ улицу Большую Ордынку. Эта дорога подходила къ берегу рѣки прямо противъ низменной подольной части Кремля, гдѣ стоитъ церковь Константина и Елены и гдѣ, какъ упомянуто, существовало древнѣйшее торговое пристанище Москвы, передвинувшееся впослѣдствіи къ теперешнему Москворѣцкому мосту.

Со стороны теперешнихъ Никольскихъ воротъ или отъ С. Востока стѣна дубоваго Кремника направлялась черезъ Арсеналъ къ Чудову монастырю и Малому дворцу, гдѣ, какъ упомянуто, открыты были слѣды древняго рва. Предположительно таковъ былъ объемъ дубоваго города Москвы.

Иванъ Калита въ теченіи своего не особенно долговременнаго княженія настолько успѣлъ устроить городъ Москву въ ея строительныхъ частяхъ, что его наслѣдникамъ оставалось продолжать его дѣло уже только съ художественной стороны, какъ это и было выполнено его сыномъ Симеономъ Гордымъ. Повидимому, послѣдній пожаръ, истребившій не то 18, не то 28 церквей, не распространился на новые каменные храмы, или же не повредилъ ихъ значительно, потому что на другой же годъ (1344) эти каменные

6*

храмы не только были обновлены, но ихъ стали украшать и стѣнописаніемъ.

Иконописному художеству въ Москвѣ начало могъ положить еще митрополитъ Петръ, самъ хорошо знавшій это художество оставившій въ Успенскомъ соборѣ икону Богоматери своего письма, именуемую *Петровскою*, которая, какъ великая святыня Москвы, въ ознаменованіе святой охраны, всегда выносилась въ крестныхъ ходахъ вокругъ города.

Но главнымъ насадителемъ иконописнаго художества въ Москвѣ былъ преемникъ св. Петра, митрополитъ Ѳеогностъ. При немъ, несомнѣнно по его призыву, появились въ Москвѣ Греческіе иконописцы, которые своимъ мастерствомъ и основали въ Москвѣ знаменитую впослѣдствіи школу этого художества, послужившую образцомъ даже и для послѣдующихъ вѣковъ. Греческіе мастера въ 1344 г. украсили стѣнописью, *подписали* митрополичью соборную церковь Успенія, окончивъ работу въ одно лѣто. А вел. князь Симеонъ Иван. тоже повелѣлъ расписать у своего двора церковь Архангела Михаила, несомнѣнно въ память своего отца, въ ней погребеннаго. Этотъ храмъ расписывали Русскіе иконники, старѣйшинами и начальниками у которыхъ были Захарій, Деонисій, Іосифъ и Николай. Въ то лѣто эти мастера не успѣли докончить стѣнописанія, «и половины не подписаша», по случаю обширности храма и мелкаго письма.

Въ слѣдующемъ 1345 г. и вел. княгиня Анастасія (Августа, Литовка), супруга вел. князя Симеона, также пожелала украсить стѣнописью монастырскую церковь Спаса на Бору, гдѣ въ тотъ годъ по кончинѣ своей и была погребена. И здѣсь работали Русскіе же мастера, у которыхъ старѣйшинами были Гойтанъ [1]),

---

[1]) *Гойтанъ* почему-то названъ Карамзинымъ (IV, 172) *иностранцемъ*. Къ этому г. Иловайскій (II, 39) прибавилъ, что „судя по имени, едва ли не былъ этотъ Гойтанъ выходцемъ изъ юго-западной Руси, можетъ быть, привезенный или вызванный оттуда первою супругою Симеона Литовско-Русскою княжною. И самый Петръ митрополитъ, родомъ Волынецъ, искусный въ иконномъ письмѣ, покровительствовалъ развитію этого искусства въ Москвѣ и призыву мастеровъ изъ юго-западной Руси“. Карамзину, повидимому, имя Гойтанъ показалось иностраннымъ, а оно давнее Русское слово, означающее снурокъ, на которомъ носили кресты тѣльники, стало быть, это было только простое прозвище иконописца. По назначенію и усердію супруги Симеона онъ расписывалъ церковь Спаса въ качествѣ старѣйшины, при чемъ названъ ученикомъ Грековъ, а главное Русскимъ родомъ (Ник. III, 181. Кар. IV, пр. 372).

Семенъ и Иванъ, ученики Грековъ, какъ обозначилъ ихъ лѣтописецъ.

Затѣмъ было приступлено къ стѣнописанію и въ церкви Іоанна Лѣствичника. Работы во всѣхъ этихъ церквахъ были окончены уже въ 1346 г.

Но зарождавшаяся Москва водворила у себя не одно иконописное художество, она завела у себя и колокольное литье. Въ этомъ 1346 г. вел. князь Симеонъ съ братьями Иваномъ и Андреемъ, значитъ на общій братскій счетъ, слили три колокола большихъ и два меньшихъ. Лилъ ихъ мастеръ Борисъ *Римлянинъ*, который еще въ 1342 г. уже слилъ колоколъ великій (вседневный) въ Новгородѣ къ св. Софіи по повелѣнію владыки Новгородскаго Василія, призвавшаго для этого дѣла мастеровъ изъ Москвы и во главѣ ихъ упомянутаго Бориса, *человѣка добра* (по мастерству), замѣчаетъ лѣтописецъ. Русское имя Борисъ обнаруживаетъ, что Римлянинъ былъ уже православнымъ.

Такимъ образомъ и богатый и знатный Новгородъ, процвѣтавшій торговлею, воспользовался художествомъ колокольнаго литья все-таки изъ Москвы, успѣвшей начать самостоятельную независимую работу и на этомъ поприщѣ народнаго развитія.

Художники Греки появились въ ней съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, который самъ былъ родомъ Грекъ и несомнѣнно призвалъ къ своему двору мастеровъ различныхъ художествъ, какихъ недоставало въ Русской странѣ.

Художники Итальянцы появились въ Москвѣ по случаю торговыхъ сношеній съ южными Черноморскими краями, особенно съ Сурожемъ и съ Генуэзскою Кафою, съ тамошнимъ богатымъ торгомъ. О прибывшихъ въ Москву гостяхъ-Сурожанахъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1356 г. Но по всему вѣроятію и раньше этого года Генуэзскіе торговцы уже хорошо знали дорогу въ Москву, такъ какъ сѣверный торгъ, направлявшійся прежде, до XIII ст., на Кіевъ по Днѣпру, теперь измѣнилъ это направленіе и шелъ уже черезъ Москву по Дону, чему еще до нашествія Татаръ очень способствовали именно тѣ же Итальянскіе генуэзскіе торги, сосредоточившіе свои дѣла въ устьяхъ Дона и въ Крымскихъ городахъ Сурожѣ и Кафѣ. Сурожцы въ качествѣ Итальянскихъ торговцевъ упоминаются въ 1288 г. по случаю кончины Волынскаго князя Владиміра Васильковича, когда по

немъ во Владимірѣ Волынскомъ плакали Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы и Жидове.

Надо вообще замѣтить, что первая Москва, какъ только начала свое историческое поприще, по счастливымъ обстоятельствамъ торговаго и именно итальянскаго движенія въ нашихъ южныхъ краяхъ, успѣла привлечь къ себѣ, повидимому, особую колонію Итальянскихъ торговцевъ, которые подъ именемъ Сурожанъ вмѣстѣ съ Русскими заняли очень видное и вліятельное положеніе во внутреннихъ дѣлахъ Великокняжеской столицы и впослѣдствіи много способствовали ея сношеніямъ и связямъ съ Итальянскою, Фряжскою Европою. Къ концу XV вѣка эти связи завершились весьма важнымъ событіемъ — бракосочетаніемъ Іоанна III съ Софьею Палеологъ, устроеннымъ непосредственно одними Итальянцами и еще съ большею силою водворившемъ въ Москвѣ Фряжское вліяніе не только въ политикѣ, но главнымъ образомъ въ области разнаго рода художествъ.

Однако участь Русскаго художническаго развитія въ теченіи всей нашей древней Исторіи была очень бѣдственна, постоянно встрѣчая неодолимыя препоны въ нашемъ же древнемъ коснѣніи, которое цѣлые вѣка заставляло насъ обитать въ деревянныхъ городахъ, молиться въ деревянныхъ храмахъ, благо дремучіе и непроходимые лѣса доставляли дешевыя средства для скорѣйшаго устройства жилищъ и укрѣпленія городовъ. А дерево постоянно съѣдалъ вольный огонь безъ остатка. Съ деревомъ погибало все, и богатое, и бѣдное въ обстановкѣ быта. Цѣлыя столѣтія надъ Русскою землею изъ конца въ конецъ ходилъ неустанно Божій *батогъ*, Божій бичъ съ страшнымъ именемъ пожара.

Москва только что устроилась послѣ четвертаго великаго пожара и вотъ, спустя только 10 лѣтъ, въ 1354 году она опять горитъ: погорѣлъ *Кремникъ* весь, церквей сгорѣло 13. Затѣмъ, спустя еще 10 лѣтъ, въ 1365 г., снова «загорѣся городъ Москва отъ (церкви) Всѣхъ Святыхъ съ верху (рѣки Москвы) отъ *Черторьи* (такъ прозывался глубокій оврагъ и ручей у нынѣшнихъ Пречистенскихъ воротъ) и погорѣ *Посадъ* весь и *Кремль* и *Зарѣчье*». Эта церковь стояла близь новаго храма Христа Спасителя, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сооружается памятникъ Императору Александру III.

Страшное было это лѣто! «Было тогда знаменіе на небеси, солнце являлось аки кровь и по немъ мѣста черны, и мгла стояла съ поллѣта, и зной и жары были великіе, лѣса и болота и земля горяше, рѣки пересохли и былъ страхъ и ужасъ на всѣхъ людяхъ и скорбь великая».

Пожаръ Москвы въ этотъ *сухмень* и зной великій сопровождался сильною бурей и вихремъ, разносившимъ за 10 дворовъ головни и бревна съ огнемъ, такъ что не было возможности гасить: въ одномъ мѣстѣ гасили, а въ десяти загоралось и никто не успѣвалъ спасать свое имѣніе, — огонь все поѣдалъ. Въ два часа времени весь городъ погорѣлъ безъ остатка. Такъ этотъ пожаръ и прослылъ—отъ Всѣхъ Святыхъ «Всесвятскій пожаръ». Прежде таковъ пожаръ не бывалъ, замѣтилъ лѣтописецъ.

Въ тотъ же годъ, очень вѣроятно, что послѣ пожара, митрополитъ Алексѣй по откровенію Божію заложилъ каменную церковь *шестую* въ городѣ, во имя Чуда Архангела Михаила въ Хонѣхъ съ мыслью основать здѣсь митрополичій монастырь.

Небольшая церковь была выстроена въ одно лѣто на восточномъ краю дубоваго города неподалеку отъ его стѣны, на мѣстѣ, гдѣ до того времени находился *Царевъ Посольскій дворъ* или подворье Ордынскихъ пословъ. Очень вѣроятно, что митрополитъ Алексѣй, исцѣливъ отъ болѣзни царицу Тайдулу, выпросилъ у ней это мѣсто для учрежденія монастыря и конечно съ цѣлью выселить изъ Кремля татарскихъ пословъ.

Можно полагать, что эта каменная церковь построена на мѣстѣ прежней деревянной, сгорѣвшей во Всесвятскій пожаръ. На другой же годъ послѣ этого бѣдствія митрополитъ Алексѣй озаботился вмѣсто обгорѣвшихъ стѣнъ дубоваго города построить *городъ каменный*. По его совѣту и благословенію, не медля нимало, стали готовить камень, по всему вѣроятію въ подмосковныхъ Мячковскихъ и другихъ тамошнихъ каменоломняхъ; зимою 1366 г. возили его къ городу, а весною 1367 г. заложили городъ и началась постройка съ великимъ поспѣшеніемъ, для чего отовсюду собраны были во множествѣ мастера каменнаго дѣла. Причины такой торопливости по всему вѣроятію скрывались въ недобрыхъ вѣстяхъ со стороны враждебной Твери.

Пространство города въ это время было увеличено. Съ восточной стороны, къ торговой площади, оно было отодвинуто по край-

ней мѣрѣ саженъ на 30, къ теперешней линіи Кремлевской стѣны. Должно полагать, что и въ другихъ мѣстахъ городъ раздвинулся шире прежняго дубоваго. Выше упомянуто, что дубовыя стѣны стараго города находились уже въ чертѣ каменныхъ.

Поспѣшность, съ которою воздвигались каменныя стѣны, оправдалась на другой же годъ (1368-й), когда побуждаемый врагомъ Москвы, Тверскимъ княземъ, Литовскій князь Ольгердъ, недуманно, негаданно, внезапно явился подъ этими стѣнами со множествомъ своихъ полковъ. Москва успѣла только выжечь свой посадъ, дабы не дать врагу способовъ устроить изъ деревянныхъ строеній *приметъ* къ городу, то-есть своего рода мосты къ его стѣнамъ. Литовскіе полки стояли около города трое сутокъ, но взять его не могли. Въ окрестностяхъ Ольгердъ произвелъ великое опустошеніе, пожегъ остатки посада, монастыри, церкви, попалилъ села и волости, пограбилъ всякое имущество и даже отогналъ съ собою всю скотину. Это было первое зло Москвѣ отъ Литвы, то-есть въ сущности отъ Твери, съ которою борьба не утихала, а все болѣе разгоралась.

Со временъ Ивана Калиты цѣлыя сорокъ лѣтъ Москва наслаждалась общеземскою тишиною и теперь поплатилась за свои грѣхи противъ Твери.

Спустя два года Ольгердъ, опять побуждаемый Тверскимъ княземъ, снова явился подъ каменною Москвою (6 декабря 1370 г.), стоялъ безъ успѣха 8 дней, наконецъ началъ просить мира, даже вѣчнаго мира, но получилъ только перемиріе до Петрова дня будущаго года. Онъ, защищая Тверь, тянулъ для своихъ выгодъ и къ Москвѣ, желая выдать дочь свою Елену за князя Владиміра Андреевича, что и устроилось въ 1372 г.

Такимъ образомъ, каменная твердыня Москвы очень помогла Московскому княжеству устоять противъ нападеній Твери и удержать въ своихъ рукахъ и Великокняжескую власть.

Если всѣ наши лѣтописцы почитали какъ бы своимъ долгомъ упоминать о постройкѣ каменныхъ церквей, находя такіе случаи не совсѣмъ обыкновенными, то постройка каменнаго города, какъ случая въ то время рѣдчайшаго, должна была произвести въ народѣ большое впечатлѣніе именно въ пользу Москвы, въ пользу ея политическаго могущества. Каменныя стѣны у самихъ Москвичей подняли, возвысили чувство независимости и стойкости

въ борьбѣ съ врагами, укрѣпили вѣрованіе въ непобѣдимую силу Московскаго великаго князя, въ самомъ князѣ укрѣпили самодержавное направленіе его отношеній къ другимъ князьямъ; говоря вообще, каменныя стѣны города породили въ населеніи естественное чувство твердой опоры и безопасности, когда вокругъ стояла нескончаемая вражда и усобица. Вообще можно сказать, что каменныя стѣны Москвы явились тою славною опорою, которая тотчасъ же обозначила крутой и прямой поворотъ къ идеямъ государственнаго единенія, такъ что черезъ десятокъ лѣтъ это единеніе достославно выразилось сборищемъ въ Каменной Москвѣ всенародныхъ полковъ для похода на Куликово Поле. Но еще прежде, въ 1375 году, оно не первый разъ выразилось тѣмъ, что въ походѣ на Тверскаго князя, какъ на главнаго сопротивника Московскимъ цѣлямъ, собрались подъ предводительствомъ Московскаго князя всѣ удѣльные князья со включеніемъ Новгорода; вся Русская земля въ ея Московской области возстала на Тверскаго слушника, крѣпкаго и горячаго борца за свои Тверскія цѣли.

Лѣтописецъ замѣтилъ государственное значеніе каменныхъ стѣнъ и въ своей книгѣ обозначилъ его такими словами: «Князь Великій Дмитрій Ивановичь заложи градъ Москву *камену* и начаша дѣлати безпрестани; и всѣхъ князей Русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посягати»

Однако чѣмъ сильнѣе становилась Москва, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ, тѣмъ грознѣе собирались надъ нею тучи и Русской и Татарской вражды. Небесныя знаменія сулили ей да и всему народу страшныя бѣдствія. Еще въ 1370 г., въ годъ втораго Ольгердова нашествія, осенью и зимою, являлись на небѣ кровавые столпы (сѣверное сіяніе), все небо являлось кровавымъ, такъ что и снѣгъ видѣлся кровавымъ и люди ходили красные, аки кровь, и хоромы представлялись какъ бы въ крови. «Се же проявленіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, проявляетъ скорбь великую и хотящу быть ратныхъ нашествіе и кровопролитіе и междуусобныя брани, еже и бысть». А лѣтомъ 1371 г. проявилось знаменіе въ солнцѣ: «явились на немъ мѣста чорны, аки *гвозди*, и почти два мѣсяца стояла по землѣ великая непроглядная мгла, нельзя было и за двѣ сажени видѣть человѣка въ лицо; птицы не видѣли летать, ударялись о головы людей, падали на землю и хо-

дили только по землѣ; звѣри, не видя свѣту, ходили по селамъ и по городамъ, мѣшаясь съ людьми, медвѣди, волки, лисицы и пр. звѣри. Сухмень былъ необычайный, зной, жаръ; хлѣбъ и трава погорѣло, озера и болота пересохли, лѣса и боры и высохшія болота горѣли, насталъ голодъ велій».

Во всѣ семидесятые годы мало-по-малу скоплялась великая гроза Мамаева и разразилась его нашествіемъ въ 1380 году. Въ это время Москва впервые явилась уже не княжествомъ, а самымъ Государствомъ, успѣвши на общее дѣло собрать народъ на Куликово Поле, гдѣ Татарской Ордѣ впервые данъ былъ богатырскій отпоръ. Однако такая борьба съ Татарами была еще не подъ силу разрозненной Русской Землѣ. Татаринъ Мамай побѣжалъ съ Куликова Поля безъ оглядки и погибъ; но на его мѣсто появился новый Татаринъ—Тохтамышъ. Онъ появился мстителемъ за разгромъ Орды, такъ какъ Мамаева дружина, перешедшая къ нему на службу, не могла забыть своего безславнаго пораженія на Куликовомъ Полѣ и повела новаго Мамая къ Москвѣ, чтобы улусника, Московскаго князя Дмитрія, какъ слѣдуетъ поустрашить и наказать за его враждебный подвигъ противъ Орды. Тохтамышъ все-таки побаивался Московской силы и именно того единенія, съ которымъ Москва стала на Куликовомъ Полѣ. Теперь этого единенія уже не было. Услыхавши походъ Тохтамыша, великій князь началъ было собирать ратныхъ и хотѣлъ идти противъ врага, но отовсюду встрѣтилъ въ князьяхъ и боярахъ *разньство* и *распрю*, еще же и оскудѣніе воинства. Отъ Мамаева побоища оскудѣла вся Русская Земля, говоритъ лѣтописецъ. Великій князь удалился къ Костромѣ, Владиміръ Андреевичъ къ Волоку, все-таки для сбора ратныхъ, какъ всегда бывало въ такихъ случаяхъ.

Москва осталась безъ руководителя и попечителя, какъ разсказываетъ единственный въ этомъ случаѣ лѣтописный свидѣтель, особая повѣсть о нашествіи Тохтамыша, составленная повидимому церковникомъ, не знавшимъ всѣхъ настоящихъ обстоятельствъ событія. Въ этой повѣсти Москвичи являются глупыми малолѣтними дѣтьми, чего по здравому разсудку невозможно допустить.

Удаляясь изъ Москвы, великій князь необходимо долженъ былъ устроить осадное положеніе города и оставить начальство

кому-либо изъ бояръ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ оставались, какъ указываетъ одинъ лѣтописецъ, и великая княгиня Евдокія и митрополитъ Кипріанъ. Повѣсть главнымъ образомъ описываетъ только возмущеніе черни и совершившееся неизобразимое бѣдствіе, упоминая по именамъ о погибели двухъ архимандритовъ и одного игумена и ни слова не сказывая о томъ, былъ ли кто въ городѣ изъ боярской среды, въ качествѣ ли начальника или въ качествѣ обывателя. Внезапно появляется какой-то внукъ Ольгерда, Литовскій князь Остѣй, который и устроиваетъ должный порядокъ среди взволнованнаго народа. Откуда онъ появился, по какому случаю сталъ руководителемъ обороны, объ этомъ повѣствователь ничего не знаетъ.

Когда пронеслась страшная вѣсть о походѣ Тохтамыша, окрестный народъ толпами повалилъ въ городъ за каменныя стѣны, *сѣсть въ осаду*, какъ тогда говорили, неся съ собою всякое имущество, чтó кому было дорого. Сбѣжались въ городъ крестьяне изъ окрестныхъ волостей, люди иныхъ городовъ, которыхъ застала у Москвы эта напасть, и свои люди, бояре, сурожане, суконники и прочіе купцы, и архимандриты, игумены изъ монастырей, протопопы и попы отъ загородныхъ посадскихъ церквей, вообще приходское духовенство, а также и монашество, всякій возрастъ и полъ, и съ младенцами.

Затѣмъ посады всѣ вокругъ города были пожжены, стало все чисто, ни одного тына или бревна не осталось. Это и въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ всегда дѣлалось, дабы спасти городъ отъ *примета* [1]).

Изъ множества собравшагося народа способные люди, *заборольники*, стали по всѣмъ стѣнамъ на *заборолахъ* [2]), для защиты отъ

---

[1]) *Приметъ* составлялъ особый способъ приступа при осадѣ городовъ, всегда окруженныхъ по обычаю глубокимъ рвомъ. Чтобы подойти черезъ ровъ къ стѣнамъ города и зажечь его, требовалось соорудить своего рода мостъ. Когда въ 1489 году Московскіе воеводы осаждали на Вяткѣ городъ Хлыновъ, то велѣли всей рати готовить приступъ и *приметъ*, каждому человѣку по беремени смолъ да берестъ, да на 50 человѣкъ по двѣ сажени плетеня, и къ городу плетени поставляли (Устюж. Лѣтоп. 167).

[2]) *Заборолами* назывались зубцы каменныхъ стѣнъ, промежутки которыхъ заставлялись, забирались толстыми досками въ видѣ забора для безопасности отъ стрѣлъ осаждавшихъ. На деревянныхъ стѣнахъ это былъ передвижной дощатый заборъ.

осаждающихъ, заготовивъ всякія орудія для этой цѣли: большіе каменья, каменныя ядра, *самострѣлы*, *тюфяки*, *пороки* и самыя тѣ *пушки*. Наготовлены были также и котлы съ водою, которую во время осады кипятили и поливали кипяткомъ осаждающихъ, если они лѣзли на стѣны.

Но еще задолго до появленія Татарскихъ полчищъ въ городѣ произошла великая смута и замятня по тому поводу, что нѣкоторые не захотѣли оставаться въ осадѣ и намѣревались по добру, по здорову уйти отъ предстоявшей опасности. Повидимому, первый объ этомъ подумалъ митрополитъ Кипріанъ, только дня за два до того прибывшій въ Москву изъ Новгорода. За нимъ, конечно, пожелала выбраться изъ осады и великая княгиня Евдокія. Святитель былъ вѣдь руководителемъ на всякое добро. Само собою разумѣется, что за такими первыми лицами потянулись и ихъ приближенные и многіе изъ другихъ чиновъ, болѣе или менѣе знатныхъ и богатыхъ. Это обстоятельство до крайности возмутило всю собравшуюся чернь и всѣхъ патріотовъ города, потому что, по старымъ понятіямъ народа, не должно было уходить изъ осады именно великимъ людямъ, каковъ былъ митрополитъ и великая княгиня, да и всѣмъ сколько-нибудь значительнымъ людямъ не должно было оставлять и бросать городъ на произволъ судьбы. Таковъ былъ искони вѣчный обычай, соблюдавшій древне-русскія правила добраго и честнаго поведенія. Митрополитъ былъ пришлецъ, вновѣ, родомъ Сербъ и Русскаго обычая еще не зналъ.

Повѣсть объ этомъ событіи, написанная по всѣмъ признакамъ какимъ-нибудь клирикомъ митрополита, возлагаетъ всю вину на возмутившійся народъ. «Гражданскіе люди возмятошася и всколебашеся, яко пьяни», говоритъ повѣствователь, «и сотвориша *вѣче*, позвониша во вся колоколы и вставша вѣчемъ народы мятежники, недобрые человѣки, люди крамольники: хотящихъ изыти изъ града не токмо не пущаху, но и грабляху; ни самого митрополита постыдѣшася, и Великую Княгиню преобидѣша; ни бояръ нарочитыхъ не устрашишася, не устрамишася сѣдины старецъ многолѣтныхъ, но на всѣхъ огрозишася; ставши на всѣхъ воротахъ городскихъ, сверху каменіемъ шибаху (на бѣглецовъ); а внизу на землѣ съ рогатинами и сулицами и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, не пущающе вылезти вонъ изъ града; и потомъ уже едва умолены быша великимъ моленіемъ, выпустили *ихъ*

(т.-е. митрополита и великую книгиню) изъ града и то ограбивши»...

Мятежъ народа, стало быть, поднялся только противъ бѣглецовъ изъ города. Явился князь Остѣй и укротилъ волненіе тѣмъ, что затворился со всѣми въ осаду, чего и требовали мятежники-патріоты, истые Москвичи.

Наконецъ появилась сила Татарская августа 23 въ понедѣльникъ въ пол-обѣда. Граждане вострубили, давая тѣмъ вѣсть всему городу о приближеніи супостатовъ.

Въ это время добрые люди, готовясь къ смерти, постились и молились Богу день и ночь. А нѣкіе недобрые человѣки начали обходить по богатымъ дворамъ, вынося изъ погребовъ меды господскіе въ сосудахъ серебряныхъ и стеклянныхъ дорогихъ, и упивались даже допьяна, а къ шатанію и дерзость прилагали, говоря: «не устрашаемся нашествія поганыхъ Татаръ... Твердъ городъ нашъ, *стѣны каменные*, врата желѣзныя, не потерпятъ враги долго стоять подъ нашимъ крѣпкимъ городомъ; два страха надъ ними будетъ: изъ внутри города бойцы, а со внѣшней стороны придутъ собранные полки нашихъ князей».

Похмельные люди хотя и горделиво, но говорили сущую правду. Отсидѣться въ городѣ противъ Татаръ было вполнѣ возможно. У Татаръ, кромѣ стрѣлъ и сабель, никакихъ стѣнобитныхъ орудій не было. Они, дѣлая приступы, осыпали городъ стрѣлами, какъ дождемъ, но вреда отъ этого было не много; погибали нѣкоторые заборольники или же горожане на открытыхъ мѣстахъ, и только.

Въ первый день показались только передовые отряды Татарской рати. Не начиная дѣла, они приблизились къ городу на разстояніе одной или двухъ стрѣльбищъ и кликнули: Есть ли въ городѣ князь Дмитрій?

Нѣту, отвѣтили съ заборолъ заборольники. Татары поскакали вокругъ города, обозрѣвая и разсматривая приступы, рвы, врата, забороды, стрѣльницы. Долго потомъ они смотрѣли на твердыню города, махая голыми саблями, давая тѣмъ знать, что такъ будутъ побиты горожане, и затѣмъ исчезли. Повѣсть при этомъ усердно описываетъ пьяное поведеніе Москвичей, которые, видя не особенно многочисленную Татарскую рать, подумали, что враговъ только и есть налицо, и стали безстыднымъ образомъ ругать Татаръ, поносить ихъ царя и всячески оскорблять ихъ.

На другой день утромъ приступилъ къ городу съ силою великою самъ царь Тохтамышъ. Началась перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Татарскія стрѣлы затмевали свѣтъ, летѣли на городъ, аки дождь великій. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились лѣстницы и враги полѣзли на стѣны, но тотчасъ же были отбиваемы или камнями, или обливаемы готовымъ кипяткомъ; на подступавшихъ къ стѣнамъ происходила съ заборолъ стрѣльба изъ разныхъ махинъ:— изъ самострѣловъ, тюфяковъ, пушекъ, которыя въ это время были въ употребленіи даже и у Волжскихъ Болгаръ. Еще въ 1376 г., когда Московская и Нижегородская рать осаждала Болгарскій городъ, то съ города *громъ пущаху*, чтобы устрашить Русскіе полки.

Цѣлые два дня Москва давала крѣпкій отпоръ Татарскому натиску. Враги то отступали для отдыха, то снова набрасывались къ стѣнамъ, но всегда безъ успѣха. Заборольники работали безъ устали и вотъ одинъ изъ нихъ Москвитинъ суконникъ, по имени Адамъ, стоя на Фроловскихъ воротахъ, примѣтивъ одного знатнаго Татарина, натянулъ стрѣлу самострѣльную и угодилъ ему прямо въ сердце. Это былъ нарочитый и славный Татаринъ, сынъ нѣкоего князя Ординскаго. И самъ царь опечалился объ его смерти. Взять городъ силою оказывалось невозможнымъ.

На четвертый день съ утра 26 августа къ городу подъѣхали съ миромъ большіе Ординскіе князья, а съ ними и два князя Суздальскіе, сыновья тестя Московскому вел. князю Димитрію, Василій и Семенъ, работавшіе для своихъ цѣлей тайною враждою къ Москвѣ.

Начались миролюбивые переговоры съ осажденными. «Царь хочетъ васъ жаловать, говорили Татарскіе князья. Онъ не на васъ пришелъ, вы ни въ чемъ неповинны. Онъ пришелъ на своего ослушника, на князя Дмитрія. Царь ничего не требуетъ отъ васъ. Только выдте изъ города для его встрѣчи и по обычаю дары принесите. Хочетъ царь видѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, чтобы даровать вамъ миръ и любовь, и для того отворите ему ворота города».

Русскіе князья, эти два доброхота Москвы, подтвердили клятвою, что такъ все будетъ, какъ повелѣваетъ царь. «Вѣрьте намъ, мы вѣдь ваши же Христіанскіе Православные князи», сказали доброхоты, при чемъ князь Семенъ снялъ съ себя крестъ и поцѣловалъ его Москвичамъ.

Ворота отворили, духовенство вышло съ крестами и иконами, а за нимъ и народъ съ княземъ Остѣемъ во главѣ. Татары того только и ожидали и тутъ же начали свою кровавую расправу съ несчастными осажденными.

Перваго они убили князя Остѣя, передъ самыми Фроловскими (Спасскими) воротами. Такъ разсказываетъ упомянутая повѣсть, свидѣтельствующая по другому списку, что Остѣя убили, *тайно взявши* его въ полкъ свой.

Вообще же повѣсть разсказываетъ, что Остѣй былъ обольщенъ «лживыми рѣчами и лживымъ миромъ».

Къ этому надо припомнить и то, что Рязанскій князь Олегъ, обводя Тохтамыша мимо своего княжества, дабы спасти себя и направить его походъ прямо къ Москвѣ, научалъ его своими совѣтами, какъ безъ труда можно взять *каменный* городъ Москву, какъ побѣдить и издобыть князя Дмитрія. Немудрено, что эти совѣты и были выполнены при помощи еще и Суздальскихъ князей.

Кровавая расправа съ горожанами началась тотчасъ же, какъ были отворены Фроловскія ворота. Татары ворвались въ городъ и безъ пощады побивали встрѣчнаго и поперечнаго, очищая себѣ дорогу къ грабежу церквей и богатыхъ хоромъ. Въ немногое время весь городъ былъ очищенъ, все было пограблено или пожжено. Между прочимъ, книгъ было многое множество отовсюду снесено со всего города и изъ селъ, въ соборныхъ церквахъ до сводовъ наметано, сохраненія ради спроважено, то все погибло безъ остатка. Казна вел. князя и многихъ бояръ старѣйшихъ, многихъ купцовъ богатыхъ, сурожанъ, суконниковъ и прочихъ, всѣ собранныя многими годами сокровища были разнесены до нитки. Церковная святыня разграблена, ободрана, поругана, кресты, иконы, драгоцѣнныя облаченія и всякая утварь...

«Былъ дотолѣ Москва-градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многолюденъ, кипѣлъ богатствомъ и славою, превзошелъ честію многою всѣ города Русской Земли, и что же: въ одинъ день или въ полдня мгновенно измѣнилась вся доброта его, и слава его изчезла, повсюду пусто, одна горѣлая земля, дымъ и пепелъ, да лежатъ во множествѣ трупы мертвыхъ». Когда вел. князь возвратился въ опустѣвшій городъ, расплакался горько и повелѣлъ хоронить трупы, назначивъ по полтинѣ отъ сорока погребенныхъ,

вышло 300 руб., стало быть было погребено 24 тысячи, конечно не въ одномъ только каменномъ городѣ, но и по всѣмъ окрестностямъ. Новгородскій лѣтописецъ, сводя счетъ всѣмъ потерямъ и убыткамъ отъ этого Татарскаго нашествія, замѣтилъ, что «мало сказать и тысяча тысячь».

Удалившись отъ Москвы, Тохтамышъ распустилъ свои полки по всѣмъ городамъ Московскаго только Княжества, такъ какъ приходилъ наказывать только Московскаго улусника за его дерзость на Мамаевомъ побоищѣ. До другихъ большихъ Княжествъ онъ не коснулся: Тверь Богъ помиловалъ, съ Суздальскими князьями Татаринъ дружилъ и досталось только одному Рязанскому Олегу, не добывшему спасенія и за то, что показалъ Татарину добрый, легкій путь на Москву. Тохтамышъ по дорогѣ въ Орду опустошилъ Рязанское Княжество, а Москва тотчасъ же и съ своей стороны послала рать на Олега и отомстила такъ, что было ему злѣе и Татарской рати.

Другой виновникъ несчастія, спасавшійся отъ нашествія въ Твери, митрополитъ Кипріанъ, былъ уволенъ изъ Москвы и на его мѣсто призванъ Пименъ, жившій дотолѣ въ заточеніи. Вел. князь разгнѣвался на Кипріана именно за то, что онъ не сидѣлъ въ Москвѣ въ осадѣ. Но одинъ лѣтописецъ оправдываетъ его текстомъ писанія: «Нѣсть бо грѣха, еже бѣгати бѣдъ и напастей». Не такъ мыслилъ Московскій Посадъ.

Москва-городъ своею добротою, то-есть своимъ благосостояніемъ и славою этого благосостоянія, исчезла, разграблена, опустошена, сожжена; Москвичи-горожане всѣ порублены татарскими саблями, другіе сгорѣли, иные потопли въ рѣкѣ; Москва-городъ превратилась въ печальную пустыню, въ отчаянную пустоту. Она мало-по-малу могла и на самомъ дѣлѣ запустѣть и захирѣть, какъ бывало со многими городами Старой Руси, какъ случилось даже съ старою матерью Русскихъ городовъ, съ Кіевомъ. Но съ Москвою этого не случилось, потому что вокругъ Москвы-города уже существовала Москва-народъ, именно та сила, которая впослѣдствіи заставила именовать и все народившееся Русское Государство— Москвою, Московскимъ Государствомъ. А всего съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ прошло съ той поры, какъ Московскіе князья укрѣпили за собою титулъ и власть великихъ князей. Нарожденію, наростанію, накопленію Москвы-народа послужила конечно

сорокалѣтняя тишина, которую такъ умно и настойчиво содержали вел. князья города Москвы. И вотъ теперь, когда городъ разоренъ до запустѣнія, его быстро возстанавляетъ, обновляетъ и снова населяетъ Москва-народъ. Оставшіяся крѣпкія каменныя стѣны города и въ этомъ случаѣ оказываютъ свою притягательную силу на окрестное, и близкое, и дальнее населеніе Московской области.

Князь великій Дмитрій Иван. поплакалъ вельми слезно надъ пепелищемъ разореннаго города и повелѣлъ дворы ставить и градъ дѣлать. Насталъ уже сентябрь и потому жилыя помѣщенія были построены вскорѣ, какъ и деревянныя заборола на каменныхъ стѣнахъ. Какъ послѣ обычныхъ пожаровъ, такъ и теперь деревянныя постройки сооружались съ необычайною скоростью. Въ недѣлю времени ставился цѣлый дворъ. Окрестности Москвы богаты были непроходимыми строевыми лѣсами, остатки которыхъ, наприм. Сокольники и Лосинный Островъ, и теперь еще хорошо напоминаютъ, какъ было за 500 лѣтъ тому назадъ. Посему съ достовѣрностью можемъ судить, что городъ былъ обновленъ и населенъ въ теченіи одного слѣдующаго года.

Спустя семь лѣтъ, въ годъ кончины вел. князя (1389), онъ снова былъ опустошенъ домашнимъ врагомъ, обычнымъ пожаромъ. Іюля 21 загорѣлась церковь св. Аѳанасія (впослѣдствіи Кирилловское подворье) и мало не весь городъ Кремль погорѣлъ, едва угасили. Потомъ, почти ровно черезъ годъ (1390), 22 іюня на посадѣ загорѣлся дворъ армянина Аврама и отъ него нѣколико *тысячъ* дворовъ погорѣло. Спустя 5 лѣтъ въ 1395 г. посадъ снова былъ опустошенъ пожаромъ и опять нѣколико *тысячъ* дворовъ сгорѣло. Упомянемъ кстати, что въ 1415 г. такимъ же образомъ «Москва выгорѣ», какъ записалъ объ этомъ Новгородскій лѣтописецъ (Новг. 1-я, стр. 105).

Такова была притягательная сила Москвы-народа къ своему каменному гнѣзду, къ Москвѣ-городу. Черезъ 8 лѣтъ послѣ *Татарщины*, какъ Москвичи прозывали нашествіе Тохтамыша, около города тѣснятся уже тысячи дворовъ, которые по обычаю горятъ и затѣмъ снова возстаютъ тѣми же *тысячами*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва-народъ выносила и тяжелую дань по случаю полнаго опустошенія отъ Тохтамышева нашествія Великокняжеской казны. Весною 1384 г. была дань тяжела по всему княженію, *всякому* безъ отдатка, со всякой деревни по полтинѣ. Тогда же и

златомъ (т.-е. драгоцѣнными вещами) давали въ Орду, и Черный Боръ у Новгорода былъ взятъ. Именемъ деревни въ то время обозначался одинъ дворъ или много два-три двора, составлявшихъ крестьянскую селитьбу среди лѣсовъ и полей.

Къ тому же въ это время въ Ордѣ происходила тяжба о Великомъ Княженіи между Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ал. и Московскимъ Дмитріемъ, который вмѣсто себя послалъ въ Орду 12-лѣтняго сына Василія Дмитр. Москва перетянула, конечно, усердною и умною работою своего боярства.

Такія отношенія къ Ордѣ и къ враждебнымъ большимъ Княжествамъ, Тверскому, Рязанскому и даже къ Суздальскому, не давали городу Москвѣ никакой возможности устроиться соотвѣтственно пріобрѣтенной силѣ и политическому значенію.

Надо было еще почти цѣлому столѣтію пройти въ бѣдственныхъ испытаніяхъ этой силы, въ закаливаніи ея твердости и несокрушимости.

Неизобразимые ужасы Тохтамышева нашествія надолго оставили свои страшные слѣды въ томъ безграничномъ трусливомъ опасеніи, съ какимъ потомъ Москва встрѣчала каждый Татарскій набѣгъ.

Въ 1395 г., какъ упомянуто, въ Московскомъ посадѣ снова погорѣло нѣколико тысячъ дворовъ и въ то же лѣто снова надвинулась новая Татарская гроза. Пришелъ на Русскую Землю знаменитый Темиръ-Аксакъ (Тамерланъ), завоеватель почти всего магометанскаго и христіанскаго Востока, о чемъ слава разносилась повсюду и была принесена торговыми людьми и въ далекую Москву.

Онъ уже стоялъ гдѣ-то на Дону въ предѣлахъ Рязанской стороны и взялъ городъ Елецъ. «И бысть страхъ по всей Землѣ Русской!»

Однако вел. кн. Василій Дмитр. порѣшилъ встрѣтить его и, собравъ во множествѣ ратныхъ, двинулся къ Коломнѣ на берегъ Оки съ намѣреніемъ дать врагу должный отпоръ по примѣру своего отца, достославно встрѣтившаго Мамая.

Но въ виду громкой побѣдительной славы Темира положеніе являлось вполнѣ отчаяннымъ. Предвидѣлось бѣдствіе неизобразимое и оставалась одна надежда на милосердіе Божіе. Какъ и въ Тохтамышево нашествіе въ Москву собралось множество народа подъ защиту ея каменныхъ стѣнъ.

Городъ готовился сидѣть въ осадѣ и каждый день приходили вѣсти одна грознѣе другой, что похваляется супостатъ идти къ Москвѣ, поплѣнить, пожечь, разорить ее. Живо помнилось Тохтамышево разореніе. Но теперь и митрополитъ, тотъ же Кипріанъ, оставался въ городѣ, въ осадѣ, и принималъ святительскія мѣры для спасенія: заповѣдалъ всѣмъ людямъ поститься, молебны пѣть, милостыню творить, готовиться встрѣтить гнѣвъ Божій въ душевной и тѣлесной чистотѣ.

Богомольные и благочестивые помыслы осѣнили и воинство вел. князя на Окѣ. Вспоминали великую помощь издревле Крѣпкой Заступницы стольнаго города Владиміра и всей Суздальской, а нынѣ уже Московской Земли, Владимірской иконы Богоматери, и въ этихъ помыслахъ вел. князь прислалъ митрополиту сказать свое богомольное рѣшеніе, что было бы святымъ дѣломъ принести изъ Владиміра чудотворную икону для спасенія новаго Владимірскаго же стольнаго города Москвы.

По общему совѣту съ братьями вел. князя, митрополитъ благословилъ это дѣло и отправилъ во Владиміръ за иконою особое священническое посольство.

Въ самый день Успенія Богородицы городъ Владиміръ далеко проводилъ икону съ великими слезами и рыданіями, лишаясь святого «утѣшенія и заступленія и скорыя помощи и надёжи».

А городъ Москва, весь городъ, все множество безчисленное народа, съ радостными слезами встрѣтилъ икону 26 августа далеко на Кучковѣ полѣ, возсылая усердныя мольбы, да будетъ Владычица Богородица теплою Заступницею и скорою Помощницею и Покровомъ городу Москвѣ.

Тамерланъ слишкомъ двѣ недѣли стоялъ на своемъ мѣстѣ, не подаваясь «ни сѣмо, ни онамо», ни туда, ни сюда, и потомъ вдругъ побѣжалъ безъ оглядки назадъ въ свои степи, именно въ тотъ самый день и въ тотъ часъ, когда въ Москвѣ происходила торжественная встрѣча чудотворной Владимірской иконы, о чемъ свидѣтельствовали нѣкоторые вѣстники, находившіеся въ его станѣ.

Въ Москвѣ стали потомъ разсказывать, что въ тотъ день онъ видѣлъ страшный сонъ—гору высокую, а съ горы идутъ къ нему святители съ златыми жезлами въ рукахъ, претяще ему зѣло, и тутъ же внезапно онъ видитъ на воздухѣ жену въ багряныхъ

ризахъ со множествомъ воинства «претяще ему лютѣ». Проснувшись въ ужасѣ, онъ тотчасъ повелѣлъ всей своей силѣ немедля возвращаться домой, откуда приходилъ.

Съ той поры чудотворная икона, поставленная въ Успенскомъ соборѣ въ среду мѣстныхъ иконъ на десной сторонѣ отъ св. дверей царскихъ, стала историческимъ знаменіемъ Москвы, какъ она была такимъ же святымъ знаменемъ и стараго стольнаго города Владиміра. Ея перенесеніе въ полнотѣ выразило въ религіозномъ движеніи всенароднаго сознанія ту истину, что отнынѣ Москва становится стольнымъ городомъ не одного Московскаго Княжества, но стольнымъ городомъ и всѣхъ другихъ Княжествъ, стольнымъ городомъ всей Русской Земли.

Чудотворная икона своимъ переселеніемъ въ Москву освятила политическую твердыню города.

Отъ Тохтамыша до пришествія Тамерлана прошло ровно 13 лѣтъ (1382—1395) и вотъ опять еще ровно черезъ 13 лѣтъ отъ прихода Тамерлана по повелѣнію царя Булата подъ Москвою явился въ 1408 г. новый Татаринъ, Едигей, со множествомъ войска, съ Ордынскими царевичами и прочими князьями. Это было въ зимнюю пору, 1 декабря, какъ случилось и первоначальное Батыево нашествіе. Москва не ожидала такой зимней грозы. Татаринъ устроилъ свой станъ въ селѣ Коломенскомъ и распустилъ полки на грабежъ по всѣмъ городамъ Московскаго Княжества, приказавъ и Тверскому князю идти къ Москвѣ «съ пушками, тюфяками, самострѣлами, со всѣми сосудами градобойными», чтобы до основанія разбить и разорить городъ Москву. Однако Тверской князь, соблюдая договоры съ Московскимъ, по отзыву лѣтописца, сотворилъ премудро, вышелъ съ малою дружиною да отъ Клина и воротился назадъ, угождая и нашимъ и вашимъ, и Москвѣ и Едигею.

Почти всѣ обстоятельства повторились, какъ было въ приходъ Тохтамыша. Вел. князь, услыхавъ объ опасности, ушелъ къ Костромѣ собирать ратныхъ. Въ осаду сѣлъ Храбрый Владиміръ Андреевичъ съ племянниками, а съ нимъ многое множество тмочисленно сбѣжавшагося со всѣхъ сторонъ народа, «ради твердости града», ради каменныхъ его стѣнъ. Опять былъ выжженъ посадъ вокругъ города самими посадскими. Хорошо помня Тохтамышевъ разгромъ, всѣ были въ великомъ страхѣ и отчаяніи и попреж-

нему, надѣясь только на милосердіе Божіе, молились и постились. А Едигей собирался и зимовать подъ городомъ, пока не возьметъ и не разоритъ его. Готовя свирѣпую осаду, ожидая Тверской помощи, Едигей пока не приступалъ къ городу, а стоялъ все время въ Коломенскомъ, цѣлыя три недѣли. Но милосердіемъ Божіимъ и молитвами Чуд. Петра грозныя обстоятельства перемѣнились. Въ то самое время въ самой Ордѣ настала усобица и по повелѣнію царя Едигей долженъ былъ немедленно возвратиться съ полками въ Орду. Тая отъ осажденныхъ это обстоятельство, Едигей запросилъ у нихъ, что если дадутъ ему окупъ, тогда онъ и уйдетъ отъ города. Для осажденныхъ это было Божіе помилованіе. Они собрали казну и отдали Татарину, вѣроятно по его запросу, 3000 р.

20 декабря, на память преставленія св. Чуд. Петра, Едигей, стоявши подъ городомъ цѣлый мѣсяцъ, ушелъ со всѣми своими силами, везя за собою награбленное добро и ведя плѣнныхъ тысячами. Жалостно было видѣть, говоритъ лѣтописецъ, и достойно многихъ слезъ, какъ одинъ Татаринъ велъ по 40 человѣкъ плѣнныхъ, крѣпко привязанныхъ гуськомъ другъ къ другу.

Но еще жалостнѣе было разгадывать, какъ это нашествіе по всѣмъ видимостямъ было устроено крамолою Московскаго боярства противъ вел. князя, т.-е. противъ коренной Московской идеи тѣснаго государственнаго единенія. Московская область по этой крамолѣ была опустошена Едигеевыми полками отъ Рязанскихъ предѣловъ до Галича и Бѣлоозера, «бысть тогда во всей Русской Землѣ всѣмъ христіаномъ *туга* велика и плачъ неутѣшимъ и рыданіе и кричаніе, вся бо Земля плѣнена бысть»...

Какъ упомянуто, Едигей ушелъ отъ города 20 декабря, наканунѣ празднованія св. Петру митрополиту въ память его преставленія. Благочистивые москвичи не могли не видѣть этой особенной благодати Божіей, избавившей ихъ отъ конечной бѣды именно молитвами Святого Чудотворца, еще при жизни своей превозлюбившаго Москву паче всѣхъ другихъ городовъ и съ того времени во всѣхъ Московскихъ дѣлахъ и бѣдствіяхъ подававшаго городу молебное заступленіе и охраненіе. Въ Московской исторіи не мало было случаевъ, гдѣ чудесная таинственная помощь святителя Петра съ очевидностью подтверждала и укрѣпляла эту искреннюю вѣру Московскаго народа.

Какъ великій Христовъ мученикъ Димитрій, замѣчаетъ лѣтописецъ, избавлялъ многажды градъ свой Солунь отъ нашествія Срацинъ, такъ и сему граду Москвѣ и людямъ, въ немъ живущимъ, далъ Богъ Чуднаго Святителя, могущаго заступати и спасати отъ преходящихъ золъ.

Едигей съ дороги прислалъ великому князю письмо—замѣчательнѣйшій памятникъ, ярко рисующій тогдашнія внутреннія дѣла Москвы, именно отношенія прежде столько славнаго Московскаго боярства, всегда единодушнаго, а теперь раздѣлившагося въ своихъ интересахъ на двѣ стороны, по той причинѣ, что стала дѣлиться на части и Великокняжеская семья. Старые бояре негодовали на молодыхъ любимцевъ вел. князя, занявшихъ передовыя мѣста на его лавкахъ.

Татаринъ съ большимъ выговоромъ писалъ, что въ Москвѣ теперь дѣлается не такъ, какъ было прежде. «Спросилъ бы ты объ этомъ, писалъ онъ вел. князю, своихъ старыхъ бояръ, какое добро Ордѣ было при нихъ. Добрые были нравы, и добрыя дѣла, и добрая дума была къ Ордѣ. А нынче ты старыхъ не слушаешь. Съ молодыми засѣлъ и. изъ ихъ думы, изъ ихъ совѣта и изъ ихъ слова не выступаешь. Вотъ уже третій царь сидитъ въ Ордѣ на царствѣ, а ты ни къ которому не бывалъ, ни сына, ни брата, ни старѣйшихъ бояръ не присылалъ. Доброе ли дѣло ты такъ дѣлаешь? Надъ такимъ улусомъ старѣйшій ты Великій Князь, а всѣ дѣла твои не добры. Впередъ того не дѣлай. Собралъ бы ты старѣйшихъ бояръ и старцевъ Земскихъ и думалъ бы съ ними добрую думу о старой пошлинѣ, чтобы твоимъ крестьянамъ въ твоей державѣ не погибнуть до конца».

При этомъ Едигей наименовалъ нѣкоторыхъ бояръ, кого слѣдовало слушаться и которые по всему вѣроятію заявляли въ Ордѣ свои жалобы на новые порядки. Это были бояре Илья Ивановичъ, Петръ Константиновичъ, Иванъ Никитичъ.

Здѣсь скрывался уже зародышъ будущихъ смутъ и усобицъ, выпадавшихъ на долю несчастнаго сына Вас. Дм., Василья Васильевича Темнаго, противъ котораго и дѣйствовали нѣкоторые изъ упомянутыхъ Едигеемъ бояръ.

Началась и въ Москвѣ, какъ бывало въ Кіевѣ, домашняя усобица дяди съ племянникомъ, а потомъ племянника съ двоюродными братьями. Началась она въ тотъ же день, какъ померъ

вел. князь Василій Дмитріевичъ, и продолжалась съ мирными перерывами, съ переходомъ побѣды или пораженія то на ту, то на другую сторону, въ теченіи цѣлыхъ 27 лѣтъ (1425—1452). Въ то же время и татары не спали и внезапными набѣгами на Москву грозно напоминали свое разбойное владычество.

Во время этой усобицы, въ 1439 году, въ пятницу, 3 іюля, внезапно пришелъ къ Москвѣ Ордынскій царь Махметъ. Гонимый отъ Орды своимъ братомъ, онъ пришелъ на Русь и поселился въ Бѣлевѣ. Вел. князь выслалъ на него большую рать, предводимую двумя Юрьевичами. Рать сначала одолѣла Татаръ, а потомъ была побита. Мстя такую встрѣчу, Махметъ появился у стѣнъ города. Вел. князь не успѣлъ собрать войско и удалился на Волгу, а въ городѣ въ осаду посадилъ князя Юрья Патрикѣевича съ безчисленнымъ множествомъ народа. Царь пожегъ посады, стоялъ подъ городомъ 10 дней, взять его не могъ и ушелъ домой, опустошивъ по пути Коломну.

Въ 1445 г. тотъ же Махметъ, теперь царь Казанскій, съ двумя сыновьями, побуждаемый Дм. Шемякою, сталъ опять воевать изъ Нижняго къ Мурому. Вел. князь вышелъ противъ него. Услыхавши объ этомъ, царь воротился въ Нижній, но потомъ выслалъ на вел. князя своихъ двухъ сыновей. Вел. князь снова долженъ былъ идти въ походъ на этотъ разъ съ малымъ числомъ войска, вслѣдствіе чего и случился несчастный бой подъ Суздалемъ, у Ефимьева монастыря, на которомъ самъ вел. князь попался въ плѣнъ, потому что бился добрѣ мужественно, весь былъ израненъ. Это случилось въ среду 7 іюля. Татары привели его въ монастырь, сняли съ него кресты-тѣльники и послали ихъ въ Москву къ матери вел. князя, Софьѣ, и къ его женѣ, Марьѣ.

Татаринъ Ачисанъ привезъ эти кресты; плачъ великій и многое рыданіе разнеслось по всему городу. Въ страхѣ Москвичи сѣли въ осаду, ожидая и къ Москвѣ скораго прихода Татаръ. Попрежнему въ городъ собралось множество и изъ другихъ городовъ, кого только застала здѣсь недобрая вѣсть.

Къ этому несчастію присоединилось еще другое. Ровно черезъ недѣлю по плѣненіи вел. князя, въ среду же, 14 іюля, въ ночь загорѣлось внутри города (Кремля) и выгорѣло дерево все, такъ что и церкви каменныя распались, и стѣны каменныя упали во многихъ мѣстахъ. Людей погорѣло великое множество, потому

что здѣсь огонь, а изъ заградія боялись Татаръ и никто не зналъ куда дѣваться. Казны многія выгорѣли и всякаго товара безчисленно. Вел. княгини и съ дѣтьми, въ числѣ которыхъ былъ и пятилѣтній Иванъ Васил., а также и съ боярами своими успѣли уйти къ Ростову. Горожане остались опять, какъ овцы безъ пастыря, въ великомъ волненіи и страхѣ; какъ и при Тохтамышѣ, чернь попрежнему завладѣла положеніемъ и стала укрѣплять городъ, сколько было возможно, начавъ устроивать городовыя ворота. «А кто хотѣлъ бѣжать изъ города, тѣхъ стали хватать, бить, ковать». Такимъ порядкомъ и утихло волненіе. Всѣ сообща начали городъ крѣпить и всякій пристрой готовить. Шемяка торжествовалъ, тѣмъ болѣе, что царь прислалъ къ нему своего посла съ радостною вѣстью, что вел. князь плѣненъ. Шемяка отпустилъ посла со всѣмъ лихомъ на вел. князя, чтобы не быть ему на Великомъ Княженіи.

Но Татары руководились не политикою, а жадною корыстью и потому, гдѣ надѣялись больше получить, тамъ и продавали свое слово и свое обѣщаніе, лишь было бы выгоднѣе. Такъ случилось и теперь. На Покровъ Богородицы, 1 октября, царь, дошедъ уже Курмышля, отпустилъ вел. князя, утвердивъ его крестнымъ цѣлованіемъ, что дастъ за себя *окупъ* сколько можетъ больше.

Въ Москвѣ въ тотъ же самый день, въ 6 часовъ ночи, люди слышали рѣдкое явленіе: «потрясеся градъ Москва, *Кремль* и посадъ весь, и храмы поколебались. Спящіе не слыхали, но не спавшіе въ большомъ страхѣ ожидали, что пришелъ конецъ міра».

На радость своей семьѣ и всему городу вел. князь возвратился въ Москву 17 ноября и, такъ какъ городъ еще не обстроился послѣ пожара, остановился во дворѣ своей матери, Софьи, за городомъ на Ваганковѣ, а потомъ уже перешелъ въ городъ на новый дворъ князя Юрья Патрикѣевича.

Въ 1451 г. внезапно появился подъ Москвою Ордынскій царевичъ Мазовша. По всему вѣроятію и въ это время Москва содержала въ степяхъ особыхъ сторожей-вѣстниковъ изъ тѣхъ же Татаръ, получавшихъ, конечно, щедрыя награды за надобныя вѣсти. Такимъ путемъ была получена въ Москвѣ вѣсть и о царевичѣ Мазовшѣ. Вел. князь, не успѣвъ собраться ратными, всетаки пошелъ къ Коломнѣ навстрѣчу Татарину, предполагая, что

онъ еще далеко, а онъ уже приближался къ Окѣ. Вел. князь поспѣшно воротился въ Москву, дабы укрѣпить городъ въ осаду, а небольшой свой полкъ отпустилъ съ княземъ Иваномъ Звенигородскимъ на Оку, чтобы замедлить Татарамъ переправу черезъ рѣку. Князь Звенигородскій разсудилъ однако также уйти къ Москвѣ, конечно, другою дорогою отъ вел. князя. Татары пришли къ берегу, ожидая встрѣтить московскую рать, и никого не встрѣтили, кругомъ все было пусто. Спокойно переправившись, они быстро устремились къ Москвѣ и съ восходомъ солнца явились подъ городомъ въ пятницу, 2 іюля, на праздникъ Положенія Ризы Прч. Богородицы. Въ одинъ часъ они зажгли всѣ посады, а сами со всѣхъ сторонъ начали приступать къ городу. Вел. князь Василій посадилъ въ городѣ матерь свою, вел. княгиню Софью, да сына своего Юрья и множество бояръ и дѣтей боярскихъ, а прежде всего отца своего, митроп. Іону, и Ростовскаго архіепископа Ефрема со всѣмъ священническимъ и иноческимъ чиномъ и со множествомъ народа. Самъ онъ съ сыномъ Иваномъ по обычаю удалился къ Волгѣ собирать ратныхъ, а свою княгиню съ меньшими дѣтьми отправилъ въ Угличъ.

При пожарѣ посадовъ огонь со всѣхъ сторонъ объялъ весь городъ. Была при этомъ и великая засуха. Загорались и храмы, отъ дыма нельзя было и прозрѣть, а къ городу, ко всѣмъ воротамъ и гдѣ *не было крѣпости каменной*, приступали Татары. Горожане не знали, что дѣлать; настало отчаянное сокрушеніе и скорбь. Молились къ Пр. Богородицѣ, крѣпкой Помощницѣ и Молебницѣ, «ея же празднику приспѣвшу».

Когда посады погорѣли, люди вздохнули свободно отъ великой огненной истомы и дыма и стали на вылазкахъ отбивать Татаръ. Наступилъ вечеръ; въ сумеркахъ Татары отступили. А граждане, ожидая на утро приступа, начали поспѣшно *пристрой градной* готовить, пушки, пищали, самострѣлы, оружіе всякое и щиты, луки и стрѣлы. Но ожиданія гражданъ оказались напрасными. Взошло солнце и никого не было видно подъ городомъ. Горожане стали выходить, осматривали мѣста и нигдѣ никого не находили. Послали вѣстниковъ въ Татарскіе станы и узнали, что вся Татарщина исчезла, оставивъ на мѣстахъ все тяжелое отъ мѣди и желѣза и много другого разнаго товара. Народъ прозвалъ этотъ набѣгъ *скорою Татарщиною*,—въ какой день пришла, въ тотъ же

день и прочь побѣжала. И съ какимъ усердіемъ помолились люди, благодаря Господа и Пресв. Матерь Его и Чудотворцевъ за это изумительное спасеніе города. Митрополитъ Іона въ ознаменованіе этого событія въ построенной имъ полатѣ основалъ себѣ домовый храмъ въ имя Положенія Ризы Пр. Богородицы, который потомъ былъ выстроенъ особо у юго-западнаго угла Успенскаго собора, существующій и донынѣ.

Черезъ 8 лѣтъ (1459 г.) тѣ же Татары Седи-Ахматовой Орды похвалились опять идти на Русь и, конечно, разгромить Москву. На берегу ихъ встрѣтилъ сынъ вел. князя Иванъ Васил. со многими силами и не перепустилъ ихъ черезъ рѣку, такъ отбилъ ихъ отъ берега, что они безъ оглядки побѣжали. Побѣда была славная, почему митрополитъ Іона и этотъ набѣгъ ознаменовалъ ради Татарской похвальбы постройкою небольшой каменной церкви во имя Похвалы Богородицы, пристроенной къ алтарю Успенскаго собора возлѣ южной двери.

Извѣстно, какъ потомъ окончились Ордынскія нашествія въ 1480 г., когда пришедшій на р. Угру царь Ахматъ постыдно побѣжалъ отъ Московской рати, которая съ такимъ же стыдомъ побѣжала въ то же время и отъ его полковъ. «Дивное чудо тогда совершилось», замѣчаетъ лѣтописецъ. «Едини отъ другихъ бѣжаху, а никто не гнался. И тако избави Богъ и Пречистая Русскую Землю отъ поганыхъ».

Цѣлыя сто лѣтъ прошло отъ Мамаева побоища до этого чуднаго обоюднаго бѣгства, и мы видѣли, сколько разъ послѣ Тохтамыша Москва въ отчаяніи ждала своей погибели отъ этихъ нашествій; но миловалъ Богъ и городъ оставался попрежнему нерушимою твердынею и въ своихъ каменныхъ стѣнахъ, и главное въ народномъ стремленіи свивать крѣпче и хранить твердо это *гнѣздо Русскаго единенія.*

Какъ видѣли, народъ послѣ каждаго разгрома Московскаго посада снова покрывалъ опустошенныя мѣстности тысячами жилыхъ дворовъ, то-есть снова неутомимо гнѣздился вокругъ каменныхъ стѣнъ города.

Но отъ времени постройки этихъ стѣнъ (въ 1367 г.) протекло почти цѣлое столѣтіе, въ теченіи котораго городъ, постоянно испытывая неизобразимыя бѣдствія или отъ Татарскихъ нашествій, или отъ домашней усобицы, или отъ мора, голода, не упоминая

о пожарахъ, не могъ собраться съ силами и средствами для должнаго своего устройства соотвѣтственно политическому единодержавному своему росту, быстро развивавшемуся наперекоръ всѣмъ затрудненіямъ и препонамъ.

Столѣтняя бѣдность города явственнѣе всего выразилась въ незначительности и маломъ количествѣ каменныхъ построекъ. Лѣтописцы заботливо упоминали о такихъ постройкахъ, какъ о рѣдкостяхъ, выходящихъ изъ ряду обычныхъ деревянныхъ строеній.

Еще до постройки каменныхъ стѣнъ, какъ упомянуто, митрополитъ Алексѣй въ основаніе своего монастыря (Чудова) построилъ въ 1365 году небольшой каменный храмъ во имя Чуда Арх. Михаила.

Въ 1393 г. вел. княгиня Евдокія, вдова Донскаго, соорудила у своихъ хоромъ каменную церковь Рождества Богородицы на мѣстѣ, гдѣ прежде стояла малая деревянная церквица Воскрешеніе Лазарево, которая при новой церкви была устроена предѣломъ близъ алтаря съ южной стороны. Вел. княгиня богато украсила свой храмъ иконами, многоцѣнными пеленами и всякими церковными узорочьями, а также и стѣнописью.

Само собою разумѣется, что Великокняжескій дворецъ послѣ каждаго разгрома или пожара немедленно приводился въ надлежащее устройство и при накопленіи средствъ украшался и новыми зданіями, но все-таки деревянными. Вѣроятно, около того же времени, какъ вел. княгиня Евдокія строила храмъ Рождества Богородицы у своихъ хоромъ, съ западной стороны дворца, ея сынъ, вел. князь Василій Дмит., съ восточной стороны дворца построилъ каменную церковь Благовѣщенія, за которою въ 1404 г. поставилъ даже вельми чудные часы и съ луною, стоившіе болѣе полутораста рублей, а потомъ въ 1405 г. украсилъ новый храмъ стѣнописью. Часы своимъ устройствомъ произвели такое внушительное впечатлѣніе, что лѣтописецъ нашелъ необходимымъ описать ихъ въ подробности. «Въ лѣто 6912 (1404) князь Великій замысли часникъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью за Св. Благовѣщеньемъ. Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и пре-

ухищрено. Мастеръ же и художникъ сему бѣяше нѣкоторый чернецъ, иже отъ Святыя Горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ Лазарь; цѣна же сему бѣяше вящьше полувтораста рублевъ».

Незадолго до своей кончины вел. княгиня Евдокія основала себѣ дѣвичій монастырь возлѣ Фроловскихъ воротъ у самой стѣны города и въ 1407 г. заложила въ немъ церковь Вознесенія, въ которой, еще только застроенной, и была погребена. Храмъ этотъ сооружался болѣе 60 лѣтъ. Совершала его и вел. княгиня Софья Витовтовна и довела стѣны и своды только по кольцо, гдѣ верху быти, но верху не сведе. Постройка съ горемъ пополамъ была окончена уже въ 1467 г. вел. княгинею Марьею, вдовою Василья Темнаго. Существующій донынѣ храмъ Вознесенія, по свидѣтельству Арсенія, архіеп. Елассонскаго, построенъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ.

Такимъ же образомъ строилась и церковь Успенія въ Симоновомъ монастырѣ. Она была освящена 1 октября 1404 г., по первомъ основаніи ея въ 26 лѣто.

Все это служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ, какія затрудненія въ средствахъ переживалъ городъ въ это бѣдственное столѣтіе.

Въ 1411 г. Ростовскій епископъ Григорій построилъ въ Дорогомиловѣ на своемъ дворѣ каменную церковь Благовѣщенія.

Въ 1450 г. Владиміръ Ховринъ заложилъ на своемъ дворѣ церковь каменную Воздвиженія, на мѣстѣ первыя церкви, каменной же, что распалась въ пожаръ 1445 г.

Въ тотъ же годъ митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ *полату* каменную, а въ ней потомъ, какъ упомянуто, устроилъ домовую церковь Положенія Ризы Пресв. Богородицы.

Въ 1458 г. построена въ Кремлѣ на Симоновскомъ подворьѣ церковь Введенія съ полатою.

Въ 1459 г. пристроенъ небольшой предѣлъ у южныхъ вратъ Успенскаго собора во имя Похвалы Богородицы.

Въ 1460 г. построена на Троицкомъ подворьѣ въ Кремлѣ церковь Богоявленія.

Въ 1461 г. построена въ Кремлѣ же у Боровицкихъ воротъ церковь Рождества Іоанна Предтечи.

Въ 1462 г. была поновлена стѣна городная отъ Свибловы стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ каменемъ, предстательствомъ Вас. Дмитр. Ермолина (Изв. А. Н. т. VIII, кн. 4, стр. 77).

Въ духовной вел. князя Василія Темнаго 1462 г. упомянута каменная церковь *Егорья* на посадѣ (Георгіевскій монастырь). По случаю пожара въ 1472 г. упомянута церковь Богоявленіе *каменное, чудное*, какъ его именовали (Богоявленскій монастырь).

Вотъ всѣ каменныя постройки въ теченіи столѣтія, о которыхъ упоминаютъ лѣтописцы.

Можетъ быть, встрѣтятся и еще свидѣтельства о такихъ постройкахъ, но и они не послужатъ опроверженіемъ той истины, что городъ цѣлое столѣтіе не обладалъ достаточнымъ богатствомъ для своего устройства.

Однако и въ это небогатое устройствомъ города время въ Москвѣ стали процвѣтать нѣкоторыя художества, въ особенности иконописное и стѣнописное, насажденныя еще при митрополитѣ Ѳеогностѣ и къ началу XV ст. достигшія полнаго расцвѣта съ именемъ Русскаго мастера Андрея Рублева и подъ руководствомъ и учительствомъ иконника гречина-философа Ѳеофана.

Въ 1394—5 году онъ съ Симеономъ Чернымъ и учениками расписалъ церковь Рождества Богородицы у хоромъ вел. княгини; въ 1399 г. соборъ Архангельскій; въ 1405 была расписана Благовѣщенская церковь на Великокняжескомъ дворѣ, а въ 1408 г. соборъ во Владимірѣ мастерами Даніиломъ иконникомъ и Андреемъ Рублевымъ.

Очень любопытно и то обстоятельство, что Новгородъ и Псковъ, при своемъ богатствѣ и при постоянныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, не успѣли водворить у себя надобныя художества и по нуждѣ обращались все-таки въ Москву. Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ такой случай. Въ 1420 г. Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его «побивати церковь Св. Троицы свинцомъ, и не обрѣтоша Псковичи такова мастера во Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчатыя доски. Къ Нѣмцемъ посылали въ Юрьевъ, поганіи не даша мастера. И пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы отъ Фотія митрополита и научилъ Ѳедора мастера Св. Троицы, а самъ потомъ отъѣхалъ на Москву. И тако побита бысть Св. Троица Августа во 2 день и даша мастеромъ 44 руб.».

Мы упоминали, что въ 1342 г. Московскій же мастеръ Борисъ лилъ колокола для Новгорода.

Въ то время всѣ такія художества и ремесла сосредоточивались у Божьяго храма и главнымъ образомъ во дворѣ митропо-

лита подъ защитою тѣхъ льготъ, какія были даны митрополиту отъ Ордынскихъ царей. Извѣстно, что всѣ *церковные* люди, состоявшіе въ вѣдомствѣ митрополіи, были освобождены отъ всякихъ даней и пошлинъ, а къ церковнымъ людямъ принадлежали и ремесленники, писцы, каменные здатели, древодѣлы и иные мастера, каковы ни буди, какъ упоминалось въ царскихъ ярлыкахъ-грамотахъ.

Очень понятно, что при этихъ льготахъ подъ крыло митрополичьяго вѣдомства собиралось все сколько-нибудь выдающееся достоинствомъ своего мастерства, и такимъ образомъ митрополичій дворъ становился доброю школою для всякаго художества и ремесла на церковную потребность.

Къ концу XV ст. миновали тяжкія испытанія Московской политической твердыни, миновали годы всяческихъ бѣдствій, длившіеся цѣлое столѣтіе.

Настало время *Государя* Ивана III, совсѣмъ другое время, какое было при Иванѣ I, при великомъ князѣ, Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ.

Но и въ это другое время Московская Исторія собственно города или его устройства въ точности повторила тѣже основы городскихъ событій, какими ознаменовалось время Ивана Калиты. Его праправнукъ Иванъ III Васильевичъ неотмѣнно шествуетъ въ устройствѣ города по стопамъ своего знаменитаго прапрадѣда. Твердое основаніе Московскому первенству среди другихъ Княжествъ при Калитѣ было положено въ построеніи въ Москвѣ перваго каменнаго соборнаго храма во имя Успенія Богородицы, который собственными руками заложилъ первосвятитель всея Руси св. Петръ митрополитъ, вскорѣ почившій и погребенный въ недостроенномъ еще храмѣ. Вскорѣ послѣ того за Москвою уже навѣки утвердилось и Великое Княженіе, то-есть великокняжеское старшинство въ Русской Землѣ.

Божій храмъ на самомъ дѣлѣ являлся какъ бы основнымъ камнемъ для созданія народнаго государственнаго единства. Прошло около полутораста лѣтъ, и это единство въ полной мѣрѣ укрѣпилось въ сознаніи самого народа, какъ о томъ краснорѣчиво засвидѣтельствовала вся исторія Шемякиной смуты. Здравый смыслъ, здравый разсудокъ народа, не покидавшій его отъ древняго вре-

мени, восторжествовалъ. Единеніе, единство жизненныхъ и всякихъ другихъ силъ, гдѣ бы оно ни возрождалось, отъ малаго до великаго, повсюду и всегда является созидающею міровою силою въ противоположность всякой розни, которая въ свой чередъ является вездѣ и всегда міровою силою разложенія и гніенія и слѣд. неминуемой гибели и смерти. Хорошо понималъ и хорошо чувствовалъ жизненное дѣйствіе этихъ міровыхъ законовъ именно здравый смыслъ народа. А потому народное единеніе, политическое единодержавіе уже существовало въ народныхъ умахъ гораздо прежде, чѣмъ началъ свои подвиги въ этомъ направленіи самъ единодержецъ или государь самодержецъ вел. князь. Ему оставалось только идти за общимъ направленіемъ народныхъ умовъ. Такъ и шелъ праправнукъ Калиты, Третій по имени Иванъ (Васильевичъ).

Великимъ, сильнѣйшимъ дѣятелемъ раздробленной древней Руси, сильнѣйшимъ дѣятелемъ именно ея раздробленія, былъ Новгородъ Великій. Живя на далекомъ краю Русской Земли, онъ и въ это время очень помогалъ политическому разъединенію Земли и самъ хотѣлъ уйти къ Польскому королю Казиміру, то-есть хотѣлъ бороться съ единодержавіемъ Москвы при помощи Литвы, какъ нѣкогда боролась съ Москвою не совсѣмъ счастливая Тверь.

Московское единодержавіе не могло оставить эту Новгородскую попытку безъ должнаго напоминанія, что Новгородская великая область искони составляетъ неотъемлемый край Русской Земли и не можетъ отдѣляться отъ нея въ Литовскую сторону. Дѣло началось ратнымъ походомъ на Новгородъ, порѣшившимъ въ битвѣ на р. Шелонѣ, что замыслы разносить на части Русскую Землю теперь никогда уже не останутся безнаказанными. Это случилось въ лѣтнюю пору 1471 года, когда митрополитъ Филиппъ сталъ усердно помышлять о постройкѣ новаго каменнаго соборнаго храма въ Москвѣ, ибо старый, построенный Калитою, отъ древности и отъ многихъ пожаровъ грозилъ уже разрушеніемъ, своды его уже были подкрѣплены, подперты древами толстыми. А за годъ передъ тѣмъ (1470 г.) послѣ пожара, отъ котораго въ городѣ осталось всего 3 двора, разрушился совсѣмъ и застѣнный предѣлъ собора во имя Поклоненія Веригъ Апостола Петра. Теперь святитель Филиппъ прежде всего началъ собирать казну для новой постройки: «Сотвори *тягиню* велику со всѣхъ поповъ и монастырей сбирати

серебро на церковное созданіе *сильно*, а бояре и гости своею волею давали отъ своего имѣнія. По всей своей митрополіи онъ посылалъ съ добромъ (разнымъ товаромъ) Преч. Богородицы торговати (продавать), чтобы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе».

Несомнѣнно, что и вел. князь, получившій съ Новгородцевъ за ихъ вину 16 тысячъ новгородскихъ рублей, также вложилъ свою богатую лепту на новую постройку. Собравши премного-много серебра, митрополитъ замыслилъ выстроить храмъ великій и высокій, подобный собору Владимірскому, что былъ построенъ Андреемъ Боголюбскимъ и его братомъ Всеволодомъ. Святитель много разъ видѣлъ этотъ чудный храмъ и возгорѣлся желаніемъ создать такой же храмъ и въ Москвѣ. Призваны были мастера, каменосѣчцы, Ивашка Кривцовъ да Мышкинъ, которыхъ святитель отправилъ во Владиміръ осмотрѣть и изслѣдовать тотъ храмъ и мѣру снятн съ него, широту и высоту, и алтарь. Мастера подивились чудной постройкѣ и взялись за дѣло съ увѣреніемъ, что выстроятъ еще и обширнѣе новый храмъ. Митрополитъ привлекъ къ дѣлу и множество умѣющихъ дѣлателей-работниковъ всякаго мастерства, нарочно для того даже и купленныхъ имъ въ крѣпость.

1 сентября 1471 г. святитель торжественно встрѣтилъ вел. князя, возвратившагося на радость Москвѣ со славою побѣдителя Новгородскихъ крамольниковъ и непослушниковъ, и тогда же осенью повелѣлъ камень готовить на созданіе церкви, который затѣмъ всю зиму возили къ мѣсту постройки. Въ ту же зиму мѣсяца декабря, по Рождествѣ Христовѣ, «явися на небеси звѣзда велика, а лучь (хвостъ) отъ нея долгъ вельми, толстъ, свѣтелъ, свѣтлѣе самой звѣзды; а восхождаше въ 6-мъ часу ночи (по нашему счету въ 10-мъ часу вечера) съ лѣтняго восхода солнечнаго и идяше къ западу лѣтнему же; а лучь отъ нея впередъ протяжеся, а конецъ луча того аки хвостъ великія птицы распрострееся». Вслѣдъ затѣмъ въ генварѣ по Крещеніи—другая звѣзда «явися хвостата надъ лѣтнимъ западомъ; хвостъ же ея тонокъ, а не добрѣ долгъ, а первыя звѣзды луча темнѣе. Первая звѣзда за 3 часа до восхода солнечнаго на которое мѣсто приходила, сія другая по захожденіи солнца 3 часы на томъ же мѣстѣ являлась, да къ западу же идяше».

Такое чудное и страшное знаменіе сопровождало предпринятую постройку собора, когда еще готовился и привозился только камень для его сооруженія.

Оно на самомъ дѣлѣ предзнаменовало много важнѣйшихъ событій для города Москвы.

Въ эту же зиму была покорена Пермь Великая и 16 генваря 1472 г. посланы послы въ Римъ за царевною Софіею, сватовство съ которою началось еще осенью 1471 г.

Какъ только прошла зима и стаяли снѣга въ апрѣлѣ 1472 г., мастера обмѣрили окладъ или планъ новаго храма вокругъ стараго обширнѣе даже и Владимірскаго собора въ широту и долготу на полторы сажени, намѣреваясь настолько же прибавить и высоту церкви.

По порядку стараго строительнаго дѣла выкопали по окладу рвы, набили въ ихъ подошву сваи и потомъ положили основаніе зданію каменною кладкою. 30 апрѣля митрополитъ съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи всего духовнаго собора, при звонѣ во всѣ колокола, вышелъ совершить торжественно закладку храма. Къ торжеству прибылъ и вел. князь съ сыномъ и братьями, въ сопровожденіи бояръ и вельможъ, при безчисленномъ собраніи народа.

Послѣ молебна святитель прежде всѣхъ своими руками положилъ начало, гдѣ быть алтарю, также по сторонамъ и по угламъ, укладывая основные камни. Лѣтописецъ записалъ, что новый храмъ заложенъ спустя 146 лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ послѣ основанія древней церкви.

Предстательство, т.-е. завѣдываніе и попеченіе, о постройкѣ вначалѣ было поручено нѣкоему Вас. Ермолину и Ивану Влад. Головѣ. Но промежъ ихъ произошла *пря*, разноголосица, и Ермолинъ отступился всего наряда, а Голова началъ наряжати [1]).

О чемъ была пря, лѣтописецъ не оставилъ свѣдѣнія, но, судя по послѣдующему, именно по случаю несчастнаго разрушенія недостроеннаго еще храма, возможно гадать, что отказавшійся отъ дѣла Ермолинъ, быть можетъ, былъ правѣе Головы, такъ какъ имѣлъ болѣе опытности и болѣе толку въ строительныхъ дѣлахъ, хотя и не былъ зодчимъ, архитекторомъ и подрядчикомъ, а толь-

---

[1]) Изв. Академіи Наукъ. VIII, кн. 4, стр. 78.

ко *предстателемъ*, т.-е. попечителемъ дѣла. Это явствуетъ изъ указанія, что послѣ Ермолина предстателями, новыми попечителями, были отецъ Головы, Владиміръ Григор. Ховринъ и его сынъ Голова.

Когда зданіе выведено было въ ростъ человѣка, приступили къ разборкѣ древняго храма и очистили мѣсто до уровня гробницъ митрополичьихъ. 29 мая въ пятницу святитель съ тѣмъ же торжественнымъ собраніемъ духовенства, во главѣ котораго былъ Сарайскій епископъ Прохоръ [1]), и въ присутствіи вел. князя, его матери и сына, а также и 4 братьевъ съ служебными князьями и боярами и опять при всенародномъ множествѣ, совершилъ перенесеніе гробницъ изъ старыхъ ихъ мѣстъ на уготованныя мѣста въ новостроящемся храмѣ, гдѣ въ стѣнахъ сдѣланы были для того особые *кіоты*-впадины на тѣхъ же сторонахъ церкви. Мощи митроп. Кипріана и Фотія помѣстили въ одномъ кіотѣ въ рядъ, съ правой же стороны собора, у южной стѣны. Гробницу Ѳеогноста митр. поставили въ кіотѣ объ одну стѣну съ гробницею св. Петра митрополита.

Когда приступили къ гробу Іоны митрополита и сняли съ него доску, въ тотъ часъ «изыде изъ гроба благоуханіе много по всему храму; мощи же его явились всѣ цѣлы и нерушимы, прилпе бо плоть кости его и не двигнушася составы его».

Гробницу его поставили на лѣвой сторонѣ собора въ углу сѣверо-западномъ. Тутъ же вскорѣ отъ мощей св. Іоны послѣдовали чудныя исцѣленія хромого отрока 6-ти лѣтъ и нѣкоего Рязанца, имущаго внутри болячку. Множество народа стало прикладываться къ мощамъ и при этомъ наметало не мало серебра, которое митрополитъ все отобралъ у поповъ на созиданіе церковное.

У митроп. Фотія обрѣли въ тѣлѣ едины только ноги, а Кипріана обрѣли всего истлѣвша, оставались едины кости.

Въ это же время въ предѣлѣ св. Димитрія Солунскаго вынули изъ стѣны и мощи перваго великаго князя Москвы, Юрья Даниловича, вложили ихъ въ деревянную раку и поставили на гробѣ Ѳеогноста митрополита, гдѣ была церковь Поклоненія Веригъ, а потомъ, когда въ новомъ зданіи уготовано было мѣсто для

---

[1]) Какъ извѣстно, первая церковь была освящена въ 1327 году авг. 4 также *Прохоромъ*, епископомъ Ростовскимъ.

гробницы, поставили ее въ стѣнѣ же и на той же сторонѣ въ томъ же предѣлѣ св. Димитрія. Перенесеніе было совершено митрополитомъ съ священнымъ соборомъ, въ присутствіи вел. князя, его сына и множества народа.

Съ великимъ освященіемъ и съ установленіемъ даже особаго празднованія были перенесены мощи св. Петра митрополита.

Митрополитъ Филиппъ пожелалъ *попревозвышено* положити мощи святаго въ новой церкви, но на прежнемъ же мѣстѣ, возлѣ жертвенника, и сказалъ о своемъ желаніи вел. князю, который отвѣтилъ, что это дѣло не его мѣры, а митрополичье и всего освященнаго собора, и предложилъ собрать для этого всѣхъ епископовъ и всю духовную власть, что и было исполнено.

Пока собиралось духовенство, святитель 14 іюня въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ пришелъ къ гробу святаго и повелѣлъ священникамъ разобрать надъ мощами надгробницу, а самъ съ ними со страхомъ и обливаясь многими слезами помышлялъ: угодно ли это будетъ святому, что поднимутъ его мощи. Разобрали надгробницу и увидали гробъ весь распавшійся отъ бывшаго огня, а мощи, яко свѣтъ блещашися, ничто къ нимъ не прикоснулось и благоуханіе многое исходяще отъ нихъ. Говорили объ этомъ такъ, что гробъ въ Тохтамышево нашествіе Татары разорили, предполагая, что въ немъ скрыто какое-либо сокровище; потомъ въ общемъ пожарѣ города погорѣлъ и гробъ святаго, но мощей и дымная воня не коснулась. Ризы на святомъ сверху также погорѣли, а подъ мощами остались цѣлы. Митрополитъ со страхомъ и съ радостью переложилъ мощи изъ распавшейся раки въ новую, каменную, и поставилъ близъ того же мѣста, а потомъ, когда стали устроивать особый кіотъ на томъ старомъ мѣстѣ, въ ночь же перенесъ до времени гробницу святаго къ гробницѣ митр. Іоны.

По этому поводу въ народѣ говорили, что гробъ св. Петра ночью ископаша и обрѣтоша мощи его и людямъ не явиша, но ларецъ поставиша возлѣ Іонина гроба, гдѣ нынѣ митр. Филиппъ лежитъ, и лобзаша его всѣ приходящіе. Однако неизвѣстно было, тутъ ли были мощи или нѣтъ. Если вправду онѣ были тутъ, то нельзя было не подивиться, что такого Чудотворца положили здѣсь столь безчестно и не вынесли его въ другой храмъ, ибо дѣлатели рабочіе поверхъ его ходятъ, а что ни есть отесковъ каменныхъ, то все на гробъ его падаетъ. Іону митрополита больше

берегутъ! Иные говорили, что митрополитъ св. мощи Петра въ своей полати поставилъ, а для народа явилъ, что онѣ покоятся въ ларцѣ, возлѣ Іонина гроба, чтобы толпы народа въ полату не ходили. Записавшій эту народную молву лѣтописецъ присовокупляетъ, что Пахомій Сербинъ въ своемъ Словѣ о житіи Чудотворца и обрѣтеніи его мощей написалъ, что въ тѣлѣ обрѣли Чудотворца, невѣрія ради людскаго, занеже кой только не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ, а того не помянутъ, яко кости наги источаютъ исцѣленія.

Съ такимъ вниманіемъ слѣдитъ Московскій народъ за всѣми порядками, какіе происходили въ новосозидаемомъ соборѣ.

Особый кіотъ для св. мощей Петра митр., какъ упомянуто, былъ устроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые былъ погребенъ святитель, собственными руками устроившій себѣ гробницу.

Новая гробница была помѣщена только значительно выше прежней, такъ какъ помостъ въ новомъ зданіи построенъ былъ выше прежняго болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка.

1-го іюля совершилось торжественное *перенесеніе* св. мощей Петра м. при служеніи митрополита, архіепископа, 4 епископовъ и всего священнаго собора и въ присутствіи вел. князя, его матери, сына, братьевъ, бояръ и множества народа. Тогда же установили въ этотъ день навсегда праздновать перенесеніе св. мощей.

Гробница въ это время была открыта и всѣмъ были видимы мощи святаго. Несмѣтныя толпы богомольцевъ тѣснились около гроба съ желаніемъ хотя бы только прикоснуться къ святынѣ.

Во время перенесенія мощей нѣкоторые видѣли, какъ леталъ высоко надъ гробомъ святаго бѣлый голубь до тѣхъ поръ, пока былъ открытъ гробъ, и затѣмъ исчезъ, когда были закрыты св. мощи. Литургію въ новомъ еще только начатомъ постройкою зданіи невозможно было служить и потому митрополитъ служилъ въ полатѣ, на своемъ дворѣ въ церкви Ризъ-Положенія; епископы служили въ Архангельскомъ соборѣ и въ другихъ храмахъ Кремля.

Вел. князь закончилъ всенародный Московскій праздникъ раздачею всему духовенству щедрой милостыни: и по всему городу во всѣ церкви священникамъ, монастырямъ и нищимъ; а затѣмъ начальному духовенству и всѣмъ боярамъ на своемъ дворѣ устроилъ пиръ: «всѣ ядоша и пиша».

Извѣстному тогда писателю житій Пахомію Сербину поручено было написать и канонъ перенесенію мощей Петра митр. и *Слово* о его житіи, а также и канонъ Іонѣ митрополиту.

Невозможно было оставить св. мощи среди строящагося храма, среди повсюду лежащихъ каменныхъ отесковъ, и потому великій князь повелѣлъ на мѣстѣ будущаго алтаря построить временный деревянный храмъ во имя Успенія, приградивши къ нему и гробъ Петра Чуд., почему эта церковь впослѣдствіи именовалась что у Гроба св. Петра.

Въ этомъ же деревянномъ храмѣ совершилось потомъ и бракосочетаніе вел. князя съ царевною Софьею.

Въ то самое время, какъ выстроивался мало-по-малу новый соборъ, происходило и сватовство вел. князя съ царевною. Посланный за царевною Антонъ Фрязинъ прибылъ въ Римъ 23 мая, а 29 числа того же мѣсяца послѣдовало въ соборѣ обрѣтеніе мощей Московскихъ святителей.

Затѣмъ 14 числа іюня были обрѣтены и мощи св. Петра митр. и въ послѣдующіе дни включительно до 30 числа священство усердно готовилось къ торжественному перенесенію святыни на уготовленное мѣсто. За шесть дней или за недѣлю до этого событія, именно 24 іюня, съ немалымъ торжествомъ отпущена была въ Москву и царевна Софья.

Въ концѣ іюля пришла въ Москву вѣсть, что Ордынскій царь Ахматъ со всею Ордою идетъ къ Алексину. Вел. князь въ тотъ же часъ, на 2 часу дня, отслушавъ обѣдню и ничего даже и не вкусивъ, вборзѣ, двинулся съ полкомъ къ Коломнѣ, къ *берегу*, какъ тогда прозывалась рѣка Ока, за которой, дѣйствительно, разстилался степной океанъ-море. Другіе полки успѣли также собраться во-время на этомъ берегу. Увидя множество Русскихъ полковъ, аки море колеблющихся, царь быстро побѣжалъ домой.

Царевна прибыла въ Москву уже въ ноябрѣ, 12 числа, въ четвергъ. По всему пути отъ самаго Рима и до нашихъ городовъ Пскова и Новгорода вездѣ ее встрѣчали съ великими почестями, какъ того требовалъ въ своихъ странахъ самъ Папа. Онъ отправилъ съ царевною большого посла Антонія Легатоса и далъ ему честь великую, которая заключалась въ томъ, что во время пути передъ нимъ несли *крыжъ*,—Латинскій крестъ. Такъ онъ шествовалъ по всѣмъ землямъ.

Первые Псковичи подивились этому Легатосу, замѣтивъ, что онъ былъ одѣтъ не по нашему чину, весь облаченъ въ червленое красное платье, имѣя на себѣ куколь червленъ, на головѣ обвитъ глухо какъ каптуръ Литовскій, только одно лицо видно; и перстатицы на рукахъ, и въ нихъ и благословляетъ; и крестъ предъ нимъ съ Распятіемъ вылитымъ носятъ, на высокое древо взоткнуто вверхъ; святымъ иконамъ не поклоняется и креста на себѣ рукою не кладетъ.

Все это было не по нашему обычаю и чину.

Когда шествіе царевны было уже близко Москвы, вел. князю донесли, что идетъ Легатосъ и крыжъ передъ нимъ несутъ. Услыхавши это, вел. князь сталъ объ этомъ мыслити съ матерью своею и съ братьями и съ бояры. Одни совѣтовали не воспрещать Легатосу: какъ онъ идетъ, такъ пусть и идетъ. Другіе возстали противъ такой новины, говоря, что того не бывало въ нашей землѣ, не бывало, чтобы въ такой почести являлась Латынская вѣра. Учинилъ было такую новину Сидоръ, онъ и погибъ. Вел. князь предоставилъ рѣшить это дѣло митрополиту. Святитель далъ такой отвѣтъ: «Не можно тому быть! Не только въ городъ войти, но и приблизиться ему не подобаетъ. Если позволишь ему такъ учинить, то онъ въ вороты въ городъ, а я въ другія вороты изъ города выйду. Не достойно намъ того и слышать, не только видѣть, потому что возлюбившій и похваливщій чужую вѣру, тотъ всей своей вѣрѣ поругался».

Услышавъ такія рѣчи отъ первосвятителя, вел. князь послалъ къ Легату съ запрещеніемъ, чтобы не шелъ передъ нимъ *крыжъ*. Легатъ сопротивлялся немного и исполнилъ волю вел. князя. Другой лѣтописецъ повѣствуетъ, что вел. князь послалъ съ этою цѣлью боярина Ѳедора Давыдовича съ повелѣніемъ — крыжъ, отнявши, въ сани положить. Бояринъ встрѣтилъ царевну за 15 верстъ и точно исполнилъ повелѣніе князя. Такъ твердо и крѣпко старая Москва отстаивала коренныя идеи своего существованія.

Какъ упомянуто, 12 ноября въ четвертокъ царевна съ Легатомъ прибыли въ городъ. Съ бракосочетаніемъ надо было торопиться. 14 ноября наставалъ Филипповъ постъ, поэтому въ тотъ же день 12 числа послѣдовало обрученіе, а на другой день 13 числа совершилось и бракосочетаніе въ новопостроенной деревянной церкви, среди сооружаемыхъ стѣнъ новаго собора.

Весною на слѣдующій 1473 г., въ Похвальную недѣлю, 5-ю Великаго поста, въ воскресенье, 4 апрѣля, въ Кремлѣ случился большой пожаръ. Загорѣлось у церкви Рождества Богородицы, на сѣняхъ у вел. княгини; по близкому сосѣдству загорѣлся и митрополичій дворъ и дворъ брата вел. князя Бориса Васил., и погорѣло много дворовъ по Троицкое подворье, по Богоявленье и по городскія житницы. Сгорѣлъ Житничій дворъ вел. князя, а большой жилой его дворъ едва отстояли. Выгорѣли и кровли на стѣнахъ Кремля и вся *приправа* городная.

Митрополитъ отъ пожара удалился за городъ въ монастырь Николы Стараго на Никольской. Когда пожаръ сталъ униматься, уже на разсвѣтѣ другого дня, 5 апр., онъ возвратился въ церковь Богородицы къ гробу Чуд. Петра и повелѣлъ пѣть молебенъ, обливаясь многими слезами.

Въ то время пришелъ къ нему и вел. князь и, видя его плачущаго, сталъ его утѣшать, думая, что онъ плачетъ о своемъ пожарномъ разореніи. «Отче, господине!» говорилъ вел. князь, «не скорби. Такъ Богъ изволилъ. А что дворъ твой погорѣлъ, то я сколько хочешь хоромъ тебѣ дамъ, или какой запасъ погорѣлъ, то все у меня бери». А святитель послѣ многихъ слезъ сталъ изнемогать, тутъ же ослабѣла у него рука, потомъ нога, и сталъ просить вел. князя отпустить его въ монастырь. Вел. князь не пожелалъ отпустить его въ дальній загородный монастырь, но помѣстилъ въ кремлевскомъ Троицкомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Святитель, чувствуя приближеніе своей кончины, тотчасъ послалъ за своимъ духовникомъ, исповѣдался, причастился и соборовался масломъ.

На смертномъ одрѣ онъ говорилъ и приказывалъ вел. князю только объ одномъ, чтобы церковь была совершена. Въ это время она была возведена до большого пояса, до половины, гдѣ начали дѣлать кіоты святымъ на всѣхъ трехъ стѣнахъ (для написанія въ кіотахъ ликовъ святыхъ).

Послѣ того святитель сталъ приказывать о церковномъ дѣлѣ Владиміру Григорьевичу (Ховрину) и сыну его Ивану Головѣ, казначеямъ вел. князя: «Только попечитесь», говорилъ святитель, «а то все готово на совершеніе церкви». Также и прочимъ приставникамъ церкви все о томъ, не умолкая, говорилъ, и о людяхъ, которыхъ искупилъ на то дѣло церковное, приказывалъ

отпустить ихъ всѣхъ на волю послѣ своей смерти. Подавъ всѣмъ благословеніе и прощеніе, онъ скончался 5 апрѣля, въ исходѣ перваго часа ночи, 1473 г. Многіе тогда говорили, что онъ видѣніе видѣлъ въ церкви.

По кончинѣ открыли на немъ два креста желѣзные и *вериги*, великія цѣпи желѣзныя, которыя и нынѣ всѣмъ видимы на его гробѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, а до того времени никто того не зналъ—ни духовникъ его, ни келейникъ. 7 апрѣля совершилось его погребеніе въ недостроенномъ его храмѣ въ присутствіи вел. князя, его семьи, бояръ. Весь народъ града Москвы собрался на погребеніи; но изъ духовныхъ властей былъ только одинъ епископъ, тотъ же Прохоръ Сарайскій, при которомъ происходила и закладка храма.

Припоминая время постройки перваго храма Богородицы при св. митрополитѣ Петрѣ, видимъ, что нѣкоторыя обстоятельства сходствуютъ съ обстоятельствами постройки и этого новаго храма. И святитель Петръ имѣлъ видѣніе о скорой своей кончинѣ и потому, призвавъ къ себѣ Тысяцкаго Протасія, передалъ ему большую сумму, завѣщая употребить ее на сооруженіе церкви и довѣряя ему попечительство объ этомъ сооруженіи. Такъ и митрополитъ Филиппъ особенно возлагалъ такое попечительство на Ховриныхъ, говоря имъ, что для строенія у него все приготовлено, только бы они позаботились, чтобы дѣло шло правильно къ окончанію. И первый святой строитель собора и второй его строитель въ болѣе обширномъ объемѣ и видѣ, по волѣ Божіей, не дожили до окончанія постройки и были погребены среди еще непокрытыхъ ея стѣнъ, и тотъ, и другой съ сѣверной стороны, первый въ алтарѣ, второй въ самомъ храмѣ близъ сѣверныхъ дверей, посторонь Іоны митрополита [1]).

Постройка собора продолжалась своимъ чередомъ. Къ веснѣ слѣдующаго 1474 г. церковь видилась «чудна вельми и превысока зело», уже была выведена до сводовъ, которые оставалось только замкнуть, чтобы на нихъ соорудить верхъ большой, — среднюю главу. И вдругъ мая 20 въ часъ солнечнаго заката церковь вне-

[1]) Въ поздніе времена мѣсто его гробницы было совсѣмъ позабыто, такъ что и имени его не оказалось въ числѣ погребенныхъ въ соборѣ святителей. Объ этомъ см. Памятники Московской Древности Снегирева, описаніе Успенскаго собора, стр. 23.

запно разрушилась, упала сѣверная стѣна, надъ гробами митрополитовъ Іоны и Филиппа-Строителя, вся по алтарь; наполовину разрушилась и западная стѣна и устроенныя при ней полати (хоры), также столпы и всѣ своды. И Чудотворца Петра гробъ засыпало, но ничѣмъ не повредило его; у деревянной церкви верхъ разбило, но въ остальномъ эта церковь осталась невредимою, иконы, св. сосуды, книги, паникадила — все сохранилось въ цѣлости. Алтарь новаго зданія и вся южная стѣна со столпами и сводами, также половина западной и съ западными дверьми не подверглись окончательному разрушенію, но были настолько повреждены, что было страшно войти и въ деревянную церковь, почему великій князь вскорѣ повелѣлъ и ихъ разрушить. Одинъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что въ этотъ день, 20 мая, «Бысть *трусъ* во градѣ Москвѣ и церковь св. Богородицы, сдѣлана бысть уже до верхнихъ каморъ, падеся въ 1 часъ ночи, и храми вси потрясошася, яко и земли поколебатися».

Главною причиною такого несчастія и такой печали для всего города послужило плохое искусство мастеровъ или, вѣрнѣе сказать, полная несостоятельность тогдашняго строительнаго художества по всей Московской области. Старый способъ постройки каменныхъ храмовъ, усвоенный отъ древняго художества, заключался, можно сказать, въ непреложномъ обычаѣ класть стѣны снаружи и внутри съ наличной стороны изъ тесанаго камня въ одинъ рядъ, наполняя середину этой облицовки бутовымъ камнемъ и даже булыжнымъ, при чемъ самое существенное въ этомъ дѣлѣ былъ добрый растворъ извести, которая въ древней кладкѣ оказывалась столь же крѣпкою, какъ и булыжный камень. Такое изготовленіе извести совсѣмъ было забыто въ это время и многія церкви сами собою падали повсюду, и въ Новгородѣ, и въ Ростовѣ, и въ самой Москвѣ, и къ тому же церкви не столь значительной обширности и высоты.

Но, кромѣ того, непосредственную причину, отчего разрушился соборъ, современники видѣли въ томъ, что мастера, сооружая сѣверную стѣну, въ срединѣ ея возводили высокую лѣстницу на полати, или хоры, расположенныя надъ западными дверьми по западной стѣнѣ, куда также проходила эта несчастная лѣстница. Тощая пустотѣлая стѣна не выдержала тяжести сводовъ и разрушила все зданіе. Къ счастію, что это случилось въ недостроенномъ

еще храмѣ, но и достроенный онъ долженъ былъ развалиться рано ли, поздно ли.

Современники видѣли преславное чудо и благодатное заступленіе Богоматери въ томъ обстоятельствѣ, что при разрушеніи церкви никто изъ людей не палъ жертвою этого несчастія. Весь тотъ день каменосѣчцы усердно работали: одни сводили своды, другіе замыкали своды, носили камень, известь, древіе; многіе обыватели тутъ же ходили, смотрѣли работу. За часъ до солнечнаго захожденія работающіе покончили работу и разошлись съ подмостокъ. Послѣ нихъ многіе всходили посмотрѣть, пока было свѣтло, но и тѣ по заходѣ солнца также сошли всего за пятую часть часа до паденія стѣнъ. Однако изъ любопытныхъ остался на подмосткахъ одинъ отрокъ, сынъ князя Ѳедора Пестраго; онъ еще ходилъ по сводамъ и, услыхавши трескъ, въ испугѣ побѣжалъ на южную стѣну и тѣмъ спасся отъ вѣрной погибели.

Великій князь, митрополитъ и весь городъ Москва очень печалились объ этомъ разрушеніи, ибо шелъ уже третій годъ, а соборной церкви не было въ славномъ городѣ.

Великій князь теперь остановился на мысли призвать умѣющихъ мастеровъ изъ иныхъ земель и сначала послалъ во Псковъ, гдѣ мастера «каменосѣчной хитрости» навыкли у Нѣмцовъ. Однако Псковскіе мастера, осмотрѣвъ строеніе, не взялись за дѣло; похвалили работу, что гладко дѣлали, и похулили только дѣло извести, потому что жидко она растворялась и была оттого не клеевита. Псковичи, впрочемъ, остались въ Москвѣ и построили сравнительно небольшіе каменные храмы: Троицу въ Сергіевѣ монастырѣ (1477 г.) и въ Москвѣ Ивана Златоустаго (1478 г.), Срѣтеніе на Кучковомъ полѣ, Ризположеніе на дворѣ митрополита и Благовѣщеніе на дворѣ великаго князя.

Великій князь рѣшилъ, наконецъ, послать за мастеромъ въ Венецію, такъ какъ съ Дюкомъ Венецейскимъ въ то время происходили оживленныя сношенія.

Черезъ два мѣсяца послѣ разрушенія церкви, 24 іюля, туда былъ отправленъ посломъ Семенъ Толбузинъ съ порученіемъ пытать отыскивать мастера церковнаго.

Возвратившись съ успѣхомъ въ Москву (въ 1475 г.), Толбузинъ разсказывалъ, что много тамъ у нихъ мастеровъ, да ни одинъ не пожелалъ ѣхать на Русь, и только одинъ согласился,

и порядился съ нимъ давать ему за службу по 10 руб. на мѣсяцъ. Его звали Аристотелемъ ради хитрости его художества. Звалъ его къ себѣ ради его хитрости и Турецкій царь, что въ Цареградѣ нынѣ сѣдитъ.

Церковь въ Венеціи св. Марка вельми чудна и хороша да ворота Венецейскія, сказываютъ его же дѣла, вельми хитры и хороши.

Да еще показалъ онъ ему, Семену, такую хитрость свою: позвалъ его къ себѣ на домъ, а домъ у него добръ и полаты есть; да велѣлъ принести блюдо мѣдное на четырехъ яблокахъ, а на немъ сосудъ, какъ умывальница, какъ оловяникъ (кувшинъ), и началъ лить изъ него изъ одного воду и вино и медъ, чего хочешь, то и будетъ.

Венецейскій князь никакъ не хотѣлъ отпустить его на Русь и только послѣ многихъ просьбъ и увѣреній въ большой къ нему дружбѣ великаго князя Москвы едва отпустилъ его, какъ бы въ драгоцѣнный даръ.

Взялъ съ собою тотъ Аристотель своего сына Андрея да паробка, Петрушею зовутъ: можетъ быть, это тотъ Петръ Антон. Фрязинъ, прибывшій въ Москву въ 1490 г. и строившій потомъ башни и стѣны Кремля.

Пока Толбузинъ хлопоталъ, ходатайствовалъ объ отпускѣ Аристотеля, прошло не мало времени, такъ что они прибыли въ Москву уже весною на другой годъ, 1475, на самую Пасху, 26 марта. Возвратился посолъ Толбузинъ, замѣчаетъ другой лѣтописецъ, и привелъ съ собою мастера *Муроля*, кой ставилъ церкви и полаты, Аристотель именемъ, также и пушечникъ онъ нарочитъ лити ихъ и бити изъ нихъ, и колоколы и иное все лити хитръ вельми.

Радостное торжество св. Пасхи увеличилось для всѣхъ Москвичей съ пріѣздомъ этого славнаго Муроля, о дѣяніяхъ котораго лѣтописцы усердно и съ любовью записывали въ свои сборники всякую подробность, особенно по сооруженію любезнаго имъ храма.

Муроль обстоятельно осмотрѣлъ разрушенный храмъ. Похвалилъ *гладость* сооруженія, похулилъ известь, что не клеевита, да и камень, сказалъ, не твердъ. Камень былъ, по всему вѣроятію. Мячковскій изъ подмосковныхъ каменоломенъ. Плита, т.-е. кирпичъ, тверже камня, примолвилъ онъ, а потому своды надо дѣ-

лать плитою. Онъ не согласился строить вновь сѣверную стѣну, чтобы сомкнуть ее съ южною, и рѣшилъ все сломать и начать дѣло сызнова.

Для этого 16 апрѣля 1475 г. послѣдовало новое перенесеніе мощей митрополитовъ св. Петра, Ѳеогноста, Кипріана, Фотія, Іоны теперь въ церковь Іоанна Святаго подъ Колоколы.

На другой же день 17 апрѣля Муроль началъ разбивать оставшіяся стѣны собора и въ тотъ же день разбилъ два столпа и западныя двери со стѣною.

А разбивалъ онъ такимъ образомъ: поставилъ три дерева, совокупивъ ихъ верхніе концы воедино, а между деревами повѣсилъ на канатѣ брусъ дубовый, съ конца окованный желѣзомъ, и, раскачивая этотъ брусъ, разбивалъ имъ стѣны. А другія стѣны съ исподи, съ низу подбиралъ и на бревнахъ ставилъ, потомъ зажигалъ бревны и отъ сгорѣвшаго дерева стѣны падали. Чудно было видѣть, восклицаетъ лѣтописецъ, что три года дѣлали, а онъ въ одну недѣлю и даже меньше все развалилъ, такъ что не поспѣвали выносить камень, а то бы въ три дни хотѣлъ развалить. Книжники называли этотъ дубовый брусъ *бараномъ* и говорили, что написано въ книгахъ, какъ таковымъ образомъ Титъ Ерусалимъ разбилъ.

Ѣздилъ Муроль и во Владиміръ смотрѣть тамошній соборъ. Похвалилъ дѣло, сказавши: «нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло».

Въ началѣ іюня Муроль началъ рвы копать на основаніе церкви, снова, глубиною въ двѣ сажени, а въ иномъ мѣстѣ и того глубже. Во рвахъ также набилъ *колiе дубовое*, сваи.

И кирпичную печь устроилъ за Андрониковымъ монастыремъ, въ Калитниковѣ[1]), въ чемъ ожигать кирпичъ и какъ дѣлать, нашего Русскаго кирпича ўже да продолговатѣе и тверже, когда его надо ломать, то въ водѣ размачиваютъ. Известь же густо мотыками повелѣлъ мѣшать, какъ на утро засохнетъ, то и ножемъ невозможно расколупить.

Послѣ того Муроль обложилъ церковь продолговатую полатнымъ образомъ (1475).

---

[1]) Нынѣ Калитниковское кладбище, возлѣ котораго и доселѣ остаются обширныя копаныя ямы Аристотелевскаго кирпичнаго завода, прорѣзанныя Курскою желѣзною дорогою. Кирпичъ Аристотеля имѣлъ длины $6^1/_2$ верш., ширины около $2^1/_2$ вершковъ, толщины $1^1/_2$ вершка.

На первое лѣто онъ вывелъ постройку изъ земли. Камень ровный и внутри велѣлъ класть. Известь какъ тѣсто густое растворялъ и мазали лопатками желѣзными. Четыре столпа внутри самой церкви заложилъ круглые, такъ, говорилъ, крѣпче будутъ стоять, а въ алтарѣ два столпа заложилъ четыреугольные кирпичные. И все дѣлалъ въ кружало (по циркулю) да въ правило (по линейкѣ).

На другое лѣто 1476 г. Муроль вывелъ стѣны храма по кивоты, которые сдѣланы снаружи стѣнъ въ видѣ пояса и представляютъ рядъ колонокъ, соединенныхъ круглыми перемычками. Внутри же стѣнъ *всуиъпы* желѣзные положилъ какъ правило на веретенахъ, а межъ столповъ, гдѣ кладутъ для связи брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все (т.-е. всѣ связи) желѣзное кованое положилъ.

На третье лѣто (1477) достигнувъ подсводной части зданія, Муроль, чтобы доставлять камень и кирпичъ наверхъ, сотворилъ колесо, съ малыми колесцами, которыя плотники *вѣкшею* зовутъ, чѣмъ на избу землю волочать, и этимъ снарядомъ посредствомъ веревокъ взволакивалъ на верхъ всѣ тяжести. Уже не носили камни на плечахъ, а прицѣпляли ихъ къ веревкамъ и колесами безъ труда притягивали ихъ на верхъ,—чудно было видѣти, отмѣчаетъ лѣтописецъ.

Чудно было также видѣть, какъ онъ на столпы положилъ по 4 камени великихъ и совокупилъ кружало (сводъ) и истесалъ на нихъ по 4 конца на четырехъ странахъ, одно противъ другого, точно на каменныхъ деревьяхъ, насквозь каменье то сбито.

Наконецъ, на четвертое лѣто, въ 1478 г., славная постройка была окончена вчернѣ. Аристотель соорудилъ у ней 4 верха, кромѣ большой средней главы. Внутри вокругъ шеи этой главы устроилъ потаенную *казну*, хранилище для опасныхъ случаевъ; полати построилъ возлѣ алтаря отъ южныхъ дверей и тутъ же вывелъ лѣстницу, всходить на верхъ храма. Церковные своды свелъ въ одинъ кирпичъ; помостъ намостилъ мелкимъ камнемъ (мозаично); въ алтарѣ надъ митрополичьимъ горнимъ мѣстомъ, за престоломъ, крыжъ Лятскій истесалъ на камени, который послѣ митрополитъ стесать велѣлъ. Передъ *передними*, западными дверьми помостъ (площадку) накрылъ камнемъ и сводъ въ одинъ кирпичъ свелъ и середку повѣсилъ на гирѣ желѣзной, какъ это существуетъ и до сихъ поръ.

Кровлю дѣлать вел. князь повелѣлъ мастерамъ только что совсѣмъ покореннаго имъ Новгорода, которые и покрыли зданіе сначала деревомъ вельми хорошо, а по дереву нѣмецкимъ желѣзомъ бѣлымъ. Совсѣмъ постройка была окончена на пятое лѣто въ 1479 г.

Была та церковь, пишетъ лѣтописецъ, чудна вельми величествомъ и высотою и свѣтлостію и звоностію и пространствомъ, таковой прежде не бывало на Руси кромѣ Владимірской.

12 августа 1479 г. соборъ былъ торжественно освященъ митрополитомъ Геронтіемъ съ архіепископомъ Ростов. Вассіаномъ, епископомъ Суздальскимъ Евфиміемъ и Сарскимъ *Прохоромъ.*

Радость въ этотъ день всего города Москвы была неописуемая, потому что минуло уже 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, какъ древній Калитинскій храмъ былъ разобранъ и не было въ городѣ соборнаго храма. Вел. князь повелѣлъ раздать милостыню на весь городъ и на окружные монастыри, священникамъ, инокамъ и *всѣмъ* нищимъ, а высшему духовенству и боярамъ далъ обѣдъ, на которомъ и всѣ седмь приходскихъ соборовъ на его же дворѣ въ особой храминѣ также ядоша и пиша у него (по другимъ спискамъ лѣтописи всѣ соборы 7 дней ядоша и пиша).

Черезъ нѣсколько дней торжественно совершилось и перенесеніе мощей митрополитовъ. Въ церкви Іоанна подъ Колоколы, гдѣ они пребывали до этого времени, мощи св. Петра въ ночь были переложены изъ каменной гробницы въ деревянную раку и на другой день, 23 августа, въ понедѣльникъ, передъ вечернею были несены въ новый соборъ самимъ вел. княземъ и его сыномъ Иваномъ Ив. съ помогающими, кто удостоился, при звонѣ во всѣ колокола. Принесенныя мощи вначалѣ поставили среди церкви на митрополичьемъ амвонѣ, гдѣ митрополиты облачаются. По совершеніи слѣдуемыхъ церковныхъ службъ на другой день утромъ 24 августа, во вторникъ, передъ обѣднею митрополитъ съ святителями и вел. князь съ сыномъ снова подняли раку и перенесли ее на уготованное мѣсто близь св. жертвенника. Потомъ была совершена литургія.

Самое празднованіе перенесенію мощей, назначенное прежде на 30 іюля, было тогда же перенесено на этотъ день, 24 августа.

Вел. князь снова роздалъ щедрую милостыню духовенству всего города.

Перенесеніе мощей другихъ митрополитовъ и кн. Юрья Даниловича происходило 27 августа, въ пятницу, также передъ вечернею, въ 9 часъ дня. Къ этому времени собрались къ церкви Іоанна подъ Колоколы митрополитъ съ священнымъ соборомъ и всѣ священники города, которые въ присутствіи вел. князя и его сына подняли каменную раку Кипріана митр. и перенесли ее въ соборъ, поставивъ въ юго-западномъ углу храма у стѣны. Потомъ Фотіевы мощи въ каменной же ракѣ перенесли и поставили съ Кипріановыми въ рядъ и устроили надъ ними надгробницы каменныя. Затѣмъ перенесли мощи Іоны Чудотворца въ деревянной ракѣ и поставили въ противоположномъ сѣверо-западномъ углу храма поверхъ помоста. Мощи Ѳеогноста митр. поставили въ предѣлѣ апостола Петра на верхъ помоста, обложивши кирпичемъ, объ одну стѣну съ Чудотв. Петромъ, какъ прежде лежали. Наконецъ, принесли мощи вел. князя Юрья Дан. въ деревянномъ гробѣ и положили въ предѣлѣ св. Димитрія въ застѣнкѣ въ землю съ помостомъ ровно и надгробницу учинили надъ нимъ.

Гробница строителя разрушившагося храма, митр. Филиппа, не была вынесена въ церковь Іоанна подъ Колоколы, потому что она оставалась снаружи храма, за межею сѣверной стѣны Аристотелевой постройки, которая, слѣдовательно (то-есть вся постройка), по плану была отодвинута немного къ югу противъ прежняго Филипповскаго плана. Теперь подняли его каменный гробъ и перенесли въ церковь, поставивъ его въ рядъ съ гробницею митрополита Іоны у сѣверной стѣны, вѣроятно, противъ того же мѣста, гдѣ онъ покоился за стѣной новой церкви. Когда открыли его гробъ, увидѣли его лежавшаго всего цѣлаго въ тѣлѣ, подобно Іонѣ митр., и ризы его нимало не истлѣли, а прошло уже 6 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ безъ 8 дней отъ времени его кончины. Увидѣвши это, благочестивые люди усердно молились Богу, прославляющему угодниковъ Своихъ. 12 дней стоялъ его гробъ непокрытымъ, быть можетъ, въ ожиданіи чудесныхъ исцѣленій, какія явились у мощей Іоны, и только въ 13 день склали надъ нимъ надгробницу кирпичную.

Богомольные Москвичи очень внимательно слѣдили за всѣми подобными обстоятельствами, а потому и усердно записывали ихъ въ лѣтопись. Для нихъ очень важно было, кто и какъ былъ положенъ, кто поверхъ помоста, кто вровень съ помостомъ, кто въ землѣ.

Послѣ этого уже окончательнаго устройства новаго соборнаго храма вел. князь снова одѣлилъ все духовенство и всѣхъ нищихъ города щедрою милостынею и кормомъ, а высшимъ властямъ и служившимъ священникамъ и всѣмъ соборамъ далъ обѣдъ и въ почесть всему духовному чину на томъ обѣдѣ стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ, угощая обѣдавшихъ. Таковъ былъ старозавѣтный обычай въ великокняжескомъ и потомъ въ царскомъ быту.

Упомянемъ также объ одномъ немаловажномъ по тому времени для вѣрующихъ и богомольныхъ Москвичей обстоятельствѣ, какое возникло по случаю освященія новаго храма. Нѣкіе прелестники наклеветали вел. князю на митрополита (Геронтія), что не по солнечному всходу, не посолонь, какъ солнце ходитъ, митрополитъ ходилъ со крестами около церкви. Вел. князь очень разгнѣвался на святителя, «воздвиже на него гнѣвъ великій». Оттого, говорилъ вел. князь, гнѣвъ Божій приходитъ! Возбуждены были большіе споры и пререканія. Старались найти въ писаніяхъ какой-либо уставъ объ этомъ, посолонь ли ходити или не посолонь, и ничего твердаго не нашли.

Было много спорныхъ рѣчей, большинство, всѣ священники и книжники, иноки и міряне стояли на сторонѣ митрополита. Очевидцы, бывалые въ далекихъ странствованіяхъ, указывали, что такъ святили церковь, ходя противъ солнца, во святой Аѳонской горѣ. Вел. князь подъ вліяніемъ владыки Ростов. Вассіана, который, быть можетъ, и заварилъ это дѣло, и Чудовскаго архимандрита Геннадія, и только съ ними одними, стоялъ противъ митрополита. Эта сторона никакихъ свидѣтельствъ не указывала. Много и премного спорили, но истины не обрѣтоша, каждый оставался при своемъ мнѣніи.

Споръ однако продолжался долгое время. Вел. князь остановилъ даже освященіе новопостроенныхъ церквей, цѣлый почти годъ не были освящены церкви Іоанна Златоуста (въ монастырѣ), Рождества Б-цы въ Кремлѣ съ предѣломъ Онуфрія и многія другія, въ ожиданіи, что митрополитъ положитъ на его мысли. Въ отвѣтъ на настойчивость вел. князя митрополитъ въ 1482 году оставилъ посохъ свой въ соборѣ и съѣхалъ на Симоново въ келью, взявши съ собою только ризницу. Онъ мыслилъ такъ если князь великій, пріѣхавъ къ нему, не добьетъ челомъ и роп-

танія своего, что посолонь ходити, не оставитъ, тогда онъ совсѣмъ оставитъ митрополичій санъ и будетъ жить простымъ монахомъ въ кельѣ. И такъ какъ на его сторонѣ стоялъ весь священный чинъ и всѣ міряне города, то вел. князь поневолѣ уступилъ и послалъ къ святителю своего сына просить, чтобы возвратился на свой столъ. Митрополитъ не послушалъ этого призыва. Тогда уже самъ вел. князь поѣхалъ къ нему и билъ ему челомъ, умоляя, чтобы возвратился на свой столъ, а самъ «во всемъ виноватъ сотворися» и обѣщалъ слушать святителя во всемъ, и въ хожденіи волю ему далъ, какъ велитъ, какъ было въ старину. Послѣ такого покаянія митрополитъ возвратился.

Въ этомъ обстоятельствѣ ярко выразилась та сторона Московскаго благочестія и Московскихъ общественныхъ интересовъ, которая впослѣдствіи мало-по-малу стала развиваться въ невѣжественное старовѣріе, послужившее къ расколу вѣрующихъ на множество толковъ и суемудрій.

Но возвратимся къ исторіи новаго собора. Въ 1482 г. храмъ былъ украшенъ иконописью. На это дѣло упомянутый Ростовскій владыка Вассіанъ еще при своей жизни (онъ померъ въ 1481 г.) далъ сто рублей мастерамъ иконникамъ: Денисію, попу Тимоѳею, да Ярцу, да Конѣ, которые и написали чудно вельми Деисусъ и съ Праздники и съ Пророки.

Исторія постройки собора весьма любопытна и съ другой, именно съ политической, стороны.

Когда лѣтомъ 1471 г. митр. Филиппъ крѣпко сталъ помышлять о сооруженіи новаго храма, вел. князь уже былъ въ походѣ подъ Новгородъ Великій, обвиненный въ то время всеобщимъ мнѣніемъ Низовой Руси въ отступленіи отъ Православія и въ намѣреніи поддаться Латинскому королю. Тогда 14 іюля 1471 г. произошла знаменитая битва на р. Шелони, послужившая первымъ подвигомъ Москвы къ упраздненію Новгородской независимости.

Въ 1474 г. новозастроенный соборъ, доведенный уже до замкнутія сводовъ, внезапно разрушился, какъ бы предзнаменуя, что такъ съ неумѣлымъ, старымъ строительнымъ художествомъ разрушится и старозавѣтный вѣчевой порядокъ Русской жизни, именно въ Новгородѣ, какъ сильнѣйшемъ представителѣ и охранителѣ этого порядка.

Въ 1475 г., когда началась уже новая Аристотелевская по-

стройка собора, вел. князь снова двинулся въ Новгородъ со многими людьми, но пошелъ туда миромъ пировать съ Новгородскимъ Владыкою, съ тысяцкими, посадниками и житьими людьми, со всѣми людьми Новгорода Великаго. Среди любовныхъ встрѣчъ и пировъ онъ встрѣтилъ тамъ и много обиженныхъ людей, которые, воспользовавшись присутствіемъ въ городѣ вел. князя, пришли къ нему отъ цѣлыхъ двухъ улицъ съ большими жалобами на тамошнихъ сильныхъ людей, на бояръ, на посадниковъ степенныхъ и на другихъ сильниковъ въ грабежахъ и убійствахъ. И множество другихъ жалобниковъ пришли къ вел. князю искать своихъ обидъ и насилій, понеже, замѣчаетъ лѣтописецъ, та Земля отъ давнихъ многихъ лѣтъ въ *своей волѣ* живяху и о вел. князехъ, своихъ отчинникахъ, небрежаху и не слушаху ихъ, и оттого много зла въ той землѣ происходитъ, между себя убійства и грабежи и домамъ разореніе, кто кого сможетъ. Такимъ образомъ, вел. князь нашелъ въ своей давней вотчинѣ то же самое, чѣмъ она начала свою Исторію почти за 600 лѣтъ тому назадъ. Вел. князь поставилъ всѣмъ обиженнымъ правдивый судъ предъ лицемъ Владыки и посадниковъ и виновныхъ тотчасъ же отправилъ въ Москву.

Однако почти два мѣсяца чуть не каждый день продолжались пиры у Владыки, у посадниковъ, у богачей бояръ и у самого вел. князя, угощавшаго всю знать Великаго города.

Но широкіе пиры не успѣли преклонить вел. князя на милость къ осужденнымъ и отправленнымъ въ Москву боярамъ, какъ ни упрашивали о нихъ и Владыка и всѣ ихъ товарищи. Когда малые обиженные люди почувствовали державную руку вел. князя, то въ городѣ все двинулось на перемѣну прежнихъ отношеній и порядковъ и почва для этого была уже вполнѣ подготовлена. Теперь обиженные уже прямо шли на Великокняжескій судъ, какъ на единую крѣпкую защиту въ ихъ обидахъ. Съ своими жалобами и исканіемъ суда они теперь шли уже прямо въ Москву. «А того не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала: и какъ вел. князи начали быти отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ и до сего вел. князя, который на то ихъ привелъ». Такъ это случилось на другой же годъ (въ началѣ 1477 г.), когда и соборъ былъ выстроенъ по кивоты, т.-е. до половины зданія.

Въ это время, Великимъ постомъ, въ Москву явилось многое множество новыхъ жалобниковъ, житьихъ, посадскихъ поселянъ,

черницъ, вдовъ, всѣ преобиженные сильниками. Быть можетъ, видя такое движеніе жалобниковъ, архіепископъ и весь Вел. Новгородъ вслѣдъ за ними прислали къ вел. князю своихъ пословъ съ челобитьемъ и называя его Государемъ, чего не бывало отъ начала какъ и земля ихъ стала, ни котораго вел. князя *Государемъ* не называли, но *господиномъ*.

Въ древности это было простое рядовое обычное наименованіе каждаго домохозяина, владыки дома или своей земли и всякой собственности. Но въ это время Московскій вел. князь сталъ уже домохозяиномъ и владыкою не одной Москвы, но и всей *Низовой Русской земли*, лежавшей въ рѣчномъ углу Волги и Оки. Здѣсь уже давно, особенно послѣ Шемякиной смуты, ходила и утверждалась въ самомъ народѣ очень ясная и всѣмъ понятная идея Государя и Государства, родная идея полнаго домохозяина въ своемъ владѣніи и полной его власти въ своемъ государствѣ-домохозяйствѣ. Повторимъ, что самое слово Государь или Господарь ничего другого болѣе обширнаго и высокаго и не обозначало, какъ только домо-и-земле-владѣльца. Получивъ такое, въ сущности очень обычное, простое наименованіе и отъ вольнаго города, вел. князь послалъ къ Новгородцамъ своихъ пословъ подкрѣпить данное ему вольными людьми наименованіе съ вопросомъ—какова они хотятъ отъ него *государства?* Но вольные люди, повидимому, были обмануты своими послами, хотя одинъ изъ нихъ былъ вѣчевой дьякъ, или же скоро одумались и отвѣчали, что они съ такими рѣчами не посылывали и назвали то ложью.

По этому случаю возникъ мятежъ, созвонили вѣче, вскричали на какого-то Василія Микифорова и тутъ же безъ милости убили его, по обговору дьяка (?) Захарія Овина, а потомъ и этого убили и брата его у Владыки на дворѣ. И оттого взбѣсились, яко пьяные, одинъ одно кричитъ, другой другое, и заговорили къ королю опять поддаться.

Услыхавши о такихъ дѣлахъ у вольныхъ людей, вел. князь очень пожалѣлъ убіенныхъ и даже прослезился и отдалъ это дѣло на обсужденіе митрополиту и всей своей боярской Думѣ.

«Съ чѣмъ присылали сами,—говорилъ онъ,—чего и не хотѣлъ я у нихъ, государства, и они отъ того заперлись и на меня лжу положили!» Разгнѣвался вел. князь на Новгородъ за эту ложь и, помолясь Богу и раздавъ повсюду милостыню церквамъ, повелѣлъ

собираться ратнымъ, чтобы шли къ Новгороду со всѣхъ концовъ по всѣмъ дорогамъ.

А тѣмъ временемъ Псковскіе мастера заложили у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ новую церковь каменную, а Аристотель довелъ постройку собора уже до сводовъ. Оставалось замкнуть своды и соорудить пять куполовъ, пять главъ надъ совершеннымъ зданіемъ, какъ и вел. князю оставалось сомкнуть своды Новгородской вольности и соорудить политическія государственныя главы надъ пятью концами вольнаго города, то-есть надъ всѣмъ его вольнымъ бытомъ.

1477 г. 30 сентября вел. князь по старому порядку отношеній послалъ Новгородцамъ *складную* грамоту съ простымъ подьячимъ, а 9 октября самъ выѣхалъ изъ Москвы казнить ослушниковъ войною.

Московскія Низовскія рати, а съ ними и Псковичи окружили Новгородъ со всѣхъ сторонъ, заняли вокругъ города всѣ монастыри, стѣснили городъ такъ, что въ немъ отъ собравшихся во множествѣ въ осаду людей появился моръ.

Начались переговоры съ Владыкою, посадниками, со всѣмъ Новгородомъ Великимъ. Начались разсужденія о томъ, какой смыслъ заключается въ словахъ Государь и Государство?

Новгородъ, находясь уже въ немалой тѣснотѣ отъ Москвы, промолвился, назвавши вел. князя Государемъ, конечно изъ особаго почтенія, какъ величали вел. князя въ Москвѣ, употребилъ, стало быть, Московскую рѣчь, а вел. князь тотчасъ же спросилъ: какого же государства хочетъ Новгородъ?

Вотъ на этотъ вопросъ и должны были отвѣчать вольные люди, окруженные войсками, едва дышавшіе теперь въ Московскихъ ратныхъ тискахъ. Очень естественно, что они стали отвѣчать по старымъ привычнымъ уговорамъ съ вел. князьями, ограничивая и теперешняго вел. князя своими вольностями, стали *указывать* ему, какъ онъ долженъ держать у нихъ свое государство, т.-е. свою государственную власть; стали просить, если не требовать, напр., чтобы въ Низовскую землю къ берегу (противъ Татаръ) службы имъ не было, что готовы они защищать только свои границы и т. п.

«Вы нынѣча сами указываете мнѣ», говорилъ вел. князь, «и чините *урокъ* нашему государству, какъ ему быть у васъ. Какое же

тутъ мое государство, когда не я вамъ, а вы мнѣ указываете и *урекаете*, какъ долженъ я держать васъ. Я хочу такого государства, какъ живу на Москвѣ. Какъ на Москвѣ, такъ хочу быть и въ отчинѣ нашей въ Новгородѣ». Тогда Владыка, посадники и житьи, говорившіе отъ всего Новгорода, ударили челомъ вел. князю и вымолвили, чтобы вел. князь самъ сказалъ, какъ его государству быть въ Новгородѣ, потому что Новгородъ Низовой пошлины не знаютъ, какъ государи наши вел. князья держатъ свое государство въ Низовской землѣ.

«Наше государство вел. князей таково, отвѣтилъ вел. князь: Вѣчу, колоколу въ нашей отчинѣ въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать и всему остальному быть какъ у насъ въ Низовской землѣ».

Не знали Новгородцы такого Государства только въ своемъ политическомъ устройствѣ, но въ домашнихъ своихъ порядкахъ они хорошо знали, что такое Государь—хозяинъ дома и владѣтель своей отчины, своей волости, своего села. Они хорошо знали и помнили, какъ распоряжались и государили со своими подвластными землями и пригородами, напр., съ Двиною, въ 1398 г., съ Заволочьемъ и т. д., не говоря о вѣчевомъ буйствѣ, когда цѣлыя улицы подвергались государскому разгрому. И то вѣдь было государство, т.-е. власть силы, и такимъ же государемъ было вѣче.

Такимъ образомъ вольный Новгородъ былъ покоренъ въ полной мѣрѣ Московскому государству. Какъ и сталъ Великій Новгородъ и Русская земля, такого изневоленья на нихъ не бывало ни отъ котораго вел. князя, да и отъ иного ни отъ кого.

Со стороны Новгорода событіе совершилось мирнымъ порядкомъ—войны не было.

Со стороны Москвы оно теперь совершилось несравненно успѣшнѣе, чѣмъ бывало прежде, по той причинѣ, что теперь уже по всей Низовской землѣ ходило въ народѣ мнѣніе, что государство (единовластіе, единодержавіе) прибыльнѣе для людей, чѣмъ разновластіе; что одинъ государь, какъ ни бывалъ онъ грозенъ, своеволенъ, все-таки скорѣе дастъ крѣпкую и вѣрную защиту обиженнымъ, чѣмъ множество государей, неспособныхъ и себя защитить отъ насилій сильнаго.

Какъ въ древнія времена въ народныхъ отношеніяхъ господствовала, торжествовала и являлась принудительною силою идея

вѣча, такъ теперь стала торжествовать и уже являлась принудительною силою идея государя и государства, и потому самый Новгородъ, какъ политическая вѣчевая сила, именуетъ себя также государемъ, а Псковичи, другая вѣчевая сила, въ это время прислали вел. князю грамоту, въ которой величали его не только господиномъ-государемъ, но и *царемъ* всея Руссіи, предупреждая даже Московскія понятія о значеніи государевой власти.

Итакъ, не только вольному Новгороду, но и всей Землѣ теперь было растолковано не одними словами, но еще сильнѣе самымъ дѣломъ окончательнаго покоренія вѣчевого порядка государственнымъ началамъ, было до точности растолковано, что значитъ и какой смыслъ имѣетъ государево государство.

Все это происходило зимою 1477—1478 г. Дѣло совсѣмъ окончилось 20 генваря, когда вел. князь поспѣшилъ послать добрую вѣсть въ Москву къ своей матери и къ митрополиту и къ сыну, что привелъ вольный городъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Черезъ 7 дней, генв. 27, эта вѣсть прибыла и въ Москву. Самъ вел. князь прибылъ въ Москву 5 марта, въ четвертокъ 5 недѣли поста, повелѣвъ за собою и колоколъ ихъ вѣчевой привезти на Москву, и «какъ привезенъ былъ и взнесли его на колокольницу на площади съ прочими колоколами звонити».

Въ этомъ достославномъ походѣ былъ и Аристотель. Онъ еще въ началѣ дѣла построилъ черезъ Волховъ подъ Городищемъ мостъ на судахъ, который и послѣ оставался надолго цѣлымъ.

Итакъ, постройка Московскаго большого собора совершалась въ одно время и шагъ за шагомъ въ рядъ съ постройкою Московскаго единодержавнаго государства. Очень понятно, какъ были рады Москвичи, по крайней мѣрѣ въ ихъ властной средѣ, окончанію сооруженія храма и концу вѣчевого порядка. Примѣчательно и то обстоятельство, что, какъ было упомянуто, Новгородскіе мастера устроивали и кровлю собора, покрывая его нѣмецкимъ бѣлымъ желѣзомъ.

Какъ во времена митрополита св. Петра и вел. князя Ивана Калиты, такъ и теперь сооруженіемъ соборнаго храма было положено только начало новому устройству города. Воздвигнутый величественный храмъ одною своею массивностью и свѣтлостью

новаго строенія, сравнительно съ остальными малыми и низменными зданіями старинной еще Калитинской постройки, отражалъ въ сильной степени ихъ незначительность и бѣдноту и необходимо вызывалъ мысль о сооруженіи соотвѣтственныхъ ему по красотѣ и величію вмѣсто старыхъ новыхъ зданій.

Но для такихъ зданій не было мастеровъ-строителей, такъ какъ одинъ Аристотель, занятый въ это время пушечнымъ и колокольнымъ литьемъ, денежнымъ дѣломъ и даже походами съ новою артиллеріею, напр., въ Новгородъ, подъ Казань, въ Тверь, по всему вѣроятію уже не имѣлъ времени заниматься архитектурнымъ дѣломъ, и очень вѣроятно также, что онъ указывалъ на свою родину, откуда возможно было добывать мастеровъ не однихъ только архитекторовъ.

Съ Италіей въ то время происходили самыя оживленныя сношенія, и потому вел. князь не мало заботъ положилъ о вызовѣ оттуда дѣловыхъ, знающихъ людей самыхъ разнообразныхъ художествъ.

Мы видѣли, какихъ трудовъ и препятствій стоилъ вызовъ и самого Аристотеля. Проходили годы, пока въ Москвѣ наконецъ стали появляться эти очень надобные и желанные художники.

Между тѣмъ, въ ожиданіи Итальянскихъ художниковъ, вел. князь воспользовался и искусствомъ Псковскихъ мастеровъ и 6 мая въ 1484 г. повелѣлъ имъ построить на мѣстѣ стараго свой дворцовый храмъ Благовѣщенія, разобравъ старый только по казну и по подклѣтъ, т.-е. до цоколя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ около того подклѣта была заложена *казна*, особыя помѣщенія для храненія казны, и кромѣ того была заложена кирпичная полата съ казнами, наименованная впослѣдствіи Казеннымъ Дворомъ.

Храмъ Благовѣщенія строился болѣе пяти лѣтъ отъ заложенія въ 1484 г. до 1489 г., когда былъ освященъ, а разбирать его старое зданіе начали еще въ 1482 г. и продолжали въ 1483 г. Неизвѣстны причины такой медленной постройки.

Слѣдуя за вел. княземъ, и митрополитъ въ то же лѣто и съ тѣми же Псковскими мастерами заложилъ у своего двора въ 1484 г. церковь Ризположенія, совершенную въ 1485 г. и освященную въ 1486 г. авг. 31.

Въ этихъ двухъ храмахъ Псковскіе мастера занесли и въ

Москву типы своихъ Новгородскихъ и Псковскихъ церквей, замѣтнымъ образомъ обозначенные въ подробностяхъ устройства подглавій или шей, иначе и неудачно теперь называемыхъ трибунами, барабанами. Но еще прежде, лѣтъ за пять до постройки этихъ двухъ храмовъ, Псковскіе мастера соорудили въ 1479 г. храмъ Іоанна Златоуста въ монастырѣ того же вбимя. Этотъ храмъ былъ построенъ въ честь тезоименитаго Ангела вел. князя и въ память покоренія Новгорода, такъ какъ послѣдніе дни Новгородской свободы, когда эта свобода окончательно была упразднена, эти дни совпали съ днями рожденія вел. князя и его именинъ 22 и 27 января 1478 г.

Неизвѣстно, когда именно прибыли въ Москву первые послѣ Аристотеля Итальянскіе архитекторы Антонъ Фрязинъ и Марко Фрязинъ, но ихъ работы начались уже въ 1485 г. и не постройкою храмовъ, а сооруженіемъ новыхъ Кремлевскихъ стѣнъ.

Старыя стѣны, значительно обветшавшія и отъ времени и отъ многихъ пожаровъ, теперь уже не удовлетворяли новымъ требованіямъ и могуществу государственнаго гнѣзда, какимъ являлся этотъ ветхій Кремль. А величественный соборъ Успенскій и здѣсь какъ бы указывалъ на необходимость окружить его достойнымъ вѣнкомъ новыхъ сооруженій. Какъ мы упомянули, его зданіе ярко освѣщало ветхую старину всѣхъ остальныхъ построекъ Кремля. Кромѣ того, и въ чемъ была главная забота Моск. государя, требовалось укрѣпить гнѣздо славнаго государства новыми уже европейскими способами городовой защиты при помощи европейскихъ же строителей.

Само собою разумѣется, что постройка новыхъ стѣнъ производилась не вдругъ, но частями, мало-по-малу, потому что въ одно время съ постройкою новой стѣны было необходимо оставлять возлѣ нея и старыя стѣны, дабы на случай опасности не раскрыть городскую ограду на произволъ враждебной осады. Итальянецъ Контарини, бывшій въ Москвѣ въ 1475 г. и, стало быть, видѣвшій старыя стѣны, описывая городъ, говоритъ между прочимъ, что онъ «расположенъ на небольшомъ холмѣ и что всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, деревянныя». Это указаніе не иначе можно объяснить какъ тѣмъ, что обветшавшія стѣны по мѣстамъ были починены деревомъ вмѣсто камня.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что городовыя каменныя стѣны всегда были покрываемы деревянною кровлею; изъ дерева же устроивались и *забороды*, родъ разборнаго забора, который защищалъ осажденныхъ въ пролетахъ между зубцами стѣнъ. Все это придавало стѣнамъ видъ деревянной постройки.

Сооруженіе и доселѣ существующихъ стѣнъ Кремля началось, какъ упомянуто въ 1485 году, съ теперешнихъ Тайницкихъ воротъ, что надъ Москвою-рѣкою передъ соборами.

Въ то время находившіяся здѣсь старыя ворота именовались *Чешьковыми*, *Чишковыми*, *Чушковыми* и *Шешковыми*. По всему вѣроятію отъ имени боярскаго двора, здѣсь находившагося.

Въ числѣ знатныхъ бояръ у кн. Юрья Дм. Галицкаго былъ Данила *Чешекъ*, являвшійся въ качествѣ посла къ вел. князю Василію Васил. Темному объ утвержденіи мира въ 1425 году. Можно предполагать, что у воротъ на Подолѣ Кремля находился и дворъ этого *Чешка*, такъ какъ неподалеку на горѣ стоялъ дворъ и князя Юрья Дмитріевича, соперника Василію Темному въ спорѣ о Великомъ Княженіи. Ворота назывались также и *Водяными*, какъ въ Москвѣ назывались и другія такія же ворота, устроиваемыя не для проѣзда дальше по улицамъ, а только для добыванія воды, каковы были ворота у теперешняго Каменнаго моста и въ Китаѣ у Зарядья.

19 іюля 1485 г. Антонъ Фрязинъ вмѣсто этихъ воротъ заложилъ новыя подъ именемъ *Стрѣльницы*, подъ которыя вывелъ *Тайникъ*, тайный подземный проходъ къ рѣкѣ для добыванія воды во время тѣсной осады. Отсюда и сохранившееся донынѣ прозваніе воротъ Тайницкими.

Затѣмъ въ 1487 г. была совершена *стрѣльница* наугольная, внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, называвшаяся *Беклемишевскою* отъ находившагося близъ нея двора боярина Беклемишева (Никиты и Семена)[1]. Строителемъ ея былъ Марко Фрязинъ.

На другой годъ (1488) мая 27 Антонъ Фрязинъ заложилъ другую наугольную стрѣльницу вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ прежде въ старыхъ стѣнахъ стояла *Свиблова* стрѣльница, такъ прозываемая отъ боярскаго же двора Өедора Свибла, и подъ нею

---

[1]) Въ XVII ст. по забвенію ее неправильно стали прозывать Свибловскою и Свирловскою. См. Чтенія О. И. и Д. 1877, кн. 2, Смѣсь, 3, и др.

также вывелъ тайникъ. Такимъ образомъ прежде всего городъ былъ укрѣпленъ со стороны рѣки, т.-е. съ Татарской Ордынской стороны.

Зимою, въ началѣ 1490 г., въ Москву прибылъ еще Фрязинъ, Петръ-Антоній съ ученикомъ Зам-Антоніемъ, мастеръ стѣнной и полатный, *архитектонъ*, какъ его только одного величали этимъ именемъ, вѣроятно, за особое искусство въ строительномъ дѣлѣ.

Въ теченіи того же года онъ построилъ двѣ стрѣльницы, одну у Боровицкихъ воротъ и со стѣною до наугольной Свибловой стрѣльницы, другую надъ Константино-Еленскими воротами (недалеко отъ церкви свв. Константина и Елены), которыя находились на Подолѣ Кремля и потому именовались *Нижними*, а также и *Тимоѳеевскими*, отъ стоявшаго здѣсь двора знаменитаго окольничаго при Дмитріи Донскомъ Тимоѳея Васильевича роду московскихъ тысяцкихъ.

На слѣдующій годъ (1491) Петръ-Антоній и прежній Марко заложили двѣ стрѣльницы со стороны Большого Посада, Фроловскую (Спасскія ворота) и Никольскую, обѣ съ воротами. По другимъ свидѣтельствамъ обѣ стрѣльницы были заложены однимъ Петромъ-Антоніемъ въ мартѣ мѣсяцѣ, при чемъ Никольская была заложена не по старой основѣ, не на мѣстѣ старой стрѣльницы, но, вѣроятно, съ прибавкою городского пространства. Тогда же онъ заложилъ и стѣну отъ Никольской стрѣльницы до р. Неглинной. Фроловская стрѣльница была имъ окончена въ томъ же году. На ней и донынѣ существуютъ сохранившіяся надписи на каменныхъ доскахъ съ внутренней стороны по-русски, съ внѣшней, загородной, по-латыни.

Приводимъ ихъ старинный списокъ: «Въ лѣто 6999 году Іюля (пробѣлъ) Божіею милостію здѣлана бысть сія стрѣльница повелѣніемъ Іоанна Васильевича государя и самодержца всея Росіи и Великаго князя Владимерскаго и Московскаго и Новгородскаго и Псковскаго и Тферскаго и Югорскаго и Вятскаго и Пермьскаго и Болгарскаго и иныхъ въ Л (30) лѣто государства его. Дѣлалъ Петръ-Антоніе отъ града Медіолана».

Въ томъ же спискѣ латинская надпись такъ переведена: «Іоаннъ Васильевичъ Божіею милостію Великій князь Владимерскій, Московскій, Новгородскій, Тферскій, Псковскій, Вятскій, Югорскій, Перьмскій, Болгарскій и иныхъ и всеа Росіи Государь въ лѣто

Л (30-е) государства своего сіи стѣны созда. Строитель же бысть Петръ-Антоніе Сонъаріи (Solarius) Медіоланянинъ въ лѣто отъ Рожства Х-ва Спасителя 1493-е». Ошибка вмѣсто 1491 г. (Тверскаго музея сборникъ, № 3237). Въ подлинной надписи, согласно ея русскому списку, вмѣсто «сіи стѣны» упомянуто сіи башни, т.-е. стрѣльницы. Множественное число, быть можетъ, указываетъ и на отводную башню, существующую передъ воротами.

Постройка стѣнъ съ этой посадской стороны продолжалась и въ 1492 г., когда между этими двумя стрѣльницами была заложена *подошва* (фундаментъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и новая стрѣльница наугольная надъ Неглинною съ *тайникомъ*, которая впослѣдствіи прозывалась *Собакиною*, вѣроятно также отъ боярскаго двора роду *Собакиныхъ*.

Въ то время, какъ мало-по-малу сооружались стѣны и стрѣльницы, въ 1493 г. Кремль былъ окончательно опустошенъ двумя пожарами, слѣдовавшими одинъ за другимъ съ небольшимъ черезъ три мѣсяца. Послѣ перваго пожара, случившагося на Радуницѣ, апрѣля 16, когда выгорѣлъ почти весь городъ, для временной его защиты поставили въ опасномъ мѣстѣ деревянную стѣну отъ Никольской стрѣльницы до тайника на Неглинной или до Собакиной стрѣльницы, но въ новый, небывалый по своимъ опустошеніямъ, пожаръ всей Москвы эта стѣна сгорѣла.

Пожары явились какъ бы Божіимъ гнѣвомъ по случаю новыхъ распоряженій государя, касавшихся и до обывателей Московскаго посада. Въ томъ же несчастномъ 1493 году было приступлено къ укрѣпленію мѣстности и къ постройкѣ стѣнъ со стороны теченія р. Неглинной, гдѣ теперь расположенъ Кремлевскій Александровскій садъ. Для этой цѣли былъ вырытъ глубокій ровъ отъ Боровицкихъ воротъ до Москвы-рѣки, такъ какъ здѣсь теченіе Неглинной значительно удалялось отъ Кремлевской горы и отъ стѣнъ города, а за рѣчкой Неглинной, для безопасности города отъ пожаровъ, государь повелѣлъ очистить посадское пространство по всей линіи городскихъ стѣнъ такъ, чтобы строенія отстояли отъ стѣнъ по мѣрѣ на 110 саж., по другимъ, вѣроятно ошибочнымъ, указаніямъ на 109 саж. Для этой цѣли были снесены всѣ деревянные дворы въ этой мѣстности и разобраны самыя церкви, о чемъ духовный чинъ очень печалился, какъ увидимъ ниже.

Наконецъ въ 1495 г. была заложена и послѣдняя городовая стѣна возлѣ Неглинной, не по старой основѣ, но съ расширеніемъ городового пространства[1]). Въ тотъ же годъ была очищена вся мѣстность и за Москвою-рѣкою противъ стѣнъ Кремля также для безопасности отъ пожаровъ, при чемъ были снесены всѣ дворы и разобраны церкви и на чистомъ мѣстѣ разведенъ государевъ садъ, существовавшій тамъ до конца XVII ст. уже съ именемъ Царицына Луга.

Ровно десять лѣтъ продолжалась постройка новыхъ стѣнъ Кремля и по случаю принудительнаго разрушенія близь стоявшихъ на посадѣ церквей возбудила въ благочестивыхъ людяхъ большія сѣтованія и суевѣрные толки о томъ, что не подобаетъ такъ разрушать святыя мѣста.

Архіепископъ Новгородскій Геннадій, бывшій Чудовской архимандритъ, писалъ по этому поводу къ митрополиту Зосимѣ слѣдующія строки, весьма любопытныя для характеристики носившихся въ то время мнѣній даже въ высшемъ духовенствѣ. Главнымъ образомъ онъ жаловался на то, что въ Новгородѣ его одолѣвали еретики, жидовствующіе и стригольники, и указывалъ, что «на Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, почему и изъ Новгорода всѣ они сбѣжали къ Москвѣ, да и ходятъ тамъ въ ослабѣ. Напримѣръ, Денисъ попъ, тотъ въ Архангельскомъ соборѣ служилъ да на литургіи за престоломъ плясалъ да и Кресту наругался». Замѣчая такую Московскую распущенность, владыка кстати писалъ и о государской распущенности:

«А нынѣ бѣда стала земская да *нечесть государская великая*: церкви старыя извѣчныя выношены изъ *города* вонъ, да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены; а кто вѣру держитъ ко святымъ Божіимъ церквамъ, ино то писано сице: «Освяти любащая благолѣпіе дому Твоего и тѣхъ прослави божественою Твоею силою». Да еще паки сверхъ того и кости мертвыхъ выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а тѣлеса вѣдь

---

[1]) Въ Степенной Книгѣ, II, 135, упомянуто, что новый каменный городъ поставленъ округъ деревяннаго града. По этому свидѣтельству можно полагать, что новыя стѣны закладывались съ внѣшней стороны старыхъ стѣнъ, такъ что городъ получалъ бо̀льшую обширность.

туто остались, въ персть разошлись; да на тѣхъ мѣстахъ садъ посаженъ; а Моисей писалъ во Второмъ Законѣ: «Да не насадиши садовъ, ни древа подлѣ требника Господа Бога твоего». А господинъ нашъ отецъ Геронтій митрополитъ о томъ не воспретилъ; то онъ вѣдаетъ, каковъ отвѣтъ за то дасть Богу. А гробокопателямъ какова казнь писана! а вѣдь того для, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, не велѣно ихъ съ мѣста двигнути, опричь тѣхъ великихъ Святыхъ, коихъ Богъ прославилъ чудесы; да Божіимъ повелѣніемъ и ангельскимъ явленіемъ бываетъ перенесеніе мощемъ на избавленіе людемъ и на утвержденіе и на почесть градовомъ. А что вынесши церкви, да и гробы мертвыхъ, да на томъ мѣстѣ садъ посадити, а то какова нечесть учинена! отъ Бога грѣхъ, а отъ людей соромъ. Здесе пріѣзжалъ жидовинъ новокрещенной, Даниломъ зовутъ, а нынѣ хрестьянинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: «понарядился де есми изъ Кіева къ Москвѣ, ино де мнѣ почали жидова лаять: собака де ты, куда нарядился? Князь де великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ вонъ», а сказывалъ то предъ твоимъ сыномъ боярскимъ предъ Вяткою: ино каково то безчестіе и нечесть Государству великому учинена?.. А церкви Божіи стояли колико лѣтъ! А гдѣ священникъ служилъ, руки умывалъ, и то мѣсто бываетъ не проходно; а гдѣ престолъ стоялъ да и жертвеникъ и тѣ мѣста непроходны же; а нынѣ тѣ мѣста не огорожены, ино и собаки на то мѣсто ходятъ и всякій скотъ. А что дворы отодвинуты отъ града, ино то и въ лѣпоту; а церкви бъ стояли вкругъ города, еще бы честь граду болшая была. А егда бываетъ по грѣхомъ нахоженіе иноплеменникъ, ино, выносивъ иконы, да сожгутъ стѣны. А что которыя церкви были въ городѣ, а то такожъ бы подняти на подклѣтѣхъ да сѣни нарядити вокругъ церкви да переходы съ Великаго князя двора, да попъ бы ходячи пѣлъ у тѣхъ церквей и коли случится Великому князю или Великой княгинѣ саду посмотрѣти, и онъ бы посидѣлъ у церкви, ино лѣпо видѣти. А нынѣ розговорити того нѣкому Государю Великому князю, развѣ тобя господина отца нашего, съ Божіею помощью; а намъ, твоимъ дѣтемъ и сослужебникомъ, пригоже тебѣ о томъ воспоминати; а ты, господинъ отецъ нашъ, сыну своему Великому князю накрѣпко о томъ воспоминай, понеже должно ти есть».

Въ началѣ своего посланія Геннадій упоминаетъ, что церкви и изъ города, т.-е. изъ Кремля, были вынесены, а вмѣстѣ съ ними и гробы погребенныхъ возлѣ нихъ покойниковъ, какъ можно судить по упоминанію Геннадія о такихъ гробахъ. Все это, конечно, являлось необходимостью, когда происходила постройка новыхъ стѣнъ съ распространеніемъ городской мѣстности за предѣлы старыхъ стѣнъ, въ окружности которыхъ и стояли, вѣроятно, упоминаемыя церкви. Что касается переставленія извѣчныхъ монастырей, то это указаніе должно относиться къ монастырю Спаса на Бору, который былъ переведенъ на *новое* мѣсто внизъ по Москвѣ-рѣкѣ на горы возлѣ Крутицъ, отчего и сталъ прозываться Новоспасскимъ.

Весною въ 1491 г. по повелѣнію государя Спасскій архимандритъ Аѳанасій заложилъ церковь каменную на *Новомъ* Преображеніе Спаса. Она строилась медленно въ теченіи пяти лѣтъ, и въ 1496 г. сент. 18 была освящена.

Поводомъ къ этому переставленію древняго монастыря послужило рѣшеніе государя выстроить себѣ новый болѣе обширный дворецъ, къ чему было приступлено въ 1492 году. При новыхъ порядкахъ государева быта теперь уже не совсѣмъ было удобно оставлять среди новаго дворца, такъ сказать въ своихъ комнатахъ, стороннія жилища монастырской братіи.

Полное устройство Кремлевской крѣпости окончилось уже въ 1508 г., когда съ весны Фрязинъ Алевизъ вокругъ города, особенно со стороны торга и Красной площади, выкопалъ глубокій ровъ и выложилъ его камнемъ бѣлымъ и кирпичомъ, а со стороны Неглинной устроилъ обширные глубокіе пруды, изъ которыхъ по рву Неглинная была соединена съ Москвою-рѣкою, такъ что крѣпость со всѣхъ сторонъ окружилась водою и Кремль сталъ островомъ.

Глубина этого рва, какъ обнаружилось при измѣреніяхъ, произведенныхъ въ 1701 году, простиралась до 4 саж., ширина показана въ 17 саж. вверху и 15 саж. внизу.

Объ этомъ новопостроенномъ Кремлѣ находимъ, къ сожалѣнію, очень краткія свидѣтельства почти отъ современниковъ его окончательнаго устройства.

Итальянецъ Павелъ Іовій, писавшій о Москвѣ въ 1535 году, разсказываетъ слѣдующее:

«Городъ Москва по своему положенію въ самой срединѣ страны, по удобству водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и, наконецъ, по крѣпости стѣнъ своихъ есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ. Онъ выстроенъ по берегу рѣки Москвы на протяженіи пяти миль, и домы въ немъ вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки, а внутри довольно просторны, каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комнаты: гостиную, спальную и кухню. Бревна привозятся изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отесываютъ по шнуру, кладутъ одно на другое, скрѣпляютъ на концахъ,—и такимъ образомъ стѣны строятся чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своей архитектурѣ и величинѣ; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый художникъ и механикъ. Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ она образуетъ полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный итальянскими архитекторами. Почти три части города омываются рѣками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою, также впадающею въ Москву нѣсколько ниже города... Москва по выгодному положенію своему, преимущественно предъ всѣми другими городами, заслуживаетъ быть столицею; ибо мудрымъ основателемъ своимъ построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и по мнѣнію многихъ никогда не потеряетъ первенства своего». Все это Іовій разсказываетъ о Москвѣ со словъ Москвича Димитрія Герасимова, отправленнаго изъ Москвы въ 1525 г. посланникомъ къ Папѣ Клименту VII. Іовій говоритъ, что онъ составилъ свое сочиненіе о Московіи изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Димитріемъ, а потому оно и вышло очень достовѣрнымъ и обстоятельнымъ, такъ какъ нашъ Димитрій оказался по тому времени очень образован-

нымъ и знающимъ человѣкомъ, заслужившимъ большія похвалы отъ Іовія. Авторъ говоритъ, что сохранилъ въ своемъ сочиненіи ту же простоту, съ какою велъ свой разсказъ Димитрій. Это признаніе Іовія даетъ намъ поводъ заключать, что сочиненіе Іовія есть собственно сочиненіе Димитрія, за исключеніемъ средневѣковой учености о Страбонѣ, Птолемеѣ и т. п. Особенно дорого высказанное убѣжденіе стараго Москвича, что Москва по мнѣнію многихъ никогда не потеряетъ своего первенства.

Тѣмъ временемъ, когда началась и продолжалась постройка городскихъ стѣнъ, и въ самомъ Кремлѣ и на посадѣ въ разныхъ мѣстностяхъ сооружались новые каменные храмы, конечно, на старыхъ отъ вѣка мѣстахъ, ибо, какъ мы видѣли изъ толкованій владыки Геннадія, перестановка храма на новое мѣсто почиталась чуть не грѣхомъ.

Въ Кремлѣ, кромѣ упомянутыхъ выше Благовѣщенской и Ризположенской, за это время были построены: въ 1480 г. ц. Богоявленія на Троицкомъ подворьѣ. Въ 1481 г. сент. 8 заложены два обѣтные предѣла у Аргангельскаго собора—Воскресеніе да Акила апостолъ, въ память побѣды надъ Новгородцами на р. Шелони, случившейся 14 іюля 1471 г. въ воскресенье, на память св. апостола Акилы. Вел. князь тогда же далъ обѣтъ построить церковь св. апостола, а воеводы Данила Холмскій и Ѳедоръ Давыд. Палецкій—церковь Воскресенія. Неизвѣстно, гдѣ первоначально была сооружена эта вторая церковь, памятникъ боярскаго благочестиваго усердія. Можно съ большою вѣроятностью предполагать, что этотъ храмъ, быть можетъ, только деревянный, существовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1532 г. былъ заложенъ, а въ 1543 г. оконченъ строеніемъ храмъ тоже Воскресенія, возлѣ колокольни Іоанна Лѣствичника, или святаго Ивана, впослѣдствіи извѣстной подъ именемъ Ивана Великаго. Новый храмъ былъ выстроенъ также для колокольни, болѣе обширной, которая существуетъ и донынѣ, вмѣщая въ себѣ самые большіе колокола. Подробности объ этой постройкѣ мы помѣщаемъ ниже.

Въ 1483 г. архимандритъ Чудовской Геннадій Гонзовъ заложилъ каменную церковь во имя Алексѣя Чуд. да и трапезу каменную заложилъ. Въ 1491 г. совершили церковь Введенія Б-цы и полату камену на Симоновскомъ дворѣ у Никольскихъ воротъ. Освящена 13 ноября.

Въ 1501 г. по повелѣнію государя въ Чудовомъ монастырѣ разобрали старую церковь Чуда Архангела Михаила, строеніе Алексѣя митрополита, и стали сооружать новую, донынѣ существующую. Освящена въ 1503 г. сент. 6.

Въ 1504 г. была разобрана старая церковь Козмы и Демьяна, стоявшая противъ заднихъ воротъ Чудова монастыря, и заложена новая, повелѣніемъ вел. князя.

Наконецъ, незадолго передъ своею кончиною, вел. князь 21 мая 1505 г. повелѣлъ разобрать уже ветхую соборную церковь Архангела Михаила, строеніе Ивана Калиты, и заложилъ въ октябрѣ на томъ же мѣстѣ новую болѣе обширную.

Тогда же и другую церковь разобрали, также строеніе Ивана Калиты, св. Іоаннъ Лѣствичникъ, иже подъ Колоколы, и заложили новую *не на старомъ мѣстѣ*, отмѣчаетъ одинъ лѣтописецъ (П. С. Л. VI, 50). Другіе лѣтописцы указываютъ, что на старомъ мѣстѣ.

Черезъ пять мѣсяцевъ, 27 октября 1505 г. вел. князь Иванъ Вас. скончался и погребенъ въ новозаложенномъ соборѣ Архангела Михаила, какъ и митроп. Филиппъ въ только что начатомъ постройкою Успенскомъ соборѣ.

Постройка храма продолжалась и по кончинѣ вел. князя и совсѣмъ была окончена уже въ 1508 г., когда ноября 8 храмъ былъ освященъ. Но за годъ прежде, когда храмъ былъ доведенъ до верхнихъ каморъ, 1507 года октября 3 въ него были перенесены и мощи прародителей государевыхъ, гробы вел. князей, начиная съ Ивана Калиты. Не упомянуто въ лѣтописяхъ, гдѣ до того времени находились ихъ гробы. Вѣроятно, оставались на своихъ старыхъ мѣстахъ и были перенесены на новыя, устроенныя возлѣ стѣнъ болѣе обширнаго храма. Строителемъ храма былъ Фрязинъ Алевизъ *Новый*.

Таково было неутомимое строительство Ивана Третьяго, совсѣмъ измѣнившее обликъ стараго Кремля, который теперь больше походилъ на европейскій замокъ, чѣмъ на старинный русскій городъ. Дѣйствительно, *замкомъ* и называли его путешественники-иностранцы.

Этимъ именемъ обозначался, такъ сказать, каменный обликъ вновь устроеннаго города Кремля. Дотолѣ Кремль носилъ обликъ обычнаго на Руси города, построеннаго изъ одного дерева. Ста-

рыя и ветхія каменныя его стѣны, какъ упомянуто, уже не отличались своимъ видомъ отъ остальныхъ деревянныхъ сооруженій, а старые каменные храмы по своимъ малымъ размѣрамъ совсѣмъ исчезали въ общей массѣ деревянныхъ хоромъ великокняжескихъ и боярскихъ, строившихся высоко и широко.

Вообще, каменныя строенія въ древней Москвѣ столь были рѣдки, что лѣтописцы старательно заносили въ свои сборники *временныхъ лѣтъ* всякую подобную постройку, даже ворота и въ особенности, конечно, Божіи храмы.

Внѣ Кремля на посадѣ каменная церковь являлась такою рѣдкостью, что обозначалась какъ особое урочище: *Егорій каменный* въ Георгіевскомъ, *Богоявленіе каменное* въ Богоявленскомъ монастырѣ указывались какъ памятники, заслуживающіе удивленія и особаго примѣчанія. Что касается жилыхъ каменныхъ зданій, то о нихъ и въ самомъ Кремлѣ никто не помышлялъ. Даже и вел. князья нимало объ этомъ не заботились.

Древняя Москва былъ городъ деревянный со всѣми ея жилищами и со всѣми очень многочисленными ея храмами, а потому всегда во время пожаровъ выгорала изъ конца въ конецъ.

Казалось, что именно непрестанные пожары должны были научить горожанъ какой-либо правильной борьбѣ съ этою бытовою стихіею, и, однако, болѣе чѣмъ цѣлыя полтораста лѣтъ отъ пожаровъ при Иванѣ Калитѣ все оставалось по-старому и послѣ каждаго пожара горожане, какъ бы сохраняя завѣты отцовъ и дѣдовъ, строились опять изъ дерева и опять старымъ же порядкомъ сгорали дотла.

Это изумительное деревянное коснѣніе не одной Москвы, но и всѣхъ другихъ городовъ объясняется, впрочемъ, великою дешевизною въ то время строительнаго деревяннаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенною скоростью постройки не только обывательскихъ жилищъ, но и самыхъ церквей, нерѣдко очень обширныхъ и высокихъ, а также и городскихъ стѣнъ, еще болѣе обширныхъ.

Въ свою очередь это самое обстоятельство очень препятствовало развитію строительнаго каменнаго дѣла, которое, не встрѣчая нигдѣ особаго попеченія и привѣта и ни съ какой стороны никакой потребности въ его художествѣ, принуждено было годъ отъ году слабѣть и, если можно такъ выразиться, едва двигало но-

гами даже при постройкѣ небольшихъ храмовъ, а съ большими и совсѣмъ не могло совладать, какъ это обнаружилось при начальномъ сооруженіи Успенскаго собора въ Москвѣ, что подтверждаютъ также и нерѣдкія паденія новостроенныхъ храмовъ и въ Московской области и въ Новгородѣ.

Типъ хорошей каменной жилой постройки должны были выработать богатые Новгородцы, но и они въ теченіи вѣковъ точно также, одолѣваемые безпрестанными пожарами, по-старому оставались въ тѣхъ же деревянныхъ жилищахъ. Само собою разумѣется, что въ каменныхъ зданіяхъ никто не рѣшался жить, когда болѣе удобно, болѣе просторно и болѣе полезно для здоровья можно было жить въ вѣковѣчныхъ деревянныхъ хоромахъ.

Впрочемъ, въ первой половинѣ XV вѣка Новгородскій владыка архіепископъ Евфимій началъ строить и на своемъ дворѣ каменныя зданія, но только пріемныя и служебныя полаты, оставляя самое жилье все-таки въ деревянныхъ постройкахъ. Быть можетъ, по его примѣру и старая Москва мало-по-малу стала строить и для своего обихода каменныя полаты и первымъ начинателемъ этого подвига явился самъ митрополитъ Іона, положившій столько труда и заботъ для установленія и утвержденія въ Москвѣ государственной идеи, отчего его святое имя и возглашается вмѣстѣ съ его святыми предшественниками, Петромъ и Алексѣемъ, создателями Русскаго государственнаго единенія.

Первоначальникъ каменныхъ жилыхъ построекъ митрополитъ Іона еще въ 1450 г., во время Шемякиной смуты, заложилъ на своемъ дворѣ *полату каменну*, въ которой впослѣдствіи устроилъ и обѣтную церковь Ризположенія въ память избавленія Москвы отъ Татарскаго нашествія царевича Мазовши.

Не скоро этотъ первый опытъ нашелъ себѣ послѣдователей. Прошло слишкомъ 20 лѣтъ, когда, наконецъ, и граждане положили основаніе для такихъ построекъ. Въ 1471 г. купецъ *Тароканъ* заложилъ себѣ полаты кирпичныя, у городовой стѣны, у Фроловскихъ воротъ, въ одно лѣто и построилъ ихъ.

По всему вѣроятію мѣсто этихъ полатъ занимаетъ теперь небольшое зданіе Дворцоваго вѣдомства, стоящее возлѣ старинной еще стрѣлецкой сторожки, или гауптвахты.

Затѣмъ въ 1473 г. новый только что возведенный на столъ митрополитъ Геронтій на томъ же святительскомъ митрополичьемъ

дворѣ заложилъ новую полату и у двора поставилъ, *нарядилъ* врата кирпичные кладены кирпичемъ ожиганымъ. Эта полата также кирпичная на четырехъ каменныхъ подклѣтахъ была окончена постройкою на другой 1474 годъ, когда 13 ноября владыка и перешелъ въ нее жить.

Можно полагать, что святитель, достроивая въ 1474 г. эту полату и ворота, воспользовался матеріаломъ отъ разрушившейся соборной церкви, такъ какъ этотъ матеріалъ, камни и кирпичи, оказался для новой уже Аристотелевской стройки негоднымъ въ дѣло для большого храма, но очень пригоднымъ для рядового строенія. Впослѣдствіи, въ 1493 г. послѣ пожара митрополитъ Зосима поставилъ на своемъ дворѣ три кельи каменныя съ подклѣтами.

Должно упомянуть, что послѣ Геронтіевыхъ построекъ и монастыри стали сооружать полужилыя полаты, называемыя *трапезами*. Такія трапезы были сооружены въ 1483 г. въ Чудовомъ монастырѣ, въ 1485 г.—въ Симоновомъ монастырѣ, въ 1504—1506 гг.—въ Андрониковѣ.

Въ 1485 г. начали строить себѣ каменныя хоромы и большіе бояре. Сынъ государева казначея Владиміра Ховрина, Дмитрій, построилъ въ этомъ году полату кирпичную и ворота кирпичныя. Слѣдомъ за нимъ тогда же заложили кирпичныя полаты старшій братъ Дмитрія, Иванъ, прозваніемъ Голова, и бояринъ Василій Ѳед. Образецъ [1]).

Наконецъ и вел. князь рѣшился построить себѣ вмѣсто деревянныхъ каменныя помѣщенія для жилья, конечно на старомъ прапрадѣдовскомъ мѣстѣ у церкви Благовѣщенія, сооруженіемъ которой въ 1484 г. и началась перестройка всего дворца. Въ тотъ годъ подъ церковью были устроены казны, а возлѣ нея съ набережной стороны—Казенный дворъ, на которомъ въ 1485 г. былъ заложенъ обширный каменный *погребъ*.

Передъ тою же церковью съ западной стороны внутри государева двора въ 1487 г. Марко Фрязинъ заложилъ полату велику на мѣстѣ, гдѣ теремъ стоялъ, т.-е. по набережной сторонѣ. Эта большая полата впослѣдствіи именовалась *Набережною*.

Послѣ того дворцовыя зданія были выдвинуты на соборную

---

1) Въ Львовскомъ изданіи лѣтописи эти постройки, вѣроятно, ошибочно отнесены къ 1488 и 1489 гг., а въ Русскомъ Временникѣ онѣ отнесены къ 1486 г.

площадь, гдѣ въ 1491 г. Марко Фрязинъ и Петръ Антоній построили большую полату, названную *Грановитою* по случаю обдѣлки ея наружныхъ стѣнъ по-итальянски гранями.

Весною на слѣдующій 1492 г. вел. князь окончательно рѣшилъ выстроить себѣ каменныя жилища и 5 апрѣля со всею семьею перебрался изъ своего двора въ новый дворъ Ивана Юрьевича Патрикѣевича, стоявшій противъ церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, а старый свой дворъ, деревянный, велѣлъ разобрать и на его мѣстѣ ставить каменный дворъ.

Однако въ новомъ и притомъ въ чужомъ жилищѣ, вѣроятно, было тѣсно, почему тогда же вел. князь поставилъ себѣ временной деревянный дворъ за Архангеломъ, т.-е. съ восточной стороны Архангельскаго собора, на мѣстѣ, нѣкогда принадлежавшемъ сыну Калиты, Андрею, и потомъ сыну Андрея, знаменитому Владиміру Андреевичу Храброму, герою Куликовской битвы. Теперь это было опальное мѣсто, отобранное у провинившагося передъ государствомъ внука Храбраго воеводы, Василья Ярославича. Мѣсто такъ и прозывалось *Ярославичевскимъ*.

Съ небольшимъ черезъ годъ 16 апрѣля 1493 г. нутръ Кремля

весь выгорѣлъ, остался только этотъ новый дворъ за Архангеломъ, гдѣ вѣроятно уже и пребывалъ вел. князь.

А потомъ ровно черезъ три мѣсяца, 16 іюля случился опять такой пожаръ въ Кремлѣ, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ и Москва стала. Погорѣлъ не только весь Кремль и съ упомянутымъ новымъ дворомъ, но почти и весь посадъ вокругъ Кремля.

Очень трудно было при такихъ губительныхъ обстоятельствахъ продолжать даже и производимую постройку каменныхъ стѣнъ Кремля, а о продолженіи постройки дворца нельзя было и помышлять. Поэтому закладка каменнаго дворца совершилась уже въ послѣдній годъ XV ст., въ 1499 г. въ маѣ мѣсяцѣ, когда вел. князь заложилъ дворъ свой каменъ, полаты каменныя и кирпичныя, а подъ ними погребы и ледники, на старомъ дворѣ у Благовѣщенія, да и стѣну каменную заложилъ отъ двора до Боровицкой стрѣльницы, для защиты двора съ набережной стороны, откуда изъ Замоскворѣчья могли достигать и татарскія стрѣлы и горѣвшія головни.

Строителемъ всего жилого дворца былъ Алевизъ Фрязинъ отъ града Медіолана.

Постройка продолжалась нѣсколько лѣтъ, по одному извѣстію (Устюж. Лѣт. 179) даже 12 лѣтъ, и была окончена въ 1508 г., черезъ два съ половиною года по кончинѣ основателя этихъ строеній вел. князя Ивана Васильевича.

7 мая 1508 г., во второе воскресенье по Пасхѣ, новый государь Василій Ив. перешелъ на житье въ эти кирпичныя полаты, которыя сохранились и до нашего времени, составляя три нижнихъ этажа нынѣ существующаго такъ называемаго Теремнаго дворца (Альбомъ видовъ № XIV).

Съ кончиною вел. князя Ивана III, перваго Московскаго государя, не произошло никакихъ перемѣнъ и ни малѣйшаго ослабленія ни въ дѣлахъ развитія государственности, ни въ домашнихъ дѣлахъ по устройству гнѣзда этой государственности, отнынѣ славнаго и преименитаго города Москвы.

Достойный преемникъ перваго государя, Василій Ив., рожденный отъ Царевны Грекини, прямо уже сталъ именовать себя *Царемъ*, т.-е. прямо обнаружилъ могущество и силу водворенной его отцомъ государственной идеи.

Въ городскомъ устройствѣ Москвы онъ также неутомимо слѣ-

довалъ по направленію, указанному и утвержденному отцомъ, которое ставило необходимою задачею по крайней мѣрѣ хотя одни Божіи храмы строить каменные и кирпичные.

Всего черезъ 8 мѣсяцевъ по кончинѣ отца онъ началъ свои строительныя работы сооруженіемъ въ Кремлѣ кирпичной церкви во имя Чуд. Николы, которая была заложена 21 іюня 1506 г. на мѣстѣ, гдѣ прежде стояла деревянная старая церковь, прозываемая Никола Лняной и Елняной. Храмъ былъ выстроенъ въ 9 недѣль и освященъ 1 октября. Вел. князь поставилъ въ ней чудотворную икону Николы Гостунскаго, отчего храмъ стали прозывать Никола Гостунскій. Затѣмъ въ 1508 г. окончены были строеніемъ Архангельскій соборъ и колокольница Іоаннъ Лѣствичникъ, которую строилъ Фрязинъ Бонъ. Несомнѣнно, что и тогда она была выстроена столпомъ.

Въ томъ же 1508 г. Фрязинъ Алевизъ Новый построилъ церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ. Освящена ноября 5.

1508 г. весною вел. князь велѣлъ Алевизу Фрязину вокругъ града (Кремля) ровъ дѣлать каменіемъ и кирпичіемъ и пруды чинити вокругъ града. Въ 1516 г. на Неглинкѣ для этихъ прудовъ заложили третью плотину противъ Ризположенской стрѣльницы (Троицкихъ воротъ) и мостъ каменный, а ниже по теченію двѣ плотины были прежде заложены.

Пользуясь пребываніемъ въ Москвѣ Итальянскихъ мастеровъ и въ особенности славнаго Фрязина Алевиза, государь со многимъ желаніемъ и вѣрою повелѣлъ въ 1514 г. весною заложить и дѣлать каменныя и кирпичныя церкви не только въ Кремлѣ, но и на обширномъ близкомъ и далекомъ посадѣ. Въ Кремлѣ такимъ образомъ была заложена на сѣняхъ дворца церковь Рождества Богородицы съ предѣломъ св. Лазаря. На посадѣ въ разныхъ мѣстностяхъ были заложены девять церквей, строителемъ которыхъ былъ тотъ же Алевизъ.

Въ то же время въ Кремлѣ, какъ упомянуто, Юрій Григорьевъ Бобынинъ, вѣроятно богатый гость, поставилъ кирпичную церковь св. Аѳанасія Александрійскаго, на Кирилловскомъ подворьѣ.

Послѣ того въ 1519 г. государь повелѣлъ разобрать старую ветхую церковь Вознесенія въ Вознесенскомъ монастырѣ и заложилъ новую.

Въ 1527 г. государь поставилъ церковь камену съ предѣлы на своемъ дворѣ во имя Преображенія Спаса (Спасъ на Бору) и другую у Фроловскихъ воротъ св. муч. Георгія.

Подобно тому, какъ послѣ Ивана Калиты сынъ его Семенъ старательно украшалъ построенныя отцомъ церкви иконами и стѣнописью, такъ и новый государь Василій Ив. съ такимъ же стараніемъ сталъ украшать стѣнописью и иконами новые храмы, сооруженные его отцомъ. Переселившись весною 1508 г. въ новый кирпичный дворецъ, онъ тогда же повелѣлъ *подписывати* свою дворцовую церковь Благовѣщеніе. Мастеръ этой подписи былъ Ѳеодосій Денисьевъ съ братіею. Другое свидѣтельство объ этомъ разсказываетъ, что вел. князь съ великою вѣрою и желаніемъ повелѣлъ церковь *подписати златомъ* и всѣ иконы церковныя украсити и обложити серебромъ и златомъ и бисеромъ, Деисусъ и Праздники и Пророки, повелѣлъ и верхъ церковный покрыть и позлатить.

Въ 1514 г. съ такою же щедростью былъ украшенъ и Успенскій соборъ, въ которомъ его святое сокровище Владимірская икона Богоматери была благоговѣйно поновлена митрополитомъ Варламомъ и богато украшена, при чемъ устроенъ былъ для нея и особый кивотъ, украшенный серебромъ и златомъ, а весь соборъ вел. князь повелѣлъ украсить стѣнописью, которая была исполнена уже въ 1515 г. августа 27, «вельми чудно и всякой лѣпоты исполнена». Изумительно было видѣть, говоритъ современникъ-лѣтописецъ, каждому входившему въ храмъ созерцая превеликое пространство соборной церкви и многочудную подпись и цѣлбоносные гробы чудотворцевъ, воистину можно было думать, что не на землѣ, а на небеси стоишь.

Само собою разумѣется, что постройка въ это время многихъ новыхъ церквей влекла за собою не малыя заботы объ ихъ внутреннемъ устройствѣ не только иконами, но и различною церковною утварью, для чего требовались мастера разнородныхъ художествъ. Мы видѣли, что Итальянскіе мастера проживали и работали въ Москвѣ еще со временъ Ив. Калиты. Римлянинъ Борисъ лилъ колокола еще въ 1340-хъ годахъ. Съ той поры Итальянцы, повидимому, не оставляли Москвы, пріѣзжая въ нее и по призыву и по своей волѣ. Особенный ихъ наплывъ послѣдовалъ со

времени прибытія въ Москву знаменитаго Аристотеля. Путешественникъ Итальянецъ же Контарини въ 1476 г. нашелъ въ Москвѣ золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Трифона, Катарскаго уроженца, который работалъ для вел. князя прекрасные сосуды.

Вызывая изъ Италіи первѣе всего архитекторовъ и пушечныхъ литейщиковъ, вел. князь Иванъ Вас. вмѣстѣ съ ними призывалъ и другихъ техниковъ, особенно по отдѣлу металлическаго производства, которое больше всего требовалось и для литья колоколовъ, и для украшенія иконъ окладами, и для издѣлій всякой церковной и домовой утвари.

Въ 1490 году, если еще не раньше, вел. князь посылалъ даже двухъ нѣмцевъ, Ивана да Виктора, на Печору отыскивать серебряную руду, которые и нашли руду на р. Цимлѣ, серебряную и мѣдную, въ 1491 г., на пространствѣ 10 верстъ, за $3^1/_2$ тысячи верстъ отъ Москвы.

Въ 1490 г. зимою прибыли въ Москву съ нашими послами архитекторъ Петръ Антоній, ученикъ его Зам-Антоній, мастера стѣнные и полатные; пушечный мастеръ Яковъ съ женою, серебряные мастера: Христофоръ съ двумя учениками отъ Рима, Олбертъ Нѣмчинъ изъ Любека, Карлъ съ ученикомъ изъ Медіолана, Петръ Райка Грекъ изъ Венеціи, капланъ бѣлыхъ чернцовъ Августинова закона Иванъ Спаситель, органный игрецъ, и затѣмъ лѣкарь жидовинъ Мистро-Леонъ изъ Венеціи [1]).

Въ 1493 г. въ маѣ снова были посланы наши послы въ Венецію и въ Медіоланъ призывать мастеровъ. На этотъ разъ въ 1494 г. прибылъ въ Москву стѣнной мастеръ Алевизъ и Петръ пушечникъ и иные мастера.

Этому жидовину въ Москвѣ очень не посчастливилось. Вскорѣ по его пріѣздѣ заболѣлъ сынъ вел. князя Иванъ Ивановичъ, болѣлъ онъ камчугомъ въ ногахъ, но ходилъ. Видѣвъ больного, жидовинъ похвалился вел. князю, что онъ вылѣчитъ больного, а не излѣчу, сказалъ, и ты вели меня казнить смертною казнію. Вел. князь, повѣривъ такому искуснику, велѣлъ ему лѣчить сына. Лѣкарь давалъ ему зеліе пить и жегъ его скляницами по тѣлу, вливая горячую воду, и отъ того больному было еще тяжеле. 7 марта 1490 г. онъ скончался. Лѣкаря по повелѣнію вел. князя тотчасъ взяли и послѣ сорочинъ по покойникѣ апрѣля 22 отсѣкли ему голову на Болвановкѣ, на Болвановіи. Зато органный игрецъ Иванъ Спаситель устроился очень благополучно. Въ 1492 г. онъ отрекся отъ своего чернечества, принялъ православіе и женился, за что вел. князь пожаловалъ его селомъ (Врем. О. И. и Д. № 8, смѣсь 10—12).

Надо замѣтить, что вызовъ мастеровъ, кромѣ затрудненій въ пріисканіи охотниковъ ѣхать въ невѣдомую Москву и въ уговорахъ съ ними, сопровождался еще болѣе важными и несносными затрудненіями въ томъ, что добрые наши сосѣди не пропускали ихъ черезъ свои земли—на сѣверной границѣ нѣмцы, на средней Литовско-Польское государство, на югѣ Валашскіе владѣтели. Такъ въ 1493—1495 г. нашихъ пословъ съ мастерами не пропустили Поляки, почему послы должны были поворотить къ Стефану воеводѣ Валашскому, который, пользуясь случаемъ, задержалъ ихъ у себя и велѣлъ мастерамъ дѣлать ему, кто что умѣлъ. Это продолжалось года три-четыре. Вел. князь принужденъ былъ просить Крымскаго Менгли-Гирея, дабы выручилъ ихъ изъ плѣна. Гирей исполнилъ его просьбу и забралъ пословъ и мастеровъ къ себѣ въ Перекопъ, откуда, вѣроятно, они и были доставлены въ Москву. Однако воевода Стефанъ все-таки оставилъ у себя четырехъ мастеровъ лучшихъ да насчиталъ расходовъ на 150 тысячъ, будто издержалъ на пословъ во время ихъ пребыванія у него, имъ же и задержанныхъ (Сборникъ Истор. Общ., т. 95, стр. 22, 54—56).

Въ ноябрѣ 1504 г. опять наши послы привели съ собою изъ Заморья многихъ мастеровъ серебряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ.

О пушечномъ литьѣ лѣтописцы оставили мало свѣдѣній. Они упомянули только о великой пушкѣ, слитой въ 1488 г. Фрязиномъ Павлиномъ Дебосисомъ.

Наибольшее ихъ вниманіе было обращено на литье колоколовъ. Между прочимъ они записали, что въ 1503 г. слитъ колоколъ большой Петромъ Фрязиномъ, мѣди въ немъ 350 пудовъ, кромѣ олова.

Въ 1532 г. Николай Фрязинъ слилъ колоколъ въ 500 пудовъ.

Въ 1533 г. Николай Нѣмчинъ слилъ колоколъ большой *благовѣстникъ* вѣсомъ въ 1000 пудовъ, поставленный дек. 19 на деревянной колокольницѣ.

Эти обозначенія Фрязинъ и Нѣмчинъ съ однимъ именемъ Николай по всему вѣроятію относятся къ одному лицу.

Василій Ивановичъ скончался 3 декабря 1533 г. Трехлѣтнему сыну своему Ивану, будущей кровавой грозѣ для всего

царства, онъ оставилъ городъ Кремль въ полномъ устройствѣ. Стѣны, храмы, дворецъ—все было ново, крѣпко и красиво. За годъ до своей кончины въ 1532 г. онъ заложилъ на площади возлѣ Ивана Святаго новую обширную колокольню съ храмомъ во имя Воскресенія.

Оканчивая этимъ новымъ храмомъ каменныя постройки въ Кремлѣ, Василій Ив. въ то же время помышлялъ обнести крѣпкою оградою и Торговый посадъ. Однако его кончина помѣшала исполненію этого намѣренія. Въ правленіе его вдовы вел. княгини Елены (Глинскихъ) Торгъ былъ обнесенъ землянымъ *городомъ*, т.-е. по древнему способу земляными стѣнами, хитро связанными плетеницами изъ хвороста, по тому мѣсту, гдѣ мыслилъ ставить Василій Ив. Городъ былъ устроенъ въ 1534 г., но на другой же годъ (1535) весною заложенъ вокругъ этого земляного города каменный городъ, строителемъ котораго былъ Итальянскій мастеръ Фрязинъ Петрокъ Малый, новокрещенный.

Этотъ же Петрокъ Малый строилъ и упомянутый храмъ Воскресенія. Онъ окончилъ постройку уже въ 1543 г., не додѣлавъ только каменной же лѣстницы къ храму, которую, какъ и двери въ храмъ, придѣлали уже Московскіе мастера въ 1552 году. Неизвѣстно, по какому обстоятельству храмъ былъ устроенъ на высотѣ третьяго яруса всего зданія и для какихъ потребностей оставались нижніе два яруса, возлѣ которыхъ построена упомянутая лѣстница. Лѣтопись не упоминаетъ при этомъ, что зданіе было построено для колоколовъ, и именно для большихъ колоколовъ, какой, напр., былъ слитъ въ 1533 г. съ именемъ *Благовѣстникъ*, помѣщенный до времени на деревянной колокольницѣ за алтаремъ Архангельскаго собора, по всему вѣроятію въ ожиданіи, когда построится упомянутое зданіе новой колокольни.

Должно замѣтить также, что колокольня была выстроена въ стѣнообразномъ видѣ на четыре угла по древнимъ Русскимъ образцамъ Новгородскимъ и Псковскимъ. Что зданіе строилось именно для такой колокольни, это вполнѣ подверждаетъ весь складъ его основанія необычайной фундаментальности и прочности. Строительная масса нижняго этажа состоитъ изъ сплошной кладки камня или кирпича и имѣетъ стѣны толщиною въ 4 арш. Основныя стѣны Ивана Великаго имѣютъ 3 арш. толщины.

Повидимому, свидѣтельство о постройкѣ этого зданія въ 1543 г. описателями Московскихъ достопамятностей было забыто, такъ что зданіе обозначалось именемъ *пристройки* къ Ивану Великому, сооруженной будто бы при царѣ Михаилѣ Ѳед. и при патріархѣ Филаретѣ, почему зданіе стали именовать Филаретовскою пристройкою и Филаретовскою башнею [1]). Между тѣмъ въ дѣйствительности выходило наоборотъ. Самый Иванъ Великій, построенный въ 1600 г., являлся пристройкою къ этому коренному древнему зданію съ южной стороны, а съ сѣверной его стороны при Михаилѣ Ѳед. была сооружена такъ называемая Филаретовская патріаршая пристройка, что и составило одну связную группу колоколенъ, состоявшую изъ трехъ отдѣловъ: изъ Ивановскаго Столпа, изъ зданія, сооруженнаго Фрязиномъ Петрокомъ, и изъ Филаретовской пристройки, какъ это въ томъ же видѣ существуетъ и донынѣ. Въ 1812 г. Наполеонъ, просвѣщеннѣйшій изъ европейцевъ, старался взорвать всю эту группу и достигъ цѣли только наполовину. Были разрушены Филаретовская пристройка и верхняя половина зданія Фрязина; Иванъ Великій оказалъ только неопасную трещину, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ (Альбомъ видовъ № XVI).

Благодаря особенному пристрастію къ постройкамъ всякаго рода на укрѣпленіе и украшеніе города, чѣмъ прославили свое время вел. князь Иванъ III и сынъ его Василій Ив., благодаря постоянному пребыванію въ Москвѣ Итальянскихъ архитекторовъ, стѣнныхъ и полатныхъ и разныхъ другихъ Итальянскихъ или Фряжскихъ мастеровъ, Русскіе люди настолько хорошо усвоили себѣ строительное дѣло, что къ началу царствованія Ивана Грознаго основательно выработали свой самобытный, своеобразный Русскій стиль церковныхъ построекъ, превращая старозавѣтные типы и образцы своихъ деревянныхъ строеній въ кирпичныя сооруженія съ прибавкою къ нимъ фряжскихъ образцовъ, что касалось мелкихъ деталей по преимуществу въ такъ называемыхъ

---

[1]) Снегиревъ: Памятники Московской Древности, стр. 111. За нимъ повторяютъ это неправильное указаніе и новѣйшіе почтенные описатели достопамятностей Москвы. Н. Розановъ: Исторія Моск. Епарх. Управленія, М., 1871, ч. III, кн. 2, стр. 98, прим. 263. Путеводитель по Моск. Святынѣ, г. Рычина, М., 1890, стр. 139—142; Сѣдая Старина Москвы, г. Кондратьева, М., 1893, стр. 132.

обломахъ по отдѣлкѣ и украшенію поясовъ, карнизовъ и всякихъ подзоровъ [1]). Въ такомъ видѣ явился построенный въ 1555—1561 гг. соборъ Покрова (Василій Блаженный) въ память покоренія Татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Нельзя сомнѣваться, что замышленіе построить этотъ соборъ въ томъ видѣ, какой существуетъ, принадлежало сколько художеству строителя-архитектора, столько же и мыслямъ самого царя. Всѣ сказанія и легенды о томъ, кто былъ строителемъ этого удивительнаго храма, теперь упразднены открытіемъ лѣтописнаго свидѣтельства, что его строили русскіе мастера: одинъ по прозванію *Барма*, другой по прозванію *Посникъ* [2]). Несомнѣнно, что это тотъ *Посникъ Яковлевъ*, церковный и городовой мастеръ, которому въ 1555 г. была поручена постройка новаго города Казани, каменнаго (Доп. Акт. Истор., I, 136). Такимъ образомъ еще не совсѣмъ Грозный царь въ одно время ставилъ каменную Казанскую крѣпость и строилъ въ Москвѣ памятникъ взятію Казани.

Въ Кремлѣ государь выстроилъ для двухъ своихъ сыновей внутри дворца съ набережной стороны на *взрубѣ* особыя хоромы и при нихъ каменный храмъ во имя Срѣтенія Господня (1561 г.). Потомъ надстроилъ надъ папертями Благовѣщенскаго собора 4 предѣла (1563—1564 гг.) и соорудилъ въ 1565 г. Посольскую полату возлѣ Ивановской колокольни. Не упоминаемъ о другихъ менѣе значительныхъ постройкахъ (Альбомъ видовъ № XVII).

По смерти Грознаго, какъ всѣ скоро поняли и почувствовали, настало царствованіе Бориса Годунова подъ именемъ смиренно-убогаго царя Ѳедора Ив., которому поэтому и приписывались всѣ дѣла, совершонныя при его жизни. Годуновъ, всѣми правдами и неправдами расчищая и укрѣпляя себѣ путь къ царствованію, очень заботился о томъ, чтобы своими дѣяніями на пользу народа и государства привлечь на свою сторону и народное сочувствіе. Для достиженія этой цѣли виднѣе всего была особенная заботливость именно о добромъ устройствѣ города Москвы, о безопасности народнаго жилища и вообще о городскомъ благосостояніи народа.

---

[1]) См. нашу статью „Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ“. Отдѣльное изданіе Гросмана и Кнобеля. М., 1900 г.

[2]) Чтенія Общ. Исторіи и Древн. 1896 года. Кн. I и II. Статьи священника I. *Кузнецова* о построеніи Моск. Покровскаго собора.

И какъ бы ни было, упомянутая его заботливость о Москвѣ ознаменовалась такими сооруженіями, которыя послѣ сооруженій Ивана III и его сына Василія Ив. составляютъ новую эпоху въ исторіи городского строительства.

Патріархъ Іовъ въ житіи царя Ѳедора Ив., восхваляя со всѣхъ сторонъ выше мѣры управленіе Годунова и его самого, говоритъ между прочимъ: «Сей изрядный правитель Борисъ Ѳедоровичъ своимъ бодроопаснымъ правительствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по царскому изволенію, многіе грады каменные созда и въ нихъ привеликіе храмы, и словословіе Божіе возгради, и многія обители устрои—и самый царствующій богоспасаемый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту, преизрядною лѣпотою украси, многія убо въ немъ прекрасныя церкви каменныя созда и великія полаты устрои, яко и зрѣніе ихъ великому удивленію достойно; и стѣны градныя окрестъ всея Москвы превеликія каменныя созда, и величества ради и красоты проименова его Царь-градъ; внутрь же его и полаты купеческія созда во упокоеніе и снабденіе торжникомъ, и иное многое хваламъ достойно въ Русскомъ государствѣ устроилъ».

Народная молва, а гласъ народа—гласъ Божій, объясняла нѣкоторыя событія и подвиги Годунова его давнишнимъ *хитростройнымъ* замысломъ достигнуть царскаго престола. Эту общенародную молву засвидѣтельствовалъ и современникъ Годунова, усердно восхвалявшій его благочестіе, Арсеній архіеп. Елассонскій. Въ самомъ дѣлѣ, почти все, что ни происходило въ это время, само собою какъ бы указывало на него какъ на виновника очень дальновидныхъ и очень хитрыхъ дѣлъ, приводившихъ мало-помалу къ задуманной имъ злонамѣренной цѣли.

Чтобы отвлечь вниманіе народа отъ содѣваемыхъ злодѣяній, въ родѣ, напр., разгрома въ 1586 году знатныхъ боярскихъ родовъ и самого митрополита, за которыхъ стояли гости Московскіе и всѣ купецкіе люди, вся чернь Москвы, Годуновъ тотчасъ же, въ тотъ же 1586 г., устрашивъ волненіе ссылками и казнями семи человѣкамъ гостей были усѣчены головы), онъ тотчасъ же начинаетъ сооружать «градъ каменный около большаго Посада», подлѣ, т.-е. по чертѣ Земляной осыпи, или земляного вала, какой существовалъ до того времени. Это былъ Бѣлый городъ, бѣлокаменный, получившій наименованіе Царевъ градъ. Его со-

оружали семь лѣтъ. Мастеръ былъ изъ Русскихъ людей Ѳедоръ Конь. Для купцовъ и Московской посадской черни это было великимъ благодѣяніемъ, почему ропотъ и неудовольствіе народа мало-по-малу умолкли. Сооруженіе каменныхъ стѣнъ почти на пять верстъ по окружности потребовало множество рабочихъ силъ при добычѣ камня, при его провозѣ къ городу, при употребленіи камня въ кладку и т. д., что, конечно, произвело въ народѣ, вмѣсто гнѣвнаго ропота и волненія, самое благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ для всякаго являлся здѣсь постоянный хорошій заработокъ.

Потомъ въ 1591 г. совершилось убіеніе царевича Дмитрія 15 мая, а въ субботу Пятидесятницы, 6 іюня, начались страшные пожары въ Занеглименьѣ, гдѣ находились боярскіе и дворянскіе дворы, и на Покровкѣ, гдѣ проживали богатые торговые люди. Вслѣдъ затѣмъ іюля 2—4 подъ Москвою внезапно появились полчища Крымскаго Хана, быстро наскоро прибѣжавшаго къ Москвѣ.

Одинъ хронографъ (Сергѣя Кубасова) прямо говоритъ, что народъ Московскій съ ужасомъ услыхалъ объ убіеніи царевича и возмутился.

«Той же Борисъ, видя народъ возмущенъ о царевичевѣ убіеніи, посылаетъ совѣтники своя, повелѣ имъ многія славныя домы въ царствующемъ градѣ запалити, дабы люди о своихъ напастяхъ попеченіе имѣли и тако симъ ухищреніемъ преста міромъ волненіе о царевичевѣ убіеніи, и ничто же ино помышляюще людіе, токмо о домашнихъ находящихъ на ны скорбѣхъ».

Вотъ что разсказываетъ современникъ событій Исаакъ Масса: «Когда извѣстіе объ убіеніи царевича пришло въ Москву, сильное смущеніе овладѣло и придворными и народомъ. Царь (Ѳедоръ) въ испугѣ желалъ, чтобы его постигла смерть. Его по возможности утѣшили. Царица также была глубоко огорчена, желала удалиться въ монастырь, такъ какъ она подозрѣвала, что убійство совершилось по внушенію ея брата, сильно желавшаго управлять царствомъ и сидѣть на престолѣ».

О быстромъ нашествіи Крымскаго Хана и еще быстрѣйшемъ его бѣгствѣ отъ Москвы въ народѣ стала ходить молва, что Ханъ былъ призванъ Годуновымъ изъ-за боязни отъ Земскихъ Московскихъ людей про убіеніе царевича Дмитрія. Такая молва

была заглушена жесточайшими пытками и казнями, говорунамъ отрѣзывали языки.

А между тѣмъ въ дѣйствительности всѣ обстоятельства этого нашествія заставляли угадывать, что оно было поднято тѣми людьми изъ Москвы же, которымъ до крайности было надобно направить народные умы въ другую сторону отъ совершившагося злодѣйства въ Угличѣ. Самая защита города походила на трагикомедію. Повелѣно было весь день и всю ночь стрѣлять изъ пушекъ со стѣнъ города и монастырей, не умолкая, хотя никакого нападенія съ Татарской стороны нигдѣ не видѣлось. Но именно этого пушечнаго стрѣлянія и убоялся Ханъ и 5 іюля опрометью побѣжалъ отъ Москвы домой.

Годуновъ тотчасъ же по удаленіи Хана въ видахъ бо́льшей безопасности отъ новаго такого нашествія занялъ Московскую чернь постройкою вокругъ всѣхъ посадовъ *деревяннаго* города, который и былъ совершонъ въ одинъ годъ на протяженіи 14 слишкомъ верстъ.

По случаю такой небывало быстрой постройки новый городъ сталъ прозываться Скородумомъ и Скородомомъ, т.-е. скоро задуманнымъ и скоро выстроеннымъ, а также и собственно *Деревяннымъ*.

Эти деревянныя стѣны, высокія башни, ворота, составлявшія цѣлое не малое зданіе, такъ были хорошо отдѣланы, что заслужили большую похвалу отъ очевидца, поляка Маскѣвича, который потомъ участвовалъ въ ихъ поджогѣ и полномъ разрушеніи пожаромъ въ 1611 г.

Народъ, конечно, очень радовался этой постройкѣ, которая давала ему хорошій заработокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошую твердыню на случаи опасныхъ нашествій. Строеніе на 14 верстъ длины потребовало неимовѣрно много лѣсного матеріала и работы и по провозу лѣса и по обдѣлкѣ его въ цѣлое сооруженіе.

Можно предполагать, что постройка въ Кремлѣ каменной высокой колокольни (Иванъ Великій) руководилась также мыслію доставить городу такую высокую башню, съ которой было бы можно обозрѣвать и свои полки и полки Татаръ во время ожидаемыхъ нашествій.

Въ Кремлѣ, кромѣ Ивана Великаго, сооруженнаго въ 1600 году, Годуновъ построилъ особое обширное зданіе для Прика-

зовъ, тогдашнихъ Присутственныхъ мѣстъ, съ восточной стороны Архангельскаго собора, какъ продолженіе стоявшей тамъ Посольской полаты, т.-е. Приказа Посольскаго, построеннаго Грознымъ въ 1565 году. Эта постройка по всему вѣроятію совершилась во время голодныхъ годовъ 1602, 3 и 4, когда добрый царь «чтобы людямъ питатися, повелѣлъ дѣлати каменное дѣло *многое*». Тогда же сооружены были каменныя полаты большія на *взрубѣ*, гдѣ были царя Ивана хоромы. Это зданіе впослѣдствіи именовалось Запаснымъ дворомъ; при царѣ Михаилѣ на немъ были устроены дворцовые сады.

Такимъ образомъ, великая строительная дѣятельность Годунова явилась выраженіемъ его строительныхъ заботъ о привлеченіи умовъ Московскаго народа на свою сторону, «къ себѣ вся приправливая и аки ужемъ привлачаше», дабы вѣрнѣе пройти на царскій престолъ, а потомъ, когда воцарился, дабы смѣлѣе и вѣрнѣе губить своихъ недоброжелателей и подозрѣваемыхъ соперниковъ.

Съ этими цѣлями, послѣ упомянутыхъ пожаровъ, онъ съ необычайною щедростію раздавалъ погорѣльцамъ деньги и матеріалы вдвое и втрое противъ ихъ убытковъ.

Въ 1595 г. выгорѣлъ весь Китай-городъ, не токмо дворы, но и въ храмахъ каменныхъ и въ погребахъ все погорѣло. Немедля нимало Годуновъ, въ утѣшеніе торговому міру, въ тотъ же годъ заложилъ новые каменные ряды—полаты купеческія во упокоеніе и снабденіе торжникамъ, которые были окончены строеніемъ черезъ годъ, въ 1596 г.

Во всѣхъ тяжкихъ случаяхъ будущій царь спѣшилъ съ широкою помощью и рабочему, и торговому люду, льстя всѣхъ, творяся ко всѣмъ черезъ мѣру милостивымъ благотворителемъ.

Въ теченіи лѣтъ онъ успѣлъ своимъ милосердіемъ такъ настроить посадскіе умы, что при избраніи его на царство Московскій посадъ явился непобѣдимою для избранія силою, предъ которою должны были замолкнуть всѣ противники этого избранія.

Окончимъ обзоръ строительной и благотворительной дѣятельности Годунова описаніемъ его подвиговъ, составленнымъ его искреннимъ приверженцемъ архіепископомъ Елассонскимъ Арсеніемъ.

«Онъ (царь Борисъ), говоритъ архіепископъ, возобновилъ и

украсилъ многіе церкви и монастыри; храмъ Богородицы (Успенскій соборъ), патріархію покрылъ желѣзною крышею; украсилъ, возвысилъ и покрылъ золотомъ большую колокольню (Иванъ Великій); въ большомъ дворцѣ внутреннія полаты золотыя росписалъ живописью (Грановитую Полату); воздвигъ вновь большой дворецъ близъ рѣки Москвы (на взрубѣ, какъ выше упомянуто); построилъ большой мостъ въ срединѣ Москвы со многими камарами (лавками, мостъ черезъ Неглинную, у Воскресенскихъ или Неглиненскихъ воротъ); еще воздвигъ съ основанія большой храмъ Николая Чудотворца въ Москвѣ на Арбатѣ (Никола Явленный); устроилъ много серебровызолоченныхъ ракъ, украсивъ ихъ многочисленнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и переложилъ въ нихъ чудотворныя святыя мощи святыхъ, просіявшія въ Москвѣ и во всей Россіи, иже во святыхъ митрополита Московскаго и всея Россіи Алексѣя чудотворца, св. блаженнаго Василія чуд., препод. Макарія Калязинскаго чуд., препод. Пафнутія Боровскаго чуд.; устроилъ и другіе многіе ковчеги изъ чистаго золота и положилъ въ нихъ всѣ святыя частицы мощей, которыя находятся въ царской казнѣ и которыя патріархъ вмѣстѣ съ царемъ и со всѣмъ архіерейскимъ и священнымъ чиномъ приносятъ въ Великую пятницу съ торжественною литаніею въ соборную церковь Пресв. Богородицы и поютъ великіе часы и послѣ часовъ и вечерни снова относятъ въ соборный храмъ Благовѣщенія въ казну, гдѣ онѣ хранятся. Этотъ же царь устроилъ плащаницу, съ изображеніями Господа Христа съ Божіею Матерью, двѣнадцатью апостолами и Іосифомъ и Никодимомъ изъ чистаго кованаго золота тонкой работы, достойной удивленія. На изображеніе Господа Христа пошло чистаго золота 200 литръ и на каждаго апостола по 200 литръ. Онъ же отлилъ два большіе колокола, одинъ для Москвы въ патріархію, въ который звонятъ въ великіе праздники, а другой въ монастырь св. Троицы. Подобной величины колоколовъ и такой красоты нельзя найти въ другомъ царствѣ во всемъ мірѣ. Онъ возобновилъ и украсилъ дѣвичій (Новодѣвичій) монастырь близъ Москвы и совершилъ многочисленныя другія прекрасныя дѣла и украшенія» (Дмитріевскій, стр. 96—97).

Когда, въ 1607 г., по мысли патріарха Ермогена и царя Василія Шуйскаго происходило всенародное покаяніе въ грѣхахъ

совершившейся смуты во время перваго самозванца и потребовалось изложить эти грѣхи въ особой прощальной и разрѣшительной для народа грамотѣ, то бывшій патріархъ Іовъ упомянулъ въ этой грамотѣ между прочимъ и о плащаницѣ Годунова. Онъ описалъ слѣдующій неистовый печальнѣйшій во грѣхахъ случай:

«Множество народа царствующаго града Москвы, писалъ святитель, внидоша во святую соборную и апостольскую Церковь, со оружіемъ и дреколіемъ, во время святаго и божественнаго пѣнія и не давъ совершити божественныя литургіи, и внидоша во святой олтарь и меня, Іева, патріарха изъ олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры, и въ царскихъ полатахъ подобіе Христова тѣлеси и Преч. Богородицы и архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и то вражіею ненавистію раздробиша, и на копья и на рогатины въстыкая, по граду и по торжищу носяху, позорующе, забывъ страхъ Божій» (А. Э. II, 154).

О ковчегахъ со св. мощами очевидецъ, полякъ Маскѣвичъ. разсказываетъ слѣдующее: «Они хранятся въ склепѣ, длиною около 5 саж., съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною поллоктя, съ литерами на концѣ, означающими чьи мощи въ себѣ заключаютъ. Среди склепа идутъ еще два шкапа, отъ пола до потолка, съ подобными же золотыми ящиками по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ, ковчеги занимаютъ 7 стѣнъ, нигдѣ не оставляя пустаго мѣста» (Маскѣвичъ, 109).

О состояніи города въ Смутное время свидѣтельствуетъ народное прозваніе, данное этому времени въ имени *Московская Розруха*. Дѣйствительно весь городъ былъ разрушенъ во всѣхъ своихъ частяхъ.

«Въ Кремлѣ на царскомъ дворѣ (говоритъ рукопись Филарета), въ святыхъ Божіихъ церквахъ и въ полатахъ и по погребамъ— все стояху Литва и Нѣмцы и все свое скаредіе творяху»... Всѣ полаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей; все деревянное Поляки пожигали для отопленія своихъ жилищъ.

«Изліяся фіалъ горести царствующему граду Москвѣ, всеобщее разореніе. Падоша тогда высокосозданные домы, красотами блиставшіе, всѣ огнемъ поядошася, и вси премудроверхія церкви скверными руками до конца разоришася»...

Въ первые годы царствованія Михаила Ѳед. для прихода Крымскихъ людей вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго города около всѣхъ посадовъ былъ насыпанъ земляной валъ со рвомъ и на валу устроенъ острогъ-тынъ, что являлось крайнею необходимостью въ виду Татарскихъ и Польскихъ нашествій.

Но въ это время, не такъ, какъ при Годуновѣ, построившемъ деревянныя стѣны въ 14 верстъ длины въ одинъ годъ, сооруженіе по той же чертѣ земляного вала, рва и острога продолжалось около 8 лѣтъ (1633—1640). Съ той поры это сооруженіе стало прозываться въ качествѣ города *Землянымъ валомъ* и *Землянымъ городомъ*.

Одинъ изъ составителей хронографовъ съ великими похвалами отзывается о строительной дѣятельности царя Михаила, перечисляетъ его подвиги въ этомъ направленіи, отмѣчая, что благовѣрный царь такіе подвиги показалъ о своемъ царствующемъ градѣ, «якоже инъ ни ктоже», что невозможно подробно разсказать или описать множества ради его сооруженій.

Прежде всего авторъ упоминаетъ о чудной вещи, какъ благовѣрный царь «хитростройными художествы возвелъ воду изъ Москвы рѣки на царскій дворъ ради великаго потребованія». Потомъ рѣчь ведетъ о постройкахъ церквей, которыхъ много воздвигъ заботливый царь и между прочимъ въ своемъ царскомъ дому построилъ церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа и верхи позлатилъ; въ Дѣвичьемъ монастырѣ церковь Алексѣя человѣка Божія, церковь прекрасную Казанскія Богородицы, а иныя, старыя поновилъ. Создалъ въ своемъ дворѣ полату, зело пречудну, сыну своему царевичу Алексѣю (Тюремный дворецъ); колокольню большому колоколу (деревянную); на Фроловскихъ воротахъ верхъ надстроилъ зело хитро; соорудилъ каменную Мытоимницу, яже есть Таможня и Гостиный дворъ (въ 1641 г.) каменный, въ немъ полаты двокровныя и трикровныя, и на вратахъ Двора повелѣлъ свое царскаго величества имя написати златыми письмены, и вверху постави свое царское знамя—орелъ позлащенъ. При немъ

же созданы у Спаса на Новомъ и у Пречистыя въ Симоновѣ— ограды каменныя. Все это было построено въ 1630-хъ годахъ.

Въ началѣ 1640-хъ годовъ царь «повелѣлъ соорудить домъ преукрашенъ и въ немъ полаты двокровныя и трикровныя на душеполезное книжное печатное дѣло въ похвалу своему царскому имени; и полату превелику создалъ, гдѣ большое оружіе дѣлаху, еже есть пушки, и на ней постави своего царскаго величества знамя—орелъ позлащенъ. При немъ же многія св. церкви каменныя воздвигнуты и отъ боголюбивыхъ мужъ».

Къ этому надо присовокупить, что тогда же въ Кремлѣ сооружена особая башня, пристроенная съ сѣверной стороны къ старой колокольнѣ, построенной въ 1543 г. Петромъ Фрязиномъ, извѣстная подъ названіемъ Филаретовской пристройки, о чемъ мы упоминали выше.

Однако Кремлевскія стѣны оставались въ своемъ старомъ и отчасти ветхомъ состояніи и заботы о нихъ, повидимому, откладывались до благопріятнаго времени.

Въ годъ кончины царя Михаила (1645) эти стѣны представляли съ наружныхъ своихъ сторонъ великую обветшалость, какъ это видно изъ описанія ихъ ветхостей (порухъ), составленнаго въ 1646—1647 г., конечно, съ цѣлями приступить къ обновленію разрушенныхъ частей.

По всему Кремлю-городу, по городовой стѣнѣ и въ башняхъ мѣстами на десятки саженъ кирпичъ осыпался, стѣны отсѣли, бѣлые камни вывалились, своды въ иныхъ башняхъ разсѣлись или обвалились.

Царь Алексѣй Мих. не скоро приступилъ къ обновленію обветшавшихъ стѣнъ. Сначала по его указу для этой цѣли печникъ Куземка Кондратьевъ въ 1647 г. устроилъ кирпичный заводъ, сдѣлалъ въ Даниловскихъ сараяхъ, подъ Даниловымъ монастыремъ, кирпичную обжигальную печь нѣмецкимъ образцомъ въ 34500 кирпичей. Затѣмъ работы начались только 10 лѣтъ спустя, въ 1658—1659 гг., а минуло еще 10 лѣтъ—стѣны и башни снова обветшали, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и снова въ 1667 г. ихъ ветхости были подробно описаны для необходимыхъ починокъ.

За годъ передъ тѣмъ, въ 1666 г., какъ обыкновенно водилось, были разосланы государевы грамоты по городамъ о собраніи всѣхъ до одного человѣка каменщиковъ и кирпичниковъ, и даже гор-

шечниковъ въ Москву для церковнаго, дворцоваго полатнаго и городового (стѣннаго) дѣла въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, съ строгимъ наказомъ, что если кто изъ нихъ ухоронится, то женъ ихъ и дѣтей повелѣно метать въ тюрьму, покамѣстъ мужья ихъ объявятся. Такова была государственная нужда въ этихъ мастерахъ и такова была служба государству всѣхъ рабочихъ людей, знающихъ и умѣющихъ сработать какое-либо надобное производство или издѣліе.

Починка и поновленія стѣнъ періодически происходили и въ послѣдующее время, такъ какъ ихъ кирпичная облицовка отчасти и каменная даже и на нашей памяти по мѣстамъ разрушалась нерѣдко. Въ теченіи XVIII ст. стѣны все больше и больше ветшали, почему постоянно производились архитекторскія описи ветхостей, но поправка ограничивалась очень малымъ. Такія описи составлялись въ 1741, 1748, 1753 и 1760 годахъ. Въ запущенномъ ветхомъ видѣ стѣны были переданы и XIX столѣтію, когда въ 1802—1803 гг. ихъ наконецъ привели въ возможный порядокъ. Должно вообще замѣтить, что теперешнія стѣны Кремля очень многое утратили изъ первоначальнаго своего устройства. Остается неприкосновенною отъ временъ Ивана III только внутренняя ихъ каменная толща.

Облицовка или наружныя ихъ стороны по случаю обветшанія по временамъ, какъ упомянуто, подвергались возобновленіямъ и обдѣлкамъ новымъ кирпичомъ, при чемъ мало-по-малу исчезали и нѣкоторыя ихъ архитектурныя части, служившія ихъ украшеніемъ, каковы, напр., бѣлокаменные пояса, существовавшіе и въ верхнемъ, и въ нижнемъ отдѣлахъ. У стѣны, идущей отъ Боровицкихъ воротъ къ рѣкѣ, построенной Петромъ Антоніемъ, такой нижній поясъ сохраняется и доселѣ подъ землею, какъ это обнаружилось въ 1894 году по случаю производимыхъ кн. Н. С. Щербатовымъ изысканій о внутреннемъ подземномъ устройствѣ стѣнъ. Кромѣ того, стѣны всегда были покрыты деревянною кровлею со скатомъ на наружныя стороны Кремля.

Строительныя работы царя Алексѣя Мих., послѣ его отца, не выдаются чѣмъ-либо особенно значительнымъ. Въ 1664 г. онъ построилъ въ Китай-городѣ возлѣ отцовскаго Гостиннаго Двора новый болѣе обширный Гостинный Дворъ. Потомъ, когда старое зданіе Приказовъ въ Кремлѣ стало разваливаться, онъ повелѣлъ

построить новое, но по случаю его кончины, начатое постройкою, оно было окончено уже при его сынѣ, царѣ Өедорѣ Алексѣевичѣ, надпись на портретѣ котораго свидѣтельствуетъ, что онъ многія церкви Божіи пречуднѣ украсилъ всякимъ благолѣпіемъ и царскій свой домъ и грады Кремль и Китай преизрядно обновилъ.

Въ 1680 г. по случаю обновленія въ разное время обветшавшихъ стѣнъ и башенъ Кремля на нихъ во многихъ мѣстахъ оставались бѣлизны, т.-е. потеки извести, что и возбудило вопросъ о томъ, какъ покрасить стѣны. Въ прежнее время онѣ не были известью бѣлены, потому что ихъ облицовка состояла изъ бѣлаго камня. Починки и поновленія, отчасти и кирпичомъ, обезобразили бѣлокаменную окраску, а потому потребовалось или возобновить эту окраску, т.-е. выбѣлить известью, или расписать стѣны и башни по образцу Спасскихъ воротъ, которыя были «прописаны *черленью и бѣлиломъ въ кирпичъ*». Таковъ былъ докладъ государю. Государь указалъ: городъ Кремль выбѣлить известью (Доп. А. И., IX, 147).

Семилѣтнее управленіе государствомъ царевны Софьи съ Вас. Вас. Голицынымъ не ознаменовалось особо значительными постройками, хотя иностранецъ Невиль очень восхваляетъ именно строительную дѣятельность Голицына, приписывая ему и такія дѣла, которыя, какъ постройка зданія Приказовъ, какъ упомянуто, были начаты при царѣ Алексѣѣ и совсѣмъ окончены при царѣ Өедорѣ Алексѣев. Онъ говоритъ, напр., что при Голицынѣ въ Москвѣ построено больше 3000 *каменныхъ* домовъ. Если это не ошибка, то явная нелѣпость, потому что спустя слишкомъ сто лѣтъ, передъ нашествіемъ въ 1812 г. Двадцати языкъ, въ Москвѣ числилось каменныхъ домовъ только 2567, изъ которыхъ сгорѣло 2041.

Относительно времени управленія царевны Софьи вѣрно только одно, что она во дворцѣ выстроила въ 1683 году каменныя хоромы для себя и для сестеръ царевенъ и что при Голицынѣ въ 1687 г. была начата постройка каменнаго моста черезъ Москву-рѣку, доконченная уже при Петрѣ въ 1692 году. Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегатель, кн. Вас. Вас. Голицынъ, съ особеннымъ стараніемъ устроивалъ свой Посольскій Приказъ, именуемый теперь уже Государственнымъ Посольскимъ Приказомъ. Въ 1684 г. онъ надстроилъ надъ нимъ верхнія полаты, которыя украсилъ живописью. Живописцы Ла-

зарь Ивановъ, Матвѣй Ѳедоровъ съ товарищами за 130 р. росписали между прочимъ верхнюю большую полату, подволоку (потолокъ) и стѣны паволоками. Для устройства мебели въ этихъ полатахъ было куплено 190 кожъ, по красной землѣ золотныхъ нѣмецкой работы по рублю за кожу и за шесть стуловъ кожаныхъ золотныхъ же по 2 р. за стулъ. Кожами обита казенка (такъ называлась небольшая кабинетная комната), а «стулы поставлены въ той же казенкѣ, сидѣть на нихъ начальнымъ людямъ» (Доп. А. И., XI, 24, 25).

Въ томъ же 1684 г. было отпущено 1000 р. Кремля города на городовое дѣло и къ строенію Грановитой Полаты, т.-е. на возобновленіе этихъ сооруженій.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что время Петра въ Исторіи Москвы есть время окончательнаго счета съ ея стариною. Отсюда начинается ея новая исторія. Въ первый же годъ новаго столѣтія (1701 г.) Петръ дѣйствительно произвелъ точный и подробный счетъ остававшейся къ этому году всякой наличности по всѣмъ вѣдомствамъ Управленія съ ихъ доходами и расходами. По этому случаю и Земскій Приказъ въ Москвѣ составилъ впервые точный общій счетъ всѣхъ ея обывательскихъ дворовъ. Въ этомъ счетѣ въ Кремлѣ числилось патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ подворій 9, дворовъ соборнаго и приходскаго духовнаго чина—29, боярскихъ—3, кравчаго—1 и стольничьихъ—1, всего 43 обывательскихъ двора.

Въ другихъ частяхъ города считалось: въ Китаѣ-городѣ 272, въ Бѣломъ—2532, въ Земляномъ—7394, за Землянымъ—6117, всего и съ Кремлевскими 16.358 дворовъ.

Сосчитано было и окружное пространство каждаго городского отдѣла. Вокругъ Кремля и съ проѣзжими воротами и глухими башнями измѣрено 1055½ саж., вокругъ Китая—1205½ саж., вокругъ Бѣлаго—4463¾ саж., вокругъ Земляного вала—7026 саж.

Въ этомъ пространствѣ съ небольшимъ на 14 вер. въ окружности помѣщалось 10.241 дворъ, затѣмъ за чертою Земляного вала, какъ упомянуто, находилось 6117 дворовъ.

Впослѣдствіи заселенное пространство было измѣрено даже и квадратными саженями, при чемъ оказалось въ Китай-городѣ

66.490 саж., въ Бѣломъ-городѣ — 695.704, въ Земляномъ — 1.375.124, за Землянымъ—570.726 саж.

Присоединимъ сюда свидѣтельства о числѣ дворовъ и въ 1732 и 1734 гг., любопытныя въ томъ отношеніи, что они сильно разнорѣчиво указываютъ это число. Въ 1732 г. было показано дворовъ 19.417, покоевъ, кромѣ холодныхъ —39.047, а въ 1734 г. показано дворовъ 15.655, покоевъ (жилыхъ квартиръ)—33.110. Статистика невѣроятная, почему по начальству былъ запросъ, но отвѣта намъ не встрѣтилось.

По случаю этой Петровской отчетности подробно были описаны и крѣпостныя сооруженія Кремля съ измѣреніями ихъ вышины, ширины и длины.

Какъ упомянуто, длина Кремлевскихъ стѣнъ вокругъ города простиралась на 1055$^1/_2$ саж. (По новымъ измѣреніямъ оказалось 1.040 саж.). Вышина стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ была различна, отъ 5 до 8 саж. до зубцовъ; зубцы имѣли вышину по сажени. Ширина (толщина) стѣнъ равнялась 1$^3/_4$ саж., а индѣ и двумъ саженямъ. Между воротами и глухими башнями стѣны раздѣлялись на 18 отдѣловъ. Проѣзжихъ воротъ числилось, какъ и теперь, пять, башенъ глухихъ и отводныхъ—16. Вышина воротныхъ и другихъ башенъ обозначена: Спасской и Троицкой по 30 саж., Боровицкой—28, наугольныя круглыя башни: Беклимешевская имѣла около 24 саж., Водовзводная—27 саж.; остальныя имѣли различную вышину—отъ 7$^1/_2$ до 20 слишкомъ саж. и въ большинствѣ около 15 саж.

Со стороны Китай-города за стѣнами Кремля находился глубокій ровъ, выкладенный съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами длиною 253 саж., глубиною въ 4 саж., а противъ Константино-Еленскихъ воротъ въ 6 саж.; шириною въ подошвѣ отъ 14 до 16 саж., вверху на 17 саж. Стѣны рва вверху были устроены зубцами, какъ у стѣнъ Кремля; зубцы выходили изо рва выше уровня площади. Это хорошо обозначено на рисункахъ Мейерберга (Альбомъ видовъ, № III). Черезъ этотъ ровъ отъ Спасскихъ и Никольскихъ воротъ протягивались мосты на каменныхъ сводахъ длиною саженъ по 20 (Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, Ив. Кириллова, М., 1831 г., стр. 90—91). Какъ мы упоминали, этотъ глубокій ровъ былъ построенъ въ 1508 г. Фрязиномъ Алевизомъ.

Какой же общій характеръ носили всѣ эти дворы, всѣ эти многочисленныя постройки, распредѣленныя многими большими улицами и великимъ множествомъ переулковъ, представлявшихъ своего рода порядочную паутину?

«Это былъ городъ не только *деревянный*, но и вполнѣ *деревенскій*. Это былъ городъ, подъѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говаривали, что это Іерусалимъ, и потомъ, въѣхавши въ его деревенскія улицы, убѣждались, что это скорѣе Виѳлеемъ, или простѣе сказать — громадная деревня, отличавшаяся всѣми качествами настоящей великорусской деревни», ибо тысячи дворовъ на самомъ дѣлѣ состояли изъ простыхъ крестьянскихъ избъ повсюду съ немощеными переулками и только большія улицы назывались *мостовыми*, потому что покрыты были деревянными мостами изъ отесанныхъ и даже неотесанныхъ бревенъ, перекрытыхъ только на царскихъ путяхъ байдашными барочными досками.

Деревенскій характеръ города еще больше запечатлѣвался множествомъ большихъ и малыхъ садовъ и огородовъ, существовавшихъ почти у каждаго даже и малаго двора, не упоминая о садахъ въ нѣсколько десятинъ пространства.

Среди такой деревенской обстановки златоглавый каменный Кремль выдѣлялся въ особенной красотѣ, которая впослѣдствіи, при размноженіи каменныхъ зданій въ городѣ, мало-по-малу стала равняться съ массою этихъ зданій и во многомъ утратила свое выдающееся положеніе.

Въ первый же годъ новаго столѣтія (1701-й годъ) Кремль подвергся великому опустошенію отъ пожара. Какъ будто сама судьба очищала его мѣстность отъ любезной старины, чтобы дать просторъ для новыхъ сооруженій или вообще для чистаго мѣста въ родѣ широкихъ площадей. Это было только начало упраздненія и очищенія Кремлевской строительной старины.

Отъ пожара очистилась обширная площадь, донынѣ существующая между Арсеналомъ и зданіемъ Судебныхъ мѣстъ, на которой въ ту же осень, 12 ноября, у стѣны между Никольскими и Троицкими воротами Петръ повелѣлъ построить Оружейный Домъ, именуемый *Цейхоусъ*, для чего вся мѣстность была очищена отъ оставшихся каменныхъ строеній до материка. Объ этой постройкѣ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Во время Шведской войны Карлъ XII (предупреждая Напо-

леона) неотступно собирался напасть на самую Москву. Имѣя въ виду такое намѣреніе врага, Петръ изъ предосторожности въ 1707 г. повелѣлъ укрѣпить Кремль и Китай-городъ по всѣмъ правиламъ фортификаціи, для чего были сооружены земляные бастіоны, или болверки, прозванные въ народѣ *болгородками*. Работы начались съ 1-го іюня. Москва очень встревожилась, увидавъ, что дѣло идетъ не на шутку. Отъ 9 іюня Петръ уже писалъ изъ похода: «Извѣстно намъ здѣсь учинилось, что у васъ на Москвѣ не малый страхъ произошелъ, оттого что стали крѣпить Московскіе городы; и то намъ зѣло дивно и смѣху достойно, что мы часъ отъ часу отъ Москвы далѣ, а вы въ страхъ приходите...» Государь успокоивалъ испугавшуюся Москву, напоминая, что, по пословицѣ, осторожнаго коня и звѣрь не вредитъ, и приказывая, оставивъ страхи, веселиться попрежнему, при семъ и насъ не забывайте, оканчивалъ государь.

Однако болверки готовились спѣшно. 20 октября прибывшій въ Москву царевичъ Алексѣй Петр. осматривалъ ихъ, была съ нихъ пушечная пальба. Затѣмъ царевичъ приказалъ, чтобы оканчивали болверки поскорѣе.

Декабря 5 прибылъ и самъ государь, осмотрѣлъ ихъ также съ пушечною пальбою.

У Боровицкихъ воротъ былъ устроенъ *Боровицкій* бастіонъ, выходившій острымъ угломъ на Боровицкій мостъ. Далѣе на существующемъ во 2-мъ Александровскомъ саду пригоркѣ передъ башнею возведенъ *Неглинный* бастіонъ; за нимъ у Троицкихъ воротъ по обѣ стороны моста—*Троицкій* бастіонъ; за нимъ надъ теперешнимъ гротомъ въ 1-мъ Александровскомъ саду—*Никитскій* бастіонъ, прозванный такъ потому, что стоялъ противъ Никитской улицы. Послѣдній бастіонъ—*Воскресенскій*—былъ устроенъ передъ Наугольною башнею близъ Воскресенскихъ воротъ. Укрѣпленія были возведены только со стороны Неглинной, такъ какъ съ другихъ сторонъ укрѣпляла Москва-рѣка и бастіоны Китай-города. Впрочемъ, и со стороны Москвы-рѣки между Тайницкими воротами и Водовзводною башнею также были устроены болверки.

Хотя Шведская война и навела было страхъ на Москву, но она же давала случаи справлять увеселительные тріумфы по поводу славныхъ побѣдъ надъ Шведами, при чемъ тріумфально украшались и Кремлевскія башни. Первое тріумфальное торжество

происходило въ началѣ января 1703 г. «взятія ради Свѣйскаго города Нотенбурга, проименованнаго Шлисельбургомъ». Для этого тріумфа особенно богато была убрана Водовзводная башня, наугольная отъ Боровицкихъ воротъ. По круглымъ ярусамъ и въ окнахъ до самаго верха ее расцвѣтили знаменами разныхъ цвѣтовъ, а въ ночь кругъ той башни по ярусамъ же и окнамъ между знаменъ поставили фонари слюденые, большіе и малые. И впредь было повелѣно сдѣлать для такихъ же тріумфовъ 500 фонарей, станки деревянные, и оклеить холстиною и учинить на тѣхъ фонаряхъ виды различныхъ фарбъ. Кромѣ Водовзводной, также украшались еще четыре башни, для чего было написано 50 картинъ и сдѣланы цвѣты, листы, фрукты и т. п. Въ 1704 г. для такихъ украшеній сдѣлано 5 флаговъ полотняныхъ мѣрою два по 10 арш. длиною, три по 9 арш., шириною по 7 арш.; въ нихъ вшиты изъ синей крашенины кресты кавалерійскіе по размѣру.

Такіе тріумфы справлялись всегда на Новый годъ 1-го января, какъ было въ 1703, 1704, 1705, 1708 1709 и 1710 годахъ. Въ 1709 г. въ ознаменованіе Полтавской побѣды были написаны двѣ тріумфальныя въ знакъ побѣды картины въ ширину и въ вышину по три сажени. И тогда же было повелѣно написать на Александрійской бумагѣ тысячу листовъ въ знакъ надъ непріятелемъ побѣды и къ нимъ 50 рамъ, а около тѣхъ рамъ украсить можжевельникомъ и поставить у градскихъ воротъ. Видимо, что Полтавская баталія была изображена на этихъ листахъ и картинахъ во всѣхъ подробностяхъ и народъ могъ воочію созерцать это достославное дѣло Петра.

Въ Кремлѣ, какъ упомянуто, было заложено и строилось новое обширное каменное зданіе Арсенала, а старый каменный дворецъ былъ совсѣмъ покинутъ, оставленъ на полнѣйшее разрушеніе. Какъ онъ выгорѣлъ въ 1701 г., такъ и оставался обгорѣлымъ до 1722 г., когда по повелѣнію государя былъ подробно описанъ тѣмъ же строителемъ Арсенала Христофоромъ Конрадомъ, повидимому съ цѣлью возобновить ветхое и разрушенное для предположенной государемъ коронаціи его супруги Екатерины I.

По смѣтѣ на такое возобновленіе требовалось безъ малаго 53 тысячи, почему къ коронаціи были изготовлены только двѣ большія полаты, Грановитая и Столовая, и жилой корпусъ Теремнаго дворца, въ которомъ не было ни дверей, ни окончинъ, ни половъ.

Коронація съ обычными торжествами совершилась 7 мая 1724 г. Послѣ того дворецъ попрежнему былъ оставленъ на запустѣніе и разрушеніе.

Точно такъ и въ послѣдующее время тѣ же самые главные отдѣлы дворца возобновлялись только къ коронаціоннымъ торжествамъ, остальное мало-по-малу разрушалось, чему много поспособствовалъ и страшный пожаръ всей Москвы въ 1737 г.

Между тѣмъ императрицы, и Анна, и особенно Елизавета, очень желали устроить себѣ жилище именно въ Кремлѣ. Импер. Анна выстроила себѣ деревянный небольшой дворецъ возлѣ Арсенала, прозванный ею *Анненгофомъ* и вскорѣ перенесенный на Яузу. Импер. Елизавета пожелала построить дворецъ на болѣе видномъ мѣстѣ съ набережной стороны дворцовыхъ зданій. Здѣсь возлѣ Благовѣщенскаго собора на мѣстѣ старыхъ Набережныхъ полатъ и Средней Золотой и Столовой оберъ-архитекторъ, знаменитый Растрелли, построилъ въ 1753 г. новое зданіе, названное Кремлевскимъ *Зимнимъ* дворцомъ, такъ какъ Яузскій Головинскій дворецъ носилъ названіе Лѣтняго (Альбомъ видовъ, № V). По этому случаю всѣ части стараго разрушавшагося дворца были снова осмотрѣны и описаны при чемъ выяснилось, что «въономъ

Кремлевскомъ дворцѣ всѣхъ покоевъ и съ погребами находится до тысячи номеровъ и не малое число открытыхъ площадокъ или галлерей». Съ этого времени наиболѣе обветшавшія строенія стали мало-по-малу разбираться.

Елизаветинскій дворецъ послужилъ основаніемъ для того зданія, которое при Екатеринѣ II было распространено пристройками и просуществовало до сооруженія теперешняго Новаго дворца.

Въ 1764 г. импер. Екатерина II съ набережной стороны передъ Срѣтенскимъ соборомъ устроила себѣ особый *покой*, съ галлереями Дамскою и Кавалерскою, при чемъ самый соборъ получилъ назначеніе быть домовымъ храмомъ этого покоя.

Наконецъ, въ 1769 г. архитекторъ Баженовъ по порученію императрицы составилъ проектъ новой постройки дворца, по которому почти весь Кремль превращался въ одно зданіе дворца по замысловатому и очень обширному плану, такъ что въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто стѣнъ Кремля были проектированы различныя сплошныя зданія дворца. Какъ извѣстно, эта выдумка императрицы носила политическій характеръ, дабы показать Европѣ послѣ Турецкой войны, какіе еще милліоны находятся въ Россіи не только на войну, но даже и на постройку собственнаго дворца,

конечно, небывалаго, чуднаго, грандіознаго. Фантазія была проведена со всею видимою основательностью ея выполненія на самомъ дѣлѣ. Для этой цѣли Кремль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ очищенъ отъ старыхъ, отчасти уже вполнѣ обветшавшихъ построекъ. Была разобрана городовая стѣна отъ церкви Благовѣщенія до церкви Петра митрополита (что въ башнѣ), съ повелѣніемъ этихъ церквей не касаться. На горѣ былъ разобранъ длинный корпусъ старинныхъ Приказовъ, тянувшійся по Кремлевской горѣ отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ; разобрано зданіе дворцоваго Запаснаго двора, на которомъ помѣщались Набережные сады, а въ прежнее время хоромы Самозванца; подъ горою у церкви Константина и Елены были разобраны дворы соборнаго духовенства и другія зданія.

Закладка этого чуднаго дворца происходила 1 іюня 1773 г. подъ горою, противъ Архангельскаго собора, на мѣстѣ тогда же разобранной Тайницкой башни, которая впослѣдствіи была выстроена снова въ прежнемъ *вкусѣ*, т.-е. какъ была до разрушенія.

Мѣсто закладки было обставлено разными щитами и другими украшеніями съ изображеніемъ Россійскихъ орденовъ. Полная характеристика фантастической затѣи сохранилась въ разныхъ надписяхъ, частью положенныхъ въ закладку, и другихъ, красовавшихся на различныхъ щитахъ, поставленныхъ на томъ мѣстѣ. Главная надпись гласила слѣдующее:

«Повелѣніемъ благочестивѣйшія Великія Государыни Екатерины Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, Избавительницы Москвы отъ смертоносной язвы, Побѣдительницы Оттоманской гордой Порты, Сохранительницы каждаго своего подданнаго безопасности, Законодательницы Всероссійской, къ славѣ Великой имперіи, къ чести своего вѣка, къ безсмертной памяти будущихъ временъ, ко украшенію Столичнаго града, къ утѣхѣ и удовольствію своего народа, положено великолѣпныхъ сихъ Императорскихъ чертоговъ основаніе въ лѣто отъ сотворенія міра 7281, отъ воплощенія Сына Божія 1773, мѣсяца Іюня 1 дня, царствованія Ея Величества въ одиннадцатый годъ; строеніе производилось подъ главнымъ смотрѣніемъ отъ арміи генералъ-поручика и кавалера Михайла Михайловича Измайлова».

На закладномъ камнѣ было вырѣзано: «Сему сданію прожектъ сдѣлалъ и практику началъ Россійской Архитектъ Мос-

квитянинъ Василій Ивановичъ Баженовъ, Болонской и Флорентинской академіи, Петербургской Императорской Академіи Художествъ академикъ, Главной Артиллеріи Архитектъ и Капитанъ. сего сданія начальной Архитектъ и Експедиціи онаго строенія членъ, отъ роду ему 35 лѣтъ. По сочиненіи прожекта за Архитекта былъ титулярный совѣтникъ Матвѣй Козаковъ...»

Надписи надъ орденами и на щитахъ славили побѣду надъ Турками, и на первомъ щитѣ провозглашалось:

Да процвѣтетъ Москва подобьемъ райска крина,
Возобновляетъ Кремль и градъ Екатерина.

Почти въ то же время какъ разбиралось зданіе Приказовъ, были разобраны и старыя строенія, находившіяся съ лѣвой стороны отъ Никольскихъ воротъ, полаты князей Трубецкихъ и возлѣ Чудова монастыря Конюшенный его дворъ, церковь Козмы и Демьяна съ предѣломъ Филиппа митрополита и дворы духовенства. На этомъ мѣстѣ было заложено въ 1771 г. новое зданіе для Присутственныхъ мѣстъ, существующее и донынѣ. Оно строилось по проектамъ архитектора Матв. Ѳед. Козакова, довольно медленно, такъ что было окончено только въ 1785 г.

Такимъ образомъ, старыя постройки Кремля постепенно исчезали или для новыхъ зданій, или для площадей.

Съ самаго начала прошлаго XIX ст., съ 1801 г., Кремлемъ сталъ завѣдывать главный начальникъ Дворцоваго вѣдомства П. С. Валуевъ. Это былъ горячій блюститель порядка, чистоты и опрятности, а потому старый запущенный и обветшавшій во всѣхъ своихъ частяхъ Кремль внушалъ ему неописуемое отвращеніе. Къ тому же время близилось къ коронаціи Императора Александра I. Онъ доносилъ государю, что многія изъ Кремлевскихъ зданій «помрачаютъ своимъ неблагообразнымъ видомъ всѣ прочія великолѣпнѣйшія зданія. Два *артикула*, писалъ онъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе. *Срѣтенскій* въ Кремлѣ *соборъ*, построенный нѣсколько вѣковъ на сваяхъ, давно уже сгнившихъ, и *Гербовая башня* (прежнія Колымажныя, Красныя ворота во дворецъ, со стороны Боровицкихъ Кремлевскихъ воротъ), (Альбомъ видовъ № XVII) дѣлающія только *видъ*, при въѣздѣ отъ Боровицкихъ воротъ, въ которыя почти никто изъ благородныхъ людей не ѣздитъ,—находятся въ крайней и чрезвычайной ветхости.

Оба сіи зданія угрожаютъ скорымъ и неминуемымъ своимъ паденіемъ», почему онъ и испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія сломать ихъ какъ можно скорѣе.

Государь, однако, затруднился дать такое повелѣніе, предложивъ Валуеву снестись по этому дѣлу съ генералъ-губернаторомъ Москвы Салтыковымъ, дабы узнать, «не произведетъ ли уничтоженіе сихъ древнихъ зданій какого-либо предосудительнаго замѣчанія», конечно, въ Московскомъ обществѣ. Осенью въ тотъ годъ (1801) эти зданія были разобраны и на мѣстѣ ихъ выровнена площадь. Это было только начало очистки Кремля отъ старыхъ строеній. Въ 1803 г. сломаны дворцовыя зданія, выдвигавшіяся къ Троицкимъ воротамъ и къ Троицкому подворью. Въ 1806 г. проданъ съ аукціона Цар順борисовскій Годуновскій дворецъ, а въ 1807 г. сломано и Троицкое подворье съ церковью Богоявленія; въ 1808 г. сломаны всѣ другія зданія задняго Государева двора, на мѣстѣ которыхъ построены такъ называемые «Кавалерскіе корпуса». Въ 1810 г. на мѣстѣ Царебориcовскаго дворца и отчасти на мѣстѣ Троицкаго подворья построена Оружейная Полата (нынѣ казармы) (Альбомъ видовъ, № XXI).

Такъ исправно очищался старый Кремль. Исчезало многое ветхое, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезало иное и не ветхое, только потому, что оно уже не отвѣчало вкусамъ новаго времени и представлялось только памятникомъ грубой и неуклюжей деревенской старины.

А въ 1812 г. даже и великій предводитель Двадцати языковъ, водворившійся было для житья въ Кремлѣ, Наполеонъ, по злобѣ за свою неудачу, старался уже совсѣмъ опустошить Кремль, разрушая его завѣтные памятники подкопами и взрывами.

У него было намѣреніе выжечь Москву со всѣмъ, что въ ней оставалось отъ пожара, и съ окрестностями; предполагалось «составить четыре колонны, каждую изъ двухъ тысячъ человѣкъ и велѣть имъ жечь все на двадцать миль около Москвы. Наполеонъ отвергъ сію мѣру», какъ писали Французскія газеты. Отвергъ несомнѣнно потому, что уже некогда было этимъ заняться, надо было спѣшить, чтобы по добру, по здорову выбраться изъ засады. Онъ все-таки устроилъ разрушеніе Кремля, поручивъ это дѣло маршалу Мортье. Съ инженернымъ искусствомъ прокопаны были мины подъ многія зданія, подкачены боченки пороха.

«Кремль приказано подорвать», писали Французскія газеты. «Дюкъ де Тревизъ (упомянутый маршалъ Мортье) взорвалъ оный въ два часа ночи на одиннадцатое число (октября)».

«Арсеналъ, казармы, магазейны, все было истреблено. Сія древняя крѣпость, современная основанію Россійской державы, сіи первые чертоги Русскихъ царей—они были—ихъ нѣтъ!»

Такъ бы, можетъ быть, и случилось, если бы не помѣшалъ тому проливной дождь, шедшій въ то время всю ночь и такимъ образомъ угасившій въ разныхъ мѣстахъ тлѣвшіе проводники-фитили у башенъ, у Ивана Великаго, у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ.

Сначала, въ 11 часовъ ночи, загорѣлся дворецъ, потомъ Грановитая Полата, а затѣмъ, въ исходѣ второго часа ночи, послѣдовали взрывы.

Взорваны были три башни съ набережной стороны Кремлевскихъ стѣнъ, наугольная Водовзводная, близъ Боровицкихъ воротъ, Петровская и возлѣ нея Безыменная. Взорвана старая колокольня возлѣ Ивана съ храмомъ Рождества Христова, построенная въ 1543 г. Фрязиномъ Петрокомъ Малымъ, но разрушилась у ней только верхняя половина, гдѣ висѣли большіе колокола, упавшіе на землю подъ грудою камней и кирпичей. Основаніе зданія осталось цѣлымъ. Большой Успенскій колоколъ разбился, у реута отбились уши, воскресный и будничный сохранились въ цѣлости. Точно также разрушилась только въ верхней половинѣ и стоявшая возлѣ Филаретовская пристройка съ меньшими колоколами. Взорванъ былъ Арсеналъ, по линіи отъ Никольской башни до Наугольной и со стороны Троицкихъ воротъ. На Никольской башнѣ также разрушилась только верхняя половина, до иконы Николая Чудотворца, находившейся надъ воротами, при чемъ Божіимъ чудомъ сохранились въ цѣлости не только образъ, но и большое стекло въ его рамѣ, въ то время какъ въ окрестныхъ зданіяхъ и стекла и даже оконныя колоды вышибало. Угловая башня (Собакина) также разрушилась въ верхней половинѣ (Альбомъ видовъ № XI).

Всѣ эти развалины впослѣдствіи были возстановлены въ прежнемъ видѣ.

Послѣ Французскаго опустошенія оставался еще среди Ивановской площади противъ Архіерейскаго дома (Николаевскій дворецъ) древній Кремлевскій памятникъ, соборъ Николы Гостун-

скаго. Для чистоты онъ былъ также разобранъ въ 1816 г. въ одну ночь, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

По случаю постройки Новаго дворца былъ разобранъ въ 1847 г. и храмъ Рождества Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, первая древнѣйшая церковь Кремля, хотя каменная ея постройка и относилась къ 1509 г. Этотъ памятникъ Кремлевской древности, исчезнувшій также въ видахъ чистоты и красоты для новоустроеннаго Кремля, представилъ своимъ уничтоженіемъ уже послѣднее событіе по очищенію Кремля отъ излишнихъ остатковъ его древняго устройства (Альбомъ видовъ № XVIII).

IV.

СТАРЫЙ ГОРОДЪ КРЕМЛЬ.

Историческій обзоръ его мѣстностей.

---

2. Мѣстный обзоръ.

Спасскія ворота.

Историческій обзоръ мѣстностей древняго города Москвы мы начнемъ отъ Спасскихъ воротъ и будемъ слѣдовать по древнимъ улицамъ Кремля отъ его воротъ, направляясь къ его серединной мѣстности, то-есть къ Соборной площади.

Итакъ, снимемъ шапки и поклонимся старому городу Кремлю передъ его старыми вратами.

Спасскія ворота—это святыя ворота Кремля, подобно святымъ воротамъ, какія находимъ въ монастырскихъ оградахъ. Историкъ С. М. Соловьевъ сравниваетъ самый Кремль съ большимъ монастыремъ. «Если рядъ загородныхъ монастырей», говоритъ онъ, «представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то Кремль, царственный замокъ, жилище Великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству» (Исторія Россіи, XIII, 58). Конечно, по старымъ Русскимъ понятіямъ такое сходство въ дѣйствительности могло казаться убѣдительнымъ. Благочестивая народная

мысль во всякомъ случаѣ почитала Кремль въ качествѣ монастырской святыни, а потому и главныя его ворота она освятила народнымъ обычаемъ, снимая шапки, входить и выходить въ ворота съ непокрытою головою. Когда и какъ установился этотъ обычай, неизвѣстно; но, повидимому, онъ установился не по государеву указу, а именно по благочестивой волѣ всенароднаго множества. Разсказываютъ, что въ старину кто, проходя воротами, не снималъ шапки, того народъ заставлялъ класть передъ образомъ Спасителя 50 поклоновъ.

Бывавшіе въ Москвѣ иноземцы прозывали эти ворота Іерусалимскими по тому обстоятельству, что черезъ нихъ совершалось патріаршее шествіе на осляти въ Московскій Іерусалимъ, какъ они же прозывали славный и чудный храмъ Василія Блаженнаго (Сказанія о самозванцахъ, I, 62, 99).

И это свидѣтельство, вмѣстѣ съ другими, показываетъ, какъ много святости и святыни соединялось въ мысляхъ съ именемъ этихъ воротъ. Постоянные въ извѣстные годовые дни крестные ходы, совершаемые иногда и по особымъ случаямъ, большею частью проходили въ эти же ворота. Кромѣ того, вблизи тѣхъ же воротъ, и въ Кремлѣ, и внѣ Кремля, стояло не мало святыхъ церквей, предъ которыми, по Русскому обычаю, прохожіе, снимая шапки, усердно всегда молились. Такимъ образомъ съ накрытою головою приходилось идти только въ самыхъ воротахъ, надъ которыми тоже высилась своя святыня, иконописный образъ Спасителя, внушавшій особое благоговѣйное моленіе. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г., возвращаясь изъ Литовскаго похода, шелъ въ воротахъ также, снявши шапку, съ непокрытою головою.

Такимъ образомъ Спасскія ворота въ дѣйствительности почитались въ народѣ въ извѣстномъ смыслѣ особою святынею Кремля. Надо припомнить, что въ древнемъ русскомъ строительствѣ передовыя ворота вообще пользовались своего рода почетомъ и потому, и въ маломъ, и въ великомъ строеніи, какъ самостоятельная часть хоромнаго устройства, всегда очень заботливо украшались, а при входѣ въ нихъ стороннихъ подвластныхъ людей всегда требовали снятія шапокъ. Такъ по крайней мѣрѣ водилось въ знатныхъ и богатыхъ дворахъ.

На тѣхъ каменныхъ воротахъ, которыя были построены при

Дмитріи Донскомъ, былъ поставленъ въ 1464 г. іюля 15 съ наружной стороны великій мученикъ Георгій, рѣзанъ на камени, *нарядомъ* Вас. Дм. Ермолина, который въ 1466 г. поставилъ и изнутри града св. великаго мученика Димитрія (Солунскаго), а рѣзанъ въ камени (Изв. А. Н., VIII, 4, 78).

При новой постройкѣ воротъ въ 1491 г. эти каменныя изображенія не вошли въ архитектуру зданія. Св. Георгій сохраняется и доселѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Изображеніе св. Димитрія не сохранилось. Однако мысль относительно этихъ изображеній, повидимому, не угасала и выразилась въ постройкѣ у Вознесенскаго монастыря прямо противъ воротъ особаго небольшого храма во имя вмч. Георгія съ предѣломъ вмч. Димитрія гдѣ и было помѣщено каменное изображеніе св. Георгія, а можетъ быть и Димитрія.

Какъ увидимъ далѣе, этотъ Вас. Ермолинъ своимъ предстательствомъ, т.-е. починомъ и попечительствомъ и руководствомъ, обновилъ постройкою и соборный храмъ Вознесенскаго монастыря. Повидимому, онъ принадлежалъ къ служилому дворянскому сословію. Отецъ его, Дмитрій Ермолинъ, состоялъ Двинскимъ вотчинникомъ (А. И., I, 286), отдавши свою вотчину Корельскому Николаевскому монастырю.

Кромѣ построекъ въ Москвѣ онъ являлся *предстателемъ*-строителемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1469 г. въ Сергіевѣ монастырѣ построилъ трапезу камену, а во Владимірѣ обновилъ двѣ церкви камены.

Въ 1471 г. во градѣ Юрьевѣ Польскомъ развалившаяся до земли рѣзаная на камени церковь св. Георгія была имъ собрана вся изнова и поставлена, какъ и прежде.

Въ 1472 г. онъ началъ было участвовать въ постройкѣ и Московскаго Успенскаго собора, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Относительно Спасскихъ воротъ нельзя оставить въ забвеніи и особый случай, совершившійся въ 1606 году во время гибели перваго самозванца. Очевидецъ архіепископъ Елассонскій Арсеній разсказываетъ, что когда тѣло убитаго Лжедмитрія, лежавшее для позорища на Красной площади, было наконецъ вывезено для сожженія за городъ, то въ тотъ самый часъ, въ который «повлекли трупъ за городъ, пала вся крыша *великихъ воротъ* крѣ-

пости. Кровля была большая, высокая и прочная. Это послужило признакомъ начала ужасныхъ бѣдствій». Такъ несомнѣнно толковали въ народѣ дальновидные люди.

Издревле Спасскія ворота прозывались *Фроловскими* [1]), по всему вѣроятію по имени церкви того святого, которая, быть можетъ, въ глубокой древности стояла гдѣ-либо вблизи воротъ. Такъ возможно предполагать, хотя о такой церкви возлѣ воротъ нѣтъ и малѣйшихъ указаній въ письменныхъ памятникахъ. Вѣроятно также, что прозваніе воротъ могло установиться и отъ церкви *Фрола святого*, находившейся внѣ Кремля, даже и въ дальнемъ отъ него разстояніи, но близкой ему по вседневнымъ, такъ сказать, сношеніямъ съ ея мѣстностью. Такихъ церквей во имя Фрола святого въ древней Москвѣ было три и всѣ онѣ находились въ мѣстностяхъ, гдѣ пребывала *животина*, т.-е. лошади или рогатый скотъ для продажи или для заводскаго хозяйства. Какъ извѣстно, свв. Флоръ и Лавръ почитаются и доселѣ покровителями лошадинаго стада, а также и рогатаго скота. По этому поводу и ставились во имя ихъ храмы вблизи того или другого скопленія животины для ея освященія и охраненія отъ напастей болѣзни. Одинъ св. Фролъ находился у древнихъ еще Великокняжескихъ конюшенъ, которыя были расположены гдѣ-то неподалеку отъ Покровской теперешней улицы, какъ можно предполагать—на мѣстѣ теперешнихъ Покровскихъ казармъ или вблизи ихъ надъ широкимъ, тогда еще пастбищнымъ, лугомъ, получившимъ прозваніе *Васильевскаго луга* отъ имени вел. князя и *Кулижки* или *Кулижекъ*. Тутъ же на взгорьяхъ находились и великокняжескіе сады.

Сношенія Кремля съ этимъ св. Фроломъ, по поводу конюшенъ и садовъ, конечно, были вседневны. Но это еще не даетъ основанія заключать, что Кремлевскія ворота получили свое имя отъ этого Фрола. Должно предположить, что по пути къ нему (по Покровкѣ и по Маросейкѣ), между Кремлемъ и Фроломъ, въ древнее время не было другого сколько-нибудь значительнаго храма, кромѣ ближайшихъ Китай-городскихъ. Въ такомъ случаѣ еще возможно предположить, что отъ частыхъ сношеній съ этимъ Фроломъ ворота, къ нему ведущія, могли прозваться его именемъ.

---

[1]) Въ одной изъ лѣтописей (Супрасльской) они названы Фрололарвьскими, стр. 120.

Другой Фролъ существуетъ и донынѣ у Мясницкихъ воротъ, которыя прежде именовались по имени церкви также *Фроловскими*, а самая улица прозывалась тоже *Фроловскою* и *Фроловкою*. Этотъ Фролъ былъ построенъ еще въ древнее время по тому поводу, что вблизи существовалъ пригонный скотинный или животинный дворъ, съ *Коровьею площадкою*, по всему вѣроятію доставлявшій мясо на всю Москву, почему и явилась тутъ цѣлая слобода *Мясниковъ*, и все, что прежде называлось по имени церкви Фроловскимъ, впослѣдствіи стало называться Мясницкимъ.

Къ этому Фролу, что въ Мясникахъ, дорога отъ Кремля проходила по тогдашней Ильинской улицѣ, въ концѣ которой и стояла церковь Фрола и Лавра, какъ это видно изъ описанія пожара 1547 года, гдѣ сказано, что выгорѣло по Ильинской улицѣ до Фрола святого въ Мясникахъ и что горѣлъ, погибалъ и народъ, между прочимъ на Большомъ посадѣ по Ильинской улицѣ, въ садахъ, которые находились за чертою Китай-города, именно вблизи теперешней Мясницкой. Возможно предполагать, что Фроловскія ворота могли получить свое прозваніе и отъ св. Фрола, что въ Мясникахъ, тѣмъ болѣе, что эта улица именовалась также Фроловкою. Вообще должно заключить, что та или другая Фроловская церковь въ древнее время была первою, до которой доходилъ прямой путь изъ Кремля. Такъ прозывались и Троицкія Кремлевскія ворота Ризположенскими, по всему вѣроятію, отъ церкви Ризположенія, существовавшей неподалеку отъ церкви Бориса и Глѣба у Арбатскихъ воротъ, въ концѣ Воздвиженки и послѣдняго Кисловскаго переулка, и въ древнее время, быть можетъ, стоявшей на прямомъ пути изъ Кремля, не говоря о благочестивыхъ поводахъ ея постройки на этомъ именно мѣстѣ, быть можетъ въ память спасенія Москвы отъ нашествія Татарскаго царевича Мозавши. Затѣмъ Николаевскія или Никольскія Кремлевскія ворота точно также прозваны отъ монастырской церкви Николы Стараго (нынѣ Греческій монастырь на Никольской), какъ и Воскресенскія ворота въ Китай-городѣ именовались отъ монастыря Воскресенскаго на Тверской (нынѣ Саввинское подворье).

Слѣдуетъ кстати упомянуть и о третьемъ св. Фролѣ, который и доселѣ существуетъ за Москвою-рѣкою на краю города между Конною площадью и Кожевниками на Зацѣпѣ (нынѣ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радость), гдѣ въ древнее время вся эта мѣст-

ность съ обширнымъ лугомъ покрывалась многочисленными табунами лошадей, пригоняемыхъ на продажу Ногайскими Татарами, и гдѣ по этому случаю существовалъ и особый Ногайскій Дворъ.

Въ 1474 г. въ Москву прибылъ посолъ царя Ахмата Большой Орды, а съ нимъ множество Татаръ, 600 челов., а гостей (купцовъ) съ ними съ товаромъ и съ коньми 3.200 челов.; а коней съ ними продажныхъ было болѣе сорока тысячъ. Въ 1508 г. послы отъ Ногайскихъ мурзъ били челомъ вел. князю Василію Ив., чтобы пожаловалъ, велѣлъ Ногайскимъ гостямъ ѣздить къ Москвѣ съ коньми и со всякимъ товаромъ. Конечно, разрѣшеніе послѣдовало и время отъ времени они во множествѣ появлялись подъ стѣнами Москвы, производя торговлю конями и всякимъ азіатскимъ добромъ.

Съ тѣхъ поръ Ногайскій конный торгъ совсѣмъ утвердился въ Москвѣ въ упомянутой мѣстности, почему явился тамъ и Ногайскій Дворъ и устроились слободы Кожевниковъ. Въ 1563 г. въ іюлѣ мурзы пригнали пословъ и гостей 1.000 человѣкъ, а лошадей съ ними восемь тысячъ. Въ 1565 г. пригнано лошадей 5547 [1]).

Какъ мы упоминали выше (стр. 138) Фроловскія ворота были построены въ 1491 г. Итальянскимъ архитекторомъ Петромъ Антоніемъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно строились городскія ворота безъ высокой башни, какая существуетъ теперь. Они представляли стѣнообразную постройку на четыре угла, съ шатровою кровлею, наверху которой стояла небольшая башенка съ небольшою главою, надъ которою высился большой двуглавый орелъ. Въ срединѣ башни подъ главою висѣлъ колоколъ, по всему вѣроятію, для часового боя, такъ какъ и въ то время или по крайней мѣрѣ въ XVI ст. надъ воротами существовали часы. На это указываетъ то свидѣтельство, что въ 1585 г. при трехъ воротахъ Кремля, у Спасскихъ, Тайницкихъ и Троицкихъ, находились на службѣ особые *часовники*. Въ 1613—1614 гг. упоминаются часовники, кромѣ указанныхъ трехъ, еще и при Никольскихъ воротахъ. Они получали годового жалованья по 4 р. и по двѣ гривны на мясо и соль и, кромѣ того, по 4 арш. сукна настрафилю. Въ

---

1) П. С. Л., VI, 32, 248; Русская Истор. Библ., III, 183.

1614 г. о часахъ на Никольскихъ воротахъ упоминается въ послѣдній разъ. Вѣроятно въ этомъ году они были разобраны. Потомъ въ 1674 г. были разобраны и Тайницкіе часы, послѣ чего Кремль оставался только съ двумя башенными надворотными часами, Спасскими и Троицкими. У Фроловскихъ воротъ въ 1614 г. былъ часовникомъ Никифорка Никитинъ. Часы, вѣроятно, были не особенно сложнаго устройства,—Русскіе, какъ ихъ прозывали въ тѣ времена, раздѣляемые на дневные, отъ восхода солнца, и ночные, отъ его заката. Спустя десять лѣтъ царь Михаилъ Ѳед. пожелалъ устроить на воротахъ часы болѣе сложной механики, несомнѣнно по проекту появившагося тогда (съ 1621 года) въ Москвѣ искуснаго мастера, англичанина Христофора Галовея, который для устройства новыхъ часовъ предложилъ надстроить надъ воротами высокую башню, какъ это и было исполнено въ 1624—1625 годахъ. Въ сентябрѣ 1624 г. старые боевые часы были проданы на вѣсъ Спасскому Ярославскому монастырю за 48 руб., вѣсу въ нихъ было 60 пудъ желѣза. Въ томъ же году колокольный литецъ Кирила Самойловъ слилъ на Фроловскія ворота къ часамъ тринадцать колоколовъ (А. О. П. № 879, № 921).

Когда была окончена постройка и часы стали указывать время и производить игру колоколами, Государь очень щедро наградилъ строителя. 29 генваря 1626 г. онъ получилъ Государево и отца Государева, патріарха Филарета Никитича, жалованье: серебряный кубокъ, 10 арш. атласу алаго, 10 арш. камки лазоревой, 5 арш. тафты виницейки червчатой, 4 арш. сукна красно-малиноваго, сорокъ соболей—41 р., сорокъ куницъ—12 р., всего почти на 100 р. «А пожаловалъ Государь его за то, что онъ сдѣлалъ въ Кремлѣ-городѣ на Фроловскихъ воротѣхъ башню и часы».

Въ маѣ мѣсяцѣ того же года случился лютый пожаръ въ Кремлѣ, куда огонь перенесся отъ храма Василія Блаженнаго на Вознесенскій монастырь и далѣе на Чудовъ и по всему Кремлю. Новая башня и съ часами погорѣла такъ, что надо было все устроивать вновь. Опять англичанинъ Галовей принялся за работы, которыя и окончились уже въ 1628 г., когда 16 августа опять ему выдана была награда, почти равная прежней. Вмѣстѣ съ нимъ была выдана награда поменьше и *нарядчику* Вилиму Графу за то, что онъ былъ у башеннаго и у часового дѣла до Московскаго пожара и послѣ пожара (А. О. П. № 930). Хри-

стофоръ Христофоровъ Галовей, или, какъ его тогда называли, Алавѣй, Халове, выѣхалъ въ Москву на службу въ 1621 г. на жалованье по договору въ годъ 60 р., кормовыхъ по 20 коп. на день, да на недѣлю по возу дровъ. Въ 1640 г. онъ получалъ уже 75 р. въ годъ и удвоенныя кормовыя. Онъ состоялъ часовникомъ Фроловской башни и придворнымъ часовщикомъ, почему всякій кормъ и питье получалъ изъ Дворца (Дом. Бытъ Р. Царей, изд. 3, стр. 107). Въ 1628 г. онъ починивалъ во Дворецъ часы большіе—Цесарская башня, и часики невелики воротные (носимые на вороту, нынѣ карманные) въ серебрѣ.

Въ 1654 г., когда царь Алексѣй Михайловичъ находился въ Литовскомъ походѣ, въ Москвѣ распространилось страшное моровое повѣтріе. Помирали цѣлыя улицы и многолюдные монастырскіе и боярскіе дворы. Были предприняты различныя мѣры, очень разумныя и очень строгія, дабы остановить распространеніе мора. Въ Кремлѣ всѣ городовыя ворота велѣно запереть и рѣшетки *запустить*, оставивъ для проходу только одну *калитку* на Боровицкій мостъ, да и ту калитку велѣно на ночь замыкать и для того поставить сторожей. Въ это самое время, 5 октября въ 4-мъ часу ночи учинился пожаръ на Фроловской башнѣ; что было деревяннаго, выгорѣло и часы испортило, и часовой колоколъ упалъ и своды въ башнѣ проломилъ и разбился. Потушить пожаръ было невозможно, потому что лѣстницы къ часамъ были деревянныя и вскорѣ погорѣли. Часовникъ на допросѣ сказалъ, что заводилъ часы безъ огня, и отчего на башнѣ загорѣлось, про то онъ не вѣдаетъ (Доп. А. И., IV, 490).

Съ большимъ сожалѣніемъ объ этомъ пожарѣ разсказываетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій.

Когда моровое повѣтріе утихло, возвратился въ Москву и царь Алексѣй Михайловичъ, весьма торжественно, какъ подобало.

Это происходило 10 февраля 1655 г. Тогда же только что прибылъ въ Москву (2 февр.) и Антіохійскій патріархъ Макарій съ своимъ сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Они смотрѣли торжественный въѣздъ царя изъ оконъ Кирилловскаго монастырскаго подворья, находившагося возлѣ Спасскихъ воротъ, гдѣ имъ было отведено помѣщеніе. Архидіаконъ Павелъ подробно описываетъ этотъ въѣздъ, о которомъ его рѣчь будетъ впереди, и между прочимъ разсказываетъ, какъ государь, дойдя до Спас-

скихъ воротъ и увидѣвъ обгорѣлую ихъ башню съ часами, горько заплакалъ.

«Надъ воротами», говоритъ архидіаконъ, «возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочныхъ основаніяхъ, гдѣ находились чудесные городскіе желѣзные часы, знаменитые во всемъ свѣтѣ по своей красотѣ и устройству и по громкому звуку своего большаго колокола, который слышенъ былъ не только во всемъ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ, болѣе чѣмъ на 10 верстъ. На праздникахъ нынѣшняго Рождества [1]), по зависти діавола, загорѣлись деревянные брусья, что внутри часовъ, и вся башня была охвачена пламенемъ вмѣстѣ съ часами, колоколами и всѣми ихъ принадлежностями, которые при паденіи разрушили своею тяжестію два свода изъ кирпича и камня, и эта удивительная рѣдкостная вещь, возстановленіе которой въ прежній видъ потребовало бы расхода болѣе чѣмъ на 25000 динаровъ (рублей) на однихъ рабочихъ, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгорѣвшую башню, коей украшенія и флюгера были обезображены, и разнообразныя, искусно высѣченныя изъ камня *статуи* обрушились, онъ пролилъ обильныя слезы».

Конечно, архидіаконъ все это описывалъ наполовину по разсказамъ Москвичей, почему часы явились знаменитыми во всемъ свѣтѣ. Но любопытно, что въ числѣ украшающихъ и донынѣ Спасскую башню разныхъ фигуръ и балясинъ находились, какъ упомянулъ архидіаконъ, и искусно высѣченныя изъ камня статуи, о которыхъ упоминаютъ и домашнія свидѣтельства. Въ 1624 г. октября 6 по указу царя Михаила Ѳед. сдѣлано было на четыре болвана однорядки (верхняя одежда) суконныя, сукна пошло англинского разнаго цвѣту 12 арш.; а быть тѣмъ болванамъ, сказано въ записи, на Фроловскихъ воротѣхъ. Такимъ образомъ, эти болваны были поставлены, вѣроятно, по четыремъ угламъ воротъ еще во время первоначальнаго устройства башни по замыслу Галовея. Однако по Русскому обычаю ихъ одѣли въ суконные кафтаны, вѣроятно, съ мыслью сокрыть ихъ статуйную идольскую наружность и дать имъ видъ живыхъ людей.

Что касается внутренняго устройства часовъ, то по этому предмету сохранились отрывочныя указанія только о часахъ, су-

---

[1]) Архидіаконъ пишетъ ошибочно. Какъ упомянуто, пожаръ случился 5 октября.

ществовавшихъ до постройки башни. Приведемъ нѣсколько такихъ указаній.

Въ 1613 г. Фроловскій часовникъ дѣлалъ къ часамъ желѣзный запоръ. Въ 1614 г. Фроловскіе часы возобновлялись и приводились въ новый порядокъ, при чемъ часовникъ Никитинъ дѣлалъ у часовъ *шестерню* да *подъемъ перечасный*, а плотники дѣлали на воротахъ лѣстницы и крыльца, и у часовника крыльцо всходное съ дверью, а у часовъ у *бою* клали брусье новое и куплены скобы, чѣмъ прибить къ брусу *боевую пружину*. Въ 1619 г. часовникъ Каменнаго моста (Троицкихъ воротъ) у своихъ часовъ передѣлывалъ *валъ*, *перечасной бой*. Въ 1621 г. часовникъ Тайниковскихъ воротъ у своихъ часовъ дѣлалъ *вѣтреникъ* да колесо у *маетника*. Въ 1626 г. часовникъ того же Каменнаго моста у своихъ часовъ подѣлывалъ *вѣтреникъ*, да у вѣтреника *репей зубчатой*, да въ колесо трубку большую на *валъ ходовой*.

Изъ этихъ замѣтокъ видно, что часовники были искусные кузнецы и слесаря, такъ что, кромѣ ухода за часами, они работали и на сторону. Въ 1616 г. Фроловскій часовникъ Потапъ Моисеевъ сдѣлалъ 12 аршинъ желѣзныхъ, которые по государеву указу велѣно было раздать по торговымъ рядамъ старостамъ для *прямыя мѣры* [1]).

Бывшій въ Москвѣ въ 1661 г. посолъ австрійскаго императора, баронъ Мейербергъ, оставилъ намъ даже изображеніе Фроловскихъ часовъ, по которому видно, что вверху круглаго циферблата было изображено солнце съ лучами, неподвижное, при чемъ нижній его лучъ въ видѣ стрѣлки служилъ указателемъ цифръ, расположенныхъ по ободу циферблата, имѣвшему вращательное движеніе, подвигая по порядку изображенныя на немъ цифры къ неподвижной стрѣлкѣ, т.-е. къ неподвижному лучу солнца. Такимъ образомъ на этихъ часахъ не стрѣлка ходила, а ходилъ мимо стрѣлки ободъ циферблата съ указными вызолоченными цифрами, славянскими, каждая мѣрою въ аршинъ. Этотъ ходовой указательный кругъ-колесо въ діаметрѣ имѣлъ $7^1/_4$ арш., кругомъ колеса—$10^1/_2$ саж. Средина циферблатнаго круга была покрыта лазоревою краскою и испещрена золотыми и серебряными

---

[1]) О часахъ и часовникахъ см. Архивъ Оруж. Полаты (нынѣ Дворцовый) №№ 696, 889, 890, 921, 922, 923, 930, 1058, 1063, 1071.

звѣздами съ изображеніями солнца и луны, что, конечно, представляло небесное пространство.

Таковы ли были и сгорѣвшіе часы Ѓаловея,—неизвѣстно.

Послѣ пожара въ 1654 г. часы, конечно, были возобновлены. Потомъ въ 1668 г. ихъ снова возобновляли, вываривали отъ ржавчины въ щелоку и починивали (Д. Б. Ц., изд. 3, 108, 613).

Такъ эти старозавѣтные часы дожили до XVIII ст., когда въ первомъ же году столѣтія, 1701, во время новаго лютаго пожара въ Кремлѣ, они, по всему вѣроятію, погорѣли вмѣстѣ съ другими зданіями. Съ этого времени Петръ задумалъ устроить часы на Спасской башнѣ «противъ (по подобію) нѣмецкаго обыкновенія на 12 часовъ», притомъ съ колокольною игрою съ танцами, противъ манера, каковы въ Амстердамѣ. Тамъ и были заказаны такіе часы.

Въ 1702 г. государь повелѣлъ въ Голландіи купцамъ Христофору Бранту и Ивану Любсу сдѣлать три колокольныя часовыя игры. Въ 1704 г. они изготовили только двѣ игры и подали счетъ, что тѣ колокола и танцовальные часы стали имъ съ издержками въ 42.474 ефимка слишкомъ.

Въ 1703 г. часовникъ Григорій Алексѣевъ доносилъ о старыхъ часахъ, что на Спасской башнѣ у боевыхъ часовъ, у указнаго круга, что въ Кремль, верхнія шестерни испортились обѣ и тотъ указный кругъ не ходитъ.

Въ 1704 г. заказанные часы изъ Архангельска прибыли въ Нѣмецкую слободу на дворъ генерала Лефорта, а потомъ оттуда были перевезены на 30 подводахъ на Посольскій дворъ (на Ильинкѣ) и поступили въ завѣдываніе Оружейной Полаты (Туманскаго, Рос. Магазинъ, II, 467). Ставилъ ихъ на мѣсто и вполнѣ устроивалъ въ теченіи 1705—1709 г. иноземецъ Якимъ Гарновъ, Гарнель (Garnault). Въ 1709 г. онъ доносилъ, что «его радѣніемъ часы приходятъ къ окончанію». Однако есть свидѣтельство, что 9 декабря 1706 г. поутру пробило 9 часовъ, а въ 12 заиграла музыка: почали часы бить по-нѣмецки и указные круги на 12 часовъ.

Меншиковъ также устроилъ себѣ часы съ курантами на церкви Гавріила Архангела (Меншикова башня), о которыхъ упоминается въ 1708 г. Выше упомянутая третья игра была доставлена купцами въ Ингермоландскую канцелярію, т.-е. прямо къ Менши-

кову. Какъ играли Спасскіе часы, объ этомъ свѣдѣній намъ не встрѣтилось. Но послѣ Петра годъ отъ году они ветшали безъ починки и въ 1732 г. заставили находившагося при нихъ часовника Гаврилу Паникадильщикова донести по начальству о необходимости произвести починку обветшавшихъ часовъ. За перепискою между Оружейною Полатою и Губернскою Канцеляріею отвѣта не послѣдовало. Часовщикъ въ 1734 г. 2 генваря подалъ новое доношеніе, въ которомъ писалъ, что «часы за непочинкою пришли въ пущую ветхость и всѣ другія часы ветхостію превосходятъ», и представилъ списокъ матеріаловъ, потребныхъ на починку, въ томъ числѣ стали 11 пудъ, желѣза 24 пуда, проволоки 20 фунтовъ, канату посконнаго 100 саж., два круга деревянныхъ указныхъ, жестяныхъ золоченыхъ словъ латинскихъ 3, русскихъ 2, получасовыхъ 3, звѣздъ жестяныхъ бѣлыхъ 12, три гири бомбовы по 10 пудъ и пр.

Между тѣмъ въ концѣ февраля того же 1734 г. изъ Петербурга былъ присланъ къ управленію на Троицкой башнѣ колокольной музыки колокольный игральный оберъ-мастеръ Яганъ-Христофоръ Ферстеръ. Онъ нашелъ на башнѣ игральныхъ колоколовъ 26, къ которымъ въ прибавокъ долженъ былъ прибрать еще 8 колоколовъ басовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ, что «оная Троицкая башня, по его усмотрѣнію, находится въ тѣсномъ мѣстѣ, въ стѣнахъ и въ глуши, и музыка со оной башни будетъ не слышна, а надлежитъ де оной колокольной музыкѣ быть на Спасской башнѣ, понеже де оная стала на всей красотѣ и вельми та колокольная музыка и играніе во дворцѣ и въ Москвѣ будетъ слышна». На это предложеніе Сенатъ рѣшилъ, что ежели о бытіи оной колокольной музыкѣ на Троицкой башнѣ особливаго имяннаго Ея Величества указу нѣтъ, то оную музыку поставить на Спасской башнѣ. Но именной указъ нашелся въ Губернской Канцеляріи, гдѣ въ протоколѣ было записано 1 генваря 1731 года, что «графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ приказалъ имяннымъ Ея Величества указомъ съ церкви Архангела Гавріила, что на Чистомъ прудѣ (Меншикова башня), часовые колокола снявъ, поставить на Троицкой башнѣ, какъ надлежитъ, и къ нимъ придѣлать инструменты, чтобъ играли». На основаніи этого указа Сенатъ въ августѣ 1734 года приказалъ упомянутой колокольной музыкѣ быть попрежнему на Троицкой башнѣ, гдѣ и долженъ

былъ работать оберъ-мастеръ Ферстеръ. Восемь колоколовъ согласныхъ голосами онъ прибиралъ въ Артиллеріи на Пушечномъ дворѣ изъ хранившихся тамъ шестисотъ колоколовъ, собранныхъ въ прежніе годы (по указамъ Петра) отъ церквей [1]).

Спасскіе часы, вѣроятно, были починены, но въ лютѣйшій пожаръ всей Москвы въ 1737 г. часы на обѣихъ башняхъ погорѣли и были приведены въ порядокъ въ томъ же году.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что на Спасской башнѣ въ это время колокольной игры уже не существовало. На Троицкой она поддерживалась до конца XVIII ст. и разсказываютъ, что колокольный музыкантъ разыгрывалъ руками и ногами даже «Святый Боже» при погребеніи первыхъ вельможъ, напр., начальника Москвы графа З. Гр. Чернышева въ 1784 г. и другихъ, бренные останки которыхъ были проносимы въ Троицкія ворота [2]).

Однако, въ теченіи времени и Спасская башня получила такіе же куранты. Въ 1763 г. въ помѣщеніяхъ подъ Грановитою Полатою происходила разборка архивныхъ дѣлъ бывшихъ Преображенскаго и Семеновскаго Приказовъ, при чемъ были найдены «*большие* англійскіе курантовые часы», быть-можетъ, нѣкогда снятые со Спасской же башни. По именному указу импер. Екатерины II въ 1767 г. эти часы повелѣно поставить на Спасской башнѣ, для чего былъ приглашенъ часовой мастеръ Фацій, запросившій за эту работу 14.556 р. Сумма къ расходу была утверждена, а завѣдываніе дѣломъ было поручено вице-президенту Мануфактуръ-Коллегіи Сукину. Подъ его смотрѣніемъ установка часовъ продолжалась три года. Въ концѣ 1770 г. Сукинъ донесъ Сенату, что установка часовъ мастеромъ Фаціемъ совсѣмъ окончена. Сенатъ приказалъ освидѣтельствовать работу, въ какой исправности часы въ ходу и прочны ли будутъ на предбудущія времена, для чего были собраны часовые мастера, записные цеховые и вольные [3]).

---

1) Арх. Мин. Юст., дѣла Сенат. Конторы, № 7712.

2) Гастева: Стат. описаніе Москвы. М., 1841, 57.

3) Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Статсъ-Конторы, № 849. Упр. Благ., связка 228, № 4283.

Кирилловское подворье.

Входя въ Кремль, надо припомнить, что въ древнее время вся его мѣстность была очень тѣсно застроена, кромѣ монастырей и церквей, главнымъ образомъ домами и дворами бояръ, между которыми по уголкамъ тѣснились также и дворы церковныхъ причтовъ, протопоповъ, поповъ, діаконовъ. Всѣ эти дворы занимали свои мѣста не линейно по направленію улицъ, а какъ было удобно. Гдѣ оказывалось свободное пространство, тамъ и поселялся тотъ или другой дворъ и малый дворикъ, оставляя небольшое пространство для прохода и проѣзда, поэтому въ древнемъ Кремлѣ прямыхъ улицъ не существовало, повсюду были только переулки, сѣть переулковъ и кривыхъ колѣнъ, въ иныхъ мѣстахъ упиравшихся въ тупики.

Впервые прямыя улицы отъ Спасскихъ и Никольскихъ воротъ къ Соборной площади были проведены Иваномъ Третьимъ около 1500 года (С. Г. Г., I, 348), но по тѣснотѣ двороваго размѣщенія ширина этихъ улицъ не превышала 4 саж., а мѣстами онѣ стѣснялись до 3 саж., именно въ ту же ширину, какая и донынѣ существуетъ въ проѣздѣ Спасскихъ воротъ. Даже и въ половинѣ XVIII ст. отъ Спасскихъ воротъ большая улица шла къ Ивановской площади шириною въ 4 саж. съ получетвертью, а мѣстами и въ $3^1/_2$ сажени. Она называлась *Спасскою*.

Отъ самыхъ воротъ, нѣсколько влѣво, въ разстояніи 11 саж. находилась церковь Аѳанасія Александрійскаго, иначе Аѳанасьевскій монастырь и при немъ подворье Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Церковный уголъ выходилъ прямо противъ середины и доселѣ существующей старой стрѣлецкой караульни въ разстояніи отъ нея на $7^1/_2$ саж. Самая церковь стояла противъ теперешняго зданія Дворцоваго вѣдомства въ разстояніи отъ него на 5 саж.

На мѣстѣ этого зданія нѣкогда стояли каменныя полаты купца Тарокана, построенныя имъ въ 1470 году, первое каменное зданіе въ Москвѣ, принадлежавшее частному лицу.

По Спасской улицѣ подворье въ длину занимало 28 саж., взади безъ малаго 25 саж., поперекъ по линіи Кремлевской стѣны около 18 саж., въ противоположномъ угловомъ концѣ, гдѣ за эту межу

выдвигалось отдѣльно стоявшее зданіе подворья, безъ малаго 24 саж. Такую мѣру даетъ планъ 1757 г. [1]).

Аѳанасьевская церковь впервые упоминается въ 1389 г. по случаю начавшагося 21 іюля отъ нея пожара, отъ котораго мало не весь городъ Кремль «погорѣ». Однако, въ Никон. лѣтописи (изд. 1786 г., IV, стр. 148) упомянуто, что въ 1386 г. въ монастырѣ св. Аѳанасія былъ погребенъ нѣкій Семенъ Яма (по другимъ спискамъ той же лѣтописи, вмѣсто Аѳанасьевскаго монастыря упомянутъ по этому случаю монастырь Вознесенскій, который едва ли существовалъ въ этомъ году). Въ то время церковь, конечно, была деревянная. Каменная была построена въ 1462 г. Василіемъ Дмитріевымъ сыномъ Ермолина, во Фроловскихъ воротахъ, какъ написано въ Лѣтописи, а предѣлъ у нея св. Пантелеимонъ. Въ томъ же году 27 іюля она была освящена (Извѣстія Ак. Н. 1903 г., томъ VIII, кн. 4, стр. 77). По всему вѣроятію, послѣ многихъ пожаровъ, каменный храмъ значительно обветшалъ и потому въ 1514 г. вновь построенъ изъ кирпича Юрьемъ Григорьевымъ Бобынинымъ.

Въ іюнѣ 1571 г. царь Иванъ Вас. Грозный пожаловалъ къ Аѳанасію Великому на церковное строенье и на дворъ 200 руб. Тогда, вѣроятно, и самое подворье впервые построено также каменное, т.-е. кирпичное, полаты, кельи и служебныя зданія.

Когда именно основалось при церкви Аѳанасія монастырское подворье, свѣдѣній не имѣемъ. Припомнимъ, что преп. Кириллъ, еще бывши міряниномъ, проживалъ вблизи Аѳанасьевской церкви, во дворѣ ближняго человѣка у вел. князя Дмитрія Донскаго окольничаго Тимоѳея Васильевича, у Тимоѳеевскихъ, впослѣдствіи Константино-Еленскихъ воротъ. Можетъ быть еще при жизни преподобнаго и устроено было здѣсь его подворье (см. Тимоѳеевскія ворота)..

О составѣ строеній подворья свѣдѣнія находимъ только отъ позднѣйшаго времени, именно по случаю Московскаго пожара въ 1737 г., когда «въ ономъ подворьѣ на св. церквахъ главы сгорѣли и кресты свалились и въ кельяхъ всякое деревянное

---

1) По другому плану 1756 г. мѣра обозначена такъ: по улицѣ 30 саж., взади 29, по Кремлевской стѣнѣ 28, въ угловомъ концѣ 19 саж.—Такъ различно чертились планы въ XVIII ст. Оба плана подписаны архитекторомъ Вас. Яковлевымъ. Они различаются и въ подробностяхъ.

строеніе внутри и кровли все погорѣло безъ остатку, отчего и каменное зданіе повредило и сыплется; сквозь своды отъ дождевой мокроты имѣется во многихъ мѣстахъ не малая теча и опасно, чтобъ всему монастырскому каменному зданію отъ течи конечнаго поврежденія не случилось». Такъ послѣ пожара доносилъ объ этомъ строитель монастыря, испрашивая должную сумму на починку разрушенныхъ зданій. Но еще въ 1731 году архимандритъ Кириллова монастыря Иринархъ доносилъ въ Коллегію Экономіи, что «отъ древнихъ лѣтъ построенъ въ Кремлѣ городѣ Аѳанасьевскій монастырь, который приписанъ къ тому Кириллову монастырю на подворье, а въ томъ монастырѣ на *соборныхъ* церквахъ кровли покрыты черепицею и та черепица вся обвалилась и отъ течи своды повредились и во многихъ мѣстахъ стѣны разсѣлись, отчего то строеніе рушится, и просилъ то строеніе осмотрѣть и перекрыть, дабы то строеніе и пуще не развалилось и въ большой убытокъ не пришло».

По случаю возобновленія строеній послѣ пожара упоминаются слѣдующія ихъ части: 1) церковь Аѳанасія и Кирилла съ трапезою и папертьми, вокругъ 52 саж., крыто было тесомъ; 2) св. ворота съ оградною стѣною; 3) начиная отъ ограды кельи каменныя жилыя, позади церкви, въ длину на 12 саж., въ ширину 4 саж.; въ нихъ были потолки накатные и полы и въ окнахъ рамы и крыльца деревянныя; 4) кельи жилыя на 28 саж. съ крыльцами и нужниками, съ кровлею на два ската; 5) сушило кладовое на 16 саж. съ крыльцомъ каменнымъ; 6) на конюшенный дворъ ворота каменныя и ограда; 7) надъ воротами жилыя полаты на 8 саж., при тѣхъ полатахъ нужникъ шириною $1^1/_2$ арш., длиною 3 саж.; 8) на конюшенномъ дворѣ на конюшняхъ сушилы каменныя дл. на 6, поперекъ 4 арш. По смѣтѣ на возобновленіе всего разрушеннаго потребовалось 2865 р. съ коп.

Во время пожара «въ церквахъ деисусы и мѣстные образа погорѣли, многіе повредились; въ Кирилловской церкви антиминсъ погорѣлъ; колокольня обгорѣла и колокола опустились, но ризница вынесена вся въ цѣлости».

О размѣщеніи церквей узнаемъ слѣдующую подробность:

«Въ 1757 г. стряпчій Кириллова монастыря подалъ въ Моск. Духовную Консисторію прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что на подворьѣ каменная теплая церковь во имя Кирилла Бѣлозер-

скаго пристроена къ алтарю Аѳанасьевской церкви, отчего въ Кирилловской совершенная тьма; въ алтарѣ и въ церкви только по одному небольшому окну; отъ Аѳанасьевской къ Кирилловской церкви каменные крытые переходы также не пропускаютъ свѣта въ церковь». Согласно этому заявленію было разрѣшено перенести Кирилловскую церковь въ находившіяся возлѣ Аѳанасьевской церкви съ сѣверной стороны каменныя три полаты, составлявшія собственно боковую паперть храма, изъ которыхъ въ одной назначено быть алтарю, въ другой — церкви, въ третьей—трапезѣ. Однако, прежняя церковь не была разобрана, потому что находилась при настоящей (Аѳанасьевской) церкви съ папертьми въ однѣхъ стѣнахъ.

Это показываетъ, что Кирилловская церковь была построена въ одно время съ Аѳанасьевскою, быть можетъ еще Бобынинымъ въ 1514 г. или же, что вѣроятнѣе, при Иванѣ Грозномъ въ 1571 г.

По штатамъ 1764 г. Кирилловское подворье изъ монастырскаго вѣдѣнія поступило въ вѣдомство Коллегіи Экономіи, которая въ 1765 г. продавала его съ аукціона, а потомъ оно было разобрано въ 1776 г., когда Баженовъ чертилъ свой новый планъ Кремля для постройки воображаемаго громаднѣйшаго Дворца.

Составъ монастырской на подворьѣ братіи въ теченіи XVII ст. былъ слѣдующій: строитель, 3 попа, діаконъ, понамарь и 6 человѣкъ старцевъ. Съ 1625 г. они каждогодно получали государева жалованья и за понахиды, малые столы, и по царицѣ Аннѣ, по князѣ Димитріи Ивановичѣ и по царевнѣ Аннѣ на ихъ памяти и на преставленіе 18 р. 17 алт. 3 денги.

Такъ, вѣроятно, было и въ XVI ст., на что указываютъ имена поминовеній. Царица Анна, вѣроятно, четвертая жена Грознаго Анна Колтовская, въ иночествѣ Дарья, † 1626 г. Царевна Анна, дочь Ивана Грознаго, † 1550 г., на поминъ по ней царь пожаловалъ 150 р. Князь Дмитрій Ивановичъ Углицкій (Жилка)— сынъ вел. князя Ивана III, скончался въ 1521 г.

Въ 1576 — 1583 гг. на подворьѣ былъ строителемъ старецъ Александръ, прославившійся потомъ въ Кирилловскомъ монастырѣ своевольными непорядочными поступками, въ числѣ которыхъ ему вмѣнялось и то, что онъ, бывши строителемъ на подворьѣ полсема года, т.-е. шесть съ половиною лѣтъ, и отчету въ монастырской казнѣ не далъ.

Въ XVII ст. подъ Аѳанасьевскою церковью находился казенный монастырскій *погребъ*, служившій крѣпкою кладовою для сохраненія богатаго имущества частныхъ лицъ, какъ это водилось и во многихъ другихъ каменныхъ церквахъ на случаи безпрестанныхъ пожаровъ. За сохраненіе монастырь, конечно, получалъ свои прибытки. Въ 1688 г. въ этомъ погребѣ случилась покража: у стольника Андрея Квашнина-Самарина разломали его сундукъ и покрали 1500 р. денегъ, ожерелье цѣною 300 р., шапку цѣною 150 р. Онъ жаловался патріарху, объясняя, что въ погребѣ стояли многіе нашей братіи сундуки и тѣ всѣ цѣлы, разграбленъ только его сундукъ. Онъ обвинялъ въ покражѣ монастырскихъ служебниковъ, именно сушильнаго старца Корнилія, который по рѣшенію патріарха и былъ отданъ истцу въ заживъ головою (Врем. XV, 32). Дѣло тянулось полтора года и съ Корнилія было снято черное платье, т.-е. онъ выбылъ изъ монаховъ.

Изъ случайныхъ событій, происходившихъ на Кирилловскомъ подворьѣ, извѣстно одно, когда въ 1563 г. на немъ была пострижена въ инокини вдова Старицкаго князя Андрея Ивановича, Евфросинія Андреевна.

Княгиня съ ея сыномъ Владиміромъ Андреевичемъ по какимъ-то замысламъ очень были подозрительны для Грознаго царя. Возвращаясь въ Москву побѣдителемъ въ Литовской войнѣ, взявши Полоцкъ, царь въ половинѣ марта заѣзжалъ къ княгинѣ въ Старицу и пировалъ у ней, но тутъ же, вѣроятно, и порѣшилъ убрать ее съ дороги своего ненасытнаго властительства. Спустя три мѣсяца въ іюнѣ онъ уже положилъ гнѣвъ свой на княгиню и на ея сына, потому что на нихъ донесъ ихъ же дьякъ, что они чинятъ многія неправды къ самодержцу. Начались розыски и ихъ неправды были доказаны, какъ и слѣдовало ожидать. Царь передъ митрополитомъ и передъ священнымъ соборомъ духовенства обличилъ ихъ, но для духовнаго же собора простилъ ихъ. Княгинѣ ничего не оставалось, какъ просить о постриженіи, на что и послѣдовало заранѣе уже обдуманное и опредѣленное согласіе царя. Ее постригли на Кирилловскомъ подворьѣ, такъ какъ духовникомъ ея былъ Кирилловскій игуменъ Вассіанъ, который и постригалъ ее. Она отправилась на житье въ Бѣлозерскій Воскресенскій Горицкій дѣвичій монастырь. Царь устроилъ ей кня-

жескій обиходъ по ея желанію. У ея сына все осталось попрежнему относительно вотчинъ, но всѣ ближніе его люди были удалены отъ него и взамѣнъ ихъ приставлены другіе по назначенію царя, такъ что онъ оставался съ этого времени въ самомъ крѣпкомъ надзорѣ и все-таки впослѣдствіи окончилъ свои дни очень несчастливо.

Далекій Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ лицѣ своего игумена Трифона въ 1447 году во время Шемякиной смуты сослужилъ великую службу на укрѣпленіе Московскаго единодержавія, когда со всею братіею монастыря онъ благословилъ вел. князя Василія Темнаго идти на свою вотчину въ Москву и быть попрежнему государемъ: «а тотъ грѣхъ (что вел. князь цѣловалъ Шемякѣ крестъ не искать государства) на мнѣ», говорилъ игуменъ, «и на головахъ моей братіи, мы за тебя, государя, Бога молимъ и благословляемъ».

Благословеніе въ дѣйствительности произвело рѣшительный поворотъ смутныхъ дѣлъ въ пользу вел. князя, и потому потомки Темнаго свято чтили эту заслугу далекаго и славнаго съ тѣхъ поръ монастыря.

Въ царскомъ быту въ XVII ст., а такъ несомнѣнно было и въ XVI ст., установился обычай на богомольныхъ выходахъ, особенно на Святой недѣлѣ, посѣщать монастыри и христосоваться съ монастырскою братіею. Въ эти дни цари обыкновенно ходили въ монастыри Чудовъ, Вознесенскій и на подворья Троицкое и Кирилловское, въ Аѳанасьевскій монастырь. Подворья въ этихъ случаяхъ служили какъ бы живыми представителями своихъ знаменитыхъ свято-чтимыхъ монастырей. Эти выходы мало-по-малу стали прекращаться со времени преобразователя Петра, который едва ли не въ послѣдній разъ совершилъ такой выходъ въ 1692 г., когда въ субботу на Святой по упомянутымъ монастырямъ и подворьямъ ходилъ царь Иванъ Алексѣев., а на другой день, въ воскресенье, и самъ царь Петръ Алексѣевичъ.

Въ этотъ день въ Успенскомъ соборѣ происходило поставленіе въ Сибирь въ Тобольскъ въ митрополиты Новоспасскаго архимандрита Игнатія. У дѣйства присутствовали оба государя въ государскихъ порфирахъ и діадимахъ и въ Мономаховыхъ шапкахъ, а бояре, окольничіе и думные и ближніе люди были въ золотныхъ кафтанахъ. Послѣ поставленія изъ собора царь Иванъ удалился переходами въ свои хоромы, а царь Петръ шествовалъ

въ Вознесенскій монастырь, на Кирилловское подворье, въ Чудовъ монастырь и на Троицкое, подворье, а потомъ къ себѣ въ хоромы. Не упомянуто, ходилъ ли онъ во всемъ описанномъ царскомъ нарядѣ или перемѣнилъ одежду.

Кромѣ такихъ обычныхъ установленныхъ выходовъ, бывали выходы и по особымъ богомольнымъ случаямъ, при чемъ монастырскіе старцы всегда получали царскій кормъ. Объ этомъ разсказываетъ одно письмо Аѳанасьевскихъ старцевъ къ боярину Вас. Ив. Стрѣшневу въ 1634 году.

«Государю Василію Ивановичу Кириллова монастыря съ Кирилловскаго подворья старцы 14 человѣкъ Бога молимъ и челомъ бьемъ», писали старцы. «Умилостивися государь Василій Ивановичъ, была государыня благовѣрная Царица и Вел. княгиня Евдокія Лукьяновна на Кирилловскомъ подворьѣ, молилася Богу и Пречистой Богородицѣ и преподобному Кириллу Чудотворцу и пожаловала *кормъ* на братію, а дьяки говорятъ, дворцовые, приказу де намъ не бывало. Пожалуй государь Василій Ивановичъ, доложи государыни о томъ и прикажи намъ дати милостыню, или кормъ пожаловати. Пожалуй государь Василій Ивановичъ!»

Въ 1674 г. окт. 24, когда царь Алексѣй Мих. переселялся со всѣмъ семействомъ на временное житье въ село Преображенское, царица Наталья Кирилловна, вслѣдъ за царемъ, также ходила Богу молиться въ Вознесенскій и Чудовъ монастыри и на Троицкое и Кирилловское подворья со всѣми дѣтьми, въ сопровожденіи ближнихъ бояръ, мамъ и верховыхъ боярынь.

Въ 1690 г. по какому-то случаю царь Петръ Алексѣевичъ мая 4 за 5 часовъ до вечера ходилъ въ Вознесенскій монастырь и на Кирилловское подворье, а также и въ Алексѣевскій дѣвичій монастырь.

Подворье съ самаго начала было основано для пріѣзда и пребыванія въ Москвѣ монастырскихъ властей, обязательно пріѣзжавшихъ къ государю съ святою праздничною Кирилловскою водою и на Святой съ обычными дарами монастырскихъ издѣлій, какъ равно и по собственнымъ нуждамъ монастыря.

Достаточно удаленное отъ государева дворца, находившееся у самыхъ воротъ Кремля, Кирилловское подворье служило много разъ мѣстомъ пребыванія заѣзжихъ высокихъ иноземныхъ православныхъ духовныхъ властей.

Въ 1649 г. на немъ останавливался Іерусалимскій и всея Великія Палестины патріархъ Паисій, 4 февраля торжественно принятый царемъ Алексѣемъ Мих. въ Золотой полатѣ и 7 мая въ той же полатѣ также торжественно отпущенъ домой. Слишкомъ три мѣсяца онъ прожилъ на подворьѣ и передъ отъѣздомъ, 5 мая, написалъ здѣсь же грамоту по-гречески о поставленіи Новоспасскаго архимандрита Никона, будущаго патріарха, въ митрополиты Великаго Новгорода.

Очень вѣроятно, что и прежде пріѣзжавшіе въ Москву Іерусалимскіе же патріархи, Іеремія въ 1589 г. при поставленіи перваго Моск. патріарха Іова и Ѳеофанъ въ 1619 г. при поставленіи патріарха Филарета, также пребывали на Кирилловскомъ подворьѣ.

Въ 1655 г. февраля 2 прибылъ въ Москву на подворье Макарій, патріархъ Антіохійскій и всего Востока, съ своимъ сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, оставившимъ намъ превосходнѣйшее описаніе этого пребыванія и всѣхъ порядковъ тогдашней Московской жизни, рѣдчайшее и несравнимое по живости наблюденій и по наивной искренности разсказа, подаренное Русской Наукѣ въ прекрасномъ переводѣ, почтеннымъ Г. Муркосомъ.

Въ это время царя Алексѣя Мих. не было въ Москвѣ: онъ возвращался побѣдителемъ изъ славнаго Литовскаго похода и уже приближался къ Москвѣ.

Свой пріѣздъ архидіаконъ Павелъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ день Срѣтенія (2 февраля 1655 г.) мы въѣхали въ городъ Москву. Сначала мы вступили чрезъ земляной валъ и большой ровъ, окружающіе городъ; потомъ въѣхали во вторую, каменную стѣну, которую соорудилъ дѣдъ теперяшняго царя, Ѳедоръ, коимъ насыпанъ также и земляной валъ. Окружность вала 30 верстъ; онъ снабженъ кругомъ деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стѣна имѣетъ въ окружности семь верстъ. Затѣмъ мы вступили въ третью окружную стѣну, также изъ камня и кирпича, а потомъ въ четвертую, называемую крѣпостью. Она совсѣмъ неприступна, съ весьма глубокимъ рвомъ, по краямъ котораго идутъ двѣ стѣны и за которыми еще двѣ стѣны съ башнями и многочисленными бойницами. Эта крѣпость, составляющая дворецъ царя, имѣетъ по окружности пять воротъ; въ

каждыхъ воротахъ нѣсколько дверей изъ чистаго желѣза, а посрединѣ рѣшетчатая желѣзная дверь, которую поднимаютъ и опускаютъ посредствомъ машинъ. Всѣ бойницы въ стѣнахъ этого города имѣютъ наклонъ къ землѣ, такъ чтобы можно было стрѣлять въ землю, и потому никакъ нельзя ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться къ ней, ибо бойницы весьма многочисленны.

«По въѣздѣ нашемъ (въ Кремль) чрезъ царскія ворота насъ помѣстили въ каменномъ монастырѣ, что близь нихъ, въ мѣстѣ остановки патріарховъ; онъ во имя свв. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и другого Кирилла, извѣстнаго подъ именемъ Бѣлозерскаго, изъ ихъ новыхъ святыхъ.

«Когда мы въѣхали въ городъ, наши сердца разрывались и мы много плакали при видѣ большинства домовъ, лишенныхъ обитателей, и улицъ, наводящихъ страхъ своимъ безлюдіемъ—дѣйствіе бывшей тогда сильной моровой язвы. Нашъ владыка патріархъ благословлялъ людей направо и налѣво, я же, архидіаконъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ сидѣли, по обычаю, сзади у угловъ саней. Пріѣхавъ на мѣсто, мы пали ницъ и возблагодарили со многимъ славословіемъ Всевышняго Бога, который даровалъ намъ милость и благоволилъ намъ увидѣть этотъ великій градъ, столицу, новый Римъ, городъ церквей и монастырей, славный во всемъ мірѣ, о коемъ мы разскажемъ, описывая его красоты, въ своемъ мѣстѣ. Съ нашей души спала великая забота и мы много радовались; да и какъ могло быть иначе, когда мы, стремясь сюда, цѣлые три года безъ десяти дней странствуемъ среди опасности, страховъ и трудовъ неописуемыхъ? Теперь же благодаримъ Бога вторично и молимъ Его, чтобы Онъ, какъ привелъ насъ сюда цѣлыми и невредимыми, такъ же облегчилъ намъ и возвращеніе въ свою страну обогащенными и далъ намъ увидѣть свои родныя мѣста.

«Переводчики учили насъ всѣмъ принятымъ порядкамъ, и кромѣ нихъ рѣшительно никто къ намъ не являлся, ибо существуетъ обычай, что до тѣхъ поръ, пока архіерей или архимандритъ не представится царю и не будетъ допущенъ къ рукѣ, ни самъ онъ не выходитъ изъ дому, ни къ нему никто не приходитъ, такъ что и мы совсѣмъ не могли выходить изъ дому. Таковъ обычай. Нашъ владыка патріархъ никогда не снималъ съ себя мантіи и

панагіи, и никто даже изъ переводчиковъ не входилъ къ нему иначе, какъ послѣ доклада привратника, чтобы предупредить: тогда мы надѣвали на владыку мантію—посохъ же висѣлъ подлѣ него—и тотъ человѣкъ входилъ. Таковъ уставъ не только у архіереевъ, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимаютъ съ себя мантіи и клобука, даже за столомъ, и міряninъ отнюдь не можетъ видѣть ихъ безъ мантіи.

«Тутъ-то мы вступили на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній, на путь самообузданія, совершенства и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо коварные Московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго и дурнаго, доносили царю и патріарху. Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нуждѣ, и противъ желанія вели себя по образу жизни святыхъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ!..

«Въ субботу, 3 февраля, на другой день нашего пріѣзда, прибылъ въ свои полаты киръ Никонъ, патріархъ Московскій, послѣ того какъ онъ съ августа мѣсяца находился въ отсутствіи въ степяхъ и лѣсахъ, изъ боязни чумы. Онъ поѣхалъ потомъ съ царицей къ царю въ Вязьму, куда тотъ возвратился изъ страны Ляховъ и гдѣ остался, проведя здѣсь праздники Рождества и Крещенія. Долгое его пребываніе тамъ имѣло ту цѣль, чтобы совершенно исчезли слѣды моровой язвы въ столицѣ, гдѣ она продолжалась до Рождества. Мы очень обрадовались пріѣзду патріарха: это была первая пріятная вѣсть и радость послѣ заботъ и большой тоски. Стали приходить одно за другимъ извѣстія о скоромъ прибытіи царя. Въ пятницу вечеромъ, 9-го февраля, возвратилась въ свой дворецъ царица.

«Въ субботу утромъ, 10 февраля, бояре и войска, по ихъ чинамъ, приготовились для встрѣчи царя, такъ какъ онъ провелъ эту ночь въ одномъ изъ своихъ дворцовъ, въ 5 верстахъ отъ города. Въ этотъ день, рано поутру, царь, вставши, прибылъ въ монастырь во имя св. Андрея Стратилата, что близъ города, гдѣ слушалъ молебствіе. По выходѣ его оттуда, загремѣли всѣ колокола, ибо то мѣсто близко къ городу. Тогда вышелъ патріархъ въ облаченіи и митрѣ, поддерживаемый и окруженный, по ихъ обычаю, діаконами; передъ нимъ священники въ облаченіяхъ

несли хоругви, кресты и многочисленныя иконы; позади него шли архіепископъ Рязанскій и четыре архимандрита въ облаченіяхъ и митрахъ; тутъ были всѣ городскіе священники; одинъ изъ діаконовъ несъ подлѣ него крестъ на блюдѣ. Всѣ двинулись и встрѣтили царя у Землянаго вала. Нашъ владыка патріархъ желалъ видѣть въѣздъ царя, но это было невозможно, пока онъ не послалъ испросить разрѣшенія у министра. Мы сѣли въ одной изъ келій монастыря, гдѣ проживали, и смотрѣли тайно на торжественное шествіе и толпу изъ оконъ, выходящихъ на царскую (главную) улицу. Городскіе торговцы, купцы и ремесленники вышли для встрѣчи царя съ подарками: съ хлѣбомъ, по ихъ обычаю, съ посеребренными и позолоченными иконами, съ сороками соболей и позолоченными чашами. Показались въ шествіи государственные чины и войско. Вотъ описаніе ихъ процессіи. Сначала несли знамя и подлѣ него два барабана, въ которые били; за нимъ шло войско въ три ровныхъ ряда, въ ознаменованіе св. Троицы. Если знамя было бѣлое, то всѣ ратники, за нимъ слѣдовавшіе, были въ бѣломъ; если синее, то и ратники за нимъ въ синемъ, и точно также, если оно было красное, зеленое, розовое и всякихъ другихъ цвѣтовъ. Порядокъ былъ удивительный: всѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные, двигались въ три ряда, въ честь св. Троицы. Всѣ знамена были новыя, сдѣланныя царемъ предъ отправленіемъ въ походъ. Эти чудесныя, огромныя знамена приводятъ въ удивленіе зрителя своею красотою, исполненіемъ изображеній на нихъ и позолотой. Первое знамя имѣетъ изображеніе Успенія Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патріаршая, освящена во имя Успенія Богородицы; изображеніе сдѣлано съ двухъ сторонъ. Это хоругвь той церкви, и за ней слѣдовали ея ратники. Второе знамя съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, въ честь хитона Господа Христа, который находится у нихъ. На прочихъ знаменахъ—на однихъ былъ написанъ образъ св. Георгія и св. Димитрія и прочихъ храбрыхъ витязей-мучениковъ, на другихъ—образъ св. Михаила Архангела или херувимъ съ пламеннымъ копьемъ, или изображеніе печати царя—двуглавый орелъ, или военные кони, земные и морскіе, для украшенія, большіе и малые кресты и пр. Болѣе всего поражали насъ одежда и стройный порядокъ ратниковъ, которые ровными рядами шли вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Всѣ они, какъ

только увидятъ икону надъ дверями церкви или монастыря или крестъ, снимали свои колпаки, оборачивались къ ней и молились, несмотря на ужасный холодъ, какой былъ въ тотъ день. Сотники, т.-е. юзбаши, съ сѣкирами въ рукахъ, также шли подлѣ знамени. Такимъ образомъ они продолжали двигаться почти до вечера. При приближеніи царя всѣ они встали въ рядъ съ двухъ сторонъ отъ дворца до Землянаго вала города, при этомъ всѣ колокола въ городѣ гремѣли, такъ что земля сотрясалась. Но вотъ вступили (въ Кремль) государственные сановники, затѣмъ показались царскія заводныя лошади, числомъ 24, на поводу, съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными каменьями, царскія сани, обитыя алымъ сукномъ, съ покрывалами, расшитыми золотомъ, а также кареты со стеклянными дверцами, украшенныя серебромъ и золотомъ. Появились толпами стрѣльцы съ метлами, выметавшіе снѣгъ передъ царемъ. Тогда вступилъ (въ Кремль) благополучный царь, одѣтый въ царское одѣяніе изъ алаго бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагамъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, со шнурами на груди, какъ обычно бываетъ на ихъ платьяхъ. Онъ шелъ пѣшкомъ съ непокрытою головой; рядомъ патріархъ, бесѣдуя съ нимъ. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабановъ, ни флейтъ, ни забавъ, ни иного подобнаго, какъ въ обычаѣ у господарей Молдавіи и Валахіи, но пѣли пѣвчіе. Всего замѣчательнѣе было вотъ что: подойдя къ нашему монастырю, царь обернулся къ обители монахинь, что въ честь Божественнаго Вознесенія, гдѣ находятся гробницы всѣхъ княгинь; игуменья со всѣми монахинями въ это время стояла въ ожиданіи; царь на снѣгу положилъ три земныхъ поклона предъ иконами, что надъ монастырскими вратами, и сдѣлалъ поклонъ головой монахинямъ, кои отвѣчали ему тѣмъ же и поднесли икону Вознесенія и большой черный хлѣбъ, который несли двое; онъ его поцѣловалъ и пошелъ съ патріархомъ въ великую церковь, гдѣ отслушалъ вечерню, послѣ чего поднялся въ свой дворецъ» (Г. Муркоса: Путеш. Антіох. патріарха Макарія, III).

2 ноября 1666 г. прибыли въ Москву Паисій папа и патріархъ Александрійскій и Макарій Антіохійскій и послѣ церемоніальныхъ встрѣчъ «поѣхали на подворье, гдѣ имъ уготовано стояти, въ Аѳанасьевскій монастырь, что подворье Кириллова монастыря».

4 ноября послѣдовалъ царскій пріемъ ихъ въ Грановитой Полатѣ, гдѣ потомъ происходило и обычное торжественное столованье.

«Съ подворья патріархи ѣхали съ саняхъ оба вмѣстѣ, передъ ними шли старцы ихъ да государевы пѣвчіе дьяки, пѣли передъ ними».

Надо замѣтить, что въ это время патріархи пріѣхали судить нашего патріарха Никона, по какому поводу происходили соборныя и частныя засѣданія и непрерывныя сношенія патріарховъ съ нашими духовными властями, такъ что Кирилловское подворье по тѣснотѣ помѣщенія оказывалось уже очень неудобнымъ для такихъ сношеній, а потому черезъ три недѣли 25 ноября патріархамъ было отведено помѣщеніе въ полатахъ, что у Чудова монастыря, куда они въ тотъ день и переѣхали. Тамъ для собраній духовенства находилась и Крестовая полата, съ выходомъ прямо въ церковь Благовѣщенія, гдѣ совершилось и низведеніе Никона съ патріаршества.

Когда съ преобразованіями Петра весь обиходъ и богомольный обычай царскаго двора сталъ мало-по-малу угасать, подвергнувшись прилежному и очень внимательному разсмотрѣнію и разбору неутомимаго Преобразователя, Кирилловское старое подворье вселенскихъ патріарховъ, какъ и другія подворья стали служить уже новымъ цѣлямъ, на нихъ водворялись разнаго рода новыя коллегіи или разныя лица новой службы государству.

Еще при Петрѣ здѣсь находимъ полату главнаго наблюдателя надъ иконописнымъ художествомъ Заруднаго. Затѣмъ въ 1722—1726 гг. здѣсь же помѣстилась контора *подушной* переписи всѣхъ церковниковъ, а потомъ Комерцъ-контора въ полатахъ надъ воротами подворья со стороны Большой улицы, при чемъ подъ тѣми полатами, въ нижней полатѣ производилась отъ той конторы мелочная продажа гербовой бумаги. Въ 1733 г., когда на подворьѣ пребывала уже эта Комерцъ-контора, изъ Петербурга отъ самой Комерцъ-коллегіи послѣдовало требованіе, чтобы контора нашла у себя мѣсто для пріѣзжавшей въ то время въ Москву Коллегіи. Контора отвѣчала, что на подворьѣ за тѣснотою и ветхостію полатъ мѣста для Коллегіи нѣтъ, что и сама контора находится въ большой опасности, «дабы отъ худобы полатъ оныя не обвалились и не учинилось бы отъ того людямъ убивства». Полаты, конечно, были починены. Въ 1743 г. Кирилловскій архимандритъ

Вавила, получивъ мѣсто асессора въ Московской Синодальной конторѣ, просилъ для собственнаго помѣщенія на подворьѣ вывесть оттуда эту Комерцъ-контору съ ея архивомъ и колодниками. Отвѣтъ послѣдовалъ, что конторѣ оставаться на своемъ мѣстѣ попрежнему, перевесть ее некуда.

Въ другихъ семи полатахъ подворья хранились (съ 1749 г.) отъ Комиссаріата амуничныя вещи; въ этихъ уже ветхихъ полатахъ въ 1756—1757 гг. было намѣреніе помѣстить Статсъ-контору. Но на подворьѣ порозжихъ семь полатъ оказались настолько ветхими, что въ трехъ и потолковъ не было.

Между тѣмъ на подворьѣ въ особыхъ полатахъ все-таки проживали: строитель, стряпчій и другіе монастырскіе служители.

Наконецъ въ томъ же 1765 г. Кирилловское подворье вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими продавалось по объявленію въ Московскихъ Вѣдомостяхъ № 15 отъ Коллегіи-Экономіи съ аукціоннаго торга. Было ли оно кѣмъ куплено, объ этомъ свѣдѣній не имѣемъ, но при выселеніи въ 1770 г. духовнаго чина съ его старыхъ мѣстъ у церкви Константина и Елены на Крутицкое подворье, о Кирилловскомъ по этому случаю уже не упоминается. Однако оба эти подворья и *Черкасскій домъ* (князя Черкасскаго) были совсѣмъ разобраны въ 1776 г., при чемъ при разборкѣ одного желѣза вынуто 196 пудовъ.

Крутицкое подворье.

Теперь перейдемъ прямо по Спасской улицѣ къ Крутицкому подворью, которое по межамъ отстояло отъ Кирилловскаго невступно саженъ на двадцать. Въ этомъ промежуткѣ между подворьями находился боярскій дворъ, о которомъ будемъ говорить послѣ.

Исторія Крутицкаго подворья мало извѣстна, потому что это былъ собственный дворъ Крутицкаго митрополита, почему и именовался «Крутицкимъ митрополичьимъ дворомъ».

Какъ частная собственность, этотъ дворъ не поминается даже и въ XVII ст. ни въ какихъ случаяхъ тогдашней церковной и царской обрядовой жизни. *Крутицкое* подворье, по всему вѣроятію, основалось въ то время, когда епископъ Сарайскій Вас-

сіанъ (1454—1466) навсегда поселился въ Москвѣ, именно на Крутицахъ, какъ назывался тотъ крутой и овражистый берегъ Москвы-рѣки. Есть свѣдѣніе, что еще въ концѣ XIII ст. Московскій князь Даніилъ Александровичъ повелѣлъ первому епископу, собственно Крутицкому, Варлааму, изъ Грековъ, освятить церковь на горахъ у Москвы-рѣки и что «вѣроятно съ тѣхъ поръ мѣсто сіе было подворьемъ для пріѣзда въ Москву Сарайскихъ архіереевъ».

Такъ свидѣтельствуетъ Исторія Росс. Іерархіи, I, 234. Повидимому, источникомъ этого свѣдѣнія послужила небольшая статья о первоначаліи и созиданіи Москвы А. Сумарокова въ «Трудолюбивой Пчелѣ» на 1759 г., стр. 48—58.

Статейка вмѣстѣ съ достовѣрными свидѣтельствами наполнена, особенно вначалѣ, гдѣ говорится о древнихъ временахъ Москвы, прямымъ баснословіемъ и произвольными домышленіями, къ которымъ относится и показаніе автора о первомъ Крутицкомъ епископѣ Варлаамѣ, взятое вѣроятно изъ сказаній, сочиненныхъ на Крутицахъ въ концѣ XVII ст., о пустынникахъ Подонѣ, Сарѣ, объяснявшихъ титулъ Крутицкихъ Іерарховъ, Сарайскій и Подонскій [1]), о чемъ говорено выше.

Подворье было расположено правильнымъ продолговатымъ четыреугольникомъ отъ востока къ западу длиною въ 25 саж., шириною 13 саж., въ которомъ жилыя и служебныя строенія занимали мѣсто въ видѣ ограды шириною въ $3^1/_2$ саж., такъ что посрединѣ этой ограды существовалъ обширный дворъ, съ воротами на Спасскую улицу. Жилое митрополичье зданіе было въ три яруса и заключало въ себѣ Крестовую длиною 12 арш., шириною 9 арш.; Столовую длиною и шириною въ 9 арш. и другіе жилые *покои*, которыхъ всѣхъ въ 1770 г. числилось 12. Въ связи съ Крестовою стояла и митрополичья церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, вѣроятно въ юго-восточномъ углу зданія, гдѣ при разборкѣ строеній подъ ними были открыты каменныя росписныя полаты, засыпанныя потомъ для уравненія площади (Гастевъ планъ Кремля, № 37).

---

[1]) Однако это непровѣренное свидѣтельство заняло свое мѣсто въ Исторіи Русской Церкви Макарія, V, 303, Филарета, II, 54, по авторитетному указанію Исторіи Росс. Іерархіи, I, 234 (см. Чтенія Общ. И. и Др. 1894 г., кн. 3, стр. 9, 20—22). Даніилъ княжилъ 33 г., скончался 1303 г., а церковь освящалъ Варлаамъ въ 29 лѣто его княженія, слѣд. въ 1299 г.

По свидѣтельству одной записки, относящейся къ 1610 г., Московская служба Крутицкаго владыки заключалась въ томъ, что онъ обязанъ былъ каждое воскресенье пріѣзжать съ Крутицъ въ Москву и служить съ патріархомъ церковныя службы въ Успенскомъ соборѣ. Такъ было во времена патріаршества, но еще въ 1551 году по правиламъ святительскаго суда Крутицкому владыкѣ предоставлялось, если митрополиту не поможется, занимать его мѣсто и совершать его судъ (А. И., I, 273; II, 422). Поэтому нельзя сомнѣваться, что Кремлевское Крутицкое подворье уже существовало и въ то время, какъ необходимое помѣщеніе для пріѣзда и пребыванія Крутицкихъ владыкъ.

Во время смутныхъ дѣлъ Бориса Годунова архіепископъ Крутицкій Варлаамъ и митрополитъ Діонисій навлекли на себя опалу Годунова за то, что обличали передъ царемъ Өедоромъ его злодѣйства противъ ненавистныхъ ему бояръ, князей Шуйскихъ и ихъ единомышленниковъ, и потому вскорѣ же, въ 1586 г., были удалены съ своихъ престоловъ въ заточенье, митрополитъ въ Хутынскій, а Крутицкій въ Антоніевъ Новгородскіе монастыри.

Послѣ того съ учрежденіемъ патріаршества Крутицкіе епископы съ 1589 г. получили санъ митрополитовъ и несомнѣнно стали чаще пребывать на своемъ Кремлевскомъ подворьѣ. Одинъ изъ нихъ, Варсонофій, въ 1688 г. даже скончался на подворьѣ и былъ похороненъ на Крутицахъ (Вивл., XI, 334). Въ отмѣткѣ о подворьѣ 1765 г. обозначено, что въ немъ жительство имѣетъ самъ Крутицкій преосвященный.

Оба подворья, и Кирилловское и Крутицкое, были упразднены, а потомъ и совсѣмъ разобраны по случаю предположеннаго къ сооруженію воображаемаго Баженовскаго дворца. Когда стали очищать Кремль отъ мѣшавшихъ плану этого дворца зданій, то коснулись и многихъ дворовъ, принадлежавшихъ соборному духовенству, жившему подъ Кремлевскою горою возлѣ церкви Константина и Елены. Пока шла переписка объ отводѣ ему новаго помѣщенія, весь причтъ перевели временно на Крутицкое и Кирилловское подворья. Это было въ 1770 г., а послѣ того въ 1776 г. подворья были разобраны и на ихъ мѣстѣ образовалась обширная площадь.

Между подворьями, какъ упомянуто, находился боярскій дворъ, который очерченъ и на Годуновскомъ планѣ Кремля, гдѣ пока-

зано посрединѣ двора большое зданіе, а въ сѣверо-восточномъ углу двора достаточно обширный садъ, занимавшій почти четвертую долю двора и примыкавшій къ оградѣ на Спасскую улицу, а другой стороной къ Кирилловскому подворью. Ворота со двора также выходили на Спасскую улицу. На планѣ не обозначено, кому принадлежалъ этотъ дворъ. Въ Годуновское время, конечно, онъ принадлежалъ кому-либо изъ родственниковъ или близкихъ сторонниковъ царя Бориса. Въ XVII ст. этотъ дворъ принадлежалъ родственникамъ царя Михаила Ѳедоровича, князьямъ Черкасскимъ. Первымъ владѣльцемъ двора въ это время былъ двоюродный братъ царя Михаила, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, сынъ родной тетки царя, Марѳы Никитичны, бывшей въ замужествѣ за княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ Черкасскимъ, умершимъ въ 1601 г. Можетъ быть, дворъ и въ прежнее время принадлежалъ ему же, Борису Камбулатовичу, и при Годуновѣ оставался опальнымъ, почему и не обозначенъ на планѣ кому-либо принадлежащимъ. Извѣстно, что Годуновская опала распространилась на весь родъ Романовыхъ и съ ихъ родственниками и разсѣяла ихъ по далекимъ глухимъ мѣстамъ, гдѣ они не малое время томились въ заключеніи и преждевременно помирали голодною смертью.

Когда Божіимъ промысломъ времена перемѣнились и новоизбранный царь, шествуя къ Москвѣ, на свой царскій престолъ, остановился 21 марта 1613 г. до просухи въ городѣ Ярославлѣ, къ нему вскорѣ прибылъ туда первымъ Иванъ Борисовичъ Черкасскій, получившій потомъ въ самый день царскаго вѣнчанія 11 іюня первымъ же изъ стольниковъ прямо чинъ боярина. «А идучи въ соборную церковь (къ коронованію), былъ государь въ Золотой въ подписной полатѣ и сѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ и пожаловалъ государь въ бояре стольника князя Ивана Борисовича Черкасскаго».

По всему вѣроятію, въ это время былъ пожалованъ ему и упомянутый дворъ, навѣрное опустошенный Поляками во время ихъ сидѣнья въ Кремлѣ. Впрочемъ, есть свѣдѣніе, что бояринъ справлялъ новоселье 3 апрѣля 1621 г., когда государь пожаловалъ ему на новоселье хлѣбецъ да солонку соли да сорокъ соболей въ 50 рублей. Иванъ Борисовичъ пользовался большимъ расположеніемъ царя Михаила Ѳед. На царской свадьбѣ въ

1624 г. онъ занималъ мѣсто тысяцкаго, главное мѣсто въ свадебномъ распорядкѣ, какъ и въ столовыхъ разрядахъ за царскими столами всегда занималъ первенствующее мѣсто въ средѣ приглашаемыхъ бояръ. На службѣ государству онъ управлялъ Приказомъ Большой Казны съ 1628 и до своей кончины въ 1642 г. апр. 4. По тому времени этотъ Приказъ равнялся министерству финансовъ. Въ тѣ же годы онъ управлялъ и Иноземскимъ Приказомъ, а также Казеннымъ Дворомъ, Стрѣлецкимъ Приказомъ.

О мѣстоположенiи его двора свидѣтельствуетъ описанiе Кремлевскаго пожара, случившагося въ августѣ 1633 г., когда сначала загорѣлся дворъ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, близь Никольскихъ воротъ, потомъ погорѣли Новоспасское подворье, за нимъ Чудовъ и Вознесенскiй монастыри и Кирилловское подворье и на Фроловской башнѣ орелъ сгорѣлъ, а князь Ивана Борисовича дворъ изъ огня отняли (Лѣтоп. о мятежахъ, М., 1788 г., стр. 344).

Его сестра Ирина Борисовна была въ замужествѣ за бояриномъ Ѳед. Ив. Шереметевымъ.

Послѣ Ивана Борисовича не осталось наслѣдниковъ мужского колѣна и потому его дворъ поступилъ во владѣнiе къ его родственнику, князю Якову Куденетовичу Черкасскому († 1666), женатому на княжнѣ Прозоровской. Онъ ли выстроилъ на этомъ дворѣ высокiя хоромы или онѣ достались ему, что вѣроятнѣе, отъ Ивана Борисовича, но ихъ хорошо замѣтилъ посолъ Австрiйскаго императора баронъ Мейербергъ, изобразившiй ихъ на картинѣ всего Кремля, какъ выдающееся высокое зданiе, видимое и изъ-за стѣнъ города. Яковъ Куденетовичъ славился на бранномъ полѣ какъ отличный воевода.

Послѣ Якова Куденетовича дворъ перешелъ къ его сыну Михаилу Яковлевичу († 1712). На чертежѣ этой мѣстности, относящемся къ 70 годамъ XVII ст., показана даже и церковь на этомъ дворѣ. Въ 1625 г. она обозначена во имя Димитрiя Солунскаго, что на дворѣ боярина кн. Ивана Борисовича Черкасскаго (Доп. А. И., IX, 318). Въ 1699 г. обозначена того же воимя, что на дворѣ боярина кн. Михаила Яковлевича Черкасскаго, а въ 1722—1726 гг. во имя Владимiрской Богородицы, что на дворѣ ближняго стольника и Сибирскаго губернатора кн. Алексѣя Мих. Черкасскаго, каменная.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ храмъ построенъ архіепископомъ Елассонскимъ Арсеніемъ на своемъ дворѣ, какъ свидѣтельствуетъ его житіе, еще въ то время, когда онъ проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ архіепископа Архангельскаго собора съ 1597 г. [1]).

Михаилъ Яковлевичъ, бывши стольникомъ, въ 1671 г. въ обрядѣ бракосочетанія царя Алексѣя Мих. на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, сидѣлъ на государевомъ мѣстѣ, а черезъ 10 слишкомъ лѣтъ, въ 1682 г., получилъ чинъ боярина, именуясь *ближнимъ* бояриномъ, потому что былъ комнатнымъ стольникомъ. Въ 1697 г. дек. 1 назначенъ въ Сибирь воеводою-губернаторомъ. Тамъ въ 1698 г. померла его супруга, княгиня Марѳа Яковлевна, о чемъ не мало опечалился и царь Петръ Алексѣевичъ, пославшій ему милостивое слово и милостивую грамоту (Дв. Разряды, IV, 211, 1066, 1083).

Михаилъ Яковлевичъ скончался въ 1712 г., оставивъ владѣльцемъ двора своего второго сына Алексѣя Михайловича. Старшій сынъ Петръ Мих. померъ въ 1701 г. Оба были въ 1692 г. комнатными стольниками.

Алексѣй Михайловичъ по слѣдамъ отца при Петрѣ былъ тоже губернаторомъ Сибири, сенаторомъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II и кабинетъ-министромъ при импер. Аннѣ, получивъ потомъ должности государственнаго канцлера и президента Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ [2]). Онъ былъ женатъ первымъ бракомъ на Аграфенѣ Львовнѣ Нарышкиной, а вторымъ—на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, отъ которой имѣлъ единственную дочь, княжну Варвару Алексѣевну, вышедшую замужъ за камергера графа Петра Борисовича Шереметева, во владѣнье къ которому и поступилъ старый дворъ князей Черкасскихъ, разобранный въ 1776 г., по случаю постройки Баженовскаго дворца. Дворъ въ это время хотя и принадлежалъ Шереметеву, но прозывался все-таки «Черкасской домъ».

Въ 1725 году штатсъ-тайный совѣтникъ кн. Алексѣй Михайловичъ жилъ въ Москвѣ и 24 марта подалъ въ Московскую Духовную Дикастерію доношеніе, въ которомъ писалъ: «При домѣ моемъ имѣется церковь во имя Владимірскія Богородицы, которая

---

[1]) А. Дмитріевскій. Арсеній, архіеп. Елассонскій. Кіевъ, 1899 г., стр. 30, 207.

[2]) Родосл. кн. Долгорукова, II, 42; П. П. Петрова: Исторія родовъ Русскаго Дворянства, I. 222.

въ прошломъ 1723 г. изъ Духовной Дикастеріи запечатана, а нынѣ я пребываю въ болѣзни и за болѣзнію моею многое время не сподобился слышать св. литургіи. Въ домѣ же моемъ живетъ тетка моя, княжна Домна Яковлевна Одоевская, весьма престарѣлая и пребываетъ въ болѣзни же, и по отъѣздѣ моемъ въ С.-Пбурхъ всегда бываетъ въ Москвѣ въ домѣ моемъ; и оной моей теткѣ за старостію и за болѣзнею къ приходской церкви приходить не можно; и дабы повелѣно было указомъ оную церковь для болѣзни моей и для престарѣлой моей тетки разпечатать, при которой священника буду содержать по указу». Запечатываніе домовыхъ церквей происходило по указу Петра отъ 12 апрѣля 1722 года, которымъ повелѣвалось «Обрѣтающіяся въ Москвѣ у знатныхъ персонъ въ домѣхъ церкви весма упразднить, дабы ходили господа (какъ Духовнымъ регламентомъ опредѣлено) къ церквамъ приходскимъ. А ежели которые престарѣлые персоны до церкви ходить не могутъ, а литургіи слушать требуютъ, тѣмъ имѣть съ благословенія Синодальнаго въ собственныхъ полатахъ (подвижные) антиминсы съ потребнымъ къ священнослуженію убранствомъ, токмо бъ верхи тѣхъ полатъ никакой отъ прочихъ отмѣны не имѣли» (т.-е. не ставили бы на кровляхъ церковныхъ главъ и крестовъ).

Церковь князя была распечатана съ наказомъ служащему священнику, чтобы держалъ церковь за своимъ замкомъ и печатью, дабы не были допущены къ службѣ посторонніе и вотчинные или пріѣзжіе попы съ причетниками (Матеріалы для исторіи Москвы, II, 494, 561, 797).

При князѣ Алексѣѣ Мих. дворъ князей Черкасскихъ, какъ упомянуто, выходилъ и на Спасскую улицу своею передовою частію въ 20 саж. шириною между подворьями. Но онъ былъ столько обширенъ, что занималъ почти всю мѣстность позади подворій, мѣрою въ поперечникѣ отъ переднихъ воротъ (въ XVII ст. выходившихъ къ сторонѣ Гостунскаго собора) слишкомъ на 47 саж., вдоль по направленію Спасской улицы за подворьями 45 саж., по направленію Кремлевской стѣны направо внизъ подъ гору до переулка безъ малаго 47 саж. и въ нижнемъ концѣ слишкомъ 38 саж. Это былъ квадратъ въ 44 сажени (Переписныя Книги, 1742 г., I, 15).

Древнѣйшую исторію этой мѣстности мы изложимъ впослѣд-

ствіи, а теперь докончимъ описаніе дворовыхъ мѣстъ по направленію Спасской улицы, гдѣ была показана мѣстность Крутицкаго подворья.

Дальше, по улицѣ, за подворьемъ, не болѣе какъ въ трехъ саженяхъ отъ него стоялъ древній храмъ Николы Гостунскаго. Здѣсь улица оканчивалась. Отъ него дальше простиралась чистая площадь до соборныхъ колоколенъ, т.-е. до Ивана Великаго, почему и площадь впослѣдствіи стала именоваться *Ивановскою*. Храмъ стоялъ прямо противъ угла Николаевскаго дворца, въ разстояніи отъ него по направленію на югъ безъ малаго въ 20 саженяхъ.

Никола Гостунскій.

Въ іюнѣ 21 числа 1506 г. повелѣніемъ вел. князя заложиша церковь кирпичну святаго и великаго чуд. Николы, гдѣ стояла древяная *старая* церковь Никола Лняной, такъ изначала именуемая. Въ то же лѣто ее и совершили въ девять недѣль. Но освятили ее 1 октября 1506 г. Вел. князь поставилъ въ ней чудотворную икону Николу Гостунскаго, принесенную изъ села Гостуни подъ Лихвиномъ, украсивъ ее златомъ и каменьемъ драгимъ и бисеромъ, отъ нея же много изцѣленія быша и бываютъ и донынѣ приходящимъ съ вѣрою, свидѣтельствуетъ лѣтопись. Вѣроятно, въ это время церковь была учреждена *соборомъ*, т.-е. соборнымъ причтомъ съ протопопомъ во главѣ.

Въ 1554 г. октября 7 ее опять освящали. Можетъ быть, она обгорѣла въ пожаръ 1547 г. и къ этому времени была возобновлена: «подписаша ее и украсиша всякими потребами церковными» Освящалъ митроп. Макарій въ присутствіи царя Ивана и его брата Юрья съ боярами при множествѣ народа.

Утвердилось мнѣніе, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда находилось Татарское подворье, о которомъ Герберштейнъ разсказываетъ слѣдующее:

«Въ Московскомъ Кремлѣ былъ домъ, въ которомъ жили Татары для того, чтобы знать все, происходившее въ Москвѣ». Супруга Ивана III, Софья-грекиня, не могла стерпѣть такого позорнаго надзора за вел. княземъ и потому отправила къ Татарской царицѣ посольство съ богатыми дарами и почтительнымъ

челобитьемъ просила уступить ей этотъ домъ для того, чтобы на этомъ мѣстѣ построить Божій храмъ по Божественному указанію, какое ей было внушено особымъ видѣніемъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что взамѣнъ этого Татарскаго подворья она отведетъ Татарамъ другое помѣщеніе. «Домъ былъ разрушенъ и на его мѣстѣ построенъ храмъ».

Предстоитъ вопросъ, какой же храмъ былъ построенъ на томъ мѣстѣ. Карамзинъ утвердительно отмѣчаетъ, что это храмъ Николы Гостунскаго (VI, 58. Сочиненія. М., 1820, т. VIII, 284), что на мѣстѣ подворья выстроили деревянную церковь Николая Льняного, а потомъ каменную Николы Гостунскаго. Неизвѣстно, изъ какого источника почерпнуто это свѣдѣніе. Кромѣ того, авторъ «Путеводителя къ святынѣ и свящ. достопамятностямъ Москвы» (1876 г., 89), А. Іосифъ, разсказываетъ, что «Софья видѣла сонъ, въ которомъ получила повелѣніе отъ святителя Николая соорудить во имя его храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось Ордынское подворье». Намъ кажется, что самое наименованіе старой деревянной церкви Никола *Льняной* должно противорѣчить этому свидѣтельству, указывая на болѣе древнее существованіе этого храма, чѣмъ его постройка на Татарскомъ подворьѣ, которую Карамзинъ относитъ къ 1477 году. Притомъ лѣтописцы едва ли пропустили бы такое событіе, не обозначивши его свидѣтельствомъ именно о постройкѣ такого храма. Къ тому же такое благочестивое дѣяніе вел. княгини было бы неотмѣнно занесено и въ Степенную Книгу, въ которой однако нѣтъ никакой записи по поводу этой исторіи.

Припомнимъ, что св. Алексѣй митрополитъ также по откровенію Божьему основалъ Чудовъ монастырь на мѣстѣ, гдѣ былъ *Царевъ дворъ Посольскій*, отданный царемъ митрополиту для постройки церкви и монастыря. Припомнимъ, что у заднихъ воротъ монастыря въ 1504 г. по слову вел. князя Ивана Вас. была построена церковь Козмы и Дамьяна вмѣсто разобранной старой, которая не заняла ли то мѣсто, гдѣ стоялъ отданный вел. княгинѣ Софьѣ Татарскій домъ, какъ остававшаяся часть царева Посольскаго двора, именно конюшенная его часть, отдѣленная для Татарскаго подворья при самомъ основаніи монастыря. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что здѣсь за межою монастыря существовали и монастырскія конюшни, обширный конюшенный дворъ, посту-

пившій во владѣніе монастыря, какъ вѣроятно, послѣ выхода Татаръ совсѣмъ изъ Кремля. Постройка новой Козмодемьяновской церкви послѣдовала на другой же годъ по кончинѣ вел. княгини Софьи, по слову вел. князя, какъ отмѣчаетъ лѣтописецъ. Быть можетъ, вел. князь пожелалъ въ новомъ видѣ, болѣе прочномъ и достойномъ, сохранить этотъ памятникъ добрыхъ заботъ вел. княгини о полнѣйшей независимости отъ Татарскаго владычества, отъ Татарской тѣсноты даже и въ своемъ городѣ. Все это по нашему мнѣнію вѣроятнѣе, чѣмъ сказаніе о Николѣ Льняномъ.

Соборъ Николы Гостунскаго въ XVII ст. пользовался такимъ же богомольнымъ почетомъ, какъ и другіе Кремлевскіе соборы, и потому въ праздники Николы, 9 мая и 6 декабря, патріархи самолично отправляли въ немъ церковныя службы и наканунѣ, и въ день праздника, при чемъ протопопу съ братіею они давали на молебенъ полтину. Такъ по всему вѣроятію бывало и въ XVI ст. при митрополитахъ. Само собою разумѣется, что выходы патріарховъ всегда сопровождались раздачею милостыни нищимъ и заключеннымъ въ тюрьмахъ, близко стоявшихъ судебныхъ Приказовъ.

При соборѣ существовали, кромѣ приходящихъ, и записные нищіе, именно только вдовы, 12 человѣкъ, иногда 18, иногда 10, которымъ патріархъ жаловалъ обыкновенно по двѣ деньги каждой, иногда по гривнѣ.

Точно также и цари Михаилъ и Алексѣй приходили въ соборъ на тѣ же праздники слушать литургію, а иногда и наканунѣ слушать вечерню и всенощную и молебенъ.

Въ соборѣ находились два предѣла: одинъ во имя Введенія Пр. Б-цы, стоявшій съ сѣверной стороны отдѣльнымъ храмомъ съ главою, и другой во имя Зачатія св. Анны, пристроенный съ южной стороны. Первый построенъ въ 1560 г. по повелѣнію Ивана Грознаго какъ домовый храмъ въ новомъ дворѣ его брата Юрья Васильевича, новыя хоромы котораго примыкали къ Гостунскому собору съ этой стороны.

Небольшой храмъ былъ освященъ того же года 21 ноября, а заложенъ былъ въ началѣ августа, слѣдовательно строился всего три мѣсяца. Царь на новосельи у брата ѣлъ и пировалъ съ митрополитомъ Макаріемъ.

Само собою разумѣется, что въ извѣстные пожары 1547, 1571 и 1626 годовъ Гостунскій соборъ подвергался опустошеніямъ и обновлялся въ свое время, какъ и въ пожаръ 1737 г. онъ также обгорѣлъ и былъ въ тотъ же годъ обновленъ.

Въ 1754 г. вмѣсто обветшавшей трапезы была придѣлана къ храму новая.

И этотъ малый соборъ былъ тоже вотчинникъ, за нимъ въ 1681 г. числилось 7 крестьянскихъ дворовъ. Это была деревенька Ожегова въ Звенигородскомъ уѣздѣ, отданная въ соборъ въ 1549 г. на поминовеніе души вел. князя Георгія Ивановича Дмитровскаго, дворъ котораго находился противъ собора.

Соборъ состоялъ на царской ругѣ, получая деньгами и сукнами слишкомъ 142 р. въ годъ, кромѣ Введенскаго предѣла, получавшаго особо слишкомъ 24 р. въ годъ, сверхъ ржи и овса.

Въ Гостунскомъ соборѣ совершалась присяга Петру III и Екатеринѣ II при ихъ вступленіи на престолъ.

Позднѣйшая исторія Николо-Гостунскаго собора очень примѣчательна по тѣмъ пріемамъ обращенія съ древними памятниками, какіе, къ сожалѣнію, дѣйствуютъ и донынѣ.

Послѣ нашествія французовъ и съ ними Двадцати языкъ соборъ хотя и былъ опустошенъ, но какъ строеніе оставался въ цѣлости. Въ 1816 г. священникъ Михаилъ Александровъ, побуждаемый вѣроятно какими-либо ревнителями благолѣпія Божіихъ храмовъ, представлялъ преосвященному Августину митрополиту Московскому, что «зданіе Гостунскаго собора не соотвѣтствуетъ красотѣ занимаемаго имъ мѣста; а также собору дѣлаетъ еще болѣе безобразія странною своею фигурою предѣльная церковь (Введенія), которая имѣетъ наклоненіе на одну сторону и прочности не обѣщаетъ»; посему просилъ разрѣшенія начать преобразованіе собора перестройкою этой предѣльной церкви... Преосвященный разрѣшилъ перестройку собора 22 февр. 1816 г. Работы начались и продолжались все лѣто. Но 3 августа главнокомандующій въ Москвѣ графъ Тормасовъ сообщалъ преосвященному, что Николо-Гостунскій соборъ обстроивается вновь въ готическомъ видѣ, и просилъ увѣдомленія, какимъ порядкомъ разрѣшена сія перестройка, такъ какъ отъ учрежденій, отъ которыхъ зависитъ это дѣло, позволенія или согласія не требовано.

Отъ такого вопроса преосвященный растерялся и немедленно

остановилъ работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчалъ главнокомандующему, что соборъ Гостунскій, такъ называемый по образу св. Николая, присланному съ рѣки Гостуни, есть церковь довольно древняя, построенная въ 1506 г., а въ 1714 г. положена въ ней часть мощей св. Николая; что жители Московскіе и иногородные имѣютъ къ сему собору великое усердіе, какъ по древности его, такъ и по Великому Угоднику Божію и нѣкоторые изъ усердствующихъ возжелали обстроить сей соборъ и дать ему *лучшій видъ;* что перестройка собора разрѣшена имъ, преосвященнымъ, ибо строеніе всѣхъ церквей зависитъ отъ разрѣшенія архіерейскаго, а при этомъ и Комиссія о строеніи Москвы не заявила съ своей стороны препятствій.

Въ то же время начальникъ Кремлевской Экспедиціи князь Юсуповъ сообщалъ преосвященному, что соборъ, какъ памятникъ древности, приличнѣе было бы оставить въ томъ видѣ, какъ былъ онъ прежде. Преосвященный далъ предписаніе священнику, чтобы онъ немедленно новую постройку передѣлалъ такъ, чтобы она похожа была на прежній предѣлъ, или совсѣмъ бы ее сломалъ.

Въ этомъ году пріѣзжалъ въ Москву и государь и дѣло о соборѣ окончилось тѣмъ, что онъ былъ совсѣмъ разобранъ.

2 октября 1816 г. преосвященный доносилъ св. Синоду, что послѣдовало Высочайшее соизволеніе, чтобъ Николо-Гостунскій соборъ, какъ обветшавшій и по мѣстоположенію своему, и по бѣдности архитектуры *дѣлающій безобразіе Кремлю*, былъ разобранъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преосвященный представлялъ Синоду, что чудотворный образъ съ частью мощей, иконостасъ и всю утварь изъ собора перенести въ новоустроенную церковь на Ивановской колокольнѣ подъ колоколами и освятить эту церковь во имя св. Николая, и быть ей и именоваться Николаевскимъ Гостунскимъ соборомъ, тѣмъ паче, что бывшая на Ивановской колокольнѣ Рождественская церковь (Рождество Христово) болѣе извѣстна была по образу сего же святого, въ ней находившемуся, къ которому народъ имѣлъ особенное усердіе, но который по разрушеніи колокольни (1812 г.) не отысканъ. Синодъ 10 генваря 1817 г. утвердилъ это представленіе.

Какъ скоро по этому представленію новая церковь на колокольнѣ была устроена, преосвященный 20 іюля 1817 г. далъ

предписаніе безъ замедленія разобрать Гостунскій соборъ, а матеріалъ его отдать въ Вознесенскій монастырь, гдѣ тогда строилась въ готическомъ стилѣ церковь св. Екатерины.

7 августа того же 1817 года преосвященному донесли, что Гостунскій соборъ разобранъ, значитъ съ небольшимъ въ двѣ недѣли. Но вотъ что разсказываетъ свидѣтель всей этой исторіи, баронъ В. И. Штейнгель, адъютантъ главнокомандующаго Москвы графа Тормасова, принимавшій дѣятельное участіе въ возобновленіи разоренной и сожженной Москвы. Это было 1816 г., когда въ августѣ императоръ Александръ I прибылъ взглянуть на опустошенный городъ и остался очень доволенъ его быстрымъ обновленіемъ.

«По отбытіи государя», пишетъ баронъ, «мы съ новой горячностію принялись за окончательное обновленіе Кремля и устройство Москвы (что происходило уже въ 1817 г., когда въ Москву прибылъ императоръ Александръ вмѣстѣ съ Прусскимъ королемъ).

«На Кремлевской площади оставался старый соборъ, называемый «Николы Голстунскаго», похожій на «Спаса на Бору», также вросшій въ землю. Его, по почтительной древности, предположено было обнести благовидною галлереею по примѣру домика Петра Великаго; но полученное извѣстіе, что съ государемъ прибудетъ и Прусскій король, подало мысль: соборъ сломать, а площадь очистить для парадовъ.

«Графъ послалъ меня переговорить объ этомъ важномъ предметѣ съ Августиномъ. Преосвященный въ полномъ значеніи слова вспылилъ, наговорилъ опрометчиво тьму оскорбительныхъ для графа выраженій; но, какъ со всѣми вспыльчивыми бываетъ, постепенно стихъ и рѣшилъ такъ: «Скажите графу, что я согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ далъ мнѣ честное слово, что, приступивъ къ ломкѣ, по наступленіи ночи, къ утру не только сломаютъ, но очистятъ и разровняютъ все мѣсто такъ, чтобы знака не оставалось, гдѣ былъ соборъ. Я знаю Москву: начни ломать обыкновеннымъ образомъ, толковъ не оберешься. Надо удивить неожиданностію, и всѣ замолчатъ. Между тѣмъ я сдѣлаю процессію: торжественно перенесу всю утварь во вновь отдѣланную церковь подъ колокольней Ивана Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ освящу ее».

«Довольный такимъ результатомъ переговоровъ, графъ сказалъ:

«О, что до этого, я наряжу цѣлый полкъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что за ночь не останется ни камешка». При первомъ свиданіи съ преосвященнымъ графъ выразилъ ему особую благодарность. Преосвященный понялъ, что я былъ скроменъ и не все передалъ графу, и съ этой поры сталъ оказывать мнѣ особенное вниманіе, говоря другимъ: «Это честный человѣкъ».

«Голстунскій соборъ дѣйствительно исчезъ въ одну ночь.

«Этому не менѣе дивились, какъ и созданію въ 6 мѣсяцевъ гигантскаго экзерциргауза, со стропилами, поддерживающими потолокъ въ 23 сажени шириною.

«Тутъ вся честь принадлежала двумъ инженеръ-генераламъ: Бетанкуру и Карбоньеру» (Истор. Вѣстникъ, іюнь 1900 г., стр. 826).

Переписываясь съ Тульскимъ преосвященнымъ Симеономъ по случаю передѣлки въ Тулѣ языка къ большому колоколу на Ивановской колокольнѣ, Августинъ увѣдомлялъ его 1 іюля 1817 г., что освятилъ новый Гостунскій соборъ (подъ колоколами Ивана Великаго); а тотъ въ письмѣ очень жалѣлъ, что нарушили такую древность...

Безобразіе храма заключалось въ томъ, что онъ въ 1754 г. былъ покрытъ по старымъ закомарамъ желѣзною кровлею на четыре ската, изъ которой неприглядно высилась его старая глава. (Альбомъ видовъ № XX).

Чудотворный образъ Николы Гостунскаго пребывалъ въ великомъ почитаніи и поклоненіи у Московскаго народа, какъ это засвидѣтельствовалъ и преосвященный Августинъ. Несомнѣнно, что во имя особыхъ чудотвореній и вел. князь Василій Ивановичъ перенесъ изъ села Гостуня этотъ образъ въ Москву и поставилъ въ новопостроенномъ храмѣ того же имени св. Николы. Съ того самаго времени и въ Москвѣ распространилась чудотворная благодать отъ иконы, подававшая вѣрующимъ многія изцѣленія и многую помощь въ желанныхъ моленіяхъ. Между прочимъ въ народѣ установилось вѣрованіе, что св. чудотворецъ Никола особенно покровительствуетъ вступающимъ въ бракъ молодымъ людямъ, почему, какъ разсказываютъ, «въ храмъ угодника родители приводили помолвленныхъ дочерей своихъ или сговоренныхъ сыновей, просили его защиты, записывали имена дѣтей своихъ въ книгу, при семъ соборѣ хранившуюся, и твердо уповали на его покровительство» (Москва. Историч. Путеводитель,

часть 2-я. М., 1827, стр. 11). Основапіе этому благочестивому вѣрованію находилось въ житіи чудотворца, гдѣ въ *сказаніи о трехъ дѣвицахъ* излагается слѣдующее событіе: въ его время жилъ нѣкій мужъ; былъ онъ сначала славенъ и богатъ, а потомъ сталъ неславенъ и убогъ и претерпѣвалъ такую бѣдность, что нуждался даже и въ кускѣ хлѣба, не было чѣмъ и одѣться. Къ тому же у него было три дочери попремногу благообразны зѣло. Въ своемъ нищенскомъ бѣдствіи отецъ домыслился до того, что вознамѣрился отдать своихъ дочерей на блудъ хотящимъ и тѣмъ спасти себя и дочерей отъ горькой нищеты, такъ какъ нищихъ дѣвицъ и замужъ никто не возьметъ. Отецъ рѣшался уже исполнить это дѣло, но по Божьему промыслу явилась ему нежданная святая помощь. Провѣдалъ про его рѣшеніе іерей Никола и, не жалая самолично передать ему прямо въ руки надобную помощь, ибо такъ творятъ милостыню только малодушные, святой іерей въ полночь пришелъ къ дому погибающаго и нѣкіимъ оконцемъ внутрь его храмины ввергъ великъ узелъ злата, а самъ скоропоспѣшно домой возвратился. Проснувшійся на утро отецъ, увидѣвъ золото, изумился, подумалъ, что это мечта, но, ощупавъ монеты, увѣрился, что истинное это золото, и недоумѣвалъ только, откуда оно, никакого такого благотворителя ни откуду онъ не чаялъ. Обогатившись такимъ образомъ, отецъ успѣлъ выдать замужъ свою старшую дочь. Послѣ того тѣмъ же порядкомъ святой іерей Никола приносилъ такой же узелъ золота и для другой, а потомъ и для третьей дочери, тайно попрежнему кидая узелъ въ оконце. Въ послѣдній разъ отецъ подсмотрѣлъ, кто это творитъ ему такую благодать, и побѣжалъ за уходящимъ іереемъ, догналъ его и упалъ ему въ ноги, называя его избавителемъ и спасителемъ отъ бѣды и погибели. Іерей поднялъ его и клятвою заповѣдалъ никому о томъ не сказывать во всю свою жизнь.

Эта исторія трехъ дѣвицъ-невѣстъ утверждала въ народѣ живѣйшую вѣру, что чудотворецъ Никола не оскудѣваетъ въ помощи всѣмъ вѣрующимъ.

Становится понятнымъ и упомянутое выше обстоятельство, что при соборѣ находились записными нищими именно женскій чинъ— вдовы. Не отъ того ли идетъ и древнее прозваніе храма *Никола Льняной*, такъ какъ ленъ и льняная пряжа, несомнѣнно приносимая въ храмъ усердными богомолицами, и донынѣ въ дерев-

няхъ составляетъ исключительно завѣтный предметъ женскаго труда и женскихъ заботъ.

Въ исторіи Гостунскаго собора въ особенности достопамятно то обстоятельство, что дьякономъ собора былъ первопечатникъ Иванъ Ѳедоровичъ, первый типографщикъ въ Москвѣ, напечатавшій вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Тимоѳеевичемъ Мстиславцомъ первую книгу Апостолъ, надъ которою они работали почти цѣлый годъ: начавши дѣло 19 апрѣля 1563 г., окончили его 1 марта 1564 г. [1]).

Древняя площадь Заруба.

Намъ возможно теперь обозрѣть мѣста, расположенныя позади описанныхъ подворій и занимавшія все пространство теперешней чистой площади передъ памятникомъ императора Александра II.

При Годуновѣ на восточной сторонѣ этой площади, на окраинѣ Кремлевской горы за Кирилловскимъ подворьемъ, гдѣ при царѣ Михаилѣ находился дворъ князей Черкасскихъ, помѣщался дворъ съ названіемъ *Хобро*, заключавшій въ себѣ Оружейную казну, арсеналъ или цейхгаузъ. Во дворѣ видимы значительныя каменныя полаты. Имя Хобро В. Е. Румянцовъ въ своей статьѣ о Годуновскомъ планѣ Кремля объяснилъ утвердительно именемъ Ховрина-Головина Дм. Влад., казначея вел. князя Ивана III и его сына Василія Ив., построившаго здѣсь въ 1485 или 1486 г. каменныя полаты. Но дворъ Ховриныхъ, какъ увидимъ, находился на другой сторонѣ Спасской улицы, возлѣ Вознесенскаго монастыря. Поэтому имя *Хобро* должно указывать на другого владѣльца, и по всему вѣроятію на Хабара Симскаго, знаменитаго боярина при вел. князѣ Василіи Ивановичѣ. Иванъ Вас. Образцовъ-Симскій Хабаръ (съ 1510 г. окольничій, съ 1524 бояринъ, † 1534 г.) былъ сынъ Вас. Ѳед. Образца (бояринъ съ 1474 г., † 1485 г.), построившаго себѣ каменныя полаты въ 1485 г., одно изъ первыхъ по времени каменное жилище частнаго лица, какъ можно предполагать, занятое при Годуновѣ складомъ оружія и, вѣроятно, сохранившее въ народѣ прозваніе своего строителя *Хобро*, т.-е. Хабаровъ.

---

[1]) Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ см. нашу статью въ журналѣ И. С. Аксакова, Русь, 1883 г., № 24.

Съ западной стороны отъ этого двора расположенъ былъ дворъ князя Ивана Вас. Сицкаго, а черезъ переулокъ далѣе дворъ кн. Ѳедора Ив. Мстиславскаго. Между ними на самомъ переулкѣ стояла церковь Рождества Пречистой. Переулокъ начинался и церковь стояла вблизи Гостунскаго собора. Переулокъ шелъ подъ гору къ церкви Константина и Елены, почему и прозывался Константиновскимъ.

Въ концѣ XV в. (1498 г.) на мѣстахъ упомянутыхъ дворовъ помѣщались дворы кн. Семена Ряполовскаго (бояринъ съ 1478 г., казненъ 1499 г.), Григорья Вас. Морозова (бояринъ съ 1476 г., † 1492 г.) и Андрея Ѳед. Челяднина (бояринъ съ 1495 г., конюшій—1496 г., † 1503 г.). Въ какомъ распорядкѣ они стояли, неизвѣстно. Морозовскій дворъ, какъ видно, находился на томъ же Морозовскомъ мѣстѣ, какое ему принадлежало и въ половинѣ XVII ст., когда дворомъ владѣлъ Иванъ Вас. Морозовъ, а потомъ его вдова Степанида Семеновна. Ворота этого двора выходили къ сторонѣ Гостунскаго собора. Родъ бояръ Морозовыхъ былъ старожиломъ въ Кремлѣ. До Смутнаго времени этотъ дворъ принадлежалъ отцу Ивана Васильевича, Василію Петровичу Морозову († 1630 г.), доброму сподвижнику князя Пожарскаго и дѣятельному члену боярской Думы при царѣ Михаилѣ Ѳед., дѣду знаменитаго Бориса Иван. Морозова, воспитателя царя Алексѣя Мих. Но возвратимся къ XV вѣку.

Дворъ Семена Ряполовскаго возможно помѣстить на восточной половинѣ Мстиславскаго двора, а дворъ Челяднина—на западной половинѣ двора кн. Сицкаго. Между этими дворами, *вокругъ* церкви *Рождества Пречистой*, тогда находились «мѣста Аѳони Петрова, что Палицкій на немъ жилъ, и съ улицею съ большою по Николу (Гостунскаго)». Это мѣсто можемъ пріурочить къ Крутицкому подворью, тогда еще не существовавшему. Затѣмъ слѣдовало другое «Аѳонинское мѣсто Петрова да брата его Гавриловское мѣсто Петрова жъ; далѣе Васильевское Жданова, Романовское Аѳанасьевыхъ мѣсто, Григорьевское мѣсто Сидорова, да подъ тѣми дворы *подъ зарубомъ*, что за Иваномъ за Суковымъ было». Трудно раскрыть въ этихъ рядовыхъ именахъ, какимъ знатнымъ или родовитымъ, или близкимъ къ государю людямъ они принадлежали (С. Г. Гр., I, 337).

Дворы упомянутыхъ лицъ касались *Заруба*, то-есть самой

окраины здѣшней горы, которая потому именовалась *зарубомъ*, что была утверждена частью на сваяхъ, частью на *избицахъ*, небольшихъ деревянныхъ срубахъ, укрѣплявшихъ скатъ горы. При земляныхъ работахъ для сооруженія памятника Импер. Александру II обнаружилось, что вся площадь, гдѣ возносится теперь самый памятникъ, составилась изъ насыпной земли, изъ жилого мусора, привозимаго сюда, повидимому, изъ разныхъ мѣстностей Москвы. Въ начальное время Кремлевскаго заселенія береговая гора здѣсь сходила къ рѣчному берегу довольно пологимъ скатомъ, начиная от церкви Николы Гостунскаго, стоявшей на краю нагорной площади. Тѣснота Кремлевскаго помѣщенія заставляла мало-по-малу устроивать, вмѣсто ската, гору и располагать на ней жилые дворы.

Вышеупомянутые дворы, названные *мѣстами*, оставались, повидимому, именно пустыми мѣстами послѣ непрерывныхъ опустошительныхъ пожаровъ въ 90-хъ годахъ XV ст. и были вел. княземъ Иваномъ III промѣнены кн. Ивану Юрьевичу Патрикѣеву на его старый дворъ у Боровицкихъ воротъ, тотъ древній дворъ, гдѣ жилъ св. Петръ митрополитъ.

Построился ли на этихъ мѣстахъ Патрикѣевичъ, неизвѣстно.

Надъ этою чистою площадью, освященною въ наше время памятникомъ императора Александра II, носятся имена славныхъ сподвижниковъ Ивана Третьяго и его сына Василія, славныхъ созидателей Московскаго единодержавія, созидателей того Русскаго могущества, передъ которымъ пали и Татарское владычество и разновластіе Русской земли, не менѣе, если не болѣе Татаръ цѣлые вѣка державшее Русскую народную силу въ политическомъ разслабленіи.

Славны были имена князей Ряполовскихъ, изъ которыхъ князь Иванъ Ивановичъ во время Шемякиной смуты (въ 1446 г.), служа вѣрою и правдою вел. князю Василію Темному, съ двумя своими братьями спасалъ маленькихъ его сыновей Ивана и Юрья отъ грозившихъ имъ напастей и спасъ того малолѣтняго Ивана, который сталъ потомъ достославнымъ государемъ всея Руси и который, однако, не пощадилъ его сына, ближайшаго, первенствующаго боярина князя Семена Ивановича, и отсѣкъ ему голову за крамолу противъ вел. княгини Софьи и за высокоуміе, какъ самъ обозначилъ его поведеніе.

Славны были имена Григорія Васильевича Морозова и князя Данилы Васильевича Щени (Патрикѣевича), окончательно покорившихъ въ 1489 г. ни отъ кого независимую Вятку. Данила Щеня особенно праславился небывалымъ пораженіемъ въ 1500 г. Литовской рати на рѣкѣ Ведроши, когда въ число плѣнныхъ попалъ и самъ Константинъ Острожскій (Кар., VII, 186). Сынъ Данилы Михайло и внукъ Петръ Щенятевы столько же работали на военномъ полѣ. Но Петръ, въ малолѣтство Грознаго, запутался въ боярскихъ крамолахъ и потомъ погибъ отъ Грознаго мучителя. Дворъ Щенятевыхъ находился возлѣ двора Морозовыхъ (Кар., IX, пр. 26).

Славно было и имя Челядниныхъ. Ихъ имя носила сестра любимца вел. княгини Елены Глинской, князя Ивана Ѳедоровича Овчины - Телепнева - Оболенскаго, Аграфена Челяднина, которая была мамкою малолѣтняго Ивана Грознаго. Вел. князь Василій Ивановичъ на смертномъ одрѣ внушительно наказалъ ей ни пяди не отступать отъ своего пѣстуна.

Упомянутый выше дворъ кн. Ивана Вас. Сицкаго поступилъ въ его владѣніе, несомнѣнно какъ родовое наслѣдство отъ отца кн. Василія Андреевича, женатаго на Аннѣ Романовнѣ, дочери Романа Юрьевича Захарьина, отъ имени котораго происходитъ и фамильное наименованіе Романовыхъ. Кн. Иванъ Васильевичъ также былъ женатъ на Романовой, на Евфиміи Никитичнѣ, дочери Никиты Романовича, дѣдушкѣ царя Михаила Ѳедоровича. Такимъ образомъ Сицкіе поселились въ этомъ дворѣ несомнѣнно по случаю родства съ Романовыми. Въ 1601 г. царь Борисъ Годуновъ, истребляя родство Романовыхъ, сослалъ князя Ивана Васильевича въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ онъ и скончался въ 1608 г., а жену его—въ Сумскій острогъ, гдѣ она скончалась въ 1601 г. При царѣ Михаилѣ Ѳед. дворъ Сицкихъ оставался во владѣніи боярина кн. Алексѣя Юрьевича († 1644 г.).

Переходимъ къ двору князей Мстиславскихъ. Князья Мстиславскіе происходили отъ Гедемина, великаго князя Литовскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Рюрикова колѣна, отъ великихъ князей Тверскихъ черезъ знаменитаго Ольгерда, женатаго на дочери Тверскаго князя Александра Михайловича. Отъ соединенія вели-

кокняжескихъ колѣнъ, Литовскаго и Русскаго, произошелъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, прозванный такъ отъ города Мстиславля, которымъ владѣла его мать. Въ 1526 г. онъ отъѣхалъ изъ Литвы служить въ Москву, гдѣ, конечно, былъ принятъ съ радостью, пожалованъ многими вотчинами и въ томъ числѣ необходимымъ жилищемъ, дворомъ въ Кремлѣ, принадлежавшимъ въ прежнее время боярамъ Плещеевымъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Первоначально этотъ дворъ находился между дворомъ кн. Владиміра Андреевича (послѣ Цареборисовскій) и дворомъ митрополичьимъ и выходилъ лицомъ къ Троицкой улицѣ, гдѣ неподалеку стояла деревянная церковь Рождества Христова, престолъ которой потомъ въ 1555 г. былъ перенесенъ къ Ивану Святому подъ колоколы (Кар., VIII, пр. 153. Никон., VIII, 42).

Князь Ѳедоръ Михайловичъ померъ въ 1540 году, оставивъ наслѣдство и дворъ сыну Ивану (въ 1541—крайчій, съ 1548 г. бояринъ, † 1586 г.).

Иванъ Ѳедоровичъ приходился племянникомъ Ивану Грозному. хотя и былъ нѣсколько старше его по лѣтамъ. Онъ былъ женатъ на племянницѣ государя, дочери Казанскаго царевича Петра, который, принявъ Православную вѣру, былъ женатъ на государевой сестрѣ Евдокіи. Само собою разумѣется, что уже одно родство ставило его въ самыя близкія отношенія къ малолѣтнему государю, а потому онъ скоро занимаетъ очень важную должность. Въ 1541 году одиннадцатилѣтній государь жалуетъ его къ себѣ крайчимъ, котораго обязанность была стоять у государева стола и подавать, отвѣдывая, кушанья и питья, т.-е. охранять государево здоровье въ пищѣ и питьѣ.

На свадьбѣ государя, когда Грозный женился въ 1547 г. на Настасьѣ Романовой, Мстиславскій тоже является въ числѣ самыхъ близкихъ людей къ государю: онъ спитъ у постели новобрачнаго съ Никитою Романовымъ Юрьевымъ и находится въ спальникахъ и мовникахъ въ мыльнѣ у государя съ тѣмъ же Романовымъ и съ любимцемъ Алексѣемъ Адашевымъ.

Почти въ одно время съ государемъ и по его назначенію женился и Мстиславскій на княжнѣ Иринѣ Александровнѣ Горбатовой-Суздальской. Свадьбу справляетъ самъ государь на дворцовый счетъ и обѣщаетъ притомъ, что и впередъ хочетъ жаловать своего племянника съ его новобрачною и новымъ родствомъ

великимъ своимъ жалованьемъ. Дѣйствительно, обѣщаніе это было въ точности исполнено, и Мстиславскій во все царствованіе Грознаго постоянно былъ впереди всего боярства не по одной знатности своего рода, но и по особому расположенію къ нему государя, такъ часто опалявшагося почти на всѣхъ своихъ приближенныхъ. Конечно, при Грозномъ мудрено было не попасть въ какую-либо бѣду и не поселить въ государѣ какого-либо подозрѣнія къ своимъ дѣйствіямъ. Случалось это съ Мстиславскимъ. Но гроза къ счастію проходила благополучно. По всему видно, что князя спасалъ его характеръ, не отличавшійся ни особымъ честолюбіемъ, ни способностью заводить интриги и крамолы. Князь вовсе не принадлежалъ къ тому разряду приближенныхъ лицъ, изъ которыхъ выработался впослѣдствіи Борисъ Годуновъ. Онъ былъ вполнѣ преданнымъ и самымъ послушнымъ племянникомъ государю и всегда удалялся отъ всякой борьбы съ боярами и отъ всякаго участія въ ихъ крамолахъ.

Въ 1548 г. Мстиславскій пожалованъ изъ кравчихъ въ бояре и по знатности рода занялъ тотчасъ самое видное мѣсто въ кругу бояръ. Во время знаменитаго похода подъ Казань въ 1552 году онъ былъ первымъ воеводою въ большомъ полку, что равнялось званію генералъ-фельдмаршала. Точно также и во время похода на Ливонію въ 1559 г. былъ тоже первымъ воеводою. И тамъ и здѣсь онъ ратоборствовалъ успѣшно, хотя и не отличился никакимъ особенно блистательнымъ дѣломъ. Въ 1565 г., въ годъ учрежденія Опричнины, дворъ Мстиславскаго и съ дворомъ кн. Владиміра Андреевича сгорѣлъ.

Когда на другой годъ (1566) Грозный царь позволилъ Владиміру Андреевичу выстроить себѣ хоромы на старомъ мѣстѣ, подлѣ Митрополича двора и посторонь Троицкаго двора (подворья), то, для пространства, отдалъ ему и мѣсто Мстиславскаго двора. Въ это время, по всему вѣроятію, Мстиславскому было отведено новое мѣсто неподалеку отъ Гостунскаго собора, именно то мѣсто, которымъ въ XVII ст. владѣлъ уже его сынъ Өедоръ Ив. Мстиславскій (въ 1577 году изъ крайчихъ бояринъ. † 1622 г.).

При раздѣленіи государства на Опричнину и Земщину Грозный оставилъ и Мстиславскаго въ Земщинѣ вторымъ послѣ Ив. Дм. Бѣльскаго. Это значило, что онъ былъ во главѣ Зем-

скаго или обще-государственнаго правительства. Съ этой поры, какъ извѣстно, дѣла въ государствѣ приняли другой оборотъ и новые походы и войны оказывались весьма неудачными.

Такъ, въ 1571 г., когда шелъ къ Москвѣ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, Московскіе воеводы, въ томъ числѣ вторымъ Мстиславскій, не успѣли дать отпоръ хану и пропустили его къ самой столицѣ. Москва вся была сожжена. Посмотрѣвши на небывалый пожаръ, ханъ безъ дѣла отправился домой. Конечно, не одинъ Мстиславскій былъ виноватъ въ этомъ несчастіи. Тогда отъ внутренней, собственно царской и дворской, смуты всѣ Русскіе люди были поколеблены нравственно и готовы были измѣнять и желать всякаго врага своему же государству. Но Грозный обвинилъ именно Мстиславскаго въ томъ, что онъ съ товарищами боярами измѣнилъ, навелъ на Русскую землю хана, и вдобавокъ соблазнился въ вѣрѣ и помышлялъ отъѣхать въ Литву. Оправдываться было нечего, ибо царь обвинялъ сколько самого Мстиславскаго, столько же вообще все боярство, котораго Мстиславскій былъ только передовымъ представителемъ. По ходатайству митрополита и духовенства, первенствующій бояринъ былъ прощенъ; отъ него взята клятвенная запись за поручительствомъ троихъ бояръ, обязавшихся внести царю 20000 р., если князь отъѣдетъ; за бояръ еще поручилось 285 человѣкъ, разверставши эту сумму, кто сколько могъ уплатить, такъ что порука стала самая крѣпкая. Князь обѣщалъ къ иной вѣрѣ не приставать, вѣру христіанскую держать твердо.

Ровно черезъ десять лѣтъ опять онъ попадаетъ и съ двумя сыновьями въ какія-то измѣнныя вины и дѣло опять оканчивается только новою клятвенною записью, по которой бояринъ съ сыновьями даетъ клятву не отъѣхать ни къ которому государю.

Грозный, какъ извѣстно, очень боялся боярской измѣны и отбиралъ такія записи по первому сомнительному поводу отъ каждаго знатнаго боярина, стоявшаго впереди другихъ. Однако за Мстиславскаго бояться было нечего: это былъ человѣкъ смирный и неспособный сдѣлать какое-либо рѣшительное дѣло. Грозный, вѣроятно, очень хорошо зналъ это и не лишалъ князя своего прежняго родственнаго расположенія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1572 года онъ оградилъ его и со стороны пожалованныхъ вотчинъ, завѣщавъ сыновьямъ слѣдующее: «А что

отецъ нашъ вел. князь Василій пожаловалъ кн. Ѳедора Мстиславскаго и что я придалъ сыну его кн. Ивану, и сынъ мой въ ту у него вотчину и у его дѣтей не вступается; а отъѣдетъ куданибудь, и та вотчина сыну Ивану».

Однако и послѣ этой милости по какимъ-то случаямъ снова возставалъ гнѣвъ царя. Въ страшныя времена безпощадныхъ казней, въ 1574 г., по свидѣтельству одной позднѣйшей лѣтописи (Исторія Соловьева, VI, 235, пр. 84, 94), царь Иванъ Васильевичъ «казнилъ въ Кремлѣ у *Пречистой на площади* многихъ бояръ, Чудовскаго архимандрита, протопопа (вѣроятно Амоса отъ Николы Гостунскаго) и многихъ всякихъ людей. А головы метали подъ дворъ Мстиславскаго». Можно заключить, что это происходило на Соборной площади, передъ Успенскимъ соборомъ, такъ какъ этотъ соборъ нерѣдко обозначался и именемъ *Пречистой*.

Изъ приведеннаго свидѣтельства видимъ, что гнѣвъ царя на бѣднаго боярина не унимался—головы казненныхъ и теперь, въ 1574 г., летѣли подъ его дворъ.

Но эти казни могли происходить и не у Пречистой въ виду Успенскаго собора, на Соборной площади, а у Пречистой на площади предъ Иваномъ Святымъ, какъ тогда именовался Иванъ Великій, которая впослѣдствіи стала прозываться Ивановскою площадью и на которую дѣйствительно въ то время выходилъ уже новый дворъ Мстиславскаго, такъ что головы казненныхъ близко могли выбрасываться подъ этотъ дворъ, возлѣ котораго съ восточнаго его конца, близъ Николы Гостунскаго, стояла церковь Рождества Пречистой Богородицы на Трубѣ, именовавшаяся и однимъ словомъ: Пречистая. Замѣтимъ, что дворъ Мстиславскаго, находившійся между дворомъ митрополита и дворомъ князя Владиміра Андреевича, могъ выходить лицомъ къ собору, но этотъ дворъ въ 1566 г. былъ отданъ Владиміру Андреевичу, а казни происходили въ 1574 г., когда Мстиславскій жилъ уже на своемъ новомъ дворѣ, у Рождества Пречистой.

По смерти Грознаго кн. Иванъ Ѳедоровичъ остался въ боярской Думѣ первымъ, а сынъ его кн. Ѳедоръ Ивановичъ пятымъ. Есть свидѣтельство, что Грозный именно Мстиславскаго съ Никитою Романовымъ назначилъ опекунами къ сыну, царю Ѳедору. Но вскорѣ главнымъ опекуномъ молодого и неспособнаго царя

явился его шуринъ, Борисъ Годуновъ, пролагавшій себѣ прямо путь къ престолу.

На этомъ пути упомянутые два человѣка ему очень мѣшали. Неизвѣстно, какъ было дѣло, но вскорѣ Романовъ заболѣлъ и въ 1586 г. померъ. Съ Мстиславскимъ Годуновъ сталъ жить въ великой любви и дружбѣ; назвалъ его себѣ отцомъ, а тотъ его сыномъ; заодно радѣли о государевомъ дѣлѣ. Но это продолжалось недолго. Противники Годунова, другіе бояре, особенно Шуйскіе, подговорили (будто бы) перваго боярина стать заодно съ ними противъ Годунова и извести его. Бояринъ долго не соглашался, а потомъ рѣшился устроить пиръ у себя въ домѣ, позвать Годунова, тогда и убить его. Но заговоръ былъ открытъ и Мстиславскій былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, постриженъ въ монахи и вскорѣ тамъ умеръ, въ томъ же 1586 году. Трудно повѣрить, чтобы Мстиславскій, смирный и всегда осторожный въ своихъ отношеніяхъ къ тогдашнимъ дворскимъ интригамъ и смутамъ, сдѣлался вдругъ заговорщикомъ и даже назначилъ свой пиръ и свой домъ для преступнаго злодѣйства. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта басня сочинена человѣкомъ, которому было надобно удалить перваго боярина, слѣд. самимъ Годуновымъ, очень хорошо знавшимъ только одно, что Мстиславскій не былъ на его сторонѣ, враждовалъ ему, а главное былъ первымъ въ Думѣ, и по старшинству, и по знатности рода, стало быть всегда служилъ помѣхою для пріобрѣтенія царскаго сана.

Имя кн. Ивана Ѳедоровича поминалось и при первомъ Самозванцѣ. Разсказывали, что Мстиславскій былъ ему, т.-е. истинному царевичу Дмитрію, крестнымъ отцомъ и лжецарь сохранялъ дорогой его крестъ, какъ прямое доказательство истинности своего царскаго происхожденія.

У князя Ивана Ѳедоровича было два сына и двѣ дочери. Младшій сынъ Василій померъ еще при Грозномъ въ 1582 г. Дочь Настасья также еще при Грозномъ была замужемъ за названнымъ царемъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, которому Грозный передалъ царство, даже вѣнчалъ его царскимъ вѣнцомъ, назвавшись самъ простымъ государемъ (владѣльцемъ) княземъ Иваномъ Московскимъ. Все это дѣлалось во время Опричнины. Титулованная царица Настасья скончалась схимницею съ именемъ Александры въ 1607 г.

Другая дочь Ирина осталась дѣвицею и потомъ была пострижена въ монахини. Единственнымъ представителемъ этого знатнаго рода и послѣднимъ въ родѣ былъ старшій сынъ, князь Ѳедоръ Ив., который, подобно отцу, занималъ между боярами и въ Думѣ первенствующее положеніе до своей смерти, въ теченіи всего Смутнаго времени. Службу онъ началъ, какъ и отецъ, тоже кравчимъ въ 1575 г. и черезъ два года былъ пожалованъ въ бояре. Годуновъ, удалившій со сцены отца, оставилъ сына въ покоѣ. Это показываетъ, что Ѳедоръ Ив. не былъ по своему характеру и дарованіямъ опасенъ для будущаго обладателя царствомъ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ тѣхъ же осторожныхъ нравовъ, какъ и отецъ. Онъ не вмѣшивался въ боярскія интриги, стоялъ отъ нихъ подальше и всегда особнякомъ, защищая только интересы того государя, которому обѣщался крестнымъ цѣлованіемъ служить; а служилъ онъ и Годунову, и Разстригѣ, и Шуйскому, и Владиславу и на остатокъ дней царю Михаилу Романову. Для господствовавшей въ каждое время власти онъ былъ дорогой человѣкъ, какъ главный авторитетъ всего боярства, всей правящей среды, и между тѣмъ человѣкъ спокойный, вовсе нечестолюбивый и неспособный ни къ какой интригѣ. Годуновъ однако и его побаивался и, разсказываютъ, что будто бы и жениться ему не позволялъ, дабы вовсе прекратить родъ такого опаснаго совмѣстника для полученія царства. Неизвѣстно, когда это было; быть можетъ, еще въ самомъ началѣ стремленій Годунова проложить себѣ путь къ престолу. Извѣстно только, что Ѳедоръ Ив. былъ женатъ три раза. Первая его жена Уліанія скончалась въ 1586 г. апрѣля 6. Со второю, Прасковьею Иванов., онъ былъ въ 1606 г. мая 8 посаженымъ отцомъ, а она матерью у Разстриги, который передъ тѣмъ будто бы и устроилъ бракъ Мстиславскаго, дозволивъ боярину жениться послѣ запрещенія Годунова. На третьей, Оринѣ Мих., дочери кн. Михаила Гр. Темкина-Ростовскаго, онъ женился въ 1617 г. Она пережила своего мужа и скончалась инокинею, съ именемъ Домники, въ 1630 г. Такимъ образомъ если и дѣйствительно Годуновъ препятствовалъ его женитьбѣ, то это могло случиться, какъ и вѣроятнѣе, не въ царствованіе Годунова, а еще прежде, при царѣ Ѳедорѣ Ив., именно послѣ 1586 г., когда умерла первая супруга, при чемъ Годуновъ могъ дѣйствовать еще именемъ царя Ѳедора.

Въ теченіи своей службы Ѳедоръ Ив. совершилъ нѣсколько походовъ въ Ливонію, противъ Шведовъ, противъ Польскаго короля Баторія, противъ Татаръ (1577—1592). Особенно удачно онъ воевалъ противъ Шведовъ въ 1590 и 1592 г. Но въ Смутное время ему не счастливилось. При Годуновѣ, встрѣтивъ Самозванца подъ Новгородъ-Сѣверскимъ, въ декабрѣ 1604 г., онъ проигралъ битву и былъ такъ израненъ (получилъ 15 ранъ), что попалъ было въ плѣнъ, но вскорѣ былъ отбитъ. Точно также онъ потерпѣлъ пораженіе и при Шуйскомъ отъ полчищъ Болотникова. Первенствуя въ царской Думѣ между боярами, онъ и въ походахъ всегда назначался первымъ, старшимъ воеводою.

Какъ ни былъ Мстиславскій остороженъ и далекъ отъ всякой интриги, но по особенно видному своему положенію въ государствѣ не разъ попадалъ, по крайней мѣрѣ своимъ именемъ, въ огонь боярскихъ смутъ и заговоровъ, противъ боярскихъ же царей Годунова и Шуйскаго. Въ одинъ изъ такихъ заговоровъ потерпѣла и его старшая сестра Ирина.

Еще при царѣ Ѳедорѣ Ив., когда всѣмъ явно стало, куда направляетъ свои виды шуринъ его, Годуновъ, лучшіе, наиболѣе предпріимчивые бояре, именно Шуйскіе, съ совѣта митрополита Діонисія и при пособіи всего Московскаго купечества и посада рѣшились перейти временщику дорогу. Такъ какъ у царя Ѳедора дѣтей не было и царица Ирина, сестра Годунова, не обѣщала чадородія и въ будущемъ, то упомянутыя лица составили совѣтъ и рукописаньемъ утвердились: бить челомъ государю, чтобы онъ оставилъ первую царицу, отпустилъ бы ее въ иноческій чинъ и, ради чадородія и наслѣдника, женился бы на другой. Невѣстою была избрана сестра Мстиславскаго, Ирина Ивановна.

Само собой разумѣется, что Годуновъ тотчасъ провѣдалъ этотъ заговоръ и Ирину тайно увезли изъ дома и постригли. Шуйскіе и ихъ совѣтники тоже были всѣ разосланы въ ссылку и тамъ изведены. Несчастная княжна пережила всѣхъ своихъ враговъ и всѣхъ своихъ родичей. Она скончалась въ 1639 г., живя въ Вознесенскомъ монастырѣ и пользуясь постоянно царскимъ почетомъ при супругѣ царя Михаила, Евдокіи Стрѣшневыхъ.

При избраніи на царство Василія Шуйскаго многіе думали избрать лучше Ѳедора Ив. Мстиславскаго, и говорятъ, что если бъ

созванъ былъ Земскій Соборъ, то такъ бы и случилось, потому что Мстиславскій былъ самый знатный человѣкъ въ государствѣ и къ тому же былъ совсѣмъ непричастенъ ни къ какой изъ боярскихъ партій. Однако князь рѣшительно отказывался отъ царскаго вѣнца и говорилъ, что пострижется въ монахи, если его выберутъ. Между тѣмъ многіе поспѣшили и безъ Земскаго Собора выбрать Шуйскаго. Тогда противная партія, должно быть по преимуществу сторонники и родственники Мстиславскаго, затѣяла смуту его именемъ, надѣясь посадить его на царство даже и противъ его желанія, лишь бы низвергнуть Шуйскаго и пріобрѣсти при новомъ царѣ новыя выгоды.

По розыску оказалось, что Мстиславскій ни въ чемъ не былъ виноватъ, а зачинщикомъ явился бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, родственникъ Нагихъ (За Мстиславскимъ была женою двоюродная сестра царицы Марѳы Нагихъ).

Окончилось потомъ и царство Шуйскаго, а Мстиславскій все оставался первымъ, оставался какъ бы корнемъ Московскаго боярства, котораго очень многія вѣтви частью были порублены, частью сами обломались въ эту бурную и грозную эпоху нашей исторіи.

Когда, по низведеніи Шуйскаго, настало междуцарствіе, кому же было взять въ руки правленіе государствомъ, по крайней мѣрѣ на время, до избранія царя, какъ не боярской Думѣ. Въ Думѣ оставалось семь бояриновъ и во главѣ ихъ стоялъ тотъ же Мстиславскій. Временное правительство и скрылось въ его имени: грамоты писались и всѣ распоряженія дѣлались отъ боярина Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи.

Не долго существовало это правительство; только два мѣсяца оно наслаждалось властью, какъ говоритъ лѣтописецъ, и само отдалось въ руки Поляковъ. «Оскудѣша премудрые старцы, эти седмочисленные бояры, изнемогоша чудные совѣтники! Отнялъ Господь крѣпкихъ земли!» восклицаетъ лѣтописецъ, описывая событія этого времени. Боярская среда здѣсь вполнѣ обнаружила, что Грозный былъ правъ, постоянно обвиняя и подозрѣвая ее въ измѣнѣ. Она въ лицѣ своихъ представителей и самыхъ бойкихъ и дѣятельныхъ людей тянула въ Польшу, выбрала себѣ въ цари королевича Владислава. Когда приверженное къ Польскимъ интересамъ боярство довело дѣло до того, что рѣшилось присягнуть

даже королю Сигизмунду или отдаться въ его полную волю, и когда оно стало принуждать и патріарха, чтобы утвердилъ эту мысль грамотою, то патріархъ Гермогенъ проклялъ это боярское начинаніе.

Разсказываютъ, что у патріарха съ боярами была большая ссора по этому случаю, что наиболѣе дѣятельный зачинщикъ этого дѣла и всего зла предводитель, Михайла Салтыковъ, понося и позоря владыку, отъ ярости выхватилъ на него ножъ. Гермогенъ громко отвѣтилъ, что не боится его ножа, что силою креста вооружается противъ ножа, и тутъ же проклялъ измѣнника. А Мстиславскому сказалъ: «Ты долженъ начинать, господинъ, ты знатностью теперь надъ всѣми большой; тебѣ должно подвизаться за Православную вѣру; если же и ты также прельстился, какъ и прочіе, то скоро Богъ прекратитъ жизнь твою и родъ твой возметъ весь отъ земли живыхъ, и не останется рода твоего ни одинъ».

Такъ и сбылось это пророчество, прибавляетъ позднѣйшій лѣтописецъ.

Бояре продавали отечество за боярскія почести и корысти, а потому и великій подвигъ спасти отечество отъ иноплеменной и собственной внутренней вражды достался не первому боярину, а первому простолюдину, выборному человѣку Русской земли, Козьмѣ Минину. Первый бояринъ остался попрежнему первенствовать въ царской Думѣ, то-есть все осталось въ прежнемъ порядкѣ, а народомъ уничтоженъ былъ только безпорядокъ, надѣланный тѣми же боярами.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскій могъ доживать свой вѣкъ очень спокойно. Смуты окончились и старое даже и измѣнникамъ не поминалось. Все было забыто и всѣмъ послѣдовало всенародное прощенье.

Вина всѣхъ смутъ была принята на себя всѣмъ народомъ, а потому и у престола молодого царя собрались и вожди очищенія земли отъ враговъ, вожди спасенія, и вожди измѣны, дѣятели прежнихъ смутъ и интригъ.

Пророчество Гермогена о Мстиславскомъ сбылось. Въ 1716 г., какъ сказано, бояринъ женился въ 3-й разъ на дочери князя Мих. Григор. Темкина-Ростовскаго, Иринѣ Михайловнѣ. Но потомства и именно въ мужскомъ колѣнѣ не оставилъ. Извѣстно

только, что отъ всѣхъ трехъ браковъ у него былъ сынъ Василій, рано умершій, и двѣ дочери, Ольга († 1609 г.) и Ирина († 1620 г.). Князь Ѳедоръ Ивановичъ умеръ 19 февраля 1622 г., оставивъ послѣ себя супругу Ирину Мих. и сестру старицу инокиню Ирину Ивановну, жившую въ Вознесенскомъ монастырѣ. Дворъ боярина и дальнія вотчины оставались за его вдовою до ея кончины въ 1630 году іюля 7. Изъ боярскихъ вдовъ, бывавшихъ при дворѣ царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневыхъ, она была вдова большая, т.-е. самая знатная, первенствующая, разумѣется по бывшему первенству ея мужа. Иногда при случаяхъ торжественнаго пріема иноземныхъ посольствъ отъ ея двора выставлялось для посольской встрѣчи 25 и 30 человѣкъ дворовыхъ людей, конныхъ и въ цвѣтномъ нарядѣ. Это показывало, что дворъ Мстиславскихъ былъ не только знатенъ, но и достаточно богатъ, потому что число высылаемыхъ отъ боярскаго двора людей всегда опредѣлялось его богатствомъ; иные вдовьи дворы выставляли только 4 человѣка, и потому 30 человѣкъ было большимъ числомъ даже и вообще для богатаго боярскаго двора.

Надо кстати припомнить, что вся мѣстность знаменитой по своей природѣ подмосковной Кунцевской усадьбы составляла нѣкогда старинную родовую вотчину князей Мстиславскихъ (см. наше Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873).

Спустя четыре года по смерти кн. Ѳедора Ивановича, послѣ Кремлевскаго пожара въ 1626 г., обнаружилось слѣдующее обстоятельство. Мы упоминали, что возлѣ его двора, надъ переулкомъ, проходившимъ съ площади внизъ на Подолъ Кремля къ церкви Константина и Елены и потому называвшимся *Константиновскимъ*, стояла церковь Рождества Пречистой, по урочищу именуемая на *Трубѣ*. Переулокъ, повидимому, образовался изъ оставленнаго первобытнаго рва у первоначальной стѣны Кремля и впослѣдствіи устроенъ былъ трубою для стока воды съ площади и отъ Спасской улицы на Подолъ. Переулокъ былъ только проходной, всего въ одну сажень ширины, и шелъ по межѣ Мстиславскаго двора. Князь Ѳедоръ Иван. при Самозванцѣ, не думая много, пригородилъ переулокъ къ своему двору и поставилъ на немъ конюшню. Въ старой Москвѣ такіе захваты сосѣдней земли случались довольно часто, особенно со стороны людей сильныхъ

и властныхъ. Въ пожаръ 1626 г. Рождественская церковь сгорѣла, «судомъ Божіимъ поднялась», по выраженію ея причта. Мѣрою она была и съ алтаремъ вдоль 4 саж., поперекъ $4^1/_2$ саж. Это обстоятельство подало поводъ причту просить государя о возстановленіи переулка въ прежнемъ видѣ. «Прежде сего», писалъ въ своей челобитной попъ съ причтомъ, «къ тому храму Рождества Богородицы для прихожанъ былъ переулокъ съ площади между боярскихъ дворовъ и бояринъ кн. Ѳ. И. Мстиславскій поставилъ на переулкѣ конюшню и принялъ къ себѣ во дворъ церковное мѣсто и приходъ у прихожанъ отнялъ и мѣсто храмовое утѣснилъ», такъ что къ храму для службы они ходили черезъ дворъ боярина Морозова. Послѣ должныхъ справокъ переулокъ былъ возстановленъ.

По смерти вдовы Мстиславскаго ея обширный дворъ поступилъ въ собственность государя, въ Дворцовое вѣдомство, но все время до постройки въ 1680 году на этомъ мѣстѣ Приказовъ прозывался *Мстиславскимъ дворомъ*.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дворъ Мстиславскаго именуется *Опаснымъ* (Дв. Раз., III, 1398) и заключаетъ въ себѣ значительный караулъ стрѣльцовъ и пушечный *нарядъ* (батарею), который въ 1664 г. вывозился къ царскимъ смотрамъ на Дѣвичье поле, слѣдуя впереди батарей съ Пушечнаго двора (Матеріалы для Исторіи Москвы, I, 1228).

Съ этого *Опаснаго* двора въ 1675 г. сто человѣкъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ очередного полуголовы были отправлены взять стольника князя Ивана Козловскаго со всѣмъ его дворомъ по какому-то важному дѣлу, что и указываетъ, какое значеніе имѣлъ этотъ Опасный дворъ. При постройкѣ Приказовъ въ 1675—1680 г. на мѣстности Мстиславскаго двора были построены Приказы: Помѣстный, Казанскій Дворецъ и Стрѣлецкій.

Мѣстность Мстиславскаго двора, гдѣ теперь высится памятникъ Импер. Александру II, особенно достопримѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первой половинѣ XV вѣка находился дворъ деревянный *Дмитрія Шемяки*, а слѣдовательно и его отца Юрья Дмитріевича Звенигородскаго и Галицкаго, которые такъ долго вели усобицу съ вел. княземъ Василіемъ Темнымъ. На этомъ

самомъ дворѣ Василій былъ ослѣпленъ 16 февр. 1446 г., отчего и прозванъ *Темнымъ*.

Какъ извѣстно, Шемякина смута-усобица была самая отчаянная, другъ друга слѣпили, другъ другу присягали и измѣняли присягѣ и т. д. Вел. князь Василій былъ ослѣпленъ и за то, что самъ еще прежде ослѣпилъ Шемякина брата Василія въ 1436 г.

Усобица окончилась побѣдою вел. князя, за права котораго встала вся Московская Земля. Шемяка убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ все-таки оставался угрозою для Москвы, что начнетъ опять воевать. Тогда были приняты мѣры, и князь Дмитрій скончался въ 1453 г., покушавши курицы, напитанной ядомъ (Лѣт. Львова, II, 348). Дворъ Шемякинъ, конечно, поступилъ въ собственность вел. князя и по духовному его завѣщанію 1462 г. былъ отданъ его сыну Андрею Большому.

Въ 1477 г. марта 20 въ седьмомъ часу ночи загорѣлся здѣсь дворъ кн. Андрея Меньшого и сгорѣли дворы обоихъ князей Андреевъ, стоявшіе стало быть рядомъ, а около нихъ малые дворцы поповъ Архангельскихъ были разметаны. Тушилъ пожаръ самъ вел. князь Иванъ Вас. съ сыномъ, такъ какъ не успѣлъ еще лечь спать послѣ стоянія канона Андрея Критцкаго (Кар., VI, пр. 629). Дворцы поповъ и въ XVII ст. стояли по окраинѣ Мстиславскаго двора по нарѣчной сторонѣ.

Эти два Андрея были родные братья вел. князю Ивану Васильевичу III. Андрей Большой, т.-е. старшій, имѣлъ свое удѣльное княжество въ Угличѣ, гдѣ и родился во время Шемякиной смуты въ 1446 г.

Въ свое время онъ воеводствовалъ, помогая вел. князю своими полками въ походахъ на Новгородъ и на Татаръ, но нерѣдко и ссорился съ государемъ, борясь съ нимъ изъ-за проклятыхъ вотчинъ. Въ концѣ-концовъ былъ за многія вины государственныя коварно захваченъ и заключенъ въ темницу, гдѣ сидѣлъ два года и скончался въ 1494.

Быть можетъ, по этому случаю или вообще за неудачную его борьбу съ государемъ онъ былъ прозванъ Горяемъ.

Андрей Меньшой былъ самымъ младшимъ изъ сыновей Василія Темнаго. Онъ не слѣдовалъ примѣру старшаго брата и прожилъ въ мирѣ съ государемъ.

Во дворѣ Мстиславскаго, на углу, выходившемъ одною стороною къ зданію Приказовъ (въ трехъ саженяхъ отъ него), а другою къ Ивановской площади, стояла церковь Трехъ Исповѣдниковъ—Гурія, Самона и Авива, съ предѣломъ св. Селивестра, обозначенная и на Годуновскомъ чертежѣ. Можно предполагать, что этотъ престолъ впослѣдствіи съ упраздненіемъ церкви былъ перенесенъ къ Спасу на Бору, гдѣ находится и нынѣ. Это могло случиться вскорѣ послѣ кончины вдовы Мстиславскаго, 1630 г., когда ея дворъ поступилъ въ государево владѣніе. Въ этой церкви (съ 1625 г.) справлялись панихиды, получалась *всегородная* милостыня и по великой княгинѣ инокинѣ Мароѳѣ, въ міру Маріи († 1485), супругѣ вел. князя Василія Васильевича Темнаго, матери Ивана Вас. III. По урожденію она была дочь Ярослава Владиміровича, сына Владиміра Андреевича Храбраго, славнаго героя Куликовской битвы. Ярославъ имѣлъ крещеное имя Аѳанасій. Его дворъ, какъ увидимъ, стоялъ на межѣ Мстиславскаго двора.

Передъ другимъ угломъ Мстиславскаго двора, со стороны Москвы-рѣки, въ 1584 г. стояла еще церковь во имя Аѳанасія и Кирилла, что у Мстиславскаго двора (Доп. А. И., I, 192), о которой въ 1625 г. упомянуто, что она находится *ниже дьячьихъ* полатъ, т.-е. Приказовъ, какъ, вѣроятно, Приказы именовались въ просторѣчіи.

Церковь эта, повидимому, обозначена и на Годуновскомъ чертежѣ, внизу подъ угломъ зданія дьячьихъ полатъ или Приказовъ, и передъ угломъ Мстиславскаго двора.

Между Приказами и Мстиславскимъ дворомъ существовалъ переулокъ, проходившій отъ площади на Подолъ внизъ къ Тайницкимъ воротамъ, шириною отъ площади въ 3 саж., а къ концу въ $3^1/_2$ саж. Послѣ пожара въ 1626 г. онъ былъ расширенъ до пяти саженъ, такъ что сталъ улицею, при чемъ недостающая часть была отмежевана въ $1^1/_2$ саж. изъ Мстиславскаго двора. Впослѣдствіи почти на томъ же мѣстѣ при новой постройкѣ Приказовъ были устроены въ ихъ зданіи широкія ворота.

По этой улицѣ въ XVII ст. совершались крестные ходы черезъ Тайницкія ворота на Москву-рѣку для освященія воды 6 января, также въ день Преполовенія и 1 августа.

Древній дворъ князя Андрея, сына Калиты.

Мѣстность, гдѣ при Годуновѣ были выстроены упомянутые Приказы, между Архангельскимъ соборомъ и дворомъ Мстиславскаго, на протяженіи 30 саж., въ особенности достопамятна тѣмъ, что въ древнее время она была занята дворомъ князя Андрея Ивановича († 1352), младшаго сына вел. князя Ивана Калиты. Въ томъ дворѣ жилъ и знаменитый рѣшитель Куликовской битвы, сынъ Андрея, Владиміръ Андреевичъ Храбрый († 1410 г.), съ супругою Еленою Ольгердовною, которая послѣ кончины мужа, схоронивши всѣхъ своихъ сыновей, оставила дворъ своему внуку, Василію Ярославичу, единственному въ живыхъ наслѣднику всего рода Владиміра Андреевича. Въ духовной (1452 г.) княгини Елены, въ иночествѣ Евпраксіи, вовсе не упомянутъ ея дворъ и передача его внуку, почему можно полагать, что дворъ уже принадлежалъ внуку по прямому наслѣдству отъ дѣда и отъ отца Ярослава.

Княгиня между прочимъ отказала внукѣ своей Марьѣ, дочери Ярослава и супругѣ вел. князя Василія Темнаго, «мѣсто подъ дворомъ подъ *старымъ* на Подолѣ (Кремля), гдѣ были владычни хоромы [1]) до ея живота, а по животѣ внуку Василію». Такимъ образомъ владѣнье этого *стараго* двора простиралось и внизъ подъ гору на Подолѣ къ рѣкѣ. Въ связи съ этимъ дворомъ могутъ находиться и упомянутыя выше церкви Аѳанасія и Трехъ Исповѣдниковъ. Какъ сказано, крещеное имя Ярослава было Аѳанасій, а въ храмѣ Трехъ Исповѣдниковъ совершалось поминовеніе вел. княгини Марѳы, въ міру Маріи, дочери Ярослава.

Его сынъ, Василій Ярославичъ, усердно и много работавшій въ Шемякину смуту за вел. князя Василія Темнаго, потомъ въ 1456 г. отъ него же подвергся жестокой опалѣ и скончался въ заточеніи въ Угличѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его заточенія въ 1462 г. дѣти боярскія несчастнаго князя задумали освободить его изъ Углича и, конечно, бѣжать съ нимъ въ Литву, но были во́-время застигнуты и потерпѣли ужаснѣйшую казнь. Били ихъ кнутьемъ, отсѣкали руки и ноги, носы рѣзали, а инымъ и головы

---

[1]) Въ 1479 г. здѣсь былъ дворъ Коломенскаго владыки (Кар., VI, пр. 629).

отсѣкали. Все это дѣлалось, замѣчаетъ лѣтописецъ, княжимъ велѣніемъ, а злого дьявола наученіемъ.

Само собою разумѣется, что дворъ опальнаго князя поступилъ во владѣнье государево и по духовной великаго князя Василія Темнаго былъ отказанъ его сыну Юрью Васильевичу Меньшому, при чемъ прямо упомянуто, что этотъ «дворъ Васильевскій Ярославича княжъ Владимеровскій, за Архангеломъ», т.-е. за соборомъ Михаила Архангела. Юрій скончался въ 1473 г. и дворъ снова поступилъ въ государево владѣніе. Его мѣстность долгое время носила имя своего несчастнаго владѣльца—*Ярославичевское мѣсто.*

Во время задуманной постройки новаго каменнаго дворца въ 1492 г. вел. князь Иванъ Васильевичъ на этомъ Ярославичевскомъ мѣстѣ построилъ было себѣ деревянный дворецъ для временнаго житья, пока выстроится на старомъ мѣстѣ каменный. Въ пожаръ 1493 г. апрѣля 16 этотъ дворецъ въ числѣ немногихъ строеній уцѣлѣлъ, но затѣмъ въ новый пожаръ того же года 16 іюля онъ сгорѣлъ безъ остатка.

Послѣдующая исторія этой мѣстности до временъ Годунова неизвѣстна. Можно предполагать, что построенные здѣсь Годуновымъ Приказы заняли все то пространство, какое принадлежало древнѣйшему княжескому двору. Быть можетъ, и дворъ Мстиславскаго занялъ часть первоначальнаго жилища князя Андрея Калитина.

Приказы.

Постройка на этой мѣстности Приказовъ началась въ 1565 г. сооруженіемъ *Посольской полаты*, стоявшей одною стороною къ Архангельскому собору и другою стороною противъ Ивана Святого подъ Колоколы, на мѣстѣ котораго потомъ былъ выстроенъ въ 1600 году Иванъ Великій. Потомъ въ 1591 г. здѣсь, какъ упомянуто, были выстроены и другіе Приказы и вмѣсто Посольской полаты на томъ же мѣстѣ Посольскій приказъ, возлѣ него Разрядъ, далѣе Помѣстный приказъ, Большой Приходъ и Казанскій Дворецъ, т.-е. весь корпусъ по чертежу въ видѣ буквы **П**, съ воротами къ сторонѣ Мстиславскаго двора и съ открытою площадью внутренняго двора къ Архангельскому собору.

Со стороны площади Ивана Святого это зданіе Приказовъ

простиралось на 30 саж., со стороны Мстиславскаго двора—на 29½ саж., со стороны набережной или Подольной части Кремля—на 29 саж. Въ ширину зданіе имѣло 6 саженъ. Оно было двухъярусное. Посрединѣ полатъ образовался обширный дворъ.

Посольскій приказъ, (Альбомъ видовъ XVII), устроенный изъ старой Посольской полаты, имѣлъ свой особый размѣръ: съ лицевой стороны отъ Ивана Святого 7 саж., отъ Архангельскаго собора—9½ саж., съ внутренней стороны—11 саж. Въ половинѣ XVII ст. въ этомъ зданіи помѣщался Посольскій приказъ и Новгородская Четь. Возлѣ слѣдовалъ въ нижнемъ этажѣ Разрядъ, занимавшій пространство въ 12 саж. Въ верхнемъ ярусѣ къ Посольской полатѣ примыкалъ Рейтарскій приказъ на 6 саж., далѣе Малороссійскій приказъ и Галицкая Четь тоже на 6 саж. Дальше въ нижнемъ ярусѣ возлѣ Разряда слѣдовалъ Помѣстный приказъ на 11 саж., вверху котораго находилась его же *верхняя полата*. Этотъ Приказъ выходилъ на уголъ всего зданія къ Мстиславскому двору. Входы въ Посольскій, Разрядный и Помѣстный приказы находились съ внѣшней стороны зданія отъ Ивановской площади.

По сторонѣ Мстиславскаго двора внизу помѣщался Казанскій Дворецъ, на 11 саж., со входомъ со двора, а вверху надъ нимъ полаты Сибирской Казны.

Затѣмъ слѣдовали ворота въ 1½ саж. шириною и въ 6 саж. длиною. Съ другой стороны воротъ внизу помѣщался Большой Приходъ, на 11 саж., со входомъ со двора, а вверху надъ нимъ—Сибирскій приказъ, который соединялся съ своими полатами Сибирской Казны, занимавшими пространство и надъ воротами.

Большой Приходъ составлялъ другой уголъ зданія съ набережной его стороны. Полаты Большого Прихода отъ воротъ занимали внутри двора только 5 саж. и отъ нихъ направлялся набережный корпусъ зданія шириною въ 6 саж.

Здѣсь въ углу внизу помѣщался Стрѣлецкій приказъ на 7 саж. со входомъ со двора, а надъ нимъ Иноземскій приказъ съ лѣстницею со двора. Далѣе внизу находилась *Черная* полата Стрѣлецкаго приказа на 5 саж., а надъ нею Челобитенный приказъ тоже на 5 саж. съ лѣстницею къ нему со двора.

Потомъ внизу слѣдовала Черная полата Разбойнаго приказа на 5½ саж. и надъ нею Ямской приказъ тоже на 5½ саж.

Затѣмъ корпусъ оканчивался помѣщеніями внизу Разбойнаго приказа на 6 саж., а вверху надъ нимъ Пушкарскаго приказа тоже на 6 саж. Для входа въ Ямской и Пушкарскій приказы существовала особая лѣстница со двора съ сѣнями. Возлѣ Разбойнаго приказа стояла его изба на 4 саж., со стороны которой находился и входъ въ этотъ Приказъ.

За избою Разбойнаго приказа у самаго Архангельскаго собора съ набережной его стороны стояло особое зданіе (па 9 саж., поперекъ 4 саж.), въ которомъ внизу помѣщалась у Архангельскаго собора *Скорняшная полата*, примыкавшая къ зданіямъ государева Казеннаго двора и составлявшая его ремесленное отдѣленіе, готовившее пушной (мѣховой) товаръ. Вверху надъ полатою помѣщалась *Новая Четь*, съ особою лѣстницею для входа.

Къ концу XVII ст. зданіе Приказовъ очень обветшало и полаты порушились во многихъ мѣстахъ, сидѣть въ нихъ стало очень опасно, поэтому 14 марта 1670 г. послѣдовалъ государевъ указъ о перенесеніи засѣданій и всѣхъ дѣлъ изъ Кремлевскаго зданія въ разныя мѣста, въ Китай и въ Бѣлый городъ, при чемъ было назначено въ Китаѣ на Гостиномъ новомъ дворѣ помѣстить Сибирскій приказъ и Большой Приходъ; на дворѣ боярина Ивана Андреевича Милославскаго—Ямской и Челобитный приказы; въ Бѣломъ городѣ, на Англинскомъ дворѣ (Рязанское подворье?)—Разбойный приказъ; на Пушечномъ дворѣ—Пушкарскій приказъ. Остальные Приказы, вѣроятно, размѣстились гдѣ-либо въ Кремлѣ.

Однако къ постройкѣ новыхъ Приказовъ было приступлено только черезъ 5 лѣтъ, когда въ 1675 г. царь Алексѣй Мих. повелѣлъ строить новые Приказы на средства приказа Каменныхъ дѣлъ по чертежу, каковъ былъ присланъ изъ Посольскаго приказа мая 7, при чемъ было указано на первое время строить Разрядъ, Посольскій съ Четвертями, Большой Казны, Помѣстный Стрѣлецкій и Казанскій Дворецъ. По смѣтѣ подмастерьевъ каменныхъ дѣлъ на то приказное строеніе предполагалось расходу на 24.806 р. 3 алт. 5 денегъ. По этой росписи выведены были нижнія житья (этажи) въ числѣ 28 полатъ. Затѣмъ 10 декабря 1677 г. царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указалъ на тѣхъ нижнихъ житьяхъ построить верхнія житья мѣрою противъ нижнихъ и къ тѣмъ верхнимъ полатамъ сдѣлать всхожія лѣстницы съ перилами и

крыльца, а на проѣзжихъ воротахъ внизъ къ Тайницкимъ Кремлевскимъ воротамъ построить церковь Трехъ Исповѣдниковъ, какая существовала на дворѣ Мстиславскаго, какъ упомянуто выше. Оказывалось, что и эту постройку возможно было исполнить на сумму той же прежней смѣты.

Полаты были построены вдоль по Кремлевскому взгорью, или *зарубу*, какъ именовалось это взгорье въ XV в., въ длину отъ Архангельскаго собора на 62 саж., шириною со стѣнами въ 13 саж., слѣдовательно вдвое шире противъ старыхъ разобранныхъ. У Архангельскаго собора ихъ уголъ съ площади отстоялъ отъ соборнаго предѣла св. Іоанна Предтечи всего на двѣ саж. безъ трети; а заднiй уголъ былъ приведенъ къ самой Скорняшной полатѣ, которая отъ прежнихъ полатъ находилась въ разстояніи 4 саженъ. Съ другого конца зданія къ Спасскимъ воротамъ на бывшемъ дворѣ Мстиславскаго оставалось полаго мѣста на 34 саж. вплоть до двора кн. Мих. Яковл. Черкасскаго, гдѣ впослѣдствіи также были выстроены полаты. По росписи Каменнаго приказа распредѣленіе полатъ было слѣдующее; [1]) отъ Скорняшной полаты первый приказъ Большой Казны 5 полатъ, 2) Посольскій съ Четвертями 7 полатъ [1]), 3) къ проѣзжимъ воротамъ Разрядъ 4 полаты, ворота 6 саж. По другую сторону воротъ: 4) Помѣстный 4 полаты, 5) Стрѣлецкій 4 полаты, 6) Казанскій Дворецъ 4 полаты. Всего 28 полатъ. Но это распредѣленіе было измѣнено. Въ 1680 г. февраля 13, когда все зданіе было окончено постройкою, государь указалъ размѣстить Приказы такимъ образомъ: отъ Архангельскаго собора первый — Посольскій, въ которомъ велѣно было сидѣть еще 6 февр. 1680 г. Думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ перешелъ мая 30, 2) Разрядъ, 3) у проѣзжихъ воротъ Большая Казна и Новгородскій съ Четвертями. Далѣе по той же линіи на Мстиславскомъ бывшемъ дворѣ отъ проѣзжихъ воротъ, 4) Помѣстный, 5) Казанскій Дворецъ, въ одной изъ полатъ котораго находился колодезь и 6) въ крайнихъ полатахъ — Стрѣлецкій.

Отъ верхнихъ житей (этажей) зданія на Ивановскую площадь выдвигались семь длинныхъ лѣстницъ съ крыльцами, по кото-

[1]) Доп. къ А. И., IX, 81. Въ 1678 г. фев. 2 указано на Посольскомъ и Малороссійскомъ верхнихъ полатъ не дѣлать, а покрыть ихъ тесомъ и подьячимъ въ нихъ перейти съ дѣлами.

рымъ всходили приказные и челобитчики. Посрединѣ лѣстница выдвигалась на 10 саж.; съ каждой ея стороны протягивались три лѣстницы длиною по 8 саж., шириною по $1^1/_2$ саж. Разстояніе между лѣстницами было около 7 саж. и только около средней со стороны Архангельскаго собора было 10 саж., гдѣ въ промежуткѣ находились ворота; съ другой ея стороны разстояніе между лѣстницами было въ 9 саж.

Проѣзжія ворота съ площади внизъ къ Тайницкимъ воротамъ были устроены почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде проходила улица между Приказами и дворомъ Мстиславскаго. Въ XVIII ст. они стали прозываться также *Тайницкими верхними*, а иногда и *Черниговскими*, а Кремлевскія городовыя—Тайницкими *нижними*.

Вмѣсто предположеннаго въ началѣ храма Трехъ Исповѣдниковъ надъ воротами было построено два храма, одинъ во имя св. вел. князя Александра Невскаго, другой во имя Черниговскихъ чудотворцевъ князя Михаила и его боярина Ѳеодора. Въ 1683 г. оба храма были окончены постройкою, начало которой относится еще къ 1681 году. Тогда празднованіе Черниговскимъ чудотворцамъ 20 сентября происходило въ Архангельскомъ соборѣ, куда были перенесены и мощи ихъ, для того что прежняя ихъ церковь была разломана (Вивл., X, 30).

Храмъ Черниговскихъ былъ освященъ 16 сентября 1683 г. патріархомъ Іоакимомъ, при чемъ были перенесены изъ Архангельскаго собора и мощи святыхъ. На перенесеніи и царь Петръ былъ. Храмъ Александра Невскаго освященъ 1 октября 1683 г. Крутицкимъ митрополитомъ Варсонофіемъ (Вивл., X, 30, 89) со архимандриты и игумены. Празднованіе 23 ноября.

Оба храма до перенесенія ихъ на новыя мѣста находились на Ивановской площади передъ колокольнею Ивана Великаго и также противъ зданія Приказовъ и стояли рядомъ, одинъ подлѣ другого.

На Годуновскомъ чертежѣ Кремля храмъ Черниговскихъ очень явственно нарисованъ на упомянутомъ мѣстѣ. Храмъ Александра Невскаго построенъ возлѣ патріархомъ Филаретомъ въ 1630 г., вѣроятно па старомъ мѣстѣ, такъ какъ онъ упоминается въ 1625 г. (Доп. А. И., IX, 316). Въ 1634 г. храмъ именуется уже соборомъ, когда 15 іюня онъ былъ освященъ, вѣроятно какъ соборный.

Храмъ Черниговскихъ точно также былъ соборный, что озна-

чало, вообще, увеличенный составъ причта съ протопопомъ во главѣ. Въ 1584 г. въ Черниговскомъ соборѣ состояли: протопопъ, 2 попа, 2 діакона, 2 дьячка, 2 понамаря (Доп. А. И, I, 206). Такой же составъ причта былъ и въ соборѣ Александра Невскаго.

Въ Черниговскомъ соборѣ было два предѣла: Обновленіе храма Воскресенія Христова и Николая чудотворца, какъ видно и на Годуновскомъ чертежѣ.

Когда былъ построенъ этотъ первоначальный Черниговскій соборъ, свѣдѣній не имѣемъ. Мощи святыхъ были перенесены въ Москву изъ Чернигова. По этому поводу Грозный написалъ и послалъ обширное и многоглаголивое челобитье-моленіе къ святымъ мученикамъ.

«Мы смиренніи», писалъ онъ, «со отцемъ своимъ Антоніемъ митрополитомъ всея Руси и со святители Русскія Земли и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со иноки и съ бояры и со всѣми православными христіаны, соборне совѣтовавше, къ Вамъ святіи вѣрою влекомы, желающе ваша мощи видѣти въ славномъ градѣ Москвѣ. Соборне единомышленно мы смиренніи... моленіе послахомъ къ Вашей святыни, не яко властельски и заповѣдающе, но яко рабски и припадающе молимъ вашу святыню, не яко отшедшихъ, но яко живыхъ васъ молимъ... Призрите на наше смиреніе, услышите моленіе святительское, вдадите себя посланнымъ отъ насъ къ вамъ, не бо они мощи ваши принесутъ, но вы сами благоизвольно пріидите къ намъ и насъ просвѣтите и градъ сохраните, по Божію изволенію изволите съ нами въ царствующемъ градѣ Москвѣ жити... Бога ради услышите моленіе преосвященнаго Антонія митрополита всея Русіи и всего еже о немъ освященнаго собора и нашего убожества моленіе и всего Православнаго христіанства» (Снегирева: Памятники Моск. древности, примѣчанія, стр. 4).

Такая благочестивая забота о перенесеніи мощей можетъ свидѣтельствовать, что храмъ для этой святыни былъ построенъ въ тотъ же годъ и притомъ на самомъ видномъ мѣстѣ Кремля предъ колокольнею Ивана Святого.

О времени перенесенія мощей въ Москву свидѣтельства очень разнорѣчивы. Снегиревъ относитъ это событіе къ 1575 г., Рычинъ (Путеводитель М., 1890 г., стр. 158)—къ 1578 г., Кондратьевъ (Сѣдая старина Москвы, М., 1893 г., стр. 86) вслѣдъ за Филаре-

томъ Черниговскимъ (Русскіе Святые, сент. 20, стр. 101)—къ 1572 г. Путеводитель 1792 г. отзывается, что годъ неизвѣстенъ, а мѣсяцъ февраль 14.

Митрополитъ Антоній занималъ Московскую каѳедру отъ 1572 до начала 1581 г.

Всѣ повторяютъ за Путеводителемъ 1792 г. стр. 121, что мощи были помѣщены въ Черниговскомъ соборѣ надъ Тайницкими воротами съ поправкою: у Тайницкихъ воротъ. Но это было уже позднѣйшее ихъ помѣщеніе, а первоначальное совершилось въ упомянутомъ выше особо для нихъ выстроенномъ храмѣ, откуда, какъ упомянуто, они были временно перенесены въ 1681 г. въ Архангельскій соборъ, а потомъ въ 1683 году въ новый соборъ надъ Тайницкими Верхними воротами, что между Приказовъ. Въ XVIII ст. эти ворота иногда прозывались по имени храма *Черниговскими*.

Въ 1770 г. по случаю постройки воображаемаго обширнаго дворца все зданіе Приказовъ было назначено въ разборкѣ и потому св. мощи снова были временно перенесены въ Срѣтенскій дворцовый соборъ, гдѣ находились до 1774 г., когда 21 ноября были уже навсегда перенесены въ Архангельскій соборъ и поставлены въ новой серебряной ракѣ, сооруженной мастеромъ Петромъ Робертомъ по повелѣнію импер. Екатерины II въ память преславно заключеннаго въ 1774 г. съ Турціею мира, какъ гласила надпись на этой ракѣ, прославляющая вообще самоё императрицу за ея побѣды надъ Турками. Въ 1812 г. эта великолѣпная рака была похищена французами; новая рака мѣдная высеребренная.

Въ 1681 г. на оба собора причту выдавалась щедрая руга.

Панорама Москвы начала XVIII ст. въ точности указываетъ мѣстоположеніе этихъ двухъ соборовъ. Они оба пятиглавые, стояли рядомъ, не надъ самыми воротами Приказовъ, а надъ полатами, находившимися возлѣ воротъ со стороны Архангельскаго собора надъ Приказомъ Большой Казны и Новгородскимъ. Повидимому, каждый изъ нихъ занималъ мѣсто въ 6 саж. шириною, такъ какъ зданіе Приказовъ имѣло ширины со стѣнами 13 саж. (Альбомъ видовъ, № IV).

Присоединимъ къ обозрѣнію всей этой набережной площади, гдѣ теперь красуется памятникъ Императору Александру Нико-

лаевичу, нѣсколько свѣдѣній о раскопкахъ, произведенныхъ для его сооруженія и обнаружившихъ древній составъ разновременныхъ наслоеній, изъ которыхъ образовалась самая площадь, о чемъ мы уже говорили выше.

Береговой край древнѣйшей площади въ этой мѣстности находился, идя отъ угла Николаевскаго дворца прямо къ памятнику въ 30 саж., слѣд., почти на половинѣ пространства теперешней площади. Здѣсь на краю древней площади стоялъ храмъ Николы Гостунскаго (въ двадцати саженяхъ отъ Николаевскаго дворца). Неподалеку отъ него гора спускалась къ рѣкѣ довольно отлого, какъ она и теперь спускается отъ Спасскихъ воротъ въ нижній Кремлевскій садъ.

Теперешняя гора со своимъ краемъ и половиною площади вся состоитъ изъ насыпной земли, накопленной жилымъ мусоромъ. Раскопки обнаружили, что материкъ подъ этою толщею насыпи лежалъ на глубинѣ девяти аршинъ, и чѣмъ дальше къ рѣкѣ, подъ гору, тѣмъ еще глубже.

Въ этой насыпи обнаружились фундаменты и подвалы стоявшихъ здѣсь каменныхъ Приказовъ, а подъ ними въ нижнихъ слояхъ слѣды пожаровъ съ обгорѣлыми частями деревянныхъ построекъ. Въ этихъ нижнихъ слояхъ открывалось по мѣстамъ множество человѣческихъ костей, а въ одномъ мѣстѣ часть кладбища, гробы котораго были насквозь пробиты дубовыми сваями. «Кромѣ правильнаго погребенія, найдены цѣлыя груды такихъ костей и череповъ, перемѣшанныя съ землей въ полномъ безпорядкѣ». Попадались мѣста не очень обширныя по объему, напр., въ три—четыре кубическихъ аршина, гдѣ костей было очень много, которыя по своему числу совершенно не соотвѣтствовали числу цѣлыхъ костяковъ, напр., число череповъ было гораздо больше числа тазовыхъ костей или голеней. Очевидно, что такія мѣста въ свое время служили погребальными ямами, въ которыя въ безпорядкѣ были схоронены части разрубленныхъ труповъ. Нѣсколько десятковъ ящиковъ съ костями было погребено на Ваганьковскомъ кладбищѣ; около 80 череповъ отобрано Московскимъ университетомъ (Султановъ: Памятникъ Импер. Александру II въ Кремлѣ Московскомъ. Спб., 1898 г., стр. 605—606).

Все это несомнѣнные свидѣтели страшнаго по кроворазлитію нашествія Тохтамыша въ 1382 г.

Въ слояхъ насыпи найдено было много различныхъ предметовъ домашняго обихода, начиная отъ кремневаго копья (громовой стрѣлы по народному мнѣнію) и оканчивая глиняными чернильницами, во множествѣ попадавшимися возлѣ фундаментовъ старинныхъ Приказовъ или тогдашнихъ судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ.

Мы упоминали выше, стр. 219, что эта насыпная площадь существовала уже въ концѣ XV ст. и ея край въ то время прозывался *Зарубомъ*, что соотвѣтствовало *взрубу* у Кремлевской же горы, вблизи государева дворца, гдѣ царь Иванъ Вас. Грозный построилъ своимъ дѣтямъ соборъ Срѣтенія и особыя хоромы на взрубѣ. Зарубъ и взрубъ означали особое устройство береговой крутизны посредствомъ насыпной земли, огражденной бревенчатою постройкою для увеличенія пространства существовавшей нагорной площади. Чтобы утвердить насыпь по косогору, у подошвы этого косогора строили на сваяхъ такъ называемыя избицы, т.-е. деревянныя клѣти, которыя, наполненныя также землею, и поддерживали всю толщу насыпной площади, что и называлось взрубомъ и зарубомъ.

Вознесенскій монастырь.

Идя отъ Спасскихъ воротъ по лѣвой сторонѣ древней Спасской улицы и затѣмъ по лѣвой же сторонѣ древней площади, впослѣдствіи проименованной Ивановскою площадью, мы достигли въ своемъ обозрѣніи древнихъ мѣстностей Кремля, по этой сторонѣ, собора Архангельскаго или вообще соборной мѣстности, откуда возвратимся теперь снова къ Спасскимъ воротамъ и пройдемъ правою стороною Спасской улицы и дальнѣйшимъ ея направленіемъ, по правой сторонѣ упомянутой площади.

Справа отъ входа въ Кремль у Спасскихъ воротъ стоялъ небольшой каменный объ одной главѣ храмъ во имя св. вмч. Георгія, построенный въ 1527 г. вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ, вѣроятно, по какому-либо благочестивому обѣту. Въ началѣ XVII ст. въ этомъ храмѣ былъ предѣлъ во имя Димитрія Солунскаго. Церковь пользовалась государевою ругою; въ 1625 г. ругу получали два попа, дьяконъ и просвирня, а въ 1671 г. еще дьячокъ и понамарь.

Церковь стояла въ разстояніи отъ Спасскихъ воротъ въ девяти

саженяхъ у Вознесенскаго монастыря (Альбомъ видовъ, № XIX) и была разобрана въ 1808 г. при постройкѣ готическаго нынѣ существующаго храма во имя вмч. Екатерины, алтарь котораго занялъ почти все мѣсто упраздненной старинной церкви. Этотъ новый готическій храмъ совсѣмъ закрылъ древній соборъ Вознесенскаго монастыря и всѣ старыя монастырскія зданія.

О Вознесенскомъ монастырѣ лѣтописцы впервые упоминаютъ еще въ 1386 г., когда въ немъ былъ погребенъ какой-то Симеонъ Яма, человѣкъ почему-либо значительный, если удостоился лѣтописной памяти. Однако въ одномъ изъ списковъ Никоновской лѣтописи значится, что этотъ Яма былъ погребенъ въ монастырѣ св. Аѳанасія, т.-е. на Кирилловскомъ подворьѣ, что, можетъ быть, и вѣроятнѣе. Какъ бы ни было, но основаніе монастыря лѣтописцы единогласно приписываютъ супругѣ вел. кн. Дмитрія Донскаго, Евдокіи, вступившей въ бракъ съ вел. княземъ въ 1365 г. и скончавшейся 7 іюня 1407 г. Въ этотъ послѣдній годъ своей жизни, еще весною, она заложила въ монастырѣ каменную церковь Вознесенія, по всему вѣроятію, на мѣстѣ деревянной. При ея жизни постройка была выведена не высоко, но все-таки вел. княгиня, несомнѣнно по ея слову, была погребена въ новосооруженномъ храмѣ и тѣмъ установила за своимъ монастыремъ значеніе общей усыпальницы великихъ княгинь и царицъ и другихъ лицъ женской половины Государева Дома.

Вдовствуя 18 лѣтъ и ведя жизнь строгой постницы, въ теченіи этого времени вел. княгиня подверглась злой молвѣ отъ легкоумныхъ человѣкъ, что вдовствуетъ не цѣломудренно. Молва дошла и въ уши ея сыновей, изъ которыхъ особенно былъ смущенъ этою молвою князь Юрій, впослѣдствіи соперникъ Василію Темному о правахъ на Великое Княженіе. Чтобы утишить злосмрадную молву передъ сыновьями, она призвала ихъ къ себѣ и въ богатой одеждѣ, въ которой обыкновенно ходила, она раскрыла передъ ними свою грудь, истощенную и изможденную постомъ и богомольными трудами, такъ что видѣлась одна почернѣвшая кожа, прилипшая къ костямъ. Строго запретила она сыновьямъ разсказывать о томъ, что они видѣли, чему были свидѣтелями, и заповѣдала, чтобы они не преслѣдовали легкоумныхъ поносителей ея цѣломудрія, ибо всѣмъ людямъ крѣпкій и долготерпѣливый Судья Самъ Господь.

Скрываемая отъ всѣхъ, ея строгопостническая, трудовая и потому святая ея жизнь была ознаменована Божіею благодатію, чудесами во время ея шествія въ монастырь на постриженіе. Въ это время слѣпой нищій прозрѣлъ, утерши глаза оставленнымъ ему рукавомъ отъ ея срачицы. Затѣмъ до 30 человѣкъ, одержимыхъ различными болѣзнями, получили также исцѣленіе во время этого шествія. Во иночествѣ великая княгиня была наречена именемъ Евфросиніи.

Спустя много лѣтъ постройку заложеннаго храма продолжала вел. княгиня Софья Витовтовна. При ней зданіе было возведено «по *кольцо* гдѣ *верху* быти», то-есть куполу и главѣ. Пожары 1414, 1415, 1422 гг., особенно великій пожаръ 1445 г. и наставшая Шемякина междуусобная смута не дали возможности завершить постройку конечнымъ сводомъ. Отъ многихъ пожаровъ камень снаружи перегорѣлъ и своды двигнулись, хотя внутри все было твердо. Въ такомъ видѣ храмъ стоялъ до 1467 г., когда вдова скончавшагося вел. князя Василія Темнаго, вел. княгиня Марія, задумала обветшавшій храмъ разобрать и поставить на томъ мѣстѣ новый. Но извѣстный уже намъ Василій Дмитріевичъ Ермолинъ, вѣроятно въ этомъ дѣлѣ добрый слуга и пособникъ великой княгини, съ мастерами каменщиками порѣшилъ не разбирать церковь до основанія, а разобралъ только двигнувшіеся своды и вновь ихъ свелъ, а обгорѣвшія снаружи стѣны одѣлалъ новымъ камнемъ да кирпичомъ ожиганымъ и такимъ способомъ всю церковь совершилъ. Въ то время всѣ дивились такому необычайному дѣлу. Того же года ноября 3 храмъ былъ освященъ митрополитомъ Филиппомъ.

Въ 1475 г., во время большого пожара, въ Кремлѣ обгорѣло 10 каменныхъ церквей, а у одиннадцатой, у *Вознесенія и нутрь выгорѣлъ*.

Въ 1482 г. въ церкви сгорѣла чудная икона Одигитріе греческаго письма, сооруженная въ мѣру чудной Цареградской. Сгорѣло письмо и кузнь-окладъ, а доска осталась. Діонисій иконникъ на той доскѣ написалъ тотъ же образъ. О пожарѣ самаго храма Лѣтопись не упоминаетъ, слѣдовательно этотъ случай касался только иконы.

Конечно, послѣ пожара 1475 г. церковь была возобновлена и простояла съ того года еще слишкомъ сорокъ лѣтъ, когда въ

1519 г. вел. князь Василій Иван. повелѣлъ ее разобрать «ветхости ради» и заложилъ новую.

Когда была окончена строеніемъ эта новая церковь, лѣтописцы не даютъ свидѣтельства. Можно предполагать, что строителемъ этого храма былъ тотъ же итальянскій архитекторъ, Алевизъ Фрязинъ, который еще въ 1514 г. по повелѣнію Государя заложилъ въ разныхъ мѣстахъ Москвы десять церквей, изъ которыхъ за Неглинною церковь Леонтія Ростовскаго и на Срѣтенкѣ Введеніе были совершены въ 1519 г., слѣдовательно строились четыре года, а потому можно полагать, что Вознесенская церковь была отстроена въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Въ 1527 г. возлѣ монастыря у самыхъ Спасскихъ воротъ вел. князь выстроилъ церковь св. Георгія, присоединенную впослѣдствіи (въ 1642 г.) къ монастырскимъ храмамъ.

Во время лютыхъ пожаровъ 1547, 1571, 1626, 1633 и 1737 гг. монастырь въ своихъ деревянныхъ постройкахъ выгоралъ безъ остатка, а каменный его храмъ сохранялъ только свои обгорѣлыя стѣны. Въ пожаръ 1547 г. въ монастырѣ сгорѣло 10 старицъ, погибло все: образа, сосуды церковные и всякое имущество; только одинъ чудотворный образъ Богородицы протопопъ успѣлъ вынести. Въ пожаръ 1571 г. въ монастырѣ сгорѣла игуменья съ сестрами.

При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ монастырю было отдано находившееся рядомъ подворье Новодѣвичьяго монастыря съ полатами. На этомъ мѣстѣ и въ его полатахъ монастырь устроилъ трапезу. Арсеній Елассонскій удостовѣряетъ, что царь Ѳедоръ воздвигъ великій храмъ Вознесенія, при которомъ имѣется большой монастырь для многочисленныхъ дѣвственницъ-монахинь, но, вѣроятно, это свѣдѣніе относится къ устройству упомянутой трапезы (Дмитріевскій: Архіеп. Елассонскій Арсеній. Кіевъ, 1899 г., стр. 93). Взамѣнъ того Новодѣвичьему монастырю былъ отданъ дворъ Петра Головина съ полатами.

Въ 1626 г. пожаръ начался на Варварскомъ крестцѣ и въ рядахъ, откуда загорѣлся верхъ храма Василія Блаженнаго, а отъ него огонь распространился и на Кремль, гдѣ первая загорѣлась соборная церковь въ Вознесенскомъ монастырѣ, затѣмъ по сосѣдству въ Чудовѣ соборная церковь Михаилова Чуда и далѣе горѣло по всему Кремлю.

Въ началѣ XVII ст. въ монастырѣ существовали храмы: соборный Вознесенія и съ 1625 г. два предѣла — одинъ Аѳанасія и Кирилла, другой Михаила Малеина. Потомъ упоминается въ 1626 году предѣлъ у инокини Великой старицы Маѳы Ив., вмч. Екатерины, и въ томъ же году предѣлъ Ѳеодора, иже въ Пергіи, и затѣмъ Георгія съ предѣломъ Дмитрія Солунскаго (упом. съ 1625 г.). Тѣ же церкви существуютъ и въ 1792 г.

Когда и по какому поводу построена церковь вмч. Екатерины, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но это вдимя, Екатерининъ день, въ XVII ст. составлялъ второй большой монастырскій праздникъ послѣ Вознесенія. Церковь съ именемъ предѣла, что «у Великой старицы Маѳы Ив.», какъ видѣли, упоминается въ 1626 г. Повидимому, этотъ предѣлъ находился при соборномъ храмѣ монастыря, потому что въ день празднества со святынею приходилъ къ патріарху соборный протопопъ съ братіею, а упоминаніе, что предѣлъ находился у Великой старицы, можетъ указывать на нее, какъ на основательницу предѣла.

Въ 1686 г. церковь вмч. Екатерины вновь построена на воротахъ въ трапезѣ и освящена патріархомъ Іоакимомъ 24 ноября, въ присутствіи царя Ивана Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны.

Въ 1694 г. окт. 15, вѣроятно по случаю обновленія, освященъ предѣлъ церкви Михаила Малеина, св. Ѳеодора, иже въ Пергіи.

Въ 1696 г. ноября 14 былъ освященъ возобновленный соборный храмъ Вознесенія, обновлены стѣны и пробиты окна. Изъ приказа Каменныхъ дѣлъ на это возобновленіе, на покупку каменныхъ, желѣзныхъ и всякихъ припасовъ и за дѣло, и отъ письма святыхъ иконъ, было выдано 3.000 рублей (Записки Отд. Русской и Слав. Археологіи, томъ IV, стр. 351). Въ это время были возобновлены или построены вновь и разныя служебныя и жилыя зданія монастыря. Въ 1711 г. построена церковь Казанскія Богородицы по обѣту монахини княжны Іоанны Барятинской.

Въ 1722 г. эта церковь по какому-то случаю была разломана, но въ 1729 г. по челобитью княжны Синодомъ разрѣшено на томъ же мѣстѣ построить вновь церковь теплую, въ то же имя престолъ, которая и была сооружена въ 1730 г.

Въ 1731 г. съ сѣверной стороны соборнаго храма пристроенъ предѣлъ Успенія Богородицы надъ гробницею отца царицы Прасковьи Ѳедоровны, супруги царя Ивана Алексѣевича, боярина Ѳедора Петровича Салтыкова († 1697 г.). Строителемъ былъ его сынъ, Василій Ѳед. Салтыковъ, Московскій генералъ-губернаторъ.

Другой предѣлъ пристроенъ съ южной стороны во имя Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ 1732 г. надъ гробомъ царевны Прасковьи Ивановны, сестры императрицы Анны Ивановны, по усердію которой несомнѣнно и построенъ этотъ предѣлъ.

Въ 1737 г. опять обгорѣла соборная же церковь Вознесенія и особенно церковь Михаила Малеина съ предѣломъ, а также церковь св. Георгія съ каменнымъ рѣзнымъ образомъ св. Георгія и всѣ кельи, игуменскія и казначейскія на 13 саженъ и кельи монахинь на 97 саж., какъ и всѣ другія зданія.

Въ началѣ XIX столѣтія церкви св. Георгія съ предѣломъ Дмитрія Солунскаго, Аѳанасія и Кирилла и церковь Казанской Богородицы были упразднены. Престолъ Казанской Б-цы въ 1829 г. помѣщенъ предѣломъ въ новопостроенной въ 1817 году церкви Великомученицы Екатерины.

Въ 1521 г. іюля 28 случилась старая исторія — внезапно, никому невѣдомо, безвѣстно появился у Оки Крымскій царь Магметъ-Гирей со многимъ воинствомъ изъ всѣхъ низовыхъ Татарскихъ ордъ, съ Черкасами и Литвою. Его полки стали опустошать Коломенскія мѣста и въ разъѣздахъ достигали даже и подмосковнаго села Острова и выжгли монастырь Николы на Угрѣши. Москва сѣла въ осаду, попрежнему ожидая великой напасти. Въ городъ собрались всѣ посажане и пришлецы изъ уѣздовъ. По старому порядку вел. князь отправился на Волокъ собирать войско, строить полки. Заслышавъ, что собирается большая Московская рать, царь поспѣшилъ убраться во-свояси. Сидѣвшая въ осадѣ Москва благочестиво приписала это бѣгство царя чудесному заступленію Богоматери и Моск. чудотворцевъ. Въ народѣ остались сказанія о многихъ видѣніяхъ по этому случаю.

Блаженный Христа ради юродивый *Нагоходецъ* Василій, за нѣсколько дней передъ нашествіемъ Магметъ-Гирея, въ одну изъ

ночей пришелъ къ западнымъ (переднимъ) вратамъ Успенскаго собора и долго стоялъ въ унынiи, тайно творя молитву. Были тутъ и другiе благочестивые люди. Они въ это время услышали великiй шумъ внутри храма и видѣли церковныя двери отворенныя, образъ Владимiрскiя Богоматери подвигнулся съ своего мѣста и слышенъ былъ гласъ, что съ Русскими святителями хочетъ выйти изъ града и по всей церкви огонь распалился, во всѣ двери и окна пламя исходило и вся церковь какъ огненная показалась и потомъ все невидимо стало.

Когда пришли вѣсти о приходѣ царя и о томъ, что Татары уже воюютъ около Николы на Угрѣши, сидящiе въ осадѣ Москвичи въ церквахъ и въ домахъ и по келiямъ стали возсылать непрестанныя усердныя молитвы о избавленiи отъ приходящей скорби, спасенiи, принося покаянiе въ своихъ грѣхахъ, ибо за грѣхи Господь посылаетъ наказанiе отъ иноплеменныхъ.

Въ это время общаго молитвеннаго настроенiя одна изъ инокинь Вознесенскаго монастыря, уже престарѣлая и притомъ слѣпая, стоя въ своей кельѣ также на молитвѣ, удостоилась слѣдующаго видѣнiя.

Слышитъ она какъ бы великiй шумъ и страшный вихорь и звонъ какъ бы *площадскихъ* колоколовъ (отъ соборной площади). И Божественнымъ мановенiемъ, восхищена бывши умомъ, стоитъ она уже внѣ монастыря и отверзлись ея очи мысленныя и вкупѣ и чувственныя.

Видитъ она не яко во снѣ, но яко наяву — идетъ изъ града во Фроловскiя ворота многочисленный свѣтовидный соборъ святолѣпныхъ мужей въ освященныхъ одеждахъ, многiе митрополиты, епископы, изъ нихъ были познаваемые великiе чудотворцы: Петръ, Алексѣй, Iона и Ростовскiй Леонтiй, и иные многiе iереи и дьяконы и прочiе причетники. Съ ними же несома была и икона Владимiрской Богоматери и прочiе иконы и кресты и Евангелiя и прочiя святыни, съ кадилами, со свѣщами, съ лампадами, съ рипидами и хоругвями, все по чину, какъ въ крестныхъ ходахъ, и за ними народъ въ безчисленномъ множествѣ.

И въ то же время отъ Великаго Торговища Ильинскаго навстрѣчу священному шествiю, скоро поспѣшая, шествовалъ Сергiй чуд. и къ нему доспѣлъ Варлаамъ Хутынскiй чуд. Оба преподобные, встрѣтя святителей, со слезами вопрошаютъ ихъ: «Чего

ради исходите изъ града и куда уклоняетесь и кому оставляете паству вашу въ это время варварскаго нашествія?»

Свѣтовидные святители также со слезами отвѣтили, что по Господню повелѣнію они идутъ изъ града и выносятъ икону Владимірскую, потому что люди забыли страхъ Божій и о заповѣдяхъ Божіихъ не радятъ; того ради Богъ и попустилъ придти сюда варварскому языку, да накажутся люди и покаяніемъ возвратятся къ Богу. Святая двоица преподобныхъ умолила святителей общею молитвою помолиться о грѣшныхъ людяхъ, дабы праведный Божій гнѣвъ на милость претворить. Послѣдовало совокупное торжественное моленіе, послѣ котораго священный ходъ возвратился въ городъ.

Видѣвши все это, инокиня опять очутилась въ своей кельѣ, пожила послѣ того два года и ослѣпленными очами свѣтъ увидала. Она разсказала о видѣніи своему духовнику, игумену стараго монастыря св. Николы, Давыду.

И не одна эта инокиня видѣла это чудо, но и другія многія. Видѣли то же дивное видѣніе двѣ вдовицы, одна Евдокія, зовомая Коломянка, жена нѣкоего воина Костромитина, другая Іуліянія очами мало видя, вдова Воздвиженскаго пресвитера, что близь тѣхъ же Фроловскихъ воротъ. И сіи вдовы со многими другими были въ Кремлѣ въ осадѣ и, не имѣя своего дома въ городѣ, жили въ тѣснотѣ подъ папертью у церкви Георгія, что у Фроловскихъ воротъ, и все то видѣніе откровенно видѣли, какъ и помянутая инокиня.

То же видѣла и третья вдовица, родственница Ивану Третьякову, царскому казначею, сидѣвшая въ его домѣ въ горней храминѣ, что близь тѣхъ же Фроловскихъ воротъ, и видѣвшая видѣніе въ оконце храмины.

Совокупное съ этимъ видѣніемъ случилось и у Благовѣщенской церкви на Дорогомиловѣ, гдѣ домъ Ростовскихъ архіепископовъ, надъ Москвою-рѣкою. Въ то же время попамарь шелъ къ той церкви и видитъ св. Леонтія чуд., спѣшно идущаго къ церкви и глаголяща понамарю: «Скорѣй, скорѣй отвори мнѣ двери церкви, войду въ нее и облекусь во священную мою одежду, да немедленно достигну святѣйшихъ митрополитовъ, идущихъ со священнымъ соборомъ изъ сего города». Святитель вошелъ въ церковь, облачился во все святительское благолѣпіе и быстро вышелъ

къ городу. Говорили нѣкоторые, что въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ хранились священныя ризы чудотворца Леонтія и отъ того времени не оказались тамъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и донынѣ, на увѣреніе преславнаго чудеси (Степенная кн., II, стр. 200).

Въ тотъ самый день пришли въ Москву вѣсти, что Татары, никѣмъ не гонимые, побѣжали отъ города.

Царь хотѣлъ стремительно напасть на городъ и послалъ передовой полкъ съ повелѣніемъ пожечь всѣ посады. Но посланные, приблизившись къ городу, увидили безчисленное Русское воинство полны поля по обѣ стороны посадовъ. Не довѣряя, царь посылалъ еще два раза новыхъ соглядатаевъ и тѣ видѣли еще большее число войска. Тогда въ ужасѣ онъ побѣжалъ безъ оглядки. Затѣмъ вскорѣ онъ былъ убитъ Ногайцами.

Въ Смутное время въ монастырѣ временно пребывали: несчастная царевна Ксенія Годунова, потомъ царица инокиня Мароа Өед. Нагихъ, которую Самозванецъ вынудилъ признать его сущимъ ея сыномъ. Онъ по сыновнему встрѣтилъ ее, помѣстилъ ее во дворцѣ до того времени, пока ей выстроили въ монастырѣ богатыя хоромы въ родѣ дворцовыхъ. Помѣстивъ ее въ этихъ хоромахъ, съ царскимъ содержаніемъ, Самозванецъ, какъ любящій и покорный сынъ, каждый день приходилъ къ ней на поклонъ.

Никогда небывалыя событія въ Москвѣ и въ кельяхъ монастыря происходили во время пріѣзда въ Москву невѣсты самозванца, Марины или Марихи, какъ называли ее Русскіе, Мнишковой. Изумительная по богатству обстановки встрѣча ей, и далеко за городомъ, и передъ самымъ городомъ, и потомъ торжественный въѣздъ въ богатѣйшихъ каретахъ самой невѣсты и всей ея свиты представляли невиданное для Москвы зрѣлище. Когда церемонія стала приближаться къ Кремлю, собранные на Красной площади музыканты ударили въ литавры и барабаны, трубили въ трубы. Шумъ былъ несносный, болѣе похожій на собачій лай, нежели на музыку, оттого что барабанили и трубили безъ всякаго такта, какъ кто умѣлъ, замѣтилъ очевидецъ. Этотъ громъ не умолкалъ, доколѣ невѣста не вступила въ жилище царской матери. Блистательное шествіе, войдя въ Спасскія ворота, остановилось у воротъ монастыря; невѣста чинно вышла изъ кареты и удалилась

въ новопостроенныя хоромы на временное жительство у своей свекрови, заявленной матери Самозванца. Тамъ ожидалъ ее женихъ.

«Доброжелатели сего безразсуднаго», говоритъ Карамзинъ, «хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ недоступныхъ кельяхъ учится нашему закону и постится, готовясь къ крещенію. Въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ царскихъ запасовъ и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины совсѣмъ не монастырскіе. Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ инокинь непорочныхъ. Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ». Марина жила въ монастырѣ пять дней, потомъ перешла во дворецъ и торжественно повѣнчалась съ женихомъ.

Ихъ названная мать инокиня Мареа Нагихъ, по смерти Лжедимитрія, тотчасъ, мая 21, отреклась отъ своего ложнаго сына. Разсказывали (Поляки), что народная толпа, тащившая трупъ Самозванца на Красную площадь, остановилась у Вознесенскаго монастыря и потребовала названную его мать съ вопросомъ: «точно ли убитый сынъ ея?» Она будто бы отвѣчала: «объ этомъ надобно было спросить, когда онъ былъ живъ, а теперь онъ уже не мой». Она оставалась въ монастырѣ до своей кончины въ 1608 г., когда была и погребена какъ бывшая царица въ соборномъ храмѣ. Царь Михаилъ Ѳед. въ 1638 г. на ея гробъ положилъ богатый покровъ.

Спустя пять лѣтъ въ 1613 г. въ монастырѣ поселилась Великая старица, мать Богомъ избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича, инокиня Мареа Ивановна. Примѣчательно, что Великая старица и ея сынъ прибыли въ Москву также 2 мая, какъ и невѣста Самозванца, Марина.

Въ это время, отъ пребыванія Поляковъ, царскій дворецъ былъ

разоренъ, полаты и хоромы стояли безъ кровель, внутри безъ половъ и дверей и безъ окончинъ, все это деревянное было употреблено Поляками на отопленіе. Молодому царю негдѣ было и поселиться. Не ожидая отъ него указа по этому поводу, боярская Дума изготовила нѣсколько помѣщеній и въ томъ числѣ для Великой старицы отдѣлала хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ которыхъ жила царица Мароа Нагихъ, «устроила *великими покои* попрежнему», то-есть какъ было при Маринѣ. Между тѣмъ царь Михаилъ назначалъ было для матери помѣщеніе во дворцѣ въ хоромахъ царицы Василія Ивановича Шуйскаго, но за недостаткомъ и лѣса, и плотниковъ отдѣлать ихъ къ прибытію царя уже не было возможности.

Такимъ образомъ Великая старица поселилась въ приготовленныхъ ей въ монастырѣ бывшихъ *царицыныхъ* хоромахъ, какъ онѣ въ то время обозначались.

Въ сентябрѣ эти хоромы были убраны суконнымъ нарядомъ, на который употреблено на двери и на окна половинка (25 арш.) сукна лятчины червчатой, еще половинка сукна Рословская, 10 арш. лятчины, 12 арш. атласу зеленаго, 2 арш. камки адамашки червчатой. Уборъ, повидимому, былъ цвѣтной, червчатый, зеленый, а потому едва ли удобный для Великой старицы инокини. Такъ и случилось. Старица не осталась жить въ этихъ хоромахъ.

Когда настала зима (1613 г.), то упомянутыя обширныя хоромы вѣроятно не представили теплаго удобства для жизни. Тогда Великая старица въ декабрѣ выстроила себѣ особую *малую избушку*, въ которой дверной приборъ былъ обитъ вишневымъ сукномъ. Къ генварю 1614 г. избушка была готова и 2-го числа государь послалъ матери на новоселье сорокъ соболей, по сибирской цѣнѣ въ 60 руб. Въ октябрѣ 1614 г. въ этой избушкѣ двери и окончины были обиты англинскимъ лазоревымъ сукномъ.

Въ іюнѣ 1616 г. Великая старица справляла опять новоселье, куда нареченная государева невѣста, несчастная Настасья Ивановна Хлопова, принесла, челомъ ударила, старицѣ два сорока соболей на 55 р.

Повидимому, первымъ дѣломъ старицы было устройство особаго предѣла въ Вознесенскомъ храмѣ во имя государева ангела Михаила Малеина, о которомъ упоминается уже въ 1617 г. Затѣмъ

былъ устроенъ предѣлъ св. Θеодора, иже въ Пергіи, ангелъ ея мужа, Θедора Никитича Романова, теперь Филарета Никитича, съ 1619 г. патріарха Московскаго. Объ этомъ предѣлѣ упоминается въ 1626 г.

Въ 1624 г. старица выстроила себѣ новое особое помѣщеніе позади царицыныхъ хоромъ, названное также *избушкою*, вѣроятно въ ласкательномъ смыслѣ, потому что въ этой избушкѣ было устроено *шесть* слюдяныхъ оконъ и не малая изразчатая печь; дверной и оконный приборъ былъ желѣзный луженый. Передъ избушкой были также сѣни и на сторонѣ чуланъ и столчакъ. Для этой избушки былъ купленъ срубъ еловый на 23-хъ вѣнцахъ, трехъ саженъ, съ углы, заплаченъ 13 руб. Потомъ въ 1626 г. старица построила себѣ новую келью, въ которой на новоселье 1 октября отнесена къ ней оловянная солонка съ хлѣбомъ и съ солью патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ.

Эта избушка и келья, должно быть, соединялись съ церковью св. Георгія, поступившею теперь въ число монастырскихъ храмовъ. Въ 1629 г. церковь Георгія обозначена, «что у великія государыни иноки Марθы Ивановны *на сѣняхъ*».

Поселившись въ монастырѣ вдали отъ дворца, Великая старица все-таки по необходимости должна была принять на себя управленіе всѣмъ порядкомъ и обиходомъ царицына вѣдомства, такъ какъ царицы налицо не было, а новоизбранному государю, ея сыну, было всего 16 лѣтъ съ небольшимъ. Въ этомъ управленіи правою ея рукою была *верхняя* ея боярыня Марья Юрьевна Головина (1614) и казначея Марья, неизвѣстная по отчеству. Въ первые годы своего пребыванія въ монастырѣ Вел. старица жила на царскомъ положеніи, приказывая и повелѣвая своимъ *словомъ*, какъ сама царица въ уровень съ повелѣніями молодого, еще неопытнаго государя.

Въ 1613 г. «іюля 29 (дано) стряпчему Θедору Михайлову сыну Толочанову, за перстень золотъ, наведенъ финифтомъ бѣлымъ да зеленымъ, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, 3 руб. А взяла тотъ перстень государыня старица инока Марθа Ивановна; а денги приказалъ ему дати *словомъ* государыни старицы иноки Марθы Ивановны, кравчей Михайло Мих. Салтыковъ». Того же 1613 г. декабря 6 въ денежномъ расходѣ записано между прочимъ: «*словомъ* государыни великой старицы иноки Марθы Ивановны,

крестовый діякъ Иванъ Семіоновъ взялъ 2 золотыхъ. А тѣ золотые приложилъ государь на молебнѣ къ образу чудотворца Николы Гостунскаго». Въ 1614 г. декабря 12 «По имянному приказу государыни великіе старицы иноки Мареы Ивановны, дано крестовому дьяку Овдѣю Васильеву вершокъ шапочной настрафиль багровъ, цѣна 5 ал. купли 122 году. Приказала *словомъ* государыни великіе старицы иноки Мареы Ивановны, старица Олена Языкова».

Ея высокое положеніе заставляло и народъ относиться къ ней съ большимъ почетомъ. По случаю вѣнчанія на царство ея дорогого сына (11 іюля 1613 г.), черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія Псковичи посадскіе люди, староста Климентій Ивановъ съ товарищами, поднеся обычные дары самому государю, приходили и къ Великой старицѣ также съ дарами и «били челомъ хлѣбы и дары». Государыня хлѣбы приняла, а даровъ не приняла, и Псковичи тѣми дарами государю же челомъ ударили. Они подносили ей серебряный кубокъ въ гривенку (фунтъ) вѣсомъ, который государь повелѣлъ отдать на Сытный дворецъ, на поставецъ, т.-е. сохранилъ его въ своемъ обиходѣ, такъ какъ другіе подобные кубки поступали въ награду, т.-е. выходили на всѣ стороны изъ дворцоваго обихода. Кромѣ кубка, они подносили 10 арш. атласу вишневаго, 9 арш. адамашки лазоревой, сорокъ куницъ и 30 золотыхъ Угорскихъ и Московскихъ.

Мало-по-малу въ монастырѣ сосредоточились и всѣ важнѣйшія работы царицына дворцоваго обихода, т.-е. свѣтличныя работы— шитья, вышиванья, низанья и т. п., для чего къ Великой старицѣ въ хоромы доставлялся на эти дѣла различный матеріалъ— шелки, волоченое, пряденое золото и серебро, жемчугъ, разный металлическій приборъ, въ родѣ серебряныхъ такъ называемыхъ *пелепелковъ* (особаго устройства булавокъ или шпилекъ), которыхъ въ 1624 г. къ ней доставлено 100 золотниковъ бѣлыхъ и 200 золотн. золоченыхъ. А жемчугу въ 1625 г. ей было доставлено для работъ 6077 зеренъ разной величины на сумму 1557 рублей слишкомъ.

Золотымъ шитьемъ и жемчужнымъ низаньемъ изготовлялись ризы, пелены, покровы и другія церковныя утвари, при чемъ употреблялись и дорогіе камни, изумруды, лалы, яхонты.

Въ 1614 г. Великая старица строила государю аксамитную

шубу съ жемчужнымъ круживомъ, въ которое были вставлены въ гнѣзда 16 яхонтовъ лазоревыхъ большихъ. Само собою разумѣется, что въ свѣтлицѣ Вел. старицы изготовлялись для государя и всѣ рядовые предметы одежды, напр., сорочки, на которыя 11 декабря 1613 г. доставлено въ ея хоромы 13 арш. тафты виницейки алой и 66 арш. еще такой же тафты широкой. Однако нарядныя сорочки государь употреблялъ изъ оставшагося имущества Богдана Бѣльскаго. Въ томъ же декабрѣ 1613 г. ему поданы 4 сорочки тафтяныя, червчатыя и бѣлыя, а на сорочкахъ на вороту и на мышкахъ и на прорѣхахъ 373 зерна жемчужныя на спнѣхъ (гнѣздахъ) серебряныхъ. Какъ сохранилось богатое имущество Бѣльскаго, неизвѣстно, но молодой государь въ своемъ обиходѣ пользовался имъ во многихъ случаяхъ (см. дворъ Бѣльскаго.)

Заботясь о государѣ-сынѣ, Вел. старица столько же показала заботы и о бывшемъ своемъ мужѣ, Филаретѣ Никитичѣ, все еще находившемся въ плѣну у Поляковъ. Въ октябрѣ 1614 г. она послала ему въ Литву *охобенекъ* объярь таусинная да шубу объярь вишневая на соболяхъ, цѣна 109 руб., и кромѣ того шесть сороковъ соболей на 367 руб. Это, вѣроятно, для подарковъ Полякамъ, когда происходилъ обмѣнъ плѣнныхъ. Извѣстно, что Филаретъ Никитичъ вымѣненъ на пана полковника Струся и другихъ Поляковъ (А. О. II., № 909). Потомъ въ августѣ 1617 г., когда, вѣроятно, послѣдовало освобожденіе плѣннаго, Вел. старица послала ему святительскій нарядъ: монатью праздничную и другую будничную и ряску.

Для своей одежды старица употребляла черную тафту виницейку; въ томъ же 1613 г. сентября 14 ей подано такой тафты 26 арш. За недостаткомъ тканей чернаго цвѣта ей *чернили* (красили) ткани цвѣтныя. Такъ, въ маѣ 1613 г. зеленая тафта 16 аршинъ была почернена на завѣсъ къ ея колымагѣ, а зимою въ декабрѣ почернено сукно къ ея каптанкѣ. Каптанка имѣла двери и окошечки, которыя обдѣлывались соболями. Въ іюнѣ красильный мастеръ красилъ желтые киндяки въ гвоздичную краску на опашенки Вел. старицѣ. Комнатная ея одежда была ряска, а выходная опашень, охобень и шуба. Въ 1614 г. ей сдѣлана шуба горностайная изъ черной тафты и опашенекъ изъ багроваго киндяку. Носила шапочку соболью.

Изъ числа разныхъ предметовъ потребленія въ 1614 г. Великой старицѣ поданы два раза *спицы* сахару леденцу, вѣсомъ каждая въ полтора фунта. Въ 1619 г. ей поданы четки ароматныя, два кружка мыла іерусалимскаго съ мастикою, восемь кружковъ мыла іерусалимскаго съ красками.

Когда у царицы Евдокіи Лукьяновны родилась въ 1627 году дочь-первенецъ, царевна Ирина Михайловна, Великая инока несомнѣнно была очень обрадована. По третьему году царевна жила у бабушки въ кельяхъ. Въ 1629 г. въ монастырь царевнѣ было отпущено изъ царицыной Мастерской полаты 20 лоскутовъ отласныхъ золотыхъ и серебряныхъ и камчатыхъ и тафтяныхъ на потѣшныя куклы, приняла старица Олена Языкова. Въ домашнемъ или въ своемъ келейномъ обиходѣ она отчасти сохраняла старые порядки свѣтской жизни, такъ въ ея хоромахъ жила и *дурка*, именемъ Манка. Другая дурка, именемъ Марѳа уродливая, находилась въ числѣ монастырскихъ старицъ. Въ 1613 г. у Вел. старицы находились, кромѣ крестоваго дьяка и крестоваго дьячка, псаломщика, стольникъ Ѳедоръ Судимантовъ, *бахарь Петруша* Макарьевъ, *арапъ* Давыдъ Ивановъ, дуракъ Мосѣй (1621 г.). Имя Петруша, а не Петрушка, должно обозначать, что бахарь былъ въ извѣстномъ почетѣ за свои сказанія и дарованія. У государя бахарь именовался Петрушкою (Тарасьевъ-Сапоговъ).

Видимо, что въ теченіи годовъ Великая старица мало-по-малу удалялась изъ великихъ покоевъ Царицыныхъ хоромъ въ настоящую иноческую келью и въ полное иноческое житіе. Она скончалась 28 генваря 1631 г. и погребена въ монастырѣ у Спаса на Новомъ, гдѣ покоятся родители Романовыхъ.

Пользуясь въ своемъ содержаніи казною государя, Великая старица имѣла и особую собственную казну, получаемую изъ оброчныхъ доходовъ съ принадлежавшихъ ей Галицкихъ волостей, такъ что послѣ ея кончины у ней оставалось денегъ 6185 рублей, которые всѣ и израсходованы на ея поминовеніе.

Спустя съ небольшимъ три года послѣ ея кончины царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1634 г. въ теченіи лѣта, отъ 1 мая до сентября, построилъ на мѣстѣ деревяннагѡ каменный храмъ во имя своего ангела, Михаила Малеина. Постройкой завѣдывали дворяне-жильцы, строителями были «у заводу и у указу» подмастерья каменныхъ дѣлъ Баженъ Огурцовъ и Семейка Бѣлой.

Какъ мѣсто упокоенія царскихъ родителей, знатное кладбище великихъ княгинь и царицъ и всего государева семейства по женскому колѣну, Вознесенскій монастырь по своему царственному значенію и богатству первенствовалъ между всѣми женскими монастырями, а потому въ своихъ стѣнахъ сосредоточивалъ монашеское женское населеніе наиболѣе боярское и дворянское съ ихъ послуживицами.

Въ этомъ населеніи въ разные годы числилось болѣе ста сестеръ-старицъ. Въ 1625 г. числилось: игуменья, келарь, казначея, 9 старицъ боярынь, 4 старицы соборныя, 3 уставщицы, 26 крылошанокъ, 88 рядовыхъ, всего 133 старицы. Составъ рядовыхъ старицъ измѣнялся. Въ 1627 г. ихъ было 79, въ 1631 г.—90, въ 1636 г.— 100 и т. д. Эта послѣдняя цифра въ теченіи XVII ст. была какъ бы штатною, хотя иногда и увеличивалась.

Игуменья, келарь и казначея представляли монастырскую руководящую и распорядительную *власть*, при соборѣ или совѣтѣ, состоявшемъ изъ боярынь и княгинь и соборныхъ старицъ, числомъ 19. Рядовыхъ сестеръ въ 1696 г. числилось 100 чел., написанныхъ *въ удѣли*, въ цѣломъ удѣлѣ 64, въ полуудѣлѣ 36. Но въ 1697 удѣльныхъ числилось 100 и полуудѣльныхъ 38 и 5 малыхъ дѣвокъ [1]). Въ 1652 г. онѣ обозначены *мѣстными* 130 ч. и *безмѣстными* 30 ч. и 2 дѣвки. Особою статьею числились *крылошанки* (пѣвчія), во главѣ съ *уставщицею* и *головщицею*. Въ 1681—1699 г., какъ и въ 1625 г., крылошанокъ было 26 ч., уставщица и двѣ головщицы, всего 29 человѣкъ.

Поступавшіе вновь въ монахини вкладомъ вносили 50, 60 и 70 рублей, смотря по своему достатку.

Церковный причтъ составляли протопопъ, 3 попа, 2 діакона, 1 понамарь, кромѣ предѣльныхъ поповъ съ причетниками, съ которыми въ 1699 г. всего причта числилось 14 чел.

Въ 1681 г. за монастыремъ числилось вотчинъ 1914 дворовъ, а къ 1699 г. было уже 2128 дворовъ. Для управленія вотчинами и монастырскими дѣлами необходимъ былъ и мужской чинъ, составлявшій *приказъ* монастырскихъ дѣлъ. Въ его составъ входили и получали годовое содержаніе: дьякъ 50 р., монастырскій стряпчій 30 р., ему же на вино для приказныхъ людей 10 р., подья-

[1]) Слово *удѣль* можетъ обозначать удѣлъ, т.-е. отдѣленную часть, особую долю, раздѣлъ дохода по числу лицъ, сколько можно каждому *удѣлить*, поровну всѣмъ.

чіе: 1) казенный 5 р., 2) у хлѣбнаго сбору 8 р., 3) подьячій конюшій 5 р. Низшія мужскія должности исполняли: слуги 11 чел. по 5 р. каждому; сторожа церковные 3 ч., конюхи 8 ч., коновалъ 1, приказный сторожъ 1, воротники 4 ч., водовозы 6 ч. и др. работники по 4 р. каждому.

Вотчинные доходы монастыря въ 1697 г. простирались (круглыми цифрами) до 3500 р., къ которымъ присоединялся остатокъ предыдущаго года въ 2290 р., всего выходило въ приходѣ около 5800 р. и за расходомъ въ этомъ году 2290 р. явился остатокъ къ 1698 г. около 3500 рублей.

Расходъ былъ *окладной*, что выдавалось по опредѣленному окладу, и *неокладной*, который содержалъ мелкія всякія дачи и расходы и по приказу и по приговору властей.

Сестры-старицы получали по окладу въ годъ на *келейный обиходъ*: игуменья, келарь, казначея по 4 р., рядовыя написанныя въ удѣли по 2 р. каждая.

Затѣмъ слѣдовали *заздравныя* выдаваемыя въ именинные дни царскаго дома, которыхъ въ 1697 г. числилось 17 ангеловъ, игуменьѣ, келарю, казначеѣ по 2 алтына, рядовымъ по алтыну. Потомъ *панихидныя* въ каждый день памяти по скончавшимся царямъ, царицамъ, царевичамъ и царевнамъ, и нѣкоторымъ ихъ родственникамъ, въ томъ числѣ по патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, которыхъ въ 1697 г. насчитывалось 70 памятей панихидъ, тремъ властямъ по гривнѣ, рядовымъ удѣльнымъ по 10 денегъ. Этотъ надѣлъ вначалѣ, какъ и слѣдовало, производился изъ государевой казны, въ видѣ руги, но въ концѣ XVII ст. съ 1681 г. велѣно расходовать изъ монастырской казны.

При Петрѣ въ 1699 г. всѣ ружные расходы для вотчинныхъ богатыхъ или достаточныхъ монастырей были упразднены и переведены на монастырскую казну.

Кромѣ того, по окладнымъ записямъ монахинямъ выдавались деньги, слѣдуя по временамъ года, на различные хозяйственные припасы.

Съ наступленіемъ осени, когда начинался и новый годъ, съ 1 сент. сестры-старицы получали на *капусту*, власти по 26 алт. 4 ден.—80 к., удѣльныя по 40 к.; на дрова на годъ власти по 1 р. 20 к., удѣльныя 60 к. Въ генварѣ на коровье масло властямъ за пудъ каждой 1 р. 20 к., удѣльнымъ 100 ч. по 60 к. на

полпуда, полуудѣльнымъ 38 ч.—по 30 к. за 10 фунтовъ, малымъ дѣвкамъ по 15 к.

Въ концѣ Рождества и Богоявленія на кутью по 4 денги (по 2 коп.). То же и къ Сырной недѣлѣ въ Родительскую субботу.

Великимъ постомъ на сушеные *грибы* въ половину противъ рыбы.

Въ мартѣ (ко Святой) вмѣсто рыбныхъ ловель на рыбу удѣльнымъ 100 ч. по 25 к.; то же и полуудѣльнымъ 35 ч.; *искусницамъ* и дѣвкамъ въ половину противъ удѣльныхъ $12^1/_2$ коп.

Въ свѣтлый праздникъ устроивался кормъ-столъ на весь монастырь съ протопопомъ и игуменьею во главѣ. Для этого стола въ 1697 г. было куплено 2 осетра просольныхъ, 2 осетра свѣжихъ, во щи 10 тешекъ, 25 щукъ свѣжихъ (4 пуда), 12 судаковъ, 23 язя, 23 леща, пудъ семги, 50 пучковъ вязиги, пудъ 3 ф. черной зернистой икры, 2 четверика снятковъ, да во всякое кушанье луку полъ-осмины, фунтъ перцу, 8 фунтовъ хрѣну, ведро уксусу, кромѣ того, 10 паровыхъ стерлядей да ушной рыбы 90 судаковъ, 250 плотицъ.

Про игуменью и про соборныхъ старицъ къ тому же столу особо куплено живой рыбы: 2 щуки, лещъ, шерешперъ, 3 язя. Въ пироги 3 налима, 3 окуня росольныхъ, 15 плотицъ, 5 карасей, 5 стерлядей въ уху, всего на 1 р. 50 к.

Въ праздникъ Вознесенія вмѣсто положеннаго стола-корму старицамъ по гривнѣ; на праздникъ Екатерины по 10 денегъ.

Такимъ образомъ, каждая монахиня въ удѣлъ получала въ годъ по 8 р. 30 к. деньгами; три особы властей получали вдвое.

По тогдашнимъ цѣнамъ на потребные запасы и разные предметы этой суммы было весьма достаточно на годовое прожитіе монахини.

Крылошанки пользовались особыми доходами. На Рождествѣ онѣ приходили ко властямъ славить, игуменья давала имъ по рублю на крылосъ, келарь по 50 к., казначея по 25 к. Кромѣ того, въ прежнее время онѣ ѣздили славить по боярскимъ дворамъ, что при Петрѣ было воспрещено, и за это изъ монастырской казны имъ выдавалось на оба крылоса 30 р.

На Святой имъ выдавали за 2 пуда меду на крылосъ по 1 р. 20 к. деньгами.

Старицы-*церковницы*, которыя стоятъ у гроба благ. княгини

Евфросиніи Донской, 5 чел., получали на башмаки и чулки по 20 к. каждой.

Чашница завѣдывала монастырскими погребами, на которыхъ сохранялось конопляное и другія постныя масла, а также коровье и на питейномъ погребѣ пиво, медъ, вино.

Кромѣ Свѣтлаго праздника, монастырь торжественно праздновалъ свои мѣстныя праздненства—день Вознесенія и день вмч. Екатерины. Несомнѣнно, что и въ эти дни бывали такіе же кормы, какъ и на Свѣтлый день. Кромѣ съѣстного, къ праздникамъ устроивались и *медовыя ставки*, для которыхъ на монастырскомъ погребу сохранялся медъ. Къ 1697 г. такого меда оставалось 48 пуд. слишкомъ, къ тому вновь поступило оброчнаго съ вотчинъ 106 пудовъ. На каждую ставку меду выходило около 37 пуд. Варили также и *монастырское* пиво къ тѣмъ же праздникамъ или къ особому торжеству, напр., въ 1696 г. къ освященію храма Вознесенія; хмелю 20 ф., пивовару за работу отъ вари 20 к.

Въ 1697 г. къ Свѣтлому празднику для пересиживанья вина было куплено по 15 золотниковъ гвоздики, бадьяну, кардамону да фунтъ анису, слѣд. готовились особыя водки,—частью для монастырскаго употребленія и особенно для гостей. Для гостей покупалось и ренское (бѣлое) вино.

Къ освященію Вознесенскаго собора 14-го ноября 1696 г. въ кельи къ игуменьѣ, келарю и казначеѣ для гостей куплено живой и свѣжей рыбы на 2 р. 80 к., да къ игуменьѣ въ келью четвертная скляница ренскаго 50 к.

По заведенному изстари обычаю въ дни монастырскихъ праздниковъ Вознесенія и вмч. Екатерины монастырскія власти, игуменья съ келаремъ и казначеею, подносили праздничныя иконы всѣмъ особамъ царскаго дома по комнатамъ, а также нѣкоторымъ близкимъ къ монастырю боярамъ и дьякамъ. Иконы въ серебряномъ окладѣ подносились государю, царевичу, царевнамъ именинницамъ (въ день вмч. Екатерины) и патріарху. Остальнымъ лицамъ и самой царицѣ подносили иконы неокладныя. Въ 1697 г. въ Екатерининъ день такихъ иконъ было поднесено 5 окладныхъ и 26 неокладныхъ. Каждая икона стоила 30 к. и окладъ 1 р. Пять неокладныхъ иконъ были поднесены боярамъ кн. Одоевскому, Салтыкову, Лопухину (отцу царицы), кн. Троекурову и Шереме-

теву. Одна икона Крутицкому митрополиту. Образа Вознесенія монастырь подносилъ и на именины царя и царевича.

Съ комнатами женской половины царскаго Двора монастырь жилъ въ большой дружбѣ и въ постоянныхъ сношеніяхъ. Съ наступленіемъ осени, когда наставала и плодовая яблочная пора, монастырь строилъ-варилъ царицамъ и царевнамъ яблочники, что случалось и въ зимнюю пору. Въ 1696 г. въ сентябрѣ эти яблочники строила казначея, на что ей выданъ былъ рубль, а въ декабрѣ сама игуменья Варсанофія (Бутурлина) варила яблочники въ подносъ по комнатамъ царицамъ и царевнамъ, для чего ей въ келью выдано 4 р. Кромѣ яблочниковъ, игуменья въ іюлѣ 1697 г. строила и разныя кушанья и посылала въ Верхъ по комнатамъ, на что ей въ келью выдано 10 р. Вѣроятно, это бывали какія-либо особо любимыя, собственно монастырскія, блюда царицъ и царевенъ. Между прочимъ и опальной въ то время царевнѣ Софьѣ Ал., пребывавшей въ Дѣвичьемъ монастырѣ, монастырь посылалъ въ подносъ яблоки и грецкіе орѣхи, которыхъ 5 дек. 1696 г. было куплено на 20 к.; въ февралѣ 1697 г. ей же отвезено 100 грецкихъ орѣховъ, и потомъ въ апрѣлѣ 1697 г. казначея поднесла ей 100 грецкихъ орѣховъ, куплены по 10 к. за сотню.

Для царевенъ монастырская казна представляла своего рода сохранную казну или банкъ. Онѣ нерѣдко занимали въ монастырѣ на свои нужды деньги, закладывая даже и свои вещи. Вотъ подлинная монастырская запись о такихъ долгахъ, составленная по случаю счетовъ о приходѣ монастырскихъ суммъ. «Да въ долгѣхъ прошлыхъ лѣтъ со 199 (1681) по нынѣшній 205 (1697) годъ: государыня царевна Софья Алексѣевна какъ пошла въ Новодѣвичь монастырь изволила взять 150 руб. Она же г. царевна и вел. кн. Софья Ал. въ 203 (1695) году изволила взять 100 р. Брала постельница Ирина Блохина. Г. царевна и вел. кн. Мареа Алекс. изволила взять 30 р., да въ 203 г. 40 р. — Г. царевна Ѳеодосія Ал. изволила взять 25 р. и въ 202 году прислала въ уплату 10 р.; да въ 203 году она жъ изволила взять 15 р. и въ нынѣшнемъ 205 г. ноября въ 1 день за тѣ взятыя деньги она государыня изволила прислать золотую цѣпочку и та цѣпочка продана, взято 30 р. и тѣ деньги въ монастырскую казну взято. Г. царевна Ѳеодосія Ал. изволила взять 15 р., а въ закладѣ положены ефимки. Г. царевна Татьяна Мих. изволила

взять 10 р. и въ 204 г. прислала въ уплату 5 руб. На вдовѣ Прасковьѣ Тарбѣевой 20 р. На окольничемъ Петрѣ Иван. Потемкинѣ 30 р. На игуменьѣ Варсунофіи Иван. Бутурлиной 100 р., что взяла невѣсткѣ своей» и т. д. На царевнѣ Татьянѣ Мих. еще въ 204 г. числилось 3 р., которые она уплатила въ 205 году.

Расходныя статьи монастыря были очень разнообразны и въ бытовомъ отношеніи весьма любопытны. Въ праздникъ Вознесенія игуменья готовила въ подносъ патріарху пироги съ стерлядями и налимами, на что въ 1697 г. израсходовано 80 к.

На Рождествѣ не малая сумма употреблялась на раздачу приходившимъ въ монастырь славельщикамъ-пѣвчимъ. Государевыхъ пѣвчихъ приходило пять станицъ (хоровъ), патріаршихъ—шесть станицъ и двѣ малыхъ. Приходили также крестовые дьяки комнатные отъ царицъ и царевенъ.

Въ келью къ самой игуменьѣ приходили славить патріаршіе: архидіаконъ, ризничій и черные священники-монахи, дано 4 р. 50 к. Всѣмъ выдавалась установленная дача по окладу.

Прилагаемъ своего рода расходный дневникъ:

1696 г. окт. 1 боярину Алексѣю Сем. Шеину, какъ пришелъ съ государевою войсковою силою изъ Азова со службы, поднесенъ образъ Вознесенія окладной. Того жъ числа, снохѣ стольника кн. Ив. Ѳед. Борятинскаго, сыновнѣ женѣ, какъ послѣ свадьбы пришла къ игуменьѣ на поклонъ въ келью, поднесенъ образъ Вознесенія, окладной.—Окт. 12 подмастерью каменщику Ивашкѣ Степанову, какъ отлевкасили стѣны въ церкви Вознесенія и пробили окна и учинили совсѣмъ въ отдѣлкѣ и на отходѣ съ дѣла ему Ивашкѣ игуменья благословила образомъ Вознесенія, неокладнымъ. Окт. 14 куплено рѣдкое сито цѣдить монастырское пиво, дано 5 к. Окт. 13 у игуменіи были въ кельѣ боярыня княгиня Елена Борисовна Хворостинина да царевны Наталіи Алексѣевны мама и бывъ обѣдали и къ тому обѣду куплено свѣжіе и живые рыбы: 3 щуки, стерлядь, 3 налима, 5 пучковъ вязиги, 3 гривенки икры зернистой, тешка бѣлужья за все дано 1 р. 5 к.; на другой день про нихъ же къ обѣду: щука, стерлядь, 2 налима—51 к. Окт. 19 куплено къ игуменьѣ въ келью 100 свѣчъ, сальныхъ да къ келарю и къ казначеѣ въ келью по 50 свѣчъ, за сто дано по 24 к. (дек. 22 тоже). Окт. 24 боярину кн. Мих. Яковл. Черкасскому, какъ женилъ сына на дочери бо-

ярина кн. Бориса Алексѣев. Голицына и послѣ свадьбы поднесенъ ему образъ Вознесенія окладной.—Дек. 29, кузнецу Михайлову отъ подковки лошадей и отъ монастырскихъ каретъ, колясокъ и избушекъ (зимнихъ возковъ) за полгода дано 6 р. 22 к.

1697 г. марта 15 *чистопрятомъ* отъ чистки (отхожихъ мѣстъ) дано 23 алт. 2 денги. Апр. 15 данъ рубль келарю Ведениктѣ Пушкиной на загородный монастырскій дворъ, что подъ Дѣвичьемъ монастыремъ, на покупку всякихъ овощей садить про монастырскій обиходъ. — Мая 17 боярину Льву Кирилловичу Нарышкину поднесенъ образъ Вознесенія, какъ ему даровалъ Богъ дщерь.—Мая 22 куплено въ церковь Вознесенія листу всякаго (травъ и цвѣтовъ) къ Троицкой вечернѣ на 7 к.—Мая 26, какъ ѣздила келарь съ старицами на загородной дворъ подъ Дѣвичь монастырь досматривать садовъ и овощей и въ то число слугамъ, кои съ ними были, отпущено окорокъ ветчины.—Мая 28 какъ были у игуменьи боярыня княгиня Елена Борис. Хворостинина да боярыня Анна Мих. Салтыкова, изволили кушать, куплено про нихъ свѣжіе и живые рыбы на 60 к.—Іюня 8 куплено для поливанія монастырской капусты кувшиновъ на 3 к.—Іюня 12 новопоставленному Новгородскому митрополиту Іову поднесенъ образъ Вознесенія окладной. — Іюня 20 монастырскому слугѣ Естифѣю Осипову, что онъ строилъ коврижку, которая послана къ боярину Борису Алексѣев. (Голицыну) за всякіе припасы 75 к.—Іюля 19 къ игуменьѣ въ келью, какъ къ ней приходили св. патріарха крестовые черные священники со святынею отъ Двунадесятъ Апостолъ, дано имъ рубль.—Авг. 8 поднесенъ образъ Вознесенія, окладной, стольника князь Михайловой женѣ Михаиловича Голицына, какъ ей даровалъ Богъ сына.—Авг. 15 служили въ конюшнѣ молебенъ Флору и Лавру, священникамъ дано 10 коп.

Когда въ 1718 г. умерла игуменья Евдокѣя Челищева, то, согласно царскому указу, послѣдовалъ выборъ въ игуменьи достойной такой чести и доброй монахини изъ всѣхъ монахинь монастыря.

Выборъ происходилъ 26 сент. 1718 г. всѣмъ соборомъ, на которомъ присутствовали духовникъ іеромонахъ Макарій, казначея, 14 боярынь княгинь и соборныхъ старицъ, уставщица, головщица и всѣ того монастыря монахини. *Соборомъ* онѣ приго-

ворили на мѣсто умершей игуменьи быть у нихъ въ игуменьяхъ того же монастыря келарю *Ведениктѣ Пушкиной* для того, что она монахиня добрая и такой чести достойна. Подписалъ выборъ одинъ духовникъ. О благословеніи ея на игуменство посланъ указъ къ Преосвященному Крутицкому епископу, который и благословилъ ее въ Успенскомъ соборѣ.

Выборъ въ дѣйствительности былъ вполнѣ правильный и достойный. Черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ своего выбора Веденикта Пушкина съ сестрами возбудила спорное дѣло о принадлежавшей монастырю землѣ съ очень сильными въ то время людьми, князьями Трубецкими, съ генералъ-фельдмаршаломъ и кавалеромъ кн. Иваномъ Юрьевичемъ и братомъ его тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ кн. Юрьемъ Юрьевичемъ.

Подробности объ этомъ любопытномъ спорѣ мы помѣщаемъ въ обозрѣніи мѣстности двора князей Трубецкихъ.

Дворъ Ховриныхъ-Головиныхъ.

Возлѣ самыхъ зданій Вознесенскаго монастыря находилось подворье Новодѣвичьяго монастыря съ полатами, которое при царѣ Ѳедорѣ Иван. было отдано въ Вознесенскій монастырь для помѣщенія въ полатахъ монастырской трапезы, а Новодѣвичьему монастырю взамѣнъ того былъ отданъ дворъ Петра Головина, стоявшій рядомъ [1]), знаменитый дворъ по знатности и богатству своихъ владѣльцевъ (Альбомъ видовъ, № XX).

Новодѣвичье древнее подворье находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выдвигается на площадь готическая церковь Вознесенскаго монастыря во имя вмч. Екатерины, построенная на мѣстѣ бывшей трапезы и трапезной церкви того же вoимя, именно въ полатахъ Новодѣвичьяго подворья. Новое подворье Новодѣвичьяго монастыря, заключавшее въ себѣ дворъ Головина, занимало

1) Головинъ Петръ Ив.—братъ Мих. Ив. Головина, убѣжавшаго отъ напастей Годунова къ Польскому королю. Петръ Ив., подобно своимъ славнымъ предкамъ, былъ при Грозномъ съ 1578 года казначеемъ и при царѣ Ѳедорѣ исполнялъ должность посла къ Польскому королю, а потомъ вскорѣ въ 1585 году подвергся опалѣ отъ Годунова и уморенъ въ подземной темницѣ. На его мѣсто казначеемъ въ 1586 году назначенъ Иванъ Вас. Траханіотовъ. Такимъ образомъ, дворъ Головина отданъ Новодѣвичью монастырю, вѣроятно, въ 1586 году.

мѣстность, гдѣ теперь ворота Николаевскаго дворца, дворцовый скверъ и служебный дворцовый корпусъ. Это подворье существовало еще въ 1626 г., когда послѣ пожара между его каменными полатами и Крутицкимъ каменнымъ же подворьемъ Спасская улица оставлена безъ расширенія, такъ какъ между каменныхъ построекъ большой опасности не представлялось въ случаѣ новаго пожара.

Когда было упразднено Новодѣвичье подворье, свѣдѣній не имѣемъ, но можно предполагать, что оно вмѣстѣ съ Головинскимъ мѣстомъ поступило во владѣнье Чудова монастыря въ 1677 году.

Упомянутая полата Петра Головина, отданная на подворье Новодѣвичьему монастырю, заключала въ себѣ «вверху четыре *передѣлы*, а въ исподи (внизу) пять *передѣловъ*, т.-е. отдѣльныхъ комнатъ или полатъ. При ней было два каменныхъ погреба. Эта полата во дворѣ предка Петра Головина, Владиміра Григорьевича Ховрина, была построена въ 1486 г. его сыномъ Иваномъ Головою, родоначальникомъ Головиныхъ, и принадлежала къ числу первыхъ каменныхъ зданій въ Кремлѣ, сооруженныхъ частными лицами. Такихъ полатъ было всего четыре: 1-я купца Тарокана, построенная въ 1470 г.; 2-я Дмитрія Владиміровича Ховрина,— въ 1485 г.; 3-я полата Вас. Ѳед. Образца, построенная въ 1486 г., и 4-я описанная выше.

Ховрины-Головины—богатый и славный полубоярскій родъ въ концѣ XV столѣтія. Объ ихъ происхожденіи Родословная книга разсказываетъ слѣдующее:

«Во дни вел. князя Дмитрія Ив. Донскаго (по другимъ спискамъ Василія Дмитріевича) пришелъ въ Москву князь Стефанъ Васильевичъ изъ своей вотчины съ Судака (Сурожа), да изъ Манкупа, да изъ Кафы.

«У него былъ сынъ Григорій прозваніемъ *Ховра*; а у Григорья сынъ Володиміръ былъ у великаго князя Ивана Васильевича бояринъ; а у Владиміра было пять сыновей, да три дочери. Большой сынъ Иванъ Голова, а прозванъ Головою потому, что его крестилъ вел. князь Иванъ Васильевичъ и былъ у Вел. князя бояринъ; а другой сынъ Иванъ же бездѣтенъ, ходилъ къ Господню Гробу молиться и убили его на полѣ Татары; третій тоже Иванъ Третьякъ; четвертый тоже Иванъ Четвертакъ бездѣтенъ и пятый

Дмитрій. Большая дочь Овдотья была за княземъ Ив. Дм. Пронскимъ, меньшая, тоже Овдотья, была за Ив. Вас. Хабаровымъ».

У пятаго сына Дмитрія былъ сынъ Иванъ, а у него дочь Дарья (Варвара) была за Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, слѣдовательно была бабушкою царю Михаилу Өедоровичу.

Повидимому, первый родоначальникъ, Стефанъ, хотя и названъ княземъ, но явился въ Москву не бояриномъ или княземъ-воиномъ съ дружиною, какъ приходили другіе иноземцы, а человѣкомъ гражданскимъ, торговымъ, почему и внукъ его, Владиміръ Григорьевичъ, названъ былъ *гостемъ* и у вел. князя Ивана Васильевича занялъ должность казначея, а не воеводы, и потому въ мѣстническомъ распорядкѣ никого не потѣснилъ, но самъ собою и съ сыномъ Иваномъ занялъ очень видное и очень вліятельное положеніе среди тогдашняго боярскаго общества.

Въ 1450 г. *гость* Володиміръ Григорьевичъ Ховринъ передъ своимъ дворомъ, по другимъ свидѣтельствамъ—на своемъ дворѣ, построилъ церковь во имя Воздвиженья Честнаго Креста Господня, «повелѣ заложити около кирпичемъ, а изнутри бѣлымъ каменемъ».

Церковь была заложена на мѣстѣ прежней, тоже каменной, которая распалась въ лютый пожаръ 1445 г., когда подъ Суздалемъ и вел. кн. Василій Васильевичъ попалъ въ плѣнъ къ Татарамъ, отчего и время этого событія прозывалось Суздальщиною. «Церковь распалася въ пожаръ по Суздальщинѣ», какъ обозначилъ лѣтописецъ. Она такъ и прозывалась *Володимеровою* церковью.

Въ 1457 г. окт. 20 снова случился пожаръ, «загорѣся внутри города Кремля близъ Владимеровы церкви Ховрина и погорѣло почти треть города».

Владиміровъ дворъ у Воздвиженья упоминается и въ 1460 г. Тогда противъ него, у Воздвиженья, существовалъ дворъ старца Симонова монастыря Андріяна Ярлыка, несомнѣнно, въ міру не менѣе знатнаго человѣка, какимъ былъ и Ховринъ. Этотъ свой дворъ Ярлыкъ отказалъ Симонову монастырю (Акты Колачева, I, 553, 554).

Очень примѣчательно, что Ховринская церковь, несмотря на періодическіе неизобразимые по бѣдствіямъ пожары, простояла слишкомъ 350 лѣтъ до начала теперь ушедшаго уже въ вѣчность XIX столѣтія. Она находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ суще-

ствуютъ святыя ворота Вознесенскаго монастыря, которыя въ прежнее время находились подъ монастырскою трапезою, занимавшею мѣсто готическаго храма вмч. Екатерины. Церковь видна еще на гравюрѣ «Видовъ Москвы 1795 г.», изданныхъ купцомъ Валзеромъ въ 1799 г., гдѣ изображена внутренняя часть Кремля передъ Спасскими воротами (Альбомъ видовъ № XX).

Въ 1763 г. церковь, входившая уже въ составъ Чудова монастыря, описана слѣдующимъ образомъ:

«Алтарь длины $4^1/_4$ арш., ширины $3^1/_2$ саж. Въ немъ два окошка съ желѣзными рѣшетками и дверь деревянная въ больничную монастырскую полату. Трапеза длины 2 саж. 2 арш., ширины 5 саж. 1 арш.; въ ней 6 окошекъ. Полъ въ олтарѣ въ церкви и въ трапезѣ деревянный, дощатый. Возлѣ церкви полатка длиною 3 арш., шириною $4^1/_2$ арш. Изъ церкви въ трапезу дверь и два окошка безъ оконницъ. Изъ трапезы на паперть дверь желѣзная, паперть на столбахъ со сводами каменными длиною 9 арш., шириною 5 арш., крыта тесомъ. На церкви двѣ главы, крыты жестью (бѣлымъ желѣзомъ), церковь крыта желѣзомъ».

Судя по упомянутому изображенію церкви, она была построена на подклѣтномъ нижнемъ ярусѣ, гдѣ, по всему вѣроятію, помѣщались кладовыя полаты. Такъ обыкновенно строились храмы именно для сохраненія имущества отъ пожаровъ.

Описанные размѣры храма указываютъ, что онъ былъ небольшой, всего, кромѣ алтаря, съ небольшимъ пять саженъ въ квадратѣ.

Владиміръ Григорьевичъ Ховринъ, внукъ родоначальника, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ Головою представляли такую денежную и умную силу, что митрополитъ Филиппъ, начавшій постройку новаго Успенскаго собора, предъ своею кончиною въ 1473 г. поручалъ всѣ заботы и попеченіе объ этой постройкѣ имъ обоимъ, говоря, что для того дѣла все готово, все уготовлено, только попечитесь о немъ. А относительно ихъ богатства упоминаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи братъ вел. князя, князь Юрій Васильевичъ, что остался Владиміру Григорьевичу должнымъ слишкомъ 380 р., давши ему въ закладъ разными вещами 9 фунтовъ золота и 11 ф. серебра.

Въ 1484 г. Владиміръ Григор. печаловался у вел. князя объ отпускѣ по домамъ плѣнныхъ Югорскихъ князей, имѣя въ виду

ихъ покорность и водвореніе добрыхъ мирныхъ отношеній къ далекому Югорскому краю.

Его сыновья, старшій Иванъ Голова и самый младшій Дмитрій, прозваніемъ Овца, были также казначеями. Дмитрію поручались и посольскія дѣла. Въ 1510 г. онъ участвовалъ въ переговорахъ съ Псковичами по случаю упраздненія Псковской вольной свободы. При Грозномъ и при царѣ Ѳедорѣ Ив. казначеемъ былъ тоже Головинъ Владиміръ Васильевичъ, † 1584 г.

Возлѣ двора Головиныхъ находился дворъ младшаго брата царя Василія Шуйскаго, Александра, на которомъ въ Смутное время стоялъ извѣстный Маскѣвичъ, описавшій свое знакомство съ Ѳедоромъ Головинымъ, оказавшимъ ему не малое дружелюбіе. Маскѣвичъ разсказываетъ объ этомъ знакомствѣ слѣдующее:

«Мнѣ было тепло. Я стоялъ съ хоругвію во дворѣ младшаго брата царскаго, Александра Шуйскаго, уже умершаго (вдову его царь выдалъ за Татарскаго царевича, крещеннаго въ Русскую вѣру, Петра Урусова, того самого, который убилъ Самозванца въ Калугѣ во время охоты). Рядомъ съ симъ дворомъ былъ дворъ боярина Ѳедора Головина. Я же зналъ въ Жмуди вдову Головину, вышедшую впослѣдствіи за пана Яна Млечка, судью земскаго; а прежде она была за роднымъ братомъ Ѳедора Головина, удалившимся изъ Москвы, какъ сказываютъ, еще при Стефанѣ, въ Жмудь, гдѣ дали ему помѣстье.

«Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы познакомиться съ бояриномъ; припомнилъ все, что зналъ, придумалъ, чего не было, и отправился къ сосѣду. Сначала не хотѣли впустить меня и въ ворота, *обыкновенно всегда запертыя*; но когда я сказалъ, что намѣренъ сообщить кой-что о братѣ боярина, бывшемъ въ Литвѣ, Москвичъ былъ весьма радъ мнѣ, какъ и всякому пріятно слышать добрыя вѣсти о родныхъ и домашнихъ. Онъ разспрашивалъ меня о помѣстьяхъ, объ оставшихся дѣтяхъ, о житьѣ-бытьѣ покойнаго брата; я говорилъ что на умъ приходило, ничего не зная и выдавая выдумки за истину. Съ тѣхъ поръ мы подружились и стали называть другъ друга кумомъ. Это кумовство мнѣ было очень выгодно: я часто бывалъ у него съ товарищами на обѣдахъ; сверхъ того онъ всегда присылалъ мнѣ съѣстные припасы, привозимые изъ помѣстьевъ, и всякаго рода овощи, а для коней овса и сѣна.

«Въ особенности дорога его дружба была мнѣ при возстаніи Москвитянъ. Я съ своей стороны при всякомъ случаѣ оказывалъ ему помощь, часто угощалъ его обѣдами, приготовленными по Польски, къ великому удивленію боярина, который не только не ѣдалъ прежде нашихъ кушаньевъ, но никогда ихъ и не видывалъ. Познакомившись короче, я просилъ его, въ тайныхъ бесѣдахъ, предостеречь меня отъ измѣны Москвитянъ; онъ обѣщалъ охотно, и со своей стороны просилъ моей защиты отъ Поляковъ. Предосторожности наши были, однако, напрасны; мятежъ разразился громомъ, и немногіе могли угадать оный; впрочемъ Головинъ предупреждалъ меня въ другихъ неблагопріятныхъ случаяхъ, и тѣмъ оказалъ намъ большую услугу...

«Науками въ Москвѣ вовсе не занимаются; онѣ даже запрещены. Выше упомянутый бояринъ Головинъ разсказывалъ мнѣ, что въ правленіе извѣстнаго тирана, одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кипу календарей; царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными, самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему, опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь. Одну изъ нихъ я видѣлъ у Головина. Тотъ же бояринъ мнѣ сказывалъ, что у него былъ братъ, который имѣлъ большую склонность къ языкамъ иностраннымъ, но не могъ открыто учиться имъ; для сего тайно держалъ у себя одного изъ Нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ; нашелъ также Поляка, разумѣвшаго языкъ Латинскій; оба они приходили къ нему скрытно въ Русскомъ платьѣ, запирались въ комнатѣ и читали вмѣстѣ книги Латинскія и Нѣмецкія, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсть и уже понималъ изрядно. Я самъ видѣлъ собственноручные переводы его съ языка Латинскаго на Польскій и множество книгъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ, доставшихся Головину по смерти брата. Что же было бы, если бы съ такимъ умомъ соединялось образованіе».

Есть свѣдѣніе, что въ 1677 г. земля Чудова монастыря увеличилась присоединеніемъ къ монастырю смежнаго съ нимъ двора боярина Бориса Ив. Морозова. Можно полагать, что Морозову по царскому изволенію достались и старый дворъ Шуйскаго и еще

старѣйшій дворъ Головиныхъ съ церковью Воздвиженія, почему эта церковь и находилась въ составѣ храмовъ Чудова монастыря и была превращена въ больничную для монастырской братіи.

Древняя мѣстность Малаго Дворца.

Какъ упомянуто, возлѣ двора Головиныхъ находился въ началѣ XVII ст. дворъ Александра Шуйскаго, родного брата царя Василія. Можно полагать, что этотъ дворъ прежде принадлежалъ Ѳед. Иван. Шереметеву, какъ это и обозначено на Годуновскомъ чертежѣ Кремля. Какъ увидимъ, Годуновъ отнялъ дворъ у Шереметева, а при царѣ Шуйскомъ дворъ могъ поступить во владѣніе Александра Шуйскаго. Этотъ дворъ стоялъ противъ самой церкви Николы Гостунскаго на мѣстѣ теперешняго Малаго Дворца. Шереметеву онъ достался отъ отца, боярина Ивана Большого Васильевича Шереметева († 1570), который по изволенію Грознаго пріобрѣлъ этотъ дворъ, заплативши за него деньгами 7.800 руб. съ придачею двухъ своихъ дворовъ. Столь значительная по времени сумма указываетъ, что купленный дворъ былъ очень обширный и богатый, на немъ находилось 26 житей полатныхъ и погребныхъ.

На Годуновскомъ чертежѣ строенія этого двора въ перспективѣ, повидимому, неправильно спутаны съ строеніями Чудова монастыря, хотя и отдѣлены отъ монастырскаго двора. Этотъ обширный дворъ былъ построенъ царемъ Иваномъ Грознымъ для своего брата князя Юрья Васильевича въ 1560 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ находился старый дворъ дяди царя, князя Юрья Ивановича Дмитровскаго († 1536 г.), а также дворъ боярина (съ 1521 г.) Михаила Юрьевича Захарьина-Юрьева († 1538 г.) и иные боярскіе дворы, примыкавшіе къ Чудову монастырю.

Въ самый день кончины царицы Анастасіи Романовыхъ, 7 августа 1560 г., Грозный царь, готовившійся уже сдѣлаться великимъ Опричникомъ для Московскаго государства, повелѣлъ все это мѣсто очистить по ограду Чудова монастыря съ одной стороны и съ другой по заулокъ, проходившій къ заднимъ воротамъ этого монастыря между его строеніями и оградою и строеніями и оградою сосѣдняго Вознесенскаго монастыря. Здѣсь царь повелѣлъ

построить новый дворъ для Юрья Васильевича и церковь повелѣлъ поставить на княжемъ дворѣ, на сѣняхъ, Введеніе Пречистой Богородицы.

До того времени съ малолѣтства кн. Юрій Васильевичъ и съ своею княгинею жилъ въ большомъ государевомъ дворцѣ въ особыхъ хоромахъ и обиходъ ему былъ казенный, дворцовый изъ государевой казны и изъ дворцовъ нераздѣльно съ братомъ царемъ. Теперь онъ былъ выдѣленъ изъ общаго царскаго обихода и по волѣ государя сталъ самостоятельнымъ княземъ-хозяиномъ, владѣя всѣмъ тѣмъ, что завѣщалъ ему отецъ,—городами, волостями, селами и всякою казною. Государь устроилъ ему и весь служебный государскій чинъ, особыхъ бояръ, дворецкаго, стольниковъ, стряпчихъ, дьяковъ и всякихъ другихъ чиновниковъ и приказныхъ людей, какъ довлѣетъ быти государскому чину во всякомъ обиходѣ.

Новый обширный дворъ былъ выстроенъ въ три мѣсяца. 21 ноября 1560 г. на Введеніевъ день былъ освященъ и новый его храмъ Введенія самимъ Макаріемъ митрополитомъ, и въ тотъ же день князь вошелъ на свое новоселье жить въ новомъ дворѣ, при чемъ и митрополитъ и самъ государь обѣдали и пировали на новосельи у князя.

Юрій Вас. скончался въ 1564 г. ноября 25. Послѣ него его дворъ поступилъ во владѣніе боярина Ѳ. И. Шереметева, о чемъ мы сообщаемъ подробнѣе въ описаніи дворовъ по улицѣ съ правой стороны отъ Никольскихъ воротъ.

Этотъ дворъ, съ именемъ Юрьевскаго двора, кн. Юрья Васильевича, существовалъ въ 1584 г., слѣдовательно къ Шереметеву поступилъ послѣ этого года или въ томъ же году.

Михаилъ Юрьев. Захарьинъ († 1538) былъ старшій братъ Романа Юрьевича († 1543 г.), прадѣда царю Михаилу Ѳеодоровичу. Отъ его имени пошло фамильное прозваніе *Романовыхъ*. Можетъ быть, дворъ Михаила Юрьевича былъ дворъ отцовскій, въ которомъ жили и его братья, а въ томъ числѣ и Романъ Юрьев. Опредѣлить въ точности мѣсто этого двора невозможно, но по всему вѣроятію онъ стоялъ въ мѣстности Малаго или Николаевскаго Дворца въ сторонѣ къ оградѣ Чудова монастыря.

При вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ III мѣстность Малаго Дворца и площадь передъ дворцомъ со стороны Чудова монастыря

была занята многими дворами, которые въ 1504 г. вел. князь завѣщалъ своимъ сыновьямъ Юрью, Дмитрію, Семену и Андрею съ наказомъ, чтобы они подѣлились этими мѣстами поровну. Стало быть, въ это время всѣ помянутые дворы были уже пусты и ихъ владѣльцы были переселены на другія мѣста. Видимо, что вел. князь, пролагая прямыя улицы отъ Спасскихъ и Никольскихъ воротъ къ Соборной площади, очищалъ Кремль и отъ лишнихъ обитателей, отдавая ихъ мѣста своимъ сыновьямъ.

По этой мѣстности отъ двора Головиныхъ слѣдовалъ по направленію къ Чудовской площади дворъ дьяка Семена Башенина, потомъ дворы троихъ портныхъ мастеровъ великаго князя—Ноздри, Кузнецова и Ушака; далѣе дворы Василія Борисовича Морозова-Тучкова (бояринъ съ 1480 г.), потомъ Григорія Бабина, Ивана Михайловича Семенова, двухъ Ивановъ Владим. Семеновыхъ, Ѳеодора Савостьянова, Ив. Борисова, кн. Ивана Вас. Стригина (бояринъ съ 1462 г.), князя Вас. Вас. Оболенскаго, кн. Ѳед. Вас. Лапаты-Оболенскаго (бояринъ съ 1519 г.). Затѣмъ другіе дворы: Вас. Ѳед. Сабурова (бояринъ съ 1465 г.), Давыдовыхъ Григорія и Петра Ѳедор. (1501 г. окольничіе. Григорій Давыдовъ бояринъ съ 1505 г.), Александра Вас. Оболенскаго (бояринъ съ 1476 г.) и др., подходили уже къ мѣстности Никольской улицы (С. Г. Г., I, 348, 394).

Такимъ образомъ, князь Юрій Ивановичъ Дмитровскій занялъ подъ свой дворъ мѣста дьяка Башенина, портныхъ великокняжескихъ мастеровъ, Тучкова, Бабина, Семеновыхъ и нѣкоторыя другія, поименованныя выше, гдѣ потомъ находился и дворъ М. Ю. Захарьина.

Дворы князей Оболенскихъ, Сабурова, Давыдовыхъ стояли уже на площади, приближаясь, какъ упомянуто, къ Никольской улицѣ.

Повторимъ хронологическую исторію Малаго или Николаевскаго Дворца. На мѣстѣ малыхъ разночинныхъ дворовъ послѣ 1504 г. здѣсь устроился дворъ князя Юрья Ивановича Дмитровскаго, потомъ въ 1560 г. дворъ князя Юрья Васильевича, перешедшій сначала къ Шереметеву, потомъ къ Александру Шуйскому (?).

При царѣ Михаилѣ Ѳед. этою мѣстностью и съ остававшимися полатами владѣлъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ († 1662 г. ноября 1), а послѣ него она поступила во владѣніе

Чудова монастыря. На ней и былъ построенъ Платоновскій Архіерейскій Домъ, занятый впослѣдствіи Николаевскимъ Дворцомъ. (Альбомъ видовъ, № XX).

Архіерейскій домъ.

Со времени учрежденія въ 1742 г. Московской Епархіи Московскіе архіереи имѣли пребываніе въ зданіяхъ Чудова монастыря, где поэтому случаю къ старымъ были пристроены и новыя полаты.

Извѣстно, что во время чумной заразы въ Москвѣ въ 1771 г. народъ взбунтовался противъ преосвященнаго Амвросія. Отыскивая его, мятежники ворвались въ Чудовъ монастырь въ покои архипастыря, гдѣ «онаго не нашедъ, не точію все его имѣніе расхитили, но и всѣ окончины перебили, стулья переломали оборвали, и однимъ словомъ весь домашній уборъ съ крайнимъ ругательствомъ въ ничто обратили». Такъ это записано въ «Журналѣ Моск. Консисторіи» 18 сент. 1771 г.

Разоренный домъ архіереевъ оставался въ такомъ видѣ до 1775 г., такъ какъ замѣстителемъ погибшаго архіепископа Амвросія до того времени никто не былъ назначенъ и хозяина не было.

Въ 1775 г. импер. Екатерина II почти весь годъ, съ конца генваря и до конца декабря, провела въ Москвѣ. На пути въ Москву она вручила Тверскому архіепископу Платону указъ о назначеніи его архіепископомъ Московскимъ 21 генв. Она хорошо знала преосвященнаго, когда онъ, бывши еще іеромонахомъ, преподавалъ въ 1763—1765 гг. законъ Божій великому князю Павлу Петровичу.

Въ Москвѣ новый архипастырь не нашелъ себѣ соотвѣтственнаго его сану помѣщенія. Вотъ что онъ записалъ въ своей автобіографіи:

«Надлежитъ сказать и о хозяйствѣ Московскаго Архіерейскаго дома. Не только нельзя было въ немъ жить, но и ничего почти въ немъ не было, и онъ принужденъ былъ жить на подворьѣ Троицкомъ, что у Сухаревой башни; ибо во время бывшаго въ 1771 г. мятежа и убіенія архіерея архіерейскіе покои были внутри разорены и разграблены, также и конюшня и экипажъ весь. А, между тѣмъ, по небытіи до 1775 г. хозяина, не безъ того, что

и отъ другихъ или запущено, или недостатокъ умноженъ. Заботило сіе Платона, о чемъ хорошо узнала и императрица и потому пожаловала императрица безъ просьбы, сама собою, на построеніе новаго дома 40.000 р., и онъ построилъ новый домъ (на 44 саженяхъ) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь зрится всѣми».

До того времени на этомъ мѣстѣ существовали какія-то старыя пустыя каменныя полаты, которыя были разобраны и фундаментъ ихъ выломанъ. Постройка производилась въ теченіи того же 1775 и 1776 годовъ; когда была окончена—неизвѣстно. Пожалованная сумма отпускалась изъ Коллегіи Экономіи по мѣрѣ надобности.

Строителемъ былъ извѣстный въ то время архитекторъ Козаковъ.

Это было двухъэтажное зданіе, въ которомъ была устроена и домовая церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла, вѣроятно, уже послѣ 1787 г., когда 29 іюня въ праздникъ свв. Апостоловъ Платонъ былъ возведенъ въ санъ митрополита совсѣмъ для него неожиданно.

Однако пребываніе преосвященнаго въ этомъ новомъ домѣ сопровождалось не малымъ безпокойствомъ. Оно заключалось въ томъ, что на небольшой площади противъ дома въ 1785 г. была устроена *батарея*, гдѣ были помѣщены пушки для пальбы въ торжественные дни, и вотъ эта пальба такъ обезпокоивала архіерея, что онъ сначала словесно просилъ губернатора П. Д. Еропкина отвести мѣсто для пушекъ подальше отъ своего дома, а въ 1786 г. просилъ его о томъ же письменно, объясняя, что 26 іюля того же года, во время пальбы изъ пушекъ, перебило до 70 стеколъ въ Архіерейскомъ домѣ и въ Вознесенскомъ монастырѣ; что слуги и служки отъ страху запрятались съ своими дѣтьми въ погреба, о чемъ на слѣдующее утро поступило къ нему три доношенія. Еропкинъ отвѣтилъ, что того сдѣлать не можетъ, потому что пушки Высочайшимъ указомъ 1786 г. февраля 11 повелѣно поставить въ Кремлѣ, гдѣ другого столь же открытаго для нихъ мѣста не было.

Въ 1797 г. въ мартѣ императоръ Павелъ и весь Дворъ прибылъ въ Москву для коронаціи. Въ Кремлевскомъ дворцѣ помѣщеній для многочисленнаго придворнаго штата и даже для Высочайшихъ особъ было очень мало и потому Архіерейскій домъ очень понадобился. Въ немъ поселился наслѣдникъ престола

вел. князь Александръ Павловичъ съ супругою Елисаветою Алексѣевною. Вел. князь Константинъ Павловичъ помѣстился въ Арсеналѣ. Александръ Павловичъ прожилъ въ Платоновскомъ домѣ съ 31 марта по 3 мая 1797 г. По этому поводу въ «Запискахъ графини Головиной» находимъ слѣдующія строки:

«1797 г. въ Вербную субботу 27 марта состоялся торжественный въѣздъ императорской четы въ Москву. Поѣздъ былъ громадный. Войска тянулись отъ Петровскаго дворца до дворца князя Безбородко, въ Лефортовской сторонѣ. Кортежъ остановился въ Кремлѣ, императорская фамилія обошла всѣ соборы и поклонилась мощамъ. Кромѣ дворца Безбородка и Кремлевскаго, другаго помѣщенія не было.

«Въ среду на Страстной Дворъ переѣхалъ въ Кремль готовиться къ коронаціи.

«Надо владѣть талантомъ историка, чтобы выразить въ краткихъ словахъ все благоговѣніе, внушаемое Кремлемъ,—и перомъ поэта, чтобы воспѣть впечатлѣнія, навѣваемыя этимъ древнимъ и прекраснымъ мѣстомъ, этимъ соборомъ, а также дворцомъ (Теремнымъ), готическій стиль котораго съ его террасами, оградами и сводами придаетъ ему нѣчто фантастическое и который высотой своего положенія господствуетъ надъ всей Москвой. Такъ какъ дворецъ былъ недостаточно обширенъ, чтобы помѣстить все императорское семейство, вел. князь Александръ и его супруга поселились на Архіерейскомъ домѣ, а вел. князь Константинъ—въ Арсеналѣ. Вел. княгиня Елисавета сказала мнѣ, что никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее видомъ Кремля вечеромъ въ день пріѣзда... Въ тотъ вечеръ, выходя отъ своей невѣстки (вел. княгини Анны Ѳедоровны) и садясь въ карету, она взглянула на эту древнюю красу Кремля, выдѣлявшуюся еще болѣе при яркомъ свѣтѣ луны, восхитительно отражавшейся всѣми позолоченными куполами соборовъ и церквей. Великая княгиня невольно пришла въ энтузіазмъ и никогда съ тѣхъ поръ воспоминаніе объ этой минутѣ не изглаживалось изъ ея памяти» (Историч. Вѣстникъ, май, 1899, стр. 425). Конечно, послѣ Петербургскихъ видовъ Москва должна была на самомъ дѣлѣ поражать своею древностью и оригинальностью все собравшееся тогда въ Кремлѣ придворное общество.

Въ Великую субботу импер. Павелъ и вся царская фамилія

пріобщались св. Таинъ въ Чудовомъ монастырѣ, откуда послѣ обѣдни государь былъ въ Архіерейскомъ домѣ, гдѣ стоялъ государь наслѣдникъ, и благосклонно разговаривалъ съ митрополитомъ Платономъ (Чтен., 1875 г., кн. IV, стр. 187).

Въ 1805 г. до преосвященнаго дошелъ слухъ, что его Архіерейскій въ Кремлѣ домъ хотятъ отдать для жилья нѣмцу, коменданту генералъ-майору Гессе. Объ этомъ онъ писалъ къ своему викарію преосвящ. Августину слѣдующія замѣтки:

«Вотъ еще вздумали...», пишетъ архипастырь октября 30, «чтò выйдетъ не знаю. Не есть ли сіе—выживать меня изъ Москвы? Я помышляю объ отказѣ (отъ служенія); но думаю, коли Богъ позволитъ, подождать до наступленія 70 года (жизни). Впрочемъ, буди во всемъ воля Божія съ нами». Такъ подѣйствовалъ этотъ слухъ на преосвященнаго. Онъ въ это время былъ уже митрополитомъ съ 1787 г. 29 іюня.

«Прошу меня успокоить объ Архіерейскомъ домѣ, чтобы не заняли», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. «Для сего развѣдать обстоятельнѣе и при случаѣ, ежели правда, отвести отъ сего Валуева (начальника Дворцоваго вѣдомства). Сіе, кромѣ другихъ причинъ, возмутитъ всю публику, чтобъ жить въ Архіерейскомъ домѣ нѣмцу и близъ мощей—лютеранину и пр. Объ Архіерейскомъ домѣ, что Богъ устроитъ, будемъ повиноваться Его волѣ. Аще хощеши служити Господеви, уготови душу твою на искушеніе: только прошу прилежно навѣдываться, что отъ заговорныхъ противу насъ о семъ послышите.

«Отъ Валуева я ничего доселѣ не получалъ. Что за мудрованіе?.. По всему кажется, если не ошибаюсь, все сіе есть одна комедія. Симъ, думаю, только думаютъ меня побудить отъ Москвы отказаться...

«О домѣ моемъ пишутъ изъ Петербурга, почитая невѣроятнымъ, чтобъ взятъ былъ. Сіе есть козни діавольскія, кои разсыплетъ Христосъ духомъ устъ своихъ. Однако я хотѣлъ бы знать, что далѣе о семъ думаютъ...»

Наконецъ, преосвященный успокоился. Въ письмѣ къ Августину отъ 7 января 1806 г. онъ писалъ: «О домѣ Кремлевскомъ пишетъ ко мнѣ оберъ-прокуроръ Синодскій, что онъ докладывалъ государю и государь-де отвѣтствовалъ, что сему быть неприлично; теперь, кажется, уже не сумнительно; а я къ прокурору не писалъ, чудно что вышло...» Далѣе слѣдуютъ замѣтки:

«Генв. 14, 1806. Слава Богу что домъ мой остался, кажется, не опаснымъ отъ осады. Богъ дѣлаетъ по своему,—вотъ Валуевъ! вотъ Беклешовъ!.. [1]).

«Февр. 25. О домѣ Архіерейскомъ Валуевъ пишетъ, что-де все то выдумали монахи Чудовскіе, по однимъ догадкамъ и пустымъ слухамъ. Вотъ какъ безсовѣстно!..» [2]).

Въ 1811 г. іюня 13 владыка уволился отъ управленія епархіею и 11 ноября 1812 г. скончался. Послѣ него епархіею управлялъ его викарій Августинъ до 30 августа 1814 г., когда былъ пожалованъ въ архіепископа Дмитровскаго. Митрополичій домъ, который можно назвать *Платоновскимъ*, оставался такимъ образомъ безъ хозяина.

Въ концѣ-концовъ митрополичій домъ въ 1817 г. поступилъ въ Дворцовое вѣдомство и въ немъ былъ устроенъ дворецъ *Николаевскій*, какъ онъ обозначался впослѣдствіи по тому случаю, что въ немъ основалъ свое пребываніе великій князь Николай Павловичъ.

17 апрѣля 1818 г. въ этомъ священномъ отнынѣ домѣ родился Государь Императоръ Александръ II.

Въ 1824 г. для болѣе удобнаго размѣщенія государевой свиты сооружена надъ зданіемъ постройка третьяго этажа. Въ 1872 г. значительно обветшавшій Дворецъ былъ возобновленъ съ сохраненіемъ всѣхъ частей въ прежнемъ видѣ.

Чудовъ монастырь.

Основаніе Чудову монастырю было положено митрополитомъ Алексѣемъ. Въ 1365 г. онъ заложилъ здѣсь *каменную* церковь во имя Чуда Архангела Михаила въ Хонѣхъ (6 сентября). Сооруженіе церкви было окончено въ то же лѣто. При этомъ лѣтописцы ни слова не прибавляютъ о томъ, что съ постройкою

---

1) По поводу сношеній съ Беклешовымъ (генералъ-губернаторомъ) архипастырь въ одномъ письмѣ къ Августину (дек. 10, 1805) замѣчаетъ слѣдующее: „У князя Волконскаго (въ домѣ на Самотекѣ) домовая церковь, да и Публичный театръ, какъ въ газетахъ писано; разсмотрите о семъ и представьте мнѣ. Что я слышу, что вамъ Беклешовъ говорилъ: „Надобно-де жить по-европейски, а не по-татарски? Что сіе значитъ? Прошу объяснить и съ обстоятельствами“.

2) Письма митроп. Платона къ преосвящ. Амвросію и Августину. М., 1870 г.

церкви учрежденъ былъ и самый монастырь. Ихъ свидѣтельство касается только *каменной* церкви, какъ случая, не часто появлявшагося въ то время. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что учрежденіе монастыря совершилось гораздо раньше постройки каменнаго храма.

Нѣкоторые лѣтописцы упоминаютъ, что на этомъ мѣстѣ находился *Царевъ* Ордынскій *Посольскій дворъ*, т.-е мѣстопребываніе приходившихъ въ Москву царевыхъ, иногда очень грозныхъ и немилостивыхъ, пословъ, появлявшихся время отъ времени за сборомъ даней и пошлинъ, а также и сверхъ пошлинъ чрезвычайныхъ царевыхъ *запросовъ*.

Другія позднѣйшія свидѣтельства упоминаютъ, что здѣсь былъ конюшенный дворъ хана Джанибека, который подарила святителю царица Тайдула (Тайтуглы). Конюшенный дворъ, конечно, составлялъ только часть всего подворья. Невозможно предполагать, чтобы въ Кремлѣ находились только однѣ конюшни ордынскихъ пословъ.

Царь Джанибекъ и съ своею матерью царицею Тайдулою (Тайтуглы) не мало благоволилъ къ Русской землѣ, давая ей возможныя льготы, какія именно, не знаемъ. «Былъ сей царь Чанибекъ Азбяковичъ добръ зѣло ко христіанству», говоритъ наша лѣтопись, «и многу льготу сотвори землѣ Рустей». Можемъ догадываться, что такое благоволеніе Ордынскаго царя и его царицы возникло и постоянно поддерживалось ходатайствами митрополита Алексѣя и главное его дальновидною умною политикою. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что тотъ же Джанибекъ съ митрополитомъ Θеогностомъ поступалъ очень притѣснительно, хотя и Θеогностъ получилъ обычный ярлыкъ, подтверждавшій всѣ давніе ярлыки, освобождавшіе духовенство отъ даней и пошлинъ. Но при св. Алексѣѣ Джанибекъ сдѣлался особенно добрымъ и ласковымъ, и, какъ упомянуто, сотворилъ многую льготу Русской Землѣ.

Ордынскіе цари отъ начала ихъ владычества очень уважали нашихъ митрополитовъ и весь поповскій чинъ, какъ они выражались, почитая ихъ *молебниками*, что Богу молились за нихъ и за все ихъ племя, а потому и освобождали молебниковъ отъ всякихъ даней и пошлинъ. Быть можетъ, никто изъ прежнихъ митрополитовъ не дѣйствовалъ такъ благотворно на утвержденіи этого царскаго убѣжденія, какъ Митрополитъ Алексѣй. Такъ,

возможно объяснять особое благоволеніе къ митрополиту царя Джанибека и въ особенности его матери, любимѣйшей жены царя Узбека, царицы Тайдулы, которая еще въ 1356 г. дала ему охранную грамоту для безопаснаго пути на его проѣздъ въ томъ году въ Царьградъ, а потомъ въ 1357 г. вызвала его къ себѣ въ Орду для изцѣленія отъ болѣзни своихъ очей. Разсказывали, что въ ожиданіи его прибытія она видѣла сонъ, какъ приближался къ ней святитель въ архіерейской одеждѣ и съ нимъ священники въ священныхъ одеждахъ. Царица по тому образцу и изготовила имъ такія одежды, какъ видѣла во снѣ.

Когда святитель, собравшись идти въ Орду, служилъ въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, совершилось благодатное чудо у гроба св. Петра митрополита—«се отъ себя сама загорѣся свѣча» [1]). Святитель раздробилъ чудную свѣчу и роздалъ народу на благословеніе и часть ея взялъ съ собою съ освященною водою. Въ Ордѣ его встрѣтилъ съ большимъ почетомъ самъ царь Джанибекъ съ сыномъ Бердибекомъ и съ прочими сыновьями, съ князьями и вельможами. У царицы совершенъ былъ молебенъ, на которомъ возжена была чудесная свѣча; потомъ святитель окропилъ царицу св. водою и въ тотъ часъ она прозрѣла. И царь и вся Орда дивились такому событію и оказали святителю хвалу и честь велію, а царь почтилъ его и бывшихъ съ нимъ многими дарами.

---

[1]) Чудесное самовозженіе свѣчъ случалось нерѣдко. Еще въ 1147 году, когда въ Кіевѣ убитаго народною толпою князя Игоря положили въ церкви св. Михаила, „на ту ночь Богъ прояви надъ нимъ знаменіе велико, зажгошась свѣчи вси надъ нимъ въ церкви той“. Наутро Новгородцы сказали объ этомъ митрополиту, но митрополитъ запретилъ кому-либо говорить объ этомъ, повелѣлъ потаити такую благодать, Богомъ явленную надъ покойнымъ. Въ поздния времена такая благодать являлась еще чаще. Въ 1375 г. іюля 27 въ Твери, въ церкви Покрова, передъ иконою Богородицы ночью свѣча загорѣлась сама собою. Въ Москвѣ по кончинѣ вел. княгини Евдокіи, въ иночествѣ Евфросиніи, Донской († 1407 г.) многажды у гроба свѣща сама о себѣ возгорашеся... (Степ. Кн., I, 514). Въ Москвѣ въ 1480 г. во время нашествія Ахмата, октября 9, у гроба Петра возжеся свѣча о себѣ. Митрополитъ вощаницу оныя свѣщи, нарядивъ со святой водою, послалъ вел. князю на Угру. Въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ при царѣ Василіи Ив. у гроба Дмитрія Донскаго „свѣща сама о себѣ возгорѣся и небеснымъ свѣтомъ оба полы свѣтяще и на много дни горяше, воску жъ не умаляющуся. Есть же та свѣща и донынѣ во церкви той. Отъ нея же мнози съ вѣрою пріимаху воску онаго и отъ различныхъ болѣзней здравіе пріимаху“.

Возможно предполагать, что день чудеснаго изцѣленія царицы былъ 6 сентября, день памяти Чуда Архангела Михаила въ Хонѣхъ, въ честь котораго Чуда и учрежденъ былъ монастырь. Святитель отправился въ Орду 18 августа и, дѣйствительно, могъ прибыть въ Орду въ началѣ сентября. Возможно также догадываться, что въ это же время, пользуясь торжествомъ своего святого подвига, святитель выпросилъ у хана разрѣшеніе взять его Посольскій дворъ для устройства на немъ по откровенію Божьему обѣтнаго монастыря и постройки церкви.

Какъ увидимъ, никакое другое время не способствовало къ такому ходатайству о пріобрѣтеніи Посольскаго двора. Въ этомъ же 1357 г. по выѣздѣ святителя въ борзѣ (со скоростію) отпущеннаго, въ Ордѣ началась замятня, большія смуты, царь Джанибекъ былъ убитъ сыномъ Бердибекомъ, который въ свой чередъ былъ убитъ въ 1359 г., а затѣмъ въ 1360 г. была убита и знаменитая Тайдула.

При своемъ отъѣздѣ изъ Орды святитель получилъ обычный ярлыкъ уже отъ Бердибека.

Такимъ образомъ, если Тайдула подарила святителю Посольскій дворъ, такъ это могло случиться раньше 1360 г. и по всему вѣроятію въ тотъ самый годъ, когда получила чудесное изцѣленіе отъ болѣзни, а потому и основаніе монастыря могло совершиться въ 1358 году. Постройка каменной церкви спустя пять лѣтъ по смерти Тайдулы происходила уже въ созданномъ монастырѣ, гдѣ прежде могла быть построена только деревянная церковь, о чемъ лѣтописцы не упомянули, какъ о рядовомъ событіи. А послѣдующіе списатели житія св. Алексѣя уже произвольно толковали о деревянной церкви для своихъ цѣлей, чтобы объяснить разрушеніе храма въ 1431 г. и доказывать, что онъ былъ обширнѣе и что святитель былъ погребенъ внутри, а не внѣ храма.

Какъ бы ни было, но время основанія монастыря едва ли можетъ относиться ко времени постройки каменной церкви.

Святитель Алексѣй, создатель, устроитель Московскаго политическаго единенія, скончался 12 февраля 1378 г. и не получилъ отъ современниковъ достойной лѣтописи своего житія, чему могли попрепятствовать наставшія послѣ его кончины страшныя для Москвы событія: нашествіе въ 1380 г. Мамая и въ 1382 г. нашествіе Тохтамыша. Неимовѣрное напряженіе нравственныхъ и

матеріальныхъ силъ въ первое нашествіе и совершенное истребленіе самой Москвы въ погромъ Тохтамыша, конечно, не могли на долгое послѣ того время благопріятствовать спокойному развитію литературнаго труда. Здѣсь и скрываются тѣ причины, почему литературное развитіе Москвы во все послѣдующее время оставалось безъ движенія. Такимъ образомъ, и житіе св. Алексѣя не получило въ свое время должной литературной обработки, даже хотя бы и одной короткой записи. Такая обработка началась спустя 70—80 лѣтъ послѣ его кончины и, конечно, не обладая надобными источниками, описала это житіе въ довольно превратномъ видѣ.

«Какъ библіографическая исторія житія», говоритъ почтенный изслѣдователь житій Русскихъ святыхъ В. О. Ключевскій, «такъ и его фактическое содержаніе представляютъ много темныхъ, едва ли даже разъяснимыхъ пунктовъ». Авторъ по этому поводу укоряетъ Московскую письменность XV в., что «70—80 л. спустя по смерти знаменитаго святителя въ Москвѣ не умѣли написать порядочной и вѣрной его біографіи, даже по порученію вел. князя и митрополита съ соборомъ». Но возможно ли было написать что-либо вѣрное и порядочное, когда, кромѣ колеблющихся преданій, никакихъ вѣрныхъ источниковъ не оказывалось налицо. Съ половины XV и до конца XVII ст. надъ обработкою этого житія трудилось не мало писателей и всѣ они, не имѣя вѣрныхъ источниковъ, по необходимости дополняли другъ друга собственными домыслами, отчего житіе и наполнилось непримиримыми противорѣчіями и относительно времени, и относительно событій. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ очень трудно, а въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ невозможно. Попытаемся выяснить хотя немногое.

Сооруженная въ 1365 г. *въ одно лѣто* каменная церковь Михаила Чуда, несомнѣнно, была небольшого размѣра. При своей кончинѣ святитель завѣщалъ вел. князю положить себя внѣ церкви за алтаремъ и указалъ мѣсто для своей могилы.

Было ли въ точности исполнено это завѣщаніе? Нѣтъ. Вел. князь Димитрій и духовныя, и свѣтскія власти опредѣлили положить его въ церкви, въ предѣлѣ Благовѣщенія. Такъ и совершилось. По этому свѣдѣнію находимъ, что въ первоначальномъ храмѣ существовалъ предѣлъ Благовѣщенія. Но въ томъ же житіи

разсказывается, что въ 1431 г. во время литургіи верхъ церковный отъ ветхости обвалился, но бывшіе въ алтарѣ священники остались невредимыми. Послѣ того разрушенную церковь разобрали и приступили къ постройкѣ новой каменной же церкви.

Когда начали копать рвы на основаніе новой церкви, *внутри* прежде бывшей, разобранной, то, копающе, обрѣли въ землѣ чудесныя мощи святителя цѣлы и нетлѣнны и ризы его невреженны, яко вчера облечены. О предѣлѣ Благовѣщенія при этомъ свидѣтельствѣ нигдѣ въ писаніяхъ на упомянуто.

Итакъ, по этому свѣдѣнію погребеніе святителя совершилось, вопреки его завѣщанію, не внѣ храма, но внутри.

Между тѣмъ, въ томъ же житіи есть свидѣтельство, что архіепископъ Геннадій, бывшій прежде архимандритомъ въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ Новгородскимъ архіепископомъ, проживая остатокъ дней снова въ Чудовомъ монастырѣ, былъ по кончинѣ погребенъ *въ самомъ томъ мѣстѣ*, гдѣ лежало въ землѣ священное тѣло великаго святителя и чудотворца Алексѣя, прежде обрѣтенія его, у самыя стѣны великія церкви.

А еще прежде скончавшійся въ 1393 г. февр. 15 старѣйшій бояринъ Дмитрія Донскаго Данило Ѳеофановичъ, племянникъ св. Алексѣя, былъ положенъ близъ гроба святителя, стало быть, внѣ церкви, такъ какъ при этомъ не упомянуто о погребеніи въ самомъ храмѣ.

Новая церковь во многомъ отличалась отъ развалившейся. Она была *менѣе* старой, но зато была высока и зѣло пространна и прекрасна, была трикровна, то-есть имѣла три верха или три главы и выспрь восходы, то-есть была построена на подклѣтномъ ярусѣ съ лѣстницами для всхода. Старая же церковь если и пространнѣе была *всюду*, но была единокровна, имѣла одну главу или верхъ и помостъ, имѣла токмо на самой землѣ. Три верха явно показываютъ, что въ новой церкви былъ устроенъ предѣлъ Благовѣщенія, въ которомъ и были помѣщены св. мощи. Писатель настаиваетъ, что старая церковь была обширнѣе новой съ тою мыслью, дабы утвердить свидѣтельство, что святитель былъ погребенъ внутри храма.

Для этой цѣли позднѣйшій писатель (Прологъ, изд. 1777 г.) увѣряетъ, что старый храмъ былъ деревянный, что копали рвы внутри этого деревяннаго храма «и тако обрѣтоша св. мощи».

При новомъ храмѣ была построена и трапеза, велія, каменная, и погребы каменные, но это свидѣтельство относится уже къ позднѣйшимъ сооруженіямъ, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятнѣе, что трапеза была построена деревянная. Въ 1476 г. февраля 16 въ монастырѣ сгорѣла (несомнѣнно, деревянная) трапеза и архимандричья Геннадіева келья.

Геннадій, какъ увидимъ, много способствовалъ къ доброму устройству монастыря. О немъ лѣтописцы записали слѣдующее обстоятельство.

Въ 1483 г. случилось навечеріе св. Крещенія въ воскресенье. Геннадій въ своемъ монастырѣ разрѣшилъ святую Богоявленскую воду пить поѣвши, т.-е. и послѣ обѣда. Въ церковномъ же Уставѣ о томъ не писано. Митрополитъ послалъ изымать Геннадія, но онъ, спасаясь, убѣжалъ къ вел. князю. Митрополитъ самъ пошелъ къ вел. князю, обличилъ преступника, много глаголаше на него, такъ что вел. князь выдалъ бѣглеца.

Тогда митрополитъ повелѣлъ сковать его и подъ полатою въ ледникъ посадить. Узнавъ о такой немилости, вел. князь и съ боярами умолили владыку простить его, что и было исполнено. Прощенный Геннадій не только остался архимандритомъ, но на другой же годъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа въ Великій Новгородъ.

Въ томъ же 1483 году благоволѣніемъ Божіимъ вниде ему въ умъ дѣло благое—соорудить въ монастырѣ храмъ во имя самого учредителя обители св. Алексѣя. Основаніе храму было положено вкупѣ и съ трапезою, какъ свидѣтельствуетъ житіе. Но нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ, что трапеза была заложена въ 1485 г., когда Геннадій былъ уже архіепископомъ въ Новгородѣ. Удалившись туда еще въ 1484 году, попеченіе о новосооружаемомъ храмѣ онъ передалъ братьямъ Траханіотамъ, Дмитрію и Георгію, и сыну Дмитрія Юрью, по прозванію Малому, людямъ очень извѣстнымъ въ государствованіе Ивана III.

Въ Новгородѣ Геннадій прославился какъ искоренитель ереси жидовствующихъ и установитель строгаго порядка и благочинія среди тамошняго духовенства, которое къ тому же оказывалось совсѣмъ безграмотнымъ, такъ что архіепископъ самъ принужденъ былъ учить грамотѣ своихъ ставлениковъ. Объ этомъ онъ писалъ любопытное посланіе въ Москву къ вел. князю.

И изъ Великаго Новгорода онъ очень заботился о сооруженіи Чудовскаго храма, высылая въ Москву на его постройку довольно серебра. Церковь была сооружена вельми чудна, велика и высока, и трапеза, а въ ней многія полаты, горнія и дольнія, удобныя на всякую монастырскую потребу и живущимъ тутъ братіямъ на преупокоеніе. Послѣ того въ новосозданную имени св. Алексѣя церковь были перенесены и мощи святителя изъ Благовѣщенскаго предѣла и поставлены въ ракѣ на правой сторонѣ у стѣны.

Эта постройка отчасти сохраняетъ свои внутреннія стѣны и донынѣ съ западной стороны соборнаго храма, гдѣ существуетъ главный входъ въ готическомъ стилѣ.

Такимъ образомъ возможно выяснить слѣдующія положенія. Самое основаніе монастыря возможно относить къ 1358 г.

Первый каменный храмъ построенъ въ 1365 г.; на томъ же мѣстѣ построенъ новый съ предѣломъ Благовѣщенія въ 1431—1438 гг.

Третій храмъ на новомъ мѣстѣ во имя св. Алексѣя заложенъ въ 1483 г. и выстроенъ вѣроятно въ 1485 г., когда построена и трапеза съ горними верхними и дольними нижними полатами.

Въ 1493 г. во время Кремлевскаго пожара у Чуда въ монастырѣ казна выгорѣла.

Въ 1500 г. уже не помнили, кто заложилъ старую церковь, построенную въ 1431—1438 г., и приписывали ея постройку самому святителю Алексѣю. Къ этому времени она значительно обветшала, и вел. князь Иванъ Вас. въ 1501 году повелѣлъ ее разобрать и на томъ же мѣстѣ построить новую. Въ 1503 г. выстроенный храмъ былъ освященъ 6 сентября, на память празднованія Чудеси иже есть въ Хонѣхъ, митрополитомъ Симономъ и архіепископомъ Геннадіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ 1505 г., былъ по ветхости разобранъ и Архангельскій соборъ на площади и заложенъ новый, котораго постройка была окончена въ 1507 г. Оба храма сооружали итальянскіе мастера, какъ можно судить по многимъ деталямъ сооруженія.

Въ 1535 г. правительница Елена (Глинскихъ) устроила для мощей святителя новую серебряную раку.

Февраля 11 пятилѣтній царь Иванъ (Грозный), его мать Елена

прибыли въ монастырь. Митрополитъ Даніилъ съ епископами служилъ предъ св. мощами молебенъ, съ великими слезами моля святого, дабы угодно ему было переложить его мощи изъ старой въ новую раку. Митрополитъ со властями самъ совершилъ переложеніе. Маленькій царь съ матерью и боярами тутъ стояли, съ великими слезами моля святого.

Въ другой лѣтописи (Львова, IV, 35) этотъ случай разсказанъ съ иными подробностями. Царь Василій Ивановичъ, часто приходя ко гробу св. Петра чудотворца (въ Успенскомъ соборѣ) и къ св. мощамъ чудотворца Алексѣя, «лобызая со слезами св. мощи, особо наединѣ, по вся дни и нощи съ теплою вѣрою призываетъ ихъ, да помогутъ ему ходатайствомъ къ Богу и къ Пречистой Его Матери о *прижитіи чадъ* и обѣты свои предъ ними въ сердцѣ своемъ полагаетъ... И родися ему сынъ (Иванъ)... и радостною душею обѣты сердца исполняя, повелѣваетъ дѣлать раки святымъ ихъ мощамъ со всякимъ царскимъ устроеніемъ: св. Петру раки золотую съ его образомъ златымъ, а стороны раки серебряныя; и каменіемъ драгимъ повелѣлъ ее украсить. А св. Алексѣю раку серебряную всю и на ракѣ образъ святого и столбцы позлатить. Начали дѣлать обѣ раки въ генварѣ 1531 г. и додѣлали раку св. Алексѣя въ февралѣ 1535 г. Затѣмъ 11 числа совершено было и переложеніе св. мощей при архимандритѣ Іонѣ. Былъ тутъ со многими боярами царь Иванъ и съ братомъ Георгіемъ.

Въ третьей лѣтописи (П. С. Л., VI, 295) помѣщена даже самая надпись, по всему вѣроятію существовавшая на ракѣ, гдѣ упомянуто, что образъ чудотворца устроенъ былъ на верхней доскѣ отъ серебра во всемъ сану, какъ государи служатъ, и украшенъ златомъ, каменіемъ дорогимъ и бисеромъ.

Въ великій пожаръ 1547 г. Чудовъ монастырь выгорѣлъ весь; были сохранены Божіимъ милосердіемъ однѣ мощи святителя Алексѣя. Старцевъ погорѣло по погребамъ и полатамъ 18, слугъ 50 чел., запасъ монастырскій весь сгорѣлъ.

Въ 1556 г. февраля 29 у царя Ивана родилась дочь, царевна Евдокія. Государь по своему обычаю крестилъ ее въ Чудовѣ монастырѣ и тогда же повелѣлъ построить надъ задними вратами монастыря обѣтную церковь во имя Іоанна Лѣствичника съ предѣломъ Евдокіи муч. Ноября 1 церковь была освящена торжественно въ присутствіи царя, царицы Анастасіи, царевича Ивана,

царскаго брата Юрья Васильевича. Тутъ же были митрополитъ изъ Царяграда Кизитскій Іосафъ и старцы Святыя Горы, жившіе вѣроятно въ Чудовѣ же. Освящалъ митрополитъ Макарій со всѣми соборы.

Этотъ небольшой храмъ съ именемъ Іоанна Лѣствичника существовалъ и въ XVII ст. и упоминается въ 1649 г. 25 апрѣля по слѣдующему случаю: извѣстно, что у царя Алексѣя Мих. во дворцѣ проживали верховые (придворные) нищіе, старые старики, которыхъ царь содержалъ по завѣтамъ церкви и для благочестивыхъ съ ними бесѣдъ. Одинъ изъ этихъ стариковъ Исай Аникеевъ по какому-то случаю убился съ дворцоваго Верху, вѣроятно упалъ изъ своего высокаго жилища во Дворцѣ.

Государь повелѣлъ справить по немъ поминовеніе и раздать деньги на панихиды и обѣдни въ малыя и бѣдныя церкви Кремля: 1) въ церковь Іоанна Лѣствичника въ Чудовѣ монастырѣ у больницъ, гдѣ онъ Исаій погребенъ, 2) въ церковь Іоанна Новгородскаго, что на подворьѣ Спаса Новаго монастыря, 3) въ церковь Воздвиженія Честнаго Креста подлѣ Вознесенскаго монастыря, 4) мученика Христофора (построена каменная по указу 1651 г. 1 марта), что на площади у Холопья Приказа, 5) Іоанна Предтечи противъ большихъ Конюшенъ и въ богадѣльни на Кулишкахъ, на Покровкѣ и на Тверской.

Въ 1675 г. по случаю раздачи на поминовеніе по Епифаніи Славеницкомъ объ этомъ храмѣ не упоминается, но въ числѣ монастырскихъ церквей значится церковь *Елевферія*, устроенная несомнѣнно въ память того, что свят. Алексѣй мірскимъ именемъ именовался Елевферіемъ. Быть можетъ, этотъ престолъ былъ освященъ вмѣсто Іоанна Лѣствичника. Въ XVIII ст. этотъ храмъ былъ освященъ во имя Платона и Романа и потомъ во имя Всѣхъ Святыхъ.

Въ 1600 г. февраля 17 съ тѣмъ же торжествомъ, какъ и въ 1535 г., св. мощи Святителя были снова переложены въ новую серебряную раку, которая была сооружена по желанію царя Өеодора Ив. и мало еще не была додѣлана предъ кончиною государя въ 1598 г. Рака, скованная изъ серебра, была украшена златомъ и многоцѣнными бисеры и каменьемъ драгимъ; вверху ея образъ Святого изображенъ, и такъ великолѣпно была устроена, что не можно было достойно и описать ее. Она была изготовлена уже

при царѣ Борисѣ Годуновѣ, когда и совершилось переложеніе св. мощей [1]).

Въ 1626 г. мая 3 случился новый великій пожаръ въ Кремлѣ, начавшійся въ Китай-городѣ и отъ верха храма Василья Блаженнаго перешедшій на Вознесенскій, а потомъ и на Чудовъ монастыри. Въ Чудовѣ погорѣла Соборная (Алексѣевская) церковь или самое Чудо Михаила Архангела, какъ писатели иногда прозывали этотъ древній храмъ.

Въ 1677 г. монастырю былъ отданъ обширный дворъ боярина Б. И. Морозова, занимавшій все пространство теперешняго Малаго дворца. Съ этого времени при архимандритѣ Адріанѣ (1678—1686 г.), который потомъ въ 1690 г. былъ избранъ патріархомъ, старая церковь св. Алексѣя и прилегающія къ ней полаты, трапезы и подъ ними монастырскія службы были перестроены по чертежу царя Ѳедора Алексѣевича. Перестройка началась въ августѣ 1680 г. и была окончена въ 1686 г. на царское иждивеніе.

Въ томъ же году мая 20, на память Обрѣтенія Мощей Святителя, новый храмъ его имени былъ торжественно освященъ. Св. мощи по случаю постройки находились въ старой церкви Чуда Михаилова. Наканунѣ, 19 числа, совершена была малая вечерня; къ службѣ прибыли царь Иванъ, царь Петръ и царевна Софія. Патріархъ шелъ въ каретѣ въ переднія монастырскія ворота. Послѣ вечерни былъ молебенъ. Св. мощи были поставлены посреди церкви и потомъ подняты на головы самимъ патріархомъ и царями, одинъ по правую сторону, другой по лѣвую и позади архіерей; и понесли изъ церкви въ южныя двери, вынесли на паперть, откуда въ преднесеніи хоругвей, крестовъ и иконъ, со звономъ во-вся на Иванѣ Великомъ и въ монастырѣ, архіерей, архимандриты, игумены, протопопы понесли святыню въ новый храмъ. Патріархъ шелъ позади святыни, а за нимъ цари и царевна. Несли на главную южную лѣстницу мимо алтарей новой церкви и взошли на большой рундукъ (помостъ крыльца), принесли въ церковь, поставили на уготованное мѣсто самъ патріархъ

[1]) При этомъ лицевое житіе воздаетъ великую похвалу новому царю и тѣмъ указываетъ, что самое это житіе писано по повелѣнію Годунова, быть можетъ, самимъ патріархомъ Іовомъ.

со властьми. Послѣ молебна цари и царевна отбыли въ свой царскій домъ, а за ними и патріархъ въ свой архіерейскій домъ.

Здѣсь примѣчательно участіе въ церемоніи самой царевны Софіи въ качествѣ третьяго царя, какъ она постепенно выступала на это желанное ею поприще.

20 мая, какъ упомянуто, послѣдовало освященіе храма, къ которому прибылъ только царь Иванъ Алек. Во время службы св. мощи были торжественно обнесены вокругъ храма.

Еще въ мартѣ мѣсяцѣ того года (1686) усердный строитель новаго храма и монастыря архимандритъ Адріанъ былъ посвященъ въ Казанскіе митрополиты и въ это время служилъ въ новосооруженномъ имъ храмѣ всенощную наканунѣ освященія.

Къ этому времени другой храмъ, сооруженный рядомъ съ Алексѣевскимъ, еще не былъ оконченъ отдѣлкою. Онъ былъ освященъ патріархомъ Іоакимомъ 28 ноября. Въ то же время былъ освященъ патріархомъ и небольшой храмъ, выстроенный съ западной стороны Алексѣевской церкви во имя апостола Андрея Первозваннаго.

По всему вѣроятію, этотъ храмъ былъ сооруженъ въ память умиротворенія стрѣлецкой смуты въ 1682 году. Стрѣльцы послѣ майской трагедіи, побитія многихъ бояръ, продолжали бушевать подъ именемъ «надворной пѣхоты», во всѣхъ полкахъ стали чинить сборы ратнымъ обычаемъ, ходили вездѣ съ копьями и со всякимъ ружьемъ, съ Пушечнаго двора развезли пушки къ себѣ по полкамъ, а иныя ввезли въ Кремль; и изъ казны порохъ разобрали по себѣ, вездѣ разставили свои караулы и никого не пропускали къ Троицѣ, гдѣ пребывали цари, и отъ Троицы къ Москвѣ, отчего весь городъ былъ въ великомъ смятеніи и страхѣ. Умирить стрѣльцовъ государи поручили патріарху Іоакиму. Онъ переписывался съ царями, посылая свои письма съ Чудовскимъ же архимандритомъ Адріаномъ, который и отъ царей приносилъ ему грамоты.

Патріархъ 8 октября призвалъ всѣ полки въ Успенскій соборъ и послѣ торжественнаго умилостивительнаго богослуженія вынесъ св. евангеліе и ошую руку (мощи) св. апостола Андрея Первозваннаго. Положивъ святыни на аналой, патріархъ сотворилъ всѣмъ полкамъ поученіе о мирѣ и любви, прочитавши вмѣстѣ съ тѣмъ и царскія грамоты, призывавшія стрѣльцовъ оставить

смуту и служить вѣрно и обѣщавшія всепрощеніе ихъ подвигамъ. Мятежники всѣ единодушно покорились и цѣловали евангеліе и руку св. апостола изъ патріаршей руки. Всѣ и сами стрѣльцы очень радовались такому повороту смутныхъ дѣлъ и въ особенности радовался самъ патріархъ, усердно поздравлявшій царей съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла и получившій за это широковѣщательную царскую похвальную грамоту. Несомнѣнно, что благодарная Господу и св. апостолу память о такомъ важномъ событіи и ознаменовалась постройкою храма во имя св. ап. Андрея.

Освященіе храма совершалъ самъ патріархъ и послѣ службы въ новой трапезѣ былъ столъ большой для всѣхъ, кушалъ за столомъ и святѣйшій съ архіереями и со властьми.

Въ 1701 г. іюня 9 новый опустошительный пожаръ Кремля, начавшійся возлѣ Чудова монастыря на Новоспасскомъ подворьѣ, истребилъ повсюду все деревянное, сохранивъ только каменныя зданія обгорѣлыя и поврежденныя.

Подробностей о томъ, что именно погорѣло въ монастырѣ, не имѣемъ. Извѣстно только, что въ 1702 г. были возобновлены позолотою главы и кресты на церквахъ Алексѣевской и Благовѣщенской.

Въ лютѣйшій пожаръ 29 мая 1737 г. въ Чудовомъ монастырѣ погорѣло двѣ церкви со всякою церковною утварью, а также властелинскія и братскія и другія кельи, т.-е. всѣ зданія и конюшенный дворъ. На возобновленіе всего погорѣвшаго отъ Коллегіи Экономіи было назначено только 2.000 рублей.

По описи 1763 г. состояніе церквей и всѣхъ зданій монастыря находилось въ слѣдующемъ видѣ (Альбомъ видовъ № XVIII):

1) Соборная архангела Михаила церковь однопрестольная пятиглавная (нынѣ одноглавная), на главахъ кресты осмиконечные, средняя глава крыта мѣдью и позолочена, остальныя главы и церковь крыты жестью, т.-е. бѣлымъ желѣзомъ, и выкрашены зеленою краскою; вокругъ церкви съ трехъ сторонъ паперть съ 12 окончинами и съ каменными сходами, крытая желѣзомъ подъ зеленою краскою. Отъ собора къ Благовѣщенской церкви и къ архіерейскимъ покоямъ существовали каменные на столбахъ со сводами и безъ сводовъ крытые переходы со многими окошками (31 окош.). У переходовъ возлѣ храма стояла колокольня.

2) Церковь Благовѣщенія пятиглавая, средняя глава крыта

желѣзомъ полуженнымъ, была позолочена, но въ пожаръ 1737 г. золото потускнѣло; другія главы крыты такимъ же желѣзомъ. Въ церкви полъ выстланъ чугунною лещедью. Внутри обширной трапезы въ стѣнѣ устроена полатка, *гдѣ продается чудотворцевъ медъ*.

3) Церковь Алексѣя митрополита пятиглавая, обдѣлка главъ такая же, какъ у Благовѣщенія, и кресты осмиконечные. Алтари обѣихъ церквей соединены проходомъ съ дверью. Полъ въ церкви также чугунный. Передъ церковью обширная трапеза, изъ которой выходъ на паперти, а съ паперти сходъ по лѣстницѣ на Ивановскою площадь, гдѣ находилось крыльцо на двухъ столбахъ одинакихъ и двухъ тройныхъ, каменныхъ, при оныхъ 4 жестяныя трубы съ змѣйками для сбѣгу съ кровли воды; крыша крыльца желѣзная; сверхъ оной двѣ дуги желѣзныя, наверху дугъ яблоко мѣдное позлащенное, сверхъ яблока звѣзда съ крестомъ. Крыльцо имѣло длины 5 саж. 12 арш., ширины 4 саж. 5 четвертей. Это старое крыльцо при митр. Платонѣ было построено въ нескладномъ готическомъ стилѣ, какъ существуетъ и донынѣ.

Въ одной связи съ этими двумя церквами находилась третья небольшая церковь во имя Андрея Первозваннаго, одноглавая, глава обита желѣзомъ и выкрашена зеленою краскою. За церковью слѣдовала обширная Братская трапеза и рядомъ съ нею полата, въ которой про братію раздаютъ кушанье. Эти послѣднія помѣщенія выходятъ окнами противъ церкви Двѣнадцати Апостоловъ. Три церкви съ трапезами и братская трапеза съ полатою были покрыты въ одну линію желѣзною кровлею, выкрашенною красною краскою. Подъ ними, въ нижнемъ этажѣ, находились погреба и полаты *житенная*, *капустная*, истопничная, гдѣ были печи.

4) Церковь Воздвиженія, построеніе Ховрина, о которой говоримъ особо.

5) Церковь Платона и Романа, надъ задними воротами, *Крестовая*, потому что возлѣ находились архіерейскія полаты, одноглавая, въ шеѣ главы 8 оконъ; сверхъ главы яблоко позлащенное; глава и церковь крыты желѣзомъ и выкрашены зеленою краскою. Въ церкви хоры расписанные деревянные, полъ дощатой. Передъ церковью *парапетъ* деревянный съ перилами; всходъ къ церкви каменный, шир. $1^1/_2$ арш. Эта церковь впослѣдствіи

освящена во имя Всѣхъ Святыхъ. Выше мы упоминали, что она построена при Грозномъ царѣ.

6) Колокольня четвероугольная о пяти апартаментахъ или ярусахъ, изъ которыхъ въ четвертомъ, осмигранномъ, ярусѣ помѣщалась библіотека, а въ пятомъ, съ 8 окнами (слухами), висѣли 12 колоколовъ; верхъ колокольни оканчивался фонаремъ также съ 8 окнами (слухами) и надъ нимъ главою съ желѣзнымъ крестомъ.

Съ западной стороны на 30 саж. протягивалось строеніе, заключавшее въ себѣ братскія кельи въ три этажа съ служебными полатами: пирожною, поварнею, квасным погребомъ, пивоваренною. Передъ кельями находились на каменныхъ столбахъ деревянные переходы и каменные парапеты.

Съ сѣверной стороны такое же строеніе съ братскими кельями простиралось на 14 саж. въ три этажа съ подобными же переходами. На той же сторонѣ въ связи съ этимъ зданіемъ внутри двора возвышалось трехъэтажное зданіе съ кельями, кладовыми казенными; полатами. Въ верхнемъ ярусѣ находились архіерейскіе покои, заключавшіе въ себѣ: 1) Крестовую полату съ 4 окнами, 2) залъ съ 6 окнами, 3) столовую съ 3 окнами, 4) наугольную съ 4 окнами, 6) библіотеку съ 2 окнами. Нумеръ 5 не обозначенъ.

Это строеніе простиралось отъ угла западной стороны до заднихъ воротъ, которыя были створчатыя желѣзныя, съ калиткою. По другую сторону воротъ, по направленію къ восточной сторонѣ, протягивалось другое двухъярусное зданіе, на 13 саж., въ которомъ во второмъ ярусѣ помѣщались: полата судейская, полата подьяческая, полата архивная и одна келья.

Съ восточной стороны отъ угла сѣверной находилось двухъярусное зданіе на 9 саж. съ намѣстничьими пятью кельями во второмъ ярусѣ.

Затѣмъ протягивалось на 34 саж. другое двухъярусное зданіе, въ которомъ въ нижнемъ ярусѣ помѣщались полаты: столярная, каретная, двѣ кладовыя, кузнечная и др. Во второмъ ярусѣ находились двѣ кельи и двѣ полаты *больничныя*, соединявшіяся съ церковью Воздвиженья.

Отъ этой церкви по южной сторонѣ монастырской земли находилось тоже двухъярусное зданіе въ длину на 26 саж., въ

верхнемъ ярусѣ котораго помѣщались: полата Консисторская, полата Судейская, полата Секретарская и еще двѣ полаты безъ названія. Это были древнія полаты Головиныхъ.

Съ западной стороны стояло еще двухъярусное зданіе на 15 саж. съ двумя полатами въ верхнемъ и съ 4 кладовыми полатками въ нижнемъ ярусѣ. Почти всѣ описанныя зданія существуютъ и нынѣ, конечно, съ передѣлками и перестройками при возобновленіяхъ.

Монастырская земля съ южной стороны на 47 саженяхъ и съ западной на 30 саж. была ограждена каменною оградою, гдѣ впослѣдствіи митроп. Платонъ выстроилъ свой угловой архіерейскій домъ, поступившій потомъ подъ Николаевскій дворецъ. Прочія стороны монастырской земли и доселѣ окружены строеніемъ полатъ.

Всей земли подъ монастыремъ состояло: съ восточной стороны, внутри зданій, 54 саж., съ южной до угла 37 саж., поворотъ отъ угла до большихъ воротъ 30 саж., отъ воротъ по южной сторонѣ до угла западной стѣны 36 саж., съ западной стороны 40 саж., съ сѣверной стороны 49 саж. Всего 6 стѣнъ, или сторонъ.

Внѣ монастырской земли съ сѣверной стороны, гдѣ нынѣ зданіе судебныхъ мѣстъ, находился обширный каменный конюшенный дворъ съ каменными же постройками для келій и кладовыхъ полатъ. Онъ составлялъ неравномѣрный квадратъ въ 13 саж. Между монастыремъ и конюшеннымъ дворомъ находился еще *задворокъ*, длиною въ 17 саж., шириною около 4 саж. По всему вѣроятію этотъ конюшенный дворъ составлялъ нѣкогда часть Татарскаго Посольскаго двора, сохраняя свои границы до послѣдняго времени.

Къ западу отъ конюшеннаго двора, въ 5 саж. отъ него, противъ заднихъ воротъ монастыря стояла церковь Козмы и Дамьяна, о которой мы высказали наше предположеніе, что она могла быть построена вел. княгинею Софьею Палеологъ на мѣстѣ остававшагося еще въ Москвѣ Татарскаго подворья.

Таково было расположеніе и состояніе монастырскихъ зданій до переустройства ихъ при митроп. Платонѣ и въ послѣдующее время. Здѣсь многое сохранялось еще и отъ XVI, и отъ XVII ст. (Альбомъ видовъ, № XVIII).

Монастырь, учрежденный знаменитымъ святителемъ, знаменитымъ подвижникомъ не только на церковномъ, но еще болѣе и на политическомъ поприщѣ, съ первыхъ же временъ своего основанія получилъ значеніе учрежденія общественнаго и, главнымъ образомъ, въ извѣстной степени ученаго или учительнаго, гдѣ въ самомъ началѣ собирались знающіе и испытанные старцы, избранные изъ монастырей, славившихся подвижническою жизнью, въ томъ числѣ и изъ Сергіева монастыря еще при жизни преподобнаго его основателя. Примѣчательно, что это значеніе за монастыремъ сохранялось въ теченіи всей его исторіи и было подтверждено даже Петромъ Великимъ, который указомъ 4 генв. 1723 года повелѣвалъ «въ Чудовѣ монастырѣ монаховъ имѣть, которые бы достойны были къ производству въ духовные начальники».

Монастырь Михаилово Чудо въ Хонѣхъ (хоны значитъ погруженіе) открылъ гостепріимный кровъ для приходившихъ въ Москву иноземныхъ православныхъ святителей и старцевъ, въ особенности для южныхъ Славянъ и Грековъ, которые находили въ немъ пріютъ, подолгу въ немъ проживали и, умирая, бывали погребаемы на его же кладбищѣ. Такъ, въ 1392 г. соборнѣ былъ погребенъ въ монастырѣ Матѳей Гречинъ, митрополитъ Адріанопольскій, прибывшій въ Москву съ митрополитомъ Кипріаномъ въ 1390 г., несомнѣнно, до своей кончины проживавшій въ монастырѣ.

Въ Кремлѣ не было другого мѣста столько удобнаго для почтенныхъ пришельцевъ, всегда очень дорогихъ гостей для православной и богомольной Москвы, о чемъ Вселенскіе патріархи и разнаго рода Греческія духовныя власти знали доподлинно. Такъ, весною 1518 г. марта 4 прибыли въ Москву отъ Цареградскаго патріарха митрополитъ Григорій, Грекъ, да съ нимъ старцы отъ св. горы Аѳонской бити челомъ о нищетѣ и поможеніи: изъ Ватопеда монастыря три старца,—Максимъ Грекъ, Неофитъ Грекъ, Лаврентій Болгаринъ; отъ св. Пантелеймона изъ Русскаго монастыря—проигуменъ Савва. А прежде тѣхъ старцевъ за годъ пришелъ отъ св. Сорока Мученикъ, отъ Скиропотама монастыря Исаія Сербинъ. Князь великій Василій Ивановичъ принялъ ихъ съ великою честью и повелѣлъ имъ пребывать въ монастырѣ архистратига Михаила Чуда, питая ихъ и доволя вся-

кими потребами отъ своей царской трапезы. Также и Варлаамъ митрополитъ великую любовь и честь къ нимъ показывалъ и, къ себѣ призывая, часто съ ними бесѣдовалъ о божественныхъ словесахъ духовныхъ.

Они были отпущены домой 11 сентября 1519 г. Стало быть, они жили въ монастырѣ болѣе полутора года. Примѣчательно, что въ это самое время съ 28 ноября 1518 г. и по іюль 1519 г. включительно совершилось у гроба св. Алексѣя много чудныхъ изцѣленій, явленныхъ 7, а неявленныхъ Богъ вѣдаетъ.

Эта лѣтописная запись можетъ указывать, что и прежде и послѣ упомянутыхъ годовъ такіе православные гости почти каждый разъ во время своего пребыванія въ Москвѣ водворялись въ монастырѣ у Михаилова Чуда. А такъ какъ пріѣзжіе гости очень нерѣдко бывали люди по православному очень ученые, а потому и очень надобные для Русскихъ церковныхъ дѣлъ, каковъ былъ, напримѣръ, Максимъ Грекъ, то по временамъ постоянное ихъ пребываніе у Михаилова Чуда давало монастырю особое учительное значеніе, которое оставалось за нимъ, какъ упомянуто, до послѣднихъ лѣтъ стараго допетровскаго порядка Русской жизни. Повидимому, такое общественное значеніе монастыря установилось со временъ самого его основателя, святителя Алексѣя, именно избраніемъ въ составъ братіи достойныхъ старцевъ. Впослѣдствіи, когда, наконецъ, возникла мысль объ учрежденіи ученой Греколатинской школы, то нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Чудовомъ же монастырѣ, и была основана такая школа еще при Филаретѣ и при патріархѣ Іосифѣ, существовавшая здѣсь до учрежденія Славяно-греко-латинской академіи. По свидѣтельству Олеарія учителемъ этой школы былъ Грекъ Арсеній. За то, что онъ охуждалъ наши церковныя книги за ихъ неправильность, онъ былъ сосланъ въ Соловки въ 1649 г., когда, по всему вѣроятію, на его мѣсто былъ вызванъ Епифаній Славинецкій, а затѣмъ при Никонѣ и Арсеній былъ возвращенъ и опредѣленъ справщикомъ печатнаго дѣла.

Объ этой самой школѣ голландецъ Кленкъ въ 1675 г. писалъ, что «Чудовъ монастырь скорѣе можно назвать дворянскимъ учебнымъ заведеніемъ, чѣмъ монастыремъ. Тамъ рѣдко увидишь кого другого, какъ только дѣтей бояръ и важныхъ вельможъ. Ихъ помѣщаютъ туда, чтобы отдалить отъ дурнаго общества и научить

благонравному поведенію. По исполненіи 16 лѣтъ отъ роду они снова могутъ уйдти».

Быть можетъ, изстари то же учительное значеніе подавало поводъ сдѣлать монастырь пріютомъ для недостойныхъ въ томъ или другомъ отношеніи духовныхъ владыкъ, которые иногда бывали здѣсь заточаемы и здѣсь же оканчивали свои дни. Однако монастырь не былъ каменною крѣпостью, казематомъ и видимо, что его крѣпость заключалась именно въ строгомъ учительномъ житіи для всей братіи, а потому недостойные почему-либо владыки водворялись сюда для исправленія и раскаянія въ недостойныхъ поступкахъ.

Такъ, въ 1391 г. въ Твери епископъ Евфимій Висленъ очень поссорился съ Тверскимъ вел. княземъ и послѣ суда надъ нимъ отставленъ съ епископства и водворенъ въ Москвѣ у Михаилова Чуда. Онъ скончался въ 1392 г. и положенъ за алтаремъ храма.

Въ 1397 г. погребенъ въ монастырѣ владыка Смоленскій Даніилъ. Въ 1401 г. пріѣхалъ въ Москву Иванъ, владыка Новгородскій, бить челомъ вел. князю о Торжку. Митрополитъ Кипріанъ по слову вел. князя поймалъ его и посадилъ въ Чудовъ за сторожи за мѣсячный митрополичій судъ, что не дали Новгородцы. Владыка просидѣлъ въ монастырѣ три съ половиною года и отпущенъ въ 1404 г.

Въ 1440 г. былъ посаженъ въ монастырѣ у Чуда отступникъ Православія митрополитъ Исидоръ, просидѣвшій здѣсь отъ среды Крестопоклонной недѣли Великаго поста все лѣто. Потомъ, сентября 15, онъ тайно убѣжалъ въ Тверь и оттуда къ Риму. Онъ содержался подъ стражею для того, чтобы отступился отъ латинскаго соединенія и согласія, чтобы обратился и покаялся.

Въ 1480 г. генваря 19 здѣсь же былъ заключенъ послѣдній независимый Новгородскій владыка Ѳеофилъ за крамолу-измѣну къ Литвѣ, прожившій въ монастырѣ шесть съ половиною лѣтъ, гдѣ скончался и погребенъ.

Въ 1504 г. здѣсь заключенъ и строитель монастырской церкви св. Алексѣя, Новгородскій архіепископъ Геннадій, прожившій послѣ того два съ половиною года. О его погребеніи упомянуто выше.

При воцареніи Шуйскаго въ 1606 г. сюда былъ отосланъ подъ начало и поставленный Лжедмитріемъ патріархъ Игнатій. Онъ

дожилъ здѣсь въ простыхъ чернецахъ до того времени, когда въ 1611 г. владѣющіе Москвою бояре и Поляки смѣстили съ патріаршества Ермогена, посадивши его въ Чудовъ же монастырь, и на его мѣсто снова возвели того же Игнатія.

12 декабря 1666 г. въ Чудовомъ монастырѣ совершился судъ надъ патріархомъ Никономъ. Въ церкви Благовѣщенія Вселенскіе патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій сняли съ него патріаршій санъ, клобукъ и панагію, при чемъ было прочтено ему и *писаніе* о немъ, т.-е. изложеніе его виновности.

Бывали случаи, что нѣкоторые святители добровольно поселялись въ этомъ митрополичьемъ монастырѣ. Въ 1464 г. сент. 13 здѣсь нашелъ мирное прибѣжище митрополитъ Ѳеодосій Бывальцевъ, возбудившій въ толпѣ поповъ и дьяконовъ великую нелюбовь и проклятіе за свои строгія къ нимъ распоряженія, желая неволею привести ихъ къ правому пути Божію. Онъ началъ во всякую недѣлю (воскресенье) созывати ихъ и учити по святымъ правиламъ. Услыхавъ затѣмъ всеобщій ропотъ на себя, онъ разболѣлся и, оздоровѣвъ, поселился въ кельѣ Чудова монастыря, взявъ къ себѣ разслабленнаго старца,—служилъ ему, омывалъ его струпы. Былъ въ митрополитахъ съ небольшимъ три года (1461—1464).

Въ 1548 г. генваря 6 постригся въ монастырѣ духовникъ царя Ивана Грознаго, протопопъ Благовѣщенскаго собора, Ѳедоръ Барминъ. Онъ передъ тѣмъ разнемогся и пришло на него великое страхованіе оттого, что почувствовалъ свою вину, какъ былъ онъ главнымъ строителемъ народнаго мятежа противъ близкихъ къ государю князей Глинскихъ. Послѣ страшнаго пожара 1547 г., испепелившаго почти всю Москву, онъ первый началъ говорить и пустилъ въ народъ молву, что пожаръ случился по той причинѣ, что княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волхвовала, вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила, и отъ того вся Москва и погорѣла. Съ протопопомъ это утверждали и многіе изъ бояръ.

Когда по государеву указу назначенъ былъ розыскъ по этому дѣлу, то собравшаяся въ Успенскомъ соборѣ толпа народа такъ разсвирѣпѣла, что, не выходя изъ собора, тамъ же въ Божьемъ

храмѣ у митрополичьяго мѣста совершила убійство бывшаго налицо князя Юрія Глинскаго.

Въ 1566 г. въ Москвѣ оставилъ митрополію святитель Аѳонасій по случаю великой немощи и сошелъ въ Чудовъ монастырь на свое постриженіе.

Въ Чудовомъ монастырѣ проживалъ временно и Гришка Отрепьевъ, а послѣ него туда же посадили подъ началъ и постриженнаго несчастнаго царя Василія Ивановича Шуйскаго въ 1610 г., откуда потомъ взялъ его Гетманъ Жолкѣвскій, снявши съ него иноческое платье, чтобы представить королю не плѣннаго инока, а плѣннаго Русскаго царя.

Со времени царя Ивана Грознаго въ царскомъ быту вошло въ обычай крестить новорожденныхъ дѣтей у мощей святителя Алексѣя, въ его монастырѣ. По завоеваніи Казанскаго царства въ 1553 г. былъ крещенъ въ Чудовѣ малолѣтній плѣнный Казанскій царь Утемишъ Гирей Савакирѣевъ, нареченный во св. крещеніи Александръ, котораго царь поселилъ у себя во дворцѣ и повелѣлъ учить его грамотѣ, да навыкнетъ страху Божію и закону христіанскому.

Потомъ государь крестилъ у Михаилова Чуда своихъ дѣтей: въ 1554 г. царевича Ивана, въ 1556 г. царевну Евдокію, въ 1557 г. царевича Ѳедора, въ 1559 г. племянника своего, сына князя Юрья Васильевича, кн. Василія Юрьевича.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ здѣсь же крестилъ свою новорожденную дочь Ѳеодосію, вскорѣ умершую.

Слѣдуя царскому обычаю, и царь Михаилъ постоянно крестилъ всѣхъ своихъ дѣтей у мощей св. Алексѣя, начиная съ царевича Алексѣя Мих., который былъ крещенъ въ трапезѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, слѣдуя за отцомъ, крестилъ своего первенца сына Димитрія въ 1648 г. въ Чудовѣ, но другихъ дѣтей въ Успенскомъ соборѣ и потомъ Великаго Петра и его сестру царевну Наталію снова въ Чудовѣ.

Монастырское кладбище открывало мѣста для погребенія не только жившимъ въ монастырѣ на покоѣ или въ заключеніи и

подъ началомъ духовнымъ властямъ и монастырскимъ старцамъ, но и многимъ лицамъ изъ боярскихъ чиновъ, въ особенности сосѣдамъ монастыря по мѣстожительству, каковы были старые боярскіе роды Морозовыхъ, князей Оболенскихъ, Трубецкихъ, а впослѣдствіи Хованскихъ, Куракиныхъ, Щербатовыхъ, Стрѣшневыхъ, погребеніе которыхъ происходило уже въ XVIII ст., даже въ 1768 г., когда въ декабрѣ былъ погребенъ князь Сергѣй Мих. Хованскій, вѣроятно одинъ изъ послѣднихъ покойниковъ на кладбищѣ монастыря [1]). На его надгробномъ камнѣ была слѣдующая надпись:

Всякъ прочтетъ сію таблицу, внемли,
Коль кратка есть жизнь наша на земли.
Для того ставятся на гробахъ примѣты,
Дабы память была въ вѣчныя лѣты...

Но такія вѣчныя лѣты прекращались обыкновенно двумя-тремя поколѣніями. Могилы дѣдовъ уже исчезали, какъ исчезли и всѣ старыя могилы въ Чудовомъ монастырѣ. Изъ лѣтописныхъ показаній мы упоминали о многихъ лицахъ, здѣсь погребенныхъ. Упомянемъ еще, что изъ свѣтскихъ лицъ здѣсь былъ погребенъ въ 1565 г. Казанскій царь Едигеръ въ крещеніи Симеонъ Касаевичъ, взятый при покореніи Казанскаго царства. Онъ положенъ у церкви Благовѣщенія на полуденной сторонѣ. Слѣдовательно церковь Благовѣщенія находилась съ южной стороны отъ церкви св. Алексѣя.

Въ XVII ст. здѣсь были погребены: въ 1630 г. бояринъ Вас. Петр. Морозовъ.

1634 г. схимница Анисья Полева.

1657 г. мальчикъ Тарасій, котораго изломалъ старецъ въ Осиповѣ монастырѣ.

1667 г. знаменитый бояринъ Борисъ Иван. Морозовъ и его жена, сестра царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, Анна Ильична.

1670 г. бояринъ Ив. Ив. Салтыковъ.

1677 г. окольн. Вас. Никиф. Собакинъ; князя Ивана Гри-

---

1) Въ 1769 г. погребена Наталья Петровна Стрѣшнева, супруга генерала Петра Ив. Стрѣшнева.

горьевича Куракина жена Өеодосія Алексѣевна (дочь Алексѣя Никит. Одоевскаго).

1678 г. стольникъ Назарій Засѣцкій.

1682 г. бояринъ Вас. Семен. Волынскій, князь Ив. Григор. Куракинъ, стольникъ Лёвъ Ив. Салтыковъ.

1683 г. жена бояр. Вас. Сем. Волынскаго Ксенія Яковлевна, стольникъ Мих. Петр. Пушкинъ.

1684 г. бояринъ кн. Өедоръ Өед. Куракинъ, жена князя боярина Ив. Григор. Куракина, Марья Петровна, Петръ Мих. Пушкинъ.

1686 г. августа погребенъ Сибирскій царевичъ Романъ, погребалъ патріархъ.

1687 г. окольн. кн. Матв. Венед. Оболенскій.

1692 г. окольн. Семенъ Ив. Колтовской.

1693 г. вдова кн. Ульяна, жена кн. Алексѣя Никитича Одоевскаго.

Это только тѣ лица, которыхъ отпѣвалъ самъ патріархъ. Большая часть остающихся надгробій относится уже къ XVIII ст., каковы надгробія семейства князей Куракиныхъ, бояръ Стрѣшневыхъ, князей Хованскихъ, Трубецкихъ, семейства Родіона Матв. Стрѣшнева.

Въ числѣ болѣе или менѣе знатныхъ князей и бояръ здѣсь же нашли себѣ вѣчный покой и знаменитые въ XVII ст. писатели—Епифаній Славинецкій и Каріонъ Истоминъ.

Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ 1649 г. изъ Кіева въ Москву ради наученія дѣтей Еллинскому языку и въ особенности для перевода надобныхъ для Церкви книгъ.

Современники о немъ писали слѣдующее:

«Мужъ многоученый, какъ никто другой въ это время, не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя Өеологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ Еллинскаго, Славенскаго и Польскаго діалектовъ».

Въ теченіи 25 лѣтъ, живя сначала въ Андреевскомъ, потомъ въ Чудовомъ и затѣмъ на Крутицахъ, онъ много потрудился надъ исправленіемъ и въ переводахъ церковныхъ книгъ, оставивъ послѣ себя богатѣйшее ученое наслѣдство. Онъ померъ 19 ноября (подъ 20 число) 1675 г., оставивъ также весьма достаточное денежное наслѣдство, которое все было роздано на поминовеніе по немъ.

На похороны разошлось около 90 руб. и 18 золотыхъ, изъ которыхъ 15 поднесено патріарху, 2—Симеону Полоцкому и 1 золотой—духовнику Новодѣвичьяго монастыря. На сорокоусты роздано около 70 руб.

На поминовеніе выдавалось въ нѣкоторыя немногія церкви Чудова, Вознесенскаго и Знаменскаго монастырей, а также и въ приходскія, на недѣлю по алтыну въ каждую церковь. Въ третины, девятины, полусорочины и въ сорочины въ Чудовъ монастырь на столъ братіи по 5 руб. Нищимъ и въ тюрьмы и богадѣльни роздано въ разное время болѣе 70 р.; въ Тіунскую избу подначальнымъ церковникамъ около 5 рублей.

Поминовеніе въ годовщину справлялось два года при меньшихъ расходахъ. На цѣлый годовой поминъ выдавалось по 1 руб. въ храмъ.

Вписъ, вписаніе въ синодики на вѣчный поминъ выдано: въ Андреевскій монастырь 10 руб., въ Молчинскую Путивльскую пустынь 10 руб., да на строеніе 15 руб. По завѣтному письму покойнаго въ Новодѣвичь монастырь 10 руб.

Время отъ времени выдавалось и въ иногородные монастыри и церкви на поминовеніе. Въ особенности много роздано по указу патріарха въ Кіевскіе монастыри на вѣчный поминъ покойнаго: всего 500 золотыхъ и 200 ефимковъ (талеровъ.)

Каріонъ Истоминъ въ 1677 г. упоминается, какъ дьяконъ Путивльскаго Молчинскаго монастыря, которому на поминовеніе по Епифаніи Славинецкомъ было дано 20 алт., т.-е. 60 коп. Несомнѣнно, что эта выдача можетъ свидѣтельствовать о старомъ знакомствѣ Каріона съ знаменитымъ дидаскаломъ. Затѣмъ Каріонъ въ Москвѣ обучается въ школѣ Лихудовъ, потомъ іеродіакономъ получаетъ должность справчика Печатнаго Двора. 1687 г. занимается по порученію патріарха ученіемъ патріаршихъ маленькихъ пѣвчихъ говорить имъ же сочиненныя поздравительныя праздничныя *ораціи* и продолжаетъ это занятіе и въ слѣдующіе годы.

Въ 1692 г. онъ издалъ Лицевой букварь, весьма любопытный по изображеніямъ всякихъ бытовыхъ предметовъ, съ нравоучительными стихотвореніями. Повидимому, онъ былъ піитъ и стихами воспѣвалъ царевну Софію въ 1681 г., которыхъ существуетъ цѣлая книга.

Сохраняется также его поэма на бракъ царя Петра съ Евдокіею Өедоровной Лопухиныхъ, сочиненная 1689 г. Это былъ предшественникъ Тредьяковскому. Онъ скончался іеромонахомъ въ 1722 г. Его надгробіе находилось въ южной стѣнѣ храма Чуда Михаилова. Возлѣ него въ той же стѣнѣ существуетъ надгробіе юродиваго Тимоѳея Архипова, проживавшаго у царицы Прасковьи Өед. 28 лѣтъ и всегда встрѣчавшаго у ней царевну Анну Ивановну восклицаніемъ: «Донъ, донъ, донъ, царь Иванъ Васильевичъ!» что́ будто бы предзнаменовало, что она будетъ царствовать и уподобится своему предку Ивану Грозному по жестокости управленія подъ властью Бирона.

Съ учрежденіемъ вмѣсто Синодальнаго управленія самостоятельной Московской епархіи, Чудовъ монастырь по указу св. Синода, 23 іюля 1774 г., отданъ въ полное распоряженіе и владѣніе для жительства епархіальному архіерею съ наименованіемъ каѳедральнымъ монастыремъ.

Первымъ епархіальнымъ архіереемъ былъ Іосифъ (Вичанскій). Онъ вскорѣ померъ (въ 1745 г.) въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ проживалъ, но погребенъ въ Чудовомъ монастырѣ.

Второй архіерей Платонъ Малиновскій (1748—1754 г.) первымъ поселился въ полатахъ Чудова монастыря. Съ нимъ же въ особыхъ покояхъ помѣстилась въ Чудовомъ и Духовная Консисторія, бывшая Дикастерія. Его управленіе по внутреннимъ дѣламъ примѣчательно тѣмъ, что, самъ малороссъ, онъ наполнилъ Чудовъ монахами и служащими все изъ малороссовъ и основалъ Чудовской хоръ пѣвчихъ, собранныхъ по всей Москвѣ и по инымъ городамъ, особенно въ ближнихъ къ Малороссіи. Онъ погребенъ также въ Чудовѣ монастырѣ, рядомъ съ предмѣстникомъ *въ церкви* Чуда Михаила.

Третьимъ Московскимъ архіереемъ былъ митрополитъ Кіевскій Тимоѳей Щербатскій (1759—1767 г.). Погребенъ съ предмѣстниками въ церкви Чуда.

Четвертымъ былъ Амвросій Зертисъ-Каменскій (1768—1771 г.), убіенный въ Донскомъ монастырѣ толпою бунтовавшей черни во время мора. Онъ и погребенъ въ Донскомъ же.

Пятымъ Московскимъ архіепископомъ былъ знаменитый Платонъ Левшинъ (1775—1811 г.).

До того времени, начиная отъ времени Петра Великаго и, быть можетъ, еще отъ патріарха Іоакима, всѣ архіерейскія и архимандричьи должности занимали только люди ученые изъ малороссовъ, т.-е. по преимуществу изъ Кіевской академіи. Это было неотмѣннымъ правиломъ и только по указу императрицы Елизаветы, 1754 г. апр. 17, было, наконецъ, разрѣшено представлять на эти должности и великороссовъ. Платонъ Левшинъ былъ изъ числа первыхъ великороссовъ, занявшихъ архіерейскія мѣста. Въ теченіи 36 лѣтъ его управленія монастырь во всѣхъ частяхъ получилъ полное обновленіе и должное устройство. При немъ съ 1775 по 1778 годъ Архангельская церковь возобновлена стѣннымъ письмомъ съ позолотою; иконостасъ и образа поновлены и къ церкви придѣланы три каменныя крыльца. Алексѣевская церковь также поновлена лѣпными клеймами съ позолотою и серебреніемъ; въ ней устроено и мѣсто архіерейское и хоры рѣзные вызолочены. На церквахъ 10 главъ и 10 крестовъ вызолочены, крыши покрыты бѣлымъ желѣзомъ; сдѣлано парадное готическое крыльцо на каменныхъ столбахъ съ папертью.

Колокольня каменная построена вновь. Братскія кельи—иныя вновь сдѣланы, другія передѣланы; противъ полатъ устроенъ садъ съ колодцемъ. Близь монастыря вновь построенъ конюшенный дворъ. Построенъ Архіерейскій домъ на 44 саженяхъ о двухъ этажахъ съ великимъ въ немъ уборомъ и съ церковью Петра и Павла.

Ивановская площадь.

Такъ называемая Ивановская площадь, получившая свое имя отъ колокольни Ивана Великаго, въ XVI и XVII ст. занимала ровно половину той мѣстности, которая при вел. князѣ Иванѣ Калитѣ подъ именемъ *площади* простиралась отъ самыхъ Великокняжескихъ хоромъ до первоначальныхъ стѣнъ города, существовавшихъ на мѣстѣ Малаго (Николаевскаго) дворца. Въ то время на этой обширной площади съ сѣверной ея стороны святой Петръ митрополитъ заложилъ Успенскій соборъ, а при Иванѣ Третьемъ на той же площади была построена Грановитая полата. По самой серединѣ этого пространства Иванъ Калита поставилъ

колокольню съ церковью Іоанна Лѣствичника, что подъ Колоколы, которая въ 1505—1508 гг. была выстроена снова на старомъ мѣстѣ и, несомнѣнно, противъ прежняго въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Этотъ храмъ стали прозывать Иваномъ Святымъ, а когда была выстроена еще болѣе высокая колокольня, при Годуновѣ въ 1600 г., Иванъ Святой сталъ именоваться Иваномъ Великимъ [1]). Это серединное зданіе на древней площади, увеличенное постройкою возлѣ него въ 1543 г. еще новой обширной колокольни, съ храмомъ Воскресенія, отдѣлило какъ бы стѣною соборную половину площади отъ ея другой половины, простиравшейся къ Спасской улицѣ и обстроенной вокругъ княжескими и боярскими дворами, а впослѣдствіи съ южной стороны и Приказами. Эта другая площадь, какъ упомянуто выше, начиналась отъ храма Николы Гостунскаго, противъ угла Малаго дворца, и простиралась до колоколенъ Ивана Великаго, которыя величаво господствовали надъ всею площадью и потому присвоили ей названіе *Ивановской* площади.

Впереди колоколенъ на площади на всей красотѣ стоялъ небольшой храмъ Черниговскихъ чудотворцевъ, князя Михаила и его боярина Ѳеодора, построенный при Иванѣ Грозномъ, какъ описано выше (стр. 245).

Съ правой стороны, идя отъ Спасской улицы, выступала на площадь другая церковь, меньшаго размѣра, съ первобытною колокольницею на одномъ столбѣ. Это былъ храмъ муч. Христофора, примѣчательнаго тѣмъ, что онъ изображался съ песьею головою. Церковь по мѣстности именовалась чтò у Чудова монастыря и чтò у Холопья приказа. До 1651 г. она была деревянная, а въ этомъ году построена каменная.

Во время крестныхъ ходовъ и въ особенности въ Вербное воскресенье, когда совершалось шествіе на осляти, а также во время пріема знатныхъ иноземныхъ пословъ Ивановская площадь по всей ширинѣ покрывалась несмѣтнымъ множествомъ народа и стоявшими по пути стрѣлецкими полками.

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ мы привели свидѣтельства, что именемъ *Великій* въ старое время прозывались вообще особенно высокіе храмы и притомъ деревянные („Черты самобытности въ Русскомъ зодчествѣ“, отдѣльное изданіе Кнебеля. М., 1900 г.).

Водилъ осля собственноручно и царь Петръ Алексѣевичъ, когда ему было только 13 лѣтъ. Это было 12 апрѣля 1685 года. Послѣ совершенія на Лобномъ мѣстѣ дѣйства цвѣтоносія и раздачи всѣмъ вербы патріархъ Іоакимъ «всѣлъ на осля и пошелъ къ собору въ Кремль, а Великіе государи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, въ порфирахъ и діадимахъ и въ Мономаховыхъ шапкахъ, изволили въ то время у осляти узду принять по конецъ повода и вести въ городъ къ соборной церкви. Посреди повода держалъ и осля за ними велъ бояринъ Петръ Ивановичъ Прозоровскій».

Большимъ любителемъ торжественныхъ выходовъ и шествій былъ молодой царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, такъ что и приведенное шествіе царей, державшихъ на поводу осля, совершилось не столько по желанію самихъ царей, сколько по заведенному порядку при царѣ Ѳедорѣ.

Относительно Ивановской площади опишемъ крестный ходъ на воду 6 генваря 1680 г. Передъ Великимъ государемъ отъ Успенскаго собора шли окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, въ *золотахъ* (въ золотыхъ одеждахъ), напередъ съ нижнихъ чиновъ, по три человѣка въ рядъ. «А за вел. государемъ шли царевичи (служебные), бояре, думные дворяне; за ними шли гости (купцы) въ золотахъ, а за тѣми золотчиками шли стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, которые были не въ золотахъ. А около его государева пути, по обѣ стороны, шли полковники и головы стрѣлецкіе, въ бархатныхъ и въ объяринныхъ ферезеяхъ и въ турскихъ цвѣтныхъ кафтанахъ. А около тѣхъ всѣхъ чиновъ шли Стремяннаго Приказу стрѣльцы, въ одинъ человѣкъ, въ цвѣтныхъ нарядныхъ кафтанахъ, съ золочеными пищалями... А на площади межъ соборныхъ церквей Успенія и Благовѣщенія и Архангела Михаила и по обѣ стороны пути до Мстиславскаго двора и на площади, что межъ церкви кн. Михаила Черниговскаго и Чудова монастыря (т.-е. на самой Ивановской площади), стояли, устроясь, разныхъ Приказовъ стрѣльцы и стольники, съ знаменами и съ барабанами и со всѣмъ ратнымъ строемъ, въ цвѣтномъ платьѣ.

«Да на площадяхъ же, что отъ Посольскаго приказу къ Мстиславскому двору, гдѣ были прежъ сего Приказы, и противъ Посольскаго приказу у Ивановской колокольни (Альбомъ видовъ

№ XVII) и по сторонѣ церкви Черниговскаго чудотворца, и отъ той церкви по площади къ Чудову монастырю, и передъ Мстиславскимъ дворомъ, отъ дороги, которою ходятъ на Москву-рѣку, къ церкви Николая чуд. Гостунскаго (т.-е. по всей Ивановской площади), поставлены были большіе галанскіе и полковые пищали; а около тѣхъ пищалей поставлены были рѣшотки рѣзные и точеные, и писаны розными красками, а у пищалей стояли пушкарскіе головы съ Пушкарскимъ чиномъ, съ знаменами, въ цвѣтномъ платьѣ...»

Мы упоминали выше, стр. 238, что крестные ходы на Москву-рѣку совершались до постройки новыхъ Приказовъ по улицѣ мимо Мстиславскаго двора, а потомъ, когда были выстроены Приказы, въ ихъ ворота, выходившія на продолженіе той же улицы внизъ подъ гору.

По освященіи воды во іордани крестный ходъ и государь возвратились тѣмъ же путемъ въ Успенскій соборъ, къ литургіи. Тотъ же порядокъ шествія совершался и въ послѣдующіе годы, когда нерѣдко присутствовалъ только одинъ изъ двухъ царей, царь Иванъ Алексѣевичъ.

Но въ 1690 г. на этомъ іорданномъ освященіи воды присутствовалъ и царь Петръ, вѣроятно, съ желаніемъ показать торжество иноземцамъ, которые тогда для смотрѣнія были поставлены на Кремлевской стѣнѣ слѣва отъ Тайницкой башни—Датскаго короля комиссаръ Андрей Бутенантъ фонъ-Розенбушъ, съ королевскими дворянами и иныхъ окрестныхъ государствъ иноземцы да Донскіе казаки, атаманъ Фролъ Минаевъ съ товарищи. Точно такъ же торжество было совершено въ присутствіи царя Петра и въ 1692 г., когда для смотрѣнія иноземцамъ было отведено то же мѣсто; смотрѣли Польскаго короля резидентъ съ королевскими дворянами и другіе иноземцы да Донскіе казаки. То же происходило въ присутствіи Петра и въ 1694 г.; смотрѣли только Донскіе казаки.

Въ послѣдній разъ въ XVII ст. Ивановская площадь видѣла торжественное шествіе крестовъ и государя на іордань въ 1696 г., когда описаннымъ порядкомъ справилъ это празднество одинъ царь Иванъ Алексѣевичъ. Вскорѣ, 29 генваря, онъ и скончался и съ нимъ окончились и царскіе торжественные выходы на эти церковныя празднества, утратившія по этому случаю тотъ цар-

ственный блескъ обстановки, который всегда сопровождалъ государево шествіе.

Во второй половинѣ XVII ст. Ивановская площадь была самымъ бойкимъ мѣстомъ въ Кремлѣ, главнымъ образомъ, потому, что на ней сосредоточивалась, благодаря новопостроеннымъ Приказамъ, судейская, дьяческая и подьяческая приказная служба, для всего государства, привлекавшая къ дѣламъ множество всякаго народа.

Мы упоминали, стр. 243, что отъ Приказовъ выдвигались на площадь семь длинныхъ каменныхъ лѣстницъ къ верхнимъ ярусамъ Приказовъ. У этихъ лѣстницъ и толпились челобитчики въ ожиданіи прихода дьяковъ и подьячихъ или и самого судьи.

Нельзя сказать, чтобы тогдашняя служба была столько же легка и гуманна, какъ служба нашего времени. Государевы указы установляли неоднократно, чтобы судьи и дьяки въ Приказы пріѣзжали *поранѣе*, а выходили изъ Приказовъ *попозже*.

Это «поранѣе» и «попозже» выразилось опредѣленіемъ, чтобы и судьи и приказные люди, дьяки и подьячіе, сидѣли въ Приказахъ во дни и въ нощи 12 часовъ въ сутки, именно по 6 часовъ съ утра и до обѣда и по 6 часовъ съ вечера, послѣ обѣда; пріѣзжать утромъ, въ декабрѣ, въ зимнее время за часъ до дня, т.-е. до разсвѣта, по нашему времени въ $7^1/_2$ утра; выѣзжать въ 6-мъ часу дня, т.-е. во второмъ часу или часа въ два по нашему счету. Вечеромъ пріѣзжать въ первомъ часу ночи, выѣзжать въ 7-мъ часу, т.-е. отъ 4 часовъ пополудни сидѣть до 10 часовъ вечера. Стало быть, на обѣдъ полагалось всего часа два—три.

По указу 1680 г., окт. 26, сидѣнье въ Приказахъ было ограничено шестымъ часомъ съ утра и съ вечера, т.-е. только по 10 часовъ въ сутки.

По указу 1648 г. было разрѣшено не сидѣть въ Приказахъ по субботамъ послѣ обѣда и по воскресеньямъ до обѣда. Затѣмъ по Уложенію Приказы закрывались съ навечерія Рождества 24 дек. и по 8 генваря, а также въ Пасхальное празднованіе и въ воскресные и Господскихъ праздниковъ дни, въ Сырную недѣлю

(Масленицу), первую недѣлю Великаго поста, Страстную и въ Царскіе дни.

Подьячіе такъ же, какъ и другіе разряды служебныхъ и тяглыхъ лицъ, распредѣлялись на три статьи—старшіе, средніе и младшіе; первые получали годового жалованья—10 руб., вторые—7 руб., третьи—5 руб., кромѣ кормовыхъ и хлѣбныхъ припасовъ.

Службѣ подьячаго сопутствовала неимовѣрная строгость въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ касалось даже и въ письмѣ государева имени. Въ 1658 г., авг. 14, подьячему Ларкѣ Александрову за прописку его государева именованья было повелѣно учинить у Разряднаго приказа наказанье, бить кнутомъ.

Припомнимъ, что въ 1660 г. знаменитый Котошихинъ битъ батогами за то, что въ одной важной посольской бумагѣ вмѣсто словъ: *великаго государя*—написалъ ошибкою только *великаго*, а *государя* пропустилъ.

Надо упомянуть, что и другія наказанья по розыскнымъ судебнымъ дѣламъ происходили также передъ тѣми Приказами, въ которыхъ вершились эти дѣла. Ивановская площадь такимъ образомъ время отъ времени оглашалась стонами и криками и воплями наказуемыхъ.

Такъ, по свидѣтельству Желябужскаго, передъ Помѣстнымъ приказомъ, находившимся на краю зданія Приказовъ, къ Спасскимъ воротамъ, въ 1688 г. чинено наказанье Дмитрію Камынину, битъ кнутомъ за то, что выскребъ въ томъ Приказѣ въ тяжбѣ съ патріархомъ о межѣ.

Въ ноябрѣ 1698 г. тамъ же чинено наказанье князю Ѳедору Хотетовскому, битъ кнутомъ за то, что онъ продалъ одну вотчину двумъ покупателямъ.

Въ 1699 г., дек. 7, по указу вел. государя, на площади передъ тѣмъ же Помѣстнымъ приказомъ была поставлена *висѣльница* и 8 числа на ту висѣльницу воженъ по лѣстницѣ Мих. Волчковъ за неправое челобитье на думнаго дьяка на Андрея Виніюса; снятый съ висѣльницы онъ былъ битъ кнутомъ на козлѣ нещадно.

1701 г., генв. 30, на площади передъ тѣмъ же Приказомъ повѣшенъ Леонтій Кокошкинъ за то, что былъ онъ у пріему подводъ во Твери и взялъ 5 рублевъ денегъ.

То же происходило и передъ другими Приказами. Въ 1684 г.

передъ Стрѣлецкимъ Петръ Кикинъ битъ кнутомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ. Въ 1685 г. пытанъ въ томъ Приказѣ и затѣмъ битъ кнутомъ Ѳедосей Хвощинской за то, что своровалъ, на порожнемъ столбцѣ составилъ-было запись и т. д.

Въ 1691 г. человѣкъ боярина кн. Андрея Ив. Голицына донесъ на него, что онъ, бояринъ, и теща его боярыня Акулина Аѳанасьевна говорили про царское величество неистовыя слова. За ту вину бояринъ лишился боярства и сосланъ въ деревню, а его теща была привезена передъ Стрѣлецкій приказъ, поставлена на нижнемъ рундукѣ и сказано ей за неистовыя слова вмѣсто смертной казни ссылка на вѣчное житье въ монастырь на Бѣло-озеро.

Въ 1685 г. передъ Московскимъ Суднымъ приказомъ князю Петру Крапоткину чинено наказаніе, битъ кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою.

Хотя въ томъ же году вышелъ указъ, чтобы въ Кремлѣ передъ Моск. Суднымъ приказомъ не чинить торговую казнь, а чинить такую казнь, бить кнутомъ, за Спасскими вороты на площади, противъ рядовъ, однако казни на томъ же мѣстѣ продолжались; въ 1694 г. тамъ битъ кнутомъ дворянинъ Семенъ Кулешовъ за разныя лживыя сказки, а Земскаго приказу дьякъ Петръ Вязьмитинъ передъ Суднымъ приказомъ подыманъ на козелъ и вмѣсто кнута битъ батогами нещадно—своровалъ въ дѣлѣ.

Само собою разумѣется, что въ каждомъ Приказѣ въ подлежащихъ дѣлахъ происходили обычныя въ то время варварскія пытки виновныхъ въ особыхъ, устроенныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ.

Кромѣ приказовъ, на Ивановской же площади у самой колокольни Ивана Великаго была построена особая полатка, въ которой, по уложенію царя Алексѣя Мих., особо опредѣленные подьячіе, называемые *площадные*, совершали всякаго рода крѣпостные акты, которые указано было писать только здѣсь на Ивановской площади и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Это была Полата Крѣпостныхъ Дѣлъ, какъ она потомъ и была наименована. Она прозывалась также и «Полаткою Ивановской площади» въ качествѣ учрежденія съ исключительнымъ правомъ совершать крѣпостные акты, которые такъ и обозначались, что *писаны на Ивановской площади*, почему и самая полатка скрывалась въ этомъ общеупотребительномъ имени.

При Петрѣ, указомъ 9 дек. 1699 г., было воспрещено писать эти акты на Ивановской площади и указано писать по Приказамъ, но черезъ годъ, 30 генв. 1701 года, попрежнему велѣно писать на площади въ той же Ивановской полаткѣ, при чемъ и штатъ подьячихъ былъ увеличенъ до 24 человѣкъ, особливо на то прибранныхъ. Такъ продолжалось до учрежденія коллегій въ 1719 г.

Площадные подьячіе, сидя у крѣпостныхъ дѣлъ, конечно, пользовались отъ этихъ дѣлъ не малыми прибытками подъ видомъ незаконныхъ обычныхъ пошлинъ при совершеніи каждаго акта, поэтому и большое наказаніе для нихъ было, когда ихъ «отставляли отъ площади». За большую вину ихъ тутъ же на площади и наказывали.

Въ 1694 г. нѣкто Григорій Языковъ своровалъ съ площаднымъ подьячимъ Яковомъ Алексѣевымъ — въ записи написали задними числами за 15 лѣтъ, за что подьячему, вмѣсто кнута, учинено наказанье: битъ батоги на Ивановской площади и отъ Площади отставленъ.

Какъ упомянуто, Ивановская площадь всегда бывала многолюдна, а потому на ней, какъ и на Красной площади Китай-города, возглашались иногда *кличи*, своего рода публикаціи, по поводу какихъ-либо надобныхъ дѣлъ, касавшихся общенароднаго множества [1]).

Такъ, въ 1699 г., во время свирѣпыхъ розысковъ и казни бунтовавшихъ стрѣльцовъ, февраля 4, Преображенскіе солдаты *кликали кличъ* на Ивановской площади передъ Николою Гостунскимъ, чтобъ стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы и всякихъ чиновъ люди ѣхали бы въ Преображенское, кто хочетъ смотрѣть розныхъ казней, какъ станутъ казнить стрѣльцовъ и казаковъ Яицкихъ, а ѣхали бъ безъ опасенія.

И того числа въ Преображенскомъ казнены стрѣльцы, а иные четвертованы, всего ихъ казнено 192 человѣка.

Наканунѣ, 3 февр., эти казни происходили и на Красной площади, въ Китаѣ, и на болотѣ за Москвою-рѣкою. На Красной

---

[1]) Въ Москвѣ въ простомъ народѣ ходило присловье о крикѣ — кричать *во всю Ивановскую*, которое можетъ относиться если не къ упомянутымъ кличамъ, то можетъ быть и къ колокольному звону—во́-вся.

площади у казни былъ самъ вел. государь да бояринъ кн. Мих. Никит. Львовъ, также и иные прочіе, замѣчаетъ Желябужскій.

Въ это безпощадное для распущеннаго древне-Московскаго житія Петровское время особеннымъ значеніемъ и шумомъ отличался Разрядный приказъ, какъ извѣстно, завѣдывавшій военною т.-е. Дворянскою, службою.

Въ 1694 г. передъ потѣшнымъ Кожуховскимъ походомъ потребовалось собрать какъ возможно побольше ратныхъ. Съ этою цѣлью были собраны подьячіе всѣхъ Приказовъ для ученья ратному дѣлу; учили ихъ конныхъ съ пистолетами, пѣшихъ съ мушкетами, и въ то же время ловили на площади всѣхъ помѣщиковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ и водили ихъ въ Рязрядъ къ подпискѣ прикладывать руки, что быть имъ съ пистолетами въ Преображенскъ для ратнаго ученья. Тогда же, въ первыхъ числахъ сентября, разосланы были грамоты во всѣ окрестные ближайшіе отъ Москвы города, въ 22 города, съ строжайшимъ приказомъ, чтобы всѣ помѣщики до единаго изъ своихъ деревень тотчасъ ѣхали въ Москву къ 18 числу сентября на добрыхъ лошадяхъ съ пистолями для ратнаго ученья и пріѣздъ свой записывали бы въ Разрядѣ.

Можно полагать, что черезъ недѣлю вся Ивановская площадь передъ Разряднымъ приказомъ покрылась съѣхавшимися дворянами-помѣщиками. Походъ окончился 18 октября и помѣщики съ похвалою за службу были распущены по домамъ.

Въ 1695 г., апрѣля 30, закричалъ (на площади) мужикъ караулъ и сказалъ за собою государево слово, и приведенъ въ Стрѣлецкій приказъ и распрашиванъ, а въ распросѣ сказалъ, что онъ, сдѣлавъ крылья, станетъ летать какъ журавль. По царскому указу предложеніе было принято.

Сдѣлалъ онъ себѣ крылья изъ слюды, истративъ на это 18 р. Начальникъ Стрѣлецкаго приказа бояринъ кн. Троекуровъ съ товарищами и съ другими любопытными лицами вышелъ изъ Приказа и сталъ смотрѣть, какъ полетитъ мужикъ. Устроивъ крылья, мужикъ по обычаю перекрестился и сталъ мѣхи надувать, хотѣлъ летѣть, да не поднялся, сказалъ что крылья сдѣлалъ тяжелы. Бояринъ на него разкручинился. Мужикъ билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать крылья иршеные (родъ замши), на которые издержано еще 5 руб. И на тѣхъ не полетѣлъ. За то ему было на-

казанье — бить батогами, снемъ рубашку, — а деньги велѣно на немъ доправить, продать все его имущество.

Въ то же время, 1699 г. февр. 9, на Ивановской площади передъ Разряднымъ приказомъ были собраны всѣ гости и посадскіе люди изъ всѣхъ слободъ и сказанъ имъ указъ, чтобъ они выбрали промежъ себя во всѣхъ слободахъ бурмистровъ и управлялись бы сами собою по выбору, а до иныхъ Приказовъ имъ, посадскимъ людямъ, дѣла нѣтъ.

Каждый день отъ ранняго утра въ Кремль съѣзжались бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники, стряпчіе, Московскіе дворяне, жильцы, вообще служилые люди, каждый по своимъ дѣламъ и по своимъ надобностямъ. Пріѣзжали они, какъ было повелѣно и какъ водилось, верхомъ на лошадяхъ въ сопровожденіи своихъ слугъ, которымъ отдавали коней подъ охрану до времени возвращенія домой.—Такимъ образомъ, разныя площади Кремля во множествѣ наполнялись особаго рода конницею, которая вела себя очень своевольно и неистово нахально. Собравшіеся дворовые люди заводили между собою драки и брани, кричали, свистали, на лошадяхъ скакали, заводили кулачные бои, прохожимъ людямъ дорогою пройти не давали, толкали, подъ ноги подшибали, подсвистывали и дѣлали всякія задирки, издѣвки и наглости; особенно доставалось иноземцамъ—ихъ дразнили и всячески поносили.

И все это творилось не только въ отдаленныхъ мѣстахъ Кремля, но и возлѣ соборовъ, у Архангельскаго и Успенскаго, гдѣ устроены были особые рундуки (помосты) для царскаго шествія изъ собора въ соборъ. У этихъ-то рундуковъ на лошадяхъ и пѣшіе на самыхъ рундукахъ и около Архангельской паперти, даже и на самой паперти за перилами и собирались толпы, не очень боявшіяся и Стрѣлецкаго караула, который, унимая ихъ отъ крика и шума и водворяя порядокъ, получалъ въ отвѣтъ брань и угрозу побоища.

Такія безчинства происходили у самаго царскаго дворца, почему указомъ 26 апрѣля 1670 г. было воспрещено пріѣзжать въ Кремль со стороны Боровицкихъ воротъ къ лѣстницѣ у Срѣтенскаго собора, т.-е. у зданій дворца, гдѣ и становились дворовые люди съ лошадьми.

Потомъ указомъ 26 февраля 1684 г., было воспрещено ставиться съ лошадьми и въ другихъ мѣстахъ возлѣ дворца поблизку, именно съ той же Боровицкой стороны у Красныхъ воротъ, какъ обозначалась извѣстная впослѣдствіи Гербовая башня, и у Дворцоваго крыльца, а также и со стороны Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ у дворцовыхъ Курятныхъ воротъ.

Тогда были указаны для такихъ стояній съ лошадьми слѣдующія мѣста: 1) между рундука, который протягивался отъ Успенскаго собора къ Архангельскому, и Ивановской колокольни и около той колокольни; 2) на площади у Троицкихъ воротъ возлѣ Суднаго Дворцоваго приказа и каменныхъ Житницъ и отъ дворцовыхъ Курятныхъ воротъ; 3) съ Боровицкой стороны возлѣ полатъ Конюшеннаго приказа.

Повелѣно было стоять и ѣздить тихо и смирно и никакихъ безчинствъ не дѣлать.

При этомъ указъ повелѣвалъ: Когда прилучится государямъ куда выходъ или походъ, въ то время конница должна съ указанныхъ мѣстъ, гдѣ съ лошадьми стоять велѣно, удаляться отъ соборовъ за Ивановскую колокольню на (Ивановскую) площадь, чтó къ Чудову монастырю и къ собору Николы Гостунскаго и въ иныя мѣста одаль отъ государскаго пути, которымъ цари итить изволятъ. При этомъ повелѣно всѣмъ съ лошадей слазить и шапки съ себя снимать, близко государскаго пути на лошадяхъ и въ шапкахъ отнюдь не стоять.

Ослушниковъ указа, если станутъ ставиться не въ указныхъ мѣстахъ и межъ собою учнутъ драться, браниться, кричать, кулачные бои заводить, свистать и стороннихъ людей задирать, или чѣмъ ихъ дразнить и всячески поносить, всѣхъ такихъ ослушниковъ повелѣно забирать въ Стрѣлецкій приказъ и чинить имъ жестокое наказанье и торговую казнь.

Правомъ въѣзжать въ Кремль, но неотмѣнно верхомъ на лошадяхъ, пользовалось только сословіе служилое, собственно военное, какъ потомокъ прежней Великокняжеской дружины, теперь превратившейся въ государевъ Дворъ, въ дворянскій чинъ. Въ колымагахъ, въ каретахъ или зимою въ саняхъ въѣзжали въ Кремль только старики, которые не могли сидѣть на лошади. Другимъ чинамъ совсѣмъ не дозволялся и верховой въѣздъ.

По указу 9 января 1654 г. изъ подьячихъ дозволено въѣзжать

только старымъ заслуженнымъ первыхъ статей и только по три человѣка изъ каждаго Приказа, но и тѣ должны были лѣтомъ слѣзать съ лошадей, зимою выходить изъ саней: въѣзжавшіе въ Спасскія ворота—у Крутицкаго подворья; въ Никольскія—у Духовниковой полаты, близь Чудова монастыря, а въ Троицкія и Боровицкія—останавливались у самыхъ воротъ и отъ тѣхъ мѣстъ ходили пѣшкомъ.

Само собою разумѣется, что воспрещалось и извозчикамъ стоять въ Кремлѣ для извозу и проѣзжать черезъ Кремль даже и съ сѣдоками, о чемъ состоялись подтвердительные указы отъ 19 янв. 1694 г. и 19 августа 1696 г., которыми воспрещалось проѣзжать черезъ Кремль съ тяжелыми возами, съ кирпичомъ, бревнами, дровами и пр., какъ и съ пустыми телѣгами.

Стрѣлецкій караулъ около дворца и по воротамъ Кремля не всегда бывалъ одинаковъ по числу караульныхъ. Число ихъ увеличивалось во время ночныхъ царскихъ богомольныхъ выходовъ. Въ 1665 г., когда въ 6-мъ (въ 12-мъ) часу ночи 22 марта царь Алексѣй Мих. ходилъ по монастырямъ и тюрьмамъ, около дворца стояли на Красномъ крыльцѣ 105 чел., у Красныхъ воротъ со стороны Боровицкихъ 105 чел., по дворцу въ разныхъ мѣстахъ: у Постельнаго крыльца, у Срѣтенскихъ воротъ, у Курятныхъ воротъ и пр. 83 чел., въ Кремлѣ по воротамъ 72 чел.

Въ другой выходъ, апрѣля 5, по Кремлю у воротъ стояли: у Троицкихъ 9, у Отводной башни (Кутафьи) 4, у Предтеченскихъ (Боровицкихъ) 10, у Боровицкаго мосту 5, у Тайницкихъ 8, тамъ же въ Застѣнкѣ у ружья 2.

Кромѣ того, ворота постоянно охранялись особо приставленными служителями такъ и называемыми *воротниками*.

Никольская улица.

Обозрѣвши мѣстности съ правой стороны древней Спасской улицы и по той же сторонѣ древней площади, мы у Чудова монастыря встрѣчаемъ другую улицу Кремля — Никольскую, или Николаевскую, какъ она именовалась въ древнее время.

Обозрѣніе этой улицы, какъ и всей мѣстности Кремля, гдѣ

теперь находятся по сторонамъ площади зданія Судебныхъ мѣстъ, Арсенала и казармъ, мы начнемъ также отъ воротъ.

При входѣ въ Кремль въ Никольскія или Николаевскія ворота вначалѣ открывалась небольшая площадка, порозжее или полое мѣсто, около 12 саж. въ квадратѣ. Отъ этой площадки вправо и влѣво, посреди дворовъ, пролегали мостовыя улицы, лѣвая по направленію зданія Судебныхъ мѣстъ, правая по направленію зданія Арсенала. Лѣвая прозывалась Никольскою улицею, правая не оставила своего древняго названія, но такъ какъ она проходила мимо городскихъ Житницъ, то мы будемъ называть ее *Житницкою* улицею.

Нашъ обзоръ дворовыхъ мѣстъ мы поведемъ сначала по лѣвой улицѣ.

Съ поворотомъ отъ воротъ нѣсколько влѣво, по прямому направленію на площадь къ колокольнѣ Ивана Великаго, по линіи, какъ упомянуто, теперешняго зданія Судебныхъ мѣстъ и жилого корпуса Чудова монастыря пролегала *Большая Никольская* улица, какъ ее именовали и въ началѣ XVIII ст. Прямолинейно впервые она была проведена еще при вел. князѣ Иванѣ Вас. III (до 1504 г.).

Если ея направленіе отъ воротъ къ площади было сколько-нибудь прямо, зато ея ширина между домами и другими постройками колебалась отъ трехъ и до восьми саженъ. Начиная отъ воротъ, ширина улицы до 1626 г. была въ $3^1/_4$ саж., далѣе слѣдовала ширина въ $5^1/_2$ саж.; затѣмъ слѣдовала ширина въ $4^1/_2$ саж., потомъ въ 8 саж. у перекрестка и, наконецъ, между Чудовымъ монастыремъ и дворомъ царя Бориса въ $3^1/_8$ саж. Вся длина улицы до этого мѣста простиралась на 128 саж. Ширина послѣ упомянутаго года въ тѣсныхъ мѣстахъ была увеличена между деревянными постройками до $5^1/_2$ саж., а между каменными осталась попрежнему съ небольшимъ въ 3 сажени (Перепись 1626 г.).

Въ нашемъ обозрѣніи дворовыхъ мѣстъ мы сначала пройдемъ по лѣвой сторонѣ этой улицы.

Въ концѣ XVI ст. вблизи Никольскихъ воротъ отъ входа въ нихъ съ лѣвой стороны, гдѣ теперь разведенъ небольшой садикъ, и на угловомъ мѣстѣ зданія Судебныхъ мѣстъ находился дворъ Андрея Петровича *Клешнина*, который былъ дядькою-воспитателемъ царя Ѳедора Ивановича и очень приближеннымъ человѣкомъ

у Бориса Годунова, а потому и участникомъ въ дѣлѣ убіенія царевича Димитрія, какъ говорила всенародная молва. Въ 1585 г. онъ именовался *Ближней Думы* дворяниномъ. Онъ померъ въ 1599 г. въ Боровскомъ Пафнутьевѣ монастырѣ схимникомъ съ иноческимъ именемъ Левкія, въ мірѣ прозывался Луппомъ. Какое пространство въ точности занималъ дворъ Клешнина,—неизвѣстно.

Далѣе за нимъ по улицѣ находился дворъ князей Трубецкихъ, принадлежавшій въ началѣ XVII ст. князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Этотъ обширный дворъ простирался почти до владѣній Чудова и Вознесенскаго монастырей. Повидимому, онъ составлялъ родовое владѣніе князей Трубецкихъ и потому, какъ увидимъ, переходилъ по наслѣдству въ ихъ родъ.

Князь Алексѣй Никитичъ происходилъ отъ боярина князя Никиты Романовича Трубецкаго († 1608 г.), у котораго было трое сыновей, старшій Юрій, средній Ѳедоръ († 1608) и младшій *Алексѣй*. Отъ родного брата кн. Никиты, Тимоѳея, происходилъ извѣстный герой Смутнаго времени, Дмитрій Тимоѳеевичъ, не оставившій потомства († 1625 г.).

Старшій сынъ кн. Никиты, Юрій, женившись на дочери тоже преизвѣстнаго героя Смутнаго времени, Михаила Глѣбов. Салтыкова, вмѣстѣ съ тестемъ измѣнилъ Русскому дѣлу, въ 1611 г. уѣхалъ въ Польшу и тамъ совсѣмъ окатоличился и померъ. Его внукъ Юрій Петровичъ († 1679 г.) возвратился въ Москву, принялъ православіе, получилъ боярскій чинъ и женился на сестрѣ знаменитаго кн. Вас. Вас. Голицына. Отъ него и произошли всѣ князья Трубецкіе, нынѣ существующіе. Ближайшіе его потомки, какъ увидимъ, занимали очень высокія мѣста.

Младшій сынъ кн. Никиты, Алексѣй Никитичъ, не кривилъ душою и остался на службѣ у царей въ Москвѣ.

Кн. Алексѣй Никит. Трубецкой былъ близкимъ человѣкомъ царю Михаилу Ѳедоровичу, а потому и въ молодости занималъ между сверстниками дворянами-стольниками передовое мѣсто. Во время царскаго столованья съ 1618 г. онъ всегда «смотрѣлъ въ большой столъ», т.-е. распоряжался угощеніемъ обѣдавшихъ въ должномъ порядкѣ въ главномъ столѣ. Съ 1622 г. въ числѣ *дворянъ* онъ первымъ съ товарищами присутствовалъ и за царскими праздничными и другими столами, когда по назначенію государя были призываемы къ столу и молодые дворяне. На

свадьбѣ государя 19 сент. 1624 г. былъ въ поѣзжанахъ за государемъ, вторымъ въ числѣ приближенныхъ лицъ.

Въ 1628 г. онъ былъ отправленъ на воеводство въ Тобольскъ, что могло состояться и въ честь ему, а также и по интригамъ тогдашнихъ временщиковъ, съ цѣлью удалить отъ царя лишняго близкаго къ нему человѣка, особливо достойнаго по своимъ дарованіямъ. Однако въ 1631 г. онъ возвратился изъ далекой стороны въ Москву, но въ слѣдующемъ 1632 г. снова удаленъ на воеводство въ Астрахань, гдѣ оставался до 1635 г. Въ его отсутствіе въ 1633 г. погорѣла въ Кремлѣ вся сторона, гдѣ находился его дворъ. Отъ его двора и пожаръ начался.

Заслуги, оказанныя на этихъ дальнихъ воеводствахъ, по всему вѣроятію выдвинули его впередъ передъ другими, какъ добраго полководца, а потому, когда въ 1640 г. въ Москву пришли вѣсти, что идетъ къ столицѣ Крымская гроза, Алексѣй Никитичъ былъ отправленъ въ Тулу главнымъ воеводою надъ всѣми собиравшимися тамъ полками. Съ половины марта до половины сентября, до тѣхъ поръ, пока Крымцы не ушли во-свояси, онъ оберегалъ Москву отъ обычнаго Татарскаго нашествія. Въ 1642 г., опять по такимъ же вѣстямъ, онъ снова былъ отправленъ главнокомандующимъ на Тулу же и въ сентябрѣ 15, по минованіи опасности, возвратился въ Москву. Въ эти и послѣдующіе годы со стороны Крыма постоянно грозила опасность Татарскаго нашествія, почему въ Тульскихъ мѣстахъ по разнымъ городамъ безотходно стояли наши полки.

Въ 1645 г., при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Мих., князь Трубецкой былъ посланъ въ эти полки приводить ко кресту на государское имя воеводъ и всю рать.

Такія важныя государственныя порученія онъ исполнялъ, бывши только въ простомъ званіи *дворянина*, т.-е. не имѣя особаго служебнаго чина.

7 сентября 1645 года, за три недѣли до своего коронованія (28 сент.), молодой царь явилъ свое пожалованіе изъ всѣхъ первому Алексѣю Никитичу, возведя его прямо въ санъ боярина, какъ человѣка родовитаго, иначе ему было бы дано только окольничество. Передъ коронованіемъ царь пошелъ къ Троицѣ (10 сент.) и тамъ 13 сент. на обѣдѣ за монастырскою трапезою угощалъ новаго боярина, посадивши его на первое мѣсто.

Зимою того же года пришли подъ Курскъ Крымскіе царевичи; тотчасъ Алексѣй Никитичъ былъ посланъ попрежнему главнокомандующимъ на Тулу. Назначался сильный походъ противъ нихъ къ Бѣлгороду, но Татары вскорѣ ушли домой и вся рать также была распущена по домамъ.

1 мая 1646 г. Алексѣю Никитичу было поручено завѣдываніе Сибирскимъ приказомъ, который и оставался въ его вѣдомствѣ до самой его кончины въ 1662 г.

Въ 1647 г., съ титуломъ *ближняго боярина* и намѣстника Казанскаго, Алексѣй Никитичъ велъ переговоры съ послами Литовскими и Шведскими во главѣ другихъ, назначенныхъ къ тому лицъ. Такіе же переговоры онъ велъ съ Литовскими послами въ 1649 г.; въ 1650 г. съ Кизылбашскимъ (Персидскимъ) посломъ и Англійскимъ посломъ. На свадьбѣ царя въ 1648 г. генв. 16 онъ состоялъ въ сидячихъ боярахъ первымъ съ государевой стороны [1]). Первымъ всегда присутствовалъ за столами и у царя, и у патріарха, и первымъ же назначался, по случаю выѣздовъ государя изъ Москвы, оберегать столицу и царскій домъ.

Такимъ же образомъ онъ первенствовалъ при торжественныхъ встрѣчахъ мощей патріарха Іова въ 1652 г. апр. 5 и св. митрополита Филиппа іюля 6 того же года, а потомъ встрѣчалъ пріѣзжавшихъ въ Москву Грузинскаго царевича Николая Давыд. въ 1654 г. и Грузинскаго царя Теймураза въ 1658 г.

Само собою разумѣется, что во время начавшейся войны съ Польшею въ 1654 и 1655 гг., проведенной царемъ Алексѣемъ Мих. съ большимъ успѣхомъ и съ большою славою, бояринъ Алексѣй Никитичъ въ собранныхъ полкахъ занялъ попрежнему первенствующее мѣсто и былъ отправленъ впередъ на Брянскъ и тамошніе города: Рославль, Мстиславль, Шкловъ, Дубровну и прочіе, которые затѣмъ были взяты или приступомъ или сдавались добровольно.

Никогда отпускъ полковъ на ратное дѣло не происходилъ съ такою торжественностью и съ такими церемоніями, какъ въ это время.

Въ воскресенье, 23 апрѣля 1654 г., патріархъ Никонъ съ

[1]) Въ этотъ годъ Алексѣй Никитичъ выдалъ замужъ свою дочь Парасковью Алекс., почему и посылалъ къ патріарху отъ новобрачной обычные свадебные дары—убрусецъ, ширинку и коровай.

высшимъ чиномъ духовенства служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, назначенную именно для отпуска на войну ратныхъ полковъ, съ ихъ воеводами. Государь стоялъ на своемъ царскомъ мѣстѣ у южныхъ дверей собора. Что рѣдко случалось, на литургіи присутствовала и сама царица. Она стояла на своемъ царицыномъ мѣстѣ, у столпа, близъ Сѣверныхъ дверей собора; по лѣвую сторону ея мѣста стояли «боярскія жены и прочія честныя жены». За государскимъ мѣстомъ стояли бояре, окольничіе и думные люди по чину. Справа у государева мѣста стояли бояры-воеводы: кн. А. Н. Трубецкой съ товарищами, который стоялъ мало поровнявся съ переднимъ столбомъ государева мѣста. За нимъ стояли его товарищи, а воеводскіе дьяки стояли позади государева мѣста. Остальное пространство собора, съ лѣвой стороны государева мѣста, наполняли передовые *полчане* (офицеры), стоявшіе въ 10 рядовъ до самой западной стѣны собора, именно стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, полковники, головы и сотники стрѣлецкіе. Стояли всѣ пространно и благочинно.

Обѣдня началась въ 4-мъ часу дня, по нашему счету въ 8-мъ часу утра. Послѣ обѣдни служили молебенъ о побѣдѣ на враги и зѣло благолѣпно и удивительно; запѣвы запѣвали протопопы и священники тихими гласы и умиленными, достойно слезамъ. Къ молебну государь сошелъ съ царскаго своего мѣста и сталъ у столпа среди церкви; справа отъ него рядомъ стояли бояре-воеводы.

Послѣ молебна всѣ шли прикладываться къ иконамъ, при чемъ читались молитвы на рать идущимъ съ упоминаніемъ именъ бояръ и воеводъ и прочихъ начальниковъ. Затѣмъ государь поднесъ патріарху воеводскій наказъ, который патріархъ положилъ въ кіотъ иконы Владимірской Богоматери на пелену и потомъ вручилъ боярамъ, т.-е. кн. Трубецкому съ товарищи. При этомъ государь держалъ рѣчь ко всему воинству, чтобы служили честно, не уповали бы на многолюдство и своеуміе, и на сребролюбіе, и не боялись бы страху человѣческаго. Послѣ службы патріархъ благословилъ государя просвирою, которую царь принялъ съ честію и, поцѣловавъ въ руку пресвѣтлѣйшаго патріарха, поклонился ему по обычаю. Потомъ патріархъ ходилъ къ царицыну мѣсту и благословилъ царицу просвирою. Царица послѣ литургіи стояла на своемъ мѣстѣ за *запоною*, такъ какъ въ это время въ

соборѣ происходило передвиженіе полчанъ, прикладывавшихся къ иконамъ и слушавшихъ рѣчь государя. Потомъ слѣдовалъ обрядъ цѣлованія царской руки, какъ символъ прощанія съ государемъ. Всѣ, другъ за другомъ, подходя къ государю, поклонялись ему до земли, цѣловали руку съ радостными слезами и, отошедши, паки поклонялись передъ государемъ до земли. Затѣмъ всѣ ходили къ благословенію у патріарха. Для соблюденія порядка стояли три окольничихъ, одинъ противъ государя, другой противъ патріарха, третій у патріархова рундука—помоста, чтобы проходили чинно и по чинамъ.

На прощаньи съ патріархомъ государь опять подходилъ къ его благословенію и, цѣлòвавъ въ пречестную его руку, поклонялся ему по обычаю.

Выходя изъ собора южными дверьми, государь остановился и жаловалъ бояръ и воеводъ и всѣхъ полчанъ, звалъ ихъ къ себѣ *хлѣба ѣсть*. Столъ боярскій для воеводъ и лучшихъ людей происходилъ въ передней полатѣ Теремнаго дворца; остальные ѣли въ Столовой избѣ. Въ Передней обрядъ столованья совершился такимъ образомъ: когда гости собрались, государъ велѣлъ имъ сѣсть. Посидѣвъ немного, всталъ и говорилъ рѣчь: «Судъ бо Божій есть и честь царева судъ любитъ». Потомъ жаловалъ всѣмъ по чарушницѣ вина изъ своихъ рукъ. Снова говорилъ рѣчь, жаловалъ по второй чарушницѣ и затѣмъ велѣлъ садиться. Всѣ поклонялись и потомъ садились. Во время столованья были читаны прибранныя къ настоящему случаю поучительныя главы изъ посланій св. апостола Павла, напримѣръ, къ Римлянамъ, глава 14 и т. п.; а послѣ того читали житіе страстотерпца св. Георгія, ибо въ этотъ день прилучилась его память. Промежду этихъ чтеній пѣвчіе пѣли «мудрые и *краснопоѣвистые* стихи».

Къ концу столованья государь жаловалъ гостямъ по третьей чарушницѣ вина, а потомъ указалъ снимать скатерть, послѣ чего всталъ съ своего мѣста, а за нимъ и всѣ встали, такъ какъ въ ту пору соборный ключарь сталъ совершать такъ называемую Панагію, обрядъ молитвеннаго освященія и вкушенія Богородицына хлѣба и Богородицыной чаши въ честь Богородицы. По совершеніи установленныхъ молитвъ ключарь поднесъ государю панагію съ Богородицынымъ хлѣбомъ. Взявъ своею царскою рукою часть хлѣба, государь, стоя, съ опасеніемъ потребилъ.

Потомъ ключарь поднесъ ему Богородицыну чашу, изъ которой испивъ *трижды*, государь возвратилъ сосудъ ключарю, мало поклонившись ему. Боярамъ и воеводамъ Богородицыну чашу государь самъ подавалъ. Всѣ подходили къ нему единъ за единымъ по чину и, принявъ и выпивъ чашу, цѣловали царскую руку по чину же, какъ и въ прочихъ столахъ бываетъ. Отпустя Панагію, государь сѣлъ за столъ на прежнемъ мѣстѣ, всѣ гости стояли, и государь угощалъ ихъ романеею и краснымъ и бѣлымъ медами.

На прощаньи государь снова позвалъ бояръ и воеводъ къ рукѣ. Всѣ шли другъ за другомъ по чину. Первымъ подошелъ главный воевода князь Трубецкой. Государь принялъ своими царскими руками къ своимъ персемъ главу его «для его чести и старѣйшинства, зане многими сѣдинами украшенъ и зѣло мужъ благоговѣинъ и изященъ, и мудръ въ божественномъ писаніи, и предивенъ въ воинской одеждѣ, и въ воинствѣ счастливъ, и недругамъ страшенъ». Видя такую отеческую премногую и прещедрую милость къ себѣ, воевода со слезами до тридцати разъ поклонился государю до земли.

Таковы были сердечные проводы начальныхъ людей ратнаго ополченія.

Послѣ того на третій день, 26 апрѣля, государь проводилъ и всю собранную рать, которая проходила черезъ Кремль отъ Никольскихъ воротъ въ Спасскія подъ переходы, соединявшіе Цареборисовскій дворъ съ Чудовымъ монастыремъ. На этихъ переходахъ государь и патріархъ Никонъ смотрѣли войсковое шествіе, при чемъ патріархъ бояръ и воеводъ и ратныхъ людей кропилъ св. водою [1]).

Въ 1659 г. князь Алексѣй Никитичъ велъ очень успѣшно военныя дѣла на югѣ, въ Черкасскихъ городахъ, противъ Крымскаго хана и измѣнника Запорожскаго Ив. Выговскаго.

Въ то время по Крымскимъ вѣстямъ и въ Москвѣ спѣшно дѣлали Земляной городъ и по городу острогъ, особаго рода деревянную ограду.

Однако войско Запорожское и Юрій Хмельницкій въ Переяславлѣ передъ А. Н. Трубецкимъ съ товарищами добили государю челомъ и приняли присягу на подданство.

---

[1]) Государственный Архивъ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ. Бумаги Тайнаго Приказа царя Алексѣя Михаиловича.

7 декабря бояринъ со славою возвратился въ Москву со всею ратью. Самъ государь выходилъ за Калужскія ворота встрѣчать образъ Спаса, что былъ на службѣ съ бояриномъ, шедшимъ тутъ же за образомъ съ своими полками. Шествіе послѣ того направилось въ Успенскій соборъ, гдѣ послѣ торжественнаго молебна бояринъ и всѣ начальные люди полковъ были у государя у руки.

Спустя два мѣсяца, 23 февр. 1660 г., государь чествовалъ эту счастливую рать торжественнымъ столомъ въ Золотой полатѣ, послѣ котораго главнокомандующій А. Н. Трубецкой получилъ слѣдующую награду: во-первыхъ, шубу бархатъ золотой въ 360 р.; кубокъ въ 10 фунтовъ; придачу къ прежнему окладу жалованья 300 р., да прародительскую ихъ Трубецкихъ вотчину, городъ Трубчевскъ съ уѣздомъ. Другіе воеводы также получили щедрыя награды.

Послѣ ратныхъ дѣлъ въ Москвѣ бояринъ попрежнему первенствовалъ за царскими столами и во время выѣздовъ государя бывалъ оберегателемъ Москвы и царскаго двора. Кромѣ того, попрежнему неоднократно велъ переговоры въ иноземными послами, въ 1661 г. съ Цесарскими, въ 1662 г. съ шведскими послами, при которыхъ былъ съ Шведами заключенъ вѣчный миръ. При обрядѣ заключенія этого мира Алексѣй Никитичъ стоялъ возлѣ государя по правую руку, т.-е. на первомъ мѣстѣ.

Послѣдняя его служба передъ кончиною показывала также великое къ нему довѣріе государя. Въ извѣстный Коломенскій бунтъ въ іюлѣ 1662 г. государь поручилъ ему оберегать Москву и произвести розыскъ про бунтовщиковъ.

25 и 26 авг. того же года, во время выходовъ царя въ крестные ходы къ Донской Богородицѣ и ко Владимірской въ Срѣтенскій монастырь, бояринъ также оставался въ Кремлѣ для береженья. Послѣ этихъ чиселъ Разрядныя книги упоминаютъ о немъ 17 декабря съ записью, что въ тотъ день государь указалъ сидѣть въ Сибирскомъ Приказѣ на мѣсто боярина А. Н. Трубецкаго окольничему Родіону Матв. Стрѣшневу. По другому свидѣтельству это случилось 16 дек. 1663 г. (Вивл., XX, 396). Но такое показаніе относительно года неправильно и произошло, несомнѣнно, отъ неправильнаго перевода стараго лѣтосчисленія на новое. Но могло быть, что бояринъ скончался 16 дек., а распоряженіе государя послѣдовало 17 числа.

По кончинѣ Алексѣя Никитича его дворъ перешелъ къ его внучатому племяннику князю Юрью Петровичу, внуку его брата Юрья Никитича, который въ Смутное время, въ 1611 г., отъѣхалъ въ Польшу и увезъ съ собою и своихъ дѣтей, Петра и Александра. Тамъ онъ принялъ католическую вѣру, конечно, и съ дѣтьми. Сынъ его Александръ не оставилъ потомства, но другой сынъ, Петръ, усердно служилъ Польскому королю, былъ камергеромъ двора и маршаломъ Стародубскимъ.

Однако сынъ Петра, Юрій, все-таки возвратился на родину и въ православную вѣру, сначала принятъ былъ стольникомъ, а потомъ въ 1672 г. получилъ санъ боярина, поселился во дворѣ у своего дѣда, князя Алексѣя Никитича, и женился на сестрѣ князя Вас. Вас. Голицына, Иринѣ Вас.—По всему вѣроятію, онъ возвратился изъ Польши по желанію и настоянію кн. Алексѣя Никитича, быть можетъ, въ тѣхъ видахъ, что съ его кончиною прекращался въ Россіи и родъ князей Трубецкихъ, такъ какъ самъ онъ дѣтей мужескаго колѣна не имѣлъ.

Князь Юрій Петровичъ скончался въ 1679 г., оставивъ свой дворъ въ наслѣдство женѣ, княгинѣ Иринѣ Вас., съ двумя сыновьями, Иваномъ и Юрьемъ. Оба они родились уже по кончинѣ Алексѣя Никитича, первый въ 1667 г., второй въ 1668 г.

Кн. Иванъ Юрьев. числился въ спискахъ 1676—1692 гг. комнатнымъ стольникомъ сначала у царя Петра въ 1676 г., потомъ у царя Ѳедора Алекс. съ 1677 г. и затѣмъ опять у Петра съ 1686 г. Въ 1692 г. пожалованъ въ бояре, а впослѣдствіи былъ фельдмаршаломъ и кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго (умеръ въ 1750 г. янв. 16).

Братъ его, кн. Юрій Юрьевичъ, также числился съ 1676 г. комнатнымъ стольникомъ у царя Петра, былъ также бояриномъ и потомъ дѣйств. тайн. сов. (умеръ 1739 г. сент. 8)[1]).

Братья владѣли дворомъ сообща, хотя и жили въ отдѣльныхъ полатахъ.

Въ 1742 г., по случаю измѣренія всѣхъ обывательскихъ дворовъ въ городѣ, Кремлевскій боярскій дворъ кн. Трубецкихъ обозначенъ въ слѣдующей мѣрѣ: «мѣрою земли по улицѣ въ первомъ концѣ поперешнику 60 саж., во дворѣ въ срединѣ попе-

---

[1]) Родословныя князей Трубецкихъ, соч. кн. Долгорукова и П. Н. Петрова.

решнику 49 саж., въ другомъ концѣ поперешнику 22 саж., длиннику въ улицѣ по городовой стѣнѣ 47 саж.» [1]).

Такимъ образомъ, это дворовое мѣсто представляло угольникъ, приближавшійся малымъ своимъ концомъ, шириною въ 22 саж., къ Никольскимъ воротамъ, гдѣ подлѣ самыхъ воротъ находилась сторожка,—караульня стрѣлецкая. Широкій конецъ угольника въ 60 саж. примыкалъ къ улицѣ, проходившей мимо Вознесенскаго и Чудова монастырей. Длинникъ двора былъ измѣренъ по городовой Кремлевской стѣнѣ на 47 саж., онъ достигалъ срединной башни между Никольскими и Спасскими воротами.

По поводу этого двора въ 1719 г. возникъ любопытный споръ между Вознесенскимъ монастыремъ и владѣльцами двора кн. Трубецкими.

На межѣ широкаго конца этого боярскаго двора стояли два подворья: одно принадлежало Новоспасскому монастырю, другое Вознесенскому. На Новоспасскомъ подворьѣ существовала и церковь во имя Іоанна Новгородскаго, почему оно именовалось также и Новгородскимъ подворьемъ, гдѣ обыкновенно, по пріѣздѣ въ Москву, останавливались Новгородскіе митрополиты и другія Новгородскія власти. На этомъ Новгородскомъ подворьѣ пребывалъ въ 1652 г. и Новгородскій митрополитъ, будущій патріархъ Никонъ. Здѣсь происходилъ и призывъ или Государевъ *зовъ* его на патріаршество.

Въ настоящемъ случаѣ царь Алексѣй Мих. поступилъ не по правиламъ и преданіямъ Церкви. Онъ своею волею, а не по жребію, какъ изстари водилось, избралъ на патріаршество именно Никона. 22 іюля этого года государь въ Успенскомъ соборѣ со всѣми духовными властями и боярами молебствовалъ и послѣ евангелія послалъ на Новгородское подворьѣ одного изъ митрополитовъ, двухъ старшихъ архимандритовъ и изъ свѣтской среды боярина, окольничаго, стольника и думнаго дьяка звать Никона, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю въ соборъ, а въ то время молебенъ совершили. Несмотря на такую почесть царскаго зова, Никонъ не послушалъ и въ соборъ не поѣхалъ. Послали къ государю стольника съ этою вѣстью. Тогда государь отправилъ къ нему старѣйшаго боярина А. Н. Трубецкаго и боярина князя

[1]) Переписная книга Москвы 1738 и 1742 гг. по первой командѣ, т. I, стр. 15.

Львова. Никонъ едва послушалъ государева указу и какъ пріѣхалъ въ соборъ, государь говорилъ ему рѣчь со упрошеніемъ, чтобы изволилъ быть всея Россіи патріархомъ. Никонъ отрицался принять патріаршество безъ жребія. Государь съ веліимъ желаніемъ и со слезами просилъ его многое время, цѣлый часъ, со всѣми властьми и боярами, чтобы изволилъ быть патріархомъ. Такому безпримѣрному государеву прошенію Никонъ повинулся и въ то время много плакалъ... Обычное нареченіе ему патріархомъ послѣдовало на другой день 23 іюля на патріаршемъ дворѣ въ Крестовой полатѣ (Новый Лѣтописецъ, 198).

Это Новгородское подворье послѣ пожара въ Кремлѣ въ 1701 г. было отдано по царскому указу отъ 7 іюля того же года Вознесенскому монастырю для пространства того монастыря съ повелѣніемъ пригородить къ нему и все то мѣсто.

Но въ томъ же 1701 г. Петръ рѣшилъ построить въ Кремлѣ, съ правой стороны отъ Никольскихъ воротъ, Оружейный домъ, зовомый Цейгоузъ (Арсеналъ), для чего было назначено всѣ находившіяся въ этой мѣстности до Троицкихъ воротъ каменныя строенія (деревянныя всѣ погорѣли) разобрать и мѣсто очистить.

На другой годъ (1702, марта 7) послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы передъ Оружейнымъ домомъ и черезъ улицу, вблизи Никольскихъ воротъ, съ лѣвой ихъ стороны, также для пространства выровнять площадь по линіи до зданій Чудова монастыря. Для этой цѣли было повелѣно математическихъ наукъ учителю тѣ мѣста, находившіеся на нихъ дворы и подворья и другія строенья измѣрить совершенно и учинить чертежъ, что̀ по линіи пойдетъ подъ площадь и что̀ останется ненадобнымъ для предположенной площади.

Эта линія проходила отъ Никольскихъ воротъ до полатъ кн. Трубецкихъ и далѣе отъ угла ихъ полатъ прямо черезъ дворы протопопа Благовѣщенскаго собора, на полату, что̀ у двора Духовникова, также черезъ дворъ протопопа Успенскаго собора. Такимъ образомъ, былъ измѣренъ и положенъ на чертежъ весь уголъ отъ Никольскихъ воротъ между улицею и Кремлевскою стѣною до линіи зданій Вознесенскаго и Чудова монастырей съ тою цѣлью, чтобы мѣрою за мѣру распредѣлить и остающееся пространство дворовой земли между владѣльцами, мѣста которыхъ отходили подъ площадь.

Изъ двора кн. Трубецкихъ подъ эту площадь отходило 952 квадратныхъ сажени. Чтобы вознаградить князей за отходящую землю, государь 2 авг. 1702 г. повелѣлъ отдать имъ всю мѣстность, примыкавшую къ верхнему широкому концу ихъ двора, гдѣ находились, начиная отъ Кремлевской стѣны, подворья Вознесенскаго и Новоспасскаго монастырей, заключавшія въ себѣ 1024 квадратныхъ сажени по новому измѣренію, а по старому (1680 г.) 925 саж., а также и дворы соборнаго духовенства.

Несмотря на то, что количество саженей отъ этихъ мѣстъ превышало количество отходящей княжеской земли, государь повелѣлъ отдать князьямъ всю эту землю «въ вѣчное владѣніе князей и женамъ ихъ, и дѣтямъ, и всему роду безповоротно, а подъ тѣ подворья и протопопу, и попу подъ дворы земли пріискивать въ иныхъ мѣстахъ, и на тое прибавочную вышеупомянутую землю и на всякое строеніе дать имъ (князьямъ) даную по указу».

Само собою разумѣется, что князья не помедлили воспользоваться повелѣніемъ государя и въ полной мѣрѣ завладѣли пожалованными мѣстами и строеніями. Какъ упомянуто, они завладѣли и Духовниковымъ дворомъ и поповскимъ по улицу Чудовскую.

Арсеналъ строился въ первые годы мало-по-малу, медленно, и въ 1706 г., по случаю Шведской войны, его постройка была совсѣмъ остановлена по письму государя къ оберъ-инспектору Курбатову отъ 3 мая 1706 г., въ которомъ государь повелѣвалъ: «Чрезъ сей указъ объявляемъ цейхаузнаго строенія не хуже хотя до времени и отставить». Между тѣмъ земля Трубецкихъ дотолѣ еще не требовалась для выравненія площади и оставалась попрежнему въ ихъ же владѣніи.

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 1719 г., когда 15 мая игуменья Вознесенскаго монастыря Веденихта Пушкина съ сестрами подала въ Сенатъ челобитье, въ которомъ излагала всю исторію по этому дѣлу и писала, что «хотя князья и получили землю и постройки изъ монастырскихъ и изъ сосѣднихъ дворовъ, но ихъ собственный дворъ не былъ взятъ подъ площадь потому, что отъ цейхгаузнаго двора онъ сталъ черезъ Большую *Никольскую* улицу, а князья между тѣмъ и до днесь владѣютъ ихъ монастырскими землями съ церковью и съ жилыми и съ хлѣбными полатами и на тѣхъ ихъ дворахъ живутъ княжескіе люди, отчего монастырю учинено великое утѣсненіе». Она просила, чтобъ тѣми

монастырскими дворами монастырю владѣть попрежнему и церковь съ жилыми полатами пригородить къ монастырю, прибавляя, что кн. Ив. Юр. обѣщалъ, когда она посылала къ нему, тѣ дворы ей отдать.

Сенатъ потребовалъ отъ князя свѣдѣніе на письмѣ, по какому указу онъ тѣмъ монастырскимъ подворьемъ владѣетъ. Князь отвѣчалъ, что даной на тѣ мѣста во владѣніе ему не дано за отлученіемъ изъ Москвы, что на взятомъ у него мѣстѣ каменнаго строенія не застроено, а его строеніе, которое на дворѣ было, сломано и снесено; а на данномъ монастырскомъ подворьѣ построено у нихъ (князей) вновь *многое каменное* и *деревянное* строеніе.

По Сенатскому приговору 24 іюля 1719 г. было рѣшено: если мѣсто изъ двора кн. Трубецкихъ подъ цейхгаузное строеніе не взято, а подворьемъ они владѣютъ, то отдать то подворье попрежнему въ Вознесенскій монастырь. Приговоръ подписалъ одинъ оберъ-секретарь, а сенаторскихъ рукъ не было положено.

Кн. Иванъ Юрьевичъ, получивъ это сенатское рѣшеніе, не отдавая тѣхъ дворовъ, отъѣхалъ къ полкамъ, а вести дѣло поручилъ своему человѣку, который подалъ встрѣчное челобитье, явно направленное только для затяжки дѣла.

Когда это рѣшеніе стали приводить къ исполненію и изъ Губернской канцеляріи былъ посланъ дьякъ и фискалъ съ солдатами, то княжескіе люди учинились указу не послушны, съ дворовъ не сошли и двора не отдали.

Въ 1721 г. іюля 26 игуменья снова подала просьбу, гдѣ обличала всю неправду, написанную въ княжеской челобитной, прибавивъ, что такой челобитной «и примать было не довелось, не токмо слѣдовать».

Между прочимъ въ челобитной значилось, что князья на данной имъ землѣ построили многое деревянное и каменное строеніе и что на ихъ прежнемъ мѣстѣ будто сломано многое каменное и деревянное строеніе. Игуменья разъяснила, «что со двора ихъ деревянное строеніе свезено къ нимъ же на загородные дворы не для цейхгаузнаго строенія, но для того, что по государеву указу повелѣно изъ Кремля и изъ Китая вынесть все деревянное строеніе; что по тому же указу въ Кремлѣ и въ Китаѣ деревяннаго строенія строить не велѣно, а именно, таковое на монастырской землѣ они, князья, построили самовольно противъ запрещенія, за

что ихъ люди довелись жестокаго наказанья, потому что, опричь ихъ самовольства въ Кремлѣ ни у кого деревяннаго строенія нѣтъ и не строятъ; а они сами пишутъ, что у нихъ на монастырской землѣ псстроено многое деревянное строеніе, чего ради подлежатъ штрафу, а люди ихъ наказанію».

А что, дѣйствительно, настроили князья на новыхъ своихъ мѣстахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ произведенная въ 1721 г. опись этихъ построекъ.

Они построили 6 полатъ поземныхъ въ длину на 12 саж.; конюшенный каменный сарай въ 10 саж. длины, къ нему полатку 2 саж., конюшню въ $6^1/_2$ саж.; да деревянное строеніе: подлѣ церкви свѣтлицу съ сѣньми по $2^1/_2$ саж.; два хлѣвка по $1^1/_2$ саж., третій въ $2^1/_2$ саж.; подлѣ церкви мазанка $1^1/_2$ саж.; подлѣ городовой стѣны одиннадцать *клѣтушекъ* людскихъ, сажени по $1^1/_2$ и по 2, крыто все дранью.

Такимъ образомъ оказывалось, что князья Трубецкіе возлѣ стѣнъ монастыря и города устроили свой задній дворъ со всѣми его принадлежностями.

Игуменья вмѣстѣ съ тѣмъ объясняла, что у нихъ иного монастырскаго двора въ Кремлѣ и близь монастыря нѣтъ, и того монастыря священники и всякихъ чиновъ монастырскіе служители живутъ по дальнымъ разнымъ мѣстамъ въ наемныхъ и въ иныхъ домѣхъ, а лошади монастырскія водовозныя и возники держатся въ самой нуждѣ въ монастырѣ и ради такой нужды и дрова монастырскія нынѣ кладутъ на монастырѣ около и близь соборныя церкви, отчего весною и лѣтомъ духота бываетъ и изъ навозу вода подходитъ въ церковь и въ кельи; что князья Трубецкіе, завладѣвъ ихъ подворьемъ, учинили монастырю великую тѣсноту понапрасну.

Объясняя, что монастырь отъ княжескаго навозу и отъ нарослой земли утѣсненъ, игуменья настойчиво просила, чтобы согласно Сенатскому приговору, утвержденному и Юстицъ-Коллегіею, монастырскіе старинные ихъ дворы возвратить въ монастырь попрежнему и княжескихъ людей съ тѣхъ дворовъ сослать, а деревянное строеніе, избы и чуланы и скотскіе хлѣвы, отъ той церкви, что на подворьѣ, и отъ городовой стѣны, что у самаго монастыря, сломать, дабы отъ тѣхъ избъ, чулановъ и скотскихъ хлѣвовъ монастырю не учинилось разореніе.

Послѣ многихъ настойчивыхъ ходатайствъ игуменьи Веденихты Пушкиной прошло слишкомъ 10 лѣтъ, а подворье всетаки не было возвращено монастырю. Въ 1731 г. новая игуменья Евстолія подала просьбу самой императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, но встрѣтила новый отпоръ со стороны князей, которые лично въ Юстицъ-Коллегіи просили выдать имъ даную на пожалованныя имъ оба подворья, а потому подали челобитную, объясняя свои права на это владѣнье и устраняя искъ монастыря, какъ неправильный.

Въ это время князь Иванъ Юрьевичъ былъ уже генералъ-фельдмаршаломъ, а Юрій Юрьевичъ—тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ.

Не осталась безъ отвѣта и игуменья Евстолія. Жалуясь на то, что подворье и донынѣ, 1731 г., въ монастырь не возвращено, она снова изъясняла, что «за не отдачею имъ того ихъ подворья они имѣютъ не малую обиду и великое утѣсненіе зимою отъ снѣгу и отъ навозу и отъ лѣсныхъ и всякихъ припасовъ, и за утѣсненіемъ монастыря проходъ по монастырю весьма труденъ, а за неимѣніемъ близь монастыря подворья, монастырскіе возники и разъѣзжія лошади стоятъ и привозныя монастырскія дрова кладутся въ монастырѣ, отъ которой тѣсноты вешнимъ временемъ въ соборную церковь, гдѣ Ея Императорскаго Величества родители почиваютъ, и въ кельи, гдѣ жительство имѣютъ монахини, вода идетъ».

Какъ ни были основательны жалобы и просьбы игуменьи о возвращеніи подворья монастырю, оно все-таки осталось во владѣніи князей Трубецкихъ. Мы не встрѣтили свѣдѣній о томъ, чѣмъ окончились ходатайства монастыря, и пользуемся только извѣстіемъ, что въ 1754 г. дворъ Трубецкихъ принадлежалъ лейбъ-гвардіи поручику кн. Дмитрію Юрьевичу Трубецкому, младшему сыну кн. Юрья Юрьевича. Кн. Иванъ Юрьевичъ не оставилъ по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго колѣна. У него былъ только побочный сынъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Бецкій. При этомъ о Вознесенскомъ монастырѣ упоминается, что его заднія ворота выходили ко двору кн. Трубецкаго. О подворьяхъ уже нѣтъ и помину.

Весь этотъ уголъ Кремлевской мѣстности занятъ теперь зданіемъ Судебныхъ мѣстъ, построеннымъ по проекту архитектора

Матв. Өед. Козакова въ 1771—1785 гг. Оно также расположено угольникомъ почти въ самыхъ тѣхъ же межахъ, какія ограничивали мѣстность Трубецкаго двора. Фасадъ, обращенный къ зданіямъ Чудова монастыря, расположенъ отчасти на мѣстахъ бывшихъ двухъ подворій, Новоспасскаго и Вознесенскаго, Чудовскаго конюшеннаго двора и церкви Козмы и Дамьяна, стоявшей противъ заднихъ воротъ Чудова монастыря. Уголъ Судебнаго зданія, обращенный къ этому монастырю, занялъ мѣсто такъ называемаго Духовникова двора.

Дворъ князей Трубецкихъ въ широкомъ своемъ концѣ, въ 60 саж., выходилъ къ зданіямъ Чудова и Вознесенскаго монастырей, на другую улицу, которая шла отъ Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ и отъ Троицкаго подворья къ подворьямъ Новоспасскому и Вознесенскому, стоявшимъ у городовой стѣны. Эту улицу мы назвали Троицкою. Она пересѣкала Никольскую улицу передъ угломъ Чудовскаго зданія, сохраняя свое направленіе и донынѣ по боковому фасаду Судебныхъ мѣстъ, обращенному къ упомянутымъ монастырскимъ зданіямъ. Но это продолженіе Троицкой улицы именовалось *Чудовскою* улицею. Ея ширина при началѣ отъ Никольской улицы простиралась на $6^1/_4$ саж., а далѣе только на 4 саж., почему въ 1626 г. было указано устроить ее въ 5 саж., какъ эта мѣра существуетъ и донынѣ, образуя особый длинный дворъ къ зданію Судебныхъ мѣстъ. Мѣсто пересѣченія Никольской улицы именовалось въ то время (1634 г.) *Никольскимъ хрестьцомъ*,—крестцомъ (перекресткомъ), который любопытенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что его деревянную бревенчатую мостовую, слишкомъ на 5 саж. въ длину, повиненъ былъ мостить Патріаршій домъ, такъ какъ на крестецъ выходили его зданія.

По лѣвой сторонѣ улицы, гдѣ теперь высится боковой фасадъ зданія Судебныхъ мѣстъ, находились слѣдующіе дворы и мѣста:

Самый уголъ зданія Судебныхъ мѣстъ стоитъ на мѣстѣ такъ называемаго *Духовникова двора*, на мѣстѣ жительства государевыхъ духовниковъ, обыкновенно протопоповъ Благовѣщенскаго собора. Въ 1657 г. мѣрою этотъ дворъ по Никольской улицѣ простирался на 23 саж., поперекъ на 16 саж., со стороны отъ двора кн. Трубецкихъ на 12 саж. Онъ примыкалъ къ трапезѣ церкви Козмы и Даміана и къ ея кладбищу. Но въ 1639 г. его

мѣра была въ 20 саж. и со стороны 10 саж., какъ, вѣроятно, эта мѣра существовала отъ древняго времени. Въ 1504 г. здѣсь жилъ протопопъ этого собора Ѳома, вѣроятный духовникъ вел. князя Ивана III, или первый изъ Благовѣщенскихъ протопоповъ поселенецъ на этомъ мѣстѣ [1]).

Изъ числа царскихъ духовниковъ оставилъ по себѣ недобрую память Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, о дѣлахъ котораго мы упоминали на стр. 302.

Другой случай съ царскимъ духовникомъ занесенъ даже въ списки Дворцовыхъ Разрядовъ.

У царя Алексѣя Михаиловича духовникомъ былъ Благовѣщенскій же протопопъ Андрей Савиновичъ, поставленный въ протопопы и, слѣдовательно, въ духовники государю въ 1666 г., марта 25, изъ священниковъ церкви Григорія Неокесарійскаго, что за Москвою-рѣкою въ Дербицахъ, на Полянкѣ, гдѣ онъ священствовалъ съ 1660 г. Это былъ не только государевъ духовникъ, но и государевъ любимецъ, который успѣлъ такъ привязать къ себѣ государя, что своимъ вліяніемъ сталъ поперекъ дороги и самому патріарху Іоакиму. Первымъ его дѣломъ была постройка каменной церкви Григорія Неокесарійскаго на счетъ государя, изъ собственныхъ государевыхъ суммъ Тайнаго Приказа. Эта постройка началась на другой же годъ по опредѣленіи протопопа въ духовники и продолжалась въ 1668—1669 годахъ, съ небывалымъ велелѣпіемъ во всѣхъ частяхъ. Храмъ былъ украшенъ поливными изразцами и снаружи расписанъ цвѣтными красками, а внутри стѣнописью. Все это стоило немалыхъ расходовъ. Государь оказывалъ протопопу такую особую милость, что лично посѣщалъ его въ его жилищѣ (въ 1668 г.). Словомъ сказать, протопопъ сдѣлался самымъ приближеннымъ домашнимъ человѣкомъ благочестивѣйшаго царя, на что, между прочимъ, указываетъ и одна запись въ сборникѣ Дворцовыхъ Разрядовъ, гдѣ читаемъ слѣдующее:

«Того жъ году (1674), октября въ 21 день, было у Великаго Государя вечернее кушанье, въ *потѣшныхъ хоромахъ*; да у него жъ Великаго Государя ѣли бояре, всѣ безъ мѣстъ, да думные дьяки Герасимъ Дохтуровъ да Ларивонъ Ивановъ. У стола стоялъ

---

[1]) Послѣ него духовникомъ вел. князя былъ Андрониковскій архимандритъ Митрофанъ (С. Г. Г., I, 400).

крайчей князь Петръ Семеновичъ Урусовъ да съ нимъ столникъ Дмитрей Никитинъ сынъ Наумовъ. За поставцомъ Великаго Государя сидѣлъ бояринъ и оружничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, да съ нимъ дворцовые дьяки да ключники степенные со всѣхъ дворцовъ. А чашничали передъ Великаго Государя и ѣсть ставили ближніе люди. Да у кушанья жъ былъ у Великаго Государя Благовѣщенской протопопъ, *духовникъ* Великаго Государя, Андрей Савиновичъ. А передъ духовника и передъ бояръ ѣсть ставили и питье носили столники жъ и ближніе люди. А послѣ кушанья изволилъ Великій Государь себя тѣшить всякими игры. И его Великаго Государя тѣшили, и въ органы играли, а игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли, и по накрамъ и по литаврамъ били жъ во-всѣ. Да Великій же Государь жаловалъ протопопа, своего Великаго Государя духовника, и бояръ и дьяковъ думныхъ, которые были у кушанья вечерняго, вотками, ренскимъ, и романеею и всякими розными питіи, и пожаловалъ ихъ своею государевою милостью: напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. А послѣ стола жаловалъ, тожъ, поилъ всякими розными питьями своихъ государевыхъ столниковъ и ближнихъ людей. А кушанье у Великаго Государя отошло вечернее и бояре поѣхали изъ города и ближніе люди въ 12 часу ночи» (по нашему счету въ четвертомъ часу утра. Д. Р., III, 1080).

Въ своемъ родѣ это былъ пиръ-предшественникъ пресловутыхъ пировъ геніальнаго сына царя Алексѣя Михаиловича, царя, а потомъ и императора Петра Алексѣевича. Чему же мы удивляемся, прочитывая разсказы о Петровскихъ разгульныхъ пирахъ, когда это была живѣйшая черта старинныхъ Русскихъ нравовъ и обычаевъ.

Попировавши такимъ образомъ, царь Алексѣй Михаиловичъ, спустя 10 дней, именно 1 ноября, выѣхалъ изъ Москвы въ любимое свое село Преображенское, гдѣ намѣревался оставаться до зимняго пути, такъ какъ до этого срока онъ отпускалъ просившихся служилыхъ людей по деревнямъ. Но съ небольшимъ черезъ недѣлю, 9 ноября, онъ получилъ грамотку отъ своего духовника, Благовѣщенскаго протопопа Андрея Савиновича, въ которой протопопъ писалъ государю, что святѣйшій Іоакимъ, патріархъ, велѣлъ «во смиреніе посадить его на цѣпь безвинно и чтобъ Великій государь изволилъ приттить къ Москвѣ и его изъ

смиренья освободить». Письмо подалъ сынъ протопопа. Государь приказалъ ему, что будетъ рано въ Москву завтра, нарочно.

Такое милостивое отношеніе къ духовнику могъ являть только добрѣйшій царь Алексѣй Михаиловичъ.

Прибывъ въ Москву на другой же день, 10 ноября, онъ тотчасъ послалъ къ патріарху ближняго боярина Б. М. Хитрово съ предложеніемъ, чтобъ патріархъ къ нему, государю, пришелъ. Патріархъ и не помедлилъ. Государь встрѣтилъ его на крыльцѣ, откуда они вмѣстѣ пошли въ комнату, гдѣ находились, сидѣли уже три приближенныхъ боярина:—кн. Долгоруковъ, Хитрово и Матвѣевъ. Когда всѣ усѣлись, государь спросилъ святѣйшаго, за что онъ, не поговоря съ нимъ, Великимъ государемъ, смирилъ его духовника? Патріархъ извѣстилъ государю протопопово неистовство и невѣжество и мздоимство многое, за то смирилъ его, что держитъ у себя женку многое время, что онъ, патріархъ, посылалъ къ нему своего духовника и протопопъ его къ себѣ не пустилъ и его, патріарха, безчестилъ; что онъ, патріархъ, женку велѣлъ разспросить, жила ли она съ нимъ, протопопомъ, и по добротѣ ли, или неволею? Женка сказала, что сперва жила съ нимъ по добротѣ, а послѣ жила съ нимъ и неволею. Государь упрашивалъ святѣйшаго простить виновнаго, но патріархъ отказалъ государю и не только не простилъ, а запретилъ протопопу священствовать, благословлять и даже исповѣдывать безъ своего святительскаго велѣнія.

На другой день, 11 ноября, государь, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, возвратился въ село Преображенское, гдѣ въ это время готовилась новая царская потѣха—Комидіальныя дѣйства, которыя и были исполнены на заговѣнье 13 ноября. Уѣзжая изъ Москвы, государь повелѣлъ поставить у виновнаго духовника караулъ, сотника стрѣлецкаго и 20 человѣкъ стрѣльцовъ для береженья и присылки отъ патріарха и не велѣлъ пущать къ нему, протопопу, никого до указу.

Между тѣмъ 3 декабря патріархъ утвердилъ приговоръ соборный отъ всѣхъ духовныхъ властей, чтобы вдовымъ попамъ, будучи у кого въ дому у крестовъ, никого не исповѣдывать и, вообще, не священствовать, опричь приходскихъ священниковъ. Это былъ явный намекъ на духовника.

Въ половинѣ декабря государь возвратился въ Москву со-

всѣмъ. Наступалъ патріаршій праздникъ, память Петра митрополита, 21 декабря.

Наканунѣ праздника, 20 дек., государь снова попросилъ къ себѣ патріарха, снова встрѣтилъ его, вышедши изъ переднихъ сѣней, на крыльцѣ и въ присутствіи четырехъ ближнихъ бояръ снова просилъ простить и разрѣшить его, государева, духовника во всемъ. На этотъ разъ патріархъ смилостивился для упрошенія государя, простилъ протопопа во всемъ и велѣлъ ему попрежнему священствовать, исповѣдывать и благословлять.

Въ самый праздникъ Петра митрополита за столомъ патріарха присутствовалъ и государь съ боярами, а также и прощенный духовникъ, занимавшій мѣсто выше архимандритовъ послѣ епископовъ.

На праздникъ Рождества Христова праздничнаго стола у государя не было. Къ патріарху по обычаю былъ посланъ столъ на домъ. Государь не забылъ и духовника, велѣлъ послать ему также на домъ ѣствы и кубки (вина), и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ его къ себѣ во дворецъ, на свиданье.

Въ 1675 г. послѣ Пасхальной утрени государь, придя въ Благовѣщенскій соборъ, жаловалъ своего духовника яйцами и цѣловался съ нимъ въ уста, а ключарей и весь соборъ жаловалъ къ рукѣ и яйцами.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ его духовникомъ былъ протопопъ Максимъ, впослѣдствіи по какой-то провинности отставленный. Его каменныя строенія и въ томъ числѣ каменный погребъ выходили на Никольскую улицу, на которой рядомъ съ нимъ, со стороны двора Трубецкихъ, находился дворъ Благовѣщенскаго попа. Далѣе по Чудовской или Троицкой улицѣ стояла противъ заднихъ воротъ Чудова монастыря церковь Козмы и Дамьяна, упоминаемая въ лѣтописяхъ подъ 1475 годомъ.

Въ 1504 г. она была разобрана и заложена новая. По своему мѣстоположенію близъ Духовникова двора она и прозывалась «чтò у Духовникова двора». При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ къ ней былъ пристроенъ предѣлъ во имя св. Филиппа митрополита, обозначаемый иногда особою церковью, «чтò на Духовниковѣ дворѣ». Церковная замля съ кладбищемъ простиралась вдоль по улицѣ на 30 саж.; поперекъ, позади алтаря на 8 саж., въ другомъ концѣ около 2 саж. Близко къ церкви въ 3-хъ саж. отъ

нея стоялъ дворъ ключаря Успенскаго собора мѣрою вдоль 13 саж., поперекъ 8 саж. Въ 1737 г. церковь Козмы и Дамьяна и съ предѣломъ обгорѣла и была возобновлена, а впослѣдствіи, въ 1770 г., была совсѣмъ упразднена и разобрана по случаю постройки зданія Судебныхъ мѣстъ, подъ стѣнами котораго и скрылось ея мѣсто.

За этою церковью за алтарями слѣдовалъ конюшенный дворъ Чудова монастыря, горница котораго стояла въ 3-хъ саж. отъ алтарей церкви. Въ 1657 г. онъ занималъ пространство вдоль по улицѣ 21 саж., поперекъ 9 саж. Но въ 1702 г. занимаемое имъ пространство составляло 220 квадратныхъ саженъ. По всему вѣроятію, этотъ дворъ составлялъ остатокъ конюшеннаго Татарскаго двора при Алексѣѣ митрополитѣ.

Неподалеку, приближаясь къ городовой стѣнѣ, стояли подворья Новоспасскаго и Вознесенскаго монастырей, оба на 925 квадратныхъ саженяхъ по мѣрѣ 1680 г., а по мѣрѣ 1702 г.—на 1024 саж.

Когда основалось здѣсь Новоспасское подворье съ церковью во имя чудотворца Іоанна, архіепископа Новгородскаго, свѣдѣній не имѣемъ. Оно упоминается съ 1627 г. Но, вѣроятно, существовало съ давнихъ временъ. Оно въ 1682 г. располагалось на 23 саж. въ длину и на 16 саж. въ ширину. Старое его мѣсто занимало 15 саж. въ квадратѣ. Какъ выше писано, по царскому указу 1701 г. подворье было отдано во владѣнье Вознесенскаго монастыря, а потомъ въ 1702 г. поступило во владѣнье князей Трубецкихъ, которые церковь чудотворца Іоанна устроили себѣ домовою церковью.

Въ 1723 г. по указу Петра всѣ домовыя церкви въ Москвѣ были запечатаны.

Въ 1726 г., когда князь Иванъ Юрьевичъ былъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, его супруга пріѣхала въ Москву на свой обширный дворъ и по болѣзни къ приходской церкви для моленія ѣздить не могла, почему и просила распечатать свою домовую церковь, хотя приходская церковь Козмы и Дамьяна стояла въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой домовой церкви. Духовная Дикастерія (Консисторія) разрѣшила для церковнаго служенія распечатать церковь, но съ неотмѣннымъ условіемъ, чтобы служеніе отправлялось причтомъ приходской церкви Козмы и Дамьяна и только въ праздники и въ воскресные дни.

Къ упомянутымъ подворьямъ, кромѣ Чудовской-Троицкой улицы, проходила улица и возлѣ городовой стѣны отъ Николаевскихъ къ Фроловскимъ-Спасскимъ воротамъ, до зданій Вознесенскаго монастыря, шириною мимо двора князей Трубецкихъ и Вознесенскаго подворья въ три сажени.

Въ 1626 г. эта улица оставлена въ той же прежней мѣрѣ, но потомъ къ концу XVII ст., какъ упомянуто, была застроена хлѣвами князей Трубецкихъ.

Замѣтимъ, что древнія границы Чудова и Вознесенскаго монастырей остаются и до настоящаго времени въ своихъ первоначальныхъ межахъ.

Оканчивая обозрѣніе мѣстъ по лѣвой сторонѣ Кремлевской Никольской улицы, мы должны помянуть и то любопытное обстоятельство, что въ описанномъ углу, почти возлѣ самыхъ Никольскихъ воротъ, рядомъ съ стоявшею у воротъ каменною караульнею, въ 1702 г. предполагалась постройка общенароднаго театра. Этотъ 1702 годъ перваго же января былъ ознаменованъ достославною побѣдою надъ Шведами въ Лифляндіи, у деревни *Ерес-фера*, гдѣ генералъ Борисъ Петр. Шереметевъ разбилъ на голову Шведскаго генерала Шлипенбаха, такъ что самое имя этой деревни пріобрѣло въ солдатскомъ народѣ особое выраженіе *взъерес-ферить*, что значило расправиться съ кѣмъ бы ни было посвойски. Такъ популярна была эта побѣда, тѣмъ болѣе, что она была первою побѣдою надъ нашими учителями Шведами.

3 генваря была получена радостная вѣсть объ этомъ событіи, которую принесъ сынъ побѣдителя Мих. Борис. Шереметевъ. «Благодареніе Богу!—воскликнулъ безмѣрно обрадованный государь,—мы уже до того дошли, что и Шведовъ побѣждать можемъ».

10 генваря въ Успенскомъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ Москвы былъ отслуженъ торжественный молебенъ и при пѣніи пѣсни «Тебе Бога хвалимъ» былъ троекратный залпъ изъ всѣхъ 110 пушекъ и изъ ружей поставленныхъ на Соборной и Ивановской площадяхъ полковъ при звонѣ во всѣхъ церквахъ во всѣ колокола.

Извѣстно, что всякую государеву и тѣмъ болѣе государственную радость Великій Преобразователь всегда старался обращать въ радость всего народа, устроивая съ этою цѣлью всенародныя

торжества въ родѣ тріумфальныхъ шествій и въ то же время доставляя всенародному множеству различныя потѣхи.

На этотъ разъ на Красной площади вблизи Никольскихъ воротъ, въ 25 саж. отъ нихъ, были построены *тріумфальныя свѣтлицы* и сѣни-галлереи, въ которыхъ государь далъ банкетъ—пиръ всему чиновному военному сословію при увеселеніяхъ потѣшными огнями, фейерверками, нарядными символическими картинами и т. п. Пиръ продолжался всю ночь.

Кромѣ фейерверковъ и разныхъ потѣшныхъ огней, для народнаго увеселенія въ это время готовилась уже другая потѣха—Комедіальныя дѣйства, для исполненія которыхъ еще въ 1701 г. или въ этомъ 1702 г. въ Москву прибыла нѣмецкая труппа комедіантовъ, собранная въ Данцигѣ польскимъ комедіантомъ Ив. Антон. Сплавскимъ.

Артисты пріѣхали и съ начальнымъ комедіантомъ Яганомъ Кунштомъ, но мѣста для исполненія комедій еще не было. Конечно, прежде всего мысль о такомъ мѣстѣ остановилась на полатахъ стараго Кремлевскаго дворца.

Комедіанты осматривали тамошнія полаты и нашли, что всѣ онѣ малы для театра, и сказали, что пригодное помѣщеніе можно устроить только въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта, гдѣ полаты были обширнѣе.

Въ Кремлевскомъ дворцѣ они избрали было полаты, такъ называемыя *Разстригинскія*, у Срѣтенскаго собора, проходныя къ Ратушѣ, т.-е. въ мѣстности у самыхъ Боровицкихъ воротъ, очень удаленной и мало удобной для народнаго собранія къ театру.

Переписка объ этомъ происходила въ іюлѣ мѣсяцѣ 1702 г.

Въ августѣ 6 числа начальникъ Посольскаго Приказа, въ завѣдываніи котораго производилось это дѣло, бояринъ Ѳед. Алексѣевичъ Головинъ, писалъ къ дьякамъ Приказа слѣдующее:

«По указу Великаго государя прикажите комедіальной домъ строить по размѣру и по желанію комедіантову, въ Кремлѣ городѣ, въѣхавъ (въ) Никольскіе вороты на лѣвой сторонѣ, что взято мѣсто у Трубецкихъ, подлѣ городовой стѣны, за караульнею каменною. Въ избахъ сдѣлать частые большіе окна для всякаго случая, чтобъ возможно было въ окно двумъ человѣкамъ пролѣзть; а окончинъ въ нихъ не дѣлать, для того, что не потребенъ свѣтъ въ комедіи. Въ окнахъ же сдѣлать двойные затворы и велѣть

внутри выписать (расписать). На затворахъ сдѣлать задвижные крюки, когда надобно затворить и запереть, въ теплотѣ также и отворить было бы удобно. И около того дому сдѣлать три или четыре избы съ малыми съ сѣнцы для пріѣзду желающимъ дѣйства комедіальнаго смотрѣть. Деньги держать на то строенье отъ расходу изъ Посольскаго приказу. И конечно бъ сдѣлано было все безъ всякаго мотчанія къ приходу вел. государя къ Москвѣ».

Бояринъ приписывалъ собственноручно: «Чинить по сему указу, какъ написано, конечно съ поспѣшеніемъ». Писано съ пути, отъ Двинки малой, гдѣ тогда находился государь, направляя свой путь къ Ладогѣ, а потомъ къ осадѣ Орѣшка (Нотенбурга), который былъ взятъ 12 октября.

На присланный указъ дьяки отвѣтили, что въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ, «въ томъ мѣстѣ никакого строенія строить невозможно, потому что наношено кирпичу и всякаго лому и земли отъ старыхъ полатъ (по случаю постройки цейхгауза) великія горы, и тому строенію, гдѣ быть, о томъ повели къ намъ указъ прислать».

Головинъ писалъ, что если здѣсь невозможно строить, то выстроить на площади за Никольскими воротами близъ Тріумфальныхъ свѣтлицъ, стоявшихъ отъ Никольскаго мосту въ 25 саж., и прибавлялъ: «Комедію безъ всякаго умедленія уготовляйте. Если пришествіе вел. государя будетъ къ Москвѣ, не понести бъ вамъ его гнѣву на себѣ; комедіанту гораздо поговорите, чтобъ русскимъ языкомъ составилъ комедію, и Сплавскому [1]) тутъ же быть велите... Какъ посулилъ, чтобъ такихъ (умѣвшихъ по-русски) вывезъ, приказано, чтобъ умѣли (русскимъ языкомъ) исполнить».

Съ постройкою зданія Комедіи еще не знали, какъ поступить, но актеры уже готовились; приготовляли также имъ платье и разные предметы для уборки будущаго театра. Для русской труппы велѣно было набрать въ ученики 10 чел., къ тому дѣлу удобныхъ, дабы могли управлять свое дѣло, которые и были набраны изъ подьячихъ и посадскихъ людей. Для освѣщенія театральной хоромины государь повелѣлъ купить у Архангельскаго города къ комедіи угодныхъ 12 паникадилъ мѣдныхъ объ одномъ ярусѣ, свѣчъ по

[1]) Впослѣдствіи Сплавскій и на своемъ дворѣ имѣлъ комедію, длиною 6 саж., шириною 3 саж., которая была у него куплена съ дворомъ въ 1708 г.

12, по 10, по 9 и по 8. О самыхъ піесахъ дьяки писали: «А какую комедію готовитъ (комедіантъ Кунштъ) и тому (онъ) принесъ нѣмецкое письмо и переводятъ на латинскій языкъ, а съ латинскаго на русскій; а по разговорамъ переводчиковъ слышимъ, что мало въ ней пристоинства, и если хоромы въ такомъ знатномъ мѣстѣ и великимъ иждивеніемъ построятъ, а дѣло у нихъ будетъ малое и за то, государь, опасны твоему гнѣву. Комедійные письма (пьесы) переводимъ и готовимъ съ поспѣшеніемъ», продолжали дьяки уже 29 сент.

Въ эти дни сентября и начальные октября государь готовился къ осадѣ Нотенбурга, древняго нашего Орѣшка, который 12 окт. и былъ взятъ жестокимъ приступомъ съ участіемъ бомбардирскаго капитана, какъ Петръ числилъ себя въ составѣ арміи.

Передъ приступомъ 8 окт. былъ роздыхъ, а въ это число Головинъ написалъ дьякамъ указъ: «О комедіи и комедіантахъ учините по прежнему моему о томъ письму, чтобъ конечно театрумъ готовъ былъ къ пришествію в. государя въ Лефортовскомъ дому».

Въ отвѣтъ дьяки писали 21 октября, что въ Лефортовѣ полата, гдѣ быть комедіи, театрумъ сдѣланъ и робяты выбраны изъ подьячихъ и изъ посадскихъ людей, отданы комедіанту и учатся, а въ Китаѣ-городѣ на Красную площадь для строенія хоромины комедійской лѣсъ возятъ.

Первоначальный размѣръ храмины по требованію Кунште долженъ былъ простираться на 20 саж. въ длину, 12 саж. поперекъ и 6 саж. въ вышину. Но такъ какъ мѣсто для постройки заключало въ себѣ только 25 саж. отъ свѣтлицъ до Никольскаго моста, то размѣръ храмины былъ уменьшенъ и теперь имѣлъ длиннику 18 саж., поперечнику 10 саж., при чемъ отъ свѣтлицъ было отступлено на 2 саж.

Взявши Нотенбургъ (Орѣшекъ) тогда же, въ 1702 г., проименованный Шлисельбургомъ, Петръ захотѣлъ и народу показать на театрѣ, какъ это происходило, а потому повелѣлъ изготовить подобающую пьесу, о чемъ дьяки писали къ Головину 31 октября: «О строеніи комедіи непрестанно комедіанту говоримъ и комедію о взятіи города Орѣшка онъ пишетъ и обѣщался изготовить вскорѣ, только для удобнаго подлинника, спрашиваетъ, чтобъ ему дать на письмѣ, какимъ поведеніемъ тотъ городъ взятъ, и къ намъ октября по 31 никакой вѣдомости о томъ не прислано.

А въ Лефортовой большой полатѣ около театрума и хоры достроиваются; а на Красной площади хоромину, гдѣ впредь комедіямъ быть, дѣлаютъ, забираютъ по заборному въ столбы и мхомъ мшаютъ, чтобъ во время комедіальнаго дѣйства вѣтеръ не проходилъ».

Комедіальная храмина, однако, строилась почти цѣлый годъ. Только 18 сент. 1703 г. посольскіе дьяки донесли Головину, что комедійная храмина совершена и новый начальный комедіантъ (послѣ умершаго Кунштa поступилъ золотого дѣла мастеръ Артемій Фирштъ—Otto First) въ той храминѣ на театрумъ 64 картины живописнымъ письмомъ написалъ; платье комедійное сдѣлалъ вновь; завѣсъ на томъ театрѣ хочетъ дѣлать новый, камчатый луданной, а старый тафтяный завѣсъ изъ Лефортовскихъ полатъ переносить не хочетъ... Ученики до сего числа 6 комедій выучили вновь, а къ тому еще 4 комедіи разныхъ имъ учить розданы будутъ вскорѣ (они начали учить комедіи съ марта мѣсяца 1703 г.).

«А про готовность всего театрума сказалъ, что поспѣетъ весь наготово въ двѣ недѣли, только домогается, дабы изнутри стѣны у чулановъ (ложъ) наружныя выписать и для зимняго времени придѣлать къ храминѣ двѣ избы 3-хъ саженныхъ, потому что комедіантамъ въ платье убираться негдѣ; и тѣ бы избы построить къ той сторонѣ отъ театрума къ Никольскимъ воротамъ и прорубить бы отъ большой храмины въ тѣ избы двери».

Велѣно сдѣлать избы; чуланы снаружи выписать аспидомъ цвѣтнымъ (подъ мраморъ), а завѣсы въ чуланы перенести изъ стараго театра.

Готовый театрумъ былъ открытъ для *охотныхъ смотрѣльщиковъ*, съ которыхъ (15 мая 1704 г.) въ день было собрано за назначенныя мѣста по ярлыкамъ (билетамъ) 16 р. 20 алт. 4 деньги. Въ другой день, 22 мая, собрано 17 р. 30 алт. 2 деньги, а въ полгода, съ 15 мая по 10 ноября, было собрано 388 р. 9 алтынъ 4 деньги. Въ маѣ, на праздникъ Вознесенья, игра была отставлена; Головинъ подтвердилъ, что «противъ праздниковъ не быть комедіи». Потомъ въ іюнѣ дьяки доносили, что «комедіи въ указные дни на вся недѣли отправляются, только танцовальныхъ мастеровъ никого нѣтъ, а который и былъ, Карлусъ Кокій, молодой, и тотъ всегда бываетъ для ученья въ Измайловѣ (у царицы

Прасковьи Θедор. въ собственной ея величества комедіи)». Рѣшено: если не станетъ бывать въ комедіи, не давать ему жалованья. Въ лѣтнее время комедія дѣйствовала днемъ, а не ночью, и бывалъ тогда сборъ по 24, 20, 15, 10, 8 и по 5 р. на день.

Когда въ осеннее время стали дѣйствовать ночью, то смотрящихъ въ пріѣздѣ бывало малое число и сборъ бывалъ рублей по 7, по 5, по 3 и по 2 и по полтора рубля въ день, потому что по тогдашнимъ городскимъ порядкамъ въ воротахъ вездѣ взимали двойной платежъ, какъ въ комедію, такъ и изъ комедіи ѣдучи.

Какъ только обозначилось такое обстоятельство, то этотъ платежъ былъ отмѣненъ; въ назначенные для игры дни ворота Кремля, Китая и Бѣлаго города въ ночное время не запирались и пошлины съ проѣзжихъ не собирали для того, чтобы ѣздили въ комедію охотно.

Иноземнымъ актерамъ по договорамъ жалованье было до крайности великое. Яганъ Куншть получалъ 3500 р. да на дворъ (квартиру) 30 р. Когда онъ померъ, поступившій на его мѣсто Артемій Фиршть запросилъ 4000 р. Музыканты получали различную сумму по договорамъ. Ихъ числилось 16 чел. Одни получали по 80 р., другіе по 114, по 120, по 146, по 280 р. въ годъ и особо на квартиру по 20 и по 25 р. Всего на иноземцевъ выходило 6119 р.

А Русскимъ комедіантамъ окладу не учинено, а примѣрно расчислено давать первому 60 р., семи человѣкамъ по 50 руб., тремъ по 45 р., одному 40 р., всего 12 чел.—585 р. Такъ что по этому вычисленію требовался расходъ на театръ въ годъ 6704 р. Однако эта сумма была сокращена, и въ 1704 г. комедіантъ Фиршть съ товарищами получалъ всего 3630 р. Въ томъ же году Русскіе комедіанты, 12 челов., получали: первый—Θедоръ Буслаевъ 40 р., семеро по 30 р., трое по 25 р., одинъ 20 р., всего 345 р.

1704 г. октября 16 была комедія Русская и Нѣмецкая и въ той комедіи были собственныя (важныя) персоны. Во время дѣйствія челядникъ комедіанта Фирштa, породою Шведъ, сидя въ нижнихъ мѣстахъ *пилъ* табакъ (курилъ). Приставленный надзирать за порядкомъ въ театрѣ подьячій Посольскаго приказа, увидя, что Шведъ пьетъ табакъ неискусно, изъ трубки пепелъ съ огнемъ

сыплетъ на полъ съ великимъ небреженіемъ, сталъ ему говорить, чтобы онъ табакъ курить вышелъ на дворъ. Въ отвѣтъ на это челядникъ бранилъ подьячаго матерны, замахивался бить, хватался за саблю и кричалъ, что ему курить не запретитъ никто и не боится онъ никого. Подьячій пошелъ на театръ и пожаловался Фирштy на неистовство его челядника. Фирштъ ничего не учинилъ на эту жалобу. Когда подьячій сошелъ съ театрума, челядникъ изневѣсть съ затылка ударилъ его изо всей силы по лицу и разбилъ до крови. Явились деньщики и взяли буяна, который снова кричалъ невѣжливо, что ему табакъ курить никто не закажетъ, вынималъ изъ ноженъ саблю и рвался изъ рукъ деньщиковъ. Однако его вывели изъ комедіи и за его неистовство и крикъ и за озорничество тутъ же учинено ему наказаніе, битъ батогами, чтобъ ему и инымъ впредь не повадно было такъ безчинно и невѣжливо въ комедіи поступать.

Проминовалъ годъ, и Русскіе ученики подали донесеніе, въ которомъ жаловались на учителя Фирштa, что онъ учитъ ихъ не съ прилежаніемъ, бываетъ для ученья въ комедійномъ домѣ на малое время, въ недѣлю и въ двѣ является одинъ разъ и учитъ часъ и два и отъ того въ ученьи чинитъ замедленіе; которыя комедіи они выучили, и тѣ по его нерадѣнію въ комплементахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ дѣйствуютъ въ нетвердости, почему и просили, чтобы выбрать изъ нихъ же Русскихъ комедіантовъ одного человѣка или двухъ, по усмотрѣнію, для того, чтобы дѣйствовать въ рѣчахъ въ твердости, дабы можно было дѣйствовать и безъ него, учителя. Они требовали, чтобы учитель приходилъ въ комедійный домъ два раза въ недѣлю учить комплементовъ, въ зимнее время со втораго часа по шестой, въ лѣтнее время съ третьяго по десятый часъ. Доношеніе подписалъ третій комедіантъ Петръ Боковъ.

Дальнѣйшая исторія этого уже не придворнаго, а общедоступнаго публичнаго театра выходитъ изъ предѣловъ нашего описанія. Упомянемъ только, что Комедіантскій домъ у Никольскихъ воротъ существовалъ еще въ 1733 г., когда его предполагали возобновить, а затѣмъ было повелѣно этотъ домъ больше не строить [1].

---

[1]) Сборникъ Архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, II, 311—319. Наши Опыты изученія Русскихъ древностей, II, 432 и слѣд.

Правая сторона Никольской улицы была занята дворами соборнаго духовенства и двумя монастырскими подворьями. У самыхъ Никольскихъ воротъ было пустое мѣсто въ 12 саж. въ квадратѣ, гдѣ существовалъ общественный колодезь, занимавшій мѣсто въ 1½ саж. въ квадратѣ. Онъ находился въ 9 саж. отъ городовыхъ воротъ, въ 3 саж. отъ Никольской и въ 2 саж. отъ Житницкой улицъ, въ пространствѣ между улицами на 6½ саж.

Затѣмъ слѣдовалъ (1626 и 1657 гг.) дворъ соборнаго дьякона Аѳанасія на 5½ саж. ширины по воротамъ или по улицѣ и на 7 саж. длины вглубь двора съ одной стороны отъ Никольскихъ воротъ и на 10 саж. съ другой противоположной стороны.—Рядомъ слѣдовалъ дворъ Благовѣщенскаго попа Алексѣя на 15 саженяхъ ширины по улицѣ и на 14 саж. длины вглубь двора. Возлѣ этого двора находилось подворье Новодѣвичьяго монастыря (въ 1626 г. Рождественскаго Владимірскаго монастыря) шириною по воротамъ 21 саж., въ заднемъ концѣ 11 саж. и длиною со стороны поповскаго двора 12 саж., со стороны переулка 21½ саж. (по другому чертежу 29 саж.).—Переулокъ, который назовемъ Симоновскимъ, шириною былъ въ 2 саж., а длиною 32½ саж. Пространство отъ городовыхъ воротъ до переулка равнялось 55 саж. (по другому чертежу насчитывается 53 саж.). Онъ проходилъ между воротами теперешнихъ зданій Арсенала и Судебныхъ мѣстъ и по другому чертежу имѣлъ длины 24½ саж., что невѣрно [1]). По переулку съ противоположной стороны находилось другое подворье, подворье Симонова монастыря, выходившее частію своего двора и на Никольскую улицу. За Симоновскимъ подворьемъ стоялъ дворъ попа Владиміра въ 1626 г., а въ 1676 г., дворъ Благовѣщенскаго собора ключаря Василья Климонтова, занимавшій мѣсто длиною по улицѣ на 10½ саж., шириною въ обоихъ концахъ по 7½ саж. Въ межахъ дворъ примыкалъ съ одной стороны къ патріаршему конюшенному двору, позади къ огороду боярскаго двора Сем. Лук. Стрѣшнева и съ третьей стороны къ Симоновскому подворью. Въ 1676 г. этотъ дворъ пустовалъ и по челобитью патріарха былъ ему отданъ для распространенія патріаршаго конюшеннаго двора, по какому случаю сохранилась и опись поповскихъ хоромъ, служащая вообще ха-

[1]) Планы Москвы XVII вѣка. М., 1898 г. Разнорѣчивыя показанія мѣры, встрѣчающіяся и ниже, мы помѣщаемъ въ скобкахъ.

рактеристикою деревянныхъ построекъ въ Кремлѣ и бытовыхъ порядковъ жившаго здѣсь духовенства. «А на томъ дворѣ хоромнаго строенія», говоритъ эта опись, «горница съ комнатою на жилыхъ подклѣтахъ; противъ ихъ сѣни съ вышкою, а изъ сѣней крыльцо всходное о дву лѣстницахъ. Позади горницы и комнаты сѣни. Баня дву сажень. Погребъ дубовый трехъ сажень; надъ тѣмъ погребомъ напогребница съ сушиломъ трехъ сажень. Подлѣ напогребницы и сушила на столбахъ сушило жъ рубленое четырехъ сажень; а подъ тѣмъ сушиломъ погребъ дубовой. А по другую сторону воротъ конюшня, а на ней сушило старое. А около того двора съ трехъ сторонъ огорожено заборомъ. Да подлѣ сушила и погреба ворота о дву щитахъ да калитка...»

Таковы были необширныя постройки въ Кремлѣ, принадлежавшія духовному чину. Такія же постройки существовали и на боярскихъ дворахъ для дворовыхъ людей управляющаго чина. Хоромы самихъ бояръ, конечно, были несравнимо обширнѣе и сложнѣе.

Житницкая улица.

Теперь перейдемъ къ обозрѣнію дворовъ по улицѣ Житницкой, которая отъ Никольскихъ воротъ направлялась почти-что по линіи зданія Арсенала къ Троицкому подворью и къ Троицкимъ воротамъ.

Справа отъ воротъ на планѣ Кремля временъ Годунова, слѣд. въ концѣ XVI ст., здѣсь отъ угловой Кремлевской башни Собакиной и до средней глухой башни у самой стѣны показанъ длинный рядъ городскихъ Житницъ, впереди которыхъ, по самой ихъ серединѣ, выходя на улицу, стояли хоромы и дворъ боярина Григорія Васильевича Годунова († 1598), двоюроднаго брата Борису, заслужившаго добрую память за то, что держалъ себя передъ властителемъ Борисомъ независимо, не одобрялъ его злодѣйскихъ козней и не пошелъ къ нему въ совѣтъ для убіенія царевича Димитрія. Есть свидѣтельство, что Борисъ уморилъ его отравою въ тотъ же годъ, какъ померъ царь Ѳедоръ Иван., у котораго онъ былъ любимымъ ближнимъ бояриномъ, исполняя должность дворецкаго еще со временъ Грознаго.

Кто владѣлъ этимъ дворомъ въ царствованіе Бориса Году-

нова, неизвѣстно, но вѣроятно кто-либо изъ Годуновскаго же родства.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ весь этотъ Кремлевскій уголъ, застроенный теперь Арсеналомъ, отъ самыхъ воротъ и до угловой Собакиной башни съ значительнымъ пространствомъ и по городовой стѣнѣ со стороны Неглинной, находился во владѣніи боярина князя Бориса Михаиловича Лыкова-Оболенскаго, который былъ женатъ на родной теткѣ царя Михаила, Настасьѣ Никитичнѣ Романовыхъ. Онъ получилъ это мѣсто не только по родству съ царемъ, но еще болѣе за многую службу.

Лыковъ Б. М. появляется на царской службѣ въ 1596 г. *рындою* при пріемѣ Цесарскаго посла. Это даетъ поводъ предполагать, что молодой Лыковъ былъ красивой наружности, такъ какъ въ рынды избирались стольники дворяне, обладавшіе именно этимъ качествомъ. Въ 1600 г. онъ воеводствовалъ въ Бѣлгородѣ. Но видимо, что онъ не сочувствовалъ Годуновскому царствованію и потому при появленіи Самозванца не помедлилъ передаться на его сторону и по его распоряженію усердно приводилъ къ кресту на его имя Украинные города. Въ это же время, идя съ полками наскоро къ Москвѣ, Самозванецъ указалъ ему быть воеводою въ Большомъ полку вторымъ подлѣ кн. Вас. Вас. Голицына. Въ тотъ же 1605 г., когда Самозванецъ возсѣлъ на Московскомъ престолѣ, Лыковъ получилъ немаловажную должность крайчаго, а вскорѣ потомъ и важный санъ боярина въ 1606 г. Такое быстрое повышеніе объясняется поведеніемъ Самозванца, который въ качествѣ истиннаго сына Грознаго, сокрушивъ Годуновыхъ съ ихъ сторонниками, необходимо долженъ былъ тотчасъ же возвысить свое родство Нагихъ и частію Романовыхъ; а Лыковъ, какъ упомянуто, былъ женатъ на сестрѣ Ѳедора (Филарета) Никитича Романова, Анастасіи Никитичнѣ. Этотъ бракъ и въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича много способствовалъ его приближенію къ царской семьѣ и къ тому почету, какимъ онъ тогда пользовался.

Послѣ Самозванца онъ исправно служилъ царю В. И. Шуйскому во всѣхъ важныхъ военныхъ дѣлахъ, воеводствуя иногда и въ полкахъ Скопина-Шуйскаго противъ Поляковъ и Русскихъ воровъ, противъ Лисовчиковъ и Тушинцевъ.

Во время Московской Розрухи, когда государствомъ управляли

именемъ королевича Владислава и подъ руководствомъ Поляка Гонсѣвскаго знаменитые сидячіе въ Кремлѣ бояре, Лыковъ, кажется, сидѣлъ также въ ихъ числѣ.

Въ первые годы царствованія царя Мих. Ѳед. Лыковъ прославился усмиреніемъ разорителей Государства, повсюду рыскавшихъ для грабежа казаковъ, такъ что этотъ его подвигъ заслужилъ даже вниманіе лѣтописцевъ, описавшихъ его дѣла съ должною подробностью. Потомъ онъ отличился въ войнѣ противъ Владислава въ 1617 и 1618 гг.

Затѣмъ въ 1632 г., во время новой войны съ Поляками, онъ былъ назначенъ идти подъ Смоленскъ въ товарищахъ съ кн. Дм. Мамстрюковичемъ Черкасскимъ. Такое назначеніе ему очень не понравилось и онъ билъ челомъ государю, что ему съ кн. Черкасскимъ быть нельзя, потому что у него, кн. Черкасскаго, *обычай тяжелъ* и передъ нимъ онъ, Лыковъ, старъ, служитъ государю 40 лѣтъ, а лѣтъ съ тридцать ходитъ своимъ набатомъ (турецкій барабанъ), а не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ. Но кн. Черкасскій съ своей стороны билъ челомъ на Лыкова о безчестіи и оборони. Государь принялъ сторону Черкасскаго и указалъ за его безчестье доправить на бояринѣ князѣ Лыковѣ въ пользу Черкасскаго его окладъ жалованья вдвое— 1200 р.

Однако вмѣсто обоихъ на службу подъ Смоленскъ были назначены Б. М. Шеинъ и Д. М. Пожарскій.

Порядки и уставы мѣстничества обездоливали тогдашнихъ людей большого и малаго чина. Въ самомъ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, въ 1613 г. сентября 8, на праздникъ Рождества Богородицы, государь велѣлъ быть у чиновнаго стола боярамъ кн. Ѳ. И. Мстиславскому, Ив. Никитичу Романову и ему, кн. Лыкову, чѣмъ оказывался ему не малый почетъ; но онъ заявилъ государю, что ему меньше Романова быть невмѣстно, а Романовъ сталъ бить челомъ о безчестьи. Государь раскручинился и говорилъ Лыкову много разъ, чтобъ онъ у стола былъ, а подъ Романовымъ ему быть можно. Вѣроятно, въ виду большой кручины государя, Лыковъ смирился и сѣлъ за столъ подъ Романовымъ, и когда послѣ стола по обычаю государь жаловалъ бояръ, подавалъ имъ чаши, Лыковъ ходилъ къ чашѣ послѣ Ив. Ник. Романова, и послѣ стола уже не билъ челомъ о своей невмѣстимости.

Но въ другой разъ 1614 г. на Вербное воскресенье, 17 апр., когда былъ назначенъ такой же чиновный и почетный столъ съ тѣми же самыми лицами, Лыковъ снова сталъ бить челомъ, что подъ Романовымъ ему быть невмѣстно по отечеству. Въ свою очередь Романовъ билъ челомъ, что Лыковъ тѣмъ его обезчестилъ, что быть съ нимъ у стола не хочетъ. Государь напомнилъ Лыкову о предыдущемъ случаѣ, когда онъ былъ ниже Романова и не жаловался на то, и что вообще ему Борису съ Романовымъ можно быть, повторялъ государь. Но Борисъ въ это время уперся необычайно и говорилъ, что меньше Романова ему никоторыми дѣлы быть невмѣстно. Лучше бы его велѣлъ государь казнить смертью, а меньше Ивана быти не велѣлъ. А если государь укажетъ быть ему меньше Романова по своему государеву родству, что ему государю по родству Иванъ Никитичъ дядя, и онъ Лыковъ тогда съ Ив. Никитичемъ быть готовъ. Государь говорилъ, что меньше Ивана Ник. тебѣ Лыкову быть можно по многимъ мѣрамъ, а не по родству, и онъ бы Лыковъ его государя не кручинилъ, садился бы за столъ подъ Иваномъ Ник. Но Борисъ государева указу не послушалъ, за столъ не сѣлъ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ. Государь велѣлъ послать за нимъ съ приказомъ, чтобъ ѣхалъ къ столу, а если не поѣдетъ, то государь велитъ его Лыкова выдать головою Ивану Ник. Посылали за нимъ два раза съ такимъ наказомъ, но послы возвращались съ отвѣтомъ, что Борисъ не послушался государева указу, къ столу не ѣдетъ, и говоритъ, что онъ ѣхать готовъ къ *казни*, а меньши Ивана Ник. ему не бывать.—Послѣ стола государь послалъ двоихъ дворянъ и велѣлъ имъ, взявъ кн. Бориса, отвести его къ Ивану Никитичу за его безчестье, сказать Ивану Ник. государево жалованье и выдать кн. Бориса ему головою. Такъ это и было исполнено.

Такія мѣстническія стычки случались нерѣдко и получившему должное по уставу мѣстническое возмездіе нисколько не вредили и не измѣняли занятаго имъ въ службѣ положенія.

Въ сентябрѣ того же 1614 г. Лыкову поручена была немаловажная служба—усмирять бродившихъ по всей землѣ разбойниковъ казаковъ.

Послѣ войны съ королевичемъ Владиславомъ онъ въ 1619 г. управлялъ Разбойнымъ приказомъ, потомъ былъ (въ 1620 г.) назначенъ первымъ воеводою въ Казань, гдѣ и воеводствовалъ

до 1622 г. Въ Москвѣ въ 1624 г. и 1626 г. на свадьбахъ государя онъ занималъ очень почетное мѣсто конюшаго съ обязанностію ѣздить всю ночь около сѣнника или спальни новобрачныхъ. За царскими чиновными столами, какъ упомянуто, онъ также занималъ почетныя мѣста. Въ отсутствіе изъ Москвы государя ему поручалось иногда береженье города и царскаго двора въ 1629 и въ 1640 г.

Въ 1628—1629 г. онъ управлялъ Монастырскимъ приказомъ, съ 1629 по 1635—Ямскимъ приказомъ, потомъ въ 1635—1642 г. приказомъ Казанскаго дворца и въ 1638 г. Каменнымъ приказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ иногда въ переговорахъ съ иноземными послами. Его богатство или достатокъ выражались тѣмъ, что при встрѣчахъ пословъ онъ выставлялъ въ нарядѣ своихъ дворовыхъ людей отъ 12 до 16 чел., что должно обозначать среднее состояніе боярскаго житья, ибо болѣе богатые выставляли по 30 человѣкъ.

Прослуживъ лѣтъ 50 слишкомъ, Лыковъ померъ въ старости въ 1646 г., въ годъ вступленія на царство царя Алексѣя Михаиловича.

Дворъ его оставался за его вдовою Анастасіею Никит., умершею въ 1655 г. Передъ кончиною она поступила въ монастырь и скончалась схимницею. При жизни она пользовалась тѣмъ же почетомъ, какъ и ея супругъ.

Наслѣдниковъ послѣ нихъ не осталось, и дворъ ихъ поступилъ во владѣнье государя.

Дворъ боярина занималъ пространство отъ городовой стѣны до улицы со стороны сосѣдняго двора боярина Шереметева 35 (33) саж.; съ другой стороны подлѣ Никольскихъ воротъ 38 саж.; поперекъ, по улицѣ, около 40 саж. й подлѣ стѣны около 45 сажень.

Лыковъ распоряжался въ своемъ дворѣ по-боярски, самовольно, задѣлалъ даже и всходъ на Никольскія ворота особо выстроенною полаткою и возлѣ воротъ у городовой стѣны построилъ каменную церковь во имя Всемилостиваго Спаса и Владимірской Богородицы. Долгое время и послѣ его смерти его дворъ прозывался *Лыковымъ дворомъ*. При царѣ Алексѣѣ Мих. на этомъ дворѣ, вѣроятно, уже по кончинѣ боярыни, вдовы Лыкова, было устроено такъ называемое *Архангельское* подворье. Оно такъ именовалось по поводу принадлежности его Архангельскимъ влады-

камъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ, которые присвоивали себѣ это наименованіе не отъ города Архангельска, тогда бы они прозывались Архангелогородскими, а отъ Архангельскаго Московскаго собора, гдѣ они учреждались для почетнаго поминовенія по усопшимъ великимъ князьямъ и царямъ.

Сколько извѣстно, первымъ изъ этихъ владыкъ былъ Еласунскій (Галасунскій) архіепископъ изъ Грековъ, прибывшій въ Москву съ патріархомъ Іереміею въ 1588 году, и по всему вѣроятію въ то время, когда патріархъ поставлялъ на мѣста многихъ другихъ Русскихъ владыкъ, и Арсеній былъ учрежденъ богомольцемъ въ Архангельскомъ соборѣ. О немъ въ запискѣ (1610 г.) о царскомъ дворѣ сказано, что «безотступно живетъ у царскихъ гробовъ у Архангела и служитъ завсегда по родителѣхъ государскихъ». При тѣхъ гробахъ онъ находился и въ Смутное время, сидя съ боярами въ плѣну у Поляковъ въ Кремлѣ.

Въ это время къ концу сидѣнья съ нимъ совершилось чудо. Онъ изнемогалъ отъ голода, какъ и всѣ Кремлевскіе сидѣльцы, уже готовился къ смерти и отходную себѣ проговорилъ, лежа въ своей кельѣ. Вдругъ слышитъ, кто-то подошелъ тихо къ кельѣ и творитъ входную обычную молитву: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». Архіепископъ едва уже могъ отвѣтить—аминь. Въ келью вошелъ чудотворецъ Сергій и въ кельѣ возсіялъ велій свѣтъ. Святый чудотворецъ проговорилъ ему, что ради молитвъ Богородицы и всѣхъ святыхъ Господь Богъ на утро градъ Китай предастъ въ руки христіанъ и враговъ низложитъ. Такъ и случилось 22 октября 1612 г.

При немъ же, еще въ 1610 г. октября 20, за 9 мѣсяцевъ до низложенія съ царства Шуйскаго (17 іюля 1611 г.), слѣдовательно предъ началомъ настоящей Смуты, въ Архангельскомъ соборѣ совершилось особое чудо.

Въ полночь съ четверга на пятницу были услышаны гласы плачевные и шумъ большой, аки нѣкія сопротивоборныя бесѣды и потомъ псальмское священнословіе, гласъ поющихъ 118 псалма и со аллилуями. И потомъ съ плачемъ прекратился гласъ. Слышали это соборные сторожа и разсказали людямъ. Многіе отъ народа тогда говорили, что царство Шуйскаго съ плачемъ окончится.

Кто же плакалъ плачевными голосами и шумѣлъ въ соборѣ, какъ не погребенные въ немъ великіе князья и цари, созидатели

Московскаго Государства, пришедшаго теперь къ конечному разоренію и опустошенію, прямо къ явной погибели. Какъ ярко и выразительно высказалось въ этой легендѣ религіозное чувство народа, глубоко сознававшаго политическую гибель Государства.

Неизвѣстно, въ какой мѣстности Кремля находились кельи архіепископа Арсенія при началѣ его поселенія. По его указанію его домъ находился возлѣ древняго цейхгауза или Оружейнаго Дома, на планѣ Годунова обозначеннаго именемъ Хобро, о чемъ мы говорили выше, стр. 222. Во время сидѣнья въ Кремлѣ Поляковъ въ 1611 г. этотъ домъ взорвало и онъ погорѣлъ, а съ нимъ сгорѣла и нѣкоторая часть дома Арсенія. Имѣя въ виду мѣстоположеніе упомянутаго цейхгауза за Хобро на восточномъ краю Кремлевской площади, мы указывали мѣстность Арсеніева дома возлѣ домовой церкви во дворѣ князей Черкасскихъ, такъ какъ самъ Арсеній говоритъ, что «въ своемъ домѣ, находящемся вблизи дворца, онъ устроилъ церковь св. вмч. Димитрія Мироточиваго, украсивши ее и паперть ея внутри и внѣ, покрывши всю бѣлою жестью» [1]).

У князей Черкасскихъ и въ началѣ XVII ст. существовала церковь того же вѳимя, о чемъ упомянуто выше, стр. 211. Потомъ она была освящена во имя Владимірской Богоматери.

При царѣ Алексѣѣ Мих. для помѣщенія Архангельскихъ владыкъ, исполнявшихъ упомянутое поминовеніе въ Архангельскомъ соборѣ, было отдѣлено мѣсто во дворѣ Лыкова, вѣроятно, вскорѣ послѣ кончины его вдовы, которое потомъ стало именоваться *Архангельскимъ подворьемъ*, по имени владыкъ Архангельскаго собора, какъ и они прозывались Архангельскими. Сколько намъ извѣстно, первый съ этимъ наименованіемъ появляется въ 1660 г. Архангельскій архіепископъ Стефанъ. При немъ, вѣроятно, и основалось подворье. За нимъ слѣдуетъ Сербскій митрополитъ Ѳеодосій (1662—1667), почему подворье именуется *митропольимъ*. Потомъ является Сербословенскій епископъ Іоакимъ (съ 1667—1673 г.), именовавшій себя Сербословенскимъ и Архангельскимъ.

Для устройства подворья изъ двора Лыкова былъ отдѣленъ его уголъ, прилегавшій къ Никольскимъ воротамъ и къ науголь-

1) А. Дмитріевскій, Архіепископъ Елассонскій Арсеній. Кіевъ, 1899, стр. 156, 207.

ной Собакиной башнѣ, на пространствѣ по улицѣ въ 15 или 20 саж. Для подворья тутъ же существовала и упомянутая Лыковская церковь Всемилостиваго Спаса.

Это подворье примѣчательно тѣмъ обстоятельствомъ, что сюда былъ привезенъ въ декабрѣ 1666 г. судимый тогда на соборѣ патріархъ Никонъ. Тогдашній пріѣздъ его въ Москву и пребываніе на подворьѣ описываетъ его келейникъ, Иванъ Шушера, слѣдующимъ образомъ:

Патріарху повелѣно было прибыть въ Москву въ ночь 1-го декабря 1666 г. за 3 или за 4 часа до свѣта съ небольшими людьми. Онъ и пріѣхалъ въ ночь часа за 4 до свѣта на субботу на 1-е декабря.

«И везоша насъ (изъ Воскресенскаго монастыря) на Ваганково (за Прѣсней), потомъ въ Смоленскія ворота (Арбатскія), на Каменный мостъ (у Троицкихъ воротъ Кремля); въ воротахъ Каменнаго моста многіе фонари поставлены, осматривали, кто и сколько людей ѣдетъ. Съ патріархомъ было 30 чел. и больше. И пріидоша къ Архангельскому подворью, что было въ Кремлѣ у воротъ Никольскихъ. Тѣ ворота тотчасъ затворили. Патріархъ прибылъ во уготовленный ему дворъ, существуетъ тотъ дворъ во градѣ Кремлѣ у Николаевскихъ воротъ *въ углѣ града*, что именуется *Лыковъ дворъ*[1]). Въ храминахъ были уготовлены возженныя многія свѣчи. Время было уже къ разсвѣту. Когда всѣ пріѣхавшіе собрались во дворѣ, то къ воротамъ и окрестъ двора поставлены были крѣпкія и великія стражи, чтобы отнюдь никто не могъ не только во дворъ войдти или изъ двора выйдти, но даже никому и мимо идти не было возможно, при чемъ и Николаевскія ворота затворили крѣпко, дабы не было тѣмъ путемъ проходу, и самый мостъ при воротахъ внѣ Кремля, черезъ ровъ, разобрали».

Все такъ устроивалось по повелѣнію царя въ видахъ предупрежденія смуты въ Московскомъ народѣ, который принималъ живое участіе въ этомъ церковномъ замѣшательствѣ. Привезенные Никономъ съѣстные запасы для прокормленія своихъ людей,

---

[1]) Современники отмѣчаютъ о дворѣ: „что бывалъ боярина кн. Б. М. Лыкова, а теперь было подворье Архангельскаго митрополита Θеодосія; поставленъ на дворѣ Сербскаго митр. Θеодосія, что былъ дворъ Б. М. Лыкова“.

по случаю строгаго надсмотра за нимъ, были всѣ отправлены на его подворье Воскресенское, находившееся въ Китай-городѣ, такъ что на всю братію осталась случайно сохраненная только четвертина хлѣба. Люди цѣлыя сутки голодали. Четвертина была раздѣлена и съѣдена. Оставалось умирать съ голоду. Тогда самъ патріархъ вышелъ на высшую храмину двора и возгласилъ къ сторожевымъ стрѣлецкимъ сотникамъ (а стражи стрѣлецкой было до 1000 человѣкъ), чтобы извѣстили государю, что патріархъ Никонъ и протчіе съ нимъ помираютъ отъ голода. Одинъ изъ сотниковъ пошелъ и доложилъ объ этомъ боярамъ; дошелъ слухъ о томъ и до самого государя, повелѣвшаго отпустить изъ дворца ѣствы и питіе. Немедленно подьячіе съ Кормоваго и Сытнаго дворцовъ привезли цѣлые возы всякаго корму и питія. Однако Никонъ не принялъ этого царскаго угощенія, сказавши, что лучше зеліе ѣсть (травы) съ любовію, нежели тельца упитаннаго со враждою. Онъ просилъ у государя дать людямъ свободу входить и выходить со двора невозбранно. Царь разгнѣвался, но разрѣшилъ это только однимъ людямъ патріарха, которые тогда же и перевезли свои запасы съ Воскресенскаго подворья.

12 декабря Судъ Вселенскихъ патріарховъ постановилъ патріарха Никона отставить съ патріаршества и сослать его въ Ферапонтовъ монастырь. Въ народѣ это событіе произвело большое волненіе, и когда по царскому повелѣнію назначенъ былъ отъѣздъ Никона (рано утромъ на другой день, т.-е. 13 декабря), то весь Кремль наполнился множествомъ народа, желавшаго видѣть осужденнаго и проводить бывшаго своего архипастыря. Не было только извѣстно, въ какія ворота Кремля онъ будетъ вывезенъ. По царскому указу стрѣльцы, не яко съ яростію, но тихо выпроводили народъ въ Спасскія ворота, увѣряя толпу, что осужденный патріархъ пойдетъ въ эти ворота и потомъ по Срѣтенской улицѣ. Между тѣмъ, когда Кремль опустѣлъ отъ народной толпы, Никона увезли по прежнему пути въ Троицкія ворота по Арбатской или Смоленской улицѣ.

12 дней жилъ патріархъ на дворѣ Лыкова и на Архангельскомъ подворьѣ, и описатель его житія Иванъ Шушера разсказываетъ, что чуть не каждую ночь и даже днемъ патріархъ принужденъ былъ слышать стоны и вопли, происходившіе близко за стѣною Кремля на Земскомъ дворѣ (гдѣ нынѣ зданіе Истори-

ческаго музея), отъ великихъ пытокъ, которымъ подвергались тамъ судимые по разнымъ преступленіямъ, какъ бы для того, чтобы устрашать патріарха и его людей, при чемъ въ послѣднюю ночь проносилось слово (молва), что это мучатъ Ивана Шушеру, преданнаго патріарху его келейника.

За выдѣломъ мѣстности на Архангельское подворье отъ двора Лыкова оставалось еще значительное пространство шириною по стѣнѣ Кремля на 28 (30), а по улицѣ на 25 ($24^1/_2$) сажень, и въ длину между стѣною и улицею на 37 (38) саж. со стороны подворья и на 35 (33) саж. со стороны сосѣдняго Шереметевскаго двора. Въ стоявшихъ посреди двора хоромахъ боярина были впослѣдствіи помѣщены Иноземскій и Рейтарскій Приказы и тутъ же находился такъ называемый *Опасный* дворъ, особая стоянка стрѣльцовъ для сторожбы и для полицейскихъ розыскныхъ надобностей. Въ 1675 г. съ этого двора были отправлены 50 человѣкъ стрѣльцовъ для уголовныхъ розысковъ въ Тверской уѣздъ.

Въ 1677 г. часть Лыкова двора была отдѣлена для помѣщенія переведеннаго сюда Симоновскаго подворья. Въ государевомъ дворцѣ въ это время поднимались происки со стороны партіи царевны Софьи противъ царицы Натальи Кирилловны и ея малолѣтняго сына Петра съ коварною цѣлью выселить ихъ изъ отцовскаго дома подальше куда-либо. Налицо оказался свободнымъ прилегавшій къ дворцовымъ строеніямъ дворъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, бывшій Бѣльскаго и Голицына, на межѣ съ подворьемъ Симонова монастыря, почему для большаго пространства понадобилось присоединить ко двору Стрѣшнева и это подворье, которое и было переведено на дворъ Лыкова съ отдѣленіемъ для него земли мѣра въ мѣру, сколько оно занимало на своемъ старомъ мѣстѣ. Пространство его земли заключало въ себѣ 35 саж. въ длину и 12 саж. въ ширину. То самое число сажень и было отдѣлено возлѣ Архангельскаго подворья по улицѣ 12 саж., а вглубь двора къ городовой стѣнѣ 35 саж.; въ томъ числѣ было занято и мѣсто упомянутыхъ Приказовъ.

Въ томъ же году иноки на новую землю перевезли и построили кельи и всякое дворовое строеніе.

Въ 1678 г. имъ была выдана и жалованная грамота владѣть новымъ подворьемъ вѣчно и впредь неподвижно.

Однако, какъ увидимъ, эта вѣчность продолжалась не долго. Но и дворецъ для царицы Натальи Кирилловны на томъ мѣстѣ, которое и было для него приготовлено, не былъ выстроенъ, и все мѣсто поступило подъ новый дворцовый Запасный дворъ (см. статью о дворѣ Бѣльскаго и Голицына), который со всѣхъ сторонъ былъ обнесенъ каменною оградою.

Въ 1688 г. генваря 8 послѣдовалъ указъ царей, т.-е. царевны Софьи, чтобы подворья Симонова и Донскаго монастырей, устроившіяся на Лыковомъ дворѣ, были переведены на прежнія мѣста, чтобы хоромное и всякое дворовое строеніе было снесено и дворъ былъ бы очищенъ (быть можетъ для того, чтобы помѣстить здѣсь большой стрѣлецкій караулъ).

Подворье Донскаго монастыря прежде находилось въ бывшемъ дворѣ С. Л. Стрѣшнева, гдѣ потомъ былъ дворцовый плотничный дворъ и поварни. На томъ мѣстѣ для подворья теперь было отведено земли возлѣ Симоновскаго подворья, въ длину 22 саж., въ противоположномъ концѣ по переулку 18½ саж., поперекъ 12 саж., въ другомъ концѣ, опять возлѣ Симоновскаго подворья, 19 саж., на что была выдана крѣпостная даная [1]).

Неизвѣстно, оставался ли рядомъ съ подворьями и Опасный стрѣлецкій дворъ, для котораго свободнаго мѣста оставалось еще слишкомъ 12 саж.

Необходимо также упомянуть, что на мѣстѣ, отведенномъ для новаго Симоновскаго подворья и дальше на всемъ пространствѣ двора, повидимому, назначалась постройка Житницъ, планъ которыхъ изображенъ въ изданіи «Планы города Москвы XVII в.», стр. 11. Были ли построены такія Житницы,—неизвѣстно.

Въ концѣ XVII ст. на мѣстности Лыкова двора существовалъ уже дворъ Вас. Ѳед. Салтыкова, кравчаго у царя Іоанна Алексѣевича изъ комнатныхъ стольниковъ. Дворъ Салтыкова между прочимъ занялъ мѣстность и Донскаго подворья, которое по этому случаю было переведено на старое свое мѣсто, какъ упомянуто выше.

Бѣдственную исторію этого подворья кратко излагаетъ архимандритъ монастыря Антоній (1689—1705) въ челобитной царю Петру Алексѣевичу.

---

[1]) Наше „Описаніе Донскаго монастыря“, изд. 2, М. 1893 г., стр. 120.

«Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, по вашему, великаго государя, указу дано намъ было богомольцамъ твоимъ подворье въ Кремлѣ городѣ, возлѣ Никольскихъ воротъ, ради соборнаго пѣнія, и то подворье у насъ взято и отдано боярину Ѳеодору Петровичу Салтыкову (отцу упомянутаго Вас. Ѳед.). Да по вашему же великаго государя указу вмѣсто взятаго нашего подворья дано намъ иное подворье въ Кремлѣ жъ городѣ, позадь Патріарши конюшни. И на тѣ подворья даны намъ жалованныя грамоты и даныя. И послѣ того и тое подворье у насъ взято и отдано Симонову монастырю, а намъ велѣно пріискивать подворья въ иномъ мѣстѣ. И по сіе число мы, богомольцы твои, пріѣзжая въ соборную святую церковь, не имѣемъ никакова нигдѣ пріюту и скитаемся по всему граду Москвѣ, аки заблуждшія овцы, не имѣющія пристанища».

Архимандритъ просилъ отдать монастырю пустовавшій дворъ за Москвою-рѣкою у новаго Каменнаго моста (Описаніе Донскаго монастыря, стр. 127).

Дальше по Житницкой улицѣ, за дворомъ Лыкова слѣдовалъ смежный ему дворъ боярина Ѳед. Ив. Шереметева, принадлежавшій потомъ князьямъ Одоевскимъ. По межѣ отъ Кремлевской стѣны до мостовой улицы онъ простирался на 35 саж., но дальше улица уклонялась нѣсколько вправо и потому дворъ къ своему концу по этой линіи долженъ былъ имѣть меньше 35 саж. Какъ далеко этотъ дворъ простирался по линіи стѣны, точныхъ указаній не имѣемъ. Существовавшая на этомъ дворѣ церковь Бориса и Глѣба стояла вблизи глухой башни, раздѣляющей стѣну между Троицкими воротами и наугольною Собакиною башнею на двѣ равныя половины.

Можно полагать, что Шереметевскій дворъ по линіи стѣны занималъ пространство сажень на 40 или на 50 отъ межы Лыкова двора.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст., при Годуновѣ, этотъ дворъ принадлежалъ дядѣ царя Бориса, боярину конюшему Дмитрію Ивановичу Годунову, по смерти котораго (въ 1605 г.) при царѣ Шуйскомъ былъ отданъ знаменитому племяннику царя Михаилу Васил. Скопину-Шуйскому, а послѣ Смуты тотчасъ же

былъ отданъ по приговору правящихъ бояръ во владѣнье боярину Ѳед. Ив. Шереметеву, сидѣвшему во все Смутное время въ Кремлѣ съ Поляками и по всему вѣроятію сидѣвшему на этомъ самомъ дворѣ, такъ какъ послѣ Скопина и въ Смутное время дворъ несомнѣнно пустовалъ.

Дм. Ив. Годуновъ находился въ большомъ приближеніи у Грознаго, получивъ въ 1571 г. самую приближенную къ царю должность постельничаго. Въ 1573 г. былъ возведенъ въ санъ окольничаго, а въ 1578 г. въ санъ боярина. Можно сказать, что онъ открывалъ широкую дорогу къ возвышенію рода Годуновыхъ, потому что первый изъ этого рода выдвинулся на поприщѣ царской службы. За нимъ слѣдовалъ его родственникъ Степанъ Вас., получившій въ 1576 г. санъ окольничаго. Потомъ за ними уже слѣдовалъ и Борисъ Ѳед. Годуновъ, получившій въ 1578 г. тоже важнѣйшую должность по приближенію къ царю, именно должность кравчаго, а потомъ, въ 1581 г., боярскій санъ. За Борисомъ шелъ братъ Степана, Иванъ Вас., въ тотъ же годъ получившій санъ окольничаго, а въ 1584 г. и боярскій санъ вмѣстѣ съ братомъ Григоріемъ Вас., о которомъ говорено выше.

При Грозномъ Дмитрій Ив. въ служебномъ распорядкѣ постоянно двигался впереди Бориса, который перегналъ его только при воцареніи Ѳедора Ив. и при собственномъ воцареніи далъ ему высокую должность конюшаго (въ 1599 г.). Въ этой должности онъ померъ въ 1605 г. во время крушенія царственной семьи Годуновыхъ.

Въ супружествѣ за нимъ была Аграфена, занимавшая на свадьбѣ Грознаго на Маріи Нагой, въ 1580 г., третье мѣсто въ сидячихъ боярыняхъ.

Бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ очень позаботился укрѣпить за собою упомянутый дворъ Д. И. Годунова. 26 ноября 1612 г., то-есть спустя только мѣсяцъ послѣ выхода Поляковъ изъ Кремля, бояринъ получилъ отъ временныхъ правителей князя Трубецкаго и кн. Пожарскаго слишкомъ поспѣшную какъ бы законную *данную* на владѣнье этимъ дворомъ, въ которой сказано, что дворъ данъ взамѣнъ стараго его собственнаго двора, при чемъ перечислены и существовавшія на этомъ дворѣ различныя постройки въ томъ видѣ, какъ онѣ оказывались послѣ Московской Розрухи и Кремлевскаго *сидѣнья*. «А на дворѣ храмъ (Бориса и

Глѣба), а въ немъ четыре престола, да подъ ними три полаты, да три погребы; да полата каменая, а подъ нею подклѣтъ, да погребъ, да двѣ хлѣбни каменыхъ не покрыты, да мыльня, да поварня каменые; да у храму подъ лѣстницею избушка каменая, да къ стѣнѣ (городовой) придѣланы два погреба каменые безъ сводовъ, не покрыты. И боярину Ѳ. И. Шереметеву, заключаетъ даная, на томъ мѣстѣ дворъ строить и владѣть тѣмъ мѣстомъ, чѣмъ владѣлъ бояринъ Дм. Ив. Годуновъ».

По вступленіи на царство Михаила Ѳедоровича, черезъ полгода отъ написанія упомянутой даной, это владѣніе было утверждено за Ѳ. Ив. царскою жалованною грамотою отъ 19 мая 1613 г., въ которой опись построекъ не приведена вполнѣ, но упомянуто, что храмъ былъ каменный во имя Бориса и Глѣба да четыре предѣла, а подъ ними три полаты и пр., и сказано, что мѣсто отдается боярину взамѣнъ стараго его двора, что у него взялъ царь Борисъ въ Кремлѣ же городѣ, а на томъ его старомъ мѣстѣ было полатъ и передѣловъ и погребовъ и поваренъ и сушилъ каменныхъ 26.

Къ концу своихъ дней бояринъ завѣщалъ свой дворъ зятю своему князю Никитѣ Ив. Одоевскому, женившемуся въ 1622 г. на его дочери Евдокіи Ѳедоровнѣ.

Въ написанной имъ 29 ноября 1645 г. весьма обстоятельной духовной грамотѣ бояринъ разсказалъ и о томъ, что онъ вновь выстроилъ на своемъ дворѣ, и по какому случаю этотъ дворъ поступилъ въ его владѣніе. «А поставилъ я на томъ своемъ дворѣ трои хоромы каменные, а на нихъ верхніе полаты, а подъ ними полата жъ да мыльня; а у всѣхъ хоромъ сѣни и крыльцы да сушилы и чердакъ и поварня и хлѣбня каменные; а что была поварня, и я подъ нею сдѣлалъ ледникъ, а въ поварнѣ полату. А тѣмъ дворомъ пожаловалъ меня блаженныя памяти государь царь и вел. князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи вмѣсто взятаго моего двора, что взялъ у меня дворъ съ полаты царь Борисъ Ѳедоровичъ въ Кремлѣ городѣ, противъ Николы Гостунскаго (нынѣ Малый Николаевскій дворецъ) и тотъ мой дворъ разорилъ: двадцат шесть житей полатныхъ и погребныхъ велѣлъ разломати. А тотъ дворъ былъ государя царя Ивана Васильевича роднова брата, князя Юрья Васильевича. И царь Иванъ Васильевичъ тотъ дворъ далъ отцу моему Ивану Васильевичу, а за тотъ дворъ ве-

лѣлъ взяти у отца моего, у Ивана Вас., двема дворами и деньгами 7800 рублевъ».

Почтенный авторъ «Исторіи рода Шереметевыхъ», А. П. Барсуковъ, присовокупляетъ къ вышеизложеннымъ свѣдѣніямъ, что «Ѳ. Ив. Шереметевъ крѣпко сѣлъ на пожалованномъ мѣстѣ. Онъ развелъ въ немъ *два сада*, исправилъ старыя зданія и выстроилъ много новыхъ», что впослѣдствіи дворъ Шереметева заключалъ въ себѣ будто бы 62 полаты (быть можетъ покоевъ). Намъ кажется, что эта цифра слишкомъ велика для того пространства, какое могъ занимать описанный дворъ.

Передавая дворъ въ наслѣдство своему зятю кн. Н. И. Одоевскому, бояринъ Шереметевъ въ своей духовной приказывалъ зятю отдать дворъ никому иному изъ своихъ дѣтей, какъ только сыну князю Якову, любимому внуку боярина. «Дѣтемъ своимъ никоторому не дати, а дати сыну своему, а моему внуку князю Якову».

Такъ это и исполнилось, но зять Никита Ив., далъ Богъ здоровья, прожилъ до 1689 г., когда 12 февраля и скончался. Внукъ Яковъ Никит. скончался въ 1697 г. Послѣ него дворомъ владѣла его вдова кн. Анна Михаиловна, при которой по повелѣнію Петра I въ 1701 г. дворъ былъ назначенъ къ разборкѣ по случаю постройки на этой мѣстности нынѣшняго Арсенала подъ названіемъ Цейхгауза.

Ѳед. Ив. Шереметевъ появляется, сколько извѣстно по Разряднымъ записямъ, въ 1592 г. дворяниномъ, занимавшимъ мѣсто довольно почетное за царскимъ столомъ по случаю крещенія новорожденной дочери царя Ѳедора Ив., Ѳеодосіи.

За этимъ столомъ безъ мѣстъ присутствовали въ числѣ бояръ, большею частью Годуновыхъ, только два дворянина и вторымъ изъ нихъ былъ Шереметевъ.

Женитьбою на княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской, дочери Мароы Никитичны Романовой, сестры Ѳедора, впослѣдствіи Филарета Никитича Романова, Шереметевъ породнился съ домомъ Романовыхъ и потому съ одной стороны пріобрѣлъ подозрительность и гоненіе отъ Годунова, заодно съ Романовыми, а съ другой, какъ родственникъ Романовыхъ, пріобрѣлъ впослѣдствіи весьма знатное положеніе въ боярской средѣ. Воцарившійся Годуновъ сначала отправилъ его на службу въ Черниговъ, а потомъ

въ 1601 г., когда произошла опала на Романовыхъ, въ Сибирь, въ Тобольскъ воеводою, гдѣ онъ оставался до 1603 г.

Явное дѣло, что сочувствовать Годунову онъ не могъ, а потому при появленіи Самозванца, когда престолъ Годунова сталъ колебаться, посланный противъ ложнаго царя подъ Кромы (гдѣ и рѣшилась судьба Годунова), а потомъ въ Орелъ, Шереметевъ передался Самозванцу вмѣстѣ съ В. В. и Ив. В. Голицыными и встрѣтилъ его въ Орлѣ какъ истиннаго царя, за что потомъ и возведенъ былъ въ санъ боярина, и занялъ свое мѣсто 16-мъ изъ 31.

Затѣмъ, отъ кого получилъ боярство, того самаго вмѣстѣ съ В. Ив. Шуйскимъ и долженъ былъ уничтожить.

При царѣ Шуйскомъ смута разгорѣлась со всѣхъ сторонъ. Самозванцы стали расти какъ грибы. Въ Астрахани появился Петръ царевичъ, будто сынъ царя Ѳедора Иван. Усмирять Астраханскій мятежъ Шуйскій послалъ Шереметева. Но воевода не осилилъ мятежниковъ и безъ успѣха пошелъ къ Москвѣ, однако со славою очищая и приводя на сторону Шуйскаго всѣ Понизовскіе Поволжскіе города.

Царь послалъ ему жалованное слово за этотъ походъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выговоръ, что государевымъ дѣломъ не радѣетъ, идетъ къ Москвѣ мѣшкотно, такъ какъ Москвѣ со всѣхъ сторонъ угрожала опасность.

Такъ онъ дошелъ до Суздаля, гдѣ встрѣтилъ полки Лисовскаго и былъ безславно побитъ, потому что не доглядѣлъ, что подъ Суздалемъ нѣтъ крѣпкаго мѣста, гдѣ пѣшимъ людямъ укрѣпиться, все пришли поля. Конные полки Лисовскаго скоро разгромили пѣшихъ въ числѣ 6000 человѣкъ.

Вообще прославляемый походъ Шереметева хотя и ободрилъ Москву вначалѣ, но не принесъ ни малѣйшей пользы Шуйскому, дни царствованія котораго уже были сочтены. Все оставалось попрежнему. Смута разгоралась все сильнѣе, и вскорѣ несчастнаго боярскаго царя смѣстили съ престола и даже постригли въ монахи.

Знаменитые семь бояриновъ стали править Государствомъ и заставили народъ присягнуть этому управленію, поставляя непремѣннымъ условіемъ, чтобы народъ слушался и повиновался имъ и чтобы избраніе царя, кого Богъ дастъ, было совершено голосомъ всей Земли, сношеніемъ со всѣми городами.

Шереметевъ вошелъ въ составъ этой семибоярщины, которая тотчасъ и нарушила уставъ крестоцѣловальной записи, склонившись безъ опроса всей Земли и городовъ къ избранію въ цари Польскаго королевича Владислава.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сверженія Шуйскаго, 17 августа былъ подписанъ договоръ съ Гетманомъ Жолкѣвскимъ объ этомъ избраніи, въ которомъ между прочимъ говорилось, чтобы Поляковъ не пускать въ городъ безъ согласія бояръ и безъ нужды, безъ дѣла. Но прошелъ еще мѣсяцъ и 17 сентября 1610 г. Поляки благополучно вошли въ Кремль и поселились тамъ на долгое житье.

Таковы были дѣла семибоярщины. Она себѣ же надѣла на шею польскую петлю. Конечно, все это творилось изъ опасенія предъ Тушинскимъ Воромъ. Но здѣсь же высказывались и коренныя стремленія боярства, заботы о своемъ кормленіи, которое возможнѣе было добывать, когда существовалъ уже избранный царь законный, раздающій такое кормленіе.

Договоръ утвердили избранные старшіе бояре Мстиславскіе, Голицыны и Шереметевы.

Спустя недѣлю или около того, какъ Поляки водворились въ Кремлѣ, Шереметевъ уже послалъ къ Польскому королю и новому Московскому царю Владиславу усердное челобитье о *вотчинныхъ деревнишкахъ* и счелъ необходимымъ писать объ этомъ и къ канцлеру Сапегѣ, милостивому пану и добродѣю, дабы онъ смиловался, помогъ ему въ посланномъ къ королю и царю челобитьѣ. Къ тому бояринъ прибавлялъ, что служба его и правда королю и царю вѣдомы гетману Станиславу Станиславовичу Жолкѣвскому (А. И., II, 355).

30 ноября 1610 г. боярину данъ листъ на отчину его прародительскую на Рязани, село Спасово и пр.

Вслѣдъ затѣмъ бояринъ получилъ въ помѣстный и денежный боярскій окладъ вотчину въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ на тысячу четвертей (500 десятинъ) пашни, но снова билъ челомъ, что тою вотчиною ему съ людьми прожить невозможно и просилъ пожаловать его по отечеству и по службѣ его къ королю, вѣрной и зычливой, дать ему въ Суздальскомъ уѣздѣ Корсаковскую волость, гдѣ пашни 2000 четвертей (1000 десятинъ), а денежныхъ доходовъ 1000 руб. Король пожаловалъ мая 4, 1611 г., въ то самое время какъ въ Москву собралось Ляпуновское ополченіе. Кре-

млевскіе бояре присягнули Владиславу и вмѣстѣ съ тѣмъ служили вѣрою и правдою и самому Сигизмунду, а потому и писали во всѣ города, чтобы народъ не поднимался противъ Поляковъ.

Шереметевъ подписывалъ эти грамоты не изъ страха, а съ увѣренностью въ своей правдѣ, т.-е. въ присягѣ Владиславу.

Всенародное множество во всѣхъ городахъ мыслило иначе. Почитая Поляковъ съ ихъ королемъ, какъ католиковъ, богохульными еретиками, народъ собирался очистить Москву именно отъ владычества Поляковъ и съ своей, вполнѣ Русской, точки зрѣнія справедливо называлъ Кремлевскихъ бояръ измѣнниками Русскому дѣлу.

Проживая въ Кремлѣ, Шереметевъ занялъ для своего поселенія пустовавшій дворъ Д. И. Годунова, о чемъ говорено выше.

При царѣ Михаилѣ Ѳед. Шереметевъ занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ тогдашнемъ служебномъ порядкѣ. Избравшій царя Земскій Совѣтъ посылаетъ его въ челобитчикахъ къ новому царю, чтобъ успокоилъ царство, шелъ бы царствовать немедля. Извѣстно, что избранный молодой царь и его мать Марѳа Ивановна вначалѣ не очень радовались этому избранію, опасаясь, что и съ этимъ царемъ можетъ случиться то же самое, что случилось съ боярскими царями, Годуновымъ, Самозванцемъ, Шуйскимъ. Поэтому и требовалось большое челобитье и крѣпкое увѣреніе, что теперь такихъ случаевъ не произойдетъ. Какъ передовой представитель Земскаго Совѣта изъ боярской среды, Шереметевъ тѣмъ самымъ выдвинулся главнымъ дѣятелемъ этого всенароднаго челобитья, конечно, въ подчиненіи общему совѣту духовныхъ властей и всѣхъ посланныхъ челобитчиковъ, а ихъ изъ всѣхъ званій было очень много, цѣлый полкъ.

На походѣ съ избраннымъ государемъ въ Москву, во время стоянки въ Ярославлѣ, Шереметевъ нашелъ это время очень удобнымъ для челобитья государю о своихъ личныхъ дѣлахъ, именно о томъ, чтобы разбѣжавшіеся и расхищенные въ Смутное время изъ его вотчины крестьяне были неуклонно собраны и водворены попрежнему въ старыхъ своихъ дворахъ въ его вотчинѣ. Здѣсь вновь выразилась особенная заботливость Шереметева о своемъ боярскомъ кормленіи.

Какъ только царь прибылъ въ Москву (2 мая 1613 г.), бояринъ не помедлилъ выпросить у него подтвердительную грамоту

на владѣнье дворомъ въ Кремлѣ, принадлежавшимъ прежде Дм. Ив. Годунову. Грамота дана 19 мая того года. Другая грамота, выданная 23 мая, доставляла ему льготы по сбору денежныхъ доходовъ съ его Нижегородскихъ вотчинъ. Затѣмъ въ теченіи полутора года имя Шереметева не упоминается въ служебныхъ Разрядахъ. При торжествѣ царскаго вѣнчанія 11 іюля онъ также не участвуетъ. Есть свѣдѣніе, именно въ книгѣ объ избраніи на царство Михаила, стр. 61, что Ѳед. Ив. Шереметевъ во время церемоніи держалъ яблоко великодержавное, т.-е. державу, но офиціальныя Разрядныя записи свидѣтельствуютъ, что яблоко держалъ кн. Д. М. Пожарскій. Это подтверждаетъ и новый лѣтописецъ.

Надо замѣтить, что книга объ избраніи составлена знаменитымъ А. С. Матвѣевымъ лѣтъ 60 послѣ событія, уже при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, и о царскомъ вѣнчаніи многое въ ней описано съ преувеличеніемъ уже согласно чину вѣнчанія царя Алексѣя Михаиловича. Вѣнчаніе царя Михаила на самомъ дѣлѣ было проще и бѣднѣе.

Достопамятная служба Ѳед. Иван. началась въ 1618 г. по случаю переговоровъ о мирѣ съ Поляками, проведенныхъ съ большимъ успѣхомъ на радость царя и всѣхъ людей Московскаго Государства. Миръ былъ заключенъ, плѣнные размѣнены и въ томъ числѣ возвратился въ Москву и отецъ государя, Филаретъ Никитичъ, что и представляло для царя самую великую радость.

Хотя миръ былъ счастливо заключенъ только на 14½ лѣтъ, но это событіе было важнѣйшимъ дѣломъ для Государства и лично для самого царя, а потому заслуга Ѳедора Ив. возвысила его въ боярской средѣ особымъ приближеніемъ къ царю, какъ одного изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ.

Съ этого времени и молодой государь и отецъ его Филаретъ Никитичъ, возведенный въ санъ патріарха и взявшій въ свои руки управленіе Государствомъ, оказывали Ѳед. Ив. полнѣйшее расположеніе и довѣріе. Во время выѣздовъ царя изъ города ему почти всегда поручалось береженье и охрана царской семьи, царскаго дворца и всей Москвы.

Когда въ 1632 г. срокъ перемирія съ Поляками оканчивался, снова поднялась съ ними несчастная Смоленская война, послѣ которой заключенъ былъ уже вѣчный миръ, установлять который

опять было поручено Ѳед. Ив. съ товарищами и опять дѣло окончилось съ должною славою для боярина-дипломата.

На ратномъ поприщѣ Ѳед. Ив. не отличался и повидимому не проявлялъ никакой склонности воеводствовать, хотя одно время при Шуйскомъ, какъ упомянуто, побѣдоносно двигался отъ Астрахани по Поволожью, поражая мятежныя скопища, а потомъ былъ побитъ Поляками подъ Суздалемъ, гдѣ его воеводская неосмотрительность выразилась во всей полнотѣ.

Зато въ гражданскомъ управленіи онъ пользовался большимъ довѣріемъ царя и въ разное время управлялъ весьма значительными Приказами: въ 1617 г.—Разбойнымъ, 1638 г.—Стрѣлецкимъ и Большой Казны, 1638—1645 гг.—Приказомъ, что *на сильныхъ бьютъ челомъ*, 1645 г. — Новой Чети, 1644—1646 гг. — Аптекарскимъ.

Въ ряду боярскихъ родовыхъ отношеній онъ занималъ среднее положеніе, какъ и относительно своего богатства, которое можно измѣрять числомъ такъ называемыхъ даточныхъ (дворовыхъ) людей, выставляемыхъ по случаю въѣздовъ иноземныхъ пословъ. Онъ высылалъ для этой церемоніи 16—20 человѣкъ, въ то время какъ другіе богатые бояре выставляли по 25 и 30 человѣкъ, а менѣе достаточные 8—10 человѣкъ.

Бояринъ скончался въ 1650 году и дворъ свой завѣщалъ своему зятю князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ неотмѣннымъ наказомъ передать дворъ никому другому изъ его сыновей, какъ только одному князю Якову, любимому внуку Шереметева.

Кн. Никита Ивановичъ Одоевскій знатностью своего рода (отъ Михаила Черниговскаго) и большимъ приближеніемъ къ царю Михаилу, а потомъ къ его сыну Алексѣю Михаиловичу и внуку Ѳедору Алексѣевичу, занималъ въ боярской средѣ первенствующее положеніе почти до самыхъ дней прямого воцаренія Петра въ 1689 г. Видное это положеніе при царскихъ особахъ онъ получилъ по наслѣдству отъ своего отца, боярина Ивана Никитича Одоевскаго Большаго, получившаго боярскій санъ при Разстригѣ въ 1606 г.

Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что онъ находился въ родствѣ съ семьею Романовыхъ, быть можетъ по женитьбѣ на ихъ родственницѣ. Онъ померъ въ 1616 г.

Вскорѣ послѣ его смерти его сынъ Никита въ 1619 г. уже

столничаетъ стольникомъ 1-й статьи при царскихъ столахъ и смотритъ въ большой столъ, т.-е. распоряжается угощеніемъ сидѣвшихъ за этимъ почетнымъ столомъ; въ другое время онъ вина наряжаетъ, т.-е. ведетъ угощеніе винами. Кромѣ того, въ извѣстныхъ церемоніальныхъ случаяхъ исполняетъ должность рынды, стоя у царскаго трона съ топоромъ-бердышемъ. Такія должности свидѣтельствуютъ, что князь Никита въ эти годы былъ уже въ возрастѣ, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ и притомъ былъ красивъ собою, такъ какъ въ рынды, какъ мы упоминали, ставились молодые люди, отличавшіеся своею осанкою и красотою.

Въ 1633 г. Никита былъ назначенъ второстепеннымъ воеводою подъ начальство кн. Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго идти подъ Смоленскъ выручать несчастнаго боярина Шеина.

Стольникъ и воевода кн. Одоевскій по мѣстническимъ соображеніямъ заявилъ государю, что съ бояриномъ кн. Черкасскимъ ему быть сомнительно, въ его версту никто съ нимъ не былъ, а потому чтобы тѣмъ бытьемъ съ кн. Черкасскимъ не случилось его отечеству, роду Одоевскихъ, порухи. На это кн. Черкасскій отвѣтилъ, что Одоевскій тѣмъ наноситъ ему безчестіе, и просилъ государя оборонить его отъ такого безчестія. Государь рѣшилъ, что Одоевскій не правъ, и повелѣлъ за безчестіе кн. Черкасскаго посадить его въ тюрьму. Въ тюрьму его повелъ кн. Горчаковъ, но, не доходя Спасскихъ воротъ, государь пожаловалъ велѣлъ его воротить и въ тюрьму не сажать. Такія мѣстническія стычки нисколько не служили помѣхою въ остальныхъ отношеніяхъ къ государю.

1640 г. кн. Одоевскій былъ пожалованъ въ бояре и отправленъ главнымъ воеводою въ Астрахань, гдѣ и находился на службѣ до 1642 г. Возвратившись въ Москву, онъ занялъ среди бояръ выдающееся мѣсто. Въ отсутствіе изъ Москвы государя сталъ вѣдать царскій дворъ и городъ Москву, т.-е. исполнять должность нынѣшняго генералъ-губернатора. Ему же поручаются дипломатическіе переговоры съ Датскими послами, по случаю сватовства Датскаго королевича Волдемара за дочь царя Михаила Ѳед. Ирину; въ 1644 г. и потомъ въ 1645 г. съ Литовскимъ посломъ.

Въ этотъ разъ Одоевскому случилась другая мѣстническая стычка. Вести переговоры съ посломъ назначенъ былъ кн. Никита

и въ товарищахъ къ нему бояринъ же Иванъ Петровичъ Шереметевъ, который тотчасъ же билъ челомъ государю въ отечествѣ на кн. Никиту, что ему съ нимъ быть невмѣстно. Черезъ три дня боярину Шереметеву въ переднихъ сѣняхъ царскихъ хоромъ думнымъ разряднымъ дьякомъ былъ сказанъ слѣдующій государевъ указъ: Билъ ты челомъ на боярина кн. Н. И. Одоевскаго въ отечествѣ и ты билъ челомъ не по дѣлу. Родители ваши при прежнихъ государяхъ безпрестанно съ Одоевскими бывали, а на нихъ государямъ не бивали челомъ; быть тебѣ меньше боярина кн. Н. И. Одоевскаго можно по многимъ случаямъ; вездѣ Шереметевы съ Одоевскими бывали въ товарищахъ безсловно, и потому за безчестье боярина кн. Н. И. Одоевскаго велѣлъ государь тебя послать въ тюрьму. Отводилъ въ тюрьму дворянинъ Ив. Толбузинъ.

Въ 1645 г. іюля противъ 13 числа въ 4-мъ часу ночи (по теперешнему счету въ 12-мъ часу ночи) скончался царь Михаилъ Ѳед. Кн. Никита Ивановичъ не помедлилъ присягою сыну покойнаго, царевичу Алексѣю Мих., и какъ первенствующій бояринъ тотчасъ сталъ всѣхъ приводить ко кресту.

Повидимому, кн. Никита Ив. обладалъ такими достоинствами своего ума и познанія, и своего характера и поведенія, которыя во многихъ случаяхъ давали ему передовое мѣсто въ боярской средѣ и особенно привлекали къ нему доброе расположеніе молодого 16-лѣтняго государя, въ высокой степени чувствительнаго ко всякому добру и общему благу и къ доброй, честной и правдивой службѣ своихъ любимыхъ бояръ.

Въ 1648 г. князю Никитѣ было поручено важнѣйшее государственное дѣло—составленіе своднаго Соборнаго Уложенія, едва ли не по мысли князя и поставленное на очередь къ исполненію.

Нѣсколько разъ ему поручалось и воеводство въ полкахъ: въ 1646 г. противъ Татаръ въ Бѣлгородѣ, въ 1651—1653 гг. онъ былъ главнымъ воеводою въ Казани, куда были написаны ему царемъ Алексѣемъ самыя дружелюбныя и любезнѣйшія письма, одно о принесеніи въ Москву св. мощей Филиппа митроп., другое въ утѣшеніе ему о смерти его сына Михаила, гдѣ въ полной мѣрѣ раскрывается сердобольная любовная душа достопамятнаго царя.

Во время очень счастливой войны съ Польшею въ 1654—1656 гг.

подъ предводительствомъ самого государя кн. Никита былъ воеводою въ передовомъ полку и вмѣстѣ съ другими полками въ 1654 г. взялъ Оршу и разгромилъ полки Гетмана Радивила.

Въ это же время, когда началась война и со Швеціей и когда съ Поляками велись уже мирные переговоры, кн. Никита былъ посланъ въ Вильну полномочнымъ посломъ на съѣздъ съ польскими комиссарами, на которомъ Поляки заявили, что царь Алексѣй избранъ королемъ Польскимъ. Это было для царя очень радостное событіе, о которомъ онъ поспѣшилъ увѣдомить и царицу, при чемъ въ очень выгодномъ свѣтѣ поминалось и имя Никиты.

Но это былъ коварный обманъ, котораго кн. Одоевскій съ товарищи не сумѣли разсмотрѣть и въ простотѣ души повѣрили ему. А обманъ былъ устроенъ только для того, чтобы прекратить несчастную для Литвы войну.

Надо замѣтить, что въ Вильну на съѣздъ кн. Никита отправился съ двумя своими сыновьями—кн. Өедоромъ, уже бояриномъ, назначеннымъ къ отцу въ товарищи, и съ младшимъ кн. Яковомъ. Кн. Өедоръ вскорѣ на съѣздѣ же и скончался.

Въ послѣдующіе годы кн. Никита въ качествѣ полномочнаго посла велъ всѣ переговоры съ Поляками не только о временномъ, но и о вѣчномъ мирѣ. Однако по возникшимъ политическимъ обстоятельствамъ безъ малѣйшей удачи.

Опять началась война уже не совсѣмъ счастливая, окончившаяся въ 1664 г. перемиріемъ на 13 лѣтъ, которое съ трудомъ заключилъ уже болѣе искусный дипломатъ Ордынъ-Нащокинъ.

Принадлежа къ небольшому кругу бояръ *ближнихъ*, именуемыхъ также и *комнатными*, т.-е. кабинетными, кн. Никита и между ними пользовался выдающимся положеніемъ. Чаще, чѣмъ другимъ, ему поручалось обереганіе царскаго двора и Москвы въ отсутствіе государя. Въ придворныхъ обрядахъ онъ также всегда занималъ очень почетныя мѣста. Во время посольскихъ пріемовъ стаивалъ у царскаго трона съ правой стороны.

На свадьбѣ царя Алексѣя Мих. съ Марьею Ильиничною Милославскихъ, въ 1648 г., занималъ мѣсто дружки государя, а на свадьбѣ съ Натальею Кирилловною Нарышкиною, въ 1671 г., занималъ мѣсто посаженаго отца.

Нерѣдко во время выѣздовъ государя сиживалъ съ нимъ въ его каретѣ, что почиталось великимъ почетомъ.

Въ Вербное воскресенье водилъ иногда осля подъ патріархомъ, что означало, что онъ занималъ мѣсто самого государя.

Само собою разумѣется, что и за царскими столами онъ всегда первенствовалъ, когда былъ приглашаемъ.

Въ гражданскихъ, городскихъ и государственныхъ дѣлахъ ему также поручались наиболѣе важныя и довѣренныя обязанности. Такъ, въ 1663 г. онъ былъ посланъ съ духовными властями въ Воскресенскій новаго Іерусалима монастырь къ Никону *для духовныхъ дѣлъ*, т.-е. разбирать дѣло бывшаго патріарха. Въ 1668—1671 гг. онъ управлялъ Приказомъ Большой Казны, въ 1643 г.—Приказомъ Казанскаго Дворца, Сибирскимъ Приказомъ—въ 1644—1646 гг.

Въ 1659 г., когда, по слухамъ, въ Москвѣ ожидали нашествіе Крымскаго хана и стали укрѣплять городъ, кн. Никитѣ было поручено дѣлать вокругъ всего города земляной валъ и по валу острогъ, деревянный тынъ изъ стоячихъ бревенъ.

Въ 1675 г. мая 30, по особому порученію государя, кн. Никита Ив. производилъ розыскъ о вѣдомой ворихѣ и ворожеѣ слѣпой дѣвкѣ Өенькѣ, которая жила въ дому кн. Ө. Ө. Куракина, дядьки царевича.

Дядькѣ тотчасъ было приказано сидѣть въ своемъ дворѣ и до указу никуда не выѣзжать, а дѣвку и людей его лучшихъ у него взять и пытать ихъ жестокою пыткою накрѣпко.

Дѣвку на пыткѣ разспрашивали, гдѣ она ѣздила и по которымъ боярскимъ дворамъ, и по скольку жила въ которомъ дворѣ съ людьми своего боярина кн. Куракина и съ дѣвками, и съ женскимъ поломъ, и сколько ихъ человѣкъ ѣздило съ нею, и бояринъ кн. Куракинъ про то вѣдалъ ли и княгиня его, какъ она, Өенька, ѣздила съ людьми его, и съ дѣвками и съ боярскими боярынями и съ работными женками; и будучи у князя въ домѣ, съ кѣмъ она ѣла и жила?

Показанія Өеньки коснулись и стороннихъ людей и въ томъ числѣ коснулись стольника и ближняго человѣка Никиты Ивановича Шереметева и съ женою. Допросъ имъ былъ слѣдующій:

Почему Өенька ему, Шереметеву, и женѣ его знакома, и за что онъ ее дарилъ и тѣлогреи на нее дѣлалъ атласныя и камчатныя, и сколь давно у нихъ съ нею учинилось знакомство, и

сколько у него она, Ѳенька, въ домѣ жила, и часто ль къ нему приходила и въ которые мѣсяцы, недѣли и дни?

При этомъ велѣно было разспросить и его дворовыхъ людей и дѣвокъ и боярскихъ боярынь и верховыхъ ребятъ, которые у нихъ въ верху живутъ, и работныхъ дѣвокъ и женокъ, которыя съ нею ходили и ѣздили и куда?

Коснулось дѣло и тестя Никиты Шереметева, Смирнова Григорьева Свиньина, который съ женою долженъ былъ отвѣчать на тѣ же самые вопросы.

Несчастная Ѳенька съ пытокъ умерла и погребена въ Убогомъ дому.

Доклады объ этомъ дѣлѣ государь принималъ при комнатныхъ боярахъ, окольничихъ и думныхъ дворянахъ, что́ свидѣтельствуетъ о немаловажномъ значеніи дѣла для самого государя.

Въ 1678 году и по день своей кончины (12 февр. 1689 г.) кн. Никита управлялъ Аптекарскимъ Приказомъ, которое управленіе тогда же, февр. 15, перешло къ его сыну Якову Никитичу.

По случаю кончины царя Алексѣя Мих., въ 1676 г. генв. 30, въ 4-мъ часу ночи, ему, какъ старѣйшему изъ бояръ, снова выпало на долю быть главнымъ распорядителемъ по приведенію всѣхъ чиновъ къ присягѣ царевичу Ѳеодору Алекс.

Въ ту же ночь въ деревянныхъ хоромахъ государя, въ Передней, къ вѣрѣ приводили всѣхъ, кто тутъ прилучился, князь Никита да сынъ его Яковъ Никитичъ, а послѣ того въ Столовой приводилъ къ присягѣ Яковъ Никитичъ. Въ Успенскомъ соборѣ во всю ночь также совершалась должная присяга.

Царь Ѳедоръ столько же, если еще не больше, благоволилъ и къ отцу и къ его сыну Якову Одоевскимъ.

Въ 1681 г. мая 9 царь учредилъ нѣчто въ родѣ Сената, особую Комиссію, указавъ у *расправныхъ* дѣлъ быть и вѣдать Москву, когда государь бываетъ въ походахъ, избраннымъ лицамъ: 3-мъ боярамъ, 3-мъ окольничимъ, 3-мъ думнымъ дворянамъ и 12 думнымъ дьякамъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Никиты Ивановича.

При царѣ Ѳеодорѣ Ал. и по кончинѣ его кн. Никита Иван. почти каждый годъ на празднествѣ Новолѣтія, 1 сентября, по обыкновенію говорилъ отъ лица всѣхъ чиновъ поздравительныя рѣчи сначала самому государю, а затѣмъ патріарху, властямъ и всему освященному собору.

Въ послѣдній разъ (въ годъ своей кончины) онъ говорилъ такія рѣчи 5 генваря 1689 г. въ праздникъ навечерія Богоявленія, а 12 февраля его уже не стало. Несомнѣнно, въ это время ему было лѣтъ девяносто.

Изъ частной жизни кн. Никиты Ив. выдается одинъ случай, записанный даже въ государевой Разрядной книгѣ, какъ необыкновенное явленіе.

«Въ 1675 г. іюня 14», свидѣтельствуетъ эта записка, «изволеніемъ Божіимъ были громы великіе и молніи большія. Въ то число ѣхалъ бояринъ кн. Н. И. Одоевскій изъ подмосковной своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило, да у него жъ дву *робятъ верховыхъ* [1]), которые съ нимъ сидѣли въ коретѣ, оглушило жъ и привезли къ Москвѣ чють живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него жъ, боярина, убило двухъ человѣкъ служивыхъ людей до смерти, а человѣкъ съ десять оглушило жъ и молніею обожгло; да у него жъ, боярина, убило громомъ въ коретѣ дву возниковъ (лошадей) до смерти».

На другой день, 15 іюня, снова «былъ громъ великій и молніи большія и отъ того грому убило сокольника до смерти, да 3 человѣкъ за Москвою рѣкою посадскихъ, да на Устрѣтенской улицѣ и за Покровскими вороты и за Яузскими побило всякихъ розныхъ чиновъ людей громомъ 20 человѣкъ; да отъ молнія многія башни и дворы загоралися».

Однако послѣ такого страшнаго случая кн. Никита черезъ нѣсколько времени оправился въ своемъ здоровьѣ и 10 іюля того же года, когда государь выѣхалъ на Воробьеву гору, сидѣлъ съ нимъ въ коретѣ, что, конечно, составляло для него великую почесть.

Въ бытность кн. Никиты на воеводствѣ въ Казани (1652 г.) царь Алексѣй Мих. написалъ къ ему достопамятное письмо, извѣщая его о печальной кончинѣ его сына Михаила. Царь въ то время, 1 ноября, выѣхалъ въ село Покровское тѣшиться охотою и, разъѣзжая по полямъ, завернулъ въ подмосковную вотчину князя въ село Вешняково. Описывая, какъ разболѣлся его

---

[1]) Такъ именовались робята—мальчики, жившіе въ верху, т.-е. въ боярскихъ комнатахъ, исполнявшіе должности пажей.

сынъ, государь пишетъ между прочимъ: «И (въ) тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ (сынъ) здравъ былъ, потчивалъ меня, да радъ (радостенъ) таковъ (былъ), а его такова радостна николи не видалъ. Да лошадью онъ да (братъ его) князь Ѳедоръ челомъ (мнѣ) ударили, и я молвилъ имъ: Потоль я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ? И онъ, плачучи, да говоритъ мнѣ: Мнѣ де государь тебя не видать здѣсь. Возьмите государь для ради Христа, обрадуй батюшку и насъ. Намъ же и до вѣка такова гостя не видать. И я, видя ихъ нелестное прошеніе и радость несумѣнную, взялъ жеребца темносѣра. Не лошадь дорога мнѣ, всего лучше ихъ нелицемѣрная служба и послушанье и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалися мнѣ всѣмъ сердцемъ. Да жалуючи тебя и ихъ, вездѣ былъ, и въ конюшняхъ, всего смотрѣлъ, во всѣхъ жилищахъ былъ, и кушалъ у нихъ въ хоромѣхъ; и послѣ кушанья послалъ я къ Покровскому тѣшиться въ рощи въ Карачельскія. Онъ со мною здоровъ былъ и пріѣхалъ (я) того дни къ ночи въ Покровское. Да жаловалъ ихъ обоихъ виномъ и романеею и подачами и корками (пряниками) (?). И ѣли у меня, и какъ отошло вечернее кушанье, а онъ всталъ изъ-за стола и началъ стонать головою, голова де безмѣрно болитъ, и началъ бить челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить для головной болѣзни да и пошелъ домой...»

Царю, конечно, самому было не безъ особой печали, что смертная болѣзнь случилась именно у него на вечернемъ пиру, и потому его письмо исполнилось самаго сердечнаго соболѣзнованія и утѣшенія бѣдному отцу. Царь увѣдомлялъ также, что и на выносъ и на все погребальное онъ послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, пишетъ государь, что, опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня никаво у васъ нѣтъ. И я радъ ихъ и васъ жаловать. Только ты, князь Никита, помни Божію милость, се наше жалованье. Какъ живова его пожаловалъ, такъ и поминать радъ...

Въ концѣ письма царь собственноручно приписалъ: князь Никита Ивановичъ! Не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ.

Таковы были отношенія государя къ своему комнатному боярину и его семьѣ.

Сельцо Вешняково съ пустошами, находящееся возлѣ Кускова,

принадлежало боярину Ѳед. Ив. Шереметеву, и по духовному завѣщанію, написанному еще въ 1645 г., назначалось въ собственность любимому внуку, кн. Якову, который и получилъ его по смерти дѣда боярина Ѳ. И. Шереметева въ 1650 г.

Кн. Яковъ Никитичъ по стопамъ родителя началъ свою службу въ 1650 г. *ближнимъ человѣкомъ* въ обычныхъ должностяхъ стольника, чашника, рынды, ясаула, а затѣмъ въ 1663 г. возведенъ въ санъ боярина и занялъ тѣ же мѣста, какія всегда занималъ и его отецъ. Пожалованный бояриномъ, онъ тогда же, дней черезъ 10, назначенъ главнымъ воеводою въ Астрахань, гдѣ по заведенному порядку воеводствовалъ года три и потомъ въ 1671 г. опять былъ отправленъ на это воеводство тоже на три года. Кромѣ обычныхъ дѣлъ главнаго воеводы, государь поручалъ ему призывать изъ-за моря, буде въ Астрахани и на Теркѣ нѣтъ тутовыхъ и виноградныхъ садовъ садовниковъ, присылать тутовое деревье, арбузныя и иныя сѣмена, шелковыхъ червей, поставлять бумагу хлопчатую при посредствѣ уговорщиковъ иноземцевъ. Все это требовалось для разведенія знаменитаго Измайловскаго государева хутора.

Въ 1675 г. марта 17 онъ былъ посланъ въ Ростовъ для государева тайнаго дѣла и для сыску и съ нимъ въ товарищахъ бояринъ Артемонъ Серг. Матвѣевъ съ думными дьяками и подьячими цѣлою канцеляріею. Велѣно разспросить жену стольника Алексѣя Богданова Мусина-Пушкина [1]), Арину, и велѣно ее пытать накрѣпко.

Какое это было дѣло, неизвѣстно, но оно сопровождалось слѣдующими распоряженіями государя:

Въ одно время съ посылкою на розыскъ бояръ и канцеляріи были отправлены для *заставы* въ дворцовыя села по Троицкой дорогѣ въ Танинское, Братовщину, Воздвиженское головы Москов. стрѣльцовъ разныхъ Приказовъ, каждый со своимъ Приказомъ-полкомъ, и велѣно имъ допрашивать, кто съ Москвы поѣдетъ или къ Москвѣ, какого чину и для какого дѣла и писемъ всякихъ досматривать.

---

[1]) Онъ былъ стольникомъ изъ комнаты и упоминается съ 1649 г.; въ 1654 г. былъ посланъ съ жалованнымъ словомъ и о здоровьѣ спросить къ боярину кн. Алексѣю Никит. Трубецкому.

По сыску бояръ бѣдную Арину велѣно сослать изъ ея Ростовской деревни, изъ села Угорючи, въ ея же деревню на Вологду, а сына ея Ивана велѣно оставить въ Ростовской деревнѣ. Да къ ней же велѣно посылать съ Москвы стрѣльцовъ по 100 чел. по перемѣнамъ для караулу, а съ ними стольниковъ тожъ почередно. Провожали ее въ Вологодскую деревню 50 чел. стрѣльцовъ.

Того же году послѣ этого распоряженія кн. Яковъ Никитичъ по указу государя ѣздилъ въ свою вотчину Звенигородскую въ село Вырюпино для сыску; и по сыску боярина и по докладу государю указано ѣхать стольнику Андрею Елизарову въ Вырюпино и казнить двухъ человѣкъ портныхъ мастеровъ,—одному голову отсѣкли, другому языкъ вырѣзали и сосланъ въ Сибирь на вѣчное житье совсѣмъ съ женою и съ дѣтьми и со всѣми животы въ службу.

Къ тому же Ростовскому и Ярославскому дѣлу былъ привлеченъ и сокольникъ Изотъ Полозовъ, а также и сестры Арины, жена стряпчаго Алексѣя Луговскаго и жена стольника Ивана Борисова-Пушкина, которые содержались подъ стрѣлецкимъ карауломъ, не указано къ нимъ пущать на дворъ и съ двора никого до государева указу. Для очной ставки съ этими людьми была привезена въ Москву и сама Арина и съ сыномъ и также отдана за крѣпкіе караулы, не велѣно къ ней пущать на дворъ и съ двора никого, и съ нею говорить и съ сыномъ ея не давать.

Дѣло іюня 7 закончилось тѣмъ, что виновныя—Арина Мусина-Пушкина и ея двѣ сестры—сосланы въ дальнія ихъ деревни, Арина въ свою Ростовскую Угорючи, а помѣстья и вотчины ихъ отписаны на государя. Сынъ Арины Иванъ пропалъ безъ вѣсти. Однако при царѣ Ѳедорѣ Алекс. онъ появляется въ 1679 г. въ числѣ стольниковъ, а въ 1683 г. въ числѣ окольничихъ. Въ 1698 г. сент. 9 пожалованъ въ бояре за Астраханскую его многую службу и за всякое въ своихъ государевыхъ дѣлахъ радѣніе съ милостивою грамотою изъ Разряда. Съ этого времени онъ становится любимымъ сотрудникомъ Преобразователя Петра, который при учрежденіи Сената избираетъ его первымъ въ члены этого важнѣйшаго учрежденія, а потомъ въ 1710 г. жалуетъ ему графскій титулъ. Главнѣйшія его заслуги были по управленію Монастырскимъ приказомъ и имѣніями духовенства, въ точной

исполнимости намѣреній и цѣлей Преобразователя, по смерти котораго онъ потерпѣлъ крушеніе и умеръ въ 1729 г. въ ссылкѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ.

При царѣ Ѳед. Ал. кн. Яковъ вѣдаетъ нерѣдко государевъ дворъ и Москву въ отсутствіе царя и въ 1681 г. управляетъ приказомъ Казанскаго Дворца.

По смерти царя Ѳедора Ал. онъ первенствуетъ въ средѣ боярства и въ 1689 г. по смерти своего отца управляетъ Аптекарскимъ приказомъ.

Во время борьбы царевны Софьи съ домомъ Нарышкиныхъ со стороною царя Петра, кн. Яковъ, повидимому, держалъ себя очень осторожно и явно не примыкалъ ни къ какой сторонѣ, занимая по мѣстническимъ порядкамъ первое мѣсто среди бояръ. Въ послѣдній день Софьина правительства, 29 августа 1689 г., когда она собралась было идти въ Троицкій монастырь къ убѣжавшему туда царю Петру, кн. Яковъ сопровождалъ ее первымъ по мѣсту, а 2-мъ былъ ея любимецъ, В. В. Голицынъ. Извѣстно, что Петръ воротилъ ее съ дороги, сказавши, что иначе поступлено будетъ съ нею нечестно. Она возвратилась въ Москву 31 авг. въ 7-мъ часу ночи (во второмъ пополуночи) на 1 сентября.

Черезъ недѣлю, 7 сентября, она была отрѣшена отъ управленія царствомъ, а 12 числа кн. Якову Никитичу повелѣно вѣдать Полату Расправныхъ дѣлъ, тогдашній Сенатъ, гдѣ онъ начальствовалъ и въ 1690-хъ годахъ.

Въ военныхъ дѣлахъ ему не приходилось участвовать. Онъ скончался въ 1697 г. Былъ женатъ на Аннѣ Михаиловнѣ, неизвѣстно какой фамиліи, которая оставалась владѣтельницею двора до 1701 г., когда для строенія Арсенала этотъ дворъ былъ разобранъ до материка.

Слѣдуя по Житницкой улицѣ дальше, возлѣ двора Дм. Ив. Годунова, принадлежавшаго потомъ Шереметеву и князю Одоевскому, находимъ дворъ Семена Никитича Годунова, примыкавшій къ Троицкимъ воротамъ.

Семенъ Никитичъ прославился, по выраженію Карамзина, какъ новый Малюта Скуратовъ, самыми гнуснѣйшими дѣлами, служа усердно коварнымъ цѣлямъ своего родственника, царя Бориса, который при своемъ воцареніи пожаловалъ ему въ 1598 г. санъ

окольничаго, а въ 1603 г. санъ боярина, вѣроятно, за успѣшное устройство гибели Романовыхъ, какъ это случилось въ 1601 году.

Извѣстно, что по его умыслу слуга-казначей боярина Александра Никитича Романова, Бартеневъ, по прозванью Второй, подкинулъ въ свою же боярскую казну мѣшки съ отравными будто бы кореньями, заготовленные самимъ Семеномъ Никитичемъ. Послѣдовалъ доносъ и началось дѣло, погубившее Романовыхъ и многихъ ихъ родственниковъ. Разсказывали также, что Семенъ по замыслу Бориса очень поспособствовалъ также преждевременной кончинѣ герцога Датскаго Іоанна Ягана, королевича, пріѣхавшаго въ 1602 г. въ Москву въ качествѣ жениха царевны Ксеніи и возбудившаго будто бы зависть Бориса, такъ какъ въ Москвѣ всѣ очень его полюбили, почему Борисъ и опасался, чтобы послѣ него не выбрали королевича въ цари. Семенъ, завѣдывавшій Врачебнымъ приказомъ, не допустилъ будто бы вылѣчить королевича, заболѣвшаго горячкою.

Какъ бы ни было, но одного дѣла о гибели Романовыхъ было достаточно для того, чтобы Семена возненавидѣли всѣ, кому бывала обида отъ Годуновыхъ. Во время прихода Самозванца, когда весь родъ Годуновыхъ потерпѣлъ крушеніе, Семена сослали въ Переяславль и тамъ его удушили.

Во второй половинѣ XVII ст. на мѣстѣ двора Семена Годунова находились обширныя Житницы Дворцоваго вѣдомства. Есть свидѣтельство о пожарѣ въ 1473 г., которое указываетъ на существованіе и въ то время на этомъ же мѣстѣ городского Житнаго двора или городскихъ Житницъ, до которыхъ доходило въ тотъ годъ огненное опустошеніе.

Городскія Житницы здѣсь помѣстились, по всему вѣроятію, отъ первыхъ временъ городового устройства въ Кремлѣ, такъ какъ эта сторона Кремлевскаго укрѣпленія была болѣе безопасна отъ вражескихъ приступовъ, чѣмъ другія его стороны. Именемъ *городскія* Житницы обозначилось ихъ, такъ сказать, общественное значеніе, въ качествѣ запасныхъ магазиновъ для всего города, а потому становится достаточно понятнымъ то обстоятельство, что Мостовую улицу къ Житницамъ отъ Никольскихъ воротъ и до Троицкаго подворья у Троицкихъ воротъ, на протяженіи 99 саженъ, повинны были мостить Гостиная и Суконная Сотни, т.-е. богатые торговцы, всегда въ опасныхъ случаяхъ забирав-

шіеся въ городъ со всѣми своими товарами и имуществомъ подъ крѣпкую защиту его стѣнъ. Можно полагать, что эти Житницы были расположены вдоль всей городовой стѣны отъ наугольной Собакиной башни до Троицкихъ воротъ и впослѣдствіи ихъ мѣста занимались боярскими дворами, которые могли устроиваться по улицѣ и впереди Житницъ, какъ обозначено на планѣ Годунова у двора Григорія Годунова, но онѣ уже не показаны на дворахъ Дмитрія и Семена Годуновыхъ.

При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ на дворѣ Семена Годунова были построены обширныя каменныя Житницы (упоминаются въ 1666 г.), 18 амбаровъ, въ которыхъ сохранялись съ десятинныхъ государевыхъ пашенъ отъ разныхъ волостей рожь и овесъ [1]).

Возлѣ Житницъ, у самыхъ Троицкихъ воротъ, при царѣ Михаилѣ Ѳед. находился дворъ дохтура Валентина Бильса Старшаго, состоявшаго на царской службѣ съ 1615 и до 1633 г., когда онъ въ Москвѣ же и скончался.

Въ числѣ врачей это былъ изъ главныхъ вначалѣ первымъ, а потомъ съ 1621 г., когда прибылъ въ Москву англичанинъ Артемій Дій, вторымъ послѣ него. Бильсъ, какъ потомъ и Дій, пользовался особымъ благоволеніемъ государя, вполнѣ довѣрявшаго его искусству и знаніямъ, почему и помѣстившаго его вблизи дворца, такъ какъ отъ Троицкихъ воротъ и до заднихъ, Курятныхъ воротъ дворца насчитывалось не болѣе сотни шаговъ. Жалованья онъ получалъ 200 р. въ годъ, да кормовыхъ по 55 р. въ мѣсяцъ, всего 860 р. въ годъ,—сумма, равнявшаяся первостепеннымъ боярскимъ окладамъ.

Чрезвычайное благоволеніе къ нему государя распространилось и на его сына, именемъ тоже Валентина, который еще въ семилѣтнемъ возрастѣ былъ отправленъ въ 1625 году въ Голландію для воспитанія и обученія докторской наукѣ и пребывалъ тамъ 16 лѣтъ на щедромъ иждивеніи царя. Окончивъ науку, получивъ дипломъ доктора, возвратился, наконецъ, въ 1642 г. въ Москву и поступилъ на службу. Содержаніе ему было положено въ поло-

[1]) „Планы Москвы XVII в.“, стр. 61, гдѣ невѣрно предположеніе, что эти Житницы находились у Тайницкихъ воротъ, стр. 60. См. „Дом. Бытъ Царей“, 595. Въ 1681 г. у Житницъ дѣланы лѣстницы, одна отъ Троицкихъ воротъ, другая со стороны двора кн. Никиты Ив. Одоевскаго.

вину отцовскаго. Однако въ 1644 г., по государеву указу, онъ былъ отставленъ изъ докторовъ, безъ вины, какъ онъ заявлялъ, но, вѣроятно, за малое искусство.

Упомянутыми Житницами и дворомъ дохтура Бильса оканчивалась правая сторона Житницкой улицы, которая выходила на Троицкую улицу, противъ Троицкаго подворья.

На лѣвой сторонѣ противъ Житницъ въ концѣ XVI ст. и въ началѣ XVII ст. находился обширный дворъ боярина Богдана Яков. Бѣльскаго, унаслѣдованный имъ, по всему вѣроятію, послѣ бояръ князей Бѣльскихъ, отчаянно боровшихся съ Шуйскими въ малолѣтство Грознаго.

Потомъ по направленію къ Никольскимъ воротамъ слѣдовало подворье Симонова монастыря съ церковью Введенія, которая была построена еще въ 1458 г. и съ полатою.

Затѣмъ слѣдовалъ переулокъ, шириною въ 2 саж., выходившій отъ Житницкой улицы на Никольскую, о которомъ упомянуто выше. Симоновское подворье занимало съ своей стороны всю линію переулка противъ церкви подворья. На другой сторонѣ переулка на небольшой площади стояла церковь Входа въ Іерусалимъ всего черезъ переулокъ въ $3^1/_2$ саж. отъ церкви Введенія на Симоновскомъ подворьѣ. Такимъ образомъ, въ этой мѣстности почти рядомъ стояли три церкви. Во дворѣ Шереметева церковь Бориса и Глѣба, на Симоновскомъ подворьѣ ц. Введенія и возлѣ нея приходская церковь Входъ въ Іерусалимъ. Ихъ мѣстоположеніе находилось у теперешнихъ главныхъ воротъ Арсенала и частью внутри его двора.

Мѣстность церкви Входа въ Іерусалимъ съ принадлежащимъ къ ней кладбищемъ простиралась вдоль по улицѣ на 25 саж., а съ порозжимъ мѣстомъ на 32 саж., въ томъ числѣ подъ церковнымъ монастыремъ числилось $19^1/_2$ саж., подъ кладбищемъ 6 саж.; въ ширину церковная земля имѣла 10 саж. Внутри, возлѣ самой церкви, стоялъ дворъ попа Григорья, такъ что его граница находилась въ $3^3/_4$ арш. отъ церкви. Длина его дворовой земли занимала 12 саж., ширина 4 саж. Къ самому алтарю церкви примыкалъ заборомъ дворъ попа Благовѣщенскаго собора Алексѣя, въ длину по направленію улицы 16 саж., поперекъ 10 саж. и отъ Рождественскаго подворья 13 саж. Остальное пространство по улицѣ, приближаясь къ Никольскимъ воротамъ

было занято другими поповскими дворами, а къ самымъ воротамъ мѣсто оставалось порожнимъ, шириною въ 12 саж.

Проѣзды между упомянутыми церквами и поповскими дворами шириною были въ $2^1/_2$, въ 3 и $3^1/_2$ саж. Житницкая улица до 1626 г. была шириною въ 3 саж. и только въ этомъ году, послѣ пожара, расширена на 4 саж.

Въ такомъ составѣ была описанная сторона Житницкой улицы по направленію отъ Троицкихъ къ Никольскимъ воротамъ. Пройдя такимъ образомъ эту улицу, возвратимся къ двору Богдана Бѣльскаго.

Дворъ Богдана Бѣльскаго.

Этотъ дворъ своею обширностью, кромѣ двора князей Трубецкихъ, превосходилъ всѣ другіе дворы въ этой мѣстности Кремля. Онъ занималъ болѣе половины Житницкой улицы и почти половину Троицкой улицы, немного не доходя своею межою до улицы Никольской.

Отъ этого двора обѣ улицы направлялись къ Никольскимъ воротамъ стрѣлкою, образуя на всемъ пространствѣ острый треугольникъ, средина котораго была занята описанными выше дворами, по большей части поповскими, и двумя монастырскими подворьями.

Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, происхожденіемъ изъ рядовыхъ дворянъ, началъ свое служебное поприще около 1570 года въ большомъ приближеніи у царя Ивана Грознаго въ должности спальника въ товариществѣ съ Борисомъ Годуновымъ, который съ малолѣтства уже находился въ комнатахъ Грознаго царя.

Можно предполагать, что Богданъ былъ родственникъ Малюты Скуратова, тоже прозваніемъ Бѣльскаго, и могъ войти въ милость и въ особое приближеніе къ Грозному черезъ покровительство Малюты, какъ и самый Годуновъ, женатый потомъ на дочери того же Малюты.

Нѣмецъ Беръ (Сказанія о Самозванцѣ) говоритъ, что Бѣльскій, жестокій врагъ Нѣмцевъ, былъ виновникомъ многихъ неистовыхъ дѣлъ Грознаго царя.

Курбскій пишетъ въ обличеніе царю, что онъ, вмѣсто крѣпкихъ стратеговъ, подвелъ къ себѣ прегнуснодѣйныхъ Бѣльскихъ

съ товарищи; вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ и опришниковъ кровоядныхъ.

На свадьбахъ царя въ 1571 и въ 1580 гг. Богданъ съ Годуновымъ служили дружками и парились съ нимъ въ мыльнѣ.

На государственной службѣ въ царскихъ походахъ вначалѣ онъ занималъ мѣсто поддатня у рынды, потомъ самъ бывалъ рындою, затѣмъ въ воеводахъ. Богданъ особенно отличился въ Ливонской войнѣ въ 1577 г., взявъ и разоривъ городъ Вольмаръ (по-русски Володимирецъ), за что былъ награжденъ золотымъ португальскимъ и золотою цѣпью (Кар. IX, пр. 465), что для воеводъ было чрезвычайною честью.

Можетъ быть, за эту службу онъ былъ пожалованъ въ 1578 г. оружничимъ. Тогда же и Борисъ Годуновъ пожалованъ въ крайчіе. Вообще Богданъ вездѣ въ служебныхъ порядкахъ шелъ рядомъ съ Борисомъ не только какъ товарищъ, но какъ закадычный его другъ, заодно съ нимъ и дѣлавшій его коварныя дѣла. Должность оружничаго оставалось за нимъ и въ царствованіе Годунова, а потомъ и при Самозванцѣ. Въ 1582 г. съ Никитою Юрьевымъ онъ велъ переговоры съ Литовскими послами.

Въ 1584 г. Грозный царь, умирая, поручилъ сына Ѳедора попечительству особой думы, боярамъ Ив. Петр. Шуйскому, Ив. Ѳед. Мстиславскому, Никитѣ Романовичу Юрьеву, Годунову и Богдану, назначивъ Богдана въ дядьки церевичу Дмитрію и попечителемъ надъ родствомъ Нагихъ.

Поспѣшное удаленіе царевича Дмитрія изъ Московскаго дворца въ Угличъ, въ ту же ночь, какъ только скончался царь Иванъ, произвело въ народѣ большое волненіе и смуту. Несмѣтная толпа собралась передъ Спасскими воротами, выдвинула къ нимъ царьпушку и намѣревалась пробить ворота, требуя выдать Богдана за то, что онъ съ своими совѣтниками царя Ивана уморилъ и еще хочетъ побить бояръ, погубить и царя Ѳедора Ивановича, и царскій родъ изгубить, и прочитъ на царство совѣтника своего Бориса Годунова. Такъ гласъ народа, гласъ Божій, уже чувствовалъ и понималъ коварныя дѣла Годунова.

Вышедшіе къ народу бояре успокоили толпу повелѣніемъ царя Ѳедора сослать Богдана въ Нижній, что и было исполнено; конечно, вмѣсто царя повелѣвалъ Годуновъ, и потому дѣло Богдана ограничилось только ссылкою. Черезъ семь лѣтъ, въ 1591 г. онъ

является во дворцѣ попрежнему въ должности оружничаго, которая, повидимому, и не снималась съ него во все время опалы. Въ послужномъ спискѣ бояръ не видно, чтобы вмѣсто Богдана числился оружничимъ кто-либо другой.

Въ должности оружничаго Богданъ въ 1592 г. воевалъ въ Финляндіи, начальствуя надъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Въ 1593 г. велъ переговоры о мирѣ съ Крымскимъ ханомъ. Въ 1594 г. устроивалъ засѣки на Ливенской окраинѣ.

Съ воцареніемъ Годунова Богданъ получилъ чинъ окольничаго въ 1599 г. и вскорѣ (іюля 24) былъ посланъ строить на Донцѣ городъ Борисовъ. Онъ поѣхалъ туда, говоритъ лѣтописецъ, съ великимъ богатствомъ, взявъ съ собою своихъ дворовыхъ и много всякаго запасу. Борисъ послалъ съ нимъ много ратныхъ людей для постройки, а также и для поселенія казаковъ и стрѣльцовъ и посадскихъ людей. Богданъ выстроилъ городъ на славу и очень скоро, потому что ратныхъ людей поилъ и кормилъ по вся дни и бѣднымъ давалъ деньги и платье и запасы. За это всѣ начали его прославлять и блажить; пронеслась отъ ратныхъ людей и на Москвѣ о немъ великая похвала, чего и не вынесъ подозрительный царь Борисъ. Онъ повелѣлъ его схватить и опозорить тамъ же на мѣстѣ многими позоры, а потомъ сослалъ его на Низъ въ тюрьму; вотчины и помѣстья и все имѣнье повелѣлъ взять на себя. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ.

Нѣмецъ Беръ разсказываетъ по этому случаю, что Богданъ первый возмутилъ спокойствіе Годунова. «Исполнивъ царское порученіе, достроивъ крѣпость, Богданъ объявилъ (будто бы), что Борисъ Ѳед. есть царь Московскій, а онъ Богданъ царь Борисоградскій. Впрочемъ», продолжаетъ Беръ, «сей измѣнникъ недолго величался пышнымъ титуломъ. Борисъ велѣлъ привезти его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику и который Богдану былъ весьма кстати». Припомнимъ, что, по словамъ того же Бера, Богданъ былъ жестокій врагъ Нѣмцевъ.

«Вмѣсто смертной казни, царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ отписать все его имѣніе и всю дворню его отпустилъ на волю, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ своему лейбъ-медику Габріелю вырвать у самодѣльнаго царя Богдана длинную густую

бороду, послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за царя».

Описанный Беромъ поступокъ Бѣльскаго представляется нелѣпымъ, а потому можно предполагать, что Бѣльскій назвалъ себя Борисоградскимъ царемъ въ шутку, или все дѣло заключало въ себѣ болѣе опасное для Годунова поведеніе его стараго друга и сотрудника въ пріобрѣтеніи царскаго сана.

Продолжая свой разсказъ, Беръ объясняетъ, въ чемъ именно состояла вина Бѣльскаго. Онъ пишетъ: «По усмиренію сего крамольника явились другіе зложелатели Борису: то были четыре брата Никитичи (Романовы), которые... по смерти царя Өедора могли бы взойдти на престолъ... Они были раздражены поступками царя съ Богданомъ Бѣльскимъ: однако таили свою злобу и всегда казались покорными, между тѣмъ, наученные неудачею Бѣльскаго, замышляли инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса—отравою. Собственные ихъ слуги открыли сей умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы подобно первому измѣннику».

Какъ только померъ царь Борисъ и началось крушеніе Годуновыхъ, Бѣльскій тотчасъ появляется изъ ссылки въ Москвѣ и именно во дворцѣ преданнымъ слугою Самозванца. Толпа мятежниковъ, ворвавшаяся во дворецъ, намѣревалась попировать въ царскихъ винныхъ погребахъ, но была остановлена Бѣльскимъ, разсудительнымъ и ласковымъ его замѣчаніемъ, что такъ будетъ нехорошо, если пріѣдетъ новый царь Дмитрій и найдетъ погреба свои пустыми. Онъ при этомъ указалъ на погреба Нѣмцевъ, царскихъ врачей, которые и были опустошены и дома ихъ разграблены. Беръ объяснялъ этотъ подвигъ Бѣльскаго его мстительною ненавистью къ Нѣмцамъ за то, что умершій уже лейбъ-медикъ Габріель по царскому повелѣнію выщипалъ ему бороду, какъ упомянуто выше.

Когда торжественно Самозванецъ въѣхалъ въ Кремль и все приняло должный порядокъ, Бѣльскій вышелъ изъ дворца съ нѣсколькими князьями и боярами, сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу рѣчь, славилъ Бога за спасеніе государя и убѣждалъ народъ быть вѣрнымъ новому царю, истинному сыну царя Ивана Васил. Потомъ снялъ съ груди крестъ съ ликомъ Чудотворца Николая, поцѣловалъ оный и воскликнулъ: «Бере-

гите и чтите своего Государя». Народъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ: Богъ да сохранитъ царя и погубитъ всѣхъ враговъ его.

За эти заслуги Самозванецъ наградилъ Бѣльскаго боярскимъ чиномъ. При Шуйскомъ новый бояринъ былъ удаленъ на воеводство въ Казань въ 1606 г., гдѣ послѣ Шуйскаго, когда Москвою овладѣли Поляки и всѣ, кто не хотѣлъ Польскаго королевича, присягали Тушинскому вору, онъ воспротивился этой присягѣ, указывая, что надо присягать тому, кто будетъ царемъ, а зазнамому Вору какъ присягать! Дьякъ Никаноръ Шульгинъ подговорилъ возмутившійся народъ убить его. Его схватили, взвели на верхъ высокой башни и кинули оттуда на землю: онъ расшибся до смерти. Между тѣмъ на третій же день пришла въ Казань вѣсть, что Тушинскій воръ убитъ. Народъ раскаивался и въ присягѣ Вору, и въ убійствѣ Бѣльскаго.

Еще въ 1602 г., находясь въ заточеніи въ Сійскомъ монастырѣ, старецъ Филаретъ Романовъ, бывшій бояринъ Ѳедоръ Никитичъ, въ разговорѣ говорилъ, между прочимъ, о Бѣльскомъ слѣдующее: «Про бояръ, окружавшихъ тогда Годунова, про всѣхъ говорилъ, не станетъ де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ...»

Его богатое имущество, *рухлядь*, какъ въ то время называли всякое домашнее имущество, по какимъ-то случайностямъ сохранилось и во время полнѣйшаго разоренія всего Московскаго государства и всѣхъ сколько-нибудь достаточныхъ людей. Оно поступило въ собственность новоизбраннаго царя, хранилось особо въ государевомъ Верху, т.-е. не на Казенномъ Дворѣ, а въ комнатахъ самаго Дворца, откуда мало-по-малу и поступало въ расходъ. Выше мы упоминали, что молодой царь воспользовался даже и богатыми сорочками Бѣльскаго, которыя были ему поданы 19 декабря 1613 г. Октября 8 того же года эти сорочки были переданы въ государеву казну на Казенный Дворъ, съ другими предметами наряда, описанными слѣдующимъ образомъ: опашень сукно шарлатъ червчатъ, петли и круживо плетеное серебряно, да круживцо жъ узкое серебряно кованое нѣмецкое; 15 пугвицъ серебряны золочены, цѣна 27 р.; кафтанъ отласъ золотной шолкъ лазоревъ да червчатъ, подложенъ тафтою червчатою, цѣна 14 р.; *наурузъ* сукно червчато, веревки и петли и

полки низаны жемчугомъ мелкимъ, цѣна 1 р.; 2 рубашки (сорочки) да двои портки тафта червчата, да 2 рубашки да двои портки тафта бѣла, у всѣхъ по швомъ пояски золотные и плетеные и петли золотные жъ, у всѣхъ на вороту 373 зерна жемчюжныхъ, цѣна всѣмъ 36 р. (см. выше, стр. 261).

Въ разное время въ 1613 и 1614 годахъ государю подавали различные предметы Богдановскаго наряда.

1613 г. сентября 22, по требованію государя, на станъ въ село Танинское послана цѣпочка золотая съ жемчуги. 30 числа государь пожаловалъ Борису Морозову, впослѣдствіи знаменитому боярину, вошвы алтабасныя ветчаныя, что снесены съ Верху изъ Богдановской рухляди. Ноября 7 государь пожаловалъ одному жильцу Богдановскую «шапку бархатъ таусинной, исподъ лапчетой лисей, околъ соболій».

Ноября 19 государю подана его шуба атласъ шелкъ таусиненъ да алъ на черевахъ на лисьихъ на красныхъ съ пухомъ, нашивка тяфтяная въ 11 мѣстахъ безъ пуговицъ, которыя были употреблены къ другому наряду... Пуговицы, смотря по надобности, спарывались отъ Богдановскихъ одеждъ и ставились къ другимъ нарядамъ, изготовляемымъ по указу государя въ пожалованіе разнымъ лицамъ. Такъ, ноября 25 были взяты для этой цѣли 13 пуговицъ золотыхъ съ зерны жемчужными, наведены чернью, а 29 дек. 9 пуговицъ серебряны золочены половинчаты, рѣзаны ложки косыя, другія гладкія и 8 пуговицъ серебряны золочены дорожчаты, въ закрѣпкахъ листки бѣлые, спороты съ Богдановской однорядки и употреблены на одежду стольникамъ, князю Прозоровскому и Вельяминову за Тихвинское осадное сидѣнье.

Октября 10 для устройства жалованной шубы стольнику и воеводѣ Мих. Бутурлину употребленъ Богдановскій бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ да лазоревъ съ золотомъ, цѣна 30 р. и 9 пуговицъ серебрены золочены дорожчаты сверху и снизу рѣпейки и зерна бѣлы, сняты съ багровой однорядки Богдана.

Не мало предметовъ изъ Богдановской рухляди доставлено было и въ хоромы великой старицы Мареы Ивановны.

Октября 28, къ ней поданъ исподъ черева песцовыя съ пухомъ, изъ-подъ шубы Богдана, что камка лимонный цвѣтъ, цѣна 8 р.

Ноября 22 ей отнесено 6 образцовъ (запапы), низаны жемчугомъ по отласу гвоздичному, цѣна 122 р.

Въ другой разъ (20 апрѣля 1614 г.) ей доставлено 6 образцовъ, низаны жемчугомъ по отласу по червчатому около жемчугу обвожено золотомъ пряденымъ, спороты съ Богдановыхъ ферезей камка бурская на червцѣ шолки бѣлъ, зеленъ, лазоревъ съ золотомъ.

13 апрѣля 1614 г. ей въ хоромы отнесено наурузъ сукно червчато, веревки и петли и полки низаны межчугомъ мелкимъ: да тафья низана по бархату по черному жемчугомъ мелкимъ. И тою тафьею пожаловала государыня и великая старица постельничаго и намѣстника Трети Московскіе Конст. Иван. Михалкова.

7 іюля 1614 г. ей поданъ Богдановскій *колпакъ*, низанъ жемчугомъ по бархату по черному, около жемчуга обведена веревочка золото пряденое (Р. И. Б., томъ IX).

Въ 1616 г. мая 30 Великая старица пожаловала князя Юрья Еншеевича Сулешова княгиню Марью Михаиловну, дано ей опашень червчатъ съ круживомъ серебрянымъ, пугвицы серебряны золочены елкою, цѣна 17 р. Богдановской рухляди Бѣльскаго.

Дворъ Богдана Бѣльскаго при царѣ Михаилѣ Ѳед. находился во владѣніи князя И. В. Голицына.

Бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ родной братъ знаменитаго въ Смутное время князя Василья Васильевича, котораго Пожарскій именовалъ столпомъ Государства и котораго Прокопій и Захаръ Ляпуновы, руководимые и общимъ мнѣніемъ, старались провести на царскій престолъ.

Какъ извѣстно, Василій Васильевичъ, по хитрой политикѣ Поляковъ и единомысленныхъ съ ними бояръ, въ видахъ устраненія его отъ избранія на царство, былъ отправленъ въ 1610 г. посломъ къ Сигизмунду и потомъ въ великой тѣснотѣ и въ заточеніи плѣнникомъ померъ въ Польшѣ въ 1619 г.

Князь Иванъ Васильевичъ, по знатности своего рода и по заслугамъ брата, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ пользовался особеннымъ почетомъ и всегда первенствовалъ за офиціальными, такъ сказать, *разрядными* царскими столами нерѣдко съ Пожарскимъ. Боярскій санъ онъ получилъ отъ Разстриги въ 1605 г.

вмѣстѣ съ Ѳед. Ив. Шереметевымъ. Въ 1615 г. въ отсутствіе государя изъ Москвы былъ назначенъ первымъ для обереганья Москвы вмѣстѣ съ другими чинами, въ томъ числѣ съ Кузмою Мининымъ.

Въ 1618 г., въ приходъ подъ Москву королевича Владислава, былъ назначенъ изъ 16 бояръ третьимъ сидѣть въ городѣ въ осадѣ.

Въ 1622 г. ему порученъ былъ въ вѣдомство Судный Володимирскій приказъ. Но въ 1624 г. онъ потерпѣлъ большое крушеніе по случаю своихъ счетовъ о мѣстахъ на свадьбѣ царя Михаила, когда государь женился на Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой.

Было постановлено, что на государевой радости всѣмъ свадебнымъ чинамъ «быть безъ мѣстъ и впередъ тѣмъ никому не считаться и въ случаи не прінмать».

Для укрѣпленія государь повелѣлъ этотъ указъ подписáть думнымъ дьякамъ и своею государскою печатью запечатать.

По обряду и обычаю была составлена свадебная роспись, въ которой въ сидячихъ боярахъ съ государевой стороны были записаны кн. Ив. Ив. Шуйскій, кн. Ив. Вас. Голицынъ и князь А. Ю. Сицкой. Съ государынинои стороны кн. Дмитрій Тимоѳ. Трубецкой, кн. Ив. Ив. Одоевской и окольничій Бутурлинъ.

Въ сидячихъ боярыняхъ съ государевой стороны были написаны первою жена кн. Ив. Ив. Шуйскаго, Марѳа Васильевна, а второю жена кн. Ив. Вас. Голицына, Ульяна Ивановна.

Эта роспись очень не полюбилась кн. Ивану Вас., и онъ, нимало не медля, сталъ бить челомъ государю и отцу его патріарху Филарету Никитичу, что онъ написанъ сидѣть ниже кн. Ив. Ив. Шуйскаго и что бояринъ кн. Д. Т. Трубецкой написанъ у царицы первой бояринъ, а онъ, Голицынъ, у государя въ другихъ, и ему меньше бояръ Шуйскаго и Трубецкаго быть не вмѣстно.

На это государь велѣлъ сказать ему, что вѣдь по указу велѣно всѣмъ быть безъ мѣстъ, а потому и онъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ, какъ всѣмъ сказано, и не чинилъ бы онъ помѣхи государскому дѣлу; а не будетъ онъ на указанномъ мѣстѣ и ему быть въ опалѣ.

И самъ патріархъ уговаривалъ князя, что отечеству его въ томъ порухи не будетъ. Но бояринъ упрямо говорилъ: «въ томъ ихъ государская воля, хотя вели, государь, казнить, а ему, Голи-

цыну, по той росписи меньше Шуйскаго и Трубецкаго быть никакъ нельзя».

Государь и патріархъ повелѣли объ этомъ сказать боярамъ.

Бояре разсудили, что кн. Иванъ Голицынъ учиняетъ то *измѣною*, что на государевѣ радости быть не хочетъ, а государская милость ко всѣмъ къ нимъ, что указалъ государь быть всѣмъ безъ мѣстъ, и въ князь Ивановомъ непослушаньѣ и измѣнѣ ихъ государская воля; а князь Иванъ по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья.

По этому боярскому приговору послѣдовалъ царскій указъ: «князь Ивана Голицына за его непослушанье и измѣну помѣстья и вотчины отписать на государя, и помѣстья въ роздачу роздать, а вотчины вѣдать во Дворцѣ; а за нимъ оставить въ Арзамасѣ изъ вотчины его одно село, которое поменши; а его и съ женою сослать съ приставомъ въ Пермь, а *двора* и *животовъ* (пожитковъ) отнимать у него не велѣли».

Тотчасъ же кн. Ивана вывели изъ Кремля въ Бѣлый городъ на простой обывательскій дворъ.

Въ Пермь онъ высланъ съ приставомъ въ сопровожденіи, для береженья, 30 ч. стрѣльцовъ, которые должны были оберегать его и въ городѣ, съ наказомъ, что быть кн. Ивану въ Перми безотступно и того беречь накрѣпко, чтобъ никто къ нему не приходилъ и не пріѣзжалъ, и велѣно дать ему въ Перми дворъ, на которомъ избы двѣ или три, и людей ему велѣно взять 12 человѣкъ да попа; и по праздникамъ къ церкви его пускать, а ходить приставу съ нимъ къ церкви и отъ церкви.

Въ послужномъ спискѣ чиновъ отмѣчено подъ 1625 г., что кн. Иванъ Вас. «сосланъ въ опалу на Вятку».

Во время того же свадебнаго чина его жена, княгиня *Ульяна Ивановна*, должна была занимать второе мѣсто въ числѣ сидячихъ боярынь съ государевой стороны, но князь Иванъ своимъ упрямствомъ попортилъ дѣло и потому ни онъ, ни жена его на государской радости не были. Съ нимъ и жена его была сослана въ Пермь.

Въ 1627 г. князь Иванъ въ опалѣ и въ ссылкѣ померъ. По всему вѣроятію, его вдова, какъ ни въ чемъ неповинная, была возвращена въ Москву. Но какъ она устроилась, объ этомъ свѣдѣній не имѣемъ.

Обширный дворъ Голицына, оставленный и съ имуществомъ въ его распоряженіи, послѣ его смерти, по указу патріарха Филарета Никитича, былъ проданъ новому государеву тестю, отцу царицы Евдокіи Лукьяновны, Лукьяну Степановичу Стрѣшневу, за очень значительную сумму, за 1.238 рублей 30 алтынъ, «по цѣновной памяти цѣновщиковъ и англинскихъ нѣмецъ, полатнаго каменного дѣла мастера Ивана Самойлова съ товарищи, съ подмастерьи, по ихъ смѣтѣ и по цѣнѣ».

Само собою разумѣется, что эти деньги были уплачены изъ государевой казны, такъ какъ Стрѣшневъ былъ очень небогатый дворянинъ.

По указу патріарха деньги были розданы по монастырямъ «по его князь Ивановѣ душѣ въ вѣчный поминокъ», вѣроятно, по духовному завѣщанію князя.

О его вдовѣ не имѣемъ свѣдѣній до 1651 г., когда она упоминается въ числѣ *большихъ* вдовъ, по случаю церемоніальной встрѣчи Литовскихъ пословъ, для которой встрѣчи, по распоряженію государя, отъ ея двора выслано было всего только три нарядныхъ человѣка, такъ называемыхъ *даточныхъ встрѣчниковъ*, которыхъ тогда отъ разныхъ боярскихъ дворовъ насчитывалось 775 человѣкъ.

Это указывало, что вдова Голицына хотя и находилась въ почетѣ, но не была особенно богата. Въ 1665—1669 гг. она состоитъ мамою у царевича Симеона Алексѣевича, прожившаго только съ небольшимъ 4 года (Бытъ Царицъ, 390).

По свидѣтельству Котошихина въ мамы избирали боярыню честную, т.-е. знатную, *вдову старую*.

Въ 1671 г., во время бракосочетанія царя Алексѣя Мих. на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, по свадебной росписи, вдова Голицына, Ульяна Ивановна, написана была у царицы въ *комнатѣ*, въ числѣ 4-хъ боярынь *первою*.

Затѣмъ ей послѣдовало особое счастіе. Въ 1672 г. мая 30 родился царевичъ Петръ и послѣ его крещенья 29 іюля въ мамкахъ у него государь указалъ быть боярина Ивана Вас. женѣ, вдовѣ княгинѣ Ульянѣ Ивановнѣ. Она и носила крестить царевича въ Чудовъ монастырь.

Въ 1674 г. окт. 24 царица ходила молиться по монастырямъ

съ меньшими царевичами и царевнами и за нею въ числѣ мамъ означена, первою тоже, Ульяна Ивановна.

Въ 1675 г. у царевича въ мамахъ находилась уже боярыня Матрена Романовна Леонтьева, слѣдовательно Голицына померла въ 1674 г. или въ томъ же 1675 году [1]).

Такимъ образомъ, какъ видѣли, Голицынскій дворъ поступилъ во владѣніе Лукьяна Степановича Стрѣшнева, отца царицы Евдокіи Лукьяновны, а потому очень близкаго человѣка къ царскому семейству. Повидимому, никакою службою онъ не отличался. Все его значеніе сосредоточивалось на томъ, что онъ былъ *тесть* государя. Въ 1630 г. изъ дворянъ онъ произведенъ въ окольничіе, а въ 1634 г. получилъ санъ боярина въ день именинъ царицы, 1 марта. Въ 1645 г. при вѣнчаніи на царство царя Алексѣя Михаиловича Лукьянъ Степановичъ несъ въ соборъ царскую шапку и во время церемоніи снималъ ее съ государя и чинно держалъ.

Послѣ его смерти его дворъ поступилъ во владѣніе его сыну Семену Лукьяновичу Стрѣшневу, точно также очень близкому человѣку къ государю.

---

[1]) Мужемъ Ульяны Ив., какъ мы упоминали, былъ Иванъ Вас. Голицынъ, родной братъ Василья Васильевича. Иванъ Вас. единственный изъ всего рода Голицыныхъ носилъ это имя Ивана Вас. и потому всѣ свѣдѣнія, касающіяся его личности, необходимо должны относиться къ нему.

Однако въ родословной Голицыныхъ, напечатанной въ XVII книгѣ „Древней Вивліоѳики“, на стр. 204, появился и другой Иванъ Вас., родной братъ также Василія Васильевича, наперстника царевны Софьи. Объ этомъ небываломъ князѣ Иванѣ тамъ же сказано, что „хотя о немъ въ родословныхъ книгахъ не упоминается, но извѣстно по разряднымъ и разнымъ запискамъ, что онъ былъ въ 1599 г. въ числѣ дворянъ, а въ 1673 г. стольникомъ, потомъ бояриномъ и скончался бездѣтенъ“. Эти свѣдѣнія должны относиться къ первому Ивану Вас., потому что отецъ небывалаго Ивана Васильевича жилъ гораздо позже, въ 1648 г. онъ былъ стольникомъ, слѣдовательно человѣкомъ не старыхъ лѣтъ, не болѣе 25 лѣтъ, слѣдовательно долженъ родиться около 1620 г. († 1652 г.). Супруга этого Ивана Вас., продолжаетъ родословная, княгиня Ульяна Ивановна, во время вдовства своего была въ верховыхъ боярыняхъ и мамахъ, прежде у царевича Симеона Алексѣев., а потомъ у царевича Петра, коего и приносила ко крещенію. Это вѣрно, за исключеніемъ того, что она была въ верховыхъ боярыняхъ. Въ этомъ, младшемъ передъ мамами, чинѣ она не состояла.

Небывалый князь Иванъ Вас., однако, помѣщенъ въ родословной книгѣ кн. Долгорукаго, ч. I, стр. 286, и въ „Исторіи Родовъ“, г. Петрова, стр. 182, въ послѣдней съ отмѣткою, что „женатый на верховой боярынѣ Ульянѣ Ивановнѣ умеръ, не оставивъ потомства“.

Семенъ Лукьяновичъ, родной братъ царицы, въ годъ ея бракосочетанія съ царемъ Михаиломъ Ѳед. былъ еще отрокомъ, быть можетъ лѣтъ десяти или и того меньше, и потому взятъ былъ къ царицѣ въ стольники. Въ тотъ же годъ (1626) къ празднику Рождества ему сшитъ богатый кафтанъ праздничный изъ турецкаго золотнаго атласа (по червчатой землѣ листье золото, въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ и лазоревъ), украшенный на груди восемью *образцами* (родъ запанъ) низаными жемчугомъ съ канителью по червчатому атласу и шелковыми съ серебромъ завязками съ такими же кистями. По мастерской оцѣнкѣ этотъ кафтанъ стоилъ 34 р. 22 алтына, кромѣ образцовъ, которые были пожалованы отъ государя изъ хоромъ. Цѣнность одежды по тому времени очень значительная, и богатый кафтанъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ свидѣтелемъ, какъ одѣвала царица своихъ стольниковъ.

Тогда же ему былъ сшитъ другой кафтанъ, обычный, изъ червчатаго киндяка на лисьемъ мѣху бурыхъ лисицъ съ нашивкою (застежками) тканою въ кружки изъ серебра съ шолкомъ и съ воротникомъ изъ золотнаго атласа по червчатой землѣ. По оцѣнкѣ всего матеріала этотъ кафтанъ, кромѣ мѣха, стоилъ 2 руб. 10 алтынъ съ деньгами.

Въ числѣ стольниковъ царицы, — по большей части тоже Стрѣшневыхъ,—Семенъ Лукьяновичъ числился *первымъ*.

На государевой службѣ впервые онъ является 17 мая 1631 г. на пріемѣ шведскаго посла Антона Монира въ числѣ множества стольниковъ и среди и выше даже нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій, но довольно далеко отъ первыхъ мѣстъ. Бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и дьяки сидѣли въ это время въ Золотой Полатѣ по лавкамъ въ золотныхъ одеждахъ и въ шапкахъ горлатныхъ. Для такихъ церемоній государь и жаловалъ богатые кафтаны не только своимъ родственникамъ, но и небогатымъ людямъ изъ придворныхъ чиновъ.

Въ 1635 г. марта 21 за царскимъ столомъ въ Грановитой Полатѣ, даннымъ Литовскимъ посламъ, Семенъ Лукьяновичъ въ числѣ многихъ другихъ стольниковъ пить носилъ передъ государя, то-есть подавалъ чаши и кубки съ виномъ для угощенія пословъ. То же самое повторилось и 19 мая при Персидскомъ послѣ и также въ Грановитой Полатѣ.

Тѣмъ же порядкомъ онъ *чашничалъ* вмѣстѣ съ другими и въ 1644 г. генваря 28 за торжественнымъ столомъ, даннымъ въ честь Датскаго королевича Волдемара, графа Шлезвицкаго и Голстенскаго и иныхъ, какъ жениха царевны Ирины Михаиловны.

Какъ извѣстно, это сватовство слишкомъ затянулось, а потомъ послѣдовала кончина царя Михаила Ѳед., 12 іюля 1645 г. Царь Алексѣй Мих. очень скоро поставилъ королевичу прямой вопросъ, изъ-за котораго собственно и дѣло тянулось: чтобы совершить бракъ на царевнѣ, желаетъ онъ креститься въ Православную Вѣру? Королевичъ отвѣтилъ, что не желаетъ. Тогда государь послалъ къ нему Семена Лукьяновича Стрѣшнева сказать, что бракъ состояться не можетъ.

13 августа королевичъ съ послами былъ у государя на отпускѣ. По случаю траура столованья во дворцѣ не было, а столъ-обѣдъ былъ доставленъ королевичу на домъ со всѣми запасами и винами, какъ по обычаю слѣдовало. Это государево угощенье доставлялъ королевичу тоже Семенъ Лукьяновичъ, «стольникъ изъ комнаты», какъ отмѣчено въ дворцовой запискѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ Семена Лукьяновича посредникомъ между молодымъ царемъ и королевичемъ по поводу самыхъ щекотливыхъ и деликатныхъ отношеній. Это уже прямо свидѣтельствовало о его близости къ государю, какъ равно и о его способностяхъ исполнять подобныя порученія.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 13 сентября того же 1645 года, во время богомольнаго путешествія царя въ Троице-Сергіевъ монастырь тамъ за столомъ въ монастырской трапезѣ Семенъ Лукьяновичъ впервые исполняетъ весьма важную и въ высокой степени довѣренную придворную должность государева *крайчаго*.

28 сентября того же года въ день вѣнчанія на царство молодого царя Семенъ Лукьян. былъ пожалованъ въ крайчіе съ путемъ, то-есть съ извѣстными доходами по этой должности, при чемъ ему былъ отданъ въ пользованіе городъ Гороховецъ.

Въ 1646 г. генваря 3 по вѣстямъ о нашествіи на Москву Крымскаго хана, Семенъ Лук. былъ назначенъ во Мценскъ въ прибылыхъ воеводахъ въ помощь главному воеводѣ кн. А. Н. Трубецкому.

Этотъ походъ окончился очень удачно тѣмъ, что Татары, за-

слышавъ идущую отъ Москвы военную силу, поспѣшили безъ боя уйти домой въ Крымъ.

Однако назначеніе Семена Лукьян. воеводою противъ Татаръ показывало, что его положеніе при дворѣ стало колебаться, такъ какъ должность кравчаго требовала постояннаго присутствія при государѣ, а между тѣмъ его удаляли отъ государя и притомъ прямо подъ Татарскія сабли. Должно полагать, что эта посылка предложена была къ его же чести, съ объясненіемъ, что онъ храбрый и распорядительный воевода. Но подобный почетъ для такихъ близкихъ къ государю лицъ почти всегда устроивался дворскими интригами.

На другой же годъ это вполнѣ подтвердилось тѣмъ, что Семенъ Лукьяновичъ былъ внезапно отставленъ отъ должности кравчаго (послѣ 6 іюня 1647 г.).

6 іюня въ Троицынъ день у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ за государевымъ столомъ онъ еще исполнялъ эту должность, а 28 іюля, вмѣсто него, кравчимъ является Петръ Мих. Салтыковъ.

«Завистію и ненавистью на отлученіе (отъ государя)», пишетъ Артамонъ Серг. Матвѣевъ, тоже неповинный страдалецъ, «извѣтъ былъ на Семена Лукьяновича составной и наученой *о волшебствѣ*, и за тотъ извѣтъ страдалъ невинно, честь была отнята и сосланъ былъ на Вологду. А животы и помѣстья и отчины и дворы не отняты», прибавляетъ Матвѣевъ, описывая, что очень многіе такъ страдали, но имѣнія у нихъ не отнимали, не такъ, какъ были отняты у него самого.

По всему вѣроятію, отлученіе Стрѣшнева отъ государевой милости было устроено всемогущимъ временщикомъ, дядькою молодого царя, Б. И. Морозовымъ, который, по свидѣтельству Олеарія, очищалъ себѣ мѣсто, удаляя ближайшихъ къ государю людей, особенно его родственниковъ, дабы не могли они своимъ вліяніемъ вредить его всемогуществу. Время отлученія сближается съ печальнымъ для государя событіемъ въ его жизни, съ разстройствомъ его брака съ избранною невѣстою Евфиміею Всеволожскою (Дом. Бытъ Царицъ, 260, 261). Очень вѣроятно, что и волшебство Стрѣшнева входило въ кругъ интригъ по разстройству этого брака.

Почти четыре года Семенъ Лукьяновичъ находился въ опалѣ. Но видно правда восторжествовала и невиновность его была доказана.

30 марта 1651 г. въ праздникъ Пасхи государь простилъ его и пожаловалъ изъ дворянъ, какъ онъ былъ разжалованъ, прямо въ окольничіе. Само собою разумѣется, что прежняго довѣрія государь уже не могъ ему оказывать, ибо послѣ всякой клеветы всегда остается что-либо непріязненное и опасливое.

Теперь онъ только сопровождалъ государя въ числѣ другихъ окольничихъ на торжественныхъ и богомольныхъ выѣздахъ и однажды, 2 іюня 1652 г. во время похода къ Троицѣ, когда въ Москвѣ случился большой пожаръ, былъ отпущенъ съ дороги на этотъ пожаръ для необходимыхъ распоряженій и наблюденій вмѣстѣ съ избранными для того боярами, въ числѣ которыхъ находился и Василій Иван. Стрѣшневъ. Пожаръ продолжался дня четыре, такъ что и самъ государь поспѣшилъ возвратиться съ богомолья.

Во время начинавшейся Польской войны въ 1653 г. октября 5 Семенъ Лукьяновичъ получилъ назначеніе собираться съ ратными людьми во Псковѣ въ товарищахъ съ главнымъ воеводою В. П. Шереметевымъ, который долженъ былъ собирать войско въ Новгородѣ, а потомъ идти на рубежъ и начинать войну, захватывая Литовскіе города.

Неизвѣстно, каково было начало этого похода, но въ лѣтніе мѣсяцы 1654 года Семенъ Лукьян. съ большимъ успѣхомъ забиралъ разные Литовскіе города. Такъ, 24 іюля пришла государю вѣсть, что онъ взялъ города Дисну и Друю; потомъ 20 августа государь получилъ извѣстіе, что онъ взялъ городъ Озерище, а 1 сентября,—что взялъ городъ Усвятъ. Въ февралѣ 1655 г. онъ былъ отозванъ въ Москву, куда возвратился изъ похода на время и самъ государь. 11 марта государь снова отправился воевать съ Польскимъ королемъ и, идучи къ молебну, былъ въ Золотой полатѣ и тамъ пожаловалъ Семена Лукьян. въ бояре, повелѣвъ ему идти съ собою въ его государевомъ полку.

Это былъ достославный походъ царя Алексѣя Мих., когда въ одно лѣто была завоевана почти вся Бѣлая Русь. Торжествующій побѣдитель возвратился въ Москву 10 декабря.

Подробностей о службѣ Семена Лукьян. въ этотъ походъ, какъ и подробныхъ записокъ о самомъ походѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось.

На слѣдующій годъ, 12 генваря, въ именины царевны Татья-

ны, къ государеву столу были приглашены, кромѣ Грузинскаго и Сибирскихъ царевичей, главный воевода этого похода кн. А. Н. Трубецкой и съ нимъ Семенъ Лукьян., да окольничій С. Р. Пожарскій.

Затѣмъ, 29 апрѣля, также послѣ стола въ Столовой избѣ государь жаловалъ всѣхъ воеводъ за службу и Семену Лукьяновичу, какъ и всѣмъ другимъ, была пожалована шуба, отласъ золотной, кубокъ серебряный и къ прежнему его окладу денежная придача.

Мая 15, на Вознесеньевъ день государь, предпринялъ новый походъ уже противъ Шведовъ въ Ливонію. Съ государемъ пошелъ въ числѣ другихъ близкихъ бояръ и Семенъ Лукьяновичъ.

Въ Смоленскѣ, куда явился посолъ отъ Курляндскаго князя Якубуса, Семенъ Лукьян. 6 іюня былъ на переговорахъ съ этимъ посломъ, въ качествѣ намѣстника Нижняго-Новгорода, вторымъ послѣ боярина кн. Н. И. Одоевскаго.

Изъ Смоленска 20 іюня государь пошелъ подъ Ригу и 30 іюня изъ Витебска послалъ Семена Лукьян. подъ Динабургъ, куда и самъ пришелъ 24 іюля и на другой же день 25 іюля послалъ Семена Лукьян. дальше подъ Нѣмецкій городъ Куконосъ.

31 числа самъ государь осадилъ Динабургъ и взялъ, о чемъ на радости поспѣшилъ увѣдомить Семена Лукьян., и 3 августа пошелъ къ нему подъ Куконосъ.

14 августа Семенъ Лукьян. въ присутствіи государя взялъ приступомъ этотъ Куконосъ, по какому случаю 17 августа послѣ стола въ шатрахъ государь пожаловалъ Семену Лукьян. за его службу, за взятіе Нѣмецкаго города Куконоса, что онъ былъ на приступѣ: шубу отласъ золотной, да кубокъ, да отласъ золотной, да два сорока соболей, сто рублевъ денегъ.

21 августа государь пришелъ подъ Ригу и остановился, не доходя за 5 верстъ, а потомъ 23 августа подвинулся къ городу за 2 версты. Здѣсь военныя дѣла пошли весьма неудачно, по случаю измѣны Нѣмецкихъ офицеровъ, служившихъ въ нашихъ полкахъ, такъ что государь 5 октября принужденъ былъ идти домой.

На возвратномъ пути въ Полоцкѣ 31 октября государь получилъ весьма пріятную вѣсть, что послѣ нашихъ переговоровъ съ Польскими послами его избрали Польскимъ королемъ и великимъ

княземъ Литовскимъ. Съ этою радостною вѣстью государь послалъ къ царицѣ, къ сыну царевичу Алексѣю Алексѣевичу и къ отцу своему и богомольцу патріарху Никону боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева.

По случаю морового повѣтрія царица съ семействомъ пребывала въ это время въ Вязьмѣ, куда потомъ пришелъ и государь и возвратился въ Москву уже 14 генваря 1657 г.

Послѣ военныхъ трудовъ Семену Лукьяновичу въ томъ же 1657 году было поручено управленіе гражданскими дѣлами. Для завѣдыванія завоеванными Литовскими и Бѣлорусскими городами былъ учрежденъ Приказъ Великаго Княжества Литовскаго, въ который начальникомъ съ помощью дьяка и былъ посаженъ Семенъ Лукьяновичъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему же былъ отданъ въ управленіе и другой весьма значительный Приказъ—*Устюжская Четверть*, гдѣ въ 1663 г. онъ, по повелѣнію государя, исполнилъ важнѣйшее по тому времени дѣло, — это уничтоженіе съ 15 іюня чекана мѣдныхъ денегъ и заведеніе вновь чеканки серебряныхъ денегъ.

Обоими Приказами онъ управлялъ до самой своей кончины, съ 1657 по 1666 годъ.

Въ эти самые годы произошла извѣстная и для того времени весьма печальная распря или смута между царемъ и патріархомъ Никономъ, къ которой оказался прикосновеннымъ между другими и Семенъ Лукьяновичъ.

Никонъ, *собинный* другъ царя, пользовавшійся его сердечною привязанностью и безграничнымъ вниманіемъ, такъ возмечталъ о высотѣ своего сана, что въ концѣ-концовъ ставилъ даже вопросъ, кто выше—государь самодержецъ или онъ, патріархъ самодержецъ? На этомъ корнѣ возродилась и разросталась упомянутая распря. Само собою разумѣется, что царская Полата, царскій синклитъ, то-есть все боярство было на сторонѣ государя, тѣмъ болѣе, что Никонъ въ сношеніяхъ съ царскою Полатою давалъ ей сильно чувствовать свое высокоуміе и высокомѣріе.

Его невыносимое поведеніе сдѣлалось, наконецъ, предметомъ общаго разсужденія и осужденія. Но боярство не имѣло законнаго да и нравственнаго права судить и осуждать патріарха, какъ церковнаго владыку, котораго могли судить только высшія же церковныя власти. Въ самый разгаръ смуты и пререканій

(въ 1662 г.) въ Москву прибылъ Газскій митрополитъ, родомъ Грекъ, Паисій Лигаридъ, человѣкъ въ высокой степени образованный и умный. И для Никона, и для синклита онъ являлся тою нейтральною, третьею стороною, которая могла разсудить дѣло по справедливости; для синклита же онъ являлся полнымъ авторитетомъ, какъ высокая церковная и притомъ ученѣйшая власть, которая могла по праву опредѣлить, справедливы ли и вѣрны ли обвиненія и обличенія дѣлъ Никона.

Съ этою цѣлью, какъ представитель царской Полаты и несомнѣнно по волѣ самого государя, Семенъ Лукьян. Стрѣшневъ подалъ Паисію длинный списокъ вопросовъ, числомъ 30, о различныхъ дѣяніяхъ Никона, а отчасти и о правахъ царя, прося рѣшительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, для представленія самому государю. Почему именно Семенъ Лукьян. явился ходатаемъ въ этомъ случаѣ, это можно объяснить особою близостью его къ государю, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ самъ испытывалъ въ это время суровую тяжесть Никоновскаго самоволія и самоуправства. Никонъ наложилъ на него церковное проклятіе за то, что будто Семенъ Лукьян. у себя въ дому, назвался самъ патріархомъ, творилъ благословеніе по-патріарши и сверхъ того еще научилъ свою собаку сидѣть и передними лапами благословлять какъ патріархъ, въ поруганіе благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ. Никонъ узналъ объ этомъ, какъ самъ же свидѣтельствовалъ, только по слуху. На соборѣ, который въ лицѣ Вселенскихъ патріарховъ судилъ Никона, царь Алексѣй Мих. утвердилъ, что Стрѣшневъ передъ нимъ, государемъ, сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало.

Въ числѣ упомянутыхъ вопросовъ Семенъ Лукьян. вставилъ и такой послѣдній, тридцатый вопросъ: достойно ли проклинать человѣка за это?

Паисій, конечно, принялъ сторону царя и синклита и на всѣ вопросы далъ отвѣты въ осужденіе поведенія Никона. По поводу проклятія онъ объяснилъ, что, «Если бы мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что она причастилась; такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе». Шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно употреблять проклятіе, потому что тогда считаютъ его за ничто. Къ тому же

не должно проклинать безъ суда, а судилъ ли Никонъ въ этомъ случаѣ?

Вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія распространились между боярами во множествѣ списковъ и, конечно, дошли и до Никона, который съ негодованіемъ написалъ на нихъ возраженія въ объемѣ большой тетради, чуть не цѣлой книги. Всего больше его раздражило мнѣніе Стрѣшнева, что собственно государь поручилъ ему, Никону, надзоръ надъ церковными судами и доставилъ ему многія преимущества. Здѣсь въ раздраженіи Никонъ и высказалъ коренное начало всѣхъ своихъ дѣяній и всего своего поведенія, именно свой взглядъ на отношенія царской власти къ патріаршей,—такой взглядъ, который вовсе не сходился съ преданіями восточной Церкви и тѣмъ еще менѣе сходился съ понятіями Русскаго общества и съ преданіями всей нашей Исторіи. Мнѣніе Стрѣшнева онъ обозвалъ гордостью демона и пояснилъ, что не отъ царей пріемлется начальство святительское, но цари отъ святителей на царство помазуются; что священство выше царства и т. д. Въ этомъ убѣжденіи высокомѣрнаго патріарха и скрывалась, какъ упомянуто, коренная основа всей распри и смуты между нимъ и царемъ. И во всемъ этомъ дѣлѣ поведеніе царя Алексѣя Мих. сіяло высоконравственною и въ полномъ смыслѣ христіанскою красотою, между тѣмъ какъ поведеніе патріарха отличалось въ высокой степени гордыми и грубыми поступками и вспыльчивыми неразумными, бранными и оскорбительными рѣчами.

Во всемъ дѣлѣ, во всѣхъ разъясненіяхъ отношеній Никона къ царю самымъ существеннымъ вопросомъ былъ одинъ вопросъ: *Что есть царь?* Кроткій и тишайшій государь пожелалъ этотъ вопросъ разъяснить окончательно и потому за такимъ разъясненіемъ обратился даже къ Вселенскимъ патріархамъ, которые, четыре патріарха, въ 1663 г. доставили ему это разъясненіе за своею подписью и за подписью двадцати другихъ меньшихъ духовныхъ лицъ области Константинопольскаго патріарха. Ихъ разъясненія прямо и начинаются вопросомъ: что есть царь?

Этотъ вопросъ съ великою скромностью просвѣчивалъ и въ вопросахъ Семена Лукьяновича.

О Никоновскомъ проклятіи Стрѣшнева и на соборѣ Вселенскихъ патріарховъ было утверждено, что оно было наложено неправильно, понапрасну.

Впослѣдствіи, еще до собора, Никонъ простилъ Семена Лукьяновича, разрѣшилъ отъ клятвы и грамоту къ нему прощальную прислалъ. Говорили, что за это Никонъ взялъ съ Семена Лукьяновича сто рублей; но патріархъ объяснялъ, что простилъ его потому, что Стрѣшневъ добилъ ему челомъ и обѣщался Воскресенскому (Новый Іерусалимъ) монастырю работать, и деньги прислалъ вкладомъ въ монастырь послѣ прощенія спустя года съ полтора.

По всему видимо, что Семенъ Лукьяновичъ былъ большой знатокъ церковной книжности и очень любилъ о ней бесѣдовать, такъ что даже и на охотѣ онъ находилъ время разсуждать съ знающими людьми о различныхъ вопросахъ этой книжности. Объ одномъ случаѣ въ этомъ родѣ (1643 г.) разсказываетъ нѣкій Иванъ Бѣгичевъ, получавшій отъ него вначалѣ премногую милость и благопріятство незлобивое, а потомъ оказывавшаго ему гнѣвъ и негодованіе и безстудное поношеніе предъ людьми, называя его отступникомъ Вѣры Христіанской. Оправдывая себя, Бѣгичевъ писалъ слѣдующее:

«Обличаешь ты меня, что въ нѣкій день слышалъ ты отъ меня таковые богохульные глаголы, будто я возмогъ тако сказать, что Божіе на землю схожденіе и воплощеніе не было, а что и было, то все дѣйство ангельское... Одно вспоминаю, когда съ тобою я шествовалъ изъ вотчины твоей, зовомой *Черная Грязь* (вѣроятно теперешнее Царицыно), на ловъ звѣриный, тогда ты изволилъ бесѣдовать со мною на пути и сказывалъ мнѣ отъ Бытейскихъ книгъ втораго Исхода, что егда восхотѣ Богъ дати законъ Моисею, и тогда сниде самъ Богъ на гору и бесѣдова со пророкомъ лицомъ къ лицу; показа ему Богъ задняя своя. И тогда я дерзнулъ прекословіемъ пресѣчь глаголы твои и сказалъ тебѣ: «Коя нужда Богу бесѣдовати къ людямъ и явитися Самому, кромѣ плотскаго смотрѣнія. Возможно бо есть и ангела послати да тоже сотворити по волѣ Его...» «Развѣ за это одно, что я дерзнулъ молвить тебѣ встрѣчно, ты поднялся на меня гнѣвомъ своимъ и клеветою...» «И слѣпымъ мощно есть разумѣти, яко не только задняя или передняя при Бозѣ глаголати и мнѣти, но и единыя части не мощно есть не только тѣлеснымъ окомъ зрѣти, но и разумнымъ ни мало уразумѣти... А ты дерзаеши тако рещи, яко Моисей задняя Божія видѣлъ...» «Я человѣкъ простой, и

учился буквамъ единымъ, дабы могъ прочесть и написать что-либо ради своей надобности и чтобы можно было душу мою грѣшную спасти, а дальняго ничего не разумѣю и съ мудрыми философами и рачителями истины, которые искусны и благоразсудны въ Божественныхъ писаніяхъ, никогда не бесѣдовалъ... И не дивно, что возможно мнѣ и погрѣшить, ради моего скудоумія и небреженія, но дивно то, что ты съ клеветою поносишь меня не только о сказанномъ мною, но прилагаешь еще больше и свои умышленія, а самъ и въ малой части не искусенъ въ Божественныхъ писаніяхъ, какъ и совѣтники твои, Никифоръ Воейковъ съ товарищи. Сами они съ выѣденое яйцо не знаютъ, а вкупѣ съ тобою роптать на меня не стыдятся. И всѣ вы, кромѣ баснословныя повѣсти, глаголемыя еже о *Бовѣ королевичѣ*, о которой думается вами душеполезной быти, что̀ изложено есть для младенецъ, иже о *Курѣ* и о *Лисицѣ* и о прочихъ иныхъ таковыхъ же баснословныхъ повѣстей и смѣхотворныхъ писаній (всѣ вы) Божественныхъ и Богословныхъ дохматъ никакихъ не читали».

Вмѣстѣ съ симъ Бѣгичевъ доказывалъ, что нельзя основываться только на буквѣ Писанія, что слѣдуетъ сокровенное въ Писаніи разсуждать не по буквѣ, но по смыслу или по духу, ибо «духъ живитъ разумѣніе, а буква писмени умерщвляетъ, отчего и въ ереси впадаютъ, какъ и *нынѣ* многіе пострадали отъ такового недоумѣнія, такъ и ты, милостивый государь Семенъ Лукьяновичъ, не притыкайся о семъ единомъ, яже видѣхъ писано, что глагола Богъ съ Моисеемъ лицомъ къ лицу, и не стой на одной ногѣ да не явишься ностроменъ и всюду зыблемъ, но приступи и на вторую (ногу) и пойди далѣе...»[1])

Эти разсужденія даютъ намъ образчикъ тѣхъ мудрованій, ходившихъ въ тогдашнемъ обществѣ, которыя прямо приводили къ расколу вѣрованій, то-есть къ раздробленію общественнаго умствованія на многіе нелѣпые толки, согласія, упованія, какъ обозначалъ себя каждый кружокъ такого суемудрія.

Семенъ Лукьяновичъ немного не дожилъ до окончательной развязки Никонова дѣла. 12 декабря 1666 года Никонъ по собор-

---

[1]) Наша „Замѣтка о посланіи Ивана Бѣгичева" въ Археологическихъ Извѣстіяхъ Моск. Арх. Общества, 1899 г., №№ 1 и 2.

ному опредѣленію былъ низложенъ съ патріаршества, а Семенъ Лукьяновичъ скончался еще 3 іюля во вторникъ, во второмъ часу дня, то-есть по нашему счету въ шестомъ часу утра.

Въ этотъ день въ первомъ часу, то-есть въ пятомъ утра, царь Алексѣй Мих. выѣхалъ въ луга подъ селомъ Коломенскимъ на свою любимую утѣху, на соколиную охоту, и вскорѣ узналъ о кончинѣ своего дяди и любимаго боярина. Вмѣсто того, чтобы кушать въ селѣ Коломенскомъ, онъ къ обѣду вернулся по этому случаю въ Москву и распорядился о похоронахъ Семена Лук. Погребеніе совершилось по тогдашнему обычаю въ тотъ же день, въ 13 часу дня, то-есть въ исходѣ пятаго часа,—тогда дневныхъ часовъ било 16. Похоронили боярина съ большимъ почетомъ въ Чудовомъ монастырѣ, но въ какомъ мѣстѣ, теперь уже неизвѣстно. На погребеніи были митрополиты: Новгородскій, Казанскій, Ростовскій, Крутицкій, Газскій (Паисій), Сербскій, Амосійскій. Поминки происходили въ монастырской трапезѣ, гдѣ государь жаловалъ всѣмъ владыкамъ и меньшему духовенству раздавалъ поминовенныя деньги [1]).

Семенъ Лукьяновичъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Лыковой. Этотъ бракъ состоялся еще въ то время, когда онъ былъ стольникомъ, въ 1637 г. мая 21, и, несомнѣнно, по сватовству самого гусударя. Передъ свадьбою, по дворцовому обычаю для ближнихъ людей государя, и женихъ, и отецъ невѣсты являлись къ государю звать его, женихъ къ себѣ на свадьбу, а будущій тесть на свадьбу къ своей дочери. Такъ съ этимъ зовомъ 15 мая 1637 г. представились государю и Семенъ Лукьяновичъ и стольникъ же князь Алексѣй Ѳедоровичъ Лыковъ. Обоимъ имъ за этотъ зовъ государь пожаловалъ по кубку серебряному, въ 2 фунта вѣса слишкомъ каждый; по портищу золотнаго атласа—Стрѣшневу лазореваго цвѣта, Лыкову черленаго (краснаго) и по сороку соболей. На другой день свадьбы новобрачный неотмѣнно пріѣзжалъ къ государю челомъ ударить, и государь снова жаловалъ ему благословеніе образомъ и обычные дары. 22 мая Семенъ Лук. получилъ въ благословеніе образъ Благовѣщеніе Пр. Богородицы и дары: кубокъ серебряный вѣсомъ въ 3 ф.; атласъ по

---

1) Записка дневанью 7174 (1666) г., хран. въ Государственномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, въ Спб.

серебряной земле золото, портище атласу обычнаго, портище камки черленой, портище желтой и сорокъ соболей, всего слишкомъ на 123 р. (А. О. П., № 961).

По нѣкоторымъ указаніямъ видимо, что у С. Л. Стрѣшнева вначалѣ существовалъ дворъ, примыкавшій къ зданіямъ царскаго Хлѣбеннаго дворца и находившійся между Патріаршимъ дворомъ и Троицкимъ подворьемъ. При немъ существовала и церковь Пятницы вблизи упомянутаго подворья.

Этотъ дворъ черезъ Троицкую улицу находился противъ Голицынскаго двора, которымъ также владѣлъ Семенъ Лукьяновичъ по наслѣдству отъ отца, какъ упомянуто выше.

Эти оба двора получаютъ особое значеніе при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, когда, по придворнымъ интригамъ и несомнѣнно по внушеніямъ сторонниковъ царевны Софьи, молодой царь вознамѣрился въ 1677 г. выселить изъ стараго дворца царицу Наталью Кирилловну съ сыномъ царевичемъ Петромъ. Это происходило въ тотъ годъ (1677), когда царевичу Петру исполнилось 5 лѣтъ и съ рукъ мамы онъ долженъ былъ поступить на руки дядьки, когда, слѣдов., долженъ былъ устроиться особый штатъ служебныхъ лицъ при царевичѣ, потребовавшій болѣе широкаго помѣщенія, чѣмъ то, какое было въ хоромахъ царицы. 26 окт. того года послѣдовалъ царскій указъ построить хоромы для царицы и царевича на бывшемъ дворѣ боярина Стрѣшнева.

Но передъ тѣмъ, еще въ августѣ, Стрѣшневскій дворъ былъ измѣренъ, при чемъ оказалось, что по улицѣ противъ Троицкаго подворья его межа простиралась на 55 саж., по другой улицѣ Житницкой, противъ городскихъ Житницъ на 57 саж., съ противоположной стороны отъ Конюшеннаго патріаршаго двора 27 саж. и затѣмъ со стороны примыкавшаго ко двору стариннаго Симоновскаго подворья 35 саж., всего въ окружности 174 саж. Повидимому, этого пространства было недостаточно для постройки новаго дворца, а потому было повелѣно взять къ этому мѣсту и Симоновское подворье, которое вскорѣ и было переведено съ своего стариннаго мѣста на новое, на пустовавшій Лыковъ дворъ близъ Никольскихъ воротъ.

Это подворье находилось между двухъ улицъ Никольской и Житницкой и простиралось со стороны Стрѣшневскаго двора и патріаршаго Конюшеннаго на 41 саж., со стороны переулка между

упомянутыми улицами на 32 саж., въ ширину по Никольской улицѣ оно имѣло 12 саж. и по Житницкой 10 саж.

Такимъ образомъ Стрѣшневское мѣсто съ прибавкою этого подворья увеличивалось на 10 и 12 саж. въ обоихъ концахъ.

Въ октябрѣ того же года подворье съ своими строеніями было перевезено и построено на новомъ Лыковскомъ мѣстѣ, о чемъ мы говорили выше.

Осталась на прежнемъ мѣстѣ только старинная каменная церковь подворья, Введеніе.

Тогда же было повелѣно около двора и подворья сдѣлать ограду каменную (А. И., V, 39).

Но начиналась ли здѣсь постройка самаго зданія этого отдѣльнаго дворца, свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ. Извѣстно только, что царица Наталья Кир. не согласилась выѣхать изъ стараго дворца, и по этому случаю Крекшинъ разсказываетъ, что малолѣтній царевичъ Петръ самъ ходилъ къ своему брату царю Ѳедору Ал. жаловаться на новаго Годунова, на приближеннаго къ царю думнаго постельничаго Ивана Максим. Языкова, устроившаго это перемѣщеніе царицы Натальи и съ сыномъ. «Жалобу приношу», говорилъ (будто бы) плачущій ребенокъ, «на Годунова, нарицаемаго Языкова, который хочетъ меня нечестно и съ матерью моею выслать изъ дома моего отца и отъ тебя, государя, какъ древній Годуновъ царевича Димитрія». Конечно, такъ говорилъ не ребенокъ, а повѣствователь этой исторіи, несомнѣнно пользовавшійся въ этомъ случаѣ придворною молвою. Крекшинъ добавляетъ, что царь, оправдывая Языкова, отвѣтилъ, что повелѣлъ въ прибавку дать царицѣ новое помѣщеніе во дворцѣ. Это происходило уже въ 1679 г., когда около предположеннаго новаго царскаго двора была построена и каменная ограда, остававшаяся на протяженіи по улицѣ на 100 саж. до разобранія ея при постройкѣ Арсенала въ 1702—1706 гг.

Однако, послѣ жалобы царевича, эта затѣя сторонниковъ царевны Софіи осталась неисполненною. Вмѣсто дворца царицы здѣсь былъ устроенъ дворцовый *новый Запасный* дворъ, гдѣ появились сахарныя полаты, дровяной дворъ, многія ѣственныя печи, очаги и т. п. Церковь св. Пятницы стала обозначаться: что́ на новомъ Запасномъ государевомъ дворѣ, а также—что на дворѣ Стрѣшнева. Послѣднее обозначеніе сохранялось даже и въ 1722 г.,

когда и Симоновская церковь Введенія тоже обозначалась: что на дворѣ Стрѣшнева, на Стрѣшневомъ дворѣ.

Въ концѣ XVII ст. на этомъ Запасномъ дворѣ, гдѣ находился дворцовый плотничный дворъ и поварни, было устроено подворье Донскаго монастыря, переведенное потомъ на Лыковъ дворъ и занявшее тамъ мѣстность Архангельскаго подворья, которое къ тому времени было упразднено (наше Описаніе Донскаго монастыря, изд. 2, стр. 120).

Какъ бы ни было, но впослѣдствіи все-таки суждено было на этомъ самомъ мѣстѣ построиться новому уже Императорскому дворцу.

Въ 1730 г. императрица Анна Ивановна, прибывшая въ Москву для коронованія, съ трудомъ должна была помѣститься въ Кремлѣ въ полатахъ древняго Потѣшнаго дворца, наскоро устроенныхъ для ея житья. Старый царскій Кремлевскій дворецъ въ это время былъ въ великомъ запустѣніи, а отчасти и въ развалинахъ. Испытывая тѣсноту и глухоту помѣщенія отъ многихъ старыхъ строеній, окружавшихъ Потѣшный дворецъ, императрица задумала, для необходимаго пребыванія въ Кремлѣ, построить себѣ новый дворецъ и выбрала для него мѣсто возлѣ новостроящагося Арсенала, именно то мѣсто, гдѣ находился дворъ Стрѣшнева. Дворецъ былъ выстроенъ деревянный въ теченіи лѣта того года по проекту оберъ-архитектора графа фонъ-Растрелли. Въ половинѣ сентября въ немъ топили уже печи и устроивали домовую церковь, для которой иконостасъ и царскія двери взяты изъ бывшей церкви при хоромахъ царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра, воимя Петра и Павла, а различная утварь была взята изъ старыхъ дворцовыхъ церквей. Октября 28 императрица праздновала въ немъ свое новоселье и наименовала этотъ дворецъ *Аннингофомъ*. По отзыву современниковъ, дворецъ былъ выстроенъ очень красиво.

Въ томъ же 1730 г. имя Аннингофъ было перенесено и на нововыстроенный дворецъ на Яузѣ, возлѣ Головинскаго дворца.

Кремлевскій Аннингофъ по указу императрицы 17 марта 1736 г. былъ разобранъ и перевезенъ къ Аннингофу Яузскому, гдѣ такимъ образомъ появились Аннингофы лѣтній и зимній.

Цейхгаусъ-Арсеналъ.

Исторіей мѣстности Стрѣшнева двора оканчивается наше обозрѣніе Житницкой улицы, которая въ 1701 г. съ боярскими и поповскими дворами подверглась пожарному опустошенію, а потомъ вся ея площадь была покрыта громаднымъ зданіемъ Арсенала.

Въ первый же годъ новаго столѣтія, 1701-й, старый Кремль былъ очищенъ пожаромъ отъ старозавѣтныхъ скученныхъ деревянныхъ построекъ. Это случилось 19 іюня въ присутствіи въ Москвѣ самого Петра Преобразователя, который въ письмѣ къ Ѳедору Матв. Апраксину такъ описываетъ этотъ пожаръ:

«Здѣсь иныхъ вѣдомостей нѣтъ, только іюня въ 19 день былъ пожаръ въ Кремлѣ; загорѣлось на Спасскомъ подворьѣ, отъ чего весь Кремль такъ выгорѣлъ, что не осталось не токмо что инова, но и мостовъ по улицамъ, кромѣ Житнова двора и Какошкиныхъ хоромъ, которыя остались; разломаныя хоромы въ Верху и тѣ згорѣли; также и Садовники всѣ отъ мосту до мосту; а Каменной мостъ у пильной мельницы отстояли мы; на Ивановской колокольнѣ колокола, обгорѣвъ, попадали, изъ которыхъ большой и Успенскій, упадъ, разбились».

Подробнѣе объ этомъ пожарѣ разсказываетъ одна современная лѣтописная запись.

«1701 года іюня въ 19-мъ числѣ, на память святаго апостола Иуды, въ 11 часъ, въ послѣдней четверти волею Божіею учинился пожаръ въ Кремлѣ городѣ, а загорѣлись кельи въ Новоспасскомъ подворьѣ, что противъ заднихъ воротъ Вознесенскаго монастыря. И разшелся огонь по всему Кремлю, и выгорѣлъ царевъ дворъ весь безъ остатку, деревянные хоромы и въ каменныхъ все, нутры и въ подклетахъ и въ погребахъ запасы и въ ледникахъ питья и льду много растаяло отъ великаго пожара, не въ единомъ въ ледникѣ человѣку стоять было невозможно; и въ каменныхъ сушилахъ всякіе запасы хлѣбные, сухари, крупы, мяса и рыба. И Ружейная полата съ ружьемъ, и мастерскіе государевы, полаты. Въ началѣ святые церкви, кои были построены вверху и внизу, въ государевѣ домѣ, кресты и кровли и внутри иконостасы и всякое деревяное строеніе сгорѣло безъ остатку. Также

и домъ святѣйшаго патріарха, и монастыри, и на Иванѣ Великомъ самые большіе колокола и средніе и малые, многіе отъ того великаго пожара разселись и всѣ государевы Приказы и многая дѣла и всякая казна погорѣла; и соборные церкви великіе; выносили святые образы мѣстные и Ризу Господню и святыхъ мощи и сосуды и иные драгіе вѣщи, убоясь великаго пожара, на Арбатъ въ Воздвиженской монастырь и обночевали тамо, и на утро паки принесены быша въ соборную церковь многими архіереи и архимандриты и игумены и всѣмъ освященнымъ соборомъ съ подобающею честію, со звономъ и съ великими слезами. А святѣйшій Адріанъ патріархъ прежде за годъ того умре. И соборнаго протопопа съ братіею и протчихъ соборовъ и боярскіе дворы, и кои ни были живущіе въ Кремлѣ городѣ, — всѣ безъ остатку погорѣли; и по монастырямъ монаховъ и монахинь и священниковъ бѣлыхъ и мирскихъ людей много погорѣло. И на Тайницкихъ воротахъ кровля, и набережные государевы полаты, и верхнія и нижнія, кои построены въ верхнемъ саду, выгорѣли; и на Москвѣ-рѣкѣ струги и на водѣ плоты и Садовническая слобода безъ остатку погорѣли; и въ Кадашовѣ многажды загоралось. И того дня было въ пожаръ въ Кремлѣ невозможно проѣхать на конѣ, ни пѣшкомъ пробѣжать отъ великаго вѣтра и вихря; съ площади, поднявъ, да ударитъ о землю и несетъ далеко, справиться не дастъ долго; и сырая земля горѣла на ладонь толщиною».

Въ прежніе годы, какъ изстари водилось, послѣ такого пожара обыватели и самый дворецъ царскій тотчасъ принялись бы ставить себѣ на прежнихъ своихъ мѣстахъ новыя деревянныя хоромы, и много если черезъ полгода по-старому весь Кремль покрылся бы новыми зданіями изъ бревенъ и брусьевъ. Теперь этого дѣлать было невозможно. Государь Преобразователь еще въ 1700 г. августа 9, спустя годъ послѣ великаго пожара 25 іюля 1699 г., въ Бѣломъ городѣ и въ Китаѣ, обнародовалъ строгій указъ: отнынѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ деревяннаго строенія отнюдь не строить, а строить неотмѣнно каменное или же изъ глины мазанки по образцамъ, какіе были сдѣланы въ селѣ Покровскомъ. Въ годъ Кремлевскаго пожара (1701) генваря 17 этотъ указъ былъ подтвержденъ новымъ указомъ и потомъ повторенъ вскорѣ послѣ пожара, іюля 4, съ угрозою, кто будетъ строить деревян-

ное и не будетъ строить каменное, тотъ будетъ въ наказаньи и въ великой пенѣ.

Опустошенный отъ деревянныхъ построекъ Кремль по мѣстамъ представлялъ нѣсколько большихъ и малыхъ пустынныхъ площадей, изъ которыхъ самою большою оказалась площадь отъ Никольскихъ воротъ между теперешнимъ Арсеналомъ и зданіемъ Судебныхъ мѣстъ, прозываемая Сенатскою. Въ то время какъ Великій Преобразователь писалъ свое письмо, 24 іюня, о пожарѣ, онъ уже обдумалъ и рѣшилъ построить на этой площади возлѣ самой городовой стѣны отъ Никольскихъ до Троицкихъ воротъ большой Оружейный домъ, зовомый Цейгоузъ.

Спустя всего пять мѣсяцевъ послѣ пожара, 12 ноября того же 1701 года, царь, жившій въ то время въ своей новой столицѣ, въ Преображенскомъ, повелѣлъ всю мѣстность, примыкавшую острымъ угломъ къ Никольскимъ воротамъ, положить на планъ. «Отъ Никольскихъ воротъ», писалъ онъ въ своемъ указѣ, «городъ (стѣны) и принадлежащіе по улицѣ до Троицкихъ воротъ церкви и дворы и въ нихъ всякое каменное строеніе и Житницы, и Судный Дворцовый Приказъ, а по другую тое улицы сторону до Дворца, также и по другой улицѣ (Большой Никольской) по обоимъ сторонамъ по ограду Чудова монастыря и до городовой стѣны по Вознесенскій монастырь, церкви, дворы и подворья, и всякое каменное строенье, и городовымъ стѣнамъ и церквамъ высоту и широту измѣривъ, описать все имянно и учинить чертежъ по маштапу; и отъ Никольскихъ воротъ до Троицкихъ всякое, по правую сторону, строеніе ломать до пошвы и на томъ мѣстѣ строить вновь Оружейный Домъ, именуемый Цейхоузъ, по чертежамъ, каковы даны будутъ изъ Преображенскаго, и объ очисткѣ въ незамедленіи тѣхъ дворовъ сказать, кому надлежитъ свой Великаго государя указъ».

Вслѣдъ затѣмъ, декабря 26, послѣдовало новое повелѣніе «взять подъ строеніе жъ Цейхоуза и подъ всякія припасы, т.-е. подъ строительные матеріалы, дворъ, на который кладутся про дворцовый обиходъ дрова, что прежде былъ боярина Семена Лукьянов. Стрѣшнева, и велѣно того двора каменныя стѣны отъ улицы сто саженъ, да на томъ дворѣ церковь (Пятницы) и полаты, что назывались Сахарныя, и церковь же, что межъ улицъ и дворовъ Трубецкаго и Салтыкова, Входъ въ Іерусалимъ разобрать

и мѣста очистить...» Кромѣ того, 20 генваря 1702 г. взяты къ строенію Цейхауза подъ складъ матеріаловъ и дворъ святѣйшаго патріарха, Конюшенный дворъ и Симонова монастыря подворье.

Тогда же былъ опредѣленъ къ дѣлу и строитель этого Дома, выѣзжій иноземецъ Саксонскія земли каменнаго и полатнаго строенія мастеръ Христофоръ Христофоровъ Кундоратъ, который ровно черезъ мѣсяцъ послѣ пожара 19 іюля 1701 года былъ опредѣленъ въ вѣдомство Посольскаго приказа, а потомъ перемѣщенъ въ вѣдомство Оружейной полаты съ годовымъ жалованьемъ по 150 рублей, при чемъ онъ успѣлъ получить за 1701 г. сто рублей по расчету, слѣдовательно его работы начались по крайней мѣрѣ съ 19 іюля, если не раньше. Онъ былъ опредѣленъ съ условіемъ, чтобы выстроилъ Цейхгаузъ по нѣмецкому *манеру* и по данному чертежу и чтобы выучилъ Русскихъ каменщиковъ каменной работѣ по нѣмецкому манеру; и что ему дастся все, что будетъ нужно для этого строенія. Исторія его строительныхъ работъ и заботъ любопытна по случаю его столкновеній съ начальствомъ. Сначала все обѣщанное исполнялось довольно хорошо, но это продолжалось недолго. Вскорѣ потомъ ему стали дѣлать столько досадъ и непріятностей, что невозможно было ихъ и описать. Ежедневно онъ видѣлъ большіе безпорядки и безнаказанные убытки.

Тою же осенью и зимою безъ замедленія было приступлено къ разборкѣ находившихся здѣсь зданій, въ числѣ которыхъ были и боярскіе дворы, одинъ вдовы боярина кн. Якова Никитича Одоевскаго, боярыни кн. Анны Мих., дворъ бывшій Шереметева, другой кравчаго Василія Ѳедор. Салтыкова, бывшій Лыкова.

Приказомъ Оружейной полаты, въ вѣдомствѣ котораго находился Конратъ, завѣдывалъ дьякъ Алексѣй Александр. Курбатовъ, который прежде былъ крѣпостной человѣкъ боярина Бориса Петровича Шереметева и выдумалъ гербовую бумагу 1699 г. генваря 19, за что былъ пожалованъ въ дьяки и велѣно ему сидѣть въ Оружейной полатѣ управлять производствомъ и продажею гербовой бумаги, приносившей великую прибыль Государству. Понятно, что въ это время Курбатовъ былъ великою силою на своемъ мѣстѣ. Съ нимъ-то Конратъ и не поладилъ. Онъ заявлялъ ему неоднократно о происходившихъ у строенія безпорядкахъ, но получалъ отвѣтъ, что за все онъ и будетъ отвѣчать. Тогда ма-

стеръ написалъ просьбу на имя царскаго величества и принесъ ее по начальству къ Курбатову. Дьякъ вырвалъ у него просьбу и бросилъ ему со словами, чтобы подалъ ее кому-нибудь другому, и что (живописецъ) Мих. Ив. Чоглоковъ (бывшій надсмотрщикомъ этой постройки и строившій кромѣ того Математическія школы) знаетъ это дѣло въ десять разъ лучше, чѣмъ онъ, Конратъ. Такимъ образомъ должная распорядительность надъ этой работой была у него совершенно отнята; было приказано ему только смотрѣть, чтобъ стѣны были хорошо сдѣланы. Повидимому, неудовольствіе Конрата происходило изъ-за того, что вмѣстѣ съ нимъ работалъ и русскій мастеръ, которому мимо Конрата было поручено дѣлать ворота. Это обстоятельство и возбудило особенное неудовольствіе Нѣмца. Онъ указалъ, что строеніе воротъ шло не только очень нерадиво, но и весьма невѣрно, кой-какъ, такъ что пришлось сломать сооруженіе. Нѣмецъ очень жаловался, что отъ Русскаго мастера онъ терпитъ только презрѣніе и оскорбленіе, и потому заявилъ Курбатову, что ворота дѣлать онъ не будетъ до тѣхъ поръ, пока остается при нихъ Русскій мастеръ.

Этотъ архитектурнаго дѣла мастеръ былъ Дмитрій Ивановъ, который за многую работу у цехауснаго строенія, какую особливо онъ показалъ въ дѣлѣ положенія воротъ, что противъ Троицкаго подворья, награжденъ 5 рублями въ 1703 г.

«При этомъ словѣ», пишетъ Нѣмецъ, «Курбатовъ вскочилъ съ своего стула, кинулся прямо на меня, насильно вырвалъ у меня изъ рукъ палку и ударилъ меня по головѣ такъ, что я упалъ предъ нимъ на полъ; поэтому отъ полученнаго мною въ головѣ сильнаго шума и звона почти 8 дней не могъ явиться на работу, ни всходить на подмостки. Потомъ (Курбатовъ) приказалъ заключить меня въ цѣпи и стеречь съ солдатами. На другой день пришелъ ко мнѣ писецъ (подьячій), снялъ съ меня цѣпи и велѣлъ изготовить чертежъ воротамъ для посылки къ государю, я извинился, что послѣ вчерашняго угощенія при теперешнемъ моемъ состояніи (послѣ побой) мнѣ невозможно это сдѣлать, и услышалъ въ отвѣтъ, что впередъ онъ (Курбатовъ) не станетъ бить меня своими руками, но велитъ угостить меня по Московски, сошлетъ, и столько велитъ задать, что съ меня будетъ довольно».

Такія отношенія начальника къ Нѣмцу-архитектору произошли

по случаю неодобренія Нѣмцемъ лѣсного матеріала, доставляемаго для устройства подмостокъ, а поставщикомъ-подрядчикомъ этого матеріала былъ самъ Курбатовъ, конечно не явно. Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись! Нѣмецъ не зналъ этой Русской пословицы, и все-таки пожаловался боярину Ѳед. Алексѣев. Головину въ 1703 г.

Быть можетъ, вслѣдствіе этой жалобы возникло слѣдующее распоряженіе:

1703 г. по письму государя изъ *Санкто-Петрополя* отъ 25 августа велѣно изъ Посольскаго приказа иноземцевъ архитектурнаго дѣла мастеровъ, которые изъ Копенгагена нынѣшнимъ лѣтомъ къ Москвѣ пріѣхали, прислать въ Оружейную полату на время, ради усмотрѣнія въ совершенствѣ архитектурномъ строенія цейхаускаго, что въ Кремлѣ.

Для фундамента зданія рвы были копаны шириною въ 6 арш., въ нихъ каменная кладка также была заложена шириною въ 6 арш. и убавливано той широты по малу и сведено надъ уровнемъ земли въ 4 арш. ширины. Таковы основались всѣ стѣны зданія. Глубина рвовъ неизвѣстна. Оружейный домъ строился мало-по-малу въ теченіи четырехъ лѣтъ (1702—1705). Между прочимъ въ 1704 г. іюля 18 было повелѣно всѣ гербы Россійскаго Государства, каковы есть въ Посольскомъ приказѣ, срисовать для того, что оные гербы будутъ изображены у цейхоуснаго строенія на вратахъ. Тѣ гербы изъ Государственной книги даны списать иконописцу Тихону Иванову [1]). Въ 1706 г. строеніе было остановлено по случаю Шведской войны. 3 мая 1706 г. государь писалъ изъ Дубни теперь уже къ оберъ-инспектору Курбатову слѣдующее: «Чрезъ сей указъ объявляемъ Цейхаузнаго строенія не хуже (не худо) хотя до времени и отставить».

Повидимому, къ этому времени выведенъ былъ только нижній этажъ зданія и построены ворота, такъ какъ еще въ 1704 г.

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ рукописи, принадлежащей собранію графа А. С. Уварова, № 446, и заключающей въ себѣ сборникъ дѣловыхъ актовъ въ копіяхъ съ заглавіемъ: „О началѣ Московскаго цейхгауза, нынѣшняго Арсенала, и описаніе древнихъ пушекъ и другихъ орудій, въ немъ находящихся. Составили коллежскіе ассесоры Николай Лебедевъ и Дмитрій Прилуцкій въ 1835—37 гг.“. Приносимъ глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой, любезно доставившей возможность воспользоваться этимъ матеріаломъ.

государь указалъ дѣлать «токмо нижніе анбары и ворота». И тогда уже дѣло строенія мало-по-малу сокращалось.

Остановка въ строеніи продолжалась до 1731 г., когда именнымъ указомъ импер. Анны отъ 8 марта было повелѣно означенный Цейгоусъ какъ возможно скоро достроивать по учиненному чертежу, профилю и плану генералу фельтьцейхмейстеру графу фонъ-Миниху.

Новая постройка была окончена въ 1736 году.

Задумывая строить этотъ Цейгаузъ, Великій Преобразователь имѣлъ намѣреніе наполнить его не только складомъ всякаго рода воинскаго оружія и воинскихъ запасовъ [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ устроить въ немъ и Музей для собранія воинскихъ трофеевъ. Съ этою цѣлью въ томъ же 1702 г., когда началось строеніе Цейгауза, 6 декабря государь повелѣлъ «въ Кіевѣ и въ Батуринѣ и во всѣхъ Малороссейскихъ городахъ мажжеры и пушки мѣдныя и желѣзныя и всякіе воинскіе сенжаки (знаки) осмотрѣть и опи-

1) Въ 1703 г. вызывались изъ Англіи искусные шпажные мастера для наполненія Цейгауса, чрезъ англійскую купеческую компанію. Въ томъ же году вызванъ изъ Копенгагена мастеръ литейныхъ и формныхъ дѣлъ Нилсъ Стенсонъ *Геннинъ* изъ Норвегіи.

сать и росписи прислать: буде явятся тѣ, которые у окрестныхъ государей, а именно у Салтановъ турецкихъ и у королей Польскаго и Свейскаго на бояхъ гдѣ воинскимъ случаемъ подъ гербами ихъ взяты и нынѣ есть на лицо, и тѣ всѣ собравъ, взять къ Москвѣ и въ новопостроенномъ Цейхаусѣ для памяти на вѣчную славу поставить».

При этомъ въ Батуринъ къ Гетману Мазепѣ была послана особая грамота съ указомъ, что вмѣсто тѣхъ чужеземскихъ взятыхъ у него мозжеровъ и пушекъ, каковы будутъ вѣсомъ и по калибру ядромъ, таковы же будутъ ему присланы изъ Москвы...

Вслѣдъ затѣмъ тогда же, декабря 17, послана грамота и въ Смоленскъ къ воеводѣ Петру Самойловичу Салтыкову, въ которой государь указывалъ:

«Въ Смоленскѣ мозжеры и пушки мѣдныя и желѣзныя и всякіе воинскіе сенжаки осмотрѣть и описать и буде явятся которые подъ гербами окрестныхъ государей, а именно Салтановъ Турскихъ и королей Польскаго и Свейскаго, взятыя на бояхъ гдѣ воинскимъ случаемъ, и тѣ всѣ собравъ взять къ Москвѣ и для памяти на вѣчную славу поставить въ новопостроенномъ Цейхаусѣ».

Въ генварѣ и февралѣ 1704 г. Салтыковъ прислалъ отобранныхъ 30 пушекъ мѣдныхъ, 4 мортира мѣдныхъ, въ томъ числѣ первый Сигизмунда августа 1556 г.; два тюфяка желѣзныхъ Польскихъ, 3 пушки мѣдныя разорваныя Русскаго литья. Всѣ онѣ были поставлены на площади у Посольскаго приказа на волокахъ и на дровняхъ. Въ томъ числѣ: большихъ длиною 5 арш.—12; первая изъ нихъ прозваніемъ *Базлъ* съ латинскою надписью: «Я Василискъ прикосновеніемъ разрушаю крѣпкія стѣны, 1581 г.» и съ титуломъ Стефана (Баторія) короля Польскаго. Среднихъ длиною 4 арш.—21: Польскія и Литовскія XVI и XVII ст.

Въ Смоленскѣ остались пушки Русскаго литья, большія: 1) *Онагръ* длиною 6 арш., вѣсъ 312 пуд., по подписи лилъ мастеръ Первой Кузминъ, 1581 г. (Онагръ назывался оселъ дивій или конь дикій).—2) *Левикъ* дл. 6 арш., вѣсъ 145 пуд., дѣлалъ Степанъ Петровъ, 1553 г.—3) *Острая Панна*, дл. 4½ арш., вѣсъ 185 пуд., мастеръ пушкарь Ганусовъ, 1564 г. На ней вылиты двѣ ехидны человѣкообразны до пояса, а отъ пояса хоботы змѣиные.

Среднія и меньшей величины пушки носятъ имена слѣдующихъ мастеровъ: Яковъ Фрязинъ 1498, 1499 гг. Онъ же обозначалъ свою работу однимъ именемъ Яковъ, какъ и нѣкоторые русскіе мастера обозначали себя тоже однимъ именемъ: Петръ, Богданъ, Тимофей. Потомъ слѣдуетъ Кашперъ или Ашпиръ Ганъ, 1566 г.; ученикъ Кашперовъ Андрей Чоховъ, 1569 г.; Никита Тупицынъ, 1600 г.; Алексѣй Яковлевъ, 1630 г.; Ив. Тимофеевъ, 1654 г.; Яковъ Дубина, 1671, 1679 г. и др.

Собранныя такимъ образомъ пушки, расположенныя нынѣ на чугунныхъ лафетахъ по фасаду зданія казармъ, прежде бывшей Оружейной полаты, заключаютъ въ себѣ любопытные памятники древне-Русскаго литейнаго дѣла.

Изъ нихъ, кромѣ упомянутаго выше Онагра, первенствуетъ по своему объему такъ называемая 1) Царь-Пушка, получившая это имя по случаю изображеннаго на ней царя Ѳедора Ивановича на конѣ и въ воинскомъ уборѣ, въ шишакѣ. На ней отлиты выпуклыми буквами слѣдующія надписи: «Божіею милостію царь и великій князь Ѳеодоръ Івановичъ Государь и самодержецъ всея великія Росія. Повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Ѳеодора Івановича государя самодержца всея великія Росія, при его благочестивой и христолюбивой царице і великой княгине Ирине. Слита бысь сія пушка в преименитомъ и царьствующемъ граде Москвѣ лѣта 7094 (1586) в третьее лѣто государьства его. Дѣлалъ пушку пушечьной литецъ Ондрѣй Чоховъ». Вѣсу въ пушкѣ 2400 пудъ. Ея длина 7½ арш. Въ старыхъ описяхъ она именуется Дробовикомъ.

2) Пищаль Троилъ (старый) съ изображеніемъ Троянскаго царя. Въ надписи: «Здѣлана сія пищаль Троилъ лѣта 7098 (1590). Дѣлалъ Ондрей Чоховъ». Вѣсъ 430 пудъ.

3) Пищаль Аспидъ, дѣлалъ Ондрей Чоховъ 1590 г. Вѣсъ 370 п., съ изображеніемъ Аспида (По объясненію старыхъ Азбуковниковъ, Аспидъ есть змія крылата, носъ имѣетъ птичій и два хобота; или—Аспидъ, лице имѣетъ дѣвичье и власы дѣвичьи, хоботъ зміевъ, ноги василисковы, крылѣ велицы и тверды и зѣло остры яко желѣзо и камень).

4) Мортира Лжедимитрія съ надписью: «Божію милостію повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Димитрея Ивановича всея великія Росія самодержца, в первое лѣто госу-

дарства его, здѣлана бысть сія пушка в царьствующемъ граде Москвѣ в лѣта 7114 (1605) мѣсяца сентября въ 27 день. Мастеръ Ондрей Чоховъ. А дѣлалъ пушечный литецъ Проня Өедоровъ». Вѣсъ 116 п. 32 ф. Вмѣстѣ съ тѣмъ на мортирѣ вырѣзана помѣта, что великій государь (Петръ) въ 1703 г. сего мортира переливать не указалъ.

5) Единорогъ, вѣсъ 779 пудъ, лилъ Мартьянъ Осиповъ 1670 г., съ изображеніемъ Единорога.

6) Волкъ, вѣсъ 118 п., лилъ мастеръ Яковъ Дубина 1679 г., съ изображеніемъ Волчьей головы.

7) Троилъ (новый), вѣсъ 402 п., лилъ Яковъ Дубина 1685 г., съ изображеніемъ Троянскаго царя.

8) Персъ, вѣсъ 353 п., лилъ мастеръ Мартьянъ Осиповъ 1685 г., съ изображеніемъ Персіянина.

9) Гамаюнъ, вѣсъ 102 п., лилъ Мартьянъ Осиповъ 1690 г., съ изображеніемъ птицы Гамаюна.

10) Орелъ, вѣсъ 220 п., лилъ Мартьянъ Осиповъ 1692 г., съ изображеніемъ Орла.

11) Левъ, вѣсъ 107 п., лилъ Карпъ Балашевичъ въ Глуховѣ, 1705 г., коштомъ Ивана Мазепы, съ его гербомъ и съ изображеніемъ Льва.

Достопамятныя орудія, не столь крупныя, были собираемы въ Арсеналъ и при императорѣ Николаѣ I, когда въ бытность свою въ 1836 г. въ Казани государь повелѣлъ изъ тамошняго Арсенала передать въ Московскій 29 орудій, а также и изъ Селенгинской крѣпости 10 орудій, болѣе или менѣе достопамятныхъ по своимъ надписямъ.

Троицкія ворота.

Мы упоминали, что Житницкая улица, покрытая нынѣ зданіемъ Арсенала, выходила неподалеку отъ Троицкихъ воротъ на Троицкую улицу противъ Троицкаго подворья. Обозрѣніе этой новой улицы мы начнемъ съ Троицкихъ воротъ (Альбомъ видовъ № XXI).

Лѣтописцы заботливо сохранили свѣдѣнія о времени постройки всѣхъ Кремлевскихъ воротъ при Иванѣ III-мъ и только объ однихъ Троицкихъ не помянули ни словомъ, сказавши, что стѣна

надъ Неглинною заложена въ 1495 г. Въ этомъ году или годомъ позже, вѣроятно, были сооружены и ворота, существовавшія на томъ мѣстѣ и въ древнее время, даже и съ каменнымъ мостомъ.

1-го сентября 1471 г., когда послѣ блистательной (Шелонской) побѣды надъ Новгородомъ, вел. князь Иванъ Васильевичъ возвратился по Волоцкой дорогѣ въ Москву, то при всеобщей народной радости и съ великимъ торжествомъ его встрѣтилъ передъ Кремлемъ, «только съ мосту большаго каменнаго сшедъ до кладезя площаднаго, близь церкви», митрополитъ Филиппъ съ крестнымъ ходомъ и со всѣмъ соборомъ духовенства при многомъ множествѣ Московскаго народа.

Лѣтопись не приводитъ именъ этой мѣстности, какъ и имени церкви, не говоря вовсе о вратахъ города, но видимо, что это свидѣтельство относится къ мѣстности Троицкихъ воротъ, соединявшихъ Кремль съ Занеглименьемъ большимъ каменнымъ мостомъ (Альбомъ видовъ, № II), вблизи котораго въ Занеглименьѣ стояла церковь Николы Чудотворца, впослѣдствіи, въ позднее уже время, означаемая: что на Сапожкѣ. Это свѣдѣніе указываетъ также, что упомянутый каменный мостъ по всему вѣроятію былъ построенъ еще при первомъ сооруженіи каменныхъ стѣнъ Кремля, въ 1367 году, съ цѣлью правильнаго сообщенія съ Волоцкою бойкою дорогою, по которой вел. князья ходили собирать свои полки въ тревожныхъ случаяхъ. Кремлевскія ворота на этотъ каменный мостъ въ то время, въ XV—XVII ст., прозывались *Ризположенскими*, вѣроятно отъ церкви Ризположенія, находившейся въ Занеглименьѣ, быть можетъ самой древней въ въ той мѣстности [1]), см. стр. 185.

Въ первой половинѣ XVII ст. Троицкія ворота именовались *Знаменскими*, вѣроятно по образу Знаменія, написанному на стѣнѣ надъ воротами.

Надо замѣтить, что В. Е. Румянцовъ, въ объясненіяхъ (№ 18) изданнаго имъ вида Московскаго Кремля въ «Древностяхъ Моск. Археолог. Общества», напрасно указываетъ, что эти Ризположенскія Троицкія ворота именовались также *Богоявленскими* по

[1]) Въ 1560 г. загорѣся на Арбатѣ, у Ризположенія, дворъ Ѳедора Пожарскаго и погорѣло многое множество храмовъ и дворовъ по всему Занеглименью. Церковь Ризположенія находилась близь церкви Бориса и Глѣба на Арбатѣ на углу послѣдняго Кисловскаго переулка и Воздвиженки.

церкви Богоявленія на Троицкомъ подворьѣ; между тѣмъ это свѣдѣніе относится къ воротамъ царскаго Дворца, существовавшимъ въ Александровой слободѣ, гдѣ въ 1571 г. (октября 7080) происходила третья свадьба царя Ивана Грознаго, на списокъ Разряда которой и ссылается авторъ, не усмотрѣвшій, что при томъ дворцѣ было двое Богоявленскихъ городовыхъ воротъ. Онъ также напрасно присвоиваетъ Троицкимъ воротамъ и имя Неглиненскихъ. Это имя относится къ воротамъ Китай-города, Воскресенскимъ, у Иверской часовни. Нѣкоторое время въ половинѣ XVII ст. они иногда прозывались Куретными, по поводу находившихся недалеко отъ нихъ Куретныхъ воротъ съ царскаго внутренняго хозяйственнаго двора.

Послѣ того царь Алексѣй Михаиловичъ указомъ 19 апрѣля 1658 г. повелѣлъ всѣ Кремлевскія и Бѣлгородскія ворота переименовать, *писать и называть:*

Фроловскія—Спасскими, Куретныя—Троицкими, Боровицкія—Предтеченскими; въ Бѣломъ городѣ—Трехсвятскія—Всесвятскими, Чертольскія—Пречистенскими, вѣроятно отъ Пречистой Ржевской, и улицу—Пречистенкою; Арбатскія—Смоленскими и улица Смоленская; Мясницкія—Фроловскими.

Несмотря на царскій указъ и послѣ долгое время Московскій народъ сохранялъ старыя названія, оставивъ нѣкоторыя изъ нихъ непереименованными и до нашего времени. Каковы въ Кремлѣ Боровицкія, въ Бѣломъ городѣ Арбатскія, Мясницкія.

Во время счастливой Ливонской войны, въ 1558 г. августа 9, въ Москву были принесены изъ Ругодива двѣ чудотворныя иконы: образъ Богоматери Одегитрея да образъ Николы чудотворца и Власія и Козмы и Дамьяна. Царь съ сыномъ и братомъ Юрьемъ и митрополитъ Макарій со всѣмъ освященнымъ соборомъ, весь синклитъ царскій со множествомъ народа встрѣтили иконы у Пятницы Ржевской въ Черторьи.

За Ризположенскими воротами чудотворныя иконы встрѣтила царица Анастасія, а съ нею княгиня Ульяна, супруга князя Юрья Вас., и «множество» боярынь. Послѣ моленья и любезнаго цѣлованья св. иконъ этотъ женскій чинъ шествовалъ вкупѣ съ царемъ и митрополитомъ въ Кремль, въ соборную церковь къ литургіи.

Св. иконы, вызвавшія такую торжественную встрѣчу, ознаменовали чудесами самое взятіе города Ругодива (Нарва).

Онъ былъ взятъ 11 мая того же 1558 года, по случаю распространившагося въ немъ пожара, который произошелъ отъ того, какъ говорили, что одинъ Нѣмецъ варилъ пиво, да искололъ образъ Николы чудотворца и тѣмъ огонь подгнечалъ, и отъ того разошелся пламень и пожегъ всѣ домы. А какъ воеводы взяли ворота и вошли въ городъ и увидѣли на великомъ пламени образъ Пречистые лежитъ лицомъ на огнѣ, и они образъ взяли ничѣмъ невреженъ; а въ другомъ мѣстѣ нашли образъ Николинъ и отъ того времени, какъ иконы нашли, огонь учалъ тишать, а Нѣмцы были побиты. Однѣхъ пушекъ въ городѣ, большихъ и малыхъ, было взято 230.

Въ 1598 г. апрѣля 1 происходила торжественная встрѣча избранному на царство Борису Годунову, у церкви Николы Зарайскаго, что у Каменнаго моста. Онъ возвращался тогда изъ Новодѣвичьяго монастыря отъ сестры инокини, царицы Александры, благословившей его вступленіе на царство по слезному челобитью всего духовенства, боярства и всего народа. Навстрѣчу вышелъ патріархъ Іовъ съ крестнымъ ходомъ со всѣмъ духовенствомъ, бояре и весь синклитъ и безчисленное всенародное множество.

Входя Троицкими воротами въ Кремль по лѣвую сторону у самыхъ воротъ, въ 1561 г. находился дворъ царскаго постельничаго, Игнатья Вешнякова, на которомъ 15 іюня была поставлена пріѣхавшая тогда въ Москву невѣста царя Ивана Вас., дочь Пятигорскихъ Черкасъ Кабардинскаго князя Темгрюка Айдаровича, княжна Кученей, во святомъ крещеніи Марія, которую потомъ государь взялъ къ себѣ во Дворецъ, смотрѣлъ ее и полюбилъ и сочетался съ нею бракомъ съ небольшимъ черезъ два мѣсяца, 21 августа.

Въ началѣ XVII ст. въ этой мѣстности находился дворъ Сем. Никит. Годунова и нѣмца доктора Валентина Билса.

Въ половинѣ XVI ст. у Ризположенскихъ воротъ, внутри Кремля, упоминаются тюрьмы. Въ 1543 г. декабря 19 тринадцатилѣтній царь Иванъ Вас. «не могши терпѣть, что бояре безчиніе и самовольство чинятъ, напалъ на ихъ первосовѣтника, князя Андрея Шуйскаго, и повелѣлъ предать его псарямъ. Псари схватили князя, поволокли къ тюрьмамъ и убили его противъ

Ризположенскихъ воротъ. Съ тѣхъ поръ начали бояре отъ государя страхъ имѣть и послушаніе».

Но еще прежде, при самомъ началѣ боярскаго безчинія, осенью 1537 г. окт. 21 князья Шуйскіе, въ смутѣ съ кн. Бѣльскимъ и другими боярами, схватили государева дьяка Өедора Мишурина и казнили его—отсѣкоша ему голову у Тюремъ.

Въ 1545 г. сентября 3 царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ казнить Аөанасія Бутурлина, урѣзаша ему языка у Тюремъ, за его вину, за невѣжливыя слова.

Гдѣ именно находились эти Тюрьмы, въ точности неизвѣстно, но видимо, что у Ризположенскихъ воротъ, какъ обозначено въ первомъ случаѣ.

Производимыя въ 1894 и 1895 гг. княземъ Н. С. Щербатовымъ разслѣдованія подземнаго Кремля обнаружили подъ самымъ проѣздомъ Троицкихъ воротъ двѣ двухъярусныя полаты длиною съ небольшимъ 7 арш., шириною 7 арш., при высотѣ въ верхнемъ ярусѣ $4^1/_2$ арш., въ которыя слѣва отъ воротъ въ стѣнѣ Кремля вела бѣлокаменная лѣстница. Верхнія полаты соединялись узкимъ коридоромъ въ 9 арш. длины и $3^1/_4$ арш. вышины. Нижнія полаты соединялись съ верхними только посредствомъ люка, небольшого отверстія, какъ пролѣзть человѣку, обрамленнаго тесанымъ бѣлымъ камнемъ, у одной по самой ея srединѣ, у другой сбоку во впадинѣ, или нишѣ, такъ что эти нижнія полаты представляютъ какъ бы каменные мѣшки, въ которые никакого другого входа не имѣется. Ихъ глубина простирается до 3-хъ саженъ слишкомъ.

И въ верхнихъ, и въ нижнихъ полатахъ сдѣланы щелевидныя продушины, по двѣ въ каждой полатѣ, способствовавшія притоку воздуха. Эти продушины существуютъ въ башнѣ и теперь.

Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что это были тѣ тюрьмы, о которыхъ упомянуто выше.

Съ лѣвой стороны воротъ у самой стѣны въ XVII ст. находился дворцовый Судный приказъ. Къ нему-то или отъ него внутри стѣны и существовала упомянутая лѣстница, впослѣдствіи закладенная, когда и самыя тюрьмы были оставлены.

Упомянутые каменные мѣшки не устроены ли по образцу древняго *поруба*, который составлялъ такое тюремное заключеніе,

гдѣ не было выхода, гдѣ заключенный сидѣлъ дѣйствительно, какъ въ мѣшкѣ, въ темной клѣти изъ бревенъ, какъ это выясняется изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи.

Во времена безконечныхъ княжескихъ усобицъ, въ 1146 г., вел. князь Изяславъ Мстиславичъ побѣдилъ Игоря Ольговича августа 17 и всадилъ его въ порубъ. Игорь разболѣлся въ порубѣ и сталъ просить свободы для постриженія въ монахи.

Изяславъ сжалился—и тогда, пославъ, повелѣ надъ нимъ *порубъ розоимати*, и тако выяша изъ поруба вельми больнаго и несоша у келью. Но не спасла Игоря и мантія инока: возмущенные Кіевляне убили его, припоминая при этомъ, какъ нѣкогда *высѣкше* Всеслава *изъ поруба*, поставили его княземъ себѣ, и много зла бысть про то граду Кіеву. Эти выраженія «разъимати надъ нимъ порубъ, — высѣкше изъ поруба», явно указываютъ, что это была тюрьма, въ своемъ родѣ мѣшокъ, изъ котораго освобождать заключеннаго приходилось не иначе, какъ разъимать и высѣкать постройку.

Само собою разумѣется, что такое устройство тюрьмы вызывалось практическими цѣлями сторожбы, не требовавшей особенной заботы о томъ, что заключенный изъ этого мѣшка можетъ убѣжать. Затѣмъ и выраженія послѣдующаго времени *метать* заключаемаго въ тюрьму, *вкинуть* въ тюрьму, точно также указываютъ на упомянутое особое устройство такой тюрьмы. Въ оградѣ Троице-Сергіевомъ монастырѣ въ Пятницкой башнѣ существуетъ *Каменный мѣшокъ*, въ который опускаются сверху (Русскій Архивъ, 1902 г., № 9, стр. 39).

Троицкое подворье.

Мы пойдемъ отъ Троицкихъ воротъ по правой сторонѣ улицы. Какъ упомянуто, у самыхъ воротъ на этой сторонѣ находился дворцовый Судебный приказъ, примыкавшій къ городовой стѣнѣ. Далѣе саженяхъ въ двадцати отъ воротъ, по направленію на уголъ зданія теперешнихъ Судебныхъ мѣстъ, находилось подворье Троице-Сергіева монастыря.

Основаніе Троицкому подворью съ церковью Богоявленія было положено еще при жизни Преподобнаго Сергія, которому В. К. Дмитрій Донской, какъ записано въ Кормовой книгѣ Троицкаго

монастыря, далъ въ монастырь *пятно Ногайское* съ лошади по 8 денегъ и *Московское пятно* съ лошади по 2 деньги на площадкѣ (передъ городомъ Китаемъ у Спаса на Глинищахъ), и мѣсто на Москвѣ въ городѣ (Кремлѣ) подъ церковь и подъ кельи. Пятно Ногайское, т.-е. пятнаніе тавромъ продажныхъ лошадей съ записью ихъ примѣтъ, происходило въ Москвѣ же, за городомъ, за Москвою-рѣкою, гдѣ существовалъ въ XIV и XV ст. Ногайскій дворъ и гдѣ и донынѣ идетъ торговля лошадьми на Конной площади. Московское пятно существовало для города, Ногайское—для приводимыхъ лошадей отъ Татаръ.

Когда именно было дано мѣсто въ Кремлѣ для устройства монастырскаго подворья, объ этомъ прямыхъ свѣдѣній мы не встрѣтили. Есть изслѣдованіе (О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни пр. Сергія, от. Арсенія), написанное съ цѣлью доказать, что при жизни Преподобнаго Троицкій монастырь не владѣлъ вотчинами, а слѣдовательно и подворьемъ въ Кремлѣ. Однако подворье невозможно равнять съ населенною крестьянами вотчиною. Авторъ старательно утверждаетъ, что, «лично для себя преп. Сергію не было нужды въ этомъ подворьѣ. Въ бытность свою въ Москвѣ, говоритъ онъ, св. старецъ могъ останавливаться сначала у брата своего Стефана, игумена Богоявленскаго монастыря (за торгомъ, въ Китаѣ), потомъ съ 1361 г. у своего ученика въ Андрониковомъ монастырѣ, съ 1378 г. въ Симоновомъ монастырѣ, у племянника Ѳедора. Братіи же, продолжаетъ авторъ, преп. Сергій не только въ престольный градъ, но и по селамъ и деревнямъ запрещалъ ходить даже въ крайней нуждѣ». Затѣмъ авторъ неосновательно предполагаетъ, что дворъ для подворья могъ быть завѣщанъ сыномъ кн. Владиміра Андреевича, Андреемъ, умершимъ въ 1425 г., получившимъ отъ отца половину отцовскаго двора, которую онъ и отдалъ монастырю безъ всякаго акта. Надо припомнить, что дворъ кн. Владиміра Андреевича, а слѣдовательно и половина двора его сына Андрея находились на другомъ мѣстѣ (см. выше, стр. 239).

О пожалованіи монастырю мѣста для подворья княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ въ монастырскомъ архивѣ не найдено никакихъ свидѣтельствъ, и свѣдѣніе объ этомъ записано только во вкладной книгѣ 1673 г.

Все это однако не можетъ служить доказательствомъ, что

подворье не существовало еще при жизни св. Сергія. Этому должно противорѣчить самое помѣщеніе подворья возлѣ Великокняжескаго двора. Въ первой половинѣ XVII ст. подворье именуется Богоявленскимъ монастыремъ, что у Дворца (въ 1640 г. марта 25 по указу государя дураки государевыхъ комнатъ были отведены поститься на Страстную недѣлю: въ Богоявленскій м. Мосѣйка; въ Аѳанасьевскій мон., что у Фроловскихъ воротъ, Исакъ да Симонка) (А. О. II., № 696). Только св. старцу Донской могъ отдать для подворья такое близкое къ дворцу мѣсто, съ желаніемъ всегда видѣть его возлѣ себя. И св. старцу во время пребыванія его въ Москвѣ также было необходимо останавливаться въ близости отъ вел. князя, не странствуя для этого напрасно за цѣлыя версты отъ Кремля. Что вотчины и пошлины съ пятнанья лошадей даны монастырю уже послѣ кончины св. старца (1391 г.), это вѣроятно; но также вѣроятно, что подворье возлѣ Великокняжескаго двора для временнаго пребыванія въ Москвѣ и именно у вел. князя было дано еще при жизни святого. Такимъ образомъ, съ большою вѣроятностью, можно предполагать, что основаніе Троицкаго подворья должно относить къ первому времени близкихъ сношеній преподобнаго Сергія съ Москвою, то-есть съ ея вел. княземъ Дмитріемъ, часто приходившимъ въ Сергіевъ монастырь подъ благословенье святого его основателя.

Для зарождавшагося Сергіева монастыря, принимавшаго въ святомъ лицѣ его основателя живое участіе во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ Великаго княженія, было необходимо устроить въ городѣ свое собственное пристанище, которое и основалось на особомъ подворьѣ близь Троицкихъ воротъ. Во вкладной книгѣ Троицкаго монастыря прямо говорится, что вел. князь Дмитрій Иван. пожаловалъ въ Москвѣ въ городѣ мѣсто подъ церковь и подъ кельи близь своего государева двора.

Первая на подворьѣ церковь во имя Богоявленія была, конечно, деревянная. Впервые о ней, а съ нею и о самомъ подворьѣ, лѣтописецъ упоминаетъ съ 1374 г., какъ можно предполагать, по слѣдующему обстоятельству:

17 сентября 1374 г. скончался послѣдній Тысяцкій города Москвы Василій Васильевичъ Протасьевъ, внукъ перваго Московскаго Тысяцкаго Протасія. Василій Вас. былъ погребенъ у церкви Богоявленія, «преставися въ чернецехъ и въ схимѣ; по-

ложенъ бысть у *церкви Богоявленія»*, въ монастырѣ св. Богоявленія, присовокупляетъ болѣе поздній лѣтописецъ. Выраженіе у *церкви Богоявленія* можетъ относиться и къ Кремлевской церкви и къ Кремлевскому Богоявленскому монастырю, который, несомнѣнно, и основанъ былъ въ одно время съ постройкою церкви.

Въ такомъ случаѣ исторія подворья должна начинаться отъ временъ самого св. Сергія.

Но сколько извѣстно, первое прямое лѣтописное свидѣтельство о существованіи Троицкаго подворья относится къ 1460 году, когда Сергіевскіе старцы поставили на *своемъ дворѣ* при игуменѣ Вассіанѣ Рыло каменную церковь Богоявленія. Затѣмъ лѣтописцы разсказываютъ, что въ 1473 году, на пятой недѣлѣ Великаго поста, 4 апрѣля, случился не малый пожаръ внутри Кремля у великокняжеской церкви Рождества Богородицы, откуда огонь разнесся по близь стоявшимъ дворамъ и не пощадилъ и митрополичьяго двора, сгорѣвшаго дотла, а также и многихъ другихъ дворовъ по Богоявленье Троицкое, уцѣлѣвшее отъ пожара.

Митрополитъ Филиппъ, только что заложившій постройку новаго большого Успенскаго собора, столько былъ потрясенъ этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ, что заболѣлъ и почувствовалъ приближеніе своей кончины. Отъ пожара онъ удалился изъ Кремля на Никольскую улицу Китай-города въ монастырь къ Николѣ Старому. На другой день, возвратившись въ Кремль, въ соборъ, ко гробу св. Петра, совсѣмъ изнемогая, сталъ просить вел. князя отпустить его въ монастырь на покой отъ святительскаго сана. Вел. князь не захотѣлъ отпустить его куда-либо за городъ въ дальній монастырь, но отвезъ его въ близь тутъ сущій *монастырь къ Богоявленію на Троицкомъ дворѣ.*

Святитель тотчасъ позвалъ къ себѣ своего отца духовнаго, причастился и пособоровался. Князю же великому только объ одномъ приказывалъ, чтобы церковь (соборная) была совершена. О томъ же приказывалъ и Ховрину, Владиміру Григорьевичу, и сыну его Головѣ; говорилъ, что на совершеніе церкви уготовлено у него все, только попекитесь о дѣлѣ, а то все есть, все готово, не умолкая говорилъ. И людей, которыхъ накупилъ на то дѣло, приказывалъ отпустить. На другой же день 6 апрѣля, по другимъ показаніямъ 5 апрѣля, онъ и померъ на этомъ Троицкомъ дворѣ.

Въ этотъ пожаръ 1473 г. церковь Богоявленія, какъ упомянуто.

уцѣлѣла. Погорѣли сосѣдніе дворы митрополита и князя Бориса Васильевича (впослѣдствіи Годуновскій), огонь дошелъ только по церковь Богоявленія; то же случилось и въ новый пожаръ 1479 г.

Вѣроятно, постройка 1460 г. была произведена неискусными мастерами и изъ матеріаловъ недобраго качества, такъ что лѣтъ черезъ 20 церковь была разобрана, «бѣ бо трухла вельми», и на томъ же мѣстѣ заложена новая. Но здѣсь у лѣтописцевъ это заложеніе новой церкви и разобраніе старой упоминается подъ тремя разными годами: въ 1479 (ошибочно), потомъ въ 1480 и 1482 гг., такъ что трудно съ точностью опредѣлить, въ какой именно годъ совершилась новая постройка. Можно съ вѣроятностью предположить, что разобраніе старой послѣдовало въ 1480 г., а строеніе довершилось въ 1482 г., при чемъ упомянуто, что оно сооружено изъ кирпича, вмѣсто бѣлаго камня, какъ строили въ старину и какъ въ это время, по наученію итальянскихъ архитекторовъ, стали строить уже изъ кирпича.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XV столѣтія Троицкое подворье уже именовалось Богоявленскимъ монастыремъ, слѣдовательно было управляемо по крайней мѣрѣ строителемъ въ зависимости отъ Троицкаго игумена. Въ Москвѣ въ тѣ же времена существовалъ другой Богоявленскій монастырь за Торгомъ, что и подаетъ поводъ смѣшивать извѣстія объ этихъ двухъ монастыряхъ, если точно не обозначаются ихъ мѣстности.

Другая церковь на Подворьѣ во имя св. Сергія по всему вѣроятію была выстроена вскорѣ послѣ обрѣтенія его св. мощей въ 1423 г. и причисленія преподобнаго къ лику святыхъ угодниковъ, т.-е. въ первой половинѣ XV столѣтія.

Для митрополичьяго и для Великокняжескаго двора такой храмъ вблизи ихъ жилищъ являлся необходимою святынею для царскаго моленія и служенія во дни памяти святого. Поэтому въ эти дни митрополиты, а впослѣдствіи патріархи, почти всегда сами служили въ этомъ храмѣ на память св. Сергія, куда нерѣдко приходилъ къ службѣ и государь, если по какому-либо случаю оставался въ Москвѣ и не отъѣзжалъ на обычное богомолье въ самый монастырь Троицкій, для котораго Кремлевскій храмъ былъ непосредственнымъ молебникомъ.

Въ 1532 г. октября 30 первый царь Московскій Василій Ивановичъ у Богоявленія на Троицкомъ дворѣ даже крестилъ

новорожденнаго своего второго сына Юрья, отдавая такимъ образомъ новорожденнаго подъ покровъ крѣпкаго заступника и молитвенника за всѣхъ государей Москвы. Крещеніе совершалъ Троицкій же игуменъ Асафъ Скрипицынъ да старецъ Данилъ изъ Переяславля. Радость этому событію была неимовѣрная для всего города Москвы.

Въ 1542 г., во время неистовыхъ боярскихъ смутъ, митрополитъ Іоасафъ подвергся великимъ оскорбленіямъ за то, что не былъ на сторонѣ князей Шуйскихъ, руководившихъ смутою, «начаша ему безчестіе и срамоту чинити великую и каменіемъ по кельѣ шибати. Святитель невозможе того терпѣти, сойде съ своего двора на Троицкое подворье... Бояре послали за нимъ дѣтей боярскихъ Новгородцевъ съ неподобными рѣчьми, и съ великимъ срамомъ поносили его и мало его не убиша, едва у нихъ умолилъ игуменъ Троицкій Алексѣй Сергіемъ чудотворцемъ да бояринъ кн. Дмитрій Палецкой. И бысть мятежъ великъ въ то время на Москвѣ; и государя въ страхованіи учиниша». Святителя сослали въ Кирилловъ монастырь.

1 февраля 1565 г. въ ночи загорѣлся дворъ кн. Владиміра Андреевича (Годуновскій) и возлѣ него дворъ кн. Ивана Мстиславскаго; потомъ задній дворъ митрополита, а возлѣ и Троицкій монастырь съ церковью Богоявленія, у которой сгорѣли три верхи. Тогда же сгорѣла передъ дворомъ Мстиславскаго и церковь, тоже о трехъ верхахъ, деревянная (Рождества Христова?). Три верха у Богоявленской церкви должны обозначать, что окладъ ея былъ сооруженъ, хотя и изъ кирпича, но по образцу деревянныхъ церквей въ родѣ церкви Рождества Путинки. Однако по рисункамъ XVII ст. она была одноглавая, шатровая, быть можетъ въ такомъ видѣ выстроена послѣ этого пожара.

Въ началѣ 1607 г. по мысли царя Василія Ив. Шуйскаго и патріарха Ермогена со всѣмъ освященнымъ соборомъ было рѣшено принести всенародное покаяніе въ совершонныхъ при появленіи Самозванца клятвопреступленіяхъ, когда цѣловали крестъ царю Борису, а потомъ его сыну Өедору, и измѣнили имъ, присягнувъ Самозванцу, которому тоже измѣнили, хотя и по правдѣ. Клятвы эти лежали тяжелымъ нравственнымъ бременемъ на всей народной Москвѣ. Душа Московская тревожилась этими грѣхами и требовала молебнаго очищенія ихъ. Для этой цѣли было рѣ-

шено призвать изъ Старицы въ Москву отставленнаго при Самозванцѣ патріарха Іова и просить его простить, разрѣшить, очистить содѣянные грѣхи клятвопреступленія. 14 февраля 1607 г. бывшій патріархъ прибылъ въ Москву и по царскому велѣнію поселился на Троицкомъ подворьѣ.

Всепрощеніе совершено торжественно 20 февраля въ Успенскомъ соборѣ, куда была призвана вся посадская Москва, гости и изъ всѣхъ слободъ и сотенъ старосты, сотскіе, торговые и мастеровые и всякіе люди мужеска полу, подавшіе бывшему патріарху челобитную отъ всенароднаго множества, съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ, простить и разрѣшить всенародные клятвенные грѣхи. Въ соборѣ архидіаконъ съ амвона велегласно прочелъ эту челобитную, а потомъ и прощальную разрѣшительную грамоту, написанную по рѣшенію всего духовнаго собора. Все это было очень надобно новому и не совсѣмъ правильно избранному царю Василію Шуйскому; очень надобно было укрѣпить народную Москву въ мысляхъ неизмѣнно служить новому царю и доподлинно знать, что Лжедимитрій былъ истинный Самозванецъ, такъ какъ уже являлся новый самозванецъ, извѣстный потомъ подъ именемъ Тушинскаго Вора.

По сказанію Авраамія Палицына, во время избранія на царство Михаила Романова, къ старцу въ Богоявленскій монастырь на Троицкое подворье приходили *многіе* дворяне и дѣти боярскія и гости *многихъ* разныхъ городовъ; и атаманы и казаки открывали ему свою мысль и благое изволеніе избрать именно Михаила. Приносили объ этомъ и свои писанія, моля старца да возвѣстить о семъ державствующимъ тогда боярамъ и воеводамъ. Старецъ отъ великой радости исполнился многихъ слезъ и скоро пошелъ возвѣстить о томъ всему освященному собору и боярамъ и воеводамъ и всему Синклиту, которые, слышавше, благодарили Бога о преславномъ начинаніи. Повѣривши на слово старцу, историки стали утверждать, что избраніе Михаила происходило на Троицкомъ подворьѣ.

Въ Смутное время старецъ, конечно, не однажды проживалъ на своемъ подворьѣ и писалъ оттуда поучительныя грамоты въ свой монастырь.

Когда въ 1619 г. отецъ царя Михаила, митрополитъ Филаретъ Никитичъ, возвратился 14 іюня изъ Польскаго плѣна, то, прибывъ

въ Москву, онъ остановился на Троицкомъ подворьѣ и жилъ тамъ до посвященія его въ санъ патріарха 24 іюня того же года. Къ его пріѣзду были изготовлены каменныя кельи, къ шести дверямъ которыхъ для ихъ обивки было отпущено сукно...

Такъ какъ въ Кремлѣ церковь во имя Богоявленія на Троицкомъ подворьѣ была единственною, то царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ день Богоявленія всегда слушалъ въ ней литургію, приходя туда послѣ Іорданскаго крестнаго хода. Въ этомъ году онъ выходилъ обыкновенно въ большомъ царскомъ нарядѣ, который, придя на Троицкое подворье, перемѣнялъ на болѣе легкій нарядъ и въ немъ и слушалъ церковную службу.

Въ дни памяти преподобнаго Сергія, 5 іюля и 25 сентября, государь праздновалъ также на подворьѣ, въ храмѣ св. Сергія, приходя наканунѣ къ вечерни и въ самый праздникъ къ литургіи. Для этой цѣли отъ Дворца на подворье были устроены особые внутренніе *переходы*.

Особое благоволеніе къ подворью оказывалъ царь Алексѣй Михаиловичъ. На подворьѣ имъ была построена въ 1661 г. новая предѣльная церковь во имя Ѳеодора Стратилата, тезоименитаго царевичу Ѳедору Алексѣевичу. Строили каменныхъ дѣлъ подмастерье Иванъ Апсинъ и каменщики Емелька Семеновъ съ товарищи. Постройка этой церкви именно на Троицкомъ подворьѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, несомнѣнно была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что царевичъ родился (30 мая) дня за три до Троицына дня (2 іюня), а вмѣстѣ съ тѣмъ и особымъ почитаніемъ памяти преподобнаго Сергія, о которой благочестивѣйшій въ точномъ смыслѣ государь заботился съ большимъ усердіемъ. Въ его жизни много было поводовъ для усердной молитвы къ великому заступнику Московскихъ государей.

Царь по слѣдамъ отца приходилъ на подворье къ церковнымъ службамъ и въ день Богоявленія до 1653 г., когда сталъ выходить уже въ Успенскій соборъ, и въ дни памяти св. Сергія, а также 8 іюня на именины царевича Ѳедора Алексѣевича. Въ особенныхъ случаяхъ онъ самъ провожалъ туда св. иконы отъ крестныхъ ходовъ, выносимыя въ эти ходы и изъ церквей Троицкаго подворья.

Такіе случаи встрѣчались по поводу молебствій о побѣдахъ, «что милостію Божіею и помощью и заступленіемъ Пресв. Бого-

родицы и молитвами Московскихъ чудотворцевъ и великаго въ чудотворцахъ препод. Сергія ратные Русскіе люди Крымскихъ татаръ или польскихъ и литовскихъ людей побили».

Случалось, хотя и очень рѣдко, что на Сергіеву память 25 сентября вмѣсто обычнаго похода къ Троицѣ въ монастырь государь совершалъ это празднованіе на Троицкомъ подворьѣ въ храмѣ преподобнаго Сергія.

Когда въ 1667 г. генваря 31 послѣ Никона былъ избранъ въ патріархи архимандритъ Троицкаго монастыря Іоасафъ, онъ пребывалъ въ то время на своемъ Троицкомъ подворьѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ, и послѣ избранія, которое происходило въ царскомъ дворцѣ, въ Верху, т.-е. въ Теремныхъ покояхъ, шествовалъ къ себѣ на подворье, шелъ въ *святыя* ворота, въ церковь Богоявленія, потомъ въ церковь Сергія чудотворца, гдѣ слушалъ обѣдню и затѣмъ удалился въ келью.

8 февраля было ему нареченіе у Вселенскихъ патріарховъ въ полатѣ (въ Чудовомъ монастырѣ), откуда новонареченный патріархъ снова шелъ на свое подворье торжественно, при чемъ у него у саней на *запяткахъ* ѣхали соборный протопопъ да дьяконъ.

9 февраля въ Успенскомъ соборѣ послѣ малой вечерни было ему же *благовѣстіе*, т.-е. торжественное провозглашеніе, что Вселенскіе патріархи призываютъ его святыню на патріаршество богоспасаемаго царствующаго града Москвы и всея Россіи.

Послѣ того новонареченный пошелъ въ сопровожденіи архіереевъ ко Вселенскимъ патріархамъ, въ ихъ полаты, гдѣ вначалѣ было воспѣто многолѣтіе государю и патріархамъ трижды потомъ посадили нареченнаго на лавкѣ подлѣ патріарховъ, по лѣвую руку отъ угла, и поставили передъ патріархами столъ и на немъ наставили овощей, сладкихъ ядей всякихъ, сахаровъ и дыней въ патокѣ, и передъ властей Русскихъ, сидящихъ за другимъ столомъ и въ скамьѣ; и питье подносили въ кубкахъ и въ ковшахъ. Это было угощеніе, вѣроятно, по обычаю антіохійскому и александрійскому, откуда были Вселенскіе патріархи. И потомъ, благодаря Бога, нареченный патріархъ Московскій, поѣхалъ къ себѣ на подворье и тамъ жаловалъ протопопа, ключаря, дьякона и дьяковъ домовыхъ, потчивалъ самъ въ кельѣ у себя, а пѣвчихъ велѣлъ на погребѣ потчивать.

10 февраля совершилось торжество поставленія, послѣ кото-

раго новопоставленный патріархъ вмѣсто Троицкаго подворья шествовалъ уже на патріаршій дворъ въ сопровожденіи архіереевъ и пѣвчихъ, воспѣвавшихъ по чину подобающіе стихи. Затѣмъ былъ столъ у государя въ Грановитой полатѣ и объѣздъ новаго патріарха вокругъ города Кремля. Должно замѣтить, что каждый избранный изъ архимандритовъ Троицкаго монастыря или въ архимандриты этого монастыря всегда имѣлъ хотя и временное пребываніе на Троицкомъ подворьѣ.

Въ 1674 г. на память препод. Сергія 25 сентября государь, отправившись въ походъ къ Троицѣ, назначилъ торжественную службу и на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ самъ патріархъ Іоакимъ и съ нимъ два митрополита, 3 архіепископа, 1 епископъ, архимандриты, игумены, протопопы, въ присутствіи бояръ, оставленныхъ во дворцѣ оберегать Москву.

Такое же торжественное служеніе происходило и въ 1675 г. на праздникъ Богоявленія, когда 5 января государь выходилъ на подворье къ вечернѣ и къ обѣднѣ. И тогда служилъ самъ патріархъ и съ нимъ 3 митрополита, 2 архіепископа, 1 епископъ, 4 архимандрита, 6 игуменовъ и протопопы.

Въ 1675 г. іюля 5 приходилъ государь изъ похода съ Воробьевой горы праздновать Сергію на подворье въ торжественномъ шествіи, въ каретѣ, въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ и въ предшествіи Стремяннаго полка стрѣльцовъ. Церковная служба также совершалась патріархомъ съ 2 митрополитами и прочимъ духовенствомъ. Послѣ обѣдни государь возвратился на Воробьеву же гору.

Всѣ патріархи также праздновали память св. Сергія и іюльскую и сентябрьскую на Троицкомъ подворьѣ, раздавая при этомъ обычную милостыню нищимъ и въ тюрьмы несчастнымъ сидѣльцамъ. Около Троицкаго подворья постоянно обитали нищіе *леженки* въ кибиткахъ, такъ и называемые *кибиточными*, числомъ 14 человѣкъ.

Какъ извѣстно, у царя Алексѣя Михаиловича во дворцѣ, въ особыхъ хоромахъ, жили придворные *верховые* нищіе *богомольцы*, старики ветхіе лѣтами, о которыхъ царь заботился всѣми мѣрами, а потому, въ случаѣ ихъ смерти, похоронялъ ихъ на Троицкомъ подворьѣ, а впослѣдствіи въ Екатерининской подмосковной пустынѣ. Но отпѣваніе всегда происходило на подворьѣ, въ церкви преподобнаго Сергія.

Такъ, въ 1669 г. апрѣля 9 государь хоронилъ богомольца Венедихта Тимоѳеева, при чемъ на отпѣваніи и погребеніи были патріархъ и Паисій папа и патріархъ Александрійскій и судія Вселенскій, Троицкій и Чудовской архимандриты, 10 священниковъ, архидіаконъ, 11 дьяконовъ, которымъ всѣмъ роздано похоронныхъ денегъ 31 р. 28 алт. 2 деньги.

Въ 1670 г. мая 19 государь схоронилъ на подворьѣ другого нищаго богомольца, Павла Алексѣева, а въ 1674 г. генваря 8 государь былъ на отпѣваніи третьяго нищаго, Мартиніана, а потомъ, генваря 23, четвертаго, Климента, которые оба были похоронены въ Екатерининской пустынѣ.

Но былъ случай и болѣе торжественнаго отпѣванія. 19 мая скончался въ Кремлѣ на своемъ дворѣ, впослѣдствіи перестроенномъ въ Потѣшный дворецъ, тесть государя, отецъ царицы Марьи Ильичны, великій бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій. На другой день, въ среду, его вынесли на Троицкое подворье въ церковь св. Сергія, что у Трапезы.

Въ тотъ день праздновали св. Алексѣю митрополиту и потому государь слушалъ литургію въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ служили Макарій, патріархъ Антіохійскій, и Іоасафъ, патріархъ Московскій. Третій патріархъ, Паисій Александрійскій, совершалъ службу надъ тѣломъ покойника на подворьѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Павломъ Сарскимъ.

Послѣ обѣдни въ Чудовѣ государь и оба патріарха перешли по переходамъ на подворье и тамъ три патріарха съ другими властями совершили отпѣваніе въ трапезѣ; въ самой церкви было непомѣстимо.

Послѣ отпѣванія покойника проводили митрополитъ Сарскій со властями и бояре къ церкви Николы, именуемаго Столпа, для погребенія, гдѣ были похоронены родители покойнаго. Въ проводахъ воспѣвали пѣвчіе государевы и патріарховы всѣ станицы. Кому выходило такое счастіе на погребеніи, что̀ отпѣвали три патріарха!

Царь Алексѣй Михаиловичъ не забывалъ Троицкое подворье и во время своихъ ночныхъ выходовъ въ прощеные дни Масляницы и Страстной недѣли для раздачи братіи милостыни, и особенно на Святой для христосыванья съ иноками, или въ дни рожденія государевыхъ дѣтей, а также и при другихъ особенныхъ случаяхъ.

Такъ, въ 1674 г. октября 24, намѣреваясь на время переселиться со всѣмъ семействомъ въ загородный Дворецъ въ селѣ Преображенскомъ, государь дѣлалъ выходъ по монастырямъ и подворьямъ, какъ обычно ходилъ въ прощеные дни и на Святой недѣлѣ, въ томъ числѣ и на Троицкое подворье. Слѣдомъ за нимъ ходила и царица съ младшими царевичами и царевнами по тѣмъ же монастырямъ и подворьямъ, именно въ соборы Успенскій и Архангельскій, въ Вознесенскій и Чудовъ монастыри, на Троицкое и Кирилловское подворья да къ Николѣ Гостунскому.

Женская и малолѣтная половина царской семьи, какъ извѣстно, всегда была сокрыта для народныхъ очей и потому если и случалось ей приходить въ Сергіевъ праздникъ къ церковной службѣ на подворье, то такіе выходы всегда совершались втайнѣ. Въ церковныхъ запискахъ 1685—1691 гг. упоминается, что къ литургіи въ Сергіевъ праздникъ на Троицкое подворье приходилъ и молодой царь Петръ, а также царица и большія царевны, обыкновенно внутренними переходами съ Дворца.

Патріархъ также ходилъ къ празднику и отъ праздника переходами, архіереи каретами, а черныя власти пѣшкомъ. За патріархомъ слѣдомъ приходили царевны тайно и стояли во время службы въ трапезѣ за занавѣсками. Кажденіе имъ бывало и прежде патріарха, какъ онъ самъ приказывалъ.

А. В. Горскій въ «Описаніи Троицкой лавры» приводитъ свидѣтельство, что «въ 1666 г. августа 18 монастырь Богоявленскій на Троицкомъ подворьѣ вмѣстѣ съ патріаршимъ дворомъ сгорѣлъ».

Но здѣсь кроется какая-либо неточность, потому что въ томъ году, августа съ 26 на 27, царь Алексѣй Мих., обрадованный рожденіемъ царевича Ивана Алексѣевича, совершивъ богомольный выходъ въ соборы и монастыри Вознесенскій и Чудовъ, возвратился въ свои хоромы изъ Чудова монастыря переходами, которые пролегали чрезъ улицу и чрезъ весь патріаршій дворъ, чего не могло бы случиться, если бы патріаршій дворъ горѣлъ за нѣсколько (за восемь) дней передъ тѣмъ.

Составъ монашествующей братіи, пребывавшей на подворьѣ, не всегда бывалъ одинаковъ по числу лицъ.

Постояннымъ управителемъ подворья былъ строитель. Въ 1626 г. при строителѣ находилось 12 человѣкъ старцевъ. Въ

1628 г. числилось три попа, 2 дьякона и 16 братовъ. Въ 1665 г., кромѣ строителя, было 15 человѣкъ рядовой братіи. Спустя почти сто лѣтъ, въ 1763 г., на подворьѣ пребывали: строитель, 2 іеромонаха, іеродіаконъ, понамарь и бѣльцы: 2 псаломщика, 2 трудника и для караула 2 человѣка. Монахи изъ лавры назначались посмѣнно. Въ 1764 г. подворье было упразднено.

При церкви Ѳедора Стратилата, построенной царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, состояло съ 1664 г. на службѣ бѣлое духовенство: 2 попа, дьяконъ, 2 дьячка, понамарь, сторожъ, которые получали содержаніе, ругу, изъ Дворца слишкомъ сто рублей на всю братію, кромѣ годовыхъ суконъ (12 руб.) и хлѣбнаго жалованья.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ эта руга была увеличена до 196 рублей, въ томъ числѣ значилось питья и ѣствъ изъ Дворца слишкомъ но 90 руб.

Такъ молодой царь благоволилъ къ церкви своего Ангела.

При строгой разборкѣ ружныхъ окладовъ по всѣмъ Московскимъ соборамъ, монастырямъ и церквамъ, произведенной Петромъ Великимъ въ 1699 и 1700 гг., о ругѣ духовенству церкви Ѳедора Стратилата государь далъ слѣдующую отмѣтку: «Буде та церковь построена по государскому изволенію и имъ руга давать сполна, а буде строена изъ монастыря и имъ тое ругу имать изъ доходовъ Троицкаго монастыря...» По справкѣ въ приказѣ Большаго Дворца не оказалось свѣдѣнія, что церковь построена по государскому изволенію, хотя въ томъ же 1700 году церковь была поновлена и подписана стѣннымъ иконнымъ письмомъ, и для службы книги и всякая церковная утварь были даны изъ приказа Большаго Дворца, а ризы изъ Казеннаго приказа, слѣдовательно на царское иждивеніе. Но государь рѣшилъ быть у той церкви Троицкаго монастыря чернымъ попамъ, для того, что тотъ предѣлъ на ихъ монастырскомъ подворьѣ, а бѣлымъ попамъ не быть и руга отставить.

Во время великаго пожара въ 1737 г. подворье все выгорѣло и потомъ было возобновлено. Церковь св. Сергія съ предѣломъ Ѳедора Стратилата вновь была освящена въ мартѣ 1738 года. Объ освященіи церкви Богоявленія свѣдѣній не встрѣтилось, что даетъ мѣсто предположенію, существовала ли эта церковь во время пожара, такъ какъ есть свидѣтельство, хотя и сомнительное,

что въ 1722 г. архимандритъ Троицкаго монастыря Гавріилъ Бужинскій самовольно разобралъ на подворьѣ церковь во имя преп. *Сергія*, о чемъ жаловались Синоду власти Троицкаго монастыря въ 1727 г., а въ 1729 г. подали жалобу на Высочайшее имя въ Верховный Тайный Совѣтъ, присовокупляя, «что церковь до Литовскаго раззоренія за многіе годы была создана каменная, изряднаго мастерства, съ теплою трапезою, съ папертьми и съ колокольнею». Едва ли можно допустить, чтобъ эти офиціальныя жалобы были пустою ябедою на архимандрита, который на самомъ дѣлѣ могъ разобрать церковь не св. Сергія, а именно церковь Богоявленія, по случаю ея вѣковой ветхости. Въ «Путеводителѣ къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ» приведена лѣтопись объ освященіи на подворьѣ церкви Богоявленія 14 мая 1754 г.

«Освятися жертвенникъ Господа Бога нашего Іисуса Христа въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ, что на Троицкомъ подворьѣ, во храмѣ св. Богоявленія Господня при державѣ» и пр. Это очень важное показаніе заставляетъ предполагать, что церковь на самомъ дѣлѣ была разобрана и выстроена вновь, почему о ней и не помянуто при возобновленіи церквей послѣ пожара 1737 г. Новая церковь по размѣру была меньше старой. Относительно замѣны одно другимъ именъ, вмѣсто Богоявленія—св. Сергія, могла произойти ошибка, очень возможная для Троицкихъ властей, повсюду помнившихъ только св. имя Сергія.

Къ коронаціи 1762 года обветшавшее снаружи подворье было обновлено поправкою и покраскою.

Въ 1764 году по указу отъ 26 февраля вся мѣстность подворья была присоединена къ Кремлевскому дворцу. По этому случаю еще въ 1763 г. была составлена опись зданіямъ подворья, изъ которой узнаемъ, что на немъ существовали слѣдующія строенія:

1) Каменная церковь Богоявленія, длиною 6 саж., шириною 5 саж. 1 арш., крытая желѣзомъ.

2) При ней церковь чуд. Сергія, длиною 15 саженъ въ томъ числѣ и трапеза, шириною 6 саж., крытая тесомъ.

3) Между Богоявленской и Сергіевской предѣльная во имя Өедора Стратилата, длиною 5 саженъ, шириною $2^1/_2$ саж., крытая тесомъ.

4) При одной изъ церквей подъ деревянною крышкою висѣло 6 колоколовъ,—это была небольшая колокольня.

5) Подъ церквами въ подклѣтномъ этажѣ въ разныхъ полатахъ находились подъ Богоявленскою церковью молельная (?) полата, хлѣбодарня, 2 кельи, братскій погребъ; подъ церковью Ѳедора Стратилата—кладовая полата, подъ трапезою церкви Сергія—магазейная полата.

6) Настоятельскія кельи въ два яруса занимали пространство длиною въ 17 саж., шириною 4 саж. 2 арш. съ сѣнями, дл. $5^1/_2$ саженъ, шириною 3 саж. Въ верхнемъ ярусѣ находилось 10 келей и сѣни. Въ нижнемъ—келья, кухня, 2 погреба. Крыты черепицею. Настоятельскія кельи по описи 1769 года заключали въ себѣ: *залъ*, длиною почти 15 арш., шириною 11 арш., въ которомъ въ стѣнѣ находилось два шкафа съ створчатыми дверцами со стеклами и три окна, въ каждомъ по 8 стеколъ; двѣ двери съ мѣдными замками. Далѣе слѣдовали: 8 келей, каждая въ длину 7, въ ширину 6 аршинъ съ двумя окнами и съ однимъ или съ двумя шкафами въ стѣнѣ за стеклами. Въ двухъ кельяхъ было по четыре окна. Во всѣхъ кельяхъ было пять печей галанскихъ изразчатыхъ синихъ со шкафами. Стѣны вездѣ были обиты бумажными обоями разныхъ цвѣтовъ. Снаружи покрытое черепицею, зданіе было выкрашено желтою краскою; съ двухъ сторонъ у него было два крыльца каменныя.

7) Другія настоятельскія кельи, длиною $6^1/_2$ саж., шириною 6 саж., содержали въ верху 4 комнаты, подъ которыми находились кухня и приспѣшная полата, да полатка сторожевая; крыты тесомъ.

8) Братскія кельи въ два же яруса на 13 саж. длины и 2 саж. 1 арш. ширины; въ верху 5 келей и сѣни, внизу келья съ сѣнями, кухня, кладовая; крыты тесомъ.

9) Другія братскія кельи, длиною на 20 саж. 1 арш.; въ нихъ въ верху 9 келей, трои сѣни, кухня, кладовая, чуланъ; въ нижнемъ ярусѣ шесть келей, двѣ хлѣбныхъ, трои сѣни, чуланъ каменный, другой деревянный, кладовая, погребъ; возлѣ—каменный ледникъ и каменная конюшня на $6^1/_2$ саженъ.

10) Конюшня каменная, длиною 8 саж., шириною $4^1/_2$ сажени, крытая тесомъ. Деревянная конюшня, пристроенная къ оградѣ, длиною 8, шириною 3 сажени.

11) Ограда каменная около церквей, длиною $32^1/_2$ саж., вышиною $1^1/_2$ сажени, шириною полсажени. По описи подворья 1642 года значится, что ограда имѣла 3 стѣны каменныя, а четвертая стѣна отъ патріаршаго двора забрана заборомъ.

Поступившее сначала въ Дворцовое, а потомъ вскорѣ въ Сенатское вѣдомство, Троицкое подворье по распоряженію Сената въ томъ же 1764 г. было занято *Суднымъ приказомъ*. Затѣмъ въ 1778 г. по такому же распоряженію часть подворья со стороны Троицкихъ воротъ была отдана для помѣщенія оберъ-коменданта генералъ-поручика Ржевскаго, при чемъ въ 1776—1777 году были произведены исправленія всѣхъ потребностей, хотя комендантъ тогда же доносилъ Сенату, что починка произведена непрочно.

Съ этого времени церковь Богоявленія обозначалась, что въ Комендантскомъ домѣ.

Въ первый же годъ XIX столѣтія начались ретивыя заботы объ очищеніи Кремля отъ древнихъ зданій, которое и совершалось очень дѣятельными руками извѣстнаго начальника Дворцоваго Вѣдомства П. С. Валуева. Годъ за годомъ онъ спѣшно производилъ такое очищеніе, и въ 1806 г. дѣло дошло до Троицкаго подворья и съ Комендантскимъ зданіемъ. 25 февраля 1806 года митрополитъ Платонъ писалъ къ своему викарію преосв. Августину, что получилъ писаніе изъ Петербурга, о томъ, «чтобы сломать все, что отъ Двунадесяти Апостолъ до Троицкихъ воротъ и церковь Богоявленскую; отъ меня спрашиваютъ, можно ли церковь разобрать... Чудно, какъ будто напущено, и моя конюшня уничтожится. Я отвѣчалъ, что надлежитъ. Не знаю, что выйдетъ...»

По проекту Валуева слѣдовало сломать старыя и уже ветхія зданія Царёборисовскаго двора и задней половины патріаршаго двора, гдѣ и находилась митрополичья конюшня, а далѣе и все Троицкое подворье съ Комендантскимъ домомъ. На этой площади была назначена постройка новой Оружейной полаты (нынѣ казармы) (Альбомъ видовъ № XXI).

Для помѣщенія коменданта предполагалось взять у митрополита выстроенный имъ Архіерейскій домъ, о чемъ такъ скорбѣлъ владыка Платонъ (см. Описаніе этого дома, стр. 279).

Кончилось однако тѣмъ, что указомъ 5 апр. 1806 г. коменданту для житья отведенъ былъ старый Потѣшный Кремлевскій

дворецъ, а въ іюлѣ того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе разобрать Богоявленскую церковь и самое подворье, которое и было разобрано въ 1807—1808 году.

Дворъ Плещеевыхъ.

Идя далѣе по правой сторонѣ Троицкой улицы, встрѣчаемъ небольшую церковь во имя Прасковѣи Пятницы, стоявшую возлѣ Троицкаго подворья. Въ XVII ст. ея мѣстность соприкасалась съ мѣстностью государева дворца и во второй половинѣ этого столѣтія принадлежала С. Л. Стрѣшневу, о чемъ упомянуто выше. Возможно предполагать, что церковь оставалась памятникомъ какого-либо стараго боярскаго двора, исчезнувшаго въ коловоротѣ Кремлевскаго разселенія.

Выше упомянуто, что возлѣ Годуновскаго двора, между этимъ дворомъ и Троицкимъ подворьемъ, находился дворъ князя Ив. Ѳед. Мстиславскаго, поступившій къ нему по наслѣдству отъ отца Ѳед. Мих. Мстиславскаго. Этотъ князь прибылъ на службу въ Москву въ 1526 г. и несомнѣнно занялъ по пожалованію дворъ, принадлежавшій кому-либо изъ старыхъ Московскихъ бояръ.

Повидимому, въ XIV и XV стол. это мѣсто принадлежало боярамъ роду Плещеевыхъ. Въ 1491 г. оно принадлежало боярину Андрею Мих. Плещееву, праправнуку Александра Плещея, родного брата Алексѣю митрополиту и боярина у вел. князя Дмитрія Донскаго. Отецъ Андрея Мих., Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, у вел. князя Василія Темнаго былъ первымъ бояриномъ, съ какимъ достоинствомъ и перешелъ въ составъ бояръ Ивана III. Въ несчастной борьбѣ Темнаго съ Шемякою онъ стоялъ твердо на сторонѣ вел. князя. Онъ умеръ въ 1468 г. Дворъ его конечно достался его сыну Андрею, который въ своей духовной именуетъ его своимъ *старымъ* дворомъ и тутъ же свидѣтельствуетъ, что къ этому старому двору онъ прикупилъ дворъ у Васильевыхъ дѣтей Вельяминова, т.-е. у дѣтей послѣдняго Тысяцкаго Василья Вас. Протасьевича. Именно это обстоятельство и заставило насъ предполагать, что дворъ Тысяцкихъ Вельяминовыхъ находился на мѣстѣ Цареборисовскаго двора и что дворъ Плещеевыхъ стоялъ рядомъ съ этимъ дворомъ, часть котораго Плещеевъ прикупилъ къ своему двору у дѣтей Василья Тысяцкаго, такъ какъ бо̀льшая

его часть находилась во владѣніи Марьи Голтяевой, передавшей свой дворъ князю Борису Васильевичу, о чемъ будемъ говорить при описаніи Цареборисовскаго двора. Должно припомнить, что эта мѣстность примыкала къ митрополичьему двору и что, по всему вѣроятію, митрополитъ Алексѣй могъ своему родственнику устроить дворъ вблизи своего митрополичьяго двора.

Андрей Мих. Плещеевъ появляется въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ въ 1445 г., когда, посланный, онъ прибѣжалъ въ Москву съ радостною вѣстью, что несчастный вел. князь Василій, захваченный Татарами на Суздальскомъ бою въ плѣнъ, освобожденъ и идетъ свободный въ Москву. Тогда онъ былъ молодымъ человѣкомъ и только дворяниномъ. Въ 1476 г. онъ пожалованъ въ окольничіе, а въ 1480 г.—въ бояре. Въ этотъ годъ по случаю нашествія царя Ахмата онъ сопровождалъ вел. княгиню Софью, бѣгавшую отъ страха къ Бѣлоозеру. Такое порученіе охранять великокняжескую семью даетъ свидѣтельство, что Андрей Мих. пользовался большимъ приближеніемъ къ семьѣ государя. Онъ номеръ въ 1491 г., оставивъ свой дворъ женѣ Оленѣ и старшему сыну Ивану, а прикупной дворъ у Вельяминовыхъ второму сыну Михаилу и третьему Ѳедору.

Иванъ Андреевичъ, прозываемый Суботою, въ 1492 г. былъ посланъ къ Стефану Молдавскому наговаривать въ походъ противъ Поляковъ, а потомъ въ 1495 г. при осадѣ Выборга былъ убитъ изъ пищали.

Второй сынъ Андрея, Михаилъ, въ 1496—1498 гг. правилъ посольство къ Турецкому султану Баязету, при чемъ велъ себя очень достойно и гордо, не хотѣлъ ни слова говорить съ пашами, не взялъ отъ нихъ даровъ. Дѣло шло только о свободѣ торговать съ обѣихъ сторонъ.

Затѣмъ онъ работаетъ въ полкахъ второстепеннымъ воеводою въ Смоленскомъ походѣ въ 1513 г., противъ Крымскаго хана въ 1522 г., за что въ этотъ же годъ онъ пожалованъ въ окольничіе. Задолго прежде, въ 1500 г., по случаю до крайности счастливой битвы съ Литвою на рѣчкѣ Ведроши, когда въ числѣ многихъ пановъ былъ взятъ въ плѣнъ и князь Константинъ Острожскій, Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ съ того боя пригонилъ къ Москвѣ съ этою радостною вѣстью, какъ и отецъ его Андрей съ вѣстью объ освобожденіи Василія Темнаго.

По боярскому списку онъ померъ окольничимъ въ 1531 г., но сохранилась его запись 1532 г. декабря въ томъ, что послѣ опалы на него онъ не станетъ приставать къ лиходѣямъ вел. князя и умышлять на него и вел. княгиню Елену отравнымъ зельемъ и пр. За что именно онъ подвергся государевой опалѣ, неизвѣстно, но въ это опальное время онъ могъ лишиться и своего отцовскаго двора, отданнаго потомъ нововыѣзжему князю Мстиславскому.

Мѣстность этого двора, подъ именемъ Мстиславскаго, къ концу XVI ст. была, повидимому, раздѣлена между сосѣдскими дворами и частью отошла къ дворцовому и, можетъ быть, къ патріаршему владѣнію, а частію и къ двору Бориса Годунова.

Въ XV и въ первой половинѣ XVI столѣтій у Мстиславскаго двора стояла церковь Рождества Христова, престолъ которой въ 1555 году былъ перенесенъ на новопостроенную колокольню возлѣ Ивана Святаго, о чемъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Такое сохраненіе этого престола и перенесеніе его къ соборнымъ храмамъ съ учрежденіемъ при немъ собора должно обозначать, что престолъ имѣлъ какое-либо особое значеніе и былъ основанъ въ память какого-либо немаловажнаго событія, такъ какъ рядовые храмы въ такихъ случаяхъ или совсѣмъ упразднялись, или престолы ихъ переносились тоже безъ особаго торжества въ монастырскія или въ приходскія церкви.

Храмъ Рождества Христова, какъ упомянуто, находился передъ дворомъ князей Мстиславскихъ, а прежде это былъ дворъ Плещеевыхъ.

Одно изъ событій во время Шемякиной смуты заставляетъ предполагать, что храмъ былъ построенъ бояриномъ Мих. Борис. Плещеевымъ. Мы упоминали, что его сынъ Андрей въ 1445 г. первый принесъ очень радостную для Москвы вѣсть, что плѣненный Татарами вел. князь Василій Васильевичъ освобожденъ изъ плѣна.

Какъ извѣстно, Шемяка воспользовался и этимъ обстоятельствомъ и распустилъ слухъ, что вел. князь отпущенъ изъ плѣна на томъ условіи, чтобы Татарскому царю сидѣть государемъ въ самой Москвѣ и на всѣхъ городахъ Русскихъ и на боярскихъ вотчинахъ, а самъ вел. князь хочетъ сѣсть въ Твери. Конечно, такіе слухи возбудили общій патріотизмъ и негодованіе противъ вел. князя. Собрались рати и двинулись къ Москвѣ. Дѣло кон-

чилось тѣмъ, что вел. князь былъ схваченъ у Троицы въ Сергіевомъ монастырѣ, привезенъ въ Москву, ослѣпленъ и высланъ въ Угличъ въ заточеніе. Тогда образумилось все молодое поколѣніе Москвы, дѣти бояръ, составлявшіе Дворъ вел. князя, т.-е. дружинный отрядъ его служебныхъ людей, называемыхъ вообще дѣтьми боярскими въ смыслѣ мелкихъ вотчинниковъ. Собравшись цѣлыми полками, они заставили Шемяку освободить вел. князя изъ Углицкаго заточенія. Шемяка далъ ему въ удѣлъ Вологду. Но, благодаря подъему на его сторону почти всего населенія Московской области, онъ не пошелъ въ Вологду, а направилъ путь къ Москвѣ, въ свою вотчину. Шемяка съ своими полками стоялъ тогда на Волокѣ, ожидая встрѣтить сопротивные ему полки вел. князя.

Въ это время вел. князь послалъ наскоро, изгономъ, боярина Мих. Борис. Плещеева съ малымъ отрядомъ, который долженъ былъ пройти невидимо мимо полковъ Шемяки и внезапно захватить Москву, гдѣ оставались намѣстники Шемяки. Все это было исполнено съ великимъ успѣхомъ.

Плещеевъ прибылъ въ Москву въ ночь Рождества Христова (1446 г.) и въ самую заутреню былъ уже у Никольскихъ воротъ Кремля. Святымъ случаемъ ворота были отворены, потому что въ нихъ только что проѣхала къ заутрени нѣкая почтенная княгиня Ульяна, жена Василія Володимеровича. Плещеевъ тотчасъ проникъ въ городъ и немедля началъ дѣлать свое дѣло, забирать Шемякиныхъ властей и всѣхъ его сторонниковъ. Намѣстники мгновенно разбѣжались отъ самой заутрени, не ожидая конца службы. Одного поймали, другой исчезъ безъ слѣда. Тутъ же Плещеевъ привелъ горожанъ къ присягѣ за вел. князя и затѣмъ сталъ укрѣплять городъ.

Съ этого времени окончательно укрѣпился на своемъ Великомъ княженіи и бѣдствующій государь Василій Васильевичъ Темный. Шемяка хотя и не переставалъ крамолить, но уже не получалъ успѣховъ: вся Московская Земля отложилась отъ него. Онъ убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ и скончался въ 1453 г.

Такимъ образомъ быстрое занятіе Москвы бояриномъ Плещеевымъ было поворотнымъ дѣломъ Шемякиной смуты въ сторону вел. князя, чѣмъ и окончилась эта многолѣтняя смута.

Возможно съ большою вѣроятностью предполагать, что Пле-

щеевъ въ благодареніе Богу за совершонный такъ успѣшно свой подвигъ построилъ у своего двора храмъ Рождества Христова, который вмѣстѣ съ тѣмъ хранилъ память о благополучномъ событіи для всего государства, почему впослѣдствіи и учрежденъ соборомъ подъ колоколами на Соборной площади. Въ 1812 г. колокольня была разрушена и съ соборомъ, а въ 1817 г. на его мѣстѣ устроенъ соборъ Николы Гостунскаго.

Дворъ царя Бориса.

За межою этого Плещеевскаго, а потомъ Мстиславскаго двора, по той же правой сторонѣ Троицкой улицы, находился обширнѣйшій дворъ Бориса Годунова.

Дворъ царя Бориса занималъ болѣе чѣмъ цѣлую треть Троицкой улицы и выходилъ угломъ на Никольскую улицу, по которой также простирался почти до соборной площади. На этомъ мѣстѣ нынѣ стоитъ Царь-Пушка и находятся дворы Синодальной конторы и казармъ, часть корпуса которыхъ также занимаетъ мѣсто древняго Цареборисовскаго двора. На чертежѣ Годунова здѣсь показаны два громадныхъ высокихъ зданія въ нѣсколько ярусовъ вышиною.

Исторія Цареборисовскаго двора восходитъ къ первымъ временамъ исторіи самой Москвы.

Родословная книга бояръ Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ свидѣтельствуетъ, что изъ Володиміра съ первымъ Московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву потомокъ Варяга Юрья Шимоновича *Протасій*, первый тысяцкій въ Москвѣ, как она стала Великимъ Княженіемъ. А Юрій Шимоновичъ, какъ извѣстно, былъ опекуномъ, а слѣдовательно и тысяцкимъ, еще у Всеволода Ярославича, а потомъ у Юрья Долгорукаго, въ Ростовѣ и Суздалѣ. Протасій при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ пользовался большимъ почетомъ и въ особенности большимъ расположеніемъ Петра митрополита, который предъ своею кончиною возложилъ на него святую обязанность достроить только-что заложенный первый въ Москвѣ *каменный* храмъ Успенія Богородицы. Святитель и скончался, можно сказать, на рукахъ Протасія, передавши ему собранную казну для постройки храма.

Имѣя въ виду такія отношенія святителя къ тысяцкому Протасію, можемъ предполагать, что и самый дворъ тысяцкаго существовалъ въ то время рядомъ съ новымъ дворомъ святителя, передъ новымъ храмомъ Успенія, куда святитель перешелъ отъ прежней соборной церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ и гдѣ потомъ распространился дворъ Московскихъ митрополитовъ, а затѣмъ и патріарховъ. Дворъ Протасія выходилъ на ту же площадь, на которой строился Успенскій храмъ.

У Протасія былъ сынъ Василій, который былъ также тысяцкимъ, а послѣ Василія, его старшій сынъ, тоже Василій, былъ тоже тысяцкимъ.

Значеніе и власть тысяцкаго, какъ городоваго воеводы, чуть не равнялась значенію и власти самого князя, особенно въ древнее время. Въ Москвѣ съ развитіемъ княжеской власти въ государеву, какъ это явно обозначилось при Дмитріи Донскомъ, тысяцкій уже терялъ свое значеніе и, быть можетъ, вслѣдствіе какихъ-либо неудобныхъ столкновеній въ распоряженіяхъ вел. князя этотъ важный издревле санъ былъ упраздненъ именно съ кончиною въ 1374 г. упомянутаго Василія Васильевича, котораго лѣтописцы такъ и именуютъ *послѣднимъ* тысяцкимъ.

У этого послѣдняго тысяцкаго было три сына: Микула Васильевичъ, своякъ вел. князю Дмитрію Донскому, положившій свою голову на Мамаевомъ побоищѣ; второй—Иванъ Васильевичъ, третій Полуехтъ Васил. Были вѣроятно и дочери. Второй сынъ тысяцкаго Иванъ, какъ можно предполагать, намѣревался занять мѣсто своего отца въ санѣ тысяцкаго и, не получивъ этого мѣста, убѣжалъ изъ Москвы къ Тверскому князю съ богатымъ купцомъ Некоматомъ «со многою лжею и льстивыми словесы на христіанскую пагубу». Тверской князь послалъ ихъ въ Орду добывать ярлыкъ на Великокняженіе и звать Мамая на войну противъ Москвы.

Ярлыкъ былъ привезенъ. Все было устроено такъ, чтобы разгромить Москву, и Литовскій князь обѣщалъ придти на помощь.

Но Москва не дремала и, не помедливъ, явилась подъ Тверью съ полками отъ всѣхъ подручныхъ князей, а ихъ было множество. Начались осады и битвы, и Тверское княжество было опустошено, какъ давно не бывало. Сдался, наконецъ, и Тверской князь на всю волю Московскаго.

Тѣмъ и окончилась крамола Ивана Васильевича. Въ это время и въ послѣдующіе годы онъ оставался въ Ордѣ, конечно, поднимая на Московскаго князя всякую вражду.

Въ 1378 г. въ славной битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Вожѣ былъ взятъ въ плѣнъ нѣкій попъ, пришедшій съ Татарскими полками отъ Ивана Васильевича. У попа нашли мѣшокъ злыхъ и лютыхъ зелій, пытали его много и сослали въ заточеніе на Лачь-Озеро. Какимъ образомъ потомъ Иванъ Васильевичъ изъ Орды попалъ въ Москву, лѣтописцы не сказываютъ. Но они точно записали, что въ 1379 г., августа 1 во вторникъ до обѣда, «*потятъ* бысть мечемъ на Кучковомъ полѣ Иванъ Вас., сынъ тысяцкаго, повелѣніемъ вел. князя Дмитрія».

Дворъ его отца, по всему вѣроятію, какъ водилось, оставался за вдовою съ сыновьями, изъ которыхъ послѣ кончины Донскаго въ живыхъ оставался только Полуехтъ. На его дочери въ 1406 г. женился шестой сынъ Донскаго, Петръ Дмитріевичъ.

Но оставалась еще и дочь послѣдняго тысяцкаго, Марья, которая въ 1389 г. крестила послѣдняго сына Донскаго, Константина, вмѣстѣ съ кумомъ, старшимъ сыномъ Донскаго, 18-тилѣтнимъ Василіемъ Дмитріевичемъ, въ тотъ же годъ вступившимъ по кончинѣ отца на Великое Княженіе. Она названа лѣтописцемъ такъ: Марія Васильева Тысяцкаго.

Все это показываетъ, въ какомъ высокомъ почетѣ находился родъ Тысяцкихъ Вельяминовыхъ.

Въ это же время почетнѣйшимъ и правящимъ бояриномъ въ Москвѣ былъ и Ѳедоръ Андр. Кошка изъ знатнаго Московскаго боярскаго рода Кобылиныхъ, отъ которыхъ пошли Захарьины-Романовы, Шереметевы, Колычовы.

Объ этомъ Ѳедорѣ Андр. Кошкѣ Татаринъ Едигей въ 1408 г. писалъ вел. князю Василію Дмитріевичу слѣдующее: «Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ Ордѣ отъ Ѳедора, добрый былъ человѣкъ! Которые добрые дѣла Ординскіе, тотъ тебѣ вспоминалъ, и то минулося. И нынѣ у тебя сынъ его, Иванъ, казначей твой и любовникъ, и старѣйшина, и ты нынѣ изъ его слова и изъ его думы не выступаешь; и отъ его думы учинилась твоему улусу пакость и христіане изгибли...» Великая знатность Ѳедора Кошки подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1391 г. Тверской князь Михаилъ Александровичъ женилъ

сына своего у Өедора Кошки, Андреева сына Собакина, то-есть взялъ его дочь за своего сына.

У Өедора Андреевича, кромѣ старшаго сына Ивана, было еще 4 сына и второй по рожденію, Өедоръ, прозваніемъ Голтяй. Этотъ Өедоръ Өедоровичъ Голтяй извѣстенъ больше всего по своей женѣ Марьѣ Голтяевой, оставшейся послѣ него великою знаменитою боярынею. Мы полагаемъ, что эта Марья была дочь Василья Тысяцкаго и была въ замужествѣ за Өедоромъ Голтяемъ. Старый дворъ Тысяцкихъ могъ оставаться въ собственности Марьи Голтяевой, какъ ея приданое, отцовское наслѣдство. У Голтяя и Марьи было три сына, всѣ бездѣтны, и одна дочь Марья въ замужествѣ за княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ Боровскимъ, сыномъ Владиміра Андреевича Храбраго, героя Донской битвы. Этотъ бракъ снова показываетъ, какимъ важнымъ значеніемъ пользовались дѣти Кошки.

Отъ этого брака у Ярослава былъ сынъ Василій и двѣ дочери, Марья—супруга вел. князя Василья Темнаго, и Елена—супруга кн. Михаила Андр. Верейскаго. Такимъ образомъ, Марья Голтяева становилась бабушкою Василья Темнаго и прабабою его сына Бориса Васильевича, ея любимца. Это была знатнѣйшая боярыня своего времени и по своему роду и по своему богатству, доставшемуся ей отъ отца и отъ бездѣтныхъ братьевъ, а, вѣроятно и отъ мужа. Въ Москвѣ она владѣла обширными мѣстами около Георгіевскаго (на Дмитровкѣ) монастыря и далѣе въ той же сторонѣ, и, по всему вѣроятію, «Марьина роща» сохранила о ней память, какъ о своей владѣлицѣ. Свои вотчины и свой Кремлевскій дворъ она отдала по духовному завѣщанію, любимому своему правнуку, своему вскормленнику, сыну Василья Темнаго, Борису Васильевичу (1449, † 1494).

Мѣстоположеніе этого двора обозначено по случаю пожара въ 1473 г., когда загорѣлось на Великокняжескомъ дворѣ у церкви Рождества Богородицы и погорѣли многіе дворы, митрополичій дворъ и дворъ кн. Бориса Вас. по Богоявленіе Троицкое.

Самое это показаніе и послужило намъ основаніемъ для заключеній, что этотъ дворъ принадлежалъ Марьѣ Голтяевой, и для предположеній, что онъ принадлежалъ прежде Протасьевичамъ.

Послѣ князя Бориса Вас., по его духовному завѣщанію дворомъ, какъ и всѣми его вотчинами владѣлъ сынъ его Өедоръ

Борисовичъ (1476, † 1513 г.), скончавшійся бездѣтнымъ и потому отдавшій всѣ свои вотчины вел. князю Василью Ив. Въ 1501 г. великій князь звалъ Литовскихъ пословъ къ столу, а самъ пошелъ къ обѣднѣ; «а посламъ велѣлъ посидѣти на княжѣ, на Борисовыхъ дѣтей Ѳедора и Ивана дворѣ дождатися стола».

По смерти Ѳедора Борисовича кто владѣлъ этимъ дворомъ, въ точности неизвѣстно. Новый пожаръ въ 1565 г. снова обозначаетъ, что въ это время дворъ уже принадлежалъ кн. Владиміру Андреевичу, двоюродному брату царя Ивана Васильевича. Можно съ большою вѣроятностью предполагать, что при вел. князѣ Васильѣ Ивановичѣ дворъ былъ переданъ его брату Андрею Ив., сынъ котораго Владиміръ Андр. и владѣлъ теперь отцовскимъ дворомъ.

Въ этотъ годъ (1565) февраля 1 противъ пятницы, въ ночи загорѣлся дворъ князя Владиміра Андр. и сгорѣлъ весь, и церковь о трехъ верхахъ деревянная (Рождества Христова?), да дворъ Ивана Мстиславскаго, да Троицкій монастырь (подворье) выгорѣлъ весь, и у церкви Богоявленія три верхи сгорѣли; да на митрополичьѣ дворѣ на заднемъ конюшни и иные хоромы погорѣли.

На другой годъ (1566) государь пожаловалъ князя Владиміра, велѣлъ ему поставить дворъ на старомъ мѣстѣ, подлѣ митрополичьяго двора и посторонь Троицкаго двора, да къ тому мѣсту пожаловалъ государь кн. Владиміра, для пространства, дворовымъ мѣстомъ боярина Ивана Ѳед. Мстиславскаго, которому взамѣнъ, вѣроятно, тогда же было отдано мѣсто съ нарѣчной стороны Кремля, у *Трубы*, гдѣ прежде находился дворъ Дмитрія Шемяки.

Это были годы, когда Грозный царь учреждалъ себѣ Опричнину и задумывалъ устроить себѣ и въ самомъ Кремлѣ особое помѣщеніе, для чего еще въ 1565 г. повелѣлъ было мѣсто чистить позади стараго царскаго дворца, занимая мѣста и отъ дворовъ кн. Владиміра и отъ митрополичья, но послѣ упомянутаго пожара это намѣреніе было оставлено.

Извѣстна печальная участь князя Владиміра Андр. свирѣпый царь въ 1569 г. отравилъ его ядомъ. Вслѣдъ затѣмъ было погублено и все его семейство.

Съ этого времени въ большомъ комнатномъ приближеніи у

свирѣпаго царя появляются Годуновы и первымъ Дмитрій Ив. Годуновъ, пожалованный въ 1571 г. въ *постельничіе*, затѣмъ въ 1573 г. въ окольничіе, а въ 1578 г. въ бояре. За нимъ слѣдуетъ и Борисъ Годуновъ, въ 1570 г. исполнявшій должность рынды; въ 1571 г. на свадьбѣ царя съ Собакиной, дружкою съ невѣстиной стороны и въ мыльнѣ съ государемъ, а потомъ въ 1578 г. кравчій и въ 1581 г. прямо мимо окольничества изъ кравчихъ бояринъ.

О большомъ приближеніи къ свирѣпому царю Бориса свидѣтельствуетъ въ точности его избирательная грамота, несомнѣнно подъ его руководствомъ и по его указаніямъ и написанная. Отсюда и можно видѣть, что дворъ Владиміра Андр., недолго спустя послѣ его опалы, поступилъ во владѣніе Годунова, женатаго къ тому же на дочери Малюты Скуратова и, слѣдовательно, состоявшаго въ прочномъ союзѣ съ этимъ свирѣпымъ опричникомъ.

Съ кончиною Ивана Грознаго настаетъ прямое и сильное царствованіе Бориса подъ именемъ убогаго царя Ѳедора Ивановича. Борисъ шелъ къ своей цѣли очень твердыми и обдуманными шагами. Повидимому, эту цѣль онъ намѣтилъ еще при жизни Грознаго царя. По словамъ грамоты, утверждавшей его избраніе на царство, «онъ съ малолѣтства безотступно находился при царскихъ пресвѣтлыхъ очахъ Грознаго царя и потому навыкъ отъ премудраго царскаго разума Государственнымъ царственнымъ чинамъ и царскому достоянію». Это писано въ грамотѣ въ доказательство его способностей къ царствованію и его правъ на избраніе. Другой списокъ грамоты свидѣтельствуетъ, что Грозный за много лѣтъ до своей кончины взялъ въ свои царскія полаты еще малолѣтныхъ Бориса и его сестру Ирину и питалъ ихъ отъ своего царскаго стола, при чемъ Ирину назначилъ въ невѣсты сыну Ѳедору, а взялъ ее во дворецъ еще въ малолѣтствѣ, «*седми лѣтъ*, и была она воспитана въ царскихъ полатахъ до сочетанія брака». Вотъ каковы были начальные пути знаменитаго царедворца. Благозаконный бракъ царевича Ѳедора совершился, вѣроятно, около 1580 г. Никакихъ прямыхъ указаній по этому обстоятельству намъ не встрѣтилось, а это въ свой чередъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что бракъ былъ совершонъ домашнимъ порядкомъ, безъ официальныхъ свадебныхъ разрядовъ и торжествъ, какъ бы утайкой, чтобы не помѣшала боярская среда.

Еще въ 1582 г. по случаю несчастной кончины сына, Ивана Ивановича, Грозный въ своей кручинѣ не чаялъ себѣ долгой жизни и потому говорилъ Борису, что отдаетъ на его попеченіе сына Ѳедора и Богомъ дарованную свою дочь царицу Ирину, присовокупивъ, «что какова мнѣ Ирина, таковъ и ты Борисъ въ нашей милости, какъ еси сынъ (родной)».

Другой списокъ грамоты разсказываетъ, что когда Борисъ былъ боленъ, то Грозный, по своему милосердному обычаю, жалуючи Бориса, пріѣзжалъ къ нему, и говорилъ ему государь отъ своихъ царскихъ устъ: «Борисъ! не ты боленъ, сынъ мой Ѳедоръ боленъ; не сынъ мой Ѳедоръ боленъ, Богомъ дарованная моя дочь, невѣстка Ирина, больна; и не невѣстка Ирина больна, я боленъ!» и простеръ свою царскую длань и показалъ на длани своей государскіе три перста, говоря Борису: «Борисъ! какъ тѣ три перста царской моей десницы видишь, такъ мой сынъ Ѳедоръ да Богомъ дарованная мнѣ дочь, Ирина, да ты, Борисъ, нашего царскаго величества въ милости какъ есть сынъ, а не рабъ» (Вивл., VII, 54.). Все это разсказывали патріарху на соборѣ сами бояре, приводя свидѣтельства объ особенной любви и милости Грознаго къ Борису.

Духовникъ государя архимандритъ Ѳеодосій также разсказалъ, что предъ кончиною онъ призвалъ его для исповѣди и принятія Св. Тайнъ. Борисъ въ это время находился при постели больного.

Когда духовникъ, приступая къ исповѣди, попросилъ Бориса выйти изъ комнаты, то государь не повелѣлъ ему выходить, сказавъ Борису: «Тебѣ душа моя обнажена вся». Послѣ причащенія государь со слезами обратился къ Борису: «Тебѣ приказываю душу свою и сына своего Ѳедора и дочь свою Ирину и все царство наше Великаго Россійскаго Государства; ты же соблюди ихъ отъ всякихъ золъ; если не соблюдешь ихъ, отдашь о нихъ отвѣтъ передъ Богомъ; на тебѣ взыщетъ Богъ души ихъ».

Такъ ли все это было, судить трудно, но грамота ясно выражала, что царь Иванъ Васильевичъ и при жизни и при кончинѣ назначилъ Борису быть царемъ, именуя его сыномъ, наравнѣ съ Ѳедоромъ, и потому оставляя его и наслѣдникомъ царства.

Въ ту же ночь, 18 марта 1584 г., какъ померъ Грозный царь, Борисъ началъ быстро очищать себѣ путь къ царству. Царевичъ Дмитрій тотчасъ былъ удаленъ въ Угличъ съ матерью своею и

со всѣмъ родствомъ Нагихъ. Тогда же и многіе другіе потерпѣли крушеніе, конечно пока только тѣ, которыхъ особенно жаловалъ царь Иванъ, но которыхъ Годуновъ зналъ, какъ своихъ сопротивниковъ.

Все боярство очень хорошо знало, что новый царь Ѳедоръ слабоуменъ и совсѣмъ неспособенъ быть царемъ, что по слабоумію онъ находится въ рукахъ своей жены, царицы Ирины, а главное въ рукахъ и въ полномъ распоряженіи ея брата, самого Бориса. Въ думѣ, во дворцѣ боярству трудно было бороться съ самодержавнымъ властителемъ и потому оно перенесло свой протестъ на улицу.

Вскорѣ разнеслась по городу молва, что Богданъ Бѣльскій съ своими совѣтниками уморилъ царя Ивана Вас., хочетъ погубить и царя Ѳедора, и царскій родъ изгубить; хочетъ побить бояръ и прочить на царство совѣтника своего Бориса Годунова.

«И возмутися *вся чернь* и служивые Московскіе люди и пріидоша со многою силою и оружіемъ къ Кремлю, къ Фроловскимъ (Спасскимъ) воротамъ», которыя едва успѣли затворить и утвердить. Къ мятежникамъ пристали Рязанцы Ляпуновы и Кикины и иныхъ городовъ дѣти боярскіе. По другому свидѣтельству предводителями мятежа, по заводу бояръ Шуйскихъ, были именно упомянутые Рязанцы. Поставили большую пушку противъ воротъ, намѣреваясь ихъ выбить.

Царь Ѳедоръ, то-есть отъ его имени Борисъ Годуновъ, выслалъ къ мятежникамъ уговаривать и укрощать неукротимое ихъ суровство первостепенныхъ бояръ, Ив. Ѳед. Мстиславскаго и Никиту Романовича Юрьева, да дьяковъ двухъ, братьевъ Щелкаловыхъ. Очень вѣроятно, что переговоры происходили съ Кремлевской стѣны, съ выводной башни, существующей и донынѣ.

На вопросъ, зачѣмъ пришли въ городъ и на кого? мятежники всѣ кричали: «Выдай намъ Богдана Бѣльскаго. Онъ хочетъ извести царскій корень и боярскіе роды». Царь выслалъ сказать имъ, что повелѣлъ Бѣльскаго сослать въ Нижній. Слыша эти слова и видя *всѣхъ* бояръ, мятежники успокоились и разошлись по домамъ. По этому свидѣтельству возможно заключить, что къ мятежникамъ сказать имъ царево слово выходила вся боярская дума.

Народъ выкрикивалъ сущую правду, что во Дворцѣ гнѣзди-

лась нечистая сила, готовившаяся извести царскій корень и боярскіе роды, какъ это въ полной точности и совершилось впослѣдствіи. Гласъ народа—гласъ Божій!

Кто же такъ исторически вѣрно понималъ эту вращавшуюся во Дворцѣ нечистую силу? Конечно, дальновидные изъ бояръ и изъ знатныхъ купцовъ, хорошо и близко знавшихъ теченіе тогдашнихъ дворцовыхъ, то-есть Годуновскихъ, дѣлъ. Они и взволновали толпу посадской черни въ надеждѣ ниспровергнуть могущественнаго правителя и повелителя царству.

Само собою разумѣется, что Годуновъ, мстя бунтовой приходъ на Богдана Бѣльскаго, какъ должно распорядился съ мятежниками. Рязанцевъ и иныхъ дѣтей боярскихъ и многихъ посадскихъ людей повелѣлъ хватать и разсылать по городамъ и по темницамъ въ заточеніе и имѣніе ихъ разграбить.

Это былъ первый актъ начавшейся борьбы боярства съ Годуновымъ.

Все боярство раздѣлилось надвое, говоритъ лѣтописецъ. Съ одной стороны Годуновъ съ дядьями и братьями, съ своимъ родствомъ, и стоявшіе на его сторонѣ нѣкоторые бояре, думные дьяки и духовные и многіе служилые люди; съ другой стороны первой статьи бояринъ Ив. Ѳед. Мстиславскій, а главное князья Шуйскіе и приставшіе къ нимъ Воротынскіе, Головины, Колычовы и другіе служилые люди, и чернь Московская во главѣ съ купцами, то-есть весь Московскій посадъ, особенно чтившій Ивана Петровича Шуйскаго за Псковское дѣло. Шуйскіе вообще жили съ Московскимъ посадомъ въ большой дружбѣ.

Вражда разгоралась. Годуновъ держалъ великій гнѣвъ на Шуйскихъ. Шуйскіе, надѣясь на свою невинность, потому что стояли за правое дѣло, елико можаху сопротивлялись ему и никакъ ни въ чемъ не поддавались, опираясь главнымъ образомъ на гостей и торговыхъ и черныхъ людей Москвы, на торговыхъ мужиковъ, какъ выражался Годуновъ, стоявшихъ за Шуйскихъ неизмѣнно. Это была народная сильная и твердая почва, которою Годуновъ еще не успѣлъ овладѣть. Но зато онъ владѣлъ царскимъ именемъ и этимъ именемъ распоряжался по своему усмотрѣнію.

Митрополитъ Діонисій хотѣлъ примирить враждующихъ, созвалъ ихъ къ себѣ и умолялъ ихъ прекратить вражду. Они, ко-

нечно, не могли устоять противъ просьбъ и моленій святителя и помирились, но не истинно «сплеташе лесть въ сердцѣ своемъ». Собравшаяся толпа торговыхъ людей въ это время стояла на соборной площади противъ Грановитой полаты. Иванъ Петровичъ Шуйскій, выйдя отъ митрополита и проходя мимо полаты, заявилъ, быть можетъ и съ искреннею радостью, что они съ Борисомъ помирились и впредь враждовать съ нимъ не хотятъ.

Тогда изъ толпы выступили два человѣка и сказали ему: «Помирились вы нашими головами, и вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть».

Въ ту же ночь тѣхъ двухъ человѣкъ Борисъ велѣлъ поймать и сослалъ ихъ невѣдомо куда; пропали они безъ вѣсти, никто не могъ узнать, гдѣ они подѣвались.

Этотъ случай являлся очень внушительнымъ предостереженіемъ для всего Московскаго посада.

Наконецъ, въ 1586 г. составился противъ владычества Годунова большой заговоръ.

Митрополитъ Діонисій, премудрый граматикъ, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и прочіе отъ большихъ бояръ и отъ вельможъ Царевы полаты, и гости Московскіе, и всѣ купецкіе люди учинили совѣтъ и укрѣпились между собою рукописаніемъ бить челомъ царю Ѳедору, чтобъ онъ принялъ второй бракъ ради царскаго *чадородія*, такъ какъ царица Ирина Ѳед. многое время неплодна и потому отпустилъ бы царь ее во иноческій чинъ.

Народъ Московскій съ митрополитомъ во главѣ и при помощи князей Шуйскихъ заботился и хлопоталъ о томъ, чтобы не угасъ царскій корень. Это была всенародная правда, привлекавшая на свою сторону всѣхъ правдивыхъ людей, не служившихъ цѣлямъ Годунова.

Несомнѣнно, Шуйскіе потому и пользовались дружнымъ расположеніемъ посада, что поставляли предъ всѣми своими сторонниками именно эту цѣль для своей борьбы съ Годуновымъ, почему лѣтописецъ и упоминаетъ, что въ этой борьбѣ они надѣялись на свою *невинность*, на праведное дѣло, для котораго работали, «елико можаху».

Конечно, Годуновъ тотчасъ узналъ объ этомъ совѣтѣ и аки буря зѣльная разметалъ всѣхъ совѣтниковъ, и митрополичьихъ и княжескихъ, кого куда, не вдругъ, потому что надо было найти

разумные поводы для ихъ истребленія. Обычный его пріемъ въ этихъ случаяхъ заключался въ привлеченіи боярскихъ или княжескихъ людей доводить на своихъ господъ всяческую клевету.

Такъ сталось и съ Шуйскими. На нихъ ихъ людьми была доведена измѣна, обвиненіе страшное по тому времени.

Многихъ людей Шуйскихъ «изымавъ, пытаху и кровь звѣрски проливаху, а съ ними пытаху и гостей Московскихъ, Ѳедора Нагая сѣ товарищи». Князей Шуйскихъ похватали и посажали за стражу во узилища, а съ ними дворянъ Татевыхъ, Колычовыхъ и многихъ другихъ. Иванъ Петр. Шуйскій былъ сосланъ сначала въ свое имѣніе, а потомъ на Бѣлоозеро и тамъ удавленъ, задушенъ сѣномъ; князь Андрей Ив. — въ Каргополь и тамъ удавленъ. Всѣ другіе совѣтники также были сосланы по далекимъ городамъ и посажены въ темницы на вѣчное жительство. А гостей Ѳедора Нагая и съ нимъ шесть человѣкъ казнили въ Москвѣ «на Пожарѣ, на Красной площади, передъ торговыми рядами, главы имъ отсѣкоша».

Митрополитъ Діонисій и его собесѣдникъ Крутицкій архіепископъ, видя такое изгнаніе боярамъ и многое убійство и кровопролитіе неповинное, начали обличать въ этомъ Годунова и говорить царю Ѳедору о его неправдахъ. За это обличители лишились своихъ сановъ и были сосланы въ заточеніе въ Новгородскіе монастыри, тамъ и скончались.

На митрополію возведенъ былъ преданный Годунову архіепископъ Ростовскій Іовъ, будущій патріархъ.

Такъ были укрощены Шуйскіе и преданный имъ Московскій Посадъ, въ лицѣ знатныхъ купцовъ-гостей.

Борьба съ другими первостепенными боярами вначалѣ требовала другихъ пріемовъ. Ихъ надо было утѣшить и обворожить лестью.

Съ первымъ великимъ бояриномъ княземъ Ив. Ѳед. Мстиславскимъ Годуновъ сначала жилъ въ большой дружбѣ, называлъ его себѣ отцомъ, а тотъ называлъ его сыномъ. Однако разсказывали, вѣроятно сторонники Годунова, что Шуйскіе успѣли привлечь боярина на свою сторону и съ нимъ составили будто бы заговоръ, позвать Годунова къ Мстиславскому на пиръ и тамъ убить его. Вѣрно только одно, что онъ съ Шуйскими враждовалъ противъ Годунова и потому вскорѣ былъ обвиненъ въ измѣнѣ,

сосланъ въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь, тамъ постриженъ и умеръ въ 1586 г.

Другой великій бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ въ то же время въ 1585 г. «ко Господу отъиде», говорили, что отъ отравы. Оставались его сыновья, Θедоръ Никитичъ съ братьями. Съ ними на первое время надо было поступить умѣючи, потому что это былъ родъ очень опасный для всякаго подъискателя царскаго сана, именно по своему родству съ самимъ царемъ Θедоромъ. Оставшіеся Романовы были двоюродные братья ему. Борисъ вначалѣ умиротворилъ ихъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и Мстиславскаго; держалъ ихъ сначала въ любви и даже клятву страшную далъ, что будутъ они братья ему и помогатели царствію, въ особенности Θедоръ Никитичъ, а впослѣдствіи разсѣялъ ихъ точно также, какъ разсѣялъ и разметалъ Шуйскихъ.

Годуновское время въ сущности было продолженіемъ царствованія царя Ивана Губителя.

Не больше какъ въ два или три года онъ вполнѣ расчистилъ поле для своего владычества, усмирилъ духовную власть въ лицѣ митрополита, осилилъ первостепенное боярство, укротилъ весь Московскій Посадъ, всѣхъ торговыхъ мужиковъ и чернь-народъ.

Но если во Дворцѣ страхомъ или лестью легко было водворить молчаніе, своего рода спокойствіе, или послушаніе предъ владыкою царства, зато для полнаго усмиренія и привлеченія на свою сторону улицы, хотя и укрощенной казнью большихъ купцовъ-гостей, но всегда грозной всенароднымъ множествомъ, потребовались совсѣмъ другіе пріемы.

Улица, какъ рабочая и промышленная сила, могла быть успокоена только заданною ей работою.

И вотъ въ тотъ же 1586 г. (или, по другимъ свидѣтельствамъ въ 1587 г.), когда совершилось разсѣяніе упомянутаго Совѣта о второмъ бракѣ царя Θедора, Московскому Посаду была задана очень большая работа, отвлекавшая умы народа отъ наблюденій надъ тѣмъ, что творилось во Дворцѣ.

«Царь Θедоръ Ивановичъ», пишетъ лѣтописецъ, вѣроятно, со словъ сторонниковъ Годунова, «видя въ своемъ государствѣ пространство людемъ и всякое благополучное строеніе (устройство), повелѣлъ на Москвѣ дѣлати градъ каменный около большаго посада подлѣ земляной осыпи (вокругъ земляного вала), и дѣлали

его семь лѣтъ, и нарекоша имя ему Царевъ-градъ, а мастеръ былъ Русскихъ людей, именемъ Ѳедоръ Конь».

Новыя стѣны города были кладены изъ бѣлаго камня и потому впослѣдствіи сохранили названіе вмѣсто Царева—Бѣлый городъ.

Въ то время, когда постройка этихъ стѣнъ приближалась уже къ концу, 15 мая 1591 г. послѣдовало необычайное, ужасающее для народа событіе—убіеніе въ Угличѣ маленькаго царевича Дмитрія. По всенародному мнѣнію, это злодѣйство совершено по наученію Годунова, всѣми мѣрами истреблявшаго царскій корень. Событіе вполнѣ подтверждало убѣжденіе народа въ коварныхъ замыслахъ Годунова, высказанныхъ народомъ прежде. Да и его сопротивникамъ это событіе было на руку, а потому могло совершиться и по ихъ замысламъ. Какъ бы ни было, но въ народѣ оно произвело великое смущеніе. Невинная жертва злодѣйской борьбы до слезъ трогала народное чувство.

Дабы ослабить и разсѣять горестное впечатлѣніе, грозившее возмущеніемъ, на помощь Годунову приблизился къ Москвѣ Крымскій ханъ съ войскомъ, спустя всего мѣсяца два послѣ совершоннаго убійства. Въ народѣ говорили, что онъ нарочно былъ призванъ Годуновымъ, что очень вѣроятно, судя по поспѣшному приходу и еще болѣе по поспѣшному уходу хана отъ Москвы.

Тогда Годуновъ задалъ Посаду новую работу—выстроить стѣны вокругъ всей Москвы, деревянныя, которыя и были построены такъ поспѣшно, что работа была окончена въ одинъ годъ, по окружности длиною на 14 слишкомъ верстъ, о чемъ мы уже говорили, см. стр. 160.

Получивъ дворъ князя Владиміра Андреевича въ свое владѣніе, Годуновъ конечно распространилъ его новыми постройками или же старыя зданія привелъ въ болѣе красивый и богатый видъ, такъ какъ теперь онъ былъ уже владѣтелемъ и всего государства, а потому, какъ извѣстно, обладалъ громаднымъ богатствомъ. Еще при царѣ Ѳедорѣ онъ уже разыгрывалъ прямую роль царя и не разъ принималъ въ своемъ дворѣ иноземныхъ пословъ.

Такъ, въ 1589 г. мая 20 онъ торжественно принялъ у себя во дворѣ цесарева Австрійскаго посла Николая Варкоча, который,

пріѣхавъ, слѣзъ съ коня въ воротахъ двора (въѣхавъ въ ворота), при чемъ отъ воротъ и по всему двору и по крыльцу и по сѣнямъ и въ *передней избѣ* стояли нарядно во множествѣ дворовые люди боярина. А въ *комнатѣ* (гостиной) боярина находились отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ платьѣ въ золотномъ и въ чѣпяхъ золотыхъ. Вошедши въ комнату, посолъ правилъ отъ цесаря поклонъ боярину, а бояринъ, вставъ, спрашивалъ о здоровьѣ цесаря да звалъ посла къ рукѣ, сидя. Посолъ былъ у руки и затѣмъ говорилъ рѣчь, чрезъ толмача, одинъ на одинъ, для чего изъ комнаты вышли всѣ ненадобные люди.

Посолъ въ это время говорилъ тайно о томъ, чтобы Московскій государь присоединился къ замышляемому союзу всей Европы противъ Турецкаго султана и величалъ Годунова *Вашимъ Благородіемъ*, начавъ свою рѣчь такими словами: «Цесарскому Величеству извѣстно, что Ваше Благородіе у царскаго Величества скровной его, ближній тайный начальный Думца и большой бояринъ, о такихъ великихъ добрыхъ дѣлахъ радѣешь и крѣпко промышляешь. И то цесарскому Величеству ученилось вельми любо и радостно, и за такіе добрые дѣла, Ваше Благородіе, у всѣхъ государей христіанскихъ въ великой чести и славѣ».

Годуновъ отвѣчалъ послу подтвердительною рѣчью, что готовъ усердно промышлять и противъ Турецкаго, и противъ всѣхъ басурмановъ, и велѣлъ ему сѣсть противъ себя на скамейкѣ, а послѣ переговоровъ на прощаньи подавалъ ему вина и меды красные и бѣлые въ кубкахъ и въ ковшахъ, какъ изстари водилось въ царскомъ дворцѣ по давнему прапрадѣдовскому обычаю.

Въ другой разъ, 7 октября 1593 года, тотъ же посолъ Николай Варкочь снова былъ принятъ Годуновымъ въ своихъ хоромахъ. Въ это время, быть можетъ, для большей торжественности, посолъ ѣхалъ на Годуновскій дворъ мимо *Посольской полаты* (у Ивана Великаго), да мимо Пречистой (Успенскаго собора) позади алтаря, такъ какъ переднія ворота Борисова двора выходили на Соборную площадь. Пріѣхавъ на дворъ, посолъ слѣзъ съ лошади, отъѣхавъ съ полсажени отъ воротъ, а его дворяне сошли съ лошадей за воротами и шли на дворъ пѣшкомъ.

Среди двора встрѣтили посла люди боярина, 10 человѣкъ. Другая встрѣча послу была на верхнемъ крыльцѣ тоже въ числѣ 10 челов. боярскихъ людей. Самъ бояринъ сидѣлъ въ *комнатѣ*,

а въ передней и въ сѣняхъ и по крыльцу стояли боярскіе *дворяне* въ чистомъ платьѣ. А какъ посолъ вошелъ въ комнату, то явилъ его (представилъ) боярину челомъ ударить его государевъ приставъ кн. Семенъ Звенигородскій. Посолъ правилъ отъ цесаря поклонъ, говорилъ привѣтственную рѣчь; потомъ поднесъ дары-поминки: отъ Арцыкнязя Максимиліана—лохань да рукомойникъ серебряные, золочены.

Затѣмъ бояринъ спрашивалъ о здоровьѣ посла и цесаревыхъ дворянъ и велѣлъ имъ сѣсти въ лавкѣ по правую сторону себя.

Теперь посолъ именовалъ боярина «Вашимъ Велеможествомъ, Высотою, Государемъ», такъ какъ и къ офиціальному титулу боярина уже присовокуплялось имя *слуги*.

Поговоривъ опять о союзѣ противъ Турка, бояринъ кончилъ разговоръ такою рѣчью: «Николай! пригоже было мнѣ тебя у себя подчивати (столомъ) да зашли нынѣ многіе великіе дѣла царскаго Величества и я посылаю со столомъ къ тебѣ». И отпустилъ посла. Встрѣчники проводили посла до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. А какъ посолъ отошелъ отъ лѣстницы, и бояринъ велѣлъ его почтить, лошадь подвести ему среди двора, а дворяне сѣли на лошадей попрежнему за воротами. Таковы были старозавѣтныя на Руси правила почетныхъ встрѣчъ и проводовъ. Столъ послу былъ посланъ на серебряныхъ блюдахъ, вина и меды красные въ кубкахъ и оловяникахъ (кувшинахъ).

Одинъ изъ сопутниковъ посла, какъ очевидецъ, описываетъ этотъ пріемъ такимъ образомъ: «Когда наше шествіе вступило въ Кремль, насъ повели направо (мимо Успенскаго собора) къ жилищу Бориса Ѳедоровича. Это было очень обширное зданіе, только *все деревянное*. Тутъ, кто ѣхалъ на лошади, сошелъ съ нея, а мы, несшіе подарки, устроились за посломъ и пошли чрезъ 2 покоя, гдѣ находились служители Бориса Ѳедоровича, одѣтые по ихъ обычаю пышно. Въ третьемъ покоѣ, въ который мы вошли, находился Борисъ Ѳедоровичъ съ нѣсколькими боярами. Этотъ покой и по полу и кругомъ, устланъ былъ прекрасными коврами, а на лавкѣ, на которой сидѣлъ Годуновъ, лежала красная бархатная подушка. На немъ было такое платье: во-первыхъ, на головѣ была надѣта высокая Московская шапка, съ маленькимъ околышемъ изъ самыхъ лучшихъ бобровъ; спереди у нея вшитъ былъ прекрасный большой алмазъ, а сверху его ширинка

изъ жемчуга, шириною въ два пальца. Подъ этою шапкою носилъ онъ маленькую Московскую шапочку (тафью), вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а въ промежуткахъ у нихъ вставлены драгоцѣнные камни. Одѣтъ онъ былъ въ длинный кафтанъ изъ золотой парчи съ красными и зелеными бархатными цвѣтами. Сверхъ этого кафтана надѣтъ на немъ еще другой, покороче, изъ краснаго съ цвѣтами бархата, и бѣлое атласное исподнее платье. У этого кафтана книзу и спереди кругомъ, и сверху около рукавовъ было прекрасное жемчужное шитье, шириною въ руку; на шеѣ надѣто нарядное ожерелье и повѣшена крестъ-на-крестъ превосходная золотая цѣпочка; пальцы обѣихъ рукъ были въ кольцахъ, большею частью съ сапфирами».

Нѣсколько болѣе подробностей о Борисовомъ дворѣ находимъ въ запискѣ о такомъ же пріемѣ другого цесарскаго посла Аврама Бурграфа, происходившемъ 27 мая 1597 года.

Ѣхалъ посолъ въ городъ и во дворъ боярина не верхомъ, а въ открытомъ возку по случаю болѣзни въ ногахъ, называемой *камчугъ*. Царскіе приставы ѣхали съ нимъ по обѣ стороны возка. Впереди ѣхало дворянъ и дѣтей боярскихъ 70 человѣкъ; за ними вели коней, назначенныхъ въ даръ боярину, и посольскіе люди несли поминки-дары. Въ это время на дворѣ боярина было устроено по посольскому чину: въ комнатѣ, и въ передней, и въ сѣняхъ были дворяне боярина въ золотномъ платьѣ; на крыльцахъ, и по лѣстницѣ, и на дворѣ по обѣ стороны стояли его дворяне въ чистомъ платьѣ. Какъ посолъ пріѣхалъ ко двору, приставы и цесаревы дворяне слѣзли съ лошадей у воротъ, а посолъ ѣхалъ въ возку на дворъ до крыльца, по приказу боярина. Встрѣчи ему были четыре: первая встрѣча середи двора, другая на приступѣ, какъ посолъ вышелъ изъ возка; третья на середнемъ крыльцѣ, четвертая на верхнемъ крыльцѣ. Встрѣчали боярскіе дворяне. Когда посолъ вошелъ въ сѣни, середи сѣней его встрѣтилъ сынъ боярина, Ѳедоръ Борисовичъ, при чемъ приставъ объявилъ послу особою рѣчью, что его встрѣчаетъ сынъ Его Царскаго Величества шурина, Слуги, Конюшаго, боярина и Двороваго воеводы и Содержателя великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго.

Ѳедоръ Борисовичъ далъ послу руку, спросилъ его о здоровьѣ и шелъ съ посломъ въ *горницу*. Когда посолъ пришелъ въ пе-

реднюю, среди избы передней его встрѣтилъ самъ Борисъ Өед. и, взявъ посла за руку, шелъ съ нимъ въ *середнюю комнату*. Здѣсь посолъ правилъ боярину поздравленіе отъ цесаря особою рѣчью, и когда бояринъ спросилъ о его собственномъ здоровьѣ, то посолъ отвѣчалъ, что «по грѣху по моему была мнѣ въ дорогѣ болѣзнь, и здѣсь-было я позанемогъ, а нынѣ благодарю Бога, могу». Бояринъ подалъ послу ручку (sic) и посадилъ его близко себя въ другой лавкѣ, а самъ сѣлъ въ большой лавкѣ, что отъ комнатныхъ дверей. Затѣмъ звалъ цесаревыхъ дворянъ къ рукѣ. спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ имъ сѣсть.

Когда всѣ усѣлись, слуга боярина являлъ ему цесаревы поминки-подарки. Послѣ того бояринъ сказалъ послу: «О которыхъ тебѣ дѣлахъ со мною говорить и ты говори, а цесаревыхъ дворянъ вышли вонъ». Такъ посолъ и исполнилъ и приступилъ къ переговорамъ все о томъ же Туркѣ, на котораго цесарь просилъ помощи. Посолъ, обращаясь къ Годунову, именовалъ его уже Вашимъ Величествомъ и Вашей Милостію.

Когда посолъ былъ отпущенъ, начались обычные проводы; самъ бояринъ проводилъ его до дверей *передней горницы*, а его сынъ проводилъ въ сѣни; прежніе встрѣчники проводили посла въ возокъ у лѣстницы, а приставы и цесаревы дворяне сѣли на лошадей за воротами.

По обычному порядку къ послу былъ отправленъ столъ на 130 блюдахъ, да питья въ 8 кубкахъ и въ 8 оловяникахъ.

Въ числѣ поднесенныхъ даровъ отъ Цесаря Рудольфа Борису Өедоровичу были присланы часы стоячіе боевые, съ знамены небесными, а его сыну Өедору часы стоячіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь; и шесть *попугаевъ*, а въ тѣхъ попугаяхъ два есть, одинъ самецъ, а другой самка — и тѣ два Борису Өед., а четыре его сыну, да сыну же Өедору Бор. двѣ *обезьяны*.

Такимъ образомъ, въ хоромахъ боярина и тогда уже водились для забавы и попугаи, и обезьяны.

Въ 1595 г. случился великій пожаръ, выгорѣлъ весь Китай-городъ, «полаты каменныя и въ погребахъ вездѣ все выгорѣло, а послѣ пожара возстала буря велія, съ городскихъ башенъ верхи сломало и въ Кремлѣ съ Борисова двора Годунова съ воротъ верхъ сломило; и многіе дворы разметало; людей же и скотъ на воздухъ метало».

Какъ извѣстно, ворота у богатыхъ и достаточныхъ дворовъ, да и у всѣхъ обывателей, всегда строились болѣе или менѣе затѣйливо, а у богатыхъ воротные верхи устроивались въ видѣ шатровыхъ башенъ одинакихъ или даже и тройныхъ, какъ это видно и на планѣ Кремля временъ Годунова, а потому и лѣтописецъ воспользовался случаемъ и отмѣтилъ разрушеніе Годуновскихъ воротъ, какъ примѣчательнаго Кремлевскаго зданія, хотя, съ другой стороны, такая отмѣтка могла явиться съ мыслью о Божьемъ наказаніи властителя за обиды и насилія, какими онъ прославилъ себя.

Въ то время ходила молва, что и пожаръ Китай-города былъ устроенъ тѣмъ же Годуновымъ съ цѣлью отвратить опасную народную молву объ убіеніи царевича Дмитрія въ 1591 году.

Достигнувъ царскаго вѣнца, Годуновъ, конечно, перебрался съ своего богатаго двора въ царскій дворецъ и съ того времени (съ 1598 г.) оставилъ свой дворъ пустымъ, не отдавая его никому, не находя никого достойнаго жить въ немъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Великой знатности людей уже не было въ это время. Только послѣ его кончины эти хоромы огласились плачемъ и воплями оставшейся его семьи, когда изъ дворца она была здѣсь заключена и погибла насильственною смертью.

«Что посѣешь, то и пожнешь», говоритъ народная пословица, что сѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ, повторяли наши лѣтописцы при описаніи такихъ событій.

Настала, наконецъ, жатва и для царя Бориса. Нежданно, негадано появился живымъ убіенный царевичъ Дмитрій. Добытый злодѣйствами тронъ пошатнулся. Измѣна царю съ каждымъ днемъ выростала повсюду. Всѣ лицемѣрныя благодѣянья народу, всѣ добрыя попеченія о государствѣ и многое доброе его устройство исчезли изъ памяти людей, сохранившихъ только ненависть къ царствующему властителю. 5 апрѣля 1605 г. царь Борисъ, вставши отъ обѣда, внезапно заболѣлъ и черезъ два часа скончался. Говорили, что самъ себя отравилъ, но можно полагать, что былъ отравленъ угодниками Самозванца, если не умеръ апоплексіей, какъ свидѣтельствуетъ Маржеретъ. Однако, по свидѣтельству Массы, доктора, бывшіе во дворцѣ, тотчасъ узнали, что онъ умеръ отъ яда.

Спустя съ небольшимъ два мѣсяца Самозванецъ уже приближался къ Москвѣ и, стоя съ большимъ войскомъ на Тулѣ, послалъ въ Москву князей Василья Вас. Голицына, помышлявшаго тоже о царскомъ вѣнцѣ, Василья Мосальскаго и другихъ своихъ угодниковъ съ повелѣніемъ низложить, убрать съ дороги, патріарха Іова и истребить Годуновыхъ.

Повелѣніе было исполнено съ большимъ усердіемъ, которымъ особенно отличились упомянутые два князя.

Вдова царя Бориса съ сыномъ, уже вѣнчаннымъ царемъ Ѳедоромъ, и дочерью Ксеніею были безъ милости схвачены во дворцѣ и отвезены на водовозной телѣгѣ на старый Борисовскій дворъ, гдѣ и заперли ихъ подъ стражею. Вслѣдъ затѣмъ, немного времени спустя, туда явились помянутые князья—Голицынъ и Мосальскій—съ двумя помощниками и тремя стрѣльцами, которые и «предаша несчастнаго молодого царя и его мать царицу Марью удавленію», разведя ихъ сначала по разнымъ комнатамъ. Князь Вас. Голицынъ, выйдя послѣ того изъ Борисовскаго двора, возвѣстилъ народу, что царь и царица, его мать, отъ страха опились смертнымъ зеліемъ и померли. Царевна Ксенія была оставлена въ живыхъ и пострижена въ монахини.

Воцарившійся Самозванецъ, осыпая своими милостями первенствующаго боярина Ѳедора Ив. Мстиславскаго, подарилъ ему весь домъ царя Бориса, но, кажется, бояринъ не успѣлъ воспользоваться этимъ даромъ, — такъ событія быстро измѣняли ходъ дѣлъ.

Между тѣмъ, извѣстно, что на Борисовскомъ дворѣ при Самозванцѣ былъ помѣщенъ воевода Сендомирскій, а съ нимъ были помѣщены и Іезуиты, которые здѣсь стали свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду.

Когда Самозванецъ былъ убитъ, бунтовавшая въ то время въ Кремлѣ толпа, искавшая повсюду Поляковъ, осадила въ Борисовскомъ дворѣ и пана Сендомирскаго. Ворота этого двора съ улицы были завалены всякою всячиною. «Мы», говоритъ свидѣтель этого обстоятельства, «заперлись изнутри. Насъ было весьма немного, но мы рѣшили при всей малочисленности защищаться. Уже наведены были на насъ пушки, однѣ въ окна, другія въ стѣну; но какъ во дворѣ были каменные подвалы, то безъ великихъ усилій нельзя было одолѣть насъ. Между тѣмъ посыпались камни

къ намъ на дворъ и нѣсколько стрѣльцовъ готовились войти къ намъ изъ монастыря (Троицкаго подворья) чрезъ проломы, о коихъ мы ничего не знали, какъ вдругъ прискакали къ воротамъ нашимъ бояре, требуя, чтобы панъ-воевода послалъ когонибудь для переговоровъ съ Думными боярами. Осада тѣмъ и окончилась».

Послѣ для охраны пана-воеводы поставлена была около двора стрѣлецкая стража.

На Борисовскій дворъ былъ сведенъ изъ дворца и несчастный царь, какъ называли его въ народѣ, Василій Ив. Шуйскій и съ своею царицею и, дабы не могъ онъ воротиться на царство, тамъ же былъ постриженъ въ монахи и съ царицею.

Въ Смутное время, когда въ 1610 г. велемудрые Московскіе бояре присягнули королевичу Владиславу и отдали Москву во власть Полякамъ, въ Кремлѣ на Цареборисовскомъ дворѣ поселился самъ панъ гетманъ Жолкѣвскій и вмѣстѣ съ нимъ оставленный имъ послѣ своего отъѣзда главнокомандующимъ Польскою силою и градоначальникомъ Москвы панъ Александръ Гонсѣвскій, который по указаніямъ гетмана въ полномъ недовѣріи къ Русскимъ распорядился самымъ предусмотрительнымъ образомъ. Ключи городовые отъ всѣхъ воротъ забралъ къ себѣ, весь нарядъ (артиллерію), пушки со всѣхъ городовыхъ стѣнъ, а также зелье (порохъ), свинецъ, пушечныя ядра и всякіе пушечные запасы собралъ въ Кремль да въ Китай городъ, а иное и на Цареборисовъ дворъ, къ своему жилью. Во всѣхъ городовыхъ воротахъ онъ поставилъ сторожами своихъ Поляковъ, вмѣсто стрѣльцовъ, которыхъ всѣхъ выслалъ совсѣмъ изъ города; рѣшетки у улицъ сломалъ и обывателямъ строго запретилъ носить какое-либо оружіе, даже и плотникамъ съ топорами не велѣлъ ходить и ножи на бедрѣ никому не велѣлъ носить.

Для Поляковъ такія предосторожности были очень необходимы, потому что занявшее городъ и Кремль ихъ войско не было достаточно. Маскѣвичъ пишетъ, что они вступили въ городъ тихо, какъ бы тайкомъ, не желая показать обывателямъ слабыя свои силы.

По свидѣтельству Маскѣвича они вошли въ Кремль 9 октября по новому стилю; по свидѣтельству Польскаго Дневника—27 сентября по старому стилю. Выходитъ разница въ двухъ дняхъ.

Гетманъ Жолкѣвскій жилъ на Цареборисовскомъ дворѣ всего только мѣсяцъ и 6 ноября, по новому стилю, уѣхалъ къ Смоленску для свиданія съ королемъ. Въ Борисовскихъ полатахъ, какъ и при Самозванцѣ, былъ устроенъ костелъ. Происходило служеніе по Римскому обряду, и Латинское пѣніе доносилось отсюда до хоромъ патріарха Ермогена, сердечно негодовавшаго на такое поруганіе Православной вѣры о Христѣ.

Гонсѣвскій прожилъ здѣсь почти до самаго конца Польскаго владычества надъ истерзанною Русью, до конца іюня, то-есть слишкомъ $1^1/_2$ года. 27 іюня 1612 г. онъ изъ соперничества съ паномъ Струсемъ, прибывшимъ къ Москвѣ съ новымъ войскомъ, выступилъ изъ Кремля, а на его мѣсто въ градоначальники вступилъ этотъ панъ Струсь, который, конечно, поселился на той же квартирѣ Гонсѣвскаго, на Цареборисовскомъ дворѣ.

Но новый градоначальникъ, очень желавшій удержать Москву для королевича Владислава, пришелъ только для своего несчастія. Въ это время Нижегородская рать стояла уже въ Ярославлѣ. Отъ нея, какъ отъ благодатнаго солнца, съ великою силою двигалось очищеніе народныхъ умовъ, освѣщалась тьма народной смуты и, несмотря на измѣнные подвиги собиравшагося подъ Москвою казачества, засѣвшіе въ Кремлѣ Поляки день ото дня все больше и больше стѣснялись и обездоливались. Въ послѣднее время они претерпѣвали невыносимый, неслыханный голодъ. «Ни въ какихъ лѣтописяхъ, ни въ какихъ исторіяхъ нѣтъ извѣстій», говоритъ ихъ дневникъ, «чтобы кто-либо, сидящій въ осадѣ, терпѣлъ такой голодъ, чтобы былъ гдѣ-либо такой голодъ, потому что когда насталъ этотъ голодъ и когда не стало травъ, корней, мышей, собакъ, кошекъ, падали, то осажденные съѣли плѣнныхъ, съѣли умершія тѣла, вырывая ихъ изъ земли; пѣхота сама себя съѣла и ѣла другихъ, ловя людей. Пѣхотный поручикъ Трусковскій съѣлъ двоихъ своихъ сыновей; одинъ гайдукъ тоже съѣлъ своего сына, другой съѣлъ свою мать; одинъ товарищъ съѣлъ своего слугу; словомъ, отецъ сына, сынъ отца не щадилъ; господинъ не былъ увѣренъ въ слугѣ, слуга въ господинѣ; кто кого могъ, кто былъ здоровѣе другого, тотъ того и ѣлъ. Объ умершемъ родственникѣ или товарищѣ, если кто другой съѣдалъ таковаго, судились какъ о наслѣдствѣ и доказывали, что его съѣсть слѣдовало ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дѣло слу-

чилось во взводѣ г. Леницкаго, у котораго гайдуки съѣли умершаго гайдука ихъ взвода. Родственникъ покойника, гайдукъ изъ другого десятка, жаловался на это передъ ротмистромъ и доказывалъ, что онъ имѣлъ больше права съѣсть его, какъ родственникъ; а тѣ возражали, что они имѣли на это ближайшее право, потому что онъ былъ съ ними въ одномъ ряду, строю и десяткѣ. Ротмистръ не зналъ, какой сдѣлать приговоръ, и, опасаясь, какъ бы недовольная сторона не съѣла самого судью, бѣжалъ съ судейскаго мѣста. Во время этого страшнаго голода появились разныя болѣзни и такіе страшные случаи смерти, что нельзя было смотрѣть безъ плачу и ужасу на умирающаго человѣка. Я много насмотрѣлся на такихъ. Иной пожиралъ землю подъ собою, грызъ свои руки, ноги, свое тѣло и что всего хуже,—желалъ умереть поскорѣе и не могъ,—грызъ камень или кирпичъ, умоляя Бога превратить въ хлѣбъ, но не могъ откусить. Вздохи: ахъ, ахъ, слышны были по всей крѣпости, а внѣ крѣпости—плѣнъ, смерть. Тяжкая это была осада, тяжкое терпѣніе!»

Проживая въ такомъ отчаянномъ положеніи цѣлыя недѣли, Поляки все надѣялись, что гетманъ Ходкевичъ спасетъ ихъ, доставивъ продовольствіе и свѣжее войско. Но Ходкевичу путь къ Кремлю былъ достославно прегражденъ Нижегородскимъ Ополченіемъ, которому, наконецъ, помогли и казаки. Услыхавъ объ этомъ, Поляки порѣшили, наконецъ, сдаться. Панъ Струсь, мужъ великой храбрости и многаго разсужденія, по отзыву Русскаго лѣтописца, на площади передъ Иваномъ Великимъ собралъ оголодавшее, отъ глада ослабѣвшее славное свое рыцарство и предложилъ вопросъ: какъ быть? Всѣ единодушно рѣшили отдаться Москалямъ, просить милости, чтобы оставили всѣхъ живыми. 28 октября Кремлевскія ворота были отворены, и Русскіе вошли въ запустѣлый и разореный Кремль.

Панъ Струсь былъ сначала посаженъ за стражею въ *Кирилловъ* монастырь (на подворье; въ Дневникѣ написано, вѣроятно ошибочно, Кризтовскій, а можетъ быть и Крутицкій), потомъ перевели его въ Чудовъ покрѣпче, а затѣмъ посадили его въ тѣсный дворъ, укрѣпивъ его острогомъ.

Послѣ того панъ Струсь былъ взятъ со всѣмъ своимъ полкомъ въ казацкіе таборы Трубецкаго. Другой полкъ пана Будилы взятъ въ ополченіе Пожарскаго. Въ таборахъ почти весь Струсевъ

полкъ былъ побитъ, несмотря на уговоръ при сдачѣ, что будутъ всѣ цѣлы.

Кн. Трубецкой, почитая себя главнокомандующимъ въ собравшемся ополченіи на Поляковъ, тотчасъ поселился на томъ же Цареборисовскомъ дворѣ, который, повидимому, представлялъ во всемъ Кремлѣ наиболѣе устроенное и удобное помѣщеніе для начальниковъ. Пожарскій остановился на Арбатѣ въ Воздвиженскомъ монастырѣ.

Царскій дворецъ въ это время былъ вполнѣ опустошенъ, стоялъ безъ кровель, безъ оконницъ и дверей, безъ половъ, такъ что и самому избранному царю Михаилу негдѣ было поселиться.

Когда все пришло въ старый порядокъ, князь Трубецкой, конечно, поселился гдѣ-либо въ своемъ собственномъ дворѣ, а Цареборисовскій дворъ поступилъ въ дворцовое вѣдомство и, повидимому, оставался пустымъ, доставляя надобныя помѣщенія для дворцовыхъ потребностей, въ томъ числѣ и для царской потѣхи. Въ 1620 г. сентября 11 молодой царь Михаилъ тѣшился на этомъ дворѣ медвѣжьимъ боемъ, о чемъ гласитъ слѣдующая записка: «Ловчаго пути конный псарь Кондратій Корчминъ да пѣшій псарь Сенька Омельяновъ тѣшили государя на старомъ Царевѣ-Борисовѣ дворѣ дворными медвѣдями гонцами и у Кондрашки медвѣдь изъѣлъ руку, а у Сеньки изъѣлъ голову».

Въ 1627 г. извѣстный въ то время мѣдныхъ дѣлъ мастеръ Дмитрій Сверчковъ на Борисовскомъ дворѣ дѣлалъ къ церковному строенію мѣдное дѣло, именно мѣдный шатеръ, для храненія Ризы Господней, стоящій и донынѣ въ Успенскомъ соборѣ.

Въ 1635 г. на Борисовскомъ дворѣ садовники Ив. Телятевскій да Титъ Андреевъ устроили садъ.

Въ 1644 г., какъ извѣстно, происходило неудавшееся сватовство царевны Ирины Михаиловны за Волдемара, принца Датскаго, графа Шлейзвигъ-Голштинскаго, для чего принцъ и прибылъ въ Москву, какъ женихъ царевны. Переговоры о сватовствѣ начались еще въ 1642 г., продолжались весь 1643 годъ, и когда было рѣшено, что нареченный женихъ прибудетъ, наконецъ, въ Москву, то для его помѣщенія царь Михаилъ Ѳед. назначилъ запустѣлый дворъ царя Бориса, повелѣвъ выстроить на немъ новыя деревянныя хоромы въ три яруса и соединить ихъ съ дворцовыми зданіями особыми внутренними переходами; при этомъ не была за-

быта и мыленка. Внутренняя уборка хоромъ состояла изъ суконъ багреца и другихъ красныхъ цвѣтовъ, которыми были обиты стѣны, двери, настланы полы.

Принцъ, именуемый по-русски королевичемъ Волдемаромъ Христіанусовичемъ, прибылъ въ Москву и поселился па Борисовскомъ дворѣ 21 января 1644 г. Встрѣча дорогого гостя на улицахъ города была самая торжественная и очень почетная. Черезъ четыре дня, 25 января, посѣтилъ его самолично и царь Михаилъ, пришедши къ нему упомянутыми переходами. Онъ нѣсколько разъ обнималъ королевича, очень ласкалъ его и часто повторялъ, что королевичъ будетъ ему такъ же милъ и дорогъ, какъ родной сынъ. Первыя двѣ недѣли прошли во взаимныхъ ласканіяхъ и въ самомъ дружественномъ, въ самомъ родственномъ расположеніи. 28 генваря царь угощалъ королевича и его свиту торжественнымъ обѣдомъ въ Грановитой полатѣ, при чемъ по русскому обычаю богато и очень щедро одарилъ его серебряными кубками, изъ которыхъ иные вѣсили отъ 16 до 19 фунтовъ серебра, дорогими соболями, златотканными и шелковыми тканями и пр.

30 генваря упомянутыми переходами посѣтилъ королевича царевичъ Алексѣй Мих. и пробылъ у него часа два [1]).

Потомъ, 4 февраля, самъ царь въ другой разъ посѣтилъ королевича и пробылъ у него съ часъ. Цареборисовскій дворъ въ это время сталъ именоваться дворомъ королевича Волдемара. Съ обѣихъ сторонъ радовались, что свадебное дѣло окончится къ обоюдному удовольствію, но скоро обнаружились великія затрудненія. Съ царской стороны были убѣждены, что королевичъ приметъ Православіе и крещеніе по Православному обряду, а съ королевичевой стороны настойчиво стали отказывать въ этомъ.

---

[1]) Въ этотъ ли разъ или прежде, во время торжественныхъ встрѣчъ, королевичъ подарилъ царевичу богатѣйшую алмазную *запану*, которую мастера Золотой полаты, Нѣмцы, оцѣнили въ 6722 рубля. На ней было въ гнѣздахъ 54 алмаза большихъ и малыхъ, да на спняхъ вислыхъ 32 алмаза большихъ и малыхъ. Богато было и влагалище (футляръ), въ которомъ она сохранялась, деревянное, обитое лазоревымъ бархатомъ и обнизанное жемчугомъ съ канителью. Впослѣдствіи, въ 1651 г. уже, царствовавшій послѣ отца царевичъ повелѣлъ эту запану нашить на свою шапку бархатную шефранную (цвѣтомъ) двоеморхую, околъ соболій, а потомъ въ 1653 г. эта запана была нашита на новую шапку бархатъ червчатъ двоеморхъ (Госуд. Большая Шкатула, изд. С. Н. Кологривова, стр. 172).

Уже съ 6 февраля началась переписка по этому предмету, не личныя сношенія, а переписка, которая повела къ тому, что королевичъ 26 февраля сталъ просить отпуска, уѣхать изъ Москвы хоть сейчасъ же. Въ этомъ его особенно настроивалъ его пасторъ, а также и другія лица свиты.

Опасаясь, что королевичъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ тайно убѣжать изъ Москвы, царь повелѣлъ сторожить его, для чего и поставленъ былъ стрѣлецкій караулъ во всѣхъ дворахъ вокругъ Борисовскаго двора, подъ предлогомъ, что 25 марта наступаетъ праздникъ Благовѣщенія, когда происходитъ въ народѣ много скоморошества и пьянаго буйства.

Недѣли черезъ двѣ эта сторожба была снята. Между тѣмъ во все время съ царской стороны не пропускали случая, чтобы убѣдить королевича принять Православное крещеніе.

9 апрѣля затѣяли для него трехдневную охоту въ сопровожденіи избранныхъ лицъ: Василія Ив. и Семена Лукьян. Стрѣшневыхъ и Ловчаго, которые должны были и при такомъ развлеченіи уговаривать и убѣждать королевича присоединиться къ Русской церкви. Но ничто не помогало. Въ увѣщаніи королевича едва ли не первымъ двигателемъ этого дѣла былъ самъ патріархъ Іосифъ. Онъ, между прочимъ, полагалъ, что убѣдить королевича разборомъ его вѣры передъ лицомъ правды Православія, и для того назначилъ нѣсколько духовныхъ лицъ побесѣдовать и обсудить вопросъ съ доказательствами въ пользу Православной правды, истины. 28 апрѣля состоялось это преніе о Вѣрѣ и повело къ тому, что королевичъ рѣшился самъ-другъ тайкомъ убѣжать изъ Москвы.

9 мая во второмъ часу ночи онъ вознамѣрился исполнить это но въ Тверскихъ воротахъ Бѣлаго города его остановили стрѣльцы, хотя и достаточно хмельные по случаю праздника Николина дня. Это обстоятельство происходило такъ. Въ упомянутый полуночный часъ человѣкъ 30 конныхъ и пѣшихъ Нѣмцевъ появились у Тверскихъ воротъ и вознамѣрились силою проломиться въ ворота, стрѣльцы не допустили ихъ до этого, вслѣдствіе чего послѣдовала даже кровавая борьба: Нѣмцы стали стрѣлять изъ пистолетовъ и колоть шпагами стрѣльцовъ, но все-таки были прогнаны отъ воротъ. Одного изъ Нѣмцевъ стрѣльцы взяли въ плѣнъ, того самаго дворянина, съ которымъ королевичъ хотѣлъ убѣжать. Самъ королевичъ успѣлъ возвратиться домой. Послѣ того, когда стрѣльцы

ввели плѣннаго въ Кремль, то, поровнявшись съ соборомъ Николы Гостунскаго, они были встрѣчены прибѣжавшими отъ Борисовскаго двора Нѣмцами, которые начали колоть ихъ шпагами, одного убили до смерти, 6 человѣкъ ранили и отбили плѣннаго. Оказалось, что убилъ стрѣльца самъ королевичъ, бывшій въ числѣ другихъ своихъ слугъ. Онъ и не скрывалъ своего грѣха и заявилъ боярину Сицкому, что-де хотѣлъ убѣжать за Тверскія ворота и убилъ стрѣльца, потому что онъ очень желаетъ уйти изъ Москвы, а его напрасно задерживаютъ.

Конечно, царь не помедлилъ заявить ему свое великое неудовольствіе по этому поводу.

Между тѣмъ пренія о Вѣрѣ настойчиво продолжались съ обѣихъ сторонъ. Патріархъ прислалъ королевичу письмо на столбцѣ чуть не въ 48 саженъ, а пасторъ написалъ цѣлую книгу въ защиту своей Вѣры. Эти пренія отчасти происходили и въ Борисовскихъ хоромахъ въ присутствіи самого королевича, который хвалился, что онъ грамотенъ лучше всякаго попа, библію прочелъ пять разъ и всю ее помнитъ и можетъ говорить отъ книгъ сколько угодно.

Съ царской стороны почти ежедневно и словесно и письменно убѣждали королевича принять Русское крещеніе, перемѣнить Вѣру, а королевичъ также почти ежедневно просилъ отпустить его совсѣмъ домой. Отпускъ вслѣдствіе посольскихъ сношеній съ отцомъ королевича затягивался день ото дня. Время проходило въ пререканіяхъ о Вѣрѣ и въ большихъ стараніяхъ съ царской стороны убѣдить королевича на перемѣну вѣры, почему съ нимъ поступали попрежнему съ великимъ вниманіемъ и дружелюбіемъ, доставляя ему всевозможныя удовольствія и развлеченія. Между прочимъ онъ пристрастился къ полевой охотѣ.

12 іюля 1644 г. насталъ день царскаго рожденія. Слѣдовало бы позвать королевича къ царскому столу, но теперь государь прислалъ ему обѣдъ на домъ въ 250 блюдъ, все рыбныхъ и пирожныхъ.

19 іюля королевичъ ѣздилъ очень нарядно на охоту, на очень веселое мѣсто въ 5 верстахъ отъ Москвы. Затѣмъ съ 25 августа онъ снова на то же мѣсто ѣздилъ на охоту и увеселялся тамъ шесть дней, до 31 августа. Только по необходимости онъ долженъ былъ возвратиться въ Москву, потому что въ то время прибылъ

посолъ Турецкаго Салтана, и царь Михаилъ пожелалъ, чтобы королевичъ видѣлъ торжество пріема этого посла. Самъ царевичъ Алексѣй Михаиловичъ пришелъ звать королевича смотрѣть посольское шествіе. Потомъ государь пригласилъ королевича къ своему столу, послѣ котораго королевичъ оставался у государя до 8 часовъ вечера. Ему при этомъ оказывали всю *русскую вѣжливость* и вновь щедро одарили его. Это было 10 сентября. На другой день, 11 сентября, царевичъ опять навѣстилъ королевича и «время прошло у нихъ въ любви и дружескомъ расположеніи».

Такое дружелюбіе заставило и королевича позвать тоже и къ себѣ въ гости самого государя съ царевичемъ. День для пира былъ назначенъ 17 сентября. Царь и царевичъ пришли въ Борисовскій дворецъ упомянутымъ внутреннимъ дворцовымъ ходомъ. Еще не входя въ королевичевы покои, государь послалъ требованіе, чтобъ королевичъ и его свита сняли свои шпаги, такъ какъ по русскому обычаю не водится, чтобы въ присутствіи государя кто бы то ни было имѣлъ при себѣ оружіе. Королевичъ доказывалъ, что, напротивъ, по ихъ нѣмецкимъ обычаямъ оружіе и носится въ честь государю и въ оборону ему. Государь, наконецъ, уступилъ ласковому хозяину.

«Потомъ царь и царевичъ введены были въ столовую комнату, и подана имъ вода, а послѣ того, какъ они, наконецъ, и графъ усѣлись, и послѣдній подалъ и поставилъ передъ ними разныя кушанья, царь сдѣлалъ начало обѣду, а царевичъ еще воздерживался, безъ сомнѣнія, потому, что графъ ничего не подалъ ему особенно, а, слѣдовательно, не исполнилъ Русскаго обычая. Замѣтивъ это, графъ началъ подавать изъ своихъ рукъ и ему, и онъ тотчасъ же сталъ кушать. Послѣ того графъ предложилъ царю здоровье Его Царскаго Величества, и такъ далѣе. Потомъ стали обѣдать князья и камеръ-юнкеры, пришедшіе съ царемъ и царевичемъ. По Русскому обычаю, графъ два раза изъ своихъ рукъ подносилъ имъ поочередно по чаркѣ водки, каждаго одѣлилъ вкуснымъ кушаньемъ со стола и пожаловалъ по полуфляжкѣ испанскаго вина. При этомъ можно было видѣть обычаи вѣжливости. По окончаніи стола царь пожелалъ, чтобы графъ и своихъ людей почтилъ напиткомъ; этотъ отговаривался, полагая, что совсѣмъ неприлично подносить своимъ людямъ, которые находились тутъ для прислуги Его Царскому Величеству. Если же царю

угодно изъявить свою милость графскимъ людямъ, то онъ можетъ пожаловать ихъ изъ своихъ рукъ, о чемъ графъ и проситъ его.

«Царь соизволилъ на это и потомъ жаловалъ чаркою водки по порядку всѣхъ и каждаго, бывшихъ у стола въ графскихъ покояхъ. Послѣ него царевичъ тоже подносилъ всѣмъ изъ своихъ рукъ и изъ той же золотой чарки. Царю было угодно, чтобы и графъ оказалъ такую же милость своимъ служителямъ; этотъ и согласился, но только съ тѣмъ, чтобы сначала поднести и пожаловать изъ своихъ рукъ людямъ Его Царскаго Величества. Межъ тѣмъ трубачи и литаврщики были готовы къ услугамъ графа, который велѣлъ узнать чрезъ переводчиковъ, угодно ли царю послушать ихъ? А такъ какъ это было угодно, то пили здоровье и трубили изо всей мочи. Такое увеселеніе продолжалось нѣсколько времени. Со стороны царя и царевича великая любовь и расположеніе къ графу изъявлялись въ очень ласковыхъ словахъ, тѣлодвиженіяхъ и объятіяхъ. Графъ тоже отдавалъ имъ должное во всемъ, насколько дозволяла ему совѣсть. Тогда дворецкій царевича, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, почелъ удобнымъ сказать что-нибудь о перемѣнѣ Вѣры; для того и подошелъ къ царю, царевичу и графу, съ такими словами: «Большая отрада видѣть столь великую любовь и дружбу между такими государями; но еще больше радости было бы у всѣхъ, кабы могли они сойтись и въ Вѣроисповѣданіи». На это царь перемигнулся съ нимъ, но графъ отвѣчалъ, что любовь и дружество могутъ быть и остаться безъ соединенія въ Вѣроисповѣданіи. «Но тогда, отвѣчалъ дворецкій, такая любовь и искренняя дружба будутъ еще больше и постояннѣе, чѣмъ когда-нибудь, и всѣ высшаго и низшаго званія люди, духовные и миряне, порадуются, полюбятъ его графскую милость и станутъ отдавать ему такія же почести, какъ и Его Царскому Величеству и царевичу». «Его Царское Величество, отвѣчалъ графъ, и безъ того оказываетъ ему большой почетъ, и графъ отдаетъ ему должную справедливость въ томъ, а при случаѣ готовъ отплатить ему за то своею кровью. Но чтобы мѣнять Вѣру, отказаться отъ крещенія и принять Вѣру и крещеніе Его Царскаго Величества, этого не будетъ и не должно быть ни вовѣки-вѣковъ, въ чемъ и теперь, какъ и прежде, желалъ бы онъ увѣрить царя».

«Такъ этотъ разговоръ и кончился. Черезъ нѣсколько времени

послѣ того царь и царевичъ пожелали посмотрѣть садъ, отведенный графу; ихъ проводили въ новоустроенную бесѣдку, гдѣ царь и сѣлъ, направо отъ него помѣстился царевичъ, а налѣво графъ. Расположеніе и довѣріе возрастали все больше и больше, да и стало замѣтно на царѣ и на графѣ, что въ подчиваньи напитками недостатка не было. Въ знакъ совершеннаго расположенія, по ходатайству царя и царевича, прощены и приняты опять на службу нѣкоторые графскіе служители, провинившіеся въ дерзости къ одному изъ высшихъ офицеровъ графа, осужденные было на смерть и уже посаженные въ темницу; а по заступничеству его графской милости царь освободилъ одного, взятаго подъ стражу, нѣмца за убійство какого-то Русскаго. Потомъ, когда, по случаю суроваго вечерняго воздуха, графъ велѣлъ принести себѣ шапку, шитую серебромъ и золотомъ и подбитую соболями, и накрылся ею, царю угодно было посмотрѣть ее. Онъ и снялъ ее съ графа, осмотрѣлъ и надѣлъ себѣ на голову, а свою черную бархатную, обложенную сзади и спереди черными лисицами и немного жемчугомъ, надѣлъ на графа, который тотчасъ же снялъ ее опять и притомъ сказалъ въ шутку: «Славно! Пусть всякой оставитъ у себя, что у него въ рукахъ!» Когда переводчикъ растолковалъ эти слова по-русски, царю они понравились, и онъ не требовалъ назадъ своей шапки. Графъ и не воображалъ того: тотчасъ же сталъ очень извиняться, что не думалъ о томъ въ самомъ дѣлѣ, да и зналъ, что ему неприлично имѣть такія притязанія и пользоваться шапкой, которою накрывался прежде Его Царское Величество.

«Отвѣтъ былъ тотъ, что царю такъ угодно почтить графа, который и надѣлъ на себя эту шапку, изъявляя свое удовольствіе. Дворецкій, Б. И. Морозовъ, вообразилъ, что это ему на руку, подошелъ въ другой разъ и заговорилъ о Вѣрѣ, въ томъ мнѣніи, что сослужитъ своему государю. Замѣтивъ и понявъ изъ графскаго отвѣта, что такія рѣчи надоѣдаютъ, царь велѣлъ отойти боярину; спьяна этотъ было заупрямился, но тогда всталъ, наконецъ, царевичъ, схватилъ его за кафтанъ на груди и велѣлъ идти вонъ, а двое дворянъ тотчасъ же и увели его. По отправленіи дворецкаго, жалованье водкою все продолжалось. Царь казался очень милостивымъ особливо ко всѣмъ низшаго разряда людямъ графа, стоявшимъ кругомъ бесѣдки и прислуживавшимъ, и жаловалъ на-

питкомъ каждаго изъ своихъ рукъ. Между царемъ, царевичемъ и графомъ ничего нельзя было замѣтить другаго, кромѣ великаго расположенія и дружбы, и особенной милости къ графскимъ служителямъ. Напослѣдокъ, такъ какъ была уже полночь, царь и царевичъ пожелали вернуться домой. Графъ провожалъ ихъ. Когда же царь былъ уже недалеко отъ воротъ сада, гдѣ стояли и играли трубачи съ литаврщиками, и увидалъ ихъ, онъ остановился. Когда музыканты сыграли, онъ пожелалъ послушать еще, они снова играли по его желанію, а между тѣмъ принесли стулъ, на которомъ онъ и сѣлъ; направо отъ него стоялъ царевичъ, налѣво графъ. Трубачи перестали. Тогда графъ предложилъ царю, что въ честь Его Царскаго Величества онъ самъ будетъ бить въ литавры, если только угодно ему послушать. Царь изъявилъ свое желаніе. Графъ снялъ съ себя шпагу, но, когда хотѣлъ было принять ее одинъ изъ служителей, царь взялъ ее къ себѣ и, оглядѣвши очень внимательно, обнажилъ, повертѣлъ ею въ воздухѣ, вложилъ опять въ ножны и отдалъ. Графъ ударилъ потомъ въ литавры, и это особенно понравилось царю: онъ благодарилъ его объятіемъ и неоднократнымъ дружескимъ поцѣлуемъ. То же сдѣлалъ и царевичъ, послѣ чего пили здоровье. Графъ проводилъ царя высокимъ ходомъ до его дворца, гдѣ оба благодарили другъ друга и потомъ разстались. На другой день явился къ графу царевичъ и благодарилъ за оказанную вчера любовь, дружбу и честь, а черезъ два часа простился немедленно».

Здѣсь мы приводимъ разсказъ объ этомъ обѣдѣ изъ подлинной записки о пребываніи королевича въ Россіи, составленной участникомъ-очевидцемъ этого пребыванія. Подробности разсказа тѣмъ особенно любопытны, что описываютъ едва ли когда случившійся въ царскомъ быту обѣдъ Московскаго государя въ гостяхъ у своего же гостя, прибывшаго въ Москву королевича. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти подробности раскрываютъ простоту царскаго обхожденія съ иноземцами и противоположность нѣкоторыхъ обычаевъ Европейскихъ съ Московскими, именно въ отношеніяхъ къ низшимъ служителямъ.

Прошло уже 9 мѣсяцевъ, а свадебное дѣло не подвигалось ни на волосъ. 29 дек. 1644 г., по случаю пріѣзда и пріема Персидскаго посла, царевичъ Алексѣй Михаиловичъ опять пришелъ къ королевичу и позвалъ его посмотрѣть шествіе Персіанъ, а

потомъ пригласилъ его въ свои хоромы на угощенье. Къ концу пированья вошелъ въ комнату царевича и самъ государь, дружелюбно обласкалъ гостя и снова повторилъ свою просьбу принять Русскую Вѣру и снова получилъ рѣшительный отказъ со стороны королевича. Заявивъ ему и съ своей стороны, что свадьба ни въ какомъ случаѣ не состоится, если онъ не приметъ крещеніе, что и отпуску ему не будетъ, царь разстался съ королевичемъ въ неудовольствіи.

Но на другой день царевичъ все-таки пришелъ опять къ упрямому гостю и потѣшилъ его медвѣжьей травлей.

1 марта именинница царица Евдокѣя Лук. прислала по Русскому порядку обычный обѣдъ королевичу. Онъ сказался нездоровымъ и не принялъ кушанье самолично, оно было передано его дворецкому.

Сколько не ухаживали за дорогимъ женихомъ, онъ не подавался и мыслилъ такъ, что готовъ въ собственной крови креститься, чѣмъ согласиться на желаніе царя и принять Русское крещеніе.

Государь думалъ и всѣ бояре, что королевича смущаютъ и научаютъ упорствовать его пасторъ и его приближенные, а потому время отъ времени и повторялъ свое желаніе. Но все было напрасно.

Пререканія и исповѣдные споры съ Нѣмцами перенеслись потомъ и на улицу въ народную толпу. Въ это время, въ концѣ февраля 1645 г., прибыли въ Москву Донскіе казаки.

Они представлялись государю, были хорошо угощены и, возвращаясь очень веселыми изъ Кремля, встрѣтили Нѣмца, быть можетъ, чѣмъ-либо оскорбившаго ихъ, напали на него и ограбили (обобрали). Въ другой разъ, также поссорившись, казаки совершили даже кровавую расправу, двоихъ Нѣмцевъ убили.

Какъ королевичъ проводилъ иногда на Борисовскомъ дворѣ время, объ этомъ есть, впрочемъ, случайное свидѣтельство.

25 іюня 1645 г. было донесено государю, что королевичъ заболѣлъ сердечною болѣзнью, сердце щемитъ и болитъ, что скушаетъ пищи или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ и если скорой помощи не подать, то можетъ, пожалуй, умереть. Но на другой же день постельный сторожъ Русскій разсказалъ, что 25 числа королевичъ кушалъ въ саду, съ нимъ были его придворные и

были всѣ веселы, ѣли и пили попрежнему. Послѣ ужина королевичъ гулялъ въ саду долго, а придворные ушли въ хоромы и тамъ пили вино и романею и рейнское и иное питье до втораго часу ночи. Были всѣ пьяны, играли въ цымбалы.

Дѣло о свадьбѣ тянулось безъ пользы для обѣихъ сторонъ. 12 іюля 1645 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ померъ. Передъ самою кончиною государя, 4 іюля, по настоянію Польскаго посла, назначено было опять богословское преніе о Вѣрѣ, именно въ присутствіи посла. Гдѣ происходила эта бесѣда, неизвѣстно, но когда прибыли туда королевичевы придворные, то они должны были пройти черезъ нѣсколько тысячъ народа, слѣдовательно въ преніяхъ уже принимала участіе улица или всенародное общество.

Бесѣда и пренія попрежнему окончились ничѣмъ, а потому въ народѣ распространилось большое неудовольствіе на пастора, такъ что государь принужденъ былъ увѣрить его въ полной безопасности отъ всякихъ угрозъ.

Съ кончиною государя дѣло приняло другой оборотъ, очень благопріятный для королевича. Новый шестнадцатилѣтній царь Алексѣй Мих., всегда оказывавшій самое дружелюбное расположеніе королевичу, очень скоро порѣшилъ вопросъ и объ его отпускѣ.

Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ упросить королевича перекреститься въ Русскую Вѣру молодой государь и все общество бояръ приговорили покончить дѣло почетнымъ отпускомъ королевича къ дому. Между тѣмъ въ народѣ ходило большое негодованіе на Нѣмцевъ по этому поводу. По свидѣтельству ихъ записки, 24 іюля было совѣщаніе въ толпѣ, какъ бы половчѣе свернуть шею королевичу и его людямъ, но, къ счастію, такія кровопролитныя затѣи не совершились.

Наконецъ, послѣ торжественнаго пріема въ Золотой полатѣ 13 августа, королевичъ 20 августа также торжественно выѣхалъ изъ Москвы, оставивъ Цар採борисовскій дворъ опустѣлымъ.

Ровно черезъ семь лѣтъ, въ августѣ 1652 г. 15 числа, Царебарисовскій дворъ былъ пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ новопоставленному патріарху Никону въ домъ Пресв. Богородицы, въ Успенскій соборъ, почему съ этого времени

исторія Борисовскаго двора сливается уже съ исторіей Патріаршаго Дома, о которомъ будемъ говорить въ особой статьѣ.

Передъ тѣмъ какъ состоялось пожалованіе двора патріарху, царь Алексѣй Мих. не одинъ разъ на Борисовскомъ дворѣ увеселялся медвѣжьею потѣхою. Въ 1648 г. генваря 4 Ловчаго пути охотникъ Тимоѳей Невѣровъ возился съ ступнымъ медвѣдемъ, который изодралъ на немъ однорядку и кафтанъ. То же повторилось съ Невѣровымъ и въ 1649 г. февраля 3.

Оканчивая Цареборисовскимъ дворомъ, мы обозрѣли правую сторону Троицкой улицы, начиная отъ Троицкихъ воротъ.

Теперь возвратимся къ этимъ воротамъ и пройдемъ по лѣвой сторонѣ Троицкой улицы. Какъ упомянуто, у самыхъ воротъ находился дворъ дохтура Валентина Билса, потомъ слѣдовало устье Житницкой улицы и расположенный на ней дворъ кн. Голицына, послѣ принадлежавшій Стрѣшневу. Этотъ дворъ, занимавшій по Житницкой улицѣ 57 саж., занималъ и по Троицкой 55 саж., выходя своимъ угломъ къ св. воротамъ Троицкаго подворья и оканчивая свою линію по Троицкой улицѣ противъ Цареборисовскаго двора.

За межою этого двора находился каменный конюшенный дворъ патріарха, обозначенный и на Годуновскомъ планѣ. Широта патріаршаго быта, конечно, не умѣщалась уже въ предѣлахъ древняго митрополичья двора и должна была распространиться отъ своей старинной межи и черезъ Троицкую улицу, гдѣ рядомъ съ Голицынскимъ дворомъ было занято мѣсто и для патріаршихъ конюшенъ.

По улицѣ этотъ Конюшенный дворъ занималъ саженъ 20, а внутрь двора 27 саж.; къ Никольской улицѣ онъ граничилъ съ дворами поповъ, выходившими на эту улицу, въ томъ числѣ съ дворомъ попа Владиміра, находившимся на углу улицы, противъ угла Цареборисовскаго двора.

На этомъ Конюшенномъ дворѣ размѣщались не только конюшни, но также и каретные амбары и сараи. И лошадей, и каретъ у патріарха было не мало. Напримѣръ, въ 1630 году, въ августѣ, на домовый патріаршій обиходъ было куплено въ табунѣ ногайскихъ лошадей 23 лошади за 61 р. 27 алт. 4 деньги,

всѣ лѣтами по 3 года; различной масти,—буланыя, гнѣдыя, чалыя, сѣрыя, карія, бурыя, коурыя, пѣгія, рыжія, мухортыя, иныя со звѣздою во лбу.

Это было при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, когда патріаршій дворъ мало-по-малу только что приходилъ въ должное устройство. Но съ расширеніемъ патріаршаго быта во второй половинѣ XVII ст. представилась необходимость увеличить помѣщеніе Конюшеннаго двора, а потому патріархъ въ 1676 г. выпросилъ у государя присоединить къ этому двору смежный и тогда пустой дворъ ключаря Благовѣщенскаго собора, объясняя, что «Конюшенный его дворъ гораздо тѣсенъ, никакими конюшенными обиходы убратца, обиходныхъ и подъемныхъ лошадей держать негдѣ, а которыя де по нуждѣ для выходовъ лошади держатца на стойлахъ, и тѣмъ отъ утѣсненія чинится поруха великая».

По этому случаю былъ описанъ и дворъ ключаря Вас. Климонтова, о которомъ мы упоминали при обозрѣніи Никольской улицы.

Однако и этимъ приращеніемъ земли патріархъ не удовлетворился и въ 1683 г. для округленія межи своего Конюшеннаго двора выпросилъ у государя новую небольшую прибавку изъ двора Стрѣшнева въ длину по всему Конюшенному двору, а поперекъ въ переднемъ концѣ, по Троицкой улицѣ, 3 саж., а въ заднемъ 6 саженъ, объясняя опять, что его Конюшенный дворъ тѣсенъ и каменнаго строенія за утѣсненіемъ построить негдѣ и въ пожарное время лошадей вывесть не успѣть, а каменные запасы на то строеніе изготовлены.

Въ 1691 г. на этомъ каменномъ уже дворѣ, находившемся противъ заднихъ воротъ домоваго *большого* патріаршаго двора, описаны слѣдующія каменныя постройки: три полаты жилыя въ два этажа; конюшня въ 31 стойло, надъ нею сушило; на дворѣ 10 чулановъ на столбахъ; подлѣ конюшни особая конюшня стадныхъ лошадей безъ стойлъ; полата кладовая. Въ нижнемъ этажѣ одной изъ трехъ упомянутыхъ полатъ, подлѣ печи, съ надворья, былъ сдѣланъ горнъ, а въ немъ котелъ желѣзный для разогрѣванія воды лошадямъ, мѣрою ведеръ въ 8 и больше.

Въ коретныхъ амбарахъ помѣщалась 9 коретъ, болѣе или менѣе богато украшенныхъ, 1 полукорета, 3 коляски, возокъ

29 саней походныхъ, 7 телѣгъ, въ которыхъ возилась Ризная и другая всякая казна, 9 телѣгъ походныхъ, 17 телѣгъ Черкасскихъ, 7 телѣгъ простыхъ, 53 саней-болковни, 20 саней-дровни, и разные конюшенные и коретные приборы, сѣдла, полсти, попоны и пр.

По указу Петра 1702 г., Конюшенный патріаршій дворъ назначенъ былъ къ разборкѣ для помѣщенія здѣсь строительныхъ матеріаловъ при постройкѣ Арсенала, которая на нѣсколько лѣтъ была остановлена, и потому упомянутый дворъ и при немъ церковь Пятницы были окончательно разобраны уже въ 1722—1723 гг. (Дѣла Московскаго Отдѣленія Военнаго Архива).

Такимъ образомъ, на Троицкой улицѣ, идя отъ Троицкихъ воротъ по лѣвой сторонѣ, существовали дворы: 1) доктора Валентина Билса, 2) Богдана Бѣльскаго, потомъ кн. Ивана Голицына, впослѣдствіи принадлежавшій Стрѣшневу, 3) Конюшенный дворъ патріарха, 4) дворъ попа Владиміра.

Улица оканчивалась *Никольскимъ Хрьстцомъ*, перекресткомъ улицъ Никольской, проходившей къ Ивановской площади, и Троицкой, направлявшейся въ Чудовскую улицу мимо Чудова и Вознесенскаго монастырей къ Кремлевской Спасской стѣнѣ и къ Новоспасскому подворью.

Между зданіями Цареборисовскаго двора и Чудова монастыря Никольская улица имѣла ширины всего 3 саж. На этой межѣ противъ Царь-Пушки, въ 3 саж. отъ стѣны Чудовскаго зданія, въ 1882 году обнаружился провалъ, гдѣ былъ открытъ прекрасно сложенный изъ бѣлаго камня погребъ съ щелевидными окнами вверху на уровнѣ улицы, принадлежавшій къ Цареборисовскому строенію.

Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что прямую улицу отъ Никольскихъ воротъ къ Соборной площади провелъ впервые вел. князь Иванъ III около 1500 года. Въ древнее время и въ половинѣ XV ст. мѣстность упомянутаго перекрестка, гдѣ впослѣдствіи было выстроено зданіе Чудова монастыря, была занята боярскими дворами, именно дворами извѣстныхъ дѣятелей Шемякиной смуты, Петра, Ивана и Никиты *Константиновичей*, какъ, только по отечеству, именовали ихъ лѣтописцы. Родъ Константиновичей происходилъ отъ Касожскаго князя Редеди, котораго въ единоборствѣ побѣдилъ Мстиславъ Тмутороканскій въ 1022 году. Отецъ ихъ

былъ Константинъ Ивановичъ, прозваніемъ Добренскій, по селу, гдѣ живалъ. При вел. князѣ Василіи Дмитріевичѣ, по всему вѣроятію, онъ занималъ мѣсто Суздальскаго или Ростовскаго намѣстника, какъ и сынъ его Петръ былъ намѣстникомъ Ростовскимъ, быть можетъ, послѣ отца. Это былъ тотъ Петръ Константиновичъ, который въ 1433 г. на свадьбѣ Василія Темнаго узналъ на Васильѣ Дм. Косомъ подмѣненный у Дмитрія Донскаго золотой поясъ и сказалъ о томъ вел. княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, которая не помедлила и отняла поясъ у Косаго, изъ-за чего возникла нескончаемая вражда между князьями, настала Шемякина смута. Другой, младшій Константиновичъ, Никита, дѣйствуя въ пользу Шемяки, захватилъ у Троицы въ плѣнъ несчастнаго вел. князя Василія Васильевича.

Когда смута окончилась и вел. князь восторжествовалъ, то, само собою разумѣется, Константиновичи подверглись опалѣ и дворы ихъ поступили въ государево владѣнье. Эти дворы примыкали къ стоявшей въ этой мѣстности церкви Рождества Христова, о которой мы упоминали выше, стр. 440, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали мѣстность Чудовской улицы и теперешняго зданія Чудова монастыря.

Сначала дворы Константиновичей по духовной вел. князя Василія Темнаго были отказаны въ 1462 г. его княгинѣ съ указаніемъ, что кому изъ дѣтей она захочетъ, тому и отдастъ. Она отдала ихъ государю Ивану Вас., который въ своей духовной 1504 г. отказывалъ ихъ своимъ сыновьямъ Юрью, Дмитрію, Семену, Андрею, а потомъ по тѣмъ мѣстамъ онъ проложилъ прямую улицу отъ Никольскихъ воротъ къ площади и въ томъ же 1504 году, взамѣнъ этихъ дворовъ, отдалъ сыновьямъ другіе дворы и остатокъ мѣстъ Константиновичей, не вошедшихъ подъ улицу и лежавшихъ возлѣ Чудова монастыря, гдѣ тогда жилъ, въ переулкѣ, протопопъ Благовѣщенскій Ѳома, вѣроятный духовникъ вел. князя, послѣ котораго это мѣсто оставалось навсегда за государевыми духовниками.

Вблизи двора Константиновичей находились дворы князей Оболенскихъ, Григорья да Петра Ѳедоровичей Давыдовыхъ, Василья Ѳед. Сабурова (съ 1465 г. бояринъ) и другихъ, которые простирались уже по нынѣшней площади передъ Чудовымъ монастыремъ и Николаевскимъ дворцомъ.

Изъ князей Оболенскихъ здѣсь жили кн. Александръ Васильевичъ, кн. Иванъ Вас. Стрига, князья Василій и Ѳедоръ Васильевичи Телепни. Князь Ѳедоръ былъ отцомъ кн. Ивана Ѳедоровича Овчины-Телепнева, знаменитаго любимца Великой княгини Елены Глинскихъ.

ПАТРІАРШІЙ ДОМЪ.

Обзоръ зданій.

Первое основаніе Митрополичьему, впослѣдствіи Патріаршему двору положилъ святитель Петръ, основатель политическаго величія и могущества самой Москвы. Съ большою вѣроятностью можно полагать, что онъ поселился на этомъ мѣстѣ въ одно время съ начатою имъ постройкою Успенскаго собора, который имъ же былъ заложенъ здѣсь въ 1326 (или въ 1325) году. «Того же лѣта (6833), говоритъ лѣтописецъ, преосвященный Петръ, митрополитъ Кіевьскій и всеа Руси, заложи на Москвѣ *на площади у своего двора* церковь прьвую камену Успеніе св. Богородицы, соборная, и заложи себѣ гробъ своими руками въ стѣнѣ близь жертвенника, идѣже послѣди и положенъ бысть, иже и нынѣ лежитъ, многи чюдеса содѣвая съ вѣрою приходящимъ къ нему» (П. С. Л., X, 190).

Въ одномъ изъ позднихъ лѣтописномъ сборникѣ читаемъ: «Въ лѣто 6833 (1325) Петръ митрополитъ на Москвѣ, въ маломъ томъ градѣ, постави дворъ свой идѣже и до днесь; подлѣ же двора своего заложи церковь первую каменую Успенія Пресв. Богородицы, соборную, при князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ и при братѣ его князѣ Юрьѣ Даниловичѣ, и гробъ заложи въ стѣнѣ близь жертвенника» (Рукопись Историч. Музея, инв. № 29, 278).

Тогда упомянутая мѣстность представляла обширную площадь, свободное пространство передъ дворомъ вел. князя, какое въ древнемъ устройствѣ Русскаго жилища, сколько-нибудь богатаго и знатнаго, въ особенности Великокняжескаго, всегда оставлялось впереди хоромъ для простора со стороны пріѣзда къ хоромамъ. По старому обычаю въ Москвѣ до времени преобразованій Петра Вел. всѣ знатные и богатые люди строили свои хоромы неотмѣнно

въ глубинѣ двора, отдѣляя болѣе или менѣе обширную площадь впереди своего жилья.

Святитель для постройки соборнаго храма, перваго каменнаго на Москвѣ, избралъ мѣсто на Великокняжеской городской площади на сѣверной ея сторонѣ и дальше къ сѣверу на краю площади, передъ сѣверными дверьми храма, основалъ свое жилище.

Если линія теперешнихъ каменныхъ полатъ Сѵнодальнаго дома (Альбомъ видовъ, № XIX) указываетъ на первоначальную межу первыхъ зданій митрополичьяго жилища, въ чемъ едва ли возможно сомнѣваться, то разстояніе отъ стѣны перваго Успенскаго храма до жилища святителя простиралось всего саженъ на десять и даже менѣе.

Въ исторической литературѣ по этому предмету существуютъ иныя свидѣтельства. По слѣдамъ авторитетнаго въ свое время историка Москвы И. М. Снегирева и донынѣ эти свидѣтельства разсказываютъ, что строителемъ владычнаго двора на этомъ мѣстѣ былъ патріархъ Никонъ, что «со временъ Петра митрополита до Іоны митрополичій домъ находился при древней церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ; что только Іона перенесъ свое мѣстопребываніе ближе къ Успенскому собору; въ 1450 г. онъ заложилъ противъ *западнаго* входа въ соборъ каменную полату и въ ней церковь Положенія Ризы Пресв. Богородицы и тѣмъ положилъ основаніе митрополичьему двору предъ западными вратами собора»; что «эта церковь существуетъ и въ настоящее время, но считается уже дворцовою со времени патр. Никона, который перешелъ жить въ устроенный имъ же домъ на сѣверной сторонѣ Успенскаго собора (нынѣ Синодальный домъ)» [1]).

Снегиревъ въ своемъ описаніи Ризположенской церкви очень старался доказать, что митрополичій, а потомъ и патріаршій дворъ со времени митр. Іоны существовалъ именно при этой церкви съ западной стороны собора, что «Церковь Ризположенская была свидѣтельницей конца митрополіи Россійской и начала патріаршества». Эта задача повела автора къ самымъ неосновательнымъ заключеніямъ и къ подбору свидѣтельствъ, совсѣмъ не относящихся къ мѣстности Ризположенской церкви.

[1]) Русскій Архивъ 1893 г. № 8, статья священника Н. А. *Скворцова:* Московскій Кремль, стр. 438, 439. Памятники Московской Древности, И. Снегирева, М., 1842—1845, стр. 158—165.

Дѣйствительно, первый митрополичій домъ или дворъ въ Москвѣ находился, по преданію, при церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, но первый же св. Петръ и перенесъ свое жилище къ заложенному имъ новому храму на Великокняжеской площади и не къ западнымъ его вратамъ, гдѣ не было достаточнаго мѣста для цѣлаго двора, а именно на сѣверную сторону храма, гдѣ, на краю площади, мѣстность позволяла устроить дворъ съ должною обширностью для хоромъ владыки съ подчиненными необходимыми строеніями.

Съ западной стороны, куда примыкало своими частями и жилище вел. князя (не болѣе какъ на разстояніи 20 саж. отъ собора), возможно было выстроить только одну полату, да и та значительно стѣнила бы пространство передъ передними главными (западными) дверьми собора во время церковныхъ дѣйствъ.

Вообще же относительно перемѣщенія владычняго двора надо сообразить и другія обстоятельства. Закладывая на новомъ мѣстѣ соборный храмъ и собственными руками устроивая у его стѣны собственную гробницу, могъ ли святитель Петръ оставаться въ такой дали отъ этого сооруженія, которая существовала между церковью Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ и новозаложеннымъ храмомъ? И какимъ путемъ святитель долженъ былъ ходить или ѣздить къ новому, столь ему любезному дѣлу? Дорога пролегала или черезъ Великокняжескій дворъ, или же вокругъ этого двора по западной и сѣверной его окраинѣ, по его задамъ, гдѣ она была еще длиннѣе. И это въ то время, когда постройка новыхъ хоромъ, обычно деревянныхъ, ни въ строительномъ матеріалѣ, ни въ продолжительности времени работъ не представляла ни малѣйшихъ затрудненій. Въ то время и въ одинъ мѣсяцъ возможно было выстроить достаточно обширныя хоромы. Такимъ образомъ, вышеприведенная отмѣтка лѣтописи, что святитель заложилъ новый храмъ у *своего двора*, вполнѣ достовѣрна и съ полнымъ основаніемъ можно полагать, что святитель переселился къ новозаложенному храму въ то еще время, какъ только начали копать рвы для его основанія. Тогда же или незадолго передъ тѣмъ и были поставлены жилыя хоромы, хотя бы вначалѣ и небольшія, изъ которыхъ черезъ нѣсколько шаговъ святитель могъ приходить къ своему дѣлу, устроивая себѣ вѣковѣчную гробницу. Трудно представить, чтобы для этого дѣла онъ каждый

разъ путешествовалъ отъ Боровицкихъ воротъ къ заложенному имъ храму. Однако, какъ видѣли по увѣренію Снегирева, а за нимъ и всѣхъ авторовъ, черпавшихъ свои свѣдѣнія изъ этого источника, такъ должны были путешествовать къ новому соборному храму, къ церковнымъ службамъ и по другимъ случаямъ, и всѣ митрополиты, жившіе будто бы все еще у Боровицкихъ воротъ, Ѳеогностъ, св. Алексѣй, Кипріанъ, Фотій до Іоны, проѣзжая или чрезъ Великокняжескій дворъ или объѣзжая этотъ дворъ по его задамъ. Само собою разумѣется, что такой несообразности никогда не существовало. Точно также не существовало митрополичьяго, а потомъ патріаршаго двора и на западной сторонѣ собора, гдѣ между соборомъ и Великокняжескимъ дворцомъ оставалось полаго, свободнаго мѣста всего на 20 саж. въ квадратѣ. Возможно ли было размѣстить на этомъ пространствѣ каменныя полаты и весь обширный составъ владычнихъ хоромъ съ ихъ служебными частями? Основаніемъ для этого неправильнаго заключенія послужило свидѣтельство лѣтописи, что митр. Іона въ 1450 г. «заложилъ на своемъ дворѣ полату камену *предъ дверьми* Святыя Богородицы и церковь въ полатѣ во имя Пресв. Богородицы Положеніе Честныя Ея Ризы». Лѣтописецъ не упомянулъ, передъ какими дверьми, и историкъ Москвы опредѣлилъ, что передъ западными; но существовали, кромѣ, южныхъ и сѣверныя двери, передъ которыми въ дѣйствительности и была выстроена эта полата, гдѣ святитель послѣ того устроилъ въ полатѣ и церковь Ризположенія въ память чудеснаго избавленія Москвы отъ нашествія *скорой Татарщины*, т.-е. внезапнаго нашествія Ордынскаго царевича Мазовши, что случилось уже въ 1451 г. іюля 2 на память Положенія Ризы Пресв. Богородицы. Мазовша стоялъ у города одинъ день и такъ же внезапно побѣжалъ восвояси, какъ приходилъ.

Русскій Временникъ (М., 1790 г., II, 22) прямо свидѣтельствуетъ, что церковь въ полатѣ святитель *заложилъ послѣди*. Значитъ, задумана была постройка только одной полаты, а устройство церкви въ полатѣ являлось уже событіемъ случая, спустя цѣлый годъ. Въ житіи митрополита Іоны упомянуто, какъ и вездѣ въ лѣтописяхъ, что митрополитъ «*постави* церковь, иже въ каменной полатѣ на своемъ дворѣ».

Въ лѣтописяхъ: *заложилъ* полату, въ ней же церковь... *за-*

ложилъ... Слова *постави* и *заложилъ* давали понятіе, что это былъ особый храмъ. Между тѣмъ въ похвальномъ словѣ митрополиту Іонѣ, написанномъ въ 7055 (1547) г., говорится слѣдующее: «И скоро повелѣ воздвигнути храмъ... на своемъ дворѣ въ полатѣ *въ единомъ углѣ въ доскахъ*». Стало быть, это была небольшая деревянная постройка въ одномъ изъ угловъ полаты, конечно, въ переднемъ, въ восточномъ углу.

Объ этой полатѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь утвердимся на той несомнѣнной истинѣ, что митрополичій дворъ со временъ святителя Петра и до окончанія временъ патріаршихъ находился и разростался новыми зданіями на сѣверной сторонѣ собора, гдѣ и донынѣ существуютъ его остатки подъ именемъ Синодальнаго дома.

Что касается свѣдѣнія, повсюду повторяемаго и потому ставшаго уже непреложною истиною, что этотъ Синодальный домъ построенъ патріархомъ Никономъ [1]), то источникомъ для этого свѣдѣнія, повидимому, послужила отмѣтка «Путеводителя къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ» (М. 1792 г., I, 285), гдѣ говорится, что «Синодальный домъ, прежде бывшій Патріаршій и въ старину именовавшійся Крестовою полатою, построенъ Никономъ патріархомъ въ отсутствіе царя Алексѣя Михаиловича, когда Его Величество былъ въ походѣ въ Польшѣ, въ 1655 г., и по возвращеніи въ 1656 г. въ Москву, былъ введенъ патріархомъ съ церемоніею въ оную Крестовую полату, которую самъ (патріархъ) построилъ». Авторъ ссылается на книгу патріаршихъ выходовъ въ упомянутые года, въ которой рѣчь идетъ только объ одной Крестовой и притомъ, какъ будетъ видно, о Крестовой *новой* или Малой, такъ какъ существовала Крестовая старая или Большая, что нынѣ Мѵроварная. Авторъ Путеводителя именемъ Крестовой обозначилъ и все обширное зданіе Синодальнаго дома, указывая, вмѣсто новой, на старую Крестовую, вслѣдствіе чего и выходило, что Никонъ построилъ все это зданіе. Такъ стали повторять и донынѣ повторяютъ и всѣ другіе авторы, когда касаются этого предмета. По поводу такого обстоятельства мы

---

[1]) Такъ, утверждалъ и Синодальный ризничій, архимандритъ Савва, впослѣдствіи архіепископъ Тверской. См. его «Указатель Патріаршей Ризницы и Библіотеки», въ отдѣлѣ Пояснительный Словарь, стр. 21 и 27. М., 1858 г.

принуждены снова разъяснять неправильность этихъ настойчивыхъ повтореній.

Новѣйшій изслѣдователь по этому вопросу г. Н. Писаревъ [1]) всѣми мѣрами *отстаиваетъ* эти старыя неправдоподобныя заключенія. Онъ утверждаетъ, повторяя это нѣсколько разъ, что: «Владычній дворъ отъ митроп. Петра и до патріарха Никона былъ расположенъ по западной и сѣверозападной сторонѣ Успенскаго собора (стр. 23, 24, 26, 28); что центръ Владычняго дома приходился противъ сѣверозападнаго угла Успенскаго собора; что *главныя* помѣщенія дома были расположены на западной сторонѣ отъ собора (27); что Никонъ не захотѣлъ жить въ келіяхъ своихъ предшественниковъ и избралъ новое мѣсто для своихъ хоромъ и двора (28), гдѣ и построилъ вновь полаты и дворецъ» (29), какъ выразился въ своемъ дневникѣ Павелъ Алеппскій. Эти новыя полаты и дворецъ, по объясненію г. Писарева, съ восточной стороны оканчивались церковью XII Апостоловъ (29), а съ западной доходили до церкви Ризъ-Положенія, стало быть заключали въ своемъ составѣ всѣ тѣ зданія, которыя существуютъ и донынѣ, въ томъ числѣ и Синодальную Мѵроварную полату. При этомъ авторъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Утвержденіе проф. Е. Е. Голубинскаго (въ его Исторіи Русской церкви), что митрополичій дворъ еще при м. Петрѣ былъ перенесенъ «на то мѣсто, на которомъ *остался навсегда*—на мѣсто *нынѣшней Синодальной полаты*»,—находится въ очевидномъ противорѣчіи съ твердо установленными положеніями исторической науки о перенесеніи патр. Никономъ патріаршаго двора на новое мѣсто».

Эта историческая наука (въ сочиненіи г. Писарева) представила только превратныя несообразныя толкованія извѣстныхъ свѣдѣній и въ особенности нашихъ обсужденій по этому предмету. Доказывать неправильность толкованій автора заняло бы много мѣста и къ тому же это безполезно и очень скучно.

Между многими другими яркая несообразность заключается въ слѣдующемъ.

Согласимся, что до Никона патріаршій домъ и дворъ находился на западной сторонѣ отъ Успенскаго собора, слѣдовательно всѣ извѣстія о патріаршемъ дворѣ до времени Никона должны

[1]) Домашній бытъ русскихъ патріарховъ, Казань, 1904 г.

относиться къ этому западному помѣщенію патріаршаго двора и дома. Изъ этихъ извѣстій самъ авторъ приводитъ свидѣтельства, что въ патріаршемъ домѣ въ XVI ст. существовали двѣ полаты, Большая и Бѣлая (30); въ XVII ст. у патр. Филарета находились три полаты, Крестовая, Столовая, Макарьевская; патр. Іосифъ съ 1643 г., только за 10 лѣтъ до Никона, перестроиваетъ нѣсколько полатъ начиная съ сѣней, Крестовую, Золотую, Казенную, Проходную (56).

Все это до Никона должно было существовать на дворѣ патріарховъ на западной сторонѣ отъ собора. Никонъ не захотѣлъ здѣсь жить и перенесъ свой патріаршій дворъ на новое мѣсто, на сѣверную сторону отъ собора, гдѣ и построилъ существующія донынѣ зданія. Соглашаемся! Но ставимъ вопросъ: куда же подѣвался этотъ западный патріаршій домъ и дворъ, какъ и куда исчезли всѣ упомянутыя выше полаты? И самое нареченіе Никона въ патріархи происходило на патріаршемъ дворѣ, въ Крестовой полатѣ. Куда же изчезъ этотъ дворъ съ Крестовою полатою какъ и всѣ другія полаты?

Павелъ Алеппскій, упоминая о сѣверной двери Успенскаго собора, говоритъ между прочимъ, что «насупротивъ этой двери находятся полаты и дворецъ патріарха, выстроенные имъ въ настоящее время»... Повидимому, это указаніе послужило для г. Писарева самымъ твердымъ основаніемъ почитать патр. Никона строителемъ всего Синодальнаго зданія. Но тотъ же Павелъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что Никонъ «выпросилъ у царя дворъ (Цареборисовскій) находящійся *близъ патріаршаго дома* съ сѣверной стороны собора». Далѣе, описывая Міроварную полату, Павелъ говоритъ, что однѣ ея окна выходятъ на соборъ, а съ другой стороны выходятъ на дворъ *стараго патріаршаго дома.* Такимъ образомъ у г. Писарева выходитъ, что Никонъ выстроилъ патріаршій домъ, существовавшій до Никона.

Нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній о томъ, чтобы на западной сторонѣ отъ собора когда-либо существовали святительскія полаты и жилыя помѣщенія. Вся эта западная и сѣверозападная сторона отъ древняго времени была занята помѣщеніями Великокняжскаго, а потомъ царскаго дворца на его женской половинѣ, хоромы которой выглядывали даже изъ-за собора (Альбомъ видовъ № XIII).

На западъ отъ собора патріаршему дому принадлежала мѣстность церкви Ризположенія и незанятое полое пространство передъ главными западными дверьми собора, необходимое для церковныхъ дѣйствій. Это было мѣсто церковное соборное и потому собственно патріаршее. Надъ этимъ пространствомъ со стороны Дворца и высились хоромы царицы и царевенъ. Никонъ, проходя этимъ мѣстомъ, всегда подавалъ въ верхъ царицѣ свое благословеніе, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ Алеппскій.

Сочиненіе г. Писарева въ своемъ содержаніи излагаетъ главнымъ образомъ все то самое, что̀ и мы излагали въ «Исторіи города Москвы», представляя обзоръ патріаршаго быта (стр. 470—590). Такимъ образомъ возникла неожиданная конкуренція и авторъ нашелъ необходимымъ заявить, что когда вышла въ свѣтъ «Исторія города Москвы», его «работа была уже приготовлена къ печати» (стр. V), то есть исполнена независимо отъ упомянутой нашей книги. Этому обстоятельству должно бы только радоваться, такъ какъ избранный предметъ подвергается описанію и объясненію въ двухъ независимыхъ другъ отъ друга работахъ и потому въ научномъ отношеніи получаетъ не мало выгодъ: чего не досмотрѣла одна работа, то исправляетъ и дополняетъ другая.

Но конкуренція по самому свойству своей задачи требуетъ непремѣннаго выхваливанія своей работы и возможнаго пониженія цѣнности работы конкурента. Такъ долженъ былъ поступить и г. Писаревъ. Онъ почелъ обязательнымъ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній на отдѣлъ о бытѣ патріарховъ въ нашей книгѣ съ цѣлью доказать или неосновательность и неполноту, или ошибочность нашей работы и указать вообще, что мы не пользовались архивными матеріалами какъ слѣдуетъ и черпали свѣдѣнія исключительно только изъ сборника архивныхъ матеріаловъ, собранныхъ гг. Холмогоровыми.

Напротивъ того, самъ авторъ составилъ свое изслѣдованіе «въ главной и большей его части на основаніи еще неизданныхъ документовъ».

Надо замѣтить, что матеріалами гг. Холмогоровыхъ постоянно пользуется и самъ авторъ, выставляя однако на видъ, что пользуется исключительно только архивными книгами (57, 59), для чего и сопровождаетъ свои рѣчи шумихою безчисленныхъ голыхъ

ссылокъ на листы рукописей, вмѣсто того чтобы приводить и самые ихъ тексты, всегда содержащіе болѣе того на что указываетъ работа. Конечно, и эти матеріалы, изданные (будто бы) гг. Холмогоровыми, оказались изданными «не совсѣмъ тщательно, почему невсегда могутъ служить вполнѣ надежнымъ источникомъ».

Относительно этихъ матеріаловъ должно замѣтить, что, къ сожалѣнію, г. Писаревъ не знаетъ или не желаетъ знать о томъ, что книга «Матеріаловъ гг. Холмогоровыхъ», какъ онъ часто именуетъ ее, есть только отдѣльный оттискъ изъ книги. «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы», изданной нами еще въ 1884 году, гдѣ въ предисловіи, стр. 54, подробно объяснено и происхожденіе этихъ матеріаловъ, собранныхъ подъ нашимъ руководствомъ, по нашимъ указаніямъ и при нашей редакціи трудами почтеннаго покойнаго архиваріуса В. И. Холмогорова и его брата Г. И. Холмогорова. Эти самые матеріалы и послужили основаніемъ для нашего обзора исторіи домашняго быта патріарховъ. Они заготовлены при нашемъ руководящемъ участіи въ работахъ двадцать лѣтъ тому назадъ и заготовлены съ такою полнотою, что трудъ г. Писарева только повторяетъ сказанное въ этихъ матеріалахъ, конечно съ дополненіями. Архивный матеріалъ неистощимъ, особенно въ мелочахъ, и потому немудрено, что иныя свѣдѣнія случайно не встрѣтились собирателямъ и были пропущены, на что въ двухъ-трехъ мѣстахъ старательно и указываетъ г. Писаревъ.

Какъ обширенъ былъ первоначальный дворъ митрополита, свѣдѣній не имѣемъ. Въ древнее время онъ занималъ мѣстность, главнымъ образомъ, съ сѣверной стороны собора, захватывая отчасти и уголъ съ западной стороны, передъ западными вратами собора, гдѣ впослѣдствіи была построена упоминаемая Ризположенская церковь, о которой лѣтописи отмѣчаютъ, что митрополитъ въ 1484 г. заложилъ церковь у *своего двора*, а при ея освященіи въ 1486 г. упоминаютъ, что освященъ храмъ *на митрополичьемъ дворѣ*.

Эти обозначенія указываютъ, что мѣстность церкви хотя и принадлежала двору митрополита, но была, такъ сказать, стороннею его частью.

Повторимъ, что жилыя и пріемныя помѣщенія святителей были расположены съ сѣверной стороны собора, и за ними далѣе къ сѣверу же распространялся и самый дворъ святителей со всѣми служебными и хозяйственными его учрежденіями.

Судя о томъ, какъ жили патріархи въ XVII ст., можемъ съ достовѣрностью предполагать, что собственное жилище митрополитовъ не отличалось особымъ просторомъ и состояло не болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ небольшихъ комнатъ, избнаго типа, именуемыхъ обыкновенно, кельями въ числѣ которыхъ, кромѣ крыльца и сѣней, находились: *передняя келья* (пріемная), собственно такъ именуемая келья - *комната* (родъ кабинета), келья *крестовая* (моленная) и *малая* келья (опочивальня). Этотъ составъ помѣщенія увеличивался обширными сѣнями, передними, болѣе просторными, и менѣе просторными задними, примыкавшими къ жилью съ надворья. Такія хоромы ставились обыкновенно на *подклѣтахъ*, составляя второй ярусъ зданія. Вверху, въ третьемъ ярусѣ, устроивались *вышки* или чердаки—терема, свѣтлыя лѣтнія холодныя помѣщенія для прохладнаго пребыванія во время отдыха.

Такъ, предположительно, могло быть построено первое жилище митрополитовъ; по крайней мѣрѣ, такъ жили и святѣйшіе патріархи въ XVII ст.

Но кромѣ небольшихъ хоромъ для собственнаго жилья, у святителей, соотвѣтственно потребностямъ ихъ высокой духовной власти, строились и особыя обширныя хоромины для собраній духовенства.

Первая и главная изъ этихъ хороминъ деревянной постройки именовалась *крестовою*. Въ собственномъ значеніи это была митрополичья общая съ духовнымъ чиномъ, т.-е. соборная моленная, гдѣ у *крестовъ* и иконъ святителемъ ежедневно совершались обычныя церковныя службы, почему и служащіе у крестовъ попы и дьяки прозывались также *крестовыми*. Въ этой крестовой происходили и соборныя молебныя службы по случаю извѣстныхъ обрядовъ, или въ извѣстные праздники. Но, кромѣ моленій, здѣсь же происходили собранія и засѣданія соборовъ духовенства по дѣламъ церковнаго устройства и управленія. Поэтому Крестовая митрополичьяго двора по своему торжественному значенію, въ качествѣ большой пріемной залы, соотвѣтствовала древней Вели-

кокняжеской *Гридницѣ* [1]) или выстроеннымъ впослѣдствіи Грановитой и Золотой полатамъ царскаго дворца.

Кромѣ соборной Крестовой, на дворѣ митрополита была необходима и другая обширная хоромина, другая соборная комната, именно *Столовая изба* для учрежденныхъ церковными уставами и обычаями праздничныхъ и поминныхъ столованій собиравшагося на церковныя службы духовенства.

Какъ бы ни было, но о хоромномъ составѣ древняго въ Москвѣ митрополичьяго двора прямыхъ свѣдѣній не сохранилось. При митрополитѣ Фотіи упоминается о *горницѣ* на этомъ дворѣ, по поводу чуднаго случая по время пожара.

Извѣстно, что митр. Фотій былъ оклеветанъ предъ Литовскимъ вел. кн. Витовтомъ въ томъ, что онъ церковь Кіевскую, главу и славу всея Руси, опустошилъ, истощилъ, пограбилъ, износя все, всякое церковное узорочье и богатство въ Москву. Клеветы надобны были для того, чтобъ учредить въ Кіевѣ особую митрополію, т.-е. отдѣлить южную Русь отъ Великой Руси Сѣверной, разрушить древнее Русское церковное единство. Въ числѣ клеветниковъ были свои же Фотію люди, и одинъ изъ нихъ, какой-то Савва Авраміевъ, жилъ въ Кремлѣ, неподалеку отъ митрополичьяго двора.

Во время пожара въ 1414 или въ 1422 г., когда горѣлъ и митрополичій дворъ, огонь «яко облакъ отторжеся отъ *горницы* Фотіевы», достигъ (хоромъ) клеветника и испепелилъ его живого.

Составъ служебныхъ и хозяйственныхъ помѣщеній необходимо былъ значительно обширенъ еще при святителѣ Петрѣ, такъ какъ по ярлыку или грамотѣ Ордынскаго царя Узбека, дарованной святителю Петру, всѣ ремесленные люди, всякіе мастеры, служившіе у церкви, находились подъ покровительствомъ митрополита и, какъ церковные люди, были освобождены отъ всякихъ даней и отъ работъ на Татаръ, которымъ воспрещалось даже брать у мастеровъ и орудія ихъ мастерства. Такія льготы, конечно, привлекали къ митрополичьему двору значительное населеніе всякихъ ремесленныхъ людей.

---

[1]) Въ 1472 г. въ Новгородѣ на Княжемъ дворѣ совершиша Гридницу камену (Кар., VI, пр. 629).

Лѣтописцы, почти ни слова не говорившіе о деревянныхъ постройкахъ на митрополичьемъ дворѣ, потому именно, что они были деревянныя, самыя обычныя, о чемъ не стоило и упоминать, начинають мало-по-малу сообщать свѣдѣнія объ этомъ дворѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда стали появляться, какъ рѣдкость, постройки каменныя.

Въ Москвѣ первое начало такимъ постройкамъ было положено митрополитомъ Іоною, заложившимъ въ 1450 г. на своемъ дворѣ передъ дверьми собора полату каменную, о которой мы уже говорили. Хотя эта полата и не наименована Крестовою, но по устройству въ ней на другой же годъ Ризположенской церкви можно съ достовѣрностью полагать, что она сооружалась именно для соборной Крестовой и послужила первымъ основаніемъ для того зданія, которое и впослѣдствіи было извѣстно подъ именемъ Крестовой и переименовано въ 1721 г. въ Синодальную (нынѣ Мѵроварную).

Можно также предполагать, что мысль о постройкѣ каменной полаты на своемъ дворѣ была усвоена митр. Іоною у архіепископа Новгородскаго Евфимія, прославившагося въ то время (въ 1430—1458 гг.) многими каменными постройками на своемъ владычномъ дворѣ.

Надо припомнить, что со времени Татарской неволи нигдѣ на Руси духовные владыки не пользовались такимъ богатымъ достаткомъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ.

Послѣ опустошительнаго пожара на владычномъ дворѣ въ 1432 г. Евфимій на другой же годъ, въ 1433 г., соорудилъ у себя на дворѣ полату, а дверей у ней 30, замѣтилъ лѣтописецъ; дѣлали мастера Нѣмецкіе изъ Заморія съ Новгородскими мастерами. Въ 1434 г. онъ украсилъ полату стѣнописью; въ 1436 г. надъ полатою устроилъ *часозвоню*, часы звонящіе; въ 1439 г. поставилъ *ключницу* хлѣбную; въ 1440 г. поставилъ *комнату* меньшую; въ 1441 г. подписалъ полату большую и сѣни прежнія; въ 1442 г. поставилъ поварни и комнату; въ 1444 г. поставилъ *духовницу* на своемъ дворѣ и *сторожню* — все каменныя; въ 1449 г. поставилъ еще *часозвоню*.

Въ тѣ самые годы, когда богатство Новгородскаго владыки давало ему обширныя средства сооружать на своемъ дворѣ многія каменныя полаты и разныя зданія, даже полату съ тридцатью

дверьми, въ Москвѣ происходила несчастная междоусобная Шемякина смута, во время которой вел. князь попалъ даже въ плѣнъ къ Татарамъ и долженъ былъ выкупиться изъ плѣна, какъ говорили, за огромную сумму въ 200 тысячъ рублей, при чемъ въ то самое время, въ 1446 г., и Москва (Кремль) вся погорѣла. Среди такихъ обстоятельствъ Московскій митрополитъ хотя и былъ владыкою всея Руси, но былъ несравненно бѣднѣе Новгородскаго владыки и потому едва могъ построить себѣ лишь одну, самую необходимую, каменную полату.

Только спустя почти четверть вѣка каменное строительство на Московскомъ митрополичьемъ дворѣ мало-по-малу стало утверждаться новыми постройками.

Въ 1473 г., послѣ пожара, опустошившаго значительную часть Кремля, именно вокругъ митрополичьяго двора, который также весь погорѣлъ, митр. Геронтій, возобновляя свой дворъ, поставилъ новую уже кирпичную полату и *нарядилъ*, какъ выражается лѣтописецъ, у двора ворота, кладеные также ожиганымъ кирпичемъ. До того времени Московскія постройки были только бѣлокаменныя. Кирпичная полата строилась цѣлый годъ и была сооружена на четырехъ подклѣтахъ бѣлокаменныхъ. 13 ноября 1474 г. митрополитъ и вошелъ въ нее на житье. Выраженіе о постройкѣ воротъ—*нарядилъ*—должно обозначать ихъ красивое, нарядное устройство. Ворота въ древнемъ строительствѣ всегда составляли самостоятельную постройку и потому заботливо украшались. Построенныя митрополитомъ ворота, впослѣдствіи именовавшіяся *Святыми*, были поставлены противъ сѣверо-западнаго угла Успенскаго собора съ выѣздомъ къ собору. Возлѣ нихъ высилась и новая кирпичная полата, извѣстная въ XVII ст. подъ именемъ *старой Столовой*. По всему вѣроятію, объ этой Столовой упоминается по случаю поставленія митр. Іоасафа въ 1539 г., когда послѣ церковнаго дѣйства власти удалились изъ собора на митрополичій дворъ въ *Столовую полату* въ ожиданіи новопоставленнаго, который, пришедши отъ государя, въ этой полатѣ давалъ имъ торжественный столъ. По обычаю, власти встрѣчали его *на дворѣ* у лѣстницы, слѣдовательно крыльцо хоромъ съ лѣстницею въ то время находилось внутри двора, какъ и при первомъ патріархѣ Іовѣ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Повидимому, митр. Геронтій, кромѣ новой постройки, обно-

вилъ и полату митр. Іоны, перенеся находившуюся въ ней церковь Ризположенія въ новый особо для того выстроенный храмъ, заложенный имъ въ 1484 г.

Въ іюлѣ 16 числа 1493 года, въ страшнѣйшій пожаръ митрополичій дворъ снова весь погорѣлъ, и потому митр. Зосима задумалъ уже и кельи себѣ выстроить каменныя. Въ тотъ же годъ онъ поставилъ на своемъ дворѣ три кельи каменныя съ подклѣтами. Эти три кельи, т.-е. три комнаты въ одной связи, по всему вѣроятію, были выстроены по старозавѣтному образцу деревянныхъ келій, о чемъ говорено выше, и обнаруживали вообще скромные размѣры собственнаго помѣщенія въ быту митрополитовъ, которое оставалось въ такомъ объемѣ даже у патріарховъ.

Въ XVI ст., когда каменныя постройки стали дѣломъ обыкновеннымъ, лѣтописцы перестаютъ упоминать о нихъ, какъ о рѣдкихъ важныхъ событіяхъ въ городскомъ обиходѣ, а потому наши свѣдѣнія о дальнѣйшемъ распространеніи такихъ сооруженій во дворѣ святителей очень скудны и пополняются только косвенными свидѣтельствами.

Нѣсколько свѣдѣній о митрополичьемъ дворѣ въ половинѣ XVI ст. при митр. Макаріи, получаемъ изъ Посольскихъ книгъ. гдѣ описываются пріемы у митрополита Литовскихъ посланниковъ.

Въ 1552 г. въ Москву прибылъ посланникъ отъ Польской Рады, Яковъ Гайко, и по царскому велѣнью 11 декабря былъ у митрополита. Пріѣхалъ онъ на площадь (соборную) и ссѣлъ съ лошади противъ Пречистыя (Успенскаго собора) у Грановитой полаты, отсюда шелъ на митрополичій дворъ въ *малыя ворота*, между Пречистыя и ц. Ризположенія. Эти ворота и въ XVII ст. прозывались Ризположенскими.

Когда посланникъ вошелъ на митрополичій дворъ, то на нижнемъ крыльцѣ у сѣней его встрѣтили въ качествѣ митрополичьихъ придворныхъ государевы дворяне. Въ то время митрополитъ сидѣлъ у себя въ *Малой Полатѣ*. Налѣво отъ него, отодвинувшись мѣста на два, сидѣли бояре кн. Иванъ Мих. Шуйскій да Данила Романовичъ (Юрьевъ). А отъ бояръ, пропустя мѣста съ два, сидѣлъ дьякъ Иванъ Михайловъ (Висковатый) и далѣе отъ него дѣти боярскіе многіе. А направѣ у митрополита сидѣли три владыки— Суздальскій, Коломенскій, Крутицкій; а отъ нихъ сидѣли архиман-

дриты и игумены до *коника*, а на коникѣ (т.-е. на концѣ лавокъ) сидѣли митрополичьи бояре.

Отправивъ обычные порядки посольства, посланникъ былъ приглашенъ митрополитомъ къ обѣду, котораго дожидаться ему назначено было на другой смежной площади, за Иваномъ Святымъ, въ Разбойной Избѣ, т.- е. въ присутственной комнатѣ Разбойнаго приказа.

Столованье происходило въ митрополичьей (столовой) *Избѣ*, гдѣ посланникъ былъ посаженъ въ *кривомъ столѣ*. Въ *большомъ столѣ* сидѣли бояре, отодвинувшись отъ митрополита мѣста на два; а отъ нихъ, отодвинувшись мѣста на два, сидѣлъ дьякъ Иванъ Михайловъ (Висковатый). Далѣе сидѣли въ лавкахъ и въ скамьѣ дѣти боярскіе; а на окольничемъ (мѣстѣ) сидѣли за столомъ митрополичьи бояре да гости. Священнаго чина въ это время не было за столомъ. Столованье съ его обрядами происходило по общему обычаю, какъ и въ царскихъ полатахъ.

Черезъ нѣсколько дней, 21 декабря, происходилъ вторичный пріемъ посланника, въ томъ же порядкѣ, только въ *Малой Полатѣ*. Бояръ не было, сидѣли у митрополита направѣ и налѣвѣ владыки; направѣ отъ владыкъ, пропустя мѣста съ два, сидѣлъ дьякъ Висковатый, за нимъ далѣе государевы дѣти боярскіе. Налѣво отъ владыкъ сидѣли архимандриты и игумены, на *коникѣ* митрополичьи бояре (Сборникъ Спб. Историческаго Общества, томъ 95).

Другой Литовскій посланникъ два раза представлялся митрополиту—1 и 7 февраля 1555 г.

Пріѣхалъ онъ тоже на Соборную площадь; слѣзъ съ лошади близко собора Пречистыя у юго-западнаго угла и шелъ на митрополичій дворъ отъ Пречистыя въ *малыя ворота*. Митрополитъ въ ту пору сидѣлъ въ *Столовой полатѣ*, которая по царскому предварительному повелѣнію была къ этому пріему еще наканунѣ пристроена, т.-е. снаряжена какъ подобало для болѣе значительнаго посланника, при чемъ государь повелѣлъ также, чтобъ и на дворѣ было устроено; «а въ кою пору будетъ посланникъ, и въ то время были бы у митрополита владыки и архимандриты всѣ, которые на Москвѣ, и во всемъ было бы у него чиновно». Встрѣча посланнику была среди лѣстницы, на нижнемъ крыльцѣ, другая была середи сѣней предъ Столовой по-

латой. Затѣмъ обѣ встрѣчи шли съ посланникомъ вмѣстѣ къ митрополиту въ полату, гдѣ пріемъ происходилъ по прежнему порядку.

Въ заготовленномъ вновь чинѣ поставленія митрополита (Аѳанасія), 1564 г. февраля 20, сказано между прочимъ, что послѣ избранія въ царскихъ полатахъ, нареченнаго власти провожали въ Успенскій соборъ, откуда власти выходили съ нимъ западными дверьми и провожали его на митрополичій дворъ; «и возведутъ его на митрополичь дворъ и посадятъ его на митрополичѣ мѣстѣ въ *полатѣ Бѣлой* и многолѣтствуютъ по обычаю. А полату бояре митрополичи устроятъ по обычаю».

Эта Бѣлая полата упоминается и при поставленіи въ 1589 г. перваго патріарха Іова, который въ ней принималъ патріарха Іеремію.

Когда, послѣ царскаго стола, въ первый день посвященія въ патріархи Іова, онъ на другой день позвалъ къ своему столу патріарха Іеремію, то по этому случаю происходили слѣдующія церемоніи. Патріарха-гостя за воротами встрѣтили дѣти боярскіе (теперь уже патріаршіе). На дворѣ его встрѣтилъ бояринъ патріаршій, дворецкій, дьяки, дворяне, дѣти боярскіе, многіе сойдя съ лѣстницы и на лѣстницѣ и на *переходахъ*. А на *всходѣ* въ верху встрѣтили архіепископы, епископы, архимандриты, игумены. Іовъ патріархъ въ то время былъ въ *Бѣлой полатѣ*. И какъ Іеремія патріархъ вошелъ въ сѣни, Іовъ патріархъ вышелъ изъ полаты и встрѣтилъ его у дверей на *примостѣ*.

Здѣсь другъ у друга они просили благословенія и говорили рѣчи. «Потомъ Іеремія патріархъ Іову патріарху почесть воздалъ, *велѣлъ ему въ полату преждѣ себя итти*». Вошедъ въ полату, послѣ молитвъ и благословенія, патріархи сѣли на уготованныхъ мѣстахъ. Началось пѣніе многолѣтія государю и здравствованіе государю, а потомъ патріарху Іеремѣ съ *исполатью*—исполаити деспота. Онъ въ это время сѣлъ на свое мѣсто и Іову велѣлъ сѣдѣти. Но патріархъ Іовъ патріарха Іеремію возвеличилъ, не сѣлъ, покамѣстъ пѣли заздравіе святѣйшему. И какъ стали пѣть исполаити деспота, Іеремія почтилъ Іова почестію великою и съ челобитьемъ посадилъ на мѣстѣ уготованномъ. Тѣмъ же порядкомъ совершилось здравствованіе и патріарху Іову. Спустя немного времени патріархи ѣздили къ государю въ Золотую полату

съ благословенными дарами отъ Іова. Побывши у государя, они возвратились на патріарховъ дворъ и шли въ *Бѣлую* полату, а по времени изъ Бѣлой полаты въ сопровожденіи всѣхъ властей пошли за столъ въ *Большую полату*. А столъ патріархамъ учиненъ былъ одинъ; справа сидѣлъ Іеремія, а слѣва Іовъ. А передъ ними на столѣ положены хлѣбы и судки, особно для каждаго, порознь; и ѣства была имъ порознь, по блюду; кравчіе у нихъ стояли тоже особые. За столомъ, кромѣ духовныхъ властей, присутствовали и царевы бояре, дворяне, дьяки, многіе дѣти боярскіе. Во время кушанья пѣвчіе пѣли *славники* Успенію по-славянски и по-гречески. Послѣ стола были обычныя чаши: 1) Богородицына столовая, 2) Петра чудотворца, 3) царя Ѳедора Ив., 4) царицы Ирины, 5) Іова патріарха, 6) Іереміи патріарха. Затѣмъ слѣдовали дары отъ Іова всѣмъ пріѣзжимъ грекамъ, начиная съ патріарха. На прощаньи, когда Іеремія пошелъ изъ полаты, Московскій патріархъ проводилъ его изъ полаты въ сѣни, гдѣ оба благословлялись и о Христѣ цѣлованіе учинили. Вслѣдъ затѣмъ Іовъ послалъ къ Вселенскому патріарху нà-домъ своего дворянина съ *перепоемъ*, какъ наименована обычная послѣ стола присылка гостю разныхъ винъ.

На третій день патріархова поставленія столъ происходилъ также въ *Большой полатѣ*. Въ этотъ день, выйдя изъ-за стола, патр. Іовъ объѣзжалъ съ крестомъ и св. водою на осляти кругомъ Бѣлаго города, «около града большаго новаго Царя Града», какъ обозначено въ Запискѣ. Возвращаясь къ дому, патріархъ въъѣхалъ на свой дворъ къ лѣстницѣ на осляти. Тутъ изъ-за стола, «изъ Большія полаты встрѣтили его архимандриты и игумены, на *переходахъ* епископы, а въ сѣняхъ митрополиты и архіепископы и весь причтъ церковный. Столъ совершился по чину святительскому, какъ ведется на поставленіе».

И впослѣдствіи торжественные патріаршіе столы давались также въ этой *Большой* полатѣ. Такъ, въ 1592 г. царь Ѳедоръ Ивановичъ на праздникъ Петра чудотворца, 21 декабря, ѣлъ у патріарха Іова въ *Большой полатѣ*.

Такимъ образомъ, къ концу XVI вѣка мы находимъ на митрополичьемъ, теперь уже на патріаршемъ, дворѣ: 1) церковь Ризположенія; 2) между этою церковью и Успенскимъ соборомъ *малыя* ворота; 3) *Малую* полату; 4) *Избу* столовую, т.-е. дере-

вянную; 5) *Столовую* полату; 6) *Бѣлую* полату, быть можетъ, ту же Столовую; 7) къ ней отъ крыльца съ лѣстницами—*переходы;* 8) *Большую* полату съ крыльцомъ не съ улицы, а со двора, и *переходы* къ ней, вѣроятно тѣ же, которые вели и къ Столовой полатѣ. Не упоминаемъ о постройкахъ, возведенныхъ въ концѣ XV в., и о полатѣ Іоны митрополита, которыя могутъ скрываться подъ упомянутыми именами зданій XVI ст. По всему вѣроятію, какъ мы упоминали, Большая полата составляла постройку митрополита Іоны.

По случаю поставленія патріарха Іова упомянута и церковь на митрополичьемъ дворѣ во имя Соловецкихъ чудотворцевъ, въ которой новый патріархъ служилъ въ 1589 г. генваря 27 обѣдню.

Эта церковь съ предѣломъ апостола Филиппа, по всему вѣроятію, была построена митр. Филиппомъ (1566 — 1568 гг.), прежде Соловецкимъ игуменомъ, неумолимымъ обличителемъ неистовой жизни царя Ивана Грознаго. Она находилась на восточной сторонѣ митрополичьяго двора, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ 12 Апостоловъ, и была разобрана, какъ увидимъ, при патріархѣ Никонѣ, соорудившемъ на этомъ же мѣстѣ новый храмъ во имя апостола Филиппа, перестроенный при патр. Іоакимѣ во имя 12 Апостоловъ, о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Повидимому, церковь Соловецкихъ чудотвор. служила вмѣсто церкви Ризположенской домовымъ храмомъ митрополитовъ и несомнѣнно, что предъ ея дверьми находились и жилыя кельи митрополитовъ, быть можетъ, и тѣ каменныя, которыя выстроилъ митр. Зосима.

Патріархъ Іовъ (1589—1597 гг.), какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, построилъ для себя, на своихъ патріаршихъ сѣняхъ, новый домовый храмъ во имя Трехъ Святителей Московскихъ—Петра, Алексѣя и Іоны—съ западной стороны патріаршаго двора, вблизи царскаго Дворца [1]). Храмъ

---

[1]) Мѣстоположеніе этой церкви на патріаршихъ *сѣняхъ* выясняется послѣдующими записями: „1667 г. царь изъ собора шелъ къ патріарху, который его встрѣтилъ на *большой* лѣстницѣ въ дверяхъ передъ ц. Трехъ Святителей въ паперти и, принявъ царя подъ руки, шли вмѣстѣ въ Крестовую. Въ 1671 г. они же вышли изъ Крестовой до паперти Трехъ Святителей и на большую лѣстницу. Царь шелъ въ Крестовую переходами сквозь *старую* Столовую и черезъ паперть

былъ основанъ надъ святыми воротами двора, сооруженными еще митроп. Геронтіемъ въ 1473 г., противъ сѣверо-западнаго угла Успенскаго собора [1]). Кромѣ постройки церкви, патріархъ Іовъ давалъ деньги изъ своей келейной казны и на всякое каменное церковное, келейное и дворовое дѣло, вообще на устройство патріаршаго двора.

При Самозванцѣ, въ 1605 г., Іовъ былъ насильственно сведенъ съ патріаршества и удаленъ въ Старицкій монастырь, гдѣ и скончался въ 1607 г. Въ Смутное время Патріаршій Домъ не одинъ разъ былъ свидѣтелемъ неистовыхъ нападеній со стороны преданнаго Полякамъ боярства, которое приходило къ патріарху Ермогену съ настойчивыми требованіями то подписать измѣнныя грамоты къ Польскому королю, то подписать грамоты къ кн. Пожарскому, чтобъ уходилъ отъ Москвы съ своимъ Ополченіемъ и не тѣснилъ бы Кремлевскихъ Поляковъ. Святитель одинъ оставался храбрымъ человѣкомъ и отвѣчалъ насильникамъ: «Если и всѣ вы согласились на неправедное дѣло, но я не соглашаюсь и не благословляю этого дѣла. А поступите противъ моего совѣта, да будетъ на васъ вѣчная клятва». Дѣло доходило даже до ножа, которымъ угрожалъ патріарху заводчикъ смуты Мих. Салтыковъ. Святитель противъ этого ножа явилъ крестъ Господень и проклялъ Салтыкова. По всему вѣроятію, все это происходило въ Крестовой полатѣ, куда обыкновенно собиралось боярство на совѣтъ съ патріархомъ. Послѣ всѣхъ споровъ непреклоннаго святителя, «*безчестно связавши*», отвели въ Чудовъ монастырь и тамъ въ темницѣ уморили его голодомъ. Онъ скончался 20 февраля 1611 года.

Послѣ Московской Розрухи отецъ Богомъ избраннаго царя Михаила, патріархъ Филаретъ Никитичъ, нашелъ патріаршій дворъ въ разоренномъ состояніи и по бѣдности царской казны и своей патріаршей не могъ употребить достаточныхъ средствъ

цер. Трехъ Святителей. Въ 1672 г. тѣло патріарха Іоасафа изъ его келій несли сквозь сѣни ризничаго и въ паперть, что передъ новою церковью (Филиппа апостола), да сквозь заднюю и большую Крестовую полату въ ц. Трехъ Святителей, что на Сѣняхъ".

1) Въ 1698 г. эти ворота были задѣланы кирпичомъ и подъ своды подведенъ каменный столбъ.

на обновленіе запустѣвшаго двора, а къ тому великій Кремлевскій пожаръ 1626 г. опустошилъ и все то, что оставалось до того времени цѣлымъ.

Царь Михаилъ Ѳед. ходилъ въ то время и съ царицею на богомолье къ Троицѣ-Сергію. Патріархъ успѣлъ удалиться отъ пожарища въ Новинскій монастырь, гдѣ и оставался до возобновленія построекъ на своемъ патріаршемъ дворѣ, перейдя потомъ на Троицкое Кремлевское подворье. Государь съ царицею поселился въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ.

Само собою разумѣется, что на патріарховѣ дворѣ, какъ и на царскомъ, все деревянное погорѣло, а также и въ каменныхъ зданіяхъ кровли и вся деревянная обдѣлка тоже все погорѣло.

Обновленіе всего двора и началось плотничными работами. Для жилища самого патріарха въ это время были срублены новыя кельи на остававшихся старыхъ каменныхъ подклѣтахъ. Отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ современныхъ запискахъ патріаршихъ Приказовъ.

Выстроенныя вновь патріаршія кельи заключали въ себѣ обычныя отъ вѣковъ указанныя три клѣти въ одной связи, въ обычномъ размѣрѣ простой крестьянской избы, не болѣе, а иногда и болѣе трехъ саженъ въ квадратѣ.

По составу келій патріарха Филарета мы обозначили выше и древнѣйшій первоначальный составъ келейнаго жилища святителей,—такъ были просты и первобытны эти кельи.

Изъ нихъ первая отъ входа келья именовалась *переднею*, вторая въ собственномъ смыслѣ *комнатою* (родъ кабинета) и третья малою *заднею* келейкою (опочивальня). Передъ кельями были построены обычныя сѣни, *большія* передъ переднею и *малыя* передъ заднею. Сѣни большія простирались отъ комнаты и до малыхъ сѣней и были покрыты особою кровлею—*полаткою*.

Большія сѣни въ то время соотвѣтствовали нашимъ пріемнымъ заламъ, а потому въ нихъ у стѣнъ были устроены *лавки* съ *кониками* и *рундуки*, возвышенные помосты со ступенями передъ дверьми въ переднюю, или въ комнаты, такъ какъ уровень пола сѣней бывалъ нѣсколько ниже пола внутреннихъ комнатъ.

Въ трехъ кельяхъ было 16 оконъ со слюдяными окончинами и, кромѣ того, въ малой задней кельѣ патріархъ устроилъ себѣ

вмѣсто слюдяной окончину *стекольчатую* съ желѣзными луженными дверцами, что въ то время было новостью. Въ обѣихъ сѣняхъ было также 16 оконъ со слюдяными же окончинами.

Въ каждой кельѣ была поставлена печь, и всѣ три печи были расписаны травами, на что употреблены разныя краски, и особенно киноварь и лазорь, и свѣжія яйца, изъ желтковъ которыхъ и составлялось красочное письмо.

Въ подклѣтахъ подъ кельями были поставлены двѣ печи безъ украшеній.

Въ кельяхъ и въ сѣняхъ *мостъ* или полъ былъ настланъ изъ досокъ.

На внутреннюю уборку или опушку окончинъ, дверей, лавокъ, тамъ, гдѣ въ царскомъ быту употреблялось обыкновенно красное сукно, у патріарха употреблено темно-синее, а въ иныхъ мѣстахъ и лазоревое.

Позади малой кельи въ сѣняхъ былъ устроенъ *отходъ*.

Кельи соединялись съ другими зданіями *переходами*, крытыми галлереями, черезъ которыя между прочимъ патріархъ уходилъ и въ особую *одинокую* (уединенную) келейку, съ малыми сѣнцами, въ которыхъ также была устроена и лавка для сидѣнья. Эта одинокая келейка, каменная, носила названіе *Крестовой* писаной *полатки*, потому что была украшена стѣнописью. Въ 1633 г. въ ней были вставлены три стекольчатыя нарядныя окончины съ травами и со птицами.

Упоминается также *средняя* каменная полатка, которая вмѣстѣ съ упомянутою Крестовою, быть можетъ, составляла тѣ каменныя кельи, которыя построилъ митроп. Зосима.

Такимъ образомъ, мало-по-малу патріарховъ дворъ обновлялся обдѣлкою старыхъ каменныхъ строеній и новыми деревянными постройками. Кельи патр. Филарета, готовыя для житья, были освящены 20 сентября 1626 года.

Въ этотъ день Ризположенскій черный попъ Трифонъ пѣлъ молебенъ на новосельѣ въ государевой патріарховѣ въ *передней* кельѣ Животворящей Троицѣ и Архангелу Христову. Другой черный попъ отъ Соловецкихъ чуд. пѣлъ молебенъ въ *Комнатѣ* Успенію Богородицы и Тремъ Святителямъ Московскимъ чудотворцамъ Петру, Алексѣю, Іонѣ.

Третій попъ, крестовый патріарха, пѣлъ молебенъ въ *задней*

келейкѣ Ризѣ Господней и Знаменію Богородицы. Такимъ образомъ въ каждой кельѣ совершились особые молебны.

Изъ пріемныхъ большихъ полатъ, существовавшихъ въ эти годы (1626—1633 г.) да и въ теченіи всего XVII ст., на патріарховомъ дворѣ были возобновлены Крестовая, Столовая или Макарьевская, построенная или вновь устроенная вѣроятно знаменитымъ митроп. Макаріемъ (1542—1563 г.). Какое назначеніе имѣла эта послѣдняя полата въ быту святителей, намъ неизвѣстно, а впослѣдствіи о ней вовсе и не упоминается, почему возможно заключить, что она стала именоваться Старою Столовою.

Крестовая полата устроивалась въ одно время съ кельями, такъ какъ эта пріемная прежде всего была необходима для происходившихъ въ ней обрядовыхъ дѣйствъ. Въ 1624 г., когда 15 августа государь обѣдалъ у патріарха, Крестовая названа *большою* полатою.

Въ сентябрѣ 1626 г. въ ней были устроены подволоки, т.-е. потолки изъ пятисаженныхъ дубовыхъ брусьевъ, что даетъ свѣдѣніе о ея размѣрѣ—15 арш. въ квадратѣ—и о томъ, что въ ней не было сводовъ, или же они были разрушены во время пожара. Однако есть извѣстіе, что въ маѣ 1627 г. въ ней каменщики сводили верхъ, слѣдов. подволоки были устроены временно. Надъ нею была еще полата, гдѣ жилъ старецъ Селиверстъ, крестовый попъ патріарха. Въ іюнѣ 1629 г. подъ нею каменщики подводили стѣну и *небо*. Она была покрыта деревянною кровлею, потому что стояла отъ другихъ зданій особнякомъ. Передъ нею были расположены большія сѣни крестовыя и крыльцо съ лѣстницею, *переднею*, отъ Собора.

Мостъ или полъ въ полатѣ въ 1629 г. былъ выстланъ синимъ кирпичомъ, который дѣлали у московскихъ гончаровъ въ Гончарной слободѣ по особому заказу патріарха, въ количествѣ 10.000 кирпичей. Тѣмъ же кирпичомъ тогда же были выстланы полъ въ Средней полаткѣ и въ проходныхъ малыхъ сѣняхъ.

Окончины по обычаю были слюдяныя большія. Опушка окончинъ и дверей изъ лазореваго или же темно-синяго сукна.

Въ переднемъ углу, гдѣ стояли иконы, надъ образами, стѣна была росписана.

Столовая полата находилась съ западной стороны отъ Крестовой по той же линіи передъ Успенскимъ соборомъ. Подробностей

о ея возобновленіи не имѣемъ. Есть свѣдѣніе только о ея внутренней уборкѣ; ея двери и окна, вмѣсто сукна, были опушены сѣрыми полстми (войлоками), но одна дверь была обита красною кожею коневьею; въ полатѣ на желѣзной проволокѣ былъ прикрѣпленъ шанданъ висящій.

Отъ Столовой полаты существовали каменные переходы къ церкви Ризположенія.

Патріархъ съ большимъ усердіемъ возобновилъ и находившіеся во дворѣ старые каменные храмы. Какъ упомянуто, на патріаршемъ дворѣ стояли три церкви: 1) Ризположенія близь западныхъ вратъ Успенскаго собора, 2) Трехъ Святителей у сѣверо-западнаго угла собора и 3) Соловецкихъ чудотворцевъ на восточной сторонѣ двора. Храмы стояли особняками, соединяясь съ жилыми помѣщеніями сѣнями и переходами. Возобновленіе этихъ церквей началось вскорѣ послѣ пожара. Въ церкви Ризположенія, между прочимъ, были написаны иконостасныя мѣстныя иконы, а также деисусы, праздники, пророки извѣстнымъ въ то время иконописцемъ Назарьемъ Истоминымъ. Съ особою заботливостью патріархъ устроивалъ предѣлъ Ризположенія во имя св. Георгія. Вновь ли былъ сооруженъ этотъ предѣлъ или возобновленъ старый, неизвѣстно. Для его устройства, между прочимъ, надъ престоломъ изъ красно-лазоревой крашенины было сдѣлано «*небо*, чтобъ волосъ и пыль не пала». 17 ноября 1626 г. предѣлъ былъ освященъ.

Обновлена была и церковь Трехъ Святителей. Въ ней установлены иконы; деисусы, праздники, пророки, праотцы; слѣд. иконостасъ былъ пятиярусный, что обнаруживаетъ не совсѣмъ малый окладъ или размѣръ церкви.

Особенно чтилъ патріархъ Филаретъ старый храмъ Соловецкихъ Чудотворцевъ, празднуя ихъ память 17 апрѣля—Зосимы и 27 сентября—Савватія. О его возобновленіи свѣдѣній не встрѣчаемъ, а потому должно полагать, что храмъ оставался цѣлымъ во время пожара.

Въ немъ служилъ наемный попъ, получавшій *зажилого* въ мѣсяцъ полполтины, т.-е. 25 коп.

Въ 1630 г. патріархъ обновилъ предѣлъ храма во имя апостола Филиппа и освятилъ его 7 мая.

Въ 1631 г. въ сѣняхъ передъ храмомъ Чудотворцевъ былъ устроенъ для составленія св. мvра особый *шатеръ*, подъ которымъ

были помѣщены мѣдныя корчаги и котелъ, сдѣланные извѣстнымъ въ то время мастеромъ мѣдныхъ дѣлъ Дмитр. Сверчковымъ. Весною того же года подъ церковью была построена деревянная *казенка* (кладовая) для *соборныхъ книгъ*.

Патріархъ Іоасафъ I въ 1637 г. также праздновалъ память Чудотворцевъ и въ 1640 г. украсилъ паперти настѣннымъ письмомъ, гдѣ были написаны деисусы, Спасовъ образъ, да Богородицынъ, стоящіе, да Соловецкіе Чудотворцы, преклонные. При патріархѣ Іосифѣ въ 1644 г. въ церковь Чудотворцевъ были написаны деисусы, для которыхъ по сводамъ храма была устроена *дуга* деревянная. Въ 1653 г. церковь, какъ увидимъ, была разобрана.

По поводу происходившихъ при патр. Филаретѣ возобновленій старыхъ каменныхъ зданій и новыхъ построекъ, каменныхъ и деревянныхъ, упоминаются разнородныя строенія, которыя въ своей совокупности указываютъ на бытовой составъ патріархова жилища.

Пространство, занятое всѣми строеніями двора, раздѣлялось на двѣ половины; одна занимала или составляла переднiй дворъ возлѣ Каменныхъ полатъ, выходившихъ на линію къ Успенскому собору. На этотъ дворъ вели переднія или св. ворота. Они обозначены и на планѣ Годунова. Другая половина двора, составляла заднiй дворъ съ задними воротами на Троицкую улицу, примыкавшiй къ Троицкому подворью, отдѣленному отъ патріархова двора заборомъ, въ которомъ была устроена калитка для прохода на подворье.

Кромѣ того различныя хозяйственныя части внутри двора отдѣлялись другъ отъ друга *заметомъ* или такимъ же заборомъ особаго устройства.

По отдѣлу управленія патріарховымъ обиходомъ находился *Дворцовый Приказъ*, именуемый также *Дворцовою избою*, на постройку котораго было куплено два сруба, *горница* съ *комнатою* 3-хъ саженные въ квадратѣ, по цѣнѣ за 24 руб.; къ нимъ были придѣланы сѣни съ крыльцомъ; въ комнатѣ устроили *казенку*, родъ особой присутственной комнатки, въ которой обыкновенно сидѣлъ начальный человѣкъ и сохранялась казна. Во всемъ помѣщеніи было 10 оконъ съ слюдяными окончинами и одна изразчатая печь. Отъ другихъ строеній приказъ былъ отгороженъ заметомъ.

Другія домовыя учрежденія помѣщались также или въ отдѣльныхъ строеніяхъ или же въ полатахъ и комнатахъ каменныхъ зданій.

Изъ нихъ по отдѣлу управленія упоминаются: Казенный Приказъ, патріаршъ *Разрядъ*, *Судный Приказъ*, Изба *Казначейская;* Верхняя полата, гдѣ положена патріархова келейная казна; *Панская полата*, гдѣ Поляки живутъ, подначальные люди, сидѣвшіе подъ началомъ для приготовленія къ крещенію или новокрещены для исправленія въ Вѣрѣ; *Задняя* полата, гдѣ живутъ дѣти боярскіе; подклѣтъ подъ Ризницею, гдѣ подьяки (пѣвчіе) учатся; полата, гдѣ большіе подьяки живутъ; полатка, гдѣ сажаютъ въ смиренье.

По отдѣлу ремеслъ и художествъ существовали особыя *Иконная полата*, *Серебряная полата*, гдѣ работали иконописцы и серебряные мастера; подклѣтъ, гдѣ живетъ старецъ *золотошвея*, Въ особомъ помѣщеніи вверху каменнаго зданія работали *золотари*, для чего у нихъ въ проходныхъ сѣняхъ былъ сдѣланъ новый горнъ.

Для кормоваго и приспѣшнаго обихода существовали особыя постройки: цѣлый дворъ именовался *Кормовымъ*. Въ немъ находились: Поварня, Ѣственная и Расхожая, Кормовая изба, Кормовая полата, Сытный дворецъ, Сытная изба, Сытенная полата Хлѣбенная изба и полата, Хлѣбенный дворецъ, Приспѣшная изба, Сушильная полата съ 30-ю окошками. Погреба: Простой пивной, Поддѣльный пивной, Медвяной, Поварная пивная; на Москвѣ-рѣкѣ былъ устроенъ рыбный садъ, садовка рыбы.

Въ разныхъ мѣстахъ двора стояли кельи-избы служащихъ патріарховыхъ лицъ. Его крестовый попъ имѣлъ свою избу-келью, за которую было заплачено 13 руб. У заднихъ воротъ съ одной стороны жилъ архидіаконъ, съ другой—казначей въ особыхъ избахъ-кельяхъ, на подклѣтахъ, слѣд. двуярусныхъ.

Таковъ былъ въ краткомъ очеркѣ составъ патріаршаго двора при Филаретѣ Никитичѣ. Во многихъ хозяйственныхъ частяхъ онъ сохранился и въ послѣдующее время.

Преемникъ его патр. Іоасафъ I въ тотъ же годъ, когда вступилъ на патріаршество (1634 г. февр. 3), велѣлъ обновить стѣнопись передъ Столовою въ проходныхъ сѣняхъ тамъ, гдѣ былъ

написанъ Образъ Спаса Нерукотвореннаго, указалъ написать образъ Спаса Недреманное Око, да наново переписать на стѣнѣ образъ Знаменія Богородицы, Живоначальныя Троицы, Трехъ Моск. Святителей Петра, Алексѣя, Іоны, да Филиппа Апостола, Страстотерпца Христова Георгія, Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ; да передъ сѣньми Успеніе Богородицы. Въ это же время починены письмомъ деисусы, что стоятъ надъ дверьми папертными къ Тремъ Святителямъ.

Въ 1640 г. патріархъ устроилъ существовавшій за Фроловскими воротами патріаршій огородъ, который былъ окопанъ рвомъ, огражденъ тыномъ и плетнемъ на 80 саж., а на Житномъ дворѣ построилъ новую большую житницу. Этотъ огородъ находился на Воронцовомъ полѣ. Въ 1634 г. оттуда было продано огурцовъ на 5 руб. 16 алт. 4 д.—сумма по тогдашнему времени очень значительная для доходовъ съ огорода при тогдашней дешевизнѣ огурцовъ.

Въ каменныхъ хоромахъ были починены переходы къ церкви Соловецкихъ чуд., гдѣ смыкали своды. Подъ Крестовою также сводили своды и починивали печь.

Особенное и многое переустройство различныхъ зданій патріаршаго двора происходило при патр. Іосифѣ. Въ самомъ началѣ своего патріаршества, въ 1642 г. онъ указалъ подмастерью каменныхъ дѣлъ Давыду Охлебинину Крестовые сѣни и полаты: Крестовую, Золотую, Казенную, Проходную, что передъ Казенною, то-есть весь корпусъ давней постройки, вѣроятно уже очень обветшавшей, разобрать до *подшвы* и сдѣлать все наново, по смѣтѣ извѣстнаго въ то время архитектора подмастерья каменныхъ дѣлъ Антипы Константинова и подъ его смотрѣніемъ, съ приказомъ во всемъ его слушать, что онъ ни укажетъ.

Для этой постройки еще осенью 1642 г. и зимою 1643 г. былъ заготовленъ матеріалъ: куплено 500 камней трехпядныхъ по 4 руб. за сто; привезено песку съ Москвы-рѣки 1000 коробовъ, кой песокъ къ каменному дѣлу годится; поставлено 200 тысячъ кирпичу жженаго по 1 руб. 20 алт. за тысячу и т. д. Выстроенныя новыя Крестовая, Золотая и Келейная Казенная полаты были покрыты подъ одну кровлю.

Столовая полата осталась въ прежнемъ видѣ и по случаю но-

ваго пожара въ 1650 г. была только исправлена въ сводахъ, которые укрѣплены желѣзными связями, окрашенными черленью. Этотъ пожаръ случился 21 ноября во дворцѣ, горѣли хоромы царицы Марьи Ильичны, стоявшіе на межѣ съ патріаршимъ дворомъ, на которомъ обгорѣли кровли на Столовой и Крестовой полатахъ.

Въ 1651 г. между Столовою и Крестовою упомянута лѣстница, вѣроятно построенная въ это же время, именуемая впослѣдствіи *большою* и *переднею*, такъ какъ она вела въ полаты со стороны Успенскаго собора (Альбомъ видовъ, № XIX). Въ томъ же году въ проходныхъ сѣняхъ передъ Столовою на стѣнномъ письмѣ починенъ образъ Недреманное Око Спасово. Подлѣ Столовой, со стороны двора, была выстроена новая каменная полата, а потомъ въ 1651 г. отъ патріаршей столовой къ государевой Грановитой полатѣ позади Ризположенской церкви были устроены деревянные на столбахъ переходы, на которые расходъ за лѣсъ и за дѣло раздѣленъ былъ пополамъ, половина уплачена изъ патріаршей казны, а другая 26 р. 8 алт. 4 д. изъ казны государевой, такъ какъ, вѣроятно, переходы были сдѣланы для государевыхъ пришествій къ патріарху. По этимъ переходамъ особенно часто хаживалъ къ патріархамъ царь Алексѣй Мих.

Не малое вниманіе патріархъ обратилъ на древнюю бѣлокаменную церковь Ризположенія, которая по его указу въ 1644 г. была значительно переправлена. Она была древней постройки съ щелевидными окнами, дававшими мало свѣта. Патріархъ указалъ, для свѣту оконъ прибавливать, откосы и стѣны *утесывать* даже и у царскихъ дверей. Затѣмъ храмъ былъ богато украшенъ стѣннымъ письмомъ, за что иконописцамъ по уговору было уплачено 130 руб. Снаружи церковь была выбѣлена.

Кромѣ того, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, нѣкоторыя зданія были выстроены каменныя, каковы: Судный приказъ, большая кузница, конюшенный сарай для возковъ и др.

Подъ хоромами патріарха подъ *горницею* съ *комнатою* построены каменные подклѣты между каменныхъ старыхъ стѣнъ на три житья со всходною лѣстницею. Позади этихъ хоромъ устроенъ садъ, въ которомъ посажены яблони.

Святыя ворота, что ходятъ на патріарховъ дворъ, были наново расписаны настѣннымъ письмомъ съ сусальнымъ золотомъ

и киноваремъ и перекрыты; въ нихъ помостъ выложенъ большими камнями и далѣе до Успенскаго собора, около котораго также устроенъ деревянный помостъ изъ струговыхъ досокъ, какъ и на дворѣ патріарха.

Нововыстроенная Крестовая съ лица была также росписана по кирпичамъ, на что употреблено пудъ сурику и 7 ведеръ сусла. Внутри ея полъ былъ выстланъ вмѣсто прежняго глинянаго синяго кирпича дубовымъ кирпичомъ (паркетъ), котораго употреблено 700 штукъ. Такіе кирпичи дѣлались квадратами отъ 6 до 8 вершковъ, толщиною въ 2 и 3 вершка.

Въ Золотой полатѣ была поставлена печь ценинная изъ синихъ изразцовъ, и около печи устроена мѣдная рѣшетка.

Какое назначеніе имѣла эта Золотая полата, неизвѣстно. Но едва ли она была пріемною; вѣроятнѣе всего она носила имя Золотой по поводу производившихся въ ней работъ мастеровъ золотого и серебрянаго дѣла и называлась прежде, какъ упомянуто, *Серебряною* полатою.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видимъ, что патр. Іосифъ былъ не только усерднымъ строителемъ, но и много заботился вообще о красивомъ устройствѣ своего двора.

15 апрѣля 1652 года померъ патріархъ Іосифъ; на его мѣсто царь Алексѣй Михаиловичъ уже думалъ избрать новгородскаго митрополита, достопамятнаго Никона, который въ это время по повелѣнію государя путешествовалъ въ далекій Соловецкій монастырь для перенесенія въ Москву мощей св. Филиппа митрополита.

Св. мощи были съ торжествомъ перенесены въ Москву 9 іюля того же года, а затѣмъ 22, по другимъ указаніямъ 25 того же мѣсяца, т.-е. всего черезъ двѣ недѣли, Никонъ былъ избранъ на патріаршество безъ жеребья, какъ искони водилось, а только по желанію государя, противъ чего Никонъ упрямился, не хотѣлъ ставиться безъ жребія, но былъ упрошенъ государемъ, оказавшимъ ему по этому случаю великое вниманіе. Павелъ Алеппскій по этому поводу упоминаетъ, что Никонъ тогда лишь согласился принять патріаршество, когда было постановлено, что царь отнюдь не будетъ заниматься дѣлами церкви и духовенства, какъ это было при Филаретѣ, при прежнихъ царяхъ. Съ этого времени по

царскому указу слово его стало рѣшающимъ, и никто не смѣлъ противиться ему.

Другой современникъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Ивановъ, свидѣтельствуетъ также, что еще въ началѣ поставленія царь запись ему далъ своею рукою, «еже во всемъ его послушати и отъ бояръ оборонить и его волю исполнять».

15 августа, въ день празднованія Успенію Б-цы, государь поднесъ ему на золотой мисѣ золотую *митру*-корону, вмѣсто обычной до того времени патріаршей шапки, опушенной горностаемъ, еще образъ св. Филиппа митрополита да братину золоту. Въ тотъ же день государь пожаловалъ новому патріарху Цареборисовскій дворъ въ домъ Пресв. Богородицы. Патріаршій дворъ и въ прежнее время пользовался помѣщеніями Цареборисовскаго двора. При патріархѣ Филаретѣ Никит. въ 1626 г. тамъ находились патріаршіе капустные погреба.

Нѣтъ сомнѣнія, что еще прежде Никонъ обратилъ вниманіе государя на этотъ опустѣлый дворъ, представляя ему, съ какою бы пользою этотъ пустой дворъ, присоединенный къ патріаршему двору, могъ послужить къ большему простору и устройству патріаршаго вѣдомства.

И дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ послѣ Успенскаго праздника на этомъ дворѣ начались уже строительныя работы. 2 сентября извозчики уже навозили на Борисовскій дворъ къ каменному дѣлу 141 тысячу кирпича, а каменщики стали сооружать ворота на этотъ дворъ съ патріархова двора.

Затѣмъ перенесены были на новый дворъ конюшни, стойла и ясли и построены на немъ новыя *житницы* и новыя хоромы, готовыя, перевезенныя изъ патріаршаго Новинскаго монастыря. По случаю разныхъ передѣлокъ и обновленій въ самомъ каменномъ домѣ Цареборисовскаго двора упоминаются нѣкоторыя его части, именно сѣни, покрытыя шатромъ съ яблокомъ на его верху; у нихъ надъ переднимъ крыльцомъ сдѣланъ *чердачокъ; большая полата* и позади ея *малая* полатка, *средняя* полата, *золотая* полата, названная такъ вѣроятно уже въ это время по поводу производимыхъ въ ней работъ серебрянаго и золотого дѣла, для чего въ ней были устроены горны и въ 1653 г. два большихъ стола, одинъ въ 4, другой въ 3 саж., и двѣ скамьи по 2 саж. Однако въ этой же полатѣ въ 1653 и 1654 годахъ старецъ Арсеній грекъ

сидѣлъ у книжной справки и переводилъ книги съ греческой грамоты на русскую и писалъ книгу греческую патріарху.

Какъ упомянутыя, такъ и другія Борисовскія полаты устроивались вообще для новыхъ потребностей патріаршаго вѣдомства; поэтому въ нихъ продѣлывали, гдѣ было надобно, новыя окна, задѣлывали двери и т. п..

Въ нижнихъ полатахъ была устроена *богадѣльня* для нищихъ и *больница*, въ которой поставлена изразцовая печь изъ изразцовъ 130 большихъ, 15 долгихъ и 15 городочковъ. Кромѣ устройства старыхъ, было построено и нѣсколько новыхъ полатъ для патріаршихъ дѣтей боярскихъ, его служебниковъ и для разныхъ хозяйскихъ потребностей. Но главнымъ началомъ всѣхъ работъ на Цареборисовскомъ дворѣ служила постройка новой церкви.

Приписывая, быть можетъ, свое неимовѣрное благополучіе въ патріаршемъ санѣ молебному покровительству св. Филиппа митрополита, Никонъ, въ ознаменованіе своей благочестивой мысли, задумалъ соорудить на мѣстѣ храма Соловецкихъ чудотворцевъ и на межѣ Борисовскаго двора новый каменный храмъ во имя апостола Филиппа, тезоименитаго Московскому святителю.

Такъ какъ Борисовскій дворъ стоялъ рядомъ съ патріаршимъ, выходя на площадь къ Ивану Великому, гдѣ находились и его ворота, то патріархъ для новой церкви занялъ и часть Борисовскаго двора, лицевую сторону съ патріаршими полатами, что противъ Успенскаго собора, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ Двѣнадцати Апостоловъ.

Въ томъ же сентябрѣ 1652 г. на этомъ мѣстѣ уже копали рвы и сваи набивали подъ постройку церкви; слѣдовательно, церковная постройка началась тоже черезъ двѣ недѣли послѣ Успенскаго праздника.

Въ октябрѣ и по зимнему пути стали возить къ церковному дѣлу строительный матеріалъ 14.600, а потомъ 100 тысячъ кирпичу, 1000 бочекъ извести, 3.000 коробовъ песку. Однако закладка храма была совершена только въ началѣ августа (9 числа) 1653 г., когда самъ патріархъ пѣлъ молебенъ на каменномъ дѣлѣ и на церковномъ *окладѣ*. Вообще, строеніе по какому-то случаю производилось довольно медленно, такъ что оно было окончено только лѣтомъ 1655 г., а уборка главъ и кровли происходила осенью этого года, когда кровля была покрыта мѣдными золоче-

ными досками, и на пяти главахъ поставлены мѣдные золоченые кресты [1]).

Подъ церковью были устроены ворота, быть можетъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились ворота Борисовскаго двора. При церкви была также выстроена колокольница въ 1656 году. День освященія церкви намъ неизвѣстенъ.

24 февраля 1656 г., на первой недѣлѣ Великаго поста, Никонъ уже служилъ въ новой церкви литургію и пріобщался св. Таинъ.

Настѣнное письмо во всей церкви производилось уже лѣтомъ и въ августѣ этого года, для чего былъ купленъ большой запасъ разныхъ красокъ: слишкомъ 4 пуда голубцу, 10 пудовъ лазори цвѣтной, 6 пудовъ черлени слизухи, 6 пудовъ вохры слизухи, 5 пудовъ черлени нѣмецкой, 10 пудовъ празелени, 3 пуда киноварю, 5 пудовъ черлени псковской, всего на 256 рублей.

Въ 1658 г. иконописцы писали на воротахъ и у внѣшнихъ сторонъ на церкви стѣнное письмо.

Передъ церковью апостола Филиппа въ то же время (1654—1655 годахъ) патріархъ строилъ *свою новую Крестовую* полату меньшаго размѣра противъ старой. Эта полата въ первое время такъ и именовалась *своею новою Крестовою*, какъ это неоднократно записано въ «Книгѣ Записной облаченіямъ и дѣйствамъ патріарха» [2]).

Въ этой Записной книгѣ находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки: «Декабря 21 (1655 г.) Государь патріархъ поиде къ литургіи изъ *своея* Крестовыя полаты... Послѣ литургіи Антіохійскій патріархъ Макарій поднесъ Никону клобукъ бѣлый греческаго переводу, а Сербскій патріархъ Гавріилъ поднесъ ему шапочку греческую... И поиде Государь патріархъ въ *свою* Крестовую полату, а передъ нимъ, Государемъ, шли поддьяконы и подьяки—всѣ въ золотыхъ стихаряхъ, а пѣли стихи розные постанично всѣ вмѣстѣ... А пришедъ въ *новую свою крестовую* полату *юже самъ устроилъ* и пожаловалъ Государь святѣйшій

[1]) Здѣсь въ изданныхъ Матеріалахъ для Исторіи Москвы, ч. I, 230, 231, какъ оказалось, свѣдѣнія о церкви Филиппа отнесены ошибочно къ церкви Трехъ Святителей.

[2]) Рукопись Синодальной Библіотеки, № 93.

патріархъ своего Государева архидіакона и дьякона чернаго греческими клобуками и камилавками».

Полата была покрыта особою кровлею, слѣд. не была въ связи съ другими полатами. Однако черезъ сѣни она соединялась съ построенными въ томъ же 1655 г. новыми брусяными хоромами для житья самому патріарху.

Въ 1655 г. въ этой новой *Крестовой* на дверяхъ и окнахъ росписаны травы и повѣшено большое мѣдное паникадило. Въ той же полатѣ въ 1658 г. написаны лучшими мастерами новыя иконы, писали Симонъ Ѳедоровъ (Ушаковъ) и Ѳедоръ Козловъ.

Вопреки установившемуся свѣдѣнію, что патріархъ Никонъ построилъ донынѣ существующую Крестовую (Мѵроварную) полату и весь Синодальный домъ, приведенныя свидѣтельства указываютъ, что Никономъ была построена особая Крестовая для своихъ хоромъ, по размѣру, какъ упомянуто, меньшая, почему впослѣдствіи (въ 1672 г.) старая Крестовая обозначалась именемъ *Большой* Крестовой, а новая и въ описи Домовой Казны Никона названа *Малою*. Въ эту новую Крестовую Павелъ Алеппскій входилъ по двумъ лѣстницамъ, почему съ достовѣрностью можно предполагать, что эта Крестовая находилась въ третьемъ этажѣ новаго зданія передъ новою же церковью (нынѣ 12 Апостоловъ), гдѣ впослѣдствіи помѣщалась Ризница.

На своемъ старомъ патріаршемъ дворѣ патріархъ обновилъ церковь Трехъ Святителей, которая стояла особно и имѣла одну главу. При ней была устроена въ 1656 г. и колокольница, вѣроятно на стѣнѣ какой-либо полаты, покрытая кровлею въ 1658 г. Закомары подъ главою покрыты бѣлымъ желѣзомъ, спаяннымъ оловомъ. Церковь была устроена теплою и вновь росписана настѣннымъ письмомъ, для котораго куплено 5000 листовъ сусальнаго золота. Въ ней было устроено, какъ и въ Крестовой полатѣ, особое патріаршее *мѣсто*. За церковью сдѣланъ очагъ для составу и варенія св. мѵра.

Проломаны двери изъ паперти Трехъ Святителей въ старую Столовую полату и сдѣлана всхожая лѣстница. Обновленіе храма производилось постепенно въ теченіи 1654—1658 гг.

На дворѣ въ эти же годы построены новыя полаты скатертная, отдаточная и другія. Въ 1654 г. кузнецы дѣлали патріарховы домовые часы (башенные).

Во всѣхъ новыхъ полатахъ и въ брусяныхъ кельяхъ, теперь по новому, вмѣсто слюдяныхъ окончинъ, были устроены окончины стекольчатыя. Въ другихъ хоромахъ употреблены слюдяныя.

Отъ площади патріаршія полаты отдѣлены перегородкою; а внутри двора отъ новой хлѣбни по старую Столовую поставленъ *острогъ*, родъ тына, отдѣлявшій патріарховъ дворъ отъ государева двора.

Патріаршій дворъ, какъ упомянуто, былъ соединенъ съ царскимъ Дворцомъ переходами.

При Никонѣ государь построилъ въ 1654 г. переходы и въ Чудовъ монастырь съ Борисовскаго двора черезъ улицу Никольскую, ширина которой въ этомъ мѣстѣ не превышала 3 саж. Сообщеніе царскаго Дворца съ Чудовымъ монастыремъ потребовалось по случаю начатаго дѣла объ исправленіи церковно-служебныхъ книгъ, такъ какъ въ полатахъ монастыря должны были происходить засѣданія и совѣщанія по этому дѣлу. Въ монастырѣ жилъ въ 1658 г. старецъ Епифаній, который тогда перевелъ патріарху дохторскую книгу.

Съ патріаршаго двора былъ устроенъ всходъ на эти переходы, которые слѣдовательно проходили мимо всѣхъ построекъ на этомъ дворѣ. Переходы прозывались обыкновенно *Чудовскими*.

При патріархѣ Никонѣ стоявшая стѣна объ стѣну съ царскимъ Дворцомъ старѣйшая патріаршая церковь Ризположенія была отдѣлена къ дворцовымъ зданіямъ (послѣ 1653 г.) и именно къ хоромамъ царицы и царевенъ, терема которыхъ высились и передъ этою церковью и передъ западными вратами Успенскаго собора, какъ и передъ полатами патріаршаго двора. Съ этого времени паперть Ризположенской церкви сдѣлалась необходимою проходною галлерееͺю, переходами въ Успенскій соборъ для женской половины царскаго семейства, всегда выходившей къ моленію и къ службамъ въ скрытности отъ народныхъ очей.

Какъ упомянуто, терема царицы и царевенъ высились и передъ патріаршими полатами, поэтому Никонъ, выходя изъ своихъ полатъ въ соборъ, въ западныя его врата, и возвращаясь изъ собора тѣми же вратами, каждый разъ останавливался въ этомъ проходѣ, поднималъ вверхъ къ теремамъ свои взоры и, отдавъ посохъ архидіакону, благословлялъ по направленію къ Верху, т.-е. къ окнамъ теремовъ, затѣмъ кланялся до земли,

благословлялъ вторично и, вторично сдѣлавъ поклонъ, уходилъ въ свои полаты. Такъ же поступалъ и пребывавшій тогда въ Москвѣ Антіохійскій патріархъ Макарій каждый разъ, когда проходилъ въ соборъ западными вратами и когда затѣмъ возвращался въ патріарховы полаты. Такъ поступали и всѣ архіереи, воздавая должный почетъ государынѣ-царицѣ, которая всегда смотрѣла на проходящихъ изъ своихъ стеклянныхъ оконъ, но не открытыхъ, чего не подобало, а скрытно сквозь разрисованныя въ окнахъ травы.

Само собою разумѣется, что въ этомъ смотрѣніи участвовалъ и весь женскій чинъ государевой семьи и со всѣми комнатными боярынями. Окна царицыныхъ и царевниныхъ теремовъ высились передъ западными вратами собора именно для той цѣли, чтобы видѣть совершаемые изъ этихъ воротъ торжественные крестные ходы и молиться вмѣстѣ со всѣмъ народомъ.

Приведенныя выше отрывочныя свѣдѣнія объ устройствѣ патріаршаго двора при Никонѣ, собранныя нами изъ офиціальныхъ записей, дополнимъ общимъ описаніемъ всѣхъ новыхъ построекъ Никона, составленнымъ очевидцемъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, который 22 декабря 1655 г. присутствовалъ при самомъ новосельи въ этихъ постройкахъ.

«Должно знать», говоритъ архидіаконъ, «что теперешній патріархъ Никонъ имѣетъ большую любовь къ возведенію построекъ, памятниковъ и къ (церковному) благолѣпію. Въ бытность свою архимандритомъ монастыря Спаса, т.-е. Спасителя, что близъ этого города, онъ своими стараніями перестроилъ съ основанія какъ великую церковь, такъ и кельи, окружную стѣну и всѣ башни. Также, когда онъ сдѣлался митрополитомъ Новгорода, то воздвигъ тамъ прекрасныя зданія; а, сдѣлавшись патріархомъ, онъ построилъ для себя патріаршія кельи или, лучше сказать, царскія полаты, не имѣющія себѣ подобныхъ во всей странѣ Московской... Знай, что здѣшній патріаршій домъ существуетъ съ очень древнихъ временъ, со времени св. Петра, перваго митрополита Московскаго. Онъ малъ, тѣсенъ и не имѣетъ двора; надъ нимъ высятся полаты царицы (Архидіаконъ не зналъ, что существуетъ обширный дворъ за полатами). Нынѣшній патріархъ, любя строить и обновлять, выпросилъ у царя дворъ, находящійся близъ патріаршаго дома, съ сѣверной стороны собора (Царебо-

рисовскій). Царь подарилъ его, и патріархъ приступилъ къ возведенію на немъ огромнаго, чудеснаго зданія. Его строили нѣмецкіе мастера. Въ нижней части зданія патріархъ устроилъ семь Приказовъ, печь и огромную кухню, дабы тепло поднималось на верхъ. Лѣстница, весьма красивая, устроена насупротивъ стараго пути къ собору, гдѣ патріархъ всегда останавливался и благословлялъ полаты царицы. Наверху онъ выстроилъ диванъ (пріемную полату) [1]) и сдѣлалъ отъ нея проходъ со стороны царицыныхъ полатъ, по которому иногда втайнѣ проходитъ; и еще проходъ по направленію къ своимъ прежнимъ кельямъ. Внутри этой полаты онъ устроилъ маленькую церковь во имя новыхъ Московскихъ святыхъ, митрополитовъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, коихъ велѣлъ написать надъ ея дверью, а въ церкви написать портреты шести патріарховъ, бывшихъ со временъ Іереміи Константинопольскаго: первый изъ нихъ Іовъ, затѣмъ Германъ (Ермогенъ), Герасимъ (Игнатій?), Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ. Свой же портретъ, точь въ точь какъ онъ есть, велѣлъ написать послѣ тѣхъ, ибо онъ седьмой патріархъ. Онъ весьма украсилъ эту церковь и большею частію слушаетъ службу въ ней. Эта полата (старая Столовая) имѣетъ огромныя съ рѣшетками окна, выступающія изъ зданія и выходящія на царицыны полаты. Изъ нея выходишь въ другую большую полату (сѣни), гдѣ ждутъ приходящіе къ патріарху, пока онъ разрѣшитъ имъ войти. Отсюда входишь въ огромную полату (нынѣ Мѵроварную), которая поражаетъ своей необыкновенной величиною, длиной и шириной; особенно удивителенъ обширный сводъ безъ подпоръ посрединѣ.

«По окружности полаты сдѣланы ступеньки, и полъ въ ней вышелъ наподобіе бассейна, которому не хватаетъ только воды. Она выстлана чудесными разноцвѣтными изразцами. Огромныя окна ея выходятъ на соборъ; въ нихъ вставлены оконницы изъ чудесной слюды, украшенной разными цвѣтами, какъ будто настоящими; съ другой стороны окна выходятъ на дворъ стараго патріаршаго дома. Въ ней, подлѣ двора, сдѣланъ огромный каптуръ (печь) изъ превосходныхъ изразцовъ. Все сооруженіе скрѣплено желѣзными связями съ обѣихъ сторонъ. Никонъ назвалъ

[1]) Это, по всему вѣроятію, новая Крестовая, о которой мы упоминали выше.

эту полату *Христобъ* (Крестовая), т.-е. христіанская полата. Внутри этого помѣщенія есть еще покой, который служить нарѳексомъ (притворъ, паперть) большой прекрасной, весьма высокой церкви, устроенной патріархомъ въ честь святой Троицы и выходящей на площадку Чудова монастыря (апостола Филиппа, нынѣ Двѣнадцать Апостоловъ). На верху этой церкви сдѣланы (хоры) и въ нарѳексѣ ея три прохода съ лѣстницами: по одному патріархъ сталъ ходить въ соборъ, ибо онъ насупротивъ сѣверныхъ дверей его; другой ведетъ на новый дворъ, третій, выше этого помѣщенія, представляетъ лѣстницу, ведущую на верхъ зданія, гдѣ патріархъ построилъ еще двѣ церкви и кельи для дьяконовъ, откуда открывается видъ на весь городъ. Въ углу Крестовой (новой) полаты есть дверь, ведущая къ новому деревянному строенію съ многочисленными кельями, кои идутъ одна за другой и назначены для зимняго помѣщенія, ибо жители этой страны не любятъ жить въ каменныхъ домахъ, потому что, когда печи въ нихъ истоплены, то ударяетъ въ голову и причиняется головная боль. По этой причинѣ непремѣнно строятъ для зимы подлѣ каменныхъ деревянные дома и по всему зданію закрытые проходы. Всѣ двери такихъ помѣщеній бываютъ обиты зеленымъ сукномъ.

«Словомъ, это зданіе поражаетъ умъ удивленіемъ, такъ что, быть можетъ, нѣтъ подобнаго ему и въ царскомъ дворцѣ, ибо мастера нынѣшняго вѣка, самые искусные, собранные отовсюду, строили его непрерывно цѣлыхъ три года. Мнѣ разсказывали архидіаконъ и казначей патріарха, что онъ истратилъ на это сооруженіе болѣе 50.000 динаровъ (рублей), не считая дерева, кирпича и пр., подаренныхъ царемъ и государственными сановниками, и того, чтó большая часть рабочихъ были его крестьяне».

Необходимо замѣтить, что въ своемъ описаніи архидіаконъ не различаетъ да и не могъ различить старыхъ построекъ патріаршаго обиталища отъ новыхъ, возведенныхъ Никономъ, и описываетъ тѣ и другія, такъ сказать, въ общей суммѣ, какъ это выясняется и во всѣхъ его строкахъ. Такимъ образомъ, и представляется какъ бы несомнѣннымъ, что Никонъ построилъ цѣликомъ весь Патріаршій Домъ, во всѣхъ его частяхъ. Между тѣмъ Никонъ построилъ только церковь (нынѣ 12 Апостоловъ)

и передъ нею двѣ трехъэтажныя полаты, изъ которыхъ въ одной, въ третьемъ этажѣ, устроилъ *свою* Крестовую. Это сооруженіе примкнуло къ крыльцу Старой Крестовой полаты, гдѣ нынѣ лѣстница на верхъ, и отличается отъ старой постройки тѣмъ, что толща ея стѣнъ имѣетъ $1^1/_2$ аршина, а толща стѣнъ упомянутой Крестовой имѣетъ 3 аршина.

Не совсѣмъ правильно описанъ Патріаршій Домъ и покойнымъ архитекторомъ А. А. Потаповымъ (Древности М. Археол. Общ., т. XIX, вып. 2-й).

Онъ, слѣдуя указаніямъ Снегирева, утверждаетъ, стр. 72, что «старый патріаршій домъ былъ за церковью Ризположенія, которая и именовалась патріаршею». Это Снегиревское сказаніе и послужило источникомъ многихъ неправильностей въ разъясненіи различныхъ частей Патріаршаго дома. На 74 и 76 стр., не имѣя прямого свѣдѣнія о церкви Трехъ Святителей, авторъ смѣшиваетъ показанія о ней съ *новою* церковью, т.-е. съ церковью, которую строилъ патр. Никонъ во имя ап. Филиппа. На стр. 75 онъ повторяетъ сказаніе Снегирева, что старый патріаршій дворъ издревле существовалъ *около* церкви Ризположенія, и указываетъ ему мѣсто «на сѣверной сторонѣ отъ Теремнаго дворца и будто бы параллельно ему», присовокупляя, что этотъ старый дворъ былъ расширенъ при патр. Филаретѣ чего однако, не было и никакихъ свидѣтельствъ на это не существуетъ. Но авторъ на той же страницѣ говоритъ уже о перенесеніи двора на *новое мѣсто*. Это новое мѣсто оказывается тамъ, гдѣ стоитъ корпусъ старой Крестовой (нынѣ Мνроварной), который принадлежитъ къ самымъ старымъ постройкамъ двора и составляетъ часть именно стараго двора, къ которой примкнула и новая постройка Никона съ церковью 12 Апостоловъ.

Однако авторъ на стр. 76 прямо говоритъ, что эта Мνроварная и «была Крестовая патр. Никона», т.-е. новое его сооруженіе, и дѣлитъ вообще весь дворъ патріарховъ на старый и новый.

Для стараго двора авторъ отдѣляетъ только старую Столовую и церковь Трехъ Святителей, стоявшую на западномъ краю двора, по сосѣдству съ дворцовыми зданіями, именно съ хоромами царевенъ.

Новый дворъ, т.-е. зданіе Никоновской постройки, по увѣре-

нію автора, суть и донынѣ существующій весь корпусъ, оканчивающійся къ востоку церковью 12 Апостоловъ, между тѣмъ какъ западная половина корпуса съ Мνроварною полатою принадлежитъ, какъ упомянуто, къ самымъ старымъ постройкамъ.

Вообще, разъясненія Потапова требуютъ значительнаго исправленія.

«Это рѣдкостное сооруженіе,—продолжаетъ архидіаконъ,—было окончено постройкой и омеблировано на этой недѣлѣ, но Никонъ до сихъ поръ не переходилъ въ него. Причина этому та, что въ этотъ день, пятницу 21 декабря, случилась память преставленія св. Петра, перваго митрополита Московскаго, мощи котораго находятся въ алтарѣ (собора). Московиты имѣютъ обыкновеніе весьма благолѣпно праздновать его память въ этотъ день, какъ мы упомянули раньше и какъ видѣли теперь,—торжественнѣе, чѣмъ праздникъ Рождества. Патріархъ обыкновенно устроиваетъ у себя послѣ обѣдни большую трапезу для царя, его вельможъ и всего священнаго чина. Случилось, что теперь были окончены его новыя полаты; но такъ какъ память святого пришлась въ этотъ день, пятницу, когда не позволяется ѣсть рыбу, а у нихъ пиршества не устроиваются и не могутъ быть роскошны безъ рыбы, то празднованіе святому отложили до слѣдующаго дня, т.-е. до субботы. Никонъ далъ знать нашему владыкѣ патріарху, чтобъ онъ приготовился служить въ этотъ вечеръ вмѣстѣ съ нимъ всенощную въ соборѣ, а завтра, послѣ обѣдни, пожаловалъ бы къ нему на трапезу въ новыя полаты.

«Вечеромъ, по обычаю, было совершено малое павечеріе, а послѣ 8-го часа ночи прозвонили четырекратно въ большой колоколъ. Мы вошли въ церковь въ 9-мъ часу. Пришли въ церковь царица и царь...

«Служба была большая, продолжительная и торжественная. Мы вышли изъ церкви лишь при восходѣ солнца, умирая отъ усталости и стоянія на ногахъ отъ 9-го до 16-го часа. Въ эту ночь мы столько натерпѣлись отъ сильнаго холода и стужи, что едва не погибли, особливо потому, что стояли на желѣзныхъ плитахъ: Богъ свидѣтель, что душа чуть не покинула насъ. Что касается меня, бѣднаго, то я хотѣлъ выйти и убѣжать изъ алтаря, но не могъ, ибо царь стоялъ передъ южными дверьми, а царица передъ сѣверными, такъ что поневолѣ пришлось страдать. Когда

я вернулся въ свое помѣщеніе, Богъ свидѣтель, что я въ теченіи трехъ дней былъ совершенно не въ состояніи стоять на ногахъ, хотя бы ихъ рѣзали желѣзомъ. Я погружалъ ихъ въ нагрѣтую воду и совсѣмъ не чувствовалъ тепла, а вода охлаждалась. Въ такомъ положеніи, страдая болью въ ногахъ, я оставался, Богъ свидѣтель, въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ. Но на все воля Божія! Что это за всенощныя и бдѣнія! Болѣе всего насъ удивляло, что дѣти и малютки, и притомъ не простолюдиновъ, а вельможъ, стояли съ непокрытою головой, неподвижно и не шевелясь, какъ статуи. Какая выносливость! Какая вѣра! Вотъ нѣчто изъ того, что мы могли бы сказать о всенощныхъ бдѣніяхъ въ странѣ Московитовъ, извѣстныхъ всюду.

«Спустя часъ послѣ нашего выхода изъ собора, зазвонили въ колоколъ, и мы опять вернулись туда измученные, умирая отъ усталости, дремоты и холода. Оба патріарха облачились, и съ ними въ этотъ день облачились три архіерея и десять архимандритовъ въ митрахъ, двѣнадцать іереевъ монашествующихъ и мірскихъ, двадцать взрослыхъ дьяконовъ и болѣе двадцати анагностовъ и иподьяконовъ: всѣхъ вмѣстѣ съ обоими патріархами и Сербскимъ архіепископомъ было болѣе семидесяти служащихъ въ алтарѣ. Пришла царица, а послѣ нея царь. Во время выхода священники выносили покровъ съ мощей св. Петра, похожій на плащаницу: онъ весь расшитъ золотомъ и жемчугомъ, и на немъ изображенъ святой, какъ онъ есть, въ облаченіи полиставрія (крестчатомъ). Когда кончилась обѣдня, и мы сняли облаченія, оба патріарха вышли къ царю, чтобы его благословить. Царь, взявъ за правую руку нашего учителя, повелъ его къ царицѣ, чтобы онъ ее благословилъ. По уходѣ царя опять затворили двери церкви, пока царица, какъ въ тотъ день, прикладывалась, по обычаю, послѣ чего она удалилась. Тогда всѣ дьяконы, поя, пошли со свѣчами впереди патріарха, пока онъ поднимался въ свои новыя полаты, которыя открылъ, поселившись въ нихъ въ этотъ день. Когда онъ вступилъ въ нихъ, къ нему подошелъ сначала нашъ владыка-патріархъ и поднесъ ему позолоченную икону Трехъ Святителей и большой черный хлѣбъ съ солонкой соли на немъ, по ихъ обычаю, поздравилъ его и пожелалъ ему благополучія въ его новомъ жилищѣ. Послѣ него подходили архіереи и сначала поднесли позолоченныя иконы имени своихъ каѳедральныхъ церквей,

а потомъ хлѣбъ-соль, большіе золоченые кубки, нѣсколько кусковъ парчи и бархата и пр., при чемъ дѣлали поклонъ. За ними подходили настоятели монастырей и даже ихъ уполномоченные, проживающіе въ ихъ подворьяхъ въ городѣ, именно уполномоченные отдаленныхъ монастырей. Также подносили ему подарки царевичи. Затѣмъ подходили городскіе священники, купцы, сановники государства, ремесленники и подносили кубки, сороки соболей и пр. Но Никонъ отъ всѣхъ, за исключеніемъ архіереевъ и игуменовъ, принималъ только иконы и хлѣбъ-соль. Была большая тѣснота. Наконецъ, патріархъ послалъ пригласить царя къ своему столу. Царь, войдя, поклонился патріарху и поднесъ сначала отъ себя хлѣбъ-соль и сорокъ соболей высшаго сорта и тоже поднесъ отъ имени царицы и своего сына, три хлѣба и три сорока отъ своихъ сестеръ, и тоже отъ своихъ дочерей; всего 12 хлѣбовъ и 12 сороковъ соболей. Въ это время патріархъ стоялъ на переднемъ мѣстѣ полаты, царь же самъ ходилъ къ дверямъ и подносилъ упомянутые подарки собственноручно, принимая на себя не малый трудъ, крича на бояръ, которые держали ихъ, чтобы они подавали ему скорѣе; онъ казался слугой, и—о удивленіе!—когда подносилъ подарки отъ себя, то поклонился патріарху, говоря: «твой сынъ, царь Алексѣй, кланяется твоей святости и подноситъ тебѣ...» Также, когда подносилъ подарки отъ царицы, назвалъ ее, и тоже при поднесеніи остальныхъ подарковъ. Что это за смиреніе, которое мы, стоя тутъ, видѣли въ этотъ день! Развѣ нельзя было тебѣ, царь, слава своего вѣка, стоять на своемъ мѣстѣ и приказывать слугамъ, чтобы они приносили тебѣ подарки? Но ты самъ ходишь за ними! Да увѣковѣчитъ Богъ твое царство за великое твое смиреніе и за приверженность къ твоему патріарху! Въ правой рукѣ царь держалъ черный посохъ съ двумя маленькими развѣтвленіями.

«Послѣ этого патріархъ поклонился ему и извинялся, выражая свою благодарность; затѣмъ посадилъ его за (особый) царскій столъ, который раньше одинъ изъ бояръ уставилъ золотыми сосудами, наподобіе чашъ, солонками, кувшинчиками съ уксусомъ и пр. Столъ этотъ стоялъ въ углу полаты, подлѣ двухъ оконъ, выходящихъ одно на соборъ, другое на Чудовъ монастырь. Близъ него, слѣва, былъ поставленъ другой столъ для патріарха, а подлѣ—большой столъ, который занялъ остальное пространство на этой

сторонѣ, обращенной къ собору; за нимъ посадили всѣхъ бояръ и сановниковъ государства. Нашего учителя посадили за особымъ столомъ справа отъ царя и подлѣ него Сербскаго архіепископа. Грузинскаго царевича посадили близъ нихъ въ этомъ переднемъ мѣстѣ, также за особымъ столомъ, и близъ же нихъ трехъ (другихъ) царевичей, тоже за особымъ столомъ. Къ каждому столу отдѣльно было приставлено по нѣскольку виночерпіевъ и слугъ. Митрополитовъ, архимандритовъ и прочихъ настоятелей, соборныхъ протопоповъ и священниковъ посадили за большимъ столомъ насупротивъ бояръ. Еще раньше, подлѣ чудесной огромной печи этой полаты, установили большой столъ, наподобіе высокихъ подмостковъ, со ступеньками, покрытыми матеріей, на коихъ размѣстили большіе серебряно-вызолоченные кубки и иные великолѣпные сосуды для напитковъ. На потолкѣ этого помѣщенія висѣли пять чудесныхъ поліелеевъ (люстръ); одинъ, серебряный, висѣлъ близъ царскаго стола, и внутри его яблока были скрыты часы съ боемъ.

«Когда усѣлись за столъ и начали ѣсть, пробило 6 часовъ дня, такъ что до вечера оставалось меньше часа. Обрати вниманіе на то, какое мученіе мы претерпѣли въ прошлую ночь и сегодня; цѣлыхъ 24 часа стояли на ногахъ безъ пищи! Видя, какая здѣсь тѣснота, мы пошли въ свое жилище, поужинали и вернулись, чтобы поглазѣть. Когда принялись за ѣду, одинъ изъ анагностовъ началъ читать, по ихъ обычаю, на аналоѣ посрединѣ (полаты) житіе святаго (Петра митрополита), высокимъ, нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ. По временамъ выходили пѣвчіе и пѣли. Но наибольшее удовольствіе патріархъ и царь находили въ пѣніи дѣтей казаковъ, коихъ царь привезъ много изъ страны Ляховъ и отдалъ патріарху, который одѣлъ ихъ наилучшимъ образомъ, зачислилъ въ свои служители, назначивъ содержаніе, и потомъ посвятилъ въ анагносты. Они всегда имѣли первенство въ пѣніи, которое предпочитаютъ пѣнію пѣвчихъ-московитовъ, басистому—и грудному. Тѣ пѣли одинъ часъ, а эти послѣ нихъ. Когда пѣвчіе кончали, чтецъ продолжалъ житіе. Отъ начала трапезы до конца царь безпрестанно посылалъ нашему владыкѣ-патріарху со своего стола блюда съ кушаньемъ и много кубковъ съ напитками и велъ съ нимъ бесѣду, выказывая къ нему великое дружелюбіе. Переводчикомъ между ними былъ Сербскій архіепископъ. Царь про-

силъ помолиться за него Богу, какъ Василій Великій молился за Ефрема Сирина, и тотъ сталъ понимать по-гречески, такъ чтобы и царю уразумѣть этотъ языкъ. Вечеромъ зажгли свѣчи въ люстрахъ, и полата ярко освѣтилась. Затѣмъ патріархъ пригласилъ царя и нѣкоторыхъ вельможъ вмѣстѣ съ царевичами и нашего владыку-патріарха и Сербскаго и повелъ ихъ въ новое деревянное помѣщеніе. И здѣсь устроили большое веселье съ превосходными напитками и пр. Патріархъ поднесъ царю въ подарокъ большой кусокъ Древа Честнаго Креста, частицу драгоцѣнныхъ мощей одного святаго, 12 позолоченныхъ кубковъ, 12 кусковъ парчи и пр. Затѣмъ они вышли въ наружное помѣщеніе и продолжали пиршество до восьмаго часа ночи.

«Тогда царь поднялся и роздалъ всѣмъ присутствующимъ кубки за здравіе патріарха. Выпивъ, опрокидывали ихъ себѣ на голову, чтобы показать, что выпили здравицу до капли. Подобнымъ образомъ и патріархъ Никонъ всѣмъ далъ выпить за здравіе царя, при чемъ также опрокидывали кубки на голову, преклоняя колѣна передъ (питьемъ) и послѣ. Затѣмъ пили за царицу, ихъ сына и прочихъ. Нашъ владыка-патріархъ и прочіе присутствующіе встали и отправились къ себѣ домой. Царь же оставался у патріарха до десятаго часа, пока не ударили къ заутрени, и они оба пошли въ соборъ къ бдѣнію, по случаю памяти ихъ святаго, Филиппа, и вышли изъ церкви на разсвѣтѣ. Обрати вниманіе на эту твердость и выносливость!

«Въ это воскресенье, позднимъ утромъ, нашъ владыка-патріархъ ѣздилъ къ Московскому, чтобы, согласно съ ихъ обычаемъ, поблагодарить его вмѣстѣ со всѣми, бывшими у него наканунѣ за трапезой. Многіе, которые не могли одарить его вчера, поднесли свои подарки сегодня».

Послѣ Никона протекшія 10 лѣтъ при патріархахъ Іоасафѣ II и Питиримѣ не ознаменовались никакимъ сколько-нибудь значительнымъ переустройствомъ патріаршаго двора. Когда въ 1672 г. померъ патріархъ Іоасафъ II, то по случаю его выноса упомянуто тогдашнее расположеніе патріаршихъ полатъ. Изъ заднихъ хоромъ-келій, гдѣ онъ скончался, прахъ его несли «сквозь сѣни ризничаго и въ паперть, что передъ новою церковью (апостола Филиппа), да сквозь *заднюю* и потомъ *большую* Крестовую въ

церковь Трехъ Святителей». При патріархѣ Питиримѣ въ 1673 г. иконописцы писали красками и золотомъ въ новыхъ патріаршихъ кельяхъ шкапы, двери и ободверіе, печи и окончины.

При патріаршествѣ Іоакима (съ 26 іюля 1674 г.) произведены нѣкоторыя постройки для устройства на нихъ патріаршаго сада. По вступленіи въ санъ патріарха, проведя конецъ лѣта на своемъ дворѣ, онъ замѣтилъ, что его предшественники мало обращали вниманія на прохладу патріаршаго быта, именно на недостатокъ лѣтняго пріюта въ благоустроенномъ саду. При кельяхъ и прежде находился небольшой садъ при патріархѣ Іосифѣ, но послѣ онъ или запустѣлъ или представлялъ уже мало простора для новыхъ потребностей. При Никонѣ не упоминается о садоводствѣ. Однако, повидимому сады на патріаршемъ Кремлевскомъ дворѣ существовали изстари, какъ это подтверждается и планомъ Кремля времени Годунова, гдѣ позади служебныхъ зданій двора обозначенъ и садъ изъ семи деревьевъ, принадлежавшій, стало быть, первому патріарху Іову (Альбомъ видовъ, № 1).

Ровно черезъ полгода послѣ своего пришествія на патріаршій дворъ, патріархъ Іоакимъ 1 февраля 1675 г. указалъ на своемъ патріаршемъ дворѣ строить каменное дѣло: на квасоварнѣ новую казенную полату, а подлѣ нея въ полатахъ Казенный приказъ съ сѣньми и крыльцомъ, а надъ ними подлѣ своихъ деревянныхъ келій устроить и утвердить мѣсто, чтобъ можно было на немъ *садъ* учинить, и то садовое мѣсто огородить каменною стѣною.

Такой садъ надъ строеніями требовалъ большой затраты, именно на свинцовое покрытіе строеній, дабы не проходила въ нихъ вода дождевая и поливная. Вмѣсто свинцовыхъ досокъ, которыми устроивались сады на царскомъ дворцѣ, патріархъ велѣлъ употребить дерево, бревна и доски и велѣлъ сдѣлать на Приказной Казенной полатѣ и на ея сѣняхъ вверху, подлѣ келій, подъ садовое мѣсто бревенчатый мостъ (полъ) съ бревенчатыми толстыми жолобами для спуска воды, и мостовыя бревна всѣ жолобить, мостъ сплотить и на переклады положить, и жолобы всѣ высмолить развариваною съ желѣзиною смолою; межъ бревенъ спаи выконопатить смоленою посконью, и по тому мосту поперекъ тесомъ наслать, а по тесу скалами (берестою).

На этомъ помостѣ и была насыпана садовая земля и посажены растенія; что было посажено—неизвѣстно, но въ 1679 г. упоми-

нается, что садовникъ тогда посадилъ въ этомъ *верховомъ* саду 65 кустовъ гвоздиковъ, салатъ, горохъ и бобы.

Относительно растеній наши свѣдѣнія ограничивались только этимъ годомъ. Въ сочиненіи г. Н. Писарева Домашній бытъ русскихъ патріарховъ, стр. 50—51, находимъ новыя свидѣтельства о томъ, что бывало сажено въ этомъ саду, въ которомъ была и полатка (бесѣдка).«Въ 1676 г. было куплено въ верховой садъ для разсадки: 30 тюльпановъ вялыхъ... 21 кустъ маку дивьяго; миру 16 кустовъ, турского роману 7 кустовъ, бархатовъ красныхъ и алыхъ 20 кустовъ, салату турского на 10 алтынъ, свеклы на 10 денегъ, 2 куста дынныхъ выносковъ». Повидимому, это была дополнительная посадка къ тому, что уже росло въ саду, такъ какъ нельзя предполагать чтобы составъ упомянутыхъ растеній представлялъ всю садовую полноту.

Затѣмъ г. Писаревъ упоминаетъ, что «въ 1677 г. садили тамъ же горохъ, бобы». Далѣе авторъ сообщаетъ, что «патріархъ Іоакимъ устроилъ еще «*нижній садъ, что у Житенъ*», въ которомъ былъ чардакъ деревянный (тоже бесѣдка) на столбикахъ точеныхъ съ подзоринами рѣзными и четырьмя точеными яблоками обитыми желѣзомъ. Въ этотъ (нижній) садъ 22 апрѣля 1679 г. куплено: 200 тюльпановъ, гвоздики нѣмецкой 100 кустовъ, гвоздики турецкой 50 кустовъ, салфѣи 100 кустовъ, калуферу 20 кустовъ, нѣмецкаго краснаго кудряваго розину 6 кустовъ».

30 апрѣля куплено: *23 яблони* прививковъ и почешныхъ *7 грушъ* всѣ съ цвѣтомъ, малины на 13 алт. 2 ден.; гвоздики турецкой 44 к. да нѣмецкой 350 к., 2 к. пижмы, 14 к. рожъ красныхъ мороховатыхъ, 44 к. роману турскаго, Божія дерева 1 к., 10 к. коруны рудожелтой, 4 к. исопу, рябины на 2 алт., мяты нѣмецкой на 5 алт., чабру да тимону да крону на 2 алт. 4 ден., земляники, салату на 9 алт., огурцовъ на 9 алт. 2 ден., бобу большого краснаго, 2 к. ревеню, 200 к. бархатовъ кудрявыхъ, да миру на 11 алт., вару на 5 алт.... *56 деревъ вишенъ*... Въ 1680 г. куплено въ *верхній* и *нижній* садъ 300 тюльпановъ да 200 шестовъ 4-хъ саженныхъ, *70 кустовъ черной смородины*, морковного сѣмени на 8 ден., потомъ опять нѣмецкой гвоздики, салату и т. д.

Очень сомнительно, чтобы всѣ эти растенія были куплены для Кремлевскихъ патріаршихъ садовъ. Сомнительно также, что

въ Кремлѣ у патріарховъ было два сада, верхній и нижній. Мы полагаемъ, что былъ только одинъ садъ—не верхній, а *верховой*, т.-е. существовавшій въ патріаршемъ Верху при жилыхъ комнатахъ; объ устройствѣ этого сада мы говорили выше. Эти 23 яблони, 7 грушъ, 56 деревъ вишенъ, 70 кустовъ черной смородины, 200 шестовъ четырехсаженныхъ должны указывать на значительное садовое пространство, а такого пространства даже и въ *нижнемъ саду* не могло оказаться, потому что Кремлевскій патріарховъ дворъ былъ тѣсно застроенъ служебными зданіями.

Возможно полагать, что растенія были куплены не столько для Кремля, сколько для двухъ садовъ, *верхняго* и *нижняго*, находившихся въ старозавѣтной дачѣ святителей, гдѣ скончался митр. Кипріанъ, въ селѣ Троицкомъ Голенищевѣ, гдѣ подлѣ патріархова двора было «два сада съ яблонями и съ грушами и съ вишнями и смородиною красною, въ томъ числѣ *верхняго* саду длиннику 78 саж., поперечнику 77 саж. съ аршиномъ; въ нижнемъ саду длиннику 50 саж. 2 арш., поперечнику 52 саж. съ полуаршиномъ... Да кромѣ тѣхъ садовъ пять *житницъ*... и къ житницамъ *промежъ садовъ* ворота о дву щитахъ съ калиткою»... Становится объяснимымъ и сообщеніе г. Писарева, что патріархъ Іоакимъ устроилъ еще нижній садъ, *что у житенъ* (50), т.-е. что у житницъ. Надо замѣтить, что весь патріаршій дворъ въ Кремлѣ и со всѣми своими строеніями занималъ пространство только около 50 саж. въ квадратѣ.

Въ 1677 г. въ маѣ самъ патріархъ ходилъ смотрѣть у заднихъ воротъ какое-то каменное дѣло, вѣроятно значительное почему-либо въ дворовомъ обиходѣ.

Въ 1680 г. Никоновская церковь во имя апостола Филиппа была переустроена во имя 12 Апостоловъ. 29 мая патріархъ «указалъ церковь, которой быть во имя св. Двунадесятъ Апостолъ, что на патріаршемъ дворѣ, надъ вороты. Въ церкви своды и стѣны левкасомъ подмазавъ, прикрыть лазорью; въ средней главѣ внутри и отвнѣ письмо починить; иконостасъ сдѣлать столярный гладкій съ дорожниками, съ столбцами точеными; иконы мѣстныя, и двери царскія, и южныя, и сѣверныя, деисусы, праздники и пророки вновь написать; помостъ выстлать кирпичомъ муравленымъ; олтарь покрыть тесомъ, опаять бѣлымъ желѣзомъ и совсѣмъ тоѣ церковь приготовить ко освященію».

Срокъ для исполненія этихъ работъ былъ назначенъ къ Рождеству Христову, того же 1680 г., но онѣ окончились только въ сентябрѣ 1681 г., когда 13 числа храмъ и былъ освященъ.

Для стѣннаго письма весь храмъ отъ верха до пола былъ подмазанъ левкасомъ и набитъ гвоздями, утверждавшими левкасъ. Иконописцы по левкасу покрыли лазорью звѣздами и *острофили*, т.-е. очертили, рисунки для письма. Въ главахъ, въ 24 вѣтреницы и въ 10 церковныхъ оконъ вставлены слюдяныя окончины. Въ старой писаной большой главѣ вновь написаны св. Апостолы, противъ прежняго и починенъ вновь Спасовъ образъ, херувимы, серафимы, ангелы, архангелы.

Мостъ-полъ церковный былъ выложенъ угольчатымъ муравленымъ кирпичомъ, муравленымъ съ обѣихъ сторонъ свинцомъ, котораго употреблено мягкаго 22 пуда.

Иконостасъ поставленъ сныцарской работы рѣзной, въ 11 арш. вышины и 15 арш. ширины.

Написаны и поставлены иконы: деисусъ—15 иконъ, праздниковъ—16, пророковъ—15. Вмѣсто пояса или тябла праотцевъ поставлены 12 круговъ золоченыхъ съ изображеніемъ Христовыхъ Страстей, а посреди круговъ Распятіе съ предстоящими, слѣд. тоже 15 иконъ. Можно полагать, что съ этого времени по этому образцу стали поставлять вверху иконостаса Распятіе съ предстоящими и въ другихъ храмахъ, что потомъ водворилось повсюду и обозначило западное вліяніе на нашу старину. Въ числѣ мѣстныхъ иконъ поставленъ образъ Богородицы Боголюбской съ изображеніемъ на немъ въ моленіи апостола Филиппа и митрополита Филиппа, стоявшій въ прежней церкви Филиппа апостола; затѣмъ иконы: 12 Апостоловъ, Ильи Пророка, Трехъ Святителей Вселенскихъ, Трехъ Святителей Московскихъ. При освященіи церкви употреблены большія свѣчи налѣпы, числомъ 55, раскрашенныя красною и зеленою краскою.

Патріаршее мѣсто, стоявшее въ церкви Трехъ Святителей, было вызолочено и перенесено въ Новую Апостольскую церковь.

Какъ упомянуто, храмъ былъ обновленъ во всѣхъ частяхъ къ сентябрю 1681 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходило поновленіе отъ верха до земли (худыя мѣста починены и все выбѣлено) во всѣхъ полатахъ, стоявшихъ между новымъ храмомъ и Крестовою полатою, въ томъ числѣ *Ризничная* полата, находившаяся съ западной стороны

подлѣ храма, а также врата подъ нимъ, Крестовыя сѣни и кельи патріарха.

Въ томъ же 1681 г. патріархъ указалъ сдѣлать и въ Трехсвятительскую церковь новый иконостасъ, для чего были подряжены золотари изъ царскаго дворца съ уговоромъ: иконостасъ позолотить и росписать три пояса, столбы и каптели и базики и рамы и дорожники всѣ позолотить краснымъ золотомъ на *пулментъ*, а низкія мѣста и за столбами посеребрить, и тумбы росписать, какъ свят. патріархъ укажетъ; и вмѣсто пеленъ написать бархаты противъ Верховыхъ церквей.

Въ 1682 году 26 ноября случился пожаръ во Дворцѣ, великихъ государей *терема* выгорѣли и соборная Успенская церковь и домъ святѣйшаго патріарха обгорѣли.

Послѣдній патріархъ, Адріанъ, вступившій въ этотъ санъ въ августѣ 24 числа 1690 г., также много потрудился въ переустройствѣ своего двора.

Съ началомъ весны 1691 г. онъ указалъ построить на своемъ большомъ дворѣ въ *Верху* передъ Ризницею *въ сѣняхъ Столовую* полату, а въ ней сдѣлать къ Ризницѣ въ дверяхъ колоды каменныя; въ кельѣ малой, что отъ собору, двери пробравъ сдѣлать новыя, а старыя задѣлать, сводъ въ ней сдѣлать новой; помостъ въ Столовой поднять выше, а въ сѣнцахъ малыхъ, промежъ Столовой и малой кельи, опустить ниже, сдѣлать помостъ вездѣ ровно и накласть желѣзными плитами; въ Столовой и въ Малой кельѣ окна сдѣлать шире; вверху *надъ Столовою* сдѣлать вновь *келью*. длина промежъ стѣнъ 3 саж., поперегъ 3 саж. безъ чети; передъ кельею сдѣлать *переднюю* келью да въ ней надъ всходною лѣстницею и по стѣнѣ къ собору два чулана, да подлѣ другой кельи сдѣлать отходъ; а большая настоящая келья сдѣлать безъ сводовъ, а прочія со сводами; а у оконъ со внѣшнюю сторону ростески и столбики и углы столбоваты и все сдѣлать противъ оконъ и угловъ Чудовской трапезы; а надъ окнами кзымсы и обвершка противъ оконъ, каковы сдѣланы на Ивановской площадной полаткѣ; а мосты (полы) нижніе и поверхъ сводовъ и потолковъ будутъ каменные или желѣзные; гдѣ быть печамъ, трубы вывесть и на верху всѣ ихъ круглыя сдѣлать; а къ отходу верхнему отъ испод-

няго трубу сдѣлать каменную и вверхъ отъ него трубу на кровлю вывесть; и вездѣ левкасомъ подмазать и выбѣлить.

Въ 1692 г. построены новыя каменныя полаты, гдѣ велѣно быть вновь Дворцовому приказу.

Въ 1694 г. переустроенъ Разрядъ, выходившій своими дверями и стѣнами на площадь, при чемъ большія двери на площадь задѣланы кирпичомъ и сдѣланы малыя дверцы проходныя, а надъ ними стѣна проломана для свѣту и сдѣлано окно съ рѣшеткою.

Съ площади отъ воротъ кругомъ полатъ до воротъ, что подъ церковью 12 Апостолъ, забрать заборомъ въ столбы для того, чтобы близь окошекъ никто съ лошадьми не ставился.

Въ 1697 г. патріархъ указалъ купить на домовой *большой дворъ* къ строенью Ризницы 100 тысячъ кирпичу. Но была ли эта Ризница строена, неизвѣстно.

Въ томъ же году передъ Крестовою въ сѣняхъ, гдѣ дневать дворянамъ, сдѣлана особая полатка да передъ Пѣвческою полатою рундукъ каменный.

Лѣтомъ 1699 г. произведены различныя починки и передѣлки снаружи у церкви 12 Апостолъ, кровля которой покрыта новымъ желѣзомъ; а подъ церковью Трехъ Святителей задѣланы кирпичомъ старыя ворота, бывшія святыя, и подъ своды поддѣланъ столбъ каменный. Видимо, что церковь, простоявъ слишкомъ сто лѣтъ, ветшала и потребовала подпоръ. Въ 1763 г. она наконецъ обрушилась и была разобрана.

11-го августа патріархъ указалъ въ дому своемъ свою патріаршу Крестовую полату, вмѣсто старой тесовой кровли, покрыть вновь, опричь сѣней, по старымъ желѣзнымъ стропиламъ, всю дощатымъ Свицкимъ желѣзомъ въ одну сторону полудя; и подъ кровлю подзоры сдѣлать противъ образца, какъ покрыта паперть передъ церковью 12 Апостолъ, на которой въ томъ же году поставлены новые кресты, желѣзные. Желѣза куплено 430 пудовъ, въ томъ числѣ 56 пудовъ у крестьянина Ивашки Забѣлина.

Патріархъ Адріанъ померъ 16 окт. 1700 г. На его мѣсто вступилъ блюститель патріаршаго Престола Стефанъ Яворскій, въ управленіе котораго уже не происходило никакого по личному вкусу перестройства въ зданіяхъ святительскаго двора. Производились только поправки и починки обветшавшаго. Такъ, зимою 1701 г. были починены изразчатые полы въ Крестовой и въ церк-

ви 12 Апостолъ; вставлены вмѣсто попорченныхъ старыхъ муравленыхъ кирпичей новые угольчатые и четвероугольные, которые съ одной стороны зелены, муравлены свинцомъ, и работаны въ Гончарной слободѣ.

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній выясняется то обстоятельство, что на патріаршемъ дворѣ почти каждый новый хозяинъ устроивалъ и передѣлывалъ разныя помѣщенія, согласуясь съ своими личными потребностями и нуждами хозяйственнаго обихода и управленія. Перемѣщались кельи, переустроивались изъ старыхъ новыя полаты, для чего пробивали новыя двери и окна, задѣлывали старыя, переводились изъ полаты въ полату дворовыя служебныя учрежденія и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что обширный патріаршій дворъ представлялъ въ своемъ родѣ цѣлый городокъ, состоявшій изъ особняковъ каменныхъ и деревянныхъ, изъ полатъ и избъ, размѣщенныхъ во дворѣ, смотря по удобству и хозяйственнымъ потребностямъ.

Цѣльный, такъ называемый, *домъ* представляла только Крестовая полата съ прилежащими къ ней другими немногими зданіями, но и та выдвигалась отдѣльнымъ строеніемъ съ особою кровлею.

Церкви Трехъ Святителей, Соловецкихъ чуд. (12 Апостолъ) также, какъ упомянуто, стояли особняками и соединялись съ жилыми помѣщеніями посредствомъ сѣней, переходовъ и своихъ папертей.

Полный составъ различныхъ жилыхъ помѣщеній патріаршаго дома упоминается по случаю расхода свѣчъ, которыхъ въ два мѣсяца на іюль и августъ 1686 г. было употреблено 1000 свѣчъ большаго литья и 2000 малаго литья, а именно: въ Верхъ свят. патріарха въ кельи, въ Крестовую, въ Столовую, въ кельи Казначейскія, іеромонаховъ трехъ, ризничаго; іеродіяконовъ двухъ и старцовъ: конюшаго, чашника, сушиленнаго, житнаго; въ полаты клюшника, ясельничаго и по службамъ на погребы, въ поварню, приспѣшню, скатертную, въ двѣ хлѣбодарни, въ квасо- и пивоварню, въ полаты дворянамъ, и передъ Крестовую полату дневальнымъ; къ подьякамъ (пѣвчимъ), въ правильню, въ портномастерскую полату, въ Богоявленскую школу и за святѣйшимъ въ походы и на всякіе мелкіе расходы.

Съ упраздненіемъ патріаршаго сана настаетъ и постепенное запустѣніе патріаршаго двора, которому вначалѣ способствуютъ и пожары 1701 и 1737 годовъ.

Самое жилище патріарха, его кельи, было оставлено пустымъ, такъ какъ Блюститель упраздненнаго престола, Стефанъ, пребывалъ на своемъ Рязанскомъ подворьѣ, гдѣ и скончался 27 ноября 1722 г.

При немъ до учрежденія Синода не произошло почти никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ двора; производились только самыя необходимыя мелкія починки и то только въ Крестовой палатѣ, въ храмѣ 12 Апостолъ, какъ упомянуто о починкѣ пола въ этихъ зданіяхъ.

12 марта 1718 г. старый патріаршій дворъ посѣтилъ в. г. Петръ Алексѣевичъ и, будучи въ патріаршей Ризницѣ, «указалъ въ той Ризницѣ построить библіотеку разноязычныхъ харатейныхъ и печатныхъ книгъ, т. е. шафы вновь добрымъ мастерствомъ, а къ тому шафному строенію дубовыя брусья и кленовыя и липовыя доски, желѣзо и на всякія къ тому строенію припасы деньги держать и покупать изъ доходовъ Монастырскаго Приказа». Надзоръ за этимъ производствомъ былъ порученъ типографіи справщику извѣстному Ѳедору Поликарпову, по мысли котораго вѣроятно и сдѣлано это распоряженіе.

1721 г. заключенъ былъ славный Нейштадскій миръ со Шведами, достославно закончившій великую двадцатилѣтнюю Сѣверную войну и подавшій сердечнѣйшій поводъ Сенату и Синоду поднести Великому Труженику особую почесть въ наименованіи его особы Отцомъ Отечества, Великимъ и Императоромъ Всероссійскимъ. Это происходило 22 октября въ Петербургѣ или въ Петрополѣ, какъ иногда проговаривался Великій строитель Новой Столицы. (Въ 1713 г. выдавались подорожныя съ записью «Отъ Петрополя до Шлисенбурга и далѣе по городамъ до Москвы...» А. О. П. №, 625).

Послѣ шумныхъ празднествъ и ликованій въ Новой Столицѣ Петръ, названый Великій, не забылъ и старой столицы, въ которой надо было совершить торжество уже не для одного Петропольскаго, но для всего Русскаго народа.

«Великій государь» пишетъ Голиковъ (Дѣянія Петра, т. 8) «вознамѣрился въѣхать въ Москву съ великимъ торжествомъ.

Прибывъ въ село Всесвятское 13 декабря и на другой день откушавъ у помѣщицы сего села принцессы Имеретинской (Грузинской) прибылъ къ Москвѣ и, не въѣзжая въ оную, у Земляного вала принужденъ былъ остановиться для того, что ко входу его не были еще отдѣланы тріумфальныя ворота». Три дня государь дожидался этой отдѣлки. Строили ворота русскіе архитекторы Юстиновъ и Зарудный. Всѣхъ воротъ было пять: 1) у Тверскихъ воротъ, построены иждивеніемъ господъ Строгановыхъ; 2) у Казанскаго собора, коштомъ Синода; 3) на Мясницкой, коштомъ Московскаго купечества (нынѣ Красныя); 4) у Чистаго пруда противъ дома князя Меншикова, на его иждивеніе; 5) въ Нѣмецкой Слободѣ у квартиры Герцога Голстинскаго, на его иждивеніе. Всѣ ворота были великолѣпно украшены символическими картинами и статуями. Ворота Герцога Голстинскаго представляли слѣдующее:

«Наверху былъ Россійскій двоеглавый орелъ; на немъ висѣлъ щитъ съ монаршимъ именемъ, которой поддерживали четыре аллегорическія персоны, представляющія четыре главнѣйшія свойства императора: бдѣніе, разумъ, храбрость и правосудіе, съ приличными ихъ знаками; два лавровыя дерева осѣняли оный съ надписью: «Петру Великому, Отцу Отечества, Всея Россіи Императору». Пониже того по правою сторону виденъ былъ образъ царя Ивана Васильевича въ древней царской Коронѣ съ надписью: «Началъ». По лѣвую сторону портретъ монаршій съ императорскою Короною, съ надписью. «Совершилъ». Ниже сихъ портретовъ изображены были на правой сторонѣ Кроншлотъ посреди водъ и Нептунъ, съ удивленіемъ на оныя взирающій съ надписью: «Смотритъ и удивляется». По лѣвую сторону Петербургъ съ надписью: «Нынѣ городъ, гдѣ прежде былъ лѣсъ».

Торжественный входъ начался по утру 18 декабря слѣдующимъ порядкомъ. Впереди шла гвардіи Преображенскаго полка рота, за которою слѣдовалъ полковникъ Преображенскаго полка самъ государь въ гвардейскомъ мундирѣ. За нимъ шли два подполковника, князь А. Д. Меньшиковъ и И. И. Бутурлинъ, потомъ слѣдовали маіоры, офицеры, за которыми несли 16 знаменъ и двигался весь Преображенскій полкъ, а за нимъ Семеновскій и другіе полки.

Когда шествіе приближалось къ тріумфальнымъ воротамъ, его

встрѣчали громомъ трубныхъ и музикійскихъ гласовъ съ барабаннымъ боемъ и пушечными выстрѣлами при колокольномъ звонѣ у всѣхъ церквей.

У Синодальныхъ тріумфальныхъ воротъ возлѣ Казанскаго собора государя встрѣтили все знатное духовенство, герцогъ Голстинскій, Правительствующій Сенатъ и Генералитетъ, при чемъ вице-президентъ Святѣйшаго Синода преосвященный Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій, привѣтствовалъ государя краткою рѣчью, назвавъ его Дѣлателемъ Благимъ, послѣ чего «одѣтые въ бѣлое одѣяніе школьники на разныхъ языкахъ пѣли сочиненныя на сей торжественный въѣздъ пѣсни при гласѣ трубномъ и мусикійскомъ. Его Величество благоволилъ не малое время пробыть у сихъ воротъ», отъ которыхъ государь шествовалъ въ Успенскій соборъ къ благодарному моленію, а потомъ съ полками прослѣдовалъ въ старый Преображенскій дворецъ. Повсюду шествіе сопровождалось радостными восклицаніями безчисленнаго народа. При вратахъ Меньшикова и герцога Голстинскаго народъ кричалъ: «Да здравствуетъ императоръ!» И «во все время шествія продолжалась безпрерывная стрѣльба изъ пушекъ, колокольный звонъ, битье въ барабаны, играніе музыки».

Знаменитый годъ этого Всероссійскаго торжества достопамятенъ и тѣмъ, что въ самомъ его началѣ, 25 генваря, вмѣсто Патріаршества былъ учрежденъ Святѣйшій же Синодъ, получившій и особый Духовный Регламентъ, по пунктамъ котораго поведены были новые порядки, отмѣнившіе многое, что происходило при патріаршей власти. Но авторитетъ патріарховъ столько былъ силенъ, что долгое время сохранялъ еще свои старые порядки по крайней мѣрѣ въ домашнихъ своихъ установленіяхъ.

На патріаршемъ дворѣ и въ соборѣ въ это время сохранялся еще старый церковный обычай, что при священнослуженіяхъ въ отсутствіе патріарха творили поклоненіе, какъ присутствующему, его *мѣсту*, на которомъ всегда стоялъ и патріаршій посохъ. Само собою разумѣется, что для новыхъ порядковъ Духовнаго Регламента такое обстоятельство представлялось уже великою несообразностью, и потому Святѣйшій Синодъ 14 августа 1721 г. опредѣлилъ: «Въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ и въ прежде бывшемъ патріаршемъ домѣ, въ церкви Двунадесяти Апостоловъ, патріаршимъ мѣстамъ поклоненія не творить и во оныхъ, въ со-

борѣ и въ церкви, и въ Крестовой полатѣ, и въ прочихъ (мѣстахъ) обрѣтающіеся при патріаршихъ Мѣстахъ патріаршіе посохи, отобравъ, отдать въ Ризницу». При разспросахъ по сему предмету ризничій объяснилъ: «Который де посохъ въ церкви Двунадесяти Апостолъ, и оный де для того въ томъ мѣстѣ, что къ тому мѣсту, по прежнему обычаю, кланяются они даже и до нынѣ (1722 г.)».

Вслѣдствіе этого Синодальнаго опредѣленія патріаршія мѣста въ патріаршемъ домѣ, по всему вѣроятію, были разобраны. Соборное мѣсто, какъ древнее митрополичье, осталось неприкосновеннымъ.

Въ Крестовой полатѣ, какъ здѣсь упомянуто, находилось также патріаршее мѣсто, взамѣнъ котораго по государеву именному указу Синодъ 15 января 1722 г. приговорилъ: «Въ Синодальной Крестовой полатѣ учинить Его Императорскаго Величества *мѣсто* и надъ нимъ балдахинъ изъ добраго бархата съ золотыми позументы, а для засѣданія *столъ* съ приличнымъ убранствомъ». Мѣсто и балдахинъ были устроены безъ замедленія архитекторомъ Зарудневымъ. Балдахинъ изъ пунцоваго бархата (100 арш.) съ золотнымъ позументомъ (300 арш.), галуномъ (200 арш.), и бахромою (70 арш.) и пр. шили и вышивали старицы Вознесенскаго монастыря. Все это стоило 2966 руб.

Самая полата внутри была переустроена по-новому. Вмѣсто каменнаго пола былъ положенъ полъ деревянный; рундуки у стѣнъ со ступенями разобраны, окна расширены и въ нихъ вставлены Французскія стекла [1]).

Въ 1721 и въ 1722 годахъ государь праздновалъ Рождество Христово въ Москвѣ съ особымъ торжествомъ, въ 1721 г. по случаю окончанія войны со Шведами, а въ 1722 г. по случаю блистательнаго похода на Персію и завоеванія Дербента. Въ одинъ изъ этихъ годовъ [2]) Великій полководецъ справилъ праз-

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, I, 617, 41, 448.—Собраніе постановленій, II, № 348.

[2]) Такъ мы принуждены сказать по случаю неисправнаго показанія свидѣтельствъ. Въ Уставѣ Успенскаго собора (Вивл., X, 145) это обстоятельство отнесено къ 1721 г., при чемъ упомянуто, что въ этомъ году Рождество Христово было въ понедѣльникъ, между тѣмъ этотъ праздникъ въ понедѣльникъ былъ въ 1722 году, а въ 1721 г. онъ былъ въ воскресенье.

дникъ Рождества Христова по обычаю патріарховъ въ ихъ Крестовой полатѣ, гдѣ, обыкновенно, въ навечеріи праздника совершались иногда такъ называемые «Царскіе часы». Въ этой теперь уже не патріаршей, а синодальной Крестовой полатѣ у Часовъ былъ самъ Его Царское Величество и пѣлъ на правомъ клиросѣ съ своими пѣвчими, а на лѣвомъ пѣли патріаршіе пѣвчіе. Отпускали Часы Успенскаго собора ключарь да государевъ протодьяконъ Анфиногенъ Ивановъ, который, конечно, громовымъ басомъ *кликалъ* многолѣтіе. За такое кликанье протодьяконы всегда получали особую награду. Въ 1722 г. этому своему архидіакону государь пожаловалъ ради праздника Рождества Христова 10 руб. Это можетъ служить свидѣтельствомъ, что государь пѣлъ Часы не въ 1721 г., а въ 1722 г.

Въ томъ же 1722 г. по указу Синода мая 9 происходило обновленіе храма 12 Апостолъ. Повелѣно было все ветхое, что есть, починить и устроить храмъ теплымъ, для чего и печь сдѣлать по усмотрѣнію мѣста. Работы производились подъ присмотромъ и подъ вѣдѣніемъ архитектора Заруднева. При этомъ подъ главами храма устроено особое помѣщеніе для новой Ризницы, сдѣланъ подъ сводами храма деревянный потолокъ, отдѣлившій въ храмѣ требуемое пространство для этой Ризницы. Затѣмъ стѣны, своды и потолокъ были оштукатурены алебастромъ различными фигурами и столярными гзымзами; передѣланы вновь двери и окна, въ которыя вставлены по-старому слюдяныя окончины.

Возобновленіе продолжалось года два. Сооруженъ былъ новый рѣзной вызолоченный иконостасъ, написаны новыя иконы, и весь храмъ покрытъ стѣнописью. Въ новой Ризницѣ полъ настланъ зелеными гончарными поливными плитами (изразцами). Старый иконостасъ и со старыми иконами безъ окладовъ были отданы въ Воздвиженскій монастырь, въ новопостроенную церковь, что на Арбатѣ (на Воздвиженкѣ).

Обновленный храмъ былъ освященъ 21 іюня 1724 г.

Остальныя опустѣвшія зданія Патріаршаго Дома мало-по-малу занимались разными вновь учрежденными вѣдомствами. Такъ, въ 1727 г. полаты, гдѣ находились уже Инквизиторскія дѣла, пои велѣно было очистить на Контору Камеръ-Коллегіи, хотя Синодъ доносилъ, что очистить полаты невозможно, потому что въ нихъ

живутъ монахи и служители и хранятся Инквизиторскія дѣла: но Коллегія все-таки заняла эти полаты, то-есть бывшій Цареборисовскій дворецъ.

Въ 1755 г. послѣдовалъ изъ Свят. Правит. Синода указъ: «объ убраніи въ Синодальномъ домѣ тѣхъ полатъ, что къ Чудову монастырю, яко близъ церкви (12 Апостолъ) состоящихъ, и о придѣланіи къ онымъ лицомъ на площадь вновь еще полаты, пристроя къ тому по способности еще нѣсколько полатъ, для благопристойнаго содержанія патріаршихъ ризницъ и другихъ вещей и библіотеки» (Матер., II, 939).

Это были полаты Цареборисовскаго двора, въ которыхъ и намѣревались еще съ 1753 г. помѣстить «Синодальную Ризницу и Библіотеку», съ постройкою новой полаты «съ пристойнымъ къ тому украшеніемъ и убранствомъ», какое было у старыхъ полатъ, назначаемыхъ также къ убранію, т.-е. возобновленію. Дѣло замедлялось архитекторомъ кн. Ухтомскимъ, который многое время не представлялъ плановъ и смѣты. Но, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что эти «по линіи къ Чудову монастырю полаты» были заняты помѣщеніями Статсъ-Конторы. Синодъ требовалъ, чтобы Контора была переведена въ другое удобное мѣсто безъ всякаго промедленія. Но въ Кремлевскихъ разнородныхъ зданіяхъ въ наличности такого мѣста не оказывалось. Переписка объ этомъ продолжалась и въ 1757 году, при чемъ были найдены пригодныя полаты, числомъ семь, на бывшемъ Кирилловскомъ подворьѣ, требовавшія однако значительнаго возобновленія. Наконецъ, въ 1762 г. полаты для Статсъ-Конторы были найдены въ Синодальномъ же домѣ, но и онѣ также требовали исправленія. На этомъ дѣло и остановилось. Время подходило къ коронаціи, почему вездѣ по Кремлю спѣшили все ветхое и старое исправлять, а новое выстроить.

Когда въ 1761 г. потребовано было къ сочиненію географическаго описанія Рос. Государства свѣдѣніе о томъ, въ какое время построены зданія Синодальнаго Дома, Экономическая канцелярія въ Москвѣ *благопочтенно* донесла слѣдующее:

«Въ сочиненной въ бывшемъ Синодальномъ Дворцовомъ Приказѣ въ 1727 г. и поданной въ бывшую Коллегію Экономію о Синодальномъ Домѣ вѣдомости, между прочимъ, показано: Домъ святѣйшаго патріарха, что нынѣ Синодальный, въ немъ церквей

двѣ, служба ежедневная одна, ограда и кельи и протчее строеніе каменное, а какихъ оное строеніе временъ отъ постройки, о томъ за сгорѣніемъ въ бывшій въ Москвѣ въ 1737 г. пожаръ многихъ дѣлъ, въ Коллегіи Экономіи и въ Казенномъ Приказѣ, извѣстія не оказалось».

Нынѣ существующій Синодальный домъ представляетъ совокупность связанныхъ въ одно цѣлое прежнихъ старыхъ построекъ съ новыми, въ которыхъ все-таки сохраняется патріаршая старина въ самой сложности и разнохарактерности связанныхъ строеніи.

Домашняя обстановка патріаршаго быта.

Представивъ историческое обозрѣніе зданій Патріаршаго Дома, перейдемъ теперь къ обозрѣнію ихъ внутренняго убранства и различной домашней обстановки патріаршаго быта.

Обстановка патріарховыхъ келій обрисовывается слѣдующими, впрочемъ, отрывочными свидѣтельствами:

Въ крестовой (моленной) кельѣ патріарха Филарета, которая именовалась также «отхожею заднею» и «одинокою» (уединенною), находились иконы: образъ Вседержителя, обложенъ серебромъ, чеканенъ, золоченъ, въ вѣнцѣ изумрудъ, да два яхонта лазоревыхъ; образъ Преч. Б-цы на престолѣ съ Превѣчнымъ младенцемъ, обложенъ басмою серебромъ, золоченъ, вѣнцы рѣзные; образъ Никиты Новгородскаго чудотворца, окладъ такой же, вѣнецъ сканной съ финифты; образъ Антонія Сійскаго чудотворца, окладъ и вѣнецъ такой же; образъ Ангела-Хранителя безъ окладу, (писанъ) на золотѣ [1]).

У Крестоваго священника въ государевыхъ патріаршихъ хоромахъ находились служебныя книги (въ 1630 г.): двѣ книги Охтаи, печатныя на 8 гласовъ; Часовникъ писменный; Псалтырь писм.; Апостолъ печатный; Псалтырь печ., съ слѣдованіемъ; Минея общая печ.; Канонъ Ризѣ Господней печ.; Часословецъ писм.; Кануникъ писм.; Минея мѣсячная печ.; ее емлютъ въ хоромы, перемѣняютъ, который мѣсяцъ настанетъ; Евангеліе печатное,

---

1) Кромѣ того, въ келейной казнѣ находились образа, которые ставятъ въ Столовой полатѣ на праздникъ Успенія, да на память Петра митрополита, въ тѣ поры, какъ живетъ столъ про государя: образъ Вознесенія, образъ Преч. Б-цы Умиленіе; образъ Соловецкихъ чуд.,—всѣ обложены серебромъ.

оболочено участкомъ золотнымъ; Уставъ писмен. и тотъ Уставъ взять въ келейную казну, а въ келью *ко крестамъ* взять съ Печатнаго двора Уставъ, въ переплетѣ въ красной кожѣ, басменъ по доскамъ золотомъ и серебромъ, по обрѣзу краска.

Основная мебель въ келейныхъ, какъ и въ другихъ хоромахъ, была обычная во всемъ народѣ отъ царя до послѣдняго крестьянина, т.-е. лавки неподвижныя возлѣ стѣнъ, покрываемыя болѣе или менѣе богатыми полавочниками, обыкновенно, суконными зелеными, и скамьи,—тѣ же лавки передвижныя.

Въ кельяхъ патр. Филарета (въ 1626—1630 годахъ) находимъ *стулецъ* точеный, сдѣланный въ 1626 году, покрытый краснымъ бараномъ; другой стулецъ, вѣроятно подножный, вышиною 6 верш., покрытый бараномъ таусиннымъ (зеленоватымъ); далѣе—стулъ деревянный золотный, т.-е. обитый золотною тканью; столъ складной росписанный красками и золотомъ. Въ 1630 г. Суздальскій архіепископъ Іосифъ прислалъ въ даръ патріарху стулъ бархатъ чернъ, оправленъ серебромъ, перильца покрыты золотомъ сусальнымъ.

Патріарху Іосифу въ 1642 г. сдѣланъ стулъ рѣзной кленовый, весь покрытый листовымъ золотомъ, на что употреблено золота 300 листовъ. Тогда же росписанъ красками и его келейный столъ.

У Никона находились: два стола писаные, одинъ съ ящиками; столъ дубовый раздвижной съ ящикомъ, на точеныхъ ногахъ. Столъ складной въ четверомъ, писанъ красками. Стулъ обитъ сукномъ зеленымъ; стулъ круглый деревянный; кресла оболочены бархатомъ таусиннымъ, по немъ шито.

Осенью 1693 г. въ верхнюю келью патріарха Адріана искуснѣйшій того времени токарь и рѣзчикъ, старецъ Ипполитъ, вырѣзалъ: 1) столъ съ ящиками весь вызолоченъ и по золоту писаны травы; 2) столъ съ ящиками, доска выаспижена (подъ мраморъ), на ней написано по золоту *Гербъ* свят. патріарха; 3) *Поставецъ* столярный, въ немъ три ящика, вызолоченъ, высеребрянъ и выаспиженъ; по мѣстамъ писаны цвѣтки живописные; къ нему вырѣзаны двои двери створчатыя вызолоченныя, высеребряныя и росписанныя красками.

Въ кельяхъ патр. Іосифа (1642—1644 г.) находились *часы* домовые большіе мѣдные съ свинцовыми гирями, часы келейные съ часовымъ кругомъ, прописаннымъ золотомъ, часы келейные

боевые мѣдные; другіе часы келейные мѣдные столовые боевые; струнные часы башнею, къ которымъ придѣлана вмѣсто струнъ цѣпь стальная; часы боевые четвероугольные съ гирями, доски мѣдныя со всѣхъ сторонъ, вверху боевой колоколъ (въ кельѣ патріарха).

Часы воротные (носимые на вороту, карманные) боевые съ будильникомъ. Въ 1644 г. патріархъ купилъ у Новгородца Ивана Стоянова серебряное паникадило, въ немъ часы битьи; вѣсомъ паникадило болѣе пуда, но серебра вывѣшено и со щипцомъ 36 ф., цѣною на 252 р. слишкомъ. Впослѣдствіи это паникадило висѣло уже въ Крестовой полатѣ; о немъ упоминаетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій. Оно въ этой полатѣ находилось и въ послѣдующіе годы, о чемъ упоминается въ 1698 и 1702 годахъ. У Никона: часы боевые въ черномъ деревянномъ стану съ перечасьемъ; часы въ серебрѣ боевые маленькіе, золочены, съ одной стороны рука благословенная, съ другой стороны на рѣшеткѣ орелъ двоеглавой; часы маленькіе боевые въ мѣди, золоченые. Трои часы боевые столовые мѣдные, сдѣланы башенками, четвероугольные, всѣ золочены.—Часы серебряные боевые, часы мѣдные указные, часы боевые мѣдные, гири свинцовыя.

Въ 1692 г. патріарху Адріану куплены за 60 р. у Архангельскаго города на ярмонкѣ, на корабляхъ, у иноземцовъ часы боевые столовые мѣдные позолочены съ перечасьемъ и съ часовымъ боевымъ *извѣстіемъ*, въ деревянномъ черномъ стану англинскаго самаго добраго дѣла; слова указныя латинскія черныя на серебряномъ кругу.

Келейный письменный приборъ у Филарета находился «въ особой шкатулкѣ дубъ черный съ чернилы да съ бумагою и съ иною потребою, что къ письму пригодится». У него же находилась чернильница серебряная въ шкатулкѣ, на ней врѣзываны раковины; прислалъ тое чернильницу Цареградскій патріархъ Кириллъ.

Патріарху Іосифу въ 1647 г. въ келью куплены: чернильница глиненая, перья лебяжьи, песочница, всего на 2 алтына.

Въ кельѣ патріарха Филарета находился *благовѣстный колокольчикъ* съ посконною веревкою, посредствомъ котораго святитель призывалъ служащихъ и давалъ указъ къ церковному звону.

Упомянемъ о другихъ различныхъ предметахъ келейнаго оби-

хода. Въ числѣ такихъ предметовъ у Филарета находились: зеркало хрустальное, станокъ костяной, врѣзываны раковины, во влагалищѣ суконномъ. Другое зеркало хрустальное и *опахало* пернатое, въ немъ зеркало, стекло разбито. 44 кружечка мыла составного съ розными травами; два кружечка да брусокъ мыла грецкого; два косяка мыла костромского; ремень съ кольцомъ мѣднымъ, что вяжутъ постельку.

Въ 1630 г. для него куплены два зеркала хрустальные въ доскахъ, одно въ красной кожѣ басмено золотомъ, другое въ черныхъ доскахъ. Первое отнесено патріарху въ хоромы и сдѣлано на него суконное влагалище.

Въ келью патріарху Іосифу въ 1647 г. было куплено зеркало хрустальное за 14 алт. 4 д. и гребень за 6 алт. 4 д.

У Никона—зеркало стѣнное нѣмецкое съ затворы. Другое зеркало стѣнное небольшое. Фата пестрединная; гребень роговой; гребень тоненькій греческой усовой; 11 гребней большихъ и середнихъ частыхъ усовыхъ греческихъ; два гребня слоновыхъ, одинъ малой, другой большой; два гребня слоновыхъ бѣлыхъ, щотка обшита медью; 11 полотенецъ косматыхъ полотняныхъ; 50 бѣлыхъ полотенецъ и платковъ...

Семеро очковъ, одни во влагалищѣ роговомъ, другіе въ кожаномъ, остальные въ серебряныхъ влагалищахъ (футлярахъ); зубочистка да уховертка серебряныя.

Патріарху Іосифу въ 1643 г. въ келью сдѣлана также зубочистка серебряная золоченая.

Въ кельяхъ патріарховъ въ ларцахъ, коробьяхъ и коробкахъ (шкатулкахъ) сохранялись всякія вещи, принадлежавшія лично каждому святителю и составлявшія ихъ личную *келейную казну*, которая всегда хранилась отдѣльно отъ *домовой казны*, составлявшей достояніе патріаршаго дома.

Въ полномъ составѣ келейная казна помѣщалась въ особой полатѣ, но разные предметы, особенно дары, до времени хранились, какъ упомянуто, въ жилыхъ кельяхъ патріарха.

Такъ, у Филарета, въ передней его кельѣ, у келейника хранилось 8 ковшовъ каповыхъ дерев., окованы серебромъ, золочены, а девятый таковъ же ковшъ находился въ комнатѣ; братина съ кровлею Соловецкая; 7 ковшовъ неокованныхъ каповыхъ; братина корельчатая. Да въ задней кельѣ погребецъ поволоченъ ворванью,

окованъ желѣзомъ, а въ немъ шесть скляницъ, да два ковша каповыхъ не окованы. Да въ кельѣ въ комнатѣ коробья да коробка съ деньгами, а ключи тѣхъ коробей у государя-патріарха въ кельѣ.

Въ кельѣ Іосифа (1643 г.) находились, между прочимъ, келейный *податочный* серебряный золоченый кубокъ и келейная серебряная чеканная вызолоченная братина.

Ему же въ келью куплено два турецкихъ цвѣтныхъ ковра, одинъ въ длину 7 арш., цѣна 18 р., другой—5 арш., цѣна 15 р.

Патріаршая одежда.

Обычную одежду патріарховъ въ домашнемъ обиходѣ составляла *ряса*, или, какъ чаще ее именовали, *ряска*, платье, по покрою широкое, длинное до пятъ, съ длинными узкими рукавами, на переди сверху донизу застегнутое многочисленными пуговицами и столькими же петлицами, называемыми *нашивкою*. Такія ряски кроились изъ тафты, камки, атласа, бархата и другихъ шелковыхъ тканей разныхъ, но по преимуществу *смирныхъ* цвѣтовъ, каковы были: вишневый, багровый, брусничный, дымчатый, осиновый, таусинный (зеленоватый), синій, зеленый, лазоревый, темнолиловый и др. подобные, кромѣ чернаго, который употреблялся очень рѣдко. Нашивка (петлицы) всегда выдѣлялась особымъ цвѣтомъ, темнѣе или свѣтлѣе. Подкладка дѣлалась изъ тканей болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Филаретъ въ 1626 г. сдѣлалъ себѣ ряску зеленую камчатную съ нашивкою въ 33 гнѣзда изъ зеленой же тафты-веницейки; подкладка была положена изъ свѣтло-лазореваго киндяка. Въ числѣ 23 рясокъ, составлявшихъ въ 1630 г. его гардеробъ, была также ряска камка лазоревая, мелкотравная адамашка (Дамасская), подложенная тафтою зеленою.

Въ томъ же году (1630) ему была сшита новая ряска камка гвоздичная, для которой въ нашивку патріархъ выдалъ отъ себя изъ хоромъ чотки яшмовыя—46 чотокъ; на ряску положено 33 чотки, остальныя возвращены въ хоромы. Изъ простыхъ повседневныхъ рясокъ у Филарета была киндяшная, подложенная крашениною зеленою лощеною.

Патріархъ Никонъ носилъ ряски лазоревыя, свѣтло-зеленыя,

лимонныя и особенно зеленыя, кромѣ обычныхъ смирныхъ цвѣтовъ. Была у него ряска и по червчатой землѣ травы черныя, которыя и смиряли яркій красный цвѣтъ рясы.

Изрѣдка патріархи носили также и обычные гражданскіе мірскіе кафтаны. Въ 1667 г. февр. 10, въ день вступленія на патріаршество послѣ Никона Іоасафа II, ему было подано въ келью: 4 клобука, два съ херувимами и два безъ херувимовъ, двѣ ряски отласныя новыя, три мантіи (одна поношенная келейная), ряса поношенная отласная, кафтанъ отласъ свѣтло-зеленый, кафтанъ объярь таусинная гладкая безъ травъ, подложена киндякомъ лимоннымъ, да ряска байберекъ зеленой травчатой; одѣяло на бумагѣ стеганое, тафта лазоревая, подложено киндякомъ лазоревымъ.

Въ сентябрѣ 1690 г. патр. Адріану сдѣланъ кафтанъ на бѣличьемъ мѣху изъ хребтовыхъ сибирскихъ черныхъ чистыхъ бѣлокъ, покрытый атласомъ зеленымъ съ бобровою опушкою и съ пуговицами. Въ 1691 г. къ празднику Успенія ему сдѣланъ кафтанъ байберековый осиновый (цвѣтъ), холодный съ пуговицами.

Къ суконнымъ одеждамъ патріарховъ принадлежали *мятли* и *свитки*.

Покрой мятля, какъ можно предполагать, былъ сходенъ съ покроемъ ряски и отличался отъ нея только суконною тканью. У него также была нашивка съ пуговицами, иногда золотная съ кистьми. У Филарета одинъ мятель былъ изъ сукна темно-синяго, другой изъ сукна красно-вишневаго, оба съ шелковыми пуговками, подложены зеленымъ киндякомъ.

Свитки—одежда, вѣроятно, южно-русскаго покроя. Патріарху Филарету ихъ шили изъ *Троицкаго* сукна. Въ 1627 г. ему было скроено двѣ свитки изъ этого сукна, принесеннаго къ нему отъ Великіе Старицы Маѳы Ивановны.

Зимою 1630 г. изъ такого же сукна ему были скроены новыя двѣ свиточки, какъ и въ августѣ 1631 г.

Наименованіе сукна *Троицкимъ* указываетъ на изготовленіе въ Сергіевомъ монастырѣ самодѣльныхъ суконъ. Патріархъ Іоасафъ I въ 1635 г. также скроилъ себѣ суконныя двѣ свитки. Повидимому, это была комнатная одежда, носимая въ холодное время.

Зимою патріархи надѣвали *шубы*, покрой которыхъ сходствовалъ съ покроемъ рясокъ, положенныхъ только на мѣху, такъ какъ и шуба и ряска украшались для застегиванія нашивкою

съ пуговицами въ 33 гнѣзда, а иногда и болѣе, что заставляетъ предполагать, что шуба кроилась полнѣе и длиннѣе ряски. У Филарета на песцовую шубу, крытую брусничными дорогами, нашивка была положена изъ 35 гнѣздъ. На горностайной шубѣ патріарха Іосифа нашивка состояла изъ 56 гнѣздъ, быть можетъ, соотвѣтственно его росту.

У Филарета (1630 г.) хранилось 14 шубъ, въ томъ числѣ 4 бѣличьихъ, одна соболья пупчатая, одна лисья, остальныя песцовыя.

У Іосифа были шубы, одна на собольихъ пупкахъ, двѣ на горностаяхъ.

У Никона находимъ: двѣ шубы куньихъ, три горностайныхъ, одну изъ чернаго бархата на бѣльихъ черевахъ и одну нагольную бѣлую, пухъ широкій, съ нашивкою ременною.

Шубы покрывались по большей части камкою такихъ же цвѣтовъ, какъ и ряски, въ томъ числѣ и свѣтло-зеленымъ и лазоревымъ.

Между шубами упоминается и *кошуля*, у Филарета крытая тафтою двоеличною, шелкъ вишневъ да зеленъ, исподъ черева песцовые бѣлы. У Іосифа—кошуля холодная камчатая зеленая мелкотравчатая. По всему вѣроятію, это была короткая шуба, шубейка.

Въ 1626 г., въ октябрѣ, патріарху Филарету въ келью была сшита шуба овчинная изъ 15 овчинъ съ опушкою изъ ирхи, чищенная мѣломъ, слѣд. нагольная.

Зимою патріархи носили штаны теплые, у Филарета тафтяные лазоревые на бѣльихъ черевахъ, у Іоасафа I тоже на бѣличьемъ мѣху.

Въ обыкновенныхъ выходахъ и выѣздахъ, а также и въ домашнемъ быту патріархи покрывали голову *шляпами* и шапочками, а зимою въ походахъ *камилавками* и *треухами*.

Особою цѣнностью по украшеніямъ отличались *шляпы*. Въ 1627 г. и зимою патріархъ Филаретъ устроилъ себѣ шляпу изъ боброваго ческового (?) пуху, сбитаго въ войлокъ, убранную тесьмою шелковою разныхъ цвѣтовъ съ золотомъ, съ двумя золотными же кистями—одна кисть съ ворворкою (связка корешокъ кисти) къ шляпѣ на верхъ, другая кисть съ двумя ворворками подъ бороду. Шляпа внутри была подложена камкою двоеличною, а по полямъ лазоревою. На верху изъ золотнаго плетенька пришито перекрестье. Подъ шляпою употреблялось полотенце-убрусъ.

Въ 1630 г. у Филарета находились еще 4 шляпы, въ томъ числѣ шляпа *Цареградская*, бархатъ чернъ, подложена камкою лазоревою.

Патріарху Никону въ 1654 г. Голанской земли нѣмчинъ Кондратій Клинкинъ купилъ за моремъ шляпу пуховую сѣрую, подложена камкою зеленою травчатою по цѣнѣ за 13 р. 13 алт. 2 д.

Кромѣ шляпъ въ большомъ употребленіи были *шапочки* холодныя и теплыя на собольемъ мѣху; тѣ и другія камчатныя, цвѣтовъ вишневаго, красно-вишневаго, таусиннаго, зеленаго и даже лазореваго. У Филарета такихъ шапочекъ было 16, въ томъ числѣ 6 ветхихъ.

Въ зимнее время, кромѣ шапочекъ, смотря по надобности, патріархи надѣвали *треухъ*, у Филарета соболій, крытый объярьми гвоздичными; у Никона—лисій черевій съ пухомъ, подъ бѣлымъ бархатомъ. Іоасафъ I носилъ *камилавку*, а также и Никонъ имѣлъ камилавку Греческую пуховую. Адріану въ 1691 г. былъ сдѣланъ камилавъ теплый изъ бурыхъ лисицъ.

Употреблялись и перчатки, называемыя въ то время *рукавками*. У Филарета находимъ (1630 г.): 1) рукавки холодныя вязеныя шелкъ зеленъ нѣмецкое дѣло; запястье и зарукавье дѣлано канителью; шиты шелками съ канителью два человѣка, травы и птицы; подложены дорогами алыми, опушка золото пряденое; 2) рукавки замшевыя, обшиваны шелкомъ лазоревымъ; 3) рукавки теплыя—черева лисьи буры; 4) двои рукавки песцовыя подъ камкою вишневою, опушены соболемъ. Для походовъ у Филарета были и *рукавицы* песцовыя съ собольею опушкою, поволочены камкою красновишневою.

Въ зимнее время, когда происходила церковная служба въ холодномъ соборѣ и въ иныхъ случаяхъ патріархи употребляли для согрѣванія рукъ особо для того сдѣланное серебряное яблочко, въ которое вѣроятно вливалась теплая вода. Такое яблочко устроилъ себѣ патр. Іосифъ въ генварѣ 1649 г., для чего изъ его казны было выдано серебрянику 10 зол. серебра на яблочко, чѣмъ государю-патріарху руки согрѣвать. Въ 1669 г. Іоасафъ II пользовался такимъ же яблокомъ, въ тафтяной оболочкѣ.

Наиболѣе употребительную обувь патріарховъ составляли сафьянные *сапожки*, зеленые и лазоревые, у Никона даже и красные. Въ комнатномъ обиходѣ они носили сафьянные же

башмаки такихъ же цвѣтовъ и черные, а въ походахъ употребляли *чеботки* также сафьянные черные. Подъ каблуки всегда ставились желѣзныя или мѣдныя скобы. Старая обувь нерѣдко починивалась. Такъ, въ 1626 г. сапожный мастеръ подъ государевы патріарховы сапоги государю-патріарху (Филарету) скобы положилъ да сапожки зеленые оправилъ. Въ 1627 г. февр. 22 чеботникъ вел. государю свят. патріарху подѣлывалъ у сапожковъ каблучки и подбивалъ новыя скобки. Марта 23 патріарху сдѣланы къ Свѣтлому Воскресенію сапожки въ лазоревомъ сафьянѣ. Въ 1629 г. передъ тѣмъ же праздникомъ, марта 16, сдѣланы сапожки въ зеленомъ сафьянѣ. Въ 1631 г. сдѣланы башмачки сафьянные зелененые, тогда же чеботарь правилъ и чистилъ патріарховы чеботки и починивалъ каблучки и скобки подбивалъ у старыхъ башмачковъ. Въ 1643 г. и въ 1650 г. патріарху Іосифу также сдѣланы въ лазоревомъ сафьянѣ сапоги и башмачки со скобами.

При этой обуви патріархи носили *чулочки* и *онучки*. Для зимняго времени употреблялись чулки мѣховые. У Филарета (1630 г.) были: чулочки черева лисьи буры подъ тафтою гвоздичною; чулочки суконные черные на пупкахъ собольихъ; чулочки песцовые подъ камкою чешуйчатою; чулочки песцовые подъ черною тафтою; чулочки холодные камчатые таусинные подложенные миткалями; чулочки такіе же подложены киндякомъ. Чулки сермяжные бѣлые. Патріархъ Іосифъ обувалъ чулочки суконные зеленые или темно-зеленые на хлопчатой бумагѣ, а также и онучки изъ зеленой байки. Въ 1643 г. ему въ келью куплены въ Рукавичномъ ряду чулки шерстяные за 3 алт. 2 д. (10 коп.).

У Никона (1658 г.) находимъ двое чулковъ лазоровые камчатные, чулки вязаные зеленые, четверо чулковъ камчатные стеганые на бумагѣ. Патріархъ Іоакимъ обувалъ онучки изъ тонкаго холста, для чего въ 1683 г. было выдано пять аршинъ такого холста.

Въ спальномъ обиходѣ патріарховъ находимъ слѣдующіе предметы:

Въ собранныхъ нами записяхъ о патріаршемъ бытѣ вовсе не упоминается о кровати. Это даетъ поводъ предполагать, что по общему всенародному обыкновенію и у патріарховъ постель устроивалась на широкой лавкѣ у келейной стѣны. На лавкѣ по-

лагался *тюшакъ* (тюфякъ) изъ хлопчатой бумаги, крытый зеленымъ сукномъ (у Адріана) или простой тюфякъ, покупаемый въ Ветошномъ ряду, какъ въ 1652 г. въ этомъ ряду было куплено (для Никона) три тюшака, «въ келью, на чемъ спать государю-патріарху, по 23 алт. за тюшакъ». Кромѣ того, у него были тюфяки бумажный и кожаный. У Іоакима новый бумажный тюфякъ былъ покрытъ наволокою изъ чернаго киндяка.

Повидимому, на тюфякъ полагали еще *пуховикъ*. У Филарета пуховикъ былъ покрытъ наволокою камчатною черною. У него же находимъ ремень съ мѣднымъ кольцомъ, чѣмъ вяжутъ постельку, быть можетъ, въ случаяхъ походныхъ.

У Іосифа былъ пуховикъ келейный въ наволокѣ изъ камки *алой* индѣйской. У Іоакима на бумажный пуховикъ сшита простыня изъ 12 арш. холста.

Одѣяла употреблялись теплыя и холодныя: у Филарета въ числѣ одѣялъ было песцовое крыто тафтою черною, грива (заголовье) камка синя. Изъ холодныхъ — одѣяло камка гвоздичная травная, грива бархатъ вишневъ рытъ; другое: киндякъ вишневъ грива киндякъ лимонной.

Въ 1667 г. Іосафу II въ келью подано изъ Никоновскихъ одѣяло на бумагѣ стеганое, тафта лазоревая, подложено киндякомъ лазоревымъ. Въ 1669 г. ему же сшито одѣяло песцовое, крытое тафтою лазоревою съ заголовьемъ изъ тафты зеленой струйчатой.

Зимнее одѣяло у Адріана было на лисьемъ мѣху съ собольею опушкою, крытое вишневымъ атласомъ съ заголовьемъ или *передникомъ* изъ зеленаго атласа.

Спальныя подушки были пуховыя изъ гусинаго пуху съ наволочками исподними изъ льняного холста, киндяка и крашенины, а верхнія изъ шелковыхъ тканей. У Филарета были подушки: подушечка [1]) пуховая, наволочка тафта черная; подушечка пуховая, поволочена камкою зеленою мелкотравною и др.

Іоасафу I въ іюлѣ 1634 г. сшиты подушки изъ лазаревой крашенины.

---

[1]) Должно замѣтить, что предметы спальные, носильные и другіе именовались въ записяхъ по большей части въ ласкательномъ видѣ; подушка именовалась подушечкою, ряса—ряскою, сапоги—сапожками, башмаки—башмачками и т. п., что, вообще, выражало благоговѣйное вниманіе къ лицу святителя.

Іосафу II въ 1669 г. въ келью сдѣланы двѣ подушки изъ крашенины и зеленой тафты съ 4 ф. гусинаго пуху. Въ октябрѣ 1690 г. Адріану сшито 4 подушки съ исподними наволоками изъ льняного холста, въ которые пуху бѣлаго пошло въ прибавку къ прежнему 17 ф.

Выходя изъ келій въ свои пріемныя полаты, то-есть являясь предъ собравшимся священствомъ и монашествомъ, или принимая разнаго званія мірской чинъ, патріархи неотмѣнно на ряску возлагали на себя *манатью*, какъ тогда именовалась мантія, и бѣлый клобукъ.

Мантіи шились изъ различныхъ шелковыхъ тканей. У Филарета въ числѣ 26 манатей находилось: 5 бархатныхъ, 8 объяринныхъ, 5 камчатныхъ, 4 атласныхъ, 2 байбереговыхъ, 1 тафтяныхъ, и одна самая скромная изъ суконца Троицкаго. Цвѣтъ тканей преобладалъ смирный вишневый, красно-вишневый, багровый, гвоздичный; но употреблялись и свѣтлые цвѣта — зеленый, лазоревый; изъ упомянутыхъ мантій у Филарета черныхъ было только три, лазоревыхъ двѣ, зеленыхъ три. Самая богатая *манатья* Филарета описана слѣдующимъ образомъ: «манатья бархатъ красновишневъ рытъ, около евангелистовъ и около источниковъ низано жемчугомъ, подпушено камкою темно-синею; евангелисты— камка лазорева».

Подобныя мантіи находились и у Никона; у него также были двѣ мантіи лазореваго цвѣта, одна атласная, другая объяринная; кромѣ того, одна бархатъ по червчатой землѣ травы черныя.

Относительно *клобуковъ* замѣтимъ, что они обыкновенно бывали вязеные изъ шелковыхъ бѣлыхъ нитей и нерѣдко поновлялись посредствомъ мытья мыломъ и молокомъ. Шились также клобуки изъ бѣлой камки. Въ числѣ 17 клобуковъ Филарета вязеныхъ было 11 и 5 камчатыхъ и, кромѣ того, одинъ теплый черево лисье, покрытъ бархатомъ рытымъ бѣлымъ. Самый богатый клобукъ Филарета былъ также вязеный. Онъ описанъ слѣдующимъ образомъ: «клобукъ большой нарядной, вязеной, шелкъ бѣлой; на клобукѣ херувимъ низанъ жемчугомъ; по сторонамъ по четыре плаща (четыреугольныя дощечки), серебряныхъ да назади плащъ серебрянъ же золоченъ. На плащахъ на правой сторонѣ написано чернью 4 святыхъ: Никола чуд., Петръ митроп.,

Іона митроп. Московскіе чудотворцы; Исаія Ростовскій чудотвор. На лѣвой сторонѣ—Иванъ Златоустъ, Алексѣй митр. Московскій чудотворецъ; Леонтій, Игнатій Ростовскіе чудотворцы. На заднемъ плащѣ—Варлаамъ Хутынскій чуд., все навожено чернью». По мѣстамъ клобукъ былъ украшенъ дорогими камнями и дорогимъ жемчугомъ. Наверху клобука находился золотой крестъ съ камнемъ лаломъ и двумя жемчужинами бурминскими большими, на ручкахъ у креста 2 яхонта лазоревы да два жемчуга бурминскихъ; херувимъ низанъ жемчугомъ. Изображеніе этого клобука см. «Указатель Патр. Ризницы» еп. Саввы, таблица IX, № 45.

У Никона находимъ 29 клобуковъ вязеныхъ и камчатыхъ и въ томъ числѣ старый Филаретовскій, описанный выше и очень богатый камчатный новый, *на греческое дѣло* съ изображеніемъ во главѣ деисусовъ, по сторонамъ по 4 иконы, шитыхъ золотомъ, украшенный многими яхонтами червчатыми и лазоревыми, изумрудами, лалами, алмазами, золотыми запонами и жемчугомъ Кафимскимъ и Гурмышскимъ, большими зернами, кромѣ мелкаго.

Этотъ клобукъ на греческое дѣло былъ уже другой формы, другого образца противъ старозавѣтныхъ Русскихъ клобуковъ, о которыхъ Павелъ Алеппскій отзывается, что они «весьма некрасивы, не имѣли камилавокъ, но были пришиты къ скуфьямъ безъ кружка, а съ мѣховой опушкой»; что были они скуфьей, а не камилавкой и съ клобукомъ малымъ, короткимъ и стянутымъ и потому будто бы безобразили лицо. И такъ какъ этотъ греческій уборъ очень нравился Московскому патріарху и очень шелъ къ его лицу, то онъ и поспѣшилъ устроить себѣ новый клобукъ по покрою греческихъ клобуковъ и попросилъ Вселенскаго патріарха Макарія походатайствовать передъ царемъ, чтобы самъ царь возложилъ на него этотъ новый клобукъ. Такъ это и совершилось.

Однако между духовенствомъ и въ народѣ поднялся сильный ропотъ и негодованіе противъ такой новины. Но, подъ конецъ, всѣ архіереи и монахи пожелали надѣть такія камилавки и клобуки, вмѣсто старыхъ, которыя, говоритъ Павелъ, дѣлали ихъ смѣшными.

Объ одѣяніи Никона подробно разсказываетъ тотъ же свидѣтель Павелъ Алеппскій.

Принимая пріѣзжаго Вселенскаго патріарха, Никонъ встрѣтилъ его въ сѣняхъ передъ своими кельями, къ которымъ вели двѣ лѣстницы. «Никонъ», говоритъ Павелъ, «вышелъ одѣтый въ мантію изъ зеленаго рытаго узорчатаго бархата со скрижалями изъ краснаго бархата, на коихъ въ срединѣ изображеніе херувима изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ бѣлаго галуна съ красной полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ изъ камки, верхушка котораго имѣла видъ золотаго купола съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрылія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ».

Въ другое время, «въ день Пасхи», говоритъ Павелъ, «Никонъ былъ одѣтъ въ одежду изъ рытаго краснаго бархата, длинную до земли съ узкими рукавами. Сверхъ этой одежды (рясы) на немъ была мантія зеленаго бархата, а на головѣ клобукъ (описанный выше). На ногахъ у него была зеленая обувь. Во все это время, замѣчаетъ авторъ, мы часто видѣли на немъ обувь или сапоги зеленаго, голубаго или краснаго цвѣта. Подобную обувь носитъ не одинъ онъ, но и большинство монаховъ, священниковъ и монахинь, которые щеголяютъ башмаками и сапогами зеленаго цвѣта, ибо бóльшая часть обуви, привозимой сюда Персидскими купцами, бываетъ зеленаго цвѣта. Такую же обувь носятъ и многіе изъ свѣтскихъ людей. Какая эта прекрасная обувь», заключаетъ свой разсказъ діаконъ Павелъ.

При описанномъ архіерейскомъ нарядѣ патріархи неотмѣнно имѣли въ правой рукѣ посохъ, а въ лѣвой—чотки.

Посохъ состоялъ изъ двухъ роговъ наверху древка, которое составлялось изъ трубокъ вперемежку съ яблоками и въ концѣ съ подковомъ, оковомъ, наконешникомъ или осномъ.

У Филарета въ 1630 г. всѣхъ посоховъ было 14, въ томъ числѣ большой чеканный серебряный, золоченый, шестигранный, украшенный, убранный по рогамъ и темъ яблокамъ дорогими камнями и жемчугомъ. Очень богатый посохъ прислалъ Филарету Кизылбашскій Шахъ-Аббасъ, — безъ роговъ, къ которому святитель велѣлъ придѣлать рога. Весь посохъ былъ убранъ яхонтами, бирюзами, изумрудами и бурминскими большими жемчужинами.

Затѣмъ слѣдуютъ: Посохъ, поднесенный Іосифомъ, архіепископомъ Суздальскимъ, обложенный бархатомъ чернымъ, съ яблоками и трубками серебряными золочеными рѣзными на проемъ: Цареградскій, рога кость рыбья; Воскресенскій, обитъ серебромъ, съ финифтомъ лазоревымъ; два посоха Индѣйское древо; посохъ древо Финиково, рога рыбій зубъ; Понахидной, обитъ серебромъ, поволоченъ бархатомъ; Вседневный, съ костми, врѣзываны раковины; Дерево амбамъ, рога буйволовые; Раковинный, рога и яблоко костяные; Раковинный складной, яблока серебряные, прислалъ Ерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ.

Всѣ эти посохи, кромѣ вседневнаго, были украшены серебряными обоймицами. Самый цѣнный посохъ былъ сдѣланъ патріарху въ 1629 г. въ государевой Золотыхъ дѣлъ полатѣ, на что употреблено за каменье и за золото 578 р.,—сумма по тому времени очень значительная.

У Никона въ числѣ 16 посоховъ сохранялись еще богатые посохи Филарета и, кромѣ того, «посохъ чудотворца Алексѣя сандальной, рога да шесть яблокъ да наконешникъ, серебряные, золочены, рѣзные, одно яблоко прорѣзное».

Изъ собственныхъ посоховъ Никона находились: посохъ раковинный Греческой, рога и яблоки костяные, въ нихъ изумруды и лалы. Посохъ раковинный Греческой, рога слоновые, три яблока да наконешникъ, серебряны, золочены. Посохъ костяной рѣзной, вверху на рыбей кости вырѣзаны образъ Спасовъ да Распятіе Господне, яблоки прорѣзные. Посохъ покрытъ зеленымъ бархатомъ, рога и яблоки серебряные съ финифтью. Посохъ серебряный, сканной съ финифтью, яблока угловатые съ каменьи.

Въ числѣ чотокъ у Филарета находились чотки корольковые, бѣлые, пронизки каменные, красные, кисть шелковая, съ золотомъ, ворворка (связки) у ней низана (жемчугомъ). Чотки яшмовые, съ пронизками корольковыми красными. Чотки хрустальные. Чотки рыбій зубъ. Патріарху Іосифу въ келью въ 1642 г. были куплены чотки рыбій зубъ, а въ 1643 г. янтарные жолтые.

У Никона накопилось чотокъ числомъ 45, разнороднаго издѣлья, каковы были черные и бѣлые изъ рыбьей кости, корольковые, деревянные, сердолишные, яшмовые, хрустальные, янтарные, шелковые разныхъ цвѣтовъ, мѣденые, чорные,—всѣ съ раз-

личными пронизками, прокладинами, промежками, и нѣсколько Греческихъ шелковыхъ и деревянныхъ. Болѣе другихъ примѣчательные и богатые были «чотки хрустальные, въ промежкахъ шесть *араматниковъ* въ золотѣ, двѣ ворворки жемчужные, кисть золота съ шолкомъ зеленымъ. Чотки корольковые, промежъ ихъ 3 лала, да въ концехъ яхонтъ лазоревой, ворворка жемчужная, кисть золотная».

Въ 1721 г. декабря 22, передъ праздникомъ Рождества Христова, Петръ, будучи въ Синодальномъ домѣ, указалъ изъ оставшихся послѣ патріарховъ разныхъ одеждъ и другихъ предметовъ, что годное для церковной потребы, раздать отъ Синода въ бѣдныя церкви; а все другое, именно одежды: клобуки, мантіи, рясы и прочее келейное, раздать Синодальнымъ членамъ, митрополиту, архіепископамъ и другимъ меньшимъ чинамъ. Раздача происходила 31 декабря.

Патріаршіе пріемы.

Переходя къ домашнимъ дѣламъ патріарховъ, къ ихъ домашней жизни, мы должны отмѣтить въ высокой степени примѣчательное обстоятельство, что въ лицѣ святѣйшаго московскіе горожане почитали столько же патріарха-святителя, сколько и патріарха-батюшку, родного отца, владыку общаго родного дома, какимъ въ сознаніи народа являлась вся Москва. Его воля, указаніе, совѣтъ, наставленіе и его святое благословеніе въ быту всѣхъ сословій города, отъ царя-государя и до послѣдняго посадскаго человѣка, въ особенности въ служебной и дѣловой средѣ, принимались какъ необходимая благодатная помощь во всѣхъ домашнихъ и общественныхъ дѣлахъ, которыхъ безъ отеческаго святительскаго благословенія и совѣта невозможно было и предпринимать. Благословеніе патріарха во всѣхъ случаяхъ всегда сопровождалось благословеніемъ иконою по преимуществу Владимірской Божіей Матери.

Кому назначалась служба близкая или далекая, или завѣдываніе и управленіе Приказомъ или цѣлымъ краемъ, кто оканчивалъ службу, пріѣзжалъ съ воеводства или изъ похода, кто переходилъ на житье въ новопостроенныя хоромы, кто рѣшалъ жениться и т. д., во всякомъ особо важномъ дѣлѣ, начиная такое дѣло, люди прежде всего приходили благословиться у св. пат-

ріарха, который и благословлялъ каждаго образомъ въ окладѣ или безъ оклада, писаннымъ на золотѣ или на краскахъ, смотря по значенію случая или по достоинству лица.

Въ 1691 г. у царя Петра Алексѣевича родился сынъ Александръ Петровичъ, и вотъ тетка новорожденнаго, царевна Марѳа Алексѣевна, посылаетъ къ святѣйшему, чтобъ изволилъ къ ней прислать благословеніе для подношенія новорожденному царевичу, образъ въ окладѣ, какимъ св. патріархъ благословитъ. Повидимому, она сама не рѣшалась избрать во имя иконы, и свят. патріархъ послалъ ей образъ Знаменія, цѣною 13 рублей.

По старинному обыкновенію, разныхъ сословій Москвичи, первостепенные князья и бояре и простые мѣщане, ремесленники, плотники, каменщики и пр. почитали необходимымъ приходить къ святѣйшему въ дни своихъ имянинъ съ имянинным пирогомъ, при чемъ патріархъ всегда благословлялъ имянинника иконою. Такіе имянинные пироги присылали патріарху и жены и дочери иныхъ болѣе знакомыхъ людей.

Изъ царскаго дворца, кромѣ имянинныхъ столовъ, неотмѣнно присылались святѣйшему первыя дыни въ іюлѣ; первыя ягоды: малина, смородина и пр.; первыя яблоки, первые привозные арбузы; первый привезенный виноградъ и т. п.;—патріархъ жаловалъ приносившихъ, благословлялъ иконами.

Такимъ же образомъ изъ горожанъ, благословившись у отца-батюшки жениться, по совершеніи брака, каждый приносилъ святѣйшему брачные дары, свадебные овощи и коврижки, свадебные убрусы и ширинки.

Подъ особымъ благословеніемъ святѣйшаго находились также домовыя боярскія мастерскія золотого шитья и низанья жемчугомъ, изъ которыхъ въ то время впереди другихъ стояла мастерская жены стольника Ивана Вас. Дашкова, Анны Алексѣевны, состоявшая, кромѣ хозяйки, изъ 12 мастерицъ. Въ 1691 г. патріархъ всѣхъ ихъ благословилъ иконами: хозяйку богатымъ образомъ Одигитріи, одну мастерицу образомъ Знаменія; остальныхъ иконами Владимірской Богородицы за ихъ мастерство, что строили патріарху омофоръ.

Случаи патріаршаго благословенія иконами указываютъ намъ, что царь Петръ Алексѣевичъ не однажды посѣщалъ св. патріарха Адріана и сиживалъ у него, бесѣдуя, часа по три.

Такъ, 9 декабря 1695 года, собираясь въ Азовской походъ, онъ изволилъ быть и сидѣть со св. патріархомъ въ Столовой полатѣ съ начала 5 часа ночи до 8 часа: и по востаніи и шествіи его В. Государя патріархъ благословилъ его образомъ Богородицы Владимірскія.

1696 г. октября 1, на другой день и, можно сказать, черезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи изъ Азовскаго похода, приходилъ къ святѣйшему ко благословенію въ Крестовую полату бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, «какъ онъ пріѣхалъ въ Москву съ службы изъ Азова, по взятіи города Азова»,—патріархъ благословилъ его образомъ Спасовымъ. Вслѣдъ за нимъ «тогожъ числа Великій Государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ быть у патріарха и сидѣть въ Столовой полатѣ съ послѣдняго часа дневныхъ часовъ до другого часа ночи до послѣдней четверти»;—на отпускѣ патріархъ благословилъ его тоже образомъ Всемилостиваго Спаса. Для угощенія государя въ тотъ день были куплены въ Яблочномъ ряду у торговца Ивана Васильева 50 яблокъ самыхъ добрыхъ большихъ наливу за 4 рубля.

Въ 1697 г. февраля 21, въ первое воскресенье Великаго поста, государь опять изволилъ быть у св. патріарха и сидѣлъ съ нимъ въ столовой съ перваго часа ночи до третьяго часа ночи;—на отпускѣ патріархъ благословилъ его образомъ Владимірской Богородицы.

Наконецъ, въ 1698 г. августа 31, въ среду, въ 8 часу, въ исходѣ, Великій Государь, по своемъ пришествіи изъ за-моря, изволилъ быть у патріарха и въ Столовой изволилъ сидѣть до 10 дневнаго часа, послѣ чего патріархъ благословилъ его образомъ Успенія Богородицы. На угощенье Государя въ это время было отпущено разныхъ питей: вина секту полворонка, ренскаго полведра, 2 ведра меду вишневаго, меду малиноваго ведерный оловеникъ (кувшинъ), пива мартовскаго трехведерный оловеникъ, меду свѣтлаго ведерный. Это послѣднее государево пришествіе къ патріарху случилось въ дни страшныхъ розысковъ и казней стрѣльцовъ, такъ какъ и предыдущее въ 1696 г. передъ днями розысковъ по заговору Соковнина и Цыклера, умышлявшихъ убить Государя.

Эти домашніе пріемы самого Государя происходили, какъ упомянуто, въ Столовой полатѣ. Пріемы нѣкоторыхъ болѣе или

менѣе значительныхъ по службѣ и такихъ же пріѣзжихъ лицъ происходили въ Крестовой полатѣ, а домашніе, такъ сказать, келейные пріемы рядовыхъ лицъ, которыхъ было большинство, справлялись или въ сѣняхъ Передней кельи, или въ самой этой кельѣ.

Дабы ближе ознакомиться съ этою стороною патріаршаго быта, помѣщаемъ здѣсь въ извлеченіи Дневникъ такихъ пріемовъ, относящихся ко времени патріарха Іоасафа II и слѣдовавшихъ за нимъ патріарховъ.

Іоасафъ II вступилъ на патріаршество 10 февраля 1667 г. На другой день, 11 февр., послѣ обѣдни отъ Вел. государя приходилъ къ патріарху дьякъ Казеннаго царскаго двора съ дарами, которые у государя послѣ стола въ первый день патріархова поставленія были ему поднесены.

25 марта. На праздникъ Благовѣщенія приходилъ со столомъ (цѣлымъ обѣдомъ) отъ Вел. государя стольникъ Григорій Собакинъ. На праздникъ Свѣтлое Воскресеніе Христово отъ государыни царицы приходилъ съ *перепечею* (нынѣ куличъ) стольникъ Ѳедоръ Прокофьевъ Соковнинъ.

Іюня 6 приходилъ отъ Вел. государя клюшникъ Алексѣй Лихачовъ съ *рѣдькою*. Іюля 5 приходилъ ко благословенію стольникъ Петръ Потемкинъ, что онъ посланъ въ Царьградъ.

1668 г. сент. 1 приходилъ отъ Вел. государя со столомъ Григорій Никифоровичъ Собакинъ.—Приходилъ съ имянинным пирогомъ князь Семенъ Мещерскій.

Сент. 5. Бояринъ и Оружейничій Богданъ Матв. Хитрово приходилъ челомъ ударить *свадебною ширинкою*. Это былъ человѣкъ по своему приближенію къ царю очень надобный, а потому патріархъ благословилъ его образомъ Богородицы Владимірской въ серебряномъ окладѣ. Даровъ поднесено: кубокъ серебряный, вѣсомъ въ 2 ф.; атласъ алъ гладкой 10 арш., камка осиновой цвѣтъ кармазинъ 10 арш., сорокъ соболей въ 35 р.

Того жъ дни приходилъ Иванъ Богдановичъ Камынинъ съ *яблоки*. Приходилъ отъ Ѳедора Михайловича Ртищева Степанъ Ѳедоровичъ Ждановъ съ *свадебною ширинкою*.

Сент. 8. Отъ Вел. государя приходилъ со столомъ бояринъ кн. Яковъ Никит. Одоевской. Сент. 13. Приходилъ Ивана Богд. Камынина человѣкъ со *сливами*. Сент. 17. Приходилъ отъ Вел.

государя, благородные царевны и вел. кн. Софіи Алекс. съ *имянинным пирогомъ* бояринъ кн. Яковъ Никит. Одоевской. Того жъ дни приходилъ отъ Вел. государя со столомъ Григорій Микифоровичъ Собакинъ. Сент. 18. Приходилъ кадашевецъ Семенъ Григорьевъ съ *имянинным пирогомъ*.

Окт. 3. Приходилъ дьякъ Денисъ Дятловскій съ *имянинным пирогомъ*. Окт. 5. Приходилъ съ *имянинным пирогомъ* иконописецъ Симонъ Өедоровъ (знаменитый Ушаковъ) съ сыновнимъ *пирогомъ*. Окт. 15. Приходилъ съ именинным пирогомъ Думный дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Окт. 29. Приходили съ *имянинными пирогами* кн. Иванъ Троекуровъ да гость Дмитрей Строгановъ.

Ноябрь 7. Приходилъ отъ Вел. государя съ *арбузомъ* кн. Петръ Семен. Прозоровской. — 8. Приходилъ ко благословенію Иванъ Іевлевъ Владыкинъ *жениться*.—9. Св. патріархъ благословилъ дьяка Ивана Уварова—переѣзжалъ въ новой дворъ, да Іевлева сына Владыкина—приходилъ съ *овощами*. — 11. Приходилъ ко благословенію Патріарша Дворцоваго Приказу дьякъ Денисъ Дятловскій—переходить во дворъ. — 12. Приходилъ ко благословенію *жениться* Ив. Тимоф. Племянниковъ.—24. Приходилъ отъ Вел. государя со столомъ и съ именинным пирогомъ благородной царевны и вел. кн. Екатерины Алекс. бояринъ кн. Я. Н. Одоевской.—Приходилъ съ именинным пирогомъ отъ Дементья Минича (Башмакова Думнаго дьяка) человѣкъ его.—27. Бояринъ кн. Ив. Алексѣев. Воротынской приходилъ отъ Вел. государя со столомъ.—Дмитрей Строгановъ приходилъ ко благословенію.

Дек. 2. Приходилъ бояринъ кн. Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.

1669 г. генв. 11. Приходилъ съ *овощами* свадебными кн. Юрья Ивановичъ Пожарской. Генв. 25. Посадскій человѣкъ Игнатій Мих. Пантусовъ приходилъ съ свадебною *коврижкою* да съ *яблоки*. Генв. 27. Приходилъ съ именинным пирогомъ стольникъ Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ.

Февр. 3. Приходилъ костоправъ Семенъ. Приходили съ именинными пирогами ловчей Семенъ Ивановъ да поваръ Сенька. Февр. 9. Приходилъ къ благословенію *жениться* Өедоръ Петровичъ Салтыковъ. Да онъ же приходилъ съ *овощами* свадебными. Февр. 11. Приходилъ бояринъ кн. Алексѣй Андреевичъ Голицынъ съ именинным *пирогомъ*. Февр. 13. Приходилъ съ име-

нинным пирогомъ кн. Мих. Юрьевичъ Долгорукой. Февр. 17. Отъ боярина и оружейничаго Богдана Матв. Хитрово приходили (три человѣка) съ овощами. Того жъ дни приходилъ съ именинным пирогомъ его патріаршъ закройщикъ Ѳедоръ Чекало и Успенскаго собора дьяконъ Левъ. Февр. 24. На первой недѣлѣ Великаго поста въ среду приходилъ отъ Вел. государя со столомъ кн. Ив. Борис. Троекуровъ.—27. Приходилъ со здоровьемъ на рожденіе благовѣрныя церевны и вел. кн. Евдокіи Ал. стольникъ Петръ Ив. Матюшкинъ. Того жъ дни на рожденье царевны отъ Вел. государя приходилъ со столомъ стольникъ Іевъ Голохвастовъ.

Марта 2. Приходилъ съ именинным пирогомъ изъ Огородниковъ церкви Харитонія Исповѣдника дьяконъ Микита.—22. Приходили со службы изъ Черкасскихъ городовъ бояринъ и воевода кн. Гр. Гр. Ромодановской да полковникъ и Голова Артамонъ Матвѣевъ на благословеніе.

Апр. 8. Въ великой Четвертокъ приходилъ отъ Вел. государя со столомъ бояринъ кн. Ив. Ал. Воротынской.—10. Приходилъ отъ Вел. государя бояринъ и оруж. Б. М. Хитрово съ *живою* съ *рыбою*.—13. Приходилъ отъ В. г. Посольскаго Приказу подьячій Петръ Донской, приносилъ къ св. патріарху мантію. Приходилъ съ именинным пирогомъ ключарь Успенскаго собора Мартынъ.

Мая 24. Приходилъ староста садовой Мих. Ивановъ съ *новою рѣдькою*.

Іюня 9. Приходилъ съ именинным пирогомъ иконникъ Ѳедоръ Елизарьевъ.

Авг. 3. Приходилъ ко благословенію, на службу Вел. государя сказано, бояринъ кн. Гр. Гр. Ромодановской. Авг. 8. Приходилъ отъ Вел. государя ключникъ Максимъ Кругликовъ съ *дынею*.

1671 г. генв. 21. Великій государь царь Алексѣй Мих. приходилъ къ св. патріарху Іоасафу ко благословенію. Генваря 22 въ недѣлю В. Г. царь Алексѣй Мих. приходилъ предъ обѣдню съ духовникомъ для благословенія законнаго втораго брака сочетанія. Сего жъ числа Вел. государь вѣнчался въ соборной церкви и послѣ вѣнчанія за часъ ночи приходилъ отъ Вел. государя бояринъ и оруж. Б. М. Хитрово съ *короваемъ* и съ сыромъ да съ *убрусомъ* и съ *ширинкою*. Генв. 23. Въ шестомъ часу ночи приходилъ отъ Вел. государыни царицы Натальи Кирилловны Мень-

шой Дружка Іевъ Демидовъ Голохвастовъ съ овощами, съ сахарною *коврижкою*.

1675 г. (при патріархѣ Іоакимѣ) сент. 9. Приходилъ отъ Вел. государя Тайныхъ Дѣлъ дьякъ Данило Полянской съ яблоки. Сент. 11. Приходилъ отъ Вел. государя съ именинымъ пирогомъ съ Воробьева Думный дворянинъ Александръ Савостьян. Хитрово.—19. Приходилъ отъ Вел. государя съ ѣствами Ѳед. Петр. Салтыковъ, какъ Вел. государь въ походъ пошолъ въ Троицкій монастырь. Того же дня приходилъ отъ Вел. государя Иванъ Демид. Голохвастовъ съ яблоками.

Сент. 20. Приходилъ ко благословенію Донской атаманъ съ товарищи 4 человѣками.—22. Приходилъ отъ Вел. государя со здоровьемъ стольникъ кн. Ив. Борис. Троекуровъ.

Окт. 5. Приходилъ съ имен. пирогомъ Симона Ушакова иконописца сынъ Петръ.—10. Приходилъ отъ Вел. государя съ *кушаньемъ* стольникъ Ив. Вас. Бутурлинъ. Того жъ дни приходилъ отъ Вел. государя съ *арбузомъ* Ив. Демид. Голохвастовъ.—18. По указу св. патріарха послано на новоселеніе къ боярину Кириллу Полуехт. Нарышкину образъ Пресв. Богородицы Знаменіе.

Ноября 27. Приходили на благословеніе казаки Запорожскіе, атаманъ съ товарищи.

Дек. 8. Приходилъ съ имен. пирогомъ Голова Моск. стрѣльцовъ Богданъ Пыжовъ. Дек. 25. Приходилъ отъ государыни благ. царицы Натальи Кирилловны и отъ государынь царевенъ съ *перепечами* Думный дворянинъ Аврамъ Никит. Лопухинъ да путный ключникъ Ѳед. Протасьевъ. Дек. 27. Приходилъ отъ боярина кн. Якова Никит. Одоевскаго стряпчій его Ив. Жихаревъ съ полотномъ.

1676 г. генв. 10. Приходилъ, женясь, съ *коврижкою* подьякъ (пѣвчій) Аѳонасій.—12. Тайныхъ дѣлъ подьячій Андрей Озеровъ приходилъ, женясь, съ свадебною *коврижкою* и съ *овощами*.—19. Приходили ко благословенію Черкасы, что отъ Дорошенка пріѣзжали, Павелъ Елетка съ товарищемъ.

Февр. 8. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую Полату бояринъ кн. Юрій Алексѣев. Долгоруково, велѣно ему быть по указу Вел. государя въ Стрѣлецкомъ приказѣ.—12. Приходилъ ко благословенію бояринъ Петръ Васил. Шереметевъ, сказано (ему) быть въ Сибирѣ воеводою. Февр. 18. Приходилъ отъ Вел. госу-

даря со здоровьемъ бояринъ кн. Мих. Юрьев. Долгоруково.—19. Приходилъ на благословеніе бояринъ Ив. Бог. Милославской, пожалованъ онъ въ Казань воеводою.—29. Приходили на отпускѣ Донскіе казаки, атаманъ да ясаулъ, да 40 челов. рядовыхъ (всѣмъ по образу).

Апр. 12. Приходили съ имен. пирогами дьякъ Василій Семеновъ да гость Вас. Шоринъ. Апр. 19. Патріархъ отослалъ боярина кн. Мих. Юр. Долгорукова сына его для крещенія образъ Богородицы Взыгранія Младенца.—27. Андрей Ив. Лызловъ приходилъ съ свадебными *овощами*.

Мая 6. Приходилъ съ именинным пирогомъ бояринъ и оруж. Б. М. Хитрово. Дочери его Иринѣ Богдановнѣ во благословеніе патріархъ послалъ образъ Богородицы Одигитрія. Мая 10. Приходилъ ко благословенію кн. Вас. Ѳед. Одоевской, по указу Вел. государя велѣно ему быть кравчимъ у Вел. государя. Мая 19. Боярину и оруж. Б. М. Хитрово въ село Троицкое посланъ на *новоселье* образъ Живонач. Троицы.—20. Патріархъ благословилъ окольничаго кн. Ив. Борис. Троекурова на отпускѣ, что онъ посланъ на службу во Псковъ.—27. Приходили ко благословенію бояринъ кн. Вас. Вас. Голицынъ да съ нимъ окольничій кн. Гр. Аѳон. Козловскій да Думной дворянинъ Андрей Вас. Толстой, на отпускѣ, идти имъ на службу въ Путивль.—28. Кн. Шаховской приходилъ ко благословенію ѣхать на воеводство въ Псковъ.—31. Окольничій Иванъ Ѳед. Волынскій приходилъ ко благословенію, что идти ему на службу на Донъ.

Іюня 8. Приходилъ отъ Вел. государя съ столомъ стольникъ кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Того жъ числа патріархъ благословилъ кн. Никиту Сем. Урусова, что онъ ѣдетъ въ Великій Новгородъ на воеводство. Іюня 21. Патріархъ благословилъ боярина и дворецкаго и оружейничаго Б. М. Хитрово, а благословилъ его ради того, что ему сказана честь—дворчество іюня въ 20 день. Того жъ числа благословилъ боярина Ив. Богд. Хитрово для того, что ему сказана честь—боярство въ томъ же числѣ; окольничаго Александра Савост. Хитрово для того, что ему сказана честь—окольничаго.—24. Ивана Савост. Хитрово, какъ ему сказана честь окольничество.

Іюля 2. Приходилъ отъ Вел. государя клюшникъ Сытнаго дворца съ *огурцами* Мих. Лихачовъ.

Авг. 31. Приходилъ отъ Вел. государя съ *троицкимъ хлѣбомъ* Алексѣй Лихачовъ въ то время, какъ государь пришелъ изъ походу Троицкаго Сергіева монастыря.

1678 г. сент. 4 и 27. Степенный ключникъ Ив. Лихачовъ приходилъ отъ Вел. государя съ *арбузами*.—Сент. 16. Приходилъ сынъ боярскій Агѣй Григоровъ съ свадебными овощами.— Сент. 17. Св. патріархъ благословилъ Грузинскую царицу Елену Леонтьеву образомъ Всемил. Спаса, приходила она къ св. патріарху на отпускѣ ко благословенію.

Окт. 21. Помѣстнаго приказу дьякъ Дм. Өедоровъ приходилъ ко благословенію съ дѣломъ.

Ноября 8. Приходилъ ко благословенію колокольный подъемщикъ Иванъ, который подымалъ большой колоколъ и въ него благовѣстили. Ноябр. 9. Отослано на новоселье Постельничему Ивану Максимовичу Языкову образъ Пр. Богородицы Владимірскія. Того же дня патріархъ благословилъ Ларіона Осипова Панина дочь его Матрену образомъ Богородицы Владимірскія. Приносилъ отъ нея ко св. патріарху именинный пирогъ отецъ ея Ларіонъ. Ноября 10. Отослано на новоселье стольникамъ Ив. Алексѣеву Мусину-Пушкину, Ив. Демид. Голохвастову по образу Успенія Богородицы.—21. Св. патріархъ отослалъ во благословеніе Павла Петрова Савелова женѣ его, Марьѣ Микифоровнѣ образъ Б—цы Владимірскія, приносилъ отъ нея ко св. патріарху именинный пирогъ сынъ ея Гарасимъ.—22. Приходили ко благословенію на отпускѣ Черкасскаго войска Гетмана Ивана Самойловича сынъ его Іаковъ и съ гетманскими посланники.

Дек. 23. Выдано изъ казны икона Архангела Михаила и по указу св. патріарха та икона послана съ иными четырьмя покупными иконами въ Запороги въ новопостроенную церковь Покрова Богородицы, которая построена въ Запорогахъ у Кошеваго Гетмана Ивана Сѣрика, тоѣ икону патріархъ въ Крестовой полатѣ отдалъ самъ Черкасамъ, которые были у благословенія отъ Ивана Сѣрика съ листомъ.

1679 г. генв. 11. Приходилъ отъ боярина кн. Өед. Өед. Куракина человѣкъ его съ *родинною коврижкою*.

Марта 5. Въ среду Великаго поста приходилъ отъ Вел. государя со *сластьми* стольникъ Никита Хитрово. Марта 30. При-

ходилъ отъ Вел. государя съ столомъ стольникъ Ив. Колычовъ, какъ святили Григорія Неокесарійскаго церковь.

Мая 4. Патріархъ благословилъ Ирину Мусину-Пушкину образомъ Богородицы Владимірскія, приходилъ отъ нея съ имениннымъ пирогомъ сынъ ея.—5. Приходилъ отъ боярина и дворецкаго и оруж. Б. М. Хитрово человѣкъ Дмитрей съ *живою рыбою*.—27. Приходилъ отъ Вел. государя стольникъ Борисъ Вас. Бутурлинъ съ *живою рыбою*, да съ тою жъ рыбою стряпчей.

Іюня 24. Пріѣзжалъ отъ Вел. государя изъ походу со здоровьемъ изъ села Воробьева стольникъ Семенъ Ив. Языковъ.— 25. Приносилъ боярина кн. Юрья Петр. Трубецкаго отъ сына его кн. Ивана Юрьевича именинный пирогъ человѣкъ его, и патріархъ отослалъ во благословеніе образъ Б—цы Владимірской.—26. Приходили ко благословенію Арзамазцы новокрещенные изъ Мордвы, три человѣка Ивановъ, и св. патріархъ благословилъ ихъ по образу Б—цы Владимірской.

Іюля 12. Приходилъ отъ Вел. государя степенный клюшникъ Сергѣй Бохинъ съ *огурцами* новыми.—13. Приносилъ отъ кн. Мих. Яковл. Черкасскаго именинный пирогъ человѣкъ его: патріархъ отослалъ ему кн. Михаилу во благословеніе образъ Успеніе Б—цы, а человѣка его благословилъ образомъ Богородичнымъ.

Авг. 5. Приходилъ отъ Вел. государя съ *вишеньемъ* стольникъ Сергѣй Ал. Хитрово.—17. Приходилъ отъ Вел. государя съ *дынями* степенный клюшникъ Сергѣй Бохинъ.

1680 г. ноября 19. Приходилъ ко благословенію бояринъ кн. Мих. Юрьевичъ Долгоруково, что ему велѣно вѣдать государевъ Разрядъ и иные Приказы.

Дек. 15. Приходили ко благословенію бояринъ кн. Петръ Ив. Прозоровской, что ему велѣно быть въ Кіевѣ воеводою.

1681 г. апр. 5. На Свѣтлой недѣлѣ приходили ко благословенію въ Крестовую Полату аптекарь Вас. Мих. Шиловъ да сторожъ Мокѣй, да аптекарской цѣловальникъ Ив. Михайловъ, которые на Страстной недѣлѣ варили св. мvро передъ церковью Трехъ Святителей, что у св. патріарха на Сѣняхъ.

Мая 28. Отъ Вел. государя прислана въ дарѣхъ *корета* съ 6 возниками со стольникомъ Ив. Андр. Языковымъ. Мая 30. Приходилъ отъ Вел. государя съ новыми *огурцами* стольникъ Ив. Вас. Дашковъ.

Іюля 3. Св. патріархъ благословилъ двухъ человѣкъ Арзамазскихъ новокрещеныхъ татаръ по образу, приходили они ко благословенію. Іюля 11. Во второмъ часу дня на рожденіе государя царевича *Иліи* Ѳеодоровича отъ Вел. государя приходилъ со здоровьемъ постельничій Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачовъ.

Авг. 3. Приходилъ отъ Вел. государя степенный клюшникъ С. Бохинъ съ *арбузами*.

1683 г. сент. 3. Приходилъ ко благословенію послѣ женитьбы стольникъ Левъ Кирил. Нарышкинъ; патріархъ благословилъ его образомъ Спаса, да женѣ его Прасковьѣ Ѳедоровнѣ послалъ во благословеніе съ ризничимъ образъ Б—цы Владимірскія.—17. Приходилъ отъ Вел. государей съ именинымъ пирогомъ благородныя г. царевны Софьи Ал. стольникъ кн. Ѳедоръ княжъ Юрьевъ сынъ Ромодановской.

Окт. 9. Приходилъ отъ царевны Татьяны Мих. съ *ѣствами* бояринъ Петръ Ив. Матюшкинъ. Окт. 17. Св. патріархъ благословилъ прудовыхъ дѣлъ подмастерья Илью Пилатова, за его прудовую работу, что онъ строилъ на Прѣснѣ подъ Новинскимъ монастыремъ домовый прудъ.

Дек. 9. Св. патріархъ послалъ во благословеніе боярынѣ Аннѣ Ив. Вельяминовой образъ Зосима и Савватія; присылала она съ именинымъ пирогомъ.—21. Приходилъ съ именинымъ пирогомъ бояринъ Петръ Вас. Меншой Шереметевъ.

1684 г. генв. 14. Приходилъ послѣ женитьбы съ свадебными овощами шестой станицы подьякъ (пѣвчій) Павелъ Ивановъ.

Марта 30. Въ недѣлю св. Пасхи приходилъ отъ благов. государынь царицъ съ *перепечами* окольничій Ѳедоръ Прокоф. Соковнинъ.

1684 г. апр. 12. Св. патріархъ послалъ во благословеніе Большого Успенскаго собора съ ключаремъ боярина кн. Петра Ив. Прозоровскаго *на сговоръ* дочери его дѣвицѣ княжнѣ Анастасіи Петровнѣ образъ Б—цы Взыгранія Превѣчнаго Младенца.

Іюня 19. Приходилъ отъ Вел. государей съ свѣжими *огурцами* степенный клюшникъ С. Боховъ. — 23. Онъ же приходилъ отъ Вел. государей съ *дынею*.

Іюля 23. Приходили ко благословенію на отпускѣ Запорожскихъ казаковъ атаманъ да ясаулъ.—Іюля 24. Св. патріархъ благословилъ кравчаго кн. Бориса Алексѣевича Голицына да подмастерья каменныхъ дѣлъ Бориса Семенова. Того жъ дни при-

ходилъ отъ Вел. государей съ ягодою *малиною* и съ иными ягодными овощами бояринъ Петръ Ив. Матюшкинъ.

Авг. 18. Послано на новоселье во благословеніе съ хлѣбомъ къ стольнику Кондратью Ѳомичу Нарышкину образъ Богородицы. Авг. 19. Пріѣзжалъ отъ Вел. государя царя Іоанна Ал. изъ монастыря Пр. Б—цы Донскія къ св. патріарху въ село Троицкое на Сѣтунѣ со столомъ стольникъ кн. Ѳед. Вас. Засѣкинъ.

1686 г. мая 24. Приходилъ отъ государей съ новою *рѣдькою* степ. клюшникъ С. Бохинъ.

Іюня 26. Онъ же приходилъ съ свѣжими *огурцами*.

Іюля 25. Приходилъ отъ г. царевны Анны Мих. съ *постилою* бояринъ Петръ Ив. Матюшкинъ.

Авг. 5. Приходилъ отъ Вел. государей съ *дынею* С. Бохинъ.

1687 г. сент. 6. Приходили ко благословенію въ Крестовую Полату бояре и воеводы кн. Вас. Вас. Голицынъ съ товарищи, которые пришли къ Москвѣ съ службы съ Крымской степи. Сент. 15. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую Полату на отпускѣ Гетманской писарь Павелъ Самойловъ, который присланъ былъ къ Москвѣ къ Вел. государямъ и св. патріарху отъ гетмана Ив. Степ. Мазепы.

Окт. 8. Присылала съ именинными пирогомъ Кирилла Чаплыгина жена его Полагея. Окт. 11. Приходилъ отъ Вел. государей съ *арбузами* С. Бохинъ. Того же дни приходилъ въ Крестовую полату окольничій Семенъ Ѳед. Толочановъ и благословлялся переходить въ новопостроенныя свои каменныя хоромы. Окт. 30. Приходилъ отъ Вел. государей съ *виноградомъ* С. Бохинъ.

1688 г. февр. 11. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую полату Гетмана И. С. Мазепы племянникъ его Степанъ Трощинскій.—12. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую полату Гадячской полковникъ Мих. Васильевъ и благословлялся переходить въ новый свой дворъ, который ему данъ послѣ дьяка Семена Румянцова. Февр. 17. Приходилъ съ именинными пирогомъ Греческой школы ученикъ Ѳедоръ Поликарповъ.

Апр. 8. Св. патріархъ изволилъ отослать образъ Преображенія во благословеніе къ боярину ко Льву Кирил. Нарышкину, что ему сказана честь—боярство.

Мая 24. Приходилъ Вознесенскаго монастыря отъ игуменьи Варсонофіи съ *ѣствами* дьякъ Козма Семеновъ.

Іюня 18. Приходилъ отъ Вел. государей съ свѣжими *огурцами* степенный клюшникъ Андрей Михайловъ.

Авг. 5. Приходилъ со столомъ изъ Новодѣвича монастыря отъ игуменьи съ сестрами того жъ монастыря дьякъ Ефимъ Зотовъ. — 13. Приходили въ Крестовую полату съ отписками отъ Гетмана И. С. Мазепы генеральной ясаулъ Андрей Гамалѣя да Запорожскихъ казаковъ куренной атаманъ Яковъ Костенковъ.

1690 г. (при патріархѣ Адріанѣ) сент. 21. Приходилъ ко благословенію стольникъ кн. Ив. Ив. Троекуровъ и благословлялся жениться окольничаго Вас. Аврам. Лопухина на дочери его дѣвицѣ.

Ноября 1. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую полату дохтуръ, который къ Москвѣ присланъ отъ цесаря, греченинъ Яковъ Дм. Пимариновъ и въ Крестовой полатѣ св. патріарху говорилъ *арацію*. Ноября 11. Приходилъ Новомѣщанской слободы мѣщанинъ Викторъ Ѳоминъ съ *питейнымъ* и *съѣстнымъ подносомъ*.—Ноября 13. Приходилъ послѣ женитьбы съ свадебными овощами дьячекъ Казанскаго собора. — 26. Св. патріархъ изволилъ послать во благословеніе къ боярынѣ вдовѣ княгинѣ Овдотьѣ Петровнѣ Куракиной образъ Соловецкихъ чуд., что у ней боярыни въ дому св. патріарху низали жемчугомъ поручи по красному бархату.

1691 г. генв. 27. Приходилъ ключникъ патріаршаго дому ко благословенію, что онъ сговорилъ жениться. — Того же дня приходилъ въ Крестовую полату стольникъ Леонтій Мих. Глѣбовъ и благословлялся у св. патріарха жениться на дочери Думнаго дворянина Ив. Петр. Савелова. — Генв. 31. Приходилъ казанецъ Никита Кудрявцевъ съ *питейнымъ подносомъ* и съ рыбою.

Февр. 6. Приходилъ съ подносомъ съ *питейнымъ* и съ *ѣстнымъ* города Симбирска посадскій человѣкъ Семенъ Ивановъ.

Марта 5. Приходили ко благословенію въ Крестовую полату Донскихъ казаковъ станичный атаманъ съ казаками (рядовыхъ 122 челов.).

Окт. 3. Въ третьемъ часу ночи въ исходѣ отъ Вел. государя царя Петра Ал. по рожденіи сына его государева царевича Александра Петровича пріѣзжалъ со здоровьемъ изъ походу изъ села Преображенскаго бояринъ Ѳед. Аврам. Лопухинъ.

1692 г. генв. 7. Приходилъ Сущевскія слободы тяглецъ Ив. Романовъ съ именинным пирогомъ и съ подносомъ.

Февр. 28. Приходилъ ко благословенію и съ подносомъ именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ.

Марта 18. Св. патріархъ изволилъ послать во благословеніе домовыхъ дѣлъ съ стряпчимъ къ боярынѣ вдовѣ княгинѣ Настасіи Львовнѣ Воротынской образъ Богородицы Владимірской, что она боярыня поступилась въ домъ Преч. Богородицы и св. патріарха въ Московскомъ уѣздѣ, въ Горетовѣ стану село Куркино да деревню Барашкова съ пашнею и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и съ крестьянскими дворы.

Апр. 8. Приходилъ ко благословенію бояринъ кн. Ив. Юр. Трубецкой, что ему сказана честь—боярство.

1695 г. окт. 21. Св. патріархъ благословилъ Вознесенскаго монастыря старицу Евдокію Челищеву образомъ Богородицы Владимірскія, для того что она патріарху на сокосъ шила золотомъ и серебромъ и канителью и трунцаломъ оплечье и передникъ и круживо.

Ноября 3. Приходилъ въ Крестовую полату Думный дворянинъ Ѳед. Андр. Зыковъ, благословился переходить въ новыя свои каменныя хоромы.

1696 г. февр. 21. Приходилъ ко благословенію въ Крестовую полату бояринъ Борисъ Петр. Шереметевъ, какъ онъ пріѣхалъ къ Москвѣ изъ Бѣлагорода.

Іюля 31, въ пятокъ, приходилъ въ Крестовую полату Думный дьякъ Андрей Андр. Виніюсъ съ письмомъ, каково прислано отъ Вел. государя къ св. патріарху съ почтою изъ Азова по взятіи города Азова.

1697 г. генв. 1. Приходили ко благословенію въ Крестовую полату на отпускѣ съ Москвы войсковой атаманъ Фролъ Миняевъ съ ясаулы и съ казаками (рядовыхъ 142 ч.). Патріархъ благословилъ ихъ всѣхъ иконами.

1698 г. іюля 10. Приходилъ къ благословенію въ Столовую полату бояринъ А. С. Шеинъ, какъ онъ пріѣхалъ къ Москвѣ съ службы изъ-подъ Воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ.

Славильщики.

Въ Рождественскій праздникъ, по старому обычаю, послѣ утрени и литургіи къ патріарху приходили *славильщики* славить Христа—«Христосъ рождается, славите», и святѣйшій раздавалъ имъ обычныя дачи, неособенно, впрочемъ, значительныя. Изъ церковнаго чина приходили только соборяне, отъ всѣхъ Кремлевскихъ соборовъ и изъ Китая отъ Покровскаго (Василій Блаженный) и Казанскаго, когда и тамъ былъ учрежденъ соборъ. Соборомъ обозначался храмъ, въ которомъ, кромѣ 2 или 3 священниковъ, опредѣлялся и протопопъ. Кромѣ трехъ главныхъ соборовъ—Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго, патріархъ раздавалъ славленое и еще въ 14 соборовъ, изъ которыхъ половина находилась въ зданіяхъ царскаго Дворца. Не многія не соборныя церкви получали также славленое. Размѣръ этой дачи славленаго, повидимому, зависѣлъ сколько отъ давняго обычая, столько же и отъ патріаршаго соизволенія, смотря по достоинству соборянъ.

При патріархѣ Филаретѣ, въ 1626 г., протопопъ съ братіею Успенскаго собора получалъ рубль. При Іоакимѣ, въ 1676 г.,— два рубля, при Адріанѣ—3 руб. Благовѣщенскаго собора протопопу, духовнику государя, одному рубль, а остальнымъ на соборъ 10 алт.; Архангельскому протопопу на соборъ полтина, другимъ соборамъ всѣмъ по 2 гривны. Полтина (рѣдко) и 2 гривны и впослѣдствіи были обычною патріаршею дачею славленаго на каждый соборъ.

Другое дѣло, когда при Филаретѣ тѣ же славильщики ходили къ Великой старицѣ Мареѣ Ивановнѣ. Тогда (въ 1628 г.) Успенскіе получали 5 р., Благовѣщенскіе тоже; Архангельскіе—4 р., другіе по 3 р. и по 1½ р.

Такъ какъ *славить* значило воспѣвать Рождество Христово, то прямыми славильщиками въ этотъ и въ другіе Рождественскіе дни являлись исключительно пѣвчіе государевы, патріаршіе и архіерейскіе. Они распредѣлялись по устройству хора на станицы, въ каждой по 5 человѣкъ. Государевыхъ пѣвчихъ числилось 7 станицъ, патріаршихъ 6 станицъ и впослѣдствіи 8. Они получали славленаго на каждую станицу: старшія двѣ по 2 р., другія

по полтинѣ, по 10 алтынъ, по 2 гривны и по 5 алтынъ. Учителю (регенту) особо рубль.

Всего славильщикамъ патріархъ раздавалъ въ 1635 году 17 р. 10 алт. 2 д., а въ 1696 г. уже—106 р. 28 алт. 2 д.

Славленыя дачи въ теченіи лѣтъ увеличивались постепенно и подъ конецъ дошли до суммы во 106 р. по тому обстоятельству, что съ устройствомъ школъ, при Іоакимѣ и Адріанѣ, къ нимъ стали приходить славить школьные учителя и ученики, а также уставщики и крестовые дьяки отъ многихъ царскихъ комнатъ, отъ государя, отъ царицъ и царевенъ.

Школьники по праву малолѣтства и по бытовому смыслу праздника, конечно, пользовались радушнымъ доступомъ въ патріаршія полаты и приходили не только славить, но и являть плоды своего школьнаго ученія, то-есть произносить предъ патріархомъ *Рацеи* или *Ораціи*, праздничныя рѣчи, отчего и прозывали ихъ *рацельщиками*.

Сколько намъ извѣстно, постоянное говореніе предъ патріархомъ такихъ рѣчей завелось со времени патріарха Іоакима. Въ 1676 г. на другой день праздника, 26 дек., послѣ литургіи, въ Крестовой полатѣ предъ св. патріархомъ говорилъ рѣчь праздничную съ поздравленіемъ бывшій архимандритъ Пахомій слѣпой, который жилъ въ Чудовомъ монастырѣ въ больницѣ. Святѣйшій пожаловалъ ему полтину; да старцу, который его водитъ, дана гривна.

Въ 1685 г. ноября 9 въ Крестовой полатѣ былъ столъ для поставленія Гедеона, еписк. Луцкаго, въ митрополиты въ Кіевъ, тогда племянникъ Каріона Истомина, Иванъ Истоминъ, во время столоваго кушанья говорилъ патріарху поздравительную *орацую*, за что получилъ 2 р.

Въ томъ же 1685 г., на другой день Рождественскаго праздника, къ святѣйшему приходили въ Крестовую Греческихъ высокихъ наукъ учители, которые учили въ школѣ Богоявленскаго монастыря Греко-Латинскому книжному писанію, греко-іеромонахи Аникій и Софроній (Лихуды) и съ учениками своими славили и говорили святѣйшему поздравительныя рѣчи. Патріархъ пожаловалъ имъ по 5 р.; ученикамъ ихъ 2-мъ чел. по 2 р., 9 чел. по рублю. Тогда же говорилъ поздравительныя рѣчи учитель школы Печатнаго Двора, іеромонахъ Тимоѳей; ему дано

тоже 5 р., его товарищу, Греку, 2 р.; ихъ ученикамъ, одному — рубль, 9-ти — по полтинѣ, 46 чел. по 8 алт. 2 д. Всего было роздано 55 р. съ полтиною.

Въ 1687 г. говорилъ предъ патріархомъ орацію Крестовый дьячекъ царевенъ большихъ Мих. Львовъ, за что получилъ 16 алт. 4 ден., т.-е. полтину.

Патріархъ Іоакимъ, повидимому, очень любилъ слушать эти рацеи и потому завелъ рацельщиковъ и между своими домовыми меньшими подьяками, т.-е. пѣвчими мальчиками, которыхъ ораціямъ училъ Книгъ-Печатнаго Двора справщикъ іеродіаконъ Каріонъ (Истоминъ) и въ томъ же 1687 году выучилъ такихъ рацельщиковъ шесть человѣкъ, за что получилъ 2 р.; а рацельщики получили по полтинѣ за то, что въ тотъ праздникъ говорили передъ патріархомъ выученныя ими ораціи. Каріонъ продолжалъ учить рацельщиковъ и при Адріанѣ въ 1690 г., за что также получилъ 2 р.

Появились рацельщики и отъ нѣкоторыхъ монастырей. Въ томъ же 1687 г. Донскаго монастыря іеромонахъ Іовъ Еруновскій говорилъ передъ патріархомъ орацію и получилъ за то рубль.

Въ 1689 г. дек. 27 послѣ литургіи къ патріарху въ Крестовую полату приходили изъ школы, что за Иконнымъ рядомъ, учитель іеромонахъ Софроній и съ нимъ ученики его Греческаго языка реторическаго, граматическаго и книжнаго Греческаго и Словенскаго ученія, и въ Крестовой полатѣ предъ Святѣйшимъ и освященнымъ соборомъ Христа славили пѣніемъ Греческаго согласія и говорили Гречески и Словенски о Христовѣ воплощеніи отъ Божественныхъ писаній многія рѣчи и орацыи св. патріарху съ поздравленіемъ. Въ это время *орацыйщиковъ* было семь человѣкъ.

Въ 1690 г. сент. 9 изъ Кіева Спасо-Межигорскаго монастыря іеродіаконъ Филаретъ послѣ утрени въ Крестовой полатѣ передъ патріархомъ говорилъ арацыю, дано рубль.

Патріархъ Адріанъ вмѣсто алтыновъ и рублей сталъ давать рацельщикамъ по золотому, другимъ по ефимку.

Въ 1691 г. дек. 27 приходили къ патріарху въ Крестовую полату Греческой школы учители греко-іеромонахи Іоанникій да Софроній со учениками и въ Крестовой полатѣ славили Христа Греческимъ напѣвомъ и передъ св. патріархомъ ученики говорили

36*

по-Латыни и по-Словенску о Рождествѣ Христовѣ *многія* рѣчи. Патріархъ пожаловалъ учителямъ денежную дачу, а ученикамъ ихъ Петру Посникову (впослѣдствіи былъ Врачефилософъ) три золотыхъ, Николаю Семенову, Ѳедору Поликарпову, Алексѣю Кириллову по золотому, остальнымъ шести челов. по ефимку.

По примѣру Рождественскаго праздника Адріанъ въ томъ же году установилъ поздравительныя рѣчи и по поводу Свѣтлаго Праздника. 19 апр. въ Ѳомино Воскресеніе послѣ литургіи въ Крестовую полату къ нему приходили изъ школы, что за Иконнымъ рядомъ, учитель іеромонахъ Софроній и съ нимъ ученики его Греческаго языка, реторическаго, граматическаго и книжнаго Греческаго и Словенскаго ученія и въ Крестовой полатѣ передъ св. патріархомъ Христа славили пѣніемъ Греческаго согласія и говорили Греческимъ и Словенскимъ о Воскресеніи Христовѣ отъ Божественныхъ писаній многія рѣчи и орацѣи св. патріарху съ поздравленіемъ. Это были ученики уже возмужалые—іеромонахи, іеродьяконы, дьяконы и бѣльцы того же возраста. Ихъ одѣлили денежными дачами, при чемъ учителю дано 5 р., а всего роздано болѣе 15 р.

Въ тотъ же день приходили въ Крестовую и рацельщики, Греческой школы ученики, и говорили предъ патріархомъ ораціи о Воскресеніи Христовѣ и патріарху поздравительныя рѣчи. Святѣйшій пожаловалъ имъ: Петру Посникову 2 золотыхъ, Ѳедору Поликарпову золотой да ефимокъ, Алексѣю Кириллову, Николаю Семенову по золотому, остальнымъ тремъ по ефимку.

Крестовая Полата.

Мы упоминали, что патріаршіе пріемы въ болѣе значительныхъ случаяхъ происходили въ Крестовой полатѣ.

Издревле Крестовая келья, потомъ полата составляла необходимую постройку во дворѣ духовнаго владыки, сравнительно съ жилыми хоромами весьма обширную, такъ какъ по своему назначенію въ извѣстномъ смыслѣ она соотвѣтствовала древней княжеской Гриднѣ, гдѣ собиралась на думныя засѣданія и пиры княжеская дружина. Такъ и въ Крестовой кельѣ-полатѣ собиралась духовная дружина духовнаго владыки для общаго, собор-

наго моленія для праздничнаго или панихиднаго столованья для избранія духовныхъ лицъ на святительскія мѣста, для святительскаго суда и для другихъ болѣе или менѣе важныхъ дѣлъ и порядковъ.

Такая Крестовая келья съ Крестовыми сѣнями существовала (въ XVI ст.) у Новгородскаго владыки, какъ и по всѣмъ городамъ, гдѣ находились каѳедры святителей, ибо она и строилась для исполненія дѣйствій святительскаго чина и сана.

Въ Москвѣ, съ учрежденіемъ патріаршества, Крестовая полата пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе церемоніальное значеніе, хотя свое древнее настоящее прозваніе, Крестовая, твердо устанавливаетъ только со второй половины XVII ст.

Прямое и главное назначеніе Крестовой полаты, какъ и древней Крестовой кельи, заключалось въ томъ, что это была не домашняя, но соборная моленная святителя-владыки, въ которую для особыхъ церковныхъ служеній собирались духовныя власти: *Бѣлые* (митрополиты въ бѣлыхъ клобукахъ) и *Черные* (архіепископы и епископы въ черныхъ клобукахъ), а также и меньшіе иноческіе чины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это была и *Думная* полата, гдѣ соборнѣ происходили засѣданія духовныхъ властей съ патріархомъ во главѣ для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ по духовному управленію.

Такъ, въ 1678 г. въ Крестовой по единогласному совѣщанію было рѣшено упразднить обрядъ шествія на осляти въ Вербное Воскресенье, соблюдавшійся кромѣ Москвы и по другимъ городамъ, и оставить его только въ одной Москвѣ (гдѣ пребывалъ самъ государь), какъ похвальное *дѣйство*, изображающее передъ народомъ образъ царскаго смиренія и благопокоренія предъ Христомъ Господомъ, предъ Царемъ Небеснымъ.

Мы упоминали, что при Грозномъ митрополитъ Макарій принималъ въ своихъ полатахъ, Малой и Столовой, Литовскихъ посланниковъ.

Такіе пріемы случались и при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, когда для «большаго посольскаго дѣла» онъ принималъ въ Крестовой полатѣ посла отъ Турскаго Муратъ-Салтана Гречанина Ѳому Катакузина, 1627 г. дек. 13. Обстановка этого пріема была обычная, какъ и въ царскомъ дворцѣ. Изъ властей при патріархѣ

присутствовали Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, Іосифъ, архіепископъ Суздальскій, архимандриты и игумены. Затѣмъ бояринъ патріарха, два думныхъ дьяка да патріаршіе приказные люди, всѣ въ золотѣ, т.-е. въ парчевыхъ золотныхъ одеждахъ. Передъ Крестовою въ малыхъ сѣняхъ сидѣли по лавкамъ патріаршіе дворяне большіе въ золотѣ же; въ большихъ сѣняхъ—дворяне и дьяки и гости въ золотѣ же сидѣли по лавкамъ. А по крыльцу и по лѣстницѣ стояли дворяне и приказные люди и дѣти боярскіе въ цвѣтномъ платьѣ. По площади стояли стрѣльцы въ цвѣтномъ платьѣ безъ пищалей. Встрѣчи были, первая вышедъ изъ большихъ сѣней у порогу, вторая посреди большихъ сѣней. Въ томъ же порядкѣ пріемъ повторился и 18 дек. Такъ же и того же посла патріархъ принималъ и въ 1630 году іюня 1, 8, 10, 14 и 25.

Внутреннее устройство Крестовой полаты носило въ себѣ старозавѣтный типъ деревянной жилой избы, одинаковый и въ царскомъ дворѣ, и въ крестьянскомъ быту, сохраняющемъ донынѣ такое устройство. Различіе заключалось только въ обширности и въ богатой уборкѣ зданія. Передъ полатой находились *сѣни* (при Филаретѣ *большія* и *малыя*).

Въ древнихъ постройкахъ сѣни представляли своего рода пріемную залу, а потому въ сѣняхъ передъ Крестовою въ 1628 г. въ присутствіи патріарха Филарета происходило засѣданіе боярской Думы о Разбойныхъ дѣлахъ, на которомъ начальникъ Разбойнаго приказа кн. Д. М. Пожарскій дѣлалъ докладъ Думѣ бояръ о приведеніи въ порядокъ узаконеній по Разбойнымъ дѣламъ (А. И., III, 304).

Изъ сѣней полаты, къ востоку, большія двери вводили въ полату, слѣдовательно входъ въ нее былъ съ западной стороны. Въ *переднемъ* углу полаты, въ правомъ отъ входа (въ юго-восточномъ), помѣщались иконы въ особомъ иконостасѣ. Здѣсь подъ образами было большое главное *мѣсто*, которое занималъ только самъ святитель, для чего тутъ же стояло и кресло для него или устроивалось особое *мѣсто* съ бархатною подушкою и съ бархатнымъ подножіемъ. У Никона подушка была покрыта золотымъ бархатомъ по червчатой землѣ. У стѣнъ вокругъ всей полаты, на возвышенныхъ на три ступени отъ уровня пола рундукахъ, или помостахъ, находились *лавки* для сидѣнья собравшимся чи-

намъ по старшинству, которое начиналось отъ патріаршаго мѣста, по правой и по лѣвой сторонѣ. Лавка подъ образами, гдѣ находилось патріаршее мѣсто, называлась переднею. Лавки, прилегавшія ко входнымъ дверямъ полаты, именовались *кониками* въ значеніи окончанія линіи лавокъ. Лавки покрывались полавошниками, въ большіе праздники бархатными, въ другіе дни суконными, по большей части зелеными.

Въ 1634 г. іюня 27 во время пріема патріархомъ Филаретомъ прибывшаго къ нему изъ-за границы духовенства съ Аѳонской горы и изъ другихъ мѣстъ, Крестовая полата была убрана слѣдующимъ образомъ: надъ патріаршимъ мѣстомъ подволока подбита была бархатами червчатыми; по окнамъ въ полатѣ были постланы атласы турецкіе; по лавкамъ по обѣ стороны были полавошники бархатъ червчатъ рытый; полата была устлана коврами цвѣтными.

У Никона въ 1658 г. находимъ праздничные полавочники, одинъ—бархатъ рытой по зеленой землѣ, травы чорныя, мѣрою въ длину $12^1/_2$ арш., въ ширину $1^1/_4$ арш.; другой — бархатъ рытый по красной землѣ, травы чорныя, въ длину $20^1/_2$ аршинъ. поперекъ $1^1/_4$ арш.,—оба подложены крашениною лазоревою. Коники покрывались полавочниками, сшитыми изъ суконъ разныхъ цвѣтовъ, т.-е. изъ лоскутовъ. Отъ патріаршаго мѣста до дверей постилалась *попона* пестрая, а въ торжественныхъ случаяхъ постилались богатые ковры. Въ полатѣ было семь оконъ; подоконники у нихъ также покрывались сукнами лазоревыми. У иконостаса висѣли небольшія паникадила, а посреди полаты висѣло большое паникадило съ часами въ нижнемъ его отдѣлѣ.

Во всѣ большіе праздники духовныя власти неотмѣнно собирались въ Крестовой, откуда, по назначенію патріарха, онѣ отправлялись для служенія въ соборы, монастыри или въ приходскія церкви, гдѣ случался чтимый праздникъ. Для такого сбору властей на Ивановской колокольнѣ происходилъ особый звонъ и благовѣстъ, зовущій властей не въ соборъ, а прямо въ Крестовую полату, а потому чѣмъ-либо отличавшійся отъ обычныхъ другихъ звоновъ, какою-либо особенностію въ удареніи, которую надо было знать и прислушиваться къ ней, чтобы во-время прибыть въ Крестовую.

По извѣстнымъ днямъ церковнаго Устава патріархъ слушалъ

въ Крестовой полатѣ вечерню и утреню. Общее торжественное моленіе соборнѣ со властями совершалось иногда и въ Крестовой въ навечеріи праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, когда служили Царскіе часы.

Затѣмъ на Святой недѣлѣ, въ субботу, въ Крестовой же послѣ обѣдни происходило раздробленіе *артоса* для отсылки въ Верхъ къ государю и ко всѣмъ членамъ царской семьи, какъ и ко всѣмъ знатнымъ лицамъ, послѣ чего справлялся и большой столъ, обѣдъ на всѣхъ властей.

Особенно славны были для Крестовой полаты патріаршія празднества, совершаемыя въ Дому Пречистой Богородицы во имя Ея Успенія, а также и въ память основателя святительскаго дома св. Петра митрополита и въ другіе дни, въ которые чтились памяти и обряды, высоко ставившіе церковную власть, каково напр., было Вербное воскресеніе.

Главнѣйшій соборный праздникъ въ патріаршемъ домѣ, какъ упомянуто, былъ день 15 августа, Успеніе Богоматери. Еще наканунѣ, 14 числа, патріархъ въ сопровожденіи властей ходилъ къ государю звать къ празднику, къ церковнымъ службамъ и потомъ въ Крестовой хлѣба кушать. Красота всякаго праздника на Руси съ особеннымъ радушіемъ выражалась именно въ угощеніи хлѣба кушать; поэтому каждый праздникъ въ Крестовой сопровождался большимъ столомъ-обѣдомъ, за которымъ по обычаю присутствовалъ государь съ боярами, всѣ духовныя власти и соборяне, а также и городскіе чины, стрѣлецкіе головы, гости, сотскіе черныхъ слободъ Москвы и пр. Угощеніе бывало на славу, почему на другой день въ праздникъ Нерукотвореннаго Образа церковники, хорошо угостившись, *прохладны* бывали, такъ что «забывали, какъ пѣть надобно».

Въ 1689 г. патріархъ Іоакимъ по случаю смутныхъ дѣлъ царевны Софіи съ братомъ Петромъ послѣ литургіи отпустилъ по домамъ всѣхъ властей, соборянамъ же далъ столъ въ Сѣняхъ, передъ Крестовою, а въ самой Крестовой угощалъ однихъ нищихъ и самъ одѣлялъ ихъ милостынею.

Садились за столъ въ этотъ праздникъ въ седьмомъ часу дня, по нашему счету часу въ 12-мъ въ исходѣ.

Другой праздничный столъ въ Дому патріарха или, какъ иногда выражались, въ Дому Св. Богородицы, происходилъ на память

основателя патріаршему Дому Св. Петра митрополита, празднованіе которому совершалось 21 декабря. За недѣлю и даже иногда за 10 дней до этого дня патріархъ ходилъ со властями къ государю звать его праздновать къ празднику и къ столу. Но такъ какъ этотъ день приходился во время поста, то патріархово великое столованіе переносилось на другіе дни, смотря по назначенію, обыкновенно на первыя числа января, а взамѣнъ стола разсылались властямъ по домамъ только подачи безъ рыбы; въ Крестовой же кормили только соборянъ и пѣвчихъ.

При Филаретѣ наканунѣ праздника послѣ вечерни въ Крестовой бывала *ужина* на весь соборъ.

Въ первый день января праздновали Василію Великому и въ соборѣ цѣловали мощи Вселенскаго Святителя, его *перстъ*. Поэтому патріархъ находилъ благопотребнымъ присоединить къ этому празднику и праздничный столъ *Петровскій*, какъ онъ именовался въ записяхъ церковнаго служенія. Это былъ *большой* праздничный столъ, за которымъ, кромѣ властей и соборянъ, бывали и бояре и царскій духовникъ, при чемъ патріархъ самъ подносилъ гостямъ кубки и ковши съ винами и медами. Иногда этотъ столъ справлялся и въ Столовой полатѣ и притомъ 3 или 4 января, смотря по удобству дней для празднованія. Бывали случаи, когда этотъ праздничный столъ отправлялся съ особеннымъ торжествомъ. Тогда за столомъ патріарха присутствовала, можно сказать, вся почетная Москва, государь съ боярами, власти и все почетное духовенство, дьяки, всѣ стрѣлецкіе головы и полуголовы, именитые люди Строгоновы, гости. Такъ было въ 1667 г. 21 декабря при Вселенскихъ патріархахъ Паисіи и Макаріи. Свѣтскіе чины обѣдали въ *кривомъ* большомъ столѣ.

Третій большой праздникъ, касавшійся самой личности патріарха, именно Вербное воскресенье, когда святитель шествовалъ на осляти въ Іерусалимъ, какъ именовали иноземцы храмъ Василія Блаженнаго; въ этотъ праздникъ патріархъ также ходилъ, наканунѣ, даже дня за три, въ среду, къ государю звать его къ Вербному воскресенью. Въ самый день торжественнаго шествія на осляти, по возвращеніи въ соборъ, вербу раздробляли на пучки, для отсылки къ государю и для раздачи властямъ, что исполнялъ самъ патріархъ. Затѣмъ всѣ власти и богородицкій протопопъ (соборный) съ братіею, а также и всѣ свѣтскіе чины, служившіе

при дѣйствѣ или по назначенію сопровождавшіе торжественное шествіе, особенно лица, которыя вели осля подъ патріархомъ, кушали у патріарха, при чемъ провозглашались чаши патріархова и государева. Такъ торжество происходило въ 1672 году. За столомъ въ этотъ праздникъ бывалъ и самъ государь. Въ иныхъ случаяхъ Вербный столъ справлялся на Святой.

Во всю Святую недѣлю каждый день включительно до субботы также давались столы бѣлымъ и чернымъ властямъ и иноческому духовенству.

Къ неотмѣннымъ также столамъ принадлежали и столы панихидные, поминовенные. Таковы были столы, даваемые обыкновенно на Масляницѣ, въ среду и въ пятницу, когда въ соборѣ совершались панихиды по патріархахъ Русскихъ въ среду и по митрополитахъ въ пятницу или и въ другіе дни, но всегда отдѣльно и притомъ черезъ день.

Широкіе столы также бывали въ дни домовыхъ, такъ сказать, приходскихъ у патріарха праздниковъ: іюля 2 въ праздникъ Ризположенія, октября 5 въ день Трехъ Святителей и 14 ноября въ день апостола Филиппа и 12 апостоловъ, которыхъ храмы находились во дворѣ или на Сѣняхъ патріарха. Это были столы въ собственномъ смыслѣ домашніе, за которыми кормился весь патріаршій дворъ отъ малаго чина и до большого. Гостями въ это время были власти и соборяне. За этими столами, какъ иногда и за праздничными, особенно за Вербнымъ, патріархъ кормилъ также и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ (мелкихъ помѣщиковъ), которыхъ иногда собиралось больше ста человѣкъ; въ Вербный столъ патріарха Адріана въ 1691 г. ихъ собралось 130 человѣкъ. Со временъ патріарха Никона тутъ же обѣдали и 12 человѣкъ патріаршихъ нищихъ (юродивыхъ, какъ говоритъ Павелъ Алеппскій).

При Филаретѣ въ 1633 г. 2 іюля, въ праздникъ Ризположенія, самъ государь приходилъ къ службѣ въ Ризположенскую церковь и кушалъ у патріарха.

Случайные столы, которые можно назвать «архіерейскими», происходили въ дни поставленія духовныхъ властей въ саны митрополита, архіепископа, епископа, при чемъ за эти столы въ патріаршую казну взималась пошлина отъ митрополитовъ Новгородскаго и Казанскаго по 40 р. за столъ, отъ остальныхъ по 30 р.

При поставленіи самого патріарха торжественный столъ про-

исходилъ въ царскихъ полатахъ. Послѣ божественной службы всѣ власти вкупѣ съ патріархомъ шествовали въ Крестовую полату и дожидались тамъ царскаго стола и зватаго отъ государя. Зватымъ бывалъ кто-либо изъ окольничихъ. Патріархъ шествовалъ къ столу въ зимнее время въ саняхъ, въ которыя садился у себя во дворѣ, сошедъ съ лѣстницы, или же сошедъ передъ соборомъ съ *большой* лѣстницы изъ Крестовой и пройдя до западныхъ дверей соборной церкви, садился тамъ въ сани и ѣхалъ въ Ризположенскія ворота къ южнымъ дверямъ собора и площадью къ Благовѣщенскому собору, папертью котораго проходилъ на Красное крыльцо и въ Золотую государеву полату. Власти за нимъ шли пѣшкомъ, а во дворецъ подъ руку вели его архіереи. Столъ для святителя ставился особый съ лѣвой стороны отъ государева, отступя на сажень или мало больше, а власти садились за другимъ столомъ одаль по правую сторону отъ государя.

За столомъ новоизбранному подавали икру, уху, пирогъ. Патр. Адріану въ этомъ случаѣ было подано блюдо стерляжины свѣжепросольной, уха и коровай. Послѣ этой третьей ѣствы—пирога патріархъ вставалъ изъ-за стола, дабы совершить установленный объѣздъ вокругъ Кремля на осляти въ сопровожденіи властей и бояръ. Объѣхавъ Кремль, святитель возвращался къ царскому столу, по окончаніи котораго, послѣ заздравныхъ чашъ про великаго государя и про святѣйшаго патріарха, святѣйшій получалъ государевы дары, которые подносилъ ему самъ государь. А послѣ даровъ, какъ случилось въ 1672 г. при поставленіи патріарха Питирима, царь Алексѣй Михаиловичъ поднесъ ему «ковришки сахарныя и простыя, да сахару жъ двѣ трубы, да митра, да посохъ, да поручи (сахарные же пряничные)». Затѣмъ послѣ царскаго угощенія святѣйшій попрежнему, въ сопровожденіи властей, шествовалъ въ свою Крестовую полату.

Объѣздъ вокругъ Кремля совершался такимъ образомъ: сначала отъ Краснаго крыльца, отъ золотой лѣстницы, святитель въ каретѣ шествовалъ прямо къ Спасскимъ воротамъ. Выѣхавъ изъ воротъ, входилъ на уготованный приступъ и, обратясь къ Спасову образу (на вратахъ), говорилъ литію и кропилъ св. водою. Потомъ ѣхалъ Красною площадью въ Неглиненскія (Воскресенскія) ворота, откуда черезъ мостъ, поворотя налѣво мимо Моисеевскихъ богадѣленъ, продолжалъ путь стрѣлецкими слободами мимо Троицкаго

моста до Боровицкихъ Кремлевскихъ воротъ, въ которыя въѣхавъ, поворачивалъ направо и шествовалъ въ каретѣ же чрезъ Дворцовый Житный дворъ мимо Тайницкихъ воротъ и подлѣ городовой стѣны, гдѣ живутъ соборные попы, пріѣзжалъ къ Спасскимъ же воротамъ, откуда возвращался къ Красному крыльцу.

На другой день всѣ власти снова собирались въ Крестовой, гдѣ происходилъ по чиновной книгѣ обрядъ *соединенія* [1]), послѣ чего въ соборѣ возводили новопоставленнаго на его патріаршее мѣсто, откуда онъ проходилъ въ Ризположенскую церковь и совершалъ тамъ литургію, которую пѣли *пòскоро*, потому что предстоялъ новый объѣздъ Бѣлаго города.

Сошедши изъ церкви по лѣстницѣ, патріархъ садился на осля у лѣстницы съ приступки и выѣзжалъ съ своего двора опять въ Ризположенскія ворота и ѣхалъ около соборной церкви, поворачивалъ мимо стараго Царяборисова двора къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, потомъ по задворку въ Боровицкія ворота и далѣе выѣзжалъ въ Чертольскія ворота, за Бѣлый городъ и слѣдовалъ вокругъ бѣлокаменныхъ стѣнъ до Срѣтенскихъ воротъ, откуда по Срѣтенкѣ возвращался въ Кремль въ свой патріаршій Домъ.

Это была только бóльшая половина объѣзда вокругъ Бѣлаго города. Другую, малую, половину патріархъ совершалъ уже на третій день.

Въ эти два дня столы справлялись у патріарха въ Крестовой. Если поставленіе происходило Великимъ постомъ, то столовъ не давали: «столу въ такіе дни быти не пригоже», отмѣчаетъ по этому поводу церковная запись.

Любопытно и то обстоятельство, что по установленному обычаю новопоставленный по совершеніи всѣхъ обрядовъ неотмѣнно долженъ былъ подносить государю, царицѣ и каждому члену царской семьи свои дары; но по большей части избранники не бывали настолько богаты, чтобъ ознаменовать свое поставленіе

[1]) Это былъ обрядъ цѣлованія, которое при поставленіи епископа происходило слѣдующимъ образомъ: въ собраніи патріарха и архіереевъ архидіаконъ вводилъ избраннаго, который, приближаясь къ патріарху, дѣлалъ три земныхъ поклона (билъ челомъ) и, приблизившись, цѣловалъ святѣйшаго въ десную ланиту, потомъ въ десную руку, которая лежала простертою на колѣнѣ, и цѣловалъ въ десное колѣно; послѣ того онъ цѣловалъ и архіереевъ.

достойными государя подарками. Поэтому такіе дары обыкновенно приносились съ Казеннаго государева двора; новоизбранный подносилъ ихъ государю и всему царскому семейству, какъ свои собственныя, а послѣ церемоніи они снова возвращались въ Казну. Возвращались иногда даже и тѣ дары, которые подносимы были патріарху отъ государя и его семейства. Только у небогатыхъ избранниковъ такіе дары *назадъ* не возвращались. Видимо, что древній порядокъ жизни никакъ не могъ отмѣнить старозавѣтный *чинъ даренія*.

О расположеніи лавокъ и самыхъ столовъ въ Крестовой полатѣ находимъ нѣкоторыя подробности въ запискахъ о пришествіи государя къ патріарху къ *прощенію* въ воскресенье Сырнаго заговѣнья.

Въ это время патріархъ встрѣчалъ государя или среди Крестовой или для бо̀льшей почести на большой передней лѣстницѣ, что отъ собора, въ дверяхъ передъ церковью Трехъ Святителей въ паперти и, встрѣтя, благословивъ и принявъ государя подъ руку, шелъ съ нимъ въ Крестовую вмѣстѣ. Государь садился на большой лавкѣ отъ собора у южной стѣны полаты, а патріарху указывалъ сѣсть на другой передней лавкѣ подъ образами (у восточной стѣны). Эти двѣ лавки помѣщались на рундукахъ, т.-е. пристѣнныхъ помостахъ ступени на три выше уровня пола. Боярамъ государь указывалъ сѣсть на третьей лавкѣ отъ патріархова двора, т.-е. у сѣверной стѣны, гдѣ эта лавка помѣщалась безъ рундуковъ прямо на полу полаты.

Государевъ поставецъ для питьевыхъ сосудовъ ставился передъ Крестовою въ сѣняхъ. Вино романея, ренское, бастръ и красный и бѣлый меды,—все это было государево. Но подносилъ ихъ государю и боярамъ самъ патріархъ, по кубку каждаго вина и по ковшу того и другого меда, каждому изъ присутствовавшихъ. Когда, исполнивши древній обрядъ, государь уходилъ съ боярами изъ Крестовой, патріархъ со властьми провожалъ его до тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчалъ.

Проводя государя, патріархъ справлялъ этотъ обрядъ прощенія съ духовными властями, которымъ также подносилъ кубки и ковши и чарки съ питьемъ и, поднесши питье, говорилъ прощеніе. Послѣ вечерни патріархъ справлялъ обрядъ и для своихъ приказныхъ и дворовыхъ людей. Наливали питье съ патріаршаго

поставца, который поставлялся обыкновенно въ самой Крестовой, какъ бывало и во время столовъ. Самъ патріархъ подносилъ каждому изъ своихъ рукъ, какъ происходило по государеву чину, каждому прежде по кубку романеи (красное), потомъ по кубку ренскаго (бѣлое), по ковшу меду краснаго да по ковшу меду бѣлаго. И затѣмъ, благословя всѣхъ, отпускалъ по домамъ, а самъ уходилъ въ келью.

Когда изъ дворца на патріаршій дворъ были устроены переходы, то государь приходилъ къ патріарху *сквозь* старую патріаршу Столовую полату, бывшую Макарьевскую, и черезъ паперть церкви Трехъ Святителей.

Изъ случайныхъ событій въ Крестовой полатѣ должно упомянуть, что въ ней происходило нареченіе царемъ маленькаго Петра по смерти царя Ѳедора Алекс., когда патріархъ Іоакимъ съ кн. Бор. Алекс. Голицынымъ привели царственнаго отрока въ Крестовую къ собравшемуся боярству и стали крестъ цѣловать (Архивъ кн. Куракина, I, 41).

Во время торжественныхъ столованій столы въ Крестовой располагались слѣдующимъ образомъ:

Для государя и патріарха столъ накрывался въ переднемъ углу полаты съ правой стороны, у образовъ. Съ той же стороны къ юго-западному углу полаты накрывался *кривой* столъ, т.-е. угловой для бояръ и другихъ чиновъ включительно до стрѣлецкихъ головъ и полуголовъ. Другой кривой столъ къ сѣверо-восточному углу полаты занимали бѣлыя и черныя власти и соборяне, а ниже ихъ садились гости и сотскіе Московскихъ Черныхъ слободъ. Поставцы ставились государевы; одинъ посередь полаты къ печному углу мало поближе, а другой въ сѣняхъ передъ Крестовою у дверей.

Патріаршій поставецъ устроивался въ самой полатѣ у дверей на обычномъ мѣстѣ, какъ во всѣ столы.

Такъ разставлялись питейные поставцы. Кормовые же ставились въ сѣняхъ передъ Крестовою и кушанья носили чрезъ заднія сѣни.

Во время праздничныхъ столовъ на патріаршій поставецъ выставлялось серебряной посуды: 14 кубковъ съ кровлями, 5 кубковъ податочныхъ, 36 чарокъ золоченыхъ, 5 чарокъ бѣлыхъ, 29 ков-

шей лебедей, 22 братины, 3 стопы, чаша, 2 росольника, 12 торелокъ, 12 ложекъ, 11 ножей;—иногда въ разныхъ отдѣлахъ больше этого числа, иногда меньше, смотря по числу и достоинству гостей.

Патріаршій столовый обиходъ.

Упоминая о праздничныхъ и поминныхъ столованьяхъ въ Крестовой полатѣ, мы должны сообщить необходимыя свѣдѣнія и о самыхъ кушаньяхъ, какія подавались въ эти дни патріарху и властямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣть общій составъ патріаршаго столоваго обихода и келейные столы патріарховъ.

Самое большое и широкое угощеніе происходило въ соборный праздникъ Успенія Богородицы, августа 15, главный основной праздникъ Патріаршаго Дома. Вотъ перечень блюдъ, поданныхъ на столъ патріарху въ 1691 г.—Августа 15, въ субботу, на праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы св. патріарху подано столоваго кушанья въ Крестовой полатѣ: Хлѣбецъ. Кольцо (родъ витушки). 1) Икра зернистая. 2) Икра бѣлой рыбицы. 3) Вязига подъ хрѣномъ. 4) Прикрошка тѣльная. 5) Прикрошка осетрья. 6) 2 присола щучьи изъ живыхъ. 7) Присолъ стерляжій изъ живыхъ. 8) Присолъ стерляжій свѣжій. 9) 3 щуки паровыхъ. 10) 4 леща паровыхъ. 11) 2 стерляди паровыхъ. 12) 4 линя паровыхъ. 13) 2 язя паровыхъ. 14) 2 шелешпера. 15) 2 спины бѣлой рыбицы. 16) 2 обертки бѣлой рыбицы. 17) 2 звена бѣлой рыбицы. 18) 2 звена осетра живаго. 19) 2 схаба бѣлужьи. 20) 2 оладьи тѣльныхъ. 21) Сбитень. 22) Шти съ тешею. 23) 2 ухи щучьи шафранныя. 24) 2 пирога съ тѣломъ росольные. 25) 2 ухи щучьи черныя. 26) 2 пирога просыпныхъ. 27) 4 ухи стерляжьи изъ живыхъ. 28) 2 пирога съ тѣлесы. 29) 4 ухи окуневыхъ изъ живыхъ. 30) 2 пирога съ молоки. 31) 4 ухи плотичьи изъ живыхъ. 32) 2 пирога косыхъ. 33) 4 ухи линевыхъ. 34) Пироги подовые. 35) 4 ухи карасевыя. 36) 2 середки пирога. 37) Потрохъ. 38) 2 блюда пышекъ. 39). Щука колодка. 40) 2 блюда оладьи путныхъ. 41) 9 щукъ колодокъ. 42) 2 блюда сырниковъ. 43) 3 окуня росольныхъ. 44) Пироги кислые. 45) 3 леща росольныхъ. 46) 2 блюда карасей. 47) 2 полуголовы бѣлой рыбицы. 48) 2 блюда пряжья. 49) 2 полуголовы осетра свѣжаго. 50) 2 полуголовы бѣлужьи. 51) 2 звена ставные.

Почти каждое блюдо подано вдвойнѣ, иныя въ 3 и 4 блюдахъ. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этотъ праздникъ, если самъ государь не присутствовалъ на обѣдѣ, то патріархъ посылалъ во Дворецъ государю, въ настоящемъ случаѣ двумъ государямъ, Іоанну и Петру, весь полный составъ обѣда, почему блюда и удвоены. Кромѣ того, патріархъ посылалъ иныя блюда *из-передъ себя*, т.-е. со своего стола присутствовавшимъ гостямъ, а также и неприсутствовавшимъ за столомъ знатнымъ или надобнымъ лицамъ, такъ что составъ его стола изготовлялся въ такомъ обширномъ количествѣ именно по поводу подобныхъ *подачъ*, какъ обозначались эти посылки. Самому патріарху оставалось уже неособенно значительное количество блюдъ.

За тѣмъ же столомъ бѣлымъ и чернымъ властямъ и боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и соборяномъ въ Крестовой полатѣ въ столъ ѣствъ подано: Икра зернистая. Икра бѣлой рыбицы. Прикрошка тѣльная. Прикрошка осетрья. Щука паровая. Лещи паровые. Стерляди паровыя. Звена бѣлой рыбицы. Четверти оладьи тѣльной. Шти съ яйцы. Пироги росольные. Ухи стерляжьи. Пироги круглые. Ухи подлещиковыя. Пироги караси. Звена ставныя. Пироги пряжные.

Къ тому же отдѣлу изготовлено: 7 хлѣбецъ крупичетыхъ. 10 калачей четвертныхъ. 20 колецъ. 10 пироговъ росольныхъ. 35 пироговъ круглыхъ. 35 блюдъ карасей. 35 блюдъ пряжья. 35 щукъ паровыхъ. 35 лещей паровыхъ. 35 стерлядей паровыхъ. 35 звенъ бѣлой рыбицы. Коровай тѣльной. 35 сковородокъ стерляжьихъ ухъ. 35 сковородокъ подлещиковыхъ. Перечень 35 блюдъ указываетъ на число присутствовавшихъ въ этомъ отдѣлѣ лицъ.

Затѣмъ слѣдовали патріаршіе пѣвчіе и властелинскіе ризничіе, которымъ подано: Икра зернистая. Вязига подъ хрѣномъ. Лещи паровые. Стерляди паровыя. Звена бѣлой рыбицы. Крушки тѣльные. Шти съ яйцы. Пироги круглые. Ухи стерляжьи. Пироги пряженые. Ухи щучьи. Звена бѣлужьи. Звена осетрьи. Звена семожьи.—Далѣе кормлены патріаршій казначей съ братіею, кои ѣдятъ по кельямъ: икра, вязига, стерляди паровые, звена бѣлой рыбицы, крушки тельные, шти, ухи плотичьи, звена бѣлужьи, звена семожьи, пироги.—Потомъ хлѣбенная братія, дворяне и всякихъ чиновъ дворовые люди, которымъ подано: икра, вязига, шти, каша семожья, звена белужьи, звена семожьи, пироги.—

Кормлены также Успенскаго собора пономари и сторожи 18 чел., звонари 11 чел., домовые дворяне и дѣти боярскіе и приставы и конюхи, которые стольничали; властелинскіе пѣвчіе и посошники, что стоятъ предъ властьми съ посохомъ; дѣти боярскіе и монастырскіе служки; нищіе 12 чел.; 270 чел. стрѣльцовъ, которые относили обѣды къ обоимъ царямъ; имъ дано 27 семогъ и 27 хлѣбовъ братскихъ, т.-е. семга и хлѣбъ на 10 чел. [1]).

Въ тотъ же день въ 1698 г. къ столу этого отдѣла было отпущено разнаго *питья*: ренскаго полведра да 2 третника, да воронокъ; меду свѣтлаго ведро, меду малиноваго ведро, меду выкислаго ведро, пива мартовскаго ведро. Въ другихъ случаяхъ такого питья отпускалось больше, смотря по числу гостей.

Въ 1697 г. ноября 30, на праздникъ Андрея Первозваннаго отпущено: ренскаго полведра, секту воронокъ, добраго ренскаго четвертникъ, меду краснаго воронокъ, вишневаго ведро, малиноваго полведра да третникъ, меду выкислаго полтора ведра, пива приварнаго ведро, пива мартовскаго полтора ведра да полведра.

Вообще, о патріаршемъ столовомъ обиходѣ должно замѣтить, что списокъ блюдъ мало различался и за другими праздничными столами. Одни и тѣ же названія господствуютъ во всѣхъ и праздничныхъ, и будничныхъ столахъ. Большой и малый праздникъ отличался отъ рядовыхъ столовъ только количествомъ блюдъ, но самый составъ каждаго блюда или кушанья по всему вѣроятію готовился одинаково въ теченіи цѣлыхъ столѣтій.

Столъ патріаршій былъ столъ монашескій и потому въ скоромные дни на немъ господствовали рыбныя ѣствы. Въ постные дни преобладала разнородная растительная пища, и по преимуществу грибы.

По русскому обычаю на столъ подавалось очень много разныхъ блюдъ, но изъ нихъ кушали только тѣ, какія приходились по вкусу, какія въ тотъ день наиболѣе нравились. Остальныя раздавались въ почетъ любимымъ людямъ.

И такъ какъ кушать по древнерусскому обычаю начинали съ холодныхъ закусокъ, то на рыбномъ столѣ изъ рыбныхъ

[1]) Такія же порціи раздавались всѣмъ стрѣльцамъ и другимъ слугамъ, бывавшимъ на службѣ при Іерусалимскомъ шествіи на осляти, которыхъ было въ 1691 г. 558 человѣкъ.

яствъ первое неотмѣнное мѣсто всегда занимала икра зернистая, а второе вязига подъ хрѣномъ. Иногда къ зернистой икрѣ присовокупляли икру бѣлой рыбицы—красную.

Затѣмъ слѣдовали *прикрошки*, *присолы*. Въ большомъ изобиліи подавалась паровая (копченая) рыба: изъ числа живыхъ и свѣжихъ щука, стерлядь, лещь, язь, линь, шелешперъ, сигъ и проч.

Послѣ холодныхъ слѣдовали горячія: *щи* и разныя *ухи*—уха щучья, стерляжья, окуневая, линевая, судачья, карасевая, плотичья, подлещиковая, язевая, озимая шафранная, озимая черная, венгерская, при чемъ къ каждой ухѣ подавались особые пироги: къ одной подовые, къ другой съ тѣлесы, къ третьей просыпные и далѣе росольные, кислые, косые, долгіе, съ молоками, *караси* (печеные въ видѣ карасей), Троицкіе, а также аладьи, пышки, кулебяка, блины простые, блины красные, драчена, коровай яцкой, коровай ставленой и пр.

Другія горячія кушанья въ родѣ соусовъ и похлебокъ подъ именемъ *росольнаго* составляла разнаго рода разварная или вареная въ разсолахъ рыба, къ которой подавались разныя печенья: пышки, оладьи, сырники, блины, особые пироги и пр.

Ухи и всякія горячія подавались въ мѣдныхъ сковородкахъ. Хлѣбъ подавался къ патріаршу столу бѣлый крупичатый, именно напошникъ, басманъ (особый родъ хлѣба), хлѣбецъ крупичатый, кольцо крупичатое, калачи четвертные, калачи хамутинные (въ видѣ хомута), укруги пшеничные. Употреблялся также хлѣбъ расхожій и братскій, вѣроятно ржаной.

За постными столами, вмѣсто зернистой икры и вязиги, подавались грибы, а за ними кушанья гороховыя, ягодныя и т. п. Составъ постнаго кушанья полнѣе всего обозначается праздничными постными столами, наприм., въ постный день на праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня святѣйшему было подано столоваго кушанья: Голова гороху тертаго. Грибы холодные [1]), грузди, рыжики холодные. Шти. Грибы грѣтые. Грузди, рыжики грѣтые. Лапша. Капуста лѣнивая. Пирогъ косой. Пирогъ съ грибами. Пирогъ съ морковью. Пироги съ горохомъ. Оладьи въ патокѣ. Блюдо ягодниковъ. Блюдо левашниковъ. Блюдо карасей

[1]) Грибы безъ имени обозначали обычные бѣлые и черные грибы.

(печенье). Блюдо пряжья (сдобное). Въ Петровъ постъ, Іюня 8, въ будни подано: Рыжики холодные. Грузди холодные. Грибы холодные. Рыжики грѣтые. Грузди грѣтые. Грибы грѣтые. Шти съ сокомъ. Кисель клюковной. Черносливъ. Зваръ клюковной. Горохъ хлебаной. Пирошки долгіе. Пирошки копытца.

Само собою разумѣется, что Великимъ постомъ значительно сокращались и эти статьи кушаній.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ (1624 г.) въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста совсѣмъ не кушалъ «кушанья не было и ѣствы не держано». Во вторникъ ему было подано: капустка крошеная студеная. Въ четвергъ опять ѣствы не держано. Зато въ середу и пятницу было кушанье особаго состава. Въ середу въ деревянныхъ хоромахъ ему подано: «взваръ со пшеномъ сорочинскимъ да съ шефраномъ да съ перцемъ да съ ягодами. Потомъ капустка студеная, горохъ зобанецъ, ядра миндальные, ягоды винныя на рожникахъ тридевять ягодъ; хрѣнъ, греночки, горшечикъ мазуней съ перцомъ, горшечикъ мазуней съ инбиремъ, горшечикъ мазуней съ шафраномъ, орѣхи грецкіе». Въ пятницу кушанье было въ Крестовой полатѣ, подано: «шти съ цѣлымъ лукомъ да съ перцомъ квашены уксусомъ капуста сѣчена мелка, грибки тяпаные безъ масла, грибки цѣлики безъ масла, горошекъ хлебанецъ безъ масла, лопша гороховая безъ масла, ядра миндальные, орѣхи грецкіе, взваръ медвеный квасной со пшеномъ да съ изюмомъ съ шафраномъ да съ перцомъ, горшечикъ мазуней съ инбиремъ, горшечикъ мазуней съ шафраномъ; греночки, рѣпа вареная рѣзана въ ломтики съ уксусомъ да съ хрѣномъ; два блюда ягодъ винныхъ на рожникахъ, полоса дынная, полоса арбузная, патоки, яблоки, вишни» [1]. Такимъ образомъ въ эти дни очень видное мѣсто занимали сласти, въ другіе рядовые дни вовсе не употребляемыя. Это было такъ называемое *Коливо*, предлагаемое по уставу Церкви.

Патріархъ Іоасафъ II въ 1667 г. и патріархъ Адріанъ въ 1691 г. содержали постъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста, а также и во вторникъ, и въ четвергъ они вовсе не кушали. Въ поне-

[1]) Кормовая Книга 7132 г. Домашній бытъ русскихъ патріарховъ, Н. Писарева, Казань, 1904 г., стр. 102.

дѣльникъ и братьѣ и дворовымъ людямъ обиходу не было. Во вторникъ имъ дано по участку хлѣба. Въ среду, напротивъ того, святѣйшему Іоасафу готовлено кушанье: хлѣбца четь, папошникъ, взваръ сладкій со пшеномъ и съ ягоды, съ перцомъ да съ шафраномъ; хрѣнъ, грѣночки, капуста тяпаная холодная, горошекъ зобанецъ холодный, киселекъ клюковный съ медомъ, кашка терта съ маковымъ сочкомъ; и то кушанье простояло не подано святѣйшему патріарху, не спрошали, а братью и дворовыхъ кормили за столомъ. Въ тотъ день ему была присылка отъ государя съ *укругою*, принесено: кубокъ романеи, кубокъ ренскаго, кубокъ малвазіи, хлѣбецъ кругличатый, полоса арбузная, горшечекъ патоки съ инбиремъ, горшечекъ мазули съ шафраномъ, горшечекъ мазули съ инбиремъ, три шишки ядеръ (кедровыхъ).

Въ среду же патріарху Адріану было подано: папошникъ-басманъ. Грибы холодные. Грузди. Рыжики холодные. Капуста холодная. Рѣдька. Рыжики грѣтые. Капуста грѣтая. Зваръ сладкой. Клюква грѣтая. Кисель клюковной. Пирогъ съ горохомъ. Пироги копытца. Гренки.

Казначею съ братьею, хлѣбенной братьѣ и всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ подано—зваръ сладкой, капуста грѣтая, огурцы, шти съ сокомъ.

Въ четвертокъ 26 февраля святѣйшій Адріанъ не кушалъ. Братьѣ дано только по участку хлѣба. Въ пятницу ему поданъ такой же столъ, какой онъ кушалъ въ среду. Братьѣ и дворовымъ: капуста грѣтая, огурцы, толокно.

Къ сладкимъ яствамъ выдавали патоку, изюмъ и винныя ягоды.

Въ Воскресенье Соборное патріарху подано: голова гороху тертаго. Грибы. Грузди. Рыжики холодные. Шти съ сокомъ. Грибы, грузди, рыжики грѣтые. Грибы съ капустою. Кашка ячная (ячменная). Грибы въ тѣстѣ. Грибы съ лукомъ. Лапша гороховая. Манты. Зваръ сладкій. Пирогъ косой съ сокомъ. Пироги съ грибами. Пироги долгіе. Пироги Троицкіе. Оладьи въ патокѣ. Блюдо ягодниковъ. Блюдо луковниковъ. Блюдо левашниковъ. Блюдо карасей. Блюдо пряжья.

Въ другое время къ такому же столу взамѣнъ или въ прибавку подавали: кашку смоленскую (изъ смоленскихъ манныхъ крупъ), голушки съ грибами, зваръ клюковной. Горохъ хлебаной, лапша гороховая, горохъ зобанецъ.

Въ рядовые дни Великаго поста подавали безъ масла. Капуста холодная. Рѣдька. Грибы. Грузди, рыжики холодные и грѣтые. Черносливъ, кисель клюковный. Шти съ сокомъ. Пирогъ косой съ сокомъ. Пироги долгіе съ лукомъ. Кашка тертая.

Въ пятницу на Страстной патріархъ не кушалъ и братьѣ ѣствъ не было.

Въ Великую Субботу святѣйшему поданъ только папошничекъ басманъ; а братьѣ укруги пшеничные.

Такія же блюда подавали патріарху и во время Успенскаго поста, съ тѣмъ различіемъ, что въ праздничные дни этого поста разрѣшалась въ прибавку къ постнымъ кушаньямъ икра и вязига. Такъ, августа 1 на праздникъ Происхожденія Честнаго Креста Господня святѣйшему подано: Икра зернистая. Вязига подъ хрѣномъ. Шти со снятками. Грузди. Рыжики. Грибы грѣтые. Голушки. Калья. Грибы на маслѣ. Пирогъ съ вязигою. Пироги долгіе. Оладьи въ патокѣ. Блюдо ягодниковъ. Блюдо карасей. Блюдо пряжья.

Въ остальные дни патріархъ кушалъ рядовыя ѣства безъ масла.

О винѣ за келейными столами патріарха Адріана вовсе не упоминается. Судя по тому, какой питейный нарядъ отпускался въ село Троицкое Голенищево, куда иногда выѣзжалъ патріархъ, онъ, повидимому, предпочиталъ пивцо легкое, бражку, кислыя щи, медъ вишневый, медъ свѣтлый, которые и отвозились въ *мѣшечкахъ* съ обозначеніемъ непосредственно: *святѣйшему*.

Вообще же, въ келейномъ своемъ обиходѣ патріархи жили довольно скромно и просто, по крайней мѣрѣ это можно сказать о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, особенно въ первые годы его патріаршества. Сравнительно не малою роскошью и различными новинами въ своемъ быту отличался только патріархъ Никонъ.

Къ столу Филарета Никитича подключникъ покупалъ ему хлѣбецъ и калачикъ на 4 деньги и ягоды клюквы на 2 деньги. Это повторялось неоднократно въ теченіи всей осени 1626 г., а ноября 10 на 4 деньги куплено и ягоды клюквы, и хлѣбецъ ситный, и калачикъ.

О патріархѣ Никонѣ такія же случайныя свѣдѣнія говорятъ, что однажды 15 генваря 1658 г. его хлѣбникъ сдѣлалъ ему къ обѣду *кушанье-пышку* противъ государевыхъ (царскихъ) пода-

точныхъ *пышковъ*, т.-е. такую же по сдобѣ, какую подавали за царскими столами, за что получилъ въ награду 16 алт. 4 д.

Февраля 27 того же года Николаевскаго монастыря, что на Никольскомъ крестцѣ (улицѣ), греческій архимандритъ Діонисій да келарь Евстигней *строили* патріарху *кушанье по-гречески*, за что получили въ награду по полтинѣ человѣку. Потомъ марта 16 патріаршій поваръ получилъ въ награду 20 коп. за то, что государю патріарху *кисилекъ приспѣлъ*, т.-е. состряпалъ вкусно.

Искусство готовить кушанье по-гречески, повидимому, было принесено въ Москву Палестинскими патріархами и въ первое время производилось Греками же, клирошанами патріарховъ. Видимо также, что Никону очень понравились греческія *яди*. Еще въ 1655 г. іюля 28, по случаю празднованія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ Богородицѣ Одигитріи Смоленской, Никонъ ходилъ туда съ Палестинскими патріархами и послѣ службы пригласилъ ихъ къ обѣду въ свое село Троицкое Голенищево, гдѣ Антіохійскаго патріарха келарь да приспѣшникъ старецъ Ѳеофилъ приспѣвали рыбныя яди *по-гречески*, за что получили по полуполтинѣ человѣку. При этомъ Московскій патріархъ представилъ Грекамъ и Русское Московское угощеніе: Богородицкіе нищіе (штатные при Успенскомъ соборѣ) 12 человѣкъ *пѣли Лазаря и иные стихи*, за что получили по 10 денегъ человѣку.

Оканчивая обзоръ патріаршаго столованья, мы должны упомянуть и о хмельныхъ напиткахъ, запасы которыхъ сохранялись въ патріаршихъ погребахъ.

Какъ извѣстно, крѣпкіе издревле Русскіе обычаи во всѣхъ добрыхъ сношеніяхъ людей между собою неотмѣнно требовали при каждомъ такомъ случаѣ и добраго угощенія хмельнымъ питіемъ. Эти обычаи шли еще отъ языческаго времени, когда и древній еще язычникъ Св. Владиміръ подкрѣпилъ ихъ, выразивъ ихъ непреложный уставъ достопамятными словами: «Руси есть веселье питье, не можетъ безъ того быти».

Христіанское время утвердило старые обычаи тою истиною, что «невинно питіе, проклято пьянство», а потому питіе и сохранилось неприкосновенно, какъ добрый и привѣтливый порядокъ жизни.

Добрыя сношенія патріаршаго дома съ людьми различныхъ сословій были столь велики и часты, что для исполненія обычая угощать добрыхъ людей должнымъ порядкомъ требовались не малые запасы разнороднаго питія; поэтому патріаршіе погреба малый и большой и др. въ изобиліи были наполнены различными медами и пивомъ, а также и заморскимъ иноземнымъ виномъ, церковнымъ (краснымъ) и ренскимъ (бѣлымъ).

Въ погребахъ сохранялись меды съ прозваніями: вишневый, малиновый, чернишный, красный, бѣлый, свѣтлый, легкій, выкислый, медъ съ гвозцы, наконецъ, кромѣ другихъ и медъ братскій для домовной братіи.

Пиво: простое, легкое, мартовское, приварное, поддѣльное, т.-е. чѣмъ-либо приправленное, наконецъ брага и кислые щи.

Не забыто было и вино *горячее*, сирѣчь водка.

Изъ иностранныхъ винъ, беременныя и полубеременныя бочки сохраняли, какъ упомянуто, вино церковное и ренское. Эти вина покупались у Московскихъ торговыхъ Нѣмцевъ. Въ мартѣ 1642 г. по царскому указу было куплено у нихъ двѣ бочки беременныхъ *романеи* по 30 р. за бочку и двѣ бочки полубеременныхъ *ренскаго* за 20 р. Вино было куплено къ поставленію патріарха Іосифа и впередъ на патріаршій домовой обиходъ. Подъ именемъ церковнаго слѣдоват. употреблялась романея. Къ церковному вину присоединилось и своего производства—*Астраханское*. Появились и другія вина, напр. сектъ. Ренское, кромѣ того, *поддѣлывалось* сахаромъ для подачи къ столамъ въ Крестовую.

Кромѣ того, въ погребахъ хранились: виноградъ свѣжій, виноградъ въ патокѣ, брусника въ морсу, клюква и т. п. овощи.

Иностранныя вина, церковное и ренское, по кубку, отпускалось за столомъ или на домъ властямъ, начиная отъ митрополитовъ и до игуменовъ, а также и нѣкоторымъ игуменьямъ, также нѣкоторымъ боярамъ и боярынямъ и другимъ боярскимъ и Думнымъ чинамъ, и вообще всѣмъ надобнымъ Патріаршему Дому людямъ. Такая посылка вообще обозначала патріаршую почесть.

Гостепріимство Патріаршаго Дома относительно кормленія и питей было очень широкое. Справлялись угощенія по установленному обычаю въ навечеріи соборныхъ и царскихъ праздниковъ, когда служили наканунѣ самаго праздника молебны. Послѣ молебна соборяне отъ старшаго и до младшаго приглашались на

патріаршій погребъ, гдѣ ихъ и потчивали медами и пивами. Особенно большое питейное угощеніе Соборянъ и пѣвчихъ справлялось каждый день на Святой недѣлѣ во время столовъ въ Крестовой полатѣ. Тогда отпускалось и иностранное вино. Какое количество питья отпускалось въ эти дни, можно судить по слѣдующей записи: 1698 г. апрѣля 29, въ пятокъ св. Пасхи отпущено въ Крестовую полату соборяномъ и пѣвчимъ: воронокъ ренскаго, три ведра церковнаго, ведро меду вишневаго, извара (небольшая кадушка) меду чернишнаго, полведра меду легкова, полведра пива приварнаго, три ведра меду выкислова, три ведра пива мартовскаго да извара того же пива.

Когда совершались крестные ходы, то бывавшіе при томъ по наряду для охраненія хода отъ толпы и для всякаго уличнаго порядка стрѣльцы и солдаты, какъ и земскіе нарядчики (полицейскіе) городовые, неотмѣнно приглашались на патріаршій погребъ и угощались пивомъ и медомъ. Число такихъ гостей бывало различно и доходило отъ 75 иногда и до 420 чел. Вообще ни одно церковное торжество или личный выѣздъ патріарха не оставлялись безъ угощенія всѣхъ рядовыхъ служебниковъ при такихъ случаяхъ.

Во множествѣ бывали и случайные гости патріаршаго погреба, напр., подьячіе Помѣстнаго приказа, надобные люди по вотчиннымъ патріаршимъ дѣламъ, или подьячіе Ивановской площади (родъ нотаріусовъ), также очень надобные люди по тѣмъ же и разнымъ другимъ дѣламъ. Ихъ кормили въ *хлѣбодарнѣ* и поили не только что пивомъ и медомъ, но и церковнымъ виномъ. Въ 1698 г. мая 28 на 12 человѣкъ Ивановскихъ было отпущено питья: церковнаго полведра, меду вишневаго полведра, полтора ведра меду бѣлаго, полведра выкислова, полведра пива мартовскаго. Всего на 12 ч. $3^1/_2$ ведра, слишкомъ по четверти ведра на брата.

Пріѣзжали въ Москву Донскіе или Запорожскіе казаки, имъ также отпускали пиво и медъ, напр., 1697 г. дек. 11 Донскимъ на 35 чел. отпущено 7 ведеръ пива, 3 ведра меду; дек. 27 на 85 чел. Запорожцевъ отпущено 20 ведръ пива простаго, 10 ведръ мѣду бѣлаго.

Мастеровые люди Печатнаго Двора, въ числѣ 130 и 160 человѣкъ, угощались въ извѣстные дни или за особыя работы обѣдомъ и питьемъ, пивомъ и медомъ.

Садовой Московской слободы посадскіе люди и садовники, вѣроятно приносившіе патріарху огородныя весеннія новины, получали даже по кубку ренскаго.

Кремлевскіе монастыри, Чудовъ и Вознесенскій, въ дни своихъ праздниковъ получали съ патріаршаго погреба, въ лицѣ своихъ властей, по кубку ренскаго; такъ, 24 ноября 1697 г., въ Екатерининъ день, Вознесенскаго монастыря игуменьѣ, келареѣ, казначеѣ было отпущено по кубку ренскаго. То же было отпущено и въ Вознесеньевъ день и кромѣ властей двумъ знатнымъ старицамъ. Игуменьямъ и другихъ женскихъ монастырей отпускалось ренское по кубку и въ дни заговѣній, и въ дни ихъ праздниковъ.

На праздникъ Алексѣя митрополита мая 20 въ Чудовъ мон. отпускалось по кубку церковное вино: архимандриту, келарю, казначею и нѣкоторымъ должностнымъ старцамъ.

Въ 1697—1698 г. въ Москвѣ проживала Мелетійская (Иметинская) царица. Патріархъ Адріанъ заботливо попечительствовалъ о ней, посылая ей вино и овощи. 11 ноября 1697 г. ей отпущено ведро церковнаго Астраханскаго. 3 февраля 1698 г. отпущено кубокъ ренскаго, ведро церковнаго, шесть кистей винограду свѣжаго. 17 марта для Ангела царевича Алексѣя Петровича ей отпущено кубокъ ренскаго, ковшъ винограду изъ патоки, ведро вина церковнаго. 7 августа отпущено: кубокъ ренскаго, полведра церковнаго, дыня, нарядъ яблокъ, нарядъ грушъ, кузовокъ вишенъ Володимерской присылки.

Когда святѣйшій въ маѣ мѣсяцѣ выѣзжалъ на свою дачу въ подмосковное село Троицкое - Голенищево, въ походъ за нимъ отпускали цѣлый нарядъ разнаго питья. Такъ, 26 мая 1698 г. туда было отпущено: 2 ведра ренскаго, 3 ведра меду вишневаго, ведро меду малиноваго, 2 ведра меду свѣтлово, 2 ведра пива приварнаго, мѣшечекъ пивца легкова, два мѣшечка бражки святѣйшему, мѣшечекъ кислыхъ штей, 6 ведеръ меду легкова, 7 ведеръ меду чернишного, 12 ведеръ меду выкислова; въ расходъ 20 ведеръ меду бѣлого, 2 боченка браги, квасу.

Этотъ запасъ потреблялся на угощеніе разныхъ гостей и дворовыхъ и сельскихъ слугъ. Лично самому патріарху отпускались питья, всегда обозначаемыя уменьшительными именами: пивцо, бражка, мѣшечекъ и т. п.

Столовая и различная другая посуда какъ въ келейномъ обиходѣ лично для патріарха, такъ и въ общихъ столахъ употреблялась частью оловянная и частью деревянная. Серебряная посуда украшала только столовый поставецъ во время общихъ столовъ и въ особыхъ случаяхъ ставилась только передъ архіереями, въ видѣ единичныхъ блюдъ, тарелокъ, чарокъ.

Такъ, при Адріанѣ въ 1696 г. къ столамъ въ Столовую полату была выдана *тарелка* серебряная бѣлая, круглая, въ срединѣ орликъ, по краю надпись золочена, а тое тарелку въ Столовой полатѣ велѣно класть на столъ передъ архіереемъ, который будетъ когда въ Столовой кушать со св. патріархомъ. Одно лишь питье подавалось въ серебряной посудѣ, которая и принималась съ поставца для раздачи питья гостямъ. Въ числѣ серебряной посуды у Филарета былъ заздравный достоканъ.

Для келейнаго стола патріарху Филарету между прочимъ было куплено въ 1626 г. три перешницы сафьянныя про патріарховъ обиходъ на пряныя зелья за 2 алт. 4 ден.; солонка оловянная про патріарховъ обиходъ, цѣна за нее гривна; росольникъ оловянный 9 алт.; въ 1627 г. шесть ставчиковъ корельчатыхъ—гривна; въ расхожую поварню ступа деревянная; въ пивную поварню ковшъ большой да ковшъ подручной, 10 ковшей малыхъ; сдѣлано 12 чарокъ серебряныхъ медвяныхъ. Въ 1629 г. куплено на Англійскомъ дворѣ въ домовой патріарховъ обиходъ 158 блюдъ оловянныхъ трехъ статей, большихъ, середнихъ и мелкихъ, вѣсу въ нихъ 10 пудъ 32 гривенки (фунта).

При вступленіи Іоасафа I въ 1634 г., между прочимъ, куплено: 200 ложекъ корельчатыхъ,—рубль; перешница сафьянная, 10 горшечковъ бѣлыхъ, въ чемъ подается государю-патріарху *засыпная кашка*; къ Вербному воскресенью 100 ложекъ расхожихъ. Въ 1643 г. къ Вербному воскресенью для стола куплено 100 блюдъ деревянныхъ. Въ 1644 г. куплено семь блюдъ большихъ аглинскаго олова, вѣсу пудъ, да 35 блюдъ средней статьи вѣсу 3 пуда. Въ 1669 г. къ празднику Петра митр. куплено деревянной посуды: 100 блюдъ, 50 стакановъ, 50 ложекъ съ костьми, корельчатыхъ, 150 ложекъ расхожихъ. Въ 1690 г. куплено къ столамъ, когда бываютъ въ Крестовой и въ Верху въ Столовой, 10 ножей чугрѣевъ красныхъ, съ оправою мѣдною съ финифтомъ. Въ 1692 г. отдано въ Скатертную полату для столовъ по Кре-

стовой и въ Столовой два постава ножей, въ одномъ 11 ножей Усольскаго дѣла; въ другомъ 12 ножей такихъ же; да 16 ложекъ каповыхъ (деревянныхъ), — велѣно тѣ ложки и ножи выдавать въ Крестовую и въ Столовую и класть въ столы властямъ и братіи. Въ 1695 г. выданъ ножъ чугрѣй Усольскаго дѣла, да вилки. Тотъ ножъ и вилки велѣно класть на столъ передъ св. патріархомъ въ Столовой и въ кельѣ во время кушанья.

Въ домашней казнѣ Филарета 1630 г. хранились деревянные суды, поднесенные ему отъ монастырей и разныхъ лицъ, въ томъ числѣ 108 блюдъ Троицкихъ; 42 братины, писаныя красками и золотомъ, тоже Троицкія; 18 достокановъ Кирилловскихъ; 8 кувшинцовъ золоченыхъ, 4 горшечка золочены; ковшъ рѣпчатый великъ; 46 ложечекъ и пр.

Не мало деревянной посуды находилось и въ домовной казнѣ Никона, въ томъ числѣ 14 братинъ, 104 блюда, 68 ложекъ... Еще болѣе тамъ же хранялось и оловянной посуды, въ томъ числѣ, кромѣ многихъ блюдъ и блюдечекъ, 11 уксусницъ, 7 перешницъ, 86 солонокъ... Не упоминаемъ о мѣдной посудѣ, въ числѣ которой находилось 92 сковородки для подачи въ нихъ горячихъ кушаній.

Патріаршіе выходы.

Патріаршіе выходы къ церковной службѣ въ Успенскій соборъ и въ другіе храмы, по случаю мѣстныхъ праздниковъ или по другимъ обстоятельствамъ, а также выходы къ государю во Дворецъ, затѣмъ въ мѣста хозяйственнаго устройства въ патріаршемъ обиходѣ, какъ равно и въ подмосковныя патріаршія села или дачи, словомъ сказать, какой бы ни былъ выходъ патріарха, онъ всегда неотмѣнно сопровождался раздачею милостыни нищимъ, собиравшимся на пути или у мѣста, гдѣ оставался пребывать святѣйшій. Въ теченіи года на эту раздачу выходили немалыя суммы.

Какъ извѣстно, нищій былъ необходимѣйшимъ и очень почтеннымъ членомъ древне-Русскаго общества. Безъ него невозможно было выполнить Христову заповѣдь о поданіи просящему. Онъ былъ путеводителемъ къ пробужденію чувства человѣколюбія и братолюбія, какъ тому непрестанно учила Церковь, и потому св. патріархъ, какъ первосвятитель Церкви, поставлялъ

непреложнымъ завѣтомъ соблюдать нищелюбіе на каждомъ своемъ шагу и во всей полнотѣ.

Выходя послѣ службы изъ Успенскаго собора, онъ (нерѣдко и своеручно) одѣлялъ нищую братію денежками и алтынами, нарочно для того наготовленными въ бумажкахъ.

При Успенскомъ соборѣ состояли, такъ сказать, въ штатѣ, записные нищіе, сначала 10, потомъ 12 чел., которые обыкновенно сидѣли у вратъ собора, собирая подаяніе. Эти нищіе именовались *домовыми* (домашними), дворовыми, соборными и по имени собора «Богородицкими», Пречистинскими, Успенскими, такъ какъ они находились при Домѣ Пречистыя Богородицы и при дворѣ святѣйшихъ патріарховъ. Они получали дачу втрое болѣе противъ прилучавшихся другихъ нищихъ, нештатныхъ, обыкновенно по алтыну, тогда какъ всѣ другіе получали по 2 деньги.

Такіе штатные записные нищіе находились и при другихъ соборахъ. При Архангельскомъ ихъ было 10 чел., то же число и при Васильевскомъ соборѣ (Василія Блаженнаго), а также и при Богоявленскомъ монастырѣ, которые сидятъ у монастыря. При Чудовѣ монастырѣ 12 чел.; Чудовскіе нищіе распредѣлялись на присѣдящихъ, что сидятъ въ притворѣ паперти у трапезы, стоящихъ у трапезы и у воротъ лежащихъ, кромѣ прилучившихся. Примѣчательно, что при соборѣ Николы Гостунскаго записная артель нищихъ 12 чел. состояла изъ однѣхъ только женщинъ, по преимуществу изъ поповскихъ вдовъ. Особое милосердіе къ женскому полу нищей братіи оказывалъ патріархъ Никонъ, раздавая имъ, вдовамъ и старицамъ, милостыню иногда своеручно и притомъ въ соборѣ на заутрени.

Такъ, 16 генв. 1653 г. святѣйшій на заутрени жаловалъ нищихъ старицъ, вдовъ, дѣвокъ милостынею, роздалъ *начетныхъ* (то-есть приготовленныхъ) гривенныхъ бумажекъ 3 р. да *голыхъ* денегъ (мелкихъ ссыпныхъ) 5 р. 10 алт.; раздавалъ деньги *самъ* патріархъ да ризничій діаконъ Іевъ. Февр. 20 въ соборѣ, послѣ обѣдни, пожаловалъ вдовѣ съ дочерью съ дѣвкою на приданое дѣвкѣ 3 р. Февр. 28, въ недѣлю Православія, на заутрени жаловалъ милостынею вдовъ и старицъ, роздалъ 4 вдовамъ по рублю, двумъ по полтинѣ, да вдовамъ же и старицамъ начетныхъ денегъ по полтинѣ 20 бумажекъ, да мелкихъ денегъ ссыпныхъ

2 р., всего 12 р. Іюня 6 на заутрени пожаловалъ по челобитной сироткѣ дѣвкѣ Зиновьицѣ на приданое полтину.

Выходилъ ли патріархъ по недалекому пути изъ своихъ хоромъ къ государю во Дворецъ, только черезъ соборную площадь, и здѣсь появлялись нищіе и происходила обычная дача милостыни. Въ 1678 г. августа 11 Іоакимъ ходилъ со властьми къ Вел. государю въ Верхъ звать къ празднику Успенія Пр. Б-цы, къ столу, и идучи дорогою нищимъ милостыни поручно роздано 4 алт. Эти алтыны показываютъ, что нищихъ на пути встрѣтилось очень немного.

Когда по другимъ путямъ въ Кремлѣ или въ Китаѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ Москвы святѣйшій проходилъ мимо Приказовъ и богадѣленъ, то всегда посылалъ содержавшимся тамъ колодникамъ или богодѣленнымъ обычную милостыню по 2 д. или по алтыну человѣку, сколько бы тамъ ни содержалось заключенныхъ.

Нищая братія въ иныхъ случаяхъ являлась также и богомольцомъ при моленіяхъ объ избавленіи отъ наступающихъ напастей и бѣдствій. Лѣтомъ 1681 г. была большая засуха. Патріархъ Іоакимъ по этому случаю 17 іюня совершалъ въ Успенскомъ соборѣ молебное пѣніе о дождѣ. «И къ тому молебну, по указу святѣйшаго повѣщено въ рядахъ всѣмъ православнымъ христіанамъ и по всѣмъ улицамъ нищимъ мужеска полу и женска, чтобъ приходили въ соборную церковь къ молебну». Послѣ молебнаго пѣнія и литургіи на патріаршѣ дворѣ нищимъ поручно милостыни было роздано 28 р. 20 алт. На другой день, 18 іюня, послѣ молебнаго пѣнія и литургіи святѣйшій ходилъ къ Вел. государю въ село Коломенское и поздравлялъ ему, государю, что онъ въ прошломъ во 184 году (1676 г.) сего числа вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. И какъ патріархъ пошелъ въ село Коломенское и безъ себя указалъ на своемъ патріаршѣ дворѣ раздать нищимъ поручно милостыни 21 р. 6 алт. 2 д. Раздавалъ казначей Паисій Сійскій, чтобъ нищіе молили Бога о государевомъ многолѣтнемъ здравіи и о *дождѣ*. Возвратившись изъ Коломенскаго, на другой день, 19 іюня, святѣйшій снова предъ литургіею въ соборѣ молебствовалъ о дождѣ и послѣ службы пожаловалъ на своемъ патріаршемъ дворѣ нищимъ, которые были у собора въ молебное пѣніе и въ литургію, милостыни 61 р.

12 алт. 2 деньги. Судя по цифрѣ расхода, нищихъ въ это время собралось болѣе 2000 чел., если дача была по алтыну, или 600 чел., если дача была по гривнѣ.

Надо упомянуть, что патріаршій дворъ для нищихъ былъ отворенъ во всѣ дни, когда происходили патріаршіе выходы къ церковной службѣ и по другимъ случаямъ, побуждавшимъ творить обычную милостыню, какъ это указываетъ вышеприведенная запись.

Патріаршіе выходы во дворецъ къ государю происходили кромѣ праздничныхъ и по разнымъ случаямъ домашней царской жизни, а также и по царскимъ днямъ съ поздравленіемъ въ дни ангеловъ, вѣнчанія на царство, въ дни родинъ и крестинъ и т. п.

Патріархъ не пропускалъ случая благословить и царское новоселье въ новыхъ хоромахъ, при чемъ подносилась *хлѣбъ-соль*, соболи и другіе дары.

Въ 1626 г. сент. 20 Филаретъ Никитичъ поднесъ царю Михаилу Ѳед. на новоселье хлѣбъ и солонку соли оловянную, купленную за 5 алт. Окт. 1 такую же солонку съ хлѣбомъ и солью онъ отнесъ въ новую келью на новоселье въ Вознесенскій монастырь къ государынѣ старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ. Въ 1628 г. ноября 23 поднесъ царю на новоселье въ новую Брусяную столовую съ хлѣбомъ такую же оловянную солонку, купленную за 2 алт. 3 деньги.

Можно предполагать, что такая простота и малоцѣнность солонки требовалась какимъ-либо старозавѣтнымъ уставомъ при благословеніи новоселья.

Такъ, въ томъ же году сент. 27 святѣйшій отнесъ на новоселье къ боярину Ив. Никит. Романову два хлѣба и двѣ такихъ же оловянныхъ солонки. Хлѣбы куплены по алтыну и 2 д., солонки по 2 алт. и 2 д.—Покупка хлѣбовъ и солонокъ на торгу тоже можетъ скрывать въ себѣ какой-либо бытовой старозавѣтный уставъ. И спустя много лѣтъ, въ 1651 г. сент. 7, патріархъ Іосифъ также отнесъ на новоселье царицѣ Марьѣ Ильичнѣ и четыремъ царевнамъ 5 солонокъ оловянныхъ же, вѣсу въ нихъ было три фунта.

На торгу въ Хлѣбномъ ряду продавались и особые хлѣбы, называемые *новосельными*, пшеничные по 7 алт. за хлѣбъ, и къ

нимъ деревянныя красныя солонки по 2 деньги. Такіе хлѣбы и солонки были посланы патріархомъ въ 1639 г. окт. 1 на новоселье къ царицѣ Евдокѣи Лук. и къ тремъ царевнамъ, всѣмъ одинаковые.

Напротивъ того, Никонъ въ 1653 г. поднесъ царевнамъ на новоселье солонку яшмовую съ камешки, цѣною въ 10 руб.

Въ 1686 г. іюля 17 Іоакимъ ходилъ въ Верхъ къ царицѣ Мареѣ Матвѣевнѣ въ новыя каменныя хоромы на новоселье съ образомъ и съ хлѣбомъ и послѣ благословенія поднесъ съ хлѣбомъ солонку серебряную круглую бѣлую, вѣсомъ въ 19 золотниковъ.

Въ 1671 г. февраля, по случаю бракосочетанія царя Алексѣя Мих. съ Натальею Кирил., святѣйшій ходилъ во дворецъ съ дарами къ Вел. государю для всемірной радости двоебрачнаго закона, и такъ какъ это дѣло было благодатное, то съ выходомъ во Дворецъ не были забыты и несчастные бѣдствующіе,—имъ въ Большую тюрьму было куплено хлѣба и калачей на рубль, да поручной милостыни по Приказамъ колодникамъ и больничнымъ и нищимъ и по мостамъ *леженкамъ*, и съ Верху идучи отъ государя, роздано еще рубль 31 алтынъ.

Въ 1675 г. іюня 29 Іоакимъ служилъ литургію въ монастырѣ у Богородицы, зовомыя Донскія, и послѣ литургіи, ради имянинъ царевича Петра Ал., былъ у Вел. государя на Воробьевѣ, кушалъ и послѣ стола былъ въ своемъ домовомъ селѣ Троицкомъ, что на Сѣтунѣ, и того жъ числа изъ села пришелъ къ Москвѣ. И въ томъ походѣ роздано нищимъ поручно 2 р. 10 д.

Патріархи Іоакимъ и Адріанъ не рѣдко ходили въ Преображенское и въ Измайлово съ поздравленіями, когда тамъ пребывали царскія семьи Нарышкиныхъ и Милославскихъ. Въ этихъ походахъ патріарха обыкновенно сопровождали около кареты стрѣльцы, человѣкъ 20, которые также получали небольшую дачу.

Соблюдая извѣстные установленные церковные обычаи, патріархи въ прощеные дни Масляницы дѣлали выходъ во всѣ Москов. монастыри. Въ 1691 г. Адріанъ такой походъ совершилъ въ субботу Сырной недѣли, февр. 21. Сначала онъ посѣтилъ Донской монастырь, потомъ Даниловскій, затѣмъ Симоновъ, гдѣ служилъ литургію и послѣ литургіи въ монастырѣ хлѣба кушалъ у архимандрита въ кельѣ. Потомъ ходилъ въ Новоспасскій монастырь,

далѣе въ Покровскій, что на Убогихъ дому и въ Андроніевъ. Въ этомъ походѣ его сопровождали около возка стрѣльцы, тоже 20 чел.

Въ такіе же дни святѣйшій ходилъ и въ тюрьмы раздавать тюремнымъ сидѣльцамъ милостыню.

Въ 1653 г. патріархъ Никонъ ходилъ въ тюрьму генв. 7 и роздалъ сидѣльцамъ по гривнѣ и по 2 гривны человѣку да пожаловалъ каждому по денежному калачу; на калачи издержано 3 р. 23 алт. 4 д.—Февр. 19 святѣйшій ходилъ по разнымъ Приказамъ—колодникамъ на поручную милостыню роздано въ Судномъ Москов., въ Судномъ Володимерскомъ, на Бархатномъ дворѣ, въ Рейторскомъ, въ Разрядѣ, въ Нижегородской Чети, въ Помѣстномъ, въ Новой Чети, въ Большой казнѣ, въ Патріаршемъ Разрядѣ, всего 209 чел. по 3 алт. по 2 д. человѣку. Итого 20 р. 30 алт.—Тогда же государь-патріархъ ходилъ на Тюремный дворъ и тюремнымъ сидѣльцамъ 634 чел. на поручную милостыню роздано по 6 денегъ человѣку, *влазнаго* 2 р., т.-е. вѣроятно за входъ въ тюрьму, какъ собиралась эта пошлина и съ самихъ сидѣльцевъ. «Да что они *кликали Бирюка* за кликанье рубль...» Апрѣля 17 опять ходилъ въ тюрьму и поручно роздалъ 395 чел. по гривнѣ—39 р. 16 алт. 4 д. Да за *Бирюкъ* 2 р., всего было роздано 41 р. съ полтиною.

Бирюкъ, бирючить—значило возглашать, кликать громко какія-либо распоряженія властей, т.-е. публиковать во всеуслышаніе такія распоряженія. Какой смыслъ имѣлъ бирюкъ въ тюрьмѣ, возглашаемый передъ патріархомъ, трудно сказать. Быть можетъ, ему кликали бирюкомъ славу его личности.

Въ 1653 г. дек. 8 Никонъ ходилъ на Пушечный дворъ смотрѣть колокольнаго дѣла—нищимъ роздано 5 р.

Патріархъ Іоасафъ II въ 1668 г. генв. 28, идучи въ Новоспасскій монастырь къ обѣдни, указалъ въ Черную полату и въ иные Приказы купить у мужика малые салазки саекъ горячихъ и покласть въ кульки для раздачи. За сайки отдано 20 алт.

Въ заботливости о своемъ хозяйствѣ, патріархи нерѣдко выѣзжали и на свои загородные хозяйственные дворы, которые находились въ мѣстности Кудрина и Новинскаго монастыря.

Эта мѣстность находилась по теченію рѣчки Прѣсни и съ широкою окрестностью была отдана въ Домъ Пресвятыя Бого-

родицы и во владѣнье митрополичьяго двора еще супругою Владиміра Андреев. Храбраго, Еленою Ольгердовною, и съ того времени стала хозяйственнымъ хуторомъ митрополитовъ, а потомъ патріарховъ. Хотя въ послѣдующія времена эти церковныя земли перешли частью въ царское, частью въ городское владѣнье.

Издревле р. Прѣсня была запружена отчасти для прудовъ царскаго обихода, а также и для патріаршаго.

Патріархъ Іоакимъ въ 1683 г. апр. 25 ходилъ въ Новинскій монастырь для осмотра того монастыря по межѣ земли, а потомъ мая 21 ходилъ на Прѣсню, указалъ гдѣ строить *новый прудъ* и, осмотря мѣсто, въ монастырѣ слушалъ вечерню. Іюля 3 онъ опять ходилъ смотрѣть прудъ, что дѣлаютъ вновь на рѣчкѣ Прѣснѣ. Сент. 13 ходилъ смотрѣть тотъ же прудъ, который сдѣланъ на Прѣснѣ вновь.

Съ наступленіемъ весны 1684 г. апрѣля 10 патріархъ снова досматривалъ новопостроенный прудъ. И послѣ того неоднократно хаживалъ на этотъ прудъ каждый годъ весною, лѣтомъ и осенью. Столько же заботился объ этомъ прудѣ и патріархъ Адріанъ, путешествуя туда съ тѣмъ же постоянствомъ и заходя иногда и на патріаршій прудъ, что за Петровскими воротами на Неглинной, или на Житный свой дворъ. При патріархѣ Іоакимѣ еще въ 1681 г. въ патріаршее владѣнье поступилъ изъ Дворца и Прѣсницкій садъ. въ 1691 г. патріархъ Адріанъ ходилъ на Прѣсню на прудъ, рекомый *Студенецъ*, что за Ваганьковымъ, послѣ литургіи въ церкви Іоанна Предтечи, что противъ Новинскаго монастыря у Кречатнаго двора.

Въ 1681 г. августа 12 патріархъ Іоакимъ ходилъ за Варварскія ворота на Кулишки, смотрѣть новопостроенныхъ богадѣленъ, да на загородный дворъ за Мясницкія ворота.

Въ 1690 г. генваря 31, незадолго до свой кончины, патріархъ Іоакимъ ходилъ къ пѣвческимъ полатамъ, которыя построены за Ветошнымъ Рядомъ, для разводу тѣхъ полатъ пѣвчимъ дьякамъ и подьякамъ, гдѣ кому жить.

Въ 1692 г. сентября 4 Адріанъ ходилъ къ церкви Козмы и Даміана, что за Москвою-рѣкою въ Кадашовѣ для досмотру иконостаса и на церкви главъ, противъ (по подобію) которыхъ строить въ домовомъ патріаршѣ селѣ Пушкинѣ, въ новопостроенной каменной церкви Николая Чудотворца.

Со времен патріарха Никона святѣйшіе нерѣдко выѣзжали и въ свою подмосковную дачу, въ село Троицкое-Голенищево. Въ этотъ походъ они обыкновенно отправлялись въ праздникъ Новодѣвичьяго монастыря 28 іюля послѣ литургіи. Въ селѣ также было особое и широкое патріаршее хозяйство. Никонъ, какъ упомянуто выше, стр. 582, въ 1655 г. угощалъ тамъ и Вселенскихъ патріарховъ. Въ томъ же селѣ происходило 5 и 6 іюля 1667 прощальное угощеніе Вселенскому Паисію «съ довольнымъ утѣшеніемъ» послѣ церковныхъ службъ въ присутствіи высшихъ духовныхъ властей. Здѣсь въ сельскомъ патріаршемъ храмѣ Паисій произнесъ рѣчь, обратясь къ Московскому Іоасафу, въ которой заповѣдовалъ, чтобы все то, что они Вселенскіе патріархи здѣсь (въ Москвѣ) ученіемъ своимъ утвердили, то бы и въ предыдущія лѣта было неподвижно и нерушимо, то-есть постановленія извѣстнаго собора 1666 г. Изъ Троицкаго села Паисій выѣхалъ въ Семеновское и далѣе по Калужской дорогѣ въ свои страны. Въ Семеновское, спустя два дня, прибылъ и самъ государь совсѣмъ уже попрощаться съ досточтимымъ святителемъ.

Патріархъ Іоакимъ въ 1680 г. изъ Троицкаго ходилъ въ село Владыкино; а въ 1689 г. изъ Троицкаго же ходилъ въ сельцо Кунцово.

Патріархъ Никонъ всегда хаживалъ къ государю и на Воробьеву гору, гдѣ въ 1657 г. апрѣля 30 заложилъ себѣ даже особый патріарховъ дворъ, на *окладѣ* котораго присутствовалъ и царь Алексѣй Мих., нарочно для этого выѣзжавшій на Воробьеву гору. Этотъ дворъ, можно предполагать, былъ построенъ въ селѣ *Красномъ*, какъ прозывалось тогда село Воробьево. Вѣроятно, патріаршіе хоромы были выстроены въ теченіи того лѣта. При наступленіи Новодѣвичинскаго праздника патріархъ отправился на Воробьеву гору 27 іюля. 28 приходилъ въ монастырь, служилъ обѣдню и послѣ обѣдни снова пошелъ въ село Красное, къ своимъ хоромамъ.

Примѣчательны выходы патріарха Іоакима на Печатный Дворъ и въ Богоявленскія школы.

Въ 1684 г. генваря 15 патріархъ ходилъ Книгъ Печатнаго дѣла на Дворъ въ правильню и въ школу, гдѣ учатся греческаго и словенскаго книжнаго ученія и писанія ученики, и по указу св. патріарха куплено и дано греческаго діалекта ученикомъ.

словесному учащимся, 23 челов. по калачу двуденежному; словенскаго языка ученикомъ, которые учатся словесному и писать, 168 чел. по денежному калачу. Да ученикомъ же первымъ и надъ прочими надсматривальщикомъ, названнымъ *старостамъ*, Силкѣ Семенову 2 руб., Власку Абрамову да Андрюшкѣ Осипову по рублю. Калачи поручно ученикомъ роздавалъ подьячей.

Въ 1685 г. іюля 7 патріархъ Іоакимъ ходилъ на Дворъ Книгъ Печатнаго дѣла для досмотру книгъ древнихъ, и въ школу, гдѣ учатся греческаго языка и грамотѣ. По указу патріарха роздано двумъ учителямъ по 16 алтынъ 4 деньги, ученикамъ греческаго и словенскаго языка 11 чел. по гривнѣ, 28 чел. по 2 алт., 13 чел. по 6 ден., 146 чел. по 2 ден., двумъ старостамъ по 2 алтына.

1685 г. сентября 3 святѣйшій ходилъ въ Богоявленскій монастырь, что за Ветошнымъ рядомъ, для досмотру, гдѣ строить школу для ученія ученикамъ греческому книжному писанію... А изъ того монастыря ходилъ на свой патріаршъ домовой Житной дворъ, что за Землянымъ городомъ подлѣ Новинскаго монастыря для досмотру Житницъ.

1686 г. генваря 29 ходилъ со архіереи въ Богоявленскій монастырь, въ новопостроенную (деревянную) школу, въ которой учатъ грекоіеромонахи Софроній и Аникій (Лихуды) учениковъ греко-латинскому книжному писанію и въ той школѣ учениковъ слушалъ ученія... А изъ Богоявленскаго монастыря ходилъ съ архіереи жъ Книгъ Печатнаго дѣла на Дворъ въ школьныя же полаты, въ которыхъ учитъ учениковъ его св. патріарха дому іеромонахъ Тимоѳей греческому и словенскому книжному писанію...

Учениковъ въ это время было греческаго писанія 66 чел., словенскаго книжнаго писанія 166 человѣкъ. Въ 1687 г. генваря 29 патріархъ ходилъ въ Богоявленскій монастырь и былъ съ бѣлыми властями въ школѣ, въ которой учатъ учениковъ греческихъ книгъ грекоіеромонахи Софроній и Іоанникій, и слушалъ греческаго граматическаго ученія и послѣ слушанія пожаловалъ учителямъ Софронію и Іоанникію по 5 золотыхъ, да ученикамъ боярина кн. Юрья Михайловича Одоевскаго, дѣтямъ его, кн. Михаилу да кн. Юрью, да князь Петру, да кравчаго Бориса Алексѣевича Голицына сыну его кн. Алексѣю, да дьяка Василья Посникова, сыну его Петру, по золотому одинакому, а золотые подносилъ патріарху казначей старецъ Паисій Сійскій.

Патріархи не отказывали себѣ въ удовольствіи и въ любопытствѣ посмотрѣть въѣздъ иноземныхъ пословъ и другихъ почетныхъ лицъ. Патріархъ Никонъ въ 1653 г. декабря 27 ходилъ смотрѣть выѣзду и встрѣчи, какъ пришелъ къ Москвѣ Грузинскій царевичъ, а въ 1655 г. октября 7 ходилъ на Неглинскія ворота смотрѣть Цысарскаго посла. На этихъ воротахъ (нынѣ Воскресенскія у Иверской часовни) въ то время находились особыя хоромы, устроенныя нарочно для подобныхъ смотровъ, куда смотрѣть иногда приходилъ и самъ государь, а также и царица съ дѣтьми. Тутъ же находилось мѣсто и для патріарха.

Нерѣдко патріархъ выходилъ въ приходскія церкви и въ монастыри на погребеніе болѣе или менѣе знатныхъ или богатыхъ покойниковъ, конечно по просьбѣ ихъ родныхъ, желавшихъ совершить похороны съ патріаршимъ ликомъ. Похоронное дѣло въ то время въ расходахъ на духовный чинъ было въ точности опредѣлено особымъ уставомъ, кому какую дачу должно выдавать на руки.

Этотъ уставъ подъ именемъ *Погребальной росписи* дѣйствовалъ со времени Никона и при патріархахъ Іоасафѣ II, Питиримѣ и Іоакимѣ. Порядокъ дачи распредѣлялся на три статьи. По большой статьѣ патріархъ получалъ 20 р., по средней—15 р., по меньшей—10 р., кромѣ дачъ патріаршимъ служебникамъ и пѣвчимъ. По тѣмъ же статьямъ митрополиты получали 10 р., 6 р., 5 р., архіепископы и епископы 6 р., 5 р., 4 р., архимандриты 5 р., 4 р., 3 р., игумены 3 р., 2 р., 1½ р. и т. д.

Соотвѣтственно статьямъ Погребальной росписи происходили и похороны, богатство облаченія и прочія церковныя потребы.

Сверхъ того, въ этихъ случаяхъ собиралась въ патріаршую казну дань за лампадную свѣчу и за ладанъ 20, 25 и 50 копѣекъ.

Въ этихъ выходахъ, какъ равно и въ рѣдкихъ выходахъ въ церковь приходскаго праздника или на освященіе новопостроенной приходской церкви, всегда вывозилась патріархова ризница, стулъ, подушка, коверъ, колодка подножная, приступъ для всхода въ карету, въ возокъ или въ сани.

Въ лѣтнее время въ Крестныхъ ходахъ патріархи ходили пѣшкомъ, при чемъ употреблялся *солночникъ*, родъ балдахина, или палатка, а впослѣдствіи солночникъ-зонтъ изъ китовыхъ усовъ.

Во время выѣздовъ они шествовали лѣтомъ въ каретахъ, зимою въ зимнихъ возкахъ и въ саняхъ, въ числѣ которыхъ были «вседневные и панихидные».

По временамъ на запяткахъ у святѣйшаго стаивали не маловажные духовные чины. Такъ по крайней мѣрѣ случилось во время пребыванія въ Москвѣ Вселенскихъ патріарховъ, въ 1666—1667 г. Для почета Вселенскихъ Святителей, когда они 18 ноября выѣхали въ монастырь къ Спасу на-Новое, у нихъ и на пятахъ у Саней стояли архимандриты Рожественскій да Симоновскій. Потомъ 8 февраля 1667 г., когда новонареченный Московскій патріархъ Іоасафъ возвращался на свое Троицкое подворье, у него, у саней «на запяткахъ» ѣхали соборный протопопъ Михайло да дьяконъ Михайло же.

Неизвѣстно, сколько и какія были кареты у патріарха Филарета. Есть свѣдѣніе, что Іоасафъ II въ 1667 г. возобновилъ Филаретовскую карету, которая внутри была обита чернымъ травчатымъ атласомъ и по мѣстамъ зеленымъ голуномъ. Въ нее положены двѣ подушки, покрытыя зеленымъ бархатомъ, и въ изголовьѣ помѣщены два креста серебряные позолоченые съ мощьми, «что были тѣ кресты въ зимнихъ возкахъ, и тѣ кресты взяты въ карету».

Никонъ въ 1654 г. устроилъ себѣ новую карету, которую дѣлалъ телѣжникъ Дмитровской сотни. Вѣроятно, эта карета не совсѣмъ была хороша по своему издѣлію и потому въ 1656 г. патріархъ купилъ карету нѣмецкое дѣло, обита черною кожею, кругомъ гвоздья золоченыя, по заморской цѣнѣ за 50 р. Однако въ томъ же году ему уже дѣлали новую *рѣзную* карету, патріаршіе каретные мастера, Поляки (Бѣлоруссы).

Патріархъ Адріанъ при самомъ вступленіи на патріаршество въ 1690 г. купилъ Нѣмецкую карету съ тремя стекольчатыми окончинами и съ 4 мѣдными яблоками на верхнихъ углахъ, покрытую черною кожею съ золочеными гвоздями.

При немъ въ 1697 г. сдѣлана карета даже патріархову архидіакону, цѣною въ 32 р.

Въ 1691 г. на Конюшенномъ патріарховомъ дворѣ находилось старыхъ и новыхъ каретъ девять, въ томъ числѣ и карета, жалованная патріарху Іоакиму Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, обита черною кожею золочеными гвоздями съ четырьмя яблоками

золочеными же по угламъ; внутри обита чернымъ бархатомъ; въ двухъ дверяхъ и въ окнахъ 10 окончинъ стекольчатыхъ съ подъемными тесьмами, двѣ подушки чернаго бархата; въ каретѣ Спасовъ образъ писанъ на золотѣ. Бичь ременный, у него плетовище нѣмецкое покрыто краснымъ сукномъ.

Тамъ же находилась полукарета, въ которой ѣздилъ патріарховъ келейникъ, и три коляски, одна обиходная, что ѣздитъ дворецкій.

Затѣмъ возокъ крытъ бархатомъ вишневымъ съ голуномъ чернымъ; на мѣстѣ двѣ подушки вислыя, сукно лазоревое. Внутри обито сукномъ и бархатомъ лазоревымъ, полы атласъ вишневъ; шесть окончинъ и одна маленькая круглая, слюдяныя.—Другой возокъ крытъ кожею красною, въ немъ положенъ тюфякъ, крыто сукномъ зеленымъ; фонарь слюдяной четыреугольный съ жестянымъ кожухомъ. Сани большіе, въ нихъ и щитъ, обито атласомъ зеленымъ; подъ мѣстомъ миндерь кожа красная, подушка бархатъ зеленый. Сани панахидные, покрыты кожею красною, въ нихъ и щитъ, обито атласомъ лазоревымъ, въ ногахъ сукно лазоревое, подъ мѣстомъ миндерь, на немъ подушка бархатъ черный.—Сани походные, писаны красками, обиты сукномъ зеленымъ, щитъ—бархатомъ зеленымъ и собольими хвостами. Сани походные новые, писаны краскою зеленою, обиты сукномъ и щитъ бархатомъ зеленымъ.

Патріаршія похороны.

По болѣзни или по старости, предвидя и предчувствуя свою кончину, св. патріархи неотмѣнно прибѣгали къ соборованію масломъ. Патріархъ Филаретъ Никитичъ еще года за четыре до своей кончины въ 1629 г. ноября 23 соборовался, быть можетъ, по случаю тяжкой болѣзни. Потомъ предъ кончиною въ 1633 г. октября 1 его снова «святили масломъ» также соборнѣ, при чемъ духовенство получало немалую дачу: духовнику 5 р., архимандритамъ по 3 р., дьяконамъ по 2 р.

Точно такъ же въ 1640 г. ноября 21 «святили масломъ» Іоасафа I съ меньшимъ расходомъ дачи. Это были такъ называемыя *милостынныя* деньги. На соборованіи Іоасафа II было роздано слишкомъ 20 р.; на соборованіи Питирима—слишкомъ 16 р.

Святѣйшій Іоакимъ 5 марта 1690 г. заскорбѣлъ главно́ю бо-

лѣзнію, 15 марта соборовался, *посвятился елеомъ*. 16 марта за спасеніе души своей и ради облегченія отъ болѣзни указалъ на Москвѣ во всѣ монастыри дѣвичи и женскіе, кромѣ Вознесенскаго и Алексѣевскаго, игуменьямъ и старицамъ, и во всѣ Московскія богадѣльни нищимъ мужеска полу и женска, роздать милостыни по 6 денегъ человѣку и роздано 58 р. 10 денегъ. 17 марта онъ скончался. 18 марта погребенъ.

Адріанъ по случаю параличной болѣзни, приключившейся ему въ 1696 г., ожидая кончины, изволилъ посвятить себя масломъ 20 окт. 1698 г. и потомъ еще 24 іюля 1700 г. и въ тотъ же годъ на 13 число октября скончался, въ своей малой каменной кельѣ, «что отъ Соборныя церкви», существующей надъ Синодальнымъ домомъ въ видѣ теремка и донынѣ. По случаю кончины патріарха въ тотъ же часъ на Ивановской колокольнѣ благовѣстили по трижды въ большой и въ Успенскій колокола.

Тѣло покойнаго скутывали или окутывали, то-есть устроивали по обычаю, омывъ его грецкою губкою. Патріарха Адріана окутали въ гробу сверхъ всего зеленымъ бархатомъ. Между тѣмъ покупали дубовый гробъ, цѣна котораго бывала различна, вѣроятно смотря по дереву. Для Іоасафа I такой гробъ купленъ съ провозомъ за 3 р. 4 алт.; для Іоасафа II за полтретья рубля; для Питирима 2 р. 5 алт.; для Іоакима 2 р.; для Адріана также 2 р. При этихъ послѣднихъ двухъ патріархахъ дубовый гробъ, для красной рѣчи, стали именовать деревяннымъ *ковчегомъ*. Обыкновенно гробъ обивали чернымъ сукномъ и зелеными ремешками; внутри постилали хлопчатою бумагою или бумажнымъ же тюфячкомъ и изъ бумаги же и тафты дѣлали подушечку. Іоасафу I было постлано сукно черное *самородъ*, монатейное, дешевое, по 2 гривны за аршинъ. Не оно ли Троицкое, упомянутое нами выше?

Для выноса гроба съ покойнымъ изготовляли *одръ* (съ рукоятками), катафалкъ, обитый темносинимъ или чернымъ сукномъ; у Адріана чернымъ бархатомъ. Послѣ погребенія Іоасафа I сукно темносинее съ одра по царскому указу было отдано соборянамъ Успенскаго собора, протопопу съ братьею.

Послѣ погребенія Адріана съ одра и съ гробовой крыши черный бархатъ употребленъ на покровъ на его гробницу, а остальной розданъ кусками на камилавки домовымъ попамъ и другимъ

служебникамъ и на шапочные вершки въ поминовеніе по св. патріархѣ.

Въ тотъ же день кончины покойнаго или на другой день, иногда дня черезъ 4 (Іоасафъ I), когда все надобное было изготовлено, происходилъ церемоніальный выносъ умершаго въ Соборную церковь. Къ выносу звонили во всѣ колокола изрѣдка перезвономъ.

Святѣйшихъ Іоакима и Адріана изъ келій выносили предварительно въ церковь 12 Апостоловъ, а патріарха Іоасафа I въ Ризположенскую церковь, гдѣ день и ночь до выноса домовые дьячки читали надъ покойникомъ псалтирь. Всякихъ чиновъ люди приходили къ тѣлу для прощенія и цѣловали руку. Во время выноса очень щедро расходовались милостынныя деньги, которыя раздавались присутствовавшимъ властямъ, старшему и младшему духовенству и прикосновеннымъ выносу всякаго званія церковнымъ слугамъ, оканчивая звонарями и сторожами. Кромѣ того, тогда же раздавали милостыню въ тюрьмы, въ богадѣльни и нищимъ. При выносѣ Іоасафа I (умеръ 29 ноября, погреб. 3 дек.) роздано въ Большую тюрьму 477 чел.; по Приказамъ колодникамъ 385 ч.; въ богадѣльни 300 ч. по 6 и по 4 деньги человѣку. Всего на выносъ было роздано 103 руб. 16 алт. 4 д. Нищихъ въ это время кормили по 100 чел. каждый день на патріаршемъ дворѣ, въ Столовой полатѣ, при чемъ каждому давано по 2 д., т.-е. по копейкѣ.

На выносѣ Іоасафа II роздано въ Большую тюрьму 680 чел.; по всѣмъ Приказамъ 1081 ч. по алтыну; во всѣ богадѣльни 533 ч. по 4 д.; по мостамъ и по крестцамъ нищимъ роздано 8 р. Всего израсходовано 140 р. 31 алт. 4 д. На выносѣ Питирима израсходовано только 91 р. 19 алт., а на выносѣ Іоакима и Адріана такой дачи уже никому не было.

Въ 1690 г. покойника Іоакима несли на одрѣ архимандриты и игумены. Передъ тѣломъ шли протопопы, священники, дьяконы со св. иконами и крестами и съ рипидами, пѣвчіе съ лампадами и со свѣщами, пѣли надгробное пѣніе. Передъ тѣломъ непосредственно несли посохъ св. Петра митрополита. За тѣломъ шли Государи съ Синклитомъ. Звонъ во всѣ колокола. Тѣло было поставлено въ алтарѣ. По принесеніи тѣла патріарха Адріана въ соборъ, во время входа въ алтарь со св. Евангеліемъ, внесено было въ алтарь и тѣло патріарха и поставлено за престоломъ близь

горняго мѣста. По совершеніи литургіи его вынесли изъ алтаря и поставили на амвонѣ, гдѣ архидіаконъ читалъ прощальную молитву, послѣ чего тѣло поставили возлѣ амвона, гдѣ совершено отпѣваніе.

Тѣмъ временемъ каменныхъ дѣлъ рабочіе поспѣшали выкопать въ соборѣ указанную могилу и устроить ее слѣд. образомъ:

Выкопанную могилу они выкладывали кирпичомъ, какъ каменную постройку на извести и пр., для чего выходило 800 и 2000 кирпичей. Въ этой кирпичной кладкѣ поставляли бѣлокаменный гробъ-ковчегъ съ крышкою, который покупался у Мячковскихъ каменщиковъ или у каменныхъ дѣлъ подмастеріевъ, добывавшихъ такіе домовища тоже изъ села Нижняго Мячкова. Для Іоасафа I каменный ковчегъ былъ купленъ за 12 р., для Іоакима за 15 р., для Адріана за 12 р.

Другіе мастера, каменные рѣзцы въ это же время также поспѣшали своею работою вырѣзывать на каменной гробовой крышѣ, а также и на особой каменной доскѣ къ гробницѣ *лѣтописи* о покойномъ патріархѣ; наружныя слова и около лѣтописи кайму, травы, обыкновенно золотили. Такія лѣтописи были вырѣзаны для Іоасафа II, при чемъ гробничная доска была позолочена сусальнымъ золотомъ по краскѣ голубцу съ росписью и другими красками.

Золота пошло 400 листовъ. Для лѣтописи Питирима употреблено 600 листовъ.

Доска эта ставилась въ подножіи патріаршей гробницы съ наружной стороны; у Питирима на гробовой каменной крышѣ была вырѣзана также лѣтопись о его преставленіи.

Точно такъ же и при погребеніи Адріана были вырѣзаны двѣ каменныя доски, одна, крыша надъ каменнымъ ковчегомъ глубокою рѣзьбою, подписана, и другая для гробницы, на которой слова и каймы были позолочены и росписаны красками.

Наставалъ день погребенія, по случаю котораго вся церковная Москва принимала живое участіе въ этомъ событіи, такъ какъ по этому случаю повсюду раздавались милостынныя дачи въ поминовеніе и не только церковникамъ, но и всѣмъ жившимъ въ заключеніи, въ бѣдности и въ нуждѣ.

На погребеніи Іоасафа I по цареву указу было роздано Ростовскому митрополиту 50 р., Крутицкому 40 р., архимандриту Троицы-Сергіева монастыря 7 р., другимъ по 5, по 4, по 3, по 2 р.

цо 1 р. и такъ далѣе; дачи уменьшались или увеличивались, смотря по достоинству духовныхъ лицъ, или лицъ, прикосновенныхъ къ церковной службѣ, каковы были причетники, пѣвчіе, звонари, сторожа и прочіе. Тогда же Московскимъ *мѣстнымъ* (приходскимъ) попамъ 372 чел. роздано по двѣ гривны человѣку, дьяконамъ 150 чел. по 4 алтына. Безмѣстнымъ попамъ, толпившимся на Спасскомъ Крестцѣ, у Спасскихъ воротъ, 313 чел. по 5 алт., дьяконамъ 19 чел. по 3 алтына, звонарямъ 64 чел. по 2 алт. по 2 деньги, нищимъ въ Застѣнкѣ 50 р., въ тюрьмы тюремнымъ сидѣльцамъ и по Приказамъ колодникамъ 923 чел. по алтыну; въ богадѣльни нищимъ 300 чел. по 4 деньги. Всего роздано на погребеніи патріарха 500 р. 12 алт.

На погребеніи Іоасафа II въ 1672 г. февр. 18 по царскому указу роздано: Новгородскому митрополиту 50 р., Сарскому и Подонскому и Рязанскому по 40 р., двумъ архіепископамъ по 30 р., епископу 25 р., Чудовскому архимандриту 15 р., остальнымъ по 5 р., и т. д. Московскимъ мѣстнымъ попамъ 315 ч. по 2 гривны, дьяконамъ 150 ч. по 4 алт.; безмѣстнымъ попамъ 179 ч. по 5 алт. дьяконамъ 9 ч. по гривнѣ, безмѣстнымъ старицамъ 18 ч. по алтыну, въ Большую тюрьму 680 ч. и во всѣ Приказы колодникамъ всего 1081 чел. по алтыну, во всѣ богадѣльни нищимъ 533 чел. по 4 д., патріаршимъ больничнымъ и Успенскимъ нищимъ 30 ч. по алтыну. Всего израсходовано 611 р. 28 алт.

Бѣлымъ и чернымъ властямъ и соборному причту раздавалъ въ соборѣ самъ В. Государь.

На погребеніи Питирима роздано 491 р. 7 алт. Властямъ и соборянамъ въ соборѣ раздавалъ самъ же Государь изъ своихъ рукъ. На погребеніи Іоакима роздано 448 р. 25 ал. На погребеніи Адріана—371 р. 31 алт. 2 д.

Погребеніе совершалось, вѣроятно по завѣщанію покойныхъ, неодинаково. Патріарха Іоасафа I схоронили власти, переложивъ его прахъ изъ деревяннаго гроба въ каменный, при чемъ дубовый его гробъ, послѣ переложенія тѣла въ каменный, «по государеву указу велѣно было поставить въ Колокольницу, подъ большой колоколъ». Что значило это государево распоряженіе, неизвѣстно. Такимъ же порядкомъ былъ схороненъ и патріархъ Іоакимъ съ переложеніемъ праха властями изъ деревяннаго въ каменный гробъ. Но Питиримъ не былъ перелагаемъ и въ ду-

бовомъ гробу былъ положенъ въ каменный гробъ, какъ и послѣднiй патрiархъ Адрiанъ.

Послѣ погребенiя надъ могилою сооружалась кирпичная надгробница съ замычкою ея свода. Эти надгробницы существуютъ и донынѣ. По окончанiи работъ надгробницы покрывали повседневнымъ покровомъ изъ чернаго сукна, съ изображенiемъ изъ серебрянаго кружива обычнаго креста. Праздничный покровъ шили изъ бархата съ изображенiемъ креста изъ серебрянаго *кованаго* кружива.

На гробницѣ поставляли кiотъ съ иконами и передъ ними шанданы со свѣчами, а также и серебряное блюдо для кутьи, на чемъ кутью ставить.

Восковыхъ свѣчей на погребенiи выходило 6 и 7 пудовъ слишкомъ.

Въ поминовенiе по царскому указу по всѣмъ церквамъ раздавались *сорокоусты*, въ главные монастыри, по 4 и по 3 р., въ въ другiе и въ приходскiя церкви по 2 р.

По Iоасафѣ I было роздано въ монастыри, въ соборы и въ церкви всей Москвы и съ загородными слободами 858 р. Всѣхъ Московскихъ церквей въ это время (1640 г.) насчитывалось 353. Кромѣ того, на поминки, на третины, девятины, полусорочины и сорочины въ Өедоровскiй монастырь у Никитскихъ воротъ братiи 21 чел., по 6 денегъ на каждый поминокъ, да въ тюрьмы на полусорочины и сорочины, 539 чел., по 6 денегъ, въ застѣнкахъ нищимъ по 50 р. на каждый день поминокъ, всего 200 рублей. Всего сорокоустовъ и милостынныхъ денегъ вышло 1092 рубля 29 алтынъ.

Во всю четыредесятницу, въ день и въ ночь, въ соборѣ надъ гробомъ покойнаго псалтырники (соборные протодьяконъ, два ключаря, 4 попа, 4 дьякона) *говорили* псалтырь. Дано по три рубля. Другiе псалтырники, домовые патрiаршiе попы и Крестовые дьячки, говорили псалтырь въ патрiарховѣ кельѣ, на мѣстѣ, во всю же четыредесятницу,—дано 21 р.

Само собою разумѣется, что всѣ Московскiе нищiе въ эти похоронные дни благоденствовали, получая непрестанную милостыню. Кромѣ особыхъ дачъ въ дни церковныхъ поминовенныхъ службъ, они каждый день и въ первую и во вторую четыредесятницу собирались на патрiаршiй дворъ и получали по 2 деньги,

т.-е. по копѣйкѣ каждый. При полученіи такой дачи по Іоасафѣ II, когда имъ роздано по 2 деньги, 47 р. 4 алт., слѣдовательно, 4700 человѣкамъ, они въ толпѣ растоптали до смерти одного нищаго, несчастнаго Мартина.

По Адріанѣ въ день его кончины 16 окт. и потомъ въ Четыредесятницу, спускаючи съ патріарша Кремлевскаго большаго двора, нищимъ мужеска и женска полу и малымъ ребятамъ въ первый день 1502 челов., а во второй 1657 челов. роздано по 2 денги. Да въ день погребенія 17 окт. роздано такимъ же нищимъ 5137 челов. по 2 денги, по Приказамъ колодникамъ 608 челов. по 6 д. Окт. 25 кресцовскимъ и безмѣстнымъ попамъ 191 чел. по 3 алт. по 2 д.; дьяконамъ 15 чел. по 10 денегъ.

Обыкновенно похоронные расходы производились частью изъ патріаршей казны, но большою частію изъ казны царской, почему царь Алексѣй Мих. изъ собственныхъ рукъ въ соборѣ и раздавалъ всѣмъ слѣдуемыя дачи. Царь Михаилъ Ѳед. по Іоасафѣ въ вѣчный поминокъ далъ въ соборъ Успенскій 200 р., спустя уже три года по его кончинѣ.

Намъ остается упомянуть о надписяхъ или лѣтописяхъ на каменныхъ плитахъ о преставленіи патріарховъ. На каменной гробовой крышѣ каменнаго гроба у Адріана была вырѣзана слѣдующая подпись: «Здѣ во гробѣ тѣломъ лежитъ великій господинъ святѣйшій Киръ-Адріанъ архіепископъ Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, иже преставися 7209 лѣта, мѣсяца октоврія съ 15 числа въ нощи 1-го часа въ четвертой чети. Его же душу Боже творче упокой». А у надгробницы на доскѣ вырѣзано наружными словами сице: «Міроздація 7209 лѣта Христа же Господа 1700 мѣсяца октоврія съ 15 числа подъ среду въ нощи 1-го часа въ четвертой четверти волею Творца Нашего Бога успе благонадежно на вѣчное житіе въ церковныхъ таинствахъ великій господинъ святѣйшій Киръ-Адріанъ архіепископъ Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ и погребено тѣло его во гробѣ на семъ мѣстѣ. Патріаршъ свой престолъ правилъ десять лѣтъ пятдесятъ три дни; отъ рожденія своего имѣ шестдесятъ третіе лѣто съ октября 2 дня. Его же душу да упокоитъ Господь въ вѣчномъ Своемъ небесномъ блаженствѣ. Всякъ зрящи гробъ сей помолися».

Боровицкая мѣстность.

Входя въ Боровицкія ворота, мы вступаемъ въ мѣстность первоначальнаго городка Москвы. Эта мѣстность въ настоящее время совсѣмъ измѣнила свой первобытный видъ. Въ началѣ это была высокая береговая гора, выдававшаяся къ устью рѣки Неглинной крутымъ мысомъ, на который даже и въ началѣ XIX столѣтія отъ Боровицкихъ воротъ трудно было не только взъѣхать, но и взойти. Болѣе отлогій въѣздъ направлялся влѣво отъ воротъ по линіи зданія теперешней Оружейной полаты, гдѣ прежде находился государевъ Конюшенный дворъ или *Аргамачьи конюшни*. Крутая гора получила теперешнюю довольно отлогую площадь во время постройки Новаго Императорскаго дворца въ 1847 г. Прежній древній уровень горы совпадалъ съ уровнемъ зданія этого Дворца и отчасти обозначается цоколемъ, нижнимъ этажомъ зданія Оружейной полаты.

На самой горѣ и, по всему вѣроятію, на самой срединѣ древняго поселка-городка стояла первая на Москвѣ церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, конечно, деревянная; каменная на томъ же мѣстѣ была выстроена только въ 1461 г., а потомъ снова построена въ 1509 г. архитекторомъ Алевизомъ Новымъ и разобрана въ 1847 г.

По свидѣтельству лѣтописца, церковь была срублена въ томъ бору, т.-е. изъ деревъ того бора, который покрывалъ всю мѣстность этой береговой кручи, и оставилъ память о себѣ въ наименованіи воротъ *Боровицкими*, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, стр. 62, 65.

При переселеніи св. митрополита Петра на жительство въ Москву церковь Іоанна Предтечи послужила святительскою каѳедрою, первымъ соборомъ города, возлѣ котораго было построено и жилище митрополита, по всему вѣроятію, на старомъ первоначальномъ мѣстѣ Княжескаго двора. Храмъ стоялъ въ 30 саженяхъ отъ угла Новаго Императорскаго дворца.

Очень трудно, за неимѣніемъ достаточныхъ свидѣтельствъ, указать въ точности самое мѣсто возлѣ храма, гдѣ находилось жилище первосвятителя Петра.

Можно предполагать, что его хоромы находились съ сѣверной стороны этого храма, какъ потомъ святитель основалъ свой дворъ

и у новой соборной церкви во имя Успенія, тоже съ сѣверной стороны. Съ южной стороны оставалось мѣсто до склона горы въ размѣрѣ около 20 сажень, гдѣ устроиться значительнымъ митрополичьимъ дворомъ не совсѣмъ было возможно по тѣснотѣ помѣщенія. Здѣсь могли помѣщаться только самыя кельи святителя, какъ это обнаружилось при возобновленіи храма послѣ нашествія на Москву двадцати европейскихъ народовъ. «Тогда», говоритъ И. М. Снегиревъ, «при сравниваніи земли (около храма) на южной сторонѣ открылось основаніе деревяннаго зданія, примыкавшаго къ самой церкви; лежащія въ землѣ бревна и перекладины обнаружили расположеніе жилища, можетъ быть, остатокъ древняго двора митрополита». Предположеніе очень вѣроятное. Но говоря не о кельяхъ только, а о цѣломъ дворѣ, мы должны замѣтить, что и западная сторона храма также не представляла просторнаго удобства для болѣе или менѣе, но неотмѣнно обширнаго митрополичьяго двора съ его необходимыми служебными частями, такъ какъ здѣсь находился самый уголъ и косогоръ Кремлевскаго крутого берега, гдѣ могли помѣститься также только жилыя хоромы безъ особыхъ служебныхъ частей. Мы выше такъ и предположили, что такія хоромы существовали собственно для жилища святителя съ западной стороны храма, а служебныя ихъ постройки могли расположиться по свободной сѣверной сторонѣ храма.

На этомъ мѣстѣ, то-есть съ западной стороны храма, въ половинѣ XV ст. стояли хоромы вдовствующей (1425—1453 г.) вел. княгини Софьи Витовтовны, завѣщанныя ею своему любимому внуку кн. Юрью Вас., третьему сыну Василія Темнаго. Когда въ 1461 г., вмѣсто деревянной, церковь Іоанна Предтечи была построена каменная, то Новгородскій лѣтописецъ отмѣтилъ, что она построена *передъ* дворомъ кн. Юрья Васильевича, а такъ какъ церкви обыкновенно ставились съ восточной стороны двора, какъ и подобало быть святынѣ, то указаніе «передъ дворомъ» можетъ обозначать именно западную сторону мѣстности.

Подъ горою на Подолѣ, подъ этимъ дворомъ, противъ него, находились дворы и «подольные дворцы», также принадлежавшіе вел. княгинѣ Софьѣ, въ томъ числѣ и устроенный ею Житничный дворъ, сохранившій свое мѣсто до половины XVIII столѣтія.

Очень вѣроятно, что дворъ вел. княгини занималъ старое мѣсто перваго княжескаго жилища въ Москвѣ, быть можетъ, отъ временъ Юрья Долгорукаго. Какъ старое Великокняжеское владѣнье, онъ потому и былъ переданъ во владѣнье вдовствующей вел. княгини.

Этотъ дворъ могъ также принадлежать и второму сыну Ивана Калиты, Ивану Ивановичу, когда, по смерти отца, по его завѣщанію, братья распредѣлили всю Москву на три доли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дворовыя мѣста на Кремлевской горѣ, при чемъ старшій Симеонъ, какъ вел. князь, поселился въ отцовскомъ дворѣ у Спаса на Бору, младшій Андрей за церковью Архангела Михаила, о чемъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Для средняго Ивана Ивановича оставалось старое княжеское мѣсто у Боровицкихъ воротъ, на которомъ до того времени пребывалъ святитель Петръ, переселившійся потомъ въ 1325 году на новое мѣсто у новаго заложеннаго имъ собора во имя Успенія Богородицы.

Какъ бы ни было, но вся мѣстность вокругъ храма Іоанна Предтечи, представляющая теперь довольно обширную чистую площадь, въ первое время Москвы была занята дворомъ Великокняжескимъ, древнѣйшимъ жилищемъ Московскихъ князей отъ XII до XIV ст. Она же обнимала и пространство древнѣйшаго городка Москвы. Ея границею къ востоку былъ монастырь Спаса на Бору, гдѣ при постройкѣ Новаго дворца было открыто и древнее городовое укрѣпленіе — ровъ и валъ, палисадъ. Монастыри обыкновенно ставились при выѣздахъ изъ города на проѣзжихъ путяхъ.

Впослѣдствіи, когда Москва достигла и стола Великокняжескаго, дворъ ея князей подвинулся отъ стараго двора далѣе къ востоку и занялъ мѣстность, на которой нынѣ расположенъ Новый Императорскій дворецъ съ внутреннимъ дворомъ у Спаса на Бору или какъ, потомъ обозначали (въ XVII ст.), у Спаса на Дворцѣ. Въ началѣ стоявшій на границѣ Кремлевскаго городка монастырь Спаса сталъ потомъ средоточіемъ для дворцовыхъ зданій, подробная исторія которыхъ изложена нами въ книгѣ: Домашній бытъ Русскихъ царей.

Мы упомянули, что первое поселеніе святителя Петра могло съ необходимымъ удобствомъ устроиться, по всему вѣроятію, от-

части съ западной, а болѣе съ сѣверной стороны Предтечинскаго храма. На этомъ мѣстѣ въ началѣ XV ст. поселился выѣхавшій на службу къ великому князю Василью Дмитріевичу правнукъ Литовскаго вел. князя Гедимина, князь Юрій Патрикѣевичъ. Василій Дмитріевичъ такъ обласкалъ его, что выдалъ за него дочь свою Анну (по другимъ свидѣтельствамъ Марью) и посадилъ его на первое мѣсто въ средѣ Московскаго боярства, изъ-за чего произошли потомъ немалыя мѣстническія, а затѣмъ и политическія смуты между боярами. Своимъ первенствующимъ мѣстомъ кн. Юрій всколебалъ старыя боярскія отношенія даже и къ самому вел. князю. На его дворѣ въ 1445 г. временно поселился возвратившійся изъ Татарскаго плѣна вел. князь Василій Васильевичъ. Этотъ дворъ перешелъ потомъ къ сыну Юрья, Ивану Юрьевичу, который послѣ отца сохранялъ такое же первенствующее мѣсто между Московскими боярами; о немъ лѣтописецъ и упомянулъ, что его дворъ находился на мѣстѣ двора митрополита св. Петра.

Участь великихъ бояръ оканчивалась нерѣдко грозною опалою и даже смертною гибелью. Въ такую опалу попалъ и Иванъ Юрьевичъ въ 1499 г., когда былъ раскрытъ какой-то его умыселъ противъ вел. княгини Софьи-Грекини заодно съ Семеномъ Ряполовскимъ, который поплатился головою за свою вину. Иванъ Юрьевичъ и съ дѣтьми былъ взятъ и постриженъ въ монахи.

Но еще лѣтъ за семь до этой опалы Иванъ Юрьевичъ долженъ былъ отдать свой дворъ на временное помѣщеніе вел. князю. Въ 1492 г., приступая къ постройкѣ каменнаго дворца, вел. князь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ деревянный свой дворецъ разобрать и по этому случаю переселился со всѣмъ семействомъ въ нововыстроенный послѣ пожара новый дворъ кн. Ивана Юрьевича. Стало быть, это былъ дворъ очень обширный, помѣстительный для всей семьи вел. князя. Между тѣмъ вел. князь строилъ себѣ особый временной дворецъ за Архангельскимъ соборомъ, на старомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился дворъ третьяго сына Калиты, Андрея, и его славнаго сына Владиміра Андреевича Храбраго.

Продолжая разборку стараго дворца, вел. князь выселилъ отъ Боровицкихъ воротъ всѣхъ другихъ владѣльцевъ тамошними дворами, въ томъ числѣ и Ивана Юрьевича Патрикѣева, которому

въ обмѣнъ на его дворъ далъ ему мѣста вокругъ церкви Рождества Богородицы, со стороны Спасскихъ воротъ, гдѣ стояли дворы бояръ Морозовыхъ, кн. Ряполовскихъ и др.

Такимъ образомъ, вел. кн. Иванъ Вас. совсѣмъ очистилъ Боровицкій уголъ, древнѣйшую мѣстность княжескаго поселенія въ Кремлѣ, и въ 1499 г., закладывая себѣ новый уже каменный дворецъ далѣе къ востоку на мѣстѣ стараго деревяннаго, занялъ подъ свой дворъ и всю Боровицкую мѣстность, которую со стороны рѣки по горѣ отъ своего стараго двора и до самыхъ Боровицкихъ воротъ отгородилъ каменною стѣною, несомнѣнно для безопасности и отъ пожара, какъ это случилось въ великій пожаръ 1493 г., когда огонь перекинулся на дворецъ изъ Зарѣчья, а также и для безопасности въ осадное время, когда изъ Зарѣчья могли прилетать вражьи Татарскія стрѣлы въ поставленныя здѣсь хоромы и разныя служебныя зданія. Эта стѣна примыкала къ стѣнамъ храма Іоанна Предтечи. Затѣмъ и самый свой новый дворъ вокругъ церкви Спаса на Бору вел. князь также отгородилъ стѣною съ воротами къ Боровицкому углу, гдѣ былъ устроенъ особый дворъ Конюшенный, *Аргамачьи* конюшни. Въ XVII ст. эти ворота перестроены въ видѣ красивой башни, отчего и прозывались *Красными*, а также и *Колымажными* отъ близости колымажныхъ помѣщеній (Альбомъ видовъ № XVII).

По свидѣтельству лѣтописцевъ, новый каменный дворецъ строился цѣлыхъ 12 лѣтъ и былъ оконченъ уже при сынѣ Ивана Вас., при Василіи Ив., который и перешелъ въ него на житье въ 1508 г.

Выше мы видѣли, что на горѣ противъ Житнаго двора находился дворъ вел. княгини Софьи Витовтовны съ западной стороны отъ церкви Іоанна Предтечи. Другая знаменитая Софья Палеологъ († 1503 г.), повидимому, основала свое особое жилище съ восточной стороны отъ этой церкви, на что указываютъ извѣстія о великомъ пожарѣ въ Кремлѣ въ 1493 г., когда погорѣли дворъ вел. князя и дворъ вел. княгини; сгорѣла и разрушилась самая эта церковь; въ ней сгорѣлъ и священникъ, а подъ церковью выгорѣла Казна вел. княгини Софьи; обгорѣла и стрѣльница Боровицкая.

При постройкѣ каменнаго дворца на этомъ мѣстѣ были сооружены, несомнѣнно, для вел. княгини каменныя полаты, цѣлый

корпусъ которыхъ начинался почти у самаго алтаря Предтечинской церкви, въ пяти саженяхъ отъ него, и простирался вверхъ по краю горы къ Набережнымъ большимъ полатамъ въ длину на 30 саж., съ крыльцомъ въ 3 саж., а въ ширину на 8 сажень.

На планѣ дворца 1751 г. этотъ корпусъ своими линіями рѣзко отдѣляется отъ общей линіи построекъ, идущихъ отъ Срѣтенскаго собора къ Большой Набережной полатѣ, что указываетъ на его болѣе древнюю постройку.

Далѣе, между этимъ корпусомъ и Набережными полатами въ то время высились, на 12 саж. длины, деревянные чердаки или терема. Полаты упомянутаго корпуса примѣчательны тѣмъ, что въ одной изъ нихъ сажали неугодныхъ правительству или опасныхъ людей изъ царской семьи и изъ ближнихъ сановниковъ. Въ 1534 г. въ эту полату былъ посаженъ Михаилъ Глинскій; въ 1537 г., дядя царя Ивана, князь Андрей Ивановичъ, гдѣ и умеръ страдальческою смертью; въ 1538 г. сюда же былъ посаженъ наперсникъ вел. княгини Елены, князь Иванъ Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенскій; умеръ онъ голодомъ и тяжестью желѣзною.

Въ 1699 г., при учрежденіи для купцовъ и посадскихъ людей особаго управленія съ Бурмистрами во главѣ, въ полатахъ этого корпуса была помѣщена *Бурмистрская Ратуша*.

Пространство, остававшееся между упомянутыми полатами въ 12 саж. длины, при царѣ Иванѣ Грозномъ было застроено новымъ помѣщеніемъ для его двухъ сыновей, царевича Ивана 7 лѣтъ и царевича Ѳедора по четвертому году.

Въ самый день кончины царицы Анастасіи Романовыхъ, 7 августа 1560 г., опечаленный и что-то особое для своей жизни замышлявшій царь повелѣлъ «дѣтямъ своимъ дѣлати дворъ особной на *взрубѣ*, позади Набережныя большія полаты, а на дворѣ у нихъ поставити храмъ большой во имя Срѣтенія Господа Исуса Христа, съ предѣломъ Никиты Столпника чудотворца Переяславскаго», устроеннымъ теплою церковью, необходимою для малолѣтныхъ.

Никита Столпникъ почитался въ царской семьѣ великимъ Божіимъ угодникомъ по случаю оказаннаго чудотворенія при рожденіи именно царевича Ивана Иван., когда родители, бывши въ Переяславлѣ, усердно помолились у его гроба о дарованіи имъ

чадородія, что и исполнилось рожденіемъ царевича, а потомъ и другого царевича Θедора.

Государь повелѣлъ дѣлать церкви и хоромы спѣшно, чтобы дѣтямъ въ томъ дворѣ устроиться ранѣе, такъ какъ наступало осеннее время. Безъ малаго черезъ полгода и хоромы и церковь были построены и 2 февраля 1561 г. новый храмъ былъ освященъ митрополитомъ Макаріемъ, въ присутствіи самого царя и царевичей, и причтенъ къ соборнымъ храмамъ съ учрежденіемъ въ немъ протопопствія.

Съ такою же поспѣшностью государь выселилъ изъ своего дворца и своего брата, Юрья Васильевича, которому также скоро былъ построенъ особый дворъ на мѣстѣ теперешняго Малаго дворца. 21 ноября того же 1560 г. государь уже пировалъ у него на новосельѣ, слѣдовательно новый дворъ и съ церковью Введенія, конечно, деревянной, строился всего только 3½ мѣсяца.

Жилъ также въ царскихъ хоромахъ, у Спаса на Дворцѣ, и малолѣтный царь Казанскій, Александръ Сафакирѣевичъ, котораго государь точно такъ же поспѣшно выселилъ, устроивъ ему особый дворъ у Николы Гостунскаго.

Какъ упомянуто, хоромы царевичей, Ивана и Θедора, были поставлены на взрубѣ, т.-е. по тѣснотѣ мѣста на склонѣ Кремлевской горы, для чего въ самомъ этомъ склонѣ была взрублена площадка для хоромъ, посредствомъ такъ называемыхъ въ то время *избицъ*, деревянныхъ срубовъ, насыпанныхъ землею, на которыхъ и была утверждена площадь хоромъ.

При Годуновѣ этотъ дворецъ, вмѣсто деревяннаго, былъ построенъ каменный; вмѣсто деревяннаго взруба построены въ горѣ каменныя полаты длиннымъ четыреугольникомъ, въ срединѣ котораго образовался особый дворъ. Эти постройки были произведены съ благотворительною цѣлью во время страшнаго голода въ 1601—1603 гг. Царь Борисъ, видя такое Божіе прогнѣваніе, повелѣлъ дѣлати каменное дѣло многое, чтобы людямъ питатися, и сдѣлаша каменныя полаты большія на Взрубѣ, гдѣ были царя Ивана хоромы, т.-е. его дѣтей, гдѣ вѣроятно живалъ и самъ Грозный, строитель этихъ хоромъ.

Каменная постройка Годунова была возведена отъ уровня Подольной низменности до уровня нагорной площади въ видѣ большого корпуса слишкомъ на 50 саж. длиною и въ 8 саженъ

ширины, стоявшаго внизу подъ горою лицомъ къ Кремлевской стѣнѣ. Корпусъ соединялся съ нагорною площадью двумя крылами, такой же ширины, возведенными по откосу горы въ длину отъ края горы на 18 саженъ, такъ что всей длины крыльевъ и съ шириною корпуса составилось болѣе 25 саженъ.

Съ лицевой стороны въ зданіи было устроено 8 полатъ, семь по 4 саж. ширины и одна наугольная къ Житному двору въ 6 саженъ; надъ этою послѣднею полатою и были выстроены хоромы Самозванца на 48 саженяхъ въ квадратѣ. Подъ полатами находились тѣхъ же размѣровъ погреба.

Годуновъ на этомъ каменномъ основаніи построилъ и себѣ особый дворецъ деревянный, который былъ разрушенъ по повелѣнію воцарившагося Самозванца, какъ вертепъ будто бы злого чародѣйства. Тогда разсказывали, что «въ подземельѣ этого дома находилась статуя таинственнаго вида, съ горящею въ рукѣ лампадою, обсыпанная внизу значительнымъ количествомъ пороха. Увѣряютъ, замѣчаетъ современникъ, что если бы масло догорѣло, лампада упала бы съ огнемъ на землю, порохъ вспыхнулъ бы и, поднявъ на воздухъ весь домъ, разрушилъ бы сосѣдственныя зданія. Къ счастію, говорятъ, замыселъ былъ открытъ, и статую сокрушили до гибельнаго взрыва. Борисъ обвинялъ въ чародѣйствѣ Дмитрія, Дмитрій уличалъ въ томъ же Бориса. Въ Россіи и теперь во всемъ видятъ колдовство и жалуются на чародѣевъ», заключаетъ современникъ (Сказанія о Самозванцѣ, III. 143).

Мѣстность этого Дворца на Взрубѣ была такъ красива по своему положенію, что и Самозванецъ здѣсь же выстроилъ деревянныя хоромы и для себя, и для царицы Марины. Современники называютъ эти хоромы не только красивыми, но и великолѣпными по богатой ихъ уборкѣ, а самъ Самозванецъ, по словамъ его любимца кн. Хворостинина, очень похвалялся, что выстроилъ такія чудныя храмины.

Хворостининъ обзываетъ эти постройки *блудническими* храмами. Исаакъ Масса приложилъ къ своему сочиненію рисунокъ этихъ хоромъ, напоминающихъ вообще постройки извѣстнаго Коломенскаго дворца.

Въ этомъ самомъ дворцѣ совершилась и погибель Самозванца. Преслѣдуемый толпою мятежниковъ и уже раненый, онъ выкинулся изъ дворца въ окно съ большой высоты внизъ на землю,

возлѣ Житнаго двора, при чемъ вывихнулъ себѣ ногу. Стоявшіе на караулѣ у Боровицкихъ (названныхъ Чертольскими) воротъ стрѣльцы увидали лежащаго государя, услыхали его стоны и явились къ нему на помощь. Они подняли его, облили водой и ввели на каменный фундаментъ (подклѣтъ), на которомъ стоялъ деревянный домъ Бориса Годунова, какъ упомянуто, разрушенный по его же Самозванцеву приказанію. Но и защитникамъ стрѣльцамъ не было пощады. Разбившагося царя-Самозванца приволокли опять въ его комнаты, прежде великолѣпно убранныя, а теперь разграбленныя, обезображенныя.

Здѣсь покончили его жизнь выстрѣлами изъ ружья купецъ Григорій Валуевъ и Иванъ Васильевичъ Воейковъ.

Въ Смутное время, когда Кремль былъ занятъ Поляками, въ этихъ хоромахъ вѣроятно размѣщались разные воинскіе чины. Оставались ли цѣлыми хоромы послѣ Смуты съ воцареніемъ Михаила Ѳедоровича, неизвѣстно, а въ случившійся большой пожаръ въ 1626 г., когда погорѣлъ и патріаршій, и царскій дворъ, и Житницы, несомнѣнно погорѣли и Самозванцевы хоромы, оставившія только каменное зданіе Годуновской постройки, на которомъ онѣ красовались до этого времени.

Но память о поселеніи здѣсь Самозванца сохранялась до временъ Петра Великаго. Въ 1702 г. по случаю изысканій удобныхъ во дворцѣ полатъ для заводимаго тогда *комедійнаго дѣла* упомянуты и ***Розстригинскія*** полаты, оказавшіяся неудобными для комедій. Такъ былъ названъ тотъ корпусъ, который примыкалъ къ церкви Іоанна Предтечи и былъ, какъ мы упоминали, построенъ для в. княгини Софьи Полеологъ. Разстригинскими полаты вѣроятно прозывались по старой памяти между дворцовыми служителями.

Разстрига, кромѣ своего деревяннаго дворца, несомнѣнно занималъ и близлежащія каменныя полаты упомянутаго корпуса, почему онѣ и сохраняли его прозваніе.

Впослѣдствіи вмѣсто хоромъ здѣсь разведенъ былъ такъ называемый Набережный садъ, о которомъ прямыя извѣстія появляются однако только къ концу XVII ст. Можно предполагать, что къ устройству здѣсь сада было приступлено еще при царѣ Михаилѣ съ того времени, когда въ 1633 г. была проведена во дворецъ вода съ Москвы-рѣки. Подъ садомъ въ полатахъ еще

при Годуновѣ былъ помѣщенъ Денежный дворъ для чеканки серебряныхъ денегъ. Впослѣдствіи этотъ дворъ сталъ именоваться *Старымъ*, потому что въ другихъ полатахъ подъ садомъ же былъ устроенъ Новый Денежный дворъ. Въ концѣ XVII ст. здѣсь находилось два Денежныхъ двора, Старый, *Серебряный*, изготовлявшій серебряную монету и другой, *Мѣдный*, изготовлявшій съ 1700 года мѣдныя денежки и полушки. Этотъ Мѣдный дворъ заведенъ, по всему вѣроятію, еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ для задуманной тогда чеканки, вмѣсто серебряной, мѣдной монеты.

Мы обозрѣли правую сторону отъ входа въ ворота, собственно Боровицкую мѣстность, перейдемъ теперь къ обозрѣнію ея лѣвой стороны.

На мѣстѣ существовавшаго здѣсь у самой городовой стѣны Конюшеннаго двора, въ той его части, которая находилась противъ дворцовой церкви Рождества Богородицы съ предѣломъ св. Лазаря, въ прежнее время, въ 1473 г., расположенъ былъ дворъ Удѣльнаго Верейскаго князя Михаила Андреевича, обозначенный въ его духовной, что у Лазаря Святаго, занимавшій мѣстность и у самой Кремлевской стѣны, въ которой былъ устроенъ его каменный погребъ. По всему вѣроятію, князь Михаилъ владѣлъ этимъ дворомъ послѣ своего отца Андрея Дмитріевича. Онъ померъ въ 1486 г. и завѣщалъ свой дворъ великому князю Ивану Васильевичу.

За Лазаремъ Святымъ, можетъ быть по сосѣдству этого двора, находился въ 1485 г. и дворъ итальянца Фрязина Антонія или Петра Антонія, архитектора, строившаго Кремлевскія стѣны и башни и Грановитую полату. На этомъ дворѣ въ 1485 г. былъ посаженъ въ заключеніе въ опалѣ и самъ знаменитый Аристотель Фіоравенти, жившій также неподалеку отъ Дворца, вѣроятно въ этой же мѣстности. Итальянецъ Контарини разсказываетъ, что во время его пребыванія въ Москвѣ въ 1476 году ему отведено было помѣщеніе въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Аристотель. Домъ этотъ былъ довольно хорошъ и находился неподалеку отъ Дворца.

Аристотель въ упомянутомъ 1485 г. въ августѣ ходилъ съ вел. княземъ завоевывать Тверь, съ пушками и другими осадными орудіями, но послѣ блистательнаго похода, окончившагося при-

соединеніемъ всего Тверского княжества къ Московскому государству, зимою Аристотель подвергся грозной опалѣ по случаю звѣрской казни Нѣмца-врача. Въ томъ году пріѣхалъ въ Москву къ вел. князю врачъ, нѣкій нѣмчинъ Антонъ. Вел. князь держалъ его въ великой чести. Врачевалъ онъ, между прочимъ, Татарскаго князя Каракучу изъ свиты царевича Даньяра и уморилъ его смертнымъ зеліемъ за *посмѣхъ*. Вел. князь выдалъ нѣмчина головою Каракучеву сыну, который, мучивъ его, хотѣлъ оставить его живымъ, взявши окупъ. Но вел. князь повелѣлъ казнить его. Татары свели его на Москву-рѣку подъ мостъ (Москворѣцкій) и зарѣзали его ножомъ, какъ овцу. Услыхавши о такой свирѣпой казни несчастнаго нѣмчина, Аристотель, боясь и за себя, сталъ проситься у вел. князя, чтобъ отпустилъ его изъ свирѣпой Москвы въ свою землю. Вел. князь опалился на эту просьбу, посадилъ его въ заключеніе, какъ упомянуто, и повелѣлъ даже все его имѣніе описать въ казну. Карамзинъ прибавляетъ, что вел. князь скоро простилъ его, но не указываетъ источника, откуда заимствовано это свѣдѣніе.

Въ мѣстности, гдѣ находились описанные дворы иноземцевъ, въ числѣ служебныхъ зданій Великокняжескаго дворца расположенъ былъ и *Житничный дворецъ* вел. князя, сгорѣвшій въ 1473 г., который составлялъ часть разныхъ служебныхъ дворцовыхъ построекъ, примыкавшихъ къ Троицкому подворью.

Дальше здѣсь же, у Кремлевской стѣны, въ XVII стол. стоялъ дворъ царскаго тестя, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, въ который онъ перешелъ на новоселье въ 1651 г. Впослѣдствіи на мѣстѣ его двора былъ построенъ Потѣшный дворецъ для театральныхъ представленій, сохранившійся и до нашего времени послѣ многихъ передѣлокъ и перестроекъ.

Еще далѣе къ Троицкимъ воротамъ у Кремлевской же стѣны въ началѣ XVII ст. стояли малые *дворишки*, каждый по 4½ саж. вдоль и поперекъ, въ которыхъ проживали разныхъ чиновъ служащіе люди.

У самыхъ Троицкихъ воротъ находился Судный Дворцовый приказъ.

Съ постройкою при Иванѣ III новаго каменнаго дворца отдача мѣстъ такимъ жильцамъ вблизи Великокняжескаго и потомъ Царскаго дворца ограничивалась только малыми дворишками для

житья въ нихъ надобнымъ дворцовымъ же государевымъ слугамъ, какимъ былъ, напримѣръ, въ началѣ XVII ст. часовникъ Мосѣйко, наблюдавшій за Кремлевскими башенными часами и жившій во дворикѣ въ 4 саж. въ квадратѣ возлѣ церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, откуда въ 1626 г. и былъ выселенъ, потому что этотъ его дворикъ стоялъ близко церкви и государевыхъ конюшенъ.

Подолъ.

Подоломъ Кремля издревле называлась низменная набережная часть Кремлевской мѣстности, которая въ первоначальное время была значительно обширнѣе, чѣмъ теперь, особенно въ юго-восточномъ углу города, гдѣ стоитъ церковь Константина и Елены. Существующая теперь гора, какъ мы упоминали, состоитъ изъ насыпи, которая, при постепенномъ своемъ устройствѣ, необходимо засыпала и не малую часть подгорной низины. Въ первоначальное время заселенія Кремлевской горы, когда еще не было стѣнъ, эта низина, продолжавшаяся и за теперешнею стѣною Кремля въ Китай-городѣ къ Москворѣцкому мосту, по всему вѣроятію, служила мѣстомъ береговаго пристанища для приходящихъ снизу и сверху рѣки судовъ. Построенныя въ 1156 г., потомъ въ 1340 г. деревянныя стѣны отдѣлили это пристанище отъ самаго города, захвативъ и значительную долю береговой низины. Такимъ путемъ и устроился *Подолъ* города, составившій особый отдѣлъ Кремлевской мѣстности, потребовавшій постройку и особыхъ *Нижнихъ воротъ*, какъ они иногда прозывались, для сообщенія и съ пристанищемъ и затѣмъ съ торговымъ посадомъ.

Въ XIV и въ XV ст. эти ворота назывались *Тимоѳеевскими*. Имѣя въ виду, что нѣкоторыя башни и ворота Кремля временами прозывались по именамъ жившихъ вблизи знатныхъ домовладѣльцевъ, можемъ съ большою вѣроятностью отнести прозваніе Тимоѳеевскихъ воротъ къ имени жившаго возлѣ нихъ окольничаго у Дмитрія Донскаго Тимоѳея Васильевича изъ знаменитаго рода Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ, первыхъ тысяцкихъ города Москвы. Тимоѳей былъ третій сынъ втораго тысяцкаго Василья Протасьевича и братъ третьяго тысяцкаго Василья Васильевича, съ сыномъ котораго Иваномъ, казненнымъ въ 1379 г. на Кучковомъ

полѣ, прекратился и важный санъ Московскихъ тысяцкихъ. Можно полагать, что Иванъ побѣжалъ отъ вел. князя къ врагамъ Москвы именно по тому случаю, что не получилъ по наслѣдству великое званіе тысяцкаго.

Тимоѳей Вас., по сказанію житія преп. Кирилла Бѣловерскаго, богатствомъ и честію (почетомъ) превосходилъ всѣхъ бояръ того времени. Въ 1376 г. онъ присутствовалъ первымъ при духовномъ завѣщаніи вел. князя. Онъ не мало прославился въ знаменитой битвѣ съ Мамаевымъ полчищемъ на рѣкѣ Вожѣ, гдѣ Тимоѳей съ одну сторону, князь Данило Пронскій съ другую, а князь Великій въ лицо встрѣтили натискъ Татаръ и разбили ихъ, какъ до тѣхъ поръ не бывало. Враги побѣжали къ Ордѣ безъ оглядки, оставивъ побѣдителямъ всѣ свои обозы со множествомъ всякаго товара. Это случилось 11 августа (въ среду) 1378 г. На этой битвѣ захватили и попа, посланнаго бѣглецомъ Иваномъ изъ Орды съ мѣшкомъ какихъ-то лютыхъ зелій.

На Куликовскомъ побоищѣ Тимоѳей Вас. также былъ *великимъ* воеводою, какъ именуетъ его лѣтописецъ. Въ числѣ убитыхъ на этомъ побоищѣ упомянутъ и Тимоѳей Васильевичъ, но это, по всему вѣроятію, описка вмѣсто Тимоѳея Волуевича, такъ какъ Тимоѳей Вас. упоминается позднѣе въ числѣ бояръ вторымъ, сидѣвшимъ при духовномъ завѣщаніи Дмитрія Донскаго, написанномъ незадолго до его кончины въ 1389 г. Тимоѳей Волуевичъ предводительствовалъ Владимірскимъ полкомъ.

Тимоѳей Вас. достопамятенъ еще и тѣмъ, что въ его домѣ воспитывался преп. Кириллъ (въ міру Козма) Бѣлозерскій. Онъ находился въ родствѣ съ Тимоѳеемъ Вас., почему по кончинѣ родителей былъ отданъ на его попеченіе. Бояринъ очень полюбилъ отрока. Когда онъ достигъ возраста, Тимоѳей Вас. сподоблялъ его даже и сидѣнія на трапезѣ съ собою, а потомъ опредѣлилъ его казначеемъ своего имѣнія. Но казначей Козма отъ раннихъ лѣтъ помышлялъ о другомъ, стремясь всею душою служить Богу, но не міру, и вопреки желанію боярина удалился въ монастырь, вначалѣ въ Симоновъ, а затѣмъ и въ пустыню на Бѣлоозеро.

Неподалеку отъ мѣстожительства Тимоѳея Вас., у самыхъ Спасскихъ воротъ, стояла церковь Аѳанасія патріарха Александрійскаго, о которой впервые упомянуто въ лѣтописяхъ по случаю

пожара въ 1389 г. Впослѣдствіи при этой церкви упоминается уже монастырь Аѳанасьевскій, какой, по всему вѣроятію, существовалъ тутъ съ самаго начала. Затѣмъ при монастырѣ появляется и подворье Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Это даетъ поводъ предполагать, что и въ прежнее время, еще при жизни Преподобнаго и при жизни Тимоѳея Вас., съ этою церковью у нихъ были добрыя связи, почему при ней и устроилось Кирилловское подворье.

Когда скончался бояринъ Тимоѳей Васильевичъ, неизвѣстно. Но память о немъ больше ста лѣтъ сохранялась въ имени воротъ, возлѣ которыхъ находился его дворъ. Ворота еще въ 1498 г. прозывались Тимоѳеевскими, хотя въ 1490 г. они именуются уже *Константино-Еленскими*, отъ стоявшей неподалеку церкви во имя Константина и Елены, впервые упоминаемой лѣтописцами по случаю пожара въ 1470 г.

Въ 1475 г. октября 2, въ 4 часу дня, загорѣлось внутри города «близъ вратъ Тимоѳеевскихъ». Князь великій самъ со многими людьми прибылъ на пожаръ и вскорѣ угасилъ его. Оттуда вел. князь пошелъ во дворецъ къ столу на обѣдъ, но въ тотъ же часъ загорѣлось и у Никольскихъ воротъ, и пожаръ такъ распространился, что выгорѣлъ мало что не весь городъ, едва уняли въ 3 часу ночи, самъ вел. князь со многими людьми. Однѣхъ церквей каменныхъ обгорѣло 11, да 10 застѣнныхъ каменныхъ, да 12 деревянныхъ.

А Подоломъ погорѣло по дворъ боярина Ѳедора Давыдовича. Этотъ дворъ находился близъ Тайницкихъ воротъ, который вообще указываетъ, что въ XIV и XV столѣтіяхъ на Кремлевскомъ Подолѣ, кромѣ простыхъ обывательскихъ, существовали и дворы боярскіе. Такой дворъ находился и вблизи наугольной башни Кремля, принадлежавшій боярину Никитѣ Беклемишеву, именемъ котораго стала прозываться и упомянутая башня *Беклемишевская*. Дворъ потомъ перешелъ къ его сыну Ивану Никитичу, прозваніемъ *Берсеню*.

Сколько можно судить по свѣдѣніямъ, какія даютъ объ этомъ дворѣ лѣтописныя и другія указанія, Берсеневъ дворъ отличался своимъ крѣпкимъ устройствомъ, а потому служилъ какъ бы крѣпостью, для заключенія въ немъ опасныхъ людей или такихъ, которыхъ надо было держать подъ стражею.

Въ 1472 г. сюда былъ посаженъ вмѣсто смертной казни Венеціанскій посолъ Иванъ Тревизанъ за то, что обманулъ Государя, хотѣлъ проѣхать въ Орду къ Хану Ахмату подъ видомъ простого купца.

Бояринъ Никита извѣстенъ своимъ посольствомъ къ Крымскому Хану въ 1474 г. Сыну его Ивану также поручались посольскія дѣла. Въ 1490 г. онъ встрѣчалъ въ теперешней дачной мѣстности Химкахъ (тогда называемой на Хынскѣ) Цесарскаго посла, а въ 1492 г. отправился посланникомъ къ Польскому Королю въ званіи Боярскаго сына, которое въ то время означало не рядового помѣщика, а прямого сына боярина. Въ 1502 г. онъ ѣздилъ посланникомъ въ Крымъ къ государеву другу, къ хану Менгли Гирею. Все это обнаруживаетъ, что Иванъ Берсень, конечно за свои способности, пользовался значительнымъ вниманіемъ со стороны государя Ивана III. Очень умнымъ человѣкомъ онъ оказался и при сынѣ государя, при первомъ царѣ Васильѣ Ивановичѣ, съ которымъ однако онъ очень не поладилъ и подвергся большой опалѣ. Имѣя несчастіе быть умнымъ человѣкомъ, онъ относился съ разсужденіемъ очень критически къ наступившей при Василіи Ивановичѣ крутой перемѣнѣ во внутренней политикѣ новаго государя, когда вмѣсто *Единодержавія* и *Самодержавія*, столько полезнаго для государства, появилось на поприщѣ Управленія Государствомъ безграничное и свирѣпое *Самовластіе*, развившееся до сумасшествія при Иванѣ Грозномъ.

Берсень виноватымъ оказался за то, что говорилъ Государю встрѣчно, т.-е. съ противорѣчіемъ, по какому-то поводу о Смоленскѣ.

Новый Государь не любилъ такихъ возраженій и крикнулъ на него: «Поди, смердъ, прочь, ненадобенъ ты мнѣ». Тутъ и послѣдовала на него опала.

Бесѣдуя нерѣдко съ пріѣзжимъ ученѣйшимъ человѣкомъ того времени, съ Максимомъ Грекомъ, Берсень такъ описывалъ происходившую на Руси перемѣну въ отношеніяхъ и дѣлахъ:

«Государь (Васил. Ив.) упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; а кто молвитъ противъ государя и онъ на того опалится. А отецъ его Вел. Князь противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали... Добръ былъ Князь Великій Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на

которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшній Государь не потому ходитъ, людей мало жалуетъ. А какъ пришла сюда мать Вел. Князя, Софья съ вашими Греками, ино Земля наша замѣшалась; а дотолѣ Земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру; теперь пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царегородѣ. Вѣдаешь ты самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей, которая Земля переставливаетъ обычаи свои, и та Земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ... Нынѣ Государь нашъ, запершися, самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ... Таково несовѣтіе и высокоуміе...»

Правда, что Берсень отстаивалъ ветхозавѣтную старину, но старину съ извѣстной стороны очень добрую, которая, быть можетъ, не допустила бы развиться такому государственному безобразію, какимъ явился свирѣпый самовластитель и губитель Иванъ Грозный.

Новое поведеніе государя, не ограниченное правомъ боярской Думы и Совѣта, являлось, по убѣжденію бояръ, зловредной новостью, которая въ боярской же средѣ естественнымъ, вполнѣ логическимъ путемъ привела къ общей Смутѣ и чуть не къ погибели Государства.

Какъ бы ни было, но за такія разсужденія и обсужденія Берсень попалъ въ опалу. Въ 1523 г. у него былъ отнятъ его дворъ, на которомъ тогда была помѣщена княгиня Шемячичева, жена послѣдняго удѣльнаго Сѣверскаго князя, внука знаменитаго Дмитрія Шемяки, коварно призваннаго въ Москву и посаженнаго въ оковахъ въ тюрьму.

Затѣмъ зимой въ 1525 г. умный человѣкъ былъ казненъ, отсѣкли ему голову на Москвѣ-рѣкѣ, вѣроятно у Живого (Москворѣцкаго) моста, гдѣ обыкновенно совершались такія казни.

И по смерти Берсеня дворъ его сохранялъ за собою значеніе крѣпостной тюрьмы. Въ 1537 г. на этотъ же дворъ посадили подъ стражу княгиню несчастнаго князя, родного государева дяди, Андрея Ивановича и съ его малолѣтнымъ сыномъ Владиміромъ, при чемъ бояре Андрея были пытаны и помѣщены въ самой башнѣ, «въ наугольной Беклемишевской стрѣльницѣ». Самъ князь Андрей былъ посаженъ въ дворцовой полатѣ у церкви Рождества Ивана Предтечи у Боровицкихъ воротъ, гдѣ и скончался страдальческою смертію, какъ неизбѣжная жертва

вопарявшейся государственной идеи. Какъ извѣстно, и сынъ Андрея, Владиміръ, тоже, какъ и его отецъ, явился помѣхою для цѣлей Грознаго Царя.

Можно полагать, что дворъ Беклемишева находился неподалеку отъ двора Тимоѳей Вас., который жилъ вблизи своихъ Тимоѳеевскихъ воротъ, а Беклемишевъ въ углу Кремля, вблизи наугольной башни,—оба по восточной линіи Кремлевской стѣны. Возлѣ Беклемишева, по южной линіи этой стѣны, находился дворъ Угрѣшскаго монастыря, Угрѣшскій дворъ, съ церковью во имя св. Петра митрополита.

Быть можетъ, этотъ дворъ занялъ то самое мѣсто, на которомъ былъ *садецъ Подольный* Алексѣя митрополита, который онъ отказалъ по духовному завѣщанію св. Михаилу въ Чудовъ монастырь. Впослѣдствіи монастыри могли помѣняться своими владѣніями, и на мѣстѣ сада устроилось монастырское Угрѣшское подворье.

Въ 1479 г. сент. 9 отъ этого подворья начался обычный для Кремля опустошительный пожаръ. Въ 6-й часъ ночи, по нашему счету въ 12-мъ часу ночи, когда всѣ спали и никто не чаялъ пожара, загорѣлись поварни этого подворья, находившіяся за Кремлевскою стѣною на берегу Москвы-рѣки; отъ нихъ загорѣлась городовая настѣнная кровля, а затѣмъ и хоромы внутри города. Изъ Зарѣчья уже начали кричать, что городъ горитъ, а въ городѣ спятъ, никто не видитъ. Горѣло всю ночь и 4 часа дня. Подоломъ погорѣло по дворъ Коломенскаго владыки да по дворъ боярина Ѳедора Давыдовича, находившіеся близъ Тайницкихъ воротъ. Горою погорѣло по соборныя церкви; погорѣлъ весь уголъ Кремля къ юго-востоку.

Самъ великій князь и сынъ его во всю ночь и 4 часа дневныхъ, не сѣдаючи съ коней, своими руками разметывали строенія и тушили пожаръ.

Въ 1562 г. на Угрѣшскомъ дворѣ былъ посаженъ въ опалѣ бояринъ Иванъ Дмитр. Бѣльскій за то, что хотѣлъ отъѣхать въ Литву.

Угрѣшское подворье на этомъ мѣстѣ существовало и въ концѣ XVII ст., но церковь Петра митр. въ это время находилась уже устроенною въ городовой стѣнѣ, въ башнѣ, о чемъ упоминаетъ

опись Кремлевскихъ стѣнъ 1667 г. Когда послѣдовало такое устройство церкви, свѣдѣній не имѣемъ. На Годуновскомъ чертежѣ одноглавая церковь стоитъ на Подолѣ передъ подворьемъ. Быть можетъ, она перенесена на Кремлевскую стѣну въ башню уже послѣ пожара въ 1626 г. Она упразднена по случаю предполагавшейся постройки воображаемаго Дворца въ 1770-хъ годахъ.

По писцовымъ книгамъ 1639 г. подворье подъ именемъ Никольскаго занимало пространство въ 9 сажень въ квадратѣ; потомъ, въ 1657 г., къ этому пространству съ одной стороны оказалась прибавка въ 4 саж.

Въ разстояніи 30 саж. отъ Угрѣшской башни прямо къ сѣверу въ XV ст. стояла и донынѣ существующая на томъ же мѣстѣ, хотя и въ новомъ видѣ, церковь Константина и Елены, впервые упоминаемая по случаю пожара въ 1470 г. До 1651 г. она была деревянная. Въ этомъ году было повелѣно соорудить ее каменную, но исполнилось ли это повелѣніе, неизвѣстно.

Спустя 40 лѣтъ, въ 1692 г., дек. 4, патріархъ Адріанъ совершилъ ея освященіе, послѣ возобновленія или послѣ постройки вновь, также неизвѣстно.

Въ пожаръ 1737 г. церковь обгорѣла и снаружи и внутри и была возобновлена, а потомъ въ 1756 г. снова производилось возобновленіе ея иконостаса, стѣнописи и всей внутренней обдѣлки.

Въ началѣ XVII ст. (1621 г.) вокругъ церкви расположены были дворы соборныхъ священнослужителей, во главѣ съ протопопомъ Успенскаго собора, примыкая къ зданію церкви и къ ея кладбищу въ такой тѣснотѣ, что отъ алтарей до тѣхъ дворовъ оставалось пространства всего на 3 саж.

Возлѣ этихъ дворовъ, примыкая къ межѣ церковнаго кладбища, находилось подворье Данилова монастыря, упоминаемое съ 1616 г., когда оно занимало мѣсто вдоль 10 саж., поперекъ 7 саж. Время отъ времени эта мѣра измѣнялась, увеличиваясь или уменьшаясь въ тѣхъ или другихъ концахъ на 2, на 3 саж. Въ 1680 г. это пространство указано вдоль на 11 саж., поперекъ на 9 саж. Въ 1688 г. о Даниловскомъ подворьѣ упомянуто, какъ о бывшемъ на томъ мѣстѣ. Вѣроятно, монастырь въ это время ходатайствовалъ о возвращеніи ему стараго его мѣста, почему въ 1689 г. ему дана выпись на дворовую землю въ той же мѣстности подъ горою.

Но кажется, что подъ именемъ Даниловскаго подворья должно разумѣть Угрѣшское, названное въ переписи 1657 г. *Никольскимъ* и существовавшее подъ своимъ именемъ и въ 1681 г.; на это указываютъ мѣры его земли по писцовымъ книгамъ 1639 г.

Поповская слобода вокругъ церкви существовала до того времени, когда стали было сооружать въ 1770 г. воображаемый Екатерининскій дворецъ. Въ 1754 г. въ ней числилось 14 дворовъ, частію каменныхъ, частію деревянныхъ; тогда ветхіе каменные повелѣно починить, а вмѣсто деревянныхъ выстроить каменные. Но черезъ 15 лѣтъ, по случаю упомянутой постройки Екатерининскаго дворца, вся эта слобода была упразднена, и священнослужители были поселены временно на Крутицкомъ подворьѣ.

Несмотря на то, что эта слобода и въ самомъ Кремлѣ находилась въ удаленномъ и глухомъ мѣстѣ, она все-таки соприкасалась и къ общественнымъ интересамъ своего времени.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1766 года, генваря 24, № 7, находимъ между прочимъ слѣдующее объявленіе:

«Въ домѣ Большаго Успенскаго собора, протодьякона Петра Андреева, состоящемъ въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ, у малороссіянина Вас. Ив. сына Репкова, дочь ево Александра, которой только три года отъ роду, играетъ на гусляхъ 12 штукъ сама собою безъ всякаго при томъ отъ другихъ указанія. Любопытные могутъ оную видѣть въ означенномъ домѣ; плата по 25 коп. съ персоны; также и въ домъ къ себѣ брать за особливую плату».

Малороссіянинъ въ теченіи лѣта успѣлъ съѣздить въ Петербургъ и, возвратившись въ Москву, октября 27 и ноября 7 снова увѣдомлялъ Московскую публику слѣдующимъ объявленіемъ въ Вѣдомостяхъ:

«Прибывшаго изъ Санктпетербурга малороссіянина Вас. Ив. сына Репкова четырехлѣтнюю дочь, безъ всякаго обученія играющую на гусляхъ, любопытные могутъ видѣть близъ Москворѣцкихъ воротъ, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что слыветъ Мокрова, у священника Петра Дмитріева Богомолова».

Далѣе Поповской слободы, по направленію къ Тайницкимъ воротамъ, въ XV ст. часть Подольной мѣстности принадлежала къ стоявшему противъ нея на горѣ двору кн. Владиміра Андрее-

вича Донскаго. Здѣсь же находился дворъ Коломенскаго владыки, слѣд. Коломенское подворье, и потомъ дворъ боярина Өедора Давыдовича изъ знаменитаго рода Свибловыхъ. Эти два двора упомянуты по случаю пожара въ 1479 г., когда огонь опустошилъ мѣстность до этихъ двухъ дворовъ.

Өедоръ Давыдовичъ, прозваніемъ по дѣду Хромой, пожалованъ въ бояре въ 1471 г., † 1483 г. У него было два сына—Григорій да Петръ. Григорій былъ съ 1501 г. окольничимъ и въ 1506 г. пожалованъ въ бояре, † 1518 г. Петръ также былъ окольничимъ съ 1501 г., † 1515 г. Сыновья, конечно, наслѣдовали отцу и жили въ томъ же отцовскомъ дворѣ. Можно полагать, что этотъ дворъ въ XIV ст. принадлежалъ ихъ дѣду Давыду Ив., сыну Ивана Андреевича Хромаго, который былъ родной братъ Өедора Андр. Свибла, жившаго на Подолѣ же у наугольной башни отъ Боровицкихъ воротъ. Его именемъ стала прозываться и эта башня, *Свибловскою*. Өедоръ Андреевичъ Свибло при Дмитріи Донскомъ былъ первымъ воеводою, громилъ въ 1377 г. Мордовскую землю собиралъ въ Новгородѣ въ 1384 г. черный боръ, дани съ сельскихъ людей; въ 1389 г. былъ у Духовной Донскаго; но при сынѣ Донскаго Васильѣ Дмитр. по какому-то случаю подвергся опалѣ; всѣ его села, а слѣд. и дворы, взяты были вел. княземъ и по духовному завѣщанію, писанному около 1406 г., отданы вел. княгинѣ.

Такимъ образомъ, въ XIV ст. западная половина Подола или западный уголъ Кремлевскихъ стѣнъ, гдѣ Боровицкія ворота, занята была дворами бояръ Свибловыхъ, если и не по всей этой мѣстности, начиная отъ двора Өедора Давыдовича у Тайницкихъ воротъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ просторѣ для упомянутыхъ дворовъ.

По кончинѣ вел. князя Василія Дмитріевича Свибловское мѣсто на Подолѣ поступило во владѣніе его супруги Софьи Витовтовны. Ея старый княжескій дворецъ находился на горѣ, а здѣсь, на Подолѣ, подъ дворцомъ стояли ея Подольные служебные *дворцы* (дворики).

На Подолѣ же находились въ это время дворы: 1) Орины Алексѣевны, вдовы знатнаго боярина у Дмитрія Донскаго Семена Васильевича, роду Квашниныхъ, присутствовавшаго при духов-

номъ завѣщаніи Донскаго и скончавшагося въ 1397 г. Этотъ дворъ съ именемъ Орины Алексѣевны упомянутъ и въ 1470 г., когда онъ сохранился отъ пожара. 2) Дворъ, гдѣ поставлялъ себѣ хоромы Степанъ Обобуровъ, купленный потомъ Иваномъ Старковымъ, извѣстнымъ крамольникомъ при Васильѣ Темномъ. 3) Дворъ Ѳомы Ивановича, внука Владиміра Григорьевича Ховрина, отказанный по духовному завѣщанію 1423 года вел. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ сыну Василью Васильевичу Темному, но теперь находившійся во владѣніи вел. княгини, которая на этомъ мѣстѣ построила *Житничный* дворъ, существовавшій до половины XVIII ст.

Часть того же Ѳоминскаго мѣста вел. княгиня промѣняла было Ивану *Старкову*, на его куплю, на упомянутый дворъ Обобурова Степана Дмитріевича, но потомъ отмѣнила этотъ промѣнъ и оставила Старкову его куплю, а Ѳоминское мѣсто попрежнему взяла въ свое владѣнье.

Упомянутые дворы, кромѣ Старкова, Софья Витовтовна отказывала въ 1453 г. своему любимому внуку, князю Юрью Васильевичу. Въ 1472 г. князь Юрьй Васил. владѣлъ уже и мѣстомъ Старкова и отказывалъ его, и съ своимъ дворомъ на горѣ, своей матери, со всѣмъ, какъ было при его бабушкѣ, вел. княгинѣ Софьѣ. Въ 1542 г., во время боярскихъ неистовыхъ смутъ, на дворъ Ѳомы Головина былъ посаженъ бояринъ Иванъ Хабаровъ въ погребъ подъ полату.

Таковы собранныя нами свидѣтельства о заселеніи Кремлевскаго Подола въ XIV и XV ст. Мы видѣли, что это заселеніе, главнымъ образомъ, принадлежало знатному боярству. Очень мало свѣдѣній встрѣчается о дворахъ Подола въ XVI ст. Извѣстно только, что въ это время западная половина Подола, по случаю новыхъ дворцовыхъ построекъ на горѣ, была присоединена къ дворцовому хозяйству и отдѣлена со стороны Тайницкихъ воротъ особымъ заборомъ съ воротами, какъ это примѣтно и на Годуновскомъ чертежѣ. Восточная половина отъ Тайницкихъ воротъ къ Спасскимъ оставалась заселенною по преимуществу соборнымъ духовенствомъ и монастырскими подворьями.

Въ началѣ XVII ст. по Подолу возлѣ Кремлевскихъ стѣнъ пролегала проѣзжая улица, шириною въ началѣ у Кирилловскаго

подворья въ $5^1/_4$ саж., потомъ у Андроникова подворья, на которомъ стояла и церковь Срѣтенія, $2^1/_2$ саж. Далѣе, у двора Успенскаго протодьякона до Тайницкихъ воротъ безъ малаго въ 5 саж.; отъ Тайницкихъ воротъ до Свибловой башни въ $4^1/_4$ саж. Здѣсь въ углу у башни помѣщался дворцовый Житный дворъ, мимо котораго также проходила улица къ Боровицкимъ воротамъ, существовавшимъ подъ самою башнею, теперь закладеннымъ. Несомнѣнно, что эта улица существовала съ древняго времени, такъ какъ въ видахъ осады городовая стѣна должна была всегда оставаться свободною отъ всякихъ пристроекъ къ ней, кромѣ лѣстницъ для всхода на стѣну.

По этой улицѣ въ XVII ст. совершалось торжественное шествіе новопоставленныхъ патріарховъ на осляти вокругъ города Кремля для благословенія крестомъ города и окропленія его св. водою.

Шествіе начиналось отъ Спасскихъ воротъ, передъ которыми святѣйшій передъ образомъ Богоматери говорилъ литію и молитву граду и кропилъ градъ трижды св. водою. Потомъ шествіе слѣдовало внизъ направо мимо стрѣлецкой караульни подъ гору къ Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ святѣйшій говорилъ также литію и кропилъ городъ св. водою, а потомъ слѣдовалъ чрезъ Житный дворъ къ Боровицкимъ воротамъ и тамъ тоже совершалъ. Затѣмъ ѣхалъ Боровицкимъ мостомъ и направо Стрѣлецкою слободою, память о которой сохранилась въ имени стоящаго тутъ храма Никола Стрѣлецкій. Шествіе продолжалось мимо каменнаго Троицкаго моста къ Неглиненскимъ (Воскресенскимъ) воротамъ, отъ нихъ къ Никольскимъ и потомъ Красною площадью къ Спасскимъ воротамъ, откуда святѣйшій шествовалъ во Дворецъ за столъ къ Государю.

Въ иныхъ случаяхъ такое же шествіе совершалось и обратнымъ путемъ, начинаясь тоже отъ Спасскихъ воротъ по Красной площади къ Воскресенскимъ воротамъ и вокругъ города къ Боровицкимъ воротамъ, а отъ нихъ на Житный дворъ и этою Подольною улицею опять къ Спасскимъ воротамъ и потомъ во Дворецъ. Такъ совершалъ шествіе новоизбранный патріархъ Іоакимъ въ 1674 г.

По той же улицѣ совершались иногда крестныя хожденія въ день Преполовенія, когда на Москвѣ-рѣкѣ на Живомъ (Москво-

рѣцкомъ) мосту святили воду и окропляли ею и Китай и Кремль городъ. Эти хожденія обыкновенно, по старому уставу, совершались по стѣнамъ города, при чемъ патріархъ не участвовалъ въ шествіи, ходили только архіерей и меньшія власти. И только однажды, 1681 г., когда по стѣнамъ нельзя было ходить, вѣроятно, по случаю ихъ исправленія, патріархъ Іоакимъ шествовалъ самъ по землѣ, то-есть по упомянутой же улицѣ. въ 1765 г. эти крестные ходы по городскимъ стѣнамъ были отмѣнены для того, что во многихъ мѣстахъ тѣ грады (стѣны) разобраны, а въ иныхъ развалились и ходить опасно.

Въ городовой стѣнѣ у Житнаго двора стояла и доселѣ существующая башня, въ которой находились ворота на берегъ Москвы-рѣки, называемыя *Портомойными*, потому что служили для царской Портомойной полаты проѣздомъ съ царскимъ бѣльемъ для полосканья. Въ половинѣ XVII ст. эта башня именуется *Благовѣщенскою* и самыя ворота также именуются *Благовѣщенскими*, по случаю описи ветхостей Кремлевскихъ стѣнъ въ 1645—1647 гг.

Несомнѣнно, что прозваніе воротъ происходило отъ изображенной на нихъ иконы Благовѣщенія. По преданію, икона явилась самописанною на стѣнѣ башни, т.-е. вѣроятно надъ воротами, какъ изображались подобныя иконы надъ всѣми воротами.

Въ 1730 г. императрица Анна Ив., получивъ свѣдѣніе объ этой самописанной на стѣнѣ святынѣ, повелѣла при иконѣ построить каменную церковь во имя Благовѣщенія, «такъ чтобы внѣшняя стѣна башни, на которой существуетъ икона, находилась внутри церкви». Храмъ былъ оконченъ постройкою въ 1731 году.

За Тайницкими воротами, которыя въ 1584 г. именуются и *Водяными*, а въ 1681 г. Потайницкими, по берегу Москвы-рѣки издревле существовали также дворы и постройки, принадлежавшіе и частнымъ лицамъ и государеву хозяйству. Выше упомянуто, что Угрѣшское подворье имѣло за стѣною свои поварни, вблизи Беклемишевской башни. Далѣе, близъ Тайницкихъ воротъ, въ 1645 г. существовалъ Оружейный амбаръ, наполненный *ружьемъ*, который, быть можетъ, составилъ новое помѣщеніе для оружія, находившагося въ Кремлѣ въ Оружейномъ же зданіи подъ именемъ

Хобро. Въ Западной половинѣ Подола въ дворцовомъ хозяйствѣ находились Портомойныя ворота, у которыхъ за стѣною стояли надобныя для мытья бѣлья постройки, въ томъ числѣ на рѣкѣ— портомойный плотъ.

При царѣ Михаилѣ Ѳедор. у отводной Тайницкой башни и далѣе между Тайникомъ и водовзводомъ противъ Набережнаго Сада, былъ построенъ *Бархатный дворъ*, одинъ изъ первыхъ опытовъ завести въ Москвѣ и мануфактурныя издѣлія. Въ 1625 г. для этого призванъ былъ бархатный мастеръ голландецъ Кашпиръ Лермитъ. Въ 1633 г. появляется бархатнаго дѣла мастеръ Ефимъ Фимбрантъ, который занимался однако дѣланіемъ лосинныхъ кожъ и, повидимому, не принадлежалъ къ составу мастеровъ Бархатнаго двора. Въ 1635 г. во дворѣ находилось уже 36 челов. бархатнаго дѣла учениковъ во главѣ со старшимъ Захаромъ Аристовымъ. Въ 1636 г. упоминается уже бархатъ Московскаго дѣла, изъ котораго изготовлялись одежды для царя Ѳедора Алекс. Впослѣдствіи этотъ бархатъ именуется *Русскимъ*.

Дальнѣйшая исторія этого двора намъ неизвѣстна. Но, видимо, что его работы не были достаточны въ желаемой мѣрѣ, и потому въ 1681 г. снова возникло намѣреніе основать въ Москвѣ мануфактуру въ болѣе широкомъ объемѣ. Въ этомъ году бархатный мастеръ Захарій Павловъ заявлялъ, что намѣренъ дѣлать камки на Китайскій образецъ и другія ткани и просилъ на обзаведеніе 2000 рублей. Чѣмъ окончилось это намѣреніе, намъ неизвѣстно.

Въ 1691 г. по именному указу Петра было повелѣно построить у Тайницкихъ воротъ за стѣною, на берегу Москвы-рѣки, новый стеклянный заводъ и на томъ заводѣ дѣлать всякую разную стеклянную посуду. Постройка была поручена мастеру Якушкѣ Романову, получившему на это строеніе изъ приказа Большой Казны 200 р. Заводъ былъ построенъ, но работниковъ стекляннаго дѣла налицо не оказывалось въ Москвѣ—такихъ людей не было. Тогда мастеру было повелѣно пріискивать и нанять мастеровъ въ Малороссійскихъ городахъ добровольно и стараться всякими мѣрами, чтобъ тотъ Стеклянный Заводъ въ Московскомъ государствѣ конечно былъ разведенъ. О добровольномъ призывѣ мастеровъ была послана къ Гетману Ив. Степ. Мазепѣ государева грамота уже въ 1693 г. Но ни грамота, ни особыя старанія мастера, разъ-

ѣзжавшаго по тамошнимъ городамъ, дѣлу не помогли. Заводъ оставался безъ работниковъ до 1699 года, когда, наконецъ, прибыли въ Москву изъ Сосницкаго уѣзда Черкасской породы *три* знающихъ мастера и съ апрѣля мѣсяца начали работать стеклянную посуду и всякіе припасы. Но случилась новая напасть на зарождавшійся заводъ. Иноземецъ Петръ Антоновъ Коетъ, такой же стеклянный заводчикъ, работавшій, вѣроятно, на старомъ заводѣ въ селѣ Измайловѣ, перезвалъ къ себѣ съ Романовскаго завода изъ упомянутыхъ трехъ самаго перваго мастера, желая, какъ указывалъ Романовъ, чтобы такіе заводы въ Москвѣ, кромѣ его Петра Коета, не были и не множились. Отъ этого обстоятельства Романовъ потерпѣлъ большіе убытки, и его работы на заводѣ были остановлены; чѣмъ окончилась дальнѣйшая исторія этого Романовскаго завода, намъ неизвѣстно.

Упомянемъ также, что въ половинѣ XVIII ст. за Тайницкими воротами на берегу Москвы-рѣки на болверкѣ существовалъ дворцовый садъ, съ парниками и аранжереями. Въ 1762 г. въ немъ была построена новая аранжерея и вокругъ ея городьба, а въ 1766 г. парники уже обветшали и были возобновлены («Моск. Вѣд». 1762 г. № 90 и 1766 г. № 83).

Спасскій Мостъ и Спасскій Крестецъ.

Изъ Кремля мы выйдемъ, какъ и вошли, въ главныя его ворота, въ Спасскія, у которыхъ наше вниманіе долженъ остановить знаменитый во всей древней Москвѣ Спасскій Мостъ. Такъ какъ Кремль былъ отдѣленъ отъ Китай-города не только каменными стѣнами, но и глубокимъ и широкимъ рвомъ, устроеннымъ еще въ первой половинѣ XVI ст., то къ воротамъ черезъ ровъ построенъ былъ большой каменный мостъ на аркахъ, въ родѣ остающагося и до нашего времени обширнаго моста черезъ Неглинную отъ Троицкихъ воротъ. Такой же мостъ существовалъ и у Никольскихъ воротъ Кремля и у Воскресенскихъ воротъ изъ Китай-города въ Бѣлый городъ чрезъ Неглинную.

Спасскій Мостъ простирался въ длину на 21 саж., въ ширину 5 саж. и отличался отъ Никольскаго тѣмъ, что, въ силу большого торговаго движенія вблизи него, онъ былъ застроенъ по сторонамъ небольшими торговыми лавками, въ которыхъ главнымъ

товаромъ была грамотность, т.-е. рукописныя, а потомъ печатныя книги и тетради, а также и лубочныя картины и фряжскіе листы (иноземные гравированные эстампы) и т. п. Въ этомъ отношеніи Спасскій Мостъ представлялъ въ древней Москвѣ средоточіе всенародныхъ потребностей именно въ той грамотности, если не просвѣщеніи, какая въ то время господствовала во всемъ составѣ народнаго знанія или образованія. Въ началѣ, когда потребности этого образованія удовлетворялись исключительно только отъ Божественнаго писанія, на мосту у Спасскихъ воротъ шла бойкая торговля рукописными книжками и тетрадями и листами, составляемыми отъ книгъ Писанія, но подъ видомъ таковыхъ книгъ и съ своими домыслами и мудрованіями. Это была особаго рода литература, заключавшая въ себѣ различныя статьи и статейки и цѣлыя книжки о житіяхъ святыхъ, о ихъ чудесахъ, сказанія о чудотворныхъ иконахъ, также различныя молитвы, сонъ Богородицы, святцы и т. п.

Главными производителями этой литературы, по всему видимо, были низшій разрядъ церковниковъ, отставленные священники, дьяконы, понамари, монахи, даже вообще грамотные люди изъ простонародья, которые во множествѣ толпились на площади у Спасскаго Моста, какъ особый отрядъ общей великой толпы, заполнявшей всю Красную площадь походячею торговлею.

Почему здѣсь съ утра до вечера собирались по преимуществу люди церковничьяго чина, на это отвѣчаетъ слѣдующее обстоятельство.

У Фроловскаго—Спасскаго мосту на площади существовалъ знаменитый въ исторіи Московскаго духовенства Спасскій, или собственно Поповскій, *Крестецъ*, какъ въ старину назывались всѣ городскіе перекрестки. Даже и цѣлыя улицы, па которыхъ сходились изъ одной въ другую многіе переулки, также назывались *Крестцами*, каковы были Никольская, Ильинка, Варварка, прорѣзанныя цѣлою сѣтью перекрестныхъ переулковъ, составлявшихъ въ этихъ улицахъ сплошные *крестцы*.

Въ XVII ст. на Спасскомъ Крестцѣ собирались безмѣстные попы (наймиты), нанимавшіеся отправлять церковныя службы въ домовыхъ и приходскихъ церквахъ. Отъ этого *Крестца* они такъ и прозывались *крестцовскими* попами и по случаямъ требованія

торговали *божественною литургіею*, какъ выразился про нихъ первый изъ патріарховъ Іовъ.

Но объ этомъ самомъ Крестцѣ упоминаетъ уже извѣстный Стоглавъ или Стоглавный соборъ 1551 г., содержащій въ себѣ сто отдѣловъ или главъ.

Въ 69 главѣ своихъ установленій онъ свидѣтельствуетъ, «что въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополичѣ дворѣ искони-вѣчная *тіунская* пошлина ведется глаголема Крестецъ, не вѣмъ како уставися кромѣ священныхъ правилъ. Изо всѣхъ городовъ Русской митрополіи архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы, пріѣдетъ (кто) по своей волѣ, за своими дѣлами, иные за поруками и приставами (по суду) въ бояхъ и грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ,—да живучи на Москвѣ сходятся на Крестцѣ, на торгу, на Ильинской улицѣ (т.-е. на площади между рядами у Спасскихъ воротъ)—да наймутся у Московскихъ священниковъ по многимъ святымъ церквамъ обѣдни служить; да о томъ митрополичу *тіуну* являются и знамя (письменный документъ) у него емлютъ одни на мѣсяцъ, иные на два, другіе же множае и пошлину ему отъ того даютъ на мѣсяцъ по 10 денегъ, иные по два алтына. А которые не доложа тіуна начнутъ служити и онъ на нихъ емлетъ промыты (пеня, штрафъ) по два рубля, а о томъ не обыскиваетъ, есть ли у нихъ ставленыя и отпускныя грамоты и благословенныя». Соборъ установилъ безъ явки такихъ грамотъ не давать разрѣшенія служить обѣдни по найму, а тѣмъ, кто пріѣдетъ въ Москву тягаться по суду, или попавшимъ подъ судъ, если и грамоты представятъ, совсѣмъ не давать разрѣшенія.

Такимъ образомъ, прозваніемъ Крестецъ именуется уже «исконивѣчная Тіунская пошлина», взимаемая съ поповъ за право совершать по вольному найму литургію. Конечно, эта пошлина съ своимъ прозваніемъ явилась по случаю происходившаго на упомянутомъ мѣстѣ не малаго сборища поповъ, такъ что Крестецъ въ существенномъ смыслѣ обозначалъ именно это сборище.

Почему попы собирались именно только на Спасскомъ Крестцѣ, у Спасскаго Моста, на это даетъ отвѣтъ то обстоятельство, что вблизи моста у Покрова на Рву, т.-е. у храма Василія Блаженнаго, съ древняго времени находилась поповская *Тіунская* сначала митрополичья, а потомъ патріаршая *Изба*, гдѣ сидѣлъ патріаршій

Тіунъ, завѣдывавшій порядками поповскаго управленія и собиравшій упомянутыя, какъ и другія различныя и крестцовскія пошлины съ церковниковъ въ доходъ патріаршаго дома, напримѣръ, за то даже, чтобы на Крестцѣ съ молитвою стоять на Ѳедоровой недѣлѣ (Мясопустъ, Масляница, недѣля о Страшномъ Судѣ).

Заботы и установленія Стоглавнаго собора о церковномъ и поповскомъ благочиніи рѣдко достигали назначаемыхъ цѣлей и потому, несмотря на строгія и даже строжайшія повелѣнія объ исполненіи предписанныхъ правилъ, желаемое благочиніе не водворялось.

Въ 1604 г. окт. 1 патріарховъ тіунъ, сынъ боярскій Иванъ Чортовъ словесно объяснилъ патріарху тогдашнее состояніе этого дѣла. Особенно онъ жаловался на безмѣстныхъ поповъ, которые по церквамъ наймуются служити обѣдни, а затѣмъ и на мѣстныхъ неисправныхъ поповъ. Онъ сказалъ патріарху, что по государеву указу и по соборному уложенію велѣно въ Поповской (Тіунской) Избѣ сидѣти старостамъ поповскимъ для церковнаго всякаго благочинія и поповъ и дьяконовъ отъ всякаго безчинія унимати. «И старосты и десятскіе поповскіе въ избу не приходятъ и поповъ и дьяконовъ отъ безчинства не унимаютъ. А безмѣстные попы и дьяконы въ Поповскую избу не ходятъ и передъ божественною литургіею правила не правятъ, а садятся у Фроловскаго моста и безчинства чинятъ великія, межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и *смѣхотворныя*, а иные межъ себя играютъ и борются и въ кулачки бьются; а которые наймуются обѣдни служити и они съ своею братьею, съ которыми бранилися, не простясь, божественную литургію служатъ» (Акты Эксп., II, № 223).

Выслушавъ тіуново челобитье, патріархъ утвердилъ слѣдующія постановленія и велѣлъ «въ Поповской избѣ для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церковныхъ учинить восемь старостъ поповскихъ, а у нихъ быть *по сороку поповъ*, да десятскихъ по 4 человѣка—дьяконовъ, чтобъ они и съ десятскими по вся дни съ утра приходили въ Поповскую избу и поповъ и дьяконовъ поучалибъ благочинію и порядку церковному... А которые будетъ на Москвѣ безмѣстные попы и дьяконы, и тѣмъ, приходя, стояти у Покрова Св. Богородицы, въ Поповской избѣ и правила къ литургіи правити, и стоялибъ у правила со стра-

хомъ Божіимъ и *смѣхословія* никакого и безчинства у нихъ бы не было; а служити имъ наймоватися съ патріаршаго указу... А найму имати имъ отъ повсядневныя службы по алтыну, а въ праздники по два алтына отъ службы. А больши того попомъ отъ службы найму не имати и *божественноюбъ литоргѣею не торговали*, и того старостамъ надъ попами беречи накрѣпко... Да и того старостамъ и десятскимъ беречи накрѣпко, чтобъ безмѣстные попы и дьяконы, не являся патріархову тіуну, служити обѣденъ не наймовалися; а явки имъ давати тіуну отъ обѣдни по денгѣ, а больши того давать не велѣть, чтобъ отъ тіуна попамъ продажи не было... А которой попъ или дьяконъ учнетъ гдѣ служити, наймуяся, тіуну не являся, и тіуну на тѣхъ попахъ имати промыту по двѣ гривны да хоженаго по 10 денегъ, а больши того не имати».

Съ этого времени, какъ упомянуто, и установилось распредѣленіе Московскихъ приходскихъ храмовъ на сороки̂, которыхъ въ 1604 г. было основано всего восемь, а нынѣ существуетъ шесть. Во время Стоглавнаго собора назначено было семь старостъ, по всему вѣроятію, также по поповскимъ сорокâмъ. Такимъ образомъ счетъ сороко̂въ не относился къ числу церквей, а относился къ числу поповъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ обозначало и количество храмовъ. Восемь сороко̂въ поповъ обозначало 320 церквей.

Съ теченіемъ времени нравы и поведеніе крестцовскихъ поповъ нисколько не измѣнялись. Попрежнему они толпились на Спасскомъ Крестцѣ у Спасскихъ воротъ, потому что, какъ мы замѣтили, вблизи находился управлявшій ими департаментъ, Тіунская изба, откуда они получали разрѣшеніе для церковной службы. Попрежнему они своимъ неблагоповеденіемъ обращали на себя по временамъ большое вниманіе со стороны духовной власти.

Въ 1722 г. дек. 21 Св. Синодъ, усмотря изъ дѣлъ о ихъ безчинствахъ, опредѣлилъ крестцовскимъ попамъ и дьяконамъ нигдѣ, по прежнему обыкновенію, у служенія не быть.

Но это легко было приказать и записать въ протоколъ, но очень было трудно привести приказаніе въ исполненіе, по той причинѣ, что въ благочестивой Москвѣ при множествѣ церквей приходскихъ и домовыхъ, а также и домашнихъ моленныхъ у *крестовъ*, какъ такія моленныя прозывались, существовала великая потребность въ церковникахъ, посвященныхъ для церковной службы. Удовлетвореніе этой потребности и поддерживало торговлю божественною

литургіею, а съ нею и толпу безмѣстныхъ поповъ, по большей части круглыхъ бѣдняковъ. Синодъ добился только одного, что очистилъ эту толпу отъ пришельцевъ изъ другихъ епархій и составилъ списки крестцовскимъ попамъ, которымъ разрѣшалось отправлять службы. Московская Дикастерія въ 1731 г. собрала даже къ себѣ такихъ поповъ и повелѣла имъ выбрать межъ себя старосту и десятскихъ, которые бы смотрѣли, чтобы не было между ними лицъ отъ иныхъ епархій и чтобъ крестцовскіе попы не пьянствовали и безъ записки въ Дикастеріи у церквей и въ домахъ у крестовъ не священнодѣйствовали, то-есть возстановила тотъ порядокъ, какой наблюдался и отъ прежней Тіунской избы.

Никакія распоряженія и никакія строгости не помогали и бродящіе попы по-старому отправляли службы и безъ дозволенія начальства, въ чемъ, конечно, наполовину были виноваты и благочестивые обыватели.

Въ 1724 г. генваря 21 послѣдовалъ указъ Петра: «Кто своевольно волочащихся или за преступленіе изгнанныхъ поповъ будетъ принимать или такихъ себѣ въ духовники принимать и съ такихъ брать штрафъ за всякой мѣсяцъ по 5 руб., а за исповѣдь 10 руб.».

Въ 1737 г. Дикастерія обратилась даже и въ Полицмейстерскую Канцелярію, чтобы разосланы были къ обывателямъ ордеры о праздноживущихъ въ домахъ у крестовъ попахъ, не имѣющихъ права въ Москвѣ отправлять церковныя службы. Къ тому же и самый Св. Синодъ предписалъ собрать крестцовскихъ поповъ въ Дикастерію и отобрать отъ нихъ допросы, какъ и что́, откуда они и пр. Дикастерія тогда же дала своимъ солдатамъ инструкцію, чтобъ они вездѣ крестцовскихъ поповъ брали и безъ всякаго послабленія и поноровки приводили къ допросамъ въ Дикастерію. «При чемъ было положено крестцовскихъ поповъ обязывать письменно, дабы они безъ дозволенія Дикастеріи никакихъ службъ отнюдь не исправляли и на публичныхъ мѣстахъ на крестцахъ не стояли подъ страхомъ лишенія священства и по наказаніи въ свѣтскомъ судѣ, вѣчной ссылки, куда указомъ повелѣно будетъ». Угрозы не помогали, замѣчаетъ авторъ Исторіи Моск. Епархіальнаго Управленія, г. Розановъ, I, 123—124.

Въ 1742 г. по случаю предстоявшей коронаціи Импер. Елизаветы Петровны прибылъ въ Москву Синодальный оберъ-про-

куроръ кн. Шаховской. Между прочимъ онъ «увидалъ стоящихъ поповъ и дьяконовъ по утрамъ до литургіи за Спасскими воротами, также у Спасскихъ воротъ и въ Кремлѣ у Николы Гостунскаго, которые собираютъ паметцы (поминанья) и чинятъ необычайный крикъ и отъ того ихъ неблагочинія чину священному имѣется не малое зазрѣніе». Оберъ-прокуроръ приказалъ ихъ ловить и приводить въ Дикастерію, «а за такое ихъ непреличествующее священному чину напрасное и праздное стояніе чинить имъ наказаніе плетьми и ссылать въ монастыри подъ начальство, на коликое время разсуждено будетъ». «Дикастерія для ловленія и привода означенныхъ поповъ отрядила своего вахмистра съ солдатами, а Московскихъ соборовъ ружныхъ и предѣльныхъ священниковъ обязала подписками, чтобъ они по утрамъ до литургіи никогда за Спасскими и у Спасскихъ воротъ и у Николы Гостунскаго не стояли и паметцовъ не собирали...»

Это распоряженіе указываетъ, что, кромѣ пришлыхъ бродящихъ поповъ, у Спасскихъ воротъ собирались и мѣстные Московскіе попы ружныхъ и предѣльныхъ церквей, приходившіе на Спасское стояніе, конечно, по бѣдности и ничтожеству своихъ прямыхъ доходовъ.

Такъ продолжалась поповская старина на Спасскомъ Крестцѣ до 1770 года, когда утвердились благія, но строгія распоряженія митрополита Амвросія.

8 февр. 1768 г. преосвященный объявилъ Моск. духовенству, что «по вступленіи его на Моск. епархію, между прочимъ усмотрѣно, что въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго церковнаго причта людей премногое число шатается, которые къ крайнему соблазну, стоя на Спасскомъ Крестцѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаютъ безобразія, производятъ между собою торгъ и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто подлежащаго священнику благоговѣнія, произносятъ съ великою враждою сквернословную брань, иногда же дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристаница, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или же, напившись до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются» (Розановъ, II, кн. 2, 72).

Итакъ, чуть не цѣлыя двѣсти лѣтъ Спасскій Крестецъ нисколько не измѣнялъ своихъ нравовъ.

Выразивъ такое сужденіе о поповской крестцовской старинѣ, преосвященный того же 8 февраля 1768 г. далъ указъ, «чтобы у Спасскихъ воротъ, на такъ называемомъ урочищѣ *Крестецъ*, никто изъ священнослужителей для найму ни подъ какимъ видомъ собираться и стоять не дерзали».

Наблюденіе за прекращеніемъ этого сборища архипастырь поручилъ соборянамъ Покровскаго (Василій Блаж.) на рву и Казанскаго на площади съ тѣмъ, что ежели они изобличены будутъ въ слабомъ смотрѣніи, то лишены будутъ права на отправленія молебновъ, Покровскіе соборяне предъ иконою Спасителя на Спасскихъ воротахъ, а Казанскіе соборяне предъ иконою св. Николая на Никольской башнѣ.

Соборяне и въ виду лишенія знатныхъ доходовъ оказались въ этомъ дѣлѣ несостоятельными, а потому и дѣйствительно были лишены права пѣть упомянутые молебны.

20 апр. 1771 г. на Спасскій Крестецъ былъ посланъ Чудовской экономъ, игуменъ Амвросій. Онъ нашелъ тамъ старую толпу поповъ-бродягъ и въ одинъ разъ захватилъ 39 человѣкъ.

По произведенному еще въ 1769 г. разбору безмѣстныхъ священнослужителей въ Московской епархіи оказалось священниковъ 257, дьяконовъ 11.

На строгое предписаніе преосвященнаго принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію въ Москвѣ поповскаго бродяжничества Консисторія заявила архипастырю, что «если оставить безмѣстныхъ поповъ жительствовать въ Москвѣ, то отъ сходбищъ на Крестцѣ никакими запрещеніями ихъ удержать не можно, тѣмъ болѣе, что они отъ пріисканія себѣ мѣстъ нарочно удаляются, дабы, шатаясь по Москвѣ, быть безъ всякаго за ними присмотра въ сущемъ самодовольствѣ, получая пропитаніе посредствомъ онаго самоблазнительнѣйшаго на Крестцѣ къ служенію найма».

20 мая 1770 г. Консисторія рѣшила и митрополитъ утвердилъ это рѣшеніе—раздѣлить всѣхъ безмѣстныхъ священнослужителей на три разряда, изъ которыхъ къ первымъ двумъ отнести поповъ, заслуживающихъ снисхожденія по уважительнымъ причинамъ и опредѣленія къ городскимъ и уѣзднымъ мѣстамъ.

Къ третьему разряду отнесены священники, запрещенные къ священнослуженію. Ихъ всѣхъ велѣно выслать изъ Москвы немедленно и распредѣлить по уѣздамъ на дьяческія и понамарскія

мѣста. При чемъ сообщено полиціи, чтобы бродящіе изъ священства и церковнаго причта въ Москвѣ безъ письменнаго вида были забираемы и присылаемы въ Консисторію.

«Что жъ послѣ такихъ распоряженій безмѣстные попы сдѣлали?» замѣчаетъ иронически почтенный историкъ Моск. епархіи г. Розановъ.

«Они сдѣлали ящики и пошли по рядамъ и большимъ улицамъ собирать милостыню, объявляя себя колодниками, содержащимися въ Консисторіи, и сказывая при томъ, что ихъ великое множество, для того, конечно, чтобы милостивцы больше подавали. И по этому поводу полиція была предупреждена, чтобы такихъ бродягъ и прошакъ ловить безъ всякаго послабленія и присылать въ Консисторію». Это происходило въ іюнѣ 1771 г., когда уже распространялась въ Москвѣ моровая язва, подавшая случай къ народному бунту, жертвою котораго и былъ достопамятный архипастырь. 16 сентября онъ былъ убитъ въ Донскомъ монастырѣ самымъ тиранскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ.

Такъ какъ народное возмущеніе началось и сильно распространялось по поводу молебновъ у Варварскихъ воротъ предъ иконою Боголюбской Божіей Матери, а главное, по поводу собираемыхъ за молебны денегъ, то по связи всѣхъ обстоятельствъ невозможно избѣжать предположенія, что въ распространеніи возмущенія и ненависти противъ архипастыря участвовалъ и разоренный имъ Спасскій Крестецъ.

Въ заключеніе должно упомянуть, что Спасскій Крестецъ въ Москвѣ былъ единственнымъ мѣстомъ для поповскаго сборища и, вопреки указанію г. Снегирева, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ, ни на Ильинкѣ, ни на Никольской, ни на Варваркѣ такихъ сборищъ не происходило, хотя эти улицы, какъ мы упоминали, назывались также Крестцами, отъ многочисленныхъ перекрестныхъ переулковъ.

Поповскія сборища у Спасскихъ воротъ, послѣ отчаянной съ ними борьбы духовнаго начальства, прекратились, но послѣ нихъ остался немаловажный ихъ слѣдъ на Спасскомъ мосту, на которомъ еще въ XVII ст., а вѣроятно и раньше уже процвѣтала торговля не только божественною литургіею, но и литературными

произведеніями, сначала рукописными, а потомъ и печатными, сначала по предметамъ только церковныхъ и благочестивыхъ потребностей, а потомъ и по предметамъ потребностей мірскаго, свѣтскаго быта.

Спасскій Крестецъ отъ древняго времени въ лицѣ собиравшихся здѣсь поповъ и дьяконовъ, а также и причетниковъ, представлялъ въ своемъ родѣ особое средоточіе народной грамотности, очень цѣнимой при господствѣ всеобщей безграмотности.

Собиравшіеся здѣсь во множествѣ попы, т.-е. вообще книжные люди, хотя бы и малая ихъ доля, сами нуждались въ книгахъ церковно-служебнаго содержанія въ родѣ часослова или минеи, или требника и т. п., и потому для удовлетворенія ихъ нуждъ сюда же являлись писцы съ своими рукописями и выгодно для своей работы продавали ихъ. Съ своей стороны и попы приносили сюда же тетради и книги собственнаго письма для такой же продажи.

Предположительно такъ, мало-по-малу, установлялся здѣсь особый книжный торгъ. Какого содержанія продавались здѣсь произведенія церковной письменности, объ этомъ свидѣтельствуетъ Соборное Постановленіе 1681 г. (А. И., V, № 75), въ которомъ по 14-му предложенію написано слѣдующее: «На Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадѣхъ и на листахъ и въ столбцахъ выписки, имянуя изъ кнпхъ Божественнаго Писанія и *продаютъ* у *Спасскихъ воротъ* и въ иныхъ мѣстѣхъ, и въ тѣхъ писмахъ, на преданныя Святѣй Церкви книги, является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истинну и въ томъ согрѣшаютъ, паче же выростаетъ изъ того на Святую Церковь противленіе...»

Для истребленія такихъ писаній, въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ раскольничьихъ, назначались два пристава, одинъ отъ Государя изъ свѣтскихъ, другой отъ патріарха изъ духовныхъ, которые должны были постерегать и забирать тѣхъ, у кого найдутъ лживыя писанія, приводя ихъ въ Патріаршій приказъ, гдѣ ожидало ихъ смиреніе, смотря по винѣ, и пеня по разсмотрѣнію. Для вспоможенія приставамъ при захватѣ виновныхъ повелѣно было давать съ караула стрѣльцовъ, когда понадобится. Таковы были пріемы древней Московской цензуры.

Само собою разумѣется, что виновные ослушники съ своей

стороны тоже постерегались, и торговля такимъ книжнымъ товаромъ не прекращалась.

Здѣсь распространялась своего рода особая литература, состоявшая по преимуществу изъ тетрадей, книжекъ и листовъ, рѣдко изъ цѣлыхъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ и выписки отъ Божественныхъ писаній, подобранныя для надобныхъ цѣлей, и житія святыхъ, и сказанія о являвшихся чудесахъ, повѣсти изъ Великаго Зерцала и изъ Римскихъ Дѣй, а въ то же время и свѣтскія писанія, даже очень нелѣпыя смѣхотворныя и кощунственныя статьи, конечно попадавшіяся не часто.

Къ произведеніямъ такого рода, въ которыхъ очень явно отражается сочинительство именно досужихъ и неистовыхъ церковниковъ, между прочимъ относится «*хожденіе* попа—Савы большой Славы», гдѣ обрисовывается попъ даже извѣстнаго прихода. «Аще живетъ онъ и за рѣкою, а въ церкву ни ногою; люди встающе, молятся, а онъ по Приказамъ волочится; ищетъ съ кѣмъ бы ему потягатца и впредь бы съ нимъ не видатца. Да онъ же по площади рыщетъ, ставленниковъ ищетъ и много съ ними говоритъ, за рѣку къ себѣ манитъ; у меня де за рѣкою стойте, а въ церкви хотя и не пойте; я де суть попъ Сава, да не малая про меня и слава; азъ вашу братью въ попы ставлю, что и рубашки на васъ не оставлю; по тѣхъ мѣстъ онъ ставленниковъ держитъ, какъ они деньги всѣ издержутъ; а иныхъ домой отпускаетъ и рукописаніе на нихъ взимаетъ, чтобъ имъ опять къ Москвѣ приползти, а попу Савѣ винца привезти; а хотя ему кто и меду привезетъ, то съ радостію возметъ...» Видимо, что это былъ промышленникъ по части ставленія въ попы, ходатай по разнымъ Приказамъ, по этому поводу обиравшій бѣдняковъ безъ пощады, которые и прославили его смѣхотворными укорительными и ругательными риомами съ прибавленіемъ «смѣшнаго икоса»: радуйся шальной Сава, дурной попъ Сава и т. д. Хожденіе Савы окончилось тѣмъ, что онъ попалъ въ патріаршу хлѣбню на цѣпь. Такъ въ то время смиряли провинившихся грѣшниковъ.

Другое сочиненіе въ этомъ родѣ, еще болѣе циничное и неистовое, это «служба кабаку», кощунственно сложенная въ подражаніе церковной службѣ большимъ знатокомъ ея порядковъ и разныхъ текстовъ съ заглавіемъ: «Мѣсяца Китовраса въ нелѣпный день иже въ неподобныхъ кабака шальнаго, нарѣчен-

наго въ иноческомъ чину Курехи и иже съ нимъ страдавшихъ» и т. д.

Здѣсь встрѣчаются фразы «На малой вечернѣ поблаговѣстимъ въ малыя чарки, тажъ позвонимъ въ полведришна ковшика... Спаси борже наготою съ пропою люди своя...» и тому подобное, по большей части малограмотное, особенно любопытное тѣмъ, что въ рукописи сдѣлана запись по листамъ о ея принадлежности: «Сій кабакъ Никиты Петрова сына Новосельцова, а подписалъ по его велѣнію Прилуцкаго монастыря дияконъ Юрья Поповъ назвищемъ Удачныхъ. Лѣта 7174 (1666) году марта въ 4 день».

Въ сохранившихся многочисленныхъ рукописныхъ сборникахъ всегда можно находить вплетенныя особыя тетради разнаго времени и разнаго содержанія, которыя и составляли нѣкогда литературный товаръ этого рода, и благочестивый и неистово смѣхотворный.

Рукописные тетради и листы нерѣдко украшались раскрашенными рисунками, что составляло особый отдѣлъ этой литературы. Въ концѣ XVII ст. Москвичи догадались, что такіе рисунки возможно печатать деревянными досками по образцу Фряжскихъ и Нѣмецкихъ гравированныхъ листовъ. Умноженіе такимъ способомъ печатныхъ листовъ вскорѣ обратило на нихъ вниманіе Духовной власти, увидавшей, что на этихъ листахъ дѣлаются священныя изображенія не по подобію и очень безграмотно. Въ одной изъ грамотъ патріарха Іоакима (1674—1690) это производство описывается слѣдующимъ образомъ:

«Вѣдомо великому господину святѣйшему Іоакиму Патріарху учинилося, что многіе торговые люди, *рѣзавъ на доскахъ*, печатаютъ на бумагѣ листы иконъ святыхъ изображенія, иніе же велми неискусніе и неумѣющіе иконнаго мастерства дѣлаютъ *рѣзи* странно и *печатаютъ на листахъ бумажныхъ* развращенно образъ Спасителя нашего Іисуса Христа, и Пресвятыя Богородицы и небесныхъ силъ, святыхъ угодниковъ Божіихъ, которые *ни малаго подобія первообразныхъ лицъ являютъ*, токмо укоръ и безчестіе наносятъ церкви Божіей, и иконному почитанію, и изображеннымъ лицамъ святымъ, тѣмъ неискусствомъ своимъ; и тѣ печатные листы образовъ святыхъ покупаютъ люди и украшаютъ тѣми храмины, избы, клѣти и сѣни, пренебрежно, не для почитанія образовъ святыхъ, но для пригожества, и дерутъ тыя

и мещутъ въ попраніе безчестно и безъ страха Божія; еще же торговые люди покупаютъ листы на бумагѣ-жъ нѣмецкіе печатные, и продаютъ, которые листы печатаютъ нѣмцы еретики Лютеры и Кальвины, по своему ихъ проклятому мнѣнію, неистово и неправо; на подобіе лицъ своея страны и во одеждахъ своестранныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ; а они еретики святыхъ иконъ не почитаютъ, и ругаяся развращенно печатаютъ въ посмѣхъ христіанамъ и таковыми листами иконы святыя на доскахъ пренебрежны чинятся и ради бумажныхъ листовъ иконное почитаніе презирается, а церковію святою и отеческимъ преданіемъ иконное поклоненіе и почитаніе издревле заповѣдано, и утверждено, и писати на доскахъ, а не на листахъ велѣно. И того ради велѣти бы о томъ кликати биричу, чтобъ на бумажныхъ листахъ иконъ святыхъ не печатали и нѣмецкихъ еретическихъ не покупали, и въ рядахъ по крестцамъ не продавали; а если сему кто учинится преслушенъ, и начнетъ, ради корысти своей, такими листами впредь торговать и развращенно неправо печатать, тому быти отъ Великихъ Государей въ жестокомъ наказаніи, и тѣ продажные листы вземше безцѣнно истребятся, а сверхъ того на томъ доправятъ большую пеню».

Повидимому, эта грамота представляла только проектъ о запрещеніи печатанія упомянутыхъ листовъ, какъ можно судить по отсутствію дальнѣйшихъ распоряженій по этому предмету. Дѣло оставалось безъ движенія до Петровскихъ временъ, когда 20 марта 1721 г. явилось подобное же постановленіе Синода.

Св. Правит. Сѵнодъ приказали: «Продаемые въ Москвѣ на Спасскомъ Мосту и въ другихъ мѣстехъ листы разныхъ изображеній (лубочные) и службы и каноны и молитвы, которые снабжены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми самовольно писменные и печатаются кромѣ типографіи неопредѣленными къ тому указомъ но своевольно дерзающими безъ свидѣтельства и позволенія, въ чемъ отъ противныхъ церкви Святѣй есть и не безъ порицанія, описавъ всѣ обрать въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ и, запечатавъ, держать до указу—и тѣхъ людей, которые продаютъ, взявъ и отъ кого оные къ продажѣ получаютъ и кѣмъ сочинены и писаны и печатаны, сыскавъ, о такой ихъ дерзости и по какому указу то они чинятъ, допросить и из-

слѣдовать о томъ достовѣрно . . . . съ доставленіемъ въ Синодъ по одному экземпляру вышеобъявленныхъ листовъ, кановъ и прочаго». Людямъ сказанъ былъ Государевъ указъ «дабы впредь въ такіе непозволенные имъ дѣйства самовольствомъ весьма не вступали подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія». Несмотря на строгіе запреты, листы печатались даже и во второй половинѣ XVIII ст. попрежнему безъ всякой цензуры самовольно, по собственному замыслу и, конечно, въ инымъ случаяхъ не только въ грубомъ, но и въ нелѣпомъ видѣ, какъ могли воспроизводить простонародныя невѣжественныя понятія о святынѣ и святости. На большой картинѣ Страшнаго Суда Богородица, напр., изображена въ обычномъ костюмѣ Русской Царицы.

Въ 1760 г. своеволіе этой печати дошло до того, что на Спасскомъ мосту появились въ продажѣ листы съ изображеніемъ новоявленнаго въ это время Чудотворца Митрополита Ростовскаго Димитрія съ его чудесами, которые Св. Прав. Синодомъ не были еще апробованы. Между тѣмъ указами еще въ 1744 г. и потомъ въ 1745 г. было уже запрещено печатать листы съ неискусно сдѣланными изображеніями Святыхъ и печатать не иначе, какъ по разсмотрѣнію епархіальнымъ архіереемъ самыхъ гравированныхъ досокъ.

Всѣ эти указы и запрещенія касались однако только священныхъ изображеній, о которыхъ заботилось главнымъ образомъ только духовное вѣдомство. Листы свѣтскаго содержанія предоставлены были полнѣйшему произволу ихъ сочинителей и свободно распространяли въ народѣ свои остроумные шутовскіе, а иногда и очень циническіе рисунки и тексты. Это была въ полномъ смыслѣ литература простонародная [1]).

То же самое должно сказать и относительно священныхъ изображеній и писаній, которыя потому и являлись неискусными, грубыми, неистовыми, что производилъ ихъ и въ рисункахъ и въ писаніяхъ главнымъ образомъ *простой* народъ, стремившійся съ выгодою для себя удовлетворять потребностямъ невѣжественнаго крестьянства, находившаго въ этихъ произведеніяхъ болѣе

---

[1]) См. по этому предмету нашу статью въ Библіографическихъ Запискахъ, 1892 г., изд. II, Шибанова, № 2.

или менѣе яркіе живые отвѣты на запросы его духовныхъ требованій.

Само собою разумѣется, что въ числѣ листовъ священнаго и свѣтскаго содержанія появились и печатные портреты Императорскихъ лицъ, обработанные также очень по простонародному. Въ 1742 г. академикъ Штелинъ надписалъ на купленномъ имъ такомъ портретѣ слѣдующую отмѣтку:

«Эту *омерзительно великолѣпную* гравюру купилъ я въ одной картинной лавкѣ въ Москвѣ, подъ Кремлевскими (Спасскими) воротами, и представилъ ее черезъ одного придворнаго Ея Императорскому Величеству осенью 1742 г. Вслѣдъ затѣмъ 6 апрѣля 1744 г. вышло изъ Сената Высочайшее повелѣніе: всѣ экземпляры этого портрета у продавцомъ отобрать и дальнѣйшую продажу ихъ подъ большимъ наказаніемъ воспретить, съ тѣмъ чтобы никто на будущее время не осмѣливался портретовъ Ея Импер. Величества безъ апробаціи Спб. Академіи гравировать или продавать».

Такихъ листовъ въ то время было собрано въ *Спасскихъ воротахъ*, Печатнаго двора у батырщика 22, Архангельскаго собора у дьячка 22; за Спасскими воротами у воротъ Новгородскаго подворья (на Ильинкѣ) у вдовы купца 29, всего 73, въ томъ числѣ Ея Величества 50, Его Высочества Наслѣдника 23.

Гравюра, по словамъ академика, была омерзительно великолѣпна, то-есть омерзительно неистова, но вѣдь народъ требовалъ Императорскаго портрета, а Нѣмецкая Академія, понапрасну называвшаяся Россійскою, вовсе и не думала объ этомъ. Народъ по-своему добывалъ надобные для его жизни различные предметы умственной и нравственной пищи и воздѣлывалъ ихъ попросту, какъ Богъ вразумилъ, не видя и не ожидая помощи и пособій отъ богатаго верхняго общества и даже отъ духовной власти, которая вмѣстѣ съ свѣтскою властью только запрещала и запрещала.

Художественность изображенія въ простонародныхъ понятіяхъ и представленіяхъ заключалась не въ правильности рисунка, а въ цвѣтности раскраски, и такъ какъ красивый одного корня съ краснымъ, то и верхомъ красоты для простого народа и до сихъ поръ, покрайней мѣрѣ въ Московской сторонѣ вообще у Великоруссовъ, почитается или красный цвѣтъ, или яркіе другіе цвѣта

неотмѣнно яркіе. Поэтому и въ лубочныхъ листахъ красный цвѣтъ горѣлъ на всѣхъ изображеніяхъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ одинъ писатель того времени (1769 г.), разсказавшій шутовской сонъ, какъ его лицо было измарано красноватымъ сокомъ. «И началъ я походить тогда на Евдона или на Берфу, которыхъ видалъ въ Москвѣ на Спасскомъ мосту въ продажѣ» (Сатирическій журналъ *И то и сіо*, 1769 г. январь). Евдонъ и Берфа была ходячая въ то время повѣсть, герои которой изображались въ качествѣ портретовъ на особомъ листѣ.

Цвѣтность раскраски въ старой жизни была господствующимъ выраженіемъ народнаго вкуса, и потому вся домашняя утварь, деревянная, распестрялась цвѣтными узорами и *травами*. Въ зодчествѣ церковномъ и домовомъ господствовала та же пестрота раскраски, не говоримъ объ одеждѣ, которая всегда была цвѣтною. Теперешній господствующій въ мужскомъ нарядѣ черный цвѣтъ привелъ бы въ уныніе тогдашнихъ людей.

Итакъ, Спасскій пресловутый Мостъ въ старой Москвѣ былъ основателемъ и распространителемъ той литературы, которую, какъ мы упомянули, не безъ основаній возможно называть *простонародною* и въ церковничьихъ и въ свѣтскихъ ея произведеніяхъ. Толпа безмѣстныхъ поповъ, собиравшаяся у Спасскихъ воротъ, поспособствовала своею грамотностію завести здѣсь книжный торгъ письменами и листами. Повсему вѣроятію, сначала этотъ торгъ былъ *походячій*, т.-е. въ разноску, а затѣмъ несомнѣнно появились и скамьи, лавочки, столы, гдѣ съ другимъ мелочнымъ товаромъ продавались писаные тетради, листы, столбцы.

Съ постройкою черезъ широкій ровъ каменнаго моста на немъ по сторонамъ устроились и лавки, какъ доходныя статьи того вѣдомства, которое охраняло этотъ мостъ.

На Спасскомъ мосту, кромѣ лавокъ, существовало особое довольно высокое зданіе для книжной торговли подъ названіемъ *Библіотека*. Такъ это зданіе обозначено въ полицейскихъ дѣлахъ 1729 г. и на старинномъ глазомѣрномъ планѣ 1738 г., которое, по всему вѣроятію, было построено при Петрѣ, если еще не при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

Зданіе этой Библіотеки находилось, идя отъ Спасскихъ воротъ по Спасскому мосту, въ концѣ моста на правой сторонѣ въ 15 саж. отъ воротъ. Оно занимало пространство въ 5 саж.

въ квадратѣ и было двухъэтажное съ *хорами* или верхними галлереями.

Наименованіе Библіотека, по всему вѣроятію, обозначало книжную торговлю или вообще мѣсто для торговли книгами, такъ какъ и нѣкоторые купцы, ведя такую торговлю, именовали себя *библіотекарями*, какъ назвалъ себя Московскій купецъ Василій Вас. Кипріановъ, публиковавшій въ 1757 г., что онъ продаетъ свой домъ близъ Донскаго монастыря (М. В. 1757 г., № 28). Вѣроятно, въ то время еще не находили другого имени

для торговца книгами. Университетъ именовалъ книгопродавца своей книжной лавки переводнымъ съ иноземнаго и потому нѣсколько ученымъ словомъ—*книгосодержателемъ*. Въ 1750 и 1760-хъ годахъ такими книгосодержателями Университетской книжной лавки были гофъ-маклеръ Веверъ, торговавшій и чрезъ своего приказчика, вѣроятно, Іосифа Сколарія или Школарія, который также именовался книгосодержателемъ. Въ это время торговля книгами главнымъ образомъ сосредоточивалась или дѣятельно производилась въ двухъ книжныхъ лавкахъ, въ Университетской, находившейся въ старинномъ зданіи у Воскресенскихъ воротъ, гдѣ нынѣ высится Историческій музей, и въ С.-Петербургской книжной лавкѣ Академіи Наукъ, на Никольской, близь

Синодальной типографіи, у церкви Владимірской Богородицы. Обѣ лавки очень часто объявляли въ Моск. Вѣдомостяхъ о продажѣ выходившихъ изъ печати книгъ.

Торговцы на Спасскомъ мосту, торговцы, такъ сказать, мелкіе, не обладали такими офиціальными средствами, какъ упомянутыя двѣ лавки, и потому не тратили своихъ малыхъ средствъ на объявленія въ Вѣдомостяхъ. Но, вѣроятно, и у нихъ торговля мало-по-малу разрасталась, особенно съ того времени, когда печатная литература получила великое поощреніе и съ высоты Императорскаго престола. Извѣстно, что Императрица 9 ноября 1768 г. пожаловала ежегодно по пяти тысячъ рублей на Россійскіе переводы хорошихъ иноязычныхъ книгъ, поручивъ смотрѣніе за этимъ дѣломъ графу Влад. Григор. Орлову, графу Андрею Петр. Шувалову и коллежскому совѣтнику Григорію Козицкому (М. В. 1768 г., № 91). Начиная съ 1760 г. въ Москвѣ явились на свѣтъ по почину Университета даже и повременныя изданія, каковы были Полезное Увеселеніе, Свободные Часы, Невинное Упражненіе, Доброе Намѣреніе. Подписку на первое изъ этихъ изданій Университетъ объявилъ въ Моск. Вѣдомостяхъ отъ 1 октября 1579 г., № 79, извѣщая, что «Будущаго 1760 г. съ генваря мѣсяца отъ Императорскаго Московскаго Университета издаваны будутъ Періодическія сочиненія на Россійскомъ языкѣ, въ каждую недѣлю по одному листу, цѣною въ годъ на простой бумагѣ по 4 р., а на хорошей по 4 р. съ полтиною; и желающимъ оныя понедѣльно или помѣсячно получать, явиться заблаговременно у Университетскаго книгосодержателя Вевера, или у его прикащика (Сколарія)».

Съ этого времени издательство книгъ крупныхъ по объему и особенно малыхъ размножалось съ немалою быстротою, и книжная торговля стала процвѣтать не въ однѣхъ лавкахъ Университета и Академіи Наукъ, но и на Спасскомъ мосту, который, надо замѣтить, на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ былъ въ Москвѣ первоначальникомъ этой торговли. Недаромъ стояла у самаго моста и Библіотека, какъ зданіе, исключительно предназначенное для книжной торговли.

Первымъ изъ здѣшнихъ торговцевъ книгами сталъ печатать въ Вѣдомостяхъ объявленія о своей торговлѣ Московскій второй гильдіи купецъ Михаила Антиповъ, помѣстившій въ № 61 Вѣдо-

мостей 1765 г. августа 2 извѣстіе, что въ книжной его лавкѣ, состоящей на Спасскомъ мосту, «продается вновь напечатанная книга, называемая Нравоучительная философія, первый томъ». Въ 1766 г. онъ опять заявлялъ въ № 43 Вѣдомостей, что продаются у него новонапечатанныя книги: Священная Исторія, 2 р. 20 к. и Философіи Нравоучительной первая и вторая части, по 1 р. 20 к., при чемъ уступка въ цѣнѣ быть можетъ.

Въ 1768 г. печатаетъ объявленія и другой книгопродавецъ на Спасскомъ мосту Моск. купецъ Яковъ Аѳан. Добрынинъ, извѣщавшій публику 18 ноября о продажѣ въ его лавкѣ вновь изъ печати вышедшихъ С.-Петербургскихъ Россійскихъ и Нѣмецкихъ календарей на 1769 годъ (М. В. 1768 г., № 93, 97), кромѣ другихъ книгъ. Этотъ Добрынинъ находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ Академіею Наукъ, которая въ томъ же году, генваря 23, № 7 извѣщала, что ея изданія продаются въ его лавкѣ, а окт. 31 (М. В., № 88) извѣщала, что остающіяся въ ея книжной лавкѣ иностранныя на разныхъ языкахъ книги будутъ продаваться черезъ аукціонъ, для чего составлена и роспись тѣмъ книгамъ для раздачи охотникамъ безденежно, присовокупляя, что эта раздача производится на Спасскомъ мосту въ книжной лавкѣ купца Добрынина.

Съ самаго начала 1769 г. Спасскій мостъ все чаще и чаще сталъ объявлять о своей торговлѣ разнородными книгами. Въ № 4 Вѣдомостей, генв. 13, тотъ же Добрынинъ повторяетъ о продажѣ Академическихъ календарей и между прочимъ о продажѣ полныхъ экземпляровъ Ролленевой Древней и Римской Исторіи. Въ № 7 генв. 23 онъ публиковалъ о продажѣ Пересмѣшника или Славенскихъ сказокъ 4-й томъ.

Въ № 20 марта 10 публиковалъ о продажѣ у него ежемѣсячнаго сочиненія подъ титуломъ «Ни то ни сё», предлагая покупать порознь всякую недѣлю, считая каждый листъ по 3 копѣйки такъ и во весь годъ, заплатя впередъ 1 р. 38 коп.—Въ № 24 продаетъ полумѣсячное изданіе подъ титуломъ «Полезное съ Пріятнымъ» по 15 коп.; также еженедѣльныя сочиненія «То и сё» по 4 коп. листъ, во весь годъ 2 р.—Въ № 73—продаетъ «Похожденіе Ахиллесово»; сказки стихами по 27 коп.; еженедѣльные листы «Смѣсь», 21 коп. листъ; «И То и Сё» по 4 коп. листъ; «Всякая Всячина» по 4 коп. листъ, которыхъ можно и впредь получать новые листы по вторникамъ (№ 78).

Въ томъ же 1769 г. сталъ объявлять въ Вѣдомостяхъ и другой книготорговецъ Спасскаго моста, купецъ Гаврила Ильинъ. Въ № 59 газеты онъ объявлялъ, что въ его лавкѣ продаются: ежемѣсячное сочиненіе «Адская Почта или переписка Хромоногаго бѣса съ Кривымъ» каждаго мѣсяца экземпляръ 23 коп.; сочиненіе еженедѣльное подъ заглавіемъ «Трутень», каждой недѣли экземпляръ по 4 коп.; вновь напечатанная книжка «Любовный Лексиконъ приписанный красавицамъ» съ фигурами на бѣлой бумагѣ по 10 коп. экземпляръ.

Въ №№ 79 и 82 онъ объявлялъ о продажѣ второго изданія «Трутня» съ гридированнымъ къ оному виньетомъ по прежней цѣнѣ; такожъ и «Адская Почта».

Къ концу года 17 ноября въ № 92 Вѣдомостей появилось объявленіе новаго книгопродавца на Спасскомъ Мосту, Алексѣя Колокольникова, который извѣщалъ, что въ его лавкахъ у его сидѣльцовъ Степана Пантелеева и Ивана Афончикова продаются: «Адская Почта», «Ода на взятіе Хотина», «Христовы о блаженствахъ проповѣди» и «Россійская Исторія», три тома, сочиненіе Ѳед. Емина. Иванъ Афончиковъ въ концѣ 1770 г. является уже купцомъ, содержащимъ на Спасскомъ мосту свою книжную лавку, отъ которой объявлялъ о продажѣ книгъ 38 названій (М. В. 1770 г., № 95).

Прежній книгопродавецъ Добрынинъ въ № 99 Вѣдомостей публиковалъ о своей лавкѣ, не обозначая Спасскаго моста, а увѣдомлялъ, что его лавка состоитъ у Спасскихъ воротъ. Но въ 1770 г. № 19 онъ снова указываетъ, что книжная его лавка находится на Спасскомъ мосту, при чемъ объявляетъ о продажѣ «Трутня», «И То и Сё, «Смѣси». Въ этомъ году онъ довольно часто публикуетъ о продажѣ книгъ, иногда въ большомъ количествѣ, при чемъ сатирическія изданія къ концу года уже вовсе не упоминаются. Однако, на смѣну этихъ изданій въ 1772 г. является знаменитый Новиковскій Живописецъ. Добрынинъ пользуется случаемъ и въ № 55 Вѣдомостей печатаетъ обширное объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, числомъ 38 названій и въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ «Живописецъ еженедѣльное сочиненіе на 1772 г.», по подпискѣ за весь годъ 2 р. 20 коп.; и далѣе между прочимъ комедія «О Время»; «Трудолюбивый Муравей»; поэма «Елисей Ямщикъ»; Десертные любовные билеты по 10 коп.; Игра,

называемая Вистъ, по 40 коп.; Собраніе Россійскихъ пѣсенъ двѣ части 2 р. 20 коп. Но тутъ же въ перемѣшку указано не мало книгъ научнаго содержанія, каковы путешествія Академиковъ Гмелина, Лепехина, Рычкова; переводы Тацита, Валерія Максима, Топографическое описаніе Москвы, Лѣтопись о Московскихъ мятежахъ и т. п.

Въ характерѣ книжной торговли на Спасскомъ мосту необходимо примѣтить то обстоятельство, что здѣсь сосредоточивалась торговля извѣстными въ это время Петербургскими сатирическими журнальцами, родоначальницею которыхъ явилась «Всякая Всячина» (1769—1770 г.), издававшаяся починомъ и не безъ участія самой Императрицы. Этимъ изданіемъ начинался сатирическій походъ противъ старозавѣтныхъ закоренѣлыхъ общественныхъ недочетовъ въ нравахъ и обычаяхъ. Впервые печатная литература получала нѣкоторую развязность въ своихъ движеніяхъ и, главное, получала характеръ повседневнаго говора о предметахъ, живьемъ касавшихся каждаго обывателя. Все это, какъ нельзя больше, соотвѣтствовало потребностямъ той толпы обывателей, которая собиралась или проходила на Спасскомъ мосту, а потому сатирическіе журнальцы, выходившіе еженедѣльно по вторникамъ въ объемѣ полулиста печатнаго, распространялись здѣсь въ неимовѣрномъ количествѣ.

Пользуясь дарованной свободой, «Всякая Всячина» предрекала, что она породитъ безконечное племя, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти, будутъ со временемъ и уроды заступать ея мѣсто.

Дѣйствительно, въ тотъ же 1769 годъ народились «И То и Сё, «Ни То, ни Сё», «Поденьшина», «Смѣсь», «Адская Почта», «Полезное съ Пріятнымъ», «Трутень», и далѣе въ 1770 г.—«Парнасскій Щепетильникъ», «Пустомеля», въ 1771 г.—«Трудолюбивый Муравей», въ 1772 г.—«Вечера» и, наконецъ, потомокъ Трутня «Новиковскій Живописецъ».

Выдающійся изъ всѣхъ поименованныхъ журнальцовъ 1769 г. «Трутень» скоро и много нагрѣшилъ противъ своей прабабки, какъ онъ называлъ «Всякую Всячину», особенно противъ знатныхъ господъ и по вопросу о положеніи крестьянъ у помѣщиковъ, и потому возбудилъ въ ихъ обществѣ великое негодованіе, такъ что въ 1770 г. почти всѣ журнальчики съ сатирою прекра-

тили свое существованіе, замолкли, какъ хоръ птицъ къ концу лѣта.

Но въ то время, какъ Университетская книжная лавка продавала по преимуществу творенія Сумарокова и оды директора Университета, Хераскова, побѣдныя и философическія, кромѣ разныхъ научныхъ книгъ,—на Спасскомъ мосту производилась оживленная торговля упомянутыми сатирическими листами, которые только здѣсь и распродавались въ довольномъ количествѣ, какъ скоро высылались изъ Петербурга. Въ 1770 г. больше другихъ книгопродавцевъ продавалъ ихъ Яковъ Добрынинъ, отчасти и Гаврила Ильинъ. Сатира здѣсь ютилась съ давняго времени и въ продаваемыхъ рукописныхъ тетрадкахъ и въ лубочныхъ картинкахъ, а потому всегда являлась дорогимъ гостемъ, откуда бы ни приходилъ этотъ гость.

Однако сама писательская Москва не послѣдовала примѣру Петербурга и не напечатала ни одного журнальчика съ сатирическимъ содержаніемъ. Это скоро подмѣтилъ забавный Трутень и написалъ письмо (отъ 2 іюня), будто бы изъ Ярославля, съ слѣдующими разсужденіями:

«Изъ Ярославля. Здѣсь всѣ удивляются воздержности Московскихъ писателей. Извѣстно, что почтенная наша старушка Москва и со своими жителями во нравахъ весьма не постоянна: ей всегда нравилися новыя моды и она всегда перенимала ихъ у Петербургскихъ жителей; а тѣ прямо отъ просвѣтителей въ ономъ разумѣ нашихъ господъ Французовъ. Въ нынѣшнемъ 1769 году лишь только показалась въ свѣтъ «Всякая Всячина» со своимъ племенемъ, то жители нашего города заключили, что и это новая мода. И какъ Москва писателями сихъ мелкихъ сочиненій весьма изобильна, то надѣялись, что тамъ сіи листки выходить будутъ не десятками, но сотнями. Ради чево фабрикантъ здѣшней бумажной фабрики велѣлъ съ поспѣшеніемъ дѣлать великое множество бумаги, годной къ печатанію; а между тѣмъ отправилъ своего прикащика на почтовыхъ лошадяхъ въ Москву для подряду. Но онъ и мы всѣ обманулись: въ Москвѣ и по сіе время ни одного такова изъ типографіи не вышло листочка; да и печатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ не многія. Старой, но весьма разумной нашъ мещанинъ, *Правдинъ*, о семъ заключаетъ, что Москва ко украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе

украшающихъ разумъ, и что Москва такъ же, какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы читать не любитъ».

Воздержаніе Московскихъ писателей зависѣло, можетъ быть, отъ мѣстныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ главною причиною было то обстоятельство, что въ Москвѣ не существовало того интеллигентнаго, собственно придворнаго общества, какимъ въ то время славилась сѣверная столица. А потомъ и дѣло было вновѣ. Москвичи еще не успѣли съ нимъ освоиться, не говоря о томъ, что вольное развязное сатирическое слово о людскихъ порокахъ, особенно о порокахъ знатныхъ людей, въ благочестивой Москвѣ почиталось чуть не преступленіемъ противъ установленныхъ порядковъ общественной жизни. Но замѣтка Трутня, «что Москва писателями сихъ мелкихъ сочиненій *весьма изобильна*», даетъ поводъ съ большою вѣроятностью предполагать, что Петербургскіе сатирическіе листки также въ изобиліи наполнялись и писаніями Московскихъ авторовъ, какъ бывало съ журналами и въ наши времена.

Исторія книжной торговли на Спасскомъ мосту входитъ въ общую исторію Московскаго торга книгами, какъ и Московскаго ихъ издательства, а потому здѣсь мы упомянемъ только о томъ, что Спасская торговля книгами не прерывалась до самаго нашествія въ 1812 г. Французовъ и съ ними Двадцати языкъ.

Изъ послѣднихъ торговцевъ на Спасскомъ мосту въ 1811 г. упоминается Алексѣй Телепневъ, который въ 1813 г. торгуетъ уже на Никольской, подлѣ Управы Благочинія, куда перемѣстился и Матвей Глазуновъ, торговавшій также на Спасскомъ мосту (1787 г.).

Послѣ Европейскаго, уже не Татарскаго, а Французскаго нашествія Спасскій мостъ былъ разобранъ.

Кромѣ книжныхъ, на Спасскомъ мосту существовали и другія лавки. Въ 1765 г. здѣсь продавалась Вейновая водка (передвоенная наливка, родъ ликёра), дѣланная записавшимся въ Московскій цехъ Саксонцемъ Иваномъ Дицомъ, съ не малымъ уменьшеніемъ цѣны противъ выписной изъ-за моря.

У Спасскихъ же воротъ, тоже, вѣроятно, на самомъ мосту или возлѣ него, существовалъ и «Кофейный Домъ», упоминаемый еще въ 1730 г., когда въ немъ торговые люди пили бѣлое вино